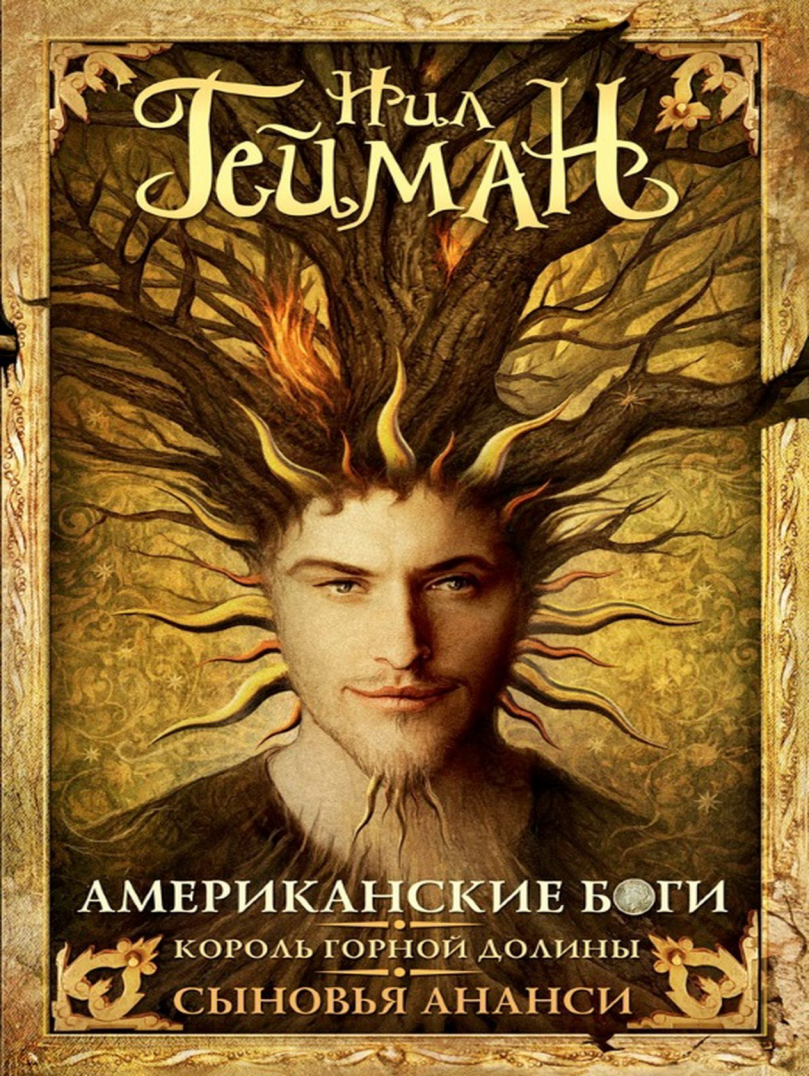
Нил Гейман
АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ
КОРОЛЬ ГОРНОЙ ДОЛИНЫ
СЫНОВЬЯ АНАНСИ

Американские боги. Король горной долины. Сыновья Ананси

Нил Гейман

Аннотация
Нил Гейман. Американские боги. Король горной долины. Сыновья Ананси
Американские боги
  Предуведомление, оно же и предостережение для путников
  Часть 1. Тени
    Глава первая
    Глава вторая
    Глава третья
    Глава четвертая
    Глава пятая
    Глава шестая
    Глава седьмая
    Глава восьмая
  Часть 2. Я Айнсель
    Глава девятая
    Глава десятая
    Глава одиннадцатая
    Глава двенадцатая
    Интермедия

Вторая интермедия
Третья интермедия. Джексонвилл, Флорида, 2 часа ночи
Глава тринадцатая
Часть 3. Буря
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Часть 4. Эпилог. О чем молчат мертвые
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Постскриптум
Благодарности
Король горной долины
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Сыновья Ананси

Посвящение
Глава первая,. в которой рассказывается об именах и делах семейных
Глава вторая,. в которой рассказывается о том, что иногда случается после похорон
Глава третья,. в которой происходит воссоединение семьи
Глава четвертая,. которая завершается вечером с вином, женщинами и песнями
Глава пятая,. в которой речь идет об утренней расплате
Глава шестая,. в которой Толстому Чарли не удается попасть домой даже на такси
Глава седьмая,. в которой Толстый Чарли заходит очень далеко
Глава восьмая,. в которой полный кофейник оказывается как нельзя кстати
Глава девятая,. в которой Толстый Чарли идет открывать дверь, а Паук знакомится со стаей фламинго
Глава десятая,. в которой Толстый Чарли отправляется повидать мир, а Мэв Ливингстон крайне недовольна
Глава одиннадцатая,. в которой Рози учится говорить «нет» незнакомым, а Толстый Чарли обзаводится зеленым лимоном

Глава двенадцатая,. в которой Толстый Чарли кое-что делает впервые
Глава тринадцатая,. которая кое для кого плохо кончается
Глава четырнадцатая,. в которой все нити находят логичное завершение

Аннотация

"Американские боги" - одно из самых известных произведений Геймана. Это роман о богах: привезенных в Америку людьми из разных уголков мира: почитаемых, а потом забытых, и о том, к чему не может остаться равнодушным ни один мужчина: о поисках отца, родины, возлюбленной, о символической и реальной смерти - и воскрешении.

"Король горной долины" - новое опасное приключение героя "Американских богов", обретшего себя, но все еще находящегося на распутье.

"Сыновья Ананси" продолжают тему мистической связи между людьми и миром - реальным и таким, какой открывается далеко не каждому. Герой романа готовится к свадьбе, когда узнает о смерти отца. С этого момента его жизнь утрачивает свою упорядоченность и превращается в сон, от которого хочется поскорее пробудиться, столь же кошмарный, сколь и прекрасный.

Нил Гейман
Американские боги. Король горной долины. Сыновья Ананси

Американские боги

Отсутствующим друзьям — от Кэти Акер до Роджера Желязны

Меня всегда занимал вопрос: что происходит с демоническими существами, когда люди превращаются в иммигрантов и переселяются в другие страны. Американцы ирландского происхождения помнят ***фейри****, выходцы из Норвегии —* ***нис****, греко-американцы —* ***врыколаков****, но исключительно в связи с событиями, имевшими место в Старом свете. Когда однажды я спросил, почему подобного рода существ никто никогда не видел в Америке, мои собеседники принялись смущенно посмеиваться, а потом ответили: «Они просто боятся плыть через океан, в такую-то даль» — и в конечном счете обратили мое внимание на тот факт, что ни Христос, ни апостолы до Америки тоже так и не добрались.*

Ричард Дорсон. К теории американского фольклора.
(История и американский фольклор. University of Chicago Press, 1971)

Предуведомление, оно же и предостережение для путников

Книга, которую вы держите в руках, — плод вымысла, а не путеводитель по Соединенным Штатам Америки. Я не хочу сказать, что всю географию страны придумал заново — многие из описанных мест можно увидеть воочию, а пути-дороги персонажей отследить и нанести на карту, — но некоторые вольности я себе все-таки позволил. Их меньше, чем может показаться на первый взгляд, но они есть.

Я не испрашивал и не получал разрешений на использование реально существующих названий, фигурирующих в этой истории: и наверняка владельцы Рок-сити или Дома-на-Скале, а также члены охотничьего клуба, чьей собственностью является мотель в центре Америки, удивятся не меньше любого другого человека, который, открыв эту книгу, обнаружил бы на ее страницах свою недвижимость.

В ряде случаев я сознательно исказил истинные координаты — это, к примеру, относится к городку под названием Лейксайд или ферме,

расположенной в часе езды к югу от Блэксбурга, той самой, где растет Ясень. Можете их поискать, если придет охота. Можете даже и найти.

Кроме того, само собой разумеется, что все выведенные в этом романе люди — живые, мертвые и всякие прочие — вымышлены и действуют в сугубо вымышленных обстоятельствах. И только боги — реальны.

Часть 1
Тени
Глава первая

Границы нашей страны, сэр?
Проще некуда: с севера нас подпирает полярное сияние, с востока — восходящее солнце, по южной границе выстроились равноденствия, а на западе маячит Судный день.

Джо Миллер. Книга американского юмора.

В тюрьме Тень отмотал три года. Габариты у него были впечатляющие, а выражение лица такое, что связываться с ним никому не хотелось, так что самая большая его проблема была — как убить время. Поэтому он старательно поддерживал физическую форму, научился делать фокусы с монетами, а еще очень много думал о том, как сильно любит жену.

Самое лучшее, что есть в тюремной отсидке, — а с точки зрения Тени единственное, что во всем этом хорошего, — это чувство облегчения. Ощущение, что ударился о самое дно и дальше падать

просто некуда. Здесь не нужно дергаться, что вот-вот заметут, тебя уже замели. И переживать по поводу того, что будет завтра: все, что могло случиться, уже случилось, причем вчера.

А еще Тень пришел вот к какому выводу: сделал ты то, за что тебя посадили, или нет, на самом деле не важно. Каждый из тех, с кем он познакомился в тюрьме, жил с чувством обиды: полицейское, судебное или тюремное начальство совершало несправедливость за несправедливостью и обвиняло тебя в том, чего ты не делал, — ну, или делал, но не совсем так, как это всем представлялось. Так что важным было только то, что тебя все-таки замели.

Это он понял еще в первые дни, когда всё здесь, от сленга до скверной пищи, было в новинку. Он чувствовал себя несчастным, на него волнами накатывал ужас оттого, что его здесь заперли, и надолго, но дышать он стал свободнее.

Говорить Тень старался как можно меньше. Примерно в середине второго года отсидки он поделился своей теорией с сокамерником по имени Космо Дей и по прозвищу Ловкий.

Ловкий, мошенник из Миннесоты, с целой россыпью шрамов у самого рта, улыбнулся в ответ:

— Ага, — сказал он, — в самую точку. А если

тебе дадут вышку, так еще того лучше. Сразу вспоминаешь пацанов, что скидывали башмаки в момент, когда у них на шее затягивали петлю, — только потому, что кто-то когда-то сказал, что они сдохнут, не сняв ботинок. Типа, не в своей постели.

— Это что, юмор такой? — спросил Тень.

— А ты как думал. Юмор висельников. Самый лучший юмор на свете.

— А когда в этом штате в последний раз кого-нибудь вешали?

— А кой хер мне знать? — Волосы у Космо были светло-рыжие, и стригся он под карандаш, так что очертания черепа светили сквозь оранжевый пушок на голове. — Но вот что я тебе хочу сказать. Эта страна начала катиться к едрене фене именно тогда, когда людей перестали вешать. Ни базара стоящего не стало. Ни понтов путёвых.

Тень пожал плечами. Ничего романтического в смертном приговоре с его точки зрения не было.

Если тебе не впаяли смертный приговор, подумал он, значит в лучшем случае тюрьма для тебя — только отсрочка от жизни. По двум причинам. Во-первых, жизнь так или иначе умудряется втереться даже в тюрьму. Даже и на самом дне бывают ямы, в которые можно упасть. Жизнь

продолжается. А во-вторых, если ты тут подвис, это не значит, что тебя в один прекрасный день не выпустят.

Поначалу перспектива эта казалась слишком отдаленной, чтобы Тень по ней заморачивался. Потом она превратилась в далекий лучик надежды, а он научился говорить себе «и это тоже пройдет», когда происходила очередная тюремная хрень, потому что без хрени в тюрьме не бывает. В один прекрасный день откроется волшебная дверь, и он сделает шаг наружу. Тень даже начал вычеркивать дни в календаре с певчими птицами Северной Америки, потому что других календарей в тюремном чепке не продавали, и солнце вставало и закатывалось за горизонт, а он не видел ни восходов, ни закатов. Он упражнялся с монетами, потому что как-то на унылых полках тюремной библиотеки обнаружил книжку «Фокусы с монетами»; он качался; а еще он составлял про себя списки того, что сделает, когда откинется.

Во-первых, он пойдет и примет ванну. Так, чтобы надолго и всерьез, так, чтобы отмокнуть, и чтобы вода с пеной. Может, при этом он станет читать газету. А может, и не станет. Бывали дни, когда ему хотелось думать так, а бывали, когда

— иначе.

Во-вторых, он вытрется насухо полотенцем и наденет халат. А может, еще и тапочки. Идея насчет тапочек ему нравилась. Если бы он курил, то после ванной, в халате, было бы самое время выкурить трубку — но он не курил. Он подхватит жену на руки («Бобик, — пискнет она, с поддельным ужасом и неподдельной радостью, — что ты *делаешь*?»). Он отнесет ее в спальню и закроет дверь. А если они проголодаются, то закажут по телефону пиццу.

В-третьих, после того как они с Лорой выйдут из спальни — может быть, дня через два-три, — он прикинется ветошью и не станет отсвечивать до конца своих дней.

— И жить будешь долго и счастливо? — спросил у него Ловкий Космо Дей. В тот день они работали в тюремных мастерских, лабали кормушки для птиц. Альтернатива была еще более увлекательная — штамповать автомобильные номера.

— Никого не зови счастливым, — ответил Тень, — пока он не умер.

— Геродот, — подытожил Ловкий. — Надо же. А ты времени зря не теряешь.

— Что, мать вашу, еще за Геродот такой? — спросил Ледокол, вставляя борта кормушки в

пазы и передавая ее Тени, который должен был окончательно закрепить углы шурупами.

— Один мертвый грек, — сказал в ответ Тень.

— У меня последняя девчонка гречанка была, — сказал Ледокол. — Эх и говно у них в доме была еда! Вы себе представить не можете. Типа, завернут рис в какие-то листья и жрут. Ну и все такое.

Ростом и габаритами Ледокол был — точь-в-точь автомат по продаже кока-колы, и это при голубых глазах и кипельно-белой шевелюре. Однажды какому-то парню сдуру взбрело в голову полапать его подружку в том баре, где она танцевала, а Ледокол работал вышибалой. Ледокол ему и вломил. Приятели того парня вызвали полицию, полиция взяла Ледокола за жабры и прогнала по базе данных, откуда и выяснилось, что из тюрьмы он вышел всего полтора года тому назад, условно-досрочно.

— А что мне оставалось делать? — убитым голосом спросил Ледокол у Тени, когда пересказал ему эту печальную историю. — Я ж его предупредил, это моя девчонка. И че, стоять и смотреть, как он мне в душу гадит? Так, да? Ты понимаешь, он же ее облапал всю, с ног до головы.

— Попробуй еще кому-нибудь это объяснить, — сказал ему тогда Тень, давая понять, что разговор

окончен. Он уже усвоил, что в тюрьме у каждого свои проблемы. И нечего совать нос в чужие.

Сиди и не отсвечивай. Мотай свой срок.

За несколько месяцев до этого Космо Дей одолжил ему потрепанный экземпляр геродотовой «Истории» в мягкой обложке.

— Совсем даже она и не скучная, — сказал он, когда Тень попытался ему объяснить, что книжек не читает. — Крутая, между прочим, книжка. Сначала прочти, потом сам скажешь, что это круто.

Тень поморщился, но читать все-таки начал и втянулся, против собственной воли.

— Так что не рассказывайте мне про греков, — с видимым отвращением сказал Ледокол. — Хотя, кстати, то, что про них говорят, полная брехня. Я как-то попытался трахнуть эту телку в жопу, так она мне чуть глаза не выцарапала.

А потом Ловкого перевели, совершенно неожиданно. Геродот так и остался у Тени. Между страницами там был затарен пятицентовик. Монеты в тюрьме держать нельзя, потому что монету можно в любой момент заточить о камень и располосовать кому-нибудь в драке морду. Но Тени оружие было без надобности; Тени нужно было что-нибудь, чем занять руки.

Суеверным Тень не был. Он не верил в то, чего

не мог увидеть собственными глазами. И все-таки в последний месяц отсидки не мог не чувствовать, как над тюрьмой сгущаются тучи, — точно такое же чувство, как в несколько последних дней перед ограблением. Под ложечкой у него образовалась какая-то пустота, и он старательно пытался убедить себя в том, что это всего лишь страх ожидания, что он боится возвращаться в тот мир, который ждет его снаружи. Но уговоры не особенно помогали. Он сделался более мнительным, чем всегда, а в тюрьме мнительность и без того обычное состояние, залог выживания. Тень старался отсвечивать меньше прежнего и как никогда сделался и впрямь похож на тень. Он часто ловил себя на том, что наблюдает за охранниками и другими заключенными, пытаясь в манере их поведения, мельчайших жестах разгадать пакость, которая вот-вот случится: а в том, что случится, он уже нимало не сомневался.

Примерно за месяц до того, как выйти на свободу, Тень оказался в зябком тюремном кабинете, и через стол от него сидел коротышка с багровым родимым пятном на лбу. На столе перед коротышкой лежало раскрытое дело Тени, а в руке он держал шариковую ручку. Кончик у ручки был изгрызен в никуда.

— Что, замерз, Тень?

— Есть немного, — ответил Тень.

Коротышка передернул плечами.

— Система, блин, — сказал он. — Отопление включат не раньше первого декабря. А первого марта выключат. Не я придумал эти правила, — он провел пальцем вниз по листу бумаги, приклеенному к левой стороне обложки дела. — Сколько тебе сейчас, тридцать два?

— Так точно, сэр.

— А выглядишь моложе.

— Слежу за собой.

— Ты, говорят, у нас примерный заключенный.

— Мне два раза объяснять, что к чему, не нужно, сэр.

— Ты это серьезно? — он внимательно посмотрел на Тень, и родимое пятно у него на лбу сместилось чуть ниже. Тень хотел было поделиться с ним своей теорией насчет тюрьмы, но передумал. А вместо этого кивнул и постарался принять надлежащий вид: раскаявшегося грешника.

— Тут написано, что у тебя есть жена, да, Тень?

— И зовут ее Лора.

— И как у вас с ней?

— Полный порядок. Навещает меня, как только

получается выкроить время, — ехать досюда все-таки не ближний свет. Переписываемся с ней, я ей звоню, когда подвертывается возможность.

— А кем она работает?

— Агентом в бюро путешествий. Люди ездят по всему свету, а она им в этом помогает.

— А как вы с ней познакомились?

Тень никак не мог взять в толк, зачем коротышка его обо всем этом спрашивает. Вертелось у него на языке что-то вроде: «А твое какое дело», но вслух он сказал:

— Она была самой близкой подружкой жены моего лучшего друга. Вот они и сговорились — мой друг и его жена — устроить нам свидание вслепую. И как-то все сразу сложилось.

— И как только выйдешь на свободу, с трудоустройством проблем не будет?

— Так точно, сэр. У Робби, этого моего друга, про которого я вам только что говорил, есть свое дело, называется «Силовая станция», я там раньше работал инструктором. Он говорит, что возьмет меня на прежнее место, как только так сразу.

Пятно поползло вверх:

— Да что ты говоришь?

— Он говорит, по его прикидкам, ему от меня будет прямая выгода. Кое-кто из стариков вернет-

ся, ну и прочие крутые парни, которым хочется стать еще круче прежнего.

Судя по всему, коротышку его ответы удовлетворили. Он пожевал кончик ручки, потом перелистнул страницу в деле.

— А что ты думаешь насчет того, за что тебя посадили?

Тень пожал плечами:

— Дурак был, — ответил он совершенно искренне.

Человек с родимым пятном вздохнул и принялся ставить во вклеенном в дело бланке галочки. Потом еще раз перелистал дело.

— А как ты отсюда до дома добираться будешь? — спросил он. — На «Грейхаунде»?[1]

— Да нет, самолетом. Когда у тебя жена работает в туристическом агентстве, должен же быть от этого какой-то толк.

Коротышка нахмурился, и родимое пятно у него на лбу подернулось рябью.

— Она что, уже и билет выслала?

— А зачем? Просто сообщила номер, и все дела. Электронный билет. Приду в аэропорт, покажу

---

[1] notes: 1

«Грейхаунд» (букв. «борзая») — национальная автобусная компания, обслуживающая пассажирские междугородние маршруты. На эмблеме компании изображена бегущая борзая.

паспорт — и полетели.

Коротышка кивнул, нацарапал что-то в самом конце бланка, потом закрыл папку и отложил ручку в сторону. Бледные ладошки его легли на серую столешницу бок о бок, как две светло-розовые зверушки. Он сложил руки домиком и поднял на Тень водянистые карие глаза.

— Везучий ты, — сказал он. — И вернуться тебе есть к кому, и работа тебя ждет не дождется. Вроде как раз — и не было ничего. Вроде как раз тебе — и вторая попытка. Очень советую всерьез ею воспользоваться.

Он встал, давая понять, что собеседование окончено, — но руки не протянул; впрочем, Тень ничего подобного от него и не ожидал.

Хуже всего было в последнюю неделю. В каком-то смысле даже хуже, чем за все три года вместе взятые. Может, погода виновата, думал Тень: смурная, холодная и безветренная. Такое впечатление, будто вот-вот начнется гроза, но грозы никакой не было. Его била дрожь, передергивало от озноба, и еще это тянущее ощущение пустоты под ложечкой, ощущение, что все летит в тартарары. Во дворике для прогулок время от времени протягивало ветерком. Тени казалось, он чует в воздухе запах снега.

Тень позвонил жене с оплатой за ее счет. Он знал, что телефонные компании облагают каждый исходящий из тюрьмы звонок дополнительным сбором в три доллара. Поэтому и операторы всегда такие вежливые, если звонишь из тюрьмы: знают, с тебя навар особенный.

— Что-то не то происходит, — сказал он Лоре. Не во первых словах, конечно же. Во первых словах было «Я тебя люблю», потому что если ты по-настоящему человека любишь, никогда не будет лишним ему об этом напомнить, а Лору Тень любил по-настоящему.

— Привет, — отозвалась Лора. — И я тебя тоже. А что такого, собственно, происходит?

— Не знаю, — сказал он. — Может, просто погода. Такое впечатление, будто вот-вот гроза начнется. Наверное, если бы и впрямь началась, сразу бы полегчало.

— А у нас тут все тихо, — сказала она. — И даже листья не совсем еще опали. Если ветра сильного не будет, ты успеешь на них взглянуть, как вернешься.

— То есть через пять дней, — сказал Тень.

— Каких-нибудь сто двадцать часов, и ты дома, — подхватила она.

— Там все в порядке, дома-то? Ничего такого?

— Все в порядке. Сегодня вечером увижусь с Робби. Устроим тебе такой прием, какого и не ждешь!

— Типа, сюрприз, что ли?

— Ну да. Только я ничего тебе не говорила, хорошо?

— А я ничего и не слышал.

— Узнаю своего мужа, — сказала она.

Тень поймал себя на том, что стоит и улыбается. Он отсидел целых три года, а она по-прежнему может вот так, запросто, заставить его улыбнуться.

— Я люблю тебя, маленькая моя, — сказал Тень.

— И я тебя, бобик ты мой, — сказала Лора.

Тень положил трубку.

Когда они поженились, Лора сказала Тени, что хочет завести собаку, но хозяин квартиры, узнав об этом, тут же указал им на пункт в договоре о найме, согласно которому домашних животных они держать не имели права.

«Так в чем проблема? — тут же нашелся Тень. — Нужен тебе этот бобик, когда у тебя есть я. Чем я хуже? Хочешь, тапочки твои сгрызу. Или надую на кухне. А может, в нос тебя лизнуть? Или, к примеру, ткнуться мордой тебе между ног, хочешь? Голову даю на отсечение, нет на свете ничего

такого, что мог бы сделать пес, а я не смог бы!»

И он подхватил ее на руки, так, словно она вообще ничего не весила, и принялся лизать в нос, а она смеялась и отбивалась, как могла, а потом он отнес ее в спальню.

В столовой к Тени бочком подошел Сэм Фетишер и улыбнулся, показав неровные стертые зубы. Он сел рядом и стал есть свои макароны с сыром.

— Разговор есть, — сказал Сэм.

Сэм Фетишер был чернее черного, таких черных Тень за всю свою жизнь видел от силы два-три раза. Лет ему было под шестьдесят. Или под восемьдесят — с тем же успехом. С другой стороны, Тени доводилось встречать и тридцатилетних наркоманов, которые выглядели еще старше, чем Сэм Фетишер.

— Мм? — отозвался Тень.

— Будет буря, — сказал Сэм.

— Похоже на то, — ответил Тень. — Может, и снежку подсыплет.

— Не та буря, другая. Посильнее прочих. И вот что я тебе, парень, скажу: когда идет такая буря, лучше сидеть здесь, чем околачиваться там, снаружи.

— Я свое отсидел, — сказал Тень. — В пятницу

меня уже здесь не будет.

Сэм Фетишер воззрился на Тень.

— Ты сам-то откуда будешь?

— Игл-Пойнт. Индиана.

— Не еби мне мозги, — сказал Сэм Фетишер. — Я в том смысле, откуда предки твои приехали.

— Из Чикаго, — ответил Тень. Его мать и впрямь провела свое детство в Чикаго, там же и скончалась, полжизни тому назад.

— Ну, я тебя предупредил. Идет большая буря. Держись от нее подальше, сынок. Это вроде как… ну, как называются эти штуки, на которых сидят континенты? Плиты или вроде того?

— Тектонические плиты? — попробовал угадать Тень.

— Во-во. Тектонические плиты. Вроде того, когда они начинают двигаться, и Северную Америку того и гляди занесет на Южную — ты же не захочешь об эту пору оказаться посередке между ними? Понимаешь, о чем я?

— Вообще без понятия.

Сэм медленно подмигнул ему темно-карим глазом.

— Ну, бля, не говори потом, что я тебя не предупреждал, — сказал Сэм Фетишер и затолкал в рот полную ложку дрожащего апельсинового желе.

— Не скажу.

Ночь Тень провел в мутной полудреме, то погружаясь в сон, то снова из него выныривая, а на нижней койке кряхтел и храпел его новый сокамерник. Несколькими камерами дальше человек скулил и плакал во сне, и выл как животное, и время от времени кто-нибудь принимался кричать, чтобы он, сука, заткнулся на хрен. Тень пытался отключиться и ничего не слышать. Чтобы минута за минутой тихо уплывали у него над головой, бессмысленные и пустые.

Еще два дня. Сорок восемь часов, которые начались, как всегда, с овсянки и тюремного кофе, а потом охранник по фамилии Уилсон ткнул Тень в плечо несколько сильнее, чем следовало, и сказал:

— Тень? Двигай сюда!

Тень попытался прислушаться к тому, что происходит у него внутри. Внутри было тихо, однако он по собственному опыту знал, что в тюрьме это ничего не значит, и на самом деле ты можешь уже торчать в дерьме по самое не хочу. Охранник шел почти бок о бок с Тенью, и шаги их слитной дробью выстукивали по металлу и бетону.

Где-то в глотке у Тени застрял привкус страха, горький, как вчерашний кофе. Вот оно, нача-

лось…

В затылке вдруг завел шарманку пакостный голосок, и тот голосок шептал, что сейчас ему накинут лишний год отсидки, засунут в одиночку, закуют в наручники, отрежут голову. Он твердил сам себе: успокойся, не дергайся, — но сердце стучало так, словно пыталось пробиться на волю сквозь грудную клетку.

— Что-то я тебя не понимаю, Тень, — сказал ему по дороге Уилсон.

— Чего вы не понимаете, сэр?

— Тебя. Такой ты, блядь, тихоня. Вежливый такой. Сидишь и ждешь, как старый пердун, а тебе, между прочим, сколько? Двадцать пять? Двадцать восемь?

— Тридцать два, сэр.

— А ты кто вообще такой? Испашка? Цыган?

— Не знаю, сэр. Может, и так.

— Может, ты вообще черномазый, а? Есть в тебе черномазая кровь, а, Тень?

— Может, и есть, сэр. — Тень выпрямился во весь рост, стараясь смотреть прямо перед собой. Нельзя вестись на провокации, ни в коем случае нельзя.

— Н-да? Ну, не знаю. Знаю только, что у меня, блядь, от тебя мурашки по коже. — Желтые, как

песок, волосы Уилсона, желтое, как песок, лицо и желтая, как песок, улыбка. — Ты, говорят, покидаешь нас скоро.

— Очень на это надеюсь, сэр.

Они прошли через несколько контрольных пунктов. Уилсон каждый раз показывал пропуск. Потом вверх по лестнице — и вот она, дверь кабинета начальника тюрьмы. Прямо на двери, черными буквами, имя — Дж. Паттерсон, — а рядом световой индикатор в виде маленького дорожного светофора, и под ним кнопка.

Огонек горел самый верхний, но красный.

Уилсон нажал на кнопку.

Пару минут они стояли в полной тишине. Тень все твердил сам себе, что все в порядке, в пятницу утром он уже будет сидеть в самолете, а самолет полетит в Игл-Пойнт, но отчего-то ему уже во все это не верилось.

Красный огонек погас, загорелся зеленый, и Уилсон толкнул дверь. Они вошли.

За последние три года Тень несколько раз видел начальника тюрьмы. Один раз тот проводил экскурсию для какого-то политика. В другой раз, после того как тюрьму ни с того ни с сего перевели на более строгий режим содержания, заключенных разбили на группы по сто человек,

и начальник выступил с речью перед каждой такой группой, объяснив в двух словах, что тюрьма переполнена, и поскольку переполненной она останется и впредь, лучше к подобному положению вещей привыкнуть сразу.

Издалека вид у Паттерсона был несколько лучше, чем при ближайшем рассмотрении. Вытянутое лицо, седые волосы подстрижены очень коротко, на военный манер. И запах «Олд спайс». За спиной у начальника — книжный шкаф, на каждом корешке надпись: «Тюрьма». Стол девственно чист, не считая телефона и перекидного календаря с картинками из «По ту сторону».[2] За правым ухом у начальника был слуховой аппарат.

— Садитесь, прошу вас.

Тень сел. Уилсон встал у него за спиной.

Начальник выдвинул ящик стола, достал папку и положил ее перед собой.

— Здесь написано, что вам дали шесть лет за нанесение тяжких телесных, при отягчающих обстоятельствах. Отбыли вы три года. И в пятницу вас должны были освободить.

Должны были? Тень почувствовал, как где-то

---

[2] notes: 2
Популярная серия комиксов Гэри Ларсона. Публикуется с 1979 года.

в районе желудка у него разверзлась пустота. Сколько же ему добавят? Год? Два? Все три, по полной? Но вслух он сказал:

— Так точно, сэр.

Начальник провел по губам кончиком языка.

— Что вы сказали?

— Я сказал: «Так точно, сэр».

— Послушайте, Тень, мы освободим вас сегодня, после обеда. Выйдете на пару дней раньше.

Тень кивнул и стал ждать, когда за ложкой меда последует бочка дегтя. Начальник уставился в папку с делом.

— Эта бумага пришла к нам из больницы имени Джонсона в Игл-Пойнте… Речь идет о вашей жене. Она погибла вчера вечером, вернее, сегодня ночью. В автомобильной катастрофе. Примите мои соболезнования.

Тень снова кивнул.

Уилсон отвел его обратно молча. Он открыл дверь, впустил Тень в камеру, а потом сказал:

— Это вроде как в тех анекдотах, про хорошую новость и плохую, да? Хорошая новость, что откинешься на пару дней раньше, и тут же плохая — жена померла.

И рассмеялся, будто шутка и впрямь удалась.

Тень промолчал.

Как во сне, он стал собирать пожитки, а большую часть просто раздал. Ни Космо Дейва Геродота, ни книжки по фокусам с монетами он брать с собой не стал; и в конце концов, после минутной вспышки сожаления, расстался и с металлическими кружочками, которых наворовал в мастерской и которые служили ему вместо монет. Там, снаружи, будут у него монеты, настоящие монеты. Он побрился. Переоделся в гражданку. А потом шел сквозь двери, сквозь двери, сквозь двери, отдавая себе отчет в том, что в обратном направлении не пройдет уже ни разу в жизни; и внутри у него было пусто.

С низкого серого неба короткими злыми ливнями налетал ледяной дождь. Среди капель воды попадались крохотные льдинки, и они секли Тень по лицу, а дождь тут же промочил его тонкое пальто; его и других освободившихся отвели через двор к желтому школьному — бывшему школьному — автобусу, который должен был довезти их до ближайшего города.

По дороге к автобусу дождь успел промочить всех насквозь. Уезжало их восемь человек. А оставалось — полторы тысячи. Тень забрался в автобус, и дрожь била его до тех пор, пока не заработали обогреватели, и все это время он думал:

что я делаю, куда же мне теперь ехать?

В голове теснились невнятные и непрошеные образы. Ему казалось, что когда-то, давным-давно, он уже выходил из тюрьмы.

Его держали в темной комнате без окон, и держали долго, слишком долго: он зарос бородой, волосы висели сосульками. Стража свела его вниз по серой каменной лестнице, а потом была площадь, заполненная множеством ярких пятен: людей и всевозможных предметов. День был базарный, его сразу оглушил шум, он щурился от яркого солнечного света, затопившего площадь, в воздухе пахло морской соленой сыростью и множеством прекрасных вещей, что продают на рынке, а слева солнце отблескивало на воде…

Автобус качнулся и остановился на красный сигнал светофора.

За окном завывал ветер, дворники через силу скребли по лобовому стеклу, размазывая город в красно-желтую лужу неонового света. День только близился к вечеру, но сквозь стекло казалось, что снаружи — ночь.

— Твою мать, — сказал человек у него за спиной; Тень протер рукой запотевшее окно и смотрел теперь на быстро идущую по тротуару мокрую фигурку. — Там телка, на улице.

Тень сглотнул. Ему вдруг пришло в голову, что он ни разу даже не заплакал — да, по большому счету, и вообще ничего не почувствовал. Ни слез. Ни горя. Ничего.

Он поймал себя на том, что думает о парне по имени Джонни Ларч, с которым сидел в одной камере в самом начале срока и который рассказал ему о том, как однажды вышел из тюрьмы, отсидев за решеткой пять лет, имея в кармане сотню долларов и билет до Сиэтла, где у него жила сестра.

Джонни Ларч добрался до аэропорта, протянул билет женщине за стойкой, и та попросила его предъявить водительские права.

Он предъявил. Но срок действия его прав уже года два как истек. И она сказала, что не может принять их в качестве удостоверения личности. А он на это ответил, что, может быть, за руль с этими правами садиться уже и нельзя, но с какого, спрашивается, хрена, права перестали удостоверять его личность, и вообще, кто, с ее сраной точки зрения, перед ней сейчас стоит, если не тот человек, чья фотография вклеена в эти права?

На что она ответила, что с ее точки зрения ему стоило бы говорить немного потише.

И тогда он сказал, чтобы она уже выписала ему

наконец этот гребаный посадочный талон, а то он за себя не отвечает, потому что ему не нравится, когда его не уважают. В тюрьме нельзя допускать, чтобы тебя не уважали.

Тогда она нажала кнопку, через несколько секунд появились ребята из службы безопасности и попытались сделать так, чтобы Джонни Ларч тихо покинул помещение, а он уходить не захотел, и пошла бодяга.

В результате в Сиэтл Джонни Ларч не улетел; следующие несколько дней он провел в городе, в барах, а когда сто долларов вышли под ноль, купил игрушечный пистолет и ограбил заправочную станцию. А взяли его в конце концов за то, что он мочился на улице. Так что Джонни оглянуться не успел, как вернулся назад, в тюрьму, доматывать срок до звонка, плюс еще чуток за эту самую заправку.

А мораль у этой истории, если верить Джонни Ларчу, была такова: если ты пришел в аэропорт, не выеживайся на тамошнюю публику.

— А ты уверен, что к данному случаю не применима следующая истина: «Поведенческая модель, действенная в узкоспециализированной среде, каковой является тюремная, за ее пределами может оказаться не только неадекватной, но и

опасной для носителя»? — спросил Тень, когда Джонни Ларч рассказал ему эту историю.

— Да нет, я тебе о чем *толкую*-то, братан, — сказал в ответ Джонни Ларч, — с этими сучками в аэропортах лучше вообще не связываться.

Тень вспомнил этот разговор, и ему захотелось улыбнуться. Срок действия его собственных прав должен был закончиться через несколько месяцев.

— Автовокзал! Все на выход!

В здании воняло мочой и пивной кислятиной. Тень сел в такси и сказал водителю, чтобы тот отвез его в аэропорт. И пять долларов сверх счетчика, если он это сделает молча. Домчались они за двадцать минут, и водитель молчал как рыба.

Потом Тень шел, нога за ногу, через ярко освещенное пространство терминала. Его терзали сомнения насчет электронного билета. То есть на пятницу-то он, конечно, действителен, а вот как насчет сегодня? Вся эта электронная дребедень по определению казалась Тени — ну как будто фокусник наколдовал, и в любой момент оно возьмет, и исчезнет.

Впрочем, в кармане у него был бумажник, в первый раз за последние три года, а в бумажнике три просроченных кредитки и еще одна, Visa,

действительная до конца января: этому обстоятельству он удивился и порадовался. У него был номер билета. А еще он вдруг понял, что стоит ему добраться до дома, как все будет в порядке — так или иначе. И с Лорой тоже все будет в порядке. Может, им просто очень нужно было, чтобы он откинулся на пару дней пораньше, мало ли какие дела они там втихаря обделывают. Или еще вариант: извлекли из покореженной машины тело какой-нибудь другой Лоры Мун и все перепутали.

За стеклянными стенами терминала блеснула молния. Тень поймал себя на том, что затаил дыхание и чего-то ждет. Вдалеке громыхнул гром. Он выдохнул.

Из-за стойки на него подняла усталый взгляд женщина, белая.

— Добрый вечер, — сказал Тень. *Ты первая незнакомая женщина из плоти и крови, с которой я заговорил за последние несколько лет.* — У меня тут номер электронного билета. Должен был лететь в пятницу, а приходится вот сегодня. На похороны.

— Мм. Примите мои соболезнования. — Она пошуршала по клавиатуре, посмотрела на экран, нажала еще несколько клавиш. — Все в порядке.

Я посажу вас на рейс в три тридцать. Его могут отложить из-за грозы, так что следите за информацией на табло. Багаж сдавать будете?

Он снял с плеча сумку.

— Такую ведь можно и не сдавать, правда?

— Да, конечно, — сказала она. — У вас есть какое-нибудь удостоверение личности?

Тень показал ей права.

Аэропорт был не бог весть какой большой, но людей по залу бродило удивительно много. Он стоял и смотрел, как беспечно люди оставляют на полу чемоданы, засовывают бумажники в задние карманы брюк, вешают сумки — не глядя — на спинки кресел. И тут до него дошло, что он уже не в тюрьме.

До начала посадки еще полчаса. Тень купил треугольничек пиццы и обжегся о расплавленный сыр. Потом взял сдачу и пошел к телефонам-автоматам. Позвонил Робби, на «Силовую станцию», но на том конце провода был только автоответчик.

— Привет, Робби, — сказал Тень. — Мне тут сказали, что Лора умерла. И выпустили пораньше. Еду домой.

А поскольку людям вообще свойственно ошибаться, и он сам был тому свидетель, он набрал

свой домашний номер и послушал голос Лоры.

— Привет, — сказала она, — меня сейчас нет дома и к телефону я подойти не могу. Оставьте сообщение, я вам перезвоню. И — *доброго* вам дня.

Тень так и не смог выдавить из себя ни слова.

Он сидел в пластмассовом кресле возле выхода на посадку и сжимал сумку так крепко, что у него заболела рука.

Он вспоминал о том, как впервые увидел Лору. Он даже не знал тогда, как ее зовут. Она была подружкой Одри Бертон. Тень с Робби сидел в кабинке в «Чи-Чи», и тут вошла Одри, а сразу за ней — Лора, и Тень поймал себя на том, что внимательно на нее смотрит. У нее были длинные каштановые волосы, а глаза столь пронзительно голубые, что ему поначалу показалось, что она носит цветные контактные линзы. Она заказала клубничный дайкири, заставила Тень попробовать коктейль и покатилась со смеху, когда он и впрямь отпил глоток из ее бокала.

Лоре нравилось, когда другие люди пробуют то, что пробует она.

В тот вечер он поцеловал ее на прощанье; от нее пахло клубничным дайкири, и с тех пор ему больше никого не хотелось целовать — только ее.

Какая-то женщина объявила посадку на его

рейс, и первыми вызвали пассажиров, чьи места были в том же ряду, что и у него. Его посадили в самом хвосте, рядом оказалось пустое кресло. По борту самолета непрерывно барабанил дождь: он представил, как на небе сидят сейчас маленькие дети и швыряют вниз сухой горох, горсть за горстью.

Он заснул, едва самолет оторвался от земли.

И оказался в каком-то темном месте, и на него пялилось непонятное существо с бизоньей головой, огромной и косматой. Тело у него было человечье, мужское, обильно умащенное жиром.

— Грядут перемены, — сказал, не двигая губами, бизон. — И придется принимать решения.

На влажных стенах пещеры плясали отблески пламени.

— Где я? — спросил Тень.

— В земле и под землей, — сказал человек-бизон. — Там, где забытые ждут своего часа.

Глаза у него были — два жидких мраморных камня, а голос — как гром, который поднимается из преисподней. Пахло от человека-бизона мокрой коровой.

— Уверуй, — сказал гром. — Если тебе суждено выжить, ты должен уверовать.

— Уверовать во что? — переспросил Тень. — Во

что я должен поверить?

Он посмотрел на Тень, этот человек-бизон, и встал вдруг, и выпрямился во весь свой гигантский рост, и в глазах у него загорелся огонь. Он открыл свою бизонью пасть с засохшими по краям клочьями пены, и пасть была красной от пышущего изнутри подземного пламени.

— Во все! — взревел человек-бизон.

Мир покачнулся и завертелся колесом; Тень снова оказался на борту самолета, но ощущение, что мир висит наискосок, никуда не делось. В передней части самолета вскрикнула женщина — без особой паники в голосе, будто на пробу.

Вокруг самолета ослепительными вспышками взрывались молнии. По громкой связи прорезался голос капитана: экипаж постарается набрать высоту, чтобы уйти от грозы.

Самолет трясло и бросало, и Тени пришла в голову ленивая и спокойная мысль о том, что вот сейчас, может быть, он и умрет. Есть такая возможность, подумал он, — хотя нет, вряд ли. Он выглянул в иллюминатор и стал смотреть, как молнии расчерчивают горизонт.

Потом он опять задремал, и ему приснилось, что он снова в тюрьме, и в очереди к обеденной раздатке Ловкий шепчет ему на ухо, будто кто-то

с кем-то заключил пари на его жизнь, но кто это сделал и по какой причине, Тень никак не мог понять; когда он проснулся, самолет уже заходил на посадку.

Еще не успев вполне прийти в себя, щурясь на яркий свет, он вышел из самолета.

Все аэропорты, подумал он, похожи один на другой. Неважно, где ты — ты в аэропорту: стены и переходы, выходы на посадку и комнаты отдыха, киоски с газетами и лампы дневного света везде такие же. Один аэропорт есть точная копия любого другого аэропорта. Проблема только в том, что летел он совсем не сюда. Этот аэропорт был слишком большой, здесь было слишком много посадочных площадок, и людей вокруг тоже слишком много.

— Простите, мэм…

Женщина подняла на него глаза, оторвавшись от клавиатуры компьютера.

— Да?

— Что это за аэропорт?

Она удивленно подняла бровь, видимо, пытаясь понять, шутит он или говорит серьезно, а потом ответила:

— Сент-Луис.

— А мне казалось, мой самолет летел в Игл-

Пойнт.

— Да, летел. Его перенаправили сюда из-за грозы. Вам что, не объявили об этом на борту?

— Может, и объявили. Я спал.

— Поговорите вон с тем человеком, в пальто.

Ростом человек оказался почти вровень с Тенью. Вид у него был как у отца семейства из какого-нибудь сериала семидесятых годов: он вбил что-то себе в компьютер и велел Тени срочно бежать — *бегом!* — к выходу на посадку в самом дальнем конце терминала.

Тень рванул через зал, но когда добежал до нужной двери, ее уже успели закрыть. Он стоял и смотрел сквозь стекло, как его самолет выруливает на взлетную полосу.

Женщина в отделе помощи пассажирам (невысокая, русоволосая, с бородавкой на одной ноздре) пошушукалась с еще одной женщиной, куда-то позвонила («Нет-нет, не получится. Они его только что отменили!»), а потом распечатала для Тени еще один посадочный талон.

— Надеюсь, хоть этот сработает, — сказала она. — Мы сейчас позвоним на посадку и скажем, чтобы они вас дождались.

Тень почувствовал себя горошиной, которую гоняют по столу между трех стаканчиков, или

картой, которую затасовали в колоду. Он опять помчался через весь аэропорт, чтобы в итоге прибежать чуть ли не в то же самое место, откуда стартовал.

Маленький человечек за посадочной стойкой заглянул в его талон.

— Вас-то мы и ждали, — утвердительно кивнул он, оторвав от талона корешок с номером места, на котором Тени предстояло лететь дальше, — 17D. Тень быстрым шагом двинулся вперед, и у него за спиной закрыли дверь.

Он прошел через салон первого класса, в котором было всего четыре кресла, и три из них заняты. Сидевший рядом с пустым креслом бородач в светлом костюме поднял голову, когда Тень проходил мимо, ухмыльнулся и постучал пальцем по стеклышку часов: опаздываем, молодой человек.

Да, да, конечно, я тебя задерживаю, подумал Тень. *Пусть это будет самой большой из всех твоих неприятностей.*

Он пошел дальше: самолет, судя по всему, был заполнен почти до отказа. Собственно, дошло вдруг до Тени, не почти, а точно до отказа, и на месте 17D сидела какая-то средних лет женщина. Тень показал ей корешок посадочного талона,

она показала ему свой: места были двойные.

— Вы не могли бы занять свое место? — попросила его стюардесса.

— Нет, — ответил он. — Боюсь, не мог бы.

Она поцокала языком, сличила корешки, повела его обратно по проходу и указала рукой на пустующее кресло в первом классе.

— Такое впечатление, что у вас сегодня счастливый день, — сказала она. — Принести вам чего-нибудь выпить? Осталось несколько минут до взлета. И сдается мне, после такой беготни вам это не повредит.

— Тогда принесите, пожалуйста, пива, — сказал Тень. — Любого, какое найдется.

Стюардесса ушла.

Бородач в светлом костюме, который сидел в соседнем кресле, снова постучал ногтем по стеклышку наручных часов. Это были «Ролекс», черные.

— Опаздываем, — сказал бородач и расплылся в широченной ухмылке. Дружеским этот оскал назвать было никак нельзя.

— Простите?

— Я говорю — опаздываем!

Стюардесса сунула Тени в руку стакан с пивом.

Псих какой-то, подумал было Тень, но потом

решил, что скорее всего бородач имеет в виду, что целый самолет был вынужден ждать одного единственного опоздавшего пассажира.

— Простите, если я вас задержал, — вежливо сказал он. — Вы очень спешите?

Самолет попятился от стенки терминала. Вернулась стюардесса и забрала у Тени стакан. Бородач осклабился ей и сказал:

— Не беспокойтесь, я его из рук не выпущу, — и она не стала отбирать у него стакан с «Джек Дэниэлс», хотя и попыталась что-то объяснить насчет правил поведения на борту — впрочем, у нее это вышло не слишком убедительно. («Послушай, дорогуша, я сам буду судить, что мне можно, а чего нельзя».)

— Время и впрямь пищит, — сказал бородач. — Но дело не в этом. Я просто беспокоился, вдруг ты и на этот самолет опоздаешь.

— Очень любезно с вашей стороны.

Самолет вырулил на взлетную полосу и остановился, нетерпеливо гудя моторами.

— Хрена лысого любезно, — сказал человек в светло-сером костюме. — У меня для тебя есть работа, Тень.

Рев моторов. Маленький самолет рванул вперед, вдавив Тень в спинку сиденья. И как-то вдруг

они оказались уже в воздухе, и огни аэропорта скользнули назад и вниз. Тень посмотрел на сидящего рядом с ним человека.

Волосы седые, с рыжеватым отливом; борода — скорее двухнедельная щетина — рыжая с проседью. Лицо морщинистое, квадратное, глаза блекло-серые. Дорогой, по крайней мере на вид, костюм цвета растаявшего ванильного мороженого. Темно-серый шелковый галстук, на булавке — серебряное дерево: ствол, ветви, мощные длинные корни.

Стаканчик с виски он держал в руке, и за время взлета не расплескал ни капли.

— Не хочешь поинтересоваться, что за работа? — спросил он.

— Откуда вы знаете, кто я такой?

Бородач усмехнулся.

— Узнать, как человека зовут, проще всего на свете. Память, умение мыслить логически, чуть-чуть удачи — всего понемножку. Ну, про работу-то будешь спрашивать?

— Нет, — ответил Тень. Стюардесса принесла ему еще пива, и он сделал первый глоток.

— А что так?

— Я лечу домой. Работа у меня там будет. И никакой другой работы мне не надо.

Улыбка на морщинистом лице собеседника ничуть не изменилась, по крайней мере внешне, но теперь Тени стало казаться, что их беседа бородача забавляет.

— Никакая работа тебя дома не ждет, — сказал он. — Там вообще никто и ничто тебя не ждет. А я между тем предлагаю тебе вполне законный способ заработка — за хорошие деньги, не слишком опасный, плюс масса дополнительных возможностей. Твою мать, я даже пенсию тебе готов назначить — если ты, конечно, до нее доживешь. Неплохо звучит, тебе не кажется?

Тень сказал:

— А имя написано у меня на сумке, сбоку. Там вы его, наверное, и прочитали.

Бородач промолчал.

— Кем бы вы ни были, — продолжил Тень, — знать о том, что я полечу именно на этом самолете, вы не могли никак. Я и сам понятия не имел, что окажусь здесь, и если бы мой самолет не завернули на Сент-Луис, ни за что бы здесь не оказался. Сдается мне, любите вы людям голову морочить. А может, маракуете что-нибудь. Так что, наверное, будет спокойнее, если мы просто прекратим сейчас этот разговор, и все.

Бородач пожал плечами.

Тень вынул из кармашка глянцевый журнал авиакомпании. Самолетик швыряло по небу во всех мыслимых направлениях, и сосредоточиться было трудно. Слова плыли сквозь его мозг, как мыльные пузыри — читаешь, и вроде вот оно, тут как тут, а секунду спустя как будто и не было его.

Бородач тихо сидел рядом и потягивал свой «Джек Дэниэлс». С закрытыми глазами.

Тень прочел от начала до конца список музыкальных каналов, доступных для пассажиров во время трансатлантических перелетов, потом принялся разглядывать карту мира, расчерченную красными линиями — направлениями, по которым летали самолеты компании. Потом журнал кончился, и Тень нехотя закрыл его и сунул в кармашек на спинке впереди стоящего кресла.

Бородач тут же открыл глаза. Тень отметил для себя, что с глазами у соседа тоже что-то было не так. Оба серые, но один вроде как темнее другого. Бородач посмотрел на Тень.

— Да, кстати, — проговорил он. — Очень расстроился, когда мне сказали насчет твоей жены. Такая потеря.

Тень едва сдержался, чтобы его не ударить. И вместо этого набрал полную грудь воздуха. («Вот че я тебе и кричу-то, не связывайся ты с

этими сучками в аэропорту, — включился у него в голове голос Джонни Ларча, — а то загремишь с их помощью обратно на шконку, и бзднуть не успеешь».)

— Я тоже очень расстроился, — сказал Тень.

Бородач покачал головой:

— Жаль, конечно, что вышло именно так, а не иначе, — вздохнул он.

— Она погибла в автомобильной катастрофе, — сказал Тень. — Случаются и другие истории, куда хуже.

Сосед опять покачал головой, очень медленно. На секунду Тени показалось, будто рядом с ним на самом деле вообще никого нет; салон самолета вдруг стал виден отчетливее прежнего, а сосед как будто подернулся какой-то зыбкой рябью.

— Тень, — снова заговорил бородач. — Шутки в сторону, Тень. Никаких фокусов. Получать у меня ты будешь столько, сколько никто другой не станет тебе платить. Ты только что отсидел. Навряд ли народ выстроится в очередь и будет пихаться локтями, чтобы поиметь возможность предложить тебе работу.

— Послушайте, вы, кем бы вы там, блядь, ни были, — сказал Тень, понизив голос ровно настолько, чтобы сосед мог расслышать его сквозь

гул моторов, — нет таких денег на свете, за которые я стал бы на вас работать.

Ухмылка стала шире. Тень вспомнил, что видел примерно такую же в одной передаче по Пи-би-эс,[3] про шимпанзе. Там рассказывали, что нам только кажется, будто человекообразные обезьяны — в том числе шимпанзе — улыбаются, на самом деле они просто показывают зубы, либо от ненависти, либо от ярости, либо от страха. Короче, улыбка у обезьяны — знак угрозы.

— Давай, устраивайся ко мне. Риск некоторый, конечно, есть, но если останешься в живых, получишь все, что душе будет угодно. И выберут тебя следующим королем Америки. Ну вот и прикинь, — сказал бородач, — кто еще станет тебе платить такие бабки? А?

— Кто вы такой?

— Ах, да. Информационная эра! Барышня, не могли бы вы налить мне еще стаканчик «Джек Дэниэлс»? Льда поменьше… Хотя конечно, разве были на земле другие эры? Информация и знания: две валюты, которые никогда не выходили из моды.

— Я задал вам вопрос — кто вы такой?

---

[3] notes: 3
Public Broadcasting Service, государственная служба телевещания США.

— Так-так, дай-ка подумать. Если учесть, что день сегодня определенно мой — то почему бы тебе не называть меня просто Среда. Мистер Среда. Хотя, если приглядеться к погоде, можно подумать, что нынче самый настоящий Торов четверг, как тебе кажется?

— Как вас зовут — по-настоящему?

— Если будешь на меня работать, достаточно хорошо и достаточно долго, — сказал человек в светлом костюме, — глядишь, со временем я даже это тебе скажу. Такие дела. Перед тобой потенциальный работодатель. Подумай над этим хорошенько. Никто же не заставляет тебя соглашаться прямо на месте, пока ты еще не разобрался, не предлагают ли тебе часом прыгнуть в бочку с пираньями или в яму с медведями. Время у тебя есть. — Он закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

— Мне так не кажется, — сказал Тень. — Вы мне не нравитесь. Я не хочу на вас работать.

— Вот я и говорю, — не открывая глаз, проговорил бородач, — не спеши с выводами. Время у тебя есть.

Самолет неловко ударился о посадочную полосу. Несколько пассажиров сошли. Тень выглянул из окна: маленький аэропорт посреди вселенской

пустоты, до Игл-Пойнта еще два таких же. Тень перевел взгляд на человека в светлом костюме — как там его, мистер Среда? Вроде спит.

Повинуясь внезапному импульсу, Тень встал, схватил сумку, вышел из самолета, спустился по трапу на мокрый скользкий бетон и ровным шагом двинулся к огонькам аэровокзала. На лицо оседала легкая водяная взвесь.

Перед входом в аэровокзал он остановился, обернулся и оглядел посадочную площадку. Из самолета больше никто не вышел. Люди из наземной службы катили трап прочь, дверь уже задраили, и самолет начал движение. Тень вошел в аэровокзал и взял напрокат машину, которая на поверку — когда добрался до парковки — оказалась маленькой красной «Тойотой».

Карту ему дали с собой. Он развернул ее и разложил на пассажирском сиденье. До Игл-Пойнта оставалось что-то около 250 миль.

Гроза кончилась — если она вообще дошла до этих мест. Воздух был холодный и чистый. Мимо луны мягко неслись облака, и на долю секунды Тени показалось, что это не облака движутся, а она, луна.

Он ехал на север, полтора часа.

Дело шло к ночи. Ему захотелось есть, и когда

до него дошло, насколько отчаянно ему хочется есть, он свернул на первом же перекрестке и въехал в городишко под названием Ноттаман (нас. 1301 чел.). Залив на «Амоковской» заправке полный бак, он спросил у замученной кассирши, где здесь можно перекусить.

— У Джека, бар «Крокодил», — ответила та. — Шоссе N, местное, ехать в западном направлении.

— Там что, правда крокодилы?

— Ну да. Джек говорит, для колорита. — Она нарисовала ему, как проехать, на обороте розово-голубого флаера с объявлением о благотворительном пикнике с жареными курами в пользу девочки, которой нужна пересадка почки. — У него там пара крокодилов, змея и еще офигительная такая тварь, типа, ящерица.

— Игуана, что ли?

— Ага, вот-вот.

Он проехал через весь город, потом через мост и еще пару миль, и притормозил у приземистого прямоугольного здания со светящейся рекламой пива «Пабст».

Парковка полупустая.

Внутри было не продохнуть от табачного дыма, а в музыкальном автомате играла «Гуляю

по ночам».[4] Тень огляделся: крокодилов видно не было. Лихо она меня развела, эта кассирша с заправки, подумал он.

— Что будем заказывать? — спросил у него бармен.

— Ваше фирменное пиво и гамбургер, с чем вы его обычно подаете. Картошки жареной.

— А может, мисочку чили для начала? Лучший чили на весь штат.

— Звучит неплохо, — сказал Тень. — А где у вас здесь туалет?

Бармен указал рукой на дверь, сразу за стойкой. Над дверью висело чучело головы аллигатора. Тень открыл дверь.

Туалет был чистый, свет яркий. Первым делом Тень огляделся: привычка. («Помни, Тень, когда стоишь и ссышь, отмахиваться тебе не с руки», — зашуршал у него в голове голос Ловкого, как всегда вполшепота и как всегда откуда-то из дальнего закута). Тот писсуар, что слева, понравился ему больше прочих. Он расстегнул молнию,

---

[4] notes: 4

«Гуляю по ночам» (Walking after midnight, Алан Блок/Дон Хехт, 1957), одна из самых известных песен в исполнении Пэтси Клайн (1932–1963), популярнейшей американской певицы в стиле кантри. Именно с этой песней Клайн стала знаменитой в 1957 году. В 1963-м, в возрасте 30 лет, она погибла в авиакатастрофе: самолет попал в грозу. Лирическая героиня песни гуляет по ночам в надежде, что ее любимый, где бы он ни был, делает то же самое.

пустил долгую, бесконечно долгую струю, и его охватило чувство облегчения. Прямо перед глазами у него оказалась пожелтевшая газетная вырезка с фотографией Джека в обнимку с двумя аллигаторами, и он стал читать.

В дверь никто не входил, но от того писсуара, что справа, до него вдруг донеслось вежливое покашливание.

Человек в светлом костюме оказался куда выше ростом, чем можно было подумать, когда он сидел в кресле, там, в самолете. Почти вровень с Тенью, а Тень был дылда еще та. Он стоял и смотрел прямо перед собой. Закончив и стряхнув последние капли, застегнул брюки.

И — осклабился, как лис, который подошел к забору из колючей проволоки и шамает застрявшее в шипах дерьмо.

— Ну что, Тень, — сказал мистер Среда, — времени на то, чтобы подумать, у тебя было вполне достаточно. Берешься за работу?

Где-то в Америке

Лос-Анджелес. 11:26 утра

В темно-красной комнате — стены цветом напоминают сырую печень — стоит высокая

женщина, одетая как актриса из дурного фильма: шелковые шортики чуть не лопаются на ягодицах, грудь торчит вперед и вверх, утянутая завязанной узлом желтой блузкой. Черные волосы зачесаны вверх и заколоты на макушке. Рядом с ней коротышка в шикарных джинсах и оливкового цвета футболке. В правой руке у него бумажник и мобильный телефон, «Нокия» с красно-бело-синей панелькой.

В комнате — кровать, застланная атласным белым бельем и покрывалом цвета бычьей крови. В ногах — маленький деревянный столик, на столике маленькая каменная статуэтка женщины с огромными бедрами и канделябр.

Женщина протягивает мужчине маленькую красную свечку.

— На, — говорит она, — зажги.

— Я?

— Ты, — говорит она. — Если хочешь меня поиметь.

— Надо было просто дать тебе в рот прямо в машине, и все дела.

— Может, оно и так, — соглашается она. — Но разве ты меня не хочешь?

Ее рука скользит по телу вверх, от бедра к груди: как в рекламном ролике с раскруткой нового

товара.

Торшер в углу затянут красным муслином, и свет тоже кажется красным.

Мужчина окидывает ее жадным взглядом, потом берет свечку и вставляет ее в канделябр.

— Зажигалка есть?

Она протягивает ему спичечный коробок. Он чиркает спичкой, поджигает фитиль: огонек дрожит, потом выравнивается, и от этого безликая статуэтка рядом с подсвечником как будто оживает: сплошь бедра и груди.

— Деньги положи у статуэтки.

— Полтинник.

— Ага, — говорит она. — Иди сюда, люби меня.

Он расстегивает джинсы и стягивает оливковую футболку. Смуглыми пальчиками она массирует его белые плечи; потом переворачивает его на спину и начинает ласкать руками, пальцами, языком.

Ему кажется, что лампа в углу погасла, и теперь свет исходит только от ярко разгоревшейся свечи.

— Как тебя зовут? — спрашивает он.

— Билкис,[5] — она поднимает голову, — через «кью».

— Через что?

— Да бог с ним.

Дыхание у него становится прерывистым.

— Дай вставлю, — говорит он. — Давно пора тебе вставить.

— Да, милый, — отвечает она. — Конечно. Но пока ты будешь брать меня — можно попросить тебя об одной услуге?

— Слушай, ты, — в нем вдруг всплескивает раздражение, — это ведь *я* плачу тебе деньги, так, кажется?

Одним плавным движением она садится на него верхом и шепчет:

— Да, милый, конечно, я знаю, ты платишь мне деньги, но по тому, как дело складывается, это я должна тебе платить, мне так повезло…

Он поджимает губы: она должна понять, что все эти блядские штучки на него не действуют, с ним этот номер не пройдет; ведь кто она такая, если разобраться: уличная давалка, а он, можно

---

[5] notes: 5

Билкис — в арабской традиции имя царицы Савской. В средневековой европейской традиции этот персонаж смешивается также с Суламифью, возлюбленной царя Соломона, которой адресована «Песнь песней» (что и обыгрывается далее в тексте), и с Сивиллой.

сказать, без пяти минут *продюсер*, и вытянуть из него под настроение лишнюю десятку еще никому не удавалось, — но она не просит денег. А вместо этого шепчет:

— Милый, пока ты будешь брать меня, пока ты будешь насаживать меня на этот толстый твердый кол — пожалуйста, *боготвори* меня.

— Чего?

Она раскачивает бедрами, подаваясь то взад, то вперед: налитая головка его члена трется о влажные губы вульвы.

— Называй меня богиней, ладно? Молись мне, хорошо? Почти меня своим телом!

Он улыбается. И только-то? У каждого свои тараканы — особенно под конец рабочего дня.

— Ладно, — соглашается он.

Она запускает руку себе между ног и вводит член.

— Хорошо тебе, а, богиня? — спрашивает он, и у него перехватывает дыхание.

— Поклоняйся мне, милый, — говорит ему Билкис, уличная шлюха.

— Да, — говорит он. — Я боготворю твои груди, и волосы твои, и пизду твою. Я поклоняюсь твоим бедрам, и глазам, и губам, алым, как вишни…

— Да… — мурлычет она и ударяет бедрами в

такт.

— Я поклоняюсь соскам твоим, из коих течет млеко жизни. Поцелуй твой слаще меда, и прикосновение твое обжигает, как пламя, и я боготворю его. — Слова он произносит все ритмичнее, и они постепенно тоже попадают в такт слитному движению тел. — Дай мне страсть твою на восходе солнца, и на закате дай мне облегчение и благословение твое. Пусть иду я сквозь тьму без ущерба и страха, и пусть приду к тебе снова, чтобы спать с тобой рядом и любить тебя. Боготворю тебя всем, что только есть во мне, и в душе моей, всем тем, чем был я и в мечтах моих и в… — он осекается, окончательно задохнувшись. — Что ты *делаешь*? Какое удив*и*тельное чувство. Какое удив*и*тельное…

Он пытается посмотреть вниз, туда, где соединяются их тела, но ее указательный палец упирается ему в подбородок и откидывает голову назад, так что он видит только ее лицо и еще — потолок.

— Говори, милый, говори, — шепчет она. — Не останавливайся. Тебе хорошо?

— Я вообще никогда в жизни ничего подобного не испытывал! — тут же откликается он, и голос у него совершенно восторженный. — Глаза твои

— звезды, горящие во — т-твою мать — во тверди небесной, губы твои — что волны, окатывающие песок, и я боготворю их… — Он уходит в нее все глубже и глубже: его продергивает электрическим спазмом, будто эрекция распространилась на всю нижнюю половину его тела, и та вздыбилась, налилась, исполнилась благодати.

— Одели меня даром твоим, — шепчет он, не ведая уже, что говорит, — истинным даром твоим, и сделай меня вечно… вечно… молю тебя… умоляю…

И тут наслаждение достигает пика и перерастает в оргазм, и душа его срывается в пропасть; все его тело, вся сущность изливаются до пустоты, до последней капли, пока он вонзается в нее все глубже и глубже…

С закрытыми глазами, содрогаясь всем телом, он повисает в этой роскошной пустоте; потом чувствует толчок, и ему начинает казаться, будто он висит уже головой вниз, хотя удовольствие не ослабевает.

Он открывает глаза.

С трудом обретая способность логично и связно мыслить, сперва он вспоминает о родах и пытается понять, без страха, с пронзительной посткоитальной ясностью, не спит ли он, не гре-

зит ли наяву.

А видит он вот что.

Он ушел в нее уже по пояс, и пока он смотрит на нее, не веря своим глазам, она кладет ему обе руки на плечи и тихо толкает к себе.

И он скользит еще глубже.

— Что такое ты со мной делаешь? — спрашивает он, или ему только кажется, что он спрашивает у нее об этом вслух.

— Ты сам это делаешь, милый, — шепчет она.

Он чувствует, как плотно сомкнулись губы ее вульвы у него под мышками, и у лопаток на спине, как они сдавливают и обволакивают его. Он прикидывает, как это должно выглядеть со стороны — если бы кто-нибудь сейчас взглянул на них со стороны. Он удивлен: ему совершенно не страшно. И тут до него доходит.

— Я приношу тебе тело свое, — шепчет он, и она заталкивает его в себя. По лицу его влажно скользят губы, и свет перед глазами меркнет.

Она раскидывается на кровати, как большая кошка, — и зевает.

— Да, милый, — говорит она. — Все так.

«Нокия» разражается высокой электронной модуляцией на тему «Оды к радости». Она берет телефон, нажимает клавишу и подносит трубку

к уху.

Живот у нее плоский, половые губы — маленькие и плотно сомкнутые. На лбу и на верхней губе выступили крохотные капельки пота.

— Да-а? — мурлычет она. А потом: — Нет, дорогуша, его здесь нет. Он ушел.

Она отключает телефон перед тем как навзничь упасть на кровать в темно-красной комнате, потом еще раз потягивается, закрывает глаза и засыпает.

Глава вторая

На кладбище отвез ее
Большой кабриолет.
На кладбище отвез ее,
А обратно — нет.

Старинная песня

— Я взял на себя смелость, — сказал мистер Среда, споласкивая руки в туалете бара «Крокодил», — и попросил, чтобы мой заказ принесли к твоему столику. В конце концов, нам с тобой столько всего нужно обсудить.

— Это вряд ли, — сказал Тень, вытер руки бумажным полотенцем, скомкал его и бросил в

бачок.

— Тебе нужна работа, — сказал Среда. — Кто станет нанимать бывшего зэка? Народ вас шугается, ребятки.

— Работа меня ждет. Хорошая работа.

— Ты, часом, не насчет того места в «Силовой станции»?

— Может, оно и так, — ответил Тень.

— Не-а. Не ждет. Робби Бертон мертв. А без него и «Силовая станция» тоже, считай, накрылась.

— Врешь!

— Причем довольно часто и успешно. Другого такого вруна ты в жизни своей не встретишь. Вот только боюсь, что именно сейчас я говорю чистую правду. — Он сунул руку во внутренний карман пиджака, вынул сложенную газету и протянул ее Тени. — Седьмая страница, — сказал он, — и пойдем-ка мы с тобой обратно в бар. За столом почитаешь.

Тень толкнул дверь. Воздух был сизым от дыма; музыкальный автомат голосами «Дикси капс»

выводил «Айко Айко».[6] Тень улыбнулся уголками рта, узнав знакомую с детства песню.

Бармен ткнул пальцем в сторону столика в самом дальнем углу. На одном его конце стояли миска чили и блюдце с гамбургером, а напротив, на большой тарелке — бифштекс с кровью и груда жареной картошки.

А мой король весь в красном по городу идет,

Айко Айко, гуляй и пей,

И спорим на пятерку, что он тебя убьет,

Джокамо-фина-нэй.

Тень сел за столик. И отложил газету в сторону.

— Я в первый раз ем как свободный человек. И пока не поем, твоей седьмой страницы читать не стану.

Тень съел свой гамбургер. С тюремными гам-

---

[6] notes: 6

Ритм-энд-блюз в исполнении черного женского трио «Дикси капс» (на сцене с 1963 года), впервые исполненный ими в 1965 году, пятый и последний хит группы. Традиционная негритянская песня, сюжет которой связан с соперничеством разных «индейских племен», как называются группы участников карнавала в Новом Орлеане, в «жирный вторник». У каждого «племени» свои «король», «знаменосец», «разведчик» и «дикий человек».

бургерами не сравнить. Чили тоже был вполне достойный, хотя, решил он после пары ложек, никак не лучший во всем штате.

Лора готовила изумительный чили. Брала постное мясо, темную фасоль, меленько крошила морковь, потом еще темного пива, примерно бутылку, и жгучий перчик — тонкими ломтиками и прямиком в кастрюлю. Тушила все это какое-то время, добавляла красного вина, лимонного сока, щепотку свежего укропа и, наконец, начинала отмерять и добавлять всякие свои приправы, специально для чили. Не раз и не два Тень пытался понять, как она эта делает: следил за каждым ее движением, начиная с лука, который, нарезав кольцами, она отправляла жариться в оливковом масле на донышке кастрюли. Он даже записал рецепт, ингредиент за ингредиентом, и однажды вечером, в субботу, когда ее не было в городе, решил приготовить себе Лорин чили. Получилось очень даже неплохо — вполне съедобно получилось, но это был не Лорин чили.

В новостной колонке на седьмой странице Тень в первый раз прочитал сообщение о смерти жены. Лора Мун, которой, с точки зрения автора заметки, было двадцать семь, и Робби Бертон, тридцати девяти лет от роду, двигались по фе-

деральной трассе в машине Робби, отчего-то выехали на встречную полосу и столкнулись с тяжелой тридцатидвухколесной фурой. Грузовик всего-навсего задел машину Робби, но она потеряла управление и вылетела в кювет.

Из обломков машины Робби и Лору извлекли спасатели. К тому моменту, как «скорая» привезла их в больницу, оба уже были мертвы.

Тень сложил газету и подтолкнул ее через стол Среде, который жадно уминал бифштекс: бифштекс был такой сырой, и крови в нем было столько, что, казалось, его даже и близко не подносили к сковороде.

— На. Забери, — сказал Тень.

За рулем был Робби. Наверняка пьяный, хотя в заметке об этом ни слова. Тень поймал себя на том, что пытается представить лицо Лоры, когда та поняла: Робби слишком пьян, чтобы вести машину. Сцена сама собой начала разворачиваться у него в голове, и он ничего не мог с этим поделать: Лора кричит на Робби — кричит, чтобы тот съехал с трассы, потом глухой удар — грузовик — и руль вылетает из рук Робби…

…машина в кювете, разбитое стекло сверкает в свете фар как колотый лед, как бриллианты, а рядом натекла рубиновая лужа крови. Из маши-

ны вынимают оба тела и аккуратно кладут бок о бок, у обочины.

— Ну? — подал голос мистер Среда. Бифштекс он сожрал до крошки, так, словно умирал с голоду. И набивал теперь рот жареной картошкой, насаживая ее на вилку, как на острогу.

— Ты прав, — ответил ему Тень, — работа мне не светит.

Тень вынул из кармана четвертак: решка. Он подбросил монету вверх, подкрутив ее большим пальцем в момент щелчка, потом поймал и шлепнул о тыльную сторону ладони.

— Орел или решка? — спросил он.

— Какого? — спросил Среда.

— Не хочу работать на человека, которому везет еще меньше, чем мне. Орел или решка?

— Орел, — фыркнул мистер Среда.

— Обломись, — сказал Тень, даже не дав себе труда взглянуть на четвертак. — Решка. Ловкость рук.

— На ловкости рук человек проще всего и ловится. — Среда поводил толстым пальцем из стороны в сторону. — Глянь-ка, на всякий случай.

Тень посмотрел на монету. Она лежала орлом.

— Закрутил, что ли, не так? — озадаченно проговорил он.

— Все ты правильно закрутил, не переживай! — ухмыльнулся Среда. — Просто мне прет, мне всегда прет. — Он поднял голову. — Мать честная, кого я вижу! Бешеный Суини.[7] Выпьешь с нами?

— «Сазерн комфорт»[8] с кокой, без льда, — раздался голос за спиной у Тени.

— А ты не хочешь справиться, что буду пить я? — поинтересовался Тень.

— Да знаю я, что ты будешь пить, — ответил Среда и тут же оказался возле стойки. Пэтси Клайн в музыкальном автомате опять затянула «Гуляю по ночам».

«Сазерн комфорт с кокой» сел рядом с Тенью. Короткая рыжая бородка. Джинсовая куртка со множеством нашитых внахлест цветных заплат,

---

[7] notes: 7

Бешеный Суини (Mad Sweeney) — персонаж ирландской легендарной традиции, главный герой прозо-поэтической скелы «Buile Shuibhne» («Безумие Суини», «Бешенство Суини»), самая ранняя из дошедших до нас рукописных версий которой относится ко второй половине XVII века. Суини, король Дал н'Арядя (Dál nAraidi) в Ульстере, был проклят епископом Ронаном Финном перед битвой при Мой Рат (Magh Rath) в 637 году за то, что убил копьем одного из певчих Ронана, а другое копье бросил в самого Ронана, но попал в колокол и разбил его (Суини раздражали громкие звуки). Попав во власть наложенного на него проклятия (Ронан обрек его впадать в безумие от любого резкого звука и обещал ему смерть от копья — в отместку за смерть певчего), Суини превратился в своеобразного «птице-человека», обретая в приступы безумия способность летать, но утрачивая собственно человеческие качества.

[8] notes: 8

Пряная и сладкая фруктовая настойка (ваниль, корица, сахар, апельсин, лимон, банан, персик, возможны варианты) на кукурузном виски, придуманная во второй половине XIX века нью-орлеанским барменом по имени Мартин Уилкс Херон. Традиционно используется при приготовлении коктейлей.

под курткой — заляпанная белая футболка с надписью:

ТО, ЧТО НЕ МОЖЕШЬ СЪЕСТЬ, ВЫПИТЬ, ВКУРИТЬ ИЛИ ВДОЛБИТЬ, ОТПРАВЛЯЙ НА ХУЙ!

На голове — бейсболка, тоже с надписью:

ЕДИНСТВЕННАЯ БАБА, КОТОРУЮ Я ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЛЮБИЛ, И ТА БЫЛА ЗАМУЖЕМ… МАТЬ МОЯ!

Он сколупнул грязным ногтем уголок мягкой пачки «Лаки страйк», вынул сигарету и протянул пачку Тени. Тень совсем уже было собрался вытянуть из пачки сигарету — сам он не курил, но в тюрьме на сигареты можно выменять все что угодно — и тут сообразил, что он уже на воле. И покачал головой.

— Ты, значит, работаешь на нашего старика? — поинтересовался рыжий. Он был уже нетрезв, хотя и пьяным его назвать тоже было нельзя.

— Похоже на то, — ответил Тень. — А ты чем занимаешься?

Рыжий прикурил сигарету.

— Я лепрекон, — ответил он и ухмыльнулся.

— Иди ты, — Тень даже не улыбнулся в ответ. — Тогда тебе, наверное, следовало бы пить «Гиннесс».

— Стереотипы. Это не ты сейчас сказал, это телевизор — давай-ка, дружок, учись думать самостоятельно. В Ирландии еще много всякого есть и кроме «Гиннесса».

— И акцента ирландского у тебя нет.

— Слишком, блядь, долго тут проторчал.

— Так ты что, правда *родился* в Ирландии?

— А я тебе о чем толкую. Я же лепрекон. Мы же, блядь, не в Москве на свет появляемся.

— Да уж, это вряд ли.

К столику вернулся Среда: три стакана в его огромных лапах разместились безо всякого труда.

— Тебе «Сазерн комфорт» с кокой, друг мой Бешеный Суини, мне — «Джек Дэниэлс». А *это* тебе, Тень.

— Что это такое?

— А ты попробуй.

Напиток был темно-золотистого цвета. Тень отхлебнул: довольно странная на вкус кисло-сладкая жидкость. Напиток был алкогольный, и отдушка — весьма необычная. Немного похоже на тюремную бражку, которую настаивают в

мешке для мусора из смеси гнилых фруктов, хлеба, воды и сахара, но только слаще, и вкус куда более странный.

— Ну, — сказал Тень, — попробовал. Так что это такое?

— Мед, — ответил Среда. — Медовое вино. Напиток героев. Напиток богов.

Тень еще раз осторожно пригубил из своего стакана. Да, кажется, медом действительно пахнет. Но не одним только медом.

— На вкус — вроде как на огуречный рассол похоже. Вино из сладкого огуречного рассола.

— На вкус — вроде как моча пьяного диабетика, — согласился Среда. — Терпеть не могу эту гадость.

— Тогда зачем ты мне ее принес? — резонно поинтересовался Тень.

Среда в упор уставился на него своими разноцветными глазами. Один наверняка стеклянный, подумал Тень, только вот неясно, какой именно.

— Я дал тебе испить меда потому, что так велит традиция. А сейчас настали такие времена, что чем чаще мы обращаемся к традиции, тем лучше. Это скрепит нашу сделку.

— Мы не заключали никакой сделки.

— Как бы не так. Теперь ты работаешь на меня.

Ты обязан меня защищать. Перевозить с места на место. Исполнять разовые поручения. В случае необходимости — но только в случае крайней необходимости — набьешь морду тем, кому давно следовало набить морду. В случае моей смерти ты обязан отбыть по мне бдение — хотя сильно сомневаюсь, что дело до этого дойдет. Со своей стороны я заверяю, что позабочусь об удовлетворении всех твоих нужд.

— Он тебе мозги парит, — потерев заросший рыжей щетиной подбородок, сказал Бешеный Суини. — Он жулик.

— Просто клейма ставить негде, — сказал Среда. — Именно по этой причине кто-то и должен за мной приглядывать.

Песня в музыкальном автомате закончилась, разговоры смолкли сами собой, и на секунду в баре воцарилась полная тишина.

— Кто-то мне говорил, что если все разом замолчали, значит сейчас либо без двадцати чего-нибудь, либо двадцать минут чего-то.

Суини ткнул пальцем вверх и в сторону: над барной стойкой висела еще одна крокодилья башка, с безразличным видом сжимавшая в массивных челюстях циферблат. Часы показывали 11:20.

— Ну вот, — сказал Тень. — Хрен его знает почему, но именно так оно и есть.

— Я знаю почему, — тут же подхватил Среда. — Допивай свой мед.

Тень опрокинул стакан и осушил его в один прием.

— Может, имело бы смысл подавать его со льдом? — поинтересовался он, поставив стакан на стол.

— Как бы хуже не вышло, — отозвался Среда. — Жуткое пойло.

— Ага, — согласился Суини. — А теперь, джентльмены, прошу простить, но у меня возникла насущная необходимость пустить долгую золотистую струйку.

Он встал из-за стола и вышел. Господи, вот это оглобля, подумал Тень, в нем же два метра с гаком.

Официантка вытерла со стола и собрала тарелки. Среда попросил ее повторить каждому — только на сей раз мед для Тени пусть будет со льдом.

— Ну, в общем, — Среда вернулся к неоконченному разговору, — таковы требования твоего работодателя.

— А как насчет моих требований к работодате-

лю? — поднял голову Тень.

— Валяй, с удовольствием выслушаю.

Официантка принесла стаканы. Тень отхлебнул меда со льдом. И впрямь вышло хуже: лед только усиливал кислый привкус и после каждого глотка оставлял во рту неприятное послевкусие. Впрочем, успокоил себя Тень, судя по всему, градусов здесь немного. Напиваться ему сейчас не стоит. Пока не стоит.

Он набрал полную грудь воздуха.

— Ну, ладно, — начал Тень. — В общем, жизнь моя, которая три последних года была весьма далека от идеала, только что самым внезапным и явным образом сделала поворот к худшему. Есть несколько вещей, которые я должен сделать в самое ближайшее время. Во-первых, попасть на похороны Лоры. Я хочу с ней попрощаться. Уладить все ее дела. Если ты по-прежнему настаиваешь на том, что хочешь взять меня на работу, для начала я хочу получать пятьсот долларов в неделю. — Цифру он назвал первую, какая пришла в голову. Среда смотрел на него с прежним бесстрастным выражением лица. — Если все у нас с тобой пойдет нормально, через полгода поднимешь ставку до тысячи в неделю.

Он перевел дух. Это была его самая длинная

речь за последние три года.

— Ты сказал, что мне, возможно, придется применять силу. Так вот, силу я буду применять только против тех людей, которые попытаются применить ее к тебе. Но калечить людей забавы ради или выгоды для не стану. У меня нет никакого желания возвращаться в тюрьму. Одного раза мне хватило вполне.

— Это понятно, — сказал Среда.

— Так что второго раза не будет, — Тень допил мед, и где-то на заднем плане в мозгу у него зашевелилась мысль: а не мед ли виной тому, что он эдак разговорился? Однако слова текли из него сами собой, как вода, что фонтаном хлещет вверх, летом, из пробитого гидранта, и при всем своем желании остановиться он уже не мог. — Ты не нравишься мне, мистер Среда, или как там тебя зовут по-настоящему. Ты мне не друг, и я тебе тоже не друг. Я понятия не имею, как ты сумел выбраться из самолета так, что я тебя не заметил, — и как ты выследил меня потом. Но деваться мне сейчас некуда. Когда работа кончится — все, разбежались. Если попытаешься меня кинуть — то же самое. А до той поры я согласен на тебя работать.

— Прекрасно, — подытожил Среда. — Значит,

договорились. Контракт вступает в силу прямо сейчас.

— Что он там делает? — повернул голову Тень. На другом конце зала Бешеный Суини кормил музыкальный автомат четвертаками. Среда плюнул себе на ладонь и протянул руку. Тень пожал плечами. Потом тоже плюнул себе на ладонь и взял протянутую руку. Среда тут же начал давить. Тень ответил тем же. Через несколько секунд он почувствовал боль. А еще через несколько секунд Среда ослабил хватку — и высвободил руку.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо. Очень хорошо. Теперь еще стаканчик этого гребаного вонючего меда для закрепления сделки, и дело сделано.

— А мне «Сазерн комфорт» с колой, — подхватил отлепившийся наконец от музыкального автомата Суини.

Автомат начал играть «Зачем это солнце?».[9] Интересно, как эта песня вообще попала в музыкальный автомат, подумал Тень. Редкий случай.

---

[9] notes: 9

Песня в исполнении роковой американской группы «Вельвет Андерграунд», первая в ее четвертом по счету альбоме «Loaded». Для музыкального автомата в придорожном баре выбор действительно довольно странный: группа была ориентирована на экспериментальную музыку, ее первым «настоящим» продюсером с 1966 года был Энди Уорхол.

Хотя, с другой стороны, то же самое легко можно сказать обо всем нынешнем вечере.

Тень подобрал лежащий на столе четвертак, при помощи которого чуть раньше пытался сыграть в орлянку, и зажал его между большим и указательным пальцами правой руки, поймав себя на том, сколько радости может доставить человеку одно только ощущение настоящей свежеотчеканенной монетки. Потом он сделал вид, что переложил ее в левую руку одним ловким движением, — а на самом деле вжал поглубже в ладонь правой. Его левая ладонь сомкнулась на воображаемом четвертаке. Потом он взял еще один четвертак, правой, точно так же, между указательным и большим пальцами, и сделал вид, что уронил его в левую руку — уронив при этом в правую, так, чтобы он ударился об уже лежавший там четвертак. Сам этот звук должен был послужить дополнительным подтверждением тому, что теперь обе монеты лежат у него в левой руке, при том, что лежали они обе в правой.

— Что, фокусы с монетами показываешь? — выкатив подбородок вперед, так что рыжая щетина встала торчком, спросил Суини. — Ну, если дело у нас дошло до фокусов с монетами, тогда смотри сюда.

Он взял со стола пустой стакан. Потом вытянул руку и достал прямо из воздуха золотую монету, большую и блестящую. И бросил ее в стакан. Потом достал из воздуха еще одну монету, подкинул ее, подставил стакан, и она звякнула о первую. Потом он вынул еще одну — из пламени горящей в настенном бра свечи, вторую — из щетины у себя на подбородке, третью — из пустой левой руки Тени, и тоже побросал их в стакан, одну за другой. Потом он пересыпал липкие монеты из стакана в карман своего пиджака — и похлопал по карману, чтобы продемонстрировать, что там пусто.

— Вот так-то, — сказал он. — Вот это я называю хорошим фокусом.

Тень, который пристально следил за каждым его движением, наклонил голову набок.

— Покажи, как ты это делаешь.

— Я это делаю, — сказал Суини с таким видом, будто выдавал самую страшную тайну на свете, — лихо и стильно. И по-другому не умею.

И беззвучно затрясся от смеха, ощерив редкие зубы и раскачиваясь на каблуках.

— Согласен, — кивнул головой Тень, — лихо и стильно. Я тоже так хочу. Если судить по той технике, что описана в моей книжке, ты, веро-

ятнее всего, спрятал монеты в той же руке, где был стакан, а потом ронял их по одной в стакан, а нам показывал — правой рукой — одну и ту же монету.

— Загребешься с этой твоей техникой, — сказал Бешеный Суини. — По мне так проще доставать их из воздуха, и все дела.

Тут вмешался Среда:

— Твой мед, Тень. Я сохраню верность «Джеку Дэниэлсу». Что же касается этого ирландского халявщика…

— Бутылочного пива, если можно, темного, — тут же подхватил Суини. — Значит, говоришь, халявщик? — Он поднял стакан с остатками коктейля и развернулся к Среде. — Да минует нас буря и да оставит нас без ущерба и в добром здравии! — возгласил он и опрокинул стакан в глотку.

— Прекрасный тост, — сказал Среда. — Жаль, бессмысленный.

Перед Тенью поставили очередной стакан с медом.

— Мне что, обязательно это пить?

— Боюсь, что так. Для закрепления сделки. Первая колом, вторая соколом, третья мелкой пташкой.

— Дерьма до кучи, — сказал Тень и опорожнил стакан двумя большими глотками. Во рту расцвел удушливый букет медового маринада.

— Ну вот и все, — сказал мистер Среда. — Теперь ты мой.

— Так как же все-таки, — вклинился Суини, — хочешь ты узнать, как я делаю этот фокус?

— Хочу, — ответил Тень. — Что, в рукаве держишь?

— В каком еще, на хрен, рукаве, — фыркнул Суини, раскачиваясь и подскакивая на месте, и сделался похож на долговязый небритый вулкан, вот-вот готовый взорваться от восторга по поводу собственного великолепия. — Все просто, как два пальца об асфальт. Побьешь меня, скажу.

Тень покачал головой.

— Я пас.

— Вот *ни фига* себе, — сказал Суини, обращаясь ко всему залу. — Старик Среда нанимает себе гориллу, а у парня керосину не хватает даже на то, чтобы кулаки из жопы вынуть.

— Я не стану с тобой драться, — повторил Тень.

Суини продолжал раскачиваться на пятках, на лбу у него выступила испарина. Он поправил козырек бейсболки. Потом вынул из воздуха очередную монету и положил ее на стол.

— Чистое золото, ежели что, — сказал он. — Победишь или проиграешь, — а ты проиграешь — не важно, она твоя. Такой амбал, и кто бы мог подумать, обосрался при первом же шухере, да?

— Он тебе уже сказал, что не станет с тобой драться, — вмешался Среда. — Вали отсюда, Бешеный Суини. Бери свое пиво и оставь нас в покое!

Суини сделал шаг по направлению к Среде.

— А это не ты, часом, назвал меня халявщиком, ты, пердун старый? Ты, злобный выродок, висельник сраный! — Лицо у него побагровело от злости.

Среда примирительно выставил перед собой руки, ладонями вперед.

— Потише, Суини. Выбирай слова.

Суини смерил его взглядом. Потом проговорил мрачным тоном вусмерть пьяного человека:

— Ты труса нанял, понял? Как ты думаешь, что он станет делать, если я сейчас дам тебе в морду?

Среда повернулся к Тени.

— Все, с меня хватит, — сказал он. — Разберись с ним.

Тень встал, и ему пришлось задрать голову, чтобы посмотреть Суини в лицо: господи, сколько же росту в этакой дылде, подумал он.

— Ты пьян, — сказал он. — И здесь тебе больше

делать нечего. Проваливай подобру-поздорову.

По лицу у Суини медленно расплылась блаженная улыбка.

— Ну наконец-то, — сказал он и тут же выбросил вперед тяжелый кулак.

Тень попытался уйти назад, но кулак все равно пришелся ему под правый глаз: посыпались искры, полыхнула боль.

Вот с этого драка и началась.

В том, как дрался Суини, не было ни стиля, ни особой хитрости — ничего, кроме беспорядочного воодушевления от самой драки: мощные, резкие удары наотмашь, и мазал он примерно так же часто, как попадал в цель.

Тень ушел в защиту и дрался очень аккуратно, блокируя удары Суини или уходя от них. Вокруг собрались зрители, и он ясно отдавал себе в этом отчет. Кто-то пытался протестовать, но столы моментально оказались отодвинуты к стенам, чтобы дать бойцам свободное пространство. Чувствовал Тень на себе и пристальный взгляд Среды — и его обычную недобрую ухмылку. Ежу понятно, ему устроили проверку: вот только — что проверяем?

Тюрьма научила Тень различать два вида драки: драку из разряда *я тебе глаза на жопу*

натяну, где главное произвести как можно больше впечатления на публику, и драку частную, *настоящую*, стремительную и неразборчивую в средствах, которая неизменно заканчивалась буквально за несколько секунд.

— Слушай, Суини, — задохнувшись от очередного удара в корпус, проговорил Тень, — ты ради чего дерешься-то?

— Ради радости, — отозвался Суини, трезвый как стеклышко: не то и впрямь протрезвел, не то перестал притворяться пьяным. — Ради чистого, охеренного, блядского удовольствия. Разве ты не чуешь, как по жилам у тебя растекается радость, как сок по дереву? — Губа у него кровоточила. Как, собственно, и костяшка на кулаке у Тени.

— Так как ты все-таки делаешь этот трюк? — спросил Тень.

Он качнулся назад, ушел в сторону и принял на плечо удар, который был нацелен ему в лицо.

— Да я ж тебе сразу сказал как, в самый первый раз! — гоготнул Суини. — Только фигли объяснять — ого! Вот это по-нашему! — тому, кто ни фига не слышит.

Тень весь вложился в хороший прямой в корпус, и Суини опрокинулся спиной вперед на стол; пустые стаканы и пепельницы посыпались на

пол. Вот тут бы его и добить.

Тень посмотрел на Среду; тот кивнул. Тень перевел взгляд на Бешеного Суини.

— Ну, хватит с тебя? — спросил он.

Суини поколебался, потом кивнул. Тень отпустил его и сделал несколько шагов назад. Суини, отдуваясь, перевел свое длинное туловище в вертикальное положение.

— А с тебя не хватит, жопа ты этакая! — взревел он. — Ты у меня сам сейчас соплями умоешься!

Он осклабился и ринулся на Тень, отведя руку для хлесткого свинга. Но тут под ногу ему попался кубик льда: улыбка тут же превратилась в отчаянную гримасу, ноги поехали вперед, а сам он грохнулся навзничь и с явственным стуком ударился затылком об пол.

Тень поставил колено ему на грудь.

— Еще раз спрашиваю, хватит с тебя? — повторил он.

— Ну, может, на сей раз и стоит с тобой согласиться, — ответил Суини, оторвав голову от пола, — потому что радости уже никакой, утекла радость, как мальчонка обоссался, плавая в бассейне в жаркий летний день.

Он выплюнул сгусток крови, закрыл глаза и тут же захрапел: густая, хорошо темперированная

каденция.

Кто-то похлопал Тень по спине. Среда сунул ему в руку бутылку пива.

На вкус оно было куда лучше меда.

* * *

Проснулся Тень на заднем сиденье седана. Солнце било прямо в глаза, голова трещала. Он неловко выпрямился и сел, потягиваясь.

За рулем сидел Среда и что-то мычал себе под нос: ни мелодии, ни ритма. В подставке для чашки — картонный стакан с кофе. Ехали они по федеральной трассе. На пассажирском сиденье никого не было.

— Как чувствуешь себя прекрасным этим, ясным утром? — не повернув головы, поинтересовался Среда.

— Где моя машина? — вопросом на вопрос ответил Тень. — Я ее напрокат взял.

— Бешеный Суини отгонит. Во исполнение сделки, которую вы с ним заключили вчера вечером. После драки.

В голове у Тени лениво зашевелились обрывки вчерашнего разговора.

— У тебя там кофе не осталось?

Среда пошарил могучей лапой под сиденьем

и протянул ему через плечо непочатую бутылку минералки.

— Держи. Страшная вещь обезвоживание. Сейчас это тебе поможет лучше, чем кофе. Как попадется заправка, остановимся, купим чего-нибудь на завтрак. И привести себя в порядок тебе тоже не мешает. А то вид такой, как будто тебя вчера козел драл.

— Кошки драли, — поправил его Тень.

— Козел, — повторил Среда. — Долговязый такой козлина, душной и смрадный, и с огромными зубищами.

Тень свернул на бутылке крышку и запрокинул голову. В кармане у него звякнуло что-то тяжелое. Он сунул руку в карман и вынул монету размером с доллар. Тяжелую и темно-желтую.

На заправке Тень купил гигиенический набор; в него входили бритвенный станок, упаковочка крема для бритья, расческа и одноразовая зубная щетка, к которой был прикреплен крохотный тюбик зубной пасты. Потом пошел в мужской туалет и посмотрел на себя в зеркало.

Под глазом у него красовался синяк, он осторожно надавил на кожу пальцем, и тут же почувствовал острую боль, губа тоже распухла.

Тень умылся с местным жидким мылом, по-

том намылил лицо и побрился. Почистил зубы. Намочил волосы и зачесал назад. Вид у него по-прежнему был так себе.

Что скажет Лора, когда увидит этакую рожу, подумал он, но тут же вспомнил, что Лора теперь уже никогда ничего не скажет, и увидел, как его лицо в зеркале дрогнуло — но лишь на долю секунды.

Он вышел из туалета.

— Дерьмово выгляжу, — сказал Тень.

— С чего бы это? — поддакнул Среда.

Среда как раз вывалил перед кассой охапку всякой снеди и расплатился и за нее и за бензин: он суетился, то вытаскивал пластиковую карточку, то опять прятал и открывал бумажник с наличными — к вящему раздражению мрачно жующей жвачку дамочки за кассовым аппаратом. Тень стоял и смотрел, как дрожат у Среды руки, как он мямлит и извиняется через каждые два слова. Он вдруг показался ему очень старым. Кассирша вернула ему деньги, взяв карточку, потом протянула ему чек и взяла деньги, потом снова вернула деньги и взяла другую карту. Среда уже едва не плакал: несчастный старик, окончательно запутавшийся в непостижимом мире кредитных карт.

Они вышли из теплого помещения наружу, и изо рта тут же повалил пар.

Потом снова тронулись в путь, и по обе стороны от машины поплыли бурые осенние луга и унылые голые деревья. Две черные птицы, усевшиеся на телеграфную линию, проводили их долгим взглядом.

— Слушай, Среда.

— Ну?

— Если я правильно понимаю, за бензин ты ей так и не заплатил.

— Как-как?

— Если я не ошибаюсь, она еще и приплатила тебе за удовольствие принять столь важную персону на свой заправке. Как ты думаешь, до нее уже дошло, что к чему?

— До нее это никогда не дойдет.

— Так кто ты есть на самом деле? Сшибаешь пару долларов за счет ловкости рук?

— Так точно, — кивнул Среда. — И этим я тоже охотно занимаюсь. Среди прочего.

Он перестроился, чтобы обогнать грузовик. Небо было унылое, равномерного серого цвета.

— Будет снег, — сказал Тень.

— Ага.

— Насчет Суини. Он что, и правда показал мне,

как делать этот фокус с золотыми монетами?

— Конечно.

— Ничего не помню.

— Само вспомнится. Мы долго вчера сидели.

На лобовое стекло упали несколько снежинок и тут же растаяли.

— Тело твоей жены выставлено сейчас в похоронном бюро Уэнделла, — сказал Среда. — После обеда его собираются везти на кладбище.

— Откуда ты знаешь?

— Позвонил, справился, пока ты был в сортире. Знаешь, где похоронное бюро Уэнделла?

Тень кивнул. Снежинки вертелись перед лобовым стеклом и закладывали головокружительные пируэты.

— Сверни здесь, — сказал Тень.

Машина скатилась с федеральной трассы, мимо мотелей, сбившихся в кучку к северу от Игл-Пойнта.

Да, прошло три года. Незнакомые вывески, и огней стало больше. Когда они ехали мимо «Силовой станции», Тень попросил Среду сбавить ход. «ЗАКРЫТО НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК, — гласила написанная от руки и вывешенная на двери табличка, — В СВЯЗИ С ТЯЖЕЛОЙ УТРАТОЙ».

Налево, на Мейн-стрит. Мимо тату-салона, за

ним армейский рекрутский центр, «Бургер Кинг», далее — аптека Ольсена, знакомая и ничуть не изменившаяся — и наконец желтый кирпичный фасад похоронного бюро Уэнделла. Неоновая надпись в витрине: «ДОМ УСПОКОЕНИЯ». Под вывеской — каменные надгробия, не тронутые резцом каменотеса, безликие и безымянные.

Среда вырулил на парковку.

— Хочешь, зайду с тобой? — спросил он.

— Да нет, не стоит.

— Хорошо, — все та же недобрая усмешка. — Да и у меня есть чем заняться, пока прощаешься с женой. Номера я сниму для нас обоих в мотеле «Америка». Как закончишь, подходи туда.

Тень вышел из машины и проводил ее взглядом. Потом вошел в здание. В сумеречном коридоре пахло цветами и мастикой, так что запах формальдегида едва угадывался. В дальнем конце коридора был вход в «Часовню успокоения».

Тень поймал себя на том, что вертит в руке золотую монету, судорожно перебрасывая ее вверх-вниз по ладони. Этот прохладный тяжелый кружочек в руке почему-то его успокаивал.

Возле двери в самой дальней части коридора висел листок с именем его жены. Он вошел в «Часовню успокоения». Почти всех, кто был в

комнате, он знал в лицо: несколько коллег Лоры по работе, кое-кто из друзей.

Его тоже узнали, все до единого — это было видно по выражению лиц. Но — ни улыбки, ни приветствия.

В дальнем конце комнаты был небольшой подиум, на нем кремового цвета гроб с расставленными вокруг цветами: алыми, желтыми, белыми и темно-красными, кровавого пурпурного оттенка. Он сделал шаг вперед. Лорино тело было видно уже отсюда. Ближе подходить ему не хотелось; развернуться и уйти он не решался.

Человек в черном костюме — Тень решил, что это работник похоронного бюро, — сказал:

— Сэр, не желаете ли вы сделать запись в книге соболезнований и воспоминаний? — и указал ему на лежавшую на маленьком пюпитре книгу в кожаном переплете.

Почерк у него был очень хороший. Он вывел «ТЕНЬ» и поставил дату, а потом, очень медленно, приписал рядом «(БОБИК)», откладывая тот момент, когда нужно будет идти в дальний конец комнаты, где люди и кремовый гроб, а в гробу — этот предмет, который никакого отношения к Лоре не имеет.

В дверь вошла маленькая женщина и замеш-

калась на пороге. Медно-рыжие волосы, очень черное и очень дорогое платье. *Вдовий траур*, подумал Тень: с этой женщиной он был знаком давным-давно. Одри Бертон, жена Робби.

В руках у Одри был букетик фиалок, перехваченный внизу полоской серебряной фольги. Такие букетики в июне собирают дети, подумал Тень. Вот только сейчас для фиалок был не сезон.

Она двинулась через комнату к гробу Лоры. Тень пошел следом.

Лора лежала с закрытыми глазами, сложив на груди руки. На ней был строгий синий костюм — Тень его раньше не видел. Длинные русые волосы убраны со лба. Да, это его Лора, и в то же время не она; потом он понял, что чужой ее делает неподвижная, напряженная поза. Лора даже во сне и нескольких минут не могла полежать тихо.

Одри положила букетик весенних фиалок на грудь Лоры. Потом пожевала губами — и плюнула, с силой, в мертвое лицо.

Плевок попал Лоре на скулу и тут же начал стекать к уху.

Одри уже шла к дверям. Тень догнал ее.

— Одри! — он окликнул ее.

— Тень! Ты что, из тюрьмы сбежал? Или они тебя сами выпустили?

На секунду ему показалось, что она на транквилизаторах. Голос уж больно глухой и ровный.

— Выпустили, вчера. Я свободный человек, — сказал Тень. — А теперь объясни мне, в чем дело?

Она остановилась в сумеречном коридоре.

— Ты насчет фиалок? Это были ее любимые цветы. Мы с ней с детства ходили их собирать.

— Я не про фиалки.

— Ах, так *вот* ты о чем. — Она вытерла с уголка рта невидимую каплю. — Мне кажется, и так все ясно.

— Не ясно, Одри. Мне — не ясно.

— Тебе что, ничего не сказали? — Тон у нее был совершенно ровный, бесстрастный. — Твоя жена умерла с членом моего мужа во рту, Тень.

Он вернулся назад, в часовню. Плевок кто-то успел вытереть.

После обеда — Тень поел в «Бургер Кинге» — были похороны. Кремовый гроб с телом Лоры предали земле на маленьком общем кладбище на краю города: неогороженный холмистый участок, луговая трава и перелески, сплошь усеянные черными гранитными и белыми мраморными надгробиями.

На кладбище он ехал на уэнделловом катафал-

ке, вместе с матерью Лоры. Судя по всему, миссис МакКейб склонна была считать, что в смерти Лоры виноват Тень.

— Если бы ты был здесь, — сказала она ему, — ничего этого бы не случилось. Вообще не понимаю, зачем она вышла за тебя замуж. Я ей говорила. Предупреждала ее, не раз и не два. Но кто теперь слушает, что говорят матери, а, я вас спрашиваю? — Она помолчала, потом пристально вгляделась в его лицо. — Ты что, дрался?

— Да, — ответил он.

— Варвар, — подытожила она, плотно сжала губы, задрала голову, так что все ее многочисленные подбородки заходили ходуном, и принялась глядеть в стену, прямо перед собой.

К немалому удивлению Тени, Одри Бертон тоже пришла на похороны, хотя держалась в тени. Закончилась краткая служба, гроб опустили в холодную землю. Люди начали расходиться.

Тень остался стоять у могилы: засунув руки в карманы, дрожа, глядя в глубокую яму.

Небо у него над головой было серо-стального цвета, безликое и плоское, как зеркало. Время от времени срывался снег, невесомыми блеклыми хлопьями.

Что-то он такое хотел сказать Лоре и готов

был ждать до тех пор, пока в голове у него не прояснится, и он не вспомнит, что именно. Мир вокруг начал понемногу терять свет и цвет. Ноги у Тени затекли, лицо и руки горели от холода. Он снова сунул руки в карманы, пытаясь хоть немного согреться, и пальцы сомкнулись на золотой монете.

Он подошел к могиле.

— Это тебе, — сказал он.

На гроб уже бросили несколько лопат земли, но места в могиле было еще предостаточно. Он бросил золотую монету Лоре, а потом набросал сверху немного земли, чтобы уберечь золото от алчности могильщиков. Тень отряхнул землю с рук и сказал:

— Спи спокойно, Лора, — а потом добавил: — Мне очень жаль, что все так вышло.

Потом повернулся к городским огням и пошел обратно в Игл-Пойнт.

До мотеля было мили две, не меньше, но после трех лет в тюрьме сама возможность идти и идти вперед, даже бесконечно долго, была — как подарок. Если идти все время на север, попадешь на Аляску, а там можно свернуть и пойти обратно, на юг, в Мексику, и даже еще того дальше. До самой Патагонии или до Огненной земли.

Рядом остановилась машина. Стекло поползло вниз.

— Подвезти тебя, Тень? — спросила Одри Бертон.

— Не надо, — ответил он. — От тебя мне ничего не надо.

Он продолжил идти в прежнем темпе. Одри ехала рядом, на скорости три мили в час. В лучах фар танцевали снежинки.

— Мне все время казалось, что она моя лучшая подруга, — сказала Одри. — Мы болтали с ней каждый день. Если у нас с Робби случалась драчка, она узнавала об этом самая первая — и мы отправлялись с ней в «Чи-Чи», чтобы поговорить о том, какие мужики свиньи. И все это время она трахалась с ним за моей спиной.

— Прошу тебя, Одри, ехала бы ты отсюда!

— Я просто хочу, чтобы ты понял: для того, что я сделала, у меня были свои причины, причем довольно веские.

Он промолчал.

— Эй! — крикнула она. — Эй, ты! Я с тобой разговариваю!

Тень повернулся.

— Ты что, хочешь, чтобы я сказал тебе, что ты была права, когда плюнула Лоре в лицо? И что

меня это совсем не задело? Или что после всего, что ты мне рассказала, я ее возненавидел и перестал по ней тосковать? Не бывать этому, Одри!

Еще с минуту она молча ехала рядом. Потом сказала:

— Как оно там, в тюрьме, а, Тень?

— Прекрасно, — ответил он. — Ты бы там себя чувствовала просто как дома.

Она ударила ногой по газам, мотор взревел, и машина умчалась.

Едва фары скрылись из виду, мир погрузился во тьму. Сумерки успели перерасти в ночь. Тень все ждал, когда же, наконец, от ходьбы станет теплее, когда тепло потечет по заледеневшим рукам и ногам. Но ничего подобного с ним не происходило.

Как-то раз, в тюрьме, Космо Дей по прозвищу Ловкий назвал маленькое тюремное кладбище, расположенное позади больнички, костяным садом, и образ этот застрял у Тени в голове. В ту же ночь ему приснился сад, залитый лунным светом, с белыми скелетообразными деревьями, ветви у которых заканчивались скрюченными пальцами, а корни уходили глубоко в могилы. На деревьях в приснившемся ему костяном саду росли плоды, и в этих плодах крылась какая-то

опасность, но, проснувшись, он так и не смог вспомнить ни того, что это были за плоды, ни того, почему держаться от них следовало как можно дальше.

Мимо проносились машины. Жаль, что тут нет тротуара, подумал Тень, и тут же запнулся обо что-то невидимое в темноте и растянулся во весь рост, одной рукой угодив в придорожную канаву, так что она на несколько дюймов ушла в ледяную грязь. Он поднялся на ноги, вытер руки о штанины, выпрямился, нелепо и неловко, как чучело, и успел только сообразить, что рядом кто-то есть, — словно ко рту и к носу прижали что-то мокрое, и он задохнулся от едкого химического запаха.

На этот раз канава показалась ему уютной и теплой.

* * *

Виски ломило так, будто к черепу их приколотили кровельными гвоздями. Руки были связаны за спиной: судя по ощущениям, чем-то вроде ремня. Он был в машине, на обшитом кожей автомобильном сиденье. Поначалу ему показалось, что у него нелады с пространственным восприятием, но потом он понял, что — нет, другое сиденье действительно отстоит от его собствен-

ного именно на *такое* расстояние.

Рядом с ним кто-то сидел, но повернуться и посмотреть, кто именно, он не мог.

Жирный молодой человек на противоположной стороне салона этого невероятного лимузина достал из бара банку диетической колы и с хрустом открыл ее. Длинное черное пальто из какого-то шелковистого материала, на вид — лет двадцать, не больше: на щеках полноценные зрелые угри. Увидев, что Тень пришел в себя, он улыбнулся.

— Привет, Тень, — сказал он. — Мой тебе совет: постарайся не действовать мне на нервы.

— Договорились, — сказал Тень. — Не буду. Если можно, высадите меня у мотеля «Америка», рядом с федеральной.

— Врежь ему, — сказал парнишка человеку, который сидел слева от Тени. Удар пришелся в солнечное сплетение, Тень задохнулся и сложился пополам. Потом выпрямился, как мог медленно.

— Я же сказал, не действуй мне на нервы. А ты действуешь. Постарайся отвечать коротко и в тему, не то я просто порешу тебя на хер, и все. Или, может, даже не убью. А скажу ребятам, чтобы они, блядь, переломали тебе все кости до единой.

А их, между прочим, двести шесть штук. Так что постарайся не действовать мне на нервы.

— Понял, — сказал Тень.

Лампочки, вделанные в потолок лимузина, поменяли цвет с фиолетового сперва на синий, потом на зеленый и наконец на желтый.

— Ты работаешь на Среду, — продолжил молодой человек.

— Да, — ответил Тень.

— Какого хера ему здесь нужно? В смысле, что он задумал? У него должен быть какой-то план. Какой у него план?

— Я начал работать на мистера Среду сегодня утром, — сказал Тень. — Я у него вроде как на посылках.

— То есть ты хочешь сказать, что не знаешь?

— Я хочу сказать, что не знаю.

Парень расстегнул пиджак и достал из внутреннего кармана серебряный портсигар. Открыл его и предложил сигарету Тени:

— Куришь?

Тень хотел было попросить, чтобы ему развязали руки, но потом передумал:

— Нет, спасибо.

Судя по всему, в портсигаре были не сигареты, а самокрутки, и когда паренек закурил, щелкнув

матовой черной «Зиппо», запах у дыма был — как от горелой проводки.

Парнишка глубоко затянулся и задержал дыхание. Потом выпустил немного дыма изо рта и снова втянул его носом. Такое впечатление, что он репетировал этот номер перед зеркалом прежде чем предъявить его публике, подумал Тень.

— Если ты мне соврал, — сказал парнишка, и голос его прозвучал как будто из другой комнаты, — я тебя, блядь, грохну. Ты меня понял?

— Да, вы уже говорили об этом.

Парнишка затянулся еще раз.

— Значит, говоришь, остановились в мотеле «Америка»? — Он постучал по водительскому стеклу. Окошко открылось. — Эй, там. Мотель «Америка», возле федеральной. Надо высадить там нашего гостя.

Водитель кивнул, стекло вновь поднялось.

Мерцающие оптоволоконные огоньки в салоне лимузина время от времени меняли цвет, пробегая по одной и той же не слишком яркой гамме. Тени показалось, что вместе с ними мерцают и глаза жирного молодого человека, и цвет напоминает зеленоватое свечение допотопного компьютерного монитора.

— А скажи-ка ты Среде вот что, приятель. Скажи

ему, что его дело прошлое. И его давно списали в утиль. Он старый. Скажи ему, что будущее за нами, и нам насрать на него и ему подобных. Его место в мусорном баке древней истории, а такие люди, как я, поедут в будущее на лимузинах, по суперскоростному шоссе.

— Я передам, — сказал Тень.

У него начала кружиться голова. Будем надеяться, что не стошнит, подумал он.

— Передай ему, что мы, блядь, перепрограммировали реальность. Передай, что язык — это вирус, вера — операционная система, а молитвы — ебаный спам. Передай ему все это слово в слово, а не то я замочу тебя на хер, — мягко, сквозь дым, сказал парнишка.

— Я понял, — ответил Тень. — Можете высадить меня прямо здесь. Остаток пути пройду пешком.

Молодой человек кивнул.

— Приятно с тобой говорить, — сказал он. Дым явно действовал на него умиротворяюще. — И запомни: если мы тебя, блядь, не уебашим, то просто потрем, и все дела. Ты понял? Один клик, и ты переписан единичками и ноликами, в случайном порядке. И операция «восстановить» не предусмотрена. — Он постучал по водительскому окошку. — Он выходит прямо здесь, — потом

повернулся к Тени и ткнул пальцем в свою самокрутку. — Синтетическая жабья кожа, — сказал он. — Вот, научился народ синтезировать буфотенин,[10] слыхал об этом?

Лимузин остановился, дверь открылась. Тень кое-как выбрался наружу. Путы у него на руках перерезали. Тень обернулся. Салон превратился в единое клубящееся облако дыма, сквозь которое мерцали два огонька, и цвет у них теперь был медно-красный, красивый такой цвет, как глаза у жабы.

— Речь у нас идет о доминирующей, на хрен, парадигме, Тень. Остальное неважно. Да, кстати, прими соболезнования, насчет твоей старушки.

Дверца захлопнулась, и лимузин тихо тронулся с места. Тень стоял ярдах в двухстах от мотеля. Он двинулся по направлению к гостинице, вдыхая холодный воздух, мимо красных, желтых и голубых огней, рекламирующих все мыслимые и немыслимые разновидности фастфуда, которые только может представить себе человек, если, конечно, он задался целью представить себе гамбургер; и до мотеля «Америка» Тень добрался без

[10] notes: 10

Буфотенин — наркотическое галлюциногенное вещество, по действию на человеческую психику сходное с ЛСД. Добывается из кожной слизи жабы буфо-буфо.

приключений.

Глава третья

Каждый час ранит. Последний — насмерть.

Старая поговорка

За стойкой в мотеле «Америка» сидела худая барышня. Она сказала Тени, что друг его уже зарегистрировал, и протянула ему прямоугольный пластиковый ключ от номера. Блеклая блондинка, чем-то неуловимо похожая на грызуна. Сходство это делалось особенно наглядным, когда барышне что-то не нравилось: улыбка же явно шла ее внешности на пользу. Она отказалась называть Тени номер комнаты, в которой поселился Среда, и настояла на том, что сама позвонит постояльцу и скажет, что его гость уже прибыл.

Среда вышел из двери в дальнем конце холла и кивнул Тени.

— Как прошли похороны?

— Прошли, — ответил Тень.

— Не хочешь говорить об этом?

— Не хочу, — подтвердил Тень.

— Ну и ладно, — осклабился Среда. — И без того в последнее время болтовни вокруг стало слиш-

ком много. Слова, слова, слова. Этой стране явно пошло бы на пользу, если бы люди научились страдать молча.

Среда отвел его в свой номер, который оказался напротив комнаты Тени. Номер был сплошь завален картами: карты разложены на кровати, карты пришпилены к стенам. На всех Среда уже успел что-то начертить яркими фломастерами: флуоресцирующий зеленый, режущий глаз розовый, веселенький оранжевый.

— Меня только что взял в заложники какой-то жирный парень, — сказал Тень. — Он велел тебе передать, что твое место на свалке истории, тогда как сам он и ему подобные будут ездить на лимузинах по суперскоростным автострадам бытия. Что-то вроде этого.

— Вот сопля зеленая, — отреагировал Среда.

— Ты его знаешь?

Среда пожал плечами.

— Знаю, кто он такой и откуда взялся. — Он тяжело опустился на единственный в комнате стул. — А вот ключа у них нет, — продолжил Среда. — Гребаный ключ им в руки не дается. Сколько времени тебе еще придется оставаться в этом городе?

— Не знаю. Может, с неделю. Надо будет, навер-

ное, уладить Лорины дела. Решить, что делать с квартирой, избавиться от ее одежды и так далее. Мамаша ее, конечно, будет кипятком ссать, но так ей и надо.

Среда кивнул тяжелой косматой башкой.

— В общем, чем быстрее ты со всем этим разберешься, тем быстрее нас не будет в Игл-Пойнте. Спокойной ночи.

Тень пересек холл. Его комната была точной копией комнаты Среды, вплоть до идиотской картинки с закатом, пришпиленной над кроватью. Он заказал себе пиццу с сыром и мясным фаршем, потом набрал ванну, вылив в воду все гостиничные пузырьки с шампунем, чтобы вода вспенилась.

Он был слишком большой и не мог лечь в гостиничной ванне в полный рост, так что он в нее сел и постарался получить максимум удовольствия. Тень пообещал себе ванну, как только выйдет из тюрьмы, Тень свое слово держит.

Пиццу принесли вскоре после того, как он вышел из ванной, и Тень ее съел, запив банкой рутбира.[11]

---

[11] notes: 11

Root beer — газированный напиток из корнеплодов с экстрактом американского лавра, анисом, мускатным маслом и другими ингредиентами. В продаже с конца XIX века.

Тень лежал в постели и думал: *В первый раз сплю в постели, как свободный человек*, но мысль эта радовала его куда меньше, чем ожидалось. Он не стал задергивать занавески, смотрел через окно на огоньки проезжающих машин, витрины фастфудов напротив, и его грела мысль о том, что там расположен совсем другой мир, и что человек по имени Тень свободен идти в этом мире, куда ему заблагорассудится.

Человек по имени Тень мог бы, конечно, лежать сейчас и в собственной постели, подумал он, в квартире, где он жил вместе с Лорой, — в постели, в которой он спал вместе с Лорой. Но от одной только мысли о том, что лежать там пришлось бы в одиночку, в окружении ее вещей, ее запахов, ее жизни, ему делалось больно…

Не ходи туда, сказал себе Тень. И решил думать о чем-нибудь другом. Например, о фокусах с монетами. Тень отдавал себе отчет в том, что хорошим фокусником ему никогда не стать: не такой он человек. Он не сможет заговаривать публике зубы, чтобы она между делом заглатывала наживку, карточные фокусы он тоже не любил, как не любил доставать бог весть откуда бумажные цветы. Ему просто нравилась ловкость рук, особенно когда в этих руках были монеты. Он начал

вспоминать все те способы, которыми мог заставить монету исчезнуть, и это напомнило ему о той монете, которую он бросил в могилу Лоры, а потом откуда-то из глубины возник голос Одри и принялся рассказывать о том, что Лора умерла с членом Робби во рту, и в сердце у Тени снова свила себе гнездышко маленькая пакостная боль.

Каждый час ранит. Последний — насмерть. От кого он это слышал?

Он вспомнил, что сказал на сей счет Среда, и улыбнулся, против собственной воли: Тень сто раз слышал, как люди советуют друг другу не сдерживать обуревающие их чувства, выплеснуть эмоции, дать боли уйти. Тень подумал, что и в пользу противоположной тактики наверняка можно сказать много дельного. Если достаточно долго и достаточно глубоко держать свои чувства под спудом, очевидно, рано или поздно вообще перестанешь чувствовать что бы то ни было.

Сон пришел сам, так что Тень даже не заметил.

Он шел…

Он шел по комнате, которая была больше, чем целый город, и куда ни бросишь взгляд, везде были статуи, резные скульптуры и грубо вылепленные идолы. Он остановился возле женской фигуры: голые висячие груди плоско

лежат на животе, вокруг пояса — плетенка из отрубленных человеческих рук, сама она держит в обеих руках по острому ножу, а вместо головы у нее поднимаются из шеи две переплетшиеся змеи, выгнувшиеся, готовые впиться друг другу в глотку. Было в этой статуе что-то жутко отталкивающее, какая-то глубокая, отчаянная противоестественность. Тень попятился.

Он пошел дальше. Каменные глаза тех статуй, у которых были глаза, казалось, следили за каждым его шагом.

Потом, во сне, до него дошло, что у каждой статуи есть имя, и что оно горит на полу, у ее подножия. Седой мужчина с ожерельем из зубов на шее и барабаном в руках, звался *Левкотиос*;[12] женщина с широкими бедрами, у которой из зияющей промежности сыпались чудовищного вида существа, была *Хубур*;[13] человек с бараньей го-

---

[12] notes: 12

Левкетиос (Левцетиос, Луцетиос) — галльское божество (большая часть посвятительных надписей обнаружена в восточных галльских областях, в особенности в местностях, которые населяло племя вангионов), которое и римлянами, и самими галлами ассоциировалось с Марсом. Имя можно приблизительно перевести как «Светлый», «Белый», «Белобог».

[13] notes: 13

Умму-Хубур — видимо, одно из культовых имен вавилонской богини Тиамат, связанной с водами (преимущественно, морскими или смешанными, пресно-солеными) и первородным хаосом.

ловой и золотым шаром в руках был *Хершеф*.[14]

К нему, во сне, обращался голос, взвинченно-вычурный, отчетливо и внятно произносивший каждый звук, — но видеть он никого не видел.

— Все это боги, давно забытые людьми, боги, которые, вероятнее всего, уже умерли. Только сухая ткань мифов сохранила их. Они ушли, ушли совсем, и только их образы и имена до сих пор остаются с нами.

Тень свернул за угол и оказался в другой комнате, еще большей, чем первая. Прямо перед ним были отполированный до блеска коричневый череп мамонта и маленькая женщина с изуродованной левой рукой, одетая в крашенную охрой меховую накидку. Далее шли три женщины, вырезанные из единой гранитной глыбы и сросшиеся у пояса: лица у них были не проработаны, словно резали их наспех и кое-как, зато груди и гениталии мастер выполнил с любовью и знанием дела; еще там была бескрылая птица неизвестной породы, в два раза выше Тени, с клювом, как у стервятника, и человеческими руками; и так далее, и тому подобное.

Голос прорезался снова, с навязчивой интона-

---

[14] notes: 14

Хершеф (Харшаф) — локальное египетское водное божество с головой барана, ассоциируется чаще всего с Гором или Амоном.

цией классного наставника:

— А это боги, о которых теперь вообще никто не помнит. Даже их имена стерлись из памяти. Народы, которые им молились, забыты точно так же, как их боги. Изваяния низвержены давным-давно и разбиты. Последние жрецы умерли, никому не передав своих тайн… Боги смертны. И когда они умирают совсем, никто не оплакивает их, никто не вспоминает. Идею убить куда труднее, чем человека, но в конечном счете можно убить и ее.

Откуда-то из глубины залы накатил слитный шум, то ли шепот, то ли шорох, который начал отдаваться в разных частях пространства, и от которого Тень охватило чувство необъяснимого и невыразимого ужаса. Его обуяла паника, он заметался по зале, в которой жили боги, самый факт существования которых был забыт, — боги с лицами осьминогов, боги в виде мумифицированных рук, падающих скал, лесных пожаров…

Он пришел в себя: сердце колотилось как бешеное, лоб в испарине, сна ни в одном глазу. Красные цифры на электронном будильнике показывали три минуты второго. В окно попадал свет от неоновой вывески мотеля, которая оказалась прямо над его комнатой. Тень встал и,

пошатываясь, пошел в крохотную гостиничную ванную. Помочился, не включая света, и вернулся в спальню. Только что приснившийся сон все еще стоял перед глазами, но было непонятно, чего он так испугался и по какой причине.

Свет, что лился в комнату через окно, был довольно тусклым, но глаза Тени успели привыкнуть к темноте. На краешке его кровати сидела женщина.

Он узнал ее. Он узнал бы ее даже в толпе из тысячи, сотни тысяч других женщин. На ней по-прежнему был темно-синий костюм, в котором ее похоронили.

Говорила она шепотом, но шепот был ему знаком.

— Ты, наверное, хочешь спросить, — начала Лора, — что я здесь делаю?

Тень не ответил.

Он сел на единственный в комнате стул, помолчал, а потом спросил наконец:

— Это ты?

— Да, — ответила она. — Мне холодно, бобик.

— Ты умерла, девочка моя.

— Да, — сказала она. — Да. Я знаю. — Она положила ладонь на кровать, рядом с собой. — Иди сюда, посиди со мной, — попросила она.

— Нет, — сказал Тень. — Я уж лучше здесь как-нибудь. Нам с тобой надо кое-что выяснить.

— Это насчет того, что я мертвая?

— Можно и так сказать. Но меня скорее беспокоит то, как именно ты умерла. Вы умерли — ты и Робби.

— А, — сказала она, — ты об этом.

Тень почувствовал — или это ему только показалось? — запах тлена, цветов и формальдегида. Его жена — его бывшая жена… нет, поправил он сам себя, его *покойная* жена — сидела на кровати и не моргая смотрела на него.

— Бобик, — сказала она, — не мог бы ты — в общем, если тебе не сложно, не мог бы ты найти мне сигарету?

— Мне казалось, ты бросила курить.

— Бросила, — согласилась она. — Но я теперь уже не очень-то переживаю насчет здорового образа жизни. Глядишь, успокоюсь немного. Там, в холле, стоял автомат.

Тень натянул джинсы и майку и вышел, босой, в холл. Ночной портье, средних лет мужчина, сидел за стойкой и читал роман Джона Гришема. Тень купил в автомате пачку «Вирджинии слимс». И попросил у портье коробку спичек.

— Вы в номере для некурящих, — сказал пор-

тье. — Так что будьте добры, открывайте окно, когда курите. — Он протянул Тени спичечный коробок и пластмассовую пепельницу с логотипом мотеля «Америка».

— Будет сделано, — кивнул Тень.

Он вернулся в комнату. Лора успела лечь на спину, прямо поверх скомканного покрывала. Тень открыл окно и отдал ей сигареты и спички. Пальцы у нее были холодные. Она чиркнула спичкой, и он увидел, что ногти, которые обычно были у нее в безукоризненном состоянии, облуплены и обломаны, и под ними — грязь.

Лора прикурила, затянулась и задула спичку. Потом затянулась еще раз.

— Ничего не чувствую, — сказала она. — Наверное, зря я это.

— Мне очень жаль, — сказал Тень.

— Мне тоже, — ответила Лора.

Когда она затягивалась, огонек разгорался, и он видел ее лицо.

— Значит, — сказала она, — тебя все-таки выпустили.

— Да.

Огонек из темно-красного стал оранжевым.

— Спасибо тебе еще раз. Не стоило тебя во все это впутывать.

— Брось ты, — сказал он. — Это был мой выбор. Вполне мог отказаться.

Интересно, подумал он, а почему ты ее совсем не боишься? Только что сон про музей напугал тебя до смерти, а вот ходячий труп — ничуть не беспокоит.

— Ага, — подхватила она. — Мог, конечно. Дубина ты моя стоеросовая.

Дым вился у ее лица. В тусклом свете сигареты она казалась ему очень красивой.

— Хочешь узнать, что было у нас с Робби?

— В общем, да.

Она затушила сигарету в пепельнице.

— Ты был в тюрьме, — начала она. — А мне нужно было хоть с кем-то поговорить. Нужна была жилетка, в которую я могла выплакаться. Тебя же не было. А мне было плохо.

— Извини. — Тень обратил внимание, что с голосом у нее что-то не так, вот только неясно, что именно.

— Да ладно. Ну, началось все с малого — кофе вместе попить. Поговорить о том, что мы устроим, когда ты выйдешь. Как будет здорово, когда ты вернешься. Ты же знаешь, ты ему нравился, по-настоящему. Ему хотелось, чтобы ты снова устроился к нему на работу.

— Я знаю.

— А потом Одри уехала на неделю в гости к сестре. Было это через год, нет, через тринадцать месяцев после того, как тебя посадили. — Голос у нее был абсолютно ровным, лишенным всякого выражения; каждое слово — глухое и плоское, будто камушки падают в глубокий колодец, один за другим. — Робби зашел в гости. И мы напились. И трахнулись на полу в спальне. Классно было. Просто здорово.

— Вот об этом ты мне лучше не рассказывай.

— Правда? Ну, извини. Когда умираешь, все становится без разницы. Ну, понимаешь, вроде как фотографии смотришь. И, в общем, как-то все равно.

— Мне не все равно.

Лора прикурила еще одну сигарету. Движения у нее были быстрые и отточенные, никакой скованности. Тень даже на мгновение засомневался, — а мертвая ли она на самом деле. Вдруг это какой-то сложносочиненный фокус.

— Ну да, — продолжила она. — Понятно. В общем, начался у нас с ним роман — хотя мы его так и не называли, мы вообще это никак не называли — и длился он почти два года.

— Ты собиралась от меня уйти? К нему?

— Это еще зачем? Ты — мишка мой здоровенный. Ты — мой бобик. Ты меня так выручил. Я все три года тебя ждала. Я тебя люблю.

Фраза *Я тоже тебя люблю* едва не вырвалась у него наружу, но он вовремя остановился. Никогда я больше этого тебе не скажу. Никогда.

— А что произошло той ночью?

— Это когда я погибла?

— Да.

— Ну, мы с Робби собирались обсудить вечеринку, которую устроим по случаю твоего возвращения. Такая классная была задумка. И я ему сказала: все, хватит. Совсем хватит. Ты вернешься, и по-другому быть никак не может.

— М-да. И на том спасибо.

— Не за что, милый, — по лицу у нее пробежала тень улыбки. — В общем, мы опять выпили, расчувствовались. Так здорово было. Такая дурка на нас напала. Я была пьяная в драбадан. А он нет, не очень. Ему еще машину надо было вести. Мы ехали домой, и тут я заявила, что на прощанье сделаю ему минет, с большим и светлым чувством, а потом расстегнула ему брюки и сделала минет.

— Зря ты это.

— И не говори. Нечаянно плечом переключи-

ла передачу на нейтралку, он попытался меня оттолкнуть, включить передачу и выжать сцепление, но машину уже повело, и тут раздался сильный хруст, и я помню, что мир вокруг начал кружиться и вертеться, и я подумала: сейчас я умру. И — полное спокойствие. Это я точно помню. Вообще никакого страха. А после я уже ничего не помню.

Потянуло чем-то вроде паленой пластмассы. Да это же фильтр у нее горит, понял Тень. Лора, судя по всему, ничего не замечала.

— А здесь ты что делаешь, Лора?

— А что, жена не имеет права зайти проведать мужа?

— Ты умерла. Сегодня днем я был у тебя на похоронах.

— Ага. — Она кивнула и уставилась перед собой в пустоту. Тень встал, подошел к ней, вынул у нее из пальцев крохотный окурок и выбросил его в окно.

— И что?

Она попыталась встретиться с ним взглядом.

— Не то чтобы я много нового узнала по сравнению с тем, что знала, пока была живая. А большую часть из того, что узнала, словами не выскажешь.

— Когда человек умирает, он, как правило, остается лежать в могиле, — сказал Тень.

— Правда? Ты действительно так считаешь, бобик? Я раньше тоже так думала. А теперь уже не слишком в этом уверена. Хотя… — она выбралась из постели и подошла к окну. Ее лицо при свете неоновой вывески было таким же красивым, как раньше. Лицо женщины, ради которой он отправился в тюрьму.

Сердце у него болело так, словно кто-то стиснул его в кулаке и давит, давит…

— Лора…

Она даже не посмотрела на него.

— Ты впутался в очень скверную историю, Тень. И влипнешь ты по самое не хочу, если хоть кто-нибудь не возьмется за тобой присматривать. Я буду за тобой присматривать, Тень. И — спасибо тебе за подарок.

— Какой подарок?

Она потянулась к карману блузки и вынула золотую монету, ту самую, которую он сегодня днем бросил ей в могилу. На монету налипла земля.

— Наверное, лучше подвесить ее на цепочку. Очень мило с твоей стороны.

— Всегда пожалуйста.

И тут она повернулась и посмотрела ему прямо

в лицо — глазами, которые, казалось, одновременно видели его насквозь и вообще ничего не видели.

— Мне кажется, в нашей с тобой истории есть целый ряд тем, которые нам следует непременно обсудить.

— Девочка моя, — сказал он ей. — Ты же мертвая.

— Ну да, с этим, конечно, не поспоришь, — она помолчала. — Ладно. Мне пора. Будет лучше, если я уйду сейчас.

Легко и естественно она повернулась, положила Тени руки на плечи и встала на цыпочки, чтобы поцеловать его на прощанье, точно так же, как всегда его целовала, когда они расставались.

Он неловко нагнулся, чтобы чмокнуть ее в щеку, но она быстро повернула голову и прижалась губами к его губам. От нее едва уловимо пахло формалином.

Язык Лоры скользнул Тени в рот. Он был сухой и холодный, от него пахло сигаретным дымом и желчью. Если до этой секунды у Тени были сомнения насчет того, что его жена мертва, теперь от них не осталось и следа.

Он отодвинулся.

— Я люблю тебя, — сказала она, все так же про-

сто. — Я не дам тебя в обиду. — Она двинулась к двери. Во рту у него остался странный привкус. — Тебе надо немного поспать, бобик, — сказала она. — И постарайся не впутываться лишний раз в неприятности.

Она отворила дверь в холл. Лампы дневного света безжалостно констатировали: Лора была — мертвец мертвецом. Хотя, с другой стороны, кто в их свете выглядит иначе?

— Мог бы попросить меня остаться, — сказала она каменно-холодным голосом.

— Это вряд ли, — ответил Тень.

— Еще попросишь, милый, — сказала она. — Прежде чем все это кончится. Ты меня об этом еще попросишь. — Она повернулась и пошла по коридору прочь.

Тень выглянул из дверного проема и посмотрел ей вслед. Ночной портье, который читал роман Джона Гришема, едва поднял голову, когда она проходила мимо него. На туфли у нее налип толстый слой кладбищенской глины. А потом она исчезла.

Тень выдохнул, очень медленно. Сердце, сбиваясь с ритма, отчаянно колотилось у него в груди. Он пересек холл и постучался к Среде — и в тот же самый момент его охватило пренеприятное чув-

ство, словно по коже полоснули черные крылья, словно огромная черная ворона пролетела сквозь него, потом через холл — и вылетела наружу.

Среда открыл дверь — совершенно голый, если не считать обернутого вокруг пояса белого гостиничного полотенца.

— Какого лешего тебе надо? — спросил он.

— Хотел кое о чем рассказать, — сказал Тень. — Может, конечно, мне это приснилось, — но только не приснилось мне это: может, я надышался дымом от синтетической жабьей кожи, что курил тот жирный парень, или, может, у меня поехала крыша…

— Ладно, ладно. Валяй, что там у тебя, — сказал Среда. — Видишь ли, я тут, типа, несколько занят.

Тень заглянул в комнату. На кровати кто-то лежал и смотрел на него. Простыня натянута до самых плеч, чтобы прикрыть маленькие грудки. Блеклая блондинка, остренькая, как у крыски, мордашка. Тень понизил голос.

— Я только что видел свою жену, — сказал он. — Там, в номере.

— В смысле, призрак? Ты видел призрак?

— Нет. Не призрак. Она была настоящая. И — это была она. Мертвая, конечно, но никакое это

было не привидение. Я до нее дотрагивался. Она меня поцеловала.

— Понятно, — Среда повернулся к лежавшей у него в постели женщине. — Я сейчас вернусь, дорогая.

Они пошли в номер к Тени. Среда включил свет. Покосился на сигаретный окурок в пепельнице. Почесал грудь. Соски у него были темные — соски старика, — а волосы на груди совершенно седые. На одном боку — белый шрам. Он понюхал воздух и передернул плечами.

— Ну ладно, — сказал он. — Значит, тебе явилась мертвая жена. Напугался?

— Есть немного.

— Тоже понятно. У меня от мертвецов всегда мороз по коже. И что дальше?

— Я готов уехать из Игл-Пойнта. С квартирой и прочим пускай разбирается Лорина мамаша. Она все равно меня терпеть не может. Так что едем, как только скажешь.

Среда ухмыльнулся.

— Славные новости, сынок. Утром и тронемся. А теперь тебе надо немного поспать. Если боишься, что сразу не заснешь, — у меня в номере есть немного виски. Будешь?

— Да нет. Обойдусь.

— Тогда не беспокой меня больше. Ночь у меня впереди долгая и многотрудная.

— Доброй ночи, — сказал Тень.

— Именно что доброй, — кивнул Среда и притворил за собой дверь.

Тень сел на койку. В воздухе по-прежнему пахло табачным дымом и формальдегидом. Досадно, что он даже и погоревать по Лоре, как подобает, не в состоянии: теперь, когда она исчезла, он понял, что и впрямь испугался ее, и что оплакивать умершего куда лучше, чем встречаться с ним по ночам. Да и потосковать по ней — самое бы время. Он выключил свет, вытянулся на кровати и стал думать о Лоре, какой она была до того, как он угодил в тюрьму. О времени сразу после свадьбы, о том, какие они тогда были молодые и глупые, как они были счастливы и как не могли друг от друга оторваться.

Тень не плакал столько лет, что ему уже давно стало казаться: он забыл, как это делается. Он не плакал даже когда умерла мать.

И вот теперь зашелся короткими, болезненными спазмами, и впервые со времен далекого-далекого детства он плакал, пока не заснул.

Прибытие в Америку

813 год н. э.

Они шли по зеленому морю по звездам и линии берега, а если от берега оставалось одно воспоминание, а ночное небо застили тучи и сгущалась тьма, их вела вера, они молились Отцу Всех, чтобы он дозволил им снова увидеть землю.

Дорога на этот раз не легла им скатертью, пальцы, оцепенев, превратились в крючья, а в костях поселилась дрожь, которую невозможно было выжечь оттуда даже вином. По утрам они просыпались с бородами, покрытыми инеем, и до той поры, покуда солнце их не отогревало, выглядели стариками, поседевшими прежде времени.

К тому времени, как они добрались до зеленой земли на западе, зубы уже начали шататься, а глаза глубоко запали в глазницы. И тогда люди сказали: «Мы далеко-далеко от домов и очагов наших, от морей, знакомых нам, и земель, которые любим. Здесь, на краю света, наши боги забудут о нас».

Их вождь забрался на вершину высокого утеса и стал насмехаться над тем, как мало в них веры: «Отец Всех сотворил этот мир, — прокричал

он. — Он вылепил его своими руками из раздробленных костей и мяса Имира, деда своего. Мозг Имира он забросил на небо, и стали облака, а соленая кровь его стала морем, по которому мы сюда плыли. И если он создал весь мир, неужто вы не поняли, что и эту землю тоже создал он? И если мы умрем здесь как мужчины, неужто не допустит он нас в залу свою?»

И тогда они обрадовались и стали смеяться. А потом дружно взялись за работу и возвели из расщепленных древесных стволов большой дом, и окружили его частоколом из заостренных бревен, хотя, насколько им было известно, кроме них других людей вокруг не было.

В день, когда постройка была закончена, случилась буря: в полдень небо сделалось черным, как ночью, от горизонта до горизонта заплясали белые росчерки пламени, удары грома были настолько сильными, что люди едва не оглохли, а корабельный кот, которого возили с собой на удачу, забился под вытащенную на берег ладью. Буря удалась на славу — мощи и злости в ней хватило бы на несколько бурь — и люди смеялись, хлопали друг друга по спине и говорили: «Громовик тоже с нами в этой чужой земле», — и они возблагодарили бога, и возрадовались, и пили,

пока у них не закружилось в головах.

А ночью, в дымной полумгле большой залы, сказитель пел им старые песни. Он пел об Одине Отце Всех, который самого себя принес самому же себе в жертву — с той доблестью и отвагой, с какой потом встречали смерть другие его жертвы. Девять дней Отец Всех провисел на мировом древе, истекая кровью от нанесенной копьем раны в боку. И спел он им обо всех тех вещах, которые Отец Всех постиг в муках своих: девять имен, девять рун и дважды девять заклятий. Когда речь дошла до копья, пронзившего тело Одина, сказитель закричал от боли, точно так же, как и сам Отец Всех возопил в муках своих, и все они содрогнулись, представив себе эту боль.

На следующий день, который как раз пришелся на день Отца Всех, они обнаружили скрэлинга, маленького человека с длинными волосами, черными как вороново крыло, и с кожей, как жирная красная глина. Он говорил слова, которых ни один из них не в состоянии был понять — даже сказитель, а тот когда-то плавал на корабле, что прошел чрез Геркулесовы столпы, и потому знал купеческое наречие, внятное всем людям, живущим в Средиземноморье. Чужак был одет в меха и перья, а в волосы его были вплетены

маленькие кости.

Они привели его в свой большой дом и дали ему поесть жареного мяса, и дали крепкого питья для утоления жажды. Они покатывались со смеху, когда ноги у чужака начали заплетаться, а сам он начал петь песни, и голова его качалась и падала на грудь, и все это с полрога меда. Они дали ему выпить еще, и вскоре он уже лежал под столом, закрывши рукой голову.

И тогда они подняли его на руки — по человеку на каждое плечо, по человеку на ногу, — и четверо мужчин превратили его в коня об осьми ногах, и подняли его на плечи, и понесли во главе процессии к высокому ясеню, что стоял на холме, над бухтой, а потом они захлестнули ему шею веревкой и повесили сушиться на ветру, принеся его в жертву Отцу Всех, повелителю виселиц. Тело скрэлинга закачалось на ветру, лицо почернело, язык вывалился, глаза вылезли из орбит, пенис напрягся так, что на него можно было бы повесить кожаный шлем, а люди веселились и кричали, и гордились тем, что от них отправилась на небеса такая славная дань.

А когда на следующий день два огромных ворона прилетели к трупу скрэлинга, опустились каждый на свое плечо, и стали клевать ему глаза

и щеки, люди поняли, что Отец Всех принял их жертву.

Зима была долгой, и людей мучил голод, но их согревала мысль о том, что весной они отправят корабль обратно в северные земли, и корабль привезет сюда поселенцев — и женщин. Когда стало совсем холодно и дни сделались короче, несколько человек отправились на поиски деревни скрэлингов, в надежде отыскать еду — и женщин. Не нашли они ровным счетом ничего, кроме старых костровищ и проплешин от маленьких стойбищ.

Как-то раз, в самой середине зимы, когда солнце висело на небе далекое и холодное, как потускневшая серебряная монетка, они заметили поутру, что останки скрэлинга исчезли с ясеня. А после полудня пошел снег, огромными, неспешно падающими хлопьями.

Люди из северных земель затворили ворота своей маленькой крепости и укрылись за деревянной стеной.

Военный отряд скрэлингов напал на них в ту же ночь: пять сотен против трех десятков. Они перебрались через стену, и за следующие семь дней убили тридцать человек тридцатью разными способами. И мореходы исчезли — исчезли из

истории, исчезли из памяти своего собственного народа.

Стену скрэлинги снесли, дом сожгли. Ладью, перевернутую кверху килем и стоявшую на галечнике подальше от воды, они сожгли тоже, в надежде, что у бледнолицых чужаков был всего один такой корабль, и вот он сгорел, и больше ни один норманн никогда не высадится на их берег.

А было это за сто с лишним лет до того, как Лейф Счастливый, сын Эрика Рыжего, заново открыл эти земли и назвал их Винландом. Когда он прибыл, его боги уже дожидались его на берегу: Тюр, однорукий, седой Один, бог виселиц, и Тор, громовик.

Они были на берегу.

Они ждали.

Глава четвертая

Пускай посветят мне в окно
Ночные поезда,
Волшебные и добрые
Ночные поезда.

«Ночные поезда», народная песня

Тень и Среда позавтракали в «Деревенской

кухне», через дорогу от мотеля. На дворе было восемь часов утра, и мир был туманен и сыр.

— Ты по-прежнему готов уехать из Игл-Пойнта? — спросил Среда. — Если да, то сперва мне нужно сделать пару звонков. Сегодня пятница. Пятница — день бездельный. Женский день. А завтра суббота. Пора за работу.

— Я готов, — ответил Тень. — Ничто меня здесь не держит.

Среда навалил себе в тарелку целую гору мясной нарезки. Тень ограничился парой ломтиков дыни, рогаликом и сливочным сырком. Расположились они в отдельной кабинке.

— Так ты говоришь, ночью тебе приснился странный сон, — сказал Среда.

— Н-да, — согласился Тень, — действительно странный.

Утром, когда он вышел из номера, грязные следы Лоры, ведущие от его номера через холл ко входной двери, были отчетливо видны на полу.

— Да, кстати, — вскинулся Среда, — а откуда вообще такое имя: Тень?

Тень пожал плечами:

— Такое вот имя.

За окном подернутый дымкой мир превратился в карандашный эскиз с дюжиной оттенков

серого и разбросанными кое-где расплывчатыми пятнами электрического красного и чистого белого цвета.

— А как ты потерял глаз?

Среда заправил в рот с полдюжины ломтей бекона, прожевал и тыльной стороной руки вытер с губ жир.

— Да не терял я его, — ответил он. — Я точно знаю, где он и что с ним.

— Ладно, что делаем дальше?

Вид у Среды сделался задумчивый. Он съел еще несколько ярко-розовых ломтиков ветчины, вынул из бороды кусочек мяса и бросил его обратно в тарелку.

— А делаем мы вот что. Завтра вечером у нас встреча с несколькими именитыми персонами — каждой в своей области. Ты, кстати, особо перед ними не тушуйся. Встреча назначена в одном из самых значимых мест во всей стране. Потом выпьем с ними и угостим их ужином. Я тут затеваю одно предприятие, и мне нужна их поддержка.

— А где находится это самое значимое место во всей стране?

— Увидишь, мальчик мой. Одно из самых значимых. Единого мнения на сей счет не существует. Своих коллег я об этой встрече уже известил. По

дороге заскочим в Чикаго, надо подзапастись деньжатами. Нам предстоят серьезные представительские расходы, на которые моей нынешней наличности явно не хватит. Потом двинем в Мэдисон, — Среда расплатился за завтрак и они направились через дорогу, к стоянке у мотеля. Среда перебросил Тени ключи от машины.

Тень вырулил на трассу и выжал газ.

— Будешь по нему скучать? — спросил Среда. Он рылся в папке, битком набитой картами.

— По городу? Нет. Я ведь и не жил здесь никогда по-настоящему. В детстве вообще никогда подолгу не задерживался на одном месте, а когда приехал сюда, мне было уже за двадцать. Это Лорин город, не мой.

— Будем надеяться, что здесь она и останется, — сказал Среда.

— Это был сон, — сказал Тень. — Мы же договорились.

— Ну и правильно, — поддакнул Среда. — Здравый подход. Ты хоть трахнул ее, ночью-то?

Тень задержал дыхание. Потом выдохнул и сказал:

— Не твое собачье дело. Нет, не трахнул.

— А хотелось?

Тень на это вообще ничего не ответил. Он

ехал на север, по направлению к Чикаго. Среда усмехнулся и занялся своими картами: он то развертывал их, то свертывал снова, время от времени большой серебряной шариковой ручкой делая пометки в желтом линованном блокноте.

Наконец занятие это ему надоело. Он отложил ручку, бросил папку с картами на заднее сиденье.

— Что приятно в тех штатах, куда мы направляемся, — сказал Среда, — ну, там, в Миннесоте, Висконсине и все такое, так это женщины. Самый тот тип, который мне нравился в молодые годы. Кожа белая, глаза голубые, волосы такие светлые, что почти совсем белые, винного цвета губы и округлые полные груди, с прожилками, как в добром сыре.

— В молодые годы, и только-то? — отозвался Тень. — А мне показалось, нынче ночью ты тоже времени зря не терял.

— Так точно, — Среда улыбнулся. — Хочешь узнать, в чем секрет моего успеха?

— Деньги платишь?

— Фу, пошлость какая! Нет, все дело в личном обаянии. Простом и неотразимом.

— Ну, обаяние дело нехитрое. Оно либо есть, либо нет, чужого, как говорится, не займешь.

— Ну, как раз чарам-то можно и выучиться, — заметил Среда.

Тень настроил радио на ретро-волну и стал слушать песни, которые были в ходу еще до того, как он появился на свет. Боб Дилан пел о том, что скоро будет ливень, и Тень подумал: интересно, этот ливень уже прошел или только еще собирается. Дорога впереди была пуста, и кристаллы льда сверкали в лучах утреннего солнца, как бриллианты.

Чикаго подкрадывался незаметно, как головная боль. Сперва они ехали по сельской местности, потом понемногу маленькие придорожные городки переросли в неряшливые приземистые пригороды, а те как-то сами собой превратились вдруг в огромный город.

Они остановились у крепко сбитого многоквартирного дома, выкрашенного в черный цвет. Дорожка к подъезду расчищена от снега. Они зашли в подъезд, и Среда нажал на самую верхнюю кнопку старенького, с желобками, интеркома. Никакой реакции. Он нажал снова. Потом, пробы ради, начал нажимать на все кнопки подряд, пытаясь вызвонить других жильцов — с тем же результатом.

— Да сломанный он, — сказала на ходу спус-

кавшаяся по лестнице сухонькая старушка. — Не работает. Мы в обслугу звонили, говорим, когда чинить придешь, а ему что, он в Аризону съехал, легкие лечить.

Говорила она с довольно-таки сильным акцентом. Восточноевропейским, как показалось Тени.

Среда отвесил ей низкий поклон.

— Зоря, дорогая моя, ты не поверишь, но выглядишь ты — просто глаз не оторвать, свет ты мой ясный! Ни чуточки не постарела.

Старушка смерила его взглядом.

— Не желает он тебя видеть. И я тебя видеть не желаю. Ты горевестник.

— Это просто потому, что если новости того не стоят, я к вам не приезжаю.

Старушка фыркнула. На ней было старое красное пальто, застегнутое на все пуговицы, в руках — пустая авоська. Она подозрительно покосилась на Тень.

— А это еще что за дылда? — спросила она у Среды. — Опять бандита нанял?

— Милостивая госпожа, как можно! Этого джентльмена зовут Тень. Да, он работает на меня, но исключительно для вашего же блага. Тень, позволь тебе представить: очаровательная мисс Зоря Вечерняя.

— Очень приятно, — сказал Тень.

Старуха уставилась на него птичьим глазом.

— Тень, — повторила она. — Славное имя. Когда тени становятся долгими, наступает мой час. А ты — длинная тень. — Она смерила его взглядом с головы до ног и улыбнулась. — Можешь поцеловать мне руку, — и она протянула ему холодную ладошку.

Тень наклонился и поцеловал ее худые пальцы. На среднем — большой перстень с янтарем.

— Славный мальчик, — проговорила она. — Пойду, куплю овощей. Я, понимаешь, единственная в этом доме, кто приносит хоть какие-то деньги. Сестры не гадают. Это все оттого, что говорят они только правду, а правду люди слушать не хотят. Правда — штука скверная, от нее у людей душа не на месте, и в другой раз они уже не придут. А я-то вру, как воду лью, и говорю им то, что они хотят услышать. Так что на хлеб в этом доме зарабатываю я одна. Вы что, и на ужин собираетесь остаться?

— Если нам будет дозволено, — тут же встрял Среда.

— Тогда давайте деньги, еды будет больше, — сказала она. — Гонору мне хватает, но на мякине меня не проведешь. У сестер гонору побольше,

чем у меня. А больше всех, конечно — у *него*. Так что давайте деньги, а им об этом не говорите.

Среда расстегнул бумажник, сунул в него руку и вынул двадцатку. Зоря Вечерняя тут же выхватила купюру у него из пальцев, но взгляда не отвела. Он достал еще одну двадцатку и тоже отдал ей.

— Вот и ладно, — сказал она. — Как баре есть будете. А теперь идите по лестнице на самый верх. Зоря Утренняя уже проснулась, но третья наша сестрица спит себе, так что шуму особо не подымайте.

Тень и Среда пошли вверх по темной лестнице. Площадка третьего этажа была сплошь завалена черными пластиковыми мешками с мусором, от которых шел запах гнилых овощей.

— Они что, цыгане? — спросил Тень.

— Зоря и ее семейство? Попал пальцем в небо. Нет, они не *Rom*. Они русские. Типа, славяне.

— Так ведь она же гадалка.

— Мало ли на свете гадалок! Я и сам балуюсь иногда, под настроение. — К последнему лестничному пролету Среда уже пыхтел как паровоз. — Что-то я начал терять форму.

На самой верхней площадке оказалась одна-единственная дверь, выкрашенная в красный цвет и с глазком посередине.

Среда постучался. Ответа не последовало. Он постучал еще раз, уже сильнее.

— Иду! Иду! Слышу я вас! Слышу! — защелкали замки, задвигались по полозьям засовы, лязгнула цепочка. Красная дверь со скрипом отворилась.

— Кто здесь? — мужской голос, старческий и прокуренный насквозь.

— Старый друг, Чернобог. С компаньоном.

Дверь открылась ровно настолько, насколько позволяла цепочка. В темноте Тень разглядел седую голову: человек внимательно их разглядывал.

— Что ты здесь забыл, Вотан?

— Во-первых, удовольствие видеть тебя и говорить с тобой. Ну, а еще есть у меня кое-какая информация. Как там говорится?.. Ах да, было наше, станет ваше.

Дверь распахнулась. За ней стоял плотно сбитый коротышка, одетый в несвежий купальный халат: волосы — перец с солью, морщинистое лицо. Светло-серые потертые штаны в полоску — и тапочки. В толстых мощных пальцах была зажата сигарета без фильтра, которую он курил, пряча огонек в кулак. Как зэк, подумал Тень. Или как профессиональный солдат. Хозяин квартиры протянул Среде левую руку.

— Ну тогда добро пожаловать, Вотан.

— Теперь меня зовут Среда, — ответил тот, рукопожатием на рукопожатие.

Короткая улыбка, сверкнули желтые прокуренные зубы.

— Да уж, — сказал хозяин квартиры. — Обхохочешься. А это кто?

— Мой партнер. Тень, познакомься, это мистер Чернобог.

— Ну, здорово! — сказал Чернобог и пожал Тени левую руку. Руки у него были шершавые и загрубелые, а кончики пальцев — настолько густого желтого цвета, будто он вымачивал их в растворе йода.

— Как поживаете, мистер Чернобог?

— Хреново поживаю. Нутро болит, спину ломит, а по утрам от кашля наружу выворачивает.

— Ну что вы стоите в дверях? — раздался женский голос. Тень заглянул через плечо Чернобога и увидел еще одну старушку, еще более субтильную и хрупкую, чем сестра, — вот только волосы у нее до сих пор были длинными и золотистыми. — Я Зоря Утренняя, — сказала она. — Нечего стоять в прихожей. Проходите, присаживайтесь. Я принесу вам кофе.

За дверью была квартира, в которой пахло

вареной капустой, кошачьим туалетом и сигаретами без фильтра; их провели через крошечную прихожую мимо нескольких закрытых дверей в гостиную на том конце коридора и усадили на огромный древний диван, набитый конским волосом, потревожив по дороге престарелого серого кота, который вытянулся, встал и проследовал, нога за ногу, на дальний конец дивана, где и улегся, смерив каждого по очереди взглядом, — после чего закрыл глаза и вновь отошел ко сну. Чернобог уселся в кресло напротив.

Зоря Утренняя отыскала пустую пепельницу и поставила ее перед Чернобогом.

— Какой кофе вы предпочитаете? — спросила она у гостей. — У нас его пьют черным, как ночь, и сладким, как грех.

— Звучит превосходно, мэм, — сказал Тень и посмотрел в окно, на стоящие напротив здания.

Зоря Утренняя вышла. Чернобог посмотрел ей вслед.

— Вот это женщина, я понимаю, — сказал он. — Не то что ее сестры. Одна — просто гарпия, а другая только и знает, что спать целыми днями.

Ногу в тапочке он водрузил на длинный приземистый кофейный столик, в центре которого красовалась инкрустированная шахматная дос-

ка, сплошь в подпалинах от сигарет и отпечатках кофейных чашек.

— Ваша жена? — спросил Тень.

— Никому она не жена, — старик посидел с минуту молча, разглядывая мозолистые руки. — Да нет. Мы все тут родственники. И приехали сюда все вместе, в старые-стародавние времена.

Чернобог вынул из кармана халата пачку сигарет без фильтра. Среда тут же достал узкую золотую зажигалку и дал ему прикурить.

— Сперва мы приехали в Нью-Йорк, — начал Чернобог. — Наши соотечественники всегда едут только в Нью-Йорк. А потом перебрались сюда, в Чикаго. И дела пошли из рук вон. Даже там, на родине, люди про меня почти совсем забыли. А здесь я и вовсе — дурное воспоминание. Знаешь, чем я занялся, когда приехал в Чикаго?

— Нет, — честно ответил Тень.

— Нашел работу в мясной промышленности. На бойне. Когда бычок оказывается на пандусе, там его ждет забойщик. То есть я. А знаешь, почему нас называют забойщиками? Потому что в руках у меня кувалда, и ею я шарашу скотину по лбу. Бац! В этом деле главное — сильные руки. Понял? Потом тушу цепляют, поднимают и перерезают горло. Прежде чем отрезать голову, надо спустить

кровь. Самые сильные люди на всех бойнях — это мы, забойщики. — Он откинул рукав халата и согнул в локте руку, так что под старческой кожей заиграл и впрямь довольно приличный бицепс. — Хотя, конечно, одной силой не обойдешься. Тут нужен поставленный удар. Иначе ты скотину разве что оглушишь, а то, чего доброго, она может еще и разбуяниться. А потом, в пятидесятые, нам выдали пневмопистолеты. Приставляешь его быку к башке и — бац! бац! Тут, казалось бы, кто угодно может скотину забить. Ан нет! — Он всадил воображаемый штырь в голову воображаемой корове. — Тут тоже нужна техника.

Он улыбнулся, вспомнив былое, и во рту у него блеснул стальной зуб.

— Опять досаждаешь людям своими россказнями про то, как убивал коров? — Зоря Утренняя внесла на красном деревянном подносе кофе в маленьких расписных эмалированных чашечках. Она раздала каждому по чашке и села рядом с Чернобогом.

— Зоря Вечерняя ушла в магазин, — сказала она. — Скоро вернется.

— Мы встретились внизу, — подхватил Среда. — Говорит, в гадалки подалась.

— Да-да, — кивнула Зоря Утренняя, — сумерки — самое время для лжи. А из меня какая лгунья, так что и в гадалки я не гожусь. А сестричка наша, Зоря Полуночная, та вообще врать не умеет.

Кофе оказался еще крепче и слаще, чем Тень ожидал.

Он извинился и вышел в туалет — крохотную, похожую на чулан комнатку, в которой висело несколько пожелтевших фотографий мужчин и женщин, застывших в неестественных викторианских позах. Казалось, едва успел наступить полдень, но дневной свет уже пошел на убыль. В гостиной беседа тем временем перешла на повышенные тона. Он вымыл руки в ледяной воде дурно пахнущим обмылком.

Когда Тень вернулся в гостиную, Чернобог стоял на ногах.

— От тебя одни неприятности! — кричал он. — И ничего, кроме неприятностей! И слушать тебя не желаю! И вообще, проваливай из моего дома!

Среда по-прежнему сидел на диване, потягивал кофе и гладил серого кота. Зоря Утренняя стояла на вытертом ковре, нервически перебирая пряди своих длинных светлых волос.

— Какие-то проблемы? — поинтересовался Тень.

— Главная проблема — это *он*! — закричал Чернобог. — Он главная проблема! Скажи ему, что ничто на свете не заставит меня ввязываться в его делишки! И вообще пусть убирается отсюда! Убирайтесь оба!

— Прошу тебя, — мягко сказала Зоря Утренняя. — Прошу тебя, потише, ты же разбудишь Зорю Полуночную.

— Ты не лучше его, тоже спишь и видишь, чтобы я ввязался во все это безумие! — продолжал кричать Чернобог. Вид у него был такой, будто он вот-вот разрыдается. Столбик пепла сорвался с его сигареты и упал на ветхий ковер.

Среда встал, подошел к Чернобогу и положил ему руку на плечо.

— Послушай меня, — миролюбиво сказал он. — Во-первых, никакое это не безумие. Другого выхода у нас нет. Во-вторых, там будут все. Ты же не хочешь остаться в одиночестве, а, что скажешь?

— Ты меня знаешь, — сказал Чернобог. — Ты знаешь, что творили эти руки. Тебе нужен не я, тебе нужен мой брат. А его нет.

Дверь открылась, и сонный женский голос спросил:

— Случилось что-нибудь?

— Нет-нет, сестренка, ничего не случилось, — засуетилась Зоря Утренняя. — Спи спокойно, — и тут же обернулась к Чернобогу. — Вот видишь? Видишь, что ты натворил? А ну-ка иди и сядь на место. Садись, я говорю!

На секунду показалось, что Чернобог сейчас ввяжется с ней чуть ли не в драку; но тут весь его пыл вдруг улетучился. Вид у него сделался больной и несчастный — и очень одинокий.

Все трое вернулись в неряшливую гостиную. По стенам, сантиметрах в тридцати от потолка, шло ровное никотиновое кольцо, похожее на венчик ржавчины в старой ванне.

— Ты или не ты, какая разница, — невозмутимо продолжил, обращаясь к Чернобогу, Среда. — Если это имеет отношение к твоему брату, значит, и к тебе это тоже имеет отношение. Уж в этом с вами, дуалистическими существами, никому из нас не равняться, правильно я говорю?

Чернобог ничего ему на это не ответил.

— Кстати, о Белобоге, о нем ничего не слышно?

Чернобог покачал головой и перевел взгляд на Тень:

— У тебя есть брат?

— Нет, — ответил Тень. — По крайней мере, мне об этом ничего не известно.

— А вот у меня есть. Говорят, как две капли воды. Понимаешь? Когда мы были молоды, волосы у него, ну, они белые, понимаешь, очень светлые, и глаза голубые, вот люди и говорили, что он — хороший брат. А у меня волосы темные, темнее даже, чем у тебя, и я, значит, нехороший, понимаешь? Я плохой брат. А теперь вот сколько времени прошло, волосы у меня поседели. У него, кстати, тоже — тоже наверняка поседели. И если сейчас поставить нас рядом — как понять, кто был светлый, кто темный?

— Вы с ним дружили? — спросил Тень.

— Дружили? — переспросил Чернобог. — Да нет. Это как ты себе представляешь? У нас и интересы были совершенно разные.

В конце коридора раздался какой-то шум. Вошла Зоря Утренняя.

— Ужин будет через час, — сказала она и вышла.

Чернобог вздохнул.

— Она уверена, что прекрасно готовит, — сказал он. — Где она выросла, там кухарки готовили. А теперь — нету кухарок. И ничего нету.

— Так не бывает, — вмешался Среда. — Всегда остается хоть что-то.

— Опять ты, — обернулся на него Чернобог. —

Не желаю тебя слушать.

Он повернулся к Тени:

— Ты в шашки играешь? — спросил он.

— Да, — ответил Тень.

— Вот и славно. Значит, сыграешь со мной в шашки. — Он снял с каминной полки деревянную коробку с шашками и вытряхнул их на столик. — Я буду играть черными.

Среда дотронулся до руки Тени:

— Не стоит, знаешь, лучше не делай этого, — сказал он.

— А что такого-то? Я и сам не прочь, — сказал Тень. Среда пожал плечами и вынул из небольшой стопки пожелтевших журналов старый номер «Ридерз дайджест».

Коричневые пальцы Чернобога закончили расставлять шашки, и игра началась.

Потом Тень много раз будет ловить себя на том, что вспоминает эту игру. А по ночам она ему даже снилась. Плоские круглые кусочки дерева, которыми он играл, были грязно-желтого цвета, номинально — белого. Те, что у Чернобога — тусклого, выцветшего черного. Первый ход должен был сделать Тень. Ему снилось, что во время игры никто вообще ничего не говорил, и слышны были только громкие щелчки, когда шашки опуска-

лись на доску, или шорох дерева о дерево, когда их передвигали с одного поля на другое.

Первые пять-шесть ходов оба игрока передвигали передние шашки в центр доски, оставив задние ряды нетронутыми. Между ходами случались паузы, долгие, как в шахматах: оба сидели, смотрели на доску и думали.

Тень играл в шашки и в тюрьме: так проще было убить время. В шахматы ему тоже доводилось играть, но он был не из тех, кто любит все рассчитывать на несколько ходов вперед, просто по складу характера. Ему больше нравилось, когда получается в нужный момент найти единственно правильное решение. А в шашки можно выиграть и так — иногда.

Раздался щелчок: Чернобог поднял одну из черных фишек и перепрыгнул ею фишку белую. Старик снял с доски шашку Тени и положил ее на столик, рядом.

— Первая кровь. Ты проиграл, — сказал Чернобог. — Партия.

— Да нет, — не согласился Тень. — До конца еще далеко.

— Тогда, может, поставишь что-нибудь на кон? Мелочь какую-нибудь, просто для интереса.

— Нет, — Среда поднял голову, оторвавшись от

колонки «Юмор в мундире». — Никаких ставок.

— Я не с тобой играю, слышишь, ты, дед. Я с ним играю. Так как же, мистер Тень, замажем игру?

— А о чем вы здесь спорили, когда я пришел? — спросил Тень.

Чернобог поднял кустистую бровь.

— Твой хозяин хочет, чтобы я к нему присоединился. И помогал в этой его дурацкой затее. А я скорее сдохну, чем соглашусь.

— Хотите ставку? Пожалуйста. Если я выиграю, вы работаете с нами.

Старик поджал губы.

— Ну, может, я и соглашусь, — сказал он. — Но только при одном условии. Если ты согласишься на мою ставку.

— Какую?

На лице у Чернобога не дрогнул ни один мускул.

— Если выиграю, вышибу тебе мозги. Кувалдой. Сперва ты встанешь на колени. Потом я ударю тебя, один раз. И больше ты не встанешь. — Тень поднял глаза на старика, пытаясь понять по лицу, что у того на уме. Старик не шутил. Совсем не шутил: в глазах у него явственно читалась внезапно вспыхнувшая жажда не то боли, не то смерти, не то возмездия.

Среда захлопнул журнал.

— Хватит пороть чушь! — сказал он. — Не стоило нам вообще сюда приезжать. Тень, идем отсюда!

Потревоженный серый кот встал, перебрался на стол и остановился рядом с игральной доской. Оценив расположение шашек, он спрыгнул на пол и, высоко задрав хвост, удалился.

— Нет, — сказал Тень. Смерти он не боялся. В конечном счете, жить ему было незачем. — Хорошая ставка. Я ее принимаю. Если вы игру выиграете, я дам вам возможность вышибить мне мозги одним ударом молота, — и передвинул следующую шашку на соседний квадратик, у самого края доски.

Больше никто не сказал ни слова, но Среда к отложенному «Ридерз дайджест» так и не притронулся. Он сидел и смотрел на игру, обоими глазами, настоящим и искусственным, и лицо его было абсолютно бесстрастным.

Чернобог взял у Тени еще одну шашку. Тень взял две шашки Чернобога. Из коридора донесся запах готовящейся пищи: непривычный. Не все составляющие этого запаха были Тени по вкусу, но ею вдруг охватило отчаянное чувство голода.

Они передвигали шашки, по очереди, черные

и белые. Суматоха размена, потом — расцветает вдруг дамка, в два раза выше обычной шашки: более не скованные необходимостью двигаться только вперед и вбок, по одной клетке за раз, дамки имеют право скользить по доске в любую сторону, и оттого становятся вдвойне опасней. Они дошли до последнего предела, и поэтому обретают право идти туда, куда им заблагорассудится. У Чернобога было три дамки, у Тени — две.

Чернобог прошелся по доске одной из своих дамок, сметя все оставшиеся в живых шашки Тени, покуда две другие его дамки заперли обе дамки противника.

Потом Чернобог провел четвертую дамку, вернулся на свою сторону доски, туда, где томились две запертые дамки Тени, и, без тени улыбки, взял обе. Партия.

— Ну вот, — сказал Чернобог. — Теперь осталось только вышибить тебе мозги. И на колени ты встанешь сам, добровольно. Мне это нравится.

Он вытянул старческую сморщенную руку и похлопал Тень по плечу.

— Но обед-то еще не готов, время у нас есть, — поднял глаза Тень. — Хотите еще одну партию? На тех же условиях?

Чернобог прикурил очередную сигарету, вынув спичку из кухонного коробка.

— Что значит, на тех же условиях? Ты что, хочешь, чтобы я убил тебя дважды?

— На настоящий момент у вас право на один удар, не больше и не меньше. Вы же сами говорили, что не все в этом деле зависит от силы, нужен навык. Ну и вот, если вы и на этот раз выиграете, у вас будет право на два удара.

Чернобог насупился.

— Один удар, и все, одною удара вполне достаточно. Это целое искусство, — левой рукой он похлопал себя по бицепсу правой, попутно сбросив в ладонь пепел с кончика сигареты.

— Это было много лет назад. Если навык ушел, вы меня всего лишь покалечите, не более. Сколько времени прошло с тех пор, как вы в последний раз взмахнули молотом на чикагской скотобойне? Тридцать лет? Сорок?

Чернобог промолчал. Плотно сомкнутые губы — как серый шрам через нижнюю часть лица. Он побарабанил пальцами по столешнице, явно пытаясь поймать какой-то свой ритм. Потом начал заново расставлять на доске шашки.

— Играем, — сказал он. — Ты опять за светлые. А я — темный.

Тень двинул вперед первую шашку. Чернобог двинул свою. И Тень вдруг понял, что Чернобог сейчас будет пытаться разыграть ту же самую партию, которую только что довел до победы, и что именно на этом его и можно поймать.

На сей раз Тень играл совершенно отчаянно. Он легко велся на самые простенькие комбинации, делал ходы не задумываясь, не давая себе ни секунды на размышление. И на сей раз на лице у него сияла улыбка, и с каждым ходом, который делал Чернобог, улыбка эта сияла все ярче и ярче.

Вскоре Чернобог уже не просто передвигал по полям шашки, он лупил ими о деревянную доску со всей дури, так, что остальные шашки подпрыгивали на своих черных квадратиках, а столик ходил ходуном.

— А вот тебе! — рявкнул Чернобог, сметя с доски очередную шашку Тени и с грохотом поставив на нужное поле свою собственную, черную. — Вот тебе. Что ты на это скажешь?

Тень ничего на это не сказал: он просто улыбнулся, перепрыгнул через шашку, которую только что поставил Чернобог, а потом еще через одну, и еще, и через четвертую тоже, расчистив от черных шашек весь центр доски. Потом взял

из стопки битых шашек одну белую и положил на свою сверху, обозначив только что проведенную дамку.

После этого осталось только провести зачистку: игра была сделана буквально через несколько ходов.

— Ну что, третью, для ровного счета? — спросил Тень.

Но Чернобог просто сидел и смотрел на него, и глаза у него были как два стальных наконечника. А потом вдруг расхохотался и ударил обеими руками Тень по плечам:

— А ты мне нравишься! — заорал он. — Тебе палец в рот не клади!

Но тут Зоря Утренняя просунула в дверь голову и сказала, что ужин готов и чтобы они убирали со стола свои шашки и стелили скатерть.

— Столовой у нас в доме нет, — сказала она. — Так что извините. Мы едим прямо здесь.

На стол поставили подтарельники. Потом каждый получил по маленькому расписному подносу, на котором лежал потускневший столовый прибор. Подносы надлежало класть на колени.

Зоря Вечерняя принесла пять деревянных плошек и положила в каждую по неочищенной разварной картофелине, которую затем залила

доброй порцией отчаянно красного борща. Сверху она шлепнула по ложке сметаны — и раздала плошки по рукам.

— Я думал, нас будет шестеро, — сказал Тень.

— Зоря Полуночная еще спит, — сказала Зоря Вечерняя. — Еду мы ей оставляем в холодильнике. Как проснется, так и поест.

Картошка оказалась рассыпчатой, борщ — кислым, и на вкус больше напоминал маринованную свеклу.

На второе подали жесткое, как подметка, тушеное мясо с каким-то овощным гарниром — овощи, похоже, варили так долго и усердно, что различить в этом месиве исходные растительные компоненты было решительно невозможно.

Засим последовали капустные листья, фаршированные смесью риса с рубленым мясом, и капустные листья эти были настолько толстыми и жилистыми, что разрезать их, не разбросав при этом по ковру рис и мясо, тоже было нелегко. Тень сидел и гонял сей кулинарный изыск по тарелке.

— Мы тут в шашки сыграли, — сказал Чернобог, отсадив от куска тушеного мяса очередную порцию. — С этим вот молодым человеком. Он выиграл партию, я выиграл партию. Поскольку он выиграл, я согласился отправиться с ним и

Средой и поддержать их в этом безумном начинании. А поскольку выиграл я, то, когда все это кончится, мне придется молодого человека убить ударом молота.

Обе Зори со скорбным видом закивали.

— Экая жалость! — сказала Тени Зоря Вечерняя. — Если бы я взялась вам погадать, наверняка напророчила бы долгую и счастливую жизнь и кучу детишек.

— Вот поэтому из тебя и получилась хорошая гадалка, — подхватила Зоря Утренняя. Вид у нее был сонный донельзя, будто она и так уже засиделась много дольше привычного для нее времени. — Врешь ты лучше нас всех вместе взятых.

Ужин кончился, а чувство голода у Тени так и не прошло. В тюрьме еда была — дрянь, но и в тюрьме кормили лучше, чем здесь.

— Славная трапеза, — сказал Среда, который только что с видимым удовольствием очистил свою тарелку. — Дамы, огромное вам спасибо. А теперь, боюсь, мне придется взять на себя смелость и попросить вас порекомендовать нам какую-нибудь приличную гостиницу неподалеку.

При этих его словах вид у Зори Вечерней сде-

лался обиженным донельзя.

— А с чего это вам вздумалось идти в гостиницу? — вскинулась она. — Или мы вам не друзья?

— Я никоим образом не собирался обеспокоить вас… — начал Среда.

— Да какое уж тут беспокойство, — перебила его Зоря Утренняя, перебирая рукой свои волосы — невероятно, неуместно золотые, — и зевнула. — *Ты* можешь лечь в комнате Белобога, — ткнула она пальцем в Среду. — Она все равно стоит пустая. Что же до вас, молодой человек, постелем вам на диване. Честное слово, спать будете, как убитый.

— Как мило с вашей стороны, — сказал Среда. — А что, мы, пожалуй, примем ваше приглашение.

— И заплатишь ты мне за это ровно столько, сколько собирался оставить в гостинице, — торжествующе подытожила, кивнув, Зоря Вечерняя. — Сто долларов.

— Тридцать, — сказал Среда.

— Пятьдесят.

— Тридцать пять.

— Сорок пять.

— Сорок.

— По рукам. Сорок пять долларов. — Зоря Вечерняя потянулась через стол и пожала Среде

руку. И тут же начала убирать со стола.

Зоря Утренняя зевнула так отчаянно, что Тени на секунду показалось, что она вот-вот свернет себе челюсть, сказала, что отправляется спать прямо сейчас, а то еще чего доброго уснет за столом с пирогом вместо подушки, — и пожелала всем спокойной ночи.

Тень помог Зоре Вечерней отнести тарелки и плошки на крохотную кухоньку. К его удивлению, под раковиной оказалась допотопная посудомоечная машина, в которую он всю свою ношу и загрузил. Зоря Вечерняя заглянула ему через плечо, поцокала языком и изъяла из машины все деревянные плошки.

— Эти в раковину, — сказала она.

— Извините.

— Да пустяки. Пойдем-ка лучше обратно, у нас еще пирог, — ответила она.

Пирог — яблочный — оказался покупным и разогретым в микроволновке: и очень, очень вкусным. Они, все четверо, съели его с мороженым, после чего Зоря Вечерняя выгнала всех из гостиной и постелила Тени на диване — выглядело все очень уютно.

Когда они вышли в коридор, Среда повернулся к Тени.

— Что такое ты сделал там, в комнате — в смысле, с шашками? — спросил он.

— А что такого?

— Сильный ход. Ты, конечно, большую глупость свалял, просто огромную. Но ход хороший. Спи спокойно.

Тень почистил зубы, умылся холодной водой в маленькой ванной, вернулся в гостиную, выключил свет и заснул еще до того, как его голова коснулась подушки.

Тени снились взрывы: он вел грузовик по минному полю, и по обе стороны от машины рвались заряды. Лобовое стекло разлетелось вдребезги, и он чувствовал, как по лицу течет кровь.

Потом кто-то начал в него стрелять.

Одна пуля пробила ему легкое, другая раздробила позвоночник, третья ударила в плечо. Каждый удар он чувствовал по отдельности, а потом упал на рулевое колесо.

Последний взрыв раздался уже в полной тьме.

Наверное, все это мне снится, думал Тень, оставшись один в темноте. *Кажется, я уже умер, только что.* Он вспомнил, как в детстве ему говорили, что если умрешь во сне, то и на самом деле тоже умрешь, и как он в это верил. Но мертвым он себя не чувствовал. Он приоткрыл глаза: на

пробу.

В маленькой гостиной, у окна, спиной к нему стояла женщина. Сердце у него оборвалось, застыло на секунду, потом пошло снова.

— Лора? — спросил он.

Она обернулась, обрамленная лунным светом.

— Извини, — сказала она. — Я не хотела тебя будить.

У нее был мягкий восточноевропейский акцент.

— Я сейчас уйду.

— Да нет, ничего страшного, — сказал Тень. — Ничуть вы меня не разбудили. Просто сон приснился.

— Да-да, — подхватила она. — Ты вскрикивал — и стонал. Мне даже захотелось и в самом деле тебя разбудить, но потом я подумала — нет, не надо, пусть будет все как есть.

В тусклом лунном свете волосы у нее казались совершенно бесцветными. На ней была белая ночная сорочка с высоким, под самое горло, кружевным вырезом: длинная настолько, что подол лежал на полу. Тень сел, окончательно проснувшись:

— Вы — Зоря Полу… — он замялся. — Ну, та из сестер, которая все время спит.

— Да, я Зоря Полуночная. А тебя зовут Тень, правильно? Так мне тебя назвала Зоря Вечерняя, когда я проснулась.

— Правильно. А на что такое вы там смотрели, в окне?

Она подняла на него глаза, а потом поманила рукой — к себе, к окну. Пока он надевал джинсы, она стояла к нему спиной. Он подошел. Комната была маленькая, но шел он к ней, казалось, целую вечность.

Сколько ей лет, сказать было совершенно невозможно. Кожа ровная, без морщин, темные глаза, длинные ресницы, волосы — седые и длинные, до самого пояса. Лунный свет превратил дневные цвета в призраки, пародии на самих себя. Она была самой высокой из трех сестер.

Она подняла руку вверх, к ночному небу.

— Вот на это я и смотрела, — сказала она, указывая на большой ковш. — Видишь?

— Ursa Major, — сказал он. — Большая Медведица.

— Да, можно и с этой точки зрения на нее взглянуть, но в тех местах, откуда я приехала, привыкли к другой точке зрения. Я хотела пойти, посидеть на крыше. Составишь мне компанию?

Она подняла раму и, как была, босая, выбралась

на пожарную лестницу. В окно ворвался ледяной ветер. В глубине души у Тени шевелилось какое-то смутное беспокойство, но в чем, собственно, дело, он понять не мог; поколебавшись секунду, он надел свитер, носки и туфли и последовал за ней на ржавую пожарную лестницу. Она ждала, выдыхая в холодный ночной воздух облачка пара. Он пошел за ней вверх, на крышу, глядя, как ступают со ступеньки на заледеневшую ступеньку ее босые ноги.

Ветер налетал кинжальной остроты порывами, ее сорочка липла к телу, и Тени вдруг стало неудобно оттого, что он смотрит на нее, а под рубашкой на ней совсем ничего нет.

— Вам не холодно? — спросил он, когда они добрались до верхней площадки, но ветер тут же унес его слова прочь.

— Что-что?

Она наклонилась к нему совсем близко. Запах ее дыхания был уютным и теплым.

— Я говорю: вам не холодно?

Вместо ответа она подняла палец: *погоди* — и перескочила, легко и быстро, через парапет, на плоскую крышу дома. У Тени это получилось несколько менее ловко, — а она уже шла по крыше туда, где лежало пятно тени от водонапорного

бака. Там стояла скамейка, и она села, а он сел рядом. Бак экранировал ветер, и Тень был ему за это весьма признателен.

— Нет, — сказала она, — холодно мне не бывает. Это время — мое: ночь для меня — что глубокая темная вода для рыбы.

— Должно быть, ночь — ваше любимое время суток, — сказал Тень, понимая, что сморозил глупость, но ничего более умного в голову ему не пришло.

— У каждой из моих сестер свое время. Зоря Утренняя — хозяйка зари. Там, на родине, она отворяла ворота, чтобы отец мог выехать из них на своей… — ой, слово забыла, ну, вроде машины, только запряжена лошадьми.

— Колесница?

— Да, на колеснице. Отец выезжал из ворот на своей колеснице. А Зоря Вечерняя отворяла ему ворота в сумерках, когда он к нам возвращался.

— А вы?

Она помолчала. Губы у нее были полные, но очень бледные.

— А я отца никогда не видела. Я спала.

— Это что, болезнь такая?

Она не ответила. И ее как будто передернуло легкой дрожью — если то была дрожь, если он

вообще мог что-то разглядеть в темноте.

— Так ты хотел знать, на что я смотрела?

— На Большой Ковш.

Она подняла руку, чтобы указать на созвездие, и ветер снова облепил ее тело тонким полотном сорочки. На секунду сквозь белый хлопок проступили соски, настолько четко, что каждый маленький пупырышек на ареоле стал виден ясно, как днем. Тень пробила дрожь.

— Ее называют Повозкой Одина. И Большой Медведицей. Там, откуда мы приехали, верят в то, что есть нечто такое, не бог, но нечто наподобие бога, очень плохое, и он прикован к небу цепями, между этих звезд. И если он сорвется с цепей, то сожрет весь свет. И поэтому три сестры должны постоянно смотреть на небо, весь день и всю ночь. Если он сорвется с цепей, этот небесный зверь, то миру конец. *Пф!* — и нет его.

— И что, люди действительно в это верят?

— Раньше верили. Давным-давно.

— И вы пытались рассмотреть между звездами это чудище?

— Ну, что-то вроде того. Да, пыталась.

Он улыбнулся. Если бы не этот холод, подумал он, было бы полное впечатление, что я сплю и вижу сны. Потому что в действительности такого

просто не бывает.

— А можно задать вам вопрос сколько вам лет? Судя по всему, обе сестры гораздо старше вас.

Она кивнула.

— Я самая младшая. Зоря Утренняя родилась на восходе солнца, Зоря Вечерняя на закате, а я — в полночь. Я полуночная сестра: Зоря Полуночная. Ты женат?

— Моя жена умерла. Погибла на прошлой неделе в автомобильной катастрофе. Вчера были похороны.

— Мне очень жаль.

— А вчера ночью она приходила повидаться со мной. — Выговорить эти слова оказалось легче легкого: в этой темноте, в этом лунном свете они уже не казались настолько невероятными, как днем.

— Ты спросил ее, что ей нужно?

— Нет. В общем, нет.

— А стоило, пожалуй. Самый правильный вопрос, который нужно задавать мертвым. Иногда они отвечают. Зоря Вечерняя сказала, что ты играл с Чернобогом в шашки?

— Ага. И он выиграл право расколоть мне череп молотом.

— В былые времена людей для этого уводили

высоко в горы. На самые кручи. И разбивали голову камнем. В честь Чернобога.

Тень огляделся. Нет, на крыше, кроме них, никого не было.

Зоря Полуночная рассмеялась.

— Глупый, да нет его здесь! К тому же, ты ведь тоже выиграл свою партию. И он не сможет нанести свой удар, пока это все не кончится. Он сам так сказал. Ты поймешь, когда настанет этот миг. Как те коровы, которых он убивал. Они всегда все понимали заранее. А иначе — какой бы во всем этом был смысл?

— У меня такое чувство, — сказал ей Тень, — словно я попал в какой-то другой мир, в котором действует совершенно иная логика. Свои правила. Как будто спишь и понимаешь, что есть тут такие правила, которые ни в коем случае нельзя нарушать. Даже если ты понятия не имеешь, что это за правила. И я просто пытаюсь под них подстроиться, понимаете?

— Понимаю, — сказала она и взяла его за руку: ладонь у нее была холодная как лед. — Один раз тебе уже дали защиту. Дали тебе само солнце. Но ты его уже потерял. Отдал его. А я могу тебе предложить защиту куда более слабую. Вместо отца — дочь. Но всякая помощь — в помощь. Ведь

правда?

Холодный ветер перебирал ее белые волосы, то и дело забрасывая прядки на лицо.

— Мне теперь с вами что, драться предстоит? Или в шашки играть?

— Тебе даже целовать меня и то не придется, — ответила она. — Просто возьми у меня луну, и все.

— Как?

— Возьми луну.

— Я не понимаю.

— Смотри, — сказала Зоря Полуночная. Она подняла левую руку и расставила большой и указательный пальцы так, что луна оказалась словно бы зажатой между ними. И — как будто сорвала ее с ветки, быстрым ловким движением. На долю секунды ему и впрямь показалось, что она сняла луну с неба, но — нет, луна сияла на прежнем месте, а когда Зоря Полуночная раскрыла ладонь, между большим и указательным пальцами у нее оказался серебряный доллар с профилем Свободы.

— Красивый номер, — сказал Тень. — Даже и заметить не успел, когда и как вы его переправили в ладонь. И на последнем этапе тоже — не уследил.

— Я никуда ее не переправляла, — сказала она. — Я просто взяла ее, и все. А теперь отдам тебе, для сохранности. Держи. И никому не отдавай.

Она вложила ему доллар в правую руку и свела пальцы. Монета была совершенно ледяная на ощупь. Зоря Полуночная подалась вперед, опустила ему пальцами веки и поцеловала, легонько, по разу в каждый глаз.

Тень проснулся на диване, одетым. В узком косом луче солнечного света, который пробивался через окно, танцевали пылинки.

Он встал и подошел к окну. При дневном освещении комната показалась ему куда более тесной.

Еще с прошлой ночи в нем жила какая-то мысль и не давала ему покоя, и вот теперь, после того как он высунулся в окно и огляделся по сторонам, мысль эта предстала перед ним со всей ясностью. За окном не было никакой пожарной лестницы; не было ни балкона, ни ржавых металлических ступеней.

И тем не менее в руке у него был зажат — плотно зажат — серебряный доллар 1922 года, с профилем Свободы, гладкий и блестящий, словно его только что отчеканили.

— А, встал уже! — Дверь приоткрылась и в образовавшейся щели показалась голова Среды. — Вот и славно. Кофе будешь? Сейчас пойдем грабить банк.

Прибытие в Америку

1721 год

Самое важное, что необходимо понять в американской истории, — *записал мистер Ибис в свой толстый, в кожаном переплете дневник,* — есть совершенно фиктивный, выдуманный ее характер: перед нами не более чем набросок, сделанный карандашом для детей или для прочей не слишком разборчивой публики. По большей части она остается неосмысленной, неотрефлексированной, неизученной — это скорее некритическая репрезентация факта, нежели сам факт. Иначе говоря, изящная словесность, — *продолжил он, помедлив немного, дабы обмакнуть перо в чернильницу и собраться с мыслями,* — примером которой может служить история о том, что первопроходцами в Америке были пилигримы, которые приехали сюда в поисках мест, где они могли бы свободно исповедовать свою веру; о том, как они приехали сюда, взрастили хлеб свой

и детей своих, и заполнили пустую землю.

По правде говоря, американские колонии были местом, где могли бесследно раствориться разного рода отбросы общества — и заставить забыть о себе. В те дни, когда в Лондоне за кражу двенадцати пенни можно было отправиться на виселицу, на Тайбернское дерево о трех вершинах,[15] Америка стала символом милосердия, возможности получить еще один шанс. Впрочем, условия перевозки заключенных были таковы, что некоторые предпочитали честно прыгнуть с безлистого ствола и станцевать на воздушном паркете, пока не кончится сей быстрый танец. Приговор так и звучал: ссылка. Ссылка на пять, на десять лет, пожизненная.

Вас продавали капитану корабля, и в трюмах судна, набитого битком, точь-в-точь как невольничье, вы совершали путешествие либо в Северо-Американские колонии, либо в Вест-

---

[15] notes: 15

Тайберн — деревушка в графстве Мидлсекс, неподалеку от Лондона (ныне Лондон, район Мраморной Арки), возле которой в 1571 году была сооружена знаменитая «тройная» виселица (хотя преступников казнили на этом месте еще начиная с XII века). Виселица представляла собой треугольник из положенных горизонтально, на трех опорах, деревянных перекладин, благодаря чему и получила в народе прозвище «трехногого коня» (то есть «одинические» коннотации в контексте «Американских богов» вполне возможны) или «трехногого табурета». Бытовали также такие эвфемизмы, как «дерево о трех вершинах», «прогуляться в Тайберн», «сплясать тайбернскую джигу» и т. д.

Индию; там капитан продавал вас в качестве сервента[16] человеку, который выбивал из вашей шкуры каждое вложенное пенни, пока не истекал срок контракта. Но зато вам по крайней мере не приходилось ждать смертной казни в английской тюрьме (ибо тюрьма в те времена представляла собой место, где человек дожидался освобождения, ссылки или повешения: к отсидке никого не приговаривали), а потом пред вами открывался новый мир, полный неисследованных возможностей. Имелась в вашем распоряжении еще и возможность подкупить капитана, с тем чтобы он отвез вас обратно в Англию до истечения срока контракта. Попадались люди, которые именно так и поступали. И если власти ловили вас на обратном пути — или если находился старый враг или старый друг, который числил за вами должок, а потом вы попадались ему на глаза, и он сообщал об этом куда следует, — вас просто вешали, не моргнув глазом.

Все это напомнило мне, — *продолжил он,*

[16] notes: 16

Сервент, законтрактованный работник (indentured servant) — человек, обязанный в течение оговоренного срока выполнять ту или иную работу до полной выплаты долга, получая при этом от хозяина только стол, кров и одежду. Транспортировка через Атлантику «тянула» по меркам XVII–XVIII веков лет на пять работы «по контракту» — для вольнонаемных лиц. Осужденные на «отправку» преступники работали дольше.

помедлив немного для того, чтобы заново наполнить вделанную в стол чернильницу, достав для этой цели из шкафчика бутылку с умбровыми чернилами, а потом, обмакнув еще раз в чернильницу перо, — о жизненном пути Эсси Трегован, которая появилась на свет в продуваемой всеми ветрами корнуолльской горной деревушке, на юго-западе Англии, где семейство ее обитало с незапамятных времен. Отец у нее был рыбак, а кроме того — поговаривали — был у него и еще один промысел: развешивать в самые бурные ночи на самых опасных скалах фонари и заманивать тем самым корабли на рифы, в надежде поживиться выброшенным на берег грузом. Мать Эсси работала в услужении у местного сквайра кухаркой, и Эсси с двенадцати лет тоже поступила туда на работу, судомойкой. Она была маленькая и тощая, с огромными карими глазищами и темно-каштановыми волосами; работница из нее была так себе, зато она вечно была тут как тут, стоило только появиться в доме человеку, способному рассказать добрую историю или

сказку: про пикси[17] и спригганов,[18] про черных болотных собак и девушек-тюленей из Пролива. Сам сквайр над подобными суевериями только смеялся, но прислуга каждую ночь выставляла за порог фарфоровое блюдечко с самым что ни на есть цельным молоком — для пикси.

Прошло несколько лет, и Эсси перестала быть маленькой и тощей; везде, где нужно, тело ее налилось и округлилось, как волны на зеленом море, карие глаза так и брызгали искрами смеха, а волосы вились и разлетались прядями по сторонам. Особенный огонь загорался в ее глазах, когда где-то поблизости появлялся Бартломью, восемнадцатилетний сын сквайра, который как раз об эту пору вернулся домой из Рагби;[19] вот она и отправилась однажды ночью к стоячему

---

[17] notes: 17

Пикси (они же писки или пигзи) — персонажи корнуолльской и девонширской низовой мифологии, местный вариант «маленького народца». Отличаются заостренными на концах ушами, носят зеленую одежду и остроконечные шляпы. Как правило, обитают на заболоченных пустошах. Любят лошадей: катаются на них, заплетают им гривы. Знатоки кладов, в особенности тех, что спрятаны в приморских пещерах или под водой, в ручьях. Очень музыкальны, любят танцевать.

[18] notes: 18

Спригганы — еще одна разновидность корнуолльского «маленького народца», хотя именно спригганы обладают способностью превращаться в великанов и иногда считаются духами древних гигантов. Как правило, обитают в развалинах и на курганах, где охраняют зарытые клады. Обладают крайне уродливой внешностью. В отличие от пикси не расположены к людям: насылают бури и град, крадут детей и

оставляют вместо них подменышей.

[19] notes: 19

Регби — одна из старейших (основана в 1567 г. Лоуренсом Шериффом, поставщиком овощей ко двору Елизаветы I) британских частных школ, расположена в одноименном городе в графстве Уорвикшир. Выпускниками этой школы в разные годы были Невилл Чемберлен, Томас и Мэтью Арнольды, Руперт Брук и Салман Рушди.

камню на краю леса, и оставила на этом камне кусок хлеба, который Бартломью надкусил, но не доел, — а перед тем отрезала прядь собственных волос и обмотала этот хлеб волосами. И надо же такому случиться, что на следующий же день, когда она выгребала золу из камина в спальне у Бартломью, он сам подошел и заговорил с ней, и смотрел на нее более чем выразительно, и глаза у него были — опасные глаза, синие-синие, как небо перед бурей.

Очень опасные у него были глаза, говорила потом Эсси.

Недолгое время спустя Бартломью уехал в Оксфорд, а Эсси выгнали из дому вон, как только ее положение сделалось очевидным. Впрочем, ребенок родился мертвым, и в качестве знака особого благорасположения к матери Эсси, — а та была очень хорошей кухаркой — жена сквайра уговорила-таки мужа вернуть бывшую горничную на ее самое первое место, в судомойки.

Однако любовь Эсси к Бартломью обернулась ненавистью ко всему его семейству; не прошло и года, как она обзавелась новым ухажером, человеком с весьма сомнительной репутацией. Жил он в соседней деревне и звали его Джозайя Хорнер. И вот однажды ночью, когда вся семья

отошла ко сну, Эсси встала и отворила заднюю дверь, чтобы впустить в дом своего любовника. И пока все спали, он обчистил дом.

Сразу возникло подозрение, что к ограблению причастен кто-то из домашних, потому что этот кто-то должен был открыть дверь изнутри (а жена сквайра точно помнила, как сама затворяла засов), а также иметь представление о том, где сквайр держал столовое серебро и где находится ящик, в котором лежали золотые монеты и векселя. И все же Эсси настолько отчаянно все отрицала, что ее совершенно ни в чем не подозревали до тех самых пор, пока мистера Джозайя Хорнера не задержали в эксетерской лавчонке при попытке обналичить один из принадлежавших сквайру векселей.

Дело Хорнера слушалось на местном выездном заседании суда присяжных, который и постановил, выражаясь довольно жестким, но точным языком того времени, *списать его со счетов*, а вот над Эсси судья сжалился — в силу ее нежного возраста, а также густых каштановых волос — и приговорил ее к семи годам ссылки. Отправить в Америку ее должны были на судне под названием «Нептун», командовал которым некий капитан Кларк. Итак, Эсси держала путь в Каролину; од-

нако по дороге туда она — по предварительному умыслу — вступила в сговор с вышеупомянутым капитаном, коего и убедила отвезти ее обратно в Англию в качестве собственной капитана Кларка законной супруги, а также доставить ее в дом капитановой матери, в городе Лондоне, где ее решительно никто не знал. Обратное путешествие, после того как живой груз был обменян на табак и хлопок, прошел под знаком полного и счастливого согласия любящих сердец; капитан и его новообретенная невеста, подобно двум голубкам или паре порхающих бабочек, были не в силах друг от друга оторваться и едва ли не ежеминутно обменивались нежными прикосновениями, маленькими подарками и ласковыми словами.

По прибытии в Лондон капитан Кларк поселил Эсси в доме своей матери, которая обращалась с ней так, как подобает обращаться с молодой женой сына. Восемь недель спустя «Нептун» отправился в очередное плавание, и прекрасная новобрачная с каштановыми волосами на прощанье помахала с пирса мужу. После чего юная особа вернулась в дом свекрови и там, воспользовавшись отсутствием пожилой женщины, присвоила отрез шелка и серебряную кружку, где почтенная дама хранила пуговицы; при-

карманив вышеперечисленные предметы, Эсси растворилась в лондонских трущобах.

За последующие два года Эсси сделалась профессиональной воровкой, специалисткой по магазинным кражам, чьи широкие юбки скрывали великое множество различных прегрешений, состоявших по большей части из краденых отрезов шелка и кружев, — и жила она полноценной насыщенной жизнью. Из всех превратностей судьбы Эсси умудрялась выходить как ни в чем не бывало и благодарила за это тех самых существ, о которых ей рассказывали еще в детстве, а именно пикси (чье влияние распространялось и на город Лондон, в этом она была свято уверена), и каждый вечер выставляла за окошко деревянную миску с молоком, пусть даже все ее товарки и покатывались над ней со смеху; хорошо смеется тот, кто смеется последним: товарки рано или поздно подхватывали сифон или триппер, а Эсси по-прежнему отличалась самым что ни на есть цветущим здоровьем.

Она уже год как стеснялась своего двадцатого дня рождения, когда судьба нанесла ей коварный удар: она сидела в трактире «Перекрещенные вилки» в Белл-ярде, позади Флит-стрит, и вдруг туда вошел молодой человек, прямиком из уни-

верситета, и уселся поближе к огоньку. Ого! Этакого каплуна грех не ощипать, думает про себя Эсси, садится с ним рядом и начинает рассказывать ему о том, какой он замечательный, — а одной рукой уже гладит ему колено, в то время как другая ее рука, куда более осторожно, отправляется на поиски карманных часов. И вдруг он смотрит ей прямо в глаза, и сердечко у нее подпрыгивает в груди, а потом падает в бездну, потому что глаза у него той самой пронзительной голубизны, какая бывает в небе перед бурей, и вот уже мастер Бартломью называет ее по имени.

Ее отвезли в Ньюгейт по обвинению в том, что она самовольно вернулась из ссылки. Выслушав обвинительный приговор, Эсси не удивила ровным счетом никого из присутствующих, представив в качестве последнего аргумента в свою защиту вздувшийся живот: впрочем, городские матроны, к помощи которых обычно прибегали в такого рода случаях (как правило, диагноз не подтверждался), все-таки испытали порядочный шок, когда им против воли пришлось-таки признать, что Эсси и впрямь ждет ребенка, назвать отца которого Эсси отказалась наотрез.

Смертный приговор был повторно заменен ссылкой, на сей раз пожизненной.

Теперь она отправилась в путь на «Русалке», трюмы которой набили двумя сотнями ссыльных, и было там людям тесно, как откормленным свиньям в телеге, по дороге на рынок. Дизентерия и лихорадка свирепствовали вовсю; места не хватало даже на то, чтобы сесть, не говоря уже о том, чтобы лечь; в кормовой части трюма умерла родами женщина, а поскольку людей в трюм набили столько, что даже передать ее тело к люку не было никакой возможности, то и ее саму, и ребенка просто выпихнули наружу в крохотный кормовой порт, прямиком в бурное зеленое море. Эсси и сама была на восьмом месяце, и просто удивительно, как она умудрилась сохранить ребенка — тем не менее она его сохранила.

Всю оставшуюся жизнь ее будут преследовать ночные кошмары: ей будет сниться время, которое она провела в трюме «Русалки», она будет просыпаться с криком и чувствовать в глотке затхлую трюмную вонь.

«Русалка» бросила якорь в Норфолке, в Вирджинии, и контракт Эсси был выкуплен «мелким плантатором», специализировавшимся на выращивании табака фермером по имени Джон Ричардсон, у которого жена умерла от родильной горячки через неделю после того, как произвела

на свет ребенка, и которому по этой причине нужна была разом кормилица и прислуга, способная выполнять все работы по дому.

Вот так и вышло, что новорожденный сынишка Эсси, которого она назвала Энтони, в память, по ее словам, о покойном муже, отце несчастного младенца (она отдавала себе отчет в том, что опровергнуть ее утверждение здесь некому, да к тому же, кто знает, вдруг она и в самом деле встречалась некогда с каким-нибудь Энтони), сосал материнскую грудь вместе с Филлидой Ричардсон, и хозяйский ребенок всегда получал грудь первым, так что девочка выросла здоровой, высокой и стройной, а вот собственный сын Эсси, который получал только то, что осталось, выдался хилым и рахитичным.

И вместе с молоком Эсси дети, по мере того как росли, впитывали ее сказки: о стукачи-

ках[20] и синих колпачках,[21] которые живут в шахтах; о Букке,[22] самом пакостном из всех корнуолльских духов, гораздо более опасном, чем рыжеволосые, с курносыми носами пикси, — для которого первую пойманную рыбу всегда оставляют на камнях в зоне прилива, а в поле, в пору созревания пшеницы — свежевыпеченную ковригу хлеба, чтобы обеспечить добрый урожай; рассказывала она им и про яблоневых дедов — про старые яблони, которые время от времени, когда к ним возвращается память, умеют разговаривать, и которые нужно подкармливать первым сидром, полученным с нового урожая, и сидр этот нужно лить им в корни на самом повороте года — если, конечно, хочешь, чтобы и на следующий год урожай был хорошим. Она рассказывала им,

---

[20] notes: 20

Стукачики (knockers) — в корнуолльской мифологии рудничные «оловянные» гномы, которые живут в самых отдаленных (и заброшенных) местах подземных разработок и могут указать путь к богатым залежам руды тем, к кому относятся с симпатией. Как и прочие существа подобной природы, терпеть не могут навязчивого внимания со стороны людей. Не любят также свиста и крестного знамения — тем, кто злоупотребляет тем или другим, могут заморочить голову и завести в опасные места.

[21] notes: 21

Синие колпачки — еще одна разновидность корнуолльских рудничных духов. Иногда готовы договориться с рудокопом, которому нужно отлучиться, и дать за него полную дневную выработку — за полную дневную оплату. Обманывать синих колпачков не рекомендуется.

[22] notes: 22

Букка — корнуолльский аналог распространенных по всем британским островам персонажей с именами Пак, Пука, Поука и т. д. Чаще всего встречается в прибрежных районах (приношения Букке положено оставлять на берегу моря), насылает бури и грозы. Впрочем, встречается также и в шахтерском фольклоре.

мелодично, на традиционный корнуолльский лад растягивая гласные, каких деревьев следует опасаться, и пела специально для этого существующую песенку:

Ярым гневом пышет дуб,
Тяжкой думой вязнет вяз,
Те, кто ходит по ночам —
У ракитника в руках.

Она рассказывала им обо всем этом, и они верили, потому что верила она сама.

Ферма процветала, и каждую ночь Эсси Трегован выставляла на порог у задней двери фарфоровое блюдечко с молоком — для пикси. И однажды ночью, через восемь месяцев, Джон Ричардсон тихонько постучался в дверь к Эсси и попросил одарить его теми радостями, которыми только женщина может одарить мужчину, а Эсси объяснила ему, насколько глубоко задело и шокировало ее подобное предложение, поскольку кто она есть в этом доме — всего лишь сервентка, и положение у нее, несчастной вдовы, ничуть не лучше рабского, и вот мужчина, которого она так уважала, смотрит на нее как на какую-нибудь шлюху; а замуж сервентки выходить не имеют никакого права; да как ему только в голову при-

шло так издеваться над бедной девушкой, этого она понять не в состоянии — и ее прекрасные карие глаза наполнились слезами, и вот уже Джон Ричардсон просит у нее прощения, а закончилась эта сцена тем, что прямо здесь, в коридоре, у двери, в жаркую летнюю ночь, он встал перед Эсси Трегован на одно колено и предложил считать, что с этой минуты срок ее контракта истек, и тут же попросил ее выйти за него замуж. И после этого, хотя выйти за него замуж она согласилась, Эсси до самой свадьбы не провела с ним ни одной ночи, — а после свадьбы перебралась из своей каморки на чердаке в хозяйскую спальню в передней части дома; и хотя некоторые друзья и знакомые фермера Ричардсона, а также их жены, перестали с ним здороваться, когда он в следующий раз приехал в город, гораздо большее число его друзей и знакомых придерживалось мнения, что новая миссис Ричардсон — чертовски привлекательная женщина, и что Джонни Ричардсону очень повезло, раз он отхватил этакий лакомый кусочек.

Через год она родила еще одного ребенка, тоже мальчика, но только светловолосого, точь-в-точь как его отец и единокровная сестра — и мальчика назвали Джоном, в честь отца.

Все трое детей ходили по воскресеньям в местную церковь, послушать заезжего проповедника, а еще в местную школу, чтобы научиться читать и считать, вместе с другими детьми с других окрестных ферм; а кроме того, Эсси не забывала им рассказывать о самых важных тайнах на свете, то есть о тайнах, связанных с пикси, рыжеволосыми людьми, глаза и одежда у которых зеленые, как вода в реке, а носы курносые, а сами они смешные, и глаза у них раскосые, но если им вдруг придет такая охота, они так тебя закружат-заплутают, что забудешь, где твой дом и как тебя зовут, если, конечно, у тебя в кармане не окажется на такой случай щепотка соли или кусочек хлеба. Когда дети ходили в школу, у каждого из них в одном кармане была щепотка соли, а в другом кусочек хлеба, древние символы жизни и земли — просто на всякий случай, для уверенности, что они вернутся домой целыми и невредимыми: и они всегда возвращались, целыми и невредимыми.

Дети росли меж зеленых вирджинских холмов и выросли высокими и сильными (хотя Энтони, первый ее сын, всегда был слабее и бледнее двоих других, и в большей мере подвержен болезням и скверному расположению духа), семейство

Ричардсонов жило счастливо; и Эсси любила своего мужа так, как только могла. Они жили как муж и жена десять лет кряду, а потом как-то раз у Джона Ричардсона развилась зубная боль, да такая сильная, что он упал с лошади. Его отвезли в ближайший город и вырвали зуб; но было уже слишком поздно, и его, стонущего и почерневшего лицом, свело в могилу заражение крови — и схоронили Джона Ричардсона под его любимой ивой.

И пришлось вдове Ричардсон управляться с фермой, пока двое детей и наследников мужа не встанут на ноги: она командовала рабами и сервентами, и раз в два года собирала урожай табака; вечером под Новый год она поливала сидром корни яблонь, а в пору созревания хлебов относила в поле каравай свежевыпеченного хлеба и никогда не забывала выставить на заднее крыльцо блюдечко с молоком. Ферма процветала, и за вдовой Ричардсон закрепилась репутация крепкого орешка, который торгуется за каждый пенни, но товар поставляет всегда самый отменный и даже не пытается ради пущей выгоды сбывать с рук третий сорт.

И еще десять лет все шло прекрасно; а потом настал плохой год, когда Энтони, ее сын, зарезал

Джонни, своего единоутробного брата, в отчаянной ссоре из-за того, что дальше будет с фермой, и за кого нужно выдать замуж Филлиду; и были такие люди, которые говорили, что брата он убивать не собирался, что удар был дуровой и только по случайности оказался слишком глубоким, — а были и такие, что придерживались противоположной точки зрения. Энтони ударился в бега, предоставив матери самой хоронить сына рядышком с мужем. И были такие люди, которые говорили, что он удрал в Бостон, а были и такие, которым казалось, что он подался к югу, сама же Эсси придерживалась мнения, что он сел на корабль и уплыл в Англию, где нанялся в армию короля Георга и воюет теперь с мятежными шотландцами. Как бы то ни было, с исчезновением обоих сыновей ферма превратилась в пустыню, и в пустыню унылую, и Филлида бледнела и чахла с каждым днем, так, словно сердце ее было разбито, и как ни старалась мачеха, что ни говорила девушке, ничто не могло вернуть на ее уста улыбку.

Но из разбитого сердца каши не сваришь, ферме нужен хозяин, и со временем Филлида вышла замуж за Гарри Сомза, который по профессии был корабельный плотник, но устал скитаться по

морям и уже давно мечтал о деревенской жизни, и чтоб была своя ферма, точь-в-точь такая, как та, в Линкольншире, на которой он когда-то вырос. И невзирая на то, что ферма Ричардсонов мало напоминала линкольнширскую ферму, Гарри Сомз находил в ней вполне достаточное для счастья число совпадений. У Филлиды и Гарри родилось пятеро детей; выжили трое.

Вдова Ричардсон тосковала по своим сыновьям и по мужу она тоже тосковала, хотя от него теперь осталось разве что смутное воспоминание — о светловолосом человеке, который хорошо к ней относился. Детишки Филлиды прибегали к Эсси слушать сказки, и она рассказывала им про Черных Псов с Пустоши, про Череп и Кости, про Яблоневого Деда, но все это было им совсем неинтересно; а хотелось им сказок про Джека — про Джека и бобовое зерно, про Джека Победителя Великанов или про Джека, Джекова кота и короля. Она любила этих детишек так, будто они были ее плоть и кровь, хотя ей иногда и случалось называть их именами давно умерших людей.

Стоял месяц май, она вынесла стул в задний сад, чтобы нарвать горошка и почистить его на солнышке, ибо даже в роскошной вирджинской жаре холод теперь проникал ей в самые кости,

совсем как иней — в волосы на голове, и лишней толике тепла она теперь всегда была рада.

Пока вдова Ричардсон перебирала горох, ей пришла мысль о том, как было бы здорово прогуляться еще хоть разок по болотистым пустошам и иссеченным солеными ветрами скалам родного Корнуолла, и еще ей вспомнилось, как она, совсем еще маленькая девочка, сидела на галечнике и ждала, когда вернется из серых морских далей отцовский корабль. Ее руки, утратившие былую ловкость, с распухшими суставами, лущили стручки, ссыпали налитые горошины в глиняную миску, а пустые стручки роняли в фартук, в ямку между коленями. Потом ей вспомнилось то, о чем она уже давным-давно не вспоминала: жизнь, которая канула в лету. Как эти вот самые пальцы, такие ловкие в былые времена, вытягивали из карманов кошельки и переправляли в укромные места отрезы шелка; а потом она вспомнила того стражника в Ньюгейтской тюрьме, который сказал ей, что дело ее будет слушаться еще месяца через три, не раньше, и что виселицы она сможет избежать, если на суде выяснится, что она беременна, и что красавица она — просто пальчики оближешь; и как она повернулась к стене и смело задрала юбки, в единый миг возненавидев и

этого охранника, и себя саму, но прекрасно отдавая себе отчет в том, что он прав; и как чувство набухающей внутри нее жизни означало, что ей еще какое-то время удастся обманывать смерть…

— Эсси Трегован? — произнес незнакомый голос.

Вдова Ричардсон подняла голову, прикрыв глаза рукой от яркого майского солнышка.

— А мы что, с вами знакомы? — спросила она. Она не слышала, как он подошел к ней.

Человек был одет во все зеленое: пыльно-зеленые узкие панталоны, зеленая курточка, темно-зеленый сюртук. Он скалился во весь рот, волосы у него были морковно-рыжего цвета, а глаза — раскосые неимоверно. Было в этом человеке что-то такое, отчего ей было радостно на него смотреть, и к этому добавлялось смутное чувство исходившей от него угрозы.

— Можно сказать и так, — сказал человек, — можно сказать и так.

Он посмотрел на нее раскосыми глазами сверху вниз, и она тоже сощурилась и попыталась отыскать в этой круглой физиономии хоть что-то знакомое. По виду он годился в ровесники любому из ее внуков, но назвал-то он ее старым именем, да и в голосе у него была знакомая ей с

детства картавинка, сродни далеким корнуолльским пустошам и скалам.

— Так вы из Корнуолла? — спросила она.

— Так точно, и зовут меня кузен Джек, — ответил рыжеволосый. — Или, скорее, раньше меня так звали, а теперь я обретаюсь в этом новом мире, где никто не удосужится выставить наружу для честного человека чуть-чуть молока или эля — или коврижку хлеба, когда поспевают хлеба.

Старуха поправила на коленях миску с горохом.

— Если вы тот, про кого я думаю, — сказала она, — то я с вами не в ссоре.

Было слышно, как где-то в глубине дома Филлида честит экономку.

— Да и я с тобой не ссорился, — сказал с оттенком грусти в голосе рыжеволосый, — хотя это именно ты привезла меня сюда, ты и еще горстка тебе подобных, в эту землю, где на волшебство ни у кого нет времени, и где нет места для пикси и прочих в том же роде.

— Вы часто помогали мне, в былые дни, — сказала она.

— И помогали, и мешали, — сказал раскосый незнакомец. — Мы — как ветер. Мы дуем в обе стороны.

Эсси кивнула.

— Возьмешь меня за руку, Эсси Трегован?

И он протянул ей руку. Она была сплошь веснушчатая, и хотя глаза у Эсси были уже не те, она успела разглядеть каждый рыжий волосок на тыльной стороне его ладони, отливавший золотом в послеполуденном солнце. Она закусила губу. А потом — нерешительно — вложила в его руку свою, пронизанную синими старческими жилками.

Она была еще теплая, когда ее нашли, — хотя жизнь уже утекла из ее тела, и гороха она успела вылущить едва ли половину.

Глава пятая

Жизнь — это дама в расцвете лет,
У мистера Смерть — нездоровый вид:
Она ждет вас дома и варит обед,
Он в подворотне с кастетом стоит.
У. Э. Хенли.[23] Жизнь — это дама в расцвете лет

---

[23] notes: 23

Уильям Эрнест Хенли (1849–1903) — британский поэт, критик и издатель, прототип Долговязого Джона Сильвера из романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ» (в возрасте 12 лет у Хенли, больного костным туберкулезом, отняли левую ногу).

Утром в воскресенье проснулась, чтобы попрощаться с ними, одна только Зоря Утренняя. Она взяла у Среды сорок пять долларов и настояла на том, что непременно должна выписать ему расписку в получении денег — размашистым, с завитушками, почерком, на обороте просроченного талона на скидку при покупке безалкогольных напитков. Вид у нее в утреннем свете был совершенно кукольный — тщательный макияж на старушечьем лице, высоко заколотые золотые волосы.

На прощанье Среда поцеловал ей руку.

— Благодарю вас за гостеприимство, сударыня, — сказал он. — Вы и ваши очаровательные сестры по-прежнему лучезарны, как свет небесный.

— Ах ты, старый пакостник! — ответила она и погрозила ему пальцем. А потом обняла. — Береги себя. Мне бы очень не хотелось услышать о тебе дурные вести.

— Мне бы тоже очень этого не хотелось, милая моя.

Тени она пожала руку.

— Вы очень понравились Зоре Полуночной, — сказала она. — И мне тоже.

— Благодарю вас, — поклонился Тень. — Спа-

сибо за ужин.

— Так вам понравилось? — Она вздернула бровь. — Тогда заходите еще.

Среда и Тень пошли вниз по лестнице. Тень сунул руку в карман. Серебряный доллар был тут как тут, холодный и гладкий. С такой большой и тяжелой монетой ему еще ни разу не приходилось работать. Классический зажим в ладони; затем он выбросил руку перед собой, и монета как будто сама прыгнула в переднюю позицию — как тут и была, и держал он ее легко и незаметно, едва-едва прижав по гуртам мизинцем и указательным пальцем.

— Ловко, — кивнул Среда.

— Я только учусь, — сказал Тень. — Техническими навыками более или менее овладел. Труднее всего заставить людей смотреть на твою другую руку.

— Правда, что ли?

— Ага, — кивнул Тень. — Отвлекать внимание.

Он согнул средний и безымянный пальцы, просунув их под монету, и перевел ее на тыльную сторону ладони, чуть-чуть ослабив при этом зажим. Монета выскользнула у него из руки, ударилась о ступеньку и остановилась на полпролета ниже. Среда наклонился и поднял ее.

— Если тебе делают подарок, — сказал Среда, — подарок надо беречь. С такими вещами, как эта, вообще нужно быть очень осторожным. И пореже выпускать из рук. — Он принялся рассматривать доллар, сначала орла на аверсе, потом, на реверсе, — лик Свободы. — Да-да, госпожа Свобода. Красотка, а, как тебе кажется?

Он подбросил монету вверх, закрутив ее щелчком в сторону Тени, который тут же ее поймал и «убрал» — по всей видимости уронив в левую руку, хотя на самом деле она осталась в правой, после чего левая его рука подчеркнуто «сунула» монету в карман. Доллар, между тем, остался сиять в его правой руке. Прохладная тяжесть монеты действовала на него успокаивающе.

— Госпожа Свобода, — вздохнул Среда. — Иностранка, как и большая часть тех богов, которых так почитают американцы. В данном случае француженка. Хотя французы, оберегая чувствительность американских граждан, и прикрыли ее роскошную грудь, когда делали этот подарок. Свобода, — продолжил он, сморщив нос при виде лежавшего на нижней ступеньке использованного презерватива и с видимым отвращением отодвинув его ногой в сторону. — Кто-нибудь ведь может и поскользнуться на этой штуке. И

шею себе сломать, — пробормотал он, отвлекшись на секунду от главной темы. — Все равно, что шкурка от банана, только на вкус похуже, и с иронической начинкой. — Он толчком распахнул входную дверь, и в глаза им ударил солнечный свет. — Свобода! — рокотал Среда, пока они шли к машине. — Это шлюха, которую нужно употреблять на подстилке из трупов.

— Ты действительно так считаешь? — поинтересовался Тень.

— Цитата, — отмахнулся Среда. — Из какого-то француза. Вот кому они поставили памятник в Нью-Йоркской гавани: шлюхе, которая любила трахаться на куче мусора. Держи-держи свой факел, дорогуша, повыше его поднимай, а в подоле-то у тебя снуют крысы, а по ноге твоей ползет вниз струйка холодной малафьи.

Он отпер машину и ткнул Тени пальцем на пассажирское место.

— А я считаю, что она и впрямь красавица, — сказал Тень, зажав монету в кулаке. Серебряный лик Свободы немного напоминал ему лицо Зори Полуночной.

— Вот она, — сказал Среда, выруливая с подъездной дорожки, — извечная дурь человеческая. Гнаться за сладкой плотью, не отдавая себе отче-

та в том, что это не более чем изящная оболочка, упаковка для костей. Корм для червей. И по ночам ты трешься о червячный корм. Никого не хотел обидеть.

Тень еще ни разу не видел Среду таким возбужденным. Значит, подумал он, вот как обстоят дела: фазы экстравертности сменяются у моего нового босса периодами полного спокойствия.

— Так ты, значит, не американец? — спросил Тень.

— А кто американец? — тут же вскинулся Среда. — Американцев по происхождению в природе не существует. Вот об этом-то я тебе и толкую, — он глянул на часы. — До закрытия банков нам с тобой нужно убить еще несколько часов. Кстати, здорово это ты вчера, с Чернобогом. Рано или поздно я бы и сам его уломал, но ты поставил его под знамена так легко и изящно, как у меня самого ни за что бы не вышло.

— Правда, самого меня потом за это убьют.

— Не факт. Как ты сам изволил совершенно справедливо заметить, он стар, удар у него уже не тот, и для тебя это может закончиться всего лишь, скажем, возможностью остаться парализованным до конца твоих дней. Безнадежным калекой. Так что у тебя есть на что надеяться

— если, конечно, мистер Чернобог переживет грядущие лихие времена.

— А в этом есть какие-то серьезные сомнения? — поднял голову Тень. Он откровенно передразнил манеру Среды: и очень себе в этой роли не понравился.

— Серьезнее, твою мать, некуда, — сказал Среда, выруливая на парковку возле банка. — Вот, — обернулся он к Тени, — банк, который я намереваюсь ограбить. До закрытия еще несколько часов. Давай зайдем и поздороваемся.

Он махнул Тени рукой: выходи. Тот нехотя выбрался из машины. Если старик вознамерился совершить какую-нибудь глупость, подумал Тень, какого черта светиться перед камерами. Но любопытство подталкивало его в спину, и он пошел к дверям банка. Смотреть он старался вниз, то и дело тер нос — и вообще делал все, чтобы понадежнее спрятать лицо.

— Извините, мэм, а где у вас депозитные бланки? — обратился Среда к скучающей барышне-оператору.

— Вон там.

— Превосходно. А если я захочу оформить ночной депозит?..

— Заполняйте ту же самую форму, — она улыб-

нулась. — Вы знаете, где автомат для ночных депозитов? Слева от главной двери, дорогуша, прямо в наружной стене.

— Премного благодарен.

Среда зацепил сразу несколько депозитных бланков и улыбнулся девушке на прощанье, после чего они с Тенью вышли на улицу.

Секунду Среда постоял на тротуаре, задумчиво почесывая бороду. Потом подошел к встроенным в стену банкомату и ночному сейф-приемнику и внимательно их осмотрел. После чего перешел через дорогу в супермаркет, где купил себе шоколадное мороженое с карамельной начинкой, на палочке, а Тени — чашку горячего шоколада. Возле входа, прямо под доской, сплошь завешанной объявлениями о сдаче квартир и о щенках-котятах, которым нужен дом и добрый хозяин, висел телефон-автомат. Среда подошел и списал номер автомата. Потом они снова перешли через дорогу.

— Чего нам не хватает, — сказал вдруг Среда, — так это снега. Доброго, основательного, лезущего людям в глаза снегопада. Будь добр, подумай ради меня о снеге, хорошо?

— Что?

— Сконцентрируйся вон на тех облаках — ви-

дишь, вон там, к западу — и представь, что они становятся все темнее и гуще. Думай о низком нависшем небе и пронизывающем ветре, прямиком из самой Арктики. Думай о снеге.

— Сдается мне, толку от этого будет немного.

— Чушь собачья. В любом случае, тебе будет чем заняться, — буркнул Среда, отпирая машину. — А теперь едем в «Кинкоз».[24] Пошевеливайся.

Снег, подумал Тень, сидя на пассажирском сиденье и прихлебывая свой шоколад. *Тяжелые, завораживающие хлопья снега кружатся в воздухе, белая мишура на фоне темно-серого неба, снег, который пахнет зимой и холодом, который иголочками колет язык и осторожными поцелуями покрывает тебе лицо перед тем, как заморозить насмерть. Двенадцать дюймов сахарной ваты, и мир превращается в волшебную сказку, и все вокруг становится прекрасным до неузнаваемости…*

Среда уже давно что-то говорил, обращаясь к нему.

— Прошу прощения? — встрепенулся Тень.

— Я говорю, приехали, — повторил Среда. — По-моему, ты где-то не здесь.

---

[24] notes: 24

Kinko's — копировальный центр с возможностью самообслуживания.

— О снеге задумался, — сказал Тень.

В «Кинкоз» Среда первым делом принялся ксерокопировать банковские депозитные бланки. Потом заказал у оператора два набора по десять визитных карточек. У Тени начала болеть голова, а между лопатками на спине поселилось какое-то неприятное ощущение; должно быть, просто спал в неудобной позе, подумал он, спасибо чумурудному диванчику из чумурудной квартиры.

Среда перебрался за компьютерную стойку, сочинил письмо, а потом подозвал оператора и с его помощью вывел на печать несколько объявлений, в крупном формате.

Снег, думал Тень. *Где-то там, высоко-высоко, вокруг микроскопических частичек пыли формируются идеальной чистоты ледяные кристаллы, идеальные кружевные вариации на тему фрактала. И пока эти снежные кристаллы падают вниз, они слипаются в хлопья, покрывая Чикаго роскошной белой пеленой, дюйм за дюймом…*

— Держи, — сказал Среда. Он протянул Тени чашку «кинковского» кофе с плавающим на поверхности комком полурастворившихся порошковых сливок. — И хватит уже, наверное.

— Чего хватит?

— Снега. Мы же не хотим, чтобы весь этот город

засыпало доверху, правда?

Небо снаружи было равномерного темно-серого цвета, как борт дредноута. И с этого неба — именно так — вовсю сыпал снег.

— Ты же не хочешь сказать, что это сделал я? — слабым голосом сказал Тень. — В смысле, я ведь не делал ничего подобного? На самом-то деле, а?

— Пей кофе, — сказал Среда. — Дерьмовый, понятное дело, но от головной боли хоть чуть-чуть да поможет. — А потом добавил: — Хорошая работа.

Среда расплатился с «кинковским» оператором и вышел на улицу, удерживая между пальцами все свои объявления, письма и карточки. Он открыл багажник, загрузил бумаги в металлический, инкассаторского вида кейс — и закрыл его. А потом протянул Тени визитную карточку.

— Кто такой, — спросил Тень, — А. Хэддок, начальник службы безопасности, Охранная компания А1?

— Это ты.

— А. Хэддок?

— Так точно.

— А что значит это А?

— Альфредо? Альфонс? Августин? Амброуз? Выбирай сам.

— Ага, понятно.

— А меня зовут Джеймс О'Горман, — сказал Среда. — Для друзей — просто Джимми. Уловил? И у меня тоже есть карточка.

Они вернулись в машину. Среда сказал:

— Если и про А. Хэддока ты будешь думать столь же убедительно, как про снег, к вечеру у нас образуется куча ласково шуршащих банкнот, с помощью которых мы на славу угостим всех моих друзей.

— Я не хочу обратно в тюрьму.

— А тебе никто и не предлагает туда возвращаться.

— Мне кажется, мы договорились, что ничего противозаконного я делать не стану.

— А ты ничего противозаконного и не сделаешь. В какой-то мере это можно будет квалифицировать как пособничество и содействие, по предварительному, естественно, сговору с другими лицами, со вполне понятной целью получения — в дальнейшем — незаконно изъятых денежных средств, но поверь мне, выйдешь ты из этого дела, благоухая, как майская роза.

— До или после того, как этот твой славянский

Чарли Атлант[25] проломит мне одним ударом череп?

— Глаза у него уже не те, — сказал Среда. — Может, он вообще промахнется, вчистую. А теперь нам нужно убить еще какое-то количество времени: видишь ли, банки, они по субботам закрываются ровно в полдень. Может, заодно и пообедаем?

— С удовольствием, — сказал Тень. — Я просто умираю с голоду.

— Знаю я тут одно местечко, — Среда выкрутил руль и принялся мурлыкать довольно бойкую мелодию, Тени решительно незнакомую. Снег шел уже вовсю, роскошными белыми хлопьями, точно такими, как представлял себе Тень — и он вдруг почувствовал нелепый прилив гордости.

---

[25] notes: 25

Charles Atlas, урожденный Анджело Сицилиано (1892–1972) — создатель системы бодибилдинга. Добился весьма впечатляющих результатов в наращивании рельефной мышечной массы, при том, что в юности был, по его собственным словам, «лядащим слабаком». Принял псевдоним «Чарльз Атлант» после того, как один из приятелей сказал ему, что он похож на статую Атланта, венчающую отель на Кони-Айленде; в 1922 году псевдоним превратился в официальные имя и фамилию. Впоследствии позировал для множества статуй, стал образцом для подражания для нескольких поколений бодибилдеров (включая Арнольда Шварценеггера) и вошел в американскую мифологию через посредство стандартного сюжета (неоднократно использованного в рекламных компаниях, сериях комиксов и т. д.) о «лядащем слабаке», для которого очередное унижение становится поводом для того, чтобы изменить себя.

Умом он, конечно, понимал, что не имеет к этому снегу никакого отношения, точно так же, как то, что серебряный доллар, лежавший у него в кармане, — не луна, и луной никогда не был. И все-таки…

Они остановились возле большого, похожего на ангар здания. Вывеска гласила, что здешний шведский стол (ешь-сколько-влезет) обойдется в четыре девяносто девять с человека.

— Люблю я эту забегаловку, — сказал Среда.

— Что, кухня хорошая? — спросил Тень.

— Да нет, не так чтобы очень, — отозвался Среда. — Но атмосфера здесь просто незабываемая.

Атмосфера, которая была так мила сердцу Среды, — как выяснилось после обеда (Тень съел жареную курицу, очень даже неплохо приготовленную) — относилась к торговому комплексу, занимавшему всю заднюю часть помещения: в самом центре зала висел транспарант с извещением о том, что именуется сие предприятие «Постоянно действующей распродажей обанкротившихся и ликвидированных компаний».

Среда удалился к машине и вернулся с маленьким чемоданчиком, с которым и проследовал в мужской туалет. Тень прикинул, что в детали задуманной Средой аферы его так или иначе рано

или поздно посвятят, вне зависимости от его собственного на сей счет мнения, так что он просто отправился на прогулку между стеллажами, разглядывая выставленные на распродажу товары: коробки с кофе «исключительно для использования в кофейных машинах, принадлежащих авиакомпаниям», выводок черепашек-ниндзя, гарем Зен-Королев-Воинов, плюшевых мишек, которые, если подключить их к сети, принимались выстукивать на ксилофоне патриотические мелодии, банки с тушенкой, галоши и бахилы, пастилу, подарочные часы президентской кампании Билла Клинтона, миниатюрные искусственные рождественские елки, солонки и перечницы в форме зверушек, частей тела, фруктов и монахинь, а также — Тени он больше всего понравился — набор для изготовления снеговика под названием «просто добавь морковку», в который входили пластмассовые глаза-угольки, трубка из кукурузного початка и пластмассовая же шляпа.

Думал Тень о том, как можно отвести человеку глаза так, что он и впрямь поверит, будто луна сошла с неба и превратилась в серебряный доллар, — и что может заставить женщину вылезти из могилы и идти потом через весь город, чтобы

просто поговорить.

— Правда, замечательное местечко? — спросил Среда, появившийся из мужского туалета. Руки у него были мокрые, и он вытирал их на ходу носовым платком. — У них там кончились бумажные полотенца, — пояснил Среда. Он успел переодеться. Теперь на нем была темно-синяя куртка, такие же брюки, синий вязаный галстук, плотный синий джемпер, белая сорочка и черные туфли. Выглядел он точь-в-точь как сотрудник охранной компании, о чем Тень его тут же известил.

— И знаете, что я вам на это скажу, молодой человек, — проговорил в ответ Среда, подцепив с полки коробочку с плавающими пластмассовыми аквариумными рыбками (*«Не сдохнут никогда — и кормить не надо!»*), — у вас замечательная интуиция. Как, кстати, насчет Артура Хэддока? Славное имя — Артур.

— И главное — редкое.

— Ну, на тебя не угодишь. Тогда сам придумывай. Давай-ка двигать обратно в город. Наше банковское ограбление не терпит отлагательств, а после него у меня появится некоторое количество карманных денег.

— Порядочные люди, — сказал Тень, — деньги на карманные расходы берут в банкоматах.

— Знаешь, тебе это может показаться странным, но примерно это я как раз и собираюсь сделать.

Машину Среда поставил на парковке у супермаркета, напротив банка. Извлек из багажника металлический кейс, планшет с бумагодержателем и наручники. Наручниками он пристегнул кейс к собственному левому запястью. Снег валил по-прежнему. Среда надел на голову синюю фуражку и прицепил к нагрудному карману куртки эмблему на липучке. И на кокарде, и на эмблеме красовался один и тот же логотип: А1, СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ. В бумагодержатель он вставил пачку депозитных бланков. И — как-то вдруг съежился, в мгновение ока превратившись в потертого бывшего полицейского, с пивным животиком и горестной складкой у рта.

— Ну вот, — сказал он, — ступай теперь, купи чего-нибудь поесть, а потом задержись у телефона-автомата. Если кто-нибудь начнет задавать вопросы, скажи, что ждешь звонка от подружки, у которой сломалась машина.

— И почему, спрашивается, ей взбрело в голову звонить мне именно сюда?

— А тебе откуда знать, почему ей в голову взбрело именно это?

Среда нацепил пару видавших виды розовых меховых наушников. Закрыл кейс. Снежинки уже начали оседать на фуражке и наушниках.

— Как видец? — поинтересовался он.

— Нелепый, — ответил Тень.

— Нелепый?

— Ну, или, может быть, просто дебильный, — подумав, добавил Тень.

— Ммм. Нелепый и дебильный. То, что нужно, — улыбнулся Среда. Из-за этих дурацких наушников ему отчего-то и впрямь хотелось верить, он был забавный и — милый. Он перебежал через дорогу и двинулся по направлению к банку; Тень, в свою очередь, зашел в супермаркет и принялся за ним наблюдать.

Среда прилепил к банкомату большую красную бумажку с извещением о том, что аппарат не работает. Щель сейфа для ночных депозитов он заклеил красной же лентой, а сверху пристроил выведенное на принтере объявление. Тень с нарастающим чувством удивления прочел:

ИЗВЕЩАЕМ ВАС О ТОМ, ЧТО В ДАННОЕ ВРЕМЯ
ПРОВОДЯТСЯ РАБОТЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА РАБОТЫ С

КЛИЕНТАМИ. ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ВРЕМЕННЫЕ НЕУДОБСТВА.

Закончив оформлять сцену, Среда развернулся на сто восемьдесят градусов и встал лицом к улице. Вид у него был замерзший и несчастный до крайности.

К банкомату подошла какая-то девушка. Среда покачал головой и объяснил, что аппарат не работает. Она выругалась, извинилась за то, что выругалась, и побежала дальше.

Подъехал автомобиль, из автомобиля вышел мужчина, в руках у него были маленький серый мешочек и ключ. Тень стоял и смотрел, как Среда рассыпается перед этим человеком в извинениях, потом подставляет ему планшет, чтобы тот расписался, изучает его депозитную карточку, старательно, едва ли не высунув язык, выписывает квитанцию, путается в том, какую именно бумажку отдать клиенту — оригинал или копию, — и наконец открывает свой большой металлический кейс и кладет туда серый мешочек.

Клиент дрожал и переминался с ноги на ногу в ожидании, пока престарелый банковский служащий покончит со всей этой канцелярской чепухой и сам он сможет оставить свои ценности

на хранение, вернуться в теплый салон машины и рвануть дальше, по своим делам; наконец, он получил свою квитанцию, прыгнул в машину и умчался.

Среда перешел через дорогу, согнувшись под тяжестью металлического кейса, и купил себе в супермаркете стаканчик кофе.

— День добрый, молодой человек, — покровительственно усмехнулся он, проходя мимо Тени. — Что, не май месяц на дворе, да?

После чего вернулся на свой боевой пост и принялся собирать серые мешочки и конверты у людей, которые в этот стылый холодный вечер спешили отдать на хранение свои сбережения и ценности: славный старый служака в смешных розовых наушниках.

Тень купил себе несколько журналов — «Терки хантинг», «Пипл» и «Уикли уорлд ньюс», последний только из-за очаровательной фотографии снежного человека на обложке — и снова выглянул через витрину наружу.

— Могу я вам чем-то помочь? — обратился к нему средних лет чернокожий мужчина с седыми усами. Судя по всему, здешний менеджер.

— Да нет, спасибо большое. Я тут звонка жду. У подружки машина сломалась.

— Аккумулятор, скорее всего, — кивнул менеджер. — Народ вечно забывает, что эти штуки работают года три, не больше. Ну, четыре. И стоят-то гроши.

— Она мне сейчас все расскажет, — поднял на него глаза Тень.

— Ладно, громила, удачи тебе, — сказал менеджер и вернулся обратно в супермаркет.

Снег превратил все происходившее на улице в сценку внутри хрустального шара, где каждая деталь видна отчетливо, как под микроскопом.

Тень стоял и смотрел, и ему становилось все интереснее. Голосов через улицу и через стекло он, естественно, слышать не мог, и впечатление было такое, будто он смотрит изысканный немой фильм, целиком построенный на пантомиме и выразительной игре актеров: и главным героем здесь был суровый старый служака, может быть, немного неуклюжий, но зато безукоризненно честный и преисполненный самых благих намерений. Каждый человек, который отдавал ему свои деньги и шел дальше, чувствовал себя чуть-чуть счастливее, чем до встречи с ним.

А потом к банку подъехала полицейская машина, и сердце у Тени ушло в пятки. Среда приложил два пальца к козырьку фуражки и подошел к

патрульной машине. Он сперва что-то сказал, потом поздоровался с обоими полицейскими через открытое окно и принялся рыться в карманах, пока не выудил из них визитную карточку и письмо, которые тут же протянул им в окошко. И — отхлебнул глоток кофе.

Зазвонил телефон. Тень снял трубку и изо всех сил постарался сделать так, чтобы голос у него звучал как можно более устало.

— Служба безопасности А1, — сказал он.

— Могу я поговорить с А. Хэддоком? — спросил сидящий на другой стороне улицы в патрульном автомобиле полицейский.

— Анди Хэддок на проводе, — небрежно уронил Тень.

— Да-да, мистер Хэддок, это полиция беспокоит, — сказал ему коп с той стороны дороги. — Вы отправляли сотрудника к Первому Иллинойсскому банку, на угол Маркет и Второй?

— Ну да. Так точно. Джимми О'Гормана. А что, намечаются какие-то проблемы, офицер? Джим прилично себя ведет? Он, случаем, не выпимши?

— Да нет, никаких проблем, сэр. С вашим сотрудником все в совершенном порядке. Просто хотел удостовериться, что все идет как надо.

— Послушайте, офицер, передайте Джиму, что

если он еще раз попадется на том, что прикладывается к бутылке в рабочее время, мы его уволим. Вы меня поняли? К чертовой матери. Без выходного пособия. У нас в А1 с этим шутки плохи.

— Видите ли, сэр, я не считаю, что должен передавать ему что бы то ни было в этом роде. Он прекрасно справляется со своей работой. Мы и подъехали только потому, что, как правило, такого рода операции осуществлять должны двое сотрудников. Оставлять одного невооруженного сотрудника с такой суммой денег просто опасно.

— Вот только не надо меня учить, хорошо? А еще того лучше — расскажите это жлобам из Первого Иллинойсского. Я своих ребят под это дело подставляю, офицер. Хороших ребят. Таких же, как вы, офицер! — Тень начинал входить в образ. Он просто чувствовал, как буквально на глазах превращается в Анди Хэддока, что в пепельнице перед ним лежит изжеванная дешевая сигара, а на столе громоздится куча бумаг, с которыми нужно разобраться до ухода со службы, что у него дом в Шомберге и любовница, которая живет в маленькой квартирке на Лейк-Шор-драйв. — Знаете, мне кажется, вы очень способный молодой человек, офицер, э-э…

— Майерсон.

— Офицер Майерсон. В общем, если захотите подработать на выходные или если вам придет в голову идея уйти из полиции — по любым причинам, — позвоните мне в А1, хорошо? У вас есть моя карточка?

— Так точно, сэр.

— Не теряйте ее, — сказал Анди Хэддок. — В общем, жду вашего звонка.

Патрульная машина тронулась с места, и Среда потопал по снегу обратно, туда, где уже выстроилась небольшая очередь из людей, жаждущих отдать ему деньги.

— Ну что, все у нее в порядке? — спросил менеджер, высунувшись на минутку из-за стеклянной двери. — У этой вашей подружки?

— Аккумулятор, как и следовало ожидать, — пожал плечами Тень. — Стой тут теперь и жди ее.

— Женщины, — развел руками менеджер. — Надеюсь, ваша хотя бы стоит того, чтобы ее ждали.

Спустились зимние сумерки, тусклый вечерний свет начал понемногу переплавляться в ночь. Зажглись фонари. Людей, которые отдавали Среде свои ценности, становилось все больше. Внезапно, словно повинуясь какому-то сигналу, Среда подошел к стене, снял все свои наклейки и быстрым шагом двинулся через дорогу, через

снежную кашу, по направлению к стоянке. Тень подождал еще минуту и пошел следом.

Среда расположился на заднем сиденье. Он уже успел открыть металлический кейс и методично раскладывал его содержимое — аккуратными стопками.

— Трогай, — сказал он. — Едем в отделение Первого Иллинойсского на Стейт-стрит.

— Дубль два, что ли? — спросил Тень. — Тебе не кажется, что два раза подряд испытывать удачу — это уже слишком?

— А кто тебе сказал про дубль два? — ощерился Среда. — Мы туда едем, чтобы совершить несколько банковских операций.

Пока Тень вел машину, Среда сидел на заднем сиденье, горстями доставал из депозитных мешочков купюры, оставляя в неприкосновенности чеки и квитанции по кредитным картам; из некоторых конвертов он тоже вынимал наличные, хотя и не изо всех подряд. Деньги он бросал обратно в кейс. Тень притормозил у банка, метрах в пятидесяти от входа, с гарантией не попасть в поле обозрения камер наружного наблюдения. Среда выбрался из машины и принялся заталкивать конверты в щель ночного приемника. Потом открыл ночной сейф и покидал туда серые

мешочки. И закрыл сейф.

Он сел на пассажирское сиденье.

— Двигай на I-90, — сказал он. — Смотри на указатели. Мы едем на запад, в сторону Мэдисона.

Тень тронулся с места.

Среда оглянулся на оставшийся позади банк.

— Ну вот и все дела, молодой человек! — радостно проговорил он. — Это окончательно собьет их с толку. Конечно, если нужны по-настоящему большие деньги, подобную операцию следует производить в воскресенье, в половине пятого утра, когда ночные клубы и бары скидывают ночную выручку. Попался тебе нужный банк и нужный парень с хорошей суммой денег — знаешь, они подбирают таких здоровенных честных ребят, а иногда еще приставляют к ним пару горилл для порядка, вот только ребята эти как правило звезд с неба не хватают — и ты вполне можешь унести в клюве четверть миллиона долларов. За один вечер работы.

— Если все настолько просто, — буркнул Тень, — почему не каждый второй в этой стране зашибает деньгу именно таким образом?

— В занятии этом тоже есть определенный риск, — сказал Среда, — в особенности в половине пятого утра.

— Хочешь сказать, что копы в это время становятся особенно подозрительными?

— Да нет. А вот гориллы — становятся. И события могут пойти по довольно странному сценарию.

Он пробежал пальцами по пачке пятидесятидолларовых купюр, добавил сверху пачку двадцаток, потоньше первой, и протянул обе пачки Тени.

— Держи, — сказал он. — Твой первый недельный заработок.

Тень, не пересчитывая, сунул деньги в карман.

— Значит, именно этим ты и занимаешься? — спросил он. — Это и есть твой способ зарабатывать деньги?

— Время от времени, не более того. Только в тех случаях, когда за короткое время нужно найти большую сумму денег. Как правило, я получаю деньги от людей, которые даже не отдают себе отчета в том, что их кинули, которые никогда не жалуются и всегда готовы выстроиться в очередь, чтобы я кинул их еще раз, если мне случится опять проезжать мимо.

— Этот парень, Суини, помнится, назвал тебя жуликом.

— Правду сказал. Но к этой профессии мой

способ жить ничуть не сводится. И тебя, Тень, эта сторона моей биографии касаться будет в последнюю очередь.

Снаружи стояла ночь: снег кружил в свете фар и бился о лобовое стекло. Зрелище было завораживающее.

— Эта страна — единственная в мире, — сказал вдруг в полной тишине Среда, — которая никак не может взять в толк, что такое она собой представляет.

— Как-как?

— Все остальные отдают себе отчет в том, кто они и что они. Кому, спрашивается, придет в голову отправляться на поиски сердца Норвегии? Или там — где живет душа Мозамбика. Они и так знают, кто они такие.

— И что дальше?

— Да нет, ничего, просто мысли вслух.

— Значит, ты успел объехать полсвета, я правильно понимаю?

Среда ничего ему на это не ответил. Тень посмотрел на него.

— Нет, — вздохнул Среда. — Нет. Нигде-то я не был.

Они остановились на бензоколонке; Среда отправился в туалет, в темно-синей униформе и с

чемоданчиком в руке, а вышел оттуда в шикарном, с иголочки светлом костюме, коричневых туфлях и слегка укороченном, по колено, коричневом же пальто, сшитом, судя по всему, в Италии.

— А когда мы доберемся до Мэдисона — что будет дальше?

— Свернем на хайвей-четырнадцать, на запад, к Спринг-Грин. Встреча у нас назначена в месте под названием Дом-на-Скале. Ты когда-нибудь там бывал?

— Не доводилось, — сказал Тень. — Только рекламные щиты видел.

В этой части обитаемого мира рекламные щиты Дома-на-Скале были повсюду: что именно в них рекламировалось, было не совсем понятно, однако по всему Иллинойсу, по всей Миннесоте и по всему Висконсину, а пожалуй, подумал Тень, и вплоть до самой Айовы, забыть о существовании Дома-на-Скале у едущего по дороге человека никак не получится. Щиты Тень видел и даже давал себе труд над ними задуматься. Интересно, этот дом и вправду торчит на самой вершине скалы? И что в этой скале такого интересного? А в доме? Впрочем, надолго его обычно не хватало, и он выбрасывал все это из головы. Не тот он был

человек, чтобы его привлекали придорожные достопримечательности.

С федеральной трассы они съехали в Мэдисоне, проследовали мимо забранного в строительные леса купола нового законодательного собрания штата (еще одна великолепная картинка внутри полного кружащихся снежинок стеклянного шара) и начали плутать по каким-то местного значения дорогам. После того как примерно час подряд им попадались городишки с названиями вроде Чернозем, они свернули на узкое боковое ответвление меж двух запорошенных снегом каменных ваз, обвитых похожими на ящериц драконами. Обсаженная деревьями парковка была почти пуста.

— Скоро совсем закроются, — сказал Среда.

— Так и что это за место? — спросил Тень, пока они шли через парковку к приземистому, неказистому на вид зданию.

— Придорожная достопримечательность, — ответил Среда. — Одна из самых-самых. И следовательно, место магическое.

— Не понял.

— Проще некуда, — сказал Среда. — В других странах, из века в век, люди постепенно распознавали свои магические места. Это мог

быть какой-нибудь природный объект, ну, или обычное место, но только — необычное. До них доходило, что в такого рода местах происходит нечто важное, что это — словно бы некий фокус, канал, окно в Вечность. Ну, и они строили в таком месте храм или собор, или просто круг из поставленных на попа камней, или… ну, в общем, ты понял.

— В Штатах тоже церквей хоть отбавляй, — сказал Тень.

— В каждом городе. А то и в каждом квартале. И в нашем смысле толку от них примерно столько же, сколько от зубоврачебных кабинетов. Нет, в Соединенных Штатах людям, конечно, тоже случается слышать зов, по крайней мере некоторым: живет человек, живет, и вдруг до него доходит, что к нему обращаются некие высшие силы из глубин неведомых, и он подрывается с места и сооружает из пивных бутылок уменьшенную копию какого-нибудь чуда света, которое сам в глаза не видел, или воздвигает гигантское гнездилище летучих мышей, причем в какой-нибудь такой части страны, где летучих мышей отродясь не водилось. Придорожные достопримечательности: людей вдруг начинает с сумасшедшей силой тянуть в некое место, в котором — будь это

в какой-нибудь другой стране мира — им бы и впрямь удалось пообщаться с той частью их же собственной души, которая не от мира сего; и там они покупают себе хот-дог, болтаются какое-то время по округе, и чувствуют удовлетворение, объяснить которое словами они не в состоянии — и глубокую неудовлетворенность где-то внутри, там, куда вообще не привыкли заглядывать.

— Теории у тебя, конечно, иногда бывают просто убойные, — сказал ему на это Тень.

— Какие, на хрен, теории? Чистой воды практика, молодой человек, — вскинулся Среда. — Уж к настоящему-то моменту тебе давно следовало это понять.

Из нескольких билетных окошек открыто было лишь одно.

— Продажа билетов прекращается через полчаса, — сказала кассирша. — У нас, понимаете, чтобы все как следует обойти, часа два нужно, не меньше.

Среда заплатил за билеты наличными.

— А где скала? — спросил Тень.

— Под домом, — ответил Среда.

— А дом где?

Среда поднес палец к губам, и они пошли дальше. Где-то впереди пианола мучила мелодию, в

которой смутно угадывалось Равелево «Болеро». Больше всего дом оказался похож на перестроенное в конструктивистском стиле холостяцкое логово шестидесятых: стены из дикого камня, на полах ковролин, а еще на удивление уродливые грибообразные люстры из цветного стекла. На второй этаж вела винтовая лестница: там обнаружилась еще одна комната, сплошь уставленная какими-то дурацкими сувенирами.

— Говорят, выстроил этот дом злой брат-близнец Фрэнка Ллойда Райта, — сказал Среда. — По имени Фрэнк Ллойд Ронг.[26]

И хихикнул над собственной шуткой.

— Я уже видел эту надпись на футболке, — сказал Тень.

Потом они снова поднимались и спускались

---

[26] notes: 26

Не то чтобы данная игра слов была непереводима, но поскольку речь идет о реальном историческом лице, переводчик счел необходимым просто транслитерировать имена. Фрэнк Ллойд Райт (Frank Lloyd Wright, 1867–1959) был одним из самых выдающихся американских архитекторов. В 1900–1917 годах Райт стал родоначальником так называемого «стиля прерий», название которого носит локально обусловленный характер: первые здания в этом стиле строились в основном в окрестностях Чикаго. Демонстративное использование природных материалов, вписанность невысоких, с покатыми крышами и короткими трубами, зато довольно просторных зданий в пейзаж, особый акцент на «периферийных» конструкциях (террасы, веранды, переходы) — все это дает основание считать «стиль прерий» одним из первых экологически ориентированных направлений в архитектуре XX века. Впрочем, в дальнейшем Райт работал в более чем разнообразных стилистиках.

Игра слов вполне очевидна и выходит на одну из доминирующих смысловых дихотомий романа: фамилия архитектора переводится как «правильный», «правый». Его виртуальный близнец, сохраняя имена оригинала, приобретает говорящую фамилию Wrong, «ошибочный», «неправильный».

по лестницам, пока не очутились в длинной-предлинной комнате, сплошь из стекла, которая подобно игле торчала над безлистым черно-белым пейзажем, расстилавшимся в нескольких сотнях метров внизу. Тень стоял и смотрел, как падает, закручиваясь гигантскими спиралями, снег за окном.

— Это и есть Дом-на-Скале? — с несколько озадаченным видом спросил он.

— Ну да, более или менее. Это Зал Бесконечности, часть дома, хотя именно эту часть построили несколько позже, чем все остальное. Но в целом ответ отрицательный, поскольку мы с тобой, молодой человек, даже близко еще не подошли к тому, что этот дом в состоянии нам предложить.

— Следовательно, если верить твоей теории, — сказал Тень, — самое святое место во всей Америке — это «Мир Уолта Диснея».

Среда нахмурился и погладил бороду.

— Уолт Дисней скупил несколько апельсиновых рощ в центре Флориды и выстроил на их месте городок для туристов. Никакой магии в этом нет и не было. Вот разве что в Диснейленде, каким он был изначально. Там кое-что могло и проклюнуться, в довольно странной форме, и вытянуть оттуда эту магию было бы непросто. Хотя

есть во Флориде такие места, из которых магия едва ли не фонтаном бьет. Нужно только смотреть как следует, чтобы видеть. Ну, а что касается русалок из Вики Вачи…[27] Иди за мной, сюда.

Повсюду в доме звучала музыка: резковатая и нестройная, то и дело сбивающаяся с ритма и такта. Среда вынул пятидолларовую купюру и вставил ее в разменный аппарат, который выплюнул ему взамен пригоршню медных жетонов. Один он запустил в сторону Тени, который поймал металлический кружок и, заметив, что на него смотрит какой-то мальчонка, зажал жетон между указательным и большим пальцами и — заставил бесследно исчезнуть. Мальчик тут же подбежал к матери, которая разглядывала одного из вездесущих Санта Клаусов — «НАС ШЕСТЬ С ЛИШНИМ ТЫСЯЧ!» — гласила вывешенная рядом со статуей табличка, — и дернул ее за полу пальто.

Среда и Тень ненадолго вынырнули под открытое небо: дальнейший путь им указала стрелка:

---

[27] notes: 27

Weeki Wachee — городок в округе Эрнандо, штат Флорида. В данном случае речь идет об одном из аттракционов в карстовых пещерах Вики Вачи, где берет начало одноименная река: пещеры заполнены пресной водой, максимальная глубина полостей достигает 130 метров. Аттракцион представляет собой подводное шоу, в котором участвуют 15 переодетых русалками девушек и 4 «принца». Зрители наблюдают зрелище из-за стеклянной стены, как в океанариуме.

на Улицы Вчерашних Дней.

— Сорок лет тому назад Алекс Джордан, профиль которого красуется на том жетоне, что у тебя в руке, Тень, начал строить дом на высоком скальном выступе, посреди земельного участка, прав на который он не имел, и боюсь, даже сам он не смог бы объяснить, зачем он это делает. Со всех сторон начали съезжаться люди, чтобы посмотреть на эту стройку: были среди них искренне озадаченные, были просто любопытствующие, а были и такие, которым по большому счету все пофигу, и они даже понятия не имели, зачем, собственно, сюда притащились. И в конце концов он начал делать то, что сделал бы на его месте любой здравомыслящий американец его поколения и мужеска полу — он стал брать с них деньги за возможность на все это посмотреть. Не бог весть какие. По пятачку с носа, кажется. А он все строил и строил, и люди все ехали и ехали. А потом он сложил вместе все эти пятаки и четвертаки и создал нечто еще более масштабное и странное. Уровнем ниже дома он понастроил обширных помещений и заполнил их всякой всячиной, чтобы приезжим было на что посмотреть, и люди поехали смотреть на всякую всячину. Миллионы людей приезжают сюда каждый год.

— Зачем?

Но Среда только улыбнулся ему в ответ, и они ступили на тускло освещенные, обсаженные деревьями Улицы Вчерашних Дней. Из запыленных витрин на них смотрели сотни фарфоровых, с поджатыми губками викторианских кукол, похожих на массовку из не слишком затейливого фильма ужасов. Под ногами — брусчатка, над головами — темная крыша, на заднем фоне — разболтанный механический перезвон музыкальной шкатулки. Они прошли мимо стеклянного короба со сломанными куклами и гигантского музыкального автомата, забранного в стеклянный шкаф. Они прошли мимо зубоврачебного кабинета и мимо аптеки («ВОССТАНОВИТЕ СВОЮ ПОТЕНЦИЮ! ПОЛЬЗУЙТЕСЬ МАГНИТНЫМ ПОЯСОМ О'ЛИРИ!»).

В самом конце улицы был еще один стеклянный бокс, а внутри него — женский манекен, наряженный цыганкой-гадалкой.

— Да, кстати, — прогрохотал Среда, перекрывая механическую музыку, — негоже трогаться в путь, да и вообще начинать какое бы то ни было предприятие, не проконсультировавшись предварительно с норнами. Так что пускай эта

Сивилла станет нашей Урд,[28] правильно?

Он бросил в щель медного цвета жетон Дома-на-Скале. Цыганка неловким механическим жестом подняла руку и снова ее опустила. Из щели выползла бумажная полоска.

Среда взял ее, прочел текст, что-то проворчал себе под нос, свернул бумажку и сунул в карман.

— Может, и мне покажешь? А я тебе потом свою покажу, — предложил Тень.

— Судьба человека — дело интимное, — поджав губы, отозвался Среда. — Я твою тоже смотреть не стану.

Тень сунул в щель монетку. И взял бумажку. На ней было написано:

ЛЮБОЙ КОНЕЦ ЕСТЬ НОВОЕ НАЧАЛО
ТВОЕ СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО — НЕТ ТАКОГО
ТВОЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЦВЕТ — МЕРТВЫЙ
ДЕВИЗ — КАКОВ ОТЕЦ, ТАКОВ И СЫН

Тень скорчил кислую мину. А потом свернул бумажку и тоже сунул ее во внутренний карман.

---

[28] notes: 28

Среда почему-то хочет, чтобы ему предсказали прошлое, а не будущее, потому что, согласно «Старшей Эдде», из трех сестер-норн, Урд, отвечает именно за прошлое. Настоящим распоряжается Верданди, будущим — Скульд.

Они пошли дальше по красному коридору, мимо комнат, где на стульях стояли скрипки, альты и виолончели, которые, если бросить монетку, играли сами собой — или притворялись, что играют. Западали клавиши, звенели тарелки, шланги накачивали воздух в кларнеты и гобои. Тень с веселым изумлением обратил внимание на то, что механические руки, что манипулировали струнными инструментами, в принципе не касаются смычками струн, — а струны зачастую были не натянуты, а то и вовсе отсутствовали. Интересно, подумал он, все эти звуки издает что-то вроде эоловой арфы плюс перкуссия — или это элементарная магнитофонная запись?

Судя по всему, они успели отмахать уже не одну милю, когда наконец вышли к залу под названием «Микадо», одна из стен которого представляла собой выполненный в псевдо-восточном стиле образца девятнадцатого века ночной кошмар: из глубины расписанного драконами грота на них смотрели механические барабанщики в шлемах с выступами, похожими на рога больших жуков, и отчаянно лупили при этом в большие и маленькие барабаны. Непосредственно в тот момент, когда в зал вошли Среда и Тень, барабанщики изгалялись над «Пляской смерти» Сен-Санса.

На вделанной в стенную нишу скамье, лицом к этой гротескной и громоздкой музыкальной машине сидел Чернобог и отбивал такт пальцами.

Среда сел рядом. Тень почел за лучшее постоять в сторонке. Чернобог выбросил перед собой левую руку, пожал руку Среде, потом — Тени.

— Добрая встреча, — сказал он и снова откинулся на спинку скамьи: музыка явно доставляла ему удовольствие.

«Пляска смерти» подошла к бурному дисгармоничному финалу. То обстоятельство, что все эти искусственные инструменты были слегка расстроены, придавало общей атмосфере места дополнительный оттенок потусторонности. Машина начала играть новую мелодию.

— Как прошло ограбление? — спросил Чернобог. — Удачно?

Он встал: покидать зал «Микадо» с его грохочущей макабрической музыкой ему откровенно не хотелось.

— Гладко, как змея скользит в бочонке с маслом, — ответил Среда.

— Мне скотобойня пенсию платит, — проворчал Чернобог. — На жизнь хватает, а больше и не надо.

— И это пройдет, — сказал Среда. — Все в этом

мире когда-нибудь канет в лету.

Опять коридоры и комнаты с музыкальными автоматами. Тень начал понимать, что идут они не по тому маршруту, который проложен для обычных туристов: у Среды явно был в голове собственный план этих комнат и переходов. Двигались они теперь под горку, и Тень, окончательно запутавшись, начал прикидывать, а не по второму ли кругу они пошли.

Чернобог ухватил Тень под локоть.

— Быстро, сюда! — сказал он и подвел его к стоявшему у стены большому стеклянному шкафу. Внутри была диорама: бродяга спит в церковном дворике прямо у церковных врат. Табличка гласила, что именуется сей артефакт «СОН ПЬЯНИЦЫ» и представляет собой механическую диораму, которая запускалась, если бросить в щель монетку в один пенс, и стояла когда-то на одной из английских железнодорожных станций. Монетоприемник был распилен так, чтобы в него входил жетон Дома-на-Скале.

— Кинь денежку, — сказал Чернобог.

— Зачем? — спросил Тень.

— Покажу тебе кое-что. Ты должен это увидеть.

Тень сунул жетон в щель. Лежавший на кладбище пьяница поднес ко рту бутылку. Одна из

могильных плит сдвинулась: под ней обнаружился скелет с вытянутыми перед собой руками. С другой стороны от пьяного прокрутилось надгробие, и на месте цветов оказался оскалившийся в ухмылке череп. Справа из-за церкви выплыл призрак, слева — и вовсе что-то невнятное, с непроработанным, заостренным, птичьим лицом, этакая нелепая, бледная, напоминавшая босховские кошмары тень, которая возникла прямо из каменной стены и тут же исчезла. Потом открылась церковная дверь и вышел священник. Духи, призраки и скелеты исчезли, и на церковном кладбище остались только поп и пьяница. После чего священник с укоризною посмотрел на бродягу и попятился; дверь за ним закрылась, оставив пьяницу в гордом одиночестве.

Механическая эта история оставила в душе у Тени жутковатый осадок. Н-да, подумал Тень, жути она на меня нагнала гораздо больше, чем это позволительно заводной игрушке.

— Знаешь, почему я тебе ее показал? — спросил Чернобог.

— Нет, не знаю.

— Потому что наш мир именно такой и есть. Именно так он и устроен. Как там, в этой стеклянной штуке.

Они прошли через комнату, выполненную в кроваво-красных тонах и битком набитую старыми театральными органами, гигантскими органными трубами и чем-то вроде колоссального размера медных перегонных кубов, но только без змеевиков и прочей винокуренной парафернали.

— А куда мы, собственно, идем? — поинтересовался Тень.

— На карусель, — ответил Чернобог.

— Но мы уже раз десять проходили мимо указателей, на которых было написано: «Карусель».

— Он знает, куда идет. Мы движемся по спирали. Иногда кратчайший путь — самый длинный.

У Тени уже начали побаливать ноги, и последняя изреченная Чернобогом максима показалась ему неубедительной.

Музыкальный автомат играл «Осьминожий садик» в зале, которая уходила ввысь не на один десяток этажей: весь центр ее занимало огромное, черное, похожее на кита чудище, зажавшее в гигантских стекловолоконных челюстях большой, в натуральную величину, макет рыбацкого судна. Оттуда они прошли в Зал Дальних Странствий, где стояли выложенный плиткой автомобиль, действующая модель «куриной машины» Руба

Голдберга,[29] а на стене висели наборы дорожных табличек «Берма шейв»:[30]

Мир — бардак
И жизнь — рутина.
Избавься, братец,
От щетины.
Берма шейв,

— Гласил один, а за ним следующий:

Хотел подрезать,
Не вписался.
Так небритым
И остался.
Берма шейв.

---

[29] notes: 29

Руб Голдберг (1883–1970) — известный американский карикатурист, одним из «ноу-хау» которого были рисунки нелепых гиперусложненных механических устройств для выполнения простейших действий. «Куриная машина», далеко не самая изящная придумка Голдберга, тем не менее приобрела самую широкую известность: шар для боулинга падает на курицу, которая принимается кудахтать и бить крыльями, отчего проливается вода — только для того, чтобы наполнить стакан испытывающего жажду персонажа.

[30] notes: 30

Берма шейв (Burma-shave) — марка американской пены для бритья. С 1927 года компания, продающая «Берма шейв», развернула оригинальную рекламную кампанию, основанную на вывешивании вдоль автомобильных дорог красных табличек с надписями. На каждой табличке — всего одна строка, на каждом следующем столбе — следу-

ющая табличка. Пять-шесть табличек подряд дают стихотворение (как правило, комическое), в конце которого всегда стоит название товара. В рекламных стишках «Берма шейв» часто обыгрывались «советы водителю» (Past / Schoolhouses / Take it slow / Let the little / Shavers grow / Burma-Shave), зачастую основанные на черном юморе (Don't stick / Your elbow / Out so far / It might go home / In another car / Burma-Shave). Были тексты, носящие иронико-дидактический характер (Within this vale / Of toil / And sin / Your head grows bald / But not your chin — use / Burma-Shave). Стихотворная матрица рекламной компании «Берма шейв» столь прочно вошла в дискурсивный обиход англоговорящих стран, что даже «поэзия общественных уборных» чаще всего строится именно по этой модели (Here I sat / And meditate / Should I shit / Or masturbate).

И вот они уже у подножия пологого спуска, а прямо перед ними — кафе-мороженое. Судя по внешним признакам, оно было открыто, но на лице у барышни, которая убирала со столиков, настолько явственно читалось: «Отвали», что они прошли дальше — в гибрид кафетерия и пиццерии, совершенно пустой, если не считать одиноко сидевшего в уголке престарелого негра в кричащей расцветочки клетчатом костюме и канареечных перчатках. Роста он был совсем крошечного, из той породы старичков, которых прожитые годы выжали и высушили, — он сидел и поглощал колоссальную, шариков на десять порцию мороженого с сиропом, запивая его кофе из не менее впечатляющих размеров чашки. В пепельнице пускала дымок тонкая черная сигарка.

— Три кофе, — обернулся к Тени Среда и отправился прямиком в туалет.

Тень расплатился за три чашки кофе и вернулся с ними к Чернобогу, который уже успел подсесть к старому негру и курил теперь сигарету — в кулак, быстрыми затяжками, будто боялся, что его за этим занятием того и гляди застукают. Его сосед на сигарку свою не обращал никакого внимания, радостно поглощая мороженое, ложку за ложкой, но как только Тень оказался рядом

со столиком, он мигом ее подхватил, глубоко затянулся и выпустил два кольца дыма — сперва большое, потом еще одно, поменьше, которое аккуратнейшим образом проскочило сквозь первое, — и осклабился во весь рот, довольный собой до крайности.

— Тень, это мистер Нанси, — представил своего соседа Чернобог.

Старичок тут же вскочил и вытянул перед собой затянутую в желтую перчатку руку.

— Рад познакомиться, — сияя ослепительной улыбкой, сказал он. — Кто ты такой, долго гадать не нужно. Должно быть, работаешь на этого старого одноглазого ублюдка, угадал?

Легкая гнусавинка в голосе, намек на акцент, скорее всего — карибский.

— Да, я работаю на мистера Среду, — ответил Тень. — Вы угадали. Да садитесь вы, бога ради.

Чернобог затянулся сигаретой.

— Сдается мне, — мрачно возгласил он, — что наш брат так любит всяческое курево по той простой причине, что оно напоминает нам о тех приношениях, которые когда-то возжигались в нашу честь, и дым поднимался вверх, а люди искали нашего одобрения — или милости.

— А вот лично мне никогда ничего подобного

не предлагали, — сказал Нанси. — Самое лучшее, на что я мог рассчитывать, так это на корзину с фруктами, плюс, может быть, цельную козочку, запеченную с карри, стаканчик чего-нибудь холодного и крепкого, ну и крепенькую бабенку с торчащими сиськами, просто чтобы мне за трапезой не было скучно.

Он снова сверкнул улыбкой, на все тридцать два, и подмигнул Тени.

— А в нынешние времена, — сказал, не меняя тона, Чернобог, — нам и вовсе рассчитывать не на что.

— Ну, конечно, о таком количестве фруктов, которое мне приносили в старые добрые времена, даже и вспоминать не приходится, — сказал, поблескивая глазами, мистер Нанси. — Но все-таки нет в этом мире ничего такого, что я мог бы купить за деньги и что сравнилось бы с крепенькой бабенкой с торчащими сиськами. Вот поговоришь иногда с какими-нибудь ребятами, и складывается впечатление, что кроме как о доле в добыче больше и порассуждать не о чем, но вот что я хочу вам сказать: по утрам мой моторчик до сей поры заводится исключительно от сисек.

Смех у мистера Нанси был старческий, дребезжащий, одышливый — но столько в нем было

самой искренней радости, что Тень едва ли не против собственной воли поймал себя на том, что этот старик ему нравится.

Среда вернулся из туалета и поздоровался с Нанси за руку.

— Тень, ты не хочешь перекусить? Кусочек пиццы? Или там сэндвич?

— Я не голоден, — ответил Тень.

— Позволь дать тебе один совет, — сказал мистер Нанси. — Может так случиться, что от трапезы до трапезы пройдет изрядное количество времени. Если кто-то предлагает тебе поесть, соглашайся. Годы у меня уже не те, я понимаю, но вот что тебе скажу: никогда не отказывайся, если у тебя есть возможность отлить, поесть или полчасика вздремнуть. Понимаешь?

— Понимаю. Но есть мне действительно совсем не хочется.

— Здоровый ты парень, — сказал Нанси, уставившись Тени прямо в глаза, насыщенный цвет красного дерева против светло-серого, — долго по тебе вода бежит, но вот что я тебе скажу: особым умишком ты не блещешь. Есть у меня сын, тупой, как тот парень, что пошел на распродажу тупости и купил себе две по цене одной, — так вот, ты мне его напоминаешь.

— С вашего позволения, приму это как комплимент, — сказал Тень.

— То, что тебя сравнили с человеком, который решил выспаться в то самое утро, когда раздавали мозги?

— То, что меня сравнили с членом вашей семьи.

Мистер Нанси загасил сигарку и щелчком смахнул с перчатки воображаемую частичку пепла.

— Ну что ж, судя по всему, наш Одноглазый сделал не самый худший выбор, — он перевел взгляд на Среду. — Ты хоть представляешь себе, сколько наших сегодня сюда заявится?

— Я постарался известить об этой встрече всех, кого только смог отыскать, — поднял голову Среда. — Приехать, понятное дело, смогут далеко не все. А найдутся и такие, — он выразительно посмотрел на Чернобога, — которые приехать не захотят. Но я думаю, в том, что наберется несколько дюжин, мы можем быть уверены. А дальше информация разойдется сама собой.

Они проследовали мимо выставки рыцарских доспехов («Викторианская подделка, — вещал Среда, пока они шли вдоль застекленной витрины, — современная подделка, шлем двенадцатого века на имитации, выполненной в семнадцатом

веке, а вот перчаточка латная — это пятнадцатый…»), а затем Среда толкнул наружную дверь, провел их по крытой галерее вокруг здания («В жизни бы не запомнил всех этих входов и выходов, — проворчал Нанси, — я уже не тот, каким был в молодости, да и климат в тех местах, откуда я родом, помягче»), потом распахнул еще одну, входную, и они очутились в зале с каруселью.

Играла каллиопа: вальс Штрауса, с чувством, но временами не в такт. Стена перед ними была увешана сотнями старомодных карусельных лошадок; некоторых не мешало бы подкрасить, других как следует пропылесосить. Над лошадками висели десятки ангелов, по которым было отчетливо видно, что основой для фигур послужили отбывшие свой срок в витринах женские манекены — у некоторых была видна бесполая грудь, другие успели потерять где-то крылья и смотрели теперь широко раскрытыми слепыми глазами прямо перед собой, в пустоту.

А дальше была — карусель.

Табличка гласила, что перед ними находится самая большая в мире карусель; дальше шли сведения о том, сколько она весит, сколько тысяч электрических ламп вкручено в люстры, что свисали с потолка в поистине готическом изоби-

лии, а также строжайший запрет забираться на подиум и садиться верхом на зверей.

И что это были за звери! Тень во все глаза разглядывал их, стесняясь признаться самому себе в охватившем его чувстве восторга: сотни и сотни животных, в натуральную величину, по всей глубине и окружности платформы. Существа природные и существа мифологические, и все возможные варианты смешения тех и других — и ни единой повторяющейся фигуры. Здесь были русалка и тритон, кентавр и единорог, слоны (один большой и один совсем крошечный), бульдог, лягушка и феникс, зебра, тигр, мантикора и василиск, запряженные в карету лебеди, белый бык, лиса, пара моржей, здесь была даже морская змея, — все яркие и натуральные настолько, что казались живыми: и все они двигались по кругу под музыку вальса, который как раз закончился и тут же сменился другим. Карусель даже не притормозила.

— Зачем это все? — спросил Тень. — Ну то есть ладно, самая большая в мире, сотни зверей, тысячи лампочек — но она же крутится не останавливаясь, и никто никогда на ней не катается.

— Она здесь не для того, чтобы на ней катались, по крайней мере, не для того, чтобы на ней ката-

лись люди, — сказал Среда. — Она здесь для того, чтобы ею восхищались. Просто, чтобы она *была*.

— Вроде молитвенного барабана, который вертится без остановки, — подхватил мистер Нанси. — И аккумулирует силу.

— А где все? — спросил Тень. — Судя по твоим словам, место сбора назначено было здесь — по крайней мере, я тебя понял именно так.

Среда раздвинул губы в невеселой, на шрам похожей усмешке.

— Тень, — сказал он. — Ты задаешь слишком много вопросов. А деньги тебе платят совсем не за то, чтобы ты задавал вопросы.

— Прошу прощения.

— А теперь иди сюда и подсади нас наверх, — сказал Среда и направился к краю платформы, туда, где висела табличка с описанием карусели и запретом ею пользоваться.

Тень собрался было что-то ему ответить, но вместо этого помог им, одному за другим, забраться на подиум. Среда оказался тяжелым неимоверно, Чернобог залез сам, позволив себе разве что опереться для равновесия о плечо Тени, Нанси был легким как пушинка. Забравшись наверх, каждый из стариков проделал один и тот же номер: шаг вперед, прыжок, и он уже на карусели.

— Ну? — рявкнул Среда. — И долго мы будем тебя ждать?

Тень, после некоторых колебаний, оглядевшись на всякий случай вокруг, — а вдруг кто-нибудь из служащих Дома-на-Скале стоит сейчас неподалеку и смотрит, — тоже вскарабкался на подиум. Мысль о том, что правила пользования каруселью он боится нарушить куда сильнее, чем несколько часов назад боялся совершить действия, которые любой суд счел бы пособничеством и содействием в организации мошеннической операции, позабавила его и слегка озадачила.

Все три старика уже успели выбрать себе по верховому зверю. Среда уселся на золотого волка. Чернобог сидел на спине закованного в латы кентавра, с лицом, скрытым за металлическими нащечниками шлема. Нанси, хихикнув, скользнул на спину огромного льва, собравшегося перед прыжком и раскрывшего пасть в немом рычании. И — похлопал льва по боку. Вальс Штрауса волшебным образом уносил их все дальше и дальше.

На лице у Среды играла улыбка, Нанси хохотал во всю глотку рассыпчатым старческим смехом, и даже вечно мрачный Чернобог, судя по всему, откровенно наслаждался аттракционом. У Тени

вдруг как будто гора с плеч упала: трое стариков веселятся от души, катаясь на Величайшей в Мире Карусели. Ну и что с того, что их в любой момент могут выставить из заведения? Разве это того не стоит? Не стоит права говорить потом, что ты из тех, кто прокатился на Величайшей в Мире Карусели? Прокатился на одном из этих великолепных чудищ?

Тень примерился к бульдогу, потом — к тритону и слону с золотым паланкином, взобрался в конце концов на спину существа с орлиной головой и телом тигра. И — постарался покрепче усесться в седле.

Ритм «Голубого Дуная» лился, звенел и пел у него в голове, свет тысяч и тысяч ламп сливался в единый радужный поток, и в долю секунды Тень вновь превратился в того ребенка, которым был когда-то и которому для счастья только и нужно было, что прокатиться на карусели: он сидел как влитой верхом на орлотигре, в самом центре бытия, и весь мир вертелся вокруг него.

Сквозь музыку Тень услышал смех и понял, что смеется он сам. Он был счастлив, такое чувство, словно последних двух дней вовсе никогда не было, как не было последних трех лет его жизни, да и сама эта жизнь в единый миг волшебным

образом претворилась в невнятную грезу маленького мальчика, что катается на карусели в парке возле Золотых ворот в Сан-Франциско, в свой первый приезд в Соединенные Штаты, и позади у него — бесконечное путешествие, сперва на корабле, потом на машине, а рядом с каруселью стоит мама и смотрит на него, и гордится им, а он облизывает тающее в руках мороженое на палочке, держится изо всех сил и мечтает только о том, чтобы музыка длилась и длилась, чтобы карусель никогда не останавливалась, чтобы скачка продолжалась вечно. Он ехал и ехал, и круг оставался за кругом, за кругом, за кругом…

А потом вдруг погас свет, и Тень увидел богов.

Глава шестая

Ни створок, ни стражи при наших вратах,
Течет через них многолюдный поток:
Здесь волжский бурлак и татарский пастух,
Безликий кули с берегов Хуанхэ,
Малаец ли, скиф, тевтон или кельт,
Бедствия Старого Света вкусив,
Несут к нам неведомых, странных бо-

гов
И темных страстей тигриный оскал;
И улицы наши покинул покой,
И чуждая речь пятнает наш слух:
И новый пред нами предстал Вавилон.

Томас Бейли Олдрич.*[31] *Врата без стражи

Буквально только что Тень ехал на Величайшей в Мире Карусели верхом на орлиноголовом тигре — и вдруг в единый миг свет красных и белых ламп вспыхнул ярче прежнего, запульсировал и погас, и Тень рухнул лицом вперед в исполненный звезд океан, а механический вальс сменился гулким ритмическим рокотом, будто невидимые барабанщики били в огромные барабаны или океанские валы в отдалении обрушивались на бетонные волноломы.

Иного света, кроме света звезд, не осталось, зато в этом, последнем, все вокруг виделось с хрустальной ледяной ясностью. Зверь под ним потянулся и переступил с ноги на ногу: и под левой рукой Тень почувствовал теплый мех, а под правой — перья.

---

[31] notes: 31

Томас Бейли Олдрич (1849–1903) — американский поэт, романист, путешественник и издатель.

— Славно прокатились, а? Как тебе кажется? — голос шел сзади, но слышал его Тень не ушами, а как-то иначе, словно внутри самого себя.

Тень обернулся, медленно, настороженно, рассыпав вокруг себя собственные отражения, замороженные осколки каждого движения, и каждое как в янтарь было оправлено в крохотную долю секунды, и каждое наималейшее движение длилось вечность. Образы, которые потоком хлынули в его мозг, не имели ровным счетом никакого смысла: словно взираешь на мир сквозь фасеточный, разбитый на отдельные переливчатые кристаллы глаз стрекозы, но только каждая фасетка показывала свое, и он был положительно не в состоянии свести воедино, в осмысленное целое то, что видел — или то, что ему представлялось.

Он смотрел на мистера Нанси, старого негра с тоненькими, будто карандашом прорисованными усиками, в клетчатом спортивном пиджаке и лимонно-желтых перчатках, и ехал этот мистер Нанси на игрушечном карусельном льве, а лев застыл в полупрыжке; и в то же самое время, на том же самом месте он видел сплошь усыпанного алмазами паука размером с лошадь, с глазами как дымчато-изумрудная россыпь звезд, и эта

россыпь смотрела прямо на него; а еще перед ним был невероятно высокого роста человек с кожей красно-коричневого цвета и с тремя парами рук, в развевающемся головном уборе из страусовых перьев, с лицом, разрисованным красными полосами, верхом на разъяренном льве, и четыре своих руки он запустил в львиную гриву, вцепившись в нее; и еще он видел черного оборванца-подростка с распухшей левой ногой, сплошь облепленной черными мухами; и наконец, за всем за этим Тень видел крошечного бурого паучка, который спрятался под сухим, охряного цвета листом.

Тень видел все это и знал, что перед ним — одно и то же существо.

— Закрой рот, — сказали все эти существа, которые все вместе были мистером Нанси, — муху проглотишь.

Тень закрыл рот и сглотнул — будто ком проглотил.

На холме, примерно в миле от них, стояли деревянные палаты. И все они ехали к этим палатам: копыта и лапы верховых животных беззвучно выбивали такт по сухому песку у края моря.

Чернобог трусил на своем кентавре и похлопывал его по руке.

— Не верь глазам своим! — крикнул он, обращаясь к Тени. Прозвучало не слишком убедительно. — Все это происходит исключительно у тебя в башке. Лучше вообще ни о чем таком не думать.

Тень действительно видел перед собой старого седого эмигранта из Восточной Европы, в допотопном плаще и со стальным зубом во рту. Но кроме этого он видел приземистое черное нечто, темнее, чем сама темнота, с двумя горящими как угли глазами; и еще он видел князя с длинными развевающимися по ветру черными волосами и длинными черными усами, у которого кровью были залиты и лицо и руки, который был обнажен до пояса, не считая переброшенной через плечо медвежьей шкуры, и который ехал верхом на полузвере-получеловеке, — а лицо и торс его были сплошь покрыты синими, вытатуированными по коже спиралями и завитками.

— Кто вы такие? — спросил Тень. — Что вы такое?

Звери шуршали ногами по песку. Волны яростно обрушивались на темный ночной берег и рассыпались в водяную пыль.

Среда подвел поближе к Тени своего волка — который превратился теперь в огромную угольно-черную зверюгу с зелеными глазами. Скакун

Тени шарахнулся от твари, но Тень погладил его по загривку и шепнул: *не бойся*. Тигр яростно хлестал себя хвостом по бокам. Тени показалось, что где-то рядом, за песчаными дюнами, крадется параллельным с ними курсом еще один волк, брат-близнец этого, и тут же исчезает из вида, стоит только повернуться в его сторону.

— Что, узнаешь меня, Тень? — спросил Среда. На волке он сидел, высоко вскинув голову. Правый его глаз сверкал и переливался в лунном свете, левый был слеп. На нем был плащ с объемистым, едва ли не монашеским капюшоном, и лицо его белело из черной прорези капюшона. — Я обещал тебе сказать, как меня зовут по-настоящему. Так слушай же теперь. Меня зовут Тот-Кто-Рад-Войне, Грим зовут меня, Налетчик и Третий. Я Одноглазый. Высоким кличут меня, и Догадой. Я Гримнир, и Капюшонник — тоже я. Я Отец Всех, и я — Гондлир Держатель Жезла. Имен у меня столько же, сколько на свете ветров, а прозваний не меньше, чем существует способов свести счеты с жизнью. Вороны мои — Хугин и Мунин, Мысль и Память; волки мои — Фреки и Гэри; а конь мой — виселица.

Два призрачно-серых ворона, похожих на полупрозрачные шкуры птиц, сели Среде на оба

плеча и тут же погрузили клювы ему *прямо в голову*, будто пробовали на вкус его мозг, а потом сорвались — оба — и улетели прочь.

Чему теперь мне верить? — подумал Тень, и откуда-то из самых дольних глубин мира, на густой басовой ноте пришел голос и дал ему ответ: *Верь всему*.

— Один? — произнес Тень, и ветер тут же сорвал это слово с его губ.

— Один, — прошептал в ответ Среда, и грохота океанских валов, набегающих на берег скелетов, не хватило, чтобы заглушить этот его шепот. — Один, — повторил Среда, катая слово во рту и пробуя на вкус. — Один! — торжествующим тоном взревел Среда, и вопль его раскатился от горизонта до горизонта. Имя набухло и заполнило собой мир — как грохот крови у Тени в ушах.

А потом, будто во сне, они уже не ехали к стоявшим на далеком холме палатам. Они оказались у самой стены, и скакуны их уже стояли у крытой коновязи.

Палаты оказались огромными, но особой изысканностью конструкции и пропорций не отличались. Бревенчатые стены, камышовая крыша. В центре обширной залы горел огонь, и дым ел Тени глаза.

— Нужно было собраться в моей голове, а не в его, — проворчал, встретившись с Тенью глазами, мистер Нанси. — Там было бы куда теплее.

— А мы у него в голове?

— Более или менее. Это Валаскьяльв. Древние его палаты.

Тень с облегчением отметил про себя, что Нанси снова превратился в прежнего старика в желтых перчатках, хотя в отблесках горевшего посреди зала пламени тень его билась, корчилась, металась и принимала формы далеко не всегда человеческие.

Вдоль бревенчатых стен тянулись деревянные скамьи, а на скамьях сидели — или стояли рядом с ними — люди, человек десять. Друг от друга они держались на почтительном расстоянии, и компания была довольно пестрая: темнокожая почтенного вида женщина в красном сари, несколько потрепанного вида бизнесменов, и еще кто-то, кого Тень из-за огня никак не мог как следует разглядеть.

— Где они все? — с яростным шепотом обернулся к Нанси Среда. — Ну? Где они? Нас тут должен быть не один десяток. Нас тут должны быть сотни!

— Приглашать публику — это было по твоей

части, — пожал плечами Нанси. — По мне, так удивительно, что здесь вообще хоть кто-то собрался. Как ты думаешь, не рассказать ли мне байку для затравки?

Среда затряс головой.

— И думать не моги.

— Вид у них не больно радостный, — продолжил Нанси. — А добрая байка — прекрасный способ завоевать симпатии публики. А барда подходящего, чтобы спел им что-нибудь, у тебя, насколько я понимаю, при себе нет.

— Давай без баек, — сказал Среда. — Не время сейчас. Время травить байки придет позже. А сейчас не стоит.

— Не стоит. Ну и ладно. Я просто выступлю у тебя на разогреве, — и с этими словами мистер Нанси вышел вперед, поближе к очагу, с широкой радостной улыбкой на лице.

— Я знаю, о чем вы все сейчас думаете, — сказал он. — Вы думаете: с чего это Компэ Ананси взбрело в голову заговаривать нам зубы, когда Отец Всех затащил нас сюда, точно так же, как и самого Компэ Ананси он тоже сюда затащил? И знаете, что я вам на это скажу: иной раз порядочным людям не грех кое о чем и напомнить. Когда я вошел в этот зал и оглянулся вокруг, я подумал: а

где все остальные? А следом мне пришла в голову еще одна мысль: нас мало, а их много, и поэтому мы слабее, чем они, — но именно это и позволяет нам надеяться на победу.

Знаете, как-то раз, давным-давно, я встретил у водопоя тигра: орешки у него были — самые большие, какие только могут быть у зверя, и когти самые острые, и два передних клыка были длинные как сабли и острые как бритва. И я сказал ему: братец Тигр, пока ты плаваешь, давай я пригляжу за твоими орешками. Он ими так гордился, своими орешками. И вот он прыгнул в воду, а я прицепил его тигриные орешки, а ему оставил свои, крошечные, паучьи. А потом — знаете, что я сделал потом? Я удрал оттуда, и бежал так быстро, как только мои длинные паучьи ножки могли меня носить. И я не останавливался, пока не добежал до соседнего города. И там увидел Старого Макака. Классно выглядишь, Ананси, сказал мне Старый Макак. А я ему на это: а знаешь, какую песенку сейчас поют все на свете, в том городе, откуда я? — Какую песенку они поют? — спрашивает он меня. Очень смешную, говорю я. И тут я начал приплясывать и петь:

Орешки тигра, да-да-да,

Я съел орешки тигра!
Мы будем власть в лесу менять,
П'тамушта нет сильней меня,
П'тамушта тигра круче я,
Я съел орешки тигра.

И тут Старый Макак покатывается со смеху, и держится за бока, и топочет ногами, а потом тоже начинает припевать: *Орешки тигра, да-да-да, Я съел орешки тигра,* — и щелкает пальцами, и крутится вокруг себя на двух своих ногах. Какая классная песня, говорит он мне, пойду ее спою всем своим друзьям. — Давай-давай, говорю я, а сам кидаюсь бежать обратно к водопою. А там, у водопоя, ходит тигр, взад-вперед по берегу, и хвост у него крутится змеей и хлещет по земле, а уши и шерсть на загривке торчат так, что просто ужас, и на каждую проползающую мимо букашку он клацает своими зубами-саблями, а глаза горят оранжевым пламенем. И на вид он весь такой огромный, злой и страшный, но между ног у него болтаются самые маленькие на свете орешки, в самом наималюсеньком, крошечном, сморщенном черном мешочке, какой только есть на свете.

Послушай, Ананси, говорит он, как только

замечает меня. Мы вроде договаривались, что пока я плаваю, ты будешь охранять мои орешки. Но когда я вылез из воды, на всем берегу не оказалось ровным счетом ничего, кроме этих вот дурацких, сморщенных, черных, никуда не годных и никому не нужных паучьих орешков, которые сейчас на мне. Я сделал все, что было в моих силах, говорю я ему, но что я мог поделать с этими макаками, которые пришли невесть откуда и слопали твои орешки, а когда я попытался их прогнать, они мне самому оторвали орешки, мои маленькие черные орешки. И так мне стало стыдно, что я убежал. Ты врешь, Ананси, говорит мне тигр. И за это я выпущу и съем твои кишки. Но тут он слышит, как макаки идут из города своего к водопою. Дюжина радостных таких макак, и они все как есть скачут по дорожке, щелкают пальцами и поют во всю глотку:

Орешки тигра, да-да-да,
Я съел орешки тигра!
Мы будем власть в лесу менять,
П'тамушта нет сильней меня,
П'тамушта тигра круче я,
Я съел орешки тигра.

И тут тигр принимается ворчать и рычать, а потом кидается за ними следом в лес, а макаки вопят и бегут врассыпную, кто куда, к ближайшим деревьям. А я почесываю мои новые большие орешки, которые очень даже неплохо смотрятся между моими тощими паучьими ножонками, и отправляюсь себе домой. А тигр и по сию пору продолжает гоняться за макаками. Так что запомните, дамы и господа: из того, что вы маленькие, вовсе не следует, что сила за вами не водится.

Мистер Нанси улыбнулся, поклонился, раскинул руки в стороны, принимая положенные аплодисменты и смех как истинный профессионал, а потом повернулся и пошел туда, где стояли Чернобог и Тень.

— Мне кажется, я сказал, что баек никаких не нужно, — подал голос Среда.

— А что ты называешь байкой? — вскинулся в ответ Нанси. — Да я разве что горло успел прочистить. И чуточку публику перед твоим выходом разогрел, самую малость. А теперь иди и вышиби из них дух.

Среда вышел в круг света, мощный старик со стеклянным глазом, в светлом костюме и коричневом пальто от Армани. Он стоял и смотрел на людей, которые сидели на скамейках вдоль стен,

стоял и молчал, и молчание это длилось много дольше, чем — с точки зрения Тени — позволительно было держать начальную паузу. А потом он заговорил.

— Вы меня знаете, — сказал он. — Вы все меня знаете. У некоторых из вас нет особых причин относиться ко мне с симпатией, но — любите вы меня или нет — вы меня знаете.

Сидевшие на лавках зашевелились: по залу будто прошла смутная рябь.

— На этой земле я много дольше, чем большинство из вас. Как и всем вам, раньше мне казалось, что жить здесь вполне можно и при тех раскладах, которые мы имеем на сегодняшний день. Поводов для особой радости нет, но концы с концами сходятся. Но судя по всему, эта наша жизнь вскоре может остаться позади. Надвигается буря, и не мы эту бурю накликали.

Он помолчал. Потом сделал шаг вперед и сложил на груди руки.

— Когда люди стали приезжать в Америку, они привезли с собой нас. Они привезли меня и Локи с Тором, Ананси и Бога-Льва, лепреконов,

кобольдов и банши, Куберу,[32] и Фрау Холле,[33] и Аштарота,[34] — и вас они привезли тоже. Мы приехали сюда у них в головах и пустили здесь корни. Вместе с первопоселенцами мы отправились в долгий путь через океан.

Эта земля огромна. Довольно скоро люди забыли о нас, мы сохранились в их памяти как символы старого мира, что остались позади и не переместились в этот мир, новый. Те, кто действительно верил в нас, умерли или утратили веру, и нам, потерянным, напуганным и разочарованным, остались в утешение разве что жалкие крохи прежней веры и прежнего почитания, да и те находить становится все труднее. И все труднее жить и рассчитывать на них в будущем.

— Вот так мы и жили до сегодняшнего дня, перебивались как могли, прячась по темным углам, где никто не видел и не искал нас.

---

[32] notes: 32

Куберу — в индуистской мифологии бог богатства.

[33] notes: 33

Госпожа Холле (Хюльда, Хольда и т. д.) — в германском фольклоре «лесная хозяйка», отчасти подобная скандинавским хюльдрам, связана с широким кругом сюжетов и семантическими полями ткачества, зимы, куротрофии, «волшебной невесты» и т. д.

[34] notes: 34

Аштарот — в иудео-христианской демонологии — Князь Ада. Изображается в виде обнаженного мужчины с драконьими крыльями и змеями в руках.

Давайте же взглянем правде в глаза: мы утратили власть — или почти утратили. Мы тащим все, что только можем, мы паразитируем на людях, и тем живы; мы пляшем голыми, мы отдаемся за деньги, мы слишком много пьем; мы сливаем по-тихому бензин, мы воруем и обманываем, мы ютимся в трещинках на дальних закраинах общества. Старые боги — в этой новой безбожной стране.

Среда сделал паузу и оглядел сидевших перед ним, переводя взгляд с одного на другого: вид у него был очень серьезный, и больше всего сейчас он походил на политика во время предвыборной кампании. Впрочем, встречные взгляды были бесстрастны, а лица похожи на маски. Среда прочистил горло и смачно сплюнул в очаг: будто бензину плеснул — пламя тут же вспыхнуло куда ярче прежнего и осветило весь зал.

— Ну, а теперь, как каждый из вас, вне всякого сомнения, имел возможность убедиться на личном опыте, в Америке начало подрастать, цепляясь за набухающие узлы людских суеверий, новое поколение богов: боги кредитных карт и скоростных шоссе, интернета и телефона, радио, телевидения и медицинского обслуживания, боги пластика, пейджеров и неоновых вывесок.

Нахальные, жирные и тупые выскочки, раздувшиеся от чувства собственной значимости и от того, какие они «передовые». Они знают про нас, они боятся нас, они нас ненавидят, — сказал Один. — Если вам кажется, что это не так — то вам это всего лишь кажется. Они бы давно уничтожили нас, будь это в их власти. И самое время нам собраться в единый кулак. Настало время действовать.

В круг света выступила пожилая женщина в красном сари. На лбу у нее поблескивал маленький темно-синий бриллиант. Она сказала:

— И ты собрал нас только для того, чтобы огласить всю эту чушь? — и фыркнула, насмешливо и раздраженно.

Среда насупил брови.

— Да, я собрал вас всех. Но только это не чушь, Мама-джи, никакая это не чушь. Это даже малому ребенку понятно.

— Это меня ты назвал ребенком, я правильно тебя поняла? — Она ткнула в его сторону указательным пальцем. — Да я успела состариться в Калигате[35] прежде чем тебя, придурка, выдумали в твоем медвежьем углу. Значит, я, по-твоему,

[35] notes: 35

Калигат — один из исторических районов Калькутты, где, в частности, расположен знаменитый храм богини Кали.

ребенок? Ну хорошо, пусть я ребенок — тем более не вижу ничего в твоей пустой болтовне, что касалось бы меня лично!

И снова поле зрения Тени рассыпалось на части: он видел перед собой старуху с лицом, по которому возраст и разочарования прошлись от души и оставили глубокую сеть морщин, но за ней угадывался другой, куда более мощный образ — обнаженная женщина с кожей черной, как новая кожаная куртка, и с губами и языком красными, как артериальная кровь. Вокруг шеи у нее висело ожерелье из человеческих черепов; рук у нее было великое множество, и в каждой — либо нож, либо меч, либо отрубленная голова.

— Я вовсе не называл тебя ребенком, Мамаджи, — примирительным тоном сказал Среда. — Но очевидно же, что…

— Единственное, что здесь очевидно, — сказала старуха, ткнув в сторону Среды пальцем (из-за спины у нее, сквозь нее и поверх нее, параллельным жестом завис огромный черный палец с бритвенно-острым ногтем), — так это твоя жажда славы. Мы долго жили в мире, в этой новой стране. Я согласна, что некоторым из нас приходится хуже, чем прочим. Я на жизнь не жалуюсь. Дома, в Индии, есть одно из моих воплощений, у

которого жизнь сейчас куда слаще моей, — ну и пусть. Я завидовать не привыкла. Я видела, как рождаются новые боги, и падение их я наблюдала тоже. — Ее рука упала и повисла вдоль туловища. Тень заметил, как на нее смотрели другие боги: во взглядах — смесь уважения, удивления и замешательства. — Буквально миг тому назад в этой стране молились на железные дороги. А теперь о чугунных богах забыли так же прочно, как об охотниках за изумрудами…

— Давай ближе к делу, Мама-джи, — сказал Среда.

— К делу? — Ноздри у нее затрепетали, а уголки рта опустились вниз. — Я хочу сказать — хотя я не более чем ребенок, это *очевидно*, — я хочу сказать, что нам нужно выждать время. Не нужно ничего делать. Откуда в нас эта уверенность, что они хотят нам зла?

— И тот же самый совет ты дашь нам тогда, когда они заявятся к тебе ночью, чтобы убить тебя или похитить?

Это предположение явно позабавило ее. Надменное выражение проступило сразу через все черты ее лица: губы, брови, крылья носа.

— Пусть только попробуют, — процедила она. — Изловить меня им будет нелегко, а убить

— и того труднее.

Сидевший рядом с ней приземистый и широкоплечий молодой человек прочистил горло, привлекая к себе внимание, а потом сказал густым раскатистым голосом:

— Послушай, Отец Всех, мой народ живет вполне себе ничего. При прочих равных можно сказать, что мы чуть ли не благоденствуем. Если эта твоя война обернется против нас, мы можем все потерять.

Среда сказал:

— Вы уже потеряли все на свете. И я предлагаю вам шанс кое-что отыграть обратно.

С этими его словами пламя взмыло высоко вверх, осветив лица всех сидевших в зале.

Я же не верю во все это, думал Тень. *Я ни во что это не верю. Наверное, мне по-прежнему пятнадцать лет. Мама еще жива, и я даже не успел познакомиться с Лорой. И все, что произошло за последнее время, — просто сон, очень подробный и достоверный сон.* Но и в это поверить у него тоже не получалось. Ибо верим мы посредством наших чувств, тех инструментов, которые используем при восприятии мира: зрения, осязания, памяти. И если чувства нас обманывают, верить нельзя ничему. Но даже если мы ни во что не верим,

идти по какой-либо другой дорожке, кроме той, что показывают нам наши чувства, мы не в состоянии: и эту дорожку мы должны пройти до самого конца.

А потом огонь догорел, и в Валаскьяльве, Зале Одина, воцарилась тьма.

— И что теперь? — прошептал Тень.

— А теперь вернемся назад, туда, где карусель, — вполголоса произнес в ответ мистер Нанси. — И старина Одноглазый угостит нас всех ужином, пожмет пару рук, поцелует пару младенцев, и больше никто на свете не произнесет слова на букву «б».

— Слова на букву «б»?

— *Боги.* Так все-таки что ты делал в тот день, когда людям раздавали мозги, а, парень?

— Да вот, помнится, кто-то рассказывал байку про то, как у тигра сперли орешки, и мне пришлось бросить остальные дела и дослушать, чем дело кончилось. — Мистер Нанси хихикнул. — Но ведь ничего еще не решено. Никто и ни под чем не подписался.

— Он теперь будет их потихоньку уламывать. По одному за раз. Сам увидишь. В конце концов все они будут с нами.

Откуда ни возьмись поднялся ветер: перебирал

Тени волосы, пальцами проходился по лицу, толкал в бок.

Они уже стояли в зале с Величайшей в Мире Каруселью и слушали «Императорский вальс».

На другом конце зала Среда бойко общался с какой-то группой, судя по виду — обычных туристов, вот только было их ровно столько, сколько призрачных фигур сидело недавно в палатах Одина.

— Сюда, пожалуйста, — громогласно объявил Среда и вывел публику через единственный в зале выход, оформленный в виде чудовищной пасти, с зубами столь многочисленными и острыми, что казалось, всю честную компанию они уже через секунду нашинкуют в капусту. Среда среди этих людей был — как рыба в воде, как политик на вечеринке: шутил, подбадривал кого-то, улыбался, мягко протестовал, примирительно пожимал руки.

— А это все и вправду было? — спросил Тень.

— Что и вправду было, дурья твоя башка? — переспросил мистер Нанси.

— Зал. Огонь. Орешки тигра. Катание на карусели.

— Ты что, сдурел? На карусели вообще никому кататься нельзя. Ты разве таблички не видел? А

теперь заткнись.

Чудовищная пасть вела в комнату с механическими оркестрами, что вызвало у Тени замешательство, — разве не этой именно дорогой они сюда шли? Впрочем, и во второй раз комната показалась ему ничуть не менее странной. Среда провел всех вверх по лестнице мимо свисавших с потолка четырех всадников Апокалипсиса и далее — по указателям, в сторону ближайшего выхода.

Тень и Нанси замыкали группу. Буквально через несколько минут Дом-на-Скале остался позади, они прошли по магазину сувениров и двинулись в сторону парковки.

— Жаль, ушли так рано, — сказал мистер Нанси. — Я, вроде того, надеялся взглянуть на самый большой в мире искусственный оркестр.

— Да видел я его, — откликнулся Чернобог. — Ничего особенного.

Ресторан оказался в десяти минутах езды от Дома-на-Скале. Среда проинформировал каждого из своих гостей, что за ужин заплатит сам, а для тех, у кого не оказалось автомобиля, организовал доставку.

Тень прикинул про себя: а как, интересно знать, они, во-первых, добрались до Дома-на-Скале,

не имея средств передвижения, а во-вторых, как собираются отсюда разъезжаться. Но вслух ничего говорить не стал. Это, судя по всему, на данный момент было с его стороны самое удачное решение.

Отвозил гостей к ресторану, естественно, Тень: женщина в красном сари устроилась на переднем сиденье, с ним рядом. На заднем были двое мужчин: приземистый, странного вида молодой человек, имени которого Тень не разобрал, но звучало похоже на «Элвис», и еще один, в темном костюме, которого Тень вообще не запомнил.

Когда этот человек садился в машину, Тень стоял рядом, открыл перед ним дверцу и закрыл ее, но когда тот сел, не мог вспомнить ни единой детали. Он нарочно обернулся и постарался рассмотреть его как следует: лицо, волосы, одежду, и только убедившись в том, что теперь наверняка сможет узнать его при следующей встрече, развернулся обратно, включил зажигание — и тут же обнаружил, что всякое воспоминание об этом человеке начисто стерлось из его памяти. Осталось только общее ощущение, что человек этот весьма зажиточный, и больше ничего.

Что-то подустал я, подумал Тень. Он бросил украдкой взгляд вправо и окинул глазами индус-

ку. На шее — цепочка из крохотных серебряных черепов; браслетик из соединенных как попало человеческих голов и рук, который мелодично позвякивал при каждом ее движении; темно-синий бриллиант на лбу. Пахло от нее пряностями — кардамоном и мускатным орехом — и цветами. Волосы у нее были цвета перца с солью: заметив, что он на нее смотрит, она улыбнулась в ответ.

— Можешь называть меня Мама-джи, — сказала она.

— А меня зовут Тень, Мама-джи, — ответил он.

— И что вы думаете насчет планов вашего работодателя, мистер Тень?

Он притормозил, пропуская рванувший на обгон огромный черный грузовик, который в благодарность тут же обдал их брызгами.

— Он особо не распространяется, а я не задаю лишних вопросов, — сказал Тень.

— Сдается мне, хочется ему последней битвы. Он хочет, чтобы мы ушли в блеске славы. Вот чего он добивается. А мы за это время настолько успели поглупеть и состариться, что наверняка найдутся среди нас такие, кто встанет под его знамена.

— Мне деньги платят не за то, чтобы я вопросы задавал, Мама-джи, — сказал Тень, и салон маши-

ны огласился ее мелодичным смехом.

Человек, сидевший на заднем сиденье, — не странного вида молодой человек, а тот, другой — что-то сказал, и Тень ему даже ответил, но убей его бог, если через секунду он смог бы вспомнить хоть единое слово из того, что сказал.

Странного вида молодой человек вообще ничего не говорил, но по ходу дела начал что-то напевать себе под нос: этакое густое, раскатистое мычание на басовой ноте, от которого салон автомобиля понемногу начал вибрировать и дрожать.

Этот молодой человек росту был среднего, но тело у него было довольно необычной формы: Тени и раньше доводилось слышать метафору насчет людей, у которых грудь как пивная бочка, но живого представителя видать не случалось. А у этого парня грудь именно что и была как бочка, и ноги — ну да, точь-в-точь как брусья, а руки — как свиные окорока, не больше и не меньше. Одет он был в черную парку с капюшоном, несколько свитеров, джинсовый комбинезон, а к этому — совершенно не по погоде и в полном противоречии с остальным его костюмом — прилагались белые туфли-тенниски, размером и формой как две обувные коробки. Пальцы его напоминали

сардельки, с плоскими квадратными ногтями.

— Ну и голосок у вас, — сказал Тень с водительского сиденья.

— Прошу прощенья, — сказал странного вида молодой человек извиняющимся тоном и все тем же густым басом. И гудеть перестал.

— Да нет, мне нравится, — сказал Тень. — Я не против.

Странного вида молодой человек немного поколебался, а потом снова начал гудеть, и бас его не стал ни тоном жиже. Только на сей раз сквозь общий тон можно было расслышать слова, а вернее — одно и то же слово:

— Ниже, ниже, ниже, — пел он так, что окна ходили ходуном. — Ниже ниже ниже, ниже ниже, ниже ниже.

На карнизах жилых домов и прочих зданий, мимо которых они ехали, перемигивались самые разнообразные рождественские гирлянды: от спорадически вспыхивавших обычных желтых лампочек до огромных электрических картин с медведями, снеговиками и разноцветными звездами.

Тень вырулил к ресторану, большому, похожему на амбар зданию, выпустил пассажиров через переднюю дверь и отогнал машину на стоянку.

Ему захотелось пройтись до ресторана пешком, по холодку, чтобы проветриться.

Машину он припарковал возле черной фуры. Интересно, подумал он, а это не та же ли самая, что обогнала нас на шоссе. Он запер машину и немного постоял возле нее, выдыхая в воздух облачка пара.

Он представил себе, как сейчас в ресторане Среда рассаживает гостей вокруг большого стола, стараясь каждого устроить поудобнее. Н-да, подумал Тень, что если я и правда вез сегодня на переднем сиденье богиню Кали, и потом подумал, — а кто же в это время ехал на заднем…

— Эй, земляк, огоньку не найдется? — раздался смутно знакомый голос, и Тень обернулся, чтобы сказать нет и извиниться, но дуло пистолета уже ударило его под левый глаз, и он потерял равновесие. Перед тем как упасть, он вытянул перед собой руку, чтобы приземлиться помягче. Кто-то уже успел сунуть ему в рот какую-то мягкую дрянь, чтобы он не вздумал шуметь, и затолкал поглубже в глотку: спокойными уверенными движениями, будто мясник потрошит курицу.

Тень попытался закричать, чтобы предупредить Среду, чтобы предупредить их всех, но изо рта у него донеслось разве что сдавленное мы-

чание.

— Птички в клетке, — сказал все тот же смутно знакомый голос. — Все на местах? — Ответ пришел по рации, искаженный помехами до полной неразличимости. — Вперед, ребята, и чтобы ни одна тварь у меня не ушла.

— А с этим громилой что делать? — спросил другой голос.

— Упаковать и на хрен его отсюда, — ответил первый.

На голову Тени накинули нечто вроде мешка, запястья и щиколотки замотали клейкой лентой, забросили его в кузов фуры и увезли прочь.

В крохотной каморке, где его заперли, окон не было. Был пластмассовый стул, легкий складной стол и ведро с крышкой, которое служило Тени вместо туалета. Еще на полу был кусок желтой пенки футов шесть в длину и сиротское одеяло с коричневым пятном в центре, засохшим так давно, что теперь уже невозможно было разобрать, кровь это, дерьмо или какая-то съедобная субстанция. Тени это было без разницы — он особо и не приглядывался. Потолок был довольно высокий, и на нем — голая электрическая лампочка, забранная железной решеткой, а вот выключателя в комнате Тень отыскать не смог.

Свет горел всегда. И ручки на внутренней стороне двери тоже не предполагалось.

Он хотел есть.

После того как агенты затолкали его в комнату, срезали со щиколоток и запястий скотч и оставили в покое, первое, что сделал Тень — внимательнейшим образом прошелся по всей комнате. Выстукал стены. Звук был металлический, глухой. Под самым потолком — зарешеченное вентиляционное отверстие. Дверь заперта намертво.

Из-под левого глаза у него медленно сочилась кровь. Голова болела.

Пол ничем не был застелен. Он простучал его. Тот же самый металл, что и на стенах.

Он снял с ведра крышку, отлил и вернул крышку на место. Судя по часам, с момента налета на ресторан прошло часа четыре, не больше.

Бумажника при нем не было, а вот монеты они трогать не стали.

Он сел на стул, к карточному столику, покрытому зеленым, сплошь в подпалинах от сигарет сукном. Сначала Тень поупражнялся в «проталкивании» монет через стол. Потом отобрал два четвертака и отработал «бессмысленную передачу».

Один четвертак он спрятал в ладони правой руки, а другой взял в левую, открыто зажав его между указательным и большим пальцами. Потом сделал вид, что забирает четвертак из левой, притом, что на самом деле монетка скатилась в кулак той же руки, а сам раскрыл правую ладонь и показал четвертак, который лежал там с самого начала.

Манипуляции с монетами были хороши уже тем, что позволяли больше ни о чем не думать: или, вернее, выполнять их должным образом было практически невозможно, если ты при этом расстроен или зол, так что иллюзионистская техника сама по себе, даже сейчас, когда демонстрировать ее было некому, кроме самого себя — ибо для того, чтобы изобразить простейшее движение, передачу монетки из одной руки в другую, нужно было, во-первых, овладеть достаточно сложными навыками, а во-вторых, полностью сосредоточиться на процессе, — успокаивала и очищала мозги от страха и смятения.

Потом он взялся исполнять фокус еще более бессмысленный: превращать одной рукой доллар в цент, притом, что были у него только два четвертака. По ходу фокуса каждую из двух монет следует поочередно прятать и показывать: он и

начал с того, что один четвертак был на виду, а второй — нет. Он поднес пальцы ко рту, дунул на ту монетку, которую держал открыто, а сам при этом — классическим движением — переправил ее в ладонь, а большой и указательный палец при этом достали и показали вторую, спрятанную монетку. В итоге сложилось впечатление, будто он показал четвертак, поднес его ко рту, дунул на него и снова опустил — и все это время был у него в руке один и тот же четвертак.

Трюк этот он проделывал много раз подряд.

Интересно, подумал он, убьют они меня или нет — и тут же рука его дрогнула, совсем чуть-чуть, но ровно настолько, чтобы один из двух четвертаков выскользнул из пальцев и упал на покрытое подпалинами сукно карточного стола.

А потом, поскольку на фокусах он уже просто-напросто не мог сосредоточиться, Тень отложил монетки в сторону, вынул подаренный Зорей Полуночной доллар с головой Свободы, крепко сжал его в кулаке и стал ждать.

В три часа ночи, по наручным часам Тени, агенты вернулись, чтобы допросить его. Двое мужчин в темных костюмах, черных лаковых туфлях, темноволосые. Ну точно, агенты. Один был широкоплечий, с квадратной челюстью и

густой шевелюрой, и по нему было видно, что в юности он играл в американский футбол за сборную школы. А еще ногти у него были обкусаны чуть не до самых корней. Второй заметно лысел: круглые очки в серебряной оправе, тщательно обработанные ногти. В общем-то никакого особого сходства, но Тень отчего-то поймал себя на мысли, что наверняка на каком-то глубинном — клеточном что ли — уровне эти два человека полностью идентичны. Они встали по обе стороны от карточного столика и уставились на него.

— Как долго вы работаете на объект, сэр? — спросил один из них.

— Я не понимаю, о чем речь, — ответил Тень.

— Обычно он представляется как Среда. Грим. Ал-Фатер. Старик. Вас видели в его обществе, сэр.

— Я работаю на него около двух суток.

— Только не нужно нам врать, сэр, — сказал тот, что в очках.

— Договорились, — кивнул Тень. — Не буду. Но двое суток остаются двумя сутками.

Тот, что с квадратной челюстью, вытянул руку и ухватил Тень за ухо. Ухо он выкрутил, сжав его при этом со всей дури. Боль была довольно ощутимая.

— Мы же просили не врать нам, сэр, — с мягким

упреком в голосе сказал он. И отпустил ухо.

У каждого из агентов под пиджаком было по кобуре. Даже и думать нечего. Тень и не думал. Он представил себе, что он снова в тюрьме. *Мотай свой срок, тяни время*, думал Тень. *Не говори им ничего, чего бы они уже не знали. Не задавай вопросов.*

— Вы связались с очень дурной компанией, сэр, — сказал тот, что в очках. — И вы окажете своей стране неоценимую услугу, если начнете давать свидетельские показания, — и улыбнулся, более чем ласково. *Я добрый полицейский*, гласила его улыбка.

— Я понял, — сказал Тень.

— А если вы откажетесь нам помогать, сэр, — сказал тот, что с квадратной челюстью, — у вас будет возможность полюбоваться на то, до чего мы доходим, когда бываем не в духе.

Он ударил Тень в солнечное сплетение, наотмашь. Это еще не пытка, подумал Тень, согнувшись пополам, это он просто дает мне понять, для контраста: *Я злой полицейский*. Его вырвало.

— Мне бы очень хотелось, чтобы у вас было хорошее настроение, — сказал Тень, как только восстановил дыхание.

— Нам и нужно-то всего ничего: ваше сотруд-

ничество, сэр.

— А могу я… — хватанул воздуха Тень, и тут же осекся: *не задавай вопросов*, подумал он, но было уже поздно, слова уже повисли в воздухе, — могу я поинтересоваться, с кем именно собираюсь сотрудничать?

— Ты что, хочешь, чтобы мы представились? — спросил агент с квадратной челюстью. — Да ты, парень, совсем рехнулся!

— Да нет, погоди, он дело говорит, — сказал агент в очках. — Ему же так проще будет с нами общаться. — Он перевел взгляд на Тень и улыбнулся так, словно рекламировал зубную пасту. — Ну, значит, меня зовут мистер Камен, сэр. А мой коллега — мистер Лесс.

— В общем-то, — поправился Тень, — я хотел понять, от какой конторы вы работаете. ЦРУ? ФБР?

Камен покачал головой.

— Ну и вопросы вы задаете! Прошли те времена, когда все было настолько просто. Теперь все куда сложнее.

— Частный сектор, — подхватил Лесс, — сектор государственный. Сами понимаете. В наши дни все перемешалось.

— Но уверяю вас, — сказал Камен, показав все тридцать два зуба, — мы играем за *хороших* пар-

ней. Кстати, сэр, вы есть не хотите? — Он полез в карман пиджака и вынул оттуда сникерс. — Вот, пожалуйста. Это подарок.

— Спасибо, — сказал Тень. Он развернул сникерс и тут же съел.

— Вам, наверное, нужно его чем-нибудь запить. Кофе? Пива?

— Воды, если можно, — сказал Тень.

Камен подошел к двери и постучал. Дверь открылась, появился охранник, Камен что-то сказал ему, тот кивнул и через минуту вернулся с пластиковой чашкой, полной холодной воды.

— ЦРУ, — скорбно покачал головой Лесс. — Те еще придурки. Да, кстати, Камен, слышал свежий анекдот про цэрэушников? В общем, так: что служит неопровержимым доказательством того, что к убийству Кеннеди ЦРУ не имело никакого отношения?

— Не знаю, — сказал Камен. — Ну и что служит доказательством?

— Что он действительно умер, — ответил Лесс, и они оба рассмеялись.

— Ну что, полегче стало? — поинтересовался Камен.

— Вроде того.

— Тогда почему бы вам, сэр, не рассказать нам

о том, что происходило сегодня вечером?

— Да так, на экскурсию ходили. В Дом-на-Скале. Потом решили поесть чего-нибудь. Ну, а дальше сами знаете.

Камен тяжело вздохнул. Лесс разочарованно покачал головой, а потом ударил Тень носком туфли в коленную чашечку. Боль жуткая. После чего Лесс медленно приставил кулак Тени к спине, прямо над правой почкой, а потом еще и резко надавил, и боль в колене показалась Тени легкой разминкой.

Я мощнее любого из них, подумал Тень. *Справиться с ними я справлюсь*. Но у них при себе пушки; если даже предположить, что ему удастся — каким-то образом — убить или обезвредить обоих, он по-прежнему останется заперт в этой железной конуре с двумя трупами на руках. С другой стороны, у него будет пистолет. Даже два пистолета. *Нет.*

Лесс старательно избегал контакта с лицом Тени. Никаких следов. И никаких особых методов: только руками и ногами, по коленям и по корпусу. Было больно; Тень сжал в кулаке доллар со Свободой и стал ждать, когда это кончится.

Времени на ожидание ушло немало.

— Мы проведаем вас через пару часов, сэр, —

сказал Камен. — Вы поймите. Лессу все это не доставило ровным счетом никакого удовольствия. Мы люди разумные. И как я уже сказал, воюем на правильной стороне. А вот вы как раз — на неправильной. Кстати, может, вам пока поспать немного?

— И в ваших интересах начать относиться к этому делу серьезно, — вставил Лесс.

— Лесс дело говорит, — сказал Камен. — Так что подумайте над этим.

Дверь с грохотом захлопнулась. Интересно, подумал Тень, а свет они выключат? Не выключили: лампочка холодным глазом осталась гореть на потолке. Тень, как смог, перебрался на другой конец комнаты, на желтую пенку, натянул на себя тонкое одеяло и закрыл глаза: держаться ему было не за что, вот разве что за сны.

Шло время.

Ему снова пятнадцать лет, и умирает мама, и все пытается ему сказать что-то очень важное, а он никак не может понять, что именно. Он дернулся во сне, и приступ боли вернул его из полусна в полуявь: он открыл глаза и прищурился.

Под тонким одеялом его била дрожь. Он прикрыл глаза правой рукой, экранируя их от электрического света лампы. Интересно, подумал

он, а Среда и все прочие — живы еще? И — на свободе? Будем надеяться, что именно так и есть.

Серебряный доллар холодил ему левую ладонь. Этот холодок он чувствовал постоянно, и сейчас, и когда его били. Он вяло принялся думать о том, почему монета до сих пор не согрелась до температуры его тела. В этом полусне-полуяви серебряная монета, сама идея Свободы, луна и Зоря Полуночная каким-то образом соединились в серебристый луч света, который шел откуда-то из самой глубины небесной, и его понесло вверх по этому лучу, подальше от боли в костях и сердце, и от страха, и — слава богу — обратно в сон…

Откуда-то издалека пришел неясный звук, но обращать на него внимание было уже поздно: он с головой ушел в царство сна.

Пришла невнятная мысль: хоть бы это были не те двое, которые его разбудят. Ведь его снова станут бить, станут кричать. А потом он с удовольствием отметил, что действительно уснул и что ему больше не холодно.

Кто-то где-то звал на помощь, во всю глотку, вот только было неясно, во сне это или наяву.

Тень, не просыпаясь, перекатился с боку на бок, с удивлением отметив для себя еще несколько мест на теле, в которых жила боль.

Кто-то тряс его за плечо.

Он хотел было попросить их, чтобы они оставили его в покое и дали поспать, но наружу вырвался только хриплый стон.

— Бобик! — раздался голос Лоры. — Тебе пора вставать. Просыпайся, милый мой, пожалуйста!

Это была минута тихого и счастливого облегчения. Ему приснился такой странный сон, про тюрьму и уголовников, про дряхлых, доживающих свой век богов, и вот теперь Лора будит его, чтобы сказать, что ему пора на работу, но может быть, до того, как выскочить из дома, он еще успеет урвать чашку кофе и поцелуй, или даже больше чем поцелуй; и он вытянул руку, чтобы дотронуться до нее.

Она была холодная, как лед, и липкая на ощупь.

Тень открыл глаза.

— Откуда на тебе вся эта кровь? — спросил он.

— Это не моя, — ответила она. — Это других людей. Меня-то залили формальдегидом, с добавлением глицерина и ланолина.

— Каких других людей? — спросил он.

— Охранников, — ответила она. — Не беспокойся, все в порядке. Я их убила. А ты лучше уходи отсюда. Хотя я не думаю, что у кого-то из них был

шанс поднять тревогу. Куртку возьми, вон там, а то задницу отморозишь.

— Ты их убила?

Она пожала плечами и неловко улыбнулась. Вид у нее был такой, будто она только что написала большое полотно, причем писала его прямо руками, и исключительно в алых тонах: пятна и потеки красного были и на лице, и на одежде (все тот же синий костюм, в котором ее похоронили), и на память Тени пришел Джексон Поллок, потому что думать о Джексоне Поллоке было куда удобнее, чем принять возможную альтернативу.

— Если ты сам уже мертвый, людей убивать гораздо проще, — объяснила она. — В смысле, ничего особенного. Никакие предрассудки на этот счет больше не мучают.

— Для меня это по-прежнему совсем не просто, — сказал Тень.

— Так ты хочешь остаться здесь и подождать, пока прибудет утренняя смена? — поинтересовалась она. — Если хочешь, оставайся. А я думала, ты хотел отсюда выбраться.

— Теперь они подумают, что это все моих рук дело, — сказал он и понял, что сморозил глупость.

— Может, и так, — сказала она. — Только надень куртку, милый. А то и вправду замерзнешь.

Он вышел в коридор. В самом конце коридора была караулка. А в караулке — четыре трупа: трое охранников и человек, который представился как Камен. Его напарника видно не было. Судя по кровавым следам на полу, двоих убили где-то еще, а потом приволокли сюда и бросили на пол.

Его куртка висела здесь же, на вешалке. Бумажник по-прежнему был во внутреннем кармане и как будто нетронутый. Лора успела распаковать пару картонных коробок с шоколадными батончиками.

Теперь у него была возможность рассмотреть охранников: на них была темная камуфляжная форма, но без каких бы то ни было отличительных знаков, которые позволили бы понять, на кого они работали. С тем же успехом это могла быть компания охотников, которые выбрались на выходные за город пострелять уток.

Лора сжала Тени руку — своей, холодной как лед. Золотая монета, что он ей подарил, висела теперь у нее на шее, на золотой цепочке.

— Изящно получилось, — сказал он.

— Спасибо, — ответила она и польщенно улыбнулась.

— А что с остальными? — спросил он. — Со Средой и всей прочей компанией? Они где?

Лора протянула ему пригоршню шоколадных батончиков, и он начал рассовывать их по карманам.

— Здесь больше никого не было. Кругом пустые камеры, и только в одной был ты. Ах, да, еще один пошел в камеру в конце коридора, чтобы подрочить на журнал. Эх, он и испугался!

— Ты убила его, пока он дергал себя за пипку?

Она пожала плечами.

— А что такого? — неуверенно спросила она. — Мне очень не понравилось, что они тебя мучают. Кто-то же должен за тобой тут приглядывать, правильно? А я обещала, что буду за тобой приглядывать. На вот, возьми еще!

В руках у нее были химические грелки для рук и ног: тонкие такие подушечки — ломаешь в указанном месте, они нагреваются и тепло могут держать часами. Тень их тоже рассовал по карманам.

— Присматривать? — переспросил он. — За мной? Да уж, ты постаралась, ничего не скажешь!

Она протянула руку и пальцем погладила его над левой бровью.

— У тебя кровь идет, — сказала она.

— Ничего страшного, — ответил он.

В стене была металлическая дверь, и открывать ее пришлось с усилием. До земли было больше метра, он спрыгнул и приземлился на что-то вроде гравия. Потом он протянул руку вверх, подхватил Лору за руку и помог ей тоже спрыгнуть, как раньше, как всегда, без единой лишней мысли…

Из-за плотного темного облака выглянула луна. Висела она возле самого горизонта, вот-вот закатится, но тем не менее света, который она отбрасывала на снег, было вполне достаточно для того, чтобы оглядеться вокруг.

Они только что выбрались из большого, выкрашенного в черный цвет товарного вагона, который был прицеплен к длинному составу, стоявшему на тупиковой ветке. По обе стороны от железнодорожного полотна был лес. Вереница вагонов тянулась вдаль, сколько хватало глаз, и исчезала за поворотом, за деревьями. Его держали в поезде. Давно следовало догадаться.

— Так как ты, блин, все-таки меня нашла? — спросил он у своей покойной жены.

Она покачала головой, медленно и удивленно.

— Ты светишься, как маяк в долгой и темной ночи, — объяснила она. — Это было совсем не трудно. Ну давай, иди уже. Чем быстрее будешь

идти и чем дальше отсюда уйдешь, тем для тебя же лучше. Карточками кредитными не пользуйся, и все будет в порядке.

— А куда мне идти?

Она запустила руку в спутанные волосы, откинув их с глаз.

— Вон в той стороне есть дорога, — сказала она. — Делай, как считаешь нужным. Если понадобится — угони машину. Иди к югу.

— Лора, — начал он, поколебался, а потом продолжил: — Ты вообще понимаешь, что тут происходит? Кто все эти люди? Которых ты убила.

— Ну да, — ответила она. — Кажется, понимаю.

— За мной теперь должок, — сказал Тень. — Если бы не ты, я бы по-прежнему торчал в этом вагоне. Не думаю, чтобы у них на мой счет были какие-то правильные планы.

— Ага, — кивнула она. — Я тоже так не думаю.

Они пошли прочь от товарняка. Тень вспомнил про другие поезда, которые ему доводилось видеть раньше, — черные, без окон, металлические вагоны, что тянулись за милей миля, выстукивая колесами в ночи одинокую железнодорожную ветку. В кулаке у него был зажат доллар со Свободой, и ему вдруг вспомнилась Зоря Полуночная и

то, как она смотрела на него в лунном свете. *Ты спросил ее, что ей нужно? Самый правильный вопрос, который нужно задавать мертвым. Иногда они отвечают.*

— Лора… Что тебе нужно?

— Ты действительно хочешь это знать?

— Да. Очень.

Лора посмотрела на него мертвыми голубыми глазами.

— Я хочу снова стать живой, — сказала она. — Чтобы не эта полужизнь, а по-настоящему. Я хочу быть живой *по-настоящему*. Хочу слышать, как сердце бьется у меня в груди. Чувствовать, как кровь течет по жилам — горячая такая, соленая, настоящая. Ты, может, подумаешь, что это глупость, ведь ты не чувствуешь, как в тебе течет кровь, но, поверь, когда она течь перестает, это сразу понимаешь. — Лора потерла глаза, запачкав лицо полузапекшейся кровью. — Понимаешь, мне трудно, очень трудно. Знаешь, почему мертвые выходят только по ночам, а, бобик? Потому что так легче сойти за живого — в темноте. А я не хочу сходить за живую. Я хочу жить.

— Я не понимаю, от меня-то ты чего хочешь?

— Сделай так, чтобы я ожила, милый. Придумай что-нибудь. Я знаю, ты можешь.

— Ну хорошо, — сказал он. — Я попробую. А если у меня получится, как я потом тебя найду?

Но ее уже не было рядом, и в окружающем лесном пейзаже не было вообще ничего, кроме тусклого мерцающего света, подкрасившего один край неба, чтобы показать ему, где восток, и еще, сквозь пронизывающий декабрьский ветер — одинокий крик: не то последняя ночная птица отходит ко сну, не то проснулась первая дневная.

Тень повернулся лицом к югу и пошел вперед.

Глава седьмая

Поскольку индуистские боги бессмертны только в весьма специфическом смысле — ибо рождаются и умирают, — они переживают большинство великих жизненных дилемм, выпадающих на долю человека, и подчас кажется, что они вообще мало чем отличаются от простых смертных… а от демонов — еще того меньше. И все-таки индусы расценивают их как совершенно особый класс существ, по определению отличный ото всех прочих; это символы, до которых не может возвыситься ни один человек, сколь бы «архетипичной» ни была история его жизни. Это актеры, которые разыгрывают роли, реальные только для нас; это маски, за которыми мы видим наши собственные лица.

Венди Донигер О'Флаэрти. Индуистские мифы

Уже несколько часов Тень шел на юг: по крайней мере, ему хотелось надеяться, что он двигается именно в южном направлении по узкой, едва различимой дороге, которая вела его сквозь леса южного Висконсина. То есть, ему хотелось

надеяться, что это именно Южный Висконсин. Один раз на дороге показалась пара джипов с зажженными фарами, и он нырнул в кусты и подождал, пока те не проехали мимо. По земле стелилась утренняя дымка, ему по пояс. Машины были черные.

Минут тридцать спустя он услышал отдаленный гул летевших с запада вертолетов и тогда вообще свернул с дороги и пошел лесом. Вертолетов было тоже два; Тень залег в ложбинке под упавшим деревом и слушал, как они проносятся мимо. Когда вертолеты удалились, он высунулся, наскоро оглядел серое зимнее небо и с удовлетворением отметил, что вертолеты тоже выкрашены в черный матовый цвет. Из-под дерева он не вылезал, пока не стих шум пропеллеров.

Земля под деревьями была присыпана тонким слоем невесомой снежной пудры, которая хрустела под ногами. Он с благодарностью вспомнил Лору: химические грелки не давали замерзнуть рукам и ногам. А он и без того окоченел: душой, и сердцем, и рассудком. Он чувствовал: окоченение слишком далеко зашло, слишком глубоко забралось к нему в душу.

Так чего ты сам-то хочешь? — задавался он одним и тем же вопросом. И ответа не было. По-

этому он просто продолжал идти, шаг за шагом, все дальше и дальше, пробираясь сквозь лес. Деревья казались знакомыми, пейзаж временами вызывал ощущение совершенного дежавю. А что если он ходит кругами? А вдруг он так и будет идти, идти, идти, а потом остынут грелки, закончатся шоколадные батончики, он сядет и больше никогда уже не встанет.

Он вышел к широкому ручью, который местные называли «рукав», а произносили «рука», и решил просто пойти по течению. Все ручьи впадают в реки, все реки впадают в Миссисипи, и если он будет идти, не меняя курса, или украдет лодку, или построит плот, то рано или поздно окажется в Новом Орлеане, — а там тепло; эта мысль показалась ему утешительной и, вместе с тем, совершенно неправдоподобной.

Вертолеты больше не появлялись. Интуиция ему подсказывала, что люди из тех двух вертолетов не охотились за ним, а просто подчистили все лишнее на железнодорожной ветке с грузовыми составами и улетели восвояси. В противном случае они бы вернулись: тут бы сейчас и ищейки были, и сирены, и вообще вся эта поисковая парафернали́я. Но вокруг было тихо.

Чего же он все-таки *хочет*? Чтобы его не пойма-

ли. Чтобы на него не повесили убийство людей с поезда. «Это не я, — услышал он свой голос, — это моя покойная жена». И представил, какие лица при этом будут у служителей закона. Народ потом может хоть до хрипоты спорить, вменяемый он или нет, а он тем временем отправится на электрический стул…

Интересно, подумал он, а в Висконсине есть смертная казнь? Хотя какое, собственно, это имеет значение. Он только хотел понять, что происходит, — и узнать, чем же, собственно, все закончится. В конце концов, скривив губы в горестной усмешке, он понял, что больше всего на свете хочет, чтобы все вернулось на свои места. Чтобы не было отсидки, чтобы Лора была жива, чтобы никогда ничего подобного даже и близко не произошло.

«Боюсь, выбора у тебя нет, сынок», — услышал он сердитый голос Среды и кивнул. *Нет выбора. Ты сжег мосты. Так что — вперед. Мотай свой срок…*

Было слышно, как вдали дятел долбит гнилое дерево.

Тень почувствовал, что за ним следят: небольшая компания красных кардиналов наблюдала за ним с мосластого куста бузины, а затем приня-

лась клевать грозди черных ягод. Прямо как на картинке из календаря с певчими птицами Северной Америки. Пока Тень шел вдоль ручья, его преследовали механические, как в зале игровых автоматов, звуки — птичьи трели, гомон и гвалт. В конце концов все стихло.

На опушке в тени холма лежал мертвый олененок, и черная птица размером с небольшую собаку клевала ему бок огромным, страшным клювом, всаживая его в труп и вырывая куски красного мяса. Глаз у олешка уже не было, но голова была не тронута, а на крестце виднелись бело-желто-коричневые крапинки. Интересно, подумал Тень, отчего он умер.

Черная птица склонила голову на бок и сказала:

— Человек-тень, — и голос у нее был такой, будто камни трутся друг о друга.

— Да, я Тень, — сказал Тень.

Птица прыгнула на крестец олененка, вскинула голову, взъерошила гребешок и перья на шее. Она была огромная, и глаза у нее были точно черные бусины. Слишком большая птица и слишком близко: было в этом что-то пугающее.

— Говорит, встретит тебя в Кейро, — каркнул ворон.

Интересно, подумал Тень, это который из воронов Одина: Хугин или Мунин, Думающий или Помнящий.

— В Кейро? — переспросил он.

— В Египте.

— И как я туда попаду?

— Иди по Миссисипи. На юг иди. Найди Шакала.

— Ну, знаешь, — сказал Тень, — не хотелось бы показаться… да, господи ты боже мой, знаешь что… — он запнулся. Сменил позу. Было холодно — стоишь тут в лесу, разговариваешь с какой-то здоровенной черной птицей, которая знай себе уплетает малыша Бэмби. — Короче, что я хочу сказать: загадками не говори.

— Загадками, — с готовностью поддакнула птица.

— Лучше помоги разобраться, что к чему. Шакал в Кейро мне не поможет. Прямо цитата какая-то из плохого шпионского триллера.

— Шакал. Друг. *Карр.* Кейро.

— Это я уже слышал. Давай-ка поподробнее.

Птица встала вполоборота и оторвала от ребра еще одну полоску сырой оленины. А потом взмыла к деревьям с красной полоской, свисавшей из клюва словно длинный, кровавый червяк.

— Эй! Выведи меня хотя бы на нормальную дорогу! — крикнул Тень.

Ворон летел прочь. Тень посмотрел на труп олененка. И подумал, что, будь он настоящим лесным дикарем, он бы отрезал сейчас от туши кусок мяса и зажарил на костерке бифштекс. Но вместо этого Тень сел на поваленное дерево и стал жевать сникерс, отчетливо понимая, что дикарь из него ни к черту.

Ворон каркнул с края прогалины.

— Решил все-таки меня проводить? — спросил Тень. — Или Тимми опять свалился в колодец?[36]

Ворон снова каркнул — с раздражением. Тень решил подойти поближе. Ворон подождал, пока человек приблизится, и устало перемахнул на другое дерево, забрав слегка влево от того направления, которое первоначально взял Тень.

— Эй, — окликнул Тень, — Хугин, Мунин или как там тебя?

Птица повернулась, недоверчиво склонила голову набок и уставилась на него своими блестящими глазами.

---

[36] notes: 36

Фраза отсылает к популярному телесериалу о собаке Лесси. Своим лаем Лесси давала понять, что ее хозяин, мальчик Тимми, попал в беду и нуждается в помощи.

— Каркни «Никогда»,[37] — сказал Тень.

— Иди в жопу, — ответил ворон. И пока они вместе пробирались сквозь лесные чащи, больше не произнес ни слова.

Через полчаса они добрались до асфальтовой дороги на окраине какого-то городка, и ворон улетел обратно в лес. Тень увидел вывеску «Калверс. Крем-мороженое и баттербургеры»,[38] а рядом — бензоколонку. Он зашел в «Калверс», там не было ни души. Только за кассой стоял расторопный британоголовый юнец. Тень заказал два баттербургера и картофель фри. Потом пошел в туалет, чтобы привести себя в порядок. Вид у него был ужасающий. Тень обследовал содержимое карманов: несколько монет, в том числе серебряный доллар со Свободой, одноразовая зубная щетка и тюбик с пастой, три сникерса, пять химических грелок, бумажник (в нем только водительские права и кредитная карточка — интересно, долго ли она еще протянет), а во внутреннем кармане куртки — тысяча долларов полтинниками и два-

---

[37] notes: 37

Отсылка к стихотворению Эдгара По «Ворон».

[38] notes: 38

«Калверс» — сеть ресторанов фастфуд. Крем-мороженое (frozen custard) — сладкий десерт наподобие мороженого, готовится с добавлением яиц.

дцатками, его барыш со вчерашней банковской аферы. Он вымыл лицо и руки горячей водой, смочил и пригладил волосы, вернулся обратно в закусочную, съел баттербургеры и картошку-фри и выпил кофе.

Потом Тень подошел к прилавку.

— Хотите крем-мороженое? — спросил бойкий юнец.

— Нет. Спасибо. Тут можно где-нибудь взять машину напрокат? Моя заглохла по дороге.

Юнец поскреб в затылке.

— Это вряд ли, мистер. Если машина заглохла, позвоните в «Три А».[39] Или вон договоритесь на бензоколонке, чтобы вас взяли на буксир.

— Это мысль, — сказал Тень. — Спасибо.

Он зашагал по тающему снегу к бензоколонке. Там он прикупил шоколадных батончиков и вяленого мяса, и еще несколько химических грелок для рук и ног.

— У вас тут где-нибудь можно взять напрокат машину? — спросил он у кассирши. Она была поперек себя шире, носила очки и была не знамо как рада с кем-нибудь поболтать.

— Дайте-ка подумать, — сказал она. — Мы тут

---

[39] notes: 39

«Три А» — Американская автомобильная ассоциация (American Automobile Association), или, сокращенно, *Triple-A*.

вроде как на отшибе. В Мэдисоне есть прокат. А вы куда направляетесь?

— В Кейро, — ответил он. — Знать бы еще, где это.

— Я знаю, — сказала она. — Дайте-ка мне карту Иллинойса — вон она, на полке.

Тень подал ей ламинированную карту. Она ее развернула, потом с победоносным видом ткнула пальцем в самую нижнюю точку.

— Вот он.

— Каир?

— Это так город в Египте зовется. А тот, что в Малом Египте, называют Кейро. У них там даже Фивы есть и всякое такое. У меня золовка из Фив. Я ее как-то спросила про египетские Фивы, она на меня так посмотрела, будто у меня крыша поехала. — Женщина заклокотала от смеха, как труба под раковиной.

— Там и пирамиды, что ли, есть?

До города было пять сотен миль почти строго на юг.

— О пирамидах я ничего такого не слыхала. Это место называют Малым Египтом, потому что — ой, ну, может, лет сто-сто пятьдесят тому назад тут был голод. Неурожай, а им хоть бы хны. Вот все туда и мотались за продовольствием.

Прямо как в Библии. Иосиф и разноцветный чудо-плащ.[40] Все в Египет, тру-ля-ля!

— А на моем месте вы бы на чем туда поехали? — спросил Тень.

— На машине.

— Моя машина заглохла по дороге, за несколько миль отсюда. Кусок говна, а не тачка, прощу прощения за мой французский.

— Эт-точно, — сказала она. — Мой шурин так их и зовет — говнотачками. Он ими маленько приторговывает — покупает, продает. Звонит мне, мол, Мэтти, я тут еще одну говнотачку продал. Кстати, вдруг его и ваша колымага заинтересует. Ну, типа, на запчасти и все такое.

— Вообще-то она боссу моему принадлежит, — сказал Тень, удивляясь, как гладко и свободно врет. — Нужно ему позвонить, чтоб приехал ее забрать. — Тут его осенило. — А ваш шурин далеко отсюда живет?

---

[40] notes: 40

Имеется в виду библейский Иосиф Прекрасный, у которого была разноцветная одежда («Израиль любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его, — и сделал ему разноцветную одежду», Книга Бытия 37:3). Сидя в темнице в Египте, Иосиф истолковывает сны фараона и предсказывает, что семь лет изобилия сменятся семью годами голода. Чтобы выжить в голодное время, Иосиф предлагает сделать запасы хлеба. Предсказание сбывается и, когда везде наступает голод, все едут в Египет за хлебом, а фараон делает Иосифа своим ближайшим советником.

— В Маскоде. Десять минут на юг, и вы на месте. Это сразу за рекой. А что?

— Ну, может, у него найдется для меня какая-нибудь говнотачка, — я бы и купил ее, скажем, сотен за пять-шесть?

Она ласково улыбнулась.

— Мистер, у него на весь двор не найдется тачки за пять сотен даже с полным баком бензина в придачу. Только я вам ничего такого не говорила, ладно?

— Позвоните ему? — спросил Тень.

— Так уже звоню, — сказала она и взяла трубку. — Ты, голубчик? Это Мэтти. Давай мигом ко мне. Тут один мужик хочет купить у тебя тачку.

Из всех говнотачек он выбрал «Шеви Нову» восемьдесят третьего года выпуска, с полным баком бензина, заплатив за нее четыреста пятьдесят долларов. Счетчик показывал почти двести пятьдесят тысяч миль пробега, в салоне едва заметно пахло бурбоном, табаком и чем-то еще — чуть более густой, плотный запах — возможно, бананами. На машину налипло столько грязи и навалило столько снега, что невозможно было определить, какого она цвета. При всем том, из всех транспортных средств, стоявших у шурина Мэтти во дворе, это была единственная тачка,

которая оставляла надежду на то, что она сможет протянуть еще пять сотен миль.

Тень расплатился наличными, шурин Мэтти даже не пытался спрашивать у него имя или номер социальной страховки — его интересовали только деньги.

Тень поехал на запад, потом на юг, стараясь держаться подальше от федеральной трассы. В кармане у него лежало еще пятьсот пятьдесят баксов. В говнотачке было радио, но когда он его включил, оно не издало ни звука. Указатель сообщил, что он выехал из Висконсина и теперь едет по Иллинойсу. Тень проехал мимо открытого карьера, над которым в тусклом дневном зимнем свете горели огромные голубые прожектора.

Он остановился перекусить в забегаловке «У мамы», успев заскочить туда перед самым перерывом.

Какой бы город он ни проезжал, неизменно встречал два указателя: на основном значилось, например, что он въезжает в «Наштаун» (нас. 720 чел.). На дополнительной табличке говорилось, что городская баскетбольная команда заняла третье место на соревнованиях между соседними штатами среди команд младше 14-ти лет, или что этот город — родина иллинойсских

полуфиналисток в соревновании по борьбе среди девушек младше 16-ти лет.

Он все ехал и ехал, поклевывая носом и чувствуя, как с каждой минутой силы его покидают. Он пролетел на красный, и ему в бок чуть не въехала женщина на «Додже». Добравшись до открытой местности, он съехал на обочину в проторенную трактором колею и остановил машину на припорошенном снегом и покрытом стерней поле, где, выстроившись в ряд, будто плакальщики, идущие за гробом, медленно вышагивали жирные черные дикие индюки; выключил мотор, перебрался на заднее сиденье, лег и заснул.

Темно; он как будто падал куда-то — как Алиса, в бесконечный колодец. В сплошную тьму, и длилось это сотню лет. Мимо, выныривая из мрака, проплывали какие-то лица, и прежде чем он успевал до них дотронуться, распадались на кусочки и таяли…

Внезапно, безо всякого перехода, падение прекратилось. Он оказался в пещере, и рядом с ним был кто-то еще. Тень вгляделся в знакомые глаза: огромные, влажные, черные. Глаза моргнули.

Он под землей. Так и есть. Он помнил это место. Воняло потной коровой. Свет костра мерцал на влажных стенах пещеры, освещая бизонью

голову и человеческое тело, кожу цвета красной глины.

— Народ, да когда же вы, наконец, от меня отстанете? — сказал Тень. — Дайте человеку поспать.

Человек-бизон медленно кивнул. Он не двигал губами, но Тень услышал, как в его голове прозвучал вопрос:

— Куда ты направляешься, Тень?

— В Каир.

— Зачем?

— А куда мне еще направляться? Среда сказал, в Каир, — значит в Каир. Я выпил его мед.

Во сне, где действовала логика сновидения, Тени казалось, что принятое им на себя обязательство неоспоримо: он трижды испил меда и тем скрепил договор, — так что теперь хочешь не хочешь, иного выбора у него нет.

Бизоноголовый потянулся к костру, помешал рукой угольки и ломаные ветки, и они полыхнули ярким пламенем.

— Надвигается буря, — сказал он. Руки у него были в золе, и он вытер их о свою безволосую грудь, запачкав ее разводами черной сажи.

— Только это я от вас и слышу. Вопрос задать можно?

Повисла пауза. На заросший шерстью лоб чело-

века-бизона уселась муха. Он смахнул ее.

— Задавай.

— Это правда боги? Все эти люди? Это как-то… — он запнулся, а потом добавил: — неправдоподобно. — Он подыскал не совсем точное слово, но более подходящего так и не смог придумать.

— Что значит боги? — спросил человек-бизон.

— Не знаю, — ответил Тень.

Откуда-то доносился стук, беспрерывный и монотонный. Тень ждал, что человек-бизон еще что-нибудь скажет, объяснит ему про богов, объяснит весь этот путаный полуночный бред, в который превратилась его жизнь. Ему было холодно.

Тук. Тук. Тук.

Тень открыл глаза, с трудом приподнялся и сел. Он замерз, небо снаружи было густого люминисцентно-багрового цвета — таким оно бывает, когда вечер уже отыграл, а ночь еще не началась.

Тук. Тук.

— Эй, мистер, — раздался голос.

Тень повернул голову.

Рядом с машиной кто-то стоял — темная тень на фоне темнеющего неба. Тень протянул руку и опустил стекло на несколько дюймов. Поворочал

во рту языком и произнес:

— Привет.

— С вами все в порядке? Вам плохо? Много выпили? — голос был высокий — женский или мальчишеский.

— Я в норме, — сказал Тень. — Сейчас, подождите. — Он открыл дверцу и, потягивая затекшие конечности и разминая шею, вылез из машины. Потом потер руки, чтобы согреть их и восстановить кровообращение.

— Ничего себе, ну и дылда!

— Это для меня не новость, — сказал Тень. — Ты кто?

— Я Сэм, — ответил голос.

— Сэм в смысле девочка или Сэм в смысле мальчик?

— Сэм в смысле девочка. Раньше была Сэмми, только я все время смайлик над «і» пририсовывала, а потом меня это достало капитально, потому что все кому не лень стали делать то же самое, и я бросила.

— Ладно, девочка Сэм. Пойди-ка вон туда и выгляни на дорогу.

— Зачем? Ты убийца-психопат, что ли?

— Нет, — сказал Тень. — Просто мне нужно отлить, а я привык это делать в несколько более

интимной обстановке.

— А. Ладно. Конечно. Усекла. Без проблем. Очень тебя понимаю. Я вообще пописать не могу, если в соседней кабинке кто-то есть. Синдром застенчивого мочевого пузыря в тяжелой форме.

— Я жду.

Она отошла за машину, а Тень сделал несколько шагов в сторону поля, расстегнул джинсы и долго поливал столб ограды. Потом вернулся к машине. Сумрак сгустился, настала ночь.

— Ты еще тут? — спросил он.

— Да, — ответила Сэм. — Я все слышала. У тебя мочевой пузырь, должно быть, размером с озеро Эри. Мне кажется, империи расцветали и гибли, пока ты там отливал.

— Благодарю. Тебе чего надо-то?

— Вообще-то я хотела удостовериться, что с тобой все в порядке. Ну, в смысле, вдруг ты помер или еще чего, я бы копов вызвала. Правда, стекла у тебя вроде запотели, и я подумала, ну, наверное, дышит еще.

— Ты живешь, что ли, поблизости?

— Не-а. Автостопом из Мэдисона еду.

— Рискованно.

— Да я по пять раз в год последние три года так катаюсь. И ничего, жива. А ты куда направ-

ляешься?

— До Каира.

— Замечательно! А я до Эль-Пасо. К тетке еду, в гости, на каникулы.

— Я тебя так далеко не повезу, — сказал Тень.

— Не до того Эль-Пасо, который в Техасе, а до того, который в Иллинойсе. Это в нескольких часах езды на юг. Ты хоть знаешь, где сейчас находишься?

— Понятия не имею, — сказал Тень. — Где-то на пятьдесят второй магистрали?

— Рядом с городом под названием Перу, — сказала Сэм. — Не который в Перу. А который в Иллинойсе. А ну дыхни! Нагнись. — Тень нагнулся, и девушка принюхалась. — Нормально. Спиртным не пахнет. За руль можно. Поехали.

— С чего ты взяла, что я тебя повезу?

— Потому что я девица, попавшая в беду, — сказала она. — А ты рыцарь на… да на чем угодно! На грязнючей тачке. Ты видел, тебе на заднем стекле написали «Помой меня!»? — Тень сел в машину и открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья. Свет, который обычно зажигается, когда в машине открывают переднюю дверь, не зажегся.

— Нет, — сказал Тень. — Не видел.

Она забралась внутрь.

— Это я написала, — сказала она. — Собственноручно. Пока еще не стемнело.

Тень завел мотор, включил фары и выехал на трассу.

— Налево, — подсказала Сэм.

Тень свернул налево. Несколько минут спустя заработала печка, и блаженное тепло заполнило салон.

— Ты все время молчишь, — сказала Сэм. — Скажи чего-нибудь.

— Ты человек? — спросил Тень. — Настоящий-пренастоящий, рожденный от мужчины и женщины, живущий и дышащий человек?

— А то кто же? — сказала она.

— Ладно. Это так, проверка. Так что ты хочешь от меня услышать?

— В данный момент что-нибудь ободряющее. А то у меня вдруг возникло такое чувство, какого хрена я делаю в этой чертовой машине с каким-то психом?

— Это точно, — сказал он. — У меня тоже такое чувство возникло. И как тебя приободрить?

— Ну, просто скажи, что ты не беглый зэк и не серийный убийца или типа того.

Он на секунду задумался.

— Вообще-то нет.

— Все-таки ты подумал, прежде чем ответить.

— Я отмотал срок. Но никогда никого не убивал.

— Оба-на!

Они заехали в маленький городок, освещенный уличными фонарями и рождественскими мигающими фонариками, и Тень взглянул на Сэм. Черные коротко подстриженные волосы девушки лежали в беспорядке, на лицо она была симпатичная, но, решил про себя Тень, слегка мужеподобная: будто лицо высекли из камня. Она смотрела на него.

— И за что тебя посадили?

— Поуродовал пару типов. Сильно злой был.

— Хоть за дело?

Тень на секунду задумался.

— Раньше думал, что да.

— Ты и сейчас сделал бы то же самое?

— Черта с два! Я три года жизни в тюрьме угробил.

— Н-да. А в тебе есть индейская кровь?

— Да вроде нет.

— А по виду так есть.

— Прости, что разочаровал.

— Да ладно. Есть хочешь?

Тень кивнул.

— Было бы неплохо, — сказал он.

— Есть тут одно местечко, прямо после тех фонарей. Кормят прилично. И недорого.

Тень припарковался на стоянке. Они вышли из машины. Он не стал ее закрывать, но ключи сунул в карман и достал оттуда несколько монеток, чтобы купить газету.

— У тебя хватит денег, чтобы здесь перекусить? — спросил он.

— Хватит, — она вскинула подбородок. — Я в состоянии сама за себя платить!

Тень кивнул.

— Знаешь что. Давай бросим жребий, — сказал он. — Орел — ты платишь за меня, решка — я за тебя.

— Дай я сначала монету посмотрю, — недоверчиво сказала она. — А то был у моего дядюшки четвертак с двумя орлами.

Она рассмотрела монету и убедилась, что с ней все в порядке. Тень положил четвертак на большой палец орлом вверх, а потом ловко подбросил монету, так что она задрожала и словно завертелась в воздухе, он поймал ее и, перевернув, выложил перед Сэм на тыльной стороне левой ладони.

— Решка! — обрадовалась она. — Ты платишь.

— Да. Не все же мне выигрывать.

Тень заказал мясной рулет, Сэм — лазанью. Тень пролистал газету: может, там что-нибудь написали про убийство в товарном поезде. Ничего такого не было. Единственное, что привлекло его внимание, — статья на первой странице: рекордное число ворон наводнило город. Местные фермеры решили развесить мертвых ворон на общественных зданиях по всему городу, чтобы отпугнуть живых; орнитологи сказали, что это не сработает, что живые вороны попросту сожрут мертвых. Но местные стояли на своем. «Увидят трупы своих сородичей, — сказал представитель общественности, — и наверняка поймут, что здесь им не рады».

Принесли заказ: еда горой лежала на тарелках, и от нее валил пар. Одному человеку такую порцию было не осилить.

— Ну и зачем тебе в Каир? — с полным ртом спросила Сэм.

— Понятия не имею. Босс вызывает, говорит, я ему там нужен.

— А чем ты занимаешься?

— Мальчик на побегушках.

— Ну, — улыбнулась Сэм, — на мафиози ты не тянешь, да и ездишь на каком-то говне. Слушай,

а с чего это у тебя в машине бананами воняет?

Не отрываясь от еды, Тень пожал плечами.

— Может, ты банановый контрабандист, — прищурившись, сказала Сэм. — Ты, кстати, так и не поинтересовался, чем я занимаюсь.

— Думаю, учишься.

— В колледже Висконсина в Мэдисоне.

— И там ты, конечно, посещаешь курсы по истории искусства и женским исследованиям,[41] ну, может, еще из бронзы чего-нибудь отливаешь. А еще, наверное, в кафе подрабатываешь, чтобы за жилье платить.

Глаза у нее округлились, а ноздри раздулись, она даже вилку отложила.

— Как, твою мать, ты это делаешь?

— Что делаю? Сейчас ты скажешь: ой, нет, я вообще-то изучаю романские языки и орнитологию.

— То есть ты хочешь сказать, ты просто угадал?

— Что угадал?

Она смотрела на него во все глаза.

---

[41] notes: 41

Женские исследования (Women's studies) объединяют целый ряд дисциплин (психологию, историю, филологию, социологию, биологию и др.), в рамках которых внимание сосредоточено на изучении женщин, их роли, природы, достижений и т. д.

— Странный же ты, мистер… Как там как тебя зовут.

— Тенью меня зовут.

Она скривила рот, будто попробовала что-то невкусное. Замолчала, опустила голову и принялась доедать свою лазанью.

— Ты знаешь, почему это место называют Египтом? — спросил Тень, когда она доела.

— Окрестности Каира? Ну да. Он стоит в дельте Огайо, при впадении в Миссисипи. Как египетский Каир — в дельте Нила.

— Логично.

Она откинулась на спинку стула, заказала кофе и шоколадный торт с кремом и расчесала рукой черные волосы.

— Ты женат, мистер Тень? — спросила она и, так как он не торопился с ответом, добавила: — Ха, я, кажется, опять задала каверзный вопрос!

— Жену похоронили в четверг, — сказал он, тщательно подбирая слова. — Она погибла в автокатастрофе.

— Господи, боже мой! Прости.

— Да ладно.

Повисла неловкая пауза.

— Моя единокровная сестра потеряла ребенка, племянника моего, в конце прошлого года.

Тяжело это.

— Да. Тяжело. Отчего он умер?

Она отпила кофе.

— Мы не знаем. Мы даже точно не знаем, мертв он или нет. Он просто пропал. Ему было всего тринадцать. Пропал в середине прошлой зимы. Сестра места себе не находила.

— А были… были какие-то зацепки? — Он вдруг почувствовал себя копом из телевизора. И решил переформулировать вопрос. — Полиция подозревала, что было совершено преступление? — Но прозвучало еще хуже.

— Полиция подозревала зятя моего долбанутого, отца без родительских прав. Он настолько долбанутый, что вполне мог сына выкрасть. Может, и правда выкрал. Сестра живет в городке в Норт Вудс. Маленький такой, милый, симпатичный городок, там даже двери никто никогда не запирает. — Она вздохнула, покачала головой. Чашку она держала обеими руками. — Ты уверен, что в тебе нет индейской крови?

— Мне, по крайней мере, об этом ничего не известно. Может, и есть. Я почти ничего не знаю об отце. Хотя, думаю, мама бы мне сказала, если бы он был индейцем. С чего бы ей скрывать?

Сэм опять скривила рот. Она осилила шоколад-

ный торт едва до половины: кусок был размером с пол ее головы. Она пододвинула тарелку Тени.

— Хочешь?

— Не откажусь, — улыбнулся он и доел торт.

Официантка принесла счет, и Тень расплатился.

— Спасибо, — сказала Сэм.

На улице холодало. Мотор прочихался как следует и только после этого завелся. Тень дал задний ход, вырулил на дорогу и поехал на юг.

— Ты когда-нибудь читала Геродота? — спросил он.

— Что? Кого?

— Геродота. Читала его «Историю»?

— Знаешь, — задумчиво произнесла она, — я что-то не врубаюсь. Ты откуда слова такие берешь? Ты о чем вообще? Сначала молчишь как пень, потом мысли мои дурацкие читаешь, а потом вдруг мы ведем беседу о Геродоте. Нет, я не читала Геродота. Что-то слышала. По национальному радио, наверное. Это его, кажется, называют отцом лжи?

— Я думал, так дьявола называют.

— Да, и его тоже. По радио, короче, рассказывали, что у него гигантские муравьи и грифоны охраняли золотые прииски и что Геродот, типа,

всю эту дурь сочинил.

— Не думаю. Он описывал то, что слышал от других. Вроде как просто фиксировал чужие истории. И по большей части весьма неплохие. Там есть множество странных подробностей. Например, может, слышала, в Египте, если умирала очень красивая девушка или жена правителя, или типа того, ждали три дня и только тогда отправляли ее к бальзамировщику. Чтобы она сначала подгнила на жаре.

— Зачем? Ой, подожди! Я, кажется, догадываюсь, зачем. Фу какая гадость!

— Еще он пишет про битвы и вообще про самые обычные вещи. А еще про богов. Один парень побежал домой, чтобы сообщить об исходе сражения, бежал, бежал и тут видит — Пан на полянке. Пан ему и говорит: «Передай своим, чтобы они построили здесь храм в мою честь». Ну, парень ему пообещал и дальше бежит. Добежал, рассказывает, чем битва кончилась, а потом говорит: «Да, чуть не забыл, Пан хочет, чтобы ему посвятили храм». И это, понимаешь ли, сухие факты.

— Истории про богов, значит. И что ты этим хочешь сказать? Что у этих чуваков были глюки?

— Нет, — сказал Тень. — Я не об этом.

— Я книгу одну читала про мозг, — сказала

она, скусывая заусенец. — Мне ее соседка по комнате дала, все уши про нее прожужжала. Там говорилось, что, типа, пять тысяч лет тому назад полушария головного мозга слились, а до этого люди думали, что если правое полушарие дает тебе какой-то сигнал, то это значит, с тобой разговаривает один из богов и внушает, что делать. Все дело в мозге.

— Моя теория мне больше нравится, — сказал Тень.

— Что за теория?

— Что раньше люди время от времени действительно сталкивались с богами.

— Н-да?

Повисла тишина: если не считать дребезга машины, гудения мотора и нездорового рычания глушителя. Потом Тень услышал:

— И ты думаешь, они до сих пор здесь?

— Где?

— В Греции. В Египте. На островах. Во всяких таких местах. Ты думаешь, если пройти по тем местам, где ходили эти люди, то увидишь богов?

— Может быть. Только мне кажется, люди не понимали, кто перед ними.

— Да это все равно что инопланетяне, спорим? — сказала она. — Теперь люди видят

инопланетян. А раньше видели богов. Может, инопланетяне тоже засели у нас в правом полушарии.

— Что-то я не припомню, чтобы боги у людей кишки на анализы брали, — сказал Тень. — Или скот увечили. Наоборот, это люди им в жертву скотину забивали.

Сэм хихикнула. Несколько минут они ехали в тишине, а потом она сказала:

— Слушай, я тут вспомнила свою любимую историю о богах из начального курса сравнительного религиоведения. Хочешь расскажу?

— Валяй, — сказал Тень.

— Значит так. История про Одина. Древнескандинавского бога. Слышал о таком? Плыл как-то один викингский король на своем викингском корабле — произошло это, ясное дело, во времена викингов, — а на море полный штиль, и король говорит, типа, если Один пошлет нам ветер и мы доберемся до берега, я принесу ему в жертву одного из своих людей. Ну и вот. Поднимается ветер, и они пристают к берегу. Пристали, значит, и кидают жребий — кого приносить в жертву. И жребий падает на короля. Он от этого, конечно, не в восторге, и тогда все решают, что не будут его убивать, а повесят понарошку. Взяли телячьи

кишки, намотали посвободнее ему на шею, а конец привязали к тоненькой веточке, взяли тростинку вместо копья, ткнули ему в бок и говорят: ну вот, мы тебя повесили… вздернули… или как там… принесли, короче, в жертву Одину.

Дорога заворачивала: Тожетаун (нас. 300 чел.), родина серебряного призера в конькобежном чемпионате среди детей младше 12 лет. По обе стороны от дороги стояли два огромных, просто исполинских для такого маленького городка похоронных бюро. А сколько вообще их нужно, подумал Тень, когда население всего-то триста человек?..

— Ну и вот. Как только они произнесли имя Одина, тростинка превратилась в копье и вонзилась королю в бок, телячьи кишки превратились в толстую веревку, веточка — в здоровенный сук на дереве, а само дерево вытянулось так, что земля ушла у короля из-под ног. Так он и умер, болтаясь на дереве, с раной в боку и почерневшим лицом. Бывают все-таки у белых людей ебнутые на голову боги, мистер Тень.

— Бывают, — согласился Тень. — А ты разве не белая?

— Я чероки, — сказала она.

— Чистокровная?

— Нет. Только на четыре пинты. Мама была белая. А отец настоящий индеец из резервации. Он приехал в наши места, через какое-то время женился на маме, тут я родилась, а потом они разошлись, и он уехал обратно в Оклахому.

— Вернулся в резервацию?

— Нет. Занял денег и открыл липовую «Тако Белл»,[42] назвав ее «Тако Билла». Живет себе, не горюет. Меня он не любит. Говорит, я полукровка.

— Грустно.

— Да он придурок! Я горжусь индейской кровью. Это помогает колледж оплачивать. Вдруг и работу поможет найти, если мои бронзовые побрякушки не будут покупать.

— Ну, как-нибудь сложится, — сказал Тень.

Он остановился в Эль-Пасо, Иллинойс (нас. 2500 чел.) и высадил Сэм у обветшалого домишки на окраине города. Во дворике стояла большая проволочная фигурка северного оленя, усеянная мерцающими фонариками.

— Зайдешь? — спросила Сэм. — Тетя угостит тебя кофе.

— Нет, — сказал он. — Мне надо ехать.

---

[42] notes: 42

«Тако Белл» — сеть закусочных быстрого обслуживания, специализирующихся на мексиканской кухне.

Она улыбнулась, и в этот момент — впервые — показалась ему беззащитной. Потом погладила его по руке.

— Ты классный, мистер, хотя тоже ебнутый.

— Полагаю, именно это и считается нормальным человеческим состоянием, — сказал Тень. — Спасибо за компанию.

— Да не за что, — сказала Сэм. — Если увидишь богов по дороге в Каир, ты уж будь добр, передай им от меня привет.

Она вышла из машины и направилась ко входной двери. Нажала на звонок и застыла у порога, даже не обернувшись. Тень подождал, пока ей откроют, и она, живая и здоровая, перешагнет порог дома, нажал на газ и вырулил обратно на шоссе. Он проехал Нормал, потом Блумингтон, потом Лондейл.

В одиннадцать вечера Тень начало знобить, он как раз подъезжал к Миддлтауну. Он решил, что ему нужно поспать, по крайней мере, за рулем больше оставаться было никак нельзя. Он припарковался у «Ночного пристанища», снял комнату на первом этаже, отдав деньги вперед — тридцать пять долларов наличными, — и первым делом пошел в ванную. Посреди ванной на кафельном полу лапками кверху лежал

одинокий дохлый таракан. Тень взял полотенце и протер ванну изнутри, потом пустил воду. Прошел в комнату, снял одежду и сложил ее на кровати. На теле горели яркие темные синяки. Он залез в ванну, наблюдая за тем, как вода меняет цвет. Потом, как был голышом, постирал в раковине носки, трусы и майку, выжал и развесил на сушилке, которая торчала из стены прямо над ванной. Таракана он не тронул — к покойникам он относился с почтением.

Потом он залез в постель: хотел было посмотреть фильм для взрослых, но для того чтобы сделать заказ по телефону, нужна кредитка, а пользоваться ею было рискованно. И потом, он не был уверен в том, что его так уж порадует возможность просто наблюдать, как другие занимаются сексом, не имея никакой возможности заняться сексом самому. Все же он включил телевизор, трижды нажав на пульте кнопку «сон», чтобы через сорок пять минут телевизор автоматически выключился. Было без четверти двенадцать.

Картинка, как во всех мотельных теликах, была нечеткая, цвета на экране плыли. Он бессмысленно скакал по каналам, переходя с одного ночного шоу на другое, и не мог ни на чем сосредоточиться. Кто-то рекламировал какую-то фигню,

фигня что-то делала по хозяйству и заменяла целую кучу другой всякой-разной фигни — у Тени дома не было ничего из всей этой кучи. *Щелк.* Мужчина в костюме объяснял, что грядет конец света и что Иисус — мужчина растягивал его имя так, что в нем появлялось еще два-три лишних слога — пошлет бизнесу Тени благоденствие и процветание, если Тень перечислит ему деньги. *Щелк*. Заканчивалась очередная серия «Чертовой службы в госпитале МЭШ» и начиналось «Шоу Дика Ван Дайка».

Последний раз Тень смотрел «Шоу Дика Ван Дайка» много лет назад, но в этом черно-белом мирке образца 1965 года было что-то умиротворяющее, поэтому он положил пульт на пол рядом с кроватью и выключил ночник. Он смотрел на экран слипающимися глазами и понимал, что с этим шоу что-то не так. Он, конечно, не мог вспомнить эту конкретную серию, и тут не было ничего удивительного: он вообще пропустил много серий. Странной ему казалась сама атмосфера на экране.

Главные действующие лица были озабочены запоями Роба. Он не появлялся на работе уже несколько дней. Они пришли к нему домой, а он заперся в спальне, и его еле уговорили оттуда

выйти. Он напился так, что едва стоял на ногах, но даже и в таком состоянии был уморительно смешон. Его друзья, которых играли Мори Амстердам и Роз Мари, откололи пару гэгов и ушли. Потом его пришла утихомиривать жена, а он со всей дури врезал ей по лицу. Она села на пол и заплакала, и это был не знаменитый плач Мэри Тайлер Мур, а короткие безудержные всхлипы: она обхватила себя руками за плечи и шептала: «Не бей меня, пожалуйста, я все что хочешь, сделаю, только не бей меня больше, прошу тебя».

— Что за херня? — вслух сказал Тень.

Изображение растворилось в точечном фосфорном свечении. Когда экран загорелся снова, «Шоу Дика Ван Дайка» необъяснимым образом превратилось в «Я люблю Люси». Люси пыталась уговорить Рики выкинуть старый холодильник и купить новый. А когда Рики ушел, она направилась к дивану, уселась, закинув ногу на ногу, сложила руки на коленях и стала сквозь годы смотреть на Тень пристальным черно-белым взглядом.

— Тень, — сказала она, — нам надо поговорить.

Тень не ответил. Она открыла сумочку, достала сигарету, прикурила от дорогой серебряной зажигалки и отложила зажигалку в сторону.

— Я к тебе, между прочим, обращаюсь, — сказала она.

— Бред какой-то, — пробормотал Тень.

— Да что вы говорите! А вся твоя остальная жизнь образец нормальности, что ли?

— Ну не знаю. Но разговаривать с Люсилль Болл из телевизора уж точно на несколько порядков бредовее, чем все, что случилось со мной до сих пор, — сказал Тень.

— Я не Люсилль Болл. Я Люси Риккардо. Хотя вообще-то я даже не Люси Риккардо. Просто в данных обстоятельствах мне удобнее прикинуться именно ею. Вот и все.

Она неловко заерзала на диване.

— И кто же ты?

— Я? — переспросила она. — Хороший вопрос. Я телевизор. Ящик для идиотов. Я всевидящее око и мир катодного излучения. Я дебилятор. Святыня, на которую молится вся семья.

— Телевидение, что ли? Или кто-то конкретный из телевизора?

— Телевизор теперь — вместо алтаря. И люди на нем приносят мне жертвы.

— Какие жертвы? — спросил Тень.

— По большей части свое время, — сказала Люси. — Иногда друг друга. — Она подняла два

пальца и сдула дым с воображаемого дула. А потом подмигнула — старый добрый жест из «Я люблю Люси».

— Ты тоже — божество? — спросил Тень.

Люси скорчила улыбку, по-женски манерно затянулась сигаретой.

— Можно и так сказать, — ответила она.

— Сэм передает тебе привет, — сказал Тень.

— Что? Сэм? Это кто? Ты о чем?

Тень посмотрел на часы. Было двадцать пять минут первого.

— Да неважно, — сказал он. — Ну, Люси-из-телика, о чем нам нужно поговорить? Слишком много народу в последнее время хочет со мной поговорить. И обычно это заканчивается тем, что я получаю в морду.

Камера наехала, взяв крупный план: вид у Люси был встревоженный, губы поджаты.

— Не нравится мне, что эти люди сделали тебе больно, Тень. Очень не нравится. Я бы никогда так с тобой не поступила, милый. Я хочу предложить тебе работу.

— И что я должен буду делать?

— Работать на меня. Я слышала, как обошлись с тобой эти гориллы; и то, как ты с ними расправился, произвело на меня впечатление. Эффектно,

эффективно и со знанием дела. Кто бы мог подумать, что ты на такое способен. Они реально в штаны наложили.

— Да ладно!

— Они тебя недооценили, мой дорогой. Но я такой ошибки не допущу. Предлагаю тебе переметнуться в мой лагерь. — Она встала и подошла к камере. — Сам подумай, Тень: за нами будущее. За нами торговые комплексы, а твои дружки — все равно что дешевые аттракционы у дороги. Да у нас, черт возьми, интернет-магазины, а твои дружки сидят на обочине автострады и торгуют всякой доморощенной дрянью прямо с тележки. Хоть бы фруктами торговали, так нет же! Лужу, паяю, примуса починяю. Каждая четвертая подкова даром. За нами будущее и настоящее. А их срок годности истек еще позавчера.

Это была до боли знакомая речь.

— Ты знаешь жирного парня, который ездит на лимузине? — спросил Тень.

Она раскинула руки и смешно закатила глаза — забавная Люси Риккардо умывает руки, и пусть весь мир катится в пропасть.

— Тенхномальчика? Ты видел техномальчика? Он славный парнишка. Он тоже из наших. Просто он бывает не слишком вежлив с незнакомыми

людьми. Будешь на нас работать, увидишь, какой он замечательный.

— А что если я не захочу на вас работать, Я-люблю-Люси?

В дверь к Люси постучали, за кадром раздался голос Рики, он интересовался, чем это его Л*ююси* так д*оооо*лго там заним*аааа*ется, ведь в следующей сцене они должны быть в клубе; тень раздражения пробежала по неестественному — будто из комикса — личику Люси.

— Черт, — сказала она. — Короче, сколько бы стариканы тебе ни платили, я плачу вдвое, втрое больше. Множь сразу на сто. Что бы они ни предлагали, я дам тебе гораздо больше. — Она улыбнулась: идеальная, озорная улыбка Люси Риккардо. — Все что пожелаешь, милый. Скажи, чего ты хочешь? — Она начала расстегивать блузку. — Ты разве никогда не хотел увидеть сиськи Люси?

Экран потух. Сработала функция «сон», и телевизор выключился. Тень посмотрел на часы: половина первого.

— Вот ведь, блин… — сказал Тень.

Он повернулся на бок и закрыл глаза. Ему пришло в голову, что его симпатии склоняются на сторону Среды, мистера Нанси и всей этой

компании, а не на сторону их противников по одной простой и незатейливой причине: пусть они грязь и дешевка, и жрачка у них дерьмовая на вкус, но они по крайней мере не говорят штампами.

А торговому центру он в любом случае предпочтет аттракцион у обочины, даже самый дешевый, жалкий и мошеннический.

Утро застало Тень в дороге: он ехал по слегка всхолмленной, бурой местности, кругом только жухлая зимняя трава и облетевшие деревья. Снега как не бывало. В одном городишке, на родине серебряных призеров штата в забеге на триста метров среди девушек младше шестнадцати лет, он залил в говнотачку бензина и, надеясь, что не одна только засохшая грязь не дает его колымаге развалиться на части, там же, на заправке, прогнал машину через мойку. И с удивлением обнаружил, что мытая тачка — вопреки здравому смыслу — оказалась белого цвета и проржавела далеко не насквозь. Он поехал дальше.

В невероятно голубом небе застыли, словно на фотографии, клубы белого промышленного дыма, который поднимался из заводской трубы. С мертвого дерева взмыл ястреб и полетел ему навстречу, взмахи его крыльев распадались в

солнечном свете, словно в стробоскопе, на серию стоп-кадров.

В какой-то момент Тень обнаружил, что подъезжает к Восточному Сент-Луису. Он хотел было его объехать, но не успел оглянуться, как оказался в промышленном районе, посреди квартала красных фонарей. Возле зданий, напоминавших временные склады, но гордо именовавшихся КРУГЛАСУТОЧНЫМИ НАЧНЫМИ КЛУБАМИ, а в одном случае даже ЛУТШИМ ПИП-ШОУ В ГОРОДЕ «ПАДГЛЯДИ», стояли припаркованные восемнадцатиколесные фуры и огромные грузовики. Тень покачал головой и проехал мимо, не останавливаясь. Лора любила танцевать, одетой или голой (бывали и такие памятные вечера, когда она переходила из одного состояния в другое), а он любил на нее смотреть.

В городке Ред Бад он пообедал: сэндвичем, запив его банкой коки.

Он проехал мимо поля, заставленного тысячами поломанных желтых бульдозеров, тракторов и «Катерпилларов».[43] Может, это кладбище бульдозеров, подумал он, и сюда бульдозеры приезжают умирать.

---

[43] notes: 43

«Катерпиллар» (букв. «гусеница») — гусеничный трактор одноименной американской фирмы.

Он проехал мимо бара «Еще по одной». Потом проехал через Честер («Родину Попая»).[44] Тень заметил, что фасады домов, даже самых захудалых и никудышных, теперь часто были украшены белыми колоннами и наверняка в чьих-то глазах выглядели как настоящие дворцы. Он переехал через широкую реку с мутной грязной водой и громко хохотнул, когда разглядел на табличке название — «р. Большая Грязнуха». Он увидел три дерева, сбросивших к зиме листья и сплошь увитых бурым кудзу, который придавал им странные, почти человеческие очертания: издалека их вполне можно было принять за колдуний, скрюченных от старости ведьм, готовых открыть ему будущее.

Тень ехал вдоль Миссисипи. Он никогда в жизни не видел Нила, но слепящее полуденное солнце так сверкало на поверхности широкой бурой реки, что он сразу подумал о Ниле и его мутных водных просторах: не о нынешнем Ниле, а о том, который много веков тому назад пролегал, подобно артерии, через папирусные топи, питая и кобру, и шакала, и дикую корову…

Дорожный указатель предупредил его о том,

---

[44] notes: 44
Моряк Попай — герой комиксов и мультфильмов.

что он подъезжает к Фивам.

Дорога шла по насыпи, поднимаясь над землей примерно на двенадцать футов, — он ехал по болотам. На фоне голубого неба — судорожное броуновское движение сотен черных точек: птицы.

Ближе к вечеру солнце стало садиться, и все вокруг окрасилось в волшебные золотистые тона; теплый и густой, точно заварной крем, солнечный свет преобразил мир, сделав его каким-то неземным и сверхреальным. Как раз в это время Тень промчался мимо знака, который сообщил ему о «Въезде в исторический Каир». Он проехал под мостом и оказался в маленьком портовом городке. Внушительное здание каирского суда и еще более внушительное сооружение таможенного управления были похожи на гигантские свежевыпеченные булочки, политые сиропом золотистого вечернего света.

Он припарковался в переулке и прогулялся до набережной. Но куда он вышел — на берег Огайо или Миссисипи — оставалось только гадать. На задворках одного из зданий стояли мусорные баки, и маленькая бурая кошка, принюхиваясь, скакала от одного к другому. В закатном свете даже у мусора вид был совершенно неземной.

По воздуху вдоль берега скользила одинокая чайка, взмахом крыла корректируя курс.

И тут Тень почувствовал, что он не один. На тротуаре, в десяти футах от него, стояла маленькая девочка в старых кедах и мужском сером шерстяном свитере вместо платья, стояла и рассматривала его с угрюмой серьезностью шестилетнего ребенка. Волосы у нее были черные, прямые и длинные, а кожа — такого же бурого оттенка, что и река.

Он улыбнулся ей. Но в ответ получил все тот же пристальный и дерзкий взгляд.

С берега донесся визг и вой, маленькая бурая кошка рванула прочь от опрокинувшегося мусорного бака, за ней гналась длинномордая черная собака. Кошка метнулась под машину.

— Эй, — позвал девочку Тень. — Ты когда-нибудь видела порошок-невидимку?

Девочка не ответила. Потом покачала головой.

— Не видела? — сказал Тень. — Тогда смотри.

Он вынул левой рукой четвертак, показал его с обеих сторон, потом сделал вид, будто бросает его в правую руку и крепко зажимает в кулаке. Потом он вытянул руку вперед.

— А теперь, — сказал он, — я возьму из кармана щепотку порошка-невидимки… — Тень

засунул левую руку в нагрудный карман, выпустив четвертак, — и посыплю им руку, в которой держу монету… — он изобразил, что чем-то ее посыпает. — Смотри: монета тоже стала невидимой. — Он раскрыл правую ладонь — монеты в ней не оказалось, а потом, разыграв удивление, раскрыл левую — она тоже была пуста.

Маленькая девочка смотрела во все глаза.

Тень пожал плечами, сунул руки в карманы, в одну взял четвертак, в другую — сложенную пятидолларовую бумажку. Он хотел притвориться, будто достал их прямо из воздуха, а потом дать девочке пять баксов: они явно были бы для нее нелишними.

— Смотри-ка, — сказал он, — у нас зрителей прибавилось.

Черная собака с большущими ушами и маленькая бурая кошка, усевшись по обе стороны от девочки, пристально за ним наблюдали. Собака навострила уши, отчего вид у нее сделался комически настороженным. По дорожке в их сторону шел похожий на цаплю мужчина в очках с золотой оправой. Он оглядывался по сторонам, будто что-то искал. Наверняка хозяин собаки, подумал Тень.

— Ну, что скажешь? — обратился он к собаке,

пытаясь развеселить девочку. — Классно получилось?

Черная собака облизнулась. А потом сказала низким, сдержанным баритоном:

— Видел я как-то Гарри Гудини, и поверь мне, парень, тебе до него далеко.

Девочка посмотрела на кошку с собакой, потом подняла взгляд на Тень, а потом бросилась бежать, да с таким отчаянным топотом, будто за ней гнались все черти ада. Животные проводили ее взглядом. Человек-цапля подошел к собаке, нагнулся и почесал ее за ушами. Уши стояли торчком.

— Не занудствуй, — сказал человек в очках с золотой оправой, обращаясь к собаке, — это ведь просто фокус с монетой. Он же тебе не побег из-под воды показывал.

— Ну, за этим-то, положим, не заржавеет, — сказал пес. — Он еще и не на такое способен.

Золотистый свет померк, стали сгущаться серые сумерки.

Тень сунул монету и пятидолларовую бумажку обратно в карман.

— Так-так, — сказал он. — И кто же из вас будет Шакал?

— Протри глаза, — сказал длинномордый пес

и неторопливо зашагал по тротуару, бок о бок с человеком в золотых очках.

Чуть помешкав, Тень последовал за ними. Кошки как не бывало. Они дошли до большого старого здания, стоявшего между домами, окна которых были сплошь заколочены досками. Рядом с дверью висела табличка: ИБИС И ШАКЕЛЬ. СЕМЕЙНАЯ ФИРМА. ПОХОРОННОЕ БЮРО. С 1863 ГОДА.

— Меня зовут мистер Ибис, — сказал человек в золотых очках. — Полагаю, вы не откажетесь от легкого ужина. Моего друга, к сожалению, ждет работа.

Где-то в Америке

В Нью-Йорке Салиму страшно, поэтому он обеими руками стискивает свой чемодан с образцами и крепко прижимает его к груди. Он боится черных, ему не по себе от самого их взгляда, он боится евреев — тех, которые одеваются во все черное, носят шляпы, бороды и пейсы, он узнает с первого взгляда, а сколько их еще слилось с толпой! — он боится абсолютно всех, боится людей любых мастей и габаритов, целыми толпами высыпающих на улицу из своих высоких-превысоких грязных зданий; он боится гвалта автомобильных гудков,

он боится даже воздуха, вонючего и вместе с тем ароматного, совершенно не похожего на воздух Омана.

В Америке, в Нью-Йорке Салим уже неделю. Каждый день он обходит две-три конторы, открывает свой чемодан с образцами и демонстрирует медные брелки, колечки, фляжки и крошечные фонарики, модельки Эмпайр стейт билдинг, статуи Свободы, Эйфелевой башни, у которых из-под краски поблескивает латунь; каждый вечер он отправляет факсы своему зятю Фуаду домой в Маскат, сообщая, что сегодня не получил ни одного заказа или, как в один прекрасный день, что заказов было сразу несколько (правда, мучительно сознавал Салим, выручки не хватало даже на то, чтобы покрыть стоимость авиабилета и проживание в гостинице).

По каким-то совершенно не понятным для Салима причинам партнеры Фуада по бизнесу забронировали ему номер в отеле «Парамаунт» на 46-й стрит. Салиму в отеле неуютно, отель Салиму не по карману, здесь он чувствует себя чужаком и не находит себе места.

Фуад женат на сестре Салима. Он не богат, но является совладельцем небольшого предприятия, выпускающего всякие безделушки, притом

исключительно на экспорт — в другие арабские страны, в Европу, Америку. Салим работает на Фуада уже шесть месяцев. Салим немного побаивается Фуада. Факсы Фуада становятся резче по тону. Вечерами Салим сидит в своем номере и читает Коран, и Коран говорит ему, что все пройдет, что его пребывание в этом странном мире имеет свой срок и свой предел.

Зять дал ему тысячу долларов на дорожные расходы, но эта огромная, как ему сначала показалось, сумма таяла прямо на глазах. Когда только приехал, он раздавал чаевые всем подряд, так и норовил сунуть кому-нибудь лишний доллар — и все из-за страха показаться прижимистым арабом; а потом решил, что люди просто пользуются его щедростью, а может, и посмеиваются над ним, и вообще перестал давать на чай.

В первый и единственный раз, когда поехал на метро, он запутался, потерялся и не попал на назначенную встречу; теперь, если нет другого выхода, он берет такси, а в остальное время ходит пешком. Хлюпая ботинками, с онемевшими от холода щеками, взмокший от пота, он заходит нетвердой походкой в душные офисы; когда на авеню задувают ветра (тут все просто: они дуют с севера на юг, а улицы идут с запада на восток,

поэтому Салим всегда знает, в какую сторону повернуться, чтобы встать лицом к Мекке), лицо так сильно мерзнет, что ему кажется, будто его хлещут по щекам.

Он никогда не ест в отеле (партнеры Фуада оплачивают только номер, за еду он должен платить сам); он покупает еду в фалафельных[45] закусочных и продуктовых лавках и, пряча под пальто, тайком проносит в отель, пока однажды не понимает, что никому до этого нет никакого дела. И все равно ему всякий раз становится не по себе, когда он заходит в тускло освещенный лифт с пакетами еды (чтобы найти и нажать кнопку нужного этажа, ему всегда приходится наклоняться и прищуриваться), а потом идет с ними по коридору до своей крошечной комнатки с белыми стенами.

Салим расстроен. Проснувшись утром, он получил гневный факс от Фуада: упреки, выговоры, недовольство — все вперемешку: Салим всех подводит: сестру, Фуада, партнеров Фуада, султанат Оман и вообще весь арабский мир. Если Салим не способен приносить фирме заказы, то и Фуад не считает себя обязанным держать его

[45] notes: 45

Фалафель — арабское блюдо, фритированные шарики из пюре бобовых с пряностями.

на работе. Они на него полагаются, а он живет в таком дорогом отеле. И непонятно, куда девает деньги. Живет в Америке султаном за чужой счет. Салим читает факс, не выходя из номера (где всегда слишком жарко и душно, поэтому прошлой ночью он открыл окно, и теперь здесь слишком холодно), а потом сидит с выражением глубочайшего страдания на лице.

Теперь Салим идет в деловой центр города. Он так сжимает в руках свой чемодан, будто там лежат не образцы, а рубины с бриллиантами. Квартал за кварталом он продирается сквозь холод, пока наконец на углу Бродвея и 19-й стрит не упирается в приземистое здание, на нижнем этаже которого расположился гастроном. Он поднимается по лестнице на четвертый этаж, в офис «Панглобал импортс».

Офис убогий, но Салим знает, что «Панглобал» сбывает на американском рынке почти половину безделушек и сувениров, ввозимых с Дальнего Востока. Настоящий, большой заказ от «Панглобал» мог бы окупить поездку Салима и обернуть поражение успехом, поэтому Салим сидит в приемной на неудобном деревянном стуле, покачивая на коленях чемодан с образцами, и глазеет на женщину средних лет с крашенными в дико рыжий

цвет волосами, которая сидит за конторкой и без остановки сморкается в «Клинекс». Сморкается, утирается и бросает «Клинекс» в корзину.

Салим сидит с 10:30, он пришел за полчаса до назначенной встречи. Его кидает то в жар, то в дрожь, и ему даже кажется, что у него начинается лихорадка. Время еле ползет.

Салим смотрит на часы. Потом прокашливается.

Женщина за конторкой меряет его взглядом.

— Да? — говорит она. Но выходит у нее «*га*».

— Уже без двадцати пяти двенадцать, — говорит Салим.

Женщина переводит взгляд на часы.

— Га, — говорит она, — даг и ездь.

— У меня на одиннадцать была назначена встреча, — говорит Салим с заискивающей улыбкой.

— Мистер Блэндинг знает, что вы здесь, — недовольно говорит женщина. («Бизтер Блэддигг здает, ждо вы здезь».)

Салим берет со столика старый номер «Нью-Йорк пост». Читает он по-английски хуже, чем говорит, поэтому сквозь текст ему приходится продираться, будто он не читает, а разгадывает кроссворд. Он ждет: переводит взгляд с наруч-

ных часов на газету, потом с газеты на часы в приемной. Пухлый юноша с глазами обиженного щенка.

В двенадцать тридцать из кабинета выходят несколько мужчин. Они громко разговаривают, долдоня что-то на своем американском. Один из них, здоровый и пузатый, держит во рту нераскуренную сигару. Выходя из кабинета, он бросает на Салима быстрый взгляд. Женщине за конторкой он советует принимать лимонный сок и цинк — его сестра очень рекомендует цинк и витамин С. Женщина обещает следовать совету и протягивает ему несколько конвертов. Он кладет конверты в карман, а потом, вместе с остальными, выходит в коридор. На лестнице смех смолкает.

Ровно час. Женщина за конторкой открывает ящик, вынимает коричневый бумажный пакет и достает из него несколько сэндвичей, яблоко и «Милки Вэй», а следом — пластиковую бутылочку свежевыжатого апельсинового сока.

— Простите, — говорит Салим, — не могли бы вы позвонить мистеру Блэндингу и сказать, что я все еще жду?

Она поднимает глаза с таким выражением, словно не ожидала его здесь увидеть — будто бы они не сидели в пяти футах друг от друга в

течение последних двух с половиной часов.

— У него обеденный перерыв, — говорит она. — *У дего обедеддый берерыв*.

Салим знает, просто нутром чует, что мужик с незажженной сигарой и был Блэндинг.

— А когда он вернется?

Она пожимает плечами, откусывает сэндвич.

— У него весь день расписан, — говорит она. — *У дего безь день разбизан*.

— Он примет меня, когда вернется? — спрашивает Салим.

Она пожимает плечами и сморкается.

Салим хочет есть, чем дальше тем больше, он чувствует себя обманутым и обессиленным.

В три часа женщина бросает на него взгляд и говорит:

— Од де бердёцца.

— Что, простите?

— Бизтер Блэддигг. Од зегодня бодьше де бердёцца.

— Я могу назначить встречу на завтра?

Она утирает нос.

— Бам дуждо базбанидь. Бзтречи даздачаюца долько ба тедефоду.

— Понятно, — говорит Салим. И улыбается: в Америке, твердил ему Фуад там, в Маскате, прода-

вец без улыбки все равно что без одежды. — Тогда я завтра позвоню.

Он берет чемодан с образцами и спускается по длинной лестнице на улицу, где вместо холодного дождя начинает идти мокрый снег. Оценив перспективу долгого возвращения в гостиницу на 46-й стрит, по холоду, с тяжелым чемоданом, он подходит к краю тротуара и машет рукой приближающимся такси, не обращая внимания на то, горит на крыше лампочка или нет, но все они проезжают мимо.

Одно такси даже прибавляет скорость; колесо попадает в выбоину и грязная ледяная вода брызжет Салиму на пальто и брюки. На одно мгновение он задумывается, не броситься ли ему под колеса какого-нибудь большого автомобиля, но решает, что зять сильнее расстроится из-за чемодана с образцами, чем из-за него самого, и что горевать о нем будет только любимая сестра, жена Фуада (для отца с матерью он всегда был обузой, а его романтические увлечения были по необходимости недолгими и относительно анонимными): к тому же он не уверен, что машины едут с достаточной скоростью, чтобы сбить его насмерть.

Тут возле него останавливается порядком битое

желтое такси, и Салим, радуясь, что сможет наконец прервать цепочку размышлений, залезает в машину.

Заднее сиденье заклеено серым скотчем-герметиком; на полуопущенной плексигласовой перегородке висят объявления, одно предупреждает о запрете курить в салоне, другое сообщает о стоимости проезда до аэропортов. Какая-то знаменитость, о которой он даже не слышал, записанным на пленку голосом напоминает ему о необходимости пристегнуть ремень безопасности.

— Отель «Парамаунт», пожалуйста, — говорит Салим.

Таксист что-то бурчит себе под нос, резко берет в сторону от обочины и встраивается в движение. Он небрит, на нем толстый серый свитер и черные пластиковые солнцезащитные очки. На улице пасмурно, сгущаются сумерки: у шофера, должно быть, проблемы со зрением, думает Салим. Дворники размазывают по стеклу уличный пейзаж: вместо четкой картинки — световые пятна и серые разводы.

Прямо перед ними, откуда ни возьмись, проскакивает грузовик, и таксист, поминая бороду пророка, шлет водителю грузовика проклятия.

Салим пытается прочесть имя на приборной панели, но не может разобрать ни буквы.

— Скажи, друг, ты давно работаешь таксистом? — спрашивает Салим на родном языке.

— Десять лет, — на том же языке отвечает водитель. — Ты откуда?

— Из Маската, — говорит Салим. — Это в Омане.

— В Омане? Я там был. Давно. Ты когда-нибудь слышал о городе Убар? — спрашивает таксист.

— Конечно слышал, — говорит Салим. — Затерянный Город Башен. Его нашли в пустыне, лет пять-десять назад, точно не помню. А ты участвовал в раскопках?

— Вроде того. Славный был город, — говорит таксист. — По ночам там обычно по три, а то и по четыре тысячи человек вставали лагерем: любой путник останавливался, чтобы отдохнуть в Убаре, и музыка там звучала, и вино лилось рекой, и река там тоже текла — поэтому и город стоял.

— Я об этом слышал, — говорит Салим. — А когда он погиб, тысячу лет назад? Или две тысячи?

Таксист не отвечает. Они останавливаются на красный свет. Когда зажигается зеленый, таксист не трогает с места, игнорируя немедленно раздающийся позади нестройный рев гудков. Салим

нерешительно просовывает руку в щель над перегородкой и тормошит водителя за плечо. Тот резко, рывком вскидывает голову, дает по газам, и они, петляя, переезжают через перекресток.

— Сукаблянах, — ругается водитель по-английски.

— Ты, должно быть, очень устал, друг, — говорит Салим.

— Да я уже часов тридцать сижу за баранкой этого Аллахом забытого такси, — говорит водитель. — Это перебор. А спал всего пять часов, и перед этим еще четырнадцать крутил баранку. Перед Рождеством с такси напряженка.

— Надеюсь, ты хотя бы прилично заработал, — говорит Салим.

— Куда там! — вздыхает водитель. — Сегодня утром вез одного мужика от Пятьдесят первой стрит до Ньюаркского аэропорта. Только мы приехали, он как выскочит — и бегом в аэропорт, больше я его не видел. Плакали мои пятьдесят долларов, да еще самому пришлось платить за обратную дорогу.

Салим кивает.

— А я сегодня без толку полдня ждал встречи с одним человеком. Зять меня ненавидит. Я уже неделю в Америке, но так ничего и не продал,

только деньги проедаю.

— А что ты продаешь?

— Дерьмо всякое, — говорит Салим. — Бессмысленные побрякушки да безделушки, сувениры для туристов. Страшное, дешевое, жуткое, никчемное дерьмо.

Таксист резко выворачивает руль вправо, что-то объезжает и снова движется по прямой. Салим удивляется, как он видит, куда ехать: в сумерки, в дождь, да еще в темных очках с толстыми стеклами.

— Дерьмо, значит, продаешь?

— Да, — говорит Салим, и его охватывает страх и ужас оттого, что он сказал правду.

— И никто не покупает?

— Нет.

— Странно. А зайдешь в магазин — все полки дерьмом завалены.

Салим нервно улыбается.

Впереди улицу перегораживает грузовик: перед ним стоит красномордый коп, кричит и размахивает руками, показывая, что объезжать нужно по соседней улице.

— Поедем другим путем, в объезд, по Восьмой авеню, — говорит таксист. Они сворачивают и оказываются в чудовищной пробке. Гудки испол-

няют какофонический концерт, но машины и не думают двигаться с места.

Водитель начинает клевать носом. Его подбородок постепенно опускается на грудь — все ниже и ниже. Он даже потихоньку всхрапывает. Салим, надеясь, что ничего плохого все-таки не случится, вновь протягивает руку и трясет его за плечо. Водитель приподнимает голову, и Салим задевает рукой его лицо, сбив солнцезащитные очки.

Водитель открывает глаза, берет очки и снова их надевает — но уже слишком поздно. Салим видел его глаза.

Машина под дождем еле ползет. Цифры на счетчике щелкают непрестанно.

— Ты убьешь меня? — спрашивает Салим.

Водитель сидит, поджав губы. Салим смотрит на него в зеркало.

— Нет, — еле слышно говорит водитель.

Машина снова останавливается. Дождь барабанит по крыше.

— Моя бабка клялась, что однажды поздно вечером видела на краю пустыни ифрита, ну или, может, марида, — начинает Салим. — Мы ей сказали, это просто ветер поднялся, маленькая песчаная буря, а она нам: нет, она видела его лицо, и в глазах у него горело пламя, как у тебя.

Водитель улыбается, но его глаза скрывают черные очки, и Салиму остается только гадать, веселая это улыбка или нет.

— Бабушки и сюда добрались, — говорит водитель.

— В Нью-Йорке много джиннов? — спрашивает Салим.

— Нет. Нас немного.

— Есть ангелы, есть люди, сотворенные Аллахом из глины, а еще есть народ огня, джинны, — говорит Салим.

— О моем народе здесь никто ничего не знает, — говорит водитель. — Люди думают, мы исполняем желания. Если бы я мог исполнять желания, как, по-твоему, крутил бы я баранку?

— Я что-то не понимаю.

У таксиста мрачный вид. Пока он говорит, Салим рассматривает его лицо через водительское зеркальце, следя за движением темных губ.

— Люди верят в то, что мы исполняем желания. А с чего они это взяли? Я отсыпаюсь в сраной каморке в Бруклине. А потом развожу на этой вот тачке всяких паршивых засранцев, у которых есть деньги, чтобы заплатить за проезд, а бывают и такие, которые не платят. Я отвожу их куда им надо, и иногда мне дают на чай. Иногда мне

даже платят. — Нижняя губа ифрита начинает дрожать. — А один кретин как-то насрал прямо на сиденье. В таком виде машину не вернешь, пришлось убирать. Счищать с сиденья непросохшее говно. Нормально, да? Как вообще до такого можно додуматься?!

Салим протягивает руку и гладит ифрита по плечу. Через шерстяной свитер он чувствует его крепкое тело. Ифрит убирает руку с руля и на секунду накрывает своей ладонью руку Салима.

Салим думает о пустыне: красные пески пыльной бурей проносятся сквозь его мысли, алые шелка шатров вокруг затерянного города Убара хлопают и бьются на ветру перед его мысленным взором.

Они выезжают на Восьмую авеню.

— У людей есть старое поверье. Нельзя мочиться в ямки и норы, ибо Пророк сказал, что в них живут джинны. Они думают, что ангелы кидают в нас пылающие звезды, если мы пытаемся подслушать их разговор. Но даже для стариков, которые приезжают в эту страну, мы — давным-давно забытое прошлое. В те далекие времена мне не приходилось водить такси.

— Я вам сочувствую, — говорит Салим.

— Плохие настали времена, — говорит иф-

рит. — Надвигается буря. И от этого становится не по себе. Я бы сделал все, лишь бы убраться отсюда подальше.

Весь оставшийся путь до гостиницы они не произносят больше ни слова.

Салим выходит из такси, протягивает ифриту двадцатидолларовую банкноту и предлагает оставить сдачу себе. Потом, неожиданно набравшись храбрости, называет ему номер своей комнаты. Ифрит молчит. На заднее сиденье к нему садится молодая женщина, и такси трогается в путь по холодному, ненастному городу.

Было шесть часов вечера. Салим все еще не ответил зятю на факс. Он вышел на улицу, купил себе на ужин кебаб и картошку-фри. Прошла только неделя со времени его прибытия в страну по имени Нью-Йорк, а он уже чувствовал, как он тут обмяк, опух и отяжелел.

Вернувшись в гостиницу, он с удивлением обнаружил в вестибюле таксиста-ифрита: тот стоял, засунув руки в карманы, и рассматривал черно-белые открытки. Увидев Салима, он смущенно улыбнулся.

— Я позвонил тебе в комнату, — сказал он, — но никто не ответил. Решил подождать.

Салим тоже улыбнулся и коснулся его руки.

— Я пришел, — сказал он.

Они зашли в лифт с тусклым зеленым светом и, держась за руки, поднялись на пятый этаж. Ифрит спросил, можно ли ему принять у Салима душ.

— Я очень грязный, — сказал он.

Салим кивнул. Он сидел на кровати, занимавшей почти половину маленькой белой комнаты, и прислушивался к звуку льющейся воды. Ботинки, носки и всю остальную одежду он снял.

Таксист вышел из душа мокрый, с обмотанным вокруг бедер полотенцем. Он был без очков, и в полутемной комнате глаза его горели алым пламенем.

Салим еле сдержал слезы:

— Я так хочу, чтобы ты увидел то, что вижу я, — сказал он.

— Я не исполняю желаний, — прошептал ифрит, сбрасывая полотенце и мягким, но уверенным жестом толкая Салима на кровать.

Спустя час или даже больше, продолжая ритмично всаживать Салиму в рот, ифрит кончил. Салим за это время кончил уже дважды. Сперма джинна, острая и странная на вкус, обожгла Салиму горло.

Он пошел в ванную и прополоскал рот, а когда

вернулся, таксист, похрапывая, мирно спал на белых простынях. Салим лег позади ифрита и крепко к нему прижался, кожей ощущая дыхание пустыни.

В полусне он вспомнил, что все еще не ответил на факс Фуада, и почувствовал себя виноватым. В глубине души он ощущал пустоту и одиночество; он положил руку на припухший член и, успокоившись, заснул.

Перед рассветом они разбудили друг друга ласками и вновь занялись любовью. В какой-то момент Салим понял, что плачет, а ифрит жгучими губами целует его влажные от слез глаза и щеки.

— Как тебя зовут? — спросил Салим.

— На водительских правах написано имя, но оно не мое, — сказал ифрит.

Потом Салим даже не смог вспомнить, когда закончился секс и начался сон.

В комнату пробралось холодное солнце — и Салим проснулся. Он был один.

Он обнаружил, что его чемодан пропал, а вместе с ним пропали все образцы, фляжки, колечки, медные сувенирные фонарики; еще у него пропали бумажник, паспорт и обратные билеты в Оман.

На полу валялись джинсы, футболка, серый шерстяной свитер, а под ними — водительские права на имя Ибрагима бин Ирема, лицензия на вождение такси на то же имя и связка ключей с прицепленным к ней клочком бумаги, на котором по-английски был написан адрес. Салим был не особенно похож на человека с фото на документах, хотя ифрит тоже был не очень-то на него похож.

Зазвонил телефон: это портье сообщил, что Салим уже расплатился и сдал номер, а его гостю необходимо в ближайшее время освободить комнату, чтобы горничные подготовили ее для следующего постояльца.

— Я не исполняю желаний, — произнес Салим, катая на языке непривычные слова.

Одевался он с чувством небывалой легкости.

Нью-Йорк устроен очень просто: авеню идут с севера на юг, улицы — с запада на восток. Разве я не справлюсь? — спрашивал он себя.

Он подбросил вверх ключи от машины и поймал их. Потом надел черные пластиковые очки, которые обнаружились в кармане джинсов, вышел из номера и пошел искать свое такси.

Глава восьмая

Он говорит, у мертвецов есть души.
Как, говорю, они же сами — души?
А он меня из транса в тот же миг.
Вот и судите сами, есть иль нету
У них чего-то окромя души.

Роберт Фрост. Две ведьмы[46]

Последняя неделя перед Рождеством в похоронных конторах обычно проходит тихо. Тень узнал об этом за ужином. Они сидели в маленьком ресторанчике, в двух кварталах от «Похоронного бюро Ибиса и Шакеля». Тень заказал себе полноценный плотный завтрак — его подавали с хашпаппиз,[47] — а рядом с ним мистер Ибис поклевывал кусочек кофейного торта. Мистер Ибис объяснил, почему под Рождество заказов бывает мало:

— Тот, кто умирает медленной смертью, старается продержаться до последнего в своей жизни

---

[46] notes: 46

Перевод В. Топорова.

[47] notes: 47

Хашпаппиз — южно-американское блюдо, жаренные во фритюре шарики из кукурузной муки.

Рождества или даже до Нового года. А для тех, кого еще не загнал в могилу очередной показ «Этой замечательной жизни»,[48] кто еще не успел ухватиться за последнюю соломинку или, так сказать, последнюю *веточку остролиста*, способную переломить хребет не верблюду в данном случае, а *северному оленю*,[49] для тех в конечном итоге и станут непосильным испытанием этот всеобщий праздник и это веселье. — В конце он издал едва заметный полуфыркающий-полухмыкающий звук, который означал, что он только что произнес прекрасно отточенную фразу, коей остался чрезвычайно доволен.

Ибис и Шакель были владельцами небольшого семейного бюро похоронных услуг, одного из немногих действительно независимых похоронных бюро в округе, по крайней мере именно так утверждал мистер Ибис.

---

[48] notes: 48

Американский фильм «It's a Wonderful Life» режиссера Фрэнка Капры (1946), действие которого происходит на Рождество. При выходе на экран фильм потерпел коммерческий провал, однако в семидесятые годы, когда авторские права на фильм перешли в публичную собственность, телевизионные каналы стали транслировать его во время рождественских праздников. Фильм стал для американцев настоящей рождественской классикой.

[49] notes: 49

Персонаж перефразирует пословицу: «Последняя соломинка ломает спину верблюда».

— На рынке услуг по большей части ценятся общенациональные бренды, — продолжал он.

Мистер Ибис не рассказывал, а разъяснял: его спокойный, убежденный лекторский тон напомнил Тени одного профессора из колледжа, который в свое время ходил тренироваться на «Силовую станцию» — тот вообще не умел нормально разговаривать, только ораторствовал, объяснял и растолковывал. Уже через несколько минут после знакомства с мистером Ибисом Тень смекнул, что в беседах с директором похоронного бюро ему заранее отведена роль слушателя.

— Я полагаю, что именно так все происходит потому, что людям просто нравится предсказуемость, нравится заранее знать, что именно они получат за свои деньги. Отсюда все эти макдональдсы, уол-марты, вулворты (последним — светлая память): торговые марки, которые завоевали всю страну. Куда бы вы ни поехали, везде одно и то же — с небольшими региональными отличиями.

Впрочем, в сфере похоронных услуг дела, в силу понятных причин, обстояли иначе. Обращаясь в провинциальную фирму с индивидуальным подходом к клиентам, вы хотите, чтобы о вас позаботились люди, имеющие призвание к своей

профессии. Когда теряете близкого человека, вы хотите, чтобы к нему и к вам проявили личное участие. Вы не желаете скорбеть на общенациональном уровне, вы хотите, чтобы это осталось вашим частным делом. Но в любой отрасли индустрии (а смерть — это тоже индустрия, не заблуждайтесь на сей счет, мой юный друг) деньги делаются на крупных операциях, оптовых закупках, централизации сделок. Неприятно, но факт. Проблема в том, что никто не хочет, чтобы их близких везли в холодильной камере в какой-нибудь большой старый переоборудованный пакгауз, где на подходе еще двадцать, тридцать, а то и все сто трупов. Нет, сэр. Родственникам приятно думать, что они обращаются в семейную фирму, где люди отнесутся к ним с уважением и при встрече на улице снимут перед ними шляпу.

Мистер Ибис носил шляпу. Шляпа сдержанного коричневого цвета прекрасно гармонировала с блейзером такого же сдержанного коричневого оттенка и сдержанным выражением на смуглом лице. На переносице у него — как птичка на ветке — сидели маленькие очки в золотой оправе. Тени он запомнился невысоким человеком, но всякий раз, когда они стояли рядом, Тень обнаруживал, что росту в мистере Ибисе было за шесть футов,

даже при том, что тот горбился, точно цапля. Сейчас Тень сидел за красным, натертым до блеска столиком напротив мистера Ибиса и вглядывался в его лицо.

— Поэтому когда большие компании захватывают рынок услуг, они покупают имя частной фирмы, оставляют на местах старых управляющих и таким образом создают иллюзию многообразия. Но это лишь верхушка надгробия. Ведь на самом деле это такая же универсальная сеть, как «Бургер Кинг». А вот мы, по соображениям личного свойства, остаемся *действительно* независимыми. Мы сами занимаемся бальзамированием, лучше нас в этой стране никто не бальзамирует, хотя об этом никто, кроме нас самих, и не знает. Правда, мы не кремируем. Будь у нас собственный крематорий, мы бы могли зарабатывать больше, но это идет вразрез с тем, в чем мы действительно преуспели. Как говорит мой партнер, если Господь наградил вас даром или талантом, вы обязаны использовать его в полную силу. Вы со мной не согласны?

— Вполне согласен, — откликнулся Тень.

— Господь дал моему партнеру власть над умершими, а меня наградил даром слова. Слово — великая вещь. Я, кстати, пишу рассказы. Я не

писатель. Просто пишу для себя. Составляю отчеты о чужих жизнях. — Он замолчал. Пока Тень сообразил, что ему следует поинтересоваться, не даст ли ему мистер Ибис почитать что-нибудь из написанного, момент был упущен. — В любом случае мы здесь — живое воплощение традиции: Ибис и Шакель держат здесь свое дело почти две сотни лет. Правда, мы не всегда были владельцами похоронного бюро. Раньше мы были просто организаторами похорон, а еще раньше — гробовщиками.

— А еще раньше?

— Ну, — не без самодовольства улыбнулся мистер Ибис, — у нас очень длинная история. Понятно, что своя ниша у нас появилась здесь только после Войны между штатами.[50] Тогда мы специализировались на похоронах местного цветного населения. До той поры никто не воспринимал нас как цветных — скорее как иноземцев, с темной кожей, экзотической внешностью, но не цветных. Потом война закончилась, и очень скоро уже никто не мог вспомнить, что было время, когда нас не считали черными. У моего партнера кожа всегда была темнее, чем моя.

---

[50] notes: 50

Гражданская война 1861–1865 годов между северными и южными штатами.

Все поменялось в один миг. По большей части ты таков, каким тебя считают. И словечко еще это дурацкое придумали: афроамериканцы. Я сразу себе представляю людей из Пунта,[51] Офира,[52] Нубии.[53] Мы никогда не считали себя африканцами — мы народ Нила.

— То есть вы египтяне, — вставил Тень.

Мистер Ибис выпятил нижнюю губу и покачал головой из стороны в сторону так, словно всерьез пытался взвесить все плюсы и минусы и рассмотреть проблему со всех возможных точек зрения. Голова у него ходила как на пружине.

— И да, и нет. Когда говорят «египтяне», я представляю себе народ, который живет там сегодня, который строит свои города на наших могилах и фундаментах наших дворцов. Разве они похожи на меня?

Тень пожал плечами. Он видел черных, которые выглядели, как мистер Ибис. Он видел

---

[51] notes: 51

Пунт — территория в Восточной Африке, известная древним египтянам. По некоторым древнеегипетским источникам — прародина египтян и колыбель египетских богов.

[52] notes: 52

Офир — страна, упоминаемая в Библии, ее географическое положение не определено.

[53] notes: 53

Нубия — историческая область в долине Нила.

почерневших от загара белых, которые выглядели, как мистер Ибис.

— Как вам кофейный торт? — спросила официантка, подливая им кофе.

— Торт просто бесподобный, — ответил мистер Ибис. — Передавайте маме привет.

— Обязательно передам, — сказала официантка и поспешно ушла.

— Невежливо интересоваться чужим здоровьем, если работаешь в похоронном бюро. Люди могут подумать, что ты выискиваешь клиентов, — вполголоса произнес мистер Ибис. — Ну что ж, пойдемте посмотрим, готова ли ваша комната.

В ночном воздухе дыхание превращалось в пар. В витринах, встречавшихся на пути, перемигивались рождественские фонарики.

— Спасибо, что приютили, — сказал Тень. — Я очень вам признателен.

— Ваш работодатель оказал нам несколько услуг, мы перед ним в долгу. А места у нас, ей-богу, предостаточно. Мы живем в большом старом доме. Раньше нас, знаете ли, было больше. А теперь мы живем втроем. Так что вы никого не потесните.

— А вы не знаете, надолго мне придется у вас

задержаться?

Мистер Ибис покачал головой.

— Он не сказал. Но мы рады приютить вас и найдем вам подходящее занятие. Если вы не брезгливы. И относитесь к покойникам с должным уважением.

— Так как же вас, ребята, занесло сюда, в Каир? — спросил Тень. — Вы тут из-за названия, что ли, обосновались?

— Вовсе нет. Вообще все названия этой местности пошли от нас, хотя люди вряд ли об этом догадываются. В былые времена тут была фактория.

— Во времена фронтира?[54]

— Можно и так сказать. *Добрый вечер, мисс Симмонс! Счастливого вам Рождества!* Люди, которые привезли меня сюда, приплыли по Миссисипи много-много веков тому назад.

Тень остановился и уставился на мистера Ибиса.

— Вы что, хотите сказать, что древние египтяне приехали сюда торговать пять тысяч лет назад?

Мистер Ибис промолчал, только громко хмыкнул в ответ. А потом сказал:

---

[54] notes: 54

Фронтир — в истории США — зона освоения новых земель.

— Три тысячи пятьсот тридцать лет назад. Плюс-минус.

— Ну ладно, — сказал Тень. — Допустим, я купился. И чем они торговали?

— Немногим, — сказал мистер Ибис. — Шкурами. Продуктами. Медью из рудников мичиганского Верхнего полуострова, как его теперь называют. Но все было напрасно. Все усилия пошли впустую. Пока жили здесь, они верили в нас, приносили нам жертвы. А потом от лихорадки скончалась последняя горстка купцов. Их похоронили, а мы остались. — Он остановился как вкопанный посреди тротуара и, раскинув руки, медленно повернулся вокруг своей оси. — Более десяти тысяч лет эта земля была настоящим Гранд-сентралом.[55] А как же Колумб, спросите вы?

— Вот-вот, — поддакнул Тень. — А как же Колумб?

— Колумб сделал то, что люди делали на протяжении тысяч и тысяч лет. Приплыл в Америку — что тут особенного? Время от времени я пишу об этом рассказы.

Они снова тронулись в путь.

---

[55] notes: 55
Гранд-сентрал — центральный вокзал в Нью-Йорке.

— Правдивые?

— В определенном смысле да, правдивые. Если хотите, могу дать вам почитать — парочку. Кто хочет видеть да узрит. Лично мне — я это говорю как подписчик «Сайентифик американ» — очень жаль специалистов, когда они откапывают очередной загадочный череп, какие-нибудь непонятно кому принадлежащие останки или когда находят статуи и артефакты, которые ставят всех в тупик: они говорят «это странно», но они никогда не скажут, что это невозможно — вот потому-то мне их и жаль, ведь то, что люди объявляют невозможным, оказывается за гранью понимания, вне зависимости от того, верно это или неверно. Вот например, нашли череп, свидетельствующий о том, что айны, коренная народность Японии, жили в Америке девять тысяч лет тому назад. Нашли еще один, который доказывает, что в Калифорнии спустя примерно две тысячи лет после айнов присутствовали полинезийцы. И сразу все кидаются ломать голову над тем, кто от кого произошел, упуская из виду самое главное. А что будет, если ученые когда-нибудь и вправду обнаружат тоннели, из которых вышли хопи, одним небесам ведомо. Вот увидите, это все поставит с ног на голову.

Вы меня спросите, добирались ли до Америки ирландцы в Средние века. Конечно добирались, и валлийцы добирались, и викинги. В это же время африканцы с Западного побережья — которое потом стали называть Невольничьим Берегом, или Берегом Слоновой Кости — торговали с Южной Америкой, а китайцы пару раз наезжали в Орегон, который они называли Фусанг. Баски двенадцать веков тому назад тайком от всех ловили рыбу у священных берегов Ньюфаундленда. Полагаю, сейчас вы мне скажете: как же так, мистер Ибис, это были примитивные народы, у них не было ни радиоуправления, ни витаминов, ни реактивных самолетов.

Тень и не думал ничего говорить, но так как от него этого ждали, сказал:

— А что, разве не так?

Под ногами стоял зимний хруст — хрустели последние мертвые опавшие листья.

— Совершенно неверно считать, что до Колумба люди не путешествовали на кораблях на большие расстояния. А ведь и Новая Зеландия, и Таити, и бесчисленные тихоокеанские острова были населены мореплавателями, которые достигли в навигации таких успехов, что могли бы его посрамить; Африка разбогатела на торговле,

хотя в основном на торговле с Востоком, с Индией и Китаем. Мы, народ Нила, давно поняли, что даже на тростниковом суденышке можно проплыть вокруг света, если запастись терпением и пресной водой. Видите ли, в то давнее время главная проблема состояла в том, что Америке нечем особенно было торговать, да и плыть сюда слишком долго.

Они подошли к большому дому в стиле, как его принято называть, королевы Анны. Кто она такая, эта королева Анна, подумал Тень, и почему она так любила дома в духе семейки Аддамс? Окна этого единственного во всем квартале здания не были наглухо заколочены досками. Они зашли в калитку и, обогнув здание, подошли к нему с тыла.

Мистер Ибис достал брелок с ключами, отпер огромную двустворчатую дверь, и они очутились в просторной нетопленой комнате, в которой находились еще два человека. Очень высокий темнокожий мужчина с большим металлическим скальпелем в руке и мертвая девушка восемнадцати-девятнадцати лет, лежавшая на длинном мраморном столе, который одновременно походил и на барную стойку, и на кухонную рабочую поверхность.

К пробковой доске, висевшей на стене прямо над телом, было приколото несколько фотографий покойницы. На одной — это был школьный портрет — она улыбалась. На другой — стояла в ряд с тремя другими девушками; они, видимо, нарядились для выпускного бала, и ее черные волосы были подобраны и переплетены на макушке в замысловатый пучок.

Теперь, когда она лежала, мертвая, на столе, ее тусклые от спекшейся крови волосы свободно падали на плечи.

— Это мой компаньон, мистер Шакель, — произнес Ибис.

— Мы уже встречались, — сказал Шакель. — Простите, что не подаю вам руки.

Тень перевел взгляд на девушку, которая лежала на столе.

— Что с ней случилось? — спросил он.

— Парня неудачно себе выбрала, — ответил Шакель.

— Не всегда это, конечно, приводит к летальному исходу, — вздохнул мистер Ибис. — На этот раз не повезло. Он был пьян и с ножом. Она ему сказала, что беременна. А он не поверил, что от него.

— И ткнул… — сказал мистер Шакель и начал считать. Он наступил ногой на кнопку, раздался

щелчок, и на соседнем столе заработал маленький диктофон, — пять раз. Три ножевых ранения в переднем левом грудном отделе. Первое между четвертым и пятым межреберным пространством, на границе левой груди, ближе к центру грудной клетки, длина раны два и две десятых сантиметра; второе и третье пришлись на шестое межреберное пространство в районе нижнего отдела грудной клетки, в середине левой груди, раны идут внахлест, каждая — по три сантиметра. С левой стороны в переднем отделе грудной клетки во втором межреберном пространстве ранение длиной два сантиметра, другое ранение длиной пять сантиметров и максимум один и шесть десятых сантиметра в глубину в передне-медиальной поверхности левой дельтовидной мышцы, рана резаная. Все повреждения грудной клетки представляют собой глубокие ножевые ранения. Больше видимых повреждений на теле нет. — Он убрал ногу с кнопки. Тень заметил маленький микрофон, который висел на шнурке прямо над столом для бальзамирования.

— Так вы еще и коронер? — спросил Тень.

— Коронер — это у нас должность государственная, — сказал Ибис. — Его обязанность — пнуть труп. Если труп не ответит ему тем же, он под-

писывает свидетельство о смерти. А Шакель, так сказать, патологоанатом. Он работает на окружного судмедэксперта. Производит вскрытие и берет ткани на анализ. Раны он уже сфотографировал.

Шакель не обращал на них внимания. Он взял большой скальпель и сделал широкий и глубокий V-образный надрез, так что линии шли от ключиц, сходясь внизу грудины; затем он превратил V в Y, сделав еще один глубокий надрез, который шел от грудины и заканчивался в районе лобковой кости. Потом он взял маленькую тяжелую хромированную дрель с круглым режущим диском на конце размером с медальон, включил ее и распилил ребра по обе стороны грудины.

Девушка раскрылась будто сумочка.

Тень тут же почувствовал легкий, но неприятно въедливый, острый мясной запах.

— Я думал, хуже будет пахнуть, — сказал Тень.

— Она еще свеженькая, — сказал Шакель. — Да и кишки целы, поэтому дерьмом не пахнет.

Тень отвернулся, но не из-за отвращения, как ожидал, а из-за странного желания предоставить девушке хоть какое-то право на личное пространство. Наверное, ничего нет на свете более обнаженного, чем вскрытое человеческое тело.

Шакель отсек кишки, лежавшие, словно клубок блестящих змей, в животе, под желудком, в глубокой тазовой полости. Пропустил их, фут за футом, между пальцами, сказал в микрофон, что они в «нормальном состоянии», и отправил в ведро на полу. Затем он откачал вакуумным насосом кровь из грудины и измерил ее объем. Потом осмотрел грудину изнутри. И записал на диктофон:

— В околосердечной сумке имеется три разрыва, заполненных свернувшейся кровью.

Он крепко зажал сердце в руке, надрезал сверху, повертел, осмотрев со всех сторон. Потом наступил ногой на кнопку и сказал:

— В сердечной мышце имеется две раны; первая размером полтора сантиметра в правом желудочке, вторая размером один и восемь десятых сантиметра в левом желудочке.

Шакель удалил легкие. Левое легкое было проткнуто и наполовину опало. Он взвесил легкие, потом сердце, потом сфотографировал раны. От каждого легкого он отрезал по кусочку и положил в банку.

— Формальдегид, — шепотом подсказал мистер Ибис.

Шакель удалил у девушки печень, желудок,

селезенку, поджелудочную железу, обе почки, матку и яичники; при этом он продолжал говорить в микрофон, комментируя все свои действия и наблюдения.

Он взвесил все органы и описал их состояние как нормальное и без повреждений. От каждого органа он отрезал по кусочку и все образцы поместил в баночки с формальдегидом.

От сердца, печени и одной почки он отрезал еще по кусочку. И пока работал, медленно, не торопясь пережевывал их.

Тени это почему-то показалось правильным: Шакель не глумился над трупом, а проявлял к нему уважение.

— Ну что, останетесь у нас погостить? — спросил Шакель, прожевывая кусочек сердца.

— Останусь, если вы не против, — сказал Тень.

— Конечно не против, — сказал мистер Ибис. — Мы только за. Пока вы здесь, вы под нашей защитой.

— Я надеюсь, вы не боитесь спать под одной крышей с мертвецами? — сказал Шакель.

Тень вспомнил о горьком и холодном поцелуе Лоры.

— Нет, — сказал он. — По крайней мере пока они не оживают.

Шакель повернулся и посмотрел на него темно-карими глазами, насмешливыми и холодными, как у дикой собаки.

— У нас не оживают, — только и сказал он.

— А по-моему, — проговорил Тень, — по-моему, мертвецы без особого труда возвращаются обратно.

— Едва ли, — встрял Ибис. — Даже зомби, знаете ли, делают из живых людей. Посыпал порошком, заговорил, и все дела: зомби готов. Они думают, что мертвы, а на самом деле живы. А вот чтобы действительно вернуть мертвеца к жизни, в его тело… Тут нужна сила. — Он замолчал, а потом добавил: — В былые времена, на старой родине, все было проще.

— Тогда можно было привязать *ка*[56] человека к его телу на пять тысяч лет, — сказал Шакель. — Привязать или отпустить. Давно это было.

Он взял удаленные органы и заботливо сложил их обратно в тело. Вернул на место кишки, закрыл грудину и стянул края кожи. Потом взял толстую иголку с ниткой и быстрыми, ловкими движениями, будто сшивал бейсбольный мяч, зашил труп: и мясо снова превратилось в девушку.

---

[56] notes: 56

Ка в религии древних египтян — олицетворенная жизненная сила, считавшаяся божественной.

— Пивка бы, — сказал Шакель. Он стянул резиновые перчатки и бросил их в мусорное ведро, темно-коричневый халат кинул в корзину. Потом взял картонную коробку со склянками, в которых бултыхались маленькие красные, коричневые и багровые кусочки органов. — Вы идете?

Они поднялись по задней лестнице на кухню. Кухня была выдержана в коричнево-белых тонах, неброская и респектабельная обстановка образца 1920 года, решил Тень. У одной стены стоял огромный дребезжащий «Кельвинатор».[57] Шакель открыл дверцу «Кельвинатора», поставил в него склянки с кусочками селезенки, почек, печени и сердца и достал три коричневые бутылки. Ибис открыл стеклянную дверцу буфета и взял три высоких стакана. А потом жестом пригласил Тень сесть за стол.

Ибис налил пива и протянул один стакан Тени, другой — Шакелю. Пиво было замечательное, темное и горькое.

— Хорошее пиво, — сказал Тень.

— Мы сами варим, — сказал Ибис. — В былые времена пиво варили женщины. У них это полу-

---

[57] notes: 57

«Кельвинатор» — холодильник производства одноименной компании, основанной в США в 1914 году и названной в честь физика Уильяма Томсона, лорда Кельвина.

чалось лучше, чем у нас. А теперь нас только трое. Я, он и она. — Он показал на маленькую бурую кошку, которая крепко спала в своей кошачьей корзинке в углу комнаты. — Вначале нас было больше. А потом Сет нас бросил и ушел странствовать, лет двести, кажется, тому назад. Точно, не меньше. Мы получили от него открытку из Сан-Франциско в тысяча девятьсот пятом — девятьсот шестом. С тех пор — ничего, тишина. А бедняга Гор… — он замолк со вздохом и покачал головой.

— Я его вижу время от времени, — сказал Шакель. — По дороге к клиентам. — Он отхлебнул пива.

— Я отработаю за свое проживание, — сказал Тень, — пока я тут. Скажите, что делать, я сделаю.

— Мы подыщем вам занятие, — согласился Шакель.

Маленькая бурая кошка открыла глаза, встала и потянулась. Она неслышно прошла через кухню и потерлась головой о ботинок Тени. Тень опустил руку и погладил ее по голове, почесал за ушами и у загривка. Она выгнулась от удовольствия, а потом, запрыгнув к нему на колени, встала передними лапами ему на грудь и дотянулась своим холодным носиком до его носа. После

чего свернулась калачиком у него на коленях и заснула. Он погладил ее: такая мягкая шерсть, так тепло и приятно держать ее на коленях; кошка всем своим видом давала понять, что оказалась в самом безопасном месте на свете, и Тень это успокаивало.

От пива голова у него приятно гудела.

— Ваша комната на самом верху, рядом с ванной, — сказал Шакель. — Рабочий костюм висит в шкафу, там увидите. Наверное, вам сначала захочется помыться и побриться.

Как раз этого Тени и хотелось. Он принял душ, стоя в чугунной ванне, побрился — сильно нервничая с непривычки — опасной бритвой, которую одолжил ему Шакель. Бритва была с перламутровой ручкой, жутко острая. Тень подозревал, что обычно ею сбривали покойникам последнюю щетину. Он в жизни не пользовался опасной бритвой, но все-таки умудрился не порезаться. Смыв крем для бритья, он посмотрел на свое голое отражение в засиженном мухами зеркале. Весь в синяках: на груди и руках поверх заживающих синяков, которые поставил ему Бешеный Суини, расцветали свежие. Отражение смотрело на него с недоверием.

Вдруг — так, словно чья-то чужая воля перехва-

тила контроль и принялась направлять его руку, он приставил опасную бритву лезвием к горлу.

Можно ведь прямо сейчас со всем покончить, подумал он. В два счета. А те два парня, что сидят внизу на кухне и пьют пиво, даже глазом не моргнут, просто подотрут лужу и все уладят. И нет тебе больше никаких неприятностей. И нет тебе больше никакой Лоры. Никаких загадок и сговоров. Никаких кошмаров. Мир, покой и тишина до скончания веков. Один аккуратный порез, от уха до уха. И все дела.

Он стоял, приставив бритву к горлу. Там, где лезвие касалось кожи, выступила крошечная капелька крови. Он даже не заметил, как порезался. *Вот видишь*, — сказал он, и ему показалось, будто он сам себе нашептывает это на ухо. — *Совсем не больно. Лезвие такое острое, что ты ничего не почувствуешь. Умрешь и не заметишь.*

Тут дверь приоткрылась, всего на несколько дюймов, и в ванную заглянула маленькая бурая кошка.

— Мурр? — полюбопытствовала она.

— Вот так так! — сказал он кошке. — А я-то думал, что запер дверь.

Он сложил убийственно острую бритву, положил сбоку от раковины, промокнул кусочком

туалетной бумаги крошечный порез. Потом обернул вокруг пояса полотенце и пошел в спальню.

Спальня, как и кухня, тоже, по всей видимости, была обставлена в 20-е годы: возле умывального столика с кувшином стояли комод и зеркало. На кровати кто-то успел разложить для него одежду: черный костюм, белую рубашку, черный галстук, белую майку, трусы и черные носки. Рядом с кроватью на потертом персидском ковре стояли черные ботинки.

Он оделся. Одежда была не новая, но добротно сшитая. Интересно, кому она раньше принадлежала. Вдруг на нем носки какого-нибудь покойника? Может, он влезает в шкуру мертвеца? Он встал перед зеркалом, чтобы поправить галстук, и ему показалось, что отражение улыбается ему язвительно.

Теперь он уже не понимал, как ему вообще могла прийти в голову мысль перерезать себе горло. Он поправлял галстук, а отражение продолжало улыбаться.

— Ну! — сказал он ему. — И что ты мне хочешь сказать? — и тут же почувствовал себя до крайности глупо.

Дверь со скрипом открылась, в проем проскользнула кошка, бесшумно пробежала по

комнате и запрыгнула на подоконник.

— Вот тебе раз! — сказал он кошке. — Я же запер дверь! Я точно помню, я ее запер!

Она заинтересованно на него посмотрела. Глаза у нее были цвета янтаря — темно-желтые. Спрыгнув с подоконника на кровать, она свернулась калачиком и заснула — круглый комочек шерсти на старом стеганом покрывале.

Тень вышел из комнаты и спустился вниз. Дверь в спальню он закрывать не стал: кошка в любой момент сможет уйти, да и комната немного проветрится. Ступеньки скрипели и ныли под ногами, возмущаясь непомерной тяжестью его тела, так, словно им хотелось, чтобы их оставили в покое.

— *Чертовски* классно выглядите! — сказал Шакель. Он поджидал Тень внизу, у подножия лестницы. Сам он тоже переоделся, в такой же черный костюм. — Вы катафалк когда-нибудь водили?

— Нет.

— Ну, так все когда-нибудь бывает в первый раз, — сказал Шакель. — Он припаркован перед домом.

Умерла пожилая женщина. Ее звали Лайла Гудчайлд. Шакель велел Тени втащить складную

алюминиевую каталку по узкой лестнице наверх, в спальню, и разложить рядом с кроватью. Он достал голубой полупрозрачный пластиковый мешок для трупа, положил на кровати возле мертвой женщины и расстегнул на нем молнию. На ней были розовая ночная рубашка и стеганый халат. Тень приподнял женщину, завернул, хрупкую и почти невесомую, в одеяло и уложил в мешок. Застегнул мешок и переложил на каталку. Пока он этим занимался, Шакель разговаривал со стариком, который, когда Лайла Гудчайлд была жива, приходился ей мужем. Вернее будет сказать, Шакель слушал, а старик говорил. Когда Тень, убрав миссис Гудчайлд в мешок, стал застегивать молнию, старик рассказывал, какие у него неблагодарные дети, да и внуки тоже, пусть в этом и нет их вины, и виноваты во всем родители, ведь яблоко от яблони недалеко падает, а он-то думал, что воспитал их людьми.

Тень и Шакель спустили нагруженную каталку по узкому лестничному пролету. Старик шел следом, не переставая гундеть, в основном о деньгах, о человеческой жадности и неблагодарности. На ногах у него были тапочки. Когда они спускались и выносили на улицу каталку, Тень держал ее за более тяжелый передний край, а потом покатил

по обледенелому тротуару к катафалку. Шакель открыл заднюю дверцу. Тень остановился в нерешительности, и Шакель сказал: «Просто толкай ее. Она сама сложится по ходу». Тень толкнул каталку: ножки подогнулись, колеса завертелись, и каталка въехала в катафалк. Шакель показал Тени, как надежно ее закрепить, и пока Тень закрывал катафалк, Шакель выслушивал старика, который был женат на Лайле Гудчайлд, старика, который, не обращая внимания на холод, стоял в тапочках и халате зимой посреди тротуара и жаловался на то, какие его дети стервятники, самые натуральные стервятники, что они только и ждут, чтобы наброситься на добро, которое они с Лайлой, бедные-несчастные, копили долгие годы, и что им с Лайлой пришлось бежать, сначала в Сент-Луис, потом в Мемфис, потом в Майами, и только в Каире они наконец перевели дух, и какое это для него облегчение, что Лайла умерла не в доме престарелых, и как он боится, что это ждет его самого.

Они отвели старика обратно в дом, поднялись с ним по лестнице в спальню. В углу бубнил маленький телевизор. Проходя мимо, Тень заметил, что диктор ухмыляется и подмигивает ему. Убедившись, что никто на него не смотрит, Тень

показал диктору средний палец.

— У них нет денег, — сказал Шакель, когда они вернулись обратно в катафалк. — Завтра старик зайдет к мистеру Ибису. Похороны будут самые дешевые. Думаю, друзья убедят его сделать все честь по чести, устроить ей проводы в гостиной, как подобает. А он будет плакаться: нет денег. А у кого в наши дни есть деньги? Как бы то ни было, он сам умрет через шесть месяцев. Максимум через год.

В свете фар косо падали снежинки. Снегопад двигался на юг.

— Он болен? — спросил Тень.

— Не в этом дело. Жены переживают мужей. А мужья — такие, как он, — как правило, недолго умудряются протянуть после смерти жены. Вот увидите, он просто начнет ходить из угла в угол, все, к чему он привык, уйдет вместе с ней. Он измучается, ослабнет, а потом просто сдастся и умрет. Может, от пневмонии, а может, и от рака, а может, просто сердце остановится. Годы берут свое, и у тебя уже нет сил бороться. А потом ты просто умираешь.

Тень задумался.

— Шакель!

— Да?

— Вы верите, что у человека есть душа? — На самом деле он собирался задать совсем другой вопрос и сам себе удивился, когда услышал, что сорвалось с языка. Он хотел выразиться менее прямолинейно, но ничего менее прямолинейного придумать не смог.

— Как сказать. Было такое время, на моей памяти, когда все было отлажено. Ты умирал и, когда подходила твоя очередь, держал ответ за все свои добрые и злые дела, и если злые дела перевешивали перышко, мы скармливали те душу и сердце Аммету, Пожирателю Душ.

— Много людей он, должно быть, сожрал.

— Не так много, как можно подумать. Перышко было очень тяжелое. Мы специально такое сделали. Нужно было быть отъявленным негодяем, чтобы твоя душа перевесила ту пушинку. Притормозите здесь, у заправки. Зальем пару галлонов.

На улицах было тихо — так тихо бывает только когда падает первый снег.

— Будет белое Рождество,[58] — сказал Тень, заливая в бак бензин.

---

[58] notes: 58

«Белое Рождество» — популярная рождественская песня, которая была написана специально для фильма «Холидэй Инн» («Holiday Inn», 1942). Рождество называется «белым», если в этот день на улицах лежит снег.

— Да. Вот ведь, блин, везучий сын у девственницы родился.

— Иисус?

— Счастливчик, одно слово! Даже из помойной ямы он вышел бы благоухающим, как розочка. А ведь это, черт возьми, даже не его день рождения, вы в курсе? Это день рождения Митры, а он взял его и присвоил. Уже сталкивались с Митрой? Амбал такой, с военной выправкой. Славный малый.

— Нет, не сталкивался.

— Ну… Я в этих краях вообще Митру не встречал ни разу. Он человек военный. Может, вернулся обратно на Ближний Восток и забил на все, хотя, вполне вероятно, его больше с нами нет. Такое тоже случается. Сегодня каждый воин империи должен искупаться в крови быка, принесенного тебе в жертву. А завтра никто уже не помнит о дне твоего рождения.

По ветровому стеклу с шуршанием ходили дворники, раздвигая снег по сторонам, сбивая снежинки в прозрачную ледяную комковатую массу.

Тут внезапно светофор загорелся желтым, а потом красным. Тень нажал на тормоз. Катафалк пошел юзом, развернулся на пустой дороге и

только потом остановился.

Зажегся зеленый. Тень повел катафалк со скоростью десять миль в час — быстрее по скользкой дороге ехать было опасно. Идеальная скорость для путешествия на катафалке; катафалк, должно быть, частенько ездит на второй передаче, создавая на дорогах пробки, подумал Тень.

— Вот так в самый раз, — сказал Шакель. — Ну и вот, Иисус, конечно, много добра сделал. Мне, правда, один парень как-то сказал, что видел его в Афганистане, он стоял на обочине и голосовал, и никто не остановился, чтобы его подбросить. Представляете? Все зависит от того, где ты находишься.

— Кажется, надвигается настоящая буря, — сказал Тень. Он имел в виду погоду.

Но Шакель, решив в конце концов отреагировать на замечание Тени, заговорил не о погоде.

— Возьмите, к примеру, нас с Ибисом, — сказал он. — Через несколько лет дело наше накроется. У нас были сбережения на черный день, но черный день затянулся на годы и с каждым годом становится все чернее и чернее. У Гора на хрен сорвало крышу, совсем помешался парень, проводит все время в обличье ястреба, жрет зверье, которое сбивают машины — разве это жизнь?

Баст вы видели. *Мы* по сравнению с остальными еще в хорошей форме. По крайней мере, у нас еще осталась какая-то вера, чтобы держаться на плаву. А слабаки по большей части и ее растеряли. Это как в похоронном бизнесе: нравится тебе или нет, крутые ребята в один прекрасный день все равно тебя схавают, потому что они круче и расторопнее, и потому что они *вкалывают*. Бейся, не бейся — ни хрена не поменяется, потому что мы свою битву проиграли сто, тысячу, десять тысяч лет тому назад, когда перебрались в эту зеленую страну. Мы пришли, а Америке на это начхать. Купили нас, или мы дальше вкалываем, или удочки сматываем — без разницы. Так что, да, вы правы. Будет буря.

Тень свернул на вымершую улицу, где во всех домах, за одним исключением, были наглухо заколочены окна.

— Заезжайте с заднего двора, — сказал Шакель.

Тень подогнал катафалк задом к черному ходу, встав почти вплотную к дверям. Ибис открыл катафалк и дверь морга, а Тень отвязал каталку и вытолкнул ее наружу. Перескочив через бампер, колеса завертелись и опустились на землю. Тень покатил каталку к столу для бальзамирования.

Он поднял завернутую в непроницаемый мешок Лайлу Гудчайлд и, бережно обняв ее, как спящего ребенка, аккуратно, точно боясь разбудить, переложил на стол холодного морга.

— Знаете, у меня есть специальное переносное устройство, — сказал Шакель. — Вам не обязательно было переносить ее на руках.

— Да ладно, — в тон Шакелю ответил Тень. — Я крепкий парень. Мне не трудно.

Ребенком Тень был мелковат для своего возраста, кожа да кости. На единственной детской фотографии Тени, которая нравилась Лоре настолько, что она вставила ее в рамку, был запечатлен серьезный темноглазый мальчик с непослушными волосами, он стоял у стола, на котором горой лежали печенья и пирожные. Тень полагал, что снимок был сделан на рождественском празднике в посольстве, так как одет он был в свой лучший костюмчик с галстуком-бабочкой.

Они с матерью все время переезжали, сначала колесили по Европе, из одного посольства в другое: мать работала радисткой в отделе дипломатической службы, шифровала и рассылала секретные телеграммы по всему миру. А потом, когда ему исполнилось восемь, они вернулись обратно в Штаты, но матери, из-за участившихся

приступов болезни, было сложно удержаться на постоянной работе, поэтому они и здесь без конца переезжали из города в город, жили по году то здесь, то там, а мать, пока позволяло здоровье, перебивалась случайными заработками. Они никогда нигде не задерживались подолгу, так что Тень не успевал ни завести друзей, ни почувствовать себя дома, ни просто расслабиться. Неудивительно, что он был таким мелким…

Вымахал он быстро. Была весна, ему шел тринадцатый год. Местные мальчишки дразнили его, втягивали в драки, зная, что победа все равно за ними. Тень, задыхаясь от злости и нередко глотая слезы, бежал в туалет, чтобы смыть с лица грязь или кровь, пока никто не видит. А потом пришло лето, долгое, волшебное тринадцатое в его жизни лето, которое он провел в местном бассейне, плавал и читал библиотечные книжки, и старался избегать встреч с более крепкими мальчишками. В начале лета он едва мог держаться на воде. А в конце августа уже плавал саженками на приличные расстояния, прыгал с высокого трамплина, а его кожа, закаленная водой и солнцем, приобрела темно-коричневый оттенок. Когда в сентябре вернулся в школу, он обнаружил, что мальчишки, от которых столько

натерпелся, были мелкими и хлипкими и уже не могли причинить ему вреда. Двое из них взялись было за старое, но Тень, преподав им жестокий и безжалостный урок, быстро научил их хорошим манерам. Тут он понял, как сильно изменился: он больше не был тихим мальчиком, который изо всех сил старался затеряться в толпе. Для этого он стал слишком большим, слишком заметным. К концу года он оказался в команде по плаванию и в команде по тяжелой атлетике, а тренер еще и уговаривал его записаться в команду по триатлону. Ему нравилось быть большим и сильным. Это выделяло его среди других. Раньше он был тихим, робким книжным мальчиком — и за это ему доставалось; теперь он стал не слишком быстро соображающим верзилой, и все решили, что самое большее, на что он способен, — передвинуть из комнаты в комнату диван.

Все, кроме Лоры.

Мистер Ибис приготовил ужин для себя и мистера Шакеля: рис и вареные зеленые овощи.

— Я мяса не ем, — объяснил он. — А мистеру Шакелю хватает того, что он съедает во время работы.

Рядом с Тенью стояла коробка с кусочками

курицы из «Кей-Эф-Си»[59] и бутылка пива.

Всей порции Тень не осилил, поэтому остатками щедро поделился с кошкой, сняв с кусочков кожу и жесткую корочку и разделив мясо на волокна.

— Сидел со мной в тюрьме один парень, Джексон, — сказал Тень, разделываясь с курицей, — работал в тюремной библиотеке. Он мне сказал, что название «Кентукки Фрайд Чикен», «Жареная Кентуккская Курица» поменяли на «Кей-Эф-Си» потому, что настоящую курицу там больше не готовят. Это не курица, а генетически модифицированный мутант, типа гигантской многоножки, — одни сплошные окорочка, грудки да крылышки, башки нет. И кормят ее через трубочку. Он сказал, что правительство просто-напросто запретило им использовать слово «курица».

Мистер Ибис поднял брови:

— Вы думаете, это правда?

— Да нет. Ловкий, мой бывший сокамерник, вот он говорил, что название изменили потому, что

---

[59] notes: 59

«Кей-Эф-Си» («Kentucky Fried Chicken»), «Кентукки Фрайд Чикен» — сеть кафе фастфуд. В меню входит курица, жаренная в сухарях по запатентованному рецепту.

слово «жареный»[60] приобрело плохой смысл. Может, они хотели, чтобы люди думали, будто курица сама себя сготовила.

После ужина Шакель откланялся и спустился в морг. Ибис ушел в свой кабинет и засел за писательский труд. Тень еще какое-то время посидел на кухне, скармливая маленькой бурой кошке кусочки куриной грудки и потягивая пиво. Когда и пиво и курица закончились, он помыл тарелки и столовые приборы, положил их на подставку сушиться и поднялся наверх.

Зайдя в спальню, он обнаружил, что кошка уже спит в изножье кровати, свернувшись полумесяцем. В среднем ящике туалетного столика нашлось несколько комплектов полосатых пижам. Пижамы были семидесятилетней давности, но пахли чистотой и свежестью, и Тень надел одну из них — как и черный костюм, она сидела так, словно была сшита специально для него.

На столике рядом с кроватью лежала небольшая стопка «Ридерз дайджест»: ни одного номера позже марта 1960 года. Джексон, тот самый парень из библиотеки, уверявший его, будто история про Жареную Кентуккскую Курицу-му-

---

[60] notes: 60
На сленге «жарить» — отправлять на электрический стул.

танта — сущая правда, и рассказавший ему про черные товарняки, в которых правительство под покровом ночи возит через всю страну в Засекреченные Концлагеря Северной Калифорнии политзаключенных, — этот самый Джексон говорил ему, что ЦРУ использует «Ридерз дайджест» как прикрытие для своих подразделений, разбросанных по всему миру. Если в стране есть офис «Ридерз дайджест», утверждал он, это полюбому ЦРУ.

— Чушь. — Тень воспроизвел в памяти слова ныне покойного мистера Лесса. — Кто тогда даст гарантии, что ЦРУ не было замешано в убийстве Кеннеди?

Он на несколько дюймов приоткрыл окно — так, чтобы и комната проветрилась, и кошка смогла выйти на балкон.

Он включил ночник, забрался в постель и, чтобы отключить сознание, выкинуть из головы события последних дней, решил немного почитать. Проглядывая зануднейшие статьи в зануднейшем «Дайджесте», он почувствовал, что засыпает на середине «Я — поджелудочная железа Джо». Едва он успел выключить ночник и опустить голову на подушку, как тут же уснул.

Позже он так и не смог восстановить этот сон

во всех его подробностях и во всей последовательности событий: попытки вспомнить точно, как развивался сюжет, ни к чему не привели — в сознании остался лишь клубок смутных образов. Во сне была женщина. Они где-то повстречались и теперь шли по мосту через маленькое озеро в центре городка. Ветер ерошил поверхность озера, раздувая небольшие волны с белыми гребешками, и эти волны казались Тени маленькими детскими ручонками, которые тянутся к нему из воды.

— *Там, внизу*, — сказала женщина.

На ней была леопардовая юбка, которая хлопала и развевалась на ветру, обнажая сочную и гладкую плоть между чулками и юбкой, и Тень, там, во сне, на мосту, перед лицом Господа и перед всем миром, опустился на колени и погрузился лицом в ее промежность, упиваясь пьянящим, диким женским ароматом. Во сне он осознал, что в реальности у него — настоящая эрекция, его член напрягся, налился, чудовищно вырос, и эта каменная твердость была такой же болезненной, как юношеские эрекции в период стремительного полового созревания.

Он поднял голову и посмотрел наверх: он по-прежнему не мог разглядеть ее лица. Он отыскал

губами ее губы и стал упиваться их нежностью, положил ладони ей на грудь, а потом заскользил по гладкой атласной коже, раздвигая меха, окутавшие талию, пробираясь внутрь, запуская руку в чудесную расщелину, которая разгорячилась, увлажнилась и раскрылась ему навстречу, как цветок.

Женщина исступленно заурчала, протянула руку вниз и сжала его напрягшийся член. Он отшвырнул простыни, перекатился на нее и раздвинул ей бедра, а она направила его рукой к себе, а потом одним толчком, одним волшебным движением…

И вот он уже целует ее взасос в своей бывшей тюремной камере. Она крепко обвила его руками, обхватила ногами его ноги, чтобы он не смог выйти из нее, даже если бы захотел.

Он никогда не целовал губ нежнее, чем эти. Он даже не мог себе представить, что на свете могут быть такие нежные губы. Вот только язык, скользивший по его языку, был шершавым, как наждачная бумага.

— *Кто ты*? — спросил он.

Она не ответила, только толкнула его на спину, оседлала одним гибким движением и поехала на нем верхом. И даже не поехала, а стала на-

плывать на него нежно-шелковым прибоем, с каждым заходом бьющим все мощнее и мощнее; ритмичные толчки и удары, будто ветровые волны, разбивавшиеся о берег озера, сотрясали его разум и тело. Острыми как иглы ногтями она полосовала ему бока, но он испытывал не боль, а удовольствие, какая-то алхимическая реакция превращала всё в мгновения наивысшего наслаждения.

Он изо всех сил пытался прийти в себя, пытался заговорить, но в его голове над песчаными дюнами гуляли ветра пустыни.

— *Кто ты*? — снова спросил он, с трудом произнося слова.

Она посмотрела на него глазами цвета темного янтаря, потом приблизилась губами к его губам и страстно поцеловала его, поцеловала так всеобъемлюще и так глубоко, что там, на мосту над озером, в тюремной камере, в постели похоронной конторы Каира, он едва не кончил. Он оседлал наслаждение, точно воздушный змей, оседлавший ураган. Лишь бы не достичь предела, лишь бы не взорваться, лишь бы это никогда не кончалось. Он совладал с собой. Нужно ее предупредить.

— *Она тебя убьет. Лора, моя жена.*

— *Только не меня*, — отозвалась она.

Из глубины сознания, откуда ни возьмись, всплыла какая-то бредятина: в Средневековье считалось, что если во время совокупления женщина сверху, она должна зачать епископа. Так тогда и говорили: заделать епископа…

Он хотел узнать, как ее зовут, но заговорить с ней в третий раз так и не решился. Она прижалась грудью к его груди, так что он почувствовал ее затвердевшие соски. Она каким-то образом сжимала его, сжимала его *там, внизу*, глубоко внутри себя, и на этот раз он не смог оседлать волну наслаждения и взобраться на гребень, на этот раз волна сама подхватила его, закрутила и откинула прочь, и он, изгибаясь, проталкивался в нее, входя настолько глубоко, насколько вообще хватало воображения, будто они были половинками единого существа, которое наслаждалось, упивалось, обладало, *желало*…

— *Кончай*, — зарычала она гортанным кошачьим голосом. — *Спускай в меня. Кончай.*

И он кончил, содрогаясь и растворяясь всем телом в наслаждении, и сознание его плыло. Потом он медленно, понемногу начал приходить в себя.

Наконец в какой-то момент он вздохнул и почувствовал, как глоток свежего воздуха раз-

ливается по легким, и понял, что очень долго задерживал дыхание. Года три по меньшей мере. А может и больше.

— *А теперь отдыхай,* — сказала она и коснулась нежными губами его век. — *Не думай. Не думай ни о чем.*

После этого Тень нырнул и погрузился в глубокий, безмятежный сон, и ему ничего не приснилось.

Освещение было какое-то странное. Он посмотрел на часы: 6:45 утра. Комнату пронизывал бледно-голубой тусклый свет, хотя на улице было еще темно. Он выбрался из постели. Он точно помнил, что когда ложился спать, на нем была пижама, а теперь он был голый, и ему было холодно. Он подошел к окну и закрыл его.

Ночью была метель: снегу выпало дюймов шесть, если не больше. Грязный и полуразрушенный район города, который Тень мог наблюдать из окна, преобразился — стал чистым и непохожим на себя: покинутые и заброшенные дома были изысканно припорошены снегом. Стертые с лица земли улицы затерялись где-то под белым снежным полем.

Где-то на периферии сознания промелькнула смутная мысль — о *мимолетности* бытия. Вс-

пыхнула и тут же потухла.

Он видел все так же ясно, как при свете дня.

Посмотрев в зеркало, Тень заметил что-то странное. Он подошел ближе и стал озадаченно себя разглядывать. Все синяки исчезли. Он потрогал себя за ребра, надавил посильнее пальцами, пытаясь прощупать больные места, память о встрече с мистером Каменом и мистером Лессом, отыскать свежие расцветающие синяки, которыми его наградил Бешеный Суини, но ничего не обнаружил. Лицо было чистым, без единой царапины. Вот только бока и спина (он повернулся, чтобы проверить) были как будто расцарапаны когтями.

Значит, ему не приснилось. По крайней мере не все.

Тень порылся в ящиках комода и надел что нашел: старомодные голубые ливайсовские джинсы, рубашку, толстый синий свитер и черный плащ гробовщика, который висел в шкафу в дальнем углу комнаты.

Обулся он в свои старые ботинки.

В доме все спали. Он прокрался к выходу, стараясь не скрипеть половицами, вышел на улицу и зашагал по снегу, оставляя на тротуаре глубокие следы. На улице было светлее, чем казалось из

дома, снег отражал солнечный свет.

Через пятнадцать минут ходьбы Тень подошел к мосту. Большой указатель сбоку оповещал, что он покидает историческую часть Кейро. Под мостом стоял высокий, нескладный человек. Он затягивался сигаретой и все время дрожал. Тени показалось, что он его знает.

Тень зашел под мост и, подойдя к нему ближе, разглядел в сумрачном зимнем свете фиолетовые синяки вокруг его глаз.

— Доброе утро, Бешеный Суини, — поприветствовал его Тень.

Мир вокруг замер. Даже машины не нарушали снежную тишину.

— Здорово, приятель, — не поднимая взгляда, отозвался Бешеный Суини. Он курил самокрутку.

— Будешь околачиваться под мостом, Бешеный Суини, — сказал Тень, — люди решат, что ты тролль.

Тут Бешеный Суини поднял глаза. Зрачки расширились так, что заполнили всю радужную оболочку. Суини был напуган.

— Я тебя искал, — сказал он. — Ты должен мне помочь, приятель. Я просрал свой звездный час.

Он затянулся, вынул самокрутку изо рта.

Папиросная бумага прилипла к нижней губе, самокрутка развалилась, и содержимое посыпалось на его рыжую бороду и заляпанную майку. Бешеный Суини стал судорожно отряхиваться немытыми руками, точно пытаясь скинуть с себя опасное насекомое.

— Я сам сейчас не в лучшем положении, Бешеный Суини, — сказал Тень. — Скажи, чего ты хочешь. Может, кофе тебя напоить?

Бешеный Суини покачал головой. Он вынул из кармана джинсовой куртки кисет и папиросную бумагу и стал скручивать еще одну папиросу. Борода у него при этом топорщилась, а рот ходил ходуном, но вслух не было сказано ни слова. Он лизнул клейкий край папиросной бумаги и закрутил ее пальцами. То, что получилось, лишь отдаленно напоминало сигарету.

— Какой я на хер тролль, твою мать. Тролли — *убогая* сволочь.

— Я знаю, что ты не тролль, Суини, — мягко сказал Тень. — Чем тебе помочь?

Бешеный Суини щелкнул медной «Зиппо», целый дюйм сигареты загорелся и превратился в пепел.

— Помнишь, я показал тебе, как достать монету? Помнишь?

— Да, — сказал Тень. Золотая монета стояла у него перед глазами: вот она падает в могилу Лоры, вот сверкает у нее на шее. — Помню.

— Ты взял неправильную монету, приятель.

К мосту, ослепляя их фарами, приближалась машина. Подъезжая, она сбросила скорость, а потом вообще остановилась, и водитель опустил стекло.

— Все в порядке, джентльмены?

— Все просто в ажуре. Не беспокойтесь, офицер, — ответил Тень. — Просто вышли с утречка прошвырнуться.

— Ну, ладно, — сказал коп, но продолжал смотреть на них с подозрением. Он выжидал.

Тень положил руку на плечо Бешеному Суини и повел его по дороге, прочь из города, подальше от полицейской машины. Он услышал звук поднимающегося стекла, но машина не трогалась с места.

Тень продолжал идти. Бешеный Суини шел рядом, и временами его заносило в сторону.

Полицейская машина какое-то время плелась за ними следом, а потом развернулась и, ускоряя ход, поехала по заснеженной дороге обратно в город.

— Ну, давай выкладывай, что стряслось, — ска-

зал Тень.

— Я сделал как он сказал. Я все сделал как он сказал, но я дал тебе неправильную монету. Это должна была быть другая монета. Эта — королевская. Понимаешь? Я по идее даже и в руки-то ее брать не должен был. Это нужен настоящий король Америки, чтобы такими монетами владеть. Она не для таких мелких ублюдков, как ты или я. И теперь я по уши в дерьме. Верни мне монету, приятель. И больше ты меня никогда не увидишь, Браномблязаклинаю. Да чтоб я, сука, опять по деревьям, мать их, лазал.

— Кто тебе сказал это сделать, Суини?

— Гримнир. Чувак, которого ты зовешь Средой. Ты знаешь, кто это? Кто он вообще такой?

— Знаю. Вроде бы.

В безумных голубых глазах ирландца была паника.

— Ничего такого не было. Ничего такого, чтобы против тебя — ничего плохого. Он просто сказал, чтобы я пришел в бар и затеял с тобой драку. Он сказал, что хочет посмотреть, из какого ты теста.

— Он еще что-то просил тебя сделать?

Суини трясло и колотило; Тень было подумал, что от холода, а потом вспомнил, где он раньше видел такую колотящую дрожь. В тюрьме: так

дрожали джанки. У Суини была ломка, и Тень был готов побиться об заклад, что он отходит от героина. Лепрекон-наркоман? Бешеный Суини оторвал и выбросил обгоревший кончик сигареты, а недокуренный пожелтевший бычок сунул в карман. Он потер друг о друга черные от грязи ладони и подышал на пальцы, пытаясь их согреть.

— Слушай, приятель, верни мне эту сраную монету, а? — захныкал он. — Я дам тебе другую, ничуть не хуже. Да я тебе целую кучу такой херни наваляю.

Он снял засаленную бейсболку, потом ударил правой рукой по воздуху, и в руке у него появилась большая золотая монета. Он кинул ее в бейсболку. Из облачка идущего изо рта пара он достал вторую монету и одну за другой начал вылавливать и выхватывать их прямо из неподвижного утреннего воздуха, пока наконец бейсболка не заполнилась до краев, и Суини пришлось держать ее обеими руками.

Бейсболку с золотом он протянул Тени.

— Вот, — сказал он. — Бери, приятель. А мне верни монету, которую я тебе дал.

Тень смотрел на бейсболку, прикидывая, сколько может стоить ее содержимое.

— И куда я дену все эти монеты, Бешеный Суи-

ни? — спросил Тень. — Ты много мест знаешь, где золото меняют на наличные?

На долю секунды ему показалось, что ирландец сейчас ему врежет, но время шло, а Бешеный Суини так и стоял, держа в руках набитую золотом бейсболку, — прямо Оливер Твист. А потом на глаза у него навернулись слезы и потекли по щекам. Он нацепил бейсболку — кроме засаленной ленты от пота, в ней ничего не было — обратно на лысеющую башку.

— Твоя правда, приятель, — сказал он. — Я ведь показал тебе, как это делать. Я показал тебе, как доставать монеты из клада. Я показал тебе, где клад. Просто верни мне первую монету. Она не моя.

— У меня ее больше нет.

Бешеный Суини перестал плакать, на щеках у него проступили пятна.

— Ах ты, сраный… — начал он, но не нашелся что сказать и беззвучно закрыл рот.

— Я тебе не вру, — сказал Тень. — Мне очень жаль. Будь она у меня, я бы тебе вернул. Но я ее отдал.

Суини схватил Тень грязными руками за плечи и посмотрел ему прямо в глаза. Слезы прочертили дорожки на чумазом лице Бешеного Суини.

— Твою мать, — сказал он. От Суини несло табаком, несвежим пивом и потом вперемешку с виски. — Ты же ведь, сука, не врешь. Отдал он ее, вот так вот прямо взял и отдал, никого не спросясь! Да чтоб ты провалился, просрал все на хрен к едрене фене!

— Мне очень жаль.

Тень вспомнил, с каким глухим, еле слышным стуком монета упала на гроб Лоры.

— Сдалась мне твоя жалость, мне все равно теперь копец и крышка. — Бешеный Суини утер нос и вытер рукавом слезы, размазав причудливым узором грязь по лицу.

Тень по-мужски неловко обнял его за плечо.

— Лучше б моя мамочка меня не зачинала, — сказал в конце концов Бешеный Суини и поднял глаза. — А тот чувак, которому ты ее отдал, он ее может вернуть?

— Это женщина. И где она сейчас, я не знаю. Но думаю, вряд ли она ее вернет.

Суини горестно вздохнул.

— Когда я был еще молокососом, — сказал он, — повстречалась мне в поднебесной одна женщина, которая позволяла мне мять ее за сиськи. Она предсказала мне будущее. Сказала, что сгину я и погибну там, где заходит солнце, и что

судьбу мою решит прихоть мертвой бабы. Я тогда засмеялся, плеснул себе еще ячменного вина[61] и опять принялся мять ее за сиськи и крепко целовать ее прелестные губки. Хорошее было время — серые монахи еще к нам не пожаловали и не отправились по зеленому морю на запад. А теперь… — Он замолк на полуфразе. Повернул голову и посмотрел на Тень. — Не доверяй ему, — сказал он с укором.

— Кому?

— Среде. Ему нельзя доверять.

— Я и не должен ему доверять. Я на него работаю.

— Ты помнишь, как это делать?

— Что делать?

У Тени было ощущение, что он разговаривает с полудюжиной разных людей. Этот нелепый лепрекон путался, менял маску за маской, перескакивал с одной темы на другую, будто у него в голове возгорались, прогорали и навсегда угасали последние очаги мозговых клеток.

— Монеты доставать, приятель. Монеты. Я же тебе показывал, помнишь?

Он поднес к лицу два пальца, посмотрел на них,

---

[61] notes: 61
Очень крепкое пиво.

а потом вынул изо рта золотую монету. Он кинул монету Тени, тот вытянул руку, чтобы поймать ее, но монета до него не долетела.

— Я был пьян, — сказал Тень, — ничего не помню.

Суини заковылял через дорогу. На улице светало, и мир из черно-белого стал серо-белым. Тень пошел следом за Суини. Тот шагал широко и размашисто, и казалось, он вот-вот упадет, но ноги всякий раз вставали на землю и шаг за шагом вели его вперед. Когда они дошли до моста, он оперся рукой о кирпичную кладку, повернулся и сказал:

— У тебя найдется несколько баксов? Мне много не нужно. Куплю билет на автобус и уеду отсюда. Двадцатки хватит. Дашь? Всего-то паршивая двадцатка, а?

— И куда ты уедешь по билету за двадцать долларов? — спросил Тень.

— Все равно, лишь бы подальше отсюда, — сказал Суини. — Пока не грянула буря. Подальше от мира, в котором наркота стала религией масс. Куда глаза глядят.

Он остановился, утер нос тыльной стороной ладони, а потом обтер ладонь о рукав.

Тень залез в карман джинсов, вынул двадцатку

и протянул ее Суини.

— На.

Суини скомкал ее и затолкал поглубже в нагрудный карман замасленной джинсовой куртки, под нашивку, на которой были изображены два грифа, сидящие на сухой ветке, а между ними надпись: КОЙ, НА ХРЕН, ПОТЕРПИ! У МЕНЯ ДУША ГОРИТ! Суини кивнул.

— Как раз хватит добраться куда надо, — сказал он.

Он прислонился к кирпичной кладке, порылся в карманах в поисках притаренного бычка и аккуратно прикурил, стараясь не обжечь пальцы и не спалить бороду.

— Послушай меня, — обратился он к Тени, будто это были его первые слова за это утро. — Ты ходишь под виселицей, на шее у тебя веревка, а на каждом плече сидят по ворону и ждут не дождутся, чтоб выклевать тебе глаза. Дерево, на котором тебя вздернут, пустило глубокие корни, ветвями оно упирается в небо, а корнями спускается в ад, и весь твой мир — всего-навсего ветка, с которой свисает веревка. — Он замолк. — Передохну здесь чуток, — и сполз вниз по кирпичной кладке.

— Удачи, — сказал Тень.

— Твою мать, да мне хана, — сказал Бешеный

Суини. — Неважно, забей. Спасибо.

Тень направился к городу. Было восемь утра, и Кейро пробуждался ото сна. Он оглянулся: Суини — бледный, лицо в разводах от грязи и слез — провожал его взглядом.

Это был последний раз, когда Тень видел Бешеного Суини живым.

* * *

Короткие зимние дни перед Рождеством были — все равно что проблески света в зимней тьме, и время в доме смерти летело быстро.

Двадцать третьего декабря Шакель и Ибис устраивали у себя поминки по Лайле Гудчайлд. Суетливые женщины забили кухню всякими коробками, кастрюлями, сковородками, тапперуэрскими пищевыми контейнерами,[62] гроб с покойницей стоял в гостиной в окружении оранжерейных цветов. С противоположной стороны был накрыт стол, горой заваленный едой: капустным салатом, бобами, кукурузными хашпаппиз,

[62] notes: 62

«Тапперуэр» (Tupperware) — товарная марка пищевых пластиковых контейнеров и другой кухонной утвари.

курицей, ребрышками, китайской вигной;[63] к середине дня дом заполнился людьми, они плакали, смеялись, здоровались со священником за руку. Все было организовано тихо и незаметно и проходило под присмотром двух строго одетых господ, Шакеля и Ибиса. Похороны были назначены на утро следующего дня.

В холле зазвонил телефон (это был «Бакелит»,[64] еще дисковый), трубку взял мистер Ибис. Потом он отвел Тень в сторону.

— Звонили из полиции, — сказал он. — Заберете тело?

— Конечно.

— Не привлекайте лишнего внимания. Вот, держите. — Он записал адрес на листке бумаги и протянул его Тени. Тень прочитал — адрес был написан безупречным каллиграфическим почерком, — сложил листок и сунул в карман.

— Там будет полицейская машина, — добавил Ибис.

Тень вышел через заднюю дверь и завел катафалк. И мистер Шакель, и мистер Ибис, каждый

---

[63] notes: 63

Стручковое тропическое растение.

[64] notes: 64

«Бакелит» — название фирмы, производящей пластмассовые изделия из синтетической смолы — бакелита.

счел необходимым в индивидуальном порядке разъяснить Тени, что вообще-то катафалк следует использовать только для похорон, а для того, чтобы забирать тела, у них есть микроавтобус, но он уже три недели в ремонте, поэтому пусть Тень возьмет катафалк, но обращается с ним поосторожнее. Тень со всей осторожностью вел катафалк по улице. К этому времени снегоочистители уже убрали снег с дорог, но ему было спокойнее ехать не спеша. Ему казалось, что на катафалках вообще подобает ездить не спеша, хотя он и не мог припомнить, когда в последний раз видел на улице катафалк. Смерть исчезла с улиц Америки, подумал Тень; теперь она настигает людей в больничных палатах и машинах «скорой помощи». Мы не должны пугать живых. Мистер Ибис рассказал ему, что в некоторых больницах покойников возят на нижних полках закрытых покрывалами каталок: на каталках как будто никого нет, а мертвецы тем временем едут своей дорогой, под прикрытием.

В переулке стояла синяя полицейская патрульная машина, Тень припарковался за ней. В машине сидели двое копов и пили кофе из термосных стаканчиков. Чтобы не замерзнуть, копы включили двигатель. Тень постучал в боковое

окно.

— Да!

— Я из похоронной конторы, — сказал Тень.

— Мы ждем судмедэксперта, — сказал коп.

А не тот ли самый это коп, что разговаривал с ним под мостом, подумал Тень. Один из копов — чернокожий — вышел из машины и повел Тень к мусорному баку, его напарник остался сидеть в машине за рулем. Позади мусорного бака, в снегу, сидел Бешеный Суини. На коленях у него лежала пустая зеленая бутылка, лицо, бейсболка и плечи заиндевели. Он не моргал.

— Сдох алкаш, — сказал коп.

— Похоже на то, — отозвался Тень.

— Пока не трогайте тут ничего, — сказал коп. — С минуты на минуту приедет судмедэксперт. Если хотите знать мое мнение, нажрался парень до полного ступора и отморозил себе задницу.

— Да, — согласился Тень. — Похоже на то.

Он присел на корточки и присмотрелся к бутылке на коленях Бешеного Суини. Ирландский виски «Джемисон»: вот он, его двадцатидолларовый билет. Подъехал маленький зеленый «Ниссан», из него вышел рыжеволосый и рыжеусый мужчина средних лет с измученным видом и зашагал в их сторону. Он приложил руку к шее

трупа. *Его дело пнуть труп*, подумал Тень, *и если труп не пнет его в ответ…*

— Он мертв, — сказал судмедэксперт. — Личность установлена?

— По документам — Джон Доу, — сказал коп.

Судмедэксперт посмотрел на Тень.

— Вы работаете на Шакеля и Ибиса? — спросил он.

— Да, — ответил Тень.

— Скажите Шакелю, чтобы они взяли отпечатки пальцев и сделали оттиски зубов для установления личности, и сфотографировали труп. Полный анализ нам без надобности. Пусть просто возьмут кровь на токсикологию. Запомнили? Или хотите, чтобы я вам это написал?

— Нет, — сказал Тень. — Не надо. Я запомню.

Судмедэксперт на секунду нахмурился, потом достал из бумажника визитку, что-то на ней нацарапал и со словами: «Отдадите Шакелю» протянул ее Тени. Потом пожелал всем счастливого Рождества и ушел. Копы забрали пустую бутылку.

Тень расписался за Джона Доу и погрузил его на каталку. Тело было окоченевшим, и Тени пришлось оставить его в сидячем положении, разогнуть его так и не получилось. Он обследо-

вал каталку и обнаружил, что один край можно приподнять. Усадил Джона Доу, пристегнул его и задвинул в катафалк, лицом вперед. Пусть прокатится со всеми удобствами. Задернув занавески на заднем окне, Тень поехал обратно в похоронную контору.

Остановившись на светофоре, Тень услышал хриплый голос:

— Устройте мне шикарные поминки, и чтобы все по высшему разряду, и пусть красивые женщины, скорбя, роняют слезы и рвут на себе одежды, а доблестные мужи сокрушаются и рассказывают прекрасные истории о моем великом прошлом.

— Ты мертв, Бешеный Суини, — сказал Тень. — А коли ты мертв, изволь принимать то, что тебе воздают.

— Придется, — вздохнул покойник с заднего сиденья. Жалобные наркоманские интонации исчезли, вместо них в его голосе появилось тихое смирение, будто слова транслировались откуда-то издалека: мертвые слова, передаваемые на мертвой частоте.

Загорелся зеленый свет, и Тень плавно нажал на газ.

— Ну, все равно, справьте по мне поминки, —

сказал Бешеный Суини. — Накройте мне сегодня стол и напейтесь в память обо мне до потери пульса. Ты прикончил меня, Тень. Теперь ты передо мной в долгу.

— Это не я тебя прикончил, Бешеный Суини, — сказал Тень. *А двадцать долларов на билет куда подальше*, подумал он. — Тебя прикончили выпивка и мороз, а не я.

Ответа на последовало, и весь оставшийся путь Тень ехал в тишине. Припарковавшись у заднего входа, он выкатил каталку из машины и повез ее в морг. Он на руках перетащил Бешеного Суини на стол для бальзамирования, точно это был говяжий бок.

Накрыв Джона Доу простыней, он оставил рядом с ним всю документацию и ушел. Когда он поднимался по задней лестнице, ему послышался приглушенный голос, почти шепот, будто в дальней комнате играло радио:

— С чего бы это выпивка и мороз меня прикончили, меня, потомственного лепрекона? Нет, это ты, потерявший золотое солнышко, убил меня, ты, Тень, прикончил меня насмерть, это так же верно, как то, что вода мокрая, земля крутится, а друзья всегда предают.

Тень хотел было сказать Бешеному Суини, что

слишком уж страдальческая у него философия, но потом подумал, что, коли ты мертв, радоваться особенно нечему.

Он поднялся наверх, в жилую часть дома: несколько пожилых женщин закрывали прозрачной пленкой кастрюли, убирали остывающую жареную картошку и макароны с сыром в пластиковые контейнеры.

Мистер Гудчайлд, муж покойницы, припер мистера Ибиса к стенке и жаловался ему на детей: он так и знал, что никто не приедет попрощаться с матерью. Яблочко от яблони недалеко падает, говорил он всякому, кто его слушал. Яблочко от яблони недалеко падает.

* * *

В тот вечер Тень накрыл стол для еще одних поминок. Он поставил каждому по стакану, а на середину стола водрузил бутылку «Джемисон Голд». Это был самый дорогой виски, который продавали в винном магазине. Когда они расправились с огромным блюдом еды (остатками после поминок, которые отдали им женщины), Тень щедро разлил по стаканам виски: себе, Ибису, Шакелю и Бешеному Суини.

— Пусть он сидит сейчас в подвале на каталке,

одной ногой в братской могиле, — сказал Тень, разливая виски, — сегодня мы выпьем за него и помянем, как он хотел.

Тень отсалютовал стаканом пустому месту за столом.

— Живым я видел Бешеного Суини всего два раза, — продолжил он. — В первый раз я подумал, что мудило он полное, да еще и с крышей у него нелады. Во второй раз я решил, что большего долбоеба в мире не сыщешь, и дал ему денег на самоубийство. Он показал мне фокус с монетой, которого я уже не помню, наставил синяков, а еще утверждал, что он лепрекон. Покойся с миром, Бешеный Суини. — Тень отпил виски, смакуя постепенно тающий во рту дымный привкус.

Мистер Ибис вынул из внутреннего кармана блокнот, перелистал его, нашел нужную страницу и зачитал вслух краткую версию жизнеописания Бешеного Суини.

Как утверждал мистер Ибис, Бешеный Суини начал свой жизненный путь как страж священного камня на одной маленькой ирландской полянке три тысячи лет тому назад. Мистер Ибис поведал им о любовных похождениях Бешеного Суини, о его врагах, о бешенстве, в котором состояла его сила («об этом сложены стихи, и

некоторые ходят в народе по сей день, хотя никто уже давным-давно не вспоминает ни об их священном характере, ни об их древности»), о том, как его почитали и как ему поклонялись на родине и как потом это почитание превратилось сначала в сдержанное почтение, а затем просто в забаву; он рассказал им историю о девушке из Бэнтри, которая приплыла в Новый Свет и привезла с собой веру в лепрекона Бешеного Суини, ведь она встретила его как-то ночью у заводи, а он улыбнулся ей и назвал ее настоящим именем, которое больше никто не знал. Она бежала из своей страны в трюме корабля вместе с теми, кто видел, как картофель гниет в земле, как друзья и любимые умирают от голода, с теми, кто мечтал о стране, где можно наесться от пуза. Сама девушка из Бэнтри-Бей мечтала попасть в город, где ей было бы под силу заработать столько денег, чтобы можно было перевезти в Новый Свет всю свою семью. Многие ирландцы, плывшие в Америку, считали себя католиками, даже если совсем ничего не знали о катехизисе, даже если все их познания в религии ограничивались верой в банши, завывающих под окнами дома, куда скоро придет смерть, и в Святую Невесту, которая раньше была Бригиттой, одной из трех сестер

(каждую звали Бригид, и все они были одной и той же женщиной), и сказками о Финне, Ойсине, Конане Лысом, а еще о лепреконах, маленьком народце (ирландцы — те еще шутники, ведь лепреконы в свое время были самыми высокими обитателями холмов)…

Об этом и не только об этом поведал им мистер Ибис на кухне в ту ночь. На стене растянулась его длинная птичья тень, и Тень, потягивая виски, воображал, что это голова огромной водной птицы с длинным изогнутым клювом, а где-то на середине второго стакана сам Бешеный Суини начал вставлять в повествование Ибиса всякие не слишком уместные подробности («…а что это была за барышня, груди цветом точно сливки, все веснушками усыпаны, а соски ярко-розовые, чуть не алые, как небо на рассвете, когда сначала льет как из ведра до самого полудня, а к ужину опять сияет солнце…»), а потом Суини, размахивая руками, пытался растолковать историю богов в Ирландии, когда они волна за волной прибывали из Галлии и Испании, и откуда их только не заносило, и всякий раз новоприбывшие боги превращали старых богов в троллей и фейри, и во всякую нечисть, пока наконец сама Святая Церковь не пожаловала на остров и, никого не

спросив, всех богов не превратила в фейри, или святых, или в мертвых королей…

Мистер Ибис протер очки в золотой оправе и, взмахивая указательным пальцем, пояснил — свою мысль он изложил даже более четко и внятно, чем обычно, и Тень понял, что он пьян (его выдавала речь и капельки пота, проступившие на лбу, несмотря на то что в доме было прохладно) — что он прежде всего художник слова и его рассказы нужно понимать не буквально, а как художественное воссоздание, которое правдивее самой правды. Тут Бешеный Суини вставил: «Я тебе сейчас покажу художественное воссоздание, я тебе всю рожу вот этим вот кулаком перевоссоздам, то-то будет художество!», а мистер Шакель осклабился и зарычал на Суини: это было рычание огромной собаки, которая не хочет лезть в драку, но в любой момент может прикончить тебя, разорвав тебе глотку. Суини намек понял, сел на место и налил себе еще виски.

— Так ты запомнил, как я делаю фокус-покус с монетой? — с усмешкой обратился он к Тени.

— Нет, не запомнил.

— Тогда попробуй догадаться, как я это делаю, — сказал Бешеный Суини. Губы у него сделались багровые, а голубые глаза затуманились. — Будет

тепло, я скажу.

— В ладони ты ее не прячешь, так? — спросил Тень.

— Нет.

— Может, есть какая-нибудь штука, в рукаве или еще где-то? Она выстреливает монетой вверх, а ты ее ловишь?

— Опять не угадал. Кому еще виски?

— Я читал в книжке, как делают «мечту скряги»: приклеивают к ладони кармашек из латекса телесного цвета и прячут в нем монету.

— Печальные поминки по Великому Суини, который птицей облетел всю Ирландию и в безумии своем питался жерухой: затем лишь, чтобы сдохнуть и чтоб никто о нем даже не поплакал, кроме птицы, пса и идиота. Нет, с кармашком тоже прокол.

— Ну, тогда все, идей больше нет, — сказал Тень. — Наверное, ты берешь их из ниоткуда. — Тень хотел просто съязвить, но Бешеный Суини вдруг поменялся в лице. — Точно, из *ниоткуда*, — повторил он. — Вот именно оттуда ты их и берешь.

— Ну, не так чтобы прямо из ниоткуда, — сказал Бешеный Суини. — Но ты на верном пути. Их достают из клада.

— Из клада, — Тень стал что-то припоминать. — Точно.

— Ты просто мысленно берешь ее — и она уже твоя, осталось только вынуть. Сокровища солнца. Всякий раз, когда в небе рождается радуга, — они твои. Они в твоем распоряжении, когда в небе рождается радуга. И еще когда наступает затмение или поднимается буря.

И он показал Тени, как это делается.

На этот раз Тень понял.

Голова болела и гудела, а язык во рту на ощупь и на вкус напоминал липкую бумагу, на которую ловят мух. Тень зажмурился от ослепительно яркого дневного света. Он заснул прямо на кухне, за столом. Он был по-прежнему в костюме, только вот черный галстук в какой-то момент успел снять.

Тень спустился в морг и с облегчением, но без удивления обнаружил, что Джон Доу по-прежнему лежит на столе для бальзамирования. Тень вырвал пустую бутылку «Джемисон Голд» из намертво вцепившихся в нее пальцев и выбросил в мусорку. Сверху доносился шум: кто-то ходил по дому.

Когда Тень поднялся на кухню, за столом сидел Среда и доедал из пластикового контейнера

остатки картофельного салата, насаживая его на пластиковую вилку. На нем были темно-серый костюм, белая рубашка и темно-серый галстук: лучи утреннего солнца сверкали на серебряной булавке для галстука, изображающей дерево. Он поприветствовал Тень улыбкой.

— А, Тень, сынок, проснулся, наконец! Я думал, ты до скончания веков проспишь.

— Бешеный Суини умер, — сказал Тень.

— Я слышал, — сказал Среда. — Жалко до слез. Впрочем, все мы там будем в конечном итоге. — Он затянул воображаемую веревку где-то в районе уха, а потом, высунув язык и выпучив глаза, резко дернул головой в сторону. Пантомима была короткой, но от нее стало не по себе. Потом, выпустив воображаемую веревку из рук, Среда улыбнулся своим привычным оскалом: — Салат картофельный будешь?

— Нет, — Тень окинул быстрым взглядом кухню и выглянул в холл. — Ты не знаешь, где Ибис с Шакелем?

— Знаю конечно. Они зарывают миссис Лайлу Гудчайлд, они к этому делу захотели бы и тебя, по всей вероятности, привлечь, но я их попросил тебя не будить. Тебе предстоит долгая дорога за рулем.

— Мы уезжаем?

— Не позже чем через час.

— Мне нужно с ними попрощаться.

— Прощанию придают слишком много значения. Уж поверь мне, ты с ними еще увидишься, прежде чем все это закончится.

Тут Тень заметил, что маленькая бурая кошка лежит, свернувшись калачиком, в своей корзинке — впервые с самой первой ночи, что он провел здесь. Она открыла янтарные глаза и провожала его безразличным взглядом.

Так Тень покинул дом мертвецов. Черные кусты и деревья покрылись ледяной скорлупой, будто отгородившись от этого мира, замкнувшись в неком волшебном пространстве. Под ногами было скользко.

Среда направился к машине Тени, белой «Шеви Нова», припаркованной у дороги. Она была свежевымытой, а вместо номеров Висконсина на ней были номера Миннесоты. Свой багаж Среда уже заранее закинул на заднее сиденье. Он открыл машину — у него были дубликаты тех ключей, что лежали у Тени в кармане.

— Я сяду за руль, — сказал Среда. — Ты раньше чем через час в себя не придешь.

Они поехали на север. Слева под серым небом

широким серебристым потоком текла Миссисипи. На сером облетевшем дереве у дороги Тень заметил огромного ястреба с бело-коричневым оперением: он сидел на ветке и, пока они приближались, смотрел на них в упор бешеными глазами, а потом взлетел и стал кружить, медленно, но уверенно поднимаясь в небо. Тень понял, что время, проведенное в доме мертвых, было всего лишь передышкой; ему уже начало казаться, что все это произошло давным-давно, да и вообще не с ним, а с кем-то другим.

Часть 2
Я Айнсель[65]
Глава девятая

Не говоря уже о сказочных существах,
что живут под камнями…

Венди Коуп. Жребий полицейского

Когда поздно вечером они выехали из Иллинойса, Тень задал Среде первый вопрос. Увидев знак ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВИСКОНСИН, он сказал:

— Так что это за ребята взяли меня на автостоянке? Мистер Камен и мистер Лесс, кто они?

Фары освещали зимний пейзаж. Среда сообщил ему, что по автостраде они не поедут, потому что он толком не знает, кем она контролируется, и Тень без возражений свернул на проселочную дорогу. В конце концов, может, Среда вовсе и не спятил.

— Да так, вражеские агенты, — пробормотал

---

[65] notes: 65

Имеется в виду персонаж шотландской народной сказки, сюжет которой является вариацией на тему игры с именами, при помощи которой Одиссей обманул Полифема. Мальчик, встретившись с фейри, называет себя «Май Айнсель» (Я Сам). Позже, когда фейри обжигается угольком и зовет свою мать, чтобы она наказала человеческого ребенка за обиду, в ответ на вопрос матери о том, кто его поранил, отвечает «Май Айнсель» — на чем, собственно, конфликт и оказывается исчерпан.

Среда. — На оппозицию работают. Черные шляпы.[66]

— А мне кажется, — сказал Тень, — они считают себя белыми.

— Разумеется считают. Все настоящие войны происходят между сторонами, каждая из которых считает, что борется на правое дело. Действительно опасные люди, чтобы они ни творили, верят, что творят добро, и ни секунды в этом не сомневаются. Тем и опасны.

— А *ты*? — спросил Тень. — Почему *ты* делаешь то, что делаешь?

— А вот хочется мне так, — ответил Среда. И осклабился. — И уже поэтому я прав.

— Как вы все оттуда выбрались? — спросил Тень. — Вы вообще все оттуда выбрались?

— Выбрались, — сказал Среда. — С горем пополам. Хорошо, что с тобой им пришлось повозиться, а то бы сцапали всю честную компанию. Зато кое-кто из тех, кто занял выжидательную позицию, убедился, что я пока еще не окончательно спятил.

— Так как же вы все-таки выбрались?

---

[66] notes: 66

Black hat (злодей, негодяй) — выражение, пришедшее из вестернов, где отрицательные персонажи часто носили черные ковбойские шляпы, а положительные герои — белые (white hat).

Среда покачал головой.

— Я тебе не для того плачу, чтобы ты вопросы задавал, — сказал он. — Я тебе уже об этом говорил.

Тень пожал плечами.

Заночевали они в мотеле «Супер 8» к западу от Ла-Кросса.

Рождество провели в дороге. Они двигались на северо-восток. Обработанные поля сменились сосновым лесом. Города встречались все реже и реже.

Рождественский ланч они устроили во второй половине дня в семейном ресторанчике на севере центрального Висконсина, похожем на гостиную в большом загородном доме. Тень уныло ковырялся в еде: на тарелке лежала пересушенная индейка, поданная с красным, сладким, как варенье, клюквенным соусом, резиновая на вкус жареная картошка и консервированный ядовито-зеленый горошек. А вот Среда едой наслаждался — судя по тому, как он на нее набросился и с каким причмокиванием поглощал. По мере насыщения он становился раскован — болтал, шутил, а когда приближалась официантка, худенькая блондинка, по виду вчерашняя школьница, принимался с ней флиртовать.

— Простите, милочка, не могли бы вы принести мне еще чашечку вашего восхитительного горячего шоколада? Надеюсь, вы не сочтете меня наглецом, если я позволю себе заметить, какой на вас невероятно соблазнительный наряд, и как он вам к лицу. Такой классный, праздничный, просто шикарный.

Официантка в яркой красно-зеленой юбке, отороченной по краю сверкающей серебряной мишурой, захихикала, залилась краской и радостно заулыбалась, а потом убежала за кружкой горячего шоколада для Среды.

— Шик, — задумчиво проговорил Среда ей вслед. — Класс.

Тень решил, что он говорит вовсе не о наряде. Среда умял последний кусочек индейки, смахнул салфеткой крошки с бороды и отодвинул тарелку.

— Эх, красота!

Он огляделся вокруг. Где-то тихо бубнила музыка, сплошь рождественские песенки: «У крошки-барабанщика даров сегодня нет, *парапапампам, рапапам-пам, рапапам-пам*».

— Что-то в мире меняется, — вдруг сказал Среда. — Но вот люди… люди всегда одинаковы. Бывают аферы на все времена, а бывают такие,

что не выдерживают испытания жизнью и временем. Моя любимая афера уже давно вышла из употребления. Однако есть невероятное число извечных афер — Испанский узник, Скупщик-простофиля, Вкрадчивый жулик (это то же самое, что Скупщик-простофиля, только вместо бумажника работаешь с золотым кольцом), Игра на скрипке…

— Никогда не слышал про Игру на скрипке, — сказал Тень. — Про другие, кажется, слышал. Мой сокамерник говорил, что проворачивал Испанского узника. Он был тот еще аферист.

— Вот как, — сказал Среда и в глазах у него зажегся огонек. — Игра на скрипке — прекрасная, просто замечательная афера. В своей самой чистой форме она рассчитана на двух напарников. В ней все строится на жадности и скупости, как, собственно, и в других мошенничествах. Честного человека *всегда* можно обвести вокруг пальца, нужно только хорошенько подготовиться. Итак. Мы в отеле или каком-нибудь шикарном ресторане, сидим себе обедаем, и тут видим человека — пообносившегося, но все же элегантного, не замухрышку, хотя и без прежнего лоска. Назовем его Абрахам. Он уже готов расплатиться по счету — счет скромный, долларов пятьдесят — семьде-

сят пять, — и надо же, какая незадача! А где же бумажник? Боже мой, наверное, забыл у друга. Это в двух шагах. Он сейчас мигом к нему сбегает и вернется с бумажником! Дорогой хозяин, говорит Абрахам, вот, возьмите в залог мою скрипку. Она старенькая, как видите, но ею я зарабатываю на жизнь.

Увидев, что приближается официантка, Среда улыбнулся — широко и хищно.

— А, горячий шоколад! Его несет мне мой рождественский ангел! Скажите, милочка, не могли бы вы при случае принести мне еще вашего бесподобного хлеба?

Официантка — сколько же ей, подумал Тень, шестнадцать, семнадцать? — потупила взгляд и залилась пунцовым румянцем. Она трясущимися руками поставила на стол шоколад, прошла в конец зала к медленно вращающейся витрине с пирогами, остановилась и посмотрела на Среду. А потом прошмыгнула на кухню за хлебом.

— Ну так вот. Скрипку в футляре — естественно, старую и, может, слегка побитую — откладывают в сторону, а наш временно обедневший Абрахам отправляется на поиски бумажника. Все это время за договаривающимися сторонами следит шикарно одетый джентльмен, только

что закончивший обедать. В этот самый момент он подходит к хозяину: не разрешат ли ему посмотреть скрипку, которую оставил уважаемый Абрахам?

Конечно разрешат. Хозяин протягивает скрипку, и джентльмен в шикарном костюме — назовем его Баррингтон — открывает рот от удивления, потом берет себя в руки, закрывает рот и с благоговением принимается рассматривать скрипку — точно его пустили в святая святых, чтобы посмотреть на мощи пророка. «Вот это да! — говорит он. — Это же — ведь это, видимо… — нет, не может быть — хотя да, так и есть — господи! Это невероятно!» Он показывает на клеймо мастера, полоску желтеющей бумажки внутри скрипки — но даже и без него, говорит Баррингтон, он все равно бы ее узнал по цвету лака, по резьбе, по форме.

Тут Баррингтон лезет в карман и предъявляет гравированную визитку, на которой написано, что он выдающийся торговец редкими и старинными музыкальными инструментами. «Так значит, это редкая скрипка?», — спрашивает хозяин. «Несомненно, — отвечает Баррингтон, продолжая с восторгом и благоговением рассматривать ее, — и если я не ошибаюсь, стоит она более ста

тысяч долларов. Как торговец антиквариатом я бы сам отдал за этот шедевр пятьдесят — нет, семьдесят пять тысяч долларов, сразу, наличными. Я знаю человека с Западного побережья, который купит ее завтра не глядя, стоит только послать телеграмму, и заплатит столько, сколько я попрошу. — Тут Баррингтон смотрит на часы и лицо у него вытягивается. — Поезд… — говорит он. — Я сейчас опоздаю на поезд! Милостивый государь, когда владелец этого бесценного инструмента вернется, пожалуйста, передайте ему мою визитку, а мне, увы, нужно бежать!» На этом Баррингтон, прекрасно отдавая себе отчет в том, что времени у него вагон и ни на какой поезд он не опаздывает, откланивается и уходит.

Хозяин осматривает скрипку со смешанным чувством любопытства и жадности, и в мозгу его начинает зарождаться план. Время идет, а Абрахам все не возвращается. И вот под вечер он все-таки появляется в дверях, наш Абрахам, наш скрипач, потрепанный, но гордый, и в руках у него бумажник, бумажник, который знавал и лучшие дни, бумажник, в котором даже и в лучшие дни никогда не лежало больше сотни, и Абрахам достает из него деньги, чтобы заплатить за обед или проживание, и просит вернуть скрипку.

Хозяин кладет скрипку в лежащий на прилавке футляр, и Абрахам нежно прижимает ее к груди, словно мать — дитя. «Скажите, — говорит хозяин (гравированная визитка человека, готового заплатить за скрипку семьдесят пять тысяч долларов наличными, прожигает ему грудь через внутренний карман), — а сколько стоит скрипка вроде вашей? Моя племянница очень хочет играть на скрипке, а через неделю у нее как раз день рождения».

— Вы хотите, чтобы я продал скрипку? — говорит Абрахам. — Я ни за что ее не продам. Я уже двадцать лет на ней играю, я играл на ней во всех штатах Америки и играю до сих пор. Сказать по правде, она стоила мне целых пятьсот долларов.

Хозяин сдерживает улыбку: «Пятьсот долларов? А что если я прямо здесь и сейчас дам за нее тысячу?»

У скрипача сначала загораются глаза, но уже через секунду лицо его мрачнеет и он говорит: «Что вы, сэр, я же скрипач, и это единственное, что я умею в жизни. Эта скрипка любит и знает меня, а мои пальцы настолько хорошо ее изучили, что я могу сыграть на ней даже в полной темноте. И звучит она великолепно. Где я возьму такую скрипку? Тысяча долларов — хорошие

деньги, но скрипкой я зарабатываю на жизнь. И не продам ее ни за тысячу, ни за пять».

Хозяин понимает, что его потенциальная прибыль падает, но бизнес есть бизнес, и чтобы заработать деньги, нужно их сначала потратить. «Восемь тысяч долларов, — говорит он. — Оно того, конечно, не стоит, но уж больно мне понравилась ваша скрипка. И племянницу любимую так хочется побаловать…»

Абрахам чуть не плачет при мысли, что ему придется расстаться со своей любимой скрипкой, но как ему отказаться от восьми тысяч долларов? — тем более что хозяин уже направляется к сейфу и достает оттуда не восемь, а целых *девять* тысяч долларов, в аккуратно перевязанных пачках, которые так и просятся в карман его поношенного пиджака.

«Вы — добрый человек, — говорит он хозяину. — Вы просто святой! Но вы должны поклясться, что позаботитесь о моей девочке!» — и он с неохотой отдает хозяину скрипку.

— А если хозяин просто отдаст Абрахаму визитку Баррингтона и скажет ему, что у него есть шанс разбогатеть? — спросил Тень.

— Значит, мы впустую потратились на два обеда, — сказал Среда. Он собрал с тарелки остат-

ки еды и подливки кусочком хлеба и съел его, с аппетитом причмокивая.

— Правильно ли я тебя понимаю, — сказал Тень. — Абрахам уходит, став богаче на девять тысяч, и они с Баррингтоном встречаются на автостоянке у вокзала. Делят деньги, садятся в форд «Модель А»[67] Баррингтона и едут в следующий город. А в багажнике у них, должно быть, лежит целый ящик со стодолларовыми скрипками.

— Лично я считаю делом чести не платить за них больше, чем по пять долларов за штуку, — сказал Среда и обратился к застывшей в нерешительности официантке. — А теперь, милочка, опишите нам позавлекательнее роскошные десерты, которыми вы можете нас угостить в день Рождества Господа нашего. — Он уставился на нее — почти с вожделением — так, словно самое вкусное, что она могла ему предложить, был кусочек самой себя. Тени стало не по себе: это было все равно что наблюдать, как старый волк выслеживает молоденькую лань, которая не понимает, что нужно бежать, и бежать немедленно, иначе все для нее закончится на затерянной посреди глухого леса полянке, где вороны потом обклюют

---

[67] notes: 67

«Модель А» — первый автомобиль Генри Фонда.

ее косточки добела.

Девушка снова покраснела и сказала, что на десерт у них яблочный пирог а-ля-мод — «Он подается с шариком ванильного мороженого», — Рождественский торт а-ля-мод или красно-зеленый взбитый пудинг. Среда посмотрел ей в глаза и сказал, что он попробует Рождественский торт а-ля-мод. Тень от десерта отказался.

— Аферы приходят и уходят, — сказал Среда, — а Игре на скрипке уже лет триста, если не больше. Если правильно обрабатывать лохов, в нее хоть завтра можно сыграть в любом городе Америки.

— Ты ведь сказал, что твоя любимая афера больше не практикуется, — заметил Тень.

— Да, сказал. Только эта не любимая. Любимая называется Игра в епископа. В ней все есть: эмоциональная напряженность, хитрость, динамика, неожиданный поворот сюжета. Я время от времени думаю, может, с небольшими вариациями, можно было бы… — он осекся и покачал головой. — Нет. Всему свое время. Идет, предположим, 1920 год, мы, скажем, в Чикаго, или Нью-Йорке, или Филадельфии, в любом городе — от среднего до большого. Место действия — ювелирный магазин. В магазин заходит человек, одетый священником — причем это не просто

священник, а епископ в мантии, — выбирает ожерелье, восхитительную и великолепную вещицу из бриллиантов и жемчуга, и расплачивается дюжиной новеньких хрустящих стодолларовых купюр.

Верхняя купюра испачкана зелеными чернилами, и хозяин магазина рассыпается в извинениях, но — бизнес есть бизнес — и он отсылает стопку банкнот для проверки в банк на углу. Вскоре сотрудник магазина приносит купюры обратно. В банке сказали, что фальшивых нет. Хозяин магазина снова извиняется, а епископ — вообще сама вежливость, он все прекрасно понимает, ведь столько на свете развелось преступников и безбожников, да такая кругом безнравственность и распущенность, да столько падших женщин, а теперь еще и подонки общества выкарабкались со дна и воцарились на экранах синематографа — чего же дальше ждать от этого мира? Ожерелье уже упаковано в коробочку, и хозяин магазина изо всех сил старается не думать, зачем епископ покупает бриллиантовое ожерелье за тысячу двести долларов и почему расплачивается наличными.

Епископ сердечно с ним прощается и выходит из магазина — и тут ему на плечо опускается

чья-то тяжелая рука.

«А, Мыльный, попался, шельмец, опять за старое?» — и широкоплечий участковый с честным ирландским лицом заводит епископа обратно в ювелирный магазин.

«Прощу прощения, этот человек ничего сейчас у вас не покупал?» — спрашивает коп.

«Нет, конечно, — отнекивается епископ. — Скажите же ему!»

«Напротив, — говорит ювелир. — Он купил у меня ожерелье из жемчуга и бриллиантов — и заплатил наличными».

«Вы можете показать мне банкноты, сэр?» — спрашивает коп.

Ювелир берет из кассы двенадцать банкнот по сто долларов и протягивает копу. Тот просматривает их на свет и с удивлением качает головой: «Эх, Мыльный, Мыльный, — говорит коп, — ты превзошел сам себя! Ты настоящий мастер, а?»

Епископ расплывается в самодовольной улыбке.

«Вы не можете ничего доказать, — говорит он. — В банке сказали, что с ними все в порядке. Настоящие зеленые».

«Я в этом не сомневаюсь, — соглашается участковый, — вот только не уверен, что их предупре-

дили о том, что в город пожаловал Сильвестр Мыльный, или о том, какие качественные стодолларовые бумажки он пустил в оборот в Денвере и Сент-Луисе». — С этими словами он запускает руку в карман епископа и достает ожерелье.

«Ожерелье из жемчуга и бриллиантов стоимостью в двенадцать сотен долларов в обмен на бумажку и чернила за пятьдесят центов, — говорит полицейский, который, кажется, в глубине души настоящий философ. — И еще выдает себя за служителя церкви. Стыд и срам!» — говорит он, защелкивая наручники на запястьях епископа, по которому тут же становится видно, что никакой он не епископ, и выводит его из магазина, отдав ювелиру квитанцию на ожерелье и фальшивые стодолларовые купюры. Как-никак вещественные доказательства.

— Это на самом деле были фальшивки? — спрашивает Тень.

— Конечно нет! Новенькие банкноты, прямо из банка, на одной-двух отпечаток пальца да пятнышко зеленых чернил, чтобы выглядели поинтереснее.

Тень отпил кофе. Он был даже отвратительнее тюремного.

— Значит, коп на самом деле не коп. А что с

ожерельем?

— Улика, — сказал Среда. Он отвинтил крышечку солонки и высыпал небольшую горку соли на стол. — Ювелир получает квитанцию и уверяется в том, что ему вернут ожерелье, как только дело Мыльного дойдет до суда. Он радуется, что исполнил свой гражданский долг, и, размышляя над тем, какую историю расскажет завтра вечером на очередном собрании Чудаков,[68] с гордостью наблюдает, как полицейский с двенадцатью сотнями долларов в одном кармане и ожерельем стоимостью в двенадцать сотен долларов — в другом уводит мнимого епископа в полицейский участок, куда они, естественно, и носу не покажут.

Официантка вернулась, чтобы убрать со стола.

— Скажите, дорогуша, — спросил Среда, — вы замужем?

Она отрицательно покачала головой.

— Удивительно, что такую прелестную юную леди еще не увели под венец.

В высыпанной на стол соли Среда принялся вычерчивать ногтем приземистые, корявые, похожие на руны знаки. Официантка покорно

---

[68] notes: 68

Имеется в виду Независимый орден чудаков (Independent Order of Odd Fellows), масонская организация, основанная в 1819 году.

стояла рядом, теперь она напоминала Тени уже не столько лань, сколько молоденькую крольчиху, освещенную фарами восемнадцатиколесного грузовика и застывшую на месте от страха и растерянности.

Среда понизил голос, так что Тень, сидевший за столом напротив, едва его расслышал:

— Во сколько ты заканчиваешь работать?

— В девять, — сказала она и сглотнула. — Самое позднее в девять тридцать.

— А какой здесь поблизости самый приличный мотель?

— Мотель 6, — сказала она. — Но он не очень.

Среда бегло провел кончиками пальцев по ее руке, оставляя на коже крупицы соли. Она даже не попыталась их стряхнуть.

— Для нас, — еле слышно прогудел Среда, — он превратится в дворец наслаждений.

Официантка взглянула на него, закусила тоненькие губки, помедлила несколько секунд, потом кивнула и убежала на кухню.

— Ты в своем уме? — сказал Тень. — Ты играешь с законом — она только вчера из-за парты.

— На закон я никогда особо не обращал внимания, — ответил Среда. — Она меня как таковая не интересует, мне просто нужно немного взбод-

риться. Даже царю Давиду было известно одно простое правило: если хочешь разогнать кровь в старом теле, трахни девственницу и перезвони с утреца.

Тень задумался, была ли девственницей девушка на ночном дежурстве в отеле Игл-Пойнта.

— А заразу какую-нибудь ты подцепить не боишься? — спросил он. — А вдруг она залетит? А что если у нее есть старший братец?

— Нет, — сказал Среда. — Не боюсь. Зараза ко мне не липнет. К сожалению — по большей части, — такие, как я, стреляют вхолостую, поэтому о скрещивании можно говорить весьма условно. Когда-то давно такое случалось. Теперь это тоже возможно, но настолько маловероятно, что практически немыслимо. Так что и беспокоиться не о чем. А братья и даже отцы есть у многих. Только это не моя проблема. В девяноста девяти случаев из ста меня наутро уже и след простыл.

— Значит, мы остаемся здесь на ночь?

Среда потер подбородок.

— Я ночую в Мотеле 6, — сказал он, сунул руку в карман пальто и достал ключ от входной двери, бронзового цвета и с подвешенной к нему биркой, на которой был напечатан адрес: 505 Нортбридж-роуд, кв. 3. — А тебя ждет квартира. В

одном далеком городе.

Среда на секунду прикрыл, а потом снова открыл глаза — серые, светящиеся и слегка отличающиеся оттенком — и сказал:

— Через двадцать минут грейхаундовский автобус будет проезжать через город. Он останавливается у заправки. Вот твой билет.

Он вынул сложенный пополам билет и протянул его Тени через стол. Тот взял и развернул: на билете было написано имя.

— Кто такой Майк Айнсель? — спросил он.

— Ты. С Рождеством тебя.

— А где Лейксайд?

— Там, где будет твой дом на ближайшие несколько месяцев. Ну, и раз бог у нас любит троицу… — Он достал из кармана маленький, праздничнo упакованный сверток и толкнул его через стол. Сверток остановился рядом с бутылкой кетчупа: на горлышке застыли черные подтеки высохшего соуса. Тень сидел не шелохнувшись.

— Ну?

Пересилив себя, Тень разорвал красную оберточную бумагу и обнаружил желтовато-коричневый, затертый до блеска бумажник из телячьей кожи. Он определенно кому-то раньше принад-

лежал. Внутри лежали водительские права на имя Майка Айнселя с фотографией Тени и адресом в Милуоки, кредитка «MasterCard» на то же имя и двадцать хрустящих банкнот по пятьдесят долларов.

— Спасибо, — сказал он.

— Считай это рождественской премией. А теперь пойдем, я провожу тебя до «Грейхаунда». Помашу ручкой, когда серый пес помчит тебя на север.

Они вышли из ресторана. Тени не верилось, что за несколько часов может так сильно похолодать. Для снегопада теперь было слишком холодно. Невыносимо холодно. Не зима, а просто жуть.

— Слушай, Среда. Те две аферы, про которые ты мне рассказал — со скрипкой и епископом, ну, с епископом и копом… — Он замолчал, пытаясь ухватить свою мысль, сформулировать поточнее.

— Ну?

И тут до него дошло:

— В обеих участвуют два человека. И каждый разыгрывает свою партию. У тебя был напарник?

Изо рта у Тени клубами валил пар. Он пообещал себе, что, когда доберется до Лейксайда, потратит

часть своей рождественской премии на самую теплую, самую толстую куртку, которую только можно купить за деньги.

— Да, — сказал Среда. — Да. Напарник был. Младший помощник. Было время, было, но, увы, прошло. *Вон* заправка. А *вон* и автобус, если мне, конечно, не мерещится.

Автобус сигналил, заворачивая на стоянку.

— Адрес на ключе, — сказал Среда. — Если кто спросит, я — твой дядя, и отзываюсь я на несколько необычное имя Эмерсон Борсон. Счастливо устроиться в Лейксайде, племянник Айнсель! Я приеду через недельку. Будем путешествовать вместе. Навещать людей, с которыми мне надо повидаться. А до тех пор — заляг на дно и не высовывайся.

— А моя машина?.. — спросил Тень.

— О машине я позабочусь. Отдохни в Лейксайде, — сказал Среда и протянул руку. Тень пожал ее: она была холоднее, чем у трупа.

— Боже мой, да ты совсем окоченел!

— Поэтому чем быстрее я окажусь в Мотеле 6 и сотворю зверя о двух спинах с той классной девчонкой из ресторана, тем лучше. — Он протянул другую руку и похлопал Тень по плечу.

На мгновение Тень испытал головокружитель-

ное ощущение: будто два разных мира были перед ним одновременно. В одном стоял седоволосый мужчина, положив ему на плечо руку, а в другом была сплошная зима, которая длилась сотни лет подряд, и сквозь эту зиму, от поселения к поселению, шел седой человек в широкополой шляпе, заглядывал в окна и смотрел на свет очага, на кипящую жизнь, частью которой он никогда не сможет стать, на чужое счастье, вкусить которого ему не суждено…

— Иди, — настойчиво рыкнул Среда. — Все прекрасно и замечательно, а будет еще лучше.

Тень показал билет женщине-водителю.

— Адская погодка для путешествий, — сказала она. И добавила с какой-то зловещей радостью: — Веселого Рождества!

Автобус был почти пустой.

— Когда мы доберемся до Лейксайда? — спросил Тень.

— Часа через два. Может, чуть больше, — ответила женщина. — Говорят, ожидается резкое похолодание. — Она нажала кнопку, двери зашипели и с глухим звуком захлопнулись.

Тень прошел в середину салона, сел, откинул сиденье до упора назад и погрузился в размышления. Движение автобуса и тепло подействовали

на него убаюкивающе, и, не успев понять, что засыпает, он уже уснул.

На земле и под землей. На стене следы сырой красной глины: отпечатки рук, пальцев; всюду примитивные изображения животных, людей и птиц.

Огонь по-прежнему горел, а человек-бизон по-прежнему сидел по ту сторону костра и смотрел на Тень огромными — как два темных мутных омута — глазами. Губы бизона, окаймленные свалявшейся бурой шерстью, оставались неподвижны, но Тень отчетливо слышал голос:

— Ну, Тень? Теперь поверил?

— Не знаю, — сказал Тень, отметив про себя, что рта он тоже не открыл. Слова, которыми они обменивались, не произносились вслух, по крайней мере раньше у Тени было совсем другое представление о том, как являются на свет звуки человеческой речи. — Ты настоящий?

— Можешь не сомневаться, — сказал человек-бизон.

— Ты… — начал было Тень, но осекся. — Ты тоже бог? — наконец спросил он.

Человек-бизон запустил руку в огонь и вытащил из костра горящую головню. Он держал ее прямо посередине, и желто-голубые языки пла-

мени лизали его красную руку, но не обжигали.

— Эта земля не для богов, — сказал человек-бизон. Но во сне Тень понял, что говорит уже не он: теперь само пламя, сам огонь, потрескивающий и жгучий, разговаривает с Тенью в темной пещере глубоко под землей.

— Эту землю подняла наверх со дна океана гагара, — сказало пламя. Ее сплел из своей паутины паук. Она — кал ворона. Тело павшего отца, горы — его кости, озера — его глаза. Это земля снов и огня, — сказало пламя.

Человек-бизон положил головню обратно в огонь.

— Зачем ты мне рассказываешь эту чушь? — сказал Тень. — Я — мелкая сошка. Я никто. Я был вполне приличным тренером, хреновым второсортным жуликом и, может, не таким уж хорошим мужем, как мне хотелось думать…

Он замолк.

— Как мне помочь Лоре? — спросил он у человека-бизона. — Она хочет снова стать живой. Я обещал ей помочь. И я обязан это сделать.

Человек-бизон молча указал на свод пещеры. Тень поднял глаза. Наверху, сквозь крохотное отверстие, в пещеру пробивался тонкий луч зимнего света.

— Наверх? — спросил Тень, надеясь, что хотя бы на один вопрос он получит ответ. — Мне нужно подняться наверх?

В этот момент сон завладел им, идея материализовалась, и его стало выталкивать вверх, сквозь землю и камень. Он был как крот, который пытается пробиться, протиснуться, как барсук, который лезет наверх сквозь земную толщу, как сурок, прорывающий себе путь, уплотняя, расталкивая землю, как медведь — вот только земля была такой твердой, такой плотной, что он начал задыхаться, быстро устал и не мог продвигаться дальше, не мог копать и лезть наверх и понял, что умрет здесь, глубоко-глубоко под землей, погребенный под толщей мироздания.

Ему не хватало сил. Не хватало энергии. Он знал, что если здесь, под землей, он перестанет дышать, тело, которое едет сейчас в теплом автобусе сквозь холодные леса там, наверху, тоже перестанет дышать, знал, что дыхание у него уже перехватило.

Силы были на исходе, на каждое движение тратился драгоценный воздух, но он боролся и лез дальше. Он оказался в ловушке: не мог продвигаться вперед и не мог повернуть обратно.

— Торгуйся, — прозвучало у него в голове.

— Что я могу предложить? — спросил Тень. — У меня ничего нет.

В рот ему набилась глина, вязкая, с комками грязи.

— Ничего, кроме себя самого, — сказал Тень. — Но ведь я-то у себя есть.

Казалось, все вокруг затаило дыхание.

— Я предлагаю себя, — сказал он.

Ответная реакция последовала сразу. Окружавшие его камни и земля стали давить на него, стискивать с такой силой, что выжали из легких последний глоток воздуха. Давление перешло в боль, которая объяла его со всех сторон. Боль достигла наивысшей точки и зависла в ней — еще чуть-чуть, и он сошел бы с ума — но потом схватка ослабла, и Тень снова вдохнул. Отверстие наверху, сквозь которое лился свет, стало шире.

Его выталкивало на поверхность.

Когда земля опять спазматически сжалась, Тень попытался не сопротивляться толчкам. И на этот раз почувствовал, как его неудержимо влечет наверх.

Под конец этих ужасных схваток боль была просто невероятной: земля сжимала, давила и толкала его сквозь эту неподатливую каменную нору, переламывая ему кости, деформируя плоть.

Как только его разбитая в кровь голова показалась на поверхности, он начал кричать от боли и страха.

Он кричал и думал, кричит ли он в реальном мире — кричит ли он во сне, сидя в темном автобусе.

Схватки прекратились, и Тень, цепляясь за красную землю, вылез на поверхность.

Он с трудом заставил себя сесть, отер рукой землю с лица и посмотрел на сумеречное небо. Затяжные багровые сумерки. Одна за другой появлялись звезды — самые яркие, самые большие звезды, какие он когда-либо видел или мог себе представить.

— Скоро, — услышал он из-за спины потрескивающий голос пламени, — они упадут. Скоро они упадут, и звездные люди встретятся с землянами. Среди них будут герои, среди них будут люди, которые станут убивать чудищ и нести другим знание, но среди них не будет богов. Для богов это гиблое место.

В лицо ударил ветер — сильный и ошеломительно холодный. Словно тебя окунули в ледяную воду. Тень услышал голос женщины-водителя, она сообщала, что они приехали в Пайнвуд и «если кому-то хочется выкурить сигаретку или

размять ноги, можно выйти, стоянка десять минут, и едем дальше».

Тень на заплетающихся ногах вышел из автобуса. Они вновь остановились у ветхой придорожной заправки, почти такой же, от которой выехали час назад. Женщина-водитель помогала двум девочкам-подросткам погрузить чемоданы в багажное отделение.

— Эй! — увидев Тень, окликнула женщина-водитель. — Вы едете до Лейксайда, верно?

Тень сонно кивнул.

— *Хороший* все-таки город, — сказала она. — Я иногда думаю, а что если я брошу все это и переселюсь в Лейксайд. Приятнее города я не видела. Вы давно там живете?

— Я туда в первый раз еду.

— Съешьте за меня пирожок у Мейбл, ладно?

Подробностей Тень решил не уточнять.

— Скажите, — спросил он, — я разговаривал во сне?

— Даже если и разговаривали, я не слышала. — Она посмотрела на часы. — Садитесь в автобус. Я скажу, когда приедем в Лейксайд.

Девочки — Тень подозревал, что им было от силы лет по четырнадцать, — которые вошли на стоянке в Пайнвуде, уселись прямо перед ним. Не

сестры, решил Тень, невольно подслушавший их разговор, подружки. Одна почти ничего не знала про секс, зато много знала про животных, потому что помогала в приюте для четвероногих и проводила там много времени. Другая животными не интересовалась, зато забила себе голову всякими пикантными подробностями, выуженными из интернета и телевизионных программ, и решила, что много чего понимает в сексуальных отношениях. Тень завороженно и с душевным трепетом слушал, как эта соплюшка со знанием дела рассуждает о том, как следует использовать Алка-Зельтцер, чтобы ощущения от орального секса стали незабываемыми.

Тень попробовал отвлечься, отключиться вообще от всего на свете, кроме шума от движения, и теперь до него время от времени доносились только обрывки разговора.

Голди такой классный, типа, чистокровный ретривер, вот бы папа разрешил, он всегда, как только меня увидит, сразу хвостом виляет.

Рождество ведь, вот он мне и разрешил покататься на снегоходе.

Можно вывести языком свое имя на его члене.

Я скучаю по Сэнди.

Да, я тоже скучаю.

Шесть дюймов, сегодня сказали, хотя они вообще говорят что в голову взбредет, раз — и выдумали погоду, и никто им слова не скажет…

Зашипели тормоза, женщина-водитель крикнула: «Лейксайд!» — и двери с глухим шумом распахнулись. Тень вышел следом за подружками на освещенную автостоянку возле магазина видео и солярия, которая, по всей видимости, служила в Лейксайде станцией для грейхаундовских автобусов. На улице стоял жуткий, но все-таки освежающий холод. Он привел Тень в чувство. Тень посмотрел на огни раскинувшегося на юго-западе города и перевел взгляд на восток — на светлую гладь замерзшего озера.

Подружки стояли на стоянке, перетаптываясь на месте и отчаянно согревая ладошки дыханием. Та, что помладше, украдкой взглянула на Тень, и когда поняла, что Тень это заметил, неловко улыбнулась.

— С Рождеством, — сказал Тень.

— Ага, — откликнулась вторая, которая по виду была примерно на год старше подружки. — Вас тоже с Рождеством. — У нее были морковно-рыжие волосы и курносый нос, усыпанный миллионом веснушек.

— Симпатичный у вас городок, — сказал Тень.

— Нам тоже нравится, — сказала та, что помладше. Это которая любила животных. Она застенчиво улыбнулась Тени, обнажив синие пластиковые брекеты на передних зубах. — Вы на кого-то похожи, — сказала она серьезно. — Вы чей-то брат или чей-то сын или еще кто-то?

— Не будь дурой, Элисон, — сказала ее подружка. — Любой человек чей-то сын или брат или *еще кто-то*.

— Я не это имела в виду, — ответила Элисон.

На одно мгновение всех троих выхватил из темноты яркий свет фар: подъехал многоместный автомобиль, за рулем сидела чья-то мамаша. Не успел Тень глазом моргнуть, как машина умчала девочек прочь вместе с чемоданами, и Тень остался на стоянке один.

— Молодой человек! Я могу быть вам полезен? — Старик запирал магазин видео. — В Рождество магазин закрыт, — весело сказал он, убирая ключи в карман. — А я пришел встретить автобус. Убедиться, что все в порядке. Не могу спокойно жить, если какой-нибудь бедолага останется куковать на улице в Рождество.

Он стоял довольно близко, и Тень разглядел его лицо: старое, но довольное, лицо человека, который хлебнул уксуса в этой жизни и решил,

что, вообще говоря, это не уксус, а виски, причем вполне приличный.

— Не могли бы вы мне подсказать телефон местного такси? — попросил Тень.

— *Мог бы*, — с сомнением ответил старик, — только Том уже лег спать об эту пору, и даже если вы сможете вытащить его из постели, это вам все равно не поможет — я его видел сегодня вечером в «Приюте оленя», и он был уже навеселе. Веселый такой развеселый. А куда вы направляетесь?

Тень показал ему ключ с биркой, на которой был написан адрес.

— Ну, — сказал старик, — пешком можно дойти минут за десять, а то и за двадцать — через мост, потом завернуть. Правда, в такую холодрыгу никакой радости нет пешком переться, тем более — когда не знаешь, куда идти, дорога всегда кажется длиннее, не замечали? Первый раз идешь будто целую вечность, а потом хоп — и уже на месте.

— Да, — согласился Тень. — Никогда об этом не думал. Но должно быть, так оно и есть.

Старик кивнул, и его лицо расплылось в улыбке.

— А, какого черта, Рождество ведь! Подброшу вас на Тесси.

Тень пошел за стариком к дороге, где стоял большой старенький родстер. Наверное, на таких машинах, с боковыми подножками и всякими прибамбасами, понтовались гангстеры в бурные двадцатые. В свете люминесцентной лампы родстер был какого-то темного насыщенного цвета — может красного, а может и зеленого.

— Это Тесси, — сказал старик. — Красавица, да? — Он похлопал машину по-хозяйски там, где складная крыша выгибалась аркой слева от водительского места.

— Какой она марки? — спросил Тень.

— «Уэндт Феникс». «Уэндт» разорился в 31-м, а имя перекупил «Крайслер», но только «Уэндтов» они больше не выпускали. Харви Уэндт, который основал компанию, был из местных. Свалил в Калифорнию и покончил с собой, году в 1941–1942-м. Такое вот несчастье.

В машине пахло кожей и сигаретным дымом — запах был застарелый: словно люди годами выкуривали тут приличное количество сигарет и сигар, и запах тлеющего табака стал частью самой машины. Старик включил зажигание, и Тесси завелась с первого оборота.

— Завтра, — сказал он Тени, — я поставлю ее в гараж. Накрою чехлом от пыли, и так она просто-

ит до весны. Вообще говоря, не стоило, конечно, ездить на ней сейчас, по снежным дорогам.

— Она плохо идет по снегу?

— Идет-то хорошо. Только все дороги посыпаны солью. А от соли такие старые красотки ржавеют быстрее, чем можно себе представить. Хотите, чтобы я поскорее доставил вас до места — или устроить вам экскурсию по ночному городу?

— Ну что вы, не беспокойтесь…

— Да какое там беспокойство! Доживете до моих лет, будете радоваться, если ночью сможете хоть на минутку сомкнуть глаза. Я просто счастлив бываю, если удается поспать часов пять кряду, — а потом все, вскочил, мысля побежала. Ой, что же это я? Позвольте представиться — Хинцельманн. Сказал бы, зовите меня просто Ричи, но все мои здешние знакомцы зовут меня просто Хинцельманн. Руки не подаю — одной рукой с Тесси не справиться. Она не любит, когда я отвлекаюсь.

— Майк Айнсель, — представился Тень. — Рад с вами познакомиться, Хинцельманн.

— Ну что, поехали на экскурсию вокруг озера, — сказал Хинцельманн.

Главная улица, по которой они ехали, даже ночью выглядела красиво. Старомодная улица

в лучшем смысле этого слова — будто в течение ста лет люди холили ее и лелеяли, не торопясь расставаться с тем, что им нравилось.

По пути Хинцельманн показал Тени два городских ресторана (немецкий и еще один, «наполовину греческий — наполовину норвежский, и к каждой порции — воздушный оладушек»); показал булочную и книжный магазин («Нет книжного, почитай, нет и города. Может, он, конечно, городом и зовется, но пока нет книжного, это не город, а одно название»). Когда они проезжали мимо библиотеки, Хинцельманн даже притормозил, чтобы Тень смог получше ее рассмотреть. И с гордостью обратил его внимание на старинные газовые лампы, мерцавшие над входом.

— Ее построил в 1870-х Джон Хеннинг, местный лесопромышленный магнат. Он хотел, чтобы ее называли Библиотекой имени Хеннинга, но когда он помер, ее стали называть просто Библиотекой Лейксайда, я думаю, так ее и будут звать до скончания веков. Сказка, а не библиотека.

Хинцельманн так сиял от гордости, будто сам ее построил. Здание напомнило Тени замок, и он сказал об этом Хинцельманну.

— Верно подмечено, — согласился тот. — Ба-

шенки там и все такое. Хеннинг хотел, чтобы снаружи она именно так и выглядела. В библиотеке до сих пор сохранились старые сосновые стеллажи. Мириам Шультц хочет обновить все внутри, избавиться от старья, но только библиотека занесена в какой-то список исторических мест, поэтому черта с два у нее это выйдет!

Они объехали озеро с южной стороны. Озеро лежало на тридцать футов ниже уровня дороги, и вокруг него расстилался город. Тень заметил на поверхности тусклые лоскутки белого льда, и то там, то тут сияющие проблески воды, в которых отражались огни ночного города.

— Кажется, льдом затягивается, — сказал он.

— Да уже месяц назад как затянулось, — откликнулся Хинцельманн. Тусклые куски — это значит, снегом занесло, а блестящие — это лед. Оно замерзло сразу после Дня Благодарения, за одну ночь стало гладкое, будто стеклышко. Вы ходите на зимнюю рыбалку, мистер Айнсель?

— Не был ни разу.

— Лучше занятия для мужчины не придумаешь. И дело тут не в рыбе, а в душевном покое, с которым возвращаешься домой под конец дня.

— Я учту. — Тень рассматривал озеро сквозь стекло Тесси. — А по льду уже можно ходить?

— И ходить, и даже ездить. Правда, ездить я бы пока не рискнул. Мороз у нас стоит только шесть недель, — сказал Хинцельманн. — Хотя следует учесть, что у нас в Северном Висконсине все замерзает сильнее и быстрее, чем где бы то ни было. Вот как-то раз пошел я на охоту — охотился на оленя, было это лет тридцать-сорок тому назад, выстрелил в самца — промазал, а он как рванет через лес и на открытую местность — это было на северной стороне озера, неподалеку от того места, где вы будете жить, Майк. Олень был просто распрекрасный, лучше я в жизни не видал, на рогах по двадцать отростков, а здоровый — размером с небольшую лошадь, честное слово. Ну, я-то и моложе, и проворней был, чем сейчас, а в тот год снег повалил еще до Хэллоуина, а тогда был уже День Благодарения, но снежок на земле такой свежий, чистый лежит, и все следы точно черным по белому. По ним-то я и понял, что олень мой в панике рванул к озеру.

Только несусветный дурак погонится за оленем, ну а кто ж я, как не дурак-то, я за ним и погнался конечно, а он — оп-ля! — выбежал на озеро и стоит, а ноги на восемь-девять дюймов под водой, стоит и смотрит на меня. Тут вдруг солнце зашло за облако, и мороз стукнул — за

десять минут градусов на тридцать похолодало, серьезно говорю. Олень уже и к прыжку изготовился, а с места сдвинуться не может, бедолага. Вмерз.

Ну, я к нему подхожу не спеша. И прямо видно, он уже готов рвануть, да только вмерз, и ничего у него не получается. Я в беззащитную тварь, которая не может убежать, стрелять, конечно, не стал бы ни в коем случае — что ж я, не человек, что ли? Ну, я взял дробовик и выстрелил один раз в воздух.

Олень мой от шума так перепугался, что был готов из шкуры выпрыгнуть, а если учесть, что ноги-то у него вмерзли, только это ему и оставалось. Выскочил из шкуры, рога у него, значит, в лед воткнулись, а сам обратно в лес как дернет, розовенький такой, точно мышонок новорожденный, и дрожит как осиновый лист.

И так мне неудобно было перед этим оленем, что я уговорил женщин из кружка по вязанию связать ему на зиму одёжу потеплее. Ну, и чтобы он насмерть не замерз, они связали ему шерстяной комбинезончик. А тут мы еще и шутку откололи — костюмчик связали ярко-оранжевого цвета, чтобы охотники в него не стреляли: охотники-то в наших краях в сезон охоты ходят в

оранжевом, — пояснил он. — А если вы думаете, что я приврал, то я вам докажу. У меня в гостиной на стене до сих пор его рога висят.

Тень рассмеялся, а старик довольно улыбался улыбкой завзятого охотника. Они остановились у кирпичного дома с широкой деревянной верандой, на которой заманчиво перемигивались золотые праздничные фонарики.

— А вот и дом номер пятьсот пять, — сказал Хинцельманн. — Третья квартира будет на верхнем этаже, с той стороны, с видом на озеро. Вот вы и дома, Майк.

— Спасибо, мистер Хинцельманн. Что я вам должен за бензин?

— Просто Хинцельманн. Вы не должны мне ни пенни. Это рождественский подарок от меня и от Тесси.

— Вы уверены, что ничего не надо?

Старик потер подбородок.

— Знаете что, — сказал он. — Я к вам зайду как-нибудь на следующей неделе и продам вам несколько билетов. У нас тут лотерея. Благотворительная. А сейчас, молодой человек, идите-ка спать.

Тень улыбнулся.

— Веселого Рождества, Хинцельманн!

Старик пожал Тени руку. Рука с покрасневшими костяшками на ощупь была жесткой и загрубелой, как дубовая ветка.

— Идите осторожно, там скользко. Вон ваша дверь, сбоку, видите? Я посижу в машине, подожду, пока вы зайдете. Махнете рукой, как доберетесь, и я поеду, ладно?

Оставив «Уэндт» на холостом ходу, Хинцельманн подождал, пока Тень в целости и сохранности не поднялся по боковой деревянной лестнице и не вставил ключ в замочную скважину. Дверь отворилась, и Тень махнул рукой. Старик на «Уэндте» — на Тесси, подумал Тень, и мысль о том, что у машины есть имя, снова заставила его улыбнуться, — так вот, Хинцельманн и Тесси развернулись и поехали обратно через мост.

Тень захлопнул входную дверь. Комната промерзла. В ней пахло людьми, которые уехали отсюда за другой жизнью, пахло всем, что они ели и о чем мечтали. Он нашел обогреватель и поставил его на семьдесят градусов. Прошел в крохотную кухоньку, проверил ящики, заглянул в холодильник цвета авокадо — там было пусто. Никаких сюрпризов. Зато чисто и не пахло плесенью.

Сразу за кухней, рядом с совсем крошечной

ванной, где большую часть пространства занимала душевая кабинка, находилась маленькая спальня с голым матрасом. В унитазе плавал старый сигаретный бычок, подкрасивший воду коричневым цветом. Тень смыл его.

В шкафу он нашел простыни и одеяла и застелил постель. Потом снял ботинки, куртку и часы и забрался под одеяло прямо в одежде. Интересно, сколько времени уйдет на то, чтобы согреться.

Свет был выключен, стояла почти полная тишина, только холодильник гудел на кухне, а у кого-то в доме работало радио. Он лежал в темноте и пытался понять, то ли он выспался в «Грейхаунде», то ли у него начинается бессонница от холода, голода, новой постели и того бреда, что приключился с ним за последние несколько недель, — ото всего вместе взятого.

В тишине раздался какой-то треск, похожий на выстрел. Ветка или лед, подумал он. Мороз на улице крепчал.

Интересно, как долго ему придется ждать приезда Среды? День? Неделю? Как бы то ни было, до той поры следует придумать, чем заняться. Мышцы надо бы подкачать, решил он, и продолжать оттачивать ловкость рук в фокусах с монетами, до тех пор, пока не добьется совершенства (*пока-*

зывай любые фокусы, прошептал чей-то голос у него в голове, *любые, кроме того, которому тебя научил бедняга Бешеный Суини, всеми забытый, насмерть замерзший на улице, погибший из-за того, что не погибнуть было невозможно. Любые фокусы. Только не этот*).

А городок-то на самом деле *хороший*, подумал Тень. Сразу чувствуется.

Он вспомнил о сне, если, конечно, это был сон, который приснился ему в первую ночь в Кейро. Он вспомнил о Зоре… как там ее звали? Полуночная сестра.

А потом он подумал о Лоре…

И когда он о ней подумал, его сознание как будто распахнулось. Он ее увидел. Каким-то образом смог ее увидеть.

Она стояла на заднем дворике, у дома своей матери в Игл-Пойнте.

Она стояла на холоде, которого больше не чувствовала или, может быть, чувствовала теперь постоянно. Она стояла возле большого дома — мать купила его в 1989-м на деньги от страховки, доставшиеся после смерти Лориного отца, Харви МакКейба, который заработал сердечный приступ, слишком сильно тужась на унитазе, — и всматривалась внутрь, прижимая холодные ла-

дони к стеклу, и стекло ни капельки не запотело от ее дыхания. Она смотрела на мать, на сестру, на детей сестры и ее мужа, которые приехали из Техаса на Рождество. Стояла на улице, в темноте, и смотрела как завороженная.

У Тени на глаза навернулись слезы, и он перевернулся на другой бок.

Он почувствовал себя Любопытным Томом,[69] прогнал эти мысли и попробовал переключиться: и увидел, что перед ним простирается озеро, а из Арктики дует ветер, превращая пальцы в ледышки, которые в сто раз холоднее, чем пальцы трупа.

Тень затаил дыхание. Он слышал, как снаружи горестно завывает ветер, и на одно мгновение ему почудилось, что в этом вое он различает слова.

Уж если нужно где-то быть, то почему бы не здесь, подумал он и заснул.

А тем временем… разговор

Дзынь-дзынь.

— Мисс Ворона?

---

[69] notes: 69

Любопытный Том — портной, подглядывавший за леди Годивой, легендарной покровительницей Ковентри, когда та проехала обнаженной по улицам города ради того чтобы ее муж снизил непомерные налоги для своих подданных.

— Да.

— Мисс Саманта Черная Ворона?

— Да.

— Можно задать вам несколько вопросов, мэм?

— А вы кто? Вы из полиции?

— Я Градд. А это мой напарник — мистер Тракт. Мы расследуем исчезновение двух наших коллег.

— Как их зовут?

— Что, простите?

— Назовите имена. Хочу знать, как их звали, ваших коллег. Скажите мне их имена и тогда я, может, что и вспомню.

— …Ну ладно. Их звали мистер Камен и мистер Лесс. Теперь можно задать вам несколько вопросов?

— У вас, ребята, с фантазией на имена туговато. «Ты, типа, будешь мистер Троттуарр, а он — мистер Коуврик, а вот и мистер Самолетофф, прошу любить и жаловать».

— Очень остроумно, барышня. Первый вопрос: вы видели этого человека? Взгляните на фотографию.

— Ух ты! Профиль и анфас, и циферки внизу… Здоровяк. А симпатичный. Что он натворил?

— Он участвовал в качестве водителя в ограб-

лении одного захолустного банка несколько лет назад. Два его подельника решили забрать бабки себе и свалили. Он взбесился. Нашел их. И чуть не прикончил голыми руками. Штат договорился с пострадавшими, и они дали против него показания. Тень получил шесть лет. Отсидел три. Если хотите знать мое мнение, таких уродов надо запирать на замок, а ключ выкидывать.

— Никогда не слышала, чтобы так говорили в жизни. Вот так вот, вслух.

— Как говорили, мисс Ворона?

— «Бабки». Люди так не говорят. Может, в кино и говорят. А в жизни нет.

— Это не кино, мисс Ворона.

— Черная Ворона. Мисс Черная Ворона. Друзья зовут меня Сэм.

— Ясно, Сэм. Возвращаясь к разговору о нашем…

— Но вы-то мне не друзья. Поэтому зовите меня мисс Черная Ворона.

— Слушай, ты, соплячка…

— Подождите, мистер Тракт. Сэм, то есть — простите, мэм, — я хотел сказать, мисс Черная Ворона согласна нам помочь. Она законопослушная гражданка.

— Мэм, нам известно, что вы помогали Тени.

Вас видели с ним в белой «Шеви Нова». Он вас подвозил. Накормил вас обедом. Он говорил вам что-нибудь, что может помочь нашему расследованию? Пропали двое наших лучших людей.

— Я с ним не знакома.

— Вы с ним знакомы. Прошу вас, не поступайте опрометчиво, не думайте, что мы идиоты. Мы не идиоты.

— Мм, вообще я много людей встречала. Может, и его тоже, но только забыла.

— Мэм, сотрудничество с нами в ваших интересах.

— Вы хотите сказать, что представите меня мистеру Тиски и мистеру Пентоталу?

— Мэм, вы сами усугубляете свое положение.

— Да неужели?! Очень жаль. Еще вопросы будут? А то я уж собиралась сказать «Пока-пока!» и закрыть за вами дверь. А вы, я полагаю, собирались откланяться, сесть в мистера Авто и укатить отсюда восвояси.

— Мы запомним, что вы отказались с нами сотрудничать, мэм.

— Пока-пока!

Хлоп.

Глава десятая

Я все тебе открою,
И все тебе навру,
Давай-ка лучше я пойду просплюсь.

Том Уэйтс. Танцуй до мозолей

Жизнь, проведенная во тьме и грязи, — вот что приснилось Тени в первую ночь в Лейксайде. Это был сон о мальчике, который жил когда-то давным-давно, в далекой-предалекой стране за океаном, в стране, где восходит солнце. Но мальчик не видел в своей жизни ни одного восхода, а только тусклые дни и кромешные ночи.

С ним никто и никогда не разговаривал. Снаружи раздавались человеческие голоса, но он понимал человеческую речь не лучше, чем уханье совы или собачий лай.

Он вспомнил, а может быть, ему это просто привиделось, как однажды ночью, полжизни тому назад, к нему тайком пришла женщина, одна из больших людей, но не для того, чтобы поколотить или накормить. Она подняла его и крепко прижала к своей груди. От нее приятно пахло. Капли горячей воды с ее лица упали на его

лицо. Он испугался и громко завыл от страха.

Она торопливо положила его на солому и выбежала из лачуги, заперев за собой дверь.

Он хранил в своем сердце этот день и вспоминал о нем с такой же нежностью, с какой вспоминал сладкую капустную кочерыжку, терпкий вкус слив, хруст спелых яблок, жирную благодать жареной рыбы.

А однажды он увидел освещенные пламенем костра лица людей, и все они смотрели, как его выводят из лачуги — в первый и последний раз в жизни. Значит, вот как выглядят люди. Он вырос в темноте и никогда не видел человеческих лиц. Все было новым. И таким странным. Свет костра резал глаза. Ему накинули на шею веревку и повели туда, где его ждал какой-то человек.

И когда свет костра осветил вскинутый вверх клинок, толпа возликовала. И мальчик, выросший в темноте, засмеялся вместе с толпой, радостный и свободный.

А потом человек опустил клинок.

Тень открыл глаза и понял, что замерз и проголодался. Окна в квартире покрылись коркой льда. Это его замерзшее дыхание, подумал он. Он вылез из постели, радуясь, что не нужно одеваться, подошел к окну и поскреб ледяную корочку.

Лед собрался под ногтем и тут же растаял.

Он попытался вспомнить сон, но не вспомнил ничего, кроме боли и тьмы.

Он обулся и подумал, что, если бы он уже ориентировался в городе, можно было бы пройтись до центра, прогуляться по мосту, добраться до северного берега озера. Нацепив на себя тонкую демисезонную куртку, он вспомнил, что дал себе обещание купить теплый зимний пуховик, и с этой мыслью открыл дверь и вышел на деревянную веранду. От мороза у него сразу перехватило дыхание: он вдохнул и почувствовал, как каждый волосок в ноздрях превращается в ледышку. С веранды открывался прекрасный вид на озеро: белую пустыню с серыми островками неправильной формы.

Похолодало и впрямь довольно резко. Едва ли на улице было больше нуля по Фаренгейту,[70] так что прогулка не обещала быть приятной, и все же он решил, что до центра доберется без особых проблем. Что там Хинцельманн сказал вчера ночью — десять минут ходьбы? А Тень мужик крепкий. Пойдет бодрым шагом и даже замерзнуть не успеет.

---

[70] notes: 70

Ноль по Фаренгейту — это примерно минус 18 по Цельсию.

Он зашагал на юг, по направлению к мосту.

Вскоре у него начался слабый сухой кашель, оттого что легкие вдыхали невыносимо холодный воздух. Еще через некоторое время от холода начали гореть уши, лицо и губы, а потом — ноги. Перчаток у него не было, и он, сжав кулаки, сунул руки поглубже в карманы, чтобы хоть немного согреться. Он поймал себя на том, что вспоминает, какие сказки ему рассказывал Космо Дей по прозвищу Ловкий о зимах в Миннесоте: особенно вспомнилась история об охотнике, которого медведь загнал на дерево в сильный мороз. Охотник расстегнул ширинку и пустил желтой струйкой мочу, которая замерзла, не успев долететь до земли. В общем выссал себе ледяную жердь, съехал по ней на землю и был таков. Вспомнив эту историю, Тень криво улыбнулся и снова зашелся сухим мучительным кашлем.

Он шел шаг за шагом, шаг за шагом. Потом оглянулся: дом оказался гораздо ближе, чем он предполагал.

Не стоило высовываться на улицу, решил он. Но теперь Тень был уже в трех-четырех минутах ходьбы от дома, а впереди виднелся мост через озеро. Значит без разницы — возвращаться обратно или идти дальше. (И что дальше? Вызвать

такси по сломанному телефону? Ждать весны? Да еще и жратвы в доме нет, напомнил он себе.)

Он продолжал идти, прикидывая в уме, на сколько градусов упала температура. Сколько сейчас показывает термометр? Минус десять? Минус двадцать? А то и все минус сорок (странная отметка на термометре: что по Цельсию, что по Фаренгейту — одно и то же). А может, вовсе и не так холодно. Может, это все из-за ветра: сильного, ровного, неутихающего, который дул с озера, прилетев через Канаду из самой Арктики.

Он с досадой вспомнил о химических грелках для рук и ног. Вот когда они нужны на самом деле.

Тень шел, наверное, еще минут десять, а мост даже не приблизился. Глаза ломило. Было так холодно, что даже дрожать не получалось. Не просто холодно, а прямо что-то из области научной фантастики. Как будто он оказался на темной стороне Меркурия (когда еще считалось, что у Меркурия есть темная сторона). Или где-нибудь на скалистом Плутоне, откуда солнце кажется всего лишь звездой, одной из множества других, которая просто светится в темноте чуть ярче, чем остальные. Еще чуть-чуть, думал Тень, и он окажется в таком месте, куда воздух доставляют

в бочках и разливают как пиво.

Машины, которые время от времени с ревом проносились мимо, казались Тени чем-то нереальным: какие-то космические корабли, маленькие быстрозамороженные упаковки из стекла и метала, а в них люди, одетые теплее, чем он. В голове завертелась одна старая песенка, которую любила его мама, «Гуляя по зимней чудо-стране», и он стал напевать ее сквозь плотно сомкнутые губы, стараясь шагать в такт мелодии.

Ног он больше не чувствовал. Он посмотрел на свои черные кожаные ботинки, надетые на тонкие хлопчатобумажные носки, и всерьез испугался, что отморозит себе ноги.

Это уже не шутки. Это уже не смешно, это перешло все мыслимые и немыслимые границы и даже границы того элементарного чувства, которое можно выразить фразой: боже-мой-я-в-полной-жопе. Одежда не грела, с таким же успехом можно было бы замотаться в сеть или кружево: его насквозь продувало ветром, ветер вымораживал кости и костный мозг, замораживал даже ресницы, пробирался под самые яйца, которые уже, кажется, втянулись обратно в малый таз.

Шагай дальше, говорил он себе. *Шагай, не оста-*

навливайся. Вот доберешься до дома и глотнешь воздуха вволю. В голове зазвучала песня Битлов, и он подстроил под нее свой шаг. И только когда дошел до припева, сообразил, что напевает «Help».

Он почти добрался до моста. Вот он его перейдет — и останется еще минут десять до ближайшего магазина на западном берегу озера, а может, чуть больше…

Мимо проехала темная машина, потом притормозила, дала задний ход, выпустив в атмосферу мутное облако выхлопного газа, и остановилась рядом с ним. Водитель опустил стекло, и к выхлопным газам примешались выплывшие из окна туман и пар — не машина, а просто дракон какой-то.

— С вами все в порядке? — спросил сидевший в машине коп.

Первой реакцией Тени было сказать: «Да, все отлично, просто шикарно, не беспокойтесь, офицер». Но это катастрофически не соответствовало действительности, и он начал так:

— Кажется, я замерз. Я пошел в Лейксайд, купить еды и кое-какую одежду, но недооценил расстояние. — Вернее, эта фраза сложилась у него в голове, и он внезапно понял, что просто стоит и стучит зубами от холода, произнеся вслух только:

— З-з-замерз. Из-звините. Мороз-з. Из-звините.

Коп открыл заднюю дверцу и сказал:

— Садитесь скорее в машину, давайте, давайте! А то совсем закоченеете.

Тень радостно залез внутрь, устроился на заднем сиденье и стал тереть ладонью ладонь, прогоняя невеселые мысли об отмороженных пальцах на ногах. Коп уселся обратно на водительское сиденье. Тень смотрел на него через металлическую решетку, стараясь не думать о своей последней поездке на заднем сиденье полицейской машины и не придавать значения отсутствию ручек на задних дверцах. Вместо этого он сосредоточенно растирал руки, пытаясь вернуть в них жизнь. Лицо горело, пальцы ломило, а теперь, в тепле, снова почувствовали вкус к боли и пальцы на ногах. Тень решил, что это хороший знак.

Коп нажал на газ, и они тронулись с места.

— Знаете, — не оборачиваясь, но немного повысив голос, сказал коп, — вы меня, конечно, простите, но как-то вы опрометчиво поступили. Разве вы не слышали прогноз погоды? На улице минус тридцать. А когда такой ветер, господь его знает, на сколько градусов это тянет — на минус шестьдесят, минус семьдесят. Хотя, сдается мне,

если опустилось ниже тридцати, уже все равно, какой там ветер.

— Спасибо, — сказал Тень. — Спасибо, что остановились. Я вам очень, очень признателен.

— Сегодня в Райнлендере одна женщина вышла из дома, чтобы насыпать птичкам корма в кормушку, вышла в одном халате и тапочках и вмерзла, ну то есть буквально вмерзла в тротуар. Теперь в реанимации. Сегодня утром по телевизору показывали. А вы недавно в городе? — Это был вопрос, хотя ответ на него явно был уже известен.

— Приехал этой ночью на «Грейхаунде». Решил вот выйти, купить себе теплую одежду и машину и едой закупиться. Не думал, что будет такой мороз.

— Да уж, — откликнулся коп. — Сам не ожидал. Все беспокоился по поводу глобального потепления. Я Чэд Маллиган, начальник местной полиции.

— Майк Айнсель.

— Привет, Майк. Согрелись?

— Да, согрелся немножко.

— Так куда в первую очередь прикажете вас отвезти?

Тень подставил было руки под струю горячего

воздуха, но пальцы заломило, и он убрал их. Пусть согреваются сами.

— Просто высадите меня где-нибудь в центре.

— Даже слышать этого не хочу. Я с большим удовольствием отвезу вас, куда скажете, если только, конечно, вы не собираетесь на моей машине скрыться после ограбления банка. Считайте, что я везу вас в фургоне «Велкам Вэгон».[71]

— И куда же вы предлагаете поехать для начала?

— Вы ведь только вчера приехали?

— Да.

— Уже позавтракали?

— Пока нет.

— Тогда я, кажется, знаю одно очень неплохое местечко, с которого мы и начнем, — сказал Маллиган.

Они проехали мост и оказались в северо-западной части города.

— Это главная улица, — сказал Маллиган, — а это, — сказал он, заворачивая с главной улицы направо, — городской парк.

---

[71] notes: 71

Общенациональная организация, помогающая переселенцам устроиться на новом месте. «Welcome wagon» — также автофургон с рекламными проспектами, образцами местной продукции и т. д., которые раздаются приезжим и новым поселенцам.

Даже зимой городской парк выглядел впечатляюще, хотя Тень знал, что таким парком любоваться следует летом: вот тогда будет буйство красок — расцветут цветы всех мастей, и маки, и ирисы, а несколько растущих в уголке березок превратятся в серебристо-зеленую беседку. Теперь парк был бесцветным, голым, но все-таки по-своему прекрасным, хотя фонтан был на зиму отключен, а городскую ратушу, облицованную бурым песчаником, занесло снегом.

— …А это, — сказал Чэд Маллиган, остановив машину на западной стороне парка у старого высокого здания со стеклянной витриной, — кафе Мейбл.

Он вышел из машины, открыл заднюю дверцу и выпустил Тень. Опустив головы, чтобы в лицо не задувал холодный ветер, они пробежали по тротуару и зашли в теплое помещение, где приятно пахло свежеиспеченным хлебом и другой выпечкой, а также супом и беконом.

Посетителей почти не было. Маллиган сел за столик, Тень уселся напротив. У него возникло подозрение, что Маллиган просто-напросто прощупывает прибывшего в город чужака. Хотя, с другой стороны, может начальник полиции таков и есть на самом деле, каким кажется: дру-

желюбный, внимательный к людям, добрый.

К ним тут же подошла женщина лет за пятьдесят, не толстая, а скорее *крупная*, с волосами, отливающими бронзой.

— Привет, Чэд, — сказала она. — Принести вам горячего шоколада, пока будете выбирать? — Она протянула им два ламинированных меню.

— Только без взбитых сливок, — согласился он. — Мейбл знает меня как облупленного, — сказал он Тени. — А ты что скажешь, приятель?

— Горячий шоколад — это прекрасно, — сказал Тень. — Но я бы от взбитых сливок не отказался.

— Вот и правильно, голубчик, — сказала Мейбл. — Зачем же себе отказывать в столь рискованном удовольствии? Ты меня не представишь, Чэд? Молодой человек — наш новый полицейский?

— Пока нет, — ответил Чэд Маллиган, блеснув белоснежной улыбкой. — Это Майк Айнсель. Он приехал в Лейксайд сегодня ночью. Извините, я отойду на секунду. — Он встал, удалился в глубь зала и зашел в дверь с табличкой ПОЙНТЕРЫ. На соседней двери было написано СЕТТЕРЫ. Те, кто наставляет, и те, кто расставляет, подумал про себя Тень.

— Значит, это вы новый обитатель квартиры на Нортбридж-роуд. В бывшем доме Пилзена. Ну,

точно! — радостно сказала она. — Тогда, значит, я вас знаю. Утром заходил Хинцельманн — съесть свой утренний пирожок, он мне все про вас и рассказал. Так вы, мальчики, будете только горячий шоколад или все-таки взглянете на утреннее меню?

— Я бы позавтракал, — сказал Тень. — Что посоветуете?

— У нас все вкусно, — сказала Мейбл. — Я сама готовлю. Но вот наши пирожки особенно хороши. Ни южнее, ни восточнее юпи вы таких пирожков не встретите. С пылу с жару и начинка что надо. Мое фирменное блюдо.

Тень на свой страх и риск согласился отведать пирожков, и через пару секунд Мейбл вернулась с тарелкой: на ней лежало что-то вроде небольшого закрытого пирога, завернутого снизу в бумажную салфетку. Тень взял его вместе с салфеткой и откусил: и впрямь с пылу с жару, а внутри начинка — с мясом, картофелем, морковью и луком.

— Первый раз в жизни ем такой пирожок, — сказал он. — Очень вкусно.

— По рецепту юпи. Чтобы такой попробовать, нужно по крайней мере до Айронвуда доехать. Рецепт привезли с собой корнуоллцы, которые приехали сюда на железные рудники.

— А юпи что значит?

— Верхний полуостров. Upper Peninsula. U.P. Юпи. Небольшой кусочек штата Мичиган на северо-востоке.

Вернулся начальник полиции. Взял чашку и, причмокивая, стал потягивать горячий шоколад.

— Мейбл, — сказал он, — ты что, заставляешь молодого человека есть твои пирожки?

— Так вкусно ведь! — сказал Тень и не соврал. Больно аппетитной была начинка в горячем тесте.

— Вот только пузо от них растет, — сказал Чэд Маллиган, похлопав себя по животу. — Я тебя предупредил. Ну, ладно. Значит, говоришь, тебе машина нужна?

Маллиган снял куртку, и оказалось, что у этого тощего копа успело нарасти круглое, как арбуз, брюшко. На лице — застывшее выражение усталой, все и вся понимающей мудрости: и вообще он был похож скорее на инженера, чем на копа.

Тень кивнул, жуя пирожок.

— Так вот. Я позвонил в пару мест. Джастин Лейбовиц продает джип, просит за него четыре тысячи, но готов отдать и за три. Гунтеры уже восемь месяцев не могут продать свою «Той-оту-Форанер», жуткая уродина, поэтому они,

глядишь, сами тебе приплатят, лишь бы ты ее у них забрал. Так что если жуткий вид машины тебя не смущает, считай, тебе повезло. Я позвонил из мужского туалета, оставил сообщение для Мисси Гунтер в «Недвижимости Лейксайда», но она там пока не появлялась, наверное, волосы укладывает «У Шейлы».

Тень продолжал с удовольствием уминать пирожок. Начинка была фантастическая. «Объедение, просто пальчики оближешь, — сказала бы его мама. — И ладошки тоже».

— Значит так, — сказал начальник полиции Чэд Маллиган, вытирая с верхней губы усики из шоколадной пенки. — Думаю, теперь нужно заехать в «Товары для фермы и дома Хеннинга», купим тебе нормальную зимнюю одежду, потом заскочим в «Деликатесы Дейва», закупишься там едой, а потом закину тебя в «Недвижимость Лейксайда». Если сразу отдашь за машину тысячу, они будут счастливы, если нет, их устроит и по пять сотен в месяц в рассрочку на четыре месяца. Я уже говорил, машина страшная — жуть, и если б их пацан не перекрасил ее в пурпурный цвет, она бы все десять тысяч стоила. Но зато надежная, зимой ездить — в самый раз, это я тебе точно говорю.

— Большое спасибо за помощь, — сказал

Тень. — Ты вроде преступников ловить должен, а сам приезжим помогаешь. Только не подумай, я ничего не имею против.

— Да мы ему все в один голос об этом твердим! — засмеялась Мейбл.

Маллиган пожал плечами.

— Хороший у нас городок, — сказал он простодушно. — И в общем-то тихий. Всегда, конечно, кто-то куда-то несется, превышая скорость, — но так что ж в этом плохого, я из штрафов зарплату получаю. Вечером в пятницу-субботу обязательно какой-нибудь недомерок напьется, поколотит жену. А иногда, уж поверьте, бывает и наоборот: жены колотят мужей. А на улицах обычно спокойно. Меня вызывают, если по случайности кто-то захлопнул ключи в машине. Или когда собаки лай поднимут. Да еще каждый год на стадионе, за трибунами, ловлю старшеклассников с травкой. А самый серьезный случай за последние пять лет — это когда Дэн Шварц напился и стал палить по собственному трейлеру, а потом покатился на инвалидной коляске по главной улице. Все размахивал своим идиотским дробовиком и орал, что никто не помешает ему выехать на федеральную трассу и он пристрелит любого, кто встанет у него на пути. Я так думаю, он решил

докатиться до самого Вашингтона и пришить президента. До сих пор не могу без смеха вспоминать, как Дэн мчался на федеральную трассу в своей коляске. Он еще к ней сзади бамперную наклейку приляпал: «Мой трудный подросток ебал вашу честь». Ты помнишь, Мейбл?

Мейбл, скривившись, кивнула. Ей, судя по всему, это не показалось таким уж смешным.

— И что ты сделал? — спросил Тень.

— Я просто с ним поговорил. Он отдал мне дробовик. Отоспался ночь за решеткой и пришел в себя. Дэн, в общем-то, мужик неплохой, ну бывает — выпил, расстроился.

Тень заплатил за свой завтрак и, несмотря на робкие протесты Чэда Маллигана, за обе чашки горячего шоколада.

«Товары для фермы и дома Хеннинга» располагались в здании размером с товарный склад на юге Лейксайда. Там можно было купить все что угодно, начиная от трактора и заканчивая всякими безделушками (безделушки и рождественские украшения продавались уже со скидкой). В магазине толпились любители послепраздничных распродаж. Тень заметил в толпе одну из тех девочек, что сидели перед ним в автобусе, — ту, что помладше. Она плелась за родителями. Он

помахал ей, и она нерешительно улыбнулась, показав синие брекеты. Тень лениво подумал: интересно, какой она станет через десять лет.

Может, она станет такой же красивой, как девушка за кассой, которая сканировала его покупки пиликающим ручным пистолетом. Тень не сомневался, она бы и трактор пробила, если бы кто-нибудь подкатил его к кассе.

— Пять пар теплых кальсон? — удивилась девушка. — Про запас, что ли? — Она была похожа на старлетку.

Тень вдруг опять почувствовал себя четырнадцатилетним подростком — стоит дурак дураком, будто язык проглотил. И пока она пробивала теплые сапоги, перчатки, свитера и куртку на гусином пуху, он так и не сказал ни слова.

Он не хотел рисковать и проверять кредитку, которую ему дал Среда, — по крайней мере не в присутствии всегда готового придти на помощь начальника местной полиции Чэда Маллигана, стоявшего рядом, — и расплатился наличными. Потом зашел с пакетами в мужской туалет и через некоторое время вышел, нацепив на себя немалую часть купленных вещей.

— Неплохо смотришься, как будто еще подрос, — сказал Маллиган.

— Во всяком случае тепло, — ответил Тень.

Когда они вышли на стоянку, холодный ветер обжигал лицо, зато все остальное было в тепле. Приняв предложение Маллигана, он погрузил пакеты с покупками на заднее сиденье машины, а сам сел впереди, на пассажирское место.

— Так чем же занимается в жизни этакий здоровяк вроде тебя, а, мистер Айнсель? — спросил начальник полиции. — Будешь работать в Лейксайде по профессии?

Сердце у Тени заколотилось, но голос был ровный.

— Я работаю на дядю. Он покупает и продает разные вещи по всей стране. А я таскаю тяжести.

— И что, хорошо платит?

— Я ж ему все-таки родственник. Он знает, что я его не нагрею, а я потихоньку набираюсь опыта в торговле. Пока не пойму, чем на самом деле хочу заниматься. — Врал он очень уверенно, как по писаному. В этот момент он знал о Майке Айнселе все, и Майк Айнсель ему нравился. У Майка Айнселя не было всех тех проблем, которые были у Тени. Айнсель никогда не был женат. Майка Айнселя не допрашивали в товарном поезде мистер Лесс и мистер Камен. С Майком Айнселем не разговаривали телевизоры («Хочешь посмотреть

на сиськи Люси?» — раздался голос у него голове). Майку Айнселю не снились дурные сны, и он не верил в то, что надвигается буря.

В «Деликатесах Дейва» он покидал в корзину кое-какие продукты с ощущением, что пополняет запасы еды на очередной заправке. Молоко, яйца, хлеб, яблоки, сыр, печенье — чтобы было чем заморить червячка. По-настоящему он затарится позже. Пока он ходил по магазину, Чэд Маллиган здоровался с людьми и знакомил с ними Тень.

— Это Майк Айнсель, он въехал в пустую квартиру в старом доме Пилзена. В ту, что сбоку, — говорил он.

Тень даже не пытался запомнить имена. Просто протягивал руку и улыбался. Ему было некомфортно в натопленном магазине под непроницаемым слоем одежды, и он даже начал потеть.

Чэд Маллиган подбросил Тень в «Недвижимость Лейксайда» на другой стороне улицы. Лишних представлений не понадобилось: Мисси Гунтер, с недавно уложенной и залаченной прической, и без того точно знала, кто такой Майк Айнсель. А то как же, мистер Борсон, его дядя, очень милый и любезный человек, был тут недель шесть-восемь тому назад и снял квартиру в старом доме Пилзена, а какой там вид из окна,

просто умереть не встать! Да-да, голубчик, вот подождите, придет весна, мы просто счастливчики, в наших краях многие озера летом цветут — зеленые такие, прямо тошно, не то что наше озеро, из него даже на Четвертое июля воду пить можно *практически*, мистер Борсон, кстати, заплатил за год вперед, а что касается «Тойоты-Форанер», просто не верится — неужели Чэд Маллиган до сих пор про нее помнит, конечно, она будет просто счастлива от нее избавиться. Сказать по правде, она уже согласилась отдать ее Хинцельманну, чтобы он отправил ее на лед в этом году, и отделаться от нее поскорее, нет, машина в хорошем состоянии, до развалюхи ей еще далеко, на ней раньше сын ездил, пока не поступил в колледж в Грин-Бей, вот только однажды взял и покрасил ее в пурпурный цвет, ха-ха, она надеется, Майка Айнселя не тошнит от пурпурного, в общем-то это все, что она хотела сказать, и если он откажется, она, конечно, поймет…

Где-то на середине ее литании начальник полиции Маллиган откланялся и ушел.

— Меня ждут в конторе. Рад был с вами познакомится, Майк, — сказал он и перебросил пакеты с покупками в кузов машины Мисси Гунтер.

Мисси повезла Тень к себе. Рядом с домом на

подъездной дорожке стоял видавший виды внедорожник, наполовину занесенный слепяще белым снегом, сквозь который просматривался настолько тошнотворный пурпурный цвет, что нужно было бы, наверное, очень долго и очень крепко квасить, чтобы хотя бы попытаться поверить в то, что тебе, в общем-то, этот цвет кажется симпатичным.

Тем не менее машина завелась с первой попытки, печка работала исправно, правда, чтобы температура в салоне сменилась с невыносимо холодной до просто прохладной, нужно было включить ее на полную мощность и оставить на холостом ходу минут на десять. Пока машина прогревалась, Мисси Гунтер пригласила Тень пройти на кухню — пусть он не обращает внимания на бардак, это с Рождества, малыши повсюду раскидали игрушки, а она все никак не сподобится навести порядок, может, угостить его индейкой? С праздника осталось. Нет, ну тогда кофе, сейчас сварится, за секунду. Тень убрал со стоящего возле окна кресла большую красную игрушечную машину и сел. А Мисси Гунтер тем временем интересовалась, познакомился ли он со своими соседями, и Тень признался, что еще нет.

Пока кофеварка-автомат прогоняла сквозь кофе

пар, Тень узнал, что в доме, где он поселился, жили еще четыре человека — раньше, когда дом принадлежал Пилзенам, Пилзены жили в квартире на нижнем этаже, а две квартиры наверху сдавали, а теперь в их квартире живет пара молодых людей, мистер Хольц и мистер Найман, они и в самом деле пара, а когда она говорит *пара*, мистер Айнсель, ей-богу, у нас тут всякие люди живут, вот и в лесу ведь всякие деревья есть, хотя, конечно, такие люди бегут в Мэдисон или в Города-близнецы,[72] хотя, по правде говоря, все тут смотрят на это сквозь пальцы. Они уехали на всю зиму в Ки-Уэст, вернутся в апреле, тогда он с ними и познакомится. Главное, что Лейксайд — замечательный городок. А рядом с мистером Айнселем, в соседней квартире живет Маргарет Ольсен с сынишкой, славная женщина, очень-очень славная, хотя от жизни натерпелась, но все равно очень славная, просто душечка, а работает она в «Лейксайд ньюс». Это, конечно, не самая интересная в мире газета, но, чего уж тут скрывать, Мисси Гунтер считает, что народу, может быть, именно такая и нравится.

Эх, вздохнула она и налила ему кофе, вот ес-

[72] notes: 72

Города-близнецы — Сент-Пол и Миннеаполис, расположенные по обоим берегам Миссисипи напротив друг друга.

ли бы мистер Айнсель увидел город летом или поздней весной, когда цветет сирень, и яблоня, и вишня, вот ведь ни с чем не сравнимая красота, нигде в мире такого не увидишь.

Тень дал ей пятьсот долларов в качестве задатка, сел в машину и, дав задний ход, выехал с переднего дворика на подъездную дорожку. Мисси Гунтер постучала ему в окно:

— Чуть не забыла, — сказала она, — это вам, — и протянула темно-желтый конверт. — Это так, хохма одна. Мы напечатали их несколько лет назад. Можете потом посмотреть.

Он поблагодарил ее и осторожно повел машину в город, выбрав дорогу, идущую вдоль озера. Вот бы и впрямь взглянуть на него весной, или летом, или даже осенью: наверняка очень красиво, кто бы сомневался.

Через десять минут он был уже дома.

Он припарковал машину и поднялся по лестнице в холодную квартиру. Разобрал покупки, убрал еду в кухонный шкаф и холодильник и открыл конверт, который ему вручила Мисси Гунтер.

В нем лежал паспорт. Голубая пластиковая обложка, а внутри грамота, провозглашающая *Майка Айнселя* (его имя было выведено аккуратным почерком Мисси Гунтер) гражданином

Лейксайда. На следующей странице была карта города. А затем шли купоны на скидки в местных магазинах.

— А мне здесь, пожалуй, начинает нравиться, — вслух произнес Тень. Он посмотрел на замерзшее озеро через обледенелое окно. — Вот еще бы потеплело.

Часа в два раздался стук в дверь. Тень как раз проделывал «Обмани дурака»: старался незаметно перекидывать четвертак из одной руки в другую. Руки замерзли, пальцы не гнулись — и монета все время подала на стол, а когда в дверь постучали, он от неожиданности снова ее уронил.

Он встал и открыл дверь.

На секунду его отхватил ужас: на пороге стоял человек в черной маске, которая скрывала всю нижнюю часть лица. В таких преступники грабят банки по телику. А еще такие маски носят серийные убийцы в дешевых киношках, чтобы пугать своих жертв. На голове у человека была черная вязаная шапочка.

Тем не менее по виду незнакомец был легче и меньше Тени и, похоже, без оружия. А еще на нем было пальто из яркой шотландки — настоящий серийный убийца такую вещь вряд ли наденет.

— Эфа я финфельфан, — сказал незнакомец.

— Чего?

Человек стянул маску — и Тень увидел радостное лицо Хинцельманна.

— Это, говорю, я, Хинцельманн. Слушайте, я даже не знаю, что бы мы делали без этих масок. Хотя я помню, что мы делали. Носили такие толстые вязанные шапки, когда только лицо наружу, и шарфы, и вообще чего только не носили. В последнее время столько всего понапридумывали — чудеса, да и только. Я, может, и старый, но на прогресс не жалуюсь, не дождетесь!

Он закончил свою речь и, всучив Тени корзинку, битком набитую сырами местного производства, банками, бутылками и маленькими салями, которые именовались летними охотничьими колбасками, зашел.

— Веселого вам послерождественского дня! — сказал он. Нос, уши и щеки у него были как ошпаренные — несмотря на маску. — Я слышал, вы уже отведали пирожок у Мейбл. А я тут вам кое-что принес.

— Очень мило с вашей стороны, — поблагодарил Тень.

— Да ладно, чего уж там. Вот будет на следующей неделе лотерея, тогда я на вас и отыграюсь.

Лотереей заправляет Торговая палата, а Торговой палатой заправляю я. В прошлом году мы собрали почти семнадцать тысяч долларов для детского отделения городской больницы.

— Так продайте мне лотерейный билет прямо сейчас.

— Лотерея стартует, когда на лед вытащат старую развалюху, именуемую у нас в городе драндулетом, — сказал Хинцельманн, бросив взгляд на озеро из окна. — Мороз. Температура сегодня за ночь упала, небось, градусов на пятьдесят.

— Похолодало резко, это точно, — согласился Тень.

— А раньше, бывалоча, о таких морозах молились, — сказал Хинцельманн. — Мне отец рассказывал.

— Молились? О таком-то холоде?

— Ну да, только так поселенцы и могли здесь выжить. Еды на всех не хватало, не то что сейчас, пошел к Дейву, нагрузил тележку — и порядок, а раньше нет, не тут-то было, сударь. Вот мой дедуля и придумал один фокус, и когда становилось совсем холодно, вот как сегодня, он брал бабулю и детишек, моего дядюшку и мою тетушку, и папочку моего — он был самым младшим, — а

еще служанку и батрака в придачу, и вел их всех к ручью. Каждому давал выпить по глотку рома, настоянного на травах, по рецепту со старой родины, а потом поливал их водой из ручья. Ясное дело, они буквально за секунду покрывались льдом, синели и застывали, точно фруктовый лед. Он их отволакивал к яме, заранее вырытой и застеленной соломой, укладывал друг на дружку, как дрова, а вокруг еще соломки подкладывал, а потом накрывал яму досками, чтобы ни одна живая тварь до них не добралась, — а в то время здесь и волки, и медведи водились, да какой только живности не водилось, вот только что ходагов[73] не было, про них рассказывают всякие небылицы, но я не буду злоупотреблять вашим доверием и вешать вам лапшу на уши, и не дождетесь, сударь, — так вот, он накрывал яму досками, а после снегопада ее вообще было не отыскать, если бы не флаг, который он втыкал в сугроб, чтобы не забыть, где яма.

Вот так вот моя бабуля и зимовала всю зиму, не зная забот, и не нужно было ей ломать голову над тем, где взять еду и дрова. А когда дедуля понимал, что вот-вот начнется настоящая весна,

---

[73] notes: 73

Ходаг — химерическое животное в фольклоре штата Висконсин.

он шел к яме, раскапывал снег, убирал доски и тащил все семейство поближе к костру, чтобы они оттаяли. И никто никогда не жаловался, кроме одного батрака, которому пол-уха отгрызли мыши, потому что дедуля как-то раз не очень плотно уложил на яму доски. Зимы-то, конечно, в то время были *настоящими*. И такое вполне можно было проделать. Тогда морозило дай боже, не то что сейчас, не зима, а хрен знает что.

— Да ладно! — разыгрывая простака, Тень веселился от души.

— Ни одной нормальной зимы с сорок девятого года, да вы ее и не помните, малы еще были. Вот *это* была зима. А я вижу, вы себе транспорт приобрели.

— Ага. Как вам?

— По правде говоря, мальчишка Гунтеров мне никогда не нравился. У меня раньше была речушка с форелью в лесу, на краю моего участка, ну, то есть, земля-то городская, а я просто натаскал в речку камней, устроил небольшие запруды, форель любит такие места. Каких красавиц я там ловил — каждая фунтов на шесть-семь, — а этот гаденыш Гунтер разломал мои запруды да еще грозился донести на меня в Департамент природных ресурсов. Сейчас он в Грин-Бей, но вот-вот

вернется обратно. Нет в мире справедливости, а не то он давно уже стал бы зимним дезертиром, сбежал бы в большой мир, так нет же, прицепился к дому, как репей к вязаной жилетке. — Хинцельманн начал выкладывать на стойку продукты из подарочной корзинки. — Это желе из диких яблок. Кэтрин Паудермейкер приготовила. Каждый год на Рождество она дарит мне по баночке. У меня этих баночек в подвале скопилось уже штук сорок-пятьдесят — вы столько и на свете не прожили. Я так ни одну и не открыл, честно говоря. Ну, может, еще попробую, оценю ее старания. А вы угощайтесь. Может, и вам понравится.

— Что значит «зимний дезертир»?

— Ммм. — Старик сдвинул вязаную шапочку на затылок и потер висок указательным пальцем. — Ну, такое не только в Лейксайде случается — городок у нас хороший, лучше, чем многие другие, но и у нас не все идеально. Бывает, зимой детишек того, слегка переклинивает, что ли, когда на улице такой морозильник и приходится торчать в четырех стенах, а снег такой сухой, что даже снежок не слепишь, все рассыпается…

— И они сбегают?

Старик мрачно кивнул.

— Я во всем виню телевидение, показывают

детям то, чего у них все равно никогда не будет, — «Даллас» там, «Династию» и прочую дрянь. Я телевизор не смотрю с восемьдесят третьего года, у меня, правда, стоит в шкафу черно-белый приемник, на случай, если кто заедет в гости, а тут показывают какой-нибудь важный матч.

— Предложить вам что-нибудь, Хинцельманн?

— Только не кофе. У меня от него изжога. Просто налейте воды. — Хинцельманн покачал головой. — Самая большая проблема в наших краях — бедность. Не такая бедность, какая была во времена Великой депрессии, а такая, которая надвигается… Как говорят, когда что-то незаметно лезет из щелей, как тараканы?

— Исподтишка?

— Вот-вот, исподтишка. Лесопилка стоит. Шахты заброшены. Туристы дальше Деллса[74] не заезжают, за исключением горстки охотников да детишек, что ходят в походы на озера — но только эти-то в городах денег не тратят.

— А с виду ваш Лейксайд выглядит городом прямо-таки процветающим.

Старик прищурился.

---

[74] notes: 74

Деллс — живописное глубокое ущелье реки Висконсин на юге штата Висконсин. Одно из самых популярных мест отдыха на Среднем Западе.

— А сколько на это уходит труда, не задавались вопросом? Тяжелого труда. Но городок у нас хороший, люди вкладываются — поэтому и результат есть. Не то чтобы мы жили богато, когда я был ребенком. Вот спросите меня, богато ли мы тогда жили?

Тень, вжившись в роль простачка, спросил:

— Богато ли вы жили, мистер Хинцельманн?

— Просто Хинцельманн, Майк. Нет, мы были такими бедными, что даже дрова были нам не по карману. В канун Нового года мой отец сосал мятный леденец, а мы стояли вокруг, протянув ладошки, и грелись от его тепла.

Тень фыркнул. Хинцельманн надел свою лыжную маску, застегнул широкое пальто из шотландки, вынул из кармана ключи от машины и в довершение всего натянул толстенные перчатки.

— Как заскучаете, заходите в магазин. Спросите меня. Я покажу вам свою коллекцию приманок для рыбной ловли — насекомые ручного плетения. Надоем вам так, что домой побежите с радостью. — Голос Хинцельманна звучал приглушенно, но внятно.

— Так и сделаю, — улыбнулся Тень. — Как Тесси?

— Тесси отдыхает. Будет зимовать в гараже до весны. Ну, берегите себя, мистер Айнсель.

Хинцельманн вышел и закрыл за собой дверь.

В квартире стало еще холоднее.

Тень надел куртку и перчатки. Потом обулся. В окне теперь почти ничего нельзя было разглядеть из-за намерзшей наледи: вместо озера одни абстрактные очертания.

Изо рта шел пар.

Тень вышел из квартиры на деревянную веранду и постучал в соседнюю дверь. Он услышал, как женщина на кого-то кричит, чтобы тот, ради бога, заткнулся и убавил телевизор, — должно быть, на ребенка, взрослый человек не будет так кричать на взрослого. Дверь открылась, и он увидел женщину — уставшую, с очень черными, очень длинными волосами. Она смотрела на него настороженно.

— Да?

— Здравствуйте, мэм. Я Майк Айнсель. Ваш сосед.

Выражение на лице у женщины ничуть не изменилось.

— И что дальше?

— Мэм, у меня в квартире очень холодно. От радиатора идет кое-какое тепло, но комнаты все

равно не прогреваются.

Она смерила его взглядом, по краешкам ее губ пробежало подобие улыбки, и она сказала:

— Ну, заходите. А то и наша квартира простынет.

Он зашел. По полу были разбросаны разноцветные пластмассовые игрушки. У стены горками лежала сорванная с подарков оберточная бумага. У телевизора, носом в экран, сидел мальчик и смотрел в видеозаписи диснеевского «Геркулеса». По экрану с криками скакал мультяшный сатир. В телевизор Тень старался не смотреть.

— Значит, так, — сказала женщина. — Вот что нужно сделать. Сначала нужно заклеить окна, все необходимое для этого можно купить у Хеннинга. Купите пластиковую пленку, только не для продуктов, а для окон. Когда заклеите, если захотите, можно просушить феном, она продержится всю зиму. Еще купите электрообогреватель, можно даже два. Система отопления в доме старая, с таким холодом ей не справиться. В последние годы зимы были теплые — и на том спасибо. — Она протянула руку. — Маргарет Ольсен.

— Рад знакомству, — сказал Тень, стягивая перчатку и пожимая ей руку. — Знаете, мэм, мне почему-то всегда казалось, что Ольсены должны

быть более светловолосыми.

— Мой бывший муж был светловолосым, светлее некуда. Розовокожий такой блондин. Загар к нему вообще не приставал.

— Мисси Гунтер рассказала, что вы пишете для местной газеты.

— Мисси Гунтер рассказывает что угодно и кому угодно. Я вообще не понимаю, зачем нам нужна газета, раз есть Мисси Гунтер. — Она кивнула. — Да, пишу. Новости всякие, хотя по большей части о новостях пишет мой редактор. Я веду рубрику о природе, о садоводстве, воскресную рубрику, раздел «Новости сообщества», где дотошно, в подробностях описывается, кто с кем отобедал в радиусе пятнадцати миль и чего они съели. Или — что съели?

— Что, — вырвалось у Тени, прежде чем он спохватился. — Винительный падеж.

Она посмотрела на него, и у Тени возникло ощущение дежавю. *Я уже был здесь раньше*, подумал он.

Нет, просто она кого-то мне напоминает.

— Ну, в общем, так в квартире у вас станет теплее, — сказала она.

— Спасибо, — сказал Тень. — А когда станет теплее, приходите с вашим мелким в гости.

— Его зовут Леон, — сказала она. — Было приятно познакомиться, мистер… Простите…

— Айнсель, — подсказал Тень. — Майк Айнсель.

— Что это за фамилия такая — Айнсель? — поинтересовалась она.

Тень понятия не имел.

— Такая фамилия, — сказал он. — Признаюсь, я никогда особенно не интересовался историей своей семьи.

— Норвежская, должно быть? — спросила она.

— У нас вообще между родственниками довольно прохладные отношения, — сказал он, но, вспомнив про своего дядюшку Эмерсона Борсона, добавил: — по крайней мере по отцовской линии.

…К приезду Среды Тень заклеил щели в окнах пластиковыми пленками, поставил один обогреватель в гостиной, другой — в спальне. И в комнатах стало довольно сносно.

— Черт возьми, что за пурпурное дерьмо ты себе купил? — спросил Среда вместо приветствия.

— Ну, у меня раньше было другое, белое дерьмо, — сказал Тень, — но на нем уехал ты. Кстати, где оно теперь?

— Я его поменял с доплатой в Дулуте, — ответил

Среда. — Осторожность не повредит. Не волнуйся, свою долю ты получишь, когда все закончится.

— Что я здесь делаю? — спросил Тень. — В смысле в Лейксайде. А не вообще.

Среда улыбнулся — такой улыбкой, после которой Тени всегда хотелось его ударить.

— Ты здесь, потому что это последнее место, где они тебя станут искать. Я тебя сюда отправил, чтобы ты исчез из поля их зрения.

— «Они» — то есть «черные шляпы»?

— Именно. Боюсь, Дом-на-Скале теперь для нас закрыт. Это несколько осложняет дело, но ничего, справимся. Пока не начнется настоящая битва, — а начнется она несколько позже, чем мы все ожидали, — можно топать ногами, размахивать флагами, ходить караколью и валять дурака. Я думаю, они будут тянуть до весны. До весны ничего серьезного не произойдет.

— Почему?

— Потому что они могут сколько угодно болтать о микромиллисекундах и виртуальных мирах, о смене парадигм и т. д и т. п., но они все равно живут на этой планете и вынуждены подстраиваться под годовой цикл. Сейчас мертвый сезон. И победа, одержанная в это время, — гиблая победа.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказал Тень. Это была не совсем правда. Он смутно понимал, о чем шла речь, но надеялся, что ошибается.

— Это будет очень скверная зима, и нам с тобой надо использовать это время с максимальной пользой. Мы сплотим наши ряды и выберем поле битвы.

— Ладно, — сказал Тень. Он знал, что Среда говорит правду. Или часть правды. Будет война. Хотя нет: война уже началась. Будет битва. — Бешеный Суини сказал, что выполнял свое задание в тот вечер, когда мы встретили его в баре. Он сказал это перед смертью.

— Ты думаешь, мне пришла бы в голову мысль нанимать человека, который не сможет одолеть в пьяной драке даже такого щелкуна, как Суини? Не волнуйся, ты с лихвой оправдал мое доверие. Ты бывал в Лас-Вегасе?

— В Лас-Вегасе, который в Неваде?

— В нем самом.

— Нет.

— Мы сегодня вылетаем туда из Мэдисона, ночным вип-авиарейсом, на чартерном самолете для мотов и транжир. Я убедил их, что нужно лететь именно этим самолетом.

— Тебе врать никогда не надоедает? — спросил

Тень. Спросил мягко, с любопытством.

— Ничуточки. К слову сказать, это чистая правда. Мы играем по-крупному. До Мэдисона мы должны добраться не больше чем за пару часов, на дорогах свободно. Так что выключай обогреватели и запирай все. А то спалишь ненароком дом в свое отсутствие — и это будет совсем нехорошо.

— С кем мы будем встречаться в Лас-Вегасе? — спросил Тень.

Среда ответил.

Тень выключил обогреватели, побросал в сумку кое-какую одежду, повернулся к Среде и сказал:

— Слушай, я что-то ступил. Я помню, ты мне только что сказал, с кем мы будем встречаться, но у меня вылетело из головы. Мозг заклинило или я не знаю что. Ничего не помню. Повтори.

Среда повторил.

На этот раз Тень почти запомнил. Имя вытеснялось куда-то на периферию сознания. Нужно было внимательнее слушать. Тень не смог удержать его в памяти.

— Кто поведет? — спросил он Среду.

— Ты, — ответил он.

Они вышли из дома, спустились по деревянной лестнице и прошли по обледенелой дорожке до того места, где был припаркован черный «Лин-

кольн Таун-кар».

Тень сел за руль.

Посетителя казино со всех сторон одолевают соблазны — соблазны, отмахнуться от которых может только каменный, бессердечный, бездумный и на удивление лишенный алчности человек. Только послушайте: звон серебряных монет, которые бьют автоматной очередью, со звяканьем сыплются на поднос и переливаются через край прямо на ковер с вышитой на нем монограммой, сменяется сладкозвонным урчанием игровых автоматов, бряцаньем, металлическим плеском, который растворяется в огромной зале и понемногу стихает, переходя в расслабляющее фоновое журчание, а когда доходишь до карточных столов, — в отдаленный шум, настроенный ровно на то, чтобы поддерживать нужный уровень адреналина в крови игроков.

У всех казино есть один секрет, они его хранят, никому не выдают и очень им дорожат. Это их величайшая тайна. На самом деле большинство людей играют вовсе не для того, чтобы выиграть какую-то сумму денег, хотя именно об этом горланит реклама, именно это навязывает вам кино, именно об этом вы грезите в потаенных мечтах. Это всего лишь маленькая заманчивая ложь,

которая заставляет вас войти в огромные, всегда распахнутые и гостеприимные двери.

Секрет прост: люди играют, чтобы проигрывать. Они приходят в казино ради того, чтобы на несколько мгновений почувствовать, что они на самом деле живы, чтобы закружиться на колесе фортуны, чтобы раскрыться — как раскрываются карты; чтобы пропасть — вместе с монетой, ныряющей в щель автомата. Люди могут хвастать удачной игрой, деньгами, выигранными в казино, но в глубине души они ценят те мгновения, когда проигрывают. В каком-то смысле это жертвоприношение.

Деньги текут через казино непрерывным серебристо-зеленым потоком, переливающимся из рук в руки, от игрока к крупье, от крупье к кассиру, от кассира к управляющим, от управляющих к службе безопасности и в конце концов вливаются в святая святых, сокровенное хранилище, счетную комнату. Именно здесь, в счетной комнате казино, в которое вы пришли отдохнуть, банкноты сортируют, складывают, приходуют. Однако постепенно здесь появляется все больше пустого пространства — по мере того, как все больше денежных потоков, текущих через казино, превращаются в потоки виртуальные:

в электронную последовательность ноликов и единичек, бегущую по телефонным линиям.

В счетной комнате вы видите троих мужчин: они пересчитывают деньги под неусыпно бдящим стеклянным взглядом видеокамер — и тех, которые они сами видят вокруг себя, и крошечных видеокамер-жучков, которых не замечают. За одну смену каждый пересчитывает столько денег, сколько ему не заплатят за всю его жизнь. Каждый из них спит и видит заоблачные суммы, пачки банкнот, запечатанные бумажными лентами, проигранные и разложенные по стопкам деньги. Каждый из них не реже, чем раз в неделю невольно задумывается о том, как обойти систему безопасности и сбежать с таким количеством денег, какое только можно с собой унести, и каждому эта мечта по здравом размышлении кажется несбыточной, и он решает довольствоваться стабильным жалованьем, отмахнувшись от двойного наваждения — тюрьмы или могилы с надписью: «Неизвестный».

Здесь, в святая святых, работают три человека, которые считают деньги, здесь же присутствует охрана, которая за ними наблюдает, приносит и уносит деньги; но здесь находится и еще один человек. На нем безукоризненный пепельно-серый

костюм, у него темные волосы, он чисто выбрит, ни его лицо, ни повадки совершенно не откладываются в памяти. Никто даже не замечает его присутствия, а если на него все-таки обратили внимание, то через секунду о нем забывают.

Когда смена заканчивается, открываются двери, человек в пепельном костюме выходит из комнаты и идет вместе с охраной по коридорам, где на полу — ковры с вышитыми на них монограммами. Они катят сейфы с деньгами ко внутренней погрузочной площадке и там перетаскивают их в бронированные автомобили. Когда открывается дверь пандуса, через которую бронированная машина выезжает на утренние улицы Лас-Вегаса, человек в сером костюме проходит незамеченным в дверной проем и спускается по пандусу на тротуар. Он даже не поднимает головы, чтобы взглянуть на городской пейзаж, который слева от него силится воспроизвести очертания Нью-Йорка.

Лас-Вегас превратился в город-мечту из детской книжки с картинками — вот сказочный замок, а вон черная пирамида со сфинксами по бокам, испускающая в темноту белый свет, точно посадочные огни для НЛО, и повсюду неоновые оракулы и вращающиеся экраны предсказывают

счастье и удачу, рекламируют местных и заезжих певцов, комиков и магов, повсюду сверкают манящие, зазывающие огни. Каждый час вулкан взрывается лавиной огня и света. Каждый час пиратское судно топит королевский линейный корабль.

Человек в пепельном костюме легко и свободно шагает по тротуару и чувствует, как через город течет поток денег. Летом солнце прокаливает город, и из каждого магазинчика, мимо которого он проходит по жарким и потным улицам, веет зимним кондиционированным воздухом, охлаждающим покрытое испариной лицо. В этом оазисе зимы посреди пустыни сухо и холодно — и это ему нравится. В его воображении деньги перемещаются по гигантской сети, трехмерной «колыбели для кошки», сплетенной из света и движения. Самое притягательное в этом пустынном городе — скорость перемещения денег, путь, который они проходят, передвигаясь с места на место, переходя из рук в руки: это настоящий драйв, это кайф, и кайф гонит его на улицу, как наркомана.

За ним, держась на некотором расстоянии, медленно едет такси. Он не замечает его; ему даже в голову не приходит обратить на него вни-

мание: его самого так редко замечают, что мысль о том, что за ним могут следить, кажется почти невероятной.

Сейчас четыре утра. Он подошел к отелю и казино, которое уже лет тридцать как вышло из моды, но пока еще держится на плаву, — а завтра или через шесть месяцев его взорвут и снесут, построят на его месте новый дворец развлечений и забудут о нем навсегда. Никто не знает его, никто его не помнит. Бар в фойе обшарпанный и тихий, в воздухе висит голубой застоявшийся сигарный дым, в приватной комнате наверху кто-то вот-вот проиграет в покер несколько миллионов долларов. Человек в пепельном костюме усаживается в баре, на несколько этажей ниже той комнаты, где играют в покер. Официантка его не замечает. Фоном, почти на каком-то подсознательном уровне играет «Почему он не станет тобой?» в мьюзаковской трансляции.[75] Пять двойников Элвиса Пресли, каждый в комбинезоне своего цвета, смотрят по телевизору ночной повтор футбольного матча.

Крупный мужчина в светло-сером костюме подсаживается за столик, где сидит человек в

[75] notes: 75

Мьюзак — фирменное название системы передачи музыки по трансляционной сети. Используется в ресторанах, магазинах, клубах.

пепельном костюме. Официантка, слишком худая, чтобы быть симпатичной, слишком анорексичная, чтобы работать в «Луксоре» или «Тропикане»,[76] считающая минуты до конца рабочей смены, в упор не желающая видеть человека в пепельном костюме, тут же замечает подсевшего к нему мужчину и подходит к нему с улыбкой на лице. Тот широко улыбается в ответ.

— Вы сегодня восхитительно выглядите, дорогая, просто отрада для бедных старческих глаз, — говорит он, и официантка, почуяв щедрые чаевые, расплывается в улыбке.

Человек в светло-сером костюме заказывает себе «Джек Дэниэлс» и «Лафройг»[77] с водой для сидящего рядом человека в пепельном костюме.

— Знаете, — говорит человек в светло-сером костюме, когда приносят выпивку, — самые замечательные стихи, когда-либо сочиненные в этой треклятой стране за всю историю ее су-

---

[76] notes: 76

«Луксор» и «Тропикана» — казино в Лас-Вегасе.

[77] notes: 77

«Лафройг» — шотландский односолодовый виски, один из самых популярных сортов.

ществования, прочитал Канада Билл Джонс[78] в 1853 году в Батон-Руж, когда его, как котенка, обобрали в нечестной игре в фараон. Джордж Девол, который, как и Канада Билл, был не из тех, кто побрезгует обирать случайно ввязавшихся в игру новичков, отвел Билла в сторонку и спросил, неужели он не видит, что игра ведется нечестно. На что Канада Билл вздохнул, пожал плечами и сказал: «Я знаю, что здесь играют нечисто. Но другой игры в этом городе нет». И вернулся обратно к столу.

Человек в светло-сером костюме ловит на себе пристальный и недоверчивый взгляд темных глаз. Человек в пепельном костюме что-то ему говорит. Человек в светло-сером костюме с рыжей седоватой бородой качает головой.

— Послушайте, — говорит он. — Мне жаль, что все так вышло в Висконсине. Но я вас всех вывел оттуда целыми и невредимыми, правда? И никто не пострадал.

Человек в пепельном костюме потягивает «Лафройг» с водой, смакуя густой, болотистый, вязкий

---

[78] notes: 78

Известный американский карточный шулер и мошенник английского происхождения (ум. 1880). Специализировался на «монте». Приведенная в эпиграфе к главе 16 фраза, согласно легенде, была сказана Биллом Джонсом по поводу единственного игорного заведения в городе Кейро, штат Иллинойс.

вкус первосортного виски. Он задает вопрос.

— Не знаю. Все происходит скорее, чем я ожидал. Все так и норовят поиметь моего мальчика на побегушках — он на улице, ждет меня в такси. Ты по-прежнему с нами?

Человек в пепельном костюме отвечает.

Бородач качает головой.

— О ней уже двести лет ни слуху ни духу. Даже если она не померла, то уж точно не хочет никому показываться на глаза.

В ответ звучат еще какие-то слова.

— Слушай, — говорит бородач и залпом допивает свой «Джек Дэниэлс». — Если ты с нами, будь на месте в случае чего, а уж я о тебе позабочусь. Чего ты хочешь? Сомы? Могу достать бутылочку. Улетная фигня.

Человек в пепельном костюме не сводит с него глаз. Потом неохотно кивает и что-то говорит.

— Ну, конечно, — говорит бородач, улыбаясь острой, как лезвие, улыбкой. — А ты как думал? Посмотри на это с другой стороны: другой игры в этом городе нет.

Он протягивает свою лапищу и пожимает ухоженную руку человека в пепельном костюме. А потом уходит.

К столику подходит худая официантка. Она

обескуражена: теперь за столиком в углу сидит только один человек, темноволосый мужчина в стильном костюме пепельно-серого цвета.

— Вам что-нибудь принести? — спрашивает она. — Ваш друг еще вернется?

Темноволосый мужчина вздыхает и говорит, что его друг не вернется, и потому чаевых за потраченное время и беготню она не получит. И когда замечает по глазам, что это ее задело, ему становится ее жаль, и он мысленно представляет траекторию золотых нитей, обозревает матрицу, прослеживает путь денег, пока наконец не добирается до узлового пункта, и тогда говорит ей, что если она к шести утра, через полчаса после окончания смены подойдет к «Острову сокровищ», она встретит там онколога из Денвера, который только что выиграл в кости сорок тысяч долларов, и ему очень нужен надежный и верный партнер, компаньон, кто-нибудь, кто поможет ему промотать все без остатка за сорок восемь часов, оставшихся до отлета домой.

Слова тут же вылетают у официантки из головы, но делают ее счастливой. Она вздыхает, замечая, что мужчины, сидевшие за столиком в углу, сбежали, не оставив чаевых; потом до нее доходит, что вместо того чтобы ехать после сме-

ны прямиком домой, она направляется в «Остров сокровищ»; и если бы кто-то спросил ее — почему, она бы не нашлась, что ответить.

— Так кто же этот парень, с которым ты встречался? — спросил Тень, когда они возвращались обратно в лас-вегасский аэропорт. В аэропорту были установлены игровые автоматы, и даже в этот утренний час перед ними стояли люди и скармливали им монеты. Интересно, подумал Тень, есть ли среди них такие, кто так и не выйдет из аэропорта, кто сошел с трапа, попал по раздвижному переходу в здание аэропорта, да так там и остался, завороженный крутящимися картинками и сверкающими огоньками, кто, скормив автоматам последний четвертак и оставшись ни с чем, развернется и полетит обратно домой.

Тут он понял, что отключился, пока Среда рассказывал про человека в темном костюме, за которым они ехали на такси, и ничего не запомнил.

— Он в деле, — сказал Среда. — Правда, это будет стоить мне бутылки сомы.

— Что такое сома?

— Напиток такой.

Они сели в самолет, почти пустой, если не счи-

тать их самих и тройки корпоративных шишек, которые спешили обратно в Чикаго к началу следующего рабочего дня.

Среда устроился поудобнее и попросил принести ему «Джек Дэниэлс».

— Такие как я сразу видят таких как вы… — он помедлил. — Это все равно что пчелы и мед. Одна пчела производит всего лишь крошечную-прекрошечную капельку меда. Для того чтобы у тебя к завтраку на столе появилась баночка меда, нужно, чтобы тысячи, если не миллионы пчел сообща над этим потрудились. А теперь представь, что ты питаешься исключительно медом. Вот так вот мы и существуем… мы питаемся верой, молитвами, любовью.

— А сома…

— Если продолжить аналогию, сома — это медовое вино. Как медовуха. — Он тихо засмеялся. — Концентрированный напиток. Молитвы и вера, дистиллированные в крепкий ликер.

Когда они пролетали где-то над Невадой, поглощая безвкусный завтрак, Тень сказал:

— Моя жена…

— Которая мертвая.

— Лора… Она не хочет быть мертвой. Она мне об этом сказала. Когда спасла меня от тех парней

с поезда.

— Поступок примерной жены. Освободить мужа из заточения и убить тех, кто хотел причинить ему зло. Такую жену нужно беречь как сокровище, племянник Айнсель.

— Она хочет быть по-настоящему живой. Мы можем ей помочь? Это вообще возможно?

Среда не отвечал так долго, что Тень уж было подумал, что он не расслышал вопроса, а если и расслышал, то тут же заснул с открытыми глазами. А потом он заговорил и все время, пока говорил, смотрел прямо перед собой:

— Заклинание мне ведомо, избавит оно от болезней и горестей, скорбь изымет из сердца скорбящего.[79] Заклинание второе мне ведомо, помогает оно врачеванию. Ведомо третье мне заклинание, отвратит оно в битве клинки противника. От четвертого отворятся запоры, распадутся узы, меня сковавшие. Ведаю пятое заклинание, чтобы поймать на лету стрелу смертельную.

Его речь была тихой, настойчивой. Пропал провоцирующий тон, пропала насмешка. Среда говорил так, будто исполнял какой-то религи-

---

[79] notes: 79

Здесь приблизительно воспроизводятся «Речи Высокого» из «Старшей Эдды».

озный ритуал или припоминал что-то мрачное и тяжелое.

— Шестое ведаю заклинание: кто нашлет на меня проклятье, тот сам от него сгинет. Седьмое заклинание ведаю: стоит взглянуть на огонь мне, огонь погаснет. Восьмое ведаю: с тем, кто меня ненавидит, дружбу сыграю. Девятое ведаю: убаюкаю ветер, бурю утешу, покуда ладья к берегу не причалит. Таковы первые девять, что познал я за девять ночей, на дереве голом висевший, в бок пронзенный копьем. Холодные ветры, горячие ветры обдували меня и качали, никто не кормил меня, никто не поил, так висел я, в жертву себе самому посвященный, и миры предо мной разверзались. Десятым заклинанием умею ведьм разгонять; так закружу их по небу, что не сыщут вовеки обратной дороги. Одиннадцатое пропою в ходе бушующей битвы, и бойцы невредимо пройдут меж врагами и в родные дома и жилища живыми вернутся. Двенадцатым выну из петли повешенного и заставлю поведать все, что он помнит. Тринадцатым младенца водой освящу, и не коснется смерть его в битве. Четырнадцатым припомню имена всех богов, от первого до последнего. Пятнадцатым пошлю людям видение о мудрости, силе и славе, и вдохновит их виде-

ние это.

Он говорил так тихо, что Тени приходилось напрягать слух, чтобы расслышать его голос сквозь шум мотора.

— Шестнадцатым заклинанием склоню к себе сердце и помыслы девы, что мне приглянется. Семнадцатым так окручу, что никогда эта дева не возлюбит другого. Восемнадцатое заклинание, из всех величайшее, никому не скажу, ибо нет тайны могучее той, что ведома только тебе одному.

Он вздохнул и замолчал.

У Тени мурашки забегали по коже. Словно он увидел дверь в другой, далекий-предалекий мир, где на каждом перекрестке под порывами ветра раскачивались повешенные, где по ночам над головой метались ведьминские вопли.

— Лора, — только и сказал он.

Повернувшись к Тени, Среда пристально посмотрел в его светло-серые глаза.

— Я не могу ее оживить, — сказал он. — Я даже не знаю, почему она не умерла, как все нормальные люди.

— Я думаю, из-за меня, — сказал Тень. — Это я виноват.

Среда удивленно поднял бровь.

— Бешеный Суини дал мне золотую монету,

когда учил показывать фокус. По его словам, он дал мне неправильную монету. Она оказалась куда серьезнее, чем он думал. А я отдал ее Лоре.

Среда что-то недовольно проворчал, опустил голову, нахмурился. А потом принял прежнее положение.

— Наверное, в этом все дело, — сказал он. — Нет, я не могу тебе помочь. То, что ты делаешь в свободное время, касается только тебя.

— В смысле? — не понял Тень. — Что это значит?

— Это значит, что я не могу помешать тебе охотиться за орлиными камнями и гром-птицами. Но я был бы просто счастлив, если бы ты тихо сидел в Лейксайде и не высовывался. И чтобы тише воды, ниже травы, и пусть о твоем существовании вообще забудут. Когда начнутся серьезные разборки, нам всем придется впрягаться по полной.

Когда говорил это, он казался очень старым — и хрупким, и кожа его была словно совсем прозрачная, а плоть под ней — серая.

Тень испытал сильное, очень сильное желание дотянуться до Среды и накрыть своей ладонью его серые пальцы. Он хотел сказать ему, что все будет хорошо, — хотя на самом деле он так не

чувствовал, просто знал, что именно это нужно сейчас сказать. Несмотря на людей в черных поездах. Несмотря на жирного парня в длинном лимузине, несмотря на людей из телевизора, которые определенно не желали им добра.

Он не протянул руки. И ничего не сказал.

Позже он задавался вопросом, изменилось бы что-то, если бы он не сдержал свой добрый порыв и смог бы тем самым предотвратить хотя бы часть того зла, которое случилось впоследствии. И отвечал на свой вопрос отрицательно. Он знал, что ничего не изменится. Но даже после всего, что произошло, он по-прежнему сожалел, что в тот краткий миг во время их долгого перелета домой он не протянул руки.

Когда Среда высадил Тень у дома, короткий зимний день уже подходил к концу. Тень открыл дверь, чтобы выйти из машины, и мороз показался ему еще более фантастическим, еще менее правдоподобным, особенно по сравнению с погодой с Лас-Вегасе.

— Не влезай в неприятности, — напутствовал Среда. — Не высовывайся. Не баламуть воду.

— Все одновременно не делать?

— Ты, сынок, не умничай со мной. В Лейксайде ты заляжешь на дно. Здесь ты будешь в безопас-

ности. Считай это серьезным одолжением с моей стороны. В большом городе они бы через пять минут тебя унюхали.

— Залягу на дно и не шевельнусь. — Тень верил в то, что говорил. Неприятностей ему и так на всю жизнь хватит, самое время с этим покончить. — Когда тебя ждать обратно? — спросил он.

— Скоро, — ответил Среда, опустил окно, дал по газам и скрылся в морозной темноте.

Глава одиннадцатая

Трое хранят тайну, если двое из них мертвы.

Бен Франклин. Календарь бедного Ричарда

Три дня уже стоял мороз. Даже в полдень температура не поднималась выше нуля. Тень удивлялся, как люди выживали в такие зимы, когда еще не было электричества, теплых масок и термального белья, когда не было современных средств передвижения.

Он сидел в заведении, которое совмещало функции рыболовного магазина, солярия и видеопроката, и Хинцельманн показывал ему свои самодельные насекомовидные наживки для фо-

рели. Тень и не ожидал, что они окажутся такими занятными: яркие имитации живых насекомых, сделанные из перьев и ниток, и в каждой спрятан крючок.

Хинцельманну он задал прямой вопрос.

— Начистоту? — сказал Хинцельманн.

— Начистоту, — кивнул Тень.

— Ну, — сказал старик, — не все переживали такие зимы, некоторые умирали. Дырявые дымоходы, неисправные кухонные плиты, печки с плохой вентиляцией сгубили не меньше народу, чем холод. Трудные были времена — все лето и всю осень напролет запасались едой и дровами на зиму. Но хуже всего было, когда люди сходили с ума. Я слышал, по радио передавали, что это как-то связано с солнечным светом, мол, зимой света не хватает. Отец рассказывал, у народа прямо крыша ехала — зимнее безумие называлось. В Лейксайде всегда поспокойнее было, а вот в других городах в округе — жуть что творилось. Когда я был маленьким, еще ходила в народе такая поговорка: если к февралю служанка тебя не пришила, значит, бесхарактерная у тебя служанка.

Книжки со сказками были на вес золота — тогда в городе еще не было библиотеки, и все, что можно было читать, ценилось как настоящее

сокровище. Когда моему дедуле братец прислал из Баварии книжку, наши местные немцы собирались в ратуше, чтобы послушать, как дедуля читает сказки, а потом финны, ирландцы и все остальные заставляли немцев их пересказывать.

В Джибвее, в двадцати милях к югу, обнаружили женщину, которая бродила зимой по лесу в чем мать родила, прижимая к груди мертвого ребеночка. И как ее ни уговаривали, она ни за что не хотела его отдать, — задумчиво покачав головой, Хинцельманн закрыл витрину с наживками. — Не идет дело. Дать вам карточку клиента нашего видеопроката? Скоро у нас откроют прокат блокбастеров, и тогда мы точно будем не у дел. Хотя на данный момент у нас очень неплохая подборка.

Тень напомнил Хинцельманну, что у него нет ни телевизора, ни видеомагнитофона. Ему нравилось общаться со стариком — нравилось слушать его сказки и воспоминания о прошлом, нравилась его усмешка, которая внезапно делала его похожим на кобольда. И если бы Тень стал сейчас объяснять, что телевизор действует ему на нервы с тех самых пор, как он взял в привычку еще и разговаривать с ящиком, ситуация, скорее всего, получилась бы неловкая.

Хинцельманн пошарил под прилавком и вытащил пеструю жестяную коробочку — по виду она смахивала на рождественскую коробку из-под шоколадных конфет или печений: с крышки радостно скалился Санта Клаус, который держал в руках поднос с кока-колой. Хинцельманн снял металлическую крышку: внутри оказались блокнот и книжечки лотерейных билетов.

— Сколько вам выписать?

— Чего выписать?

— Лотереек. Сегодня мы вывозим старый драндулет на лед — лотерейки уже начали продавать. Один билет — пять долларов, десять билетов — сорок долларов, двадцать билетов — семьдесят пять. Покупая один билет, вы покупаете пять минут. Мы, конечно, не обещаем, что она уйдет на дно именно в те пять минут, на которые вы поставили, но тот, кто ближе всего угадает время, выиграет пятьсот баксов, а если она потонет именно в пределах ваших пяти минут, вы получите тысячу. Чем раньше вы покупаете билет, тем меньше времени забито. Желаете взглянуть на информационный листок?

— Конечно.

Хинцельманн протянул Тени отксеренную страничку. Драндулетом, который должен был

простоять всю зиму на льду посреди озера, оказалась старая машина со снятыми мотором и бензобаком. В один прекрасный момент весной лед начнет таять, и когда истончится настолько, что уже не сможет выдержать веса машины, драндулет пойдет ко дну. Самое раннее затопление драндулета пришлось на двадцать седьмое февраля («В девяносто восьмом это было. Ту зиму и зимой-то назвать язык не повернется»), а самое позднее — на первое мая («Это было в пятидесятом. Тогда казалось, зима не кончится, пока кто-нибудь не вобьет ей в сердце кол»). А чаще всего машина тонет в начале апреля — обычно в середине дня.

В разлинованном блокноте Хинцельманна дневное время в апреле было вычеркнуто, его уже разобрали. Тень купил тридцать минут 23 марта, с девяти до девяти тридцати утра, протянув Хинцельманну тридцать долларов.

— Вот бы все наши местные раскупали билеты с таким энтузиазмом, — сказал Хинцельманн.

— Это в благодарность за то, что вы подвезли меня в тот первый вечер.

— Нет, Майк, — поправил Хинцельманн. — Это ради детей. — В это мгновение его морщинистое лицо сделалось серьезным, исчезла даже тень

привычного озорства. — Подходите сегодня днем, поможете вытолкнуть драндулет на лед.

Он отдал Тени шесть голубых билетов. На каждом старомодным почерком Хинцельманна были выведены дата и время. Потом он занес эту информацию себе в блокнот.

— Хинцельманн, — начал Тень, — вы когда-нибудь слышали об орлиных камнях?

— На севере от Райнлендера? Хотя там Орлиная река. Наверное, нет, не слышал.

— А о гром-птицах?

— Ну, на Пятой стрит раньше была багетная мастерская «Гром-птица», но она закрылась. Мало вам от меня пользы, да?

— Ну что вы!

— Я вам вот что скажу, идите в библиотеку. Там хорошие люди работают, хотя на этой неделе они там, наверное, носятся со своей книжной распродажей. Я ведь вам, кажется, показывал библиотеку?

Тень кивнул и распрощался со стариком. Как же он сам не догадался пойти в библиотеку! Он сел в свой пурпурный «Форанер» и поехал в южном направлении по главной улице вдоль озера, пока не достиг его самой южной точки, где стояло похожее на замок здание городской библиоте-

ки. Он зашел и увидел указатель с надписью «КНИЖНАЯ РАСПРОДАЖА». Стрелка указывала на полуподвальный этаж. Сама библиотека располагалась на первом. Тень потопал ногами, сбивая с ботинок снег.

Неприятная на вид женщина со сморщенными пунцовыми губами настойчиво поинтересовалась, чем может быть полезна.

— Мне, должно быть, нужен читательский билет, — сказал он. — Я хочу узнать все о гром-птицах.

Книги по религии и традициям коренного населения Америки уместились на единственной полке в одной из башенок библиотеки. Тень взял с полки несколько книг и устроился за столом у окна. Через некоторое время он узнал, что гром-птицы — это мифические гигантские птицы, которые живут на вершинах гор, посылают молнии и производят гром, хлопая крыльями. Он прочел о племенах, которые верили, что гром-птицы создали мир. И за следующие полчаса чтения не выяснил ничего нового. Никаких упоминаний об орлиных камнях в предметных указателях ему не попалось.

Когда Тень поставил обратно на полку последнюю книгу, он вдруг почувствовал, что кто-то

за ним наблюдает. Маленький серьезный человечек выглядывал из-за массивного стеллажа. Когда Тень повернул голову, личико исчезло. Он встал к мальчику спиной, а потом обернулся: за ним опять наблюдали.

В кармане у Тени лежал доллар со Свободой. Он вынул его, взял в правую руку и поднял так, чтобы мальчик разглядел монету. Потом зажал ее между пальцами левой руки и, показав, что в обеих руках пусто, поднес левую руку ко рту, кашлянул — и монета упала из левой руки в правую.

Мальчик вытаращил глаза, а потом сорвался с места и убежал. Но уже через несколько секунд вернулся, волоча за руку неулыбчивую Маргарет Ольсен. Она подозрительно посмотрела на Тень и сказала:

— Здравствуйте, мистер Айнсель. Леон сказал, что вы показали ему волшебство.

— Обычная престидижитация, мэм. Я ведь так и не поблагодарил вас за совет, как обогреть квартиру. Теперь у меня тепло — хоть тосты жарь.

— Хорошо. — Ледяное выражение ее лица нисколечко не смягчилось.

— Замечательная библиотека, — сказал Тень.

— Здание красивое. Но городу ни к чему вся эта красота, ему нужно что-то более практичное. Вы

идете на книжную распродажу?

— Вообще-то не собирался.

— Зря. Это ради благого дела.

— Тогда, конечно, пойду.

— Сначала выйдите в вестибюль, а потом по лестнице вниз. Всего доброго, мистер Айнсель.

— Зовите меня Майк, — сказал Тень.

Она ничего не ответила, взяла Леона за руку и пошла с ним в детский отдел.

— Мам, — услышал Тень голос Леона. — Это не престижная агитация. Я же *сам* видел! Я *видел*, как она исчезла, а потом выпала у него из *носа*. Я *сам видел*!

Со стены на него взирал писаный маслом Авраам Линкольн. Тень спустился по мраморной лестнице с дубовыми перилами в подвальный этаж библиотеки и попал в большую комнату, заставленную столами. Столы были завалены всевозможными книгами, которые лежали в случайной последовательности и диком беспорядке: книжки в мягком и твердом переплете, беллетристика и нон-фикшн, периодика и энциклопедии: все вперемешку, то корешками вверх, то корешками вниз.

Тень прошел в глубь комнаты и остановился у стола со старыми томами в кожаных переплетах,

на корешках белым цветом был выведен каталожный номер.

— Вы сегодня первый, кто остановился у этого стола, — сказал мужчина, сидевший возле груды пустых коробок и пакетов и маленького открытого металлического ящика с наличностью. — Народ обычно раскупает триллеры, детские книжки, слащавое дамское чтиво. Типа Дженни Кертон, Даниэлы Стил, ну и все в таком духе. — Сам он читал «Убийство Роджера Экройда» Агаты Кристи. — У нас любая книга за пятьдесят центов, за доллар можете выбрать три.

Тень поблагодарил и побрел дальше. Он нашел Геродотову «Историю» в кожаном коричневом потертом переплете, напомнившую ему о томике Геродота в мягкой обложке, который он оставил в тюрьме. Еще там была книга под названием «Домашний иллюзионист: ключ к успеху», в ней вполне могли быть описания фокусов с монетами. Он взял обе книжки и отнес к кассе.

— Берите третью, все равно заплатите доллар, — сказал мужчина. — Сделайте одолжение, избавьте нас еще от одной книжки. У нас места на полках не хватает.

Тень вернулся к столу со старыми книжками

в кожаных переплетах. Решив унести с собой книжку, у которой меньше всего шансов быть купленной кем-то еще, он все никак не мог выбрать между «Общими заболеваниями мочевыводящих путей с иллюстрациями врача-специалиста» и «Протоколами заседаний городского совета Лейксайда за 1872–1884 гг.». Он взглянул на иллюстрации в медицинской книжке и подумал, что в Лейксайде она обязательно пригодится какому-нибудь мальчишке — чтобы стращать ею приятелей, — после чего отнес «Протоколы заседаний» продавцу и заплатил доллар, а тот сложил его книжки в коричневый бумажный пакет с надписью «Деликатесы Дейва».

Тень вышел из библиотеки. Перед ним открылся прекрасный вид на озеро — до самого горизонта. Он даже рассмотрел свой дом за мостом. Отсюда тот выглядел совсем кукольным. Рядом с мостом на льду четверо или пятеро мужчин толкали к центру озера темно-зеленую машину.

— Двадцать третье марта, — прошептал он озеру. — С девяти до девяти тридцати утра.

Вот интересно, слышат ли его сейчас озеро и старый драндулет, а если слышат, то примут ли к сведению его слова. Скорее всего вряд ли.

Ветер жестоко сек лицо.

Когда Тень добрался до дома, оказалось, что на улице его поджидает Чэд Маллиган. При виде полицейской машины у Тени яростно заколотилось сердце, но потом слегка утихло, когда он заметил, что полицейский, устроившись на переднем сиденье, разбирает бумажки.

Тень подошел к машине.

Маллиган опустил стекло.

— С библиотечной распродажи? — спросил он, заметив в руках у Тени бумажный пакет с книгами.

— Да.

— Я там года два-три тому назад целый ящик с книжками Роберта Ладлэма отхватил. Все собираюсь почитать. Моя кузина от него без ума. А я вот думаю, если однажды окажусь на необитаемом острове да с этим ящиком книжек, тогда и наверстаю.

— Я могу быть чем-то полезен, шеф?

— Да нет, приятель. Решил вот остановиться, проведать, как ты тут обживаешься. Помнишь китайскую пословицу: если спас человеку жизнь, значит, ты за него в ответе. Ну, я, конечно, не имею в виду, что я спас тебе жизнь. Но, думаю, все равно проверить надо. Как ведет себя пурпурный

Гунтер-мобиль?

— Да ничего, — ответил Тень. — Не жалуюсь. Бегает исправно.

— Вот и замечательно.

— Я в библиотеке встретил свою соседку, — начал Тень. — Миссис Ольсен. И подумал…

— Какая тварь ее в задницу ужалила?

— Ну, это уж вам виднее.

— Длинная история. Если хочешь немного прокатиться, садись — я тебе все расскажу.

Тень на секунду задумался, а потом сказал: «Хорошо», — и сел в машину на переднее сиденье, рядом с водителем. Маллиган поехал в северную часть города. Выключил мигалку и припарковался у обочины.

— Даррен Ольсен познакомился с Мардж в университете Висконсина в Стивенс-Пойнте, а потом приехал с ней обратно на север, в Лейксайд. Она в колледже специализировалась на журналистике. А он изучал эту херню, как ее, гостиничный менеджмент, что-то в этом роде. Приехали они сюда, значит, мы все в пень встали. Было это лет тринадцать-четырнадцать тому назад. Она просто раскрасавица была… волосы черные… — Он на секунду замолк. — Даррен управлял мотелем «Америка» в Камдене, на западе, в двадцати ми-

лях отсюда. Вот только в Камдене туристы не имели обыкновение задерживаться, и в конце концов мотель закрылся. У них было двое мальчишек. В то время Сэнди было одиннадцать. А младший — Леон, кажется, — был совсем малютка.

Даррен Ольсен мужественностью не отличался. Когда-то в школе он был приличным футболистом, но это самое большее, чего он добился в жизни. Вот так. Он даже не мог набраться храбрости и сказать Мардж, что потерял работу. Целый месяц, а то и все два, он каждое утро уезжал из дома, возвращался поздно вечером и жаловался, какой тяжелый день задался у него в мотеле.

— И чем он все это время занимался? — спросил Тень.

— Ммм. Точно не знаю. Думаю, ездил в Айронвуд, а может и в Грин-Бей. Поначалу, скорее всего, искал работу. А потом стал пить не просыхая, так что, видимо, и на мимолетные радости с проститутками не так много времени оставалось. Может, и на деньги играл. Наверняка я знаю только то, что недель за десять он выгреб все деньги с их совместного счета. И через какое-то время Марджи сунула туда нос, — а там шиш с маслом!

Тут Маллиган вывернул на дорогу, врубил си-

рены и мигалку и до смерти перепугал какого-то мужичонку, который только что съехал с горы на машине с айовскими номерами со скоростью семьдесят миль в час.

Оштрафовав лихача, Маллиган продолжил рассказ.

— На чем я остановился? А, ну так вот. Марджи выставила его вон, подала на развод. Вылилось это все в грязную драку в суде за право опекунства. Так в журнале «Пипл» называются подобные дела. Грязная драка в суде за право на опеку над детьми. Детей оставили Марджи. Даррен получил право видеться с ними и больше практически ничего. А Леон был тогда еще совсем малыш. Сэнди был постарше, славный парнишка, отца просто обожал. И не позволял Марджи о нем слова дурного сказать. Дом они потеряли. Хороший был у них домик на Дэниелс-роуд. Переехали в квартиру. А Даррен вообще убрался из города. Приезжал каждые шесть месяцев и портил всем жизнь.

Так продолжалось несколько лет. Он приезжал, тратил на детей деньги, а Марджи доводил до слез. Народ уже по большей части начал думать, что лучше бы ему и вовсе никогда не возвращаться. Мать с отцом у него ушли на пенсию и переехали во Флориду, типа, не было у них

больше сил терпеть висконсинские зимы. Вот он появился в очередной раз и объявил, что хочет свозить мальчиков во Флориду на Рождество. Марджи сказала, мол, даже и не думай, и слышать ничего об этом не желаю. Неприятно все это очень было — однажды мне пришлось к ним приехать. Семейная ссора. Когда я приехал, Даррен стоял во дворе перед домом и матерился: мальчики были ели живы от страха, а Марджи в слезах.

Я сказал Даррену, что у него есть все шансы провести эту ночь за решеткой. На секунду мне показалось, что он меня сейчас ударит, но он был еще достаточно трезв, чтобы сдержаться. Я отвез его в трейлерный парк на южной окраине города, посоветовал взять себя в руки. И если он только пальцем ее тронет… Короче, на следующий день он уехал из города.

А через две недели пропал Сэнди. Просто не сел в школьный автобус, а своему лучшему другу сказал, что скоро повидается с отцом, что тот готовит ему какой-то особый подарок, чтобы возместить неудавшуюся поездку во Флориду на Рождество. С тех пор никто его больше не видел. Хуже нет, чем похищение ребенка родителем, лишенным права опеки. Нелегко найти ребенка, который не хочет, чтобы его нашли, понимаешь?

Тень согласился. Он понял кое-что еще: что Чэд Маллиган влюблен в Маргарет Ольсен. Интересно, сам-то он отдает себе отчет в том, насколько это очевидно?

Маллиган еще раз вырулил на дорогу с зажженными мигалками и остановил каких-то тинейджеров, которые ехали на скорости шестьдесят миль в час. Им он штраф выписывать не стал, а «просто нагнал на них страха Божьего».

Вечером Тень сидел на кухне за столом и ломал голову над тем, как превратить серебряный доллар в пенни. Об этом фокусе он вычитал в «Домашнем иллюзионисте», но описание было настолько расплывчатым и бесполезным, что только разозлило его. Чуть ли не в каждой фразе встречались формулировки типа «а потом пенни исчезает обычным способом». И что в таком случае подразумевалось под «обычным способом», недоумевал Тень. Что, нужно уронить монету по-французски? Спрятать в рукаве? Или крикнуть «Боже мой! Берегитесь! Пума!» — и уронить монету в боковой карман, пока зрители оглядываются по сторонам?

Вспомнив про луну и про женщину, подарившую ему этот серебряный доллар, он подбросил его в воздух, поймал и снова попытался проде-

лать фокус. Кажется, ничего не получилось. Он пошел в ванную, снова повторил его перед зеркалом и убедился, что прав. Фокус — так, как он был описан, — не мог получиться. Он вздохнул, положил монету в карман и сел на диван. Потом укрыл ноги дешевым толстым пледом и раскрыл «Протоколы заседаний городского совета Лейксайда за 1872–1884 гг.» Текст, напечатанный в две колонки мелким шрифтом, был практически нечитаем. Он листал страницы, рассматривая фотографии того времени с изображением членов городского совета Лейксайда: длинные бакенбарды, глиняные трубки, потертые и лоснящиеся шляпы. Многие лица казались ему до странности знакомыми. Он не удивился, когда увидел, что в 1882 году секретарем городского совета был некий внушительного вида господин по имени Патрик Маллиган: ему бы побриться, сбросить фунтов двадцать — получилась бы точная копия, скорее всего, пра-пра-правнука Чэда Маллигана. Интересно, был ли на фотографиях дед-первопоселенец Хинцельманна? Кажется, он все-таки не был членом городского совета. Когда Тень листал страницы, рассматривая фотографии, ему показалось, что имя Хинцельманна там упоминалось, но когда стал пролистывать книгу обратно, не

смог его отыскать, а от мелкого шрифта у него заболели глаза.

Он пристроил книгу на груди и вдруг понял, что клюет носом. Глупо заснуть вот так на диване, здраво рассудил он, когда спальня буквально в двух шагах. С другой стороны, спальня с постелью и через пять минут никуда не денутся, да он и не собирается спать, просто чуточку прикорнет…

Тьма рокотала.

Он стоял на открытой равнине. Рядом с тем местом, откуда недавно выбрался, откуда вытолкнула его земля. С неба по-прежнему падали звезды, и каждая звезда, коснувшись земли, превращалась в мужчину или женщину. У мужчин были черные волосы и высокие скулы. А женщины все были похожи на Маргарет Ольсен. Это были звездные люди.

Они гордо смотрели на него своими черными глазами.

— Расскажите мне о гром-птицах, — попросил Тень. — Пожалуйста. Не ради меня. Ради моей жены.

Один за другим они поворачивались к нему спиной, и когда он переставал видеть их лица, исчезали и сами люди, попросту растворяясь в пейзаже. И только самая последняя из них, черно-

волосая, с седыми прядями женщина, прежде чем отвернуться, указала пальцем на бордовое небо.

— Спроси у них сам, — сказала она.

В небе вспыхнули зарницы, на мгновение высветив пейзаж до самого горизонта.

Рядом возвышались скалы: плотный песчаник, остроконечные вершины и гребни между вершинами. Тень стал карабкаться на самую ближнюю. Вершина была цвета старой слоновой кости. Он хватался за выступы и чувствовал, как они врезаются в руки. Это кость, подумал Тень. Это не камень. Старая высохшая кость.

Это был сон, а во сне не бывает выбора: здесь либо вообще нельзя принимать решений, либо кто-то уже принял их за тебя задолго до того, как начался сон. Тень продолжал карабкаться. Руки у него уже были изранены. Кость трещала, ломалась и крошилась под его босыми ногами. Его сдувало ветром, но он прижимался к скале и продолжал штурмовать вершину.

Он понял, что она сплошь состояла из костей одного и того же типа, плотно подогнанных одна к другой. Кости были высохшие, шаровидные. Он подумал, что, может быть, это все скорлупа от яиц какой-нибудь огромной птицы. Но очередная вспышка молнии дала ему понять, что он неправ:

у костей были глазницы и зубы — безразличный оскал, без намека на улыбку.

Где-то кричали птицы. По лицу катились капли дождя.

Он висел в нескольких сотнях футов от земли, крепко вцепившись в башню, сложенную из черепов, а вокруг вершины кружили призрачные птицы — гигантские, черные, похожие на кондоров, с воротником белых перьев вокруг шеи, — и на крыльях у них вспыхивали молнии. Это были огромные, благородные птицы, они внушали страх, они били крыльями, и ночной воздух сотрясался от грома.

Они кружили вокруг вершины.

А размах крыльев у них — футов пятнадцать-двадцать, подумал Тень.

А потом первая птица легла на крыло, вошла в пике и полетела прямо на него, и на крыльях у нее переливались синие электрические разряды. Тень вжался в расщелину между черепами, пустые глазницы уставились на него, со всех сторон ему улыбались зубы цвета слоновой кости, но он продолжал карабкаться, лезть вверх по горе черепов, царапая кожу об острые края, чувствуя разом и отвращение, и страх, и ужас.

К нему подлетела вторая птица, и коготь дли-

ной с человеческую ладонь вонзился ему в руку.

Он вытянул руку и попытался с ходу выдернуть перо из крыла птицы — ведь если он вернется в свое племя без пера, то будет опозорен и никогда не станет мужчиной, — но птица взмыла вверх, и он не успел ухватиться за перо. Гром-птица разжала когти и улетела, подхваченная ветром. Тень стал карабкаться дальше.

Да тут их тысячи, этих черепов, подумал Тень. Тысячи тысяч. И далеко не все человеческие. Наконец он забрался на вершину, а величественные гром-птицы медленно кружили над ним, едва заметным движением крыла ловя порывы ветра, почти не тратя сил.

Сквозь ветер он услышал голос — голос человека-бизона: он звал его, он рассказывал, чьи это были черепа…

Гора начала обваливаться, и самая большая птица, в глазах у которой сверкали слепящие сине-белые зигзагообразные молнии, обрушилась на него с высоты, оглушая раскатами грома. Тень упал и покатился вниз…

Пронзительно звенел телефон. Тень понятия не имел, что эта штука вообще подключена. Пошатываясь, нетвердым шагом он подошел и снял трубку.

— Ебицкая сила! — орал Среда. Таким злым Тень его не помнил. — Какого ляда лысого ты там вытворяешь?

— Я спал, — оцепенело пробормотал в трубку Тень.

— Ты думаешь, на хера я тебя прячу в Лейксайде? Чтобы ты всех на уши поставил? Да ты и мертвого из могилы поднимешь!

— Мне снились гром-птицы… — сказал Тень. — И скала. Черепа… — Ему казалось очень важным пересказать свой сон.

— Знаю я, что тебе снилось. Все теперь прекрасно знают, что тебе снилось. Боже всемогущий! На кой хер я тебя прячу, если ты выставляешь себя на всеобщее обозрение — вот он я, вашу мать!

Тень ничего не ответил.

На другом конце провода тоже повисла пауза.

— Я буду утром, — сказал Среда. Казалось, гнев его потух. — Поедем в Сан-Франциско. Цветы в волосы вплетать не обязательно.

Связь прервалась.

Тень поставил телефон на пол и тяжело опустился рядом. Было шесть утра, за окном по-прежнему стояла ночная темень. Он встал с дивана, дрожа от холода. Он слышал, как ветер завывает над замерзшим озером. А еще он слышал, как

рядом — через стенку — кто-то плачет. Он был уверен, что это плачет Маргарет Ольсен: тихо, непрерывно, безутешно.

Тень пошел в ванную и отлил, потом зашел в спальню и закрыл за собой дверь, чтобы отгородиться от женского плача. Снаружи ревел и завывал ветер, будто тоже искал потерянного ребенка.

Январь в Сан-Франциско выдался не по сезону теплым, настолько теплым, что шею тут же начало пощипывать от пота. Среда надел темно-синий костюм и очки в золотой оправе, из-за чего стал похож на адвоката из шоу-бизнеса.

Они шли по Хайт-стрит. Бомжи, проститутки, попрошайки провожали их взглядом, и никто не тряс перед ними бумажным стаканчиком с мелочью, никто к ним даже близко не подошел.

Среда играл желваками. Когда утром к дому подъехал черный «Линкольн Таун-кар», Тень сразу понял, что Среда все еще злится, и не стал ни о чем спрашивать. Всю дорогу до аэропорта они молчали. Тень даже обрадовался, что Среда летел первым классом, а у него было место в экономе.

День уже клонился к вечеру. Тень, который бывал в Сан-Франциско только в детстве, а с тех пор видел его разве что в кино, был поражен,

насколько знакомым показался ему этот город, какие здесь яркие и самобытные деревянные дома, какие крутые холмы, сколь особые он вызывает чувства.

— Просто не верится, что Сан-Франциско и Лейксайд — это одна и та же страна, — сказал он.

Среда раздраженно на него посмотрел. А потом сказал:

— Нет. Сан-Франциско и Лейксайд — это уже не одна и та же страна, и Новый Орлеан с Нью-Йорком — не одна и та же, и Майами с Миннеаполисом — тоже.

— Да ладно, — осторожно возразил Тень.

— Так и есть. У них остались некоторые общие культурные формы — деньги, федеральное правительство, сфера развлечений — *земля* одна и та же, без сомнения, но единственное, на чем держится иллюзия единой страны, — это баксы, «Сегодня вечером»[80] и макдональдсы. — Они подходили к парку в конце улицы. — Мы сейчас навестим одну даму, будь с ней любезен. Но не переусердствуй.

— Буду душкой, — пообещал Тень.

---

[80] notes: 80

«The Tonight Show» — популярная развлекательная телепередача, выходящая в эфир с 1954 года, включает в себя элементы ток-шоу, номера комедийного варьете, скетчи.

Они сошли с дорожки и двинулись прямо по траве.

Девочка лет четырнадцати с зелено-оранжево-розовым хайром на голове провожала их взглядом, когда они проходили мимо. Она сидела рядом с какой-то дворнягой, на шее у которой вместо поводка и ошейника была завязана веревка. Взгляд у девочки был еще более голодный, чем у собаки. Собака сначала на них залаяла, а потом завиляла хвостом.

Тень протянул девочке доллар. Та с непонимающим видом уставилась на бумажку.

— Купишь собаке еды, — предложил Тень.

Девочка кивнула и улыбнулась.

— Скажу прямо, — продолжил Среда. — С этой дамой нужно быть поосторожнее. Ты можешь ей приглянуться, и это будет совершенно лишнее.

— Она твоя подружка, что ли?

— Не приведи господи, даже за все пластмассовое барахло Китая! — развеселился Среда.

Гнев его, видимо, прошел, а может быть, он отложил его на будущее. У Тени было подозрение, что гнев — и есть тот мотор, с помощью которого тот передвигается.

Под деревом на траве сидела женщина, перед ней была расстелена скатерть, а на скатерти

стояли пластиковые контейнеры с едой.

Она была — не толстая, вовсе нет — она была, как говорится — хотя до нынешнего момента у Тени не было повода употреблять это слово — *пышнотелая*. Волосы у нее были очень светлые, практически белые — длинные платиновые локоны, как у давным-давно умершей киностарлетки, губы накрашены темно-красным, а на вид ей можно было дать от двадцати пяти — и до пятидесяти.

Когда они подошли, она как раз взяла с тарелки перченое яйцо. Подняв взгляд на Среду, она положила яйцо обратно и вытерла руку.

— Здравствуй, старый пройдоха, — сказала она с улыбкой.

Среда отвесил ей низкий поклон, подхватил ее руку и поднес к губам.

— Выглядишь божественно, — сказал он.

— А как еще, черт возьми, я должна выглядеть? — благодушно поинтересовалось она. — Впрочем, ты все равно лжец. Идея отправиться в Новый Орлеан оказалось *очень* неудачной. Сколько я там набрала — фунтов тридцать, наверное. Клянусь. Нужно было бежать оттуда сразу, как только я начала ходить вразвалочку. У меня теперь ляжки при ходьбе друг о друга трутся,

представляешь?

Последнюю фразу она произнесла, обращаясь к Тени. Он понятия не имел, что на это ответить. Он чувствовал, как заливается горячей краской. Женщина радостно захохотала.

— Он *краснеет*, ему неловко! Среда, радость моя, ты привел ко мне *скромника*! Просто подарок! Как его звать?

— Это Тень, — сказал Среда. Казалось, он наслаждается тем, что Тень чувствует себя неловко. — Тень, поздоровайся с Пасхой.

Тень пробормотал что-то невнятное, типа «здрасте», и женщина снова заулыбалась. У него было ощущение, что его ослепили светом фар — так делают браконьеры перед выстрелом: ослепляют оленя, и он цепенеет. Он чувствовал на расстоянии запах ее духов, дурманящую смесь жасмина, жимолости, свежего молока и кожи.

— Ну, как делишки? — спросил Среда.

Женщина-Пасха радостно засмеялась всем своим телом, смех у нее был глубокий, гортанный. Как можно не проникнуться симпатией к человеку, который так смеется?

— Все замечательно, — сказала она. — А ты, старый волк, ты-то как поживаешь?

— Я надеюсь заручиться твоей поддержкой.

— Зря теряешь время.

— По крайней мере выслушай меня, прежде чем прогонишь.

— А толку? Все равно у тебя ничего не выйдет.

Она посмотрела на Тень.

— Присаживайся рядом, угощайся. Вот, возьми тарелку, накладывай побольше. Тут все вкусно. Яйца, жареная курица, курица карри, салат из курицы, а это лапэн, крольчатина в смысле, холодный кролик — очень вкусно, а вон в той миске тушеная зайчатина — давай, я сама положу.

Так она и сделала: взяла пластиковую тарелку, положила целую гору еды, протянула ему и перевела взгляд на Среду:

— А ты будешь?

— Я весь в твоем распоряжении, дорогая, — сказал Среда.

— В тебе столько дерьма, — сказала она, — странно, что глаза у тебя до сих пор не коричневые. — Она протянула ему пустую тарелку. — Угощайся.

Послеполуденное солнце превратило ее волосы в светящийся платиновый ореол.

— Тень, — сказала она, с аппетитом жуя куриную ножку. — Какое приятное имя! Почему тебя зовут Тень?

Тень облизнул сухие губы.

— В детстве, — начала он, — я с мамой, мы, то есть она, ну, она работала секретаршей в американских посольствах, в разных странах, и я с ней, мы жили в Северной Европе, переезжали из города в город. Потом она заболела и раньше времени ушла на пенсию, и мы вернулись в Штаты. Я никогда не мог найти общий язык с другими детьми, поэтому молча ходил хвостом за взрослыми. Наверное, мне просто нужна была компания. Не знаю. Я был тогда мелкий совсем.

— С тех пор ты подрос, — сказала она.

— Да, — согласился Тень. — Подрос.

Она повернулась к Среде, который болтал ложкой в тарелке с какой-то похлебкой, по виду напоминающей холодное гомбо.[81]

— Так значит, этот мальчик всех расстроил?

— Ты слышала?

— Я всегда держу ухо востро, — сказала она. — Не стой у них на пути, — обратилась она к Тени. — Слишком много вокруг тайных обществ, и они не знают ни любви, ни верности. Реклама, независимые организации, правительство — все

---

[81] notes: 81

Гомбо — блюдо южных штатов, похлебка из стручков бамии с мясом, курицей, крабами, томатами, креветками и устрицами, с добавлением специй и трав.

в одной лодке. И попадаются самые разные, от практически безвредных до весьма опасных. Эй, старый волк, я тут на днях слышала один прикол, тебе должно понравиться. Как можно быть уверенным, что ЦРУ не причастно к убийству Кеннеди?

— Я слышал этот прикол, — откликнулся Среда.

— Жаль. — Она опять повернулась к Тени. — А эта шпионская заварушка, в которую ты попал, — это совсем из другой оперы. Эти парни существуют потому, что все уверены в их существовании. — Она осушила бумажный стаканчик с каким-то напитком, похожим на белое вино, и встала. — Тень — хорошее имя, — сказала она. — Я хочу моккачино. За мной! — И она зашагала прочь.

— А как же еда?! — крикнул Среда. — Ты не можешь все тут бросить!

Она улыбнулась и показала ему на девочку с собакой, а потом распростерла руки, чтобы обнять Хайт-стрит и весь мир.

— Пусть наедятся как следует, — сказала она, шагая вперед, а Среда и Тень пошли за ней.

— Не забывай, — сказала она Среде, — *я* богата. У меня все в шоколаде. С какой стати мне тебе

помогать?

— Ты одна из нас, — сказал он. — Тебя забыли, как и всех нас, никто тебя не поминает и не почитает. Тут и думать нечего, чью сторону занять.

Они дошли до уличной кофейни, прошли вглубь и сели за столик. Там была только официантка: бровь проколота колечком, и она носила его так, словно это был знак принадлежности к высшей касте, плюс еще одна женщина за стойкой, которая готовила кофе. Официантка подошла, натянув на лицо улыбку, и приняла заказ.

Пасха накрыла тонкой ладошкой серую квадратную лапу Среды.

— Я же тебе говорю. У меня все *замечательно*. В мой праздник люди по-прежнему лакомятся и яйцами, и крольчатиной, и сластями, и мясом, и ощущают чувство возрождения и воссоединения друг с другом и с вечностью. Дарят друг другу цветы и украшают ими шляпы. И с каждым годом таких людей становится все больше. Они делают это в мою честь. В *мою* честь, старый волк!

— Это от их любви и почитания тебя так распирает? — холодно спросил он.

— Не будь сволочью, — в ее голосе вдруг послышалась жуткая усталость. Она сделала глоток

моккачино.

— Вопрос не праздный, моя дорогая. Конечно, я признаю, что миллионы и миллионы людей угощают друг друга и дарят подарки в твою честь, что в твой праздник они по-прежнему совершают обряды, вплоть до того, что яйца спрятанные ищут. Вот только знают ли они, кто ты такая? А? Простите, мисс, — обратился он к официантке.

— Еще чашку эспрессо? — откликнулась та.

— Нет, милочка. Не могли бы вы разрешить наш спор? Мы тут с друзьями не сошлись во мнениях о том, что значит слово «Пасха». Вы случайно не знаете?

Девушка уставилась на него так, будто у него изо рта полезли зеленые жабы.

— Я про всю эту рождественскую ерунду не в курсе. Я вообще язычница, — сказала она. — Это на латинском, кажется, значит что-то типа «Христос Воскрес».

— Правда? — удивился Среда.

— Да, точно, — сказала женщина. — Пасха. Это как солнце, которое воскресает на востоке.

— Воскресение сына. Конечно, логичнее всего.

Женщина заулыбалась и снова принялась молоть кофе. Среда поднял взгляд на официантку:

— Думаю, я *выпью* еще одну чашку эспрессо,

если не возражаете. Вот только скажите мне как язычница — кого *вы* почитаете?

— Почитаю?

— Да-да. Я так понимаю, у вас широкий выбор. Кому вы возвели свой домашний алтарь? Кому поклоняетесь? Кому возносите молитвы на рассвете и закате?

Официантка только беззвучно пошевелила губами.

— Женскому началу, — наконец выдавила она из себя. — Я за раскрепощение. Вы меня понимаете?

— Конечно понимаю. А у этого вашего женского начала есть имя?

— Богиня есть в каждой из нас, — сказала официантка с проколотой бровью, заливаясь краской. — Ей не нужно никакое имя.

— Вот как, — по-обезьяньи осклабился Среда. — Так, может, вы устраиваете в ее честь безудержные вакханалии? Пьете в полнолуние вино пополам с кровью и зажигаете алые свечи в серебряных подсвечниках? Заходите голышом в морскую пену, исступленно воспевая свою безымянную богиню, пока волны плещутся у ног, облизывая ваши бедра, как тысяча леопардов?

— Вы шутите? — удивилась она. — Мы ничего

такого не делаем. — Она сделала глубокий вдох. Тени показалось, что она считает про себя до десяти. — Принести еще кому-нибудь кофе? Еще моккачино, мэм? — Она снова улыбалась почти такой же улыбкой, с какой подошла к ним в самом начале.

Они отрицательно покачали головами, и официантка поспешила к другому посетителю.

— Вот вам одна из тех, — заключил Среда, — «кто не верует, а посему и не возрадуется», как сказал Честертон. Самая настоящая язычница. Ладно. Ну что, Пасха, дорогая, выйдем на улицу, повторим эксперимент? Посмотрим, знают ли прохожие, что название их Пасхи произошло от имени «Эстер» — «Заря», «Белая». Спорим, я выиграю? Зададим вопрос сотне человек. За каждого, кто знает, отрежешь мне палец на руке, закончатся руки — режь на ногах; а ты за каждого двадцатого, кто не знает, проведешь со мной ночь. У тебя в любом случае больше шансов — в конце концов, это Сан-Франциско. На здешних суетливых улицах наверняка полно дикарей, язычников и ведистов.

Она посмотрела на Среду. Глаза у нее были зеленого цвета — цвета весеннего листа, сквозь который просвечивает солнце, решил Тень. Отве-

та не последовало.

— Ну ведь *попробовать*-то можно, — продолжал Среда. — Но в результате я останусь при своих пальцах, да еще проведу пять ночей кряду в твоей постельке. Так что не говори мне, что тебя почитают и празднуют твой праздник. Они произносят твое имя, вот только для них оно не имеет ровным счетом никакого значения. Ни малейшего.

В глазах у нее стояли слезы.

— Знаю, — тихо сказала она. — Я не дура.

— Конечно, не дура, — согласился Среда.

Он зашел слишком далеко, подумал Тень.

Среда пристыжено опустил взгляд.

— Прости, — сказал он. В его голосе была неподдельная искренность. — Ты нам *нужна*. Нам нужна твоя энергия. Нам нужна твоя сила. Ты будешь сражаться на нашей стороне, когда надвинется буря?

Она медлила. Вокруг левого запястья у нее была наколка — браслет из голубых незабудок.

— Да, — сказала она через какое-то время. — Думаю, да.

Видимо, правду говорят, подумал Тень, е*сли сумеешь разыграть искренность, значит дело в шляпе*. От этой мысли ему стало стыдно.

Среда поцеловал палец и дотронулся им до ее щеки. Потом он подозвал официантку и расплатился за кофе. Внимательно отсчитал деньги, перегнул купюры пополам и вместе с чеком вручил официантке.

Когда она отошла на несколько шагов, Тень ее окликнул:

— Простите, мэм. Вы, кажется, обронили. — Он поднял с пола десятидолларовую бумажку.

— Да нет, — сказала она, посмотрев на сложенные в руке банкноты.

— Я видел, как она упала, мэм, — вежливо настоял Тень. — Пересчитайте.

Она пересчитала деньги и растерянно призналась:

— Боже мой, вы правы. Спасибо. — Она взяла у Тени десятидолларовую банкноту и удалилась.

Пасха вышла из кофейни вместе с ними. Только-только начало смеркаться. Она кивнула Среде, а потом, тронув Тень за руку, спросила:

— Что тебе приснилось прошлой ночью?

— Гром-птицы, — ответил он. — Гора из черепов.

Она кивнула.

— Ты знаешь, чьи это были черепа?

— Я слышал чей-то голос. Во сне. Он мне ска-

зал.

Она кивнула, ожидая продолжения.

— Он сказал, что они мои. Мои старые черепа. Там их сотни, тысячи.

Она перевела взгляд на Среду и сказала:

— Я думаю, он — хранитель.

На ее лице засветилась улыбка. Она похлопала Тень по плечу и зашагала прочь. А он смотрел ей вслед, стараясь — впрочем, безуспешно — не думать о том, как ее ляжки трутся друг о друга при ходьбе.

В такси, на обратном пути в аэропорт, Среда повернулся к Тени.

— Что это за представление ты устроил с десятидолларовой бумажкой?

— Ты обсчитал ее. У нее бы из зарплаты вычли.

— А тебе какая разница? — похоже, Среда и в самом деле был взбешен.

Тень задумался на мгновение и сказал:

— Ну, я бы не хотел оказаться на ее месте. Она не сделала ничего плохого.

— Да неужели?! — Среда отвернулся и уставился куда-то вдаль. — Когда ей было семь лет, она закрыла в шкафу котенка. И несколько дней слушала, как он мяукает. Когда мяуканье прекратилось, она достала его из шкафа, положила

в коробку из-под обуви и похоронила на заднем дворе. Очень уж ей хотелось кого-нибудь похоронить. Она ворует везде, где бы ни работала. Обычно по мелочи. В прошлом году она навещала бабушку, которую заперли в доме престарелых. Стащила у нее из тумбочки старинные золотые, а потом обчистила еще несколько комнат, украла у людей, которые уже наполовину успели перебраться в сумеречное царство смерти, мелкие деньги и личные вещи. Пришла домой и не знает, что со всем этим награбленным добром делать, испугалась, что ее вычислят, и выкинула все, кроме наличности.

— Понятно, — сказал Тень.

— А еще у нее бессимптомная гонорея, — продолжал Среда. — У нее есть подозрения, что она что-то подцепила, но она ничего не предпринимает. А когда дружок обвинил ее, что она его заразила, она обиделась, надулась и отказалась с ним встречаться.

— Можешь не продолжать, — встрял Тень. — Я же сказал, что понял. Ты ведь про любого так можешь — наговорить гадостей, да?

— Конечно, — подтвердил Среда. — Все люди творят одно и то же. Им может казаться, что они грешат неповторимо, но по большей части в их

мелких пакостях нет ничего оригинального.

— И поэтому можно спокойно обсчитать ее на десять баксов?

Среда расплатился с таксистом, они зашли в аэропорт и двинулись к посадочному терминалу. Посадка еще не началась.

— А что, по-твоему, мне *еще* остается? Они не приносят мне в жертву ни баранов, ни быков. Не отправляют ко мне души убийц и рабов, вздернутых на виселице и обглоданных воронами. *Они* меня сотворили. *Они* предали меня забвению. Я просто беру у них то, что мне причитается. Разве это не справедливо?

— Моя мама обычно говорила: «Жизнь — штука несправедливая», — сказал Тень.

— Естественно, говорила, — сказал Среда. — Мамочки всегда такие вещи говорят, типа «Если все твои друзья прыгнут с крыши, ты тоже сиганешь?»

— Ты наколол ее на десять баксов, я ей подсунул их обратно, — упорствовал Тень. — И правильно сделал.

Объявили посадку на рейс. Среда встал.

— Пусть с выбором у тебя всегда все будет так же просто, — сказал он.

Посреди ночи Среда высадил Тень у дома. Моро-

зы в Лейксайде шли на убыль. Было по-прежнему зверски холодно, но уже терпимо. Когда они проезжали мимо Эм-энд-Эй банка, на светящемся табло попеременно загоралось то 3:30, то 5°F.

В 9:30 начальник полиции Чэд Маллиган постучал в дверь и спросил, знает ли Тень девочку по имени Элисон МакГоверн.

— Не думаю, — сонно пробормотал Тень.

— Вот ее фото, — сказал Маллиган.

Это была школьная фотография. Тень с первого взгляда узнал девочку с синими пластиковыми брекетами на зубах. Это ей подружка расписывала в автобусе подробности орального применения Алка-Зельтцер.

— А, да, знаю. Она приехала в город в том же автобусе, что и я.

— Где вы были вчера, мистер Айнсель?

Тень почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Он знал, что вины на нем нет (*Ты досрочно освобожденный преступник, живущий под чужим именем*, невозмутимо прошептал ему внутренний голос. *Этого мало?*)

— В Сан-Франциско, — ответил он. — В Калифорнии. Помогал дяде перевозить кровать с балдахином на четырех столбиках.

— У вас есть корешок от билета? Или что-то в

этом роде?

— Конечно. — Он залез во внутренний карман и достал два посадочных талона. — А в чем дело?

Чэд Маллиган рассмотрел посадочные талоны.

— Элисон МакГоверн пропала. Она помогала городскому Обществу защиты животных. Разносила корм, выгуливала собак. Приходила на несколько часов после школы. И Долли Кнопф, управляющая, всегда завозила ее домой после закрытия. А вчера Элисон там даже не появилась.

— Пропала.

— Да. Родители позвонили нам вечером. Наивная девочка обычно добиралась туда на попутках. Общество защиты находится на отшибе, в округе W. Родители ей запрещали, но у нас тут никогда ничего такого не происходит… люди даже двери не запирают, понимаешь? А дети — они и есть дети, разве послушают? Взгляни еще раз на фото.

Элисон МакГоверн улыбалась. Скобки на зубах у нее были красные, а не синие.

— Значит, ты ответственно заявляешь, что не похищал ее, не насиловал, не убивал и ничего такого не делал?

— Во-первых, я был в Сан-Франциско. А во-вторых, я таким дерьмом не занимаюсь.

— Я так и думал, приятель. Хочешь помочь нам

в поисках?

— Я?

— Да, ты. К нам сегодня утром подключились кинологи с собаками — пока безрезультатно, — вздохнул Маллиган. — Черт подери, Майк, хотелось бы верить, что она просто сбежала в Города-близнецы с каким-нибудь шизанутым бойфрендом.

— Ты думаешь, такое возможно?

— Не исключено. Хочешь присоединиться к поисковой бригаде?

Тени вспомнилось, как он увидел девочку в «Товарах для фермы и дома Хеннинга», вспомнилась ее робкая улыбка, на мгновение обнажившая синие брекеты на зубах, он тогда еще подумал, какой красивой она станет, со временем.

— Я с вами, — сказал он.

В вестибюле пожарного депо собралось два десятка мужчин и женщин. Тень увидел Хинцельманна и еще несколько знакомых лиц. Там были полицейские и несколько мужчин и женщин в коричневой форме из полиции «лесопильного» округа.

Чэд Маллиган рассказал всем, во что была одета Элисон, когда последний раз вышла из дома (ярко-красный зимний комбинезон, зеленые

варежки, синяя шерстяная шапка, а поверх нее капюшон), и разделил добровольцев на группы по три человека. Тень оказался в одной группе с Хинцельманном и мужчиной по имени Броган. Им напомнили, что день короткий, и сказали, во сколько заходит солнце, предупредив, что если, боже упаси, они обнаружат тело Элисон, ни в коем случае нельзя ни к чему прикасаться, а нужно немедленно сообщить обо всем по рации, но если она окажется жива, ее нужно согреть и ждать, пока подоспеет помощь.

Их довезли до округа W и там высадили.

Хинцельманн, Броган и Тень пошли вдоль замерзшего ручья. Каждой группе из трех человек выдали перед началом поисков рацию.

Облака давили на землю, все вокруг было серым. За последние тридцать шесть часов не выпало ни грамма снега, и на сверкающем насте были отчетливо видны все следы.

Броган с тоненькими усиками и подернутыми сединой висками выглядел как отставной армейский полковник. Тени он сказал, что раньше был директором школы, а теперь вышел на пенсию.

— Силы-то уже не те. Продолжаю, конечно, немного преподавать, ставлю с учениками пьесу — самое главное событие в году как-никак, — а

теперь вот еще хожу иногда на охоту, у меня хибарка стоит у Щучьего озера, уеду туда — и с концами.

Когда они приступили к поискам, Броган сказал:

— С одной стороны, надеюсь, мы ее найдем. А с другой — если уж она найдется, то пусть лучше кто-нибудь другой ее найдет, не мы. Вы меня понимаете?

Более чем, подумал Тень.

Шли они в основном молча. Шли и высматривали красный комбинезон, зеленые варежки, синюю шапку или белое тело. Броган, у которого была рация, то и дело переговаривался по ней с Чэдом Маллиганом.

Пообедали они хот-догами и горячим супом вместе с остальными добровольцами в реквизированном школьном автобусе. Кто-то заметил на дереве краснохвостого ястреба, кто-то сказал, что это скорее сокол, не ястреб, но птица улетела, и спор на этом закончился.

Хинцельманн рассказал историю о том, как пошел однажды его дедушка в сарай поиграть на трубе, а на улице стоял такой дикий холод, что из трубы не вышло ни звука.

— Он вернулся в дом, поставил трубу у печ-

ки, чтобы она согрелась. Ну, значит, легли все спать, а музыка в трубе оттаяла, да как заиграет среди ночи! Бабушка от страха чуть с койки не свалилась.

День тянулся тягостно и бесконечно, поиски не принесли никакого результата. Начало темнеть: видимость ухудшилась, мир окрасился в цвет индиго, а ветер стал таким холодным, что обжигал лицо. Когда стало слишком темно, Маллиган вышел на связь и сказал, что на сегодня поиски окончены. Подъехал автобус и отвез их обратно к пожарному депо.

В квартале от депо был бар «Приют оленя», туда и подтянулась после поисков большая часть спасателей. Все были уставшие и подавленные, разговаривали о том, что сильно похолодало, что Элисон объявится не сегодня-завтра, даже не подозревая о том, какой из-за нее поднялся переполох.

— Вы не думайте из-за этого плохо о нашем городе, — сказал Броган. — Хороший у нас город.

— Лейксайд, — сказала миловидная женщина, чьего имени — если она вообще ему представлялась — Тень не запомнил, — самый лучший город в Норт Вудс. Знаете, сколько в Лейксайде безработных?

— Нет, — признался Тень.

— Меньше двух десятков, — сказала она. — У нас в городе, считая окрестности, проживает более пяти тысяч человек. Пусть мы и не богаты, зато у всех есть работа. Не то что в шахтерских городках на северо-востоке — большинство из них просто вымерло. Животноводческие городки пострадали из-за снижения цен на молоко и низкой стоимости свинины. Знаете, отчего фермеры на Среднем Западе чаще всего отправляются на тот свет, если только не умирают своей смертью?

— Кончают жизнь самоубийством? — рискнул предположить Тень.

Женщина огорчилась.

— Вот именно! Накладывают на себя руки. — Она покачала головой и продолжила: — В округе полным-полно городов, которые только и живут за счет охотников и отдыхающих: отдали денежки — теперь езжайте домой со своими охотничьими трофеями да мошкариными укусами. А еще есть поселки компаний, так там вообще все в ажуре, пока Уол-март не перенесет свою

оптовую базу в другое место, или пока 3М[82] не приостановит выпуск коробок для CD, или ни с того ни с сего куча народу не сможет платить по ипотеке. Простите, забыла, как вас зовут?

— Айнсель, — сказал Тень. — Майк Айнсель.

Он пил пиво местного производства, сваренное на родниковой воде. Отличное пиво.

— А я Колли Кнопф, — сказала женщина, — сестра Долли. — Лицо у нее до сих пор было красное от мороза. — То есть я хочу сказать, что Лейксайду повезло. У нас здесь всего понемножку: сельское хозяйство, легкая промышленность, туризм, ремесла. Школы замечательные.

Тень смотрел на нее с недоумением. В ее словах сквозила какая-то пустота. Будто он слушал коммивояжера, который знает свое дело и верит в доброкачественность своего товара, но при этом больше всего на свете хочет всучить тебе сразу все свои щетки или полный комплект энциклопедий. Судя по всему, мысль эта довольно явственно отразилась у него на лице.

— Простите, — сказала она. — Просто когда что-

---

[82] notes: 82

То есть «Миннесота майнинг энд мануфактуринг» (Minnesota Mining and Manufacturing Co.). Многопрофильная корпорация, занимающаяся разносторонней деятельностью в сфере нефтегазовой, горнодобывающей, автомобильной промышленности, здравоохранения, торговли, телекоммуникаций и т. д.

то любишь, хочется все время об этом говорить. Чем вы занимаетесь, мистер Айнсель?

— Мой дядя торгует антиквариатом по всей стране. А я таскаю большие и тяжелые вещи. Работа хорошая, но непостоянная.

Черная кошка, талисман бара, крутилась у Тени под ногами и терлась мордочкой о ботинок. Наконец она запрыгнула на скамейку, улеглась у него под боком и заснула.

— По крайней мере у вас есть возможность путешествовать, — сказал Броган. — А еще чем-нибудь занимаетесь?

— У вас найдется восемь четвертаков? — спросил Тень.

Броган порылся в карманах. Нашел пять четвертаков и толкнул через стол Тени. Колли Кнопф добавила оставшиеся три.

Тень выложил монеты на стол в два ряда по четыре штуки. Потом, едва шевельнув рукой, «провалил» монеты сквозь стол: будто бы половина монет упала сквозь деревянную столешницу из левой руки в правую.

Потом он зажал все восемь монет в правой руке, в левую взял пустой стакан, накрыл стакан салфеткой и сделал так, что монеты одна за другой исчезли из правой руки и с отчетливым звяка-

ньем упали на дно накрытого салфеткой стакана. Затем он показал, что в руке ничего нет, и снял салфетку со стакана: монеты лежали внутри.

Он вернул монеты — три Колли, пять Брогану — но потом взял у Брогана обратно один четвертак, подул на него, и четвертак превратился в пенни. Он отдал его Брогану, тот пересчитал свои четвертаки, и к его полному изумлению их снова оказалось пять.

— Да вы прямо Гудини! — восхищенно закудахтал Хинцельманн. — Ничего себе!

— Я дилетант, — поскромничал Тень. — Мне еще много чему нужно учиться. — И все-таки где-то в глубине души у него шевельнулось чувство гордости. Он впервые показывал фокусы взрослой аудитории.

По дороге домой он заехал в продуктовый магазин за упаковкой молока. За кассой сидела знакомая рыжеволосая девушка с заплаканными глазами. Лицо у нее было сплошь усеяно веснушками.

— Я тебя знаю, — сказал Тень. — Ты… — он чуть не выпалил «специалистка по Алка-Зельтцер», но вовремя прикусил язык. — Ты, — сказал он, — подруга Элисон. Из автобуса. Надеюсь, все образуется.

Она шмыгнула носом и кивнула.

— Я тоже.

Она усердно высморкалась в платок и затолкала его обратно в рукав. У нее был значок, на котором было написано: ПРИВЕТ! Я СОФИ! ХОЧЕШЬ СБРОСИТЬ 30 ФУНТОВ ЗА 30 ДНЕЙ, СПРОСИ МЕНЯ, КАК!

— Мы сегодня весь день ее искали. Пока безуспешно.

Она кивнула, и из глаз у нее опять потекли слезы. Она провела упаковкой молока перед сканирующим устройством, сканер пиликнул и выдал стоимость товара. Тень протянул два доллара.

— Уеду я из этого гребаного города, — вдруг раздраженным голосом произнесла она. — Поеду к маме в Ашленд. Элисон нет. Сэнди Ольсен исчез в прошлом году. Джо Минг в позапрошлом. А если в следующем году настанет моя очередь?

— Я думал, Сэнди Ольсена увез отец.

— Конечно, — отрезала девочка. — Увез. А Джо Минг укатил в Калифорнию, а Сара Линдквист пошла погулять и потерялась, и никто больше ее не видел. Мне без разницы. Я хочу в Ашленд.

Она глубоко вздохнула и на секунду задержала дыхание. А потом вдруг ни с того ни с сего улыб-

нулась. И в ее улыбке не было лицемерия. Просто, решил Тень, ее учили улыбаться, когда она отдает клиенту сдачу. Она пожелала ему удачного дня и переключилась на женщину с тележкой, набитой продуктами. Она доставала их по очереди и сканировала.

А Тень взял молоко, сел в машину и поехал. Мимо заправки и драндулета на льду, через мост и — домой.

Прибытие в Америку

1778 год

Жила-была девочка, и однажды дядя ее продал, — *писал мистер Ибис своим идеальным каллиграфическим почерком.*

Такова суть, остальное — детали.

Некоторые вещи нельзя принимать близко к сердцу, ибо они причиняют слишком много боли. Смотрите, вот живет хороший человек, хороший и в своих собственных глазах, и в глазах своих друзей: он честен и предан жене, он обожает своих детишек и окружает их вниманием, он заботится о своей стране, старательно выполняет свою работу, старается как только может. И он же, по доброте душевной и со знанием дела,

истребляет евреев: ему нравится музыкальное сопровождение, тихое и спокойное, под которое проходит очередная акция; он настоятельно советует им не забывать свои идентификационные номера, когда люди заходят в душ, многие, объясняет он им, забывают свои номера, а когда выходят из душа, надевают чужую одежду. Это успокаивает евреев. После душа, убеждают они себя, будет жизнь. Хороший человек присматривает за тем, как бригада относит тела в печи; если он и бывает чем-то недоволен, то только тем, что позволяет себе расчувствоваться, когда паразитов травят газом. Он уверен, что если бы он был по-настоящему хорошим человеком, он бы только радовался оттого, что земля очищается от скверны.

Кажется, все так просто.

Человек — не остров, провозгласил Донн, но он ошибся. Если бы мы не были островами, то погибли бы, потонули в чужих трагедиях. От чужих трагедий нас изолирует омываемый со всех сторон водой остров (само слово «остров» обозначает «то, что омывается водой»). Такова наша островная природа. Чужие истории именно так — самой своей формой, основанной на повторах и подхватах, — воздействуют на наши чувства. Канва

не меняется: родился человек, жил-жил, а потом взял и умер. Подробности можете почерпнуть из собственного опыта. Такого же банального, как любой другой сюжет, такого же уникального, как любая другая жизнь. Человеческие жизни — все равно что снежинки, образующие уже виденный когда-то узор, похожие одна на другую, как горошины в стручке (вы когда-нибудь рассматривали горошины в стручке? Я имею в виду, *всматривались* ли вы в них? Понаблюдайте за ними внимательно в течение одной-единственной минуты, и вы уже никогда не спутаете одну с другой), но при этом неповторимые.

Если мы не склонны обращать внимания на отдельного человека, нам остаются только цифры: тысяча погибших, сто тысяч погибших, «число пострадавших может достигнуть миллиона». Если у нас есть истории человеческих жизней, статистика превращается в живых людей — но даже и это ложь, ибо люди продолжают страдать в таком множестве, что цифры ничего не выражают и ничего не значат. *Смотрите*, вы видите ребенка со вздутым животом, его руки и ноги, похожие на сухие палочки, мух, которые ползают в уголках его глаз: станет вам легче оттого, что вы узнаете, как его зовут, сколько ему лет, о чем он

мечтает и чего боится? Если вы получите возможность заглянуть к нему в душу? А если станет, разве мы тем самым поможем его сестре, которая лежит с ним рядом в раскаленной пыли, словно нелепая, искореженная пародия на ребенка? И если мы испытаем чувство сострадания, неужели тогда эти двое детей сделаются для нас важнее, чем тысяча других, так же страдающих от голода, чем тысяча других юных жизней, которые вскоре станут пищей для бесчисленного множества мух, что вьются над ними и тоже хотят обеспечить свое потомство пищей?

Вокруг беды мы чертим оградительные линии, а сами сидим на своих островах, и ни одна беда не в силах нас задеть. Беды покрыты сплошным, гладким слоем перламутра и скатываются с нас, точно жемчужины, не причиняя настоящей боли.

Литература позволяет нам проникнуть в иные миры, в иное сознание и посмотреть на все иными глазами. В придуманной истории мы не умираем, вовремя успев остановиться, или умираем, но только за другого человека, а в действительности остаемся невредимыми и просто переворачиваем страницу или закрываем книгу: и жизнь продолжается.

Жизнь, такая же, как у других, и — непохожая ни на одну другую.

А правда в том, что *жила-была девочка, и однажды дядя ее продал.*

Вот как говорили в тех краях, откуда приехала девочка: никто наверное не знает, кто отец ребенка, а вот кто мать — тут можно знать наверняка. Счет родства и передача наследства велись по женской линии, а власть была сосредоточена в руках мужчин: мужчина безраздельно властвовал над детьми своей сестры.

В тех местах шла война, ничего особенного, обычные мелкие стычки между мужчинами соперничающих деревень. Будто соседи поссорились. И в этой ссоре одна деревня выиграла, а другая проиграла.

Жизнь — товар, люди — предмет торговли. Рабство в тех краях было частью культуры в течение тысячелетий. Последние великие королевства Восточной Африки уничтожили арабские работорговцы; народы Западной Африки взяли эту работу на себя и сами принялись уничтожать друг друга.

В том, что дядя продал племянников-близнецов, не было ничего предосудительного или необычного, впрочем, близнецы считались

сверхъестественными созданиями, и дядя их боялся, боялся настолько, что не сказал им о намерении их продать, чтобы они не смогли причинить вред его тени или убить его. Им было по двенадцать лет. Ее назвали Вututу, Вещей Птицей, а его — Агасу, в честь мертвого короля. Они росли здоровыми детьми, и так как они были близнецами, братом и сестрой, им много рассказывали про богов, и они слушали то, что им рассказывали, потому что были близнецами, и все запоминали.

Их дядя был толстым и ленивым. Если бы у него в хозяйстве было побольше скота, он бы, наверное, продал какую-нибудь скотинку, а не детей, но лишней скотины не было. Вот он и продал близнецов. Ну и будет о нем: в дальнейший наш рассказ он не попадет. Лучше поглядим, что станется с близнецами.

Вместе с другими рабами, проданными или захваченными в плен во время войны, их связали одной веревкой и отвели к пограничной заставе, за двенадцать миль. Там близнецов и еще тринадцать рабов выставили на продажу. Их купили шестеро мужчин, вооруженных дротиками и ножами, и погнали дальше на запад, к морю, а потом вели их много миль вдоль побережья. Так они и

шли, все пятнадцать человек, на руках болтались путы, а шеи были связаны одной веревкой.

Вутуту спросила своего брата Агасу, что с ними будет.

— Не знаю, — ответил он.

Агасу часто улыбался: зубы у него были белые и ровные, и улыбался он во все тридцать два зуба, и его счастливая улыбка делала счастливой Вутуту. Теперь улыбка исчезла. Ради сестры он старался держаться мужественно, он шел, вскинув голову и распрямив плечи, гордый, грозный и смешной — как ощетинившийся щенок.

Следом за Вутуту шел мужчина с рубцами на щеках:

— Они продадут нас белым демонам, а те повезут нас по воде на свою родину, — сказал он.

— А что они сделают с нами потом? — спросила Вутуту.

Мужчина не ответил.

— Что, а? — повторила Вутуту.

Агасу попытался бросить взгляд через плечо. Им было запрещено разговаривать и петь на ходу.

— Может, нас там съедят, — сказал мужчина. — Люди говорили. Поэтому им и нужно столько пленников. Потому что они все время хотят есть.

Вутуту заплакала.

— Не плачь, сестренка, — ободрил ее Агасу. — Тебя не съедят. Я защищу тебя. Наши боги защитят тебя.

Вутуту продолжала плакать, на сердце у нее было тяжко, она чувствовала боль, гнев и страх — со всей той первозданной и неодолимой силой, с какой их может ощутить лишь ребенок. Она не в силах была сказать Агасу, что не боится быть съеденной белыми демонами. Она выживет, в этом она была уверена. Она плакала потому, что боялась, что они съедят ее брата, а она не была уверена в том, что ей удастся защитить его.

Наконец они дошли до фактории и провели там десять дней. Утром на десятый день их выгнали из хибары, где все это время держали взаперти (работорговцы пригоняли издалека все новые и новые партии рабов, и в последние дни хибара была переполнена). Их повели к порту, и Вутуту увидела корабль, на котором их увезут отсюда прочь.

Первая мысль, что пришла ей в голову, — какой большой корабль, а вторая мысль была — какой же он маленький, слишком маленький, чтобы вместить всех. Корабль легко покачивался на волнах. Корабельная шлюпка сновала туда-сюда,

перевозя пленников. На корабле матросы надевали на них кандалы и вели на нижнюю палубу. Кожа у некоторых матросов загорела так, что приобрела кирпично-красный или коричневый оттенок, носы у них были какие-то заостренные, а бороды придавали им сходство с животными. Несколько матросов выглядели точно так же, как мужчины из ее собственного племени, как те, кто привел ее на побережье. Мужчин, женщин и детей насильно разделили и загнали в разные отсеки. Рабов было так много, что затолкать всех вниз было невозможно, поэтому десяток мужчин посадили на цепь на верхней палубе под открытым небом, неподалеку от того места, где судовая команда развесила свои гамаки.

Вутуту поместили не с женщинами, а с детьми; их не связывали, просто заперли. Ее брат оказался вместе с мужчинами, их заковали в цепи и затолкали в отсек, точно сельдь в бочку. Под палубой воняло, хотя матросы и отдраили ее, доставив предыдущий груз. Вонь въелась в доски: это был запах страха, желчи, поноса и смерти, лихорадки, безумия и ненависти. Вутуту сидела в жарком трюме вместе с другими детьми. Она чувствовала, как дети вокруг нее обливаются потом. Корабль качнулся, и маленького маль-

чика швырнуло прямо на нее, он извинился, но Вутуту не поняла, на каком языке. В полутьме она попыталась ему улыбнуться.

Корабль отправился в плавание. Он тяжело пошел по волнам.

Вутуту пыталась представить те края, откуда прибыли белые люди (хотя среди них не было ни одного по-настоящему белого человека: их кожа, выжженная солнцем и морским ветром, была темной). Неужели у них так мало еды, что они вынуждены посылать в ее страну корабли, чтобы добыть себе людей на пропитание? Или она станет лакомством, изысканным угощением для людей, которые столько всего перепробовали в своей жизни, что слюнки у них текут только от запаха дымящейся в горшочке плоти чернокожего человека?

На второй день пути корабль попал в шторм, не очень опасный, но палубу швыряло и раскачивало из стороны в сторону; запах рвоты смешался с запахом мочи, жидких испражнений и холодного пота. Через вентиляционные люки в потолке на них, как из ведра, лил дождь.

Через неделю плавания, когда до земли было еще далеко, с рабов сняли кандалы, предупредив, что любое неповиновение, любой намек на бунт

будет наказан так, как им и не снилось.

Утром пленников накормили бобами и галетами и дали каждому по глотку лаймового сока, на вкус — как настоящий уксус, такого противного, что лица сводило от отвращения, они кашляли и отплевывались, а некоторые даже стонали и выли, когда им в рот вливали ложку этого сока. Но выплюнуть его они не могли: если кто-то увидит, как они сплевывают или пускают слюну, их высекут или побьют.

Вечером им раздали солонину. Мясо, мерзкое на вкус, было серого цвета и с радужными отливом. Это было в начале плаванья. Шли дни, и мясо становилось только хуже.

Когда представлялся случай, Вututу и Агасу тесно жались друг к дружке и разговаривали о матери, доме и друзьях. Иногда Вututу рассказывала Агасу истории, которые слышала от матери, — об Элегбе,[83] самом хитром из богов, который был глазами и ушами великого Мау, передавал Мау людские просьбы и послания и приносил от него ответ.

Чтобы скоротать время и скрасить однообразные вечера, матросы заставляли рабов петь и

---

[83] notes: 83

Элегба (Легба) — в мифах йоруба (Нигерия) — фаллическое божество.

танцевать для них танцы их родной земли.

Вутуту повезло, что она оказалась с детьми. На детей, битком набитых в трюм, не обращали особого внимания; женщинам повезло меньше. На некоторых работорговых судах матросы насиловали рабынь, и это право числилось за ними как нечто само собой разумеющееся. Впрочем, нельзя сказать, чтобы и на этом корабле изнасилований не случалось.

Сотня мужчин, женщин и детей умерли во время плавания, и их выкинули за борт; некоторые оказавшиеся за бортом пленники были еще живы, но зеленые воды холодного океана остудили их предсмертный жар, и они шли ко дну, молотя руками воду и захлебываясь.

Вутуту и Агасу даже не догадывались, что находились на голландском судне. С тем же успехом они могли плыть на британском, португальском, испанском или французском корабле.

Черные матросы, такие черные, что их кожа была даже темнее кожи самой Вутуту, говорили пленникам, куда идти, что делать, когда танцевать. Однажды утром Вутуту поймала на себе взгляд одного из черных охранников. Она ела, а он подошел к ней и стал смотреть сверху вниз, не произнося ни слова.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она его. — Зачем ты служишь белым демонам?

Он осклабился, будто в жизни не слышал вопроса смешнее. А потом наклонился к ней, так что его губы почти коснулись ее уха, и от его горячего дыхания к горлу внезапно подступила тошнота.

— Будь ты постарше, — сказал он, — ты бы кричала подо мной от счастья. Может, сегодня я вставлю в тебя свой член. Я видел, как хорошо ты танцуешь.

Она посмотрела на него орехово-карими глазами и решительно, почти насмешливо сказала:

— Если ты сунешь его в меня, я откушу его, у меня там зубы. Я колдунья, и зубы у меня там очень острые.

С каким же удовольствием она смотрела, как его перекосило от ее слов! Он ничего не сказал и ушел прочь.

Слова вышли из нее сами, но это были не ее слова: не она их выдумала, не она их произнесла. Она вдруг поняла: это были слова плута Элегбы. Мау создал мир, а потом из-за плутовства Элегбы потерял к нему интерес. Это многоумный Элегба с несгибаемой эрекцией говорил ее устами, это он вселился в нее на мгновение, и в ту ночь перед сном она вознесла ему благодарственную

молитву.

Несколько пленников отказались есть. Их секли плетью до тех пор, пока они не запихнули еду себе в рот и не проглотили ее, и порка была столь жестокой, что двое после нее не выжили. Но с тех пор никто уже не пытался уморить себя голодом. Мужчина с женщиной хотели покончить с собой, спрыгнув за борт. Женщине это удалось, а мужчину спасли. Его привязали к мачте и чуть не полдня стегали хлыстом, пока спина не превратилась в кровавое месиво. Прошел день, настала ночь, а его не отвязали. Ему не давали есть, а пить разрешали только собственную мочу. На третий день он метался в бреду, голова у него распухла и размякла, как старая дыня. Когда же он перестал бредить, его выкинули за борт. Через пять дней после той попытки к бегству пленников вновь заковали в кандалы и цепи.

Это было долгое и страшное плавание для пленников и не особо приятное для матросов, хотя работой этой они занимались не первый год, сердца их успели зачерстветь, и они убедили себя в том, что они — те же фермеры, которые везут на рынок скотину.

Однажды теплым солнечным днем они встали на якорь в Бриджпорте на Барбадосе. Пленников

переправили с корабля на берег в подоспевших с причала шлюпках, повели на базарную площадь и, подгоняя криками и палочными ударами, выстроили в шеренги. По свистку базарную площадь, толкаясь и подгоняя друг друга, наводнили краснолицые мужчины: они кричали, приглядывались, гудели, оценивали, ворчали.

Здесь Вутуту и Агасу разлучили друг с другом. Все произошло очень быстро: какой-то крупный мужчина разжал Агасу челюсти, осмотрел его зубы, пощупал мускулы на руках, кивнул, и двое других мужчин поволокли Агасу прочь. Он не сопротивлялся. Он взглянул на Вутуту и крикнул ей: «Держись!» Она кивнула. На глаза навернулись слезы, все вокруг поплыло и растворилось, и она зарыдала. Вместе они — близнецы, обладающие сверхъестественной силой. По отдельности — всего лишь двое несчастных детей.

Больше за всю свою жизнь она ни разу его не видела. Вернее, видела однажды, но это было не на самом деле.

Вот что приключилось с Агасу. Сперва его привезли на ферму, на которой выращивали пряности. Там его каждый день секли плетью — и по делу, и просто так, преподали начатки английского и прозвали Чернильным Джеком за

темный цвет кожи. Когда он убежал, на него охотились с собаками, вернули обратно и отрубили зубилом палец на ноге, чтобы преподать урок на всю жизнь. Он был готов уморить себя голодом, но когда отказался от еды, ему выбили передние зубы и силком залили в глотку жидкую кашу, не оставив иного выбора, кроме как проглотить или задохнуться.

Даже в ту пору рабы, родившиеся в неволе, ценились больше рабов, привезенных из Африки. Свободнорожденные рабы пытались бежать или покончить собой: и в том, и в другом случае хозяин был в убытке.

Когда Чернильному Джеку было шестнадцать, его и еще нескольких рабов продали хозяину сахарной плантации на остров Святого Доминика. Там его, большого раба с выбитыми зубами, стали называть Гиацинтом. На плантации он встретил старуху из своей деревни — она работала прислугой в доме, до тех пор, покуда пальцы у нее на руках не перестали гнуться от артрита, — и та сказала ему, что белые нарочно разлучают пленных, привезенных из одного города, деревни или края, чтобы предотвратить мятежи и волнения. Белые не любят, когда рабы разговаривают друг с другом на родном языке.

Гиацинт выучился немного понимать и говорить по-французски, и ему преподали кое-какие догматы католической веры. Каждый день, поднявшись перед восходом солнца, он рубил сахарный тростник до тех пор, пока не наступала ночь.

Он стал отцом нескольких детей. По ночам, пренебрегая запретом, он уходил с другими рабами в лесные чащи танцевать калинду, петь для Дамбалла-Ведо, змеиного бога в облике черного полоза. Он пел Элегбе, Огу, Шанго, Заке и многим другим богам — всем богам, которых пленные привезли с собой на остров, привезли тайком, спрятанными в сердцах и душах.

Рабам с сахарных плантаций на острове Святого Доминика редко удавалось протянуть более десяти лет. В свободное время — два часа в жаркий полдень и пять часов ночью (с одиннадцати до четырех) — они выращивали свой урожай (хозяева их не кормили, просто выделяли им маленькие наделы, с которых они и кормились), и в то же самое время нужно было ухитриться еще и поспать и помечтать. Но несмотря на это они находили время, чтобы, собравшись вместе, танцевать, петь и поклоняться богам. Земля Святого

Доминика была плодородной, и боги Дагомеи,[84] Конго и Нигера пустили в ней глубокие корни и расцвели буйным, пышным, сочным цветом, обещая свободу тем, кто возносил им молитвы в ночных рощах.

Когда Гиацинту было двадцать пять, его укусил в ладонь паук. Ранка нагноилась, и по кисти пошел некроз: буквально через несколько дней вся рука распухла и побагровела. Ладонь испускала зловоние, пульсировала и горела.

Ему дали выпить неочищенного рома. Подержали в огне мачете, раскалив его докрасна-добела. Отпилили ему руку по самое плечо и прижгли раскаленным лезвием. Неделю он лежал в лихорадке. А потом вернулся на плантацию.

Однорукий раб по имени Гиацинт принял участие в восстании рабов 1791 года.

В лесной роще в Гиацинта вселился сам Элегба, он оседлал его, как белый мужчина своего коня, и заговорил его устами. Он плохо помнил, о чем говорил, но другие сказали ему, что он обещал им избавление от рабства. Он помнил только, как болезненно и несгибаемо, точно жезл, встал его член и как он воздевал руки — ту, которая оста-

---

[84] notes: 84
Дагомея — название государства Бенин до 1975 года.

лась, и ту, которой больше не было, — к луне.

Они убили свинью, и мужчины и женщины с плантации пили ее горячую кровь, вступая в скрепленное клятвой братство. Они поклялись стать армией освобождения и снова присягнули богам всех земель, из которых их насильно вывезли как добычу.

— Если мы погибнем в битве с белыми, — пообещали они друг другу, — то возродимся в Африке, у себя дома, в своем племени.

В восстании участвовал еще один Гиацинт, поэтому Агасу теперь называли Большой Однорукий. Он боролся, он поклонялся богам, он приносил жертвы, он строил планы. На его глазах умирали друзья и любимые, но он продолжал бороться.

В течение двенадцати лет они вели бешеную, кровавую войну с хозяевами плантаций, с войсками, прибывшими из Франции. Они сражались, сражались, не отступая ни перед чем, и — сложно в то поверить, — они победили.

Первого января 1804 года была провозглашена независимость острова Святого Доминика, который вскоре стал известен в мире как Республика Гаити. Дожить до этого момента Большому Однорукому не было суждено. Он погиб в августе

1802-го от штыка французского солдата.

В момент смерти Большого Однорукого (которого раньше звали Гиацинтом, а еще раньше Чернильным Джеком, но который в душе навсегда остался Агасу) его сестра, которую он помнил как Вутуту и которую на первой плантации в Каролине прозвали Мэри, а потом, когда она стала домашней рабыней, Дейзи, а потом, когда ее продали в дом семьи Лавер у реки под Новым Орлеаном, Сьюки, почувствовав, как между ребрами у нее прошел холодный штык, закричала и разразилась безудержными рыданиями. Ее дочки-близняшки проснулись и заревели. Кожа у малюток была цвета кофе со сливками, они были совсем не похожи на тех чернокожих детей, которых она рожала на плантации, сама еще будучи почти ребенком, — их она не видела с тех пор, как старшему исполнилось пятнадцать, а младшему десять. Средняя девочка умерла год назад, когда мать продали другим хозяевам.

С тех пор как Сьюки сошла с корабля на берег, ее много раз секли: однажды ей втерли в раны соль, а в другой раз ее секли так долго и с таким ожесточением, что она в течение нескольких дней не могла сидеть, а от любого прикосновения к спине ее передергивало. В юности ее несколько

раз насиловали: и черные, которых клали спать рядом на нарах, и белые. Ее сажали на цепь. Но даже тогда она не пролила ни единой слезинки. С тех пор как ее разлучили с братом, она заплакала только однажды. Это было в Северной Каролине, когда она увидела, что детей рабов кормят из той же лохани, что и собак, увидела, как ее детишки вырывают у собак объедки. Это происходило у нее на глазах — она видела такое и раньше, она видела это каждый день на плантации, она увидит это еще много-много раз, прежде чем ее увезут в другое место, — но в тот день это разбило ей сердце.

Когда-то она была красивой. Но годы страданий взяли свое, и красота ушла. Лицо исполосовали морщины, а в карих глазах затаилось слишком много боли.

Одиннадцать лет назад, когда ей было двадцать пять, у нее отнялась правая рука. Никто из белых не мог понять, в чем дело. Плоть иссохла, и рука безвольно болталась вдоль тела, все равно что кость, обтянутая кожей. С тех пор она стала домашней рабыней.

Семейство Кастертон, владевшее плантацией, оценило ее стряпню и умение управляться по дому, но иссохшая рука раздражала миссис

Кастертон, поэтому ее продали семье Лавер, которая год назад переехала из Луизианы: толстяк и весельчак мистер Лавер как раз искал кухарку и служанку, которая бы выполняла всю работу по дому. Иссохшая рука рабыни Дейзи не вызывала у него ни малейшего отторжения. Когда, год спустя, семейство Лавер вернулось в Луизиану, рабыня Сьюки поехала с ними.

В Новом Орлеане к ней стали ходить женщины, и мужчины тоже — за излечением, любовными приворотами, амулетами, — ходили-то, конечно, в основном черные, но и белые тоже. Семья Лавер смотрела на это сквозь пальцы. Может, им казалось, что иметь рабыню, которую все боятся и уважают, престижно. И все-таки свободу они ей не вернули.

По ночам Сьюки заходила в байю[85] и танцевала калинду и бамбулу. Так же как танцоры на ее родине и на острове Святого Доминика, те, кто танцевал байю, в качестве *вудона* почитали черного полоза; и все-таки в этих местах боги ее родины и боги других африканских народов не овладевали черными людьми так, как ее братом или другими рабами с острова Святого Доминика.

---

[85] notes: 85
Байя — заболоченные старицы реки Миссисипи.

Но она все равно продолжала призывать их и выкрикивать их имена, прося у них покровительства.

Она вслушивалась в разговоры белых о восстании на Санто-Доминго (как они его называли), о том, что оно обречено на неудачу — «Вы только подумайте! Страна людоедов!» — а потом вдруг заметила, что разговоры прекратились.

Вскоре ей показалось, что они делают вид, будто такого места, как Санто-Доминго, вовсе никогда не существовало, а что до Гаити, то это слово ни разу и не прозвучало. Как будто вся Америка вдруг решила, что стоит только уверовать, и немалый по размерам Карибский остров исчезнет с лица земли по одному лишь человеческому желанию.

Потомство мистера и миссис Лавер выросло под бдительным присмотром Сьюки. Самый младший в детстве не мог произнести «Сьюки» и стал называть ее Мама Зузу, и имя к ней прилипло. Шел 1821 год, и Сьюки уже разменяла пятый десяток. На вид она выглядела гораздо старше.

Она знала больше тайн, чем старуха Санитэ Дэдэ, торгующая сластями перед Кабильдо,[86] больше, чем Мари Салоппэ, которая называла

[86] notes: 86

Здание в Новом Орлеане, где находилась испанская колониальная администрация.

себя королевой Вуду: обе были цветными и свободными, а Мама Зузу была рабыней, рабыней и умрет, по крайней мере так пообещал ей хозяин.

Как-то к ней пришла молодая особа, которая представилась вдовой Парис. Она хотела узнать, что случилось с ее мужем. Молодая, гордая, с упругой грудью. В ней текла африканская кровь, а еще европейская, а еще индейская. Кожа у нее была красноватого оттенка, волосы жгуче-черные. Черные глаза смотрели высокомерно. Ее муж, Джек Парис, по всей вероятности, был мертв. Он был на три четверти белым — такие вещи высчитывались, — бастардом в некогда почтенном семействе, одним из множества иммигрантов, бежавших с Санто-Доминго, и свободнорожденным, как и его необычайно молодая жена.

— Мой Джек, он — мертв? — спросила вдова Парис.

Она была парикмахером, приходила на дом к новоорлеанским модницам и укладывала им волосы перед выходом в свет.

Мама Зузу кинула кости и покачала головой.

— Он с белой женщиной, где-то на севере, — сказала она. — С белой женщиной с золотыми волосами. Он жив.

Магия тут была ни при чем. Секрета никакого

не было: весь Новый Орлеан знал, с кем сбежал Джек Парис и какого цвета у нее волосы.

Мама Зузу удивилась, как это вдова Парис до сих пор не в курсе, что ее Джек каждую ночь вгоняет свою маленькую мулатскую *морковку* в бледнолицую девицу на севере, в городе под названием Колфакс. Ну, если не каждую, то по крайней мере когда не напивается вдрызг и может использовать свой инструмент не только для того, чтобы облегчиться. А может быть, она об этом знала. Может, у нее были другие причины прийти сюда.

Вдова Парис наведывалась к старой рабыне раз-два в неделю. Месяц спустя она принесла ей подарки: ленты для волос, печенье с тмином и черного петуха.

— Мама Зузу, — сказала она, — настало время научить меня тому, что ты знаешь.

— Да, — ответила Мама Зузу: она-то знала, в какую сторону ветер дует. К тому же вдова Парис призналась, что родилась с перепонками между пальцами на ногах, а это означало, что у нее был брат-близнец, и она убила его в утробе матери. Разве у Мамы Зузу был другой выбор?

Она поведала молодой женщине, что если носить два мускатных ореха на веревке вокруг шеи,

пока веревка не порвется, можно вылечить сердечный шум, а если распороть голубя, который никогда не летал, и надеть больному на голову, пройдет лихорадка. Она показала ей, как изготовить мешочек желаний, маленькую кожаную сумочку, в которую нужно положить тринадцать пенни, девять хлопковых семян и несколько щетинок черного кабана, и как нужно тереть этот мешочек, чтобы желания исполнились.

Вдова Парис запомнила все, что рассказала ей Мама Зузу. Правда, боги ее особо не интересовали. Нисколечко. Ее интересовала практическая сторона дела. Она с восторгом запоминала, что, если окунуть живую лягушку в мед, а потом положить на муравейник и подождать, пока от нее останутся одни только беленькие косточки, при тщательном рассмотрении можно будет обнаружить плоскую косточку в форме сердца и еще одну — с крючком: ту, что с крючком, следует прицепить на одежду тому, кого хочешь приворожить, а косточку в форме сердца — спрятать в укромное место (если потеряешь, твой возлюбленный набросится на тебя, как злая собака). Если все это проделать, возлюбленный всенепременно ответит тебе взаимностью.

Она узнала, что если дунуть порошком из су-

шеной змеи на лицо сопернице, та ослепнет, и что соперницу можно заставить утопиться, если взять ее нижнюю рубашку, вывернуть наизнанку и зарыть в полночь под кирпичной кладкой.

Мама Зузу показала вдове Парис чудо-корень, большой и маленький корни Джона Завоевателя,[87] она показала ей драконову кровь, валерьяну и лапчатку. Она научила ее заваривать зачахни-чай, настаивать воду-приманку и приворотную воду.

Все эти, и не только эти секреты Мама Зузу открыла вдове Парис. Но ожидания старой рабыни не оправдались. Она изо всех сил старалась передать молодой женщине тайные знания, сокровенные истины, поведать ей о Папе Легбе, о Мау, об Айдо-Хведо, змее *вудоне* и обо всем остальном, но вдова Парис (настало время открыть имя, которое она получила при рождении и которое ей предстояло прославить: это была Мари Лаво. Но не великая Мари Лаво, о которой вы наверняка слышали, это была ее мать, в конце концов ставшая вдовой Глапьон) нисколько не интересовалась богами далекой земли. Если аф-

[87] notes: 87

Джон Завоеватель — герой афроамериканского фольклора, трикстер. Корню, с которым он ассоциируется, приписываются волшебные свойства.

риканские боги, пустившие корни в черноземах Санто-Доминго, процветали, то эта земля с ее злаками и дынями, раками и хлопком оказалась для них скудной и бесплодной.

— Она ничего не хочет знать, — жаловалась Мама Зузу своей наперснице Клементине.

Клементина была прачкой, брала на дом занавески и покрывала и обстирывала чуть не полквартала. На щеке у нее краснела целая россыпь ожогов, а один ее ребенок сварился заживо, когда на него опрокинулся котел с кипятком.

— Значит, не учи ее, — сказала Клементина.

— Учу ее, учу, а она не понимает самого главного: ей интересно только одно: как все это применить. Я даю ей бриллианты, а она хватает цветные стекляшки. Я ей — деми-бутей лучшего кларета, а она лакает воду из речки. Я ей — перепелов, а ей лишь бы крыс жрать.

— И чего тогда ты упорствуешь? — спросила Клементина.

Мама Зузу пожала костлявыми плечами, и ее иссохшая рука закачалась.

Ответа у нее не было. Она могла сказать, что упорствует потому, что до сих пор жива и благодарит за это богов, благодарит от всего сердца: ведь сколько смертей она перевидала на своем

веку. Она могла сказать, что мечтает о том, как однажды рабы восстанут, как восстали (и потерпели поражение) в Лапласе, и что в глубине души она знает: без богов Африки, без покровительства Легбы и Мау они никогда не победят белых поработителей и никогда не вернутся на родину.

Жизнь Мамы Зузу закончилась почти двадцать лет назад, в ту ужасную ночь, когда она очнулась ото сна, почувствовав, как меж ребер вонзилась холодная сталь. С тех пор она не жила, она — ненавидела. Если спросить ее про эту ненависть, она ничего не скажет о двенадцатилетней девочке на зловонном корабле: в ее жизни было столько побоев и порок, столько ночей, проведенных в кандалах, столько разлук, столько боли, что все это попросту сошло с ее памяти, как корка с раны. Зато она могла бы рассказать о своем сыне, о том, как хозяин приказал отрубить ему большой палец на руке, когда узнал, что мальчик умеет читать и писать. Она могла бы рассказать о своей дочери, которая уже восьмой месяц носит под сердцем ребенка от надсмотрщика и которой всего двенадцать лет, и о том, как в красной земле выкопали ямку, чтобы в нее поместился живот беременной, а потом секли ее до тех пор, пока спина не стала сочиться кровью. И хотя яма была

вырыта по размеру, дочь лишилась и ребенка и жизни утром в воскресенье, когда все белые были в церкви…

Слишком много боли.

— Поклоняйся им, — говорила Мама Зузу вдове Парис, когда через час после полуночи они стояли в байе, голые по пояс, потные из-за влажного ночного воздуха, и белый лунный свет придавал их коже особый оттенок.

Муж вдовы Парис Джек (смерть которого, воспоследовавшая три года спустя, будет отмечена рядом странностей) немного рассказывал Мари о богах Санто-Доминго, но ей было неинтересно. Сила была не в богах, а в ритуалах.

Мама Зузу и вдова Парис пели, топали ногами, завывали, стоя в заболоченной реке. Свободная цветная женщина и рабыня с иссохшей рукой пели, стоя среди черных полозов.

— Ты процветаешь, твои враги повержены — но не все в мире на этом держится, — сказала Мама Зузу.

Из ее памяти стерлись многие слова, которые нужно было произносить во время обрядов, слова, которые она когда-то помнила и которые знал ее брат. Она сказала прелестной Мари Лаво, что слова неважны, важен напев и ритм. И там, на

болоте, среди черных полозов, пока они поют и отбивают такт, на нее снисходит странное видение. Она видит ритмы песен, ритм калинды, ритм бамбулы, видит, как все ритмы Экваториальной Африки медленно разливаются по земле в полуночном свете, и вот уже вся страна подрагивает и раскачивается под ритмы старых богов, чье королевство она когда-то покинула. Но даже и этого, сознает она, стоя посреди болота, даже и этого недостаточно.

Она поворачивается к прелестной Мари и видит себя в ее глазах, видит чернокожую старуху с морщинистым лицом, с костлявой рукой, недвижно висящей вдоль тела, и глаза — глаза женщины, видевшей, как ее дети дрались с собаками за кусок еды. Она увидела себя и впервые поняла, какие отвращение и страх испытывает к ней эта молодая женщина.

Она засмеялась, присела и подобрала здоровой рукой черного полоза, длинного, как молодое деревце, и толстого, как корабельный канат.

— Вот, — сказала она. — Это будет твой *вудон*.

Она кинула послушную змею в корзину, которую держала желтокожая Мари.

А потом к ней пришло второе и последнее в эту лунную ночь видение: она увидела своего брата

Агасу. Это был не двенадцатилетний мальчик, с которым ее разлучили на базаре в Бриджпорте, а огромный мужчина, лысый, с беззубой улыбкой, вся спина его была исполосована глубокими рубцами. В левой руке он держал мачете. А от правой осталась одна культя.

Она протянула к нему левую, здоровую, руку.

— Подожди, подожди чуть-чуть, — прошептала она. — Я скоро. Я скоро буду с тобой.

А Мари Парис подумала, что старуха обращается к ней.

Глава двенадцатая

Америка инвестировала свою религию и мораль в ценные бумаги, приносящие стабильный доход. Она заняла неприступную позицию благословенной нации — благословенной именно потому, что она этого заслуживает; а ее сыны, вне зависимости от того, какие богословские доктрины они исповедуют, а к каким остаются равнодушны, безоговорочно подписались под этим национальным кредо.

Агнесс Репплиер. Времена и тенденции

Тень и Среда ехали на запад, через Висконсин и Миннесоту в Северную Дакоту. Покрытые снегом вершины холмов напоминали огромных спящих буйволов. Миля за милей — холмы, холмы и больше ничего. Потом они свернули на юг и направились — уже через Дакоту Южную — на территорию индейских резерваций.

«Линкольн Таун-кар» Среда обменял на древний громыхающий «Виннебаго», пропитанный крепким, ни с чем не сравнимым запахом кота-самца. «Линкольн» Тень водил с удовольствием, а вот «Виннебаго» ему совсем не нравился.

Когда они проехали мимо первого указательного столба с надписью «гора Рашмор», до которой было еще несколько сотен миль, Среда пробурчал:

— Вот тебе еще одно священное место.

Тени казалось, что Среда заснул.

— Я слышал, индейцы и впрямь раньше считали его священным, — сказал он.

— Оно и сейчас священное, — сказал Среда. — Просто людям нужно дать хоть какой-то повод, в силу которого они могли бы спокойно приезжать сюда и возносить молитвы. Америка в ее лучшем виде. Люди в наше время не могут просто так приехать и посмотреть на гору. Поэтому и нужно

было, чтобы мистер Гутзон Борглум высек гигантские лики президентов. Теперь разрешение выдано, и люди толпами едут подивиться на то, как в действительности выглядит гора, которую они уже тысячу раз видели на открытках.

— Знавал я одного парня — он несколько лет тому назад ходил на «Силовую станцию» штанги тягать. Так вот он мне рассказывал, что индейцы из Дакоты, молодые, в смысле, забираются на гору, к президентам на головы, а потом, рискуя жизнью, вытягиваются цепочкой, и самый крайний ссыт президенту на нос.

Среда заржал.

— Какая прелесть! Просто прелесть! Так они свой гнев изливают на какого-то конкретного президента?

— Он не уточнял, — пожал плечами Тень.

Колеса «Виннебаго» отматывали милю за милей. Тени начало казаться, что они стоят на месте, а мимо на скорости шестьдесят семь миль в час проезжает американский ландшафт. Зимняя дымка скрадывала очертания холмов.

К полудню второго дня пути они были почти на месте.

— На прошлой неделе, — сказал Тень, прервав свои размышления, — в Лейксайде пропала де-

вочка. Когда мы были в Сан-Франциско.

— Ну и? — Среда не проявил к новости особого интереса.

— Элисон МакГоверн. Это не первое исчезновение. Дети исчезали и раньше. И всегда зимой.

Среда поднял бровь:

— Это, конечно, трагично. Все эти детские лица на пакетах с молоком — хотя что-то я не припомню, когда мне в последний раз доводилось видеть подобные пакеты, — или плакаты в зонах отдыха на автострадах. «Вы меня видели?» — спрашивают они. При обычных обстоятельствах вопрос глубоко экзистенциальный. «Вы меня видели?» Сверни на следующем повороте.

Тени показалось, что над ними пролетел вертолет, но облака висели низко и закрывали обзор.

— Почему ты выбрал именно Лейксайд? — спросил Тень.

— Я же говорил. Приятное тихое местечко, где тебя можно было спрятать. Там ты за сценой, вне зоны доступа.

— *И зачем это было нужно?*

— Нужно было, и все дела. Теперь поворачивай налево, — сказал Среда.

Тень свернул.

— Что за черт? — сказал Среда. — Твою мать.

Иисус, блядь, Христос, к велосипежьей матери. Сбавь скорость, но не тормози!

— А в чем, собственно, дело-то?

— Херня начинается. Ты знаешь объездной путь?

— Вообще-то нет. Я первый раз в Южной Дакоте, — сказал Тень. — К тому же я вообще не в курсе, куда мы едем.

За холмом вспыхнул размытый туманом красный огонек.

— Засада, — сказал Среда.

Он пошарил рукой в одном кармане, потом в другом, пытаясь что-то нащупать.

— Может, развернемся и — обратно?

— Не можем мы разворачиваться. Они и сзади нас приперли, — сказал Среда. — Сбрось-ка скорость, миль до десяти-пятнадцати.

Тень посмотрел в зеркальце заднего вида. Примерно в миле за спиной горели фары.

— Ты уверен? — спросил он.

— Как и в том, что яйцо — оно и в Африке яйцо! — фыркнул Среда. — Так сказал один фермер, который взялся разводить индюков, после того, как у него вылупилась первая черепаха. А, вот он! — и он выудил из кармана кусочек белого мела.

Среда стал царапать мелом на приборной доске кемпера, делая какие-то пометки, будто решал сложную математическую задачку — или, к примеру, подумал Тень, будто некий бомж решил нацарапать для других бомжей длинное послание, зашифрованное тайным бомжиным кодом, типа: *осторожно злая собака, опасный город, но есть одна милая женщина и теплая тюряжка, где можно перетоптаться ночку-другую…*

— Так-так, — сказал Среда. — А теперь разгонись до тридцати. И не сбавляй.

Одна из машин, ехавших следом, врубила мигалку и сирену и начала набирать скорость.

— Не сбавляй, — повторил Среда. — Они хотят, чтобы мы сбросили скорость на подъезде к кордону.

Чирк. Чирк. Чирк.

Они въехали на гору. До кордона осталось меньше четверти мили. Поперек дороги и на обочинах стояли в ряд двенадцать машин — полицейских легковушек и несколько больших черных внедорожников.

— Приехали, — сказал Среда и сунул мел обратно в карман. Приборная доска «Виннебаго» была сплошь испещрена похожими на руны письменами.

Машина с сиреной, сбросив скорость, ехала прямо за ними.

— Остановите машину! — заорал голос из рупора.

Тень посмотрел на Среду.

— Сверни направо, — сказал тот. — Съезжай с дороги.

— На этой развалюхе по полю далеко не уедешь. Перевернемся.

— Не бойся. Поворачивай направо. Давай!

Тень крутанул руль, «Виннебаго» накренился и подпрыгнул. На секунду Тени показалось, что он был прав и кемпер сейчас перевернется, но мир за ветровым стеклом растворился и замерцал, как подернутое ветром отражение в прозрачной луже.

Облака, туман, снег, дневной свет — все исчезло.

Вместо этого — звезды над головой, пронзающие ночное небо застывшими копьями света.

— Теперь тормози, — сказал Среда. — Оставшийся путь пройдем пешком.

Тень заглушил мотор. Прошел вглубь «Виннебаго», надел куртку, сапоги и перчатки, а потом вышел наружу и сказал:

— Ну ладно. Пошли.

Среда посмотрел на него с видимым удивлением и еще с каким-то не слишком внятным чувством — не то с раздражением, не то с гордостью.

— Ну и почему ты не удивляешься? — спросил он. — Почему ты не вопишь во всю глотку: «А! Так не бывает!»? Почему ты, мать твою, делаешь то, что я говорю, и принимаешь все это как само собой, блядь, разумеющееся?

— Ты платишь мне за то, чтобы я не задавал вопросов, — сказал Тень. — Ну и вообще, после Лоры меня уже ничто не удивляет, — добавил он и, пока договаривал последнюю фразу, понял, что — и в самом деле, именно так и есть.

— После того как она восстала из мертвых?

— После того как я узнал, что она трахалась с Робби. Вот это было больно. Все остальное — одуванчики. Так куда мы идем?

Среда махнул рукой, и они пошли в ту сторону, куда он махнул. Под ногами у них бугрились какие-то гладкие камни, происхождения откровенно вулканического: некоторые были прозрачными как стекло. Воздух был холодный, но морозом не пахло. Они неуклюже, бочком, спустились по неровной тропинке со склона горы. Тень посмотрел вперед.

— А это еще что за хрень? — сказал он, углядев внизу, у подножия холма что-то необычное.

Среда приставил палец к губам и резко мотнул головой: тихо!

То, что увидел Тень, больше всего напоминало медного механического паука размером с трактор, сплошь переблескивающего светодиодными огнями. Паук притаился у самого подножья холма. Позади него ровными рядами лежали человеческие скелеты, и рядом с каждым мерцал огонек, крошечный, как пламя свечи.

Среда подал Тени знак не подходить близко. Но Тень сделал еще один, последний и неосмотрительный шаг: подвернул лодыжку и, подпрыгивая на ухабах, покатился вниз по скользкому откосу. Он успел ухватиться за каменный выступ, и острый обсидиановый край прорезал кожаную перчатку, словно бумагу.

Докатившись до подножия холма, он затормозил как раз между механическим пауком и скелетами.

Он хотел опереться ладонью о землю, чтобы оттолкнуться и встать, но под руку ему попалась бедренная кость, и…

…он стоит, курит и смотрит на часы. Светло. Вокруг — машины, пустые и с людьми. Ему при-

ходит в голову, что он, должно быть, зря выпил ту, последнюю чашку кофе — так жутко хочется отлить, что уже почти невмоготу.

К нему подходит один из местных полицейских — здоровенный коп с длинными, свисающими, как у моржа, заиндевевшими усами. Имя его он не помнит.

— Не понимаю, как мы могли потерять их из виду, — озадаченно, извиняющимся тоном говорит патрульный.

— Это была оптическая иллюзия, — отвечает он. — Природа выкинула с нами фокус. Туман. Нечто вроде миража. На самом деле они ехали по какой-то другой дороге. А нам казалось, что по этой.

Патрульный разочарован.

— Да? А я думал, это типа как в «Секретных материалах», — говорит он.

— Боюсь, все гораздо прозаичнее.

Он периодически страдает от геморроя, и задница у него как раз начинает зудеть, подавая сигнал о грядущем обострении. Работал бы он как раньше, патрульным на кольцевой вашингтонской автостраде, и никаких проблем. Единственное, что ему сейчас нужно, — зайти за дерево: иначе с минуты на минуту может случиться конфуз.

Он бросает на дорогу сигарету и растирает ее подошвой о дорожное покрытие.

Патрульный подходит к полицейской машине и что-то говорит водителю. Оба качают головами.

Он достает телефон, входит в меню и пролистывает список, пока не находит адрес с пометкой «Прачечная», которая так его позабавила, когда он вбивал ее в телефон. Поначалу для него это была аллюзия на «Человека из U.N.C.L.E.»[88] но, взглянув на нее теперь, он вдруг понимает, что никакой прачечной не было, а была швейная мастерская, и думает, может, это из «Напряги извилины»:[89] хоть с тех пор прошло столько лет, ему по-прежнему странно и неловко сознавать, что в детстве до него не доходило, что это комедия, и еще ему ужасно хотелось иметь портативную рацию…

— Да? — раздается в телефоне женский голос.

---

[88] notes: 88

«The Man from U.N.C.L.E.» — шпионский сериал, выходивший с 1964 по 1968 год. Аббревиатура расшифровывается как «The United Network Command for Law and Enforcement», переводится как «Объединенное Системное Управление Правовой и Силовой Поддержки» и буквально звучит как ДЯДЯ. Последнее важно в контексте отношений Тени со Средой.

[89] notes: 89

«Get Smart» — шпионский пародийный сериал, выходил с 1965 по 1970 год.

— Это мистер Градд, позовите мистера Мирра.

— Подождите секунду, я проверю, на месте ли он.

Тишина в трубке. Градд кладет ногу на ногу, подтягивает ремень повыше — *нужно бы* скинуть еще фунтов десять — чтобы он не давил на мочевой пузырь.

— Здравствуйте, мистер Градд, — говорит вежливый голос.

— Они от нас ушли, — сообщает Градд.

Он расстроен, внутри у него буквально все сжимается: они упустили ублюдков, двух поганых сучьих выродков, которые убили старину Лесса и Камена, черт их дери! Какие достойные были люди! Какие достойные! Ему дико хочется трахнуть миссис Лесс, но пока еще рано, после смерти старины Лесса прошло слишком мало времени. Раз в две недели он будет водить ее в ресторан, и в конце концов это окупится, она будет ему благодарна за его заботу…

— Как?

— Я не знаю. Мы блокировали дорогу, им просто некуда было деваться, и все-таки они куда-то делись.

— Еще одна необъяснимая загадка. Не расстраивайтесь. Успокоили местных копов?

— Сказал им, что это оптическая иллюзия.

— И они купились?

— Видимо, да.

В голосе мистера Мирра слышится что-то до боли знакомое — странное ощущение, ведь он работает на него уже два года, говорит с ним каждый день, *естественно*, его голос ему знаком.

— Сейчас они уже далеко.

— Выслать людей, чтобы они их перехватили в резервации?

— Не стоит слишком усердствовать. Тут многовато юридических моментов, я за одно утро всего утрясти не успею. У нас достаточно времени. Возвращайтесь обратно. Я тут не покладая рук занимаюсь организацией стратегического совещания.

— Есть проблемы?

— Каждый тянет гребаное одеяло на себя. Я предложил провести его здесь. Технари хотят в Остине или в Сан-Хосе, актеры — в Голливуде, финансисты — на Уолл-стрит. Каждый хочет, чтобы все происходило на его собственной территории. И никто не желает уступать.

— Хотите, чтобы я подключился?

— Пока нет. На одних полаю, других — поглажу по головке. Сами знаете, как такие дела дела-

ются.

— Конечно, сэр.

— Возвращайтесь к работе, Градд.

Связь прерывается.

Градд думает, что следует вызвать спецназ и взорвать к чертям собачьим этот долбаный «Виннебаго», или заложить на дороге фугас, или расхерачить его ядерными боеголовками, чтобы эти ублюдки знали: с живых с них не слезут. Как однажды сказал ему мистер Мирр, типа «мы пишем будущее Огненными Буквами», и мистер Градд думает, если, господи боже, он сейчас не поссыт, можно попрощаться с мочевым пузырем, он просто лопнет, — или, как говорил его папаша в долгих поездках, когда Градд был еще маленьким мальчиком и они ехали по федеральной автостраде, — так вот, папаша всегда говорил так: «У меня уже в горле плещется», — мистер Градд и сейчас вспоминает его резкий североамериканский акцент: «Нужно поссать. У меня уже в горле плещется»…

…а потом Тень почувствовал, как кто-то разжимает ему руку, палец за пальцем, ту руку, которой он вцепился в бедренную кость. Отлить больше не хотелось; теперь он был другим человеком. Он стоял под звездным небом на стеклянно-камен-

ной равнине.

Среда снова велел ему молчать, знаком, и зашагал прочь. Тень двинулся следом.

Механический паук заскрипел, и Среда замер на месте. Тень остановился и тоже замер. По бокам паука побежали вверх мигающие зеленые огоньки. Тень старался дышать как можно тише.

Он все пытался осмыслить то, что только что произошло. Он будто бы заглянул внутрь чужого сознания. А потом до него дошло: *Это* мне *голос мистера Мирра показался знакомым. Мне, а не Градду. Вот и вся странность.* Он попытался мысленно идентифицировать этот голос, проассоциировать его с конкретным человеком, но ничего не вышло.

Потом получится, подумал Тень. *Получится — рано или поздно*.

Зеленые огоньки стали синими, потом красными, потом стали затухать, потом паук сложил металлические лапы и опустился на землю. Среда продолжил путь — одинокая фигура под звездным небом, в широкополой шляпе и темном потертом плаще, который беспорядочно бился в порывах нездешнего ветра, и с посохом, стучавшим при ходьбе о стеклянно-каменную землю.

Когда металлический паук превратился в мер-

цавшую в звездном свете точку где-то далеко позади, Среда сказал:

— Теперь можно говорить.

— Где мы?

— За кулисами, — ответил Среда.

— В смысле?

— Думай, что мы за кулисами. Типа как в театре. Я просто увел нас обоих подальше от зрителей, и теперь мы за сценой. Срезаем путь.

— Когда я дотронулся до кости, я оказался в сознании одного мужика по фамилии Градд. Он участвовал в той шпионской заварушке. Он нас ненавидит.

— Да, я знаю.

— Его шефа зовут мистер Мирр. Он мне кого-то напомнил, но я не знаю, кого. Я оказался в голове у Градда, — а может, он в моей. Я точно не понял.

— Они знают, куда мы направляемся?

— Я думаю, на данный момент они сворачивают поиски. Они не хотят ехать за нами в резервацию. Мы идем в резервацию?

— Очень может быть.

Среда остановился, постоял несколько секунд, опершись о посох, и пошел дальше.

— Что это был за паук?

— Манифестация образа. Поисковая машина.

— Они опасны?

— Всегда рассчитывай на самое худшее — доживешь до моих лет.

Тень улыбнулся.

— Это до скольких, к примеру?

— Лет мне ровно столько же, сколько языку у меня во рту, — ответил Среда. — И я на несколько месяцев старше собственных зубов.

— Ты так упорно держишь язык за зубами, — сказал Тень, — что я вообще сомневаюсь, есть ли у тебя язык.

Среда только фыркнул.

Всякий раз взбираться на очередной холм становилось все труднее и труднее.

У Тени заболела голова. Звездный свет отчаянно бил ему в глаза, то и дело попадая в резонанс с биением сердца в висках и в груди. У подножия очередного холма он споткнулся, открыл рот, чтобы что-то произнести, и тут, совершенно неожиданно, его вырвало.

Среда достал из кармана фляжку.

— Сделай глоток, — сказал он. — Но только один.

Напиток оказался жгучим и растворился, едва попав на слизистую, как хороший бренди, хотя по вкусу даже не напоминал спиртное. Среда забрал

фляжку и сунул обратно в карман.

— Зрителям вредно шастать за кулисами. Поэтому тебя и тошнит. Нужно поскорее выбираться отсюда.

Они ускорили шаг. Среда упорно шел и шел вперед, ни на секунду не останавливаясь, Тень то и дело спотыкался, но напиток — после которого во рту остался привкус апельсиновой цедры, розмаринового масла, перечной мяты и гвоздики, — его взбодрил.

Среда взял его за локоть:

— Вон там, — сказал он, показывая пальцем налево, на две горки застывшего стеклокамня, — нужно будет пройти между двумя холмами. Держись поближе ко мне.

Они двинулись вперед. Холодный ветер и яркий белый свет с одинаковой силой били Тени в лицо.

Они стояли на вершине пологого холма. Туман рассеялся, было солнечно и холодно, над головой сияло абсолютно голубое небо. У подножия холма пролегала засыпанная гравием дорога, по которой — все равно что детская игрушечная машинка — мчалась красная легковушка с кузовом. Из трубы стоявшего поблизости дома валил дым. Казалось, кто-то лет тридцать тому назад бросил

тут, на склоне холма, свой передвижной дом, и с тех пор его не раз чинили, латали, а периодически и расширяли за счет разного рода пристроек.

Как только они подошли к дому, дверь распахнулась: с высоты своего роста на них взирал мужчина средних лет. Взгляд острый, рот — словно след от удара ножом.

— Так-так, слыхал я, двое белых едут меня проведать. Двое белых на «Виннебаго». А еще слыхал, что они заблудились, как это обычно с белыми и происходит, если они не понатыкают везде своих указателей. Нет, вы только поглядите на двух этих доходяг, что стоят у меня под дверью. Вы вообще в курсе, что вы на земле лакота?

Волосы у него были длинные и седые.

— С каких это пор ты стал лакота, старый шельмец? — сказал Среда.

Теперь на нем были куртка и вислоухая шапка, и Тени уже казалось маловероятным, что всего несколько минут назад в звездной ночи он был одет в широкополую шляпу и изодранный плащ.

— Слушай, Виски Джек. Я умираю от голода, а мой друг только что выблевал весь свой завтрак. Не пригласишь нас войти?

Виски Джек поскреб подмышку. На нем были голубые джинсы и майка под цвет волос, на ногах

мокасины — на холод он как будто не обращал внимания.

— Вот наглец, а! — наконец сказал он. — Проходите, белые люди, потерявшие свой «Виннебаго».

В трейлере дым стоял коромыслом. За столом сидел еще один мужчина — босой, в заляпанных штанах из оленьей кожи. Кожа у него была цвета древесной коры.

— Ну, — с довольным видом сказал Среда, — кажется, мы кое-кого застукали врасплох. Виски Джек и Джонни Яблочко. Зашибли одним-единственным камушком двух таких птичек.

Мужчина, который сидел за столом, Джонни Яблочко, зыркнул на Среду, потом опустил руку под стол и потрогал себя за промежность:

— Опять не угадал. Я проверил, у меня оба камушка на месте.

Потом он перевел взгляд на Тень и поднял в приветственном жесте руку.

— Я Джон Чэпмен. Не обращай внимания на то, что твой шеф обо мне рассказывает. Он задница. Задницей был, задницей и останется. Некоторые люди по жизни задницы, больше и добавить нечего.

— Майк Айнсель, — представился Тень.

— Айнсель, значит, — сказал он, потерев щети-

нистый подбородок. — Это не имя. Но сойдет на крайняк. А как тебя другие люди называют?

— Тень.

— Значит, я буду звать тебя Тенью. Эй, Виски Джек! — В действительности он сказал не *Виски Джек*, подумал Тень. Для этого он произнес слишком много слогов. — Как там жратва?

Виски Джек взял деревянную ложку, снял крышку с черной железной кастрюли, которая булькала на дровяной печи.

— Можно есть, — сказал он.

Он взял четыре пластиковые миски, наложил в каждую еды из кастрюли и поставил их на стол. Потом открыл дверь, вышел на улицу и достал из сугроба пластиковую бутылку объемом в галлон. Занес ее в дом, наполнил четыре вместительных стакана мутной желтовато-коричневой жидкостью и поставил их рядом с мисками. В завершение он выложил на стол четыре вилки и наконец сел вместе с остальными.

Среда с подозрением поднял свой стакан.

— Похоже на мочу, — сказал он.

— Ты все еще пьешь свою дрянь? — спросил Виски Джек. — Вы, белые, просто психи. Это куда лучше. Рагу, — сказал он, обращаясь к Тени, — в основном из дикой индейки. А Джон нам принес

яблочный бренди.

— Безалкогольный яблочный сидр, — уточнил Джон Чэпмен. — Я всегда с подозрением относился к крепким напиткам. От них дуреют.

Рагу было вкусным, и яблочный сидр тоже оказался превосходным. Тень старался есть медленнее, пережевывая пищу, а не заглатывая целыми кусками. Но он сам не ожидал, что так сильно проголодался. После первой порции он попросил добавки, съел еще тарелку рагу и выпил второй стакан сидра.

— Госпожа молва нам шепнула, что ты тут ходишь, со всеми разговоры разговариваешь, понаобещал всякого. Созываешь, мол, стариков на тропу войны, — сказал Джон Чэпмен.

Тень и Виски Джек помыли посуду и переложили остатки рагу в пластиковые контейнеры. Виски Джек вынес их на улицу и положил в сугроб, а сверху воткнул пустую бутылку из-под молока, чтобы в следующий раз не задумываясь отыскать нужный сугроб.

— Думаю, это верное и справедливое изложение событий, — сказал Среда.

— Они победят, — прямо заявил Виски Джек. — Они уже победили. А ты проиграл. Такая же ситуация, как с белыми людьми и моим наро-

дом. По большому счету, они победили. А если вдруг начинают проигрывать, они заключают соглашения. А потом их же нарушают. И опять побеждают. Я не намерен сражаться за еще одно безнадежное дело.

— И на меня не рассчитывай, — сказал Джон Чэпмен, — даже если бы я сражался на твоей стороне — чего я делать не стану, — я для тебя все равно бесполезен. Паршивые ублюдки просто общипали меня, а потом послали на хер. — Он замолчал. — Пол Баньян,[90] — сказал он после паузы, потом медленно покачал головой. — Пол Баньян, — повторил он снова.

Тень никогда не слышал, чтобы два безобидных слова звучали как последние, невыносимые оскорбления.

— Пол Баньян? — сказал он. — А что он такого сделал?

— Вперся на самую горку, место занял, — сказал Виски Джек.

Он стрельнул сигарету у Среды, и они оба закурили.

---

[90] notes: 90

Пол Баньян — герой фольклора, легенда американского Севера, лесоруб, славящийся фантастической силой, аппетитом, изобретательностью и неунывающим характером. Символ американской силы и оптимизма.

— Есть такие идиоты, которые считают, что колибри ночей не спят и всё думают, как бы им не набрать лишнего веса, не обзавестись кариесом или еще какой-нибудь хренью; а может, они и впрямь считают, что сахар — яд, и хотят оградить колибри от его вредоносных последствий, — объяснил Среда. — Поэтому и заливают им в кормушки гребаный «Нутрасвит».[91] Птицы слетаются и пьют. А потом дохнут, потому что их животики забиты едой, в которой нет калорий. Вот вам и Пол Баньян. Никто не рассказывал и не рассказывает о нем историй. Никто не верит в его существование. Его выдумали в одном рекламном агентстве, в 1910 году, и он с ошеломляющим успехом зашагал по всей стране, целой нации засрав мозги пустыми калориями.

— А мне нравится Пол Баньян, — сказал Виски Джек. — Я несколько лет назад катался на его аттракционе на «Американской ярмарке». Взлетаешь вверх, — а там здоровенный такой Пол Баньян, а потом катишься вниз. Бух! У меня к нему претензий нет. Ну и пусть он никогда на самом деле не существовал, значит, и деревьев не валил сотнями. Конечно, такого, чтобы он их са-

[91] notes: 91

«Нутрасвит» — заменитель сахара для диабетиков производства одноименной компании.

жал, тоже не скажешь. Но все равно так лучше.

— Верно сказано, — согласился Джонни Чэпмен.

Среда выпустил кольцо дыма. Оно повисло в воздухе и медленно таяло, распадаясь на отдельные сгустки и облачка.

— Черт возьми, Виски Джек, я вообще не о том, и ты это прекрасно понимаешь.

— Я не буду тебе помогать, — сказал Виски Джек. — Когда тебе надерут задницу, возвращайся, и если я буду на месте, накормлю тебя обедом. Хоть налопаешься под конец от пуза.

— Других вариантов нет, — сказал Среда.

— Да что ты знаешь о других вариантах, — сказал Виски Джек. — Ты на охоте, — сказал он, взглянув на Тень. Его голос загрубел от печного и сигаретного дыма.

— Я на работе, — сказал Тень.

Виски Джек покачал головой.

— И при этом тебя что-то гложет, — сказал он. — Ты должен кому-то и хочешь отдать свой долг.

Тень вспомнил синие губы Лоры, ее окровавленные руки и кивнул.

— Тогда послушай. Жил-был был Лис, и был у него брат Волк. Лис и говорит: «Пусть люди живут вечно. А если умирают, то ненадолго». А Волк ему

в ответ: «Нет, — говорит, — люди будут умирать, люди должны умирать, все живые существа должны умирать, иначе они расплодятся и заполонят всю землю, съедят всех лососей и карибу, и бизонов тоже съедят, съедят всю тыкву и весь маис». И вот однажды Волк умер и говорит Лису: «Спаси меня, верни мне жизнь». А Лис ему и отвечает: «Нет, мертвое должно быть мертвым, ты меня убедил». И произнося эти слова, он горько плакал. Но слово — закон. С тех пор Волк царствует в мире мертвых, а Лис живет под солнцем и луной и продолжает оплакивать брата.

— Ну, раз вы не в деле, значит, не в деле, — сказал Среда. — Нам пора двигаться.

На лице у Виски Джека застыло невозмутимое выражение.

— Я вообще-то с молодым человеком разговариваю, — сказал он. — Тебе помочь уже нельзя. Ему можно. — Он опять повернулся к Тени. — Расскажи о своем сне, — попросил он.

— Я карабкался вверх по горе черепов. А вокруг горы летали гигантские птицы. И с крыльев у них срывались молнии. Они на меня нападали. А потом гора разрушилась.

— Всем снятся сны, — встрял Среда. — Мы поедем уже, ладно?

— Но не всем снятся *Вакиньяу*, гром-птицы, — возразил Виски Джек. — Эхо и досюда долетело.

— Ну, что я тебе *говорил*! — воскликнул Среда. — Сновидец чертов!

— В Западной Вирджинии живет выводок гром-птиц, — протянул Чэпмен. — По крайней мере, пара самок и старый самец. Есть еще семейная пара в одном районе между Кентукки и Теннесси, его называли Штатом Франклин, хотя старина Бен так никогда и не обзавелся этим штатом. Гром-птиц, конечно, и в лучшие времена было немного.

Виски Джек протянул руку цвета красной глины и осторожно провел пальцами по лицу Тени.

— Да, — сказал он. — Это верно. Если поймаешь гром-птицу, вернешь обратно свою женщину. Но она принадлежит Волку, она в мире мертвых, ей не положено ходить по земле.

— Откуда вы *знаете*? — спросил Тень.

— Что велел тебе бизон? — Губы у Виски Джека не шевельнулись.

— Верить.

— Хороший совет. Примешь его к сведению?

— Типа того. Наверно.

Они разговаривали, не произнося ни единого слова, не двигая губами, не издавая звуков. Мо-

жет, даже для двух других мужчин в этой комнате они попросту застыли на одно или на несколько мгновений.

— Когда найдешь свое племя, приезжай повидать меня, — сказал Виски Джек. — Я помогу.

— Хорошо.

Виски Джек опустил руку и обратился к Среде:

— Ты заберешь свой Хо-Чанк?[92]

— Мой что?

— *Хо-Чанк*. Так называют себя виннебаго.

Среда покачал головой.

— Слишком рискованно. С ним проблем не оберешься. Его будут искать.

— Он краденый?

— Еще чего! — обиделся Среда. — Документы на него лежат в бардачке.

— А ключи?

— Ключи у меня, — сказал Тень.

— У моего племянника, Гарри Голубой Сойки, «Бьюик» восемьдесят первого года. Отдайте мне ключи от кемпера, а взамен берите «Бьюик».

— Это не обмен, а настоящий грабеж! — разо-

---

[92] notes: 92

Хо-Чанк — племя из языковой семьи сиу (в отличие от всех своих соседей, говоривших на алгонкинских языках), обитавшее на территории современных штатов Висконсин и Иллинойс. Другое, алгонкинское название того же племени — виннебаго.

злился Среда.

Виски Джек пожал плечами:

— Ты понимаешь, как трудно будет достать твой кемпер оттуда, где вы его бросили? Я тебе одолжение делаю. Хочешь бери, хочешь нет. Мне плевать. — И он закрыл рот, тонкий, как шрам от удара ножом.

Среда разозлился, но сменил гнев на милость и сказал:

— Тень, отдай ему ключи от «Виннебаго».

Тень передал ключи Виски Джеку.

— Джонни, — сказал Виски Джек, — проводишь их к Гарри Сойке? Скажи ему, что я отдал им его машину.

— Конечно, провожу, — согласился Джон Чэпмен.

Он встал, подошел к двери и, подобрав с пола мешок из рогожи, вышел. Тень и Среда двинулись за ним. Виски Джек тоже вышел на порог.

— Слышишь, ты! — окликнул он Среду. — Ты сюда не возвращайся. Тебя здесь не ждут.

Среда показал ему средний палец.

— Повертись-ка на этом, — беззлобно ухмыльнулся он.

Они спускались с заснеженного холма, прокладывая путь через сугробы. Чэпмен шел впереди,

ступая красными босыми пятками прямо по снежному насту.

— Тебе не холодно? — спросил Тень.

— Моя жена была чокто, — сказал Чэпмен.

— И она научила тебя волшебным образом не чувствовать холода?

— Нет. Она думала, что я сумасшедший, — сказал Чэпмен. — Она мне, бывало, говорила: «Джонни, надел бы ты ботинки!»

Склон сделался круче, и они вынуждены были прервать разговор. Они спускались по склону холма, оступаясь и оскальзываясь, цепляясь руками за стволы берез, чтобы удержать равновесие и не покатиться кубарем. Когда склон стал чуть более отлогим, Чэпмен продолжил:

— Теперь-то она уже мертва. Когда она умирала, я, наверное, чуточку умом повредился. Это с каждым может случиться. И с тобой тоже. — Он похлопал Тень по плечу. — Клянусь Иисусом и Иосафатом, здоровенный ты парень!

— Мне все так говорят, — сказал Тень.

Они спускались с горы чуть ли не полчаса, пока наконец не очутились на огибающей холм гравиевой дороге. По ней они и пошли в сторону сбившихся в кучку домов, которые разглядели еще с вершины.

Проезжавшая мимо машина замедлила ход и остановилась. За рулем сидела женщина, она дотянулась до ручки и опустила окно.

— Подвезти вас, мужики? — сказала она.

— Вы очень любезны, мадам, — сказал Среда. — Мы ищем мистера Гарри Сойку.

— Он должен быть в клубе, — сказала женщина. Ей за сорок, решил про себя Тень. — Залезайте.

Они сели в машину. Среда занял переднее сиденье, Чэпмен и Тень уселись сзади. Разместиться с комфортом на заднем сиденье Тени не позволяли слишком длинные ноги, но он устроился как мог. Машина, подпрыгивая, понеслась по дороге.

— Откуда вы к нам пожаловали? — спросила женщина.

— Приехали друга навестить, — сказал Среда.

— Он на горе живет, — сказал Тень.

— На какой горе? — удивилась женщина.

Тень обернулся и посмотрел назад, сквозь запыленное стекло, пытаясь разглядеть гору. Но позади не было никакой горы: только облака плыли над равниной.

— Виски Джек, — произнес Тень.

— А, — сказала женщина. — Мы зовем его Инктоми. Это, видимо, один и тот же мужик. Мой дед рассказывал про него классные истории. Лучшие

из них были, естественно, неприличными. — Они подскочили на колдобине, и женщина чертыхнулась. — Как вы, целы?

— Целы, мэм, — ответил Джон Чэпмен. Он вцепился обеими руками в сиденье.

— Вот такие в резервации дороги, — сказала она. — К ним нужно приспособиться.

— Все такие? — спросил Тень.

— В основном, — сказала женщина. — В наших местах — да. Даже и не спрашивайте, куда идут деньги от казино: ну кто в здравом уме припрется сюда играть в казино? Этих денег мы тут не видали.

— Жаль.

— Да нечего жалеть. — Она с треском и скрипом сменила передачу. — Вы знаете, что белое население тут уменьшается? Повсюду в округе вымершие города. Как заставишь людей сидеть на ферме, когда им по телевизору мир показывают? Да и вообще, какому белому захочется пахать на бесплодных просторах Бэдлендс?[93] Пришли, заграбастали себе наши земли, обжи-

[93] notes: 93

Букв. «бесплодные земли» — районы на западе США (юго-запад штата Южная Дакота и северо-запад штата Небраска). Изрезаны глубокими оврагами и долинами, животный и растительный мир не отличается большим разнообразием.

лись, а теперь валят. На юг. На запад. Может, если подождать, пока они все свалят в Нью-Йорк, Майами или Лос-Анджелес, мы получим назад все наши земли без боя.

— Удачи вам в этом, — сказал Тень.

Гарри Голубую Сойку они и в самом деле нашли в клубе, за бильярдным столом, где он ловко загонял шары в лузы, пытаясь произвести впечатление на компанию барышень. Сверху на кисти правой руки у него была вытатуирована голубая сойка, а правое ухо было сплошь утыкано пирсингом.

— Хо хока, Гарри Голубая Сойка, — поприветствовал его Джон Чэпмен.

— Да отвали ты, босой психанутый призрак! — послал его в ответ Гарри Голубая Сойка. — У меня от тебя мурашки по всему телу.

В дальнем конце зала сидели мужчины постарше, некоторые играли в карты, другие просто болтали. Те что помоложе, примерно одного с Гарри возраста, ждали, когда освободится бильярдный стол. Стол был стандартного размера; зеленое сукно, с одного края драное, было заклеено серебристой герметизирующей лентой.

— У меня для тебя новость от твоего дяди, — невозмутимо продолжил Чэпмен. — Он говорит,

чтобы ты отдал этим двоим свою машину.

В зале было человек тридцать, а то и сорок, и все как один сосредоточенно уставились на свои карты, или на ботинки, или на ногти, и изо всех сил постарались сделать вид, что этот разговор им до лампочки.

— Он мне не дядя.

В воздухе стоял густой сигаретный дым. Чэпмен разинул рот в широкой улыбке, продемонстрировав такие гнилые зубы, каких Тень еще ни у одного человека не видел.

— Скажи это ему сам. Он говорит, что и остается-то среди лакота только ради тебя.

— Виски Джек вообще много чего говорит! — рявкнул в ответ Гарри Голубая Сойка.

На самом деле и он тоже сказал не «Виски Джек». Тени послышалось что-то типа «*Уизакеджек*». Вот как они произносили его имя, а вовсе не «Виски Джек».

— Точно, — встрял Тень. — И еще он сказал такую вещь: мы тебе отдаем свой «Виннебаго», а ты нам свой «Бьюик».

— Ну и где ваш «Виннебаго»?

— Он тебе его пригонит, — сказал Чэпмен. — Можешь не сомневаться.

Гарри Голубая Сойка ударил по шару и прома-

зал. Рука у него подрагивала.

— Этот старый лис мне не дядя, — сказал Гарри Голубая Сойка. — И пусть не пудрит людям мозги.

— Лучше живой лис, чем мертвый волк, — встрял Среда. Его низкий голос вдруг сделался похож на звериное рычание. — Так ты отдашь нам свою тачку?

Гарри Голубая Сойка так отчаянно вздрогнул, что не заметить этого было невозможно.

— Конечно, — сказал он. — Конечно. Я просто дурку гнал. Люблю подурачиться. — Он положил кий на бильярдный стол и отыскал свою толстую куртку среди груды похожих курток, висевших на вешалке рядом с дверью. — Только дайте я сначала свои манатки из тачки выгребу, — сказал он.

Он то и дело бросал взгляд на Среду, словно опасаясь, что тот с минуты на минуту взорвется.

Машина Гарри Голубой Сойки стояла в сотне ярдов от клуба. По пути им встретилась побеленная католическая церквушка; на пороге стоял мужчина в воротничке священника, провожал их взглядом и затягивался сигаретой с таким видом, будто курить ему было противно.

— Доброго дня, отец! — поприветствовал его Джон Чэпмен, но мужчина в воротничке ничего

не ответил; он раздавил пяткой сигарету, поднял окурок, бросил его в урну рядом с дверью и зашел обратно в церковь.

Машина у Гарри Голубой Сойки была без боковых зеркал, шины совершенно лысые, лысее Тень в жизни не видел: идеально гладкая черная резина. Гарри сообщил, что машина жрет много масла, но зато пока масло подливаешь, бегает безотказно, если только, конечно, ее не останавливать.

Гарри Голубая Сойка покидал свои манатки в черный мусорный мешок (манатки состояли из нескольких недопитых бутылок дешевого пива с завинчивающейся крышкой, маленького пакетика с гашишем, завернутого в серебряную фольгу и кое-как припрятанного в пепельнице на двери, хвоста скунса, пары десятков кассет с музыкой кантри и потрепанного, пожелтевшего экземпляра «Чужака в чужой стране»).[94]

— Простите, что там, в клубе, выдрючивался, — сказал Гарри Голубая Сойка, передавая Среде ключи от машины. — Вы знаете, когда я получу «Виннебаго»?

— Спроси у дяди. Это он у вас спекулирует по-

[94] notes: 94

«Чужак в чужой стране» — культовая книга популярнейшего американского писателя-фантаста Роберта Хайнлайна.

держанными тачками, — прорычал Среда.

— Уизакеджек *никакой* мне не дядя, — сказал Гарри Голубая Сойка, схватил свой черный мусорный мешок, зашел в ближайший дом и захлопнул за собой дверь.

Джона Чэпмена они высадили в Су-Фоллс,[95] у магазина натуральных продуктов.

Среда молчал всю дорогу. С тех пор как они ушли от Виски Джека, он пребывал в дурном расположении духа.

В семейном ресторанчике на окраине Сент-Пола[96] Тень подобрал оставленную кем-то газету. Ткнулся взглядом в пару мест и показал Среде.

— Ты только посмотри, — сказал он.

Среда вздохнул и опустил взгляд на газету:

— Я просто счастлив, что конфликт с авиадиспетчерами был улажен без забастовки.

— Да не это, — сказал Тень. — Вот. Тут написано, что сегодня четырнадцатое февраля.

— С днем святого Валентина!

— Мы выехали где-то двадцатого — двадцать

---

[95] notes: 95

Су-Фоллс — город на юго-востоке штата Южная Дакота. Крупнейший город штата.

[96] notes: 96

Сент-Пол — город на юго-востоке штата Миннесота на реке Миссисипи. Административный центр (столица) штата Миннесота.

первого января. Я за датами не следил, но помню, что это была третья неделя января. В общей сложности мы были в пути три дня. Как тогда может быть четырнадцатое февраля?

— Мы почти месяц шли пешком, — сказал Среда. — По Бэдлендс. За кулисами.

— Ни хера себе срезали путь! — сказал Тень.

Среда отодвинул газету.

— Засранец этот Джонни Яблочко, задолбал уже со своим Полом Баньяном. В обычной жизни Чэпмену принадлежало четырнадцать яблоневых садов. Он возделывал тысячи акров. Он, конечно, шел в ногу с западом, но в том, что о нем рассказывают, нет ни слова правды, кроме того, что когда-то у него поехала крыша. Но это все неважно. Как твердили газетчики, если правда скучна, мы печатаем сказку. Эта страна жить не может без сказок. Вот только и в них больше никто не верит.

— Но ведь ты сидишь сейчас передо мной и своими глазами все это видишь, разве не так?

— Я в отставке. На меня всем насрать.

— Ты же бог, — тихо произнес Тень.

Среда пристально на него посмотрел. Он, казалось, хотел было что-то добавить к сказанному, но потом откинулся на спинку стула, уставился в

меню и произнес:

— И что с того?

— Хорошо быть богом, — сказал Тень.

— Ты действительно так считаешь? — спросил Среда, и на этот раз уже Тени пришлось отводить взгляд.

На стене у туалета при заправке в двадцати пяти милях от Лейксайда Тень увидел самодельное объявление: ксерокопированный листок с черно-белой фотографией Элисон МакГоверн, над которой от руки было написано «*Вы меня видели?*». Это была все та же фотография из школьного альбома: уверенная улыбка, на верхних зубах пластиковые брекеты — фотография девочки, которая мечтала, когда вырастет, работать с животными.

Вы меня видели?

Тень купил сникерс, бутылку воды и номер «Лейксайд ньюс». На первой странице был помещен заголовок статьи лейксайдского репортера Маргарет Ольсен и фотография мальчика и мужчины: они стояли на замерзшем озере рядом с домиком для зимней рыбалки, напоминающей сарай, и держали здоровенную рыбу. На лицах сияли улыбки. «*Самая большая щука: отец и сын установили местный рекорд. Продолжение на*

третьей странице».

Машину вел Среда.

— Прочти-ка мне что-нибудь интересное, — попросил он.

Тень внимательно проглядел газету, медленно перелистывая страницы, но ничего интересного так и не нашел.

Среда высадил его у дома, рядом с подъездной дорожкой. На дорожке сидела дымчатая кошка и смотрела на него. Когда он нагнулся, чтобы ее погладить, она удрала.

Поднявшись по лестнице на веранду, он остановился у двери и посмотрел на озеро. Оно было сплошь усеяно зелеными и коричневыми палатками для зимней рыбалки. Рядом со многими стояли машины. У самого моста красовался зеленый драндулет, так же, как на фотографии в газете.

— Двадцать третье марта, — с надеждой произнес Тень. — Примерно в девять пятнадцать утра. Так и будет.

— Это сильно вряд ли, — услышал он женский голос. — Третьего апреля. В шесть вечера. Лед оттаивает только к вечеру.

Тень улыбнулся. На Маргарет Ольсен был лыжный костюм. Она стояла у дальнего края веранды

и подсыпала корм в птичью кормушку.

— Я прочел вашу статью в «Лейксайд ньюс» про самую большую щуку.

— Увлекательная история, да?

— Скорее, пожалуй, познавательная.

— Я думала, вы уже не вернетесь, — сказала она. — Уезжали ненадолго, да?

— Дядя вызвал по работе, — сказал Тень. — Время пронеслось — мы и глазом моргнуть не успели.

Она положила в поддон последний кубик сала и стала заполнять кормушку семенами чертополоха, которые были у нее насыпаны в пластиковую бутылку из-под молока. Несколько щеглов, в зимнем оливковом оперении, нетерпеливо верещали с соседней ели.

— А про Элисон МакГоверн в газете ничего не было.

— Да не о чем и писать. До сих пор ищут. Прошел слух, кто-то видел ее в Детройте, но оказалось, ложная тревога.

— Бедняжка.

Маргарет Ольсен закрутила крышечку на молочной бутылке.

— Надеюсь, она мертва, — сухо сказала она.

— Почему? — Тень был шокирован.

— Потому что в противном случае все еще хуже.

Щеглы как безумные скакали с ветки на ветку: ждут не дождутся, когда же наконец уйдут люди.

«Ты ведь думаешь не об Элисон. О сыне ты думаешь, — пронеслась у Тени мысль. — Ты думаешь о Сэнди».

В голове всплыла чья-то чужая фраза: «Я скучаю по Сэнди». Кто это сказал?

— Приятно было поболтать, — сказал Тень.

— Ага, — сказала она. — Мне тоже.

Прошел февраль — чередой коротких унылых дней. Иногда шел снег, но по большей части обходилось без снегопада. На улице потеплело, и в погожие дни температура поднималась выше нуля. Тень торчал дома, пока ему не начинало казаться, что он сидит в тюремной камере, и тогда, если только Среда не вызывал его по делу, выходил прогуляться.

Он устраивал себе длительные прогулки за город почти на весь день. Шел себе один и шел, прямо до лесного заповедника на северо-западе или до кукурузных полей и пастбищ на юге. Гулял по засыпанным снегом тропинкам «лесопильного» округа, по заброшенным железнодорожным путям и проселочным дорогам. Пару раз он даже

обошел замерзшее озеро с севера на юг. Время от времени встречал местных, туристов или джоггеров — он махал им рукой и здоровался. Но обычно вообще никого не встречал, кроме ворон и зябликов, да еще два-три раза заметил ястреба, который лакомился попавшим на дороге под колеса опоссумом или енотом. Еще ему запомнилось, как однажды орел поймал серебристую рыбу посреди Уайт Пайн Ривер: у берегов вода замерзла, а в центре продолжал бежать стремительный поток. Рыба билась и извивалась в когтях орла, и ее чешуйки сверкали в лучах полуденного солнца. Тень представил: а ну как сейчас она вырвется и уплывет далеко-далеко, прямо в небо, — и мрачно улыбнулся.

Он обнаружил, что во время прогулок не обязательно думать, и это ему очень понравилось; когда он начинал думать, мысль заводила его в такие дебри, где от него уже ничего не зависело и где ему становилось некомфортно. Прогулки до изнеможения оказались для него в своем роде спасением. Обессилев от ходьбы, он уже не думал о Лоре, о своих странных снах, о вещах, которых не было и быть не могло по определению. Вернувшись домой после такой прогулки, он спал крепко, и сны ему не снились.

В «Парикмахерском салоне Джорджа» в городском парке Тень столкнулся с начальником местной полиции Чэдом Маллиганом. Тень всегда с интересом и надеждой ожидал окончания стрижки, но результат никогда не оправдывал его ожиданий. Всякий раз после стрижки он выглядел более или менее по-прежнему, вот только волосы были чуток покороче. Чэд, который сидел в кресле рядом, тоже был на удивление озабочен своим внешним видом. Когда парикмахер закончил, Чэд Маллиган с суровым видом уставился на свое отражение, будто собирался выписать ему штраф за превышение скорости.

— Тебе идет, — ободрил его Тень.

— А женщине бы такая стрижка понравилась?

— Думаю, да.

Они дошли через парк к Мейбл и заказали по кружке горячего шоколада.

— Слушай, Майк, — сказал Чэд. — Ты никогда не задумывался о том, чтобы поступить на службу в правоохранительные органы?

Тень пожал плечами.

— Вообще-то нет. Там ведь, типа, надо кучу разных вещей знать.

Чэд покачал головой.

— Знаешь, что самое главное в работе поли-

цейского в таком городке, как этот? Сохранять спокойствие. Если что-то происходит, если кто-то наорет на тебя и выматерит на чем свет стоит, нужно просто сказать, мол, ты уверен, что произошла какая-то ошибка и что ты все уладишь, пусть только все без паники покинут помещение. Только нужно быть очень уверенным в своих словах.

— А потом все уладить?

— Обычно все улаживается, когда ты надеваешь на них наручники. Но вообще-то да, ты делаешь все возможное, чтобы уладить ситуацию. Если тебе нужна работа, только скажи. У нас есть вакансии. И такие, как ты, нам нужны.

— Я это учту, если с дядей дела пойдут неважно.

Они потягивали горячий шоколад.

— Послушай, Майк, — сказал Маллиган. — А что бы ты сделал, если бы твоя кузина, ну, типа того, овдовевшая, стала вдруг тебе названивать?

— Как названивать?

— По телефону. По межгороду. Она живет в другом штате. — Он залился краской. — Я видел ее в прошлом году на свадьбе у родственника. Но вообще тогда она была еще замужем, ну, то есть ее муж был еще жив, и вообще она моя родствен-

ница. Но не двоюродная сестра. Совсем дальняя родственница.

— Ты на нее что, запал?

— Ну, я не знаю. — Маллиган покраснел.

— Ладно, зайдем с другой стороны. Она на тебя запала?

— Ну, она кое-что сказала, когда звонила. Она очень красивая женщина.

— И… что ты собираешься делать?

— Я бы мог, например, позвать ее сюда. Почему бы и нет? Она что-то такое говорила, что не прочь приехать.

— Вы же оба взрослые люди. Не упускайте шанс — вот что я скажу.

Чэд кивнул, покраснел и снова кивнул.

Телефон в квартире у Тени не работал. Наверное, следовало бы подключиться, вот только Тень так и не придумал, кому бы он хотел позвонить. Как-то ночью он поднял трубку и приставил ее к уху: он был уверен, что слышит завывание ветра и отдаленный разговор нескольких людей, но разговаривали они так тихо, что слов почти нельзя было разобрать. «Алло! — произнес он в трубку. — Кто это говорит?». Ему не ответили, но в трубке воцарилась тишина, а потом раздался едва различимый смех, такой тихий, что он был

готов поверить, что ему показалось.

В следующие недели Тень много ездил со Средой.

Он сидел на кухне в загородном доме в Род-Айленде и слушал, как Среда спорит в темной спальне с какой-то женщиной, которая никак не желала вставать с постели и не позволяла ни Среде, ни Тени взглянуть на ее лицо. В холодильнике лежал полиэтиленовый пакет со сверчками, и рядом другой — с трупиками мышат.

В рок-клубе в Сиэтле Тень наблюдал, как Среда, перекрикивая музыку, поздоровался с молодой женщиной с коротко стриженными рыжими волосами и синими спиралевидными татуировками. Разговор, должно быть, прошел успешно, потому что Среда вернулся с радостной ухмылкой.

Пять дней спустя Тень ждал Среду во взятой напрокат машине в Далласе. Среда с хмурым видом вышел из вестибюля какой-то конторы, залез в машину, громко хлопнув дверцей, и какое-то время сидел молча, весь красный от ярости.

— Поехали, — сказал он.

А потом добавил:

— Чертовы албанцы. Кому вообще до них какое дело?

Через три дня они прилетели в Боулдер и там славно пообедали в компании пятерых молодых японских женщин. Трапезу сопровождал обмен любезностями и шутливыми замечаниями, и когда Тень встал из-за стола, он так и не понял, была ли достигнута договоренность или было принято иное решение. Впрочем, Среда остался доволен.

Тень начал предвкушать возвращение в Лейксайд. Там его ждали покой и радушный прием, который он очень ценил.

Каждое утро, если он был не в отъезде, он ездил через мост в городской парк. Покупал два пирожка у Мейбл; первый съедал на месте, запивая кофе. Если на столе лежала оставленная кем-то газета, он читал ее, правда, новости никогда не интересовали его настолько, чтобы покупать газету самому.

Второй пирожок, завернутый в бумажный пакетик, он клал в карман и съедал на ланч.

Однажды утром, когда он читал «Ю-Эс-Эй тудей», Мейбл сказала:

— Послушайте, Майк. Куда вы сегодня пойдете?

Небо в тот день было бледно-голубое. Утренний туман рассеялся, покрыв деревья инеем.

— Не знаю, — ответил Тень. — Может, опять

пойду гулять по лесным тропинкам.

Она подлила ему кофе.

— Вы когда-нибудь ходили на восток, в округ Q? Путь не ближний. Дорога туда идет от коврового магазина на Двенадцатой авеню.

— Нет, не ходил.

— Пойдите, — сказала она. — Там довольно красиво.

Красота была неописуемая. Тень оставил машину за городом и пошел пешком по обочине извилистой окружной дороги, которая петляла среди холмов на востоке от города. На холмах росли облетевшие клены, березы, белые, как кость, темные ели и сосны.

Одно время вместе с ним по дороге шла маленькая темно-бурая кошка, с белыми передними лапками. Когда Тень подошел, она не убежала.

— Привет, кошка, — почти автоматически сказал он ей.

Кошка склонила голову на бок и посмотрела на него изумрудными глазами. А потом вдруг зашипела — но не на него, а на что-то, что было на другой стороне дороги, на что-то, чего он не видел.

— Не бойся, — сказал Тень, но кошка крадучись перешла через дорогу и скрылась в поле неубран-

ной с прошлого года кукурузы.

За следующим поворотом Тень неожиданно наткнулся на крошечное кладбище. Надгробные плиты изъело время, хотя на некоторых лежали свежие цветы. Вокруг кладбища не было ни стены, ни ограды, только по краю росли низкие тутовые деревца, склонившиеся под тяжестью инея и возраста. Тень перешагнул за обочину через сугроб грязного снега вперемешку со льдом и прошел между двух каменных столбов, которыми был отмечен вход. Ворот между столбами не было и в помине.

Он бродил по кладбищу, рассматривая надгробия. Самая поздняя надпись была сделана в 1969 году. Он смахнул снег с прочного на вид гранитного ангела и прислонился к нему. Достал из кармана бумажный пакет, вынул из него пирожок и надломил его с краю: в морозный воздух выплыло тонкое облачко пара. И запах шел просто восхитительный. Он откусил кусок.

За спиной раздался хруст. Он сначала подумал, что это кошка, но потом уловил в воздухе аромат духов, сквозь который пробивался тонкий запах тления.

— Пожалуйста, не смотри на меня, — услышал он за спиной голос Лоры.

— Привет, Лора, — сказал Тень.

Ему показалось, что в голосе у нее сквозит неуверенность, и даже более того: едва ли не страх.

— Привет, бобик, — сказала она.

Он отломил кусок пирожка:

— Хочешь?

Теперь она стояла прямо у него за спиной.

— Нет, — ответила она. — Ешь сам. Я больше не ем еду.

Он откусил еще. Пирожок был вкусный.

— Я хочу на тебя посмотреть, — сказал он.

— Тебе не понравится.

— Пожалуйста, очень тебя прошу.

Она вышла из-за каменного ангела. И Тень увидел ее при свете дня. Кое-что изменилось, кое-что осталось по-прежнему. Прежними были глаза и оптимистический изгиб у самых краешков губ. Вот только теперь с первого взгляда было понятно: она мертвая, мертвее некуда. Тень дожевал пирожок. Потом встал, вытряхнул крошки из бумажного пакета, свернул его и сунул обратно в карман.

Все-таки время, проведенное в похоронном бюро в Кейро, прошло недаром: теперь в ее присутствии он чувствовал себя куда спокойнее. Вот

только совсем не знал, что сказать.

Она взяла его за руку, и он нежно сжал ее пальцы. Тень почувствовал, как сердце заколотилось в груди. Ему стало страшно — страшно от сознания привычной обыденности происходящего. Ему было хорошо оттого, что она рядом, настолько хорошо, что он был готов простоять с ней вот так хоть целую вечность.

— Я скучаю, — признался он.

— Да вот она я, рядом, — сказала она.

— В такие моменты я как раз и скучаю больше всего. Когда ты рядом. Когда тебя нет, когда ты просто призрак из прошлого или сон из другой жизни, тогда легче.

Она сжала его пальцы.

— Ну, как смерть? — спросил он.

— Тяжко. Все тянется и тянется.

Она положила голову ему на плечо, и это едва не отправило его в нокаут.

— Хочешь, прогуляемся немного? — спросил он.

— Давай, — согласилась она, и ее мертвое лицо искривила нервная, неуверенная улыбка.

Они вышли за пределы кладбища и, держась за руки, пошли по дороге в сторону города.

— Где ты был? — спросила она.

— Здесь же и был. По большей части.

— Начиная с Рождества ты куда-то стал пропадать. Иногда я знала, где ты, это длилось несколько часов или несколько дней. Ты был повсюду. А потом ты куда-то исчезал.

— Я был в этом городе, — сказал он. — В Лейксайде. Хороший маленький городок.

— Ну да, понятно, — сказала она.

Лора больше не носила синего костюма, в котором ее похоронили. Теперь на ней было несколько свитеров, длинная темная юбка и высокие бордовые сапоги. Тени они понравились, и он сказал ей об этом.

Лора наклонила голову и посмотрела на сапоги.

— Классные, правда? — улыбнулась она. — Я нашла их в одном обувном магазине в Чикаго.

— А почему ты решила приехать сюда из Чикаго?

— Я в Чикаго была проездом, бобик. Я вообще на юг еду. Не выношу холода. Тебе, наверное, кажется, что холод — это самое подходящее для меня состояние. Потому что я мертвая. Вот только когда ты мертвый, холод — уже не холод. Это что-то вроде пустоты. И единственное, чего по-настоящему боишься, когда ты мертвый, — так

это как раз пустоты. Я хочу в Техас. Хочу провести зиму в Галвестоне. Я, наверное, еще с детства привыкла зиму проводить Галвестоне.

— Это вряд ли, — сказал Тень. — Ты никогда об этом раньше не упоминала.

— Да? Может, это был кто-то другой. Не знаю. Я помню чаек — как им кидали хлеб, их было несколько сотен, все небо в чайках, бьют крыльями и хватают хлеб прямо на лету. — Она замолчала. — Если я этого не видела, должно быть, это видел кто-то другой.

Из-за поворота выехала машина. Водитель помахал им рукой. Тень помахал в ответ. Была в этом какая-то восхитительная обыденность — гулять вот так со своей женой.

— Как хорошо, — сказала Лора, будто прочитав его мысли.

— Да, — согласился он.

— Ну, и когда на этот раз я услышала зов, пришлось со всех ног мчаться назад. А я уже почти добралась до Техаса.

— Зов?

Она взглянула на него. На шее у нее блестела золотая монета.

— Это было похоже на зов, — сказала она. — Я сразу стала думать о тебе. О том, что мне очень

нужно тебя увидеть. Это как чувство голода.

— Значит, ты знала, что я *здесь*?

— Да.

Она остановилась, нахмурилась и слегка прикусила синюю нижнюю губу. А потом склонила голову набок и сказала:

— Я поняла. Как-то вдруг, раз — и до меня дошло. Я думала, это ты меня звал, а получается, что не ты.

— Не я.

— Ты не хотел меня видеть?

— Не в этом дело. — Он не решался сказать. — Нет, я не хотел тебя видеть. Это слишком больно.

Снег хрустел под ногами и сверкал в солнечных лучах, как россыпь бриллиантов.

— Да, не так-то это просто — не быть живым, — сказала Лора.

— Ты хочешь сказать, тебе трудно быть мертвой? Знаешь, я, вообще говоря, все еще пытаюсь придумать, как вернуть тебя обратно. И мне кажется, теперь я на верном пути…

— Нет, — сказала она. — Ну, то есть спасибо тебе. Надеюсь, у тебя получится. Я столько всего нехорошего натворила… — Она покачала головой. — Я вообще-то говорила о тебе.

— Я-то живой, — сказал Тень. — Я пока не умер.

Помнишь об этом?

— Не умер, — согласилась она. — Хотя я не уверена, что ты живой. Совсем не уверена.

Так разговоры не разговариваются, подумал Тень. *Так вообще дела не делаются.*

— Я люблю тебя, — бесстрастно сказала она. — Ты мой бобик. Просто когда ты мертвый, все видится яснее. Будто больше никого нет. Понимаешь? Будто ты одна большая сплошная человекообразная прореха в мироздании. — Она нахмурилась. — Даже когда мы были вместе. Мне нравилось быть с тобой. Ты меня обожал, ты бы сделал для меня все что угодно. Но иногда я входила в комнату, и мне казалось, что там никого нет. Я включала свет или, наоборот, выключала, и понимала, что ты тут, сидишь себе в кресле, не читаешь, не смотришь телевизор, вообще ничего не делаешь.

Тут она его обняла, словно желая смягчить резкость сказанных слов, и продолжила:

— Самое лучшее в Робби было то, что он хоть *кем-то* был. Иногда он был кретином, мог выставить себя на посмешище, а еще ему нравилось, чтобы вокруг были зеркала, когда мы занимались любовью, и он смотрел, как он меня трахает, но при этом он был *живой*, бобик. Он чего-то *хотел*.

Он заполнял собой пространство. — Она замолчала, посмотрела на него, слегка склонив голову набок. — Прости. Я тебя обидела?

Он боялся, что голос его подведет, и поэтому просто покачал головой.

— Вот и хорошо, — сказала она.

Они подходили к зоне отдыха, где он оставил машину. Тень чувствовал, что надо что-то сказать: «Я люблю тебя», или «Пожалуйста, не уходи», или «Прости меня». Какие-нибудь слова, которыми можно будет спасти разговор, который ни с того ни с сего вдруг зашел слишком далеко. Но вместо этого он сказал:

— Я не мертвый.

— Может и нет, — сказала она. — Но ты точно уверен, что ты живой?

— А ты посмотри на меня повнимательнее, — сказал он.

— Это не ответ, — ответила ему мертвая жена. — Оживешь — сам поймешь.

— Что пойму?

— Ну, вот я с тобой и повидалась. Теперь мне пора обратно на юг.

— В Техас?

— Да без разницы. Туда, где теплее.

— А я вот никуда отсюда деться не имею пра-

ва, — сказал Тень. — Жду распоряжений от босса.

— Это не жизнь, — вздохнула Лора. А потом улыбнулась — той самой улыбкой, которая всегда выворачивала ему душу наизнанку. И неважно, сколько раз он ее видел, всякий раз, когда она ему улыбалась, был — как самый первый раз.

Он сделал шаг вперед, чтобы обнять ее, но она покачала головой и отстранилась. Его машина тронулась с места и покатилась прочь, а она, присев на краешек занесенного снегом столика для пикника, провожала ее взглядом.

Интермедия

Война началась, но никто этого даже не заметил. Сгущались тучи, но никто об этом и не подозревал.

В Манхэттене упала строительная балка и перегородила улицу на целых два дня. Она задавила насмерть двоих человек, таксиста-араба и пассажира, который был с ним в такси.

В Денвере было найдено тело водителя грузовика. Он был убит в собственном доме. Орудие убийства, молоток-гвоздодер с резиновой ручкой, лежал на полу рядом с телом. Затылок был проломлен насквозь, но лицо осталось нетронутым.

А на зеркале в ванной коричневой помадой было написано несколько слов, непонятными буквами, на неизвестном языке.

В Фениксе, штат Аризона, на почтовой сортировочной станции некий человек сошел с ума и пристрелил — *отправил с почты на тот свет*, как сказали в вечерних новостях — патологически толстого и неповоротливого Терри «Тролля» Ивенсена, который жил один в трейлере. Стрелял этот псих и еще по нескольким людям, но застрелил только Ивенсена. Убийцу — которого сначала сочли впавшим в амок почтовым служащим — задержать не удалось, и его личность так и не была установлена.

— Честно говоря, — сказал начальник Терри «Тролля» Ивенсена в пятичасовых новостях, — если бы у нас кто и додумался отправлять людей на тот свет, мы бы все пальцем показали на Тролля. Хороший был работник, но уж больно странный. Я хочу сказать, никогда ведь не знаешь наверняка, как оно обернется на самом деле, правда?

Когда сюжет повторяли в вечерних новостях, это интервью из него вырезали.

В Монтане были обнаружены трупы девяти отшельников, которые жили одной общиной. Журналисты предполагали, что было совершено

групповое самоубийство, но вскоре в качестве причины смерти стали называть отравление угарным газом из-за неисправной старой печки.

На кладбище в Ки-Уэст была осквернена подземная усыпальница.

Пассажирский поезд корпорации «Амтрак»[97] столкнулся с грузовиком Ю-Пи-Эс[98] в Айдахо. Водитель грузовика погиб. Среди пассажиров серьезно пострадавших не было.

На данном этапе это была по-прежнему холодная война, странная война,[99] где по-настоящему не может быть ни победителей, ни побежденных.

Ветер гнул деревья. От костра разлетались искры. Надвигалась буря.

Царица Савская, которая, по слухам, была по отцовской линии наполовину демоном, колдуньей,

---

[97] notes: 97

«Амтрак» — национальная корпорация железнодорожных пассажирских перевозок.

[98] notes: 98

«Юнайтед парсел сервис» (UPS) — частная служба доставки посылок, транснациональная корпорация, предоставляющая услуги экспресс-почты.

[99] notes: 99

Phony war — период Второй мировой войны между сентябрем 1939-го и маем 1940 года, когда Великобритания де-юре находилась в состоянии войны с Германией, но де-факто не принимала участия в боевых действиях.

знахаркой и властительницей Савы-Шебы, в те времена, когда та слыла самой богатой страной на свете, а ее пряности, самоцветы и сандаловое дерево везли на кораблях и верблюжьих спинах во все уголки земли, царица, которой поклонялись уже при жизни, которую мудрейшие цари почитали как богиню, стоит на тротуаре на бульваре Сансет[100] в два часа ночи и равнодушно взирает на проезжающие автомобили, словно пластмассовая, обычного блядского вида невеста со свадебного торта с шоколадной глазурью. Она стоит так, словно и тротуар, и сама эта ночь принадлежат именно ей.

Когда кто-то смотрит на нее, ее губы начинают шевелиться, словно она разговаривает сама с собой. Когда мимо нее проезжают мужчины, она встречается с ними взглядом и одаривает улыбкой.

Ночь выдалась долгая.

И неделя шла долго, и долго тянулись последние четыре тысячи лет.

Она гордится тем, что никому ничем не обязана. У других девочек с этой улицы есть сутенеры, есть привычки, есть дети, есть люди, которые

---

[100] notes: 100

Бульвар Сансет — главная и самая богатая улица Голливуда.

забирают у них то, что они зарабатывают. У нее все иначе.

В ее профессии не осталось ничего священного. Ровным счетом ничего.

Уже неделю в Лос-Анджелесе льют дожди, провоцируя аварии на скользких дорогах, стекая грязевыми потоками со склонов холмов, подмывая и опрокидывая в овраги целые дома, смывая весь мир в водосточные желоба и канавы, заливая бродяг и бомжей, что живут в бетонных стоках у реки. Когда в Лос-Анджелес приходят дожди, они всегда застают людей врасплох.

Всю неделю Билкис не выходила из дома. Она была не в состоянии стоять на тротуаре, она сидела, поджав ноги, на кровати в комнате цвета сырой печени, слушала, как дождь барабанит по металлическому корпусу оконного кондиционера и оставляла частные объявления в интернете. Она оставила приглашения на adultfriendfinder.com, LA-escorts.com, Classyhollywoodbabes.com, везде указав анонимный электронный адрес. Она гордилась тем, что осваивает новые территории, но все равно немного нервничала: она уже давно привыкла не оставлять после себя письменных улик. Она даже ни разу не давала объявлений на последних полосах «Эл-эй уикли», предпочитая

сама выбирать себе клиентов, высматривать, вынюхивать, вылавливать за руку тех, кто будет поклоняться ей так, как нужно, тех, кто позволит ей завладеть собой целиком и полностью…

И вот теперь, когда она стоит на углу и трясется от холода (позднефевральские дожди закончились, но теплее не стало), ей приходит в голову, что у нее такая же зависимость, как у шлюх, сидящих на гере или на крэке, и эта мысль ее огорчает, и она опять начинает шевелить губами. Если бы вам случилось подставить ухо вплотную к ее рубиново-красным губам, вы бы услышали, как она шепчет.

— Сейчас я встану и пойду бродить по улицам, и буду искать на пути своем того, кого люблю, — шепчет она. *— Ночью на ложе моем я нашла, кого любит душа. Пусть целует меня поцелуями губ своих. Мой возлюбленный принадлежит мне, я — ему.*

Билкис надеется, что раз дожди прекратились, должны вернуться клиенты. Большую часть года она ходит туда-сюда по бульвару Сансет в пределах двух-трех кварталов и наслаждается прохладой лос-анджелесских ночей. Раз в месяц она отстегивает деньги офицеру полиции Лос-Анджелеса, он пришел на смену другому офицеру,

которому она тоже отстегивала, пока тот не пропал. Его звали Джерри Лёбек, и его исчезновение осталось для полиции Лос-Анджелеса загадкой. Незадолго до исчезновения он сделался положительно одержим Билкис и буквально ходил за ней хвостом. Однажды днем она проснулась от какого-то шума, открыла входную дверь и обнаружила Джерри Лёбека в штатском: он стоял, коленопреклоненный, на потертом коврике, и, опустив голову, раскачивался взад-вперед. Он ждал, когда она выйдет. Шум, который ее разбудил, производили удары головой о дверь, когда Джерри бил поклоны.

Она погладила его по волосам и пригласила войти. Позже она сунула его одежду в черный пластиковый пакет и выкинула пакет в мусорный контейнер на заднем дворе отеля, что стоял в нескольких кварталах от ее дома. Пистолет и бумажник она положила в пакет из-под продуктов, сверху на них вылила кофейную гущу и бросила объедки, завязала пакет узлом и выбросила в урну на автобусной остановке.

На память она никогда ничего не оставляла.

Далеко на западе, где-то над морем, в ночном оранжевом небе сверкает молния, и Билкис понимает, что скоро пойдет дождь. Она вздыхает.

Как не хочется мокнуть под дождем. Она принимает решение вернуться домой, принять ванну, побрить ноги — ей кажется, она только и делает, что бреет ноги — и лечь спать.

Она трогается с места, сворачивает в переулок и поднимается в гору, к тому месту, где припаркована ее машина.

В спину светят фары, сзади приближается, сбрасывая скорость, автомобиль. Она оборачивается и улыбается. Но улыбка застывает на ее лице, когда она видит, что к ней подъехал длинный белый лимузин. Мужчины, которые разъезжают на лимузинах, и трахаться предпочитают в них же, а не в уединенном святилище Билкис. Хотя первый раз можно считать депозитным вкладом. Проценты с него она получит потом.

Затемненное стекло с жужжанием опускается, и Билкис с улыбкой подходит к лимузину:

— Здравствуй, милый, — говорит она. — Ищешь что-нибудь?

— Любви и нежности, — доносится голос из глубины лимузина.

Она заглядывает внутрь, насколько позволяет опущенное стекло: она знакома с девушкой, которая однажды села в лимузин с пятью пьяными футболистами, и ее здорово покалечили, но в этой

машине только один клиент, к тому же на вид почти мальчишка. На восторженного почитателя не похож, но и сами по себе деньги, приличные деньги, которые он вложит ей в руку, это уже энергия — когда-то ее называли *барака*, — которую она может использовать, а в такие времена, сказать по правде, ценишь каждую кроху.

— Сколько? — спрашивает он.

— Зависит о того, чего ты хочешь и как долго ты хочешь этого, — говорит она. — И можешь ли ты себе это позволить.

Она чувствует, что из окна лимузина тянет гарью. Пахнет сгоревшими проводами и перегревшимися микросхемами. Дверца распахивается изнутри.

— Я могу заплатить за все, — говорит клиент.

Она наклоняется, заглядывает в машину и осматривается. Больше никого нет, только один клиент, толстомордый мальчишка, которому, судя по виду, даже и пить рановато. Больше никого, и она садится.

— Богатенький, значит, мальчик, — говорит она.

— Богаче не бывает, — отвечает он, медленно подползая к ней по кожаному сиденью. Двигается он неуклюже. Она улыбается, глядя на него.

— Ммм, ты меня заводишь, милый, — говорит она. — Ты, должно быть, один из этих доткомовских ребят? Я о них читала.

Его распирает от гордости, он пыхтит, как жаба.

— Да. Помимо всего прочего. Я техномальчик.

Машина трогается.

— Ну, Билкис, сколько ты возьмешь за то, чтобы у меня отсосать?

— Как ты меня назвал?

— Билкис, — повторяет он и начинает петь, хотя голос его для сценического вокала явно не предназначен. — *Нематериальная девушка в материальном мире*. — Слова звучат заученно, будто он много раз репетировал свой ответ, стоя перед зеркалом.

Ее улыбка исчезает, лицо меняется, теперь оно мудрее, жестче, суровее.

— Чего ты хочешь?

— Я же сказал. Любви и нежности.

— Я дам тебе то, чего ты хочешь, — говорит она.

Нужно выбраться из лимузина. Он слишком быстро едет, чтобы спрыгнуть, прикидывает она, но если не получится заговорить ему зубы, она спрыгнет. Как ей все это не нравится!

— Чего я хочу. Да. — Он берет паузу и проводит языком по губам. — Я хочу, чтобы в мире стало чисто. Я хочу, чтобы будущее принадлежало мне. Я хочу эволюции, революции, пересмотра конституции. Я хочу, чтобы наши люди не плелись в кильватере, а выбились в мейнстрим и заняли в нем достойное место. Что-то вы взяли вдруг и вылезли из подполья. Это неправильно. Мы должны стать центром внимания, мы должны сиять в лучах славы. Быть в центре и во главе всего и вся. А вы так долго сидели в своем подполье, что перестали отличать свет от тьмы.

— Меня зовут Айша, — сказала она. — Я не понимаю, о чем ты говоришь. Там, на углу, еще одна девушка, ее как раз зовут Билкис. Поехали обратно на Сансет, можешь взять нас обеих…

— Билкис, Билкис, — говорит он и театрально вздыхает. — Веры вокруг ровно столько, сколько есть, не больше и не меньше. Они себя исчерпали, им больше нечего нам дать. Кризис доверия. — И он опять начинает немелодично и гнусаво петь. — *Аналоговая девушка в цифровом мире.*

Лимузин заворачивает за угол на слишком большой скорости, и его кидает прямо на нее. Водителя не видно за темным стеклом. Ее вдруг охватывает смутное, ничем не объяснимое чув-

ство, что за рулем вообще никого нет, что белый лимузин едет по Беверли-Хиллз сам по себе, как автомобиль-мультяшка из «Тачек», по собственной воле.

Тут клиент протягивает руку и стучит по затемненному стеклу перегородки.

Машина замедляет ход, и до того, как она успевает остановиться, Билкис открывает дверцу и то ли выпрыгивает, то ли вываливается на асфальт. И оказывается на дороге на склоне холма. Слева от нее крутой подъем, почти отвесный склон. Она бежит назад по дороге. Лимузин стоит на месте.

Начинает идти дождь. Высокие каблуки скользят и подворачиваются, и она сбрасывает туфли. Она бежит, промокшая насквозь, высматривая, куда бы можно было свернуть с дороги. Ей страшно. Конечно, она колдунья, но вся ее сила во влагалище, она властвует над людскими желаниями. Это помогало ей выжить в этой стране уже долгое-долгое время, но обычно она рассчитывает только на свои ум и проницательность, на свои стать и неизменное присутствие духа.

Справа от нее на уровне колен тянется сплошное металлическое заграждение, не дающее машинам съезжать на обочину, но из-за дождя дорога превратилась в несущийся вниз речной

поток. Ступни Билкис начинают кровоточить.

Перед ней расстилается ночной Лос-Анджелес, мерцающая электрическая карта воображаемого царства: небеса в буквальном смысле слова опустились и легли на землю. Она знает: чтобы оказаться в безопасности, нужно просто свернуть с дороги.

— *Я черна, но красива,* — вышептывает она в дождливую ночь. — *Я роза Шарона, я лилия долин. Утолите вином мою жажду, подкрепите меня яблоками: любовью я уже пресытилась.*

Ночное небо озаряет зеленоватая вспышка молнии. Она оступается, падает и съезжает вниз по асфальту, сдирая кожу на ноге и локте, но, заметив свет приближающихся фар, поднимается снова. Они надвигаются на нее катастрофически быстро, и она не знает, что делать: отскочить вправо, чтобы ее раздавили о заграждение, или влево, прямо в водосточную канаву. Она перебегает через дорогу, решив вцепиться изо всех сил в размытую глину и карабкаться вверх, и тут длинный белый лимузин на жуткой скорости, километров восемьдесят в час, начинает идти юзом по скользкой покатой дороге, он уже не едет по асфальту, а скользит по воде, а она цепляется руками за траву, хватается за землю, она забе-

рется наверх, она уйдет, она точно знает, но тут размокшая земля обваливается, и она кубарем катится обратно на дорогу.

Машина врезается в нее с такой силой, что сминает решетку, а ее саму подбрасывает в воздух, как тряпичную куклу. Она падает на дорогу позади лимузина, от удара у нее раздроблен таз и проломлен череп. По ее лицу ручьями бежит дождевая вода.

Она начинает проклинать своего убийцу: она проклинает его молча, потому что не может шевелить губами. Она проклинает его бодрствующим и спящим, в жизни и в смерти. Только та, чей отец был демоном, может так проклинать.

Хлопает дверца, и к ней кто-то подходит.

— *Ты была аналоговой девушкой,* — немелодично напевает он, — *в цифровом мире.*

А потом он добавляет:

— Мадонны ебаные. Ебать вас всех, — и уходит.

Хлопает дверца.

Лимузин дает задний ход и проезжает по ней, сначала медленно. Кости хрустят под колесами. Затем он съезжает на нее с горки.

Когда лимузин наконец уезжает, на дороге остается лишь кровавое месиво, в котором с тру-

дом можно узнать человеческое тело, но даже эти следы дорожного происшествия вскоре смоет дождем.

Вторая интермедия

— Привет, Саманта.

— Мэгс? Это ты?

— А кто же еще? Леон сказал, звонила тетя Сэмми, пока я была в душе.

— Мы мило поболтали. Он просто прелесть.

— Да. Надеюсь, хоть этот от меня никуда не денется.

На секунду разговор прерывается: в трубке стоит треск, на линии перешептываются чьи-то чужие голоса.

— Как учеба, Сэмми?

— Нас отпустили на неделю. Там проблемы с отоплением. А что нового в ваших северных лесах?

— У меня новый сосед за стенкой. Показывает фокусы с монетами. В «Лейксайд ньюс» в разделе «письма читателей» разгорелись жаркие споры по поводу возможной застройки пригородных земель в районе старого кладбища на юго-восточном берегу озера, и искренне ваша Маргарет

Ольсен должна сказать свое веское слово от лица всей редакции, никого при этом не оскорбив и вообще выразив свою позицию так, чтобы никто не понял, в чем она, собственно, состоит.

— Весело у вас там, короче.

— Как бы не так! На прошлой неделе пропала Элисон МакГоверн, старшая дочка Джилли и Стэна МакГовернов. Хорошая девочка. Она несколько раз приходила посидеть с Леоном.

Рот открывается, чтобы что-то сказать, и закрывается снова, проглатывая несказанные слова, а вместо них губы выговаривают:

— Какой ужас.

— Да.

— Ну…

Но что после этого скажешь, чтобы не сделать больно? Поэтому она спрашивает:

— А он симпатичный?

— Кто?

— Твой сосед.

— Его зовут Айнсель. Майк Айнсель. Он ничего. Слишком молод для меня. Здоровый такой и… как это? Слово на «с».

— Стремный? Скучный? Слащавый? Семейный?

Смешок:

— Да, пожалуй, по виду семейный. То есть если семейного мужика вообще можно вычислить по внешнему виду, этот вроде похож. Но я хотела сказать «страдальческий». У него страдальческий вид.

— И странноватый?

— Да в общем нет. Когда въехал, он был какой-то беспомощный — даже не знал, как заклеивают на зиму окна. Да и теперь у него такой вид, будто толком не знает, что он тут делает. То сидит дома, то куда-то пропадает. Я несколько раз видела, как он гуляет.

— Может, он грабит банки?

— Угу. Вот и я так подумала.

— Да ладно. Это я так, глупость ляпнула. Слушай, Мэгс, ты *сама-то* как? У *тебя* все в порядке?

— Да.

— Точно?

— Нет.

Долгая пауза.

— Я хочу тебя навестить.

— Не надо, Сэмми.

— Я приеду после выходных, пока отопление не починили и не начались занятия. Будет весело. Постелешь мне на диване. И как-нибудь вечером позовешь на ужин своего странноватого соседа.

— Сэм, ты сводня.

— Я сводня? После невыносимой стервы Клодин я уже почти готова переключиться обратно на мальчиков. Я тут встретила одного странного, но милого парня, когда ехала автостопом в Эль-Пасо на Рождество.

— Вот как. Слушай, Сэм, прекращай ездить автостопом.

— А как я тогда, по-твоему, доберусь до Лейк-сайда?

— Элисон МакГоверн ездила автостопом. Даже в таком городке, как у нас, это небезопасно. Я вышлю тебе денег. Поедешь на автобусе.

— Да все со мной будет в порядке!

— *Сэмми*.

— Ладно, Мэгс. Вышли денег, если ты будешь от этого крепче спать.

— Буду, ты же знаешь.

— Ладно, сестрица-наставница, обними за меня Леона и скажи ему, что скоро приедет тетя Сэмми, пусть больше не прячет у нее в кроватке свои игрушки.

— Передам. Вот только не обещаю, что он послушается. Так когда тебя ждать?

— Завтра вечером. Можешь меня не встречать — попрошу Хинцельманна подбросить меня на

Тесси от остановки.

— Не выйдет. Хинцельманн поставил Тесси на зиму в гараж. Но он, конечно, все тебя равно довезет. Он тебя любит. Ты слушаешь его истории.

— Может, тебе стоит попросить Хинцельманна написать редакционную статью за тебя? Что-нибудь в таком духе: «О застройке возле старого кладбища. Случилось так, что зимой третьего года мой дедуля подстрелил у старого кладбища у озера оленя. Пули у него закончились, поэтому он прицелился в оленя вишневой косточкой, которую выудил из обеда, что собрала ему в дорогу бабушка. Вмазал косточкой оленю прямо в череп, а тот как деранет со всей дури, и убежал. Оказался дедуля в том же самом месте два года спустя, и заприметил опять своего могучего оленя, а у того промеж рогов выросла вишня. Взял он его да и пристрелил, а бабушка напекла столько пирогов с вишней, что объедались они ими аж до самого четвертого июля…»

Третья интермедия
Джексонвилл, Флорида, 2 часа ночи

— Я по объявлению о найме на работу.

— У нас всегда есть вакансии.

— Но я могу работать только в ночную смену. Вам это подходит?

— В принципе да. Вам нужно будет подать заявление, я дам вам форму. У вас есть опыт работы на заправке?

— Нет. Но я думаю, это не очень сложно.

— Ну, вообще-то, конечно, дело нехитрое. Знаете, мэм, простите, что я говорю об этом, но вы неважно выглядите.

— Я знаю. Я просто не очень здорова. Но вид куда ужаснее, чем самочувствие. Опасности для жизни нет.

— Ладно. Заявление оставите мне. У нас сейчас напряженка с ночными кадрами. Работу в ночь мы тут зовем зомби-сменой. Длится она просто бесконечно, прямо в зомби превращаешься. Так, ага… Значит, *Ларна*?

— Лора.

— Лора. Замечательно. Ну, надеюсь, вы не испугаетесь извращенцев. По ночам их тут пруд пруди.

— Да уж, не сомневаюсь. Ничего, справлюсь как-нибудь.

Глава тринадцатая

Эй, старый друг.
Что-что, старый друг?
Да брось, старый друг,
Дай отдохнуть.
Что приуныл?
Мы не умрем.
Ты, я и он —
Слишком много людей, чья
жизнь на кону.

***Стивен Сондхайм. Старые друзья*[101]**

Субботнее утро. Звонок в дверь.

Маргарет Ольсен. Проходить в дом она не стала,

---

[101] notes: 101

Стивен Сондхайм (р. 1930) — американский поэт и композитор, работающий по преимуществу для театра и кино. Автор текстов и музыки к «Вестсайдской истории», «Суини Тодду» и др. «Старые друзья» — песенка из телевизионного спектакля «Мы едем, едем, едем» («Merrily we roll along», 1993). Приведенный Гейманом в качестве эпиграфа текст не совпадает с текстом песни Сондхайма и, по сути, является пародией на нее. В оригинале первые два куплета «Старых друзей» звучат следующим образом: «Hey, old friend / What d'ya say, old friend? / Are you okay, old friend? / Are we, are we unique? / Time goes by / Everything else keeps changing / You and I, we can / Continue next week, yeah».

осталась стоять за порогом, залитая солнечным светом, и вид у нее был очень серьезный.

— Мистер Айнсель…

— Зовите меня просто Майк, — сказал Тень.

— Хорошо, Майк. Не хотите прийти ко мне сегодня вечером, на ужин? Часиков в шесть? Ничего особенного, спагетти с тефтелями.

— Обожаю спагетти с тефтелями.

— Если у вас есть какие-то другие планы на вечер…

— У меня нет других планов.

— Ну, значит, в шесть.

— А ничего, если я принесу цветы?

— Ну, если без этого никак… Но только жест этот мы будем воспринимать как сугубо социальный. Не романтический.

Он принял душ. Потом вышел прогуляться — совсем ненадолго, до моста и обратно. Солнце было там, где положено, этакий тусклый четвертак в середине неба, и к тому моменту, как он вернулся домой, его спина была мокрой насквозь. Он сгонял на «Тойоте» в «Деликатесы от Дейва» и купил бутылку вина за двадцать долларов, усмотрев в цене гарантию качества. В винах он не понимал ровным счетом ничего, и калифорнийское каберне выбрал только потому, что когда-то, дав-

ным-давно, когда люди еще имели обыкновение лепить на задние стекла автомобилей всякие чудные фразы, прочел на одной машине ЖИЗНЬ ЭТО КАБЕРНЕ[102] и очень смеялся.

В качестве подарка он купил растение в горшке. Листья зеленые, цветов нет. Никакого намека на романтику — даже самого отдаленного.

Еще он купил упаковку молока, которого не пил, и кое-каких фруктов, которых тоже сам есть не стал бы.

Потом поехал к Мейбл и взял пирожок, один. Увидев его, Мейбл так и расплылась от радости.

— А что, Хинцельманн не перехватил вас по дороге?

— Я и не в курсе, что он меня ищет.

— Ищет, ищет. Хочет пригласить на подледную рыбалку. И еще Чэд Маллиган справлялся, не видела ли я вас, и все такое. К нему кузина приехала, из другого штата. Она ему троюродная, короче говоря, из тех, с кем уже можно целоваться. Такая милая. Она вам тоже понравится, — и Мейбл уронила пирожок в пакет из коричневой бумаги и завернула пакет сверху, чтобы пирожок не остыл.

---

[102] notes: 102

Пародия на известную песню из мюзикла Боба Фосса «Кабаре», припев которой заканчивается словами: «Жизнь это кабаре».

Домой Тень ехал не торопясь, в одной руке он держал пирожок, а крошки сыпались на джинсы и на пол машины. Тень проехал мимо библиотеки на южном берегу озера. Снег и лед сделали город черно-белым. Весна казалась невообразимо далекой: драндулет будет вечно стоять на этом льду, среди палаток, поставленных рыбаками, пикапов и следов от снегоходов.

Он доехал до дома, припарковался, прошел по дорожке и поднялся по деревянным ступенькам крыльца к своей двери. Щеглы и поползни, скакавшие по кормушке, не сочли его появление заслуживающим внимания. Он вошел в дом. Полил цветок, поразмышлял над тем, ставить ли вино в холодильник.

Времени до шести нужно было убить еще чертову уйму.

Хоть бы телевизор можно было посмотреть спокойно, как раньше, подумал Тень. Ему хотелось отвлечься, а думать не хотелось совсем — просто сидеть и сидеть, и чтобы свет и звуки прокатывались над головой, не оставляя следа. *Хочешь увидеть сиськи Люси*? — шепнул откуда-то из глубин памяти голос, похожий на голос Люси, и он покачал головой, хотя кому он, собственно, адресовал этот жест, было непонятно.

И тут до него дошло, что он просто нервничает. Можно сказать, первая человеческая встреча с первым нормальным человеком — не с зэком, не с охранником, не с богом, не с персонажем и не с мертвецом — с самого первого дня, когда его арестовали три года тому назад. И нужно будет поддерживать разговор, и не выходить из образа Майка Айнселя.

Он глянул на часы. Половина третьего. Маргарет Ольсен сказала, чтобы он приходил в шесть. То есть — в шесть *ровно*? Может быть, имеет смысл прийти немного раньше? Или чуть позже? По здравом размышлении он решил, что стоять у соседской двери он будет ровно в пять минут седьмого.

Зазвонил телефон.

— Да? — сказал он.

— Что за манера брать трубку, — проворчал голос Среды.

— Когда мне телефон подключат, тогда и отвечать буду вежливо, — сказал Тень. — Чем обязан?

— Ну, не знаю, — сказал Среда и помолчал немного и продолжил: — Знаешь, собирать богов в одну кучку — все равно что кошек пытаться выстроить в шеренгу. Они к этому от природы

не приспособлены. — Голос у Среды звучал так глухо, и такая в нем была смертельная усталость, какой Тени еще ни разу не доводилось слышать.

— Что случилось?

— Трудно мне. Охеренной трудности оказалась затея. Вообще не знаю, получится или нет. С тем же успехом мы могли вскрыть себе глотки. Просто взять и перерезать глотки, сами себе.

— Что ты несешь?

— Да, ты прав. Чушь несу.

— Хотя, если ты и впрямь решишься распороть себе глотку, — сказал Тень, пытаясь перевести все в шутку и хоть ненадолго вытащить Среду из сумеречного состояния души, — ты, должно быть, и боли-то не почувствуешь!

— Почувствую. Даже и нашему брату бывает больно. Если живешь и действуешь в реальном мире, реальный мир тоже на тебя действует. Боль дает о себе знать — так же, как жадность застит глаза или как кипит страсть. Может, нас не так легко убить, и смерть наша — это тебе, мать твою, не простая хорошая смерть, но умирать-то мы умираем. Если нас по-прежнему любят и помнят, на нашем месте тут же оказывается кто-нибудь, очень на нас похожий, и вся эта канитель начинается сызнова. А если про нас забывают, то все,

крышка!

Тень не знал, что положено говорить в таких случаях. И поэтому спросил:

— Ты откуда звонишь?

— Не твое собачье дело!

— Ты что, пьян?

— Нет еще. Никак у меня Тор из головы не идет. Ты его даже не видел ни разу. Матерый такой мужик, вроде тебя. И редкой доброты был бог. С головой так себе, но если его попросить, последнюю, блядь, рубашку, и ту отдаст. И вот — покончил жизнь самоубийством. В 1932 году, в Филадельфии, сунул ствол себе в рот и нажал на курок. И это, спрашивается, подходящая смерть для бога?

— Мне очень жаль.

— Хрена лысого тебе жаль, сынок. Он точно такой же был, как ты. Здоровенный и тупой. — Среда осекся. И начал кашлять.

— Так что случилось-то? — во второй раз спросил Тень.

— Они на меня вышли.

— Кто на тебя вышел?

— Оппозиция.

— И?

— Хотят обсудить условия перемирия. Мирные

переговоры. Живи, блядь, и давай жить другим.

— И что дальше?

— А дальше я поеду пить дерьмовый кофе с этими новыми ублюдками в Масонском зале в Канзас-сити.

— Понял. Ты за мной заедешь или мне куда-нибудь подскочить?

— Сиди где сидишь и не отсвечивай. Не лезь поперед батьки в пекло. Понял меня?

— Но ты же…

Щелчок, и на линии воцарилась глухая тишина. Даже ни единого гудка — хотя, с другой стороны, откуда там взяться гудкам.

И ничего, кроме необходимости как-то убить время. После разговора со Средой у Тени осталось смутное беспокойство. Он встал и решил было еще раз выйти на улицу прогуляться, но там уже начало темнеть, и он сел снова.

Тень взял в руки «Протоколы заседаний городского совета Лейксайда за 1872–1884 годы» и начал переворачивать страницы, пробегая глазами мелкий шрифт: он не то чтобы читал, скорее сканировал страницу за страницей, пока не зацепится глаз — и уже тогда принимался читать.

Он выяснил, к примеру, что в июле 1874 года городской совет был обеспокоен резким

увеличением числа приезжающих в город лесорубов-эмигрантов. На углу Бродвея и 3-й стрит собрались строить оперный театр. Предполагалось, что неудобства, связанные с постройкой дамбы через Мельничный ручей, прекратятся, как только мельничная запруда превратится в настоящее озеро. Совет утвердил выплату семидесяти долларов мистеру Сэмюелу Сэмюелсу, а также восьмидесяти пяти долларов мистеру Хекки Салминену в качестве компенсации за принадлежащую им землю, а также за расходы, понесенные ими в результате переноса домохозяйств из зоны затопления.

Тени раньше даже и в голову не приходило, что озеро может быть искусственным. Зачем, спрашивается, называть город Лейксайдом, если само озеро изначально представляло собой всего лишь сраную мельничную запруду? Он стал читать дальше и выяснил, что ответственным за этот ирригационный проект был назначен мистер Хинцельманн, родившийся в Хайдмюле, Бавария, и что городской совет выделил ему для этого сумму в 370 долларов при условии, что все дополнительные расходы должны были покрываться за счет специально организованной среди граждан города подписки. Тень оторвал от

бумажного полотенца полоску бумаги и заложил соответствующую страницу. То-то порадуется Хинцельманн, узнав о славных деяниях своего деда. Интересно, подумал Тень, а он вообще в курсе, что озеро — дело рук его предков? И Тень стал листать книгу дальше, уже нарочно выискивая все, что могло относиться к озерному проекту.

Озеро официально открыли весной 1876 года: была даже особая церемония, связанная с грядущим столетием со дня основания города. Совет проголосовал за то, чтобы вынести мистеру Хинцельманну отдельную благодарность.

Тень сверился с часами. Половина шестого. Он пошел в ванную, побрился и причесался. Переоделся. Последние пятнадцать минут как-никак, а прошли. Он сгреб в охапку бутылку вина и цветок, и подошел к соседней двери.

Дверь отворилась сразу, как только он постучал. Судя по ее виду, Маргарет Ольсен нервничала ничуть не меньше, чем он сам. Она приняла у него цветок и бутылку и поблагодарила. В гостиной работал телевизор, шел «Волшебник Страны Оз» в видеозаписи. Пленка еще черно-белая, Дороти еще в Канзасе, сидит с закрытыми глазами в повозке у профессора Марвела, и старый мошенник делает вид, будто читает ее мысли, — а

тем временем к месту действия приближается смерч, который унесет ее из привычной жизни далеко-далеко. Перед экраном сидел Леон и катал игрушечную пожарную машину. Увидев Тень, он просиял от радости, вскочил и побежал в спальню, запнувшись второпях нога за ногу, и тут же выскочил обратно, с победным видом держа в руках двадцатипятицентовую монету.

— Смотри, Майк Айнсель! — закричал он. А потом сложил руки вместе и сделал вид, будто взял монетку правой рукой, которую тут же и продемонстрировал Тени: пустую. — Раз, и она исчезла, Майк Айнсель!

— Молодец, — кивнул Тень. — После ужина, если, конечно, мама будет не против, я покажу тебе, как тот же фокус можно сделать еще более лихо.

— Если хотите, показывайте прямо сейчас, — сказала Маргарет. — Все равно нам еще Саманту ждать. Я ее послала за сметаной. Не знаю, где ее носит.

И тут, словно по мановению волшебной палочки, раздался стук шагов о деревянные ступени, и кто-то наподдал плечом входную дверь. Поначалу Тень ее не узнал, но она сказала:

— Я не поняла, какую ты заказывала, ту, что с калориями, или ту, что на вкус как клей для

обоев, так что на всякий случай купила ту, что с калориями, — и тут до него дошло: та самая девчонка, с дороги на Кейро.

— В самый раз, — сказала Маргарет. — Сэм, познакомься, это мой сосед, Майк Айнсель. Майк, это Саманта Черная Ворона, моя сестра.

Мы с тобой незнакомы, Тень отчаянным усилием воли вытолкнул из себя молчаливый вопль. *Мы с тобой никогда раньше не встречались. Ты видишь меня впервые в жизни.* Он попытался вспомнить, как в прошлый раз думал про слово *снег*, и как легко и просто у него все получилось: ситуация была отчаянная. Он протянул руку и сказал:

— Рад познакомиться.

Она прищурилась и посмотрела ему прямо в глаза. Секунду спустя на ее лице появилось озадаченное выражение, а еще через секунду в ее глазах загорелся огонек понимания, и уголки рта поползли вниз.

— Привет, — сказала она.

— Пойду за едой пригляжу, — сказала Маргарет взвинченным тоном человека, который привык к тому, что стоит ему буквально на секунду оставить кипящую кастрюлю на кухне без присмотра, как та непременно пригорит.

Сэм сняла шапку и «дутую» куртку.

— Значит, вы и есть тот самый сосед, трогательный и одновременно таинственный, — сказала она. — Кто бы мог подумать?

Говорила она полушепотом.

— А ты, — подхватил он, — Сэм-девочка. Может, позже об этом поговорим?

— Если дашь слово, что объяснишь мне, что здесь происходит.

— По рукам.

Леон уже дергал Тень за штанину.

— Покажешь сейчас? — спросил он, протягивая ему монету.

— Ладно, — сказал Тень. — Но только при одном условии. Ты должен помнить, что настоящий мастер своего дела никогда никому не рассказывает, как он делает то, что делает.

— Обещаю, — серьезным тоном сказал Леон.

Тень взял монету в левую руку и стал двигать правой рукой Леона, на практике показывая, как можно сделать вид, будто ты взял монету, которая на самом деле осталась лежать в другой ладони. А потом велел Леону потренироваться самому.

После нескольких попыток мальчик навык усвоил.

— Вот теперь полдела сделано, — сказал Тень. —

А вторая половина такая: все внимание должно быть сосредоточено на том месте, где монета *должна* находиться. Смотри только туда, где она вроде как должна быть. Если ты сам будешь уверен в том, что она у тебя в правой руке, никто и не подумает следить за левой, как бы неловко ты этот фокус ни делал.

Сэм наблюдала за всем этим, слегка склонив голову набок, и молчала.

— Ужин! — возгласила Маргарет, выйдя из кухни с блюдом, полным спагетти, от которого вовсю валил пар. — Леон, иди помой руки.

К спагетти прилагались хрустящие хлебцы с чесноком, густой красный соус и чудесные пряные тефтельки. Тень от души нахваливал Маргарет.

— Старый семейный рецепт, — сказала она в ответ, — достался от корсиканских предков.

— А мне казалось, вы тут все индейцы.

— Папаша у нас чероки, — встряла Сэм. — А у Мэг дед по материнской линии приехал с Корсики. — Из всей компании Сэм была единственным человеком, который всерьез налегал на вино. — Папаша бросил их, когда Мэг стукнуло десять лет, и переехал в другую часть города. А через шесть месяцев родилась я. Моя матушка и папа-

ша поженились, когда он получил развод. А когда мне стукнуло десять, он и мою матушку бросил. Видимо, у него просто цикл такой, десятилетний, на большее его не хватает.

— Ну вот, с тех пор, как он удрал в Оклахому, как раз прошло почти десять лет, — сказала Маргарет.

— Ну, а *моя* матушка — она из европейских евреев, — продолжила Сэм, — из какой-то такой страны, где раньше были коммунисты, а теперь просто бардак. По-моему, ей просто понравилась идея выйти замуж за индейца-чероки. Диковатая в итоге получилась парочка.

Она глотнула еще вина.

— Мама у Сэм — та еще штучка, — сказала Маргарет тоном, в котором осуждения не было ни на грош.

— А знаете, где она сейчас? — спросила Сэм. Тень покачал головой. — Она в Австралии. Познакомилась по интернету с одним типом, который живет в Хобарте. Но когда встретились вживую, ей показалось, что какой-то он противный. А сама по себе Тасмания понравилась. Вот она теперь там и обитает, в какой-то женской коммуне, обучает их делать батик, и все такое. Правда круто? В ее-то возрасте!

Тень согласился, что круто воистину, и подложил себе еще тефтелек. А Сэм между тем рассказывала, как тасманийских аборигенов уничтожили британские колонизаторы, и как под конец они устроили настоящую облаву, выстроившись цепью вдоль всего острова, чтобы выловить всех до последнего человека, но поймали одного-единственного старика и вдобавок к нему — больного мальчика. А еще она рассказала ему про тилацинов — тасманийских тигров — про то, как их истребляли фермеры, потому что боялись за своих овец, а потом, в тридцатые годы, политики обратили наконец внимание на то, что тигров надо защищать, — ровно после того, как был убит последний. Она допила второй стакан вина и налила себе третий.

— Да, кстати, Майк, — вдруг сказала она. Щеки у нее уже вовсю горели. — А почему бы вам не рассказать про свое семейство? Айнсели — они вообще какие?

Она улыбалась, но улыбка была недобрая.

— Да так, довольно скучный народец, — сказал Тень. — Никто из нас даже до Тасмании не добрался. А ты, значит, в Мэдисоне учишься. И как оно там?

— *Сами* знаете, — ответила она. — Я специ-

ализируюсь на истории искусств, гендерных исследованиях, и еще на скульптуре, в бронзе.

— А я когда вырасту, — встрял Леон, — стану волшебником. Уфф. Ты меня научишь, Майк Айнсель?

— Ну, конечно, — сказал Тень. — Если мама будет не против.

Сэм сказала:

— А после ужина, пока ты будешь укладывать Леона спать, Мэгс, Майк сводит меня на часок в «Приют оленя», хорошо?

Маргарет даже плечами не пожала, лишь слегка приподняла бровь.

— Мне кажется, мужик он что надо, — сказала Сэм. — И нам много о чем нужно с ним поговорить.

Маргарет перевела взгляд на Тень, который как раз усердно вытирал с подбородка бумажной салфеткой воображаемую каплю кетчупа.

— Ну, вы народ взрослый, — сказала она тоном, который предполагал, что никакие они на самом деле не взрослые, а даже если и взрослые, то лучше бы таковыми не были.

После ужина Тень помог Сэм помыть посуду — она мыла, он вытирал, — потом показал Леону очередной фокус: отсчитывал ему в ладошку

цент за центом, и всякий раз, когда Леон ладошку открывал и пересчитывал монетки, одной не хватало. А потом, когда последний цент отправился вслед за остальными — «Держишь его? Крепко?» — и когда Леон разжал ладошку, цент превратился в десятицентовик. И из гостиной Тень вышел под жалостные детские вопли («Как ты это *сделал*? Мам, а мам, как он это *сделал*?»).

Сэм подала ему куртку.

— Пойдем, — сказала она. Щеки у нее горели от выпитого.

Снаружи было холодно.

Тень заскочил домой, сунул в пластиковый пакет «Протоколы заседаний городского совета Лейксайда» и захватил их с собой. Хинцельманн тоже может оказаться у «Оленя», и вот Тень и покажет ему упоминание о славном предке.

По подъездной дорожке они шли плечо к плечу.

Он открыл дверь гаража, и она тут же прыснула со смеху.

— Мамочки мои! — задохнулась она, увидев джип. — Тачка Пола Гунтера! Ты купил тачку Пола Гунтера. Ой, мамочки!

Тень открыл для нее дверцу. Потом обошел вокруг капота и сел на водительское место.

— Что, машина знакомая?

— Когда я приехала сюда, к Мэгс, не то три, не то два года тому назад — это я его и надоумила перекрасить ее в пурпурный цвет.

— Ага, — сказал Тень. — Теперь хоть понятно, кто во всем этом виноват.

Он вывел машину на улицу, выбрался из нее и запер гараж. Потом забрался обратно. Когда он вернулся, Сэм сидела тихо и смотрела на него странным взглядом, будто былая уверенность в себе начала из нее утекать, причем довольно быстрыми темпами. Он накинул ремень безопасности, и она сказала:

— Н-да. Умнее не придумаешь на моем месте, правда? Садиться в машину с психом-убийцей.

— В прошлый раз я доставил тебя до дома в целости и сохранности, — сказал Тень.

— Ты убил двух человек, — сказала она. — И тебя ищут федералы. И тут я приезжаю и обнаруживаю, что ты, под вымышленным именем, живешь дверь в дверь с моей сестрой. Или Майк Айнсель — это все-таки настоящее имя?

— Нет, — вздохнул Тень, — не настоящее.

И признание это было ему — как ножом по сердцу. Ему вдруг показалось, будто сдав Майка Айнселя, отказавшись от него, он выпустил из рук

что-то очень важное: словно навсегда расстался с хорошим другом.

— Ты их и вправду убил, этих людей?

— Нет.

— Они приехали ко мне домой и сказали, что нас с тобой видели вместе. И еще этот парень показал мне твою фотографию. Как его звали-то? Мистер Шляпп? Нет, мистер Градд. Как в кино, в общем. «Беглеца» видел? Но я сказала, что никогда тебя не встречала.

— Спасибо.

— В общем, так, — сказала она. — Давай, рассказывай, что тут происходит. А я обещаю не выдавать твоих тайн, если ты не будешь выдавать моих.

— Да я никаких твоих тайн и не знаю, — ответил Тень.

— Ну, ты же знаешь, что идея перекрасить эту колымагу в пурпурный цвет была моя, в результате чего Пол Гунтер так ославился на несколько окрестных округов, и так над ним все стали ржать и прикалываться, что в конечном счете ему вообще пришлось отсюда уехать. Мы с ним, если честно, обдолбанные были оба в никуда, — призналась она.

— Вряд ли в этом есть хоть какая-то тайна — для

местных по крайней мере, — сказал Тень. — Наверняка об этом знает весь город. В *такой* цвет машину можно покрасить, только если ты в полном ауте.

А потом она сказала, очень тихо и очень быстро:

— Если ты собираешься меня убить, пожалуйста, не делай мне больно, ладно? Зачем я только тебя сюда вытащила? Господи, господи, какая же я дура! Я же единственный свидетель, который может на тебя заявить! Дура набитая.

Тень вздохнул.

— Я в своей жизни ни разу никого не убивал. А теперь поедем, я отвезу тебя к «Оленю». И там мы с тобой выпьем. Или — по одному твоему слову — я разверну машину и отвезу тебя обратно домой. И в любом случае мне остается только надеяться, что ты не вызовешь копов.

Через мост они проехали в полном молчании.

— А кто убил тех людей? — спросила она.

— Если я скажу, ты не поверишь.

— *Поверю*, — голос у нее теперь был агрессивный до крайности. Н-да, дурацкая это была идея, принести на ужин вина, подумал он. Вот теперь жизнь уж точно никакое не каберне.

— В такое поверить будет очень трудно.

— Я вообще, — железным тоном заявила она, — поверить могу во что угодно. Ты *понятия* не имеешь, во что я способна поверить!

— Ты это серьезно?

— Я могу поверить в правду и неправду, и в такие вещи, про которые вообще никто не знает, правда это или неправда. Я могу поверить в Санта Клауса и в Пасхального Зайца, и в Мерлин Монро, и в «Битлз», и в Элвиса, и в Мистера Эда.[103] Послушай: я верю в то, что люди могут стать лучше, что познание бесконечно и беспредельно, что миром управляют подпольные банковские картели и что нас регулярно навещают добрые пришельцы, которые похожи на сморщенных лемуров, и злые пришельцы, которые калечат скотину и которым нужны наши женщины и наши запасы воды. Я верю, что наше будущее — это рок-н-ролл, что будущего нет вообще, и что в один прекрасный день вернется Великая Белая Бизониха и наподдаст всем по жопе. Я верю в то, что все мужики — это мальчишки, которые вырасти выросли, а повзрослеть не повзрослели, и у которых офигенные проблемы с общением, и что как только в каком-нибудь штате сокращается

[103] notes: 103

Мистер Эд — герой американского телесериала 1960-х годов, говорящая лошадь.

число кинотеатров, где кино можно смотреть не выходя из машины, то и с сексом там начинаются большие проблемы. Я верю в то, что все политики — беспринципное жулье, и верю при этом, что если их заменить на непримиримую оппозицию, будет еще того хуже. Я верю, что придет большая волна и Калифорния вся как есть уйдет под воду, и что Флориду заполонят безумие, аллигаторы и токсические отходы. Я верю в то, что антибактериальное мыло нарушает природную сопротивляемость организма, и что по этой причине мы все когда-нибудь вымрем от обычного насморка, совсем как марсиане в «Войне миров». Я верю, что величайшими поэтами прошлого века были Эдит Ситуэлл и Дон Маркис, что малахит — это закаменевшая драконья сперма, и что тысячу лет назад, в прошлой жизни, я была одноруким сибирским шаманом. Я верю, что будущее человечества — в звездных мирах. Я верю в то, что когда я была маленькая, леденцы и впрямь были куда вкуснее, и что с точки зрения законов аэродинамики шмель не может летать, что свет — это разом и волна, и частица, что где-нибудь в мире есть такая коробка, в которой сидит кошка, а эта кошка разом и живая, и дохлая (хотя если они не будут открывать эту коробку, чтобы кошку

кормить, в результате получится два вида дохлой кошки), и что во вселенной есть звезды, которые на миллиарды лет старше самой вселенной. Я верю в моего личного бога, который заботится обо мне, беспокоится за меня и наблюдает за всем, что я делаю. Я верю в бога безличного, вернее в богиню, которая запустила в мир движение, а потом пошла оттягиваться с подружками и даже понятия не имеет, что я вообще живу на этом свете. Я верю в пустую и лишенную всякого божественного начала вселенную, в первородный хаос, белый шум и слепую удачу. Я верю, что всякий человек, который утверждает, что значимость секса сильно преувеличена, просто ничего в этом не понимает. Я верю, что всякий человек, который берется утверждать, будто он понимает, что происходит в мире, по мелочам тоже будет врать. Я верю в абсолютную честность и преднамеренную ложь, если она оправдана ситуацией. Я верю в право женщины на выбор, в право ребенка на жизнь и в то, что человеческая жизнь — это святое, но и в смертном приговоре нет ничего противоестественного, если только ты можешь доверять системе правосудия, а еще в то, что системе правосудия может доверять только законченный идиот. Я верю в то, что жизнь

— игра, что жизнь — это злая шутка, что жизнь есть то, что происходит, пока ты жив, и что ты имеешь полное право просто расслабиться и получать от нее удовольствие.

Тут у нее окончательно перехватило дыхание, и она замолчала.

Тень поймал себя на желании бросить руль и аплодировать. Но вместо этого сказал:

— Хорошо. Значит, если я тебе расскажу, как все обстоит на самом деле, ты обещаешь, что не сочтешь меня сумасшедшим.

— Ничего не могу обещать, — сказала она. — Но давай попробуем.

— Ты можешь поверить в то, что все боги, которых когда бы то ни было напридумывало человечество, до сих пор здесь, с нами?

— Ну допустим.

— И что есть еще новые боги, боги компьютеров, телефонов и всякой прочей фигни, и что обеим сторонам кажется, что на всех места в этом мире не хватит. И у них назревает что-то вроде войны.

— И тех двоих убили эти твои боги?

— Нет, тех двоих убила моя жена.

— А по-моему, ты говорил, что твоя жена умерла.

— Она умерла.

— Значит, она их убила до того, как умерла?

— После. И об этом ты меня лучше не спрашивай.

Она подняла руку и откинула со лба прядку волос.

Они вырулили на главную улицу, как раз к «Приюту оленя». На вывеске красовался ошарашенного вида олень, на задних ногах и со стаканом пива. Тень подхватил пакет с книжкой и вышел из машины.

— А с чего им вообще между собой воевать? — спросила Сэм. — У меня как-то в голове не укладывается. Что они надеются выиграть?

— Этого я не знаю, — сказал Тень.

— В пришельцев проще поверить, чем в этих твоих богов, — сказала Сэм. — Может, мистер Градд и мистер Как-его-там-звали — это были Люди в черном, но только они же еще и пришельцы?

На тротуаре у «Приюта оленя» Сэм остановилась. Она посмотрела вверх, на Тень, и ее дыхание прозрачным облачком повисло в ночном воздухе. Она сказала:

— Просто скажи мне, что ты за хороших.

— Не могу, — сказал Тень. — Я бы и рад. По край-

ней мере, стараюсь делать все, что в моих силах.

Она еще раз посмотрела на него и прикусила нижнюю губу. Потом кивнула.

— Вот это правильно, — сказала она. — Я тебя не сдам. Можешь угостить меня пивом.

Тень распахнул перед ней дверь, и на них обрушилась густая волна тепла и звука. Они вошли.

Сэм помахала рукой каким-то своим знакомым. Тень обменялся кивками с дюжиной людей, которых помнил пусть не по именам, но хотя бы в лицо — кого-то с того дня, который он провел в поисках Элисон МакГоверн, кого-то потому, что встретил его сегодня утром у Мейбл. У стойки, обняв за плечи миниатюрную рыжеволосую женщину, стоял Чэд Маллиган, — это, видимо, та самая кузина, с которой уже можно целоваться, вычислил Тень. Интересно, что она из себя представляет, подумал он, — но женщина стояла к нему спиной. Чэд тоже заметил Тень и преувеличенно четким жестом поднял руку вверх. Тень улыбнулся и махнул рукой. Потом огляделся вокруг в поисках Хинцельманна, но судя по всему, старика в этот вечер здесь не было. Зато в дальней части зала Тени удалось высмотреть свободный столик — к нему-то он и направился.

И тут раздался крик.

Очень неприятный, во всю глотку, истерический, будто человек увидел привидение, и все голоса в зале тут же смолкли. Тень резко обернулся, в полной уверенности, что кого-то буквально только что лишили жизни, и понял, что все, кто находится в баре, смотрят на него. Даже черный кот, который день напролет дрых на подоконнике, стоял теперь на музыкальном автомате, выгнув спину и задрав хвост, и пялился на Тень.

Время остановилось.

— Держите его! — надрывался женский голос, на грани полномасштабной истерики. — Ради бога, кто-нибудь, остановите его! Не дайте ему уйти! Ради бога!

И голос этот был ему знаком.

Никто не двигался с места. Все стояли и смотрели на Тень. А он смотрел на них.

Чэд Маллиган сделал шаг вперед и начал протискиваться сквозь толпу. За ним осторожно шла миниатюрная женщина с вытаращенными глазами — словно вот-вот опять сорвется в крик. Тень знал эту женщину. Еще бы он ее не знал.

В руках у Чэда по-прежнему был стакан с пивом. Спохватившись, он поставил стакан на ближайший столик. И сказал:

— Майк.

Тень сказал:

— Чэд.

Одри Бертон изо всех сил вцепилась Чэду в рукав. Она была бледна, как полотно, и на глазах у нее стояли слезы.

— Тень, — сказала она, — ты выродок. Выродок и убийца.

— Ты уверена, что знаешь этого человека, милая? — спросил Чэд. Ему было явно не по себе.

Одри Бертон посмотрела на него непонимающе.

— Ты что, *спятил*? Он *сто лет* на Робби работал. И его шлюха-жена была моей лучшей *подругой*. Его разыскивают за *убийство*. Меня из-за него *допрашивали*. Он же беглый *рецидивист*. — Она была на грани нервного срыва, голос у нее дрожал от едва сдерживаемого крика, и слова она выталкивала из себя на всхлипе, как третьесортная актриска, которую выдвинули на «Дневную Эмми».[104] *Кузина, с которой можно целоваться*, подумал Тень. Шоу получилось пафосное.

Кругом все молчали. Чэд Маллиган посмотрел на Тень.

---

[104] notes: 104

«Daytime Emmy» — американская премия за лучшее телевизионное шоу, которое идет в дневные часы и, следовательно, рассчитано прежде всего на пенсионеров, подростков и домохозяек.

— Должно быть, какая-то ошибка. Ты не беспокойся, скоро все выясним, — сказал он и обернулся к собравшимся вокруг. — Все в порядке. Ничего страшного не произошло. Мы все выясним. Все в полном порядке! — И снова к Тени: — Послушай, Майк, давай выйдем отсюда.

Спокойно и уверенно. Вот у этого шоу получилось что надо.

— Да, конечно, — сказал Тень.

Чья-то рука легла ему на ладонь. Он обернулся и увидел, что на него смотрит Сэм. Он улыбнулся ей, изо всех сил стараясь сделать так, чтобы улыбка вышла ободряющей.

Сэм посмотрела на Тень, потом обвела взглядом лица людей, стоявших вокруг и смотревших на него. А потом сказала, обращаясь к Одри Бертон:

— Я не знаю, кто ты такая. Но. Сука. Ты. Первостатейная.

А потом встала на цыпочки, притянула Тень к себе и поцеловала его, крепко, прижав свои губы к его губам на бесконечно долгий срок, который длился, как показалось Тени, минут пять, хотя в реальном, тикающем на часиках времени, прошло, должно быть, не больше пяти секунд.

Странный поцелуй, подумал Тень, когда ее губы прижались к его губам: не мне он адресован. А

адресован всем этим людям в баре: он нужен для того, чтобы дать им всем понять, что она знает, на чьей она стороне. Можно флагом размахивать, а можно поцеловать человека вот так, на глазах у всех. И пока поцелуй этот длился, он уже успел понять, что по сути он ей даже совсем и не нравится — по крайней мере в этом, самом прямом смысле слова.

Давным-давно, еще в раннем детстве, он прочел одну историю: про путешественника, который упал со скалы; вверху его ждали тигры-людоеды, а внизу — острые камни; он умудрился уцепиться за что-то посередке и висел над пропастью. Перед самым его лицом оказался кустик спелой земляники, а сверху и снизу — верная смерть. После чего следовал вопрос: *и что теперь он должен делать?*

И ответ был: *есть землянику*.

Тогда, в детстве, история эта показалась ему полной чушью. Никакого смысла. А вот теперь смысл в ней появился. Он закрыл глаза и самозабвенно окунулся в этот поцелуй, забыв обо всем вокруг, кроме губ Сэм, и ее кожи, нежной и сладкой, как та земляника.

— Будет, Майк, — раздался настойчивый голос Чэда Маллигана. — Прошу тебя. Пойдем, вый-

дем!

Сэм подалась назад. Она облизнула губы и улыбнулась — чуть не до ушей.

— А неплохо, — сказала она. — Совсем неплохо ты целуешься для парня! Ладно, нужно выйти — выходи.

После чего обернулась к Одри Бертон.

— А ты все равно — сука!

Тень бросил Сэм ключи от машины. Она поймала их одной рукой. Он прошел через весь бар и открыл наружную дверь, с Чэдом Маллиганом в кильватере. Пошел легкий снег: невесомые хлопья танцевали в разноцветных огнях вывески.

— Ну что, давай обсудим все это! — предложил Чэд.

Одри тоже вышла с ними. Вид у нее по-прежнему был такой, словно она вот-вот сорвется на крик. Она сказала:

— Он убил двух человек, Чэд. Ко мне домой приходили люди из ФБР. Он псих. Если нужно, чтобы я поехала с тобой в участок и дала показания, я поеду.

— Вы уже и так много всего хорошего сделали, мэм, — сказал Тень. — Шли бы вы отсюда, если не сложно.

— Чэд! Ты это слышал?! Он мне угрожает! —

вскинулась Одри.

— Иди обратно в бар, Одри! — сказал Чэд Маллиган. Она собиралась было что-то сказать в ответ, но сжала губы с такой силой, что они побелели, и захлопнула за собой дверь.

— Ну и что ты на все это скажешь? — спросил Чэд Маллиган.

— Я никогда в жизни никого не убивал, — ответил Тень.

Чэд кивнул.

— Я тебе верю, — сказал он. — Уверен, с этим ее заявлением мы разберемся. Ты же не станешь доставлять мне проблемы, правда, Майк?

— Никаких проблем, — ответил Тень. — Это на самом деле какая-то ошибка.

— Вот именно, — сказал Чэд. — Так что теперь нам, наверное, следует проехать ко мне и там все уладить.

— Я арестован? — спросил Тень.

— Не-а, — ответил Чэд. — Если, конечно, тебе самому не хочется, чтобы я тебя арестовал. Но мне кажется, что ты проследуешь со мной в участок из чувства гражданского долга, а там мы во всем и разберемся.

Чэд похлопал Тень по бокам и оружия не обнаружил. Они оба сели в машину Маллигана.

Тень снова оказался на заднем сиденье, с металлической сеткой на окнах. *SOS! Караул! На помощь!* — думал Тень. Он пытался мысленно подтолкнуть Чэда к правильному решению, как тогда, в Чикаго, сделал это с полицейским. — *Это же Майк Айнсель, твой старый друг. Ты спас ему жизнь. Разве ты сам не понимаешь, как все это глупо? Почему бы тебе просто не оставить все как есть?*

— Я думаю, мы с тобой правильно сделали, что ушли из бара, — сказал Чэд. — Не хватало еще, чтобы какому-нибудь крикуну показалось, будто это именно ты убил Элисон МакГоверн, и нам бы пришлось иметь дело с толпой линчевателей.

— Да уж, это точно.

Остальную часть дороги они проделали в полном молчании — до здания Лейксайдского полицейского управления, которое, как сказал Чэд, когда они подъехали, на самом деле принадлежало шерифу округа. И местной полиции приходилось ютиться буквально в нескольких комнатках, и то божьей милостью. Ну ничего, скоро округ построит что-нибудь новенькое, современное. А пока — чем богаты.

Они вошли.

— Мне что, адвокату звонить? — спросил Тень.

— Тебя пока ни в чем не обвиняют, — ответил Маллиган. — Впрочем, как хочешь. — Они прошли через несколько вращающихся дверей. — Присаживайся здесь пока.

Тень сел на деревянный стул, боковину которого кто-то нещадно и регулярно подпаливал сигаретой. Он был в состоянии жуткого отупения. На доске объявлений, прямо под огромной надписью НЕ КУРИТЬ, висело маленькое объявление — НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА и фото Элисон МакГоверн.

Рядом стоял деревянный же столик с разложенными на нем старыми номерами «Спортс иллюстрейтед» и «Ньюсуик». Свет был совсем слепой. Стены выкрашены в желтый цвет — хотя, очень может быть, что изначально краска была белая.

Через пару минут Чэд принес ему стаканчик водянистого горячего шоколада из кофе-машины.

— А в пакете что? — спросил он. И только тут до Тени дошло, что он до сих пор держит в руках пластиковый пакет с «Протоколами заседаний городского совета Лейксайда».

— Книжка старая, — ответил он. — А в ней — фотография твоего деда. Или, может быть, прадеда.

— Да иди ты!

Тень порылся в книге, пока не нашел групповое

фото членов городского совета, и ткнул пальцем в человека по фамилии Маллиган. Чэд хохотнул:

— Вот ни фига себе!

Время шло: минуты, потом часы. Тень сидел все в той же комнате. Он прочел два номера «Спортс иллюстрейтед» и взялся за «Ньюсуик». Время от времени в комнату заглядывал Чэд: один раз чтобы поинтересоваться, не нужно ли Тени в туалет, другой — чтобы предложить ему сэндвич с ветчиной и маленький пакетик чипсов.

— Спасибо, — сказал Тень, приняв и то, и другое. — Я все еще не под арестом?

Чэд втянул воздух между зубами.

— Ну, — сказал он, — в общем, пока еще нет. Такое впечатление, что Майк Айнсель — это ненастоящее твое имя. С другой стороны, по законам штата, ты можешь называться хоть чертом лысым, если только не преследуешь при этом мошеннических целей. Так что пока особо беспокоиться не о чем.

— Могу я позвонить по телефону?

— В пределах города?

— Нет, по междугороднему.

— Если будешь звонить с моей телефонной карты, получится куда дешевле. А иначе придется скармливать вон той штуковине, что в коридоре,

десятидолларовые купюры с такой скоростью, будто это двадцатипятицентовики.

Ну еще бы, подумал Тень. *А ты к тому же сможешь узнать номер, по которому я звоню, или даже подслушивать мой разговор с параллельного аппарата.*

— Вот спасибо! — сказал он вслух. Они прошли в свободный кабинет. Номер, который Тень продиктовал Чэду, был телефоном одной похоронной конторы в городе Кейро, штат Иллинойс. Чэд набрал его и протянул Тени трубку:

— Оставляю тебя здесь, — сказал он и вышел.

Несколько гудков, потом на том конце сняли трубку.

— Шакель и Ибис! Что вам угодно?

— Привет. Мистер Ибис, это Майк Айнсель. Я работал у вас несколько дней, перед Рождеством.

Секундная заминка, а потом:

— Да-да, конечно, Майк. *Как* ваши дела?

— Не слишком, мистер Ибис. В общем-то, из рук вон, если честно. Меня вот-вот арестуют. У вас там нет где-нибудь поблизости моего дядюшки? Или, может, просто передадите ему от меня весточку.

— Ну естественно, посмотрим, что можно будет сделать. Держитесь там, э-э, Майк. Да, тут еще кое-кто хочет перемолвиться с вами словечком.

И темный, с хрипотцой женский голос сказал:

— Привет, милый! Я по тебе скучаю.

Он был совершенно уверен, что голоса этого не слышал никогда в жизни. Но женщину знал. Он был совершенно уверен, что эту женщину…

Не останавливайся, прошептал где-то у него внутри этот же самый, темный, с хрипотцой женский голос. *Не думай ни о чем, не останавливайся.*

— А кто эта девочка, с которой ты целовался, милый? Ты что, хочешь, чтобы я тебя ревновала?

— Мы с ней просто друзья, — сказал Тень. — И по-моему, она просто хотела дать всем понять, что думает про всю эту шумиху. А откуда ты знаешь, что она меня поцеловала?

— У меня глаза повсюду, где ходит мой народ, — сказала она. — Береги себя, милый…

Пауза, потом трубку снова взял мистер Ибис:

— Майк!

— Да.

— Вашего дядю не так-то просто достать. Он сейчас вроде как занят. Но я постараюсь передать от вас весточку вашей тете Нэнси. Удачи вам.

И — тишина.

Тень сел и стал ждать, когда вернется Чэд. Он сидел в пустом кабинете и мечтал хоть за что-

нибудь зацепиться мыслью, чтобы ни о чем не думать. Потом через силу снова вынул «Протоколы», раскрыл наугад, примерно на середине, и начал читать.

Постановление, запрещающее сплевывать на тротуар и на пол в общественных местах, а также бросать в означенных местах табак в каком бы то ни было виде, было принято восемью голосами против четырех в декабре 1876 года.

Лемми Хаутала, двенадцати лет от роду, ушел из дому и, «судя по всему, скрылся в неизвестном направлении в припадке безумия» 13 декабря 1876 года. «Немедленно были организованы поиски пропавшего, но результата не принесли вследствие поднявшейся сильной метели». Совет единогласно постановил направить семейству Хаутала свои соболезнования.

Вспыхнувший на следующей неделе в платной конюшне Ольсенов пожар удалось потушить до того, как был нанесен какой бы то ни было ущерб, и без угрозы для жизни — будь то человеческая или конская.

Тень внимательно проглядывал напечатанные убористым шрифтом колонки текста. О Лемми Хаутала не было больше ни единого упоминания.

Повинуясь чуть ли не сиюминутному импуль-

су, Тень отлистал книгу вперед, к началу зимы 1877 года. Искомая информация нашлась в приложении к протоколам январских заседаний совета: Джесси Ловат, возраст не указан, «негритянская девочка», исчезла в ночь на 28 декабря. Судя по всему, ее «похитили так называемые странствующие торговцы». Семье Ловат никто соболезнований не посылал.

Тень отчаянно рылся в протоколах за 1878 год, когда в дверь, предварительно постучавшись, вошел Чэд Маллиган: вид у него был виноватый, как у школьника, который принес домой дневник с двойками.

— Мистер Айнсель, — сказал он, — Майк. Мне правда очень неудобно и неприятно тебе это говорить. Лично мне ты нравишься. Но это все равно ничего не меняет, ты меня понимаешь?

Тень сказал, что понимает.

— У меня просто нет иного выхода, — сказал Чэд, — кроме как посадить тебя под арест за нарушение условий досрочного освобождения.

После чего Маллиган зачитал Тени его права. Потом заполнил какие-то бумаги. Снял с Тени отпечатки пальцев. И препроводил его по коридору на другой конец здания, где располагалась окружная тюрьма.

Вдоль одной стены были длинная стойка и несколько запертых дверей, по другой — две застекленные камеры и еще одна дверь. Одна из камер была занята: на нарах под тонким казенным одеялом спал мужчина. Другая была свободна.

За стойкой сидела сонного вида женщина в коричневой униформе и смотрела по маленькому белому переносному телевизору Джея Лено.[105] Она приняла у Чэда бумаги и расписалась в получении Тени. Чэд на какое-то время завис здесь, заполнил еще какие-то бланки. Женщина вышла из-за стойки, похлопала Тень по бокам и ногам, проверяя на колющие и режущие, забрала все его пожитки — бумажник, монеты, ключ от дома, книгу, часы — и выложила их на стойку, а потом выдала ему пластиковый пакет с оранжевой тюремной робой и сказала, чтобы он шел в свободную камеру и переоделся. Носки и нижнее белье можно оставить. Он пошел в камеру и переоделся в оранжевую робу и резиновые тапочки. В камере стояла невыносимая вонь. На оранжевой куртке, которую он натянул через голову, на

[105] notes: 105

Джей Лено — американский эстрадный комик и телеведущий, сменивший в 1992 году Джонни Карсона на посту ведущего шоу «Сегодня вечером» («The Tonight Show»).

спине большими черными буквами было написано: ЛАМБЕРСКАЯ ОКРУЖНАЯ ТЮРЬМА.

Крышка на металлическом унитазе была откинута, а сам унитаз до краев полон коричневой жижей из жидкого дерьма и подкисшей пивной мочи.

Тень вышел из камеры, вручил женщине свою одежду, которую она тут же сунула в освободившийся пластиковый пакет — вместе со всем остальным его имуществом. Прежде чем отдать ей бумажник, он пересчитал деньги:

— С этим поаккуратнее, — сказал он ей. — Тут вся моя жизнь.

Женщина отобрала у него бумажник и заверила, что у нее он будет в полной сохранности. Правда, Чэд, спросила она через плечо, и Чэд, подняв голову от последней бумажки, сказал, что Лиз говорит чистую правду и что в этой тюрьме ни у одного арестанта еще никогда ничего не пропадало.

Между делом Тень успел вынуть из бумажника четыре стодолларовых купюры и рассовать их по носкам, пока переодевался, — и еще доллар со Свободой, который убрал в ладонь, когда вынимал все из карманов.

— Скажите, — спросил Тень, когда выходил

из камеры, — а ничего, если я пока книжку дочитаю?

— Извини, Майк. Правила есть правила, — ответил Чэд.

Лиз отнесла вещи Тени в заднюю комнату. Чэд сказал, что оставляет Тень в надежных руках офицера Бьют. Лиз на эту его реплику никак не отреагировала, и вообще вид у нее был очень усталый. Чэд скрылся. Зазвонил телефон и Лиз — офицер Бьют — сняла трубку.

— Хорошо, — сказала она. — Да, хорошо. Никаких проблем. Хорошо.

Потом положила трубку и скорчила рожу.

— Все-таки проблемы есть? — спросил Тень.

— Ага. Не так чтобы всерьез. Но типа того. Кого-то там послали сюда из Милуоки, чтобы вас забрать.

— А в чем, собственно, проблема?

— А мне тут с вами возись три часа кряду, — сказала она. — А камера нормальная вон, — она ткнула пальцем в сторону той камеры, где спал человек, — так она занята. Самоубийца-неудачник. К нему вас сажать нельзя. И какой, спрашивается, был смысл вписывать вас в окружную тюрьму, если тут же нужно выписывать? — Она покачала головой. — А туда вам и самому идти

на захочется. — Она ткнула пальцем в ту камеру, где он только что переодевался, — там толчок засорился. Как там, вонь сильная, да?

— Ага. Довольно внятная.

— Просто из чистого человеколюбия, вот что я вам скажу. Поскорее бы нас перевели в новое здание, я вообще этого жду не дождусь. Наверняка одна из тех баб, что мы вчера задержали, смыла туда тампон. Им хоть кол на голове теши. Говорила же — есть для этого урна! Трубы забивают насмерть. Каждый сраный тампон в этом нужнике вылетает округу в сто баксов — на сантехника. Так что можете тут остаться, снаружи, но только в наручниках. Или в камеру идите. — Она посмотрела на него. — Ну, выбирайте.

— Не то чтобы я здорово к ним прикипел, — сказал Тень. — Но я выбираю наручники.

Она сняла с ремня пару наручников, похлопала себя по кобуре, давая понять, что ствол при ней.

— Руки за спину, — сказала она.

Наручники оказались тесными: запястья у него все-таки были слишком широкие. Потом она надела ему на щиколотки ножные путы и усадила на скамью у дальнего конца стойки, спиной к стене.

— Ну вот, — сказала она. — А теперь вы меня не

доставайте, и я не буду вас доставать.

И повернула телевизор так, чтобы ему тоже было видно.

— Спасибо, — сказал он.

— Вот получим новое помещение, — сказала она, — и не будет больше всего этого бардака.

«Сегодня вечером» кончилось. Началась очередная серия «Будем здоровы».[106] Из всего сериала он видел одну-единственную серию — там в бар приходит дочка Коуча — правда, видел он ее несколько раз. Тень давно подметил: если не смотришь сериал, натыкаться все время будешь на одну и ту же серию, даже через несколько лет: наверняка на этот счет есть какое-нибудь общекосмическое правило.

Офицер Лиз Бьют откинулась на спинку кресла. Не то чтобы она совсем уснула, но и бодрствующей ее назвать было никак нельзя, она даже не отреагировала на то обстоятельство, что актеры на экране вдруг перестали перебрасываться репликами и отпускать шуточки и все как один уставились прямиком на Тень.

Дайана, блондинка-барменша, что корчит из

---

[106] notes: 106

«Будем здоровы» («Cheers») — американский ситком, который шел с 1982 по 1993 год. Действие происходит в одноименном баре в Бостоне, где все друг друга знают.

себя интеллектуалку, заговорила первой.

— Тень, — сказала она. — Мы так за тебя *переживали*! Ты куда-то запропастился. Так здорово снова тебя увидеть — хоть ты и в наручниках и в этом оранжевом *от кутюр*.

— Я так считаю, что у тебя есть просто сногсшибательный выход из сложившейся ситуации, — с видом знатока подал реплику главный в телевизионном баре зануда по имени Клифф. — Надо делать ноги в сезон охоты, когда все придурки в этой стране наряжаются в оранжевые костюмы.

Тень молчал.

— Ну, судя по всему, язычок тебе кошечка откусила, так, что ли? — поинтересовалась Дайана. — Надо сказать, на славу нам пришлось за тобой побегать!

Тень отвернулся. Офицер Лиз начала потихоньку всхрапывать. Клара, миниатюрная официантка, вдруг взвилась:

— Ну ты, говно собачье! Мы прерываем нашу передачу, чтобы показать тебе такое, что ты, твою мать, в штаны наделаешь! Приготовился?

Экран замигал и погас. В нижнем левом углу замигала строчка: ПРЯМАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ. Приглушенный женский голос за кадром сказал:

— Еще не поздно перейти на *правильную* сторо-

ну, которая обязательно *победит*. Хотя, конечно, у вас есть *полное* право оставаться там, где вы *сейчас* находитесь. Именно это и означает — *быть* американцем. Это и есть американское чудо. Свобода вероисповедания в конечном счете означает также и свободу верить в ложных богов. Так же, как свобода *слова* дает вам право хранить молчание.

На экране появилась какая-то улица. Камера дернулась, как это обычно бывает при съемке с руки в репортажном документальном фильме.

В кадре возник лысеющий загорелый мужчина, в котором смутно угадывался бывший уголовник. Он стоял у стены и прихлебывал кофе из пластикового стаканчика. Потом посмотрел прямо в камеру и сказал:

— Террористы любят произносить броские пустые фразы вроде «борец за свободу». Но и вы, и я прекрасно отдаем себе отчет в том, что за всем этим скрывается обычная мразь, преступники и убийцы. И мы рискуем своими жизнями, чтобы разница между этими двумя понятиями стала очевидной.

Тень узнал этот голос. Он звучал у этого человека в голове. Изнутри мистер Градд смотрелся несколько иначе — голос был глубже и более

звучный, — но ошибиться было никак нельзя.

Камера отъехала назад, чтобы продемонстрировать, что мистер Градд стоит возле кирпичного здания, а улица, на которой расположено само здание, — чисто американская. Над дверью — угольник и циркуль, обрамляющие букву G.

— По местам, — сказал кто-то за кадром.

— *Давайте* убедимся в том, что наши камеры *внутри* здания тоже работают, — сказал голос женщины-комментатора.

В нижней части экрана продолжали мигать слова ПРЯМАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ. Теперь на экране был интерьер — небольшой, тускло освещенный зал. В дальнем конце за столом сидели двое, один — спиной к камере. Камера, подрагивая, укрупнила план. На долю секунды изображение расплылось, но тут же снова встроилось в фокус. Тот человек, что сидел к камере лицом, встал и начал ходить из угла в угол, как медведь на цепи. Это был Среда. Вид у него был такой, словно в глубине души он получал от этого шоу удовольствие. Как только оба персонажа оказались в фокусе, резко включился звук.

Человек, сидевший спиной к камере, говорил:

— …Мы предлагаем вам покончить со всем этим, здесь и сейчас, покончить с кровопролити-

ем, насилием, болью, с цепью нелепых смертей. Разве ради этого не имеет смысл пойти на небольшие уступки? — Человек, что сидел спиной к камере, дернул головой: — Вы сами загоняете себя в угол, — продолжил он. — Настоящих лидеров у вас нет, это понятно. Но вас-то они по крайней мере слушают. Считаются с вашим мнением. Что же до наших намерений держать данное слово, то вот сейчас, к примеру, наши переговоры записываются и транслируются в прямом эфире. — Он указал в сторону камеры. — Кое-кто из ваших наверняка сейчас смотрит нас по телевизору. Остальные посмотрят видеозапись. Камера — она не врет.

— Врут все, — сказал Среда.

Тень узнал голос человека, сидевшего спиной. Мистер Мирр, который говорил с Граддом по мобильному, пока Тень был у Градда в голове.

— Вы не верите, — сказал мистер Мирр, — что мы сдержим слово?

— Сдается мне, что обещания вы даете только для того, чтобы тут же нарушить, а клятвы приносите ради возможности совершить очередное клятвопреступление. Но *свое* слово я держу всегда.

— Безопасность на время переговоров мы вам

обеспечили, с этим вы ведь не будете спорить, — сказал мистер Мирр. — В полном соответствии с достигнутыми договоренностями. Да, кстати, забыл поставить вас в известность: ваш протеже снова под нашей надежной опекой.

Среда хрюкнул.

— Не дождетесь, — сказал он. — Фиг вам.

— Давайте вернемся к обсуждению вопроса о неизбежном изменении существующего порядка вещей. Нам же *не обязательно* быть врагами. Как по-вашему?

Среда словно бы начал колебаться. Он сказал:

— Я, конечно, сделаю все, что в моих силах…

В той картинке, которую давала камера, Тень заметил некую странную особенность. В левом, стеклянном глазу Среды поселилась какая-то красная искра. И при каждом движении она давала затухающий красный след. Сам Среда, кажется, этого не замечал.

— Страна-то, конечно, большая, — сказал Среда, продолжая развивать свою мысль. Он двинул головой в сторону, и след от лазерного прицела соскользнул ему на щеку. И тут же выправился, опять настроившись на стеклянный глаз. — Места действительно может хватить на всех…

Раздался звук выстрела, приглушенный те-

летрансляцией, и голова Среды разлетелась на части, а тело тяжело рухнуло навзничь.

Мистер Мирр встал, по-прежнему не поворачиваясь лицом к камере, и вышел из кадра.

— Давайте посмотрим эту сцену еще раз, в замедленной съемке, — бодрым тоном произнесла комментаторша.

Слова ПРЯМАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ сменились на ПОВТОР. Красная точка лазерного прицела медленно вползла в стеклянный глаз Среды, а потом левая сторона его лица растворилась в красном кровавом облаке. Стоп-кадр.

— Да, богоизбранная страна остается богоизбранной, — отчеканил женский голос тоном комментатора новостной программы, который зачитывает финальную, ударную реплику. — Вопрос только один: о каких богах идет речь?

И тут же другой голос — Тени показалось, что это голос мистера Мирра, по крайней мере ощущение смутного знакомства с этим тембром было точно таким же, — сказал:

— А теперь мы возвращаемся к прерванной сетке вещания.

В «Будем здоровы» Коуч как раз заверил дочку в том, что та — настоящая красавица, совсем как мать.

Раздался телефонный звонок, и офицер Лиз испуганно дернулась в кресле. Потом сняла трубку и сказала:

— Хорошо. Хорошо. Да-да. Хорошо.

Потом положила трубку, вышла из-за стойки и сказала Тени:

— Придется все-таки посадить вас в камеру. Унитазом не пользуйтесь. Сейчас приедут ребята из шерифского отдела, из Лафайет.

Она сняла с него наручники и ножные путы и заперла в камере. Как только дверь закрылась, вонь стала гуще прежнего.

Тень сел на бетонную шконку, вынул из носка серебряный доллар и начал перебрасывать его из пальцев в ладонь, из положения в положение, из руки в руку, с единственным условием — монеты не должно было быть видно стороннему наблюдателю. Он тупо убивал время.

На него вдруг нахлынула тоска, внезапная и отчаянно глубокая — ему будет не хватать Среды. Будет не хватать его уверенности в себе, его жизненной силы. Его драйва в конце концов.

Он раскрыл ладонь и посмотрел на серебряный профиль госпожи Свободы. И снова сомкнул пальцы, крепко-накрепко сжав ее в кулаке. Интересно, подумал он, ждет ли меня судьба одного из тех

парней, которые отдали жизнь за что-то такое, к чему на самом деле непричастны. По крайней мере, он на верном пути именно к такому развитию событий. Насколько он успел оценить мистера Мирра и мистера Градда, помножить его на ноль не составит для них никаких трудностей. Очень может статься, что по пути к другому месту содержания он попадет в автомобильную аварию. Или его застрелят при попытке к бегству. А что, вполне вероятно.

В холле по ту сторону стекла началось какое-то движение. Офицер Лиз пошла к дверям. Она нажала кнопку, невидимая для Тени дверь открылась, и в помещение вошел помощник шерифа, черный, в коричневой форме, и быстрым шагом двинулся к стойке.

Тень сунул серебряный доллар обратно в носок.

Вновь прибывший помощник шерифа вручил Лиз какие-то бумаги, та проглядела их и расписалась. Вошел Чэд Маллиган, перемолвился с помощником шерифа парой слов, потом открыл дверь камеры и вошел в нее.

— Ну, в общем, за тобой приехали. Такое впечатление, будто ты преступник чуть ли не федерального значения. Интересно, правда?

— Хороший будет заголовок для первой полосы в «Лейксайд ньюс», — сказал Тень.

Лицо Чэда осталось бесстрастным.

— Типа, бывшего зека задержали за нарушение условий досрочного освобождения? Не тянет на первую полосу.

— Так вот, значит, из-за чего весь этот сыр-бор?

— По крайней мере ничего сверх этого мне не сообщили, — сказал Чэд Маллиган.

Тень вытянул перед собой руки, и Чэд застегнул на нем наручники. Чэд же надел ему на щиколотки путы и закрепил между наручниками и ножными путами стяжку.

Тень думал: *Сейчас меня выведут наружу. Может, удастся сбежать — н-да, в наручниках и кандалах и легкой оранжевой робе, по снегу-то*; и пока эта мысль разворачивалась у него в голове, он уже знал, что все это откровенная глупость и бессмыслица.

Чэд вывел его в центральное помещение. Лиз телевизор уже успела выключить. Черный помощник шерифа окинул его взглядом с головы до ног.

— Ну и детина, — сказал он Чэду. Лиз вручила помощнику шерифа бумажный пакет с вещами Тени, и тот за вещи расписался.

Чэд посмотрел сперва на Тень, потом на помощника шерифа. И сказал помощнику шерифа — тихо, но так, чтобы Тень тоже слышал:

— Слушайте. Вот что я хочу сказать. Мне не нравится то, как все это происходит.

Помощник шерифа кивнул:

— Я вам советую поднять этот вопрос на соответствующем уровне, сэр. А наше дело — доставить его по месту назначения, и больше ничего.

Чэд скривил кислую мину и повернулся к Тени.

— Короче говоря, — сказал он. — Вот через эту дверь и на заднее крыльцо.

— Что?

— Сюда иди. Там стоит машина.

Лиз открыла дверь.

— Только форму оранжевую вернуть не забудьте, — сказала она помощнику шерифа. — А то в последний раз, как мы отправляли уголовника в Лафайет, прости-прощай вещички. А округ за них деньги платит.

Они вышли на заднее крыльцо, возле которого действительно стояла машина — но только не шерифская, а обычная черная легковушка. Второй помощник шерифа, седой усатый мужик, стоял возле нее и курил сигарету. Едва они подошли к

машине, он бросил сигарету на землю, раздавил ее подошвой башмака и открыл заднюю дверь.

Тень неловко втиснулся на заднее сиденье: наручники и кандалы очень мешали. Между задним и передним сиденьями решетки не было. Оба помощника шерифа сели на переднее сиденье. Черный завел мотор. Они подождали, пока откроются задние ворота.

— Ну давай, давай, — сказал черный помощник шерифа, барабаня по рулю пальцами.

Чэд Маллиган постучал по боковому стеклу. Белый помощник шерифа посмотрел на водителя, потом опустил стекло.

— Это все неправильно, — сказал Чэд. — Я просто хотел сказать, что это все неправильно.

— Ваше мнение мы услышали и непременно передадим его вышестоящему начальству, — сказал черный.

Ворота во внешний мир наконец открылись. На улице по-прежнему сыпал снег, ослепительно-белый в свете автомобильных фар. Водитель нажал на газ, и они выехали сперва в проулок, а затем на главную улицу.

— Про Среду слыхал уже? — спросил водитель. Голос у него теперь звучал совсем иначе: старческий, хорошо знакомый. — Нет больше Среды.

— Да. Я знаю, — ответил Тень. — Видел по телевизору.

— Вот пидорасы, — сказал белый. Это были первые слова, которые он вообще произнес за это время, и голос у него был грубый, с сильным акцентом и — так же, как в случае с голосом водителя, — хорошо Тени знакомый. — Вот что я тебе скажу, пидорасы они и есть, пидоры эти.

— Спасибо, что забрали меня отсюда, — сказал Тень.

— Да ладно, делов-то, — отозвался водитель. В свете фар встречного автомобиля Тени показалось, что лицо у черного помощника шерифа стало значительно старше. И сам он как-то съежился. Когда Тень в последний раз видел этого старика, на нем был клетчатый костюм и желтые перчатки. — Мы были в Милуоки. И гнать пришлось как чертям собачьим, когда Ибис позвонил.

— А ты думал, мы им позволим запереть тебя в кутузку и отправить на электрический стул? Нет, сынок, я еще должен размозжить тебе молотом голову, — мрачно рявкнул белый помощник шерифа, роясь в кармане в поисках пачки сигарет. Акцент у него был восточно-европейский.

— Настоящий цирк там у них начнется через

час с небольшим, — сказал мистер Нанси, который с каждой секундой все больше делался похож на самого себя. — Когда за тобой *на самом деле* приедут. Перед тем как выедем на пятьдесят третью, придется притормозить, чтобы снять с тебя всю эту ботву и чтобы ты принял человеческий вид.

Чернобог протянул ему ключик от браслетов и улыбнулся.

— А ничего усы смотрятся, — сказал Тень. — Вам идет.

Чернобог огладил их желтыми от табака пальцами.

— Вот спасибо.

— А Среда, — спросил Тень, — он на самом деле умер? Может, это фокус какой-нибудь, а?

И тут же понял, что просто цепляется хоть за какую-то надежду, какую ни на есть. Но выражение, застывшее на лице Нанси, сказало ему все, что требовалось, и надежды не стало.

Прибытие в Америку

14 тыс. лет до н. э.

Холодно было и темно, когда ее посетило видение, ибо на Дальнем Севере свет есть всего

лишь краткие сумерки в середине дня, которые приходят, и уходят, и приходят снова: крохотный тусклый просвет меж двумя глыбами тьмы.

Племя у них было небольшое по тогдашним меркам: по меркам кочевников северных равнин. У них был свой бог, череп мамонта и шкура мамонта, из которой было сшито нечто вроде мантии. *Нуньюннини* — так звали этого бога. Когда они останавливались надолго, он отдыхал на деревянном помосте, высотой в человеческий рост.

А она была ведунья и хранительница тайн, и имя ей было Ацула, лиса. Когда они шли, двое мужчин несли за Ацулой бога на длинных шестах, закрытого медвежьими шкурами, дабы его не видели в такое время, когда он не свят, глаза непосвященных.

Они скитались по тундре и несли с собой свои шатры. Самые лучшие шатры были сделаны из шкур карибу, и священный шатер тоже был из шкур карибу, и в нем собрались четверо: Ацула, ведунья, Гугвей, старейшина племени, Яану, военный вождь и Калану, разведчик. Она собрала их в священном шатре через день после того, как ей было видение.

Ацула настругала в огонь лишайника, следом

бросила сушеные листья — своей короткой, высохшей рукой: листья начали дымить, дым ел глаза, и запах у него был очень резкий и странный. Потом она сняла с деревянного помоста деревянную миску и передала ее Гугвею. Чашка была до половины наполнена темно-желтой жидкостью.

Ацула нашла грибы *пунг* — на каждом по семь точек, только настоящая ведунья может отыскать грибы, на которых по семь точек, — сорвала их в новолуние и высушила на нитке из оленьих хрящей.

Накануне перед сном она съела три сушеных грибных шляпки. Сны ей снились невнятные и страшные, о ярких быстрых огнях, о высоченных скалах, которые сплошь были полны огней и торчали высоко вверх, как сосульки. Среди ночи она проснулась вся в поту, и ей хотелось помочиться. Она присела над деревянной чашкой и наполнила ее мочой. Потом выставила чашку наружу, на снег, и снова уснула.

Проснувшись, она выбрала из деревянной чашки кусочки льда: жидкость стала темнее и гуще.

Именно эту жидкость она теперь и передала по кругу, сначала Гугвею, потом Яану и Калану. Каждый из них сделал по большому глотку, а

сама Ацула приложилась к чашке последней. Она сделала глоток, а остатки вылила на землю, прямо перед богом, и это было возлияние для Нуньюннини.

Они сидели в задымленном шатре и ждали, когда заговорит бог. Снаружи, в полной темноте, выл и свистел ветер.

Калану, разведчик, была женщина, которая ходила и одевалась как мужчина: она даже взяла Далани, четырнадцатилетнюю девушку, себе в жены. Калану крепко-накрепко зажмурила глаза, а потом встала и подошла к помосту, на котором лежал череп мамонта. Она набросила на себя мамонтову шкуру и встала так, чтобы ее собственная голова оказалась внутри черепа.

— Зло на этой земле, — сказал Нуньюннини голосом Калану. — Зло, причем такое, что если вы останетесь здесь, на земле ваших матерей и матерей ваших матерей, то умрете все до единого.

Остальные трое заворчали.

— Это охотники за рабами? Или большие волки? — спросил Гугвей, волосы у которого были длинные и седые, а лицо такое же морщинистое, как серая кора на терновнике.

— Нет, не охотники за рабами, — сказал старый Нуньюннини, каменная шкура. — И не большие

волки.

— Это голод? Здесь будет голод?

Нуньюннини молчал. Калану выбралась из черепа и села ждать вместе со всеми.

Гугвей накинул на себя мамонтову шкуру и сунул голову внутрь черепа.

— Никакой это не голод, сами знаете, — сказал Нуньюннини устами Гугвея, — хотя и голод тоже придет следом.

— Тогда что это такое? — спросил Яану. — Я не боюсь. Я буду драться. У нас есть копья и метательные камни. Пусть даже сотня могучих воинов выйдет против нас, мы все равно одолеем. Мы заведем их в болота и расколем им кремнями черепа.

— Это не люди, — сказал Нуньюннини старческим голосом Гугвея. — Это придет с неба, и никакие копья, никакие камни вас не защитят.

— А как же мы сможем спастись? — спросила Ацула. — Я видела огонь в небе. Я слышала гром, громче, чем от десяти молний. Я видела, как леса лягут на землю и закипят реки.

— Ай… — сказал Нуньюннини, но ничего больше не добавил. Гугвей выбрался из черепа, неловко согнувшись, потому что человек он был уже старый и костяшки у него на руках

распухли.

Воцарилось молчание. Ацула бросила в костер еще немного листьев, и у них опять заслезились от дыма глаза.

Потом Яану встал, пошел к мамонтовой голове, накинул на себя шкуру и сунул голову внутрь черепа. Голос у него был гулкий и громкий.

— Вы должны отправиться в далекий путь, — сказал Нуньюннини. — Вы должны идти туда, где солнце. Там, где встает солнце, вы найдете новую землю, и в этой земле зло не тронет вас. Путь будет долгим: луна набухнет и высохнет, умрет и оживет два раза, и по дороге вам встретятся и охотники за рабами, и дикие звери, но я поведу вас и сохраню в дороге, если вы будете идти туда, где встает солнце.

Ацула плюнула на земляной пол и сказала:

— Нет.

Она чувствовала, как бог на нее смотрит.

— Нет, — сказала она, — дурной ты бог, если советуешь нам такие вещи. Мы все умрем. А если мы все умрем, кто будет носить тебя с одного холма на другой, и ставить тебе шатер, и умащивать твои бивни жиром?

Бог ничего не сказал. Ацула и Яану поменялись местами. Лицо Ацулы выглянуло наружу сквозь

отверстия в желтой мамонтовой кости.

— В Ацуле нет веры, — сказал Нуньюннини голосом Ацулы. — Ацула умрет прежде, чем вы все войдете в новую землю, но вы, остальные, будете жить. Верьте мне: там, на востоке, лежит земля, в которой нет людей. Эта земля станет вашей, и землей детей ваших, и детей ваших детей, на семь поколений и еще семь раз по семь. Если бы не Ацула и неверие Ацулы, она была бы отдана вам на веки вечные. Утром снимите шатры и соберите имущество, и ступайте на восход солнца.

И тогда Гугвей, и Яану, и Калану склонили головы и возопили в честь силы и мудрости Нуньюннини.

Луна набухла и высохла, набухла и высохла еще раз. Племя шло на восток, туда, где встает солнце, против ледяных ветров, которые жгли им кожу. Нуньюннини не обманул: по дороге они не потеряли ни единого человека из всего племени, если не считать одной женщины, которая умерла родами, а роженица принадлежит луне, а не Нуньюннини.

Они прошли по земляному мосту.

При первых же проблесках света Калану ушла от них, чтобы разведать дорогу. И вот небо опять потемнело, а Калану так и не вернулась, но вме-

сто этого зажглось вдруг ночное небо, и ожило огнями, белыми и зелеными, фиолетовыми и красными, и огни эти перемигивались, переливались и перебегали из конца в конец неба. Ацуле и ее народу и раньше доводилось видеть северное сияние, но они по-прежнему его боялись, а такого мощного не видели никогда в жизни.

Когда огни на небе слились в огненные реки и потекли сами собой, вернулась Калану.

— Иногда, — сказала она Ацуле, — мне кажется, если я раскину руки, то упаду в небо, головой вперед.

— Это потому что ты разведчик, — ответила ей Ацула. — Когда умрешь, ты упадешь в небо и станешь звездой, чтобы вести нас по жизни.

— Там, на востоке, ледяные скалы, очень высокие, — сказала Калану, волосы которой, цвета воронова крыла, были длинные, как носят мужчины. — Мы сможем на них взобраться, но на это уйдет не один день.

— Ты проведешь нас безопасной дорогой, — сказала Ацула. — А я умру у подножия этих скал, и это будет жертва, которая даст вам право войти в новые земли.

Позади, на западе, в землях, из которых они ушли и где несколько часов назад скрылось солн-

це, вспыхнуло вдруг страшное желтое зарево, ярче молнии, ярче дневного света. Вспышка была такой силы и яркости, что людям на земляном мосту пришлось прикрыть глаза руками, сплюнуть и в ужасе возопить. Дети начали плакать.

— Пришла та гибель, про которую предупреждал нас Нуньюннини, — сказал старый Гугвей. — Воистину великий он бог и могучий.

— Он самый лучший из всех богов, — сказала Калану. — В новой земле мы поднимем его высоко-высоко и натрем ему клыки и череп рыбьим жиром и жиром животным, и заповедуем детям нашим, и детям детей, на семь поколений вперед, и еще на семью семь поколений, что Нуньюннини самый могущественный из богов, и наш народ никогда его не забудет.

— Боги велики, — сказала Ацула медленно, будто решилась открыть самую великую из всех своих тайн. — Но самая великая вещь на свете — это сердце человеческое. Ибо из наших сердец боги рождаются на свет, и в наши сердца суждено им вернуться…

Трудно сказать, сколько бы длилась ее богохульственная речь, если б не была она прервана самым недвусмысленным образом.

Грохот, накативший с запада, был так силен,

что у многих из ушей пошла кровь, и некоторое время люди вообще ничего не могли слышать, и на время ослепли и оглохли, но зато остались живы и знали наверное, что им повезло куда больше, чем тем племенам, что остались на западе.

— Ну вот и ладно, — сказала Ацула и сама себя не услышала.

Ацула умерла у подножия скал, когда весеннее солнце было в зените. Она так и не увидела Нового Мира, и племя вошло в эти земли, не имея при себе ни единой ведуньи.

Они вскарабкались по ледяным скалам, а потом еще долго двигались на юг и на запад, пока не нашли долину с хорошей чистой водой и реками, которые кишели рыбой, и оленями, которые никогда не видели человека, и потому каждый раз приходилось сплюнуть и просить прощения у духов, прежде чем такого убить.

Далани родила троих мальчиков, и некоторые поговаривали, что Калану овладела самыми последними заклинаниями и может теперь делать со своей невестой даже и эту мужскую работу; а другие говорили, что старый Гугвей конечно стар, но не настолько, чтобы не составить молодой невесте компанию, пока мужа нет рядом; и свой резон в этом был, потому как едва старый Гугвей

умер, у Далани перестали рождаться дети.

А ледяные времена сперва пришли, а потом прошли, и люди расселились по всей этой земле, и образовались новые племена, которые выбрали себе другие тотемы: воронов и лис, и гигантских ленивцев, и хищных кошек, и бизонов, и каждый зверь делался у такого племени своим и самым главным, и становился богом.

Мамонты в этой новой земле были больше и медлительнее, и куда глупее, чем мамонты Сибирских равнин, а грибы *пунг* с семью точками здесь вовсе не росли, и Нуньюннини совсем перестал говорить со своим племенем.

И вот во времена, когда на земле жили внуки внуков Далани и Калану, отряд воинов из большого и сильного племени, после набега за рабами возвращавшийся домой на юг, наткнулся на долину, где жили потомки самых первых людей: большую часть мужчин они убили, а женщин и детей увели в рабство. Один из подростков, надеясь вымолить у новых хозяев доброе отношение, отвел их в горную пещеру, где они обнаружили череп мамонта, рассыпавшиеся в труху остатки мамонтовой шкуры, деревянную чашку и набальзамированную голову ведуньи Ацулы.

Некоторые из воинов нового племени были за

то, чтобы взять священные предметы с собой, украсть у самых первых людей их богов и тем самым присвоить их силу, но были и другие, которые были против и говорили, что не выйдет из этого ничего хорошего, а выйдут одни несчастья и обиды со стороны их собственных богов (потому что были эти люди из племени воронов, а вороны — боги ревнивые).

И в конце концов они сбросили все эти предметы со склона горы в глубокую расщелину, а тех, кто остался в живых из племени самых первых людей, угнали далеко-далеко на юг. И племена воронов и лисиц становились все могущественнее и могущественнее в этой новой земле, и вскорости про Нуньюннини забыли навсегда.

Часть 3
Буря
Глава четырнадцатая

Люди бродят во мгле, люди
смотрят во мглу,
И мой огонек темный ветер
задул.
Я руку тяну, может, встречу
твою.
Может быть в этой мгле
встречу руку твою.

Грег Браун.*[107] *С тобою во мгле

Машину они сменили в пять часов утра в Миннеаполисе, на долговременной стоянке местного аэропорта. Заехали на самый верх парковочного комплекса, где автомобили стояли уже под открытым небом.

Тень снял оранжевую робу, наручники и ножные путы, положил их в тот самый пакет из коричневой бумаги, где так недолго хранились его пожитки, сложил пакет несколько раз и опу-

---

[107] notes: 107
Грег Браун (р. 1949) — американский фолк-сингер.

стил в урну. Им пришлось подождать еще минут десять, пока из двери аэропорта не вышел молодой человек с грудью как бочка и не направился в их сторону. На ходу он ел картошку-фри из пакетика от «Бургер Кинг». Тень сразу его узнал: тот самый, что сел к нему на заднее сиденье, когда они вышли из Дома-на-Скале, и мычал всю дорогу — так что машина дрожала. Теперь на лице у него красовалась тронутая сединой, будто инеем, бородка — и делала его много старше.

Он вытер руки о джинсы и протянул Тени могучую лапищу.

— Я слышал про смерть Отца Всех, — сказал он. — Они заплатят, и цену они заплатят немалую.

— Среда был вашим отцом? — спросил Тень.

— Он был Отцом Всех, — густым басом сказал бородач, и у него перехватило дыхание. — Ты им передай, всем передай, что когда будет нужно, мой народ не заставит себя долго ждать.

Чернобог сковырнул застрявшую между зубами крупинку табака и сплюнул ее на покрытый ледяной коркой асфальт.

— И сколько вас таких наберется? С десяток? А может, даже пара десятков?

Борода у человека-бочки встала дыбом.

— А что, десять наших не стоят сотни этих выродков? Кто устоит в битве против человека из моего народа, даже если он выйдет один? Но нас больше, нас куда больше — по городским окраинам. И в горах кое-кто обретается. В Катскиллах, и еще несколько — в веселых городах Флориды. И топоры у них не затупились. И они придут, если я позову.

— Позови их, Элвис, — сказал мистер Нанси. По крайней мере Тени показалось, что он назвал его именно Элвисом. Нанси уже успел сменить форму помощника шерифа на толстый коричневый кардиган, вельветовые брюки и мягкие коричневые кожаные туфли. — Обязательно позови. Именно этого от тебя и хотел наш старый мошенник.

— Они его предали. Они убили его. Я смеялся над Средой, но он был прав, а я нет. Никто из нас больше не может чувствовать себя в безопасности, — сказал человек, имя которого звучало как Элвис. — Но теперь ты можешь рассчитывать на нас. — Он легонько похлопал Тень по спине, и тот едва не отправился в нокдаун. Было такое впечатление, будто его похлопала по спине стенобитная машина.

Чернобог оглядывал автостоянку. Потом спросил:

— Я, конечно, прошу прощения за любопытство, но наша новая машина — она которая?

Человек-бочка ткнул коротким пальцем:

— Вот она, — сказал он.

Чернобог хрюкнул.

— Эта?

Оба они смотрели на автобус, «Фольксваген» семидесятого года выпуска. Заднее стекло было сплошь заклеено постером с радугой.

— Прекрасная машина. Никому и в голову не придет, что вы на такой поедете.

Чернобог обошел автобус. А потом начал кашлять, хриплым, надсадным старческим кашлем, какой пробивает закоренелых курильщиков в пять утра. Он харкал, сплевывал и тер рукой грудь, пытаясь унять боль.

— Да уж, это точно. Никто не заподозрит. А что если полиция остановит нас как явных хипстеров и начнет искать наркоту?[108] А? Нам только этой разлюли-малины не хватало для полного

[108] notes: 108

На таком автобусе разъезжала в свое время по Америке «хиппующая» компания во главе с Кеном Кизи, устраивая вечеринки с приемом ЛСД. Эта поездка описана в нашумевшем в свое время документальном романе Тома Вулфа «Электропрохладительный кислотный тест». Еще более прямая — хотя и куда более скользкая — ассоциация возникает с так называемой «Семьей Мэнсона», тоталитарной хипстерской коммуной, которая какое-то время разъезжала по западным штатам на разукрашенном во все цвета радуги автобусе марки «Фольксваген».

счастья. Надо слиться с пейзажем, а не торчать у всех на виду.

Бородач отпер дверь автобуса.

— Они только глянут на вас, поймут, что вы не хиппи, и пожелают вам доброго пути. Лучшего способа замаскироваться вам не найти. К тому же ничего другого я все равно не смог найти за такое короткое время.

Чернобог, кажется, собирался еще поскандалить, но тут инициативу мягко взял в свои руки мистер Нанси.

— Элвис, ты оказал нам неоценимую услугу. Мы очень тебе признательны. Да, и вот еще — ту, прежнюю машину нужно отогнать назад, в Чикаго.

— Мы оставим ее в Блумингтоне, — сказал бородач. — Волки сделают свою работу. Ни о чем не беспокойся.

Он снова повернулся лицом к Тени.

— Еще раз — разделяю твою боль, и прими уверения в дружбе. Удачи. И если бдение выпадет на твою долю, сочувствую — и восхищаюсь тобой. — Он пожал Тени руку своей лапищей, больше похожей на перчатку бейсбольного кэтчера. Рука у Тени хрустнула. — Передай его телу, когда увидишься с ним. Передай ему, что Альвис,

сын Виндалфа,[109] веры своей не предаст.

В салоне «Фольксвагена» пахло пачулями, ладаном и сигарным табаком. Стены и пол были оклеены выцветшим розовым ковролином.

— И кто это был? — спросил Тень, выведя машину с автостоянки и с грохотом переключив передачу.

— Он сам тебе сказал — Альвис, сын Виндалфа. Король гномов. Самый большой, самый могучий и самый славный из всего гномьего народа.

— Да какой же он гном?! — удивился Тень. — Сколько в нем росту, сто семьдесят четыре? Сто семьдесят семь?

— Вот именно. Для гнома — рост гигантский, — подал голос откуда-то сзади Чернобог. — Самый высокий гном во всей Америке.

— А что такое он говорил насчет бдения? — поинтересовался Тень.

Оба старика промолчали. Тень посмотрел на мистера Нанси, который усердно глядел в окошко.

---

[109] notes: 109

Альвис — один из персонажей северо-германской мифологии. Имя можно буквально перевести как «Всезнайка». Посватался к дочери бога Тора, но Тор, который не хотел подобного мезальянса, заставил его разгадывать загадки — на что тот с радостью согласился — до самой зари, когда от первых лучей солнца «бледный карлик» превратился в камень. Строго говоря, северо-германские альвы, белые или черные, непохожи на средне-германских гномов.

— Ну? Он сказал про какое-то бдение. И вы оба его слышали.

Откликнулся Чернобог, с заднего сиденья.

— Тебе не обязательно это делать, — сказал он.

— Что делать?

— Брать бдение на себя. Он вообще чересчур разговорчив. Все гномы такие: говорят, говорят… Чушь все это. Выкинь из головы.

Путешествие на юг было — как путешествие во времени. Снега мало-помалу становилось все меньше, и на следующее утро, когда автобус въехал в Кентукки, он исчез вовсе. В Кентукки зима уже кончилась, и приближалась весна. Тень начал прикидывать, нельзя ли вывести на сей счет какое-нибудь подходящее уравнение — скажем, проедешь лишние пятьдесят миль к югу, и уйдешь на день в будущее. Он бы с радостью поделился с кем-нибудь этим открытием, но мистер Нанси спал на пассажирском сиденье рядом с ним, а сзади, из салона, раздавался неумолчный храп Чернобога.

Здесь и сейчас время казалось Тени фикцией, которую можно лепить как угодно, по своему усмотрению, — иллюзией, которая стоит перед глазами, пока он ведет машину. Он поймал себя на том, что пристально вглядывается в попа-

дающих время от времени в поле его зрения животных: он присматривался к воронам, которые на обочине, а то и прямо посреди дороги расклевывали всяких раздавленных машинами тварей; стаи птиц выстраивались в небе в строчки, которые еще чуть-чуть — и можно было бы прочесть; кошки внимательно смотрели на него с заборов или с лужаек перед придорожными домами.

Чернобог всхрапнул громче обычного, проснулся и медленно перевел себя в вертикальное положение.

— Странный сон мне снился, — сказал он. — Снилось, будто на самом деле я и есть Белобог. Что испокон веков весь мир считал, что нас двое, бог светлый и бог темный, а теперь, когда мы оба состарились, я и выяснил, что все это время был один, за двоих, одаривал их, и сам же у них дары свои отнимал.

Он оторвал от сигареты фильтр, сунул ее в рот и прикурил.

Тень опустил у себя ветровое стекло.

— Рак легких заработать не боитесь? — спросил он.

— Я *и есть* рак, — отозвался Чернобог. — И самого себя бояться не привык.

Проснулся и Нанси:

— Существа нашей природы раком не болеют. А также атеросклерозом, болезнью Паркинсона или сифилисом. Нас убить не так-то просто.

— Ну, Среду они тем не менее убили, — отрезал Тень.

Он заехал на заправочную станцию, а потом остановился у соседнего ресторанчика: ранний завтрак. Как только они вошли, таксофон у входа принялся трезвонить.

Пожилая женщина, читавшая дешевое издание «Что нужно было сердцу моему» Дженни Кертон, с кислой улыбкой приняла у них заказ. Потом вздохнула, подошла к телефону, сняла трубку и сказала:

— Да.

И тут же, оглянувшись через плечо, добавила:

— Ага. Вроде как здесь они. Не вешайте трубку, — и вернулась к стойке, к мистеру Нанси.

— Это вас, — сказала она.

— Понятно, — сказал мистер Нанси. — Да, вот еще что, мэм, постарайтесь, чтобы картошечка у вас подрумянилась на славу. И хрустела. Пусть даже подгорит немного.

Он подошел к телефону:

— На проводе, — сказал Нанси.

— А с чего это вы решили, что я настолько глуп, чтобы доверять вам? — сказал он.

— Найду, конечно, — сказал он. — Я знаю это место.

— Да, — сказал он. — Естественно, он нам нужен. И вы знаете, что он нам нужен. А я знаю, что вам нужно от него избавиться. Так что не парьте мне мозги!

Он повесил трубку и вернулся за столик.

— Кто это? — поднял голову Тень.

— Он не представился.

— И что им нужно?

— Они предлагают перемирие, чтобы передать нам тело.

— Лгут как всегда, — сказал Чернобог. — Заманить хотят, а потом прихлопнут. Так же, как Среду. Я сам когда-то выкидывал такие фокусы, — добавил он и погрузился в мрачное молчание.

— Речь шла о нейтральной территории, — сказал Нанси. — По-настоящему нейтральной.

Чернобог хохотнул. Звук был такой, будто металлический шарик катается по высохшему черепу.

— И я так говорил когда-то, *точно так же*. Приходите на нейтральную территорию, говорил я, а потом ночью мы подбирались незаметно и

убивали всех! Славные были времена.

Мистер Нанси пожал плечами. Потом сунул в рот несколько коричневых, прожаренных насквозь ломтиков картофеля и с довольным видом улыбнулся:

— Мм-мм. Прекрасная получилась у вас картошечка! — сказал он.

— Этим людям нельзя доверять, — сказал Тень.

— Слушай сюда. Я старше тебя, и умнее тебя, и выгляжу лучше, чем ты, — проговорил мистер Нанси, отчаянно выстукивая донышко бутылочки с кетчупом и сплошь заливая соусом свою подгорелую картошку. — Я за вечер могу трахнуть больше телок, чем ты за целый год. Я танцую как ангел, дерусь как медведь, которого загнали в угол, на хитрости горазд пуще старого лиса, пою как соловей…

— А сказать-то вы, собственно, хотели…

Карие глаза Нанси внимательно посмотрели в глаза Тени.

— Что им от тела избавиться нужно ничуть не меньше, чем нам — его заполучить.

Чернобог сказал:

— Нет таких нейтральных мест.

— Есть такое место, — сказал мистер Нанси. — Это — центр.

Определить точное местонахождение центра чего бы то ни было — задача по меньшей мере не из легких. А если речь идет о живых — о людях, скажем, или о континентах, — она и вовсе переходит в разряд сугубо гипотетических. Где, к примеру, центр у человека? А где центральная точка сна? А в случае с континентальной частью Соединенных Штатов — следует учитывать при поиске центра Аляску или не стоит? А Гавайи?

В самом начале двадцатого века был изготовлен из картона огромный макет США, основных сорока восьми штатов, и для того, чтобы найти центральную точку, его пытались уравновесить на острие булавки, пока не нашли одно-единственное место, в котором подобное равновесие было возможно.

Как приблизительно и предполагалось заранее, точный географический центр континентальной части Соединенных Штатов располагался в нескольких милях от города Ливан, штат Канзас, и приходился на свиноферму Джонни Гриба. К началу тридцатых жители города Ливан дозрели до того, чтобы соорудить в самом центре свинофермы подобающий монумент, но Джонни Гриб заявил им на это, что на фиг ему не надо, чтобы сюда приезжали миллионы туристов, топтались

по всей округе и пугали чушек, так что монумент в ознаменование географического центра Соединенных Штатов в итоге был сооружен в двух милях к северу от города. Отсюда к нему проложили асфальтовую дорогу, после чего, в ожидании небывалого наплыва туристов, даже построили возле монумента мотель. И стали ждать.

Но туристы так и не приехали.

Теперь это место представляет собой запущенный маленький парк с шаткой часовенкой, в которой не поместилась бы даже самая скромная погребальная процессия, — и с мотелем, окна которого похожи на глаза мертвеца.

— Вот по этой самой причине, — констатировал мистер Нанси, как раз когда они въезжали в Гуманвиль, штат Миссури (нас. 1084 чел.), — точный центр Америки и представляет собой убогий парк, пустую церквушку, кучку камней и развалины мотеля.

— Свиноферму, — буркнул Чернобог. — Ты только что сказал, что настоящий центр Америки — это свиноферма.

— Не то важно, где он на самом деле, — сказал мистер Нанси. — А то важно, где он находится с *людской* точки зрения. В любом случае, точка эта — воображаемая. Именно поэтому она так и

важна. Народ — он только за воображаемые вещи и готов идти в бой.

— Такой народ, как я? — поинтересовался Тень. — Или вроде вас народ?

Нанси смолчал. Чернобог издал звук, который можно было принять за смешок, а можно — и за фырканье.

Тень попытался поудобнее устроиться в задней части автобуса. Но поспать получилось всего ничего. Было странное ощущение неудобства в районе желудка. Хуже, чем бывало в тюрьме, и даже хуже, чем тогда, когда Лора рассказывала про ограбление. Скверный знак. Шею покалывало, плюс общее муторное состояние, а еще — несколько раз на него волнами накатывал страх.

Мистер Нанси остановился в Гуманвиле и припарковался возле супермаркета. Вдвоем с Тенью они зашли в магазин. Чернобог остался на стоянке, с неизменной сигаретой в зубах.

Светловолосый молодой человек, совсем еще мальчик, перекладывал на полках коробки с сухими завтраками.

— Привет, — сказал мистер Нанси.

— Привет, — откликнулся молодой человек. — Это правда, я так понимаю? Они его убили?

— Да, — сказал мистер Нанси. — Они его убили.

Молодой человек рубанул рукой по коробкам, и несколько штук отлетело к дальней стенке стеллажа.

— Им кажется, что нас можно давить как тараканов, — сказал он. — Но мы ведь не тараканы, правда? Мы кусаемся.

— Нет, — сказал мистер Нанси. — Мы не тараканы.

— Я там буду, сэр, — сказал молодой человек, и его светло-голубые глаза полыхнули огнем.

— Да-да, я знаю, Гвидион,[110] я знаю, — сказал мистер Нанси.

Мистер Нанси купил несколько больших бутылок «Ройал Краун колы», упаковку туалетной бумаги в шесть рулонов, коробку каких-то подозрительного вида серных сигарок, связку бананов и пачку жвачки, «Даблминт».

— Он славный мальчик. Появился в седьмом веке. Валлиец.

Автобус зигзагами шел сперва на запад, потом на север. Весна опять понемногу превратилась в вялое охвостье зимы. Канзас тянулся бесконеч-

---

[110] notes: 110
Гвидион — в валлийском эпосе ведун и волшебник.

ной серой лентой: одинокие облака, пустые окна, потерянные человеческие души. Тень навострился ловить радиостанции, мастерски лавируя между запросами мистера Нанси, которому нравились всякие обсуждаловки и танцевальная музыка, и Чернобогом, который предпочитал музыку классическую, и чем мрачнее, тем лучше, с гарниром из евангелистских радиостанций самого что ни на есть крайнего толка.

Ближе к вечеру они остановились, по просьбе Чернобога, на окраине Черривейла,[111] штат Канзас (нас. 2464 чел.). Чернобог привел их на луг, начинавшийся сразу за крайними домами. В тени деревьев все еще лежал снег, и трава была цвета высохшей глины.

— Подождите меня здесь, — сказал Чернобог и вышел, один, на самую середину луга.

Какое-то время он просто стоял, на холодном февральском ветру. Потом вдруг опустил голову — и начал размахивать руками.

— Такое впечатление, что он с кем-то разговаривает, — заметил Тень.

— С призраками, — сказал мистер Нанси. — Его раньше почитали в этом месте, больше ста лет

---

[111] notes: 111

Букв. «Вишневая долина». Возможна ассоциация с «Вишневым садом».

тому назад. Приносили кровавые жертвы, возлияния, так сказать, — посредством молота. А потом, по прошествии времени, местные жители смекнули, что слишком много странников, которые проезжали через город, куда-то пропадают по дороге. А на этом лугу зарыто несколько тел.

Чернобог вернулся с луга. Усы у него потемнели, и среди спутанных седых косм появились черные пряди. Он улыбнулся, показав железный зуб.

— Вот теперь совсем другое самочувствие. Ах-х-х! Все-таки есть такие вещи, которые держатся долго, а дольше всего держится кровь.

Они пошли обратно, по окраине луга, туда, где оставили автобус. Чернобог прикурил сигарету, но больше уже не кашлял.

— Они это молотом делали, — сказал он. — Вотан, ему подавай виселицы да копья, а по мне, так есть одна надежная вещь…

Он выставил желтый от никотина палец и постучал им, довольно чувствительно, Тени по лбу, по самой середине.

— Очень вас прошу, давайте без этого, — вежливо сказал Тень.

— *Очень вас прошу, давайте без этого*, — передразнил его Чернобог. — В один прекрасный день я достану свой молот и сделаю с тобой кое-что

похуже этого, да, дружок, не забыл?

— Не забыл, — ответил Тень. — Но если вы сделаете это еще раз, я сломаю вам руку.

Чернобог фыркнул. А потом сказал:

— Они должны быть благодарны, эти местные. Такая сила здесь витает! Даже через тридцать лет после того, как они вынудили моих людей уйти в подполье, здешняя земля, вот эта самая земля, породила величайшую актрису всех времен и народов. Величайшую.

— Джуди Гарленд?[112] — спросил Тень.

Чернобог резко мотнул головой.

— Он имеет в виду Луиз Брукс,[113] — сказал мистер Нанси.

Тень почел за лучшее не спрашивать, кто такая Луиз Брукс. А вместо этого сказал:

— Но послушайте, когда Среда пошел с ними

---

[112] notes: 112

Джуди Гарленд (наст. имя Фрэнсис Этель Гамм, 1922–1969) — американская актриса и певица, самая известная роль которой — Дороти в фильме «Волшебник страны Оз» (1939). Мать актрисы и певицы Лайзы Минелли. Джуди Гарленд родилась в Гранд-Рапидс, Миннесота.

[113] notes: 113

Луиз Брукс (Мэри Луиз Брукс, 1906–1985) — выдающаяся актриса американского и немецкого немого кино, снималась в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Создала яркий и стильный женский образ, главная черта которого — короткое каре, «черный шлем» — навсегда осталась ее визитной карточкой. После того как фильмы с ее участием заново открыли в 1950-х годах (прежде всего во Франции), ее начали ставить чуть ли не выше Греты Гарбо и Марлен Дитрих.

на переговоры, они тоже обещали соблюдать перемирие.

— Ну да.

— А теперь мы собираемся получить у них тело Среды, и они опять обещают соблюдать перемирие.

— Ну да.

— И при этом нам прекрасно известно, что они с удовольствием убили бы меня или как-то иначе убрали с дороги.

— Они бы с удовольствием убили нас всех, — сказал мистер Нанси.

— Я никак не могу взять в толк — так с чего мы решили, что на этот раз они действительно будут перемирие соблюдать, если в случае со Средой вышло наоборот?

— Вот именно поэтому, — сказал Чернобог, — мы и встречаемся с ними в центре. Это… — Он нахмурился. — Какое там есть слово подходящее? Ну как «священное», только наоборот.

— Мирское, — не задумываясь предложил свой вариант Тень.

— Да нет, — поморщился Чернобог. — Я имею в виду, когда место свято в гораздо меньшей степени, чем все остальные места, даже самые обыкновенные. Такая негативная, что ли, свя-

тость. Место, в котором никто и никогда не станет строить храм. Место, в которое люди ни за что на свете не поедут, а если и приедут ненароком, то поспешат убраться отсюда как можно скорее. Место, в которое бога можно затащить разве что на аркане.

— Тогда не знаю, — сказал Тень. — Наверное, просто нет в языке такого слова.

— Это вообще всей Америке свойственно, в какой-то степени, — сказал Чернобог. — Поэтому нам здесь и не слишком уютно. Но центр… — Чернобог повел плечами. — Центр хуже всего. Как минное поле. Мы все туда и заходим-то на цыпочках, не то что договоры нарушать.

Они как раз дошли до автобуса. Чернобог похлопал Тень по плечу.

— Ты не переживай, — сказал он. — Никто тебя не убьет. Никто, кроме меня.

Центр Америки Тень отыскал в тот же вечер, в сумерках, на невысоком холме к северу от Ливана. Он проехал вокруг небольшого, раскинувшегося по склону холма парка, мимо крохотной передвижной часовенки и каменного монумента, а потом, когда увидел одноэтажный, пятидесятых годов двадцатого века постройки мотель, на душе у него стало совсем тускло. Перед мотелем был

припаркован черный армейский «Хаммер». Если обычный джип отразить в кривом зеркале, получилось бы то ж на то ж: такая же приземистая, уродливая тупоносая гробина, только пулемета на крыше не хватает. Света в окнах здания не было.

Они остановились у мотеля, и тут же из его дверей в свете автобусных фар вышел человек в шоферской униформе и кепке. Он вежливо приложил руку к козырьку, сел в «Хаммер» и уехал.

— Тачка большая, да хрен маленький, — откомментировал мистер Нанси.

— Может, у них тут еще и кровати есть? — спросил Тень. — Я уже лет сто не спал в нормальной кровати. А у этого заведения такой вид, будто оно хоть сейчас под снос.

— Владеет им ассоциация охотников Техаса, — сказал мистер Нанси. — Приезжают сюда раз в год. На кого они здесь охотятся, представить себе не могу. Но по крайней мере благодаря им дом до сих пор хоть как-то держится.

Они выбрались из автобуса. На ступеньках мотеля их ждала женщина, которую Тень видел впервые в жизни. Тщательно накрашенная, тщательно уложенная. И похожая разом на всех телеведущих, которых он за свою жизнь нави-

дался, включая по утрам телевизор, всех тех, что сидели в студиях, никоим образом не похожих на нормальное человеческое жилье.

— Какая приятная встреча, — сказала женщина. — *Вы*, должно быть, Чернобог. Весьма наслышана. А *вы* — Ананси, вечный выдумщик, не так ли? Ах вы, старый *проказник*. А ты, ты, надо понимать, Тень. Ну, должна сказать, пришлось же нам за тобой побегать! — Она взяла его за руку, крепко пожала и посмотрела прямо в глаза. — А я Медиа. Рада познакомиться. Надеюсь, сегодняшнее мероприятие пройдет под знаком взаимного *уважения* и согласия.

Парадная дверь открылась.

— Складывается такое впечатление, Тото, — сказал жирный молодой человек, которого Тень в последний раз видел в лимузине, — будто мы уже и не в Канзасе.

— Мы в Канзасе, — сказал мистер Нанси. — Такое впечатление, что за сегодня мы его весь проехали, насквозь. Ну, я вам скажу, и плоские здесь у них места.

— В этом заведении нет ни света, ни электричества, ни горячей воды, — сказал жирный молодой человек. — А вам, ребята, — безо всяких обид, горячая вода никак бы не помешала. Воняет от вас,

будто вы неделю из своего автобуса не вылезали.

— Мне кажется, нет *никакой* необходимости вдаваться в такие подробности, — изящно перехватила инициативу женщина. — Мы ведь все здесь друзья. Входите, не стесняйтесь. Мы вам покажем ваши комнаты. *Мы* заняли первые четыре номера. В пятом — ваш покойный друг. А те, что за пятым номером, — свободны. Выбирайте. Боюсь, это не отель «Четыре сезона», но, с другой стороны — разве на самом деле *бывают* такие отели?

Она открыла и подержала для них дверь. В холле пахло плесенью, сыростью, пылью и тлением.

Там, почти в полной темноте, сидел еще один человек.

— Что ребята, проголодались? — спросил он.

— Я всегда не прочь перекусить, — тут же отозвался мистер Нанси.

— Шофер как раз поехал за гамбургерами, — сказал человек. — Скоро должен вернуться. — Он поднял голову. Было слишком темно, чтобы разглядеть лица вошедших, но тем не менее он сказал: — А, громила! Ты и есть Тень, я правильно понимаю? Тот самый мудак, который убил Лесса и Камена?

— Ошибаешься, — сказал Тень. — Их убил не я.

А я тебя тоже знаю. — Он и в самом деле знал этого человека. Он был у него в голове. — Ты Градд. Ну как, уже успел переспать со вдовой покойного мистера Лесса?

Мистер Градд упал со стула. В кино эта сцена, пожалуй, выглядела бы забавно; в реальной жизни получилось просто неловко. Он тут же вскочил и двинулся на Тень. Тень посмотрел на него сверху вниз и сказал:

— Не начинай ничего такого, чего не готов довести до конца.

Мистер Нанси положил Тени руку на плечо.

— Не забывай про перемирие, — сказал он. — Мы в центре.

Мистер Градд сделал шаг назад, перегнулся через стойку и достал три ключа.

— Ваши номера в конце коридора, — сказал он. — Держите.

Он вручил ключи мистеру Нанси и ушел в темноту. Было слышно, как сперва отворилась, а потом с грохотом захлопнулась дверь номера.

Мистер Нанси отдал один ключ Тени, другой Чернобогу.

— А в автобусе у нас есть фонарик? — спросил Тень.

— Нет, — ответил мистер Нанси. — Но это же

всего-навсего темнота, и ничего больше. Не нужно бояться темноты.

— Я и не боюсь, — сказал Тень. — Я боюсь тех людей, которые ходят в темноте.

— Темнота — это здорово, — сказал Чернобог. Похоже, во тьме он видел как днем. Он уверенно провел их по темному коридору, и ключи в замки вставлял точным уверенным движением.

— Мой будет десятый, — объявил он. А потом добавил: — Медиа. Кажется, что-то я о ней слышал. Это не та особа, что убила собственных детей?

— Это другая женщина, — сказал мистер Нанси. — Но разница невелика.[114]

Сам мистер Нанси занял восьмой номер, Тени досталась комната напротив — девятая. В ней тоже пахло сыростью, было пыльно и пусто. У стенки стояла кровать с матрасом, но без постельного белья. За окном еще светили поздние сумерки, и кое-что все-таки можно было различить. Тень сел на матрас, скинул туфли и вытянулся во весь рост. За последние несколько дней он слишком много времени провел за рулем.

Кажется, он все-таки заснул.

Он шел пешком.

---

[114] notes: 114
Мистер Нанси, естественно, имеет в виду Медею.

Холодный ветер рвал на нем одежду и бросал в лицо снежинки, крохотные и легкие, больше похожие на хрустальную пыль.

Еще были деревья, голые и безлистые, потому что зима. И высокие холмы, по обе стороны. Стоял ранний зимний вечер: небо и снег были одинаково глубокого пурпурного цвета. Где-то впереди — при таком освещении расстояние угадать было трудно — плясали языки костра, оранжевые и желтые.

Впереди, хрустко ступая по снегу, шел серый волк.

Тень остановился. Волк тоже остановился, обернулся и стал ждать. Один его глаз блеснул желто-зеленой искрой. Тень пожал плечами и снова пошел в сторону костра, и волк тут же тронулся с места.

Костер горел посреди рощи. Деревьев было, должно быть, около сотни, и они росли двумя ровными рядами. С них свисали какие-то темные фигуры. Там, куда вела эта аллея, было здание, похожее на перевернутый вверх дном корабль. Оно было деревянное, сплошь покрыто резьбой и буквально кишело деревянными тварями и деревянными лицами — драконы, грифоны, тролли и вепри — и все они плясали в неровных отсветах

пламени.

Костер был настолько жаркий, что Тень даже близко к нему подойти был не в состоянии. Волк обошел это пожарище стороной и скрылся.

С другой стороны костра вместо волка вышел человек, опираясь при ходьбе о высокий посох.

— Ты в Уппсале, в Швеции, — сказал человек знакомым скрипучим голосом. — Лет этак с тысячу тому назад.

— Среда? — спросил Тень.

Человек продолжал говорить так, словно Тени вообще здесь не было.

— Поначалу каждый год, потом, позже, когда пошла гниль и люди стали вялыми, каждые девять лет, они приносили здесь жертвы. Жертву девяти. Каждый день, девять дней кряду, они вешали на этих деревьях по девять животных. И одним из этих животных всегда был человек.

Он пошел от костра прочь, к деревьям, и Тень двинулся следом. По мере того, как деревья становились ближе, у висевших на них фигур начали проступать отдельные детали: ноги и глаза, языки и головы. Тень покачал головой: повешенный на дереве за шею бык представлял собой зрелище кошмарное, но при этом настолько нелепое, что невольно хотелось улыбнуться. Тень прошел

мимо повешенного оленя, мимо собаки-волкодава, бурого медведя, гнедого коня с белой гривой размером разве чуть больше пони. Пес был все еще жив: каждые несколько секунд он подергивался на своей веревке и издавал придушенные скулящие звуки.

Человек, что шел впереди, перехватил свой посох, на поверку оказавшийся, как только теперь понял Тень, копьем, и одним-единственным режущим ударом, сверху вниз, распорол псу брюхо. На снег вывалились дымящиеся кишки.

— Я посвящаю эту смерть Одину, — торжественно возгласил человек. — Это всего лишь жест, — продолжил он, обернувшись к Тени. — Но жесты и есть самое главное на свете. Смерть одной собаки символизирует смерть всех собак. Девять человек они мне дали, но эти девять представляют все человечество, всю кровь, всю власть. Но и этого было мало. Однажды кровь перестала течь. А вера без крови — что в ней толку. Кровь должна литься потоком.

— Я видел твою смерть, — сказал Тень.

— В делах богов, — сказала темная фигура с копьем, и теперь Тень окончательно уверился, что перед ним Среда, поскольку больше ни за кем он не замечал этого циничного и радостного

драйва в каждом сказанном слове, — не смерть важна. Важна возможность воскреснуть. А когда кровь льется ручьем…

Он обвел рукой людей и животных, что висели на деревьях.

Тень никак не мог решить для себя, что ужаснее — повешенные люди или повешенные животные. Люди по крайней мере знали, на что шли. Густой запах алкоголя, исходивший от их тел, свидетельствовал о том, что по дороге к виселице им дали одурманить себя до бесчувствия, тогда как животных просто вздернули, живых и напуганных. Лица у повешенных людей были сплошь молодые: ни единого мальчика старше двадцати.

— А я кто такой? — спросил Тень.

— Ты? — переспросил человек. — Ты — это возможность. Ты был частью великой традиции. Хотя мы оба с тобой преданы этому делу настолько, что готовы за него умереть. Так?

— А ты кто такой? — спросил Тень.

— Просто умереть и все — вот что самое трудное, — сказал человек. Костер, — а Тень вдруг со смутным чувством ужаса заметил, что горели в нем человеческие остовы: грудные клетки и черепа с пышущим из глазниц пламенем там и сям

высовывались из огненной груды, потрескивали и смотрели на него, выстреливая то и дело во тьму разноцветными, похожими на трассирующие пули искрами, зелеными, желтыми и синими — и все это полыхало, сияло и ревело. — Три дня на дереве, три в подземном царстве, три — на то, чтобы найти обратную дорогу.

Пламя вспыхнуло настолько отчаянным и жарким вихрем, что Тени пришлось отвести глаза и посмотреть во тьму, сгустившуюся вокруг деревьев.

Стук в дверь — теперь в окошко светила луна. Тень дернулся во сне и сел на кровати.

— Ужин на столе, — пропел под дверью голос Медиа.

Тень надел туфли, подошел к двери, открыл ее и выглянул в коридор. Кто-то уже успел найти и зажечь свечи: в холле тускло мерцал неровный желтоватый свет. Водитель «Хаммера» открыл входную дверь, неся перед собой картонный поднос и большой бумажный пакет. Не нем были длинное черное пальто и шоферская фуражка.

— Извините, задержался, — хриплым голосом сказал он. — Я всем купил одно и то же: пару бургеров, большой пакет картошки, большую колу и яблочный пирог. Сам я поем в машине.

Он оставил еду на столе и двинулся к выходу. Комнату наполнил запах фастфуда. Тень взял бумажный пакет и принялся раздавать еду, салфетки и пакетики с кетчупом.

Ели в полном молчании — только свечи потрескивали, и капал на пол воск.

Тень обратил внимание, что Градд все время на него поглядывал. Он слегка развернул стул, чтобы сидеть спиной к стене. Медиа ела свой гамбургер с салфеткой у самого рта и ежесекундно смахивала крошки.

— Ну вот. Великолепно. Бургеры почти совсем холодные, — сказал жирный молодой человек.

На нем по-прежнему были темные очки, что с точки зрения Тени было бессмысленно и нелепо — и без того в комнате полумрак.

— Прошу прощения за неудобство, — подал голос Градд. — Но ближайший «Макдональдс» аж в Небраске.

Они доели почти остывшие гамбургеры и картошку. Жирный молодой человек надкусил свой яблочный пирог, и начинка брызнула ему на подбородок. И оказалась, неожиданно для всех, горячей.

— Она же раскаленная! — воскликнул жирный. — Они, блядь, дождутся коллективного иска

в защиту потребителя!

Тени очень хотелось его ударить. Ему хотелось ударить этого парня с тех самых пор, когда тот натравливал на него своих горилл, тогда, в лимузине, после похорон Лоры. Он усилием воли отогнал от себя эту мысль.

— Может быть, вы просто выдадите нам тело Среды, и мы уедем отсюда? — спросил он.

— В полночь, — в один голос ответили мистер Нанси и жирный молодой человек.

— Такого рода вещи нужно делать по правилам, — сказал Чернобог.

— Ну да, конечно, — сказал Тень. — Вот только никто не потрудился объяснить мне эти правила. Вы все только и знаете, что твердить об этих сраных правилах, а я даже не знаю, в какую игру вы тут играете.

— Это все равно, что разместить объявление на витрине, а потом не соблюдать указанные сроки, — сказала Медиа. — Ну, сам понимаешь. Объявили распродажу, люди пришли, а никакой распродажи нет.

Градд сказал:

— По мне, так вообще все это херня полная. Но если они так тащатся от этих своих правил, то и мое агентство тоже от них тащится, и всем

остальным советует. — Он отхлебнул колы. — Ровно в полночь. Вы забираете тело и сваливаете. Мы изображаем скорбно-блядь-умильные чувства и машем на прощание ручкой. А потом опять открываем охоту на крыс, которыми вы, собственно, и являетесь.

— Да, кстати, — сказал Тени жирный молодой человек. — Это мне кое о чем напомнило. Я велел тебе передать твоему бывшему боссу, что его дело прошлое. Ты передал?

— Передал, — ответил Тень. — И знаешь, что он сказал в ответ? Он велел передать этому вшивому сопляку, если я еще когда-нибудь его увижу, чтобы тот не забывал: сегодня — будущее, а назавтра уже прошлое.

Среда никогда ничего подобного не говорил. Но эта публика, судя по всему, обожает штампованные фразы. Черные очки сверкнули на него отраженными огоньками свечей — совсем как настоящие глаза.

Жирный молодой человек сказал:

— Такая, блядь, сырость здесь! И электричества нет. И вне доступа. А если ты ни к чему не можешь подключиться, это полная труба — хуже чем в каменном веке.

Он высосал через соломинку остатки колы,

небрежно уронил стакан на стол и пошел прочь, к себе в комнату.

Тень протянул руку, собрал оставленный жирным мусор и сложил его в большой бумажный пакет.

— Пойду погляжу на центр Америки, — сказал он так, чтобы его слышали все, после чего встал и вышел. Мистер Нанси двинулся за ним следом. Они прошли через маленький парк и не сказали ни слова, пока не дошли до каменного памятника. Ветер явно играл с ними, налетая то с одной, то с другой стороны.

— Ну, — сказал Тень, — и что дальше?

Высоко в небе висела мертвенно-бледная половинка луны.

— А дальше, — ответил ему Нанси, — ты пойдешь к себе в комнату. Запрешь дверь. И постараешься немного поспать. В полночь они выдадут нам тело. А потом мы свалим отсюда к едрене фене. В центре у кого хочешь могут нервы сдать.

— Как скажете.

Мистер Нанси затянулся сигаркой.

— Ничего этого вообще не должно было произойти, — сказал он. — Ничего подобного. Существа, подобные нам, мы же… — он обвел сигаркой вокруг себя, словно выслеживая в темноте

нужное слово, а потом резко ткнул тлеющим кончиком вперед, — *...уникальны*, каждый сам по себе. Мы не любим общаться. Даже я этого не выношу. Даже Вакх. По крайней мере долгого общения. Мы гуляем сами по себе или живем маленькими замкнутыми группами. У нас все эти игры с другими не очень-то получаются. Нам нравится, когда нас чтят, и уважают, и приносят подношения — лично мне нравится, когда про меня рассказывают истории, байки, в которых речь идет о том, какой я умный. Я понимаю, что это мой недостаток, слабость, но такой уж я появился на свет. Нам нравится быть великими. А теперь настали иные времена, и мы народ маленький. Новые боги восстают, и умирают, и восстают снова. Но это не та страна, которая терпит богов подолгу. Брахма созидает, Вишну сохраняет, Шива разрушает и освобождает землю, дабы Брахма снова мог созидать.

— Что вы, собственно, хотите этим сказать? — спросил Тень. — Что война окончена? Битва уже состоялась?

Мистер Нанси хрюкнул.

— Ты что, умом двинулся? Они убили Среду. Они убили его и похваляются этим. Они раструбили об этом на всю страну. Они показали это по

всем каналам, чтобы каждый, у кого есть глаза, узрел и понял. Нет, Тень. Все только начинается.

Он нагнулся к подножию каменного монумента, загасил сигарку и оставил ее там, словно приношение.

— Раньше все у вас было с шуточками и прибауточками, — сказал Тень. — А теперь стало совсем всерьез.

— Трудно раскрутить себя на хорошую шутку в такие времена. Среда мертв. Ты в дом идешь?

— Немного погодя.

Нанси ушел в сторону мотеля. Тень вытянул руку и дотронулся до каменной поверхности памятника. Потом провел массивной ладонью по холодной бронзовой табличке. А потом развернулся и вошел в крохотную белую часовенку, прямо в незапертую дверь, в полную темноту. Он сел на ближайшую скамью, закрыл глаза, опустил голову и стал думать про Лору, и про Среду, и про то, что это вообще значит — быть живым.

Сзади раздался тихий щелчок и шорох подошвы о землю. Тень выпрямился и обернулся. В дверном проеме кто-то стоял, темный силуэт на фоне звездного неба. Луна сверкнула на каком-то металлическом предмете.

— Что, стрелять в меня будешь? — спросил

Тень.

— О, господи — да я бы с радостью, — сказал мистер Градд. — Хотя бы в порядке самообороны. Ты что тут, молишься? Они и тебя на божественный лад настроили? Никакие они не боги.

— Я и не молился вовсе, — ответил Тень. — Так, решил подумать в одиночестве.

— Насколько я себе все это представляю, — продолжил Градд, — они нечто вроде мутантов. Кое-какие способности к гипнозу, еще там всякая фигня, и на тебе, люди уже готовы поверить во что угодно. В общем, не о чем письмо домой написать. Вот и все дела. По крайней мере, умирают они точно так же, как люди.

— Они всегда были смертны, — сказал Тень.

Он встал, и Градд тут же сделал шаг назад. Тень вышел из часовенки. Градд держался на почтительном расстоянии.

— Слушай, — спросил Тень, — а ты не в курсе, кто такая была Луиз Брукс?

— Это что, подружка твоя?

— Да нет. Киноактриса. Родилась в этом городишке, к югу отсюда.

Градд помолчал немного.

— Может, она имя сменила, и стала, там, Лиз Тейлор или Шэрон Стоун, или еще кем-нибудь, —

беспомощно сказал он.

— Может, оно и так. — Тень двинулся обратно к мотелю. Градд шел параллельным курсом.

— Тебе в тюряге самое место, — сказал мистер Градд. — Самое место и есть — причем в камере смертников.

— Я твоих сотрудников не убивал, — сказал Тень. — Но вот что я тебе скажу, а вернее, передам одну вещь, которую сказал мне один человек, там, в тюрьме. И которую я запомнил на всю жизнь.

— И что он тебе такого сказал?

— Во всей Библии Иисус только одному парню пообещал место рядом с собой в раю. Не Петру, не Павлу, и никому из всех этих ребят. А вору, приговоренному к смертной казни, которого распяли вместе с ним. Так что не трогай ребят из камеры смертников. Может, они знают что-то такое, чего не знаешь ты.

Возле «Хаммера» стоял шофер.

— Доброй ночи, джентльмены, — сказал он, когда они проходили мимо.

— Доброй ночи, — ответил мистер Градд. А потом сказал, обращаясь к Тени. — Да мне, по большому счету, на все это насрать. Мне что мистер Мирр говорит, то я и делаю. Так оно спокойнее.

Тень свернул в коридор и остановился у двери в комнату номер девять.

Он отпер дверь, вошел, и тут же запнулся в дверях:

— Извините. Мне показалось, это моя комната.

— Это и есть твоя комната, — сказала Медиа. — Я тебя ждала.

В лунном свете он видел ее волосы, ее бледное лицо. Она сидела на кровати в изящно-продуманной позе.

— Я найду другую комнату.

— Я надолго не задержусь, — сказала она. — Мне просто показалось, что сейчас самый подходящий момент, чтобы сделать тебе *предложение*.

— Хорошо. Делайте ваше предложение.

— Расслабься, — сказала она. — А то у тебя такой вид, будто ты кол проглотил. Послушай, Среда *мертв*. Ты уже никому ничего не должен. Переходи к нам. *Самое время перейти на сторону той команды, которая одержит победу.*

Тень молчал.

— Мы можем сделать тебя *знаменитым*, Тень. Мы можем дать тебе власть над тем, во что люди верят, что они говорят, что носят, над тем, что им снится во сне. Хочешь стать следующим Кэри

Грантом?[115] Мы можем сделать из тебя хоть еще один «Битлз».

— Мне больше нравилось, когда вы предлагали мне посмотреть на сиськи Люси, — сказал Тень. — Если это, конечно, были вы.

— Ах вот как! — сказала она.

— Знаете, мне нужна моя комната. Спокойной ночи.

— Ну а еще, конечно, — сказала она, даже не пошевелившись, будто вообще его не слышала, — мы можем повернуть все совсем иначе. Мы можем устроить тебе настоящий *ад*. Ты навсегда останешься скверным анекдотом, Тень. Или тебя будут помнить как самое настоящее чудовище. Тебя будут помнить вечно — но только как Мэнсона[116] или Гитлера… как тебе *это* понравится?

— Простите, мэм, но что-то я подустал, — сказал Тень. — И был бы очень вам признателен, если

---

[115] notes: 115

Кэри Грант (наст. имя Арчибальд Александр Лич, 1904–1986) — известный американский актер британского происхождения. Снимался в фильмах «Филадельфийская история», «На север через северо-запад», «Поймай вора» и др. Признан Американским институтом кинематографии вторым (после Хамфри Богарта) «величайшим мужчиной-кинозвездой всех времен».

[116] notes: 116

Чарльз Миллз Мэнсон (р. 1934) — лидер тоталитарной хипстерской коммуны, так называемой «Семьи Мэнсона», которая в 1969 году совершила целый ряд жестоких убийств. Отбывает пожизненное заключение в Калифорнии.

бы вы освободили помещение прямо сейчас.

— Я могла целый мир бросить к твоим ногам, — сказала она. — Когда будешь подыхать в канаве, *вспомни* об этом.

— Запишу, чтобы не забыть, — сказал он.

После нее в комнате остался запах духов. Он лег на голый матрас и начал думать о Лоре, но о чем бы конкретном он ни пытался вспомнить — как Лора играет в летающую тарелку, как Лора ест суфле, прямо пальцами, как Лора смеется, демонстрируя экзотическое нижнее белье, которое она купила, когда помогала проводить съезд коммивояжеров в Анахайме — перед ним неизменно вставала одна и та же картинка: Лора берет в рот у Робби, и в это время в них врезается грузовик и сминает машину в лепешку. А потом приходили ее слова, и всякий раз от этих слов ему было больно.

Ты не мертвый, раздавался у него в голове тихий голос Лоры. *Но и в том, что ты жив, я тоже совсем не уверена.*

В дверь постучали. Тень встал и открыл. В коридоре стоял жирный молодой человек.

— Гамбургеры эти, — сказал он, — такая мерзость. Нет, ты прикинь! Пятьдесят миль до ближайшего «Макдональдса». Мне казалось, во

всем мире уже не осталось такого места, которое было бы в пятидесяти милях от «Макдональдса».

— Не номер у меня, а просто Центральный вокзал, — сказал Тень. — Ну ладно, давай попробую угадать. Ты готов предложить мне пожизненный бесплатный доступ к интернету, если я переберусь на твою сторону забора. Угадал?

Толстого молодого человека била дрожь.

— Нет. Ты уже труп, ты не в счет, — сказал он. — Ты животное — ты, блядь, просто книжка с картинками, на пергаменте, готическим шрифтом, черными чернилами и от руки. Ты даже при всем желании на гипертекст не тянешь. А я… Я синапс, при том, что ты — синопсис…

От него как-то странно пахнет, почувствовал вдруг Тень. В тюрьме напротив Тени сидел один чудак, фамилии которого Тень так никогда и не узнал. Однажды, ровно в полдень, он разделся до нитки и начал кричать, что ниспослан дабы вывести их всех отсюда, тех, кто этого достоин, подобно ему самому, и переправить на сияющем космическом корабле в чудесные места. Больше Тень его не видел. И от жирного молодого человека пахло сейчас точь-в-точь как от того чудика.

— Ты пришел по какому-то делу?

— Просто захотелось поговорить, — сказал

жирный молодой человек. Голос у него был — как собачонка скулит. — В комнате сидеть одному жуть берет. Вот и все. Просто *жуть* берет. Пятьдесят миль до ближайшего Макдональдса, ты можешь себе такое представить? Давай, я с тобой тут побуду, а?

— А как насчет твоих приятелей из лимузина? Тех, которые меня тогда били? Может, лучше их попросить, и они составят тебе компанию?

— Мальчики здесь не дееспособны. Мы в мертвой зоне.

Тень сказал:

— До полуночи далеко, а до рассвета еще дальше. У меня такое впечатление, что тебе не мешало бы отдохнуть. Мне уж точно не мешало бы.

Жирный молодой человек немного помолчал, кивнул и ушел в темноту.

Тень закрыл дверь и запер ее на ключ. А потом лег обратно на матрас.

Через несколько секунд поднялся шум. Какое-то время Тень соображал, в чем тут может быть дело, наконец встал, отпер дверь и вышел в коридор. Шумел жирный молодой человек, у себя в номере. Было такое впечатление, будто он швыряет об стенку что-то тяжелое, раз за разом. Самим собой и швыряет, подумал Тень. «Вот он

я!» — навзрыд кричал жирный. Или, может быть — «Животное!» — Тень сквозь всхлипы разобрать так и не смог.

— Тихо там! — проревел из свой комнаты Чернобог.

Тень вышел по коридору в холл, а потом и еще дальше — на улицу. Он устал от всего этого.

Шофер по-прежнему стоял у бронированного армейского «Хаммера», темный силуэт в высокой фуражке.

— Что, сэр, не спится? — поинтересовался он.

— Не спится, — согласился Тень.

— Сигарету, сэр?

— Да нет, спасибо.

— Вы не будете возражать, если я закурю?

— Валяйте.

Шофер прикурил от «биковской»[117] одноразовой зажигалки, и в желтоватом свете крохотного язычка пламени Тень увидел его лицо, впервые по-настоящему увидел и узнал — и до него начало доходить.

Это худое лицо было ему знакомо. Он уже знал, что под шоферской фуражкой будут коротко стриженные рыжие волосы, — так коротко, как

---

[117] notes: 117

Французская компания «Bic» специализируется на производстве одноразовых бытовых предметов.

только возможно. И знал, что когда этот человек улыбается, губы его пропадают в целой россыпи глубоких шрамов.

— Классно выглядишь, дылда, — сказал водитель.

— Ловкий?! — Тень, не веря собственным глазам, смотрел на бывшего сокамерника.

Тюремная дружба — славная штука: она не портится ни в дурных местах, ни в скверные времена. Но тюремная дружба остается по ту сторону от захлопнувшихся за твоей спиной тюремных ворот, и бывший тюремный кореш, который снова возник в твоей — уже вольной — жизни, это в лучшем случае весьма сомнительное удовольствие.

— Бог ты мой! Ловкий Космо Дей, — сказал Тень, а потом услышал сам себя и вдруг понял второй смысл только что произнесенных звуков.

— Локи, — сказал он. — Локи Кознодей.

— Медленно ты соображаешь, — сказал Локи. — Но в конечном счете верно.

И губы его сложились в густую сеточку шрамов, а в темных провалах глазниц заплясали раскаленные угли.

Они устроились в номере Тени, усевшись на разных концах матраса. Шум, который все это

время доносился из комнаты жирного молодого человека, постепенно затих.

— Тебе здорово повезло, что ты попал в одну камеру со мной, — сказал Локи. — Без меня ты бы и первого года отсидки не протянул.

— И ты все это время мог просто взять и уйти оттуда — в любой момент?

— Иногда бывает разумнее просто сесть на какое-то время и переждать, — он немного помолчал. — Постарайся понять одну вещь. Это никакая не магия, не волшебство. Все дело в том, чтобы оставаться самим собой, но только *таким*, в какого верят люди. Словно бы самую суть свою собрать воедино, сконцентрировать и увеличить во много раз. Так ты можешь стать громом, или мощью бегущего скакуна, или мудростью. Ты вбираешь в себя людскую веру и становишься больше, круче и — более человечным, чем сам человек. Ты кристаллизуешься. — Он снова немного помолчал. — А потом в один прекрасный день люди про тебя забывают, они перестают верить в тебя, перестают приносить жертвы, им нет до тебя дела, и — глядь — ты уже сшибаешь

на жизнь, играя в «монте»[118] на углу Бродвея и Сорок третьей.

— А почему ты оказался со мной в одной камере?

— Совпадение. Простое и незатейливое.

— А теперь ты у оппозиции за рулем.

— Можешь и так назвать, если тебе угодно. Все зависит от собственной позиции, не так ли? По моим прикидкам, так я за рулем у той команды, которая одержит верх.

— Но ведь ты и Среда, ведь вы с ним из одной, вы же оба…

— Северо-германский пантеон. Мы с ним оба из северо-германского пантеона. Ты это хотел сказать?

— Да.

— И что из того?

Тень поколебался.

— Вы, вероятно, были друзьями. Когда-то.

— Нет. Друзьями мы никогда не были. И мне ничуть не жаль, что он умер. Он тянул нас всех вспять, как гиря. Теперь его нет, и всей прочей

---

[118] notes: 118

Монте (three card monte) — мошенническая игра «на доверие», аналогичная «наперсткам». Нужно угадать одну из трех карт, которую неизменно угадывают напарники мошенника, но которую лох (mark) естественно, никогда не угадает.

братии придется принять факты такими, каковы они есть: изменись или умри, эволюция или вымирание. Его больше нет. Война окончена.

Тень озадаченно посмотрел на Локи.

— Ведь ты совсем не дурак, — сказал он. — Ты всегда подметки на ходу резал. Со смертью Среды ничего не изменилось. Наоборот, все те, кто раньше был ни рыба ни мясо, теперь точно знают, под какую музыку им плясать.

— Смешиваешь две метафоры в одну, Тень. Дурной вкус. Гляди, не то войдет в привычку.

— Да плевать, — сказал Тень. — Дела это не меняет. Господи боже мой! Да его смерть в единый миг сделала то, на что он безо всякого толку убил несколько месяцев. Она их объединила. Дала им что-то такое, во что они все могут верить.

— Может, оно и так, — Локи пожал плечами. — Насколько я понимаю, на этой стороне забора возобладало следующее мнение: убери смутьяна, и смута уляжется сама собой. Хотя — это не моего ума дело. Я просто — за рулем.

— Ты мне вот что еще скажи, — не унимался Тень. — Почему всем есть дело до моей скромной персоны? Они ведут себя так, будто на мне чуть не свет клином сошелся. Почему всем так важно, что я делаю и чего не делаю?

— А хрен его знает. Пока Среда был жив, ты ему зачем-то был нужен, и поэтому мы тоже были вынуждены с тобой считаться. А вот почему именно… скорее всего, перед нами в данном случае еще одна из маленьких тайн нашей жизни.

— Что-то устал я ото всех этих тайн.

— Да? А мне так кажется, что они делают мир не таким пресным. Вроде как соли добавить в варево.

— Так ты, значит, у них за шофера? Всех возишь, всю эту компанию?

— Тех, кому я в данный момент необходим, — сказал Локи. — На жизнь зарабатываю.

Он поднес к глазам циферблат наручных часов и нажал на кнопку: циферблат загорелся ровным голубоватым светом, подсветив ему лицо и придав этому лицу странное выражение — будто затравщик и затравленный зверь сошлись воедино.

— Без пяти двенадцать. Самое время, — сказал Локи. — Ты идешь?

Тень глубоко вздохнул.

— Иду, — сказал он.

Они пошли вдвоем по темному гостиничному коридору, пока не отыскали комнату номер пять.

Локи достал из кармана коробок и чиркнул спичкой. Огонек загорелся так ярко, что на долю секунды Тень даже почувствовал боль в глазах. Затрещал и занялся фитиль свечки. Потом еще один. Локи чиркнул следующей спичкой и пошел вокруг комнаты, зажигая свечные огарки, что стояли на подоконниках, спинке кровати и даже на раковине, в самом углу.

Кровать была отодвинута от стены и стояла в самой середине гостиничного номера, так что между ней и стенами с каждой стороны оставалось по нескольку футов свободного пространства. Кровать была застелена простынями, старыми гостиничными простынями, поеденными молью и покрытыми пятнами. На простынях совершенно неподвижно лежал Среда.

На нем был все тот же светлый костюм, как и в день, когда его убили. Правая сторона его лица была нетронута, в полном порядке, и даже без единого пятнышка крови. А вот левая представляла собой кровавое месиво, а левое плечо и левый борт пиджака — в россыпи темных пятен. Руки у него лежали по швам. На оставшейся половине лица выражение застыло далеко не самое умиротворенное: он явно был обижен — по-настоящему, до глубины души, исполнен

гнева, ненависти и ярости на грани бешенства. Но на каком-то другом уровне восприятия вид у него, тем не менее, был самодовольный.

Тень представил себе, как умелые руки мистера Шакеля разглаживают эту ненависть, изгоняют боль, заново воссоздают лицо Среды при помощи воска и специального макияжа — и сообщают ему те последние покой и достоинство, в которых даже и смерть ему отказала.

Впрочем, тело его после смерти ничуть не казалось меньше прежнего. И от него по-прежнему исходил едва уловимый запах «Джек Дэниэлс».

С равнины налетел ветер: Тень слышал, как он завывает вокруг заброшенного мотеля, расположенного в воображаемом центре Америки. Свечки на подоконнике перемигивались и дрожали.

В коридоре послышались шаги. Кто-то постучал, сказал: «Прошу поскорее, время»,[119] и в комнату, опустив головы, начали заходить участники церемонии.

---

[119] notes: 119

Фразой «Hurry up, please, it's time!» в британских пабах было принято выгонять клиентов из заведения, когда хозяину хотелось спать (притом, что наливать переставали с 11 вечера). Т. С. Элиот в поэме «Бесплодная земля», в части под названием «Игра в шахматы», использует эту фразу как рефрен, который подчеркивает бренность человеческой жизни перед лицом неизбежной смерти. Употребление ее в данном контексте представляет собой довольно циничную шутку.

Первым вошел Градд, за ним — Медиа, мистер Нанси и Чернобог. Последним плелся жирный молодой человек: на лице у него были свежие кровоподтеки, а губы беспрестанно шевелились, будто он все время нашептывал про себя какой-то текст. Впрочем, делал он это совершенно беззвучно. Тень поймал себя на том, что ему жаль паршивца.

Не говоря ни слова, вошедшие окружили тело со всех сторон — так что между каждым из стоявших расстояние было примерно одинаковое, как раз руку протянуть. Атмосфера в комнате была благоговейная — глубоко и искренне благоговейная, прежде Тень и не подозревал, что такое вообще возможно. Не было слышно ни звука, кроме завывания ветра за окном и потрескивания свечей.

— Мы собрались все вместе в этом безбожном месте, — начал Локи, — чтобы передать тело этого индивида тем, кто погребет его подобающим образом, в полном соответствии с обычаями. Если кто хочет что-то сказать, пусть скажет сейчас.

— Я пас, — сказал Градд. — Я с этим парнем так по-настоящему и не успел познакомиться. Да и вообще у меня от всей этой церемонии мурашки по коже.

Жирный молодой человек вдруг начал хихикать, по-женски взвизгивая. Потом сказал:

— Ну хорошо, хорошо. Я вспомнил.

А потом, на одной и той же заунывной ноте, начал декламировать:

Спираль все шире, кольцами кружа,
Сокол соколятника не слышит;
Все рушится, и центр не удержал…[120]

Тут он осекся и сморщил лоб. И сказал:

— Твою мать. Я же всегда его помнил до последней строчки, — после чего принялся тереть виски, скорчил рожицу и затих.

И тут все посмотрели на Тень. Ветер окончательно сошел с ума. Тень сказал:

— Все это очень печально. Половина из здесь

---

[120] notes: 120

Жирный молодой человек демонстрирует начитанность: он цитирует начальные строки написанного в 1919-м и опубликованного год спустя стихотворения У. Б. Йейтса «Второе пришествие», в котором Йейтс предсказывает апокалиптическую будущность только что пережившего Великую войну европейского человечества. С точки зрения Йейтса, история представляет собой вращающуюся фигуру из двух вставленных друг в друга конических спиралей (вершина одной лежит на самом широком сечении второй, и наоборот), и как раз в 1921 году, по его расчетам, должен был произойти переход со спирали на спираль, сопряженный с радикальным переформатированием всей человеческой культуры («Видение», 1925). Соколятник, потерявший контроль над соколом, — видоизмененный, но довольно стандартный в европейском оккультизме образ человеческих изобретений, которые обретают свободу от создателя, потенциально опасную для

последнего.

присутствующих либо непосредственно участвовала в его убийстве, либо так или иначе имела к нему отношение. Теперь вы выдаете нам его тело. Ладно. Он, конечно, был тот еще кадр, но я пил его мед и я по-прежнему на него работаю. Вот и все, что я хотел сказать.

Медиа сказала:

— В этом мире, в котором каждый день умирают люди, я думаю, самое *главное* — это помнить, что на каждый горестный момент, когда человек *покидает* сей мир, приходится момент *радостный*, когда на свет появляется еще одно человеческое дитя. Его первый крик, это — ну, разве это не чистой воды *волшебство*? Может быть, я покажусь слишком *резкой* в суждениях, но мне кажется, что печаль и радость — это как молоко и печенюшки. Вот *так же* и они — непредставимы друг без друга. Мне кажется, нам всем имеет смысл остановиться и немного над этим подумать.

После чего прокашлялся мистер Нанси:

— Итак. Я должен это сказать, потому что кроме меня никто здесь этого не скажет. Мы в самом центре здешних мест: этой страны, у которой нет на богов времени, а уж здесь, в центре, ей нет до нас дела в еще большей мере, чем где бы то ни было. Это ничейная земля, место перемирия, и

здесь мы перемирие соблюдать вынуждены. У нас нет другого выбора. Итак. Тело нашего друга вы нам выдали. Мы его приняли. И вы заплатите за это, смерть за смерть, кровь за кровь.

Градд сказал:

— Как вам будет угодно. Вы сэкономите кучу времени и сил, если каждый из вас отправится домой и пустит себе пулю в лоб. Избавитесь от лишних посредников.

— Да в рот я тебя ебал, — сказал Чернобог. — И тебя самого, и твою мамашу, и ту ебаную кобылу, на чьей пизде ты сюда вперся. Ты даже и в битве-то не умрешь. Ни один воин не захочет попробовать на вкус твою кровь. Никто из живущих жизни твоей не захочет. Ты сдохнешь смертишкой хилой и хлипкой. Ты сдохнешь с поцелуем на губах и ложью в сердце.

— Потише ты, старик! — сказал Градд.

— *И накатил прибой кроваво-пенный*,[121] — сказал вдруг жирный молодой человек. — Кажется, эта строчка следующая.

Ветер бесновался за окном.

---

[121] notes: 121

Память все-таки подводит жирного молодого человека. Он цитирует не четвертую строку «Второго пришествия», а пятую, да и ту перевирает. Четвертая в оригинале выглядит следующим образом: «Mere anarchy is loosed upon the world».

— Ну ладно, — сказал Локи. — Он ваш. Мы свое дело сделали. Забирайте этого старого козла.

Он пошевелил пальцами, и Градд, Медиа и жирный парень тут же двинулись к выходу. Проходя мимо Тени, он улыбнулся:

— Никого не называй счастливым, а, малыш? — сказал он. И вышел вслед за прочими.

— И что теперь? — спросил Тень.

— Теперь мы его завернем, — сказал Ананси. — И унесем отсюда.

Они завернули тело в гостиничные простыни, постаравшись сделать это как можно тщательнее, чтобы не было видно, что это тело, и чтобы было удобно его нести. Оба старика двинулись было, чтобы взяться за ношу в ногах и головах, но Тень сказал:

— Погодите-ка, — после чего присел, просунул руки под запеленутую фигуру, поднял ее и взвалил себе на плечо. А потом стал распрямлять колени, пока не встал во весь рост, с усилием, но не так чтобы совсем через силу.

— Ну вот, — сказал Тень, — он на месте. А теперь давайте отнесем его в машину.

Чернобог вроде бы собрался сказать что-то против, но передумал и закрыл рот. Потом поплевал на пальцы и начал тушить свечи. Выходя из

быстро темнеющей комнаты, Тень слышал, как под его пальцами шипят фитили.

Среда весил изрядно, но Тени был вполне по силам, и потому шел Тень ровно. А что ему еще оставалось делать? С каждым шагом, который он делал по гостиничному коридору, слова Среды все более отчетливо отдавались у него в голове, а во рту само собой возникло кисло-сладкое послевкусие меда. *Ты обязан меня защищать. Перевозить меня с места на место. Исполнять разовые поручения. В случае необходимости — но только в случае крайней необходимости — набьешь морду тем, кому давно следовало набить морду. В случае моей смерти ты обязан отбыть бдение по мне — хотя сильно сомневаюсь, что до этого дойдет…*

Мистер Нанси отворил перед ним наружную дверь, а потом побежал вперед и открыл заднюю дверцу автобуса. Враги, все четверо, стояли возле «Хаммера» и смотрели на них так, словно ждут не дождутся, когда все это кончится. Локи снова надел шоферскую фуражку. Холодный ветер ударил Тени в лицо, рванул обмотанные вокруг тела простыни.

Тень положил Среду в задней части автобуса, аккуратно как только мог.

Кто-то похлопал его по плечу. Он обернулся. Перед ним с протянутой рукой стоял Градд. И рука была не пустая.

— Вот, — сказал мистер Градд. — Мистер Мирр велел тебе это передать.

Это был стеклянный глаз. Посередине шла тонкая, как волос, трещина, и от передней части был отколот небольшой кусочек.

— Нашли в Масонском зале, когда прибирались. Держи, на удачу. Видит бог, она тебе понадобится.

Тень забрал у него глаз. Ему очень хотелось ответить чем-нибудь резким и хлестким, но Градд уже развернулся, пошел к «Хаммеру» и, не останавливаясь, забрался внутрь: а Тень все стоял и никак не мог придумать достойного ответа.

Они ехали на восток. Восход солнца застал их в Принстоне, штат Миссури. Тень за все это время не сомкнул глаз.

Нанси сказал:

— В общем, говори, где тебя лучше выбросить? Я бы на твоем месте надыбал себе какое-никакое новое удостоверение личности и дернул бы в Канаду. Или Мексику.

— Да нет, ребята, я с вами, — сказал Тень. — Был бы тут Среда, он именно этого бы от меня

и хотел.

— Ты больше на него не работаешь. Он умер. Как только мы довезем тело до конечной точки, ты свободен идти на все четыре стороны.

— И чем же я, по-вашему, дальше стану заниматься?

— Сидеть и не отсвечивать, пока идет война, — сказал Нанси. Он включил поворотник и свернул налево.

— Спрячься где-нибудь на некоторое время, — в тон ему добавил Чернобог. — А потом, когда все кончится, вернешься ко мне, и на этом для тебя тоже все кончится.

Тень спросил:

— А куда мы везем тело?

— В Вирджинию. Там дерево, — ответил Нанси.

— Мировое древо, — с мрачной улыбкой подхватил Чернобог. — В моей стране тоже такое есть. Но только наше растет под этим миром, а не над ним.

— Мы положим его у подножия дерева, — сказал Нанси. — Там и оставим. Отпустим тебя восвояси. Поедем на юг. Там будет битва. Многие умрут. И мир переменится, самую малость.

— Вы не хотите, чтобы я принял участие в битве? Я, между прочим, парень крепкий. И драться

тоже умею.

Нанси повернул к Тени голову и улыбнулся — первая настоящая улыбка, которую Тень видел на его лице с того самого времени, как они выкрали его из Ламберской окружной тюрьмы.

— Основная часть этой битвы происходить будет в таком месте, в которое ни дороги нет, ни дотронуться до него невозможно.

— В сердцах и умах людей, — сказал Чернобог. — Как на большом веретене.

— На чем?

— На карусели, — пояснил Нанси.

— А, понятно, — кивнул Тень. — За сценой, значит. Как в той пустыне, где кости.

Нанси поднял голову.

— Всякий раз, как мне начинает казаться, что мозгов у тебя не хватит даже на то, чтобы пугалом в огороде работать, ты меня удивляешь. Ну да, именно там настоящая битва и произойдет. А все остальное — только шумовые и световые эффекты. Гром и молния.

— Расскажите мне про бдение, — сказал Тень.

— Кто-то должен остаться с телом. Такова традиция. Мы кого-нибудь найдем.

— Он хотел, чтобы это сделал я.

— Нет, — сказал Чернобог. — Ты просто умрешь

там, и все. Скверная, скверная, скверная идея.

— Да? Умру? Просто от того, что буду сидеть рядом с телом?

— Вот у меня похороны будут совсем другие, — сказал мистер Нанси. — В смысле, когда я умру. Им только и нужно будет, что посадить меня в каком-нибудь теплом и влажном месте. А когда по моей могиле будут проходить хорошенькие женщины, я буду хватать их за щиколотки, как в том кино.

— Не видел я такого кино, — проворчал Чернобог.

— Да видел наверняка. В самом конце. Кино про школу. Где все детишки идут на выпускной вечер.

Тень сказал:

— Фильм называется «Кэрри», мистер Чернобог. Ладно, а теперь пусть кто-нибудь из вас по-настоящему расскажет мне про бдение.

Нанси сказал:

— Давай ты рассказывай. Я за рулем.

— Не слышал даже о такой картине. «Кэрри». Сам рассказывай.

Нанси сказал:

— Тот человек, который исполняет бдение, — его привязывают к дереву. Так же, как когда-то

самого Среду. И он висит там девять дней и ночей. Без еды и питья. В полном одиночестве. Потом его с дерева срезают, и если он жив… ну, в общем, такое тоже бывает. После этого можно считать, что Среда получил свое бдение.

Чернобог сказал:

— Может, Альвис пришлет кого-нибудь из своего народа. Гном такое способен выдержать.

— Я сам это сделаю, — сказал Тень.

— Нет, — сказал мистер Нанси.

— Да, — сказал Тень.

Оба старика замолчали. Потом Нанси сказал:

— Зачем?

— Потому что именно такие вещи и должен делать человек, если он жив, — ответил Тень.

— С ума спятил! — всплеснул руками Чернобог.

— Может, оно и так. Но бдение по Среде держать буду я.

Когда они в очередной раз остановились, чтобы заправиться, Чернобог сказал, что его мутит и он поедет впереди. Тень без лишних возражений перебрался в салон автобуса. Тут можно было вытянуться и немного поспать.

Дальше ехали в полном молчании. Тень лежал и думал: ну вот, я принял решение. Сделал что-то

большое и странное.

— Послушай, Чернобог, — прервал молчание мистер Нанси. — Ты обратил внимание на этого техногенного парнишку, там, в мотеле? Вид у него был не слишком счастливый. Он с чем-то таким взялся трахаться, что в конечном счете трахнуло его самого. Вот в том-то и беда со всей этой молодежью — пока сами себе шею не сломают, им кажется, будто они все на свете знают, и ничему ты их не научишь.

— Туда им и дорога, — буркнул Чернобог.

Тень лежал на задних сиденьях, растянувшись во весь рост. Было такое чувство, будто в нем одновременно сосуществуют два разных человека, или даже больше, чем два. Одна его часть тихо радовалась: ну вот, наконец-то он *сделал* хоть что-то стоящее. Он сделал шаг. Если бы он не хотел жить, тогда и говорить было бы не о чем, но жить он хотел, и в этом была вся разница. Он надеялся, что переживет испытание, но при этом и умереть тоже хотел, так, словно сама эта смерть и была условием конечного выживания. И в какой-то момент ему вдруг показалось, что вся эта затея — вообще очень смешная штука, самая смешная, какую он вообще встречал в своей жизни: интересно, подумал он, а Лора бы

оценила ее по достоинству? Или нет?

Но была в нем еще и некая другая составляющая — и может быть, это был человек по имени Майк Айнсель, подумал он, выпавший из бытия путем нажатия одной-единственной кнопки в Лейксайдском полицейском участке — который по-прежнему пытался все просчитать, увидеть всю картину целиком.

— Спрятавшиеся индейцы, — сказал он вслух.

— Че-го?! — раздраженно рявкнул с переднего сиденья Чернобог.

— Да детскую раскраску вспомнил. «Художник спрятал на картинке индейцев. Всего их десять — сможешь отыскать их всех?» Смотришь поначалу на эту картинку и видишь только скалы, деревья и водопад, но стоит лишь повернуть ее под определенным углом — глядь, а вот эта тень на самом деле — индеец… — Он зевнул.

— Спи давай, — сказал Чернобог.

— А картина-то большая, — сказал Тень. А потом уснул, и ему снились спрятавшиеся индейцы.

Дерево было в Вирджинии. Стояло оно в какой-то невообразимой глуши, на задах старой фермы. Чтобы добраться до этой фермы, им пришлось почти целый час ехать на юг от Блэксбурга, по

местным дорогам с названиями вроде «Барвинковая ветка» или «Петушиная шпора». Потом они начали нарезать круги, и на втором по счету мистер Нанси и Чернобог уже окончательно потеряли терпение и начали орать на Тень и друг на друга.

Они остановились, чтобы спросить дорогу, возле крохотного сельского магазинчика, стоявшего у подножия холма, на развилке двух дорог. Откуда-то из глубин магазина показался дряхлый старик и принялся их разглядывать: на нем был джинсовый комбинезон от «Ошкош Би Гош», и больше не было ничего. Даже ботинок. Чернобог выудил из стоящего на прилавке бачка соленую свиную ножку и вышел на веранду, чтобы воздать ей должное, а старик в комбинезоне принялся рисовать мистеру Нанси топографические карты на салфетках, отмечая нужные повороты и приметные ориентиры.

Они снова тронулись в путь, за руль снова сел мистер Нанси, и до места они добрались буквально минут за десять. На ограде висела табличка, а на табличке было написано: ЯСЕНЬ.

Тень вышел из автобуса и открыл ворота. Автобус въехал на луг и запрыгал по кочкам. Тень закрыл ворота и пошел за автобусом, пешком,

чтобы немного размять затекшие ноги, иногда срываясь на неспешный бег, если автобус вырывался слишком далеко вперед, наслаждаясь ощущением живого мускульного движения.

За то время, пока они ехали из Канзаса, он утратил всякое чувство времени. Сколько они находились в пути? Два дня? Три? Он уже не помнил.

Тело, лежавшее в задней части автобуса, судя по всему, вовсе не было подвержено тлению. Он и сейчас чувствовал этот запах — легкий аромат «Джек Дэниэлс» приправленный чем-то еще, наподобие забродившего меда. Но неприятным этот запах не был. Время от времени Тень вынимал из кармана стеклянный глаз и смотрел на него: он треснул почти насквозь, должно быть, от пули, но поверхность, если не считать небольшого скола в передней части, была практически целой. Тень вертел его в руках, прятал в ладони, перекатывал, ронял с пальца на палец. Жутковатый сувенир, но ему он отчего-то внушал чувство покоя: и еще отчего-то ему казалось, что Среда немало бы повеселился, узнай он, что его глаз в конечном счете очутится у Тени в кармане.

Ферма стояла заколоченная наглухо, с темными окнами. Луг был давно не кошен и сплошь зарос

высокой травой. Крыша фермы в задней части прохудилась, и ее заделали черным пластиковым щитом. Они перевалили через пригорок, и Тень увидел дерево.

Он был серебристо-серым, этот ясень, и много выше самой фермы. Это было самое красивое дерево, какое Тень когда-либо видел за всю свою жизнь: разом призрачное и совершенно настоящее, и симметричное практически идеально. А еще оно выглядело смутно знакомым: поначалу он даже пытался вспомнить, не видел ли этого дерева во сне, а потом до него дошло, что он сто раз его видел, то есть не само дерево, а его маленькую модель. На серебряной заколке для галстука, у Среды.

«Фольксваген», покачиваясь и подпрыгивая на кочках, проехал через весь луг и остановился футах в двадцати от подножия дерева.

Под деревом стояли три женщины. Поначалу Тень было решил, что это Зори, но нет, женщины были незнакомые. Вид у них был усталый и раздосадованный, как если бы они стояли здесь уже давным-давно. Каждая держала по деревянной лестнице. У самой высокой был вдобавок еще и бурый мешок. Больше всего они напоминали набор русских кукол: одна высокая — ростом

примерно с Тень, если не выше — другая среднего роста, а третья такая маленькая и сгорбленная, что с первого взгляда Тень было принял ее за ребенка. На лицо все три были схожи меж собой, и Тень сразу решил, что они сестры.

Когда автобус подъехал, самая маленькая из женщин присела в книксене. Другие две просто стояли, смотрели и курили сигарету, одну на двоих, передавая ее из рук в руки; и докурили до самого фильтра, после чего та, которая сделала последнюю затяжку, загасила ее о корень дерева.

Чернобог открыл заднюю дверь автобуса; самая высокая из трех женщин тут же протиснулась мимо него, легко, словно мешок муки, взвалила тело Среды себе на спину и понесла к дереву. Положила она его прямо на траву, футах в десяти от ствола. Потом она вместе с сестрами развернула простыни. При дневном освещении Среда выглядел много хуже, чем тогда, при свете свечей, и Тень, бросив на него один только взгляд, отвернулся. Женщины оправили на Среде одежду, разгладили костюм, после чего переложили на край простыни и снова завернули.

Потом они подошли к Тени.

— *Ты тот самый?* — спросила самая высокая.

— *Тот, кто будет оплакивать Отца Всех?* —

спросила средняя.

— *Ты был избран, чтобы держать бдение?* — спросила самая маленькая.

Тень кивнул. Впоследствии он никак не мог вспомнить, на самом ли деле он слышал их голоса или просто понял, что они имеют в виду, безо всяких слов — просто по глазам и лицам.

Мистер Нанси, который успел между тем зайти в дом, чтобы воспользоваться туалетом, тоже подошел к дереву. Он курил сигарку. И вид у него был задумчивый.

— Эй, Тень, — окликнул он Тень, подойдя поближе. — Не стоит тебе в это ввязываться. Я серьезно. Мы вполне можем найти более подходящую кандидатуру.

— Я сам, — коротко и просто ответил Тень.

— А если ты умрешь?! — взвился мистер Нанси. — Если не выдержишь?

— Значит, я умру, — сказал Тень.

Мистер Нанси в сердцах швырнул сигарку в траву.

— Я давно говорил, что у тебя в голове вместо мозгов — говно. Говно и есть! Ты что, не видишь, перед тобой дверь камеры смертников открывают?

— Мне очень жаль, — сказал Тень. И больше не

сказал ничего.

Нанси направился к автобусу.

К Тени подошел Чернобог. Вид у него тоже был не слишком довольный.

— Ты уж постарайся живым после всего этого остаться, — сказал он. — А то кого же мне и ждать, как не тебя.

И тихонько ударил костяшкой согнутого пальца Тень в середину лба, сказав: «Бам!». Сжал Тени локоть, похлопал его по плечу и присоединился к мистеру Нанси.

Самая высокая, имя которой звучало как-то вроде «Урта» или «Урдер»[122] — она представилась, но к ее вящей радости правильно повторить ее имени он так и не смог, — жестами велела ему избавиться от одежды.

— Что, все снимать? — спросил Тень.

Высокая пожала плечами. Тень разделся до трусов и футболки. Женщины приставили к дереву лестницы. На одну из них — расписанную от руки вьющимися побегами с цветами и листьями — они указали ему.

Он взобрался на девять ступеней вверх. А потом, по их настоянию, сошел на низко растущий сук.

---

[122] notes: 122

Урдр. Перед нами, естественно, норны — те три главные, которые обихаживают ясень Иггдрасиль.

Средняя вывалила на траву содержимое мешка. Он был полон мотков спутанных тонких веревок, потемневших от времени и грязи, и женщины принялись распутывать их и аккуратно раскладывать на земле рядом с телом Среды.

Потом они снова поднялись на дерево, каждая по своей лестнице, и принялись вязать на веревках узлы, изящные и хитрые, а веревками опутывать сначала дерево, а потом и Тень. Спокойными движениями, как акушерки или больничные сестры, или как те женщины, что обмывают трупы, они сняли с Тени трусы и майку, а потом привязали к стволу: нигде не затянув лишнего, но уверенно и твердо. Он поразился тому, насколько легко и удобно узлы и веревки держат его вес. Они пропустили веревки ему под руки и между ногами, обвязали вокруг пояса, обхватили щиколотки, грудную клетку и притянули к дереву.

Последней веревкой ему аккуратно захлестнули шею. Поначалу это было не слишком удобно, но вес был идеально распределен, и ни одна из веревок не впивалась ему в плоть.

Ноги его были в пяти футах от земли. Дерево было огромное и безлистое, и ветки казались черными на фоне серого неба, а кора была гладкой и

серебристо-серой.

Они убрали лестницы. Когда опора ушла, он на долю секунды ощутил прилив паники, но веревки приняли на себя вес его тела, и он просел всего на пару дюймов. И по-прежнему не издал ни единого звука.

Женщины уложили тело, завернутое в саван из гостиничных простыней, у подножия дерева и ушли.

Оставили его одного.

Глава пятнадцатая

Вздерни, вздерни меня, и пускай я умру,
Вздерни, вздерни меня, и пускай я умру,
Все, что было, ушло, погибло давно,
В холодной могиле давно.

Старая песня

В первый день, который Тень провисел на дереве, он испытывал только чувство неудобства, которое понемногу перерастало в боль, и страх, а еще иногда странное чувство, что-то среднее

между апатией и скукой: серенькое такое приятие, ожидание.

Он висел на дереве.

А ветер совсем стих.

Несколько часов спустя перед глазами у него начали спорадически вспыхивать яркие алые и золотистые пятна, похожие на цветы, которые переливались и пульсировали, и жили собственной жизнью.

Боль в руках и ногах, постепенно разрастаясь, сделалась непереносимой. Если он расслаблялся и давал телу возможность осесть вперед и безвольно повиснуть на веревках, веревка на горле натягивалась, и мир начинал подрагивать и расплываться у него перед глазами. И тогда ему приходилось опять прижиматься к стволу. Он чувствовал, как напрягается у него в груди сердце, выбивая отчаянную аритмичную дробь, которая продолжает гнать по телу кровь…

Перед глазами у него начали кристаллизоваться и взрываться изумруды, сапфиры и рубины. Дыхание превратилось в череду неглубоких полувздохов-полувсхлипов. Кора дерева царапала спину. Вечерняя прохлада дрожью пробегала по голой коже, разбрасывая по ней густые россыпи мурашек.

Все просто, сказал у него в голове чей-то голос. *Но есть один секрет. Ты либо сдохнешь, либо нет.*

Мысль эта отчего-то очень ему понравилась, и он начал повторять ее про себя снова и снова, не то как мантру, не то как детскую считалку, стараясь приспособить ее ритм к биению собственного сердца.

Все просто, есть один секрет, ты либо сдохнешь, либо нет.

Все просто, есть один секрет, ты либо сдохнешь, либо нет.

Все просто, есть один секрет, ты либо сдохнешь, либо нет.

Все просто, есть один секрет, ты либо сдохнешь, либо нет.

Шло время. Одна и та же строка повторялась снова и снова. Он слышал ее. Кто-то все время повторял эти слова вслух, и останавливался только тогда, когда рот у Тени пересыхал окончательно, когда язык превращался в шершавый кусок кожи и начинал царапать небо. Он оттолкнулся ногами от дерева, вперед и вверх, пытаясь перераспределить вес тела так, чтобы легкие хоть как-то можно было наполнять воздухом.

Он дышал и дышал, пока сил держаться не осталось совсем, и тогда он упал обратно, отдавшись на волю пут, и снова повис на дереве.

Когда где-то рядом началась возбужденная болтовня — насмешливая, шумная и злая, — он старательно закрыл рот, подозревая, что все эти звуки производит он сам; но болтовня не унималась. *Значит, это мир смеется надо мной*, подумал Тень. Голова его скатилась и упала на бок. Рядом по стволу дерева пробежало какое-то живое существо и остановилось прямо возле головы. А потом крикнуло ему в самое ухо, громко, одно-единственное слово, которое звучало как «рататоск». Тень попытался повторить это слово, но язык прилип к небу. Он медленно повернул голову и увидел перед собой серовато-бурую мордочку и заостренные ушки белки.

При близком рассмотрении, подумал он, белки — зверушки совсем иного свойства, чем на расстоянии. Существо было опасным и похожим на крысу, и ничего очаровательного и умильного в нем не наблюдалось. И зубы на вид были слишком острыми. Он искренне понадеялся, что она не воспримет его ни как угрозу, ни как источник пищи. Белки вроде не должны иметь хищных наклонностей… но с другой стороны, за послед-

нее время такое количество вещей на поверку оказалось не такими, как он думал раньше…

Он заснул.

Следующие несколько часов боль несколько раз его будила, вытягивала из муторного сна, в котором мертвые дети с глазами, похожими на сухие распухшие жемчужины, приходили и пеняли на то, что он их предал. По лицу у него пробежал паук, и он проснулся: потряс головой, паука не то спугнул, не то сбросил и вернулся обратно в сон — теперь, верхом на гигантской мыши, к нему подъехал пузатый человек с головой слона и одним сломанным бивнем. Человек-слон обвил тело Тени хоботом и сказал: «Если бы ты разбудил меня раньше, чем начал это свое путешествие, многих твоих бед можно было бы избежать». Затем слон взял в руки мышь, которая каким-то образом, Тень не успел заметить, каким именно, сделалась маленькой, не перестав при этом быть огромной, и принялся перебрасывать ее из руки в руку, загибая пальцы, когда она сама скакала из ладони в ладонь, и Тень ничуть не удивился, когда в конце концов этот бог с головой слона внезапно показал ему все четыре свои руки с раскрытыми ладонями, и мыши там не было. Он по очереди пропускал волну по каждой из рук,

неуловимым гладким движением, и смотрел на Тень; что было при этом написано у него на лице, понять было невозможно.

— В хоботе она, — сказал Тень слоноголовому. Он успел углядеть, как в последний момент именно там мелькнул ее хвостик.

Человек-слон кивнул тяжелой головой и сказал: «Да. В хоботе. Ты многие вещи забудешь. От многих откажешься. Многие потеряешь. Но этого не теряй», — и тут начался дождь, и Тень вывалился, мокрый и дрожащий, из глубочайшего сна в состояние полной осмысленности. Дрожь усилилась настолько, что Тень испугался: он и не думал, что человек способен так дрожать, серией конвульсивных волн, набегающих одна на другую. Он пытался заставить себя остановиться, но ничего не получалось, зубы стучали, руки и ноги ходили ходуном и бились в истерике — сами, вне всякого контроля с его стороны. И еще была боль, настоящая, глубокая, будто ножом режут, которая покрыла все его тело крохотными невидимыми ранами, интимными и непереносимыми.

Он открыл рот, чтобы поймать падающую с неба дождевую воду: она уже успела смочить его запекшиеся и растрескавшиеся губы и сухой язык и пропитать веревки, которыми он был при-

вязан. Вспыхнула молния, настолько яркая, что он ощутил эту вспышку как удар по глазам — и претворила мир в четкую черно-белую панораму, которая еще долго висела у него перед глазами после того, как молния погасла. А после молнии — гром, резкий щелчок, потом удар и раскат, и пока гром рокотал по закраинам неба, дождь пошел в два раза пуще. Ночь и дождь каким-то образом свели дрожь на нет; лезвия маленьких ножей тоже ушли из тела. Ему больше не было холодно, вернее, теперь он вообще не чувствовал ничего, кроме холода, но только холод сделался неотъемлемой частью его самого.

Тень висел на дереве, а молнии полосовали и расчерчивали небо, и гром постепенно превратился в сплошной слитный гул, в котором выделялись только отдельные мощные удары и раскаты, будто где-то вдалеке рвались авиабомбы. Ветер что есть сил трепал тело Тени, пытаясь сорвать его с дерева, молотил его об ствол и полосовал нещадно; и Тень понял, что настоящая буря началась только теперь.

И тогда откуда-то из самой глубины в нем поднялось странное чувство радости, и он начал хохотать, пока дождь поливал его нагое тело, а молнии сверкали, и гром гремел так оглушитель-

но, что он почти не слышал собственного хохота. Он ликовал.

Он живой! Он никогда не чувствовал себя настолько живым. Ни разу в жизни.

И если он умрет, подумал он, если он умрет прямо сейчас, прямо здесь, на дереве, то жить и умереть стоило только ради того, чтобы испытать вот этот, великолепный, безумный момент счастья.

— Эй! — крикнул он буре. — Эй, там! Я живой! Здесь я!

Он прижал голое плечо к стволу, и когда в образовавшейся впадине скопилась дождевая вода, выпил ее, сёрбая и чавкая, а потом выпил еще, и снова стал смеяться, от восторга и радости, а вовсе не оттого, что сошел с ума, и смеялся до тех пор, пока окончательно не выбился из сил и не повис безвольно на веревках.

У подножия дерева, на земле, дождь намочил простыню, и она стала полупрозрачной, а ветер откинул ее край, и теперь Тень видел руку Среды, восковую и безжизненную, а еще очертания головы — и он вспомнил про Туринскую плащаницу, а еще про ту девушку на столе Шакеля, в Кейро, а потом, несмотря на холод, почувствовал, что ему стало тепло и уютно, и что кора дерева сделалась

мягкой, и он опять уснул, и если на сей раз ему и снились какие-то сны, то он их не запомнил.

На следующее утро боль перестала существовать — то есть она уже никак не была связана с теми местами, в которых веревки впивались в его тело или где кора царапала кожу. Боль теперь была повсюду.

А еще он был очень голоден, и желудок превратился в зудящий, пульсирующий провал в животе. Иногда ему начинало казаться, что он перестал дышать и сердце у него больше не бьется. Тогда он задерживал дыхание и ждал, пока сердце у него не начнет грохотать, как океанский прибой, и только после этого отчаянно хватал ртом воздух, как ныряльщик, вынырнувший из морских глубин.

Ему начинало казаться, что дерево простирается от неба до самой преисподней, и что висит он на нем с сотворения мира. Буровато-коричневый ястреб облетел вокруг дерева, приземлился на сломанный сук, совсем рядом с ним, потом снова встал на крыло и улетел на запад.

Буря, которая было улеглась к утру, после полудня снова начала набирать силу. От горизонта до горизонта протянулись вереницы косматых черно-серых туч; с неба полетела мелкая водя-

ная пыль. Лежащее у подножия тело стало как будто меньше: было такое впечатление, будто под слоем несвежих гостиничных простыней оно проседает и растворяется, как оставленный под дождем кусок сахара.

Тень то горел как печка, то ему вдруг становилось холодно.

Когда снова загремел гром, ему показалось, что он слышит барабанный бой, литавры и гулкий ритм собственного сердца, снаружи или внутри, какая разница.

Боль он теперь воспринимал в категориях цвета: красная, как неоновая вывеска над баром, зеленая, как светофор влажной летней ночью, ярко-синяя, как пустой экран видео.

Со ствола на плечо Тени спрыгнула белка, вонзив ему в кожу остренькие коготки. «Рататоск!» — протрещала она. Ее влажный нос коснулся его губ. «Рататоск!» И — скакнула обратно на дерево.

Кожа у него зудела и горела, будто он отморозил сразу все тело, а теперь вошел в теплое помещение, и оно начало отходить — но только гораздо сильнее. Ощущение было совершенно невыносимое.

Вся его жизнь лежала внизу, под деревом, завернутая в саван из гостиничных простыней:

метафора приобрела буквальный смысл, словно на какой-нибудь дадаистской или сюрреалистической инсталляции: он видел и озадаченный взгляд матери в американском посольстве в Норвегии, и глаза Лоры в день свадьбы…

Он коротко рассмеялся сквозь растрескавшиеся губы.

— Что тут такого смешного, а, бобик? — спросила Лора.

— Да свадьбу нашу вспомнил, — сказал он. — Ты дала органисту на лапу, чтобы он вместо свадебного марша сыграл песенку из «Скуби-Ду», когда ты будешь идти ко мне по центральному проходу. Помнишь?

— Ну конечно помню, дорогой! «И я бы тоже так хотел, когда б не спиногрызы».

— Я так тебя любил! — сказал Тень.

Он почувствовал на губах ее губы, и они были теплыми, влажными и живыми, а не холодными и мертвыми — и отсюда он сделал вывод, что это очередная галлюцинация.

— Тебя ведь здесь нет, правда? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Но ты зовешь меня, в последний раз. И я к тебе приду.

Дышать становилось все труднее. Веревки, которые врезались в тело, превратились в аб-

страктное понятие вроде свободы воли или вечности.

— Поспи пока, бобик, — сказала она, хотя с тем же успехом это мог быть и его собственный голос. И он уснул.

Солнце было — как потускневшая монета на свинцовом небе. Тень медленно начал осознавать, что не спит и что ему холодно. Но та его часть, которая начала это осознавать, была от него где-то очень далеко. Откуда-то оттуда, издалека, он понял, что рот и горло у него горят невыносимо, что они пересохли и потрескались. Иногда, среди бела дня, он видел, как падают звезды; а еще — огромных птиц размером с большегрузные фуры, которые на полной скорости неслись к нему. Но ни одна так и не долетела; и ни одна его не тронула.

— Рататоск. Рататоск, — в беличьей трескотне слышались откровенно бранчливые нотки.

Белка бухнулась, как утюг, но только оборудованный острыми когтями, ему на плечо и уставилась прямо в лицо. Интересно, подумал он, брежу я или нет: в передних лапках зверушка держала скорлупку от грецкого ореха, словно миску из кукольного домика. Потом она прижала скорлупку к его губам. Тень почувствовал воду и,

сам того не сознавая, всосал ее, мигом опорожнив крохотную чашечку. Он покатал воду по растрескавшимся губам, по сухому языку, смочив, как мог, рот, а то, что осталось, проглотил. Впрочем, осталось совсем немного.

Белка прыгнула обратно на дерево и побежала вниз, к корням, а потом, по прошествии нескольких секунд, или минут, или часов, этого Тень сказать не мог (наверное, часы у меня в голове сломались, подумал он, и теперь все эти колесики, винтики и пружинки валяются где-нибудь под деревом, в пожухлой траве), белка вернулась со своей скорлупкой, аккуратно держа ее перед собой, и Тень выпил воду, которую она принесла.

Глинистый, с металлическим оттенком вкус воды наполнил рот, охладил саднящее горло. И от этого и усталость, и накатывающее безумие стали восприниматься легче.

После третьей по счету скорлупки пить ему уже не хотелось.

И тогда он начал бороться, растягивая веревки, молотя о ствол всем телом, пытаясь освободиться, спуститься вниз, уйти. И — застонал.

Узлы были завязаны на совесть. Веревки были крепкие, и держали они как надо, и вскоре он

снова выбился из сил.

В своем бреду Тень стал деревом. Корни его ушли глубоко в здешний суглинок, в самые далекие глубины времени, в скрытые от людского глаза источники. Он нащупал источник женщины по имени Урд, что означает *Прошлое*. Она была огромна, как подземная гора, эта женщина, она была великаншей, и воды, которые она охраняла, были водами времени. Другие корни протянулись в иные места. Некоторые из этих мест были тайными. Теперь, если ему хотелось пить, он просто-напросто тянул воду корнями, тянул вверх и питал ею сущность свою.

У него была сотня рук, которые заканчивались сотней тысяч пальцев, и все эти пальцы достигали неба. Вес неба тяжело давил на плечи.

Удобнее не стало, но боль теперь была уделом тела, которое висело на дереве, а не самого дерева. Тень в своем безумии сделался намного просторнее, чем человек на дереве. Он был и деревом, и ветром, который свистит в ветвях мирового древа; он был небом и низко нависшими облаками; он был Рататоск, белкой, что снует от самых глубоких корней к самым высоким ветвям; он был ястребом, который, с безумным взором, сидел на самой высокой ветке и озирал мир; он

был червем в самой сердцевине дерева.

Звезды кружились по небу, и он запустил свою сотню рук в эту звездную круговерть, и начал их перекатывать, перебрасывать из ладони в ладонь, прятать…

Момент ясности, вспышка безумия и боли: Тень почувствовал, что поднимается на поверхность. Он знал, что это ненадолго. Утреннее солнце слепило глаза. Он закрыл их и пожалел, что не может поднести к ним руку.

Совсем чуть-чуть ему осталось. И в этом он тоже отдавал себе отчет.

Когда Тень открыл глаза, рядом с ним на дереве был еще какой-то человек, совсем молодой.

Кожа у него была темно-коричневого цвета. Высокий лоб, густые завитки черных волос. Он сидел на ветке, высоко у Тени над головой. Если Тень вытягивал шею, то видел его яснее некуда. И человек этот был безумен. Такой у него был взгляд.

— Ты голый, — сказал безумец надтреснутым голосом. — Я тоже голый.

— Я вижу, — прохрипел в ответ Тень.

Безумец посмотрел на него, потом кивнул и принялся вертеть головой во все стороны, будто у него затекла шея и он пытался ее размять. Потом

спросил:

— Ты меня знаешь?

— Нет, — сказал Тень.

— А я тебя знаю. Я наблюдал за тобой в Кейро. И потом за тобой наблюдал. Ты нравишься моей сестре.

— Значит, ты… — имя вылетело у него из головы. *Ест мертвечину при дороге.* Ну да, конечно. — Ты Гор.

Безумец кивнул.

— Гор, — сказал он. — Я сокол утренний и ястреб полуденный. Я солнце, совсем как ты. И еще я знаю истинное имя Ра. Мама мне сказала.

— Круто, — вежливо сказал Тень.

Безумец молча и безотрывно смотрел на землю под деревом. А потом упал с ветки.

Ястреб камнем рухнул на землю, потом вышел из пике по широкой плавной дуге, тяжело работая крыльями, и вернулся обратно, неся в когтях крольчонка. Приземлился он на ветку, что росла гораздо ближе к Тени, чем в первый раз.

— Есть хочешь? — спросил безумец.

— Нет, — ответил Тень. — Надо бы, наверное. Но совсем не хочется.

— А я хочу, — сказал безумец. И стал быстро есть кролика, разрывая его на части, высасывая

юшку, хрустя костями. Закончив есть, он сбросил перемолотые кости и клочья меха вниз, на землю. Потом пошел по ветке в сторону Тени и остановился на расстоянии вытянутой руки. Гор стал беззастенчиво его разглядывать, пристально и внимательно, с головы до пят. На подбородке и на груди у него осталась кроличья кровь, и он вытер ее тыльной стороной руки.

Тень почувствовал, что нужно хоть что-то сказать.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — тут же откликнулся безумец. Он выпрямился, отвернулся от Тени и пустил вниз, на луговую траву, длинную струю темной мочи. Мочевой пузырь у него был объемистый. Закончив, он сел на корточки.

— А тебя как называют? — спросил Гор.

— Тень, — ответил Тень.

Безумец кивнул.

— Да, ты тень. А я свет, — сказал он. — Все, что есть на земле, отбрасывает тень. — А потом добавил: — Скоро начнут драться. Я смотрел, как они начали прибывать.

Но Тень больше говорить не мог. Ястреб встал на крыло и медленными кругами пошел вверх, скользя на восходящих потоках в ясное весеннее

утро.

Лунный свет.

Тень пробил приступ кашля, жестокого, выворачивающего наизнанку, который будто лезвием полосовал по груди и по горлу. Он хватанул ртом воздух.

— Эй, бобик! — раздался знакомый голос.

Он посмотрел вниз.

Лунный свет жарил сквозь голые ветви отвесно и ярко, как свет дневной, и в этом свете под деревом он увидел женщину: вместо лица — белый овал. По веткам дерева прошелся ветер.

— Привет, бобик, — сказала женщина.

Он попытался заговорить, но снова сорвался на кашель, и кашлял надсадно и долго.

— Знаешь, что я хочу тебе сказать, — заботливо сказала она, — кашель у тебя нехороший.

Он прохрипел:

— Привет, Лора.

Она подняла на него мертвые белые глаза и улыбнулась.

— Как ты меня нашла? — спросил он.

Она помолчала какое-то время, в призрачном свете луны. А потом сказала:

— Ты — единственное, что связывает меня с жизнью. Ты единственное, что у меня осталось,

единственное — не серое, не плоское, не тусклое. Если бы мне даже завязали глаза и бросили в океанскую пучину, я и тогда знала бы, где тебя искать. Если бы меня зарыли на сто миль под землю, и тогда я знала бы, где ты.

Он посмотрел вниз, на эту женщину в лунном свете, и на глаза у него навернулись слезы.

— Я срежу веревки, — сказала она чуть погодя. — Я, кажется, только и делаю, что спасаю тебя, разве нет?

Он снова закашлялся, а потом сказал:

— Не надо, пусть все будет как есть. Я должен это сделать.

Она посмотрела на него снизу вверх и покачала головой.

— Ты псих ненормальный, — сказала она. — Ты там умрешь. Или калекой сделаешься, если уже не сделался.

— Может, оно и так, — сказал он. — Но я живой.

— Да, — сказала она, после секундной паузы. — Наверное, так и есть.

— Помнишь, что ты мне тогда сказала? — спросил он. — На кладбище.

— Столько времени прошло с тех пор, бобик, — сказала она. А потом добавила: — Мне здесь легче.

Не так больно. Понимаешь, о чем я говорю? Только я вся сухая.

Ветер стих, и теперь он почувствовал, что от нее пахнет: гнилым мясом, нездоровьем и тлением. Запах был навязчивый и неприятный.

— Меня с работы выгнали, — сказала она. — Ночная была работа, но они сказали, что все равно народ жалуется. Я им говорила, что болею, а они говорят — нам плевать. А мне так пить хочется.

— К женщинам, — сказал он. — У них вода. В доме.

— Бобик… — голос у нее был испуганный.

— Скажи… скажи им, я просил дать тебе воды…

Бледный овал лица.

— Мне пора, — сказала она. А потом харкнула, скривила рожицу и сплюнула на траву ком какой-то белой массы. Ударившись о землю, ком распался — и начал, извиваясь, расползаться по сторонам.

Дышать стало почти невозможно. Грудь у него сдавило, перед глазами плыло.

— Останься, — сказал он на выдохе, еле слышным шепотом, не будучи уверен в том, слышит она его или нет. — Пожалуйста, не уходи, — его

снова начал бить кашель. — Подожди до утра.

— Останусь ненадолго, — кивнула она. А потом, как мама маленькому ребенку, добавила: — Не бойся, пока я с тобой, никто тебя не тронет. Знаешь об этом?

Тень снова раскашлялся. Он закрыл глаза — всего на секунду, как ему показалось, но когда их снова открыл, луна уже села, и он был один.

Гул и грохот в голове, перекрывавший головную боль, и вообще всякую боль. Все вокруг рассыпалось на сонмище крохотных бабочек, которые окружили его плотным многоцветным облаком и растаяли в сумерках.

Задравшийся угол простыни на мертвом теле внизу полоскался на утреннем ветру.

Гул постепенно затих. Время замедлилось. Не осталось ничего такого, из-за чего ему следовало бы дышать. Сердце перестало биться в груди.

Тьма, которая нахлынула на этот раз, была глубокой, и в этой тьме светила одна-единственная звезда, и тьма эта была последней.

Глава шестнадцатая

Я знаю, что здесь играют нечисто.

Но другой игры в этом городе нет.

Билл Джонс по прозвищу «Канада»

Дерево исчезло, и мир исчез, и утреннего серого неба у него над головой тоже не стало. Небо теперь было цвета полуночи. И высоко-высоко у него над головой сияла и перемигивалась с небом одинокая звезда, и больше ничего. Он сделал шаг и едва не упал.

Тень посмотрел вниз. В камне были вырезаны ступени, ступени вели вниз, и были они такие огромные, будто когда-то, в незапамятные времена, их вырезали титаны и по ним ходили.

Он начал спускаться: садился, спускал вниз ноги, а потом прыгал. Все тело у него ломило, но это была хорошая боль, боль в застоявшихся от долгого бездействия мышцах, а не та, что живет в человеческом теле, которое висит на дереве, пока не умрет.

Без тени удивления он обнаружил, что одет в джинсы и белую футболку. Правда, ноги остались босыми. Нахлынуло сильное ощущение дежавю: именно эти вещи были на нем в ту ночь, когда он стоял в квартире Чернобога, и Зоря Полуночная пришла, чтобы рассказать ему про созвездие Повозка Одина. А потом сняла для него с неба луну.

И вдруг он понял, кого сейчас увидит. Зорю

Полуночную.

Она ждала его у подножия лестницы. Луны в небе не было, но Зоря была сплошь залита лунным светом: на светлых волосах серебристые отблески, и одета она была в ту же самую хлопчатобумажную, с кружевами сорочку, что была на ней в ту ночь, в Чикаго.

Увидев его, она улыбнулась и опустила глаза, словно на мгновение смутившись.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — ответил Тень.

— Как твои дела?

— Не знаю, — ответил он. — Сдается мне, что я все еще вишу на дереве и что это всего лишь очередная галлюцинация. Мне вообще начали сниться странные сны с тех пор, как я вышел из тюрьмы.

Лицо ее было залито лунным сиянием (хотя никакой луны в сливово-черном небе не наблюдалось, а теперь, когда он спустился сюда, к подножию лестницы, даже и одинокая звезда пропала из виду), и вид у нее был одновременно строгий — и беззащитный. Она сказала:

— На все свои вопросы ты можешь получить ответ, если хочешь именно этого. Но если узнаешь ответы, выбросить их из памяти ты уже не

сможешь.

За ее спиной дорога раздваивалась. Ему придется решать, которую из двух выбрать — это он знал заранее. Но до того он должен сделать кое-что еще. Он сунул руку в карман джинсов и с чувством облегчения нащупал там знакомую тяжелую монету. Он вынул ее, зажав между большим и указательным пальцами: доллар со Свободой, 1922 года.

— Это ваше, — сказал он.

Тут он вспомнил, что все это время его вещи лежали у подножия дерева. Женщины сложили его одежду в тот же самый мешок, из которого достали веревки, при этом завязав горловину, а самая высокая из сестер еще и придавила мешок большим камнем, чтобы не унес ветер. И Тень вполне отдавал себе отчет в том, что на самом деле доллар со Свободой по-прежнему лежит там, в кармане, в мешке, придавленном камнем. И при этом здесь, у входа в царство мертвых, вес монеты у него в руке был ощутим и приятен.

Она взяла у него монету длинными тонкими пальцами.

— Спасибо. На нее ты дважды купил себе свободу, — сказала она. — А теперь она осветит тебе путь в те места, где тьма.

Она сомкнула пальцы, зажав доллар в кулаке, а потом встала на цыпочки и приложила его к небу, так высоко, как только смогла достать. И отпустила. И вместо того чтобы упасть, монета поплыла вверх, пока не оказалась примерно в футе или около того над головой Тени. И это не была уже серебряная монета: госпожа Свобода в зубчатой диадеме исчезла с ее поверхности. И теперь с яркого кружочка глядел на Тень безразличный лик луны, сиявшей на темном летнем небе.

Тень никак не мог взять в толк, на что он смотрит, на луну размером с доллар в футе над головой, или на луну размером с Тихий океан, до которой многие тысячи миль. А может быть, вообще все дело только в том, с какой точки ты на нее смотришь.

Он посмотрел вперед, на развилку двух дорог.

— Какую мне выбрать? — спросил он. — Которая из них безопаснее?

— Выбери одну, и другая будет тебе заказана, — ответила Зоря Полуночная. — Но безопасных путей не существует. Которой дорогой ты пойдешь — дорогой тяжких истин или дорогой приятной лжи?

— Истин, — сказал он. — Я слишком далеко зашел, чтобы слушать ложь.

Вид у нее сделался печальный.

— Тогда тебе придется заплатить цену, — сказала она.

— Я заплачу. Что это за цена?

— Имя, — сказала она. — Твое настоящее имя. Тебе придется отдать его мне.

— Как?

— Вот так, — сказала она и положила ему на лоб свою тонкую изящную руку. Он почувствовал, как ее пальчики гладят его кожу, а потом они проникли под кожу, сквозь череп, и он ощутил, как они ушли в самый центр его головы. Потом — щелчок, который раздался у него в голове и отзвуком пробежал по хребту. Она вынула руку. На самом кончике указательного пальца у нее горел язычок пламени, как от свечки, но только свет от пламени шел куда более яркий, фосфорно-белый.

— Это и есть мое имя? — спросил он.

Она сомкнула пальцы, огонек исчез.

— Было, — сказала она, вытянула руку и указала на ту дорогу, что справа.

— Вот сюда, — сказала она. — Теперь только сюда.

Безымянный, залитый лунным светом, Тень пошел по правой дороге. Когда он обернулся, чтобы поблагодарить ее, позади никого не было,

только тьма. Ему показалось, что он сейчас где-то глубоко-глубоко под землей, но, подняв голову вверх, он увидел в кромешной темноте крохотный лунный лик.

Потом был поворот.

Если это и есть загробная жизнь, подумал он, то больше всего она напоминает Дом-на-Скале: гибрид диорамы и ночного кошмара.

Он увидел самого себя в синей тюремной робе в кабинете начальника тюрьмы, и начальник сказал ему, что Лора погибла в автомобильной катастрофе. Он увидел выражение собственного лица — он был похож на человека, который вдруг почувствовал, что мир про него забыл. Он преисполнился чувством сострадания к этому человеку, которому внезапно стало одиноко и страшно. Он поспешил прочь из затхлого кабинета начальника тюрьмы и вышел к мастерской по починке видеомагнитофонов на окраине Игл-Пойнта, за три года до предыдущей сцены. Кажется, за три. Да, точно, за три.

Он знал, что там, в мастерской, он расписывает под клоунов Ларри Пауэрса и Би Джей Уэста, ссаживая при этом об их лица костяшки собственных кулаков: буквально через несколько минут он отсюда выйдет, перекинув через плечо

коричневый пакет из супермаркета, доверху набитый двадцатидолларовыми купюрами. Те самые деньги, про которые так никогда никому ничего не удалось доказать: его доля в их тогдашнем деле и еще немного сверху, потому что зря они надумали вот так просто взять и кинуть их с Лорой. Он был всего лишь водителем, но свою долю работы сделал честно, сделал все, о чем его попросила Лора…

На суде никто вообще не вспомнил про ограбление банка, хотя всем очень этого хотелось. Пока никто ничего не сказал, доказать что бы то ни было не получилось бы. А никто ничего и не сказал. И вместо ограбления банка прокурор вынужден был сосредоточиться на телесных повреждениях, которые Тень нанес Пауэрсу и Уэсту. Предъявил суду фотографии, сделанные в тот день, когда пострадавшие прибыли в местную больницу. Тень на суде защищаться и не пытался: так оно было проще. Ни Пауэрс, ни Уэст так и не смогли вспомнить причину, по которой началась ссора, но оба настаивали на том, что нападавшей стороной был Тень.

Про деньги никто не сказал ни единого слова.

И про Лору тоже никто ничего не сказал, а только этого Тени и надо было.

Тень начал подозревать, что ему, пожалуй, имело смысл выбрать дорогу приятной лжи. Он повернулся к мастерской по починке видеомагнитофонов спиной и по выбитой в камне тропинке вышел в комнату, которая была похожа на больничную палату; точно, это и была больничная палата в чикагской муниципальной клинике, и он почувствовал, как к горлу у него подкатил ком. Он остановился. Смотреть на эту сцену ему не хотелось. Но и дальше идти не хотелось тоже.

На больничной койке опять умирала его мама, как она уже умерла один раз, когда ему было шестнадцать, ну да, вот и он сам, угловатый подросток с прыщавым лицом цвета кофе с молоком, сидит возле больничной койки и читает толстую книгу в бумажной обложке, не в силах поднять на маму глаза. Тень решил посмотреть, что это за книга, обошел вокруг койки и наклонился ближе. Он стоял между стулом и койкой, переводя взгляд с мамы на неловко сидящего на стуле мальчика, уткнувшегося носом в «Радугу тяготения»,[123] который пытался убежать от материнской смер-

[123] notes: 123

Роман Томаса Пинчона (опубл. 1973). В ранней юности Тень, судя по всему, был завзятым поклонником интеллектуально-постмодернистской «черной комедии».

ти в Лондон времен Второй мировой войны, притом что сугубо литературная фантасмагория книги на самом деле не давала ему ни выхода, ни успокоения.

Мамины глаза были закрыты, она пребывала в морфиновом царстве покоя: то, что казалось ей очередным приступом серповидно-клеточной анемии, еще одним вошедшим в привычку приступом боли, который следует переждать, оказалось на поверку лимфомой. И когда врачи это выяснили, было уже слишком поздно. Кожа у нее приобрела лимонно-серый оттенок. Ей было чуть за тридцать, но выглядела она значительно старше.

Тени захотелось встряхнуть себя, того нелепого подростка, которым он был когда-то, заставить оторваться от книжки, взять ее за руку, поговорить с ней, сделать хоть *что-нибудь*, пока она окончательно не ускользнула из этого мира, а осталось ей совсем недолго, и он об этом знал. Но дотронуться до самого себя он не мог, а потому продолжал читать; вот так мама и умерла, пока он сидел рядом и читал эту толстую книгу.

После смерти матери он практически перестал читать. Литературе верить нельзя. Какой от книжек толк, если они не в состоянии уберечь тебя

от чего-нибудь вроде этого?

Тень вышел из больничной палаты и двинулся дальше по извилистому коридору, который уходил куда-то вниз, в самую земную глубь.

Потом он снова увидел маму и глазам своим не поверил — такая она была молодая: ей, наверное, и двадцати пяти-то еще нет, и никаких болезней у нее еще не обнаружили. Она в квартире, в очередной съемной посольской квартире где-то в Северной Европе. Он оглядывается вокруг в поисках хоть какого-то ключа к ситуации и видит самого себя: мелкого засранца с большими серыми глазами и темными волосами. Они с мамой ругаются. Еще не услышав ни единого слова, Тень уже знает, о чем спор: в конце концов только на этой почве они и ссорились, а больше ни на какой.

— *Расскажи мне об отце.*

— *Он умер. Не доставай меня.*

— *А кто он был?*

— *Забудь про него вообще! Он умер, нет его, и ты ничего в этой жизни не потерял!*

— *Покажи мне его фотографию.*

— *Нет у меня никакой фотографии*, — говорит она, и голос у нее становится тихим и яростным, и он знает, что если и дальше будет задавать

вопросы, она на него накричит или ударит, а еще он знает, что не перестанет задавать вопросы, — поэтому Тень развернулся и пошел по туннелю прочь.

Туннель змеился, и петлял, и закладывал кольца, наводя его на мысли о змеиной коже, о кишках и о самых глубинных, уходящих бог весть в какие подземные тверди корнях дерева. По левую руку у него обнаружился водоем; он услышал, как капает в него вода, еще издалека, но вблизи оказалось, что падающие откуда-то сверху струйки практически не нарушают зеркальной чистоты поверхности. Он опустился на колени и напился, зачерпывая воду рукой. Потом пошел дальше и неожиданно для себя очутился на танцплощадке с плавающими по полу яркими пятнами флуоресцентного света: будто попал невзначай в самый центр вселенной, и все на свете звезды и планеты вращаются теперь вокруг тебя. Но он не слышал никого и ничего, ни музыки, ни людей, которые пытались перекричать музыку, он смотрел во все глаза на женщину, в которой, пожалуй, даже и не признал бы при других обстоятельствах собственную мать, потому что в те годы, когда он ее знал, она такой уже не была — да что там, здесь она почти ребенок…

И она — танцевала.

Тень поймал себя на том, что ничуть не удивился, когда узнал ее партнера. За прошедшие с этих пор тридцать три года он практически не изменился.

Она была пьяна: Тень понял это с первого взгляда. Не то чтобы совсем пьяна, просто она не привыкла к спиртному, а через неделю или вроде того ей садиться на пароход, направляющийся в Норвегию. Пили они «маргариту», и соль так и осталась у нее на губах и на тыльной стороне ладони.

На Среде нет ни костюма, ни галстука, но заколка в форме серебряного дерева, пришпиленная к нагрудному карману рубашки, сияет и переливается, когда на нее попадают лучи прожекторов. Прекрасная пара, если, конечно, закрыть глаза на разницу в возрасте. В движениях Среды сквозит мягкая волчья грация.

Медленный танец. Он притягивает ее к себе, и его огромная лапища по-хозяйски обхватывает ее пониже талии, он прижимается к ней. Другой рукой берет девушку за подбородок, поднимает ее лицо вверх, и вот они уже целуются прямо здесь, на танцполе, а разноцветная переливчатая вселенная крутится и вертится вокруг.

Очень скоро они уходят. У нее кружится голова, она на него опирается, чтобы не упасть, и он ее уводит.

Тень закрыл лицо руками и не пошел следом: у него не было ни малейшего желания наблюдать за сценой собственного зачатия.

Зеркальная иллюминация исчезла, и теперь единственным источником света осталась крошечная луна высоко над головой.

Он двинулся дальше. На очередном повороте на секунду остановился, чтобы перевести дыхание.

И тут же почувствовал, как по его спине нежно прошлась чья-то рука, а потом тонкие пальчики взъерошили ему на затылке волосы.

— Привет, — шепнул темный, с хрипотцой, кошачий голос, прямо у него над плечом.

— Привет, — сказал он и повернулся, чтобы оказаться с ней лицом к лицу.

Она была шатенка с коричневой кожей, а глаза у нее были золотисто-янтарные, как хороший мед. А зрачки — две тонкие вертикальные щели.

— Мы разве знакомы? — озадаченно спросил он.

— Интимнейшим образом, — сказала она и улыбнулась. — Я имела обыкновение спать у тебя на кровати. А мой народ с тех пор не спускает с

тебя глаз, по моей просьбе. — Она обернулась к дороге, которая разбегалась чуть впереди на три разные стороны. — Ну ладно, — сказала она. — Одна сделает тебя мудрым. Другая — цельным. А третья убьет.

— А мне казалось, я уже умер, — сказал Тень. — Там, на дереве.

Она тихо мяукнула.

— Есть мертвые, — сказала она, — и мертвые, а бывают еще и совсем другие мертвые. Это вещь сугубо относительная. — Она снова улыбнулась. — Есть у меня на этот счет хорошая шутка. Про мертвых родственников. Хочешь, скажу?

— Нет, — сказал Тень. — Мне и так весело.

— Ну ладно, — еще раз сказала она. — Так какой дорогой ты хочешь пойти?

— Не знаю, — честно признался он.

Она, чисто кошачьим движением, склонила голову набок. Тени вдруг вспомнились следы когтей на плече, и он поймал себя на том, что сейчас покраснеет.

— Если ты мне доверяешь, — сказала Баст. — Я могу сделать выбор за тебя.

— Я тебе доверяю, — сказал он, не колеблясь ни секунды.

— А знаешь, чего это тебе будет стоить?

— Я уже потерял свое имя, — сказал он.

— Имена приходят и уходят. А оно того стоило?

— Да. Ну наверное. Это было не слишком просто. Это как с откровением — вещь очень личная.

— Все откровения — вещи очень личные, — сказала она. — Именно поэтому им нельзя доверять.

— Не понял, — честно признался он.

— Вот именно что не понял, — кивнула она. — Я заберу твое сердце. Оно нам позже понадобится.

С этими словами она сунула руку ему в грудную клетку, довольно глубоко, и вынула оттуда, зажав между острыми когтями, что-то рубиново-красное и пульсирующее. Оно было цвета голубиной крови и сделано из чистого света. Даже у нее на ладони оно ритмически сокращалось.

Она сжала кулак, и сердца не стало.

— Иди по среднему пути, — сказала она.

Тень кивнул и двинулся с места.

Под ногами стало скользко — камень был покрыт коркой льда. Луна над головой тоже светила теперь через рассеянную в воздухе мелкую ледяную пыль: вокруг образовалось кольцо, лунная радуга, результат преломления света. Было красиво, но идти — гораздо труднее. Ненадежное сцепление с поверхностью.

Он дошел до места, где расходились дороги.

На первую дорогу Тень посмотрел со смутным чувством узнавания. Она вела в огромный зал или даже в целую анфиладу залов, похожую на темный музей. Там он уже успел побывать. До него донеслись долгие отзвуки тихих тамошних шумов. Он слышал даже, как оседает пыль.

То самое место, в котором он побывал во сне в первую ночь, когда в мотеле к нему пришла Лора, сто лет тому назад: бесконечный мемориальный комплекс, посвященный памяти забытых богов — и тех, о которых даже памяти никакой не осталось.

Тень сделал шаг назад.

Он двинулся в сторону самой дальней из трех дорог и постарался заглянуть подальше. В этом коридоре было что-то неуловимо диснейлендовское: стены из черного плексигласа со встроенными электрическими лампочками. Лампочки были цветные и перемигивались безо всякой видимой на то причины, создавая некую иллюзию упорядоченности — как те огоньки, которыми обычно украшены выступы в переборках телевизионных космических кораблей.

Оттуда тоже доносился какой-то звук: слитный басовитый гул, который тут же начал отдаваться у Тени где-то в районе желудка.

Он остановился и огляделся вокруг. И та, и другая дорога, судя по всему, были ни к черту. Хватит уже выбирать. Хватит метаться. Средняя дорога, та, на которую указала женщина-кошка, — это и есть его выбор. И он пошел по ней.

Луна постепенно сходила на нет: ее краешек порозовел и начал исчезать — словно наступало затмение. Вход на среднюю дорогу был обрамлен огромным дверным проемом.

Сквозь эту арку Тень прошел уже в полной темноте. Воздух был теплым и пах мокрой пылью, как на городской улице после первого летнего дождя.

Страшно ему не было.

Уже не было. Все его страхи умерли на дереве, там же, где умер сам Тень. А теперь не осталось ни страха, ни ненависти, ни боли. Не осталось ничего, кроме самой сути.

Вдалеке всплеснуло что-то тяжелое, и этот всплеск эхом отдался в обширном пустом пространстве. Он прищурился, но так и не смог ничего разглядеть. Было слишком темно. А потом, с той же стороны, откуда доносились всплески, занялось призрачно-серое зарево, и мир обрел форму: Тень был в пещере, и прямо перед ним, зеркально-гладкая, простиралась вода.

Всплески становились все ближе, а свет все ярче: Тень ждал на берегу. Довольно скоро в виду показалась лодка с низкой посадкой и дрожащим огоньком от укрепленной на круто задранном вверх носу лампы, другая такая же лампа подрагивала в нескольких футах ниже первой. Лодкой управляла высокая темная фигура, и всплески, которые давно уже слушал Тень, производила именно она, отталкиваясь от дна длинным шестом, с помощью которого лодка плавно продвигалась через воды подземного озера.

— Эй там, слышишь меня?! — крикнул Тень, и внезапно со всех сторон на него хлынули его же собственные слова: было такое впечатление, что целый людской хор приветствует его и обращается к нему, и у каждого из этих людей был его же собственный голос.

Фигура с шестом не обратила на этот концерт никакого внимания.

Лодочник был высок и невероятно худ. На нем — если это был мужчина — была простая длинная белая рубаха, а торчащая над вырезом бледного цвета голова так разительно отличалась от человеческой, что Тень сперва подумал, будто перед ним маска: крохотная птичья головка на длинной и тонкой шее, с высоко поставленным

тонким клювом. Тени показалось, что эту призрачную, похожую на птицу фигуру он прежде уже где-то видел. Он порылся в памяти и чуть ли не с разочарованием вспомнил о допотопной механической игрушке в Доме-на-Скале и о том бледном призраке, что выплывал на секунду из-за склепа, дабы впечатлить заблудшую душу пьяницы.

С шеста и носа лодки капала вода, разбрасывая точечные пунктиры эха, за кормой по ровной поверхности озера расходилась рябь. Сделана была лодка из стянутых вместе тростниковых вязанок.

Лодка подошла к берегу. Лодочник всем весом налег на шест. Голова его начала медленно поворачиваться, пока не уставилась прямо на Тень.

— Здравствуй, — сказал он, даже не двинув длинным тонким клювом. Голос был мужской и смутно знакомый — как собственно и все прочее, что до сей поры Тень встретил в загробном мире. — Забирайся в лодку. Боюсь, ноги тебе все равно придется намочить, но тут уж ничего не поделаешь. Лодки у нас тут старые, если подойду ближе к берегу, оцарапаю днище.

Тень снял туфли и вошел в воду. Она доходила ему до середины голени и была — после того, как

прошел первый шок от соприкосновения кожи с влагой — на удивление теплой. Он добрел до лодки, лодочник протянул ему руку и помог взобраться на борт. Тростниковая лодка качнулась, вода плеснула через низкие плетеные борта, но потом — выровнялась.

Лодочник оттолкнулся шестом от берега. Тень стоял и смотрел, как тот работает, а с намокших джинсов у него капала вода.

— Я вас знаю, — сказал он существу с шестом.

— И то правда, — отозвался лодочник. Масляная лампа, что висела на носу лодки, давала вполне достаточно света, но от нее шла копоть, и Тень закашлялся. — Ты же на меня работал. Хотя, боюсь, Лайлу Гудчайлд нам пришлось предать земле уже без твоей помощи.

Голос у него был немного взвинченный, но каждое слово он выговаривал очень четко.

Дым снова попал Тени в глаза. Он вытер набежавшие слезы рукой, и сквозь эти слезы ему показалось, что он видит перед собой высокого мужчину в костюме и очках в золотой оправе. Дым рассеялся, и лодочник снова превратился в получеловека с головой речной птицы.

— Мистер Ибис?

— Рад тебя видеть, — отозвалось химерическое

существо голосом мистера Ибиса. — Ты знаешь, кто такой психопомп?

Тень вроде бы слышал это слово, но когда-то очень давно. Он покачал головой.

— Понапридумывают всякого, чтобы покрасивее назвать простого проводника, — сказал мистер Ибис. — У каждого из нас столько функций, столько способов существования. С моей собственной точки зрения — я всего лишь тихий кабинетный ученый, который живет себе, никого не трогает, записывает свои истории и грезит о прошлом, то ли на самом деле бывшем, то ли вовсе не бывшем. И по большому счету так оно и есть. Но кроме того, в одном из обличий, а их у меня, как и у многих из тех, с кем ты за последнее время познакомился, немало — так вот, в одном из своих обличий я еще и психопомп. Сопровождаю души умерших в загробное царство.

— А я думал, это и есть царство мертвых, — сказал Тень.

— Нет. Не *per se*.[124] Это всего лишь преддверие.

Лодка скользила по зеркальной поверхности подземного озера. И мистер Ибис сказал, не дви-

---

[124] notes: 124
Само по себе (*лат.*).

гая клювом:

— Вы, люди, рассуждаете о живых и мертвых так, словно это две взаимоисключающие категории. Будто река не может одновременно быть еще и дорогой, а песня — цветом.

— Но ведь и вправду не может, — сказал Тень. — Что, разве не так?

Эхо тихим шепотком повторило на далеком берегу его слова.

— Запомни раз и навсегда, — ворчливо сказал мистер Ибис, — что жизнь и смерть — всего лишь две стороны одной монеты. Как на четвертаке, орел и решка.

— А если у тебя четвертак с двумя орлами?

— У тебя такого нет.

Они все плыли и плыли, и Тень вдруг пробила дрожь. Ему показалось, что он видит глядящие на него с укором из-под зеркальной поверхности лица детей: разбухшая, отклекшая в воде кожа, мутные мертвые глаза. Ветра, который мог бы подернуть рябью зеркало воды, в подземной пещере не было.

— Значит, я все-таки умер, — сказал Тень. Он постепенно начал привыкать к этой мысли. — Или умру буквально вот-вот.

— Мы едем в чертоги смерти. Я сам попросил,

чтобы за тобой послали именно меня.

— Зачем?

— Ты был хорошим работником. К тому же — почему бы мне за тобой и не съездить?

— Потому что… — Тень постарался привести свои мысли в порядок. — Ну хотя бы потому, что я никогда в вас не верил. Потому что я совсем не разбираюсь в египетской мифологии. Потому что я никак этого не ожидал. А что случилось со святым Петром и Жемчужными воротами?

Белая голова с длинным клювом мрачно качнулась в одну сторону, потом в другую.

— Неважно, что ты в нас не веришь, — сказал мистер Ибис. — Важно, что мы в тебя верим.

Лодка чиркнула днищем о камни. Мистер Ибис сошел через борт в воду и велел Тени сделать то же самое. Мистер Ибис взял лежащий на носу моток веревки и отдал Тени лампу: посвети. Они вышли на берег, и мистер Ибис зачалил лодку за металлическое кольцо, вделанное прямо в каменный пол. А потом забрал у Тени лампу и деревянной птичьей походкой пошел вперед, подняв лампу высоко над головой, так что она отбрасывала на каменный пол и высокие каменные стены чудовищной величины тени.

— Боишься? — спросил мистер Ибис.

— Да нет, не очень.

— Ну так постарайся, пока мы идем, проникнуться чувством страха, истинного, духовного. Для той ситуации, которая ждет впереди, чувство более чем подобающее.

Но Тени все равно было не страшно. Интерес был, готовность к восприятию нового — тоже. Его не пугала ни скачущая по углам тьма, ни тот факт, что он умер, ни даже колоссальная, размером с хлебный элеватор фигура с собачьей головой, которая постепенно обозначилась в той стороне, куда они шли, и которая неотрывно на него смотрела. Потом фигура начала рычать: глубокий горловой звук, на басовой ноте — и Тень наконец почувствовал, как по шее пробежали мурашки.

— Тень, — сказала фигура. — Настало время судить тебя.

Руки Анубиса опустились, огромные черные руки, подхватили Тень и поднесли его поближе к глазам.

Шакалья голова принялась внимательно его рассматривать яркими переливчатыми глазами; рассматривать так же бесстрастно, как когда-то мистер Шакель разглядывал лежавшую перед ним на столе девушку. Тень понял, что все его грехи, все ошибки и слабости сейчас из него до-

станут, измерят и взвесят; что в каком-то смысле его самого сейчас препарировали, рассекли — и даже попробовали на вкус.

Мы далеко не всегда помним о тех вещах, которые не делают нам чести. Мы склонны их оправдывать, укутывать в яркие обертки *лжи* или покрывать густой пылью забвения. Все те вещи, которые Тень сделал в этой жизни и которыми он никак не мог гордиться, все то, чего он хотел бы не делать вовсе или сделать как-то иначе, нахлынули на него единым потоком вины, стыда и отчаяния, и спрятаться от этого потока было негде. Он был гол, как обнаженный труп на столе патологоанатома, и темный Анубис, шакалий бог, был и прозектором, и судией, и прокурором.

— Пожалуйста, — взмолился Тень. — Пожалуйста, не надо больше!

Но Анубис продолжал его рассматривать. Каждая неправда, которую он сказал за всю свою жизнь, каждая украденная вещь, каждая боль, которую причинил другому человеку, каждое из ничтожных преступлений и почти незаметных убийств, из которых состоит повседневная человеческая жизнь, извлекалось на свет божий этим безжалостным судией мертвых с головой шакала.

Тень заплакал навзрыд, уткнувшись в черную руку бога. Он снова стал ребенком, беспомощным и беззащитным, каким был когда-то.

И вдруг, безо всякого предупреждения, все кончилось. Тень всхлипывал и хватал ртом воздух, из носа у него текли сопли; он чувствовал себя все таким же беспомощным, но руки уже опустили его, осторожно, чуть ли не с нежностью, назад, на каменный пол.

— У кого его сердце? — прорычал Анубис.

— У меня, — мяукнул в ответ женский голос. Тень поднял голову. Рядом с той фигурой, которая не была уже мистером Ибисом, стояла Баст и держала в правой руке сердце Тени, рубиновым отблеском подсвечивавшее ее лицо.

— Дай его мне, — сказал Тот, бог с головой Ибиса, и взял у нее сердце, и руки его были — не человеческие руки; а потом он скользнул вперед.

Анубис поставил перед собой золотые весы.

— Так вот, значит, где будет принято решение, что меня ожидает! — шепнул Тень, обращаясь к Баст. — Рай? Ад? Чистилище?

— Если чаши придут в равновесие, — сказала она, — тебе придется самому выбирать свою судьбу.

— А если нет?

Она пожала плечами, будто разговор на эту тему был ей решительно неприятен. А потом все-таки сказала:

— Тогда мы скормим твои сердце и душу Амме-ту, Пожирателю Душ…

— Ну что же, — сказал он, — значит, можно хоть в самом конце надеяться на счастливый исход. Хоть в какой-нибудь его разновидности.

— Не существует не только счастливых исходов, — она повернулась к нему, — никаких вообще исходов не существует.

На чашу весов, аккуратно, почтительно, Анубис положил птичье перышко.

На другую он поместил сердце Тени. В густой тени под весами что-то задвигалось, что-то такое, к чему Тени вовсе не захотелось приглядываться.

Это было очень тяжелое перо, но и сердце Тени весило немало: чаши весов задрожали и самым неприятным образом начали ходить попеременно то вверх, то вниз.

Но в конце концов они и впрямь уравновесились, и существо в тени под весами недовольно куда-то уползло.

— Вот значит как, — задумчиво сказала Баст. — Еще один череп в общую кучу, не более того.

Жаль. А я-то надеялась, что в наступающей неразберихе ты сделаешь что-нибудь стоящее. Знаешь, на что это похоже: смотришь в замедленной съемке на автомобильную катастрофу и ничего не можешь сделать, чтобы ее предотвратить.

— А тебя там не будет?

Она покачала головой.

— Я не люблю, когда другие решают за меня, где и с кем мне драться, — сказала она.

И в огромных чертогах смерти воцарилась тишина, которая эхом отражалась от воды и темного пустого пространства.

Тень сказал:

— Значит, теперь я сам должен выбрать, куда мне идти?

— Выбирай, — сказал Тот. — Или мы можем сделать этот выбор за тебя.

— Нет, — сказал Тень. — Я сам. Это мое решение.

— Ну? — прорычал Анубис.

— Сейчас я хочу отдохнуть, — сказал Тень. — Вот чего я хочу по-настоящему. И больше ничего. Ни рая, ни ада, ничего. Просто пускай все это кончится.

— Ты уверен? — спросил Тот.

— Да, — ответил Тень.

Мистер Шакель отворил для Тени последнюю дверь, и за этой дверью ничего не было. Ни темноты. Ни даже забвения. Там было только — ничто.

Тень принял его, целиком и беззаветно, и шагнул в это ничто через дверной проем со странным, диким чувством радости.

Глава семнадцатая

Все на этом континенте — масштабов необычайных. Реки огромны, климат суров, как в жару, так и в холод, пейзажи великолепны, гром и молния потрясающи. Волнения, происходящие в этой стране, потрясли бы основы любого государственного строя. Наши собственные промахи, наши потери, наши позор и разорение — все нужно считать здесь по особому счету.

Лорд Карлейль. Из письма Джорджу

Селвину, 1778 г.[125]

Реклама самого важного места в юго-восточной части Соединенных Штатов размещена на крышах сотен старых амбаров по всей Джорджии и по всему Теннесси — и далее вплоть до Кентукки. Вписавшись в очередной поворот петляющей по лесу дороги, водитель проезжает мимо ветхого красного здания и читает на его крыше огромные буквы:

ПОСЕТИТЕ РОК-СИТИ

ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

А на крыше стоящего буквально в нескольких сотнях метров полуразвалившегося коровника белыми буквами будет выведено:

ВЗГЛЯНИТЕ НА СЕМЬ ШТАТОВ ИЗ РОК-СИТИ

---

[125] notes: 125

*Фредерик Говард, 5-й граф Карлейл*ь (1748–1825) — британский политический деятель конца XVIII — начала XIX века. Первым его большим постом был пост главы специальной комиссии, которая пыталась договориться с тринадцатью восставшими североамериканскими колониями. Посольство закончилось неудачей, впрочем, не из-за дипломатической несостоятельности тридцатилетнего лорда Карлейла, а из-за того, что ситуация зашла в тупик еще до начала переговоров. *Джордж Селвин* (1719–1791) — один из самых влиятельных закулисных игроков в британском парламенте второй половины XVIII века (за 44 года, которые он провел в качестве депутата Палаты общин, не произнес *ни единой* речи). Известный острослов, мастер эпистолярного жанра.

Все это заставит нашего водителя уверовать в то, что этот самый Рок-сити ждет его буквально за следующим поворотом, в то время как на самом деле до него еще целый день езды, ибо находится он на Сторожевой горе, в Джорджии, буквально на волосок от границы штата, к юго-западу от Чаттануги, штат Теннесси.

Сторожевая гора — на самом деле не совсем гора. Скорее это холм, только невероятно высокий и крайне удачно расположенный. Когда в эти места пришли белые люди, здесь жили чикамога, одно из ответвлений племени чероки; они называли гору Чаттотонуги, что можно перевести как *островерхая гора*.

В 1830 году в соответствии с «Актом о переселении индейцев»[126] Эндрю Джексона они лишились своих земель — все чокто, и чикамога, и чероки и чикасо — и войска Соединенных Штатов заставили каждого, кого смогли поймать, отправиться пешком по тропе слез на Индейские территории, которые со временем превратятся

[126] notes: 126

Автор несколько путает, в 1830 году был принят акт о перемещении (removal), а не переселении (relocation) индейцев. Но сути это не меняет. Речь шла о переселении на Индейские территории так называемых «Пяти цивилизованных племен».

в Оклахому, и это был акт сознательно организованного геноцида. Тысячи мужчин, женщин и детей умерли по дороге. Но если тебя победили, значит, тебя победили, и никто против этого не поспорит.

Ибо тот, кто владел Сторожевой горой, владел и всей страной: так гласила легенда. В конце концов разве не было это место священным, и разве не представляло оно собой господствующую высоту? Во время Гражданской войны, или Войны между штатами, как ее еще называют, здесь была битва: Битва за облаками, как потом назвали первый ее день, после чего войска Союза сделали невозможное, атаковав безо всякого приказа Миссионерский хребет и овладев им. Север занял Сторожевую гору и выиграл войну.[127]

---

[127] notes: 127

Так называемая «Битва за облаками» — один из самых романтизированных эпизодов Гражданской войны. В действительности имели место бессистемные стычки в условиях плохой видимости, которые, по словам генерала Улисса Гранта, «и битвой-то назвать язык не поворачивается» и которые не привели к каким бы то ни было ощутимым результатам. На следующий день войска северян, попавшие под кинжальный огонь южан, окопавшихся на гребне Миссионерского хребта и не получавшие от своего командования никаких внятных приказов ни относительно атаки, ни относительно отступления, по собственной инициативе, диктовавшейся в первую очередь чувством самосохранения, бросились вперед. Южане, которые из-за ошибки своего командующего окопались не на так называемом «военном гребне» (что позволило бы им простреливать весь склон, не оставляя «мертвых зон»), а на географическом гребне Миссионерского хребта, вынуждены были подпустить противника на расстояние прямой шты-

ковой атаки, не имея возможности остановить его огнем на подступах. При численном превосходстве северян южане были смяты.

Под Сторожевой горой много пещер и туннелей, и некоторые из них очень древние. По большей части в настоящее время они завалены, хотя какое-то время назад местные предприниматели раскопали подземный водопад, окрестили его Рубиновым и протянули к нему подъемник. Теперь это туристический аттракцион, хотя самый большой здешний туристический аттракцион расположен на вершине Сторожевой горы. Это и есть Рок-сити.

Начинается Рок-сити с декоративного сада на склоне горы: посетители идут по тропинке, которая ведет их между скалами, через скалы и сквозь скалы. Они бросают горсточку зерна в олений загон, проходят по висячему мостику и смотрят — за двадцатипятицентовик — в подзорную трубу, через которую действительно можно увидеть часть территории семи близлежащих штатов, при условии, что день выдался солнечный и воздух совершенно чист, а это случается нечасто. И оттуда та же самая тропа, подобно спуску в странную преисподнюю, ведет посетителей, — а таковых каждый год сюда съезжается не один миллион — в подземные пещеры, где они созерцают подсвеченные диорамы на сюжеты из детских стишков и волшебных сказок. Уходя,

они испытывают смешанные чувства, не вполне понимая ни зачем они сюда приехали, ни что они, собственно, здесь увидели, ни хорошо ли в конечном счете они провели время.

Они собирались в окрестностях Сторожевой горы со всех Соединенных Штатов. И это были не туристы. Они приезжали на машинах, летели самолетами, прибывали на автобусах и поездах, шли пешком. Некоторые летели сами — но только очень низко и исключительно по ночам. А иные пришли под землей, своими, им одним известными путями. Многие добрались на попутках, упрашивая нервических автолюбителей или водителей грузовиков подкинуть их докуда возможно. Те, у кого были свои машины или грузовики, замечали тех, у кого машин не было, у обочины дороги, на заброшенных автобусных остановках или в придорожных забегаловках и, признав по каким-то невнятным приметам, что перед ними свои, предлагали их подвезти.

Запыленные и усталые, они собирались у подножия Сторожевой горы. Они смотрели вверх, по лесистым склонам, и видели тропинки и сады, и водопад Рок-сити — или им казалось, что они все это видят.

Прибывать они начали с самого утра. Вторая

волна накатила в сумерках. А потом еще несколько дней их становилось все больше и больше.

Побитый грузовик из прокатной конторы «Сам себе перевозчик» остановился у обочины, и из кузова выбрались несколько смертельно усталых русалок и вил, с размазанным макияжем, набрякшими от долгой бессонной дороги веками и стрелками на колготках.

В рощице у самого подножия холма престарелый вампир протянул открытую пачку «Мальборо» голому обезьяноподобному существу, покрытому свалявшейся рыжей шерстью. Тот с благодарностью принял сигарету: они сидели бок о бок и молча курили.

На обочину съехала «Тойота-Превия», из которой вышли семеро китайцев, мужчин и женщин, чистеньких и опрятных, в одинаковых темных костюмах; такие в некоторых странах носят мелкие госчиновники. У одного из них в руках была папка с зажимом, и когда из багажника начали выгружать огромные сумки для гольфа, каждый предмет он сверял со списком; в сумках оказались покрытые травленым узором мечи с полированной рукоятью, резные палочки и зеркала. Оружие раздали на руки, проверили, и каждый за свое расписался.

Знаменитый когда-то комический актер, которого все на свете считали умершим еще в двадцатые годы, вылез из ржавой машины и стал снимать с себя одежду: ноги у него оказались козлиными, хвостик тоже был козлиный, коротенький.

Приехали четверо улыбчивых мексиканцев с иссиня-черными прилизанными волосами: они передавали по кругу бутылку, которую старались при посторонних особо не светить и которая была спрятана в пакете из крафт-бумаги: в бутылке плескалась горькая спиртовая настойка на молотых какао-бобах и крови.

Маленький чернобородый мужчина в запыленном котелке, с завивающимися штопором пейсами на висках и в накинутой на плечи обтрепанной и протертой чуть не до дыр молитвенной накидке, пришел пешком, прямо через поля. В нескольких шагах за ним следом шел его спутник, ростом выше почти вдвое, со светло-серой кожей цвета хорошей польской глины: слово, написанное у него на лбу, переводилось как *истина*.

Они продолжали прибывать. Подъехало такси, из которого выбрались и принялись бестолково топтаться на обочине несколько ракшасов, демонов с Индийского субконтинента: они молча

разглядывали собравшуюся у подножия горы публику, пока не заметили Маму-джи — та сидела с закрытыми глазами и губы у нее шевелились в молитве. Она была единственным здесь знакомым существом, но подойти к ней ближе они все-таки не решались, памятуя о прежних сражениях. Руки ее поглаживали висящую на шее цепочку из черепов. Ее коричневая кожа постепенно стала черной, блестящего обсидианово-черного цвета: губы у нее раздвинулись, и обнажились длинные и острые зубы. Она открыла глаза, подозвала к себе ракшасов и обняла их так, как обнимала бы, должно быть, собственных детей.

Грохотавшие несколько дней подряд на севере и востоке грозы ничуть не разрядили повисшей в воздухе тяжести, гнетущей и влажной. Местные метеорологи даже предупредили о возможности возникновения торнадо в небольших, неподвижно застывших островках высокого давления. Днем погода стояла теплая, а ночи были холодны.

Они сбивались вместе в разношерстные компании, где по национальности, где — по расе или темпераменту, а то и по видовым признакам. Настроение было тревожное. И вид у всех был

усталый.

Кое-где шли разговоры. Случалось, вспыхивал и смех, но приглушенный и нечасто. Из рук в руки передавали упаковки с пивом.

Через луга в лагерь пришли несколько местных мужчин и женщин, тела которых двигались как-то странно, а когда они открывали рот, то говорили не собственными голосами, но голосами вселившихся в них *Лоа*: высокий чернокожий мужчина говорил голосом Папы Легбы, что отворяет ворота; Барон Суббота, вудуистский повелитель мертвых, вселился в тело девочки-готки из Чаттануги, совсем еще сопливой — может быть, просто потому, что она была счастливой обладательницей собственного черного шелкового цилиндра, который сидел на ее макушке под каким-то залихватским углом. Говорила она гнусавым басом Барона, курила невероятных раз-

меров сигару и распоряжалась тремя *Жеде*,[128] то есть *Лоа*-мертвецами. *Жеде* обитали в телах троих братьев средних лет. В руках у братьев были дробовики, и шуточки они отпускали настолько грязные, что смеяться им отваживались только они сами — впрочем, делали это за всех, и с большим удовольствием.

Две неопределенного возраста женщины-чикамога в засаленных джинсах и потертых кожаных куртках бродили по лагерю, разглядывая народ и приготовления к битве. Время от времени они указывали друг другу на что-нибудь пальцами, а потом принимались качать головами. В грядущем конфликте они не собирались принимать участия.

На востоке набухла и выкатилась из-за горизонта луна, которой оставались ровно сутки до

---

[128] notes: 128

Папа Легба, Барон Суббота и другие Лоа — персонажи гаитянской мифологии, представляющей собой микс из христианских и различных африканских верований. Все Лоа — посредники между Бондье (Bon Dieu), богом-создателем и людьми, активно вмешивающиеся в жизнь последних. Папа Легба — хозяин перекрестков и ворот, ответственный за коммуникацию между людьми и Лоа. Именно его во время церемонии всегда вызывают самым первым и самым последним, поскольку без него никакой контакт между мирами невозможен. Изображается в виде старика в широкополой соломенной шляпе, на костылях или с тростью. Барон Суббота — повелитель Жеде, духов мертвых. Изображается обычно в цилиндре и смокинге, с ноздрями, заткнутыми ватой. Кроме того, отличается необычайной сексуальной активностью.

того момента, когда она войдет в полную силу. Казалось, когда встанет, она займет собой половину неба, огромный оранжево-красный шар над черными лесистыми холмами. Но по мере того как линия горизонта делалась от нее все дальше и дальше, она усыхала и бледнела, пока не повисла наконец посреди неба, как фонарь.

Много их здесь собралось, у подножия Сторожевой горы, в лунном свете. И все они ждали.

Лоре хотелось пить.

Иногда живые люди горели у нее в голове ровным тихим светом, как свечи, а иногда пламенели как факелы. Поэтому избегать их было легко, и, в случае надобности, отыскивать. Тень на дереве горел очень странно, каким-то своим особенным светом.

Однажды она попеняла ему, когда они шли и держались за руки, на то, что он неживой. Ей тогда хотелось выбить из него хоть искру какого-нибудь живого чувства. Хоть какого-нибудь.

Она вспомнила, как шла с ним рядом и надеялась: пускай он поймет, что я хочу сказать.

Но умирая на этом своем дереве, Тень был живой, еще какой. Она наблюдала за ним, пока в нем угасала жизнь, и свет в нем постепенно сходился в яркую живую точку. И еще он попросил

ее остаться с ним, остаться на всю ночь. Он ее простил… ну, наверное простил. Не важно. Он изменился: это она знала наверняка.

Тень сказал ей, чтобы она шла на ферму, и там ей дадут воды. В доме огонь не горел, и она вообще никого не видела. Но он ей сказал, что там о ней позаботятся. Она толкнула входную дверь, и дверь отворилась, жалобно заскрипев ржавыми петлями.

В левом легком у нее что-то зашевелилось, что-то такое, что зудело и жило своей собственной жизнью и от чего ей хотелось кашлять.

Она оказалась в узком коридоре, едва ли не напрочь перегороженном высоким пыльным пианино. В доме пахло застоялой сыростью. Она протиснулась мимо пианино, открыла дверь и оказалась в замусоренной гостиной, сплошь заставленной вместо мебели какой-то рухлядью. На каминной полке горела масляная лампа. Под ней, в камине, горел каменный уголь, хотя ни огня, ни дыма она снаружи дома не почувствовала. Огонь был яркий, но в комнате от него теплее не стало, хотя, и Лора первая готова была это признать, виною в том вполне могла оказаться и не комната.

Смерть причиняла Лоре боль, хотя сама эта боль состояла по большей части из ощущений

скорее нематериальных: из отчаянной жажды, которая давно уже иссушила каждую клеточку ее мертвого тела, из отсутствия в ее костях живого тепла — полного и абсолютного. Иногда она ловила себя на мысли: интересно, согрели бы ее жаркие и шумные языки погребального пламени, или мягкое, толстое коричневое одеяло земли; или холодное море — смогло бы оно унять ее жажду?..

До нее вдруг дошло, что в комнате кто-то есть.

На ветхой кушетке сидели три женщины, похожие на какую-то странную художественную экспозицию. Кушетка была накрыта протертым до дыр бархатным покрывалом тускло-коричневого цвета, который когда-то, может быть, сотню лет назад, был ярко-желтым, канареечным. С того самого момента, как она вошла в комнату, они молча следили за ней глазами.

Лора даже не отдавала себе отчета в том, что они здесь есть.

В черепе у нее что-то зашевелилось и выпало в носовую полость. Лора нащупала в рукаве бумажную салфетку и выбила в нее нос. Салфетку она смяла, бросила вместе с содержимым на горящие в камине угли и стала наблюдать, как сперва прогорела бумага — потемнела, обуглилась, а

потом превратилась в ярко-оранжевое кружево — и как корчатся и чернеют от жара черви.

Когда сгорело все, она повернулась к сидевшим на кушетке женщинам. Они так и не двинулись, с тех самых пор, как она вошла: ни единым мускулом, ни на волосок. Просто сидели и смотрели.

— Здравствуйте. Это ваша ферма? — спросила она.

Самая большая из трех женщин кивнула. Руки у нее были очень красные, а выражение лица — отсутствующее.

— Тень — ну, тот человек, который висит на дереве, это мой муж — так вот, он сказал, чтобы я вам передала, что он вас просит дать мне воды.

В животе у нее шевельнулось что-то большое. Выгнулось — и затихло.

Самая маленькая из трех женщин слезла с кушетки. У нее даже ноги не доставали до пола. И мигом выскочила из комнаты.

Лора слышала, как где-то захлопали двери. Потом, уже снаружи, начал раздаваться ритмический скрип дерева. И каждый следующий звук сопровождался плеском воды.

Довольно скоро маленькая женщина вернулась. В руках у нее был коричневый глиняный кувшин с водой. Она осторожно поставила его

на стол и вернулась на прежнее место. Подошла к кушетке, подтянулась на руках и, перебросив себя через край, уселась рядом с сестрами.

— Спасибо, — Лора подошла к столу, огляделась в поисках стакана или чашки, но ничего подобного в пределах видимости не наблюдалось. Она взяла со стола кувшин. Он был тяжелее, чем казался на вид. И вода в нем была идеально чистая.

Она поднесла кувшин ко рту и начала пить.

Вода оказалась холоднее, чем она могла себе представить. Чем вообще может быть вода в жидком состоянии. Она обожгла ей язык и горло — и заломило зубы. Но Лора все пила и пила, и никак не могла остановиться, чувствуя, как ледяная струя проникает все глубже в ее тело: в желудок, в живот, в сердце, в жилы.

Вода ручьем текла ей в глотку. Она была как жидкий лед.

Потом Лора вдруг заметила, что кувшин пуст, и удивленно поставила его обратно на стол.

Женщины с бесстрастным выражением на лицах продолжали на нее смотреть. С самого момента своей смерти Лора не мыслила метафорами: вещи либо есть, либо их нет. Но теперь, глядя на неподвижно сидевших женщин, она поймала себя на том, что думает о судьях, или

об ученых, которые наблюдают за подопытным животным.

И вдруг ее пробила конвульсия. Она протянула руку к столу, чтобы не потерять равновесия, но стол ушел в сторону и накренился, и у нее едва получилось уцепиться за самый край. Она ухватилась рукой за столешницу, и ее начало рвать. Из нее вышла желчь, и формалин, и черви, и многоножки. А потом она почувствовала, что теряет сознание и что из нее льется моча: тело выталкивало из себя все, что было в нем лишнего, отчаянно, всеми доступными ему средствами. Она закричала бы, если бы могла: но тут пыльные половицы с размаху ударили ее в лицо, так быстро и сильно, что наверняка бы вышибли из нее дух, если бы она еще могла дышать.

Время окатывало ее, ввинчивалось в ее тело, закручиваясь, как пыльный смерч. Тысяча воспоминаний начали всплывать все сразу: она потерялась в универмаге, в предрождественскую неделю, и папы нигде не видно; а вот она уже сидит в баре «Чи-Чи», заказывает клубничный дайкири и окидывает взглядом парня, с которым ей устроили свидание вслепую, большого, серьезного полумужчину-полуребенка — интересно, а как он целуется; а вот она в машине, и машина

дергается, крутится, и подкатывает тошнота, и Робби кричит на нее, пока металлический столб в конечном счете не останавливает машину, а все, что в ней было, продолжает по инерции лететь…

Вода времени, что рождается в источнике судьбы, Колодце Урд, это не живая вода. То есть не совсем живая. Но она питает корни мирового древа. И другой такой воды на свете нет.

Когда Лора очнулась в пустой гостиной, ее била дрожь, а дыхание облачками пара просачивалось в холодный утренний воздух. На тыльной стороне ладони у нее была глубокая царапина, и из этой царапины текла жидкость цвета живой свежей крови.

И она точно знала, куда идти. Она испила воды времени, что рождается в источнике судьбы. Гора уже нарисовалась перед ее внутренним взором.

Она слизнула с руки кровь, пришла в восторг от ее вкуса, от тягучей слюны во рту и двинулась в путь.

Стоял мокрый мартовский день, было не по сезону холодно, и бушевавшие несколько предшествующих дней грозы продолжали полосовать южные штаты: по сумме этих факторов настоящих туристов на Сторожевой горе было совсем немного. Рождественскую иллюминацию успели

снять, а до летнего туристического сезона было еще далеко.

Но народ на Сторожевой горе все-таки был. Утром даже пришел целый туристический автобус и выпустил на свет божий дюжину прекрасно загоревших и сияющих великолепными, уверенными улыбками мужчин и женщин. Вид у всех был как у телезвезд первой величины, и даже чисто зрительно складывалось такое впечатление, будто ты видишь их по телевизору: время от времени, непосредственно в движении, они как будто немного расплывались по краям. Перед Рок-сити был припаркован черный армейский «Хаммер».

Телевизионщики уверенной походкой двинулись через Рок-сити, остановившись попозировать перед Качающейся Скалой, где они побеседовали меж собой приятными, спокойными голосами.

Впрочем, в этой волне посетителей они были отнюдь не единственными. Если бы вы могли в тот день побродить по дорожкам Рок-сити, то заметили бы людей, похожих на кинозвезд, и людей, которые выглядели как пришельцы из космоса, а еще того больше — людей, которые выглядели как сама идея человека, ничего об-

щего не имеющая с реальностью. Увидеть вы бы их наверняка увидели, но вот обращать на них внимания ни за что бы не стали.

Они приезжали в Рок-сити на длинных лимузинах, маленьких спортивных автомобилях и гипертрофированно больших внедорожниках. Многие были в темных очках, и вид у них был точь-в-точь как у людей, что носят темные очки и в помещении, и на улице, и очень не любят их снимать. Тропический загар, роскошные костюмы, дорогие очки, улыбки и шутливо скорченные гримасы. Они были самого разного роста и телосложения, всех возрастов и одевались в самых различных стилях.

Единственное, что у них было общего, — это взгляд, весьма специфический. Он как будто говорил: *ведь вы же меня знаете*; или по крайней мере: *вы должны меня знать*. Моментальная волна дружеского расположения, которая при этом подчеркивала существующую дистанцию, этот самый взгляд, и — общее отношение ко всему на свете, уверенность в том, что мир существует именно для них, что они в нем — желанные гости и что их обожают.

Жирный молодой человек бродил среди них шаркающей походкой счастливчика, который, не

имея никаких социальных навыков, умудрился сделать головокружительную карьеру, о какой не смел и мечтать. Его черное пальто развевалось по ветру.

Стоявшее у стойки с прохладительными напитками во «Дворике Матушки Гусыни» существо кашлянуло, чтобы привлечь его внимание. Существо было громоздким, и из кожи лица и пальцев у него торчали лезвия скальпелей. А лицо было — как у ракового больного.

— Славная будет битва, — сказало существо, и в интонации послышалась — жадность.

— Не будет никакой битвы, — ответил жирный молодой человек. — С кем тут драться? С пизданутым парадигматическим сдвигом? Обычная перетасовка кадров. Такие понятия, как *битва*, — это же просто какой-то блядский Лао-цзы!

Ракового вида существо прищурилось.

— А я вот жду, — сказало оно.

— Да сколько угодно! — небрежно уронил жирный молодой человек. — А я вот ищу мистера Мирра. Ты его не видел?

Существо поскребло себя по голове лезвием скальпеля и раздумчиво выпятило пухлую нижнюю губу. А потом кивнуло.

— Вон там его ищи, — сказало оно.

Жирный молодой человек, даже не кивнув в знак благодарности, зашаркал прочь в указанном направлении. Раковое существо молча дождалось, пока он скроется из виду.

— Нет, все-таки *будет* битва, — сказало оно подошедшей к стойке женщине, лицо которой как раз в этот момент разбрелось на отдельные пиксели.

Та кивнула и подсела ближе.

— Вы хотите об этом *поговорить*? — спросила она очень милым и вызывающим мгновенное доверие голосом.

Существо прищурилось и заговорило.

В «Форде-Эксплорере» Градда была система глобальной навигации, маленький экран, который слушал голоса спутников и указывал машине ее точное местонахождение. Однако, забравшись в паутину проселочных дорог к югу от Блэксбурга, он все-таки заплутал: дороги, по которым он ехал, кажется, имели мало отношения к путанице линий на экране прибора. Так что в конце концов ему пришлось остановить автомобиль на проселке, опустить окно и спросить у толстой белой женщины, которую волок за собой на поводке на раннюю утреннюю прогулку какой-то волкодав, как ему проехать на Ясеневую ферму.

Она кивнула, показала рукой направление и что-то ему сказала. Из сказанного он не понял ни слова, но поблагодарил, поднял стекло и поехал в том направлении, которое она указала.

Ехал он еще минут сорок, с одной проселочной дороги на другую, и ни одна не была той самой, которую он, собственно, искал. Градд начал покусывать нижнюю губу.

— Староват я становлюсь для всей этой хрени, — сказал он вслух, искренне войдя в образ усталой от жизни кинозвезды.

Ему было под пятьдесят. Большую часть своей трудовой биографии он провел под крышей одного правительственного учреждения, которое везде и всюду фигурировало исключительно под названием, сокращенным до первых букв, и на самом ли деле лет двенадцать тому назад он покинул это учреждение и ушел в частный бизнес, или это всего лишь очередная крыша, с уверенностью не мог сказать никто, даже он сам: сегодня ему казалось, что это так, а завтра — иначе. По большому счету что так, что эдак, какая, в сущности, разница. Только тем лохам, которые ходят по улицам, кажется, будто эта разница существует на самом деле.

Он уж совсем было собрался отказаться от этой

затеи, когда, взобравшись на очередной пригорок, увидел внизу, на ограде, от руки написанную табличку. Как и было сказано, надпись была простая и без затей: ЯСЕНЬ. Он подрулил к воротцам, вышел из машины и принялся разматывать проволоку, которой были стянуты створки.

Это вроде как лягушку сварить, подумал он. Кладешь лягушку в воду и включаешь огонь. И к тому времени как лягушка замечает, что что-то не так, она уже и сварилась. Мир, в котором ему приходилось работать, был хуже некуда. Все ползет, на что поставишь ногу; вода в кастрюльке кипит аж клокочет.

Когда его перевели в Агентство, все казалось элементарнее некуда. А на поверку вышло — не то чтобы сложно, подумал он, нет: просто по-идиотски как-то. Вот только что, в два часа ночи, он сидел в кабинете у мистера Мирра, и ему объясняли, что нужно делать.

— Вы меня поняли? — спросил мистер Мирр, вручая ему нож в темных кожаных ножнах. — Срежьте мне палку. Не длиннее пары футов.

— Задание понял, — сказал он. А потом задал вопрос: — А зачем я должен это сделать, сэр?

— Потому что я вам отдал такой приказ, — ровным тоном сказал мистер Мирр. — Отыскать

дерево. Сделать свою работу. Встретиться со мной в Чаттануге. И не тратить лишнего времени.

— А как быть с этим мудаком?

— С Тенью? Если увидите его, даже близко не подходите. И не трогайте. Даже не пытайтесь. Не хочу, чтобы вы превратили его в мученика. В наших нынешних планах мученики не значатся. — И он улыбнулся своей улыбкой, которая была — одни шрамы. Мистера Мирра вообще легко было развеселить. Мистер Градд уже неоднократно обращал на это внимание. Даже играть роль шофера там, в Канзасе, ему и то было весело.

— Но послушайте…

— Я сказал, никаких мучеников, Градд.

И Градд кивнул, и взял нож в темно-коричневых ножнах, и засунул поднимавшуюся в нем ярость куда подальше и поглубже.

Ненависть к Тени давно уже сделалась составной частью души мистера Градда. Засыпая, он видел перед собой его мрачное лицо, видел эту улыбку, которая и улыбкой-то не была, а сама манера безулыбчиво улыбаться выводила его из себя, ему хотелось врезать этому парню как следует под дых, и даже когда он засыпал, челюсти у него оставались плотно сжатыми, на висках

бугрились жилы, а в горле горело.

Он проехал на «Форде-Эксплорере» по лугу, мимо заброшенной фермы, перевалил через пригорок и увидел дерево. Машину он остановил, проехав чуть дальше дерева, и заглушил мотор. Часы на приборной панели показывали 6:38 утра. Ключи он оставил в машине.

Дерево было огромным; складывалось впечатление, будто у него собственная шкала насчет того, до каких размеров могут вырастать деревья. Градд даже затруднился бы сказать, какой оно высоты — пятьдесят футов или двести. Цвет коры был серый, как у тонкой шелковой шали.

К нижней части ствола густой паутиной веревок был привязан голый человек, мужчина, а у подножия лежало что-то продолговатое, завернутое в простыню. Подойдя к свертку, Градд понял, что это такое. Он толкнул его ногой, и из-под простыни на него глянула изуродованная половинка лица Среды.

Градд обошел дерево так, чтобы на него не пялились слепые окна фермы, расстегнул ширинку и отлил на ствол. Потом застегнулся, пошел к дому, отыскал там складную деревянную лестницу, принес ее обратно к дереву, прислонил к стволу и забрался наверх.

Тень мешком висел на своих веревках. Градд подумал: интересно, жив он или уже нет — грудь у Тени не поднималась и не опускалась. Хотя — совсем он сдох или не совсем, какая, в сущности, разница.

— Здорово, придурок! — громко сказал Градд. Тень не шелохнулся.

Градд добрался до самой верхней ступеньки и вынул нож. Он отыскал небольшую ветку, которая, кажется, соответствовала описанию мистера Мирра, и рубанул ее ножом у самого основания, перерезав наполовину, а потом просто отломил. Длиной она была дюймов в тридцать.

Градд сунул нож обратно в ножны и начал спускаться вниз. Поравнявшись с Тенью, он остановился.

— Господи, если бы ты знал, как я тебя ненавижу! — сказал он. Ему очень хотелось вытащить пушку и прострелить эту падлу насквозь, но он знал, что делать этого нельзя. И вдруг ткнул в сторону висевшего на дереве врага своей палкой — это был быстрый колющий выпад. Жест чисто инстинктивный, но в него мистер Градд вложил всю свою обиду на Тень и всю свою ненависть. На секунду ему показалось, что в руке у него копье и что наконечник этого копья ушел глубоко во

внутренности этого человека.

— Ладно, хватит, — сказал он вслух. — Время двигать назад.

А потом подумал: *Первый признак безумия. Начинаешь разговаривать сам с собой.* Он спустился еще на несколько ступенек, а потом просто спрыгнул на землю. Он посмотрел на палку, которую держал в руке, и почувствовал себя маленьким мальчиком, для которого любая палка — копье или меч. *Мог бы срезать эту хреновину с любого другого дерева*, подумал он. *Какая разница, что одно дерево, что другое. Кто бы еще эту разницу заметил*?

И тут же пришла следующая мысль: *Мистер Мирр заметил бы, наверняка.*

Он отнес лестницу обратно к дому. Краем глаза он как будто уловил какое-то движение и тут же поднял голову и заглянул в окно, в темную комнату, заставленную ветхой мебелью, с осыпавшейся со стен штукатуркой — и на секунду, словно во сне, ему показалось, что он видит трех женщин, которые сидят рядком на кушетке в дальнем, темном конце комнаты.

Одна из них вязала. Другая смотрела прямо на него. Третья вроде спала. Та женщина, что смотрела на него, расплылась в улыбке, в улыбке

совершенно невероятной, которая, казалось, располосовала лицо поперек, от уха до уха. А потом поднесла большой палец себе к горлу и аккуратно провела им — от уха до уха.

По крайней мере так ему показалось, на долю секунды, потому что когда буквально через мгновение он посмотрел внимательнее, в комнате не оказалось никого и ничего, кроме полусгнившей мебели, засиженных мухами картин и клубков пыли. Совсем никого.

Он протер глаза.

Градд пошел обратно к своему «Форду-Эксплореру» и забрался внутрь. Палку он бросил на обитое белой кожей пассажирское сиденье. Повернул ключ зажигания. Часы на приборной панели показывали 6:37 утра. Он нахмурился и сверился с наручными часами, которые мигнули и показали 13:58.

Прекрасно, подумал он. *Значит, я провел здесь либо восемь часов, либо минус одну минуту*. Подумать-то он об этом подумал, но на самом деле решил про себя, что объяснение здесь может быть одно-единственное: оба прибора по какому-то дурацкому совпадению начали вести себя неподобающим образом.

А между тем тело Тени на дереве начало крово-

точить. Рана была в боку. Кровь шла медленно и была густая и черная, как патока.

Вершину Сторожевой горы закрыли облака.

Белая сидела в стороне от основной толпы, собравшейся у подножия, и смотрела, как над холмами на востоке занимается заря. Вокруг запястья левой руки у нее была вытатуирована цепочка из синих незабудок, и незаметно для себя она потирала их большим пальцем правой.

Вот и еще одна ночь пришла и ушла, и ничего не случилось. Народ по-прежнему прибывал, поодиночке, по двое. Прошедшей ночью подошло еще несколько существ, с юго-запада, включая двоих младенцев ростом с яблони, и еще что-то такое, что она увидела только краем глаза: больше всего оно было похоже на отрубленную человеческую голову размером с «Фольксваген-жук». И все они растворились в лесу у подножья горы.

Никто их здесь не беспокоил. Во всем окружающем мире никто, судя по всему, даже не обратил внимания на то, что все они здесь собрались: она представила себе, как туристы смотрят из Рок-сити в свои платные бинокли и не видят у подножия ничего, кроме деревьев, кустов и камней, притом, что прямо перед ними разместился довольно обширный и многолюдный лагерь.

Холодный утренний ветер донес до нее дымок от костра и запах подгоревшего бекона. Кто-то в дальнем конце лагеря заиграл на гармонике, и она невольно вздрогнула от этого звука — и улыбнулась. В рюкзаке у нее была книга в мягкой обложке, и она ждала, пока небо посветлеет настолько, что можно будет читать.

В небе, прямо под облаками, были видны две точки: одна побольше, другая поменьше. Рассветный ветер брызнул ей в лицо мелкой дождевой пылью.

Из лагеря в ее сторону вышла босоногая девушка. Она остановилась у дерева, задрала юбки и присела на корточки. Когда она закончила, Белая поприветствовала ее. Девушка подошла ближе.

— Доброго вам утра, леди, — сказала она. — Теперь уже скоро, скоро начнется битва.

Кончиком розового языка она провела по ярко-алым губам. К плечу у нее кожаным ремешком было привязано воронье крыло, а на шее, на цепочке болталась воронья же лапка. Руки у нее были сплошь в татуировках: в кривых линиях, узорах и сложносочиненных узлах.

— Откуда ты знаешь?

Девушка усмехнулась.

— Я Маха, я Морриган.[129] Когда приближается война, я это чувствую — в воздухе. Я богиня войны, и я вам говорю: сегодня прольется кровь.

— А, понятно, — сказала Белая. — Хорошо. Значит, вот ты где.

Она смотрела на маленькую точку в небе, которая ринулась прямо на них, падая с неба как камень.

— И мы сразимся с ними, и мы их убьем, всех до единого, — сказала девушка. — И головы их станут нашей добычей, а глаза и трупы пойдут на корм воронам.

Точка превратилась в птицу, которая, раскинув крылья, неслась прямо к ним, оседлав струю утреннего ветра.

Белая склонила голову набок.

— А что, у богинь войны есть какой-то тайный способ заранее знать, чем все кончится? — спросила она. — Кто кого победит? Кому чья голова

---

[129] notes: 129

Морриган — богиня войны в ирландской мифологии. Сама богиня участия в битвах не принимала, но непременно присутствовала на поле боя и использовала все свое могущество, чтобы помочь той или иной стороне. Морриган известна своей способностью менять облик, часто принимала облик вороны. В мифах есть упоминания нескольких Морриган, с которыми исследователи отождествляют четырех богинь войны: саму Морриган («великая королева»), Бадб («неистовая»), Нимэйн («ядовитая») и Фи («злобная»). К этому ряду можно добавить образ *Махи* (персонификация битвы).

достанется?

— Нет, — сказала девушка. — Я только битву чувствую, и больше ничего. Но мы победим. Разве не так? Мы просто *должны* победить. Я видела, что они сделали с Отцом Всех. Теперь — либо они, либо мы.

— Ну да, — сказала Белая. — Наверное, так и есть.

Девушка еще раз улыбнулась в светлеющих предрассветных сумерках и ушла обратно в лагерь. Белая опустила руку вниз и дотронулась до зеленого побега, который пробил землю и выглянул вверх, острый, как лезвие ножа. Как только она до него дотронулась, он начал расти, раскрываться, изгибаться и меняться на глазах — пока под рукой у нее не оказался зеленый бутон тюльпана. Когда солнце взойдет повыше, цветок распустится.

Белая подняла голову и посмотрела на ястреба.

— Эй, помощь не нужна? — спросила она.

Ястреб сделал круг футах в пятнадцати над ее головой, скользнул вниз, приземлился неподалеку и уставился на нее круглыми безумными глазами.

— Привет, красавчик! — сказала она. — А теперь покажись-ка мне в своем истинном обличье,

а?

Ястреб неуверенно скакнул в ее сторону, и — перед ней был уже не ястреб, а молодой человек. Он посмотрел на нее, потом перевел взгляд вниз, на траву.

— Ты? — спросил он. Взгляд его бродил где угодно: по траве, по небу, по кустам. Но только не по ней.

— Я, — кивнула она. — А что со мной такое?

— Ты… — Он запнулся. Было такое впечатление, что он пытается собраться с мыслями; по лицу у него время от времени пробегало довольно странное выражение. *Он слишком много времени провел в птичьем облике*, подумала она. *Он забыл, как быть человеком*. Она терпеливо ждала. И вдруг он сказал: — Пойдешь со мной?

— Может быть. А куда ты хочешь, чтобы я с тобой пошла?

— Человек на дереве. Ты ему нужна. Призрачная рана, в боку. Кровь шла, потом перестала. Наверное, он умер.

— У нас тут война. Я не могу просто взять и сбежать отсюда.

Голый молодой человек ничего не сказал, он только стоял и переминался с ноги на ногу, будто пытаясь привыкнуть к весу собственного тела,

будто ему привычнее было скользить по воздуху или сидеть на ветке, а не стоять вот так на земле. Потом он сказал:

— Если он совсем умрет, все будет кончено.

— Но тут будет битва…

— Если он совсем умрет, уже не важно будет, кто одержит победу.

Вид у него был такой, будто ему были необходимы одеяло, чашка сладкого кофе и какой-нибудь человек, который мог бы отвести его в тихое место, где он дрожал бы себе и бормотал, пока к нему не вернется рассудок. Руки он держал строго по швам.

— А где это? Не слишком далеко?

Он посмотрел на зеленый росток тюльпана и покачал головой.

— Совсем далеко.

— Ну, знаешь! — сказала она. — Я нужна здесь. И я не могу просто уйти отсюда. К тому же как я, по-твоему, туда доберусь? Я, видишь ли, летать не умею вроде тебя.

— Нет, — сказал Гор. — Не умеешь.

А потом с серьезным видом посмотрел вверх и указал на вторую, большую по размерам точку, которая как раз закончила нарезать над ними круги и тоже ринулась вниз, быстро увеличива-

ясь в размерах.

— *Он* умеет.

Еще несколько часов бессмысленной езды по дорогам, и Градд возненавидел глобальную систему навигации чуть ли не с той же силой, с какой ненавидел Тень. Правда, ненависти этой недоставало страсти. Ему казалось, что он с колоссальным трудом отыскал дорогу на эту ферму, к этому огромному ясеню с серебристой корой; дудки, найти *обратную* дорогу оказалось значительно сложнее. Казалось, не играет ровным счетом никакой роли, которой именно дороге он в очередной раз решал довериться, в каком направлении двигался по узким проселкам — по извилистым вирджинским дорогам местного значения, которые наверняка начинались как оленьи или коровьи тропы, — в конечном счете он выезжал все к той же ферме и к той же изгороди с написанным от руки словом: ЯСЕНЬ.

Тут кто угодно умом двинется. Ему и нужно-то было вернуться по своим же собственным следам, поворачивать налево всякий раз, как по дороге сюда он сворачивал направо, а там, где сворачивал налево, — поворачивать направо.

Именно так он и сделал в прошлый раз, но результат был все тот же: он опять уперся в эту

чертову ферму. По небу ползли черные грозовые тучи, на улице быстро темнело, ощущение было такое, что сейчас не утро, а вечер, а ему еще бог знает сколько времени вертеть баранку: такими темпами к обеду в Чаттануге он уж точно не окажется.

Мобильный телефон выдавал ему один и тот же ответ: *Вне зоны доступа.* На карте, что лежала в бардачке, обозначены были только основные дороги, федеральные трассы и скоростные шоссе: кроме этих, понятное дело, других дорог в округе не существовало.

И людей, у которых можно было бы спросить, куда ехать, ему не попадалось. Дома сплошь стояли у черта на куличках, и света в них не жгли. А тут еще датчик топлива принялся настойчиво намекать на то, что бак почти пуст. Он услышал отдаленный раскат грома, и первая крупная капля тяжело расплющилась о лобовое стекло.

Так что когда Градд увидел идущую по краю дороги одинокую женщину, он тут же поймал себя на том, что невольно заулыбался.

— Ну, слава богу! — сказал он вслух, поравнявшись с ней, и нажал на кнопку стеклоподъемника. — Мэм! Простите, пожалуйста. Я вроде как заблудился. Не подскажете, как отсюда выехать

на восемьдесят первую магистраль?

Она посмотрела на него сквозь открытое со стороны пассажирского сиденья окно и сказала:

— Знаете, объяснить я вам вряд ли смогу. Но если хотите, могу показать.

Лицо у нее было бледное, а волосы — длинные, темные и почему-то мокрые.

— Залезайте, — не раздумывая сказал Градд. — Но первым делом нам нужно заправиться.

— Спасибо, — сказала она. Глаза у нее были пронзительно голубые. — Попутная машина — это как раз то, что мне сейчас нужно. — Она забралась в салон. И тут же озадаченно подняла голову: — Тут на сиденье какая-то палка.

— Перебросьте на заднее сиденье. А вы куда направляетесь? — спросил он. — Леди, если вы меня и вправду выведете к заправке, а потом на шоссе, я отвезу вас куда угодно, до самых дверей.

Она сказала:

— Да нет, спасибо. Мне нужно довольно далеко, наверняка дальше, чем вам. Вот подбросите до шоссе, и замечательно. Может, какой-нибудь дальнобойщик подхватит.

И улыбнулась. И улыбка у нее была — чуть на сторону, и очень отважная. Именно эта улыбка решила все дело.

— Мэм, — сказал он, — я довезу вас с гораздо большим комфортом, чем любой дальнобойщик.

Он почувствовал исходящий от нее аромат, густой и тяжелый, и очень насыщенный, вроде сирени или магнолии, но ему даже и это понравилось.

— Мне нужно в Джорджию, — сказала она. — Это далеко отсюда.

— А я как раз еду в Чаттанугу. Сколько нам с вами будет по пути, столько и подброшу, идет?

— Мм, — сказала она. — А как вас зовут?

— Мак, — сказал мистер Градд. Когда заговаривал с женщинами в барах, после этой фразы он зачастую говорил: «А те, кто знает меня хорошо и близко, зовут меня Биг Мак». Но с этим можно подождать. Дорога впереди длинная, не на час и не на два, и времени познакомиться поближе у них будет достаточно. — А вас?

— Лора, — ответила она.

— Ну что же, Лора, — сказал он. — Уверен, что это начало прекрасной дружбы.

Жирный молодой человек отыскал мистера Мирра в Радужной комнате — выгороженном участке коридора, где окна были заклеены кусками прозрачной зеленой, красной и желтой пленки. Мирр нетерпеливо ходил от окна к окну,

выглядывая то в золотой мир, то в красный, то в зеленый. Волосы у него были ярко-рыжие и сострижены до короткой щетины. На нем был плащ от «Барберри».

Жирный молодой человек кашлянул. Мистер Мирр поднял голову.

— Прошу прощения! Мистер Мирр!

— Да! Все идет по плану?

Во рту у жирного молодого человека пересохло. Он провел языком по губам и сказал:

— Я отдал все необходимые распоряжения. Только от вертушек подтверждения пока не поступало.

— Вертолеты будут здесь ровно тогда, когда в них возникнет необходимость.

— Прекрасно, — сказал жирный молодой человек. — Прекрасно.

И остался стоять там, где стоял, ничего не говоря и не делая попытки уйти. На лбу у него вздулась шишка.

Через некоторое время мистер Мирр спросил:

— Что-то еще?

Пауза. Молодой человек сглотнул слюну и кивнул.

— Что-то еще, — сказал он. — Да, есть что-то еще.

— Вам хотелось бы обсудить это с глазу на глаз?

Жирный молодой человек снова кивнул.

Мистер Мирр провел его за собой в центр управления: влажную пещерную полость с диорамой, на которой вусмерть перепившиеся пикси возились вокруг самогонного аппарата. Снаружи висела табличка для туристов: «Вход закрыт, идут реставрационные работы». Они оба сели на пластиковые стулья.

— Так в чем, собственно, дело? — спросил мистер Мирр.

— Так. Ладно. Короче, две вещи. В общем, первое. Чего мы ждем? И второе. Со вторым сложнее. Ну, смотрите. У нас огнестрельное оружие. Так? У нас огневая мощь. А что у них? У них ебучие всякие мечи, и ножи, и молоты эти блядские, и каменные топоры впридачу. И, типа, монтировки. У нас, блядь, даже *управляемые* бомбы есть.

— …Которые использовать мы не станем, — напомнил мистер Мирр.

— Знаю. Вы это уже говорили. Я знаю, знаю. И без них справимся. Но все-таки. Послушайте, с тех самых пор, как я грохнул ту сучку в Лос-Анджелесе, я, как бы это выразиться…

Он запнулся, скорчил физиономию и, судя по

всему, продолжать ему не очень хотелось.

— Вас что-то начало беспокоить?

— Да. Самое подходящее слово. *Беспокоить*. Именно. Вроде как «Мы беспокоимся о ваших детях» на воротах колонии для трудновоспитуемых. Смешно. Именно.

— Так что же именно вас беспокоит?

— Ну, мы вступаем в драку, мы одерживаем победу.

— И это — причина для беспокойства? Лично я увидел бы в этом повод для радости и ликования.

— Есть одно но. Они так и так вымирают. Как перелетные голуби и тилацины. Ну и плевать на них. Кому какая разница? А так будет самая настоящая кровавая баня.

— Так? — кивнул мистер Мирр.

Он слушал, и слушал внимательно. Уже хорошо. Жирный молодой человек сказал:

— Послушайте, я не только от себя говорю. Я перекинулся парой слов с ребятами с «Радио модерн», и они тоже за то, чтобы решить дело миром; и ребята с биржи к тому склоняются, законы рыночной экономики все решат и без нашего вмешательства. Я здесь. Ну, вы понимаете. Представляю голос разума.

— Кто бы сомневался. К несчастью, есть кое-какая информация, которой вы не обладаете.

Улыбка у него была кривая и как-то неуловимо змеилась от шрама к шраму.

Молодой человек прищурился. И сказал:

— Мистер Мирр! А что такое у вас с губами?

Мирр вздохнул.

— По правде говоря, — сказал он, — давным-давно один чудак решил зашить мне рот. Много лет тому назад.

— Вау! — сказал жирный молодой человек. — Это что-то вроде омерты,[130] да?

— Да, вроде того. Вы хотите знать, чего мы все ждем? Почему мы не нанесли удар прошлой ночью?

Жирный молодой человек кивнул. Он обильно потел, но пот был холодный.

— Мы еще не нанесли удара потому, что я жду палку.

— Палку?

Кивок.

— Так, ладно, считайте, что заинтриговали. Что

---

[130] notes: 130

Омерта — корпоративный кодекс чести у итальянских мафиозных кланов. Предполагает крайне высокую степень ответственности рядовых членов за любые действии, которые могут нанести вред клану в целом.

за палка?

— Я могу вам сказать, — с серьезным видом произнес мистер Мирр. — Но в таком случае мне придется убить вас.

Он подмигнул, и повисшее было в комнате напряжение мигом рассеялось.

Жирный молодой человек начал смеяться, низким, захлебывающимся смехом, который рождался где-то в горле и в задней части носовой полости.

— О'кей, — сказал он. — *Хи-хи.* Ладно. *Хи.* Я понял. Планета Техникал сигнал приняла. Ясный и отчетливый. Данетнезнаю.

Мистер Мирр покачал головой. Он положил руку жирному молодому человеку на плечо.

— Послушайте, — сказал он. — Вы что, действительно хотите это знать?

— Ну конечно!

— Ладно, — сказал мистер Мирр. — Мы с вами друзья, почему бы и нет, в самом деле. Я намерен взять эту палку, и когда две армии сойдутся, бросить ее между ними. Когда я ее брошу, она превратится в копье. А когда копье опишет дугу над полем боя, я собираюсь прокричать во все горло: «Я посвящаю эту битву Одину!»

— Как?! — переспросил жирный молодой чело-

век. — Но почему?

— Власть, — ответил мистер Мирр и почесал подбородок. — И пища. Комбинация из этих двух сущностей. Видите ли, исход этой битвы не имеет ровным счетом никакого значения. Единственное, что имеет значение, — это хаос и кровопролитие.

— Что-то я не понимаю.

— Давайте я вам покажу. Все будет выглядеть примерно следующим образом, — сказал мистер Мирр. — Смотрите!

Он вынул из кармана плаща охотничий нож с деревянной рукоятью и одним неуловимым движением вонзил лезвие в мягкую плоть под подбородком жирного молодого человека, а потом со всей силы надавил, вгоняя сталь в мозг.

— Я посвящаю эту смерть Одину, — сказал он, когда нож вошел по самую рукоять.

На руку ему брызнула жидкость, которая кровью в полном смысле этого слова не была, а где-то в черепе у молодого человека раздался звук, похожий на звук короткого замыкания. В воздухе повис запах горелой проводки.

Тело жирного молодого человека спазматически дернулось и осело на пол. На лице у него застыло выражение разом удивленное и несчаст-

ное.

— Только гляньте! — всплеснул руками мистер Мирр, обращаясь к темному пустому коридору, выбитому в скале. — Такое впечатление, будто он узрел, как последовательность единиц и нулей сначала превратилась в стаю тропических птиц, а потом и вовсе улетела.

Коридор ничего ему на это не ответил.

Мистер Мирр взвалил тело на плечо так, словно оно вообще ничего не весило, открыл дверцу диорамы с пикси и сбросил труп за перегонный куб, накрыв его сверху своим длинным черным плащом. Вечером от него избавлюсь, подумал он и улыбнулся своей змеящейся между шрамов улыбкой: спрятать мертвое тело на поле боя будет несложно. Никто и не заметит. Никому до этого не будет дела.

Какое-то время в комнате царила тишина. А потом хрипловатый голос, который никак не принадлежал мистеру Мирру, откашлялся где-то во тьме и сказал:

— Славное начало.

Глава восемнадцатая

Они пытались удержать солдат на расстоянии, но те тоже начали стрелять и убили обоих. Так что про тюрьму в песне неправда, это все просто поэзия. Если бы в жизни всегда бывало так, как в песнях поется. Поэзия — это совсем не то, что люди называют правдой. В стихах для правды места не хватает.

Комментарий фолк-сингера к «Балладе о Сэме Бассе», опубликованный в «Сокровищнице американского фольклора» [131]

Ничего подобного в действительности не бывает. Если вам так удобнее, считайте все это обычной метафорой. В конце концов любая вера — метафора по определению: Бог есть мечта, надежда, женщина, юморист, город, дом со многими комнатами, кто-то, кто любит тебя — и

---

[131] notes: 131

Сэм Басс (1851–1878) — один из самых известных американских налетчиков, грабил поезда и банки. В июле 1878 года попал в засаду, устроенную агентами Пинкертона и техасскими рейнджерами в городе Раунд Рок, штат Техас, по наводке одного из членов банды. Басс был тяжело ранен в перестрелке и умер на следующий день.

даже, может статься, против всякой очевидности, некая небесная сущность, которой нечем больше заняться в этой жизни, кроме как надзирать за тем, чтобы ваша любимая футбольная команда, ваша армия, ваш бизнес, ваш брак процветали и преодолевали все и всяческие сложности на своем пути.

Вера есть отправная точка, на которой мы стоим и от которой отталкиваются наши взгляды и действия, наблюдательный пост, с которого мы оглядываем мир.

Так что ничего подобного в действительности не происходит. Подобных вещей попросту нет и не может быть. Здесь нет ни единого истинного — в буквальном смысле — слова. Однако то, что случилось дальше, случилось следующим образом.

У подножья Сторожевой горы все, и мужчины, и женщины, собрались под дождем у небольшого костра. Они стояли под деревьями, которые от дождя не защищали, — и спорили меж собой.

Госпожа Кали, блестя обсидианово-черной кожей и белыми острыми зубами, сказала:

— Час пришел.

Седоволосый Ананси в лимонно-желтых перчатках покачал головой:

— Мы можем подождать еще немного, — сказал он. — А пока *можем* ждать, мы *должны* ждать.

По толпе пронесся возмущенный ропот.

— Да нет же, послушайте! Он прав, — сказал старик с черными с проседью волосами. На плече у него уютно пристроилась небольшая кувалда. — Они заняли господствующую высоту. Погода нам не на руку. Начинать атаку прямо сейчас — просто безумие.

Нечто, немного похожее на волка и еще чуть более того — на человека, харкнуло и сплюнуло себе под ноги, в траву.

— А когда, по-твоему, нам следует на них напасть, а, *дедушка*? Подождать, пока небо расчистится, и мы будем у них как на ладони? Я за то, чтобы сняться с места. Я за то, чтобы начать прямо сейчас.

— Там тучи, между нами и ними, — сказал Истен,[132] венгр. У него были тонкие черные усики, широкополая и очень пыльная черная шляпа и улыбка человека, который зарабатывает себе на жизнь, продавая алюминиевый сайдинг,

---

[132] notes: 132

Истен — в широком смысле слова — бог вообще. В националистических венгерских реконструкциях образца XIX века — единый и верховный бог древних венгров. Впрочем, так же именуются и духи мертвых, и т. д.

кровельные листы и водосточные желоба лучшим гражданам города, но из города всякий раз уезжает на следующий день после того, как обналичит чек — вне зависимости от того, доведена ли работа до конца.

Мужчина в элегантном костюме, который до этого не произнес ни единого слова, выступил вперед, к костру, и изложил свою точку зрения коротко и ясно. Кругом кивали и выкрикивали одобрительные реплики.

Потом раздался голос трех женщин, которые все вместе составляли Морриган и стояли так тесно, что в сумерках и бликах от костра казались единым конгломератом покрытых татуировкой рук и ног и болтающихся тут и там вороньих крыльев. Морриган сказала:

— Какая разница, подходящее сейчас время для атаки или не слишком подходящее. Это — *время* для атаки. Они начали нас убивать. Лучше умереть всем вместе и в бою, как боги, чем поодиночке и в бегах, как крысы в запертом погребе.

Снова ропот, на сей раз общий и согласный. Она сказала то, что было на уме у всех. Час настал.

— Первая голова — моя, — сказал очень высокий китаец, с цепочкой из крохотных черепов на шее. И двинулся в гору неспешной уверенной

походкой, вскинув на плечо длинное древко с резным металлическим наконечником, похожим на лунный серп.

Даже Ничто не может длиться вечно.

Здесь, посреди Ничто, он был минут десять, а может быть — десять тысяч лет. Какая разница: время превратилось в некую отвлеченную идею, нужды в которой он больше не испытывал.

Он уже не мог вспомнить, как его зовут. Он чувствовал себя пустым и чистым, в этом месте, которое не было местом.

У него больше не было формы, а вот пустота и свобода — были.

Он сам был — ничто.

И вдруг посредине этого ничто раздался голос, и сказал:

— Хо хока, братец. Надо бы поговорить.

И что-то, что некогда было Тенью, откликнулось на этот голос:

— Виски Джек?

— Ага, — отозвался из темноты Виски Джек. — Тебя непросто, оказывается, найти, когда ты мертвый. Ни в одном из тех мест, куда ты должен был по идее отправиться, я тебя не нашел. Я все тут кругом обыскал, пока не додумался заглянуть сюда. Ты мне вот что скажи: ты племя свое в кон-

це концов отыскал или нет?

Тень вспомнил пару — мужчина и совсем еще молоденькая девочка танцуют в диско-клубе под вращающимся зеркальным шаром.

— С родословной своей я, кажется, разобрался. А вот племени — нет, не нашел.

— Извини, что побеспокоил.

— Оставь меня. Я получил то, чего хотел. Меня больше нет.

— Они тебя не оставят, — сказал Виски Джек. — Они собираются тебя оживить.

— Но меня больше нет, — сказал Тень. — Все прошло, все кончено.

— Не бывает такого, — сказал Виски Джек. — Никогда и ни при каких условиях. Давай-ка заглянем сейчас ко мне. Пива хочешь?

При этих словах ему показалось, что он и в самом деле *не прочь* был бы сейчас выпить пива.

— Давай.

— Мне тоже захвати. Там, за дверью, сумка-холодильник, — сказал Виски Джек и указал рукой, где именно. Они сидели у входа в его хижину.

Тень отворил дверь в хижину руками, которых у него еще секунду назад не было. За дверью стояла пластиковая коробка, набитая речным льдом, а во льду — дюжина банок «Будвайзера».

Он вынул пару банок, сел в дверном проеме, на порог, и стал смотреть в долину.

Они были на вершине холма, у водопада: река набухла от талой воды. Падала она со ступеньки на ступеньку, может быть, футов на семьдесят вниз, а может — и на все сто. Солнце посверкивало на обледеневших ветвях деревьев, которые стояли внизу, у озерца, под водопадом.

— Мы сейчас где? — спросил Тень.

— Где и были в прошлый раз, — ответил Виски Джек. — У меня дома. А ты собираешься держать мою банку, пока она совсем не согреется?

Тень встал и передал ему банку с пивом.

— Когда я в прошлый раз к тебе заглядывал, никакого водопада здесь не было, — сказал он.

Виски Джек ничего не ответил. Он щелкнул ключом банки и одним длинным глотком отпил сразу половину. А потом сказал:

— Помнишь моего племянника, Гарри Сойку, который поэт, который сменял свой «Бьюик» на твой «Виннебаго»? Помнишь?

— Конечно. Только я не знал, что он поэт.

Виски Джек задрал подбородок и принял горделивую позу.

— Лучший, твою мать, поэт во всей Америке! — сказал он.

Он допил остатки пива, рыгнул и сходил за следующей банкой, пока Тень откупоривал свою, а потом они сели вдвоем на край скалы, среди бледно-зеленых папоротников, под утренним солнышком, и стали смотреть на падающую воду и пить свое пиво. В тенистых местах на земле все еще лежал снег.

Земля была сырая и волглая.

— Гарри, он был диабетик, — продолжил Виски Джек. — Бывает. Слишком часто, правда, такое бывает. Вы приехали к нам в Америку, забрали наш сахарный тростник, нашу картошку и кукурузу, а теперь нам же продаете картофельные чипсы и попкорн с карамелью, а болеть от этого приходится нам. — Он отхлебнул еще пива и задумался. — Он даже пару премий выиграл за свои стихи. И были такие люди, в Миннесоте, которые хотели издать его стихи отдельной книжкой. Он как раз и поехал в Миннесоту на своей спортивной тачке, чтобы с ними это обсудить. Твою «Виннебаго» он успел уже поменять на желтую «Миата». Врачи говорят, скорее всего, он впал в кому прямо за рулем, съехал с трассы и врезался в один из этих ваших дорожных знаков. На то, чтобы вокруг себя оглядеться, вас не хватает, это вам лень, и вот вместо того чтобы читать по горам

и облакам, вы, ребята, понавтыкали всюду этих дорожных знаков. Вот так Гарри Сойка и ушел от нас навсегда, отправился жить к брату Волку. Вот я тебе и говорю, ничто меня там больше не держало. И я двинулся на север. Тут рыбалка хорошая.

— Мне жаль твоего племянника.

— Мне тоже. Теперь вот живу здесь, на севере. Подальше от всяческих болячек белого человека. И от дорог белого человека. От дорожных знаков белого человека. От желтых «Миат» белого человека. От попкорна с карамелью белого человека.

— А как насчет пива белого человека?

Виски Джек перевел взгляд на банку у себя в руке.

— Когда вам, ребята, окончательно все это надоест, и вы отсюда наконец свалите, «будвайзеровские» пивоварни можете оставить нам, — сказал он.

— Так все-таки где мы? — спросил Тень. — Я что, все еще на дереве? Я мертвый? Или я здесь, с тобой? Мне казалось, все уже кончилось. Что в действительности происходит?

— Да, — кивнул Виски Джек.

— Что — «да»? Что это за ответ такой — «да»?

— Хороший ответ. И главное, правдивый.

Тень спросил:

— А ты что, тоже бог?

Виски Джек покачал головой.

— Я культурный герой, — сказал он. — В общем-то, мы занимаемся той же самой херней, что и боги, только геморроя побольше, и никто нам за это не молится. Про нас вместо этого рассказывают истории, но только наравне с историями, в которых мы более или менее в шоколаде, рассказывают и такие, в которых мы просто в полном дерьме.

— Понятно, — сказал Тень. Он на самом деле понял, более или менее.

— Ты пойми, — сказал Виски Джек. — Эта страна для богов не слишком подходит. Мой народ давно уже это вычислил. Есть, конечно, всякие там духи-созидатели, которые эту землю нашли, или сделали, или, там, высрали, но ты вот что прикинь: ну кто станет молиться койоту? Который трахнул дикобразиху, и после этого иголок у него в залупе осталось торчать больше, чем в подушечке для булавок. Который берется спорить с камнями, и камни спор выигрывают. Так что мой народ, он и прикинул: оно, конечно, может быть, что за всем этим скрывается какой-нибудь там создатель или великий дух, и мы ему, конечно, говорим за это большое спасибо, просто потому,

что говорить спасибо полезно и приятно. Но никаких церквей мы никогда не строили. Они нам без надобности. Вся земля — наша церковь. Земля — наша вера. Земля, она мудрее и старше, чем люди, которые по ней ходят. Она дала нам лосося и кукурузу, бизонов и перелетных голубей. Дала дикий рис и окуня. Дала дыню, тыкву и индейку. И мы всегда были детьми этой земли, так же, как дикобраз, или скунс, или сойка.

Он допил следующую банку пива и показал рукой на реку, которая внизу брала начало от водопада.

— Если пойдешь по этой реке, выйдешь в озера, на которых растет дикий рис. В пору, когда он созревает, выезжаешь на каноэ вдвоем с другом и обсыпаешь рис прямо к себе в каноэ, а потом варишь его и складываешь про запас, и жить на этих запасах можно очень долго. Разные места дают нам разную еду. Если будешь долго-долго идти на юг, там будут апельсиновые деревья, и лимонные деревья, и еще эти мясистые зеленые друзья, которые похожи на груши…

— Авокадо.

— Авокадо, — согласно кивнул Виски Джек. — Они самые. А тут вот они не растут. Тут земля дикого риса. И лосиная земля. Я что хочу сказать:

вся Америка такая. Богам тут расти не на чем, почвы нет. Вот они и не укореняются. Вроде как авокадо, которые пытаются пустить корни в земле дикого риса.

— Может, они и плохо тут растут, — сказал Тень, вспомнив о главном событии последних дней, — но вот как раз сейчас у них намечается большая война.

И тут он в первый и единственный раз в своей жизни увидел, как смеется Виски Джек. Больше всего это было похоже на лай, и веселого в его смехе было мало.

— Ну, Тень, ты даешь! — сказал Виски Джек. — А если все твои приятели попрыгают вниз с обрыва, ты сиганешь за ними?

— Может, и сигану, — Тень чувствовал себя прекрасно. Вряд ли все дело было только в пиве. Он даже и не помнил, когда в последний раз чувствовал себя настолько живым и настолько цельным.

— Да не будет там никакой войны.

— А что тогда будет?

Виски Джек смял в кулаке пивную банку и давил до тех пор, пока она не стала совсем плоской.

— Смотри, — сказал он и показал на водопад.

Солнце успело взойти уже достаточно высоко: в воздухе полукругом повисла радуга. Тень подумал: это же самая красивая вещь, какую я видел в жизни. — Там будет кровавая бойня, — сухим ровным тоном сказал Виски Джек.

И тут Тень действительно увидел. Увидел все, до последней детали, отчетливо и ясно. Он покачал головой, а потом начал смеяться, потом еще поводил головой из стороны в сторону, и смех его перерос в полноценный, во всю глотку хохот.

— Ты не заболел?

— Да со мной все хорошо, — отозвался Тень. — Я просто увидел спрятанных индейцев. Только что. Не всех, конечно. Но я их увидел.

— Значит, это хо-чанк. Эти ребята никогда как следует маскироваться не умели. — Виски Джек взглянул на солнце. — Пора возвращаться, — сказал он и поднялся.

— Это же разводка на двоих, — сказал Тень. — Никакой войны ведь на самом деле-то и нет, правда?

Виски Джек потрепал Тень по плечу.

— Не такой уж ты и тупой, — сказал он.

Они пошли обратно к хижине Виски Джека. Тот отворил дверь. Тень замешкался.

— Мне бы хотелось остаться здесь, с тобой, —

сказал он. — Похоже, места здесь и вправду хорошие.

— Хороших мест много, — сказал Виски Джек, — в том-то все и дело. Понимаешь, боги умирают, если про них забыть. Люди тоже. А земля — она остается. И хорошие места, и плохие. Земля никуда не девается. И я — с ней вместе.

Тень закрыл дверь. Его куда-то тянуло. Он снова оказался один в полной тьме, но тьма становилась все светлее, пока не начала сиять как солнце.

И тут пришла боль.

Белая шла через луг, и там, где ступала ее нога, распускались весенние цветы.

Она прошла то место, где когда-то, давным-давно, стояла ферма. Даже и теперь кое-где видны были остатки стен: они торчали из луговой травы и густого бурьяна как гнилые зубы. Шел мелкий дождь. Тучи висели на небе, тяжелые и низкие, и было холодно.

Чуть дальше того места, где стояла ферма, было дерево, огромное серебристо-серое дерево, безлистое, пребывающее в зимней спячке, а перед деревом, на траве, лежали истлевшие обрывки обесцвеченной дождем и ветром ткани. Женщина остановилась над этими обрывками,

нагнулась и подняла с земли что-то буровато-белое: сильно изъеденный кусочек кости, который когда-то вполне мог быть фрагментом человеческого черепа. И — уронила обратно в траву.

Потом она перевела взгляд на висящего на дереве человека и криво усмехнулась.

— И совсем они не такие интересные, когда голые, — заметила она. — Половина удовольствия — пока снимаешь оболочку. Вроде как с подарками. Или с яйцами.

Мужчина с ястребиной головой, который шел рядом, опустил голову, посмотрел на свой пенис и, судя по всему, впервые обратил внимание на то, что на нем нет одежды. Он сказал:

— Зато я могу смотреть на солнце даже не моргая.

— Какой ты молодец, — одобрительно кивнула Белая. — А теперь давай-ка его оттуда снимем.

Мокрые веревки, которыми тело Тени было притянуто к дереву, давным-давно насквозь прогнили, и стоило за них потянуть, с легкостью расползлись. Тело, висевшее на дереве, осело и соскользнуло вниз, к древесным корням. Они подхватили его в падении, подняли и понесли, особо не напрягаясь, хотя человек был очень большой, а потом положили на жухлую бурую траву.

Лежавшее на земле тело было холодным, и дыхания слышно не было. На боку было пятно запекшейся крови, будто сюда его ударили копьем.

— И что теперь?

— А теперь, — сказала она, — нам нужно его согреть. Ты знаешь, что должен сделать.

— Знаю. Но не могу.

— Если не хочешь мне помогать, незачем было звать меня сюда.

Она протянула к Гору белую руку и дотронулась до волос у него на голове. Он сощурился, напряженно и отчаянно. А потом задрожал, будто в лихорадке.

Глаза, которые смотрели на нее, были глазами ястреба, и вот теперь в этих глазах зажглись оранжевые искры, словно пламя, давно дремавшее под слоем золы, вдруг вспыхнуло и рванулось вверх.

Ястреб подскочил в воздух, взмыл ввысь и пошел в небо по широкой плавной дуге, постепенно набирая высоту, очерчивая то место в низких серых облаках, где предположительно должно было быть солнце, и по мере того как он поднимался, превратился сначала в точку, потом в крохотное темное зернышко, а потом — для невооруженного глаза — и вовсе в пустое

место, во что-то, что можно было вызвать только силой воображения. Облака начали расходиться и рассеиваться, освобождая участок синего неба, посреди которого сияло солнце. Первый солнечный луч, пробившийся сквозь тучи и плеснувший на луг, был великолепен, но облака расходились все больше, и этот дивный образ исчез. Вскоре утреннее солнце залило светом луг не хуже, чем летом, в самой середине дня, выпаривая влагу от утреннего дождичка в блекло-серую дымку, а потом выжигая напрочь и дымку.

Золотое солнце омыло лежавшее на траве тело своим сиянием и теплом. На мертвую кожу легли мазки розового и тепло-коричневого цвета.

Женщина осторожно провела пальцами правой руки по груди мертвого человека. Ей показалось, что где-то глубоко она почувствовала легкую дрожь — не сердцебиение, конечно, но все-таки… Руку она оставила лежать там же, на груди, прямо на сердце.

Она наклонилась к губам Тени и дохнула ему в легкие, тихо-тихо, выдох и вдох, а потом ее дыхание переросло в поцелуй. Поцелуй был ненавязчив и пах весенним дождем и луговыми цветами.

Рана на боку мертвого снова начала сочиться

кровью — алой живой кровью, которая посверкивала на утреннем солнце, как россыпь рубинов, а потом кровь остановилась.

Она поцеловала его в щеку, а после в лоб.

— Ну давай, — сказала она. — Пора вставать. А то все уже началось. Ты же не хочешь пропустить самое интересное.

Веки его дрогнули, и открылись глаза, серые, как вечерние сумерки, и посмотрели на нее.

Она улыбнулась и убрала руку с его груди.

Он сказал:

— Ты призвала меня обратно, — сказал медленно, будто забыл, как это, говорить. В его голосе явственно слышались недоумение и обида.

— Да.

— Я ушел. Меня судили. Все было кончено. Ты призвала меня обратно. Как ты посмела.

— Прости меня.

— Ладно.

Он сел, очень медленно. Потом сморщился и приложил руку к боку. И снова вид у него сделался недоуменный: там были потеки свежей крови, но раны под ними не было.

Он протянул руку; она обняла его и помогла подняться на ноги. Он оглядел луг, так, словно пытался вспомнить имена вещей, на которые

сейчас смотрел: на цветы в высокой траве, на развалины дома, на дымку светло-зеленых почек, которой подернулись ветви огромного дерева.

— Ты все помнишь? — спросила она. — Помнишь то, что узнал за это время?

— Я потерял имя и сердце. А ты вернула меня назад.

— Ну прости меня, — сказала она. — Скоро начнется сражение. Между старыми и новыми богами.

— Ты хочешь, чтобы я сражался на твоей стороне? Тогда ты зря потратила время.

— Я вернула тебя, потому что должна была это сделать, — сказала она. — А ты теперь будешь делать то, что должен делать ты. Сам выбирай. Я свое дело сделала.

Внезапно она обратила внимание на то, что он совсем голый, и тогда она вспыхнула горячим алым румянцем и отвела глаза — вниз и в сторону.

Сквозь туман и дождь вверх по склону горы, по проходам между камнями двигались тени.

Белые лисы трусили бок о бок с рыжеволосыми людьми в зеленых куртках. Рядом с быкоголовым

минотавром шел дактиль[133] с железными пальцами. Свинья, обезьяна и острозубый гуль[134] карабкались по камням вместе с человеком, кожа у которого была голубая, а в руках он держал огненный лук, с медведем, у которого в мех были вплетены цветы, и еще с одним человеком, одетым в золотую кольчугу, в руках у которого был меч, сплошь состоявший из глаз.

Прекрасный Антиной, бывший любовник Адриана, шел по склону горы во главе целого отряда одетых в кожу амазонок со скульптурными, откровенно стероидного происхождения торсами.

Серокожий человек, во лбу которого, на циклопий манер, сиял вместо глаза огромный необработанный изумруд, шел вверх, неловко переставляя ноги, а вслед за ним карабкались несколько смуглых приземистых человечков с бесстрастными и точеными — как на ацтекских барельефах — лицами: им были ведомы тайны, которые джунгли давно успели поглотить и о которых успели забыть.

---

[133] notes: 133

Дактили — мифологические существа, которые жили на горе Ида, где охраняли младенца Зевса, воспитанного нимфой Идой. По другой версии, дактили были детьми Иды, рожденными от Зевса.

[134] notes: 134

Гуль — существо из арабских мифов, оборотень, обитающий в пустыне и питающийся свежей мертвечиной.

Лежавший на вершине горы снайпер неторопливо прицелился в белую лису и нажал на спуск. Раздался выстрел, в воздухе запахло бездымным порохом. Оставшийся лежать на склоне труп был трупом молодой японки с развороченным животом и лицом, залитым кровью. А потом и этот труп начал медленно растворяться в воздухе.

А народ все шел и шел вверх, кто на двух ногах, кто на четырех, а кто и вовсе безо всяких ног.

Поездка по гористой части Теннесси была завораживающе красива, едва на небе в тучах возникал хоть какой-то просвет, и действовала на нервы, когда дождь вновь опускался на землю непроницаемой для глаз пеленой. Градд и Лора все говорили, говорили, говорили, и никак не могли наговориться. Он был положительно счастлив, что встретил ее. Как будто встретил старого друга, доброго старого друга, с которым давно уже никак не получалось встретиться. Они говорили об истории, о фильмах и о музыке, и она оказалась единственным — *единственным* за всю его жизнь человеком, который видел этот старый, шестидесятых еще годов заграничный фильм (мистер Градд был уверен, что фильм был испанский, а Лора так же уверенно утверждала, что он польский) под названием «Рукопись, най-

денная в Сарагосе»: а то ему уже всерьез начинало казаться, что этого фильма он в действительности не видел, а просто придумал, и все.

Когда Лора указала ему на первый амбар с надписью ПОСЕТИТЕ РОК-СИТИ, он рассмеялся и сказал, что именно туда и направляется. Она сказала, что это круто. Она всегда мечтала помотаться по такого рода местам, но только никак не могла выбрать для этого времени, а потом жалела. Потому-то и отправилась сейчас в дорогу. Устроила себе приключение.

А работает она в агентстве путешествий, объяснила Лора. С мужем развелась. И вряд ли когда-нибудь они с ним снова смогут быть вместе, призналась она, а потом добавила, что это, конечно, она во всем виновата.

— Да бросьте вы. Ни за что не поверю.

Она вздохнула:

— Но это правда, Мак. Просто я уже совсем не та женщина, на которой он когда-то женился.

Ну, сказал он, людям свойственно меняться, — и прежде чем он успел сообразить, что и зачем делает, он уже начал рассказывать ей все, что только *мог* рассказать о собственной жизни, он рассказал ей даже про Лесса и Камена, как все втроем они были — как три мушкетера, а теперь

двоих из них убили, и если тебе иногда начинает казаться, что, работая на государство, ты должен начать привыкать к такого рода вещам, так это тебе только кажется.

И тогда она протянула руку — в машине было довольно зябко, и он включил обогрев — и крепко сжала его ладонь.

Когда подоспело время обедать, они поели какой-то японской дряни в придорожном ресторанчике, пока гроза полоскала город под названием Ноксвилл, и Градду было плевать, что заказ подали поздно, что суп мисо был совсем холодный, а суши — наоборот, теплые.

Он просто балдел от того, что она решила отправиться в это свое приключение именно сейчас и попалась на дороге — ему.

— Ну, в общем, — открыла ему душу Лора, — от одной только мысли, что я навсегда останусь в этой могиле, меня просто наизнанку выворачивало. Я бы там сгнила на фиг. Вот я и отправилась в дорогу — без машины, без кредитных карточек. В расчете, что всегда найдется добрый странник, который протянет мне руку помощи.

— А тебе не было страшно? — спросил он. — Ну, в смысле, ты могла остаться одна на дороге, тебя могли обидеть, а могла и просто с голоду

помереть.

Она покачала головой. А потом сказала с неуверенной улыбкой:

— Но я же встретила тебя, разве не так? — и на это он не нашелся, что ответить.

Доев обед, они побежали сквозь гром и ливень к машине, прикрыв головы японскими газетами, и на ходу смеялись, радостно и беззаботно, как дети, попавшие под дождик.

— Так куда тебя все-таки отвезти? — спросил он, когда они наконец уселись в машину.

— Туда же, куда едешь ты, Мак, — тихо сказала она.

Он был рад сверх всякой меры и даже не заикнулся про «Биг Мак» и так далее. Эта женщина — не из тех, кого снимают в баре на одну-единственную ночь, теперь мистер Градд знал это уже наверняка. Может быть, у него и ушло пятьдесят лет на то, чтобы отыскать ее, но ведь в конечном-то счете он ее нашел, ее самую, эту странную, волшебную женщину с длинными темными волосами.

Это была любовь.

— Послушай, — сказал он, когда они подъехали к Чаттануге. Дворники отчаянно размазывали дождевую воду по лобовому стеклу, размывая

город в сплошное серое пятно. — Останешься со мной сегодня в мотеле? За номер я заплачу. И как только я доставлю свою посылку по адресу, мы с тобой можем… Ну, можем забраться для начала вдвоем в горячую ванну. И я смогу согреть тебя наконец.

— Звучит заманчиво, — сказала Лора. — А что ты должен доставить?

— Да палку эту, — он ткнул пальцем через плечо и усмехнулся, — которая на заднем сиденье.

— О'кей, — сказала она, передразнив его интонацию. — Не хочешь ничего говорить, Мистер Сплошная Загадка, не говори.

Он сказал, что пока будет ходить по этим своим делам, ей лучше подождать его в машине, на автостоянке возле Рок-сити. Когда он поднимался вверх по склону Сторожевой горы, ливень хлестал им в лобовое стекло, а он ни разу не превысил скорости в тридцать миль в час и ехал с зажженными фарами.

Они остановились на самом краю парковочной площадки. Он выключил мотор.

— Эй, Мак! А я не заслужила прощального объятия, прежде чем ты выберешься из машины? — с улыбкой спросила Лора.

— Конечно, заслужила, — сказал мистер Градд

и обхватил ее руками, а она прижалась к нему всем телом, покуда ливень выбивал по крыше «Форда-Эксплорера» барабанную дробь. Он почувствовал запах ее волос. Сквозь запах духов в нем пробивалась какая-то неприятная отдушка. В дороге всегда так, никуда не денешься. Горячая ванна, подумал он, вот что им обоим никак не помешает. Интересно, можно отыскать в Чаттануге место, где продают лавандовые шарики для ванн, по которым когда-то сходила с ума его первая жена? Лора подняла голову, посмотрела ему прямо в глаза, а рукой как бы между делом тихонько провела ему по горлу.

— Мак… я вот все думаю. Ты ведь, должно быть, многое отдал бы за то, чтобы узнать, что на самом деле случилось с твоими друзьями? — спросила она. — С Лессом и Каменом. Ведь правда?

— Ну да, — сказал он, пытаясь нащупать губами ее губы для самого первого поцелуя. — Конечно бы отдал.

И она ему показала.

Тень бродил по лугу, описывая свои собственные медленные круги вокруг ствола дерева, постепенно уходя все дальше и дальше. Иногда он останавливался и что-то подбирал с земли: цветок, лист, камушек, веточку, травинку. И

принимался внимательно разглядывать, так, словно с головой уходил в *веточность* ветки или в *лиственность* листа.

Белая поймала себя на том, что думает про взгляд младенца, когда тот учится собирать глаза в фокус.

Заговорить с ним она не осмеливалась. Сейчас это было бы — самое настоящее святотатство. Она смотрела на него и удивлялась, и забывала про собственную усталость.

Футах в двадцати от основания дерева, в самой гуще бурьяна и засохших побегов лугового вьюнка он отыскал холщовый мешок. Тень поднял мешок с земли, развязал затянутую на узел горловину и ослабил петлю.

Вещи, которые вывалились из мешка, были — его собственные вещи. Старые, но вполне пригодные для того, чтобы их на себя надеть. Он повертел в руках туфли. Погладил ткань рубашки, шерсть свитера, поглядел на них внимательно и отстраненно, словно с расстояния в миллионы лет.

Потом, одну за другой, надел на себя.

Сунул руки в карманы и с озадаченным видом вытащил из одного из них какой-то предмет, который издали показался Белой серо-белым

мраморным шариком.

Он сказал:

— Нет монет.

И это были первые слова, которые он произнес за несколько часов.

— Нет монет? — эхом откликнулась Белая.

Он покачал головой.

— Всегда было чем руки занять, — и нагнулся, чтобы завязать шнурки.

Одевшись, выглядеть он стал несколько более вменяемым. Хотя серьезности не убавилось. Интересно, подумала она, как далеко он успел уйти и чего ему это стоило — вернуться назад. Он был не первым человеком, которого она возвращала к жизни, и она отдавала себе отчет в том, что через какое-то время, и довольно скоро, этот взгляд глубиной в миллионы лет сойдет на нет, а воспоминания и грезы, что он принес с собой с дерева, будут вытеснены вещами, которые можно потрогать. Иначе и не бывает.

Она отвела его на край луга. Существо, на котором она сюда прилетела, дожидалось ее в ближней роще.

— Обоих нас он унести не сможет, — сказала она. — Я сама доберусь до дома.

Тень кивнул. Казалось, он силится что-то вспом-

нить. А потом вдруг открыл рот, и окрестности огласились его радостным воплем: узнал.

Гром-птица открыла огромный острый клюв и тоже закричала в ответ.

На первый взгляд она была похожа на кондора. Черные перья с пурпурным отливом, на шее — белое кольцо. Клюв у нее был черный и крайне неприятный: клюв могучей хищной птицы, созданный для того, чтобы рвать живое мясо. На земле, со сложенными крыльями, она была размером с черного медведя, а голова была точь-в-точь на уровне головы Тени.

Гор гордо сказал:

— Это я его привел. Они живут в горах.

Тень кивнул:

— Мне однажды снились гром-птицы, — сказал он. — Самый невероятный сон, какой я видел за всю свою жизнь.

Гром-птица открыла клюв и проворковала, удивительно тихо и нежно: *кроуруу*?

— Ты тоже знаешь про этот мой сон? — спросил Тень.

Он протянул руку и осторожно погладил птицу по голове. Гром-птица толкнула его руку головой, как пони: гладь еще. Тень почесал ей шею, а потом все выше и выше, до самой макушки. Потом

повернулся к Белой:

— Ты на нем прилетела?

— Да, — ответила она. — Обратно на нем можешь лететь ты, если он позволит.

— А как?

— Легко, — сказала она. — Если, конечно, не свалишься. Это вроде как верхом на молнии.

— А ты тоже там будешь?

Она покачала головой.

— Я свое дело сделала, милый, — проговорила она. — Теперь твоя очередь. Делай то, что считаешь нужным. А я устала. Удачи тебе.

Тень кивнул.

— Виски Джек. Я его видел. После того как умер. Он пришел туда за мной и отыскал меня. Мы с ним сидели и пили пиво.

— Ну да, — сказала она. — Наверняка так оно и было.

— Мы с тобой еще когда-нибудь увидимся? — спросил Тень.

Она посмотрела на него глазами — зелеными, как молодая спеющая кукуруза. И ничего не сказала. А потом вдруг резко мотнула головой:

— Вряд ли.

Тень неловко взобрался на спину гром-птицы. Он чувствовал себя мышью, оседлавшей ястреба.

Во рту у него появился озоновый привкус, металлический и будоражащий. Раздался тихий сухой треск. Гром-птица раскинула крылья в стороны и начала мощно бить ими о землю.

И тут земля провалилась куда-то вниз. Тень изо всех сил вцепился в перья на загривке, а сердце стучало у него в груди как бешеное.

Это и в самом деле было очень похоже на езду верхом на молнии. Очень.

Лора взяла палку с заднего сиденья машины. Она оставила мистера Градда сидеть на переднем сиденье «Форда-Эксплорера», выбралась из автомобиля и пошла сквозь дождь по направлению к Рок-сити. Билетная касса была закрыта. Но на двери магазина сувениров замка не было, и она прошла мимо стендов с фирменными сладостями, мимо скворечников с надписью «ПОСЕТИТЕ РОК-СИТИ», туда, где начиналось Восьмое Чудо Света.

Никто ее не остановил, хотя, выйдя снова на улицу, под дождь, она встретила по дороге нескольких мужчин и женщин. Некоторые казались несколько искусственными; попадались и откровенно полупрозрачные экземпляры. Лора прошла по зыбкому канатному мостику, проследовала мимо загонов с белыми оленями

и протиснулась в «Шкуродер для толстых», где тропинка бежала по узкому проходу меж двух каменных стен.

В конце концов она перешагнула через цепочку, на которой висела табличка с извещением о том, что данная часть аттракциона временно закрыта для посетителей, вошла в пещеру и увидела человека, сидящего на пластиковом стуле перед диорамой с какими-то пьяными гномами. Он читал «Вашингтон пост» при свете маленького электрического фонарика. Увидев ее, он сложил газету и бросил под стул. Потом он встал — высокий мужчина с ярко-рыжей щетиной на черепе, в дорогом стильном плаще — и отвесил ей короткий поклон.

— Я так полагаю, что мистер Градд уже мертв, — сказал он. — Добро пожаловать, копьеносица.

— Спасибо. За Мака — извините, мне очень жаль, — сказала она. — Вы с ним были друзьями?

— Да что вы, нет, конечно! Ему следовало по крайней мере остаться в живых, если он хотел сохранить за собой свою работу. Но я вижу, палку вы все-таки принесли. — Он оглядел ее с ног до головы глазами, которые горели, как два оранжевых уголька в затухающем костре. — Боюсь,

на данный момент преимущество на вашей стороне. Кстати, здесь, на вершине этого холма, все называют меня мистер Мирр.

— А я жена Тени.

— Ну да, конечно. Прекрасная Лаура, — сказал он. — Мне сразу следовало вас узнать. У него над койкой висело несколько ваших фотографий — в той камере, где мы с ним вместе сидели. И позвольте вам заметить, выглядите вы гораздо симпатичнее, чем подобает в вашем нынешнем положении. Разве вам не следовало бы сейчас тихо и спокойно идти себе по немного скользкой дорожке полного и безвозвратного разложения? Во всех смыслах этого слова.

— Следовало бы, конечно, — без затей ответила она. — Но те женщины, на ферме, дали мне воды из своего колодца.

Он вздернул бровь.

— Из колодца Урд? Не может такого быть.

Она развела руками и указала на себя. Кожа бледная, темные запавшие глазницы, но никакого разложения нет и в помине: она и впрямь была — ходячий труп, но только свежий, труп только что умершего человека.

— Это ненадолго, — сказал мистер Мирр. — Норны угостили вас малой толикой прошлого.

Оно довольно быстро растворится в настоящем, и тогда эти милые голубые глаза выкатятся из глазниц, и — потекут, потекут по хорошеньким щечкам. Которые, правда, к тому времени уже не будут такими хорошенькими. Да, кстати, у вас моя палка. Если не сложно, отдайте ее мне, пожалуйста.

Он вынул пачку «Лаки страйк», достал из нее сигарету и прикурил от черной «биковской» зажигалки.

Она спросила:

— А меня не угостите?

— Ну конечно. Я вам — сигарету, вы мне — палку.

— Если она вам так необходима, значит, стоит много больше одной сигареты.

Он ничего на это не сказал.

Тогда сказала она:

— Ответьте мне на несколько вопросов. Я хочу кое-что выяснить.

Он прикурил еще одну сигарету и передал ей. Она взяла и затянулась. Потом прищурилась:

— Ну вот, теперь даже почти вкус почувствовала, — сказала она. — Может, еще и получится почувствовать его по-настоящему.

Она улыбнулась:

— Ммм. Никотин.

— Он самый, — сказал он. — А с чего это вас вдруг понесло к тем женщинам в доме?

— Тень меня к ним отправил, — сказала она. — Сказал, чтобы я попросила у них воды.

— Интересно, знал ли он о том эффекте, который это на вас окажет. Вероятнее всего, не знал. Все-таки здорово, что он умер там, на дереве. Теперь я точно знаю, где он находится. Можно списать его со счетов.

— Вы подставили моего мужа, — сказала она. — Вся ваша шайка. И делали это сознательно, с самого начала всей этой истории. А у него, между прочим, сердце просто золотое, знаете вы об этом?

— Ну конечно, — сказал мистер Мирр. — Конечно же, я об этом догадывался. Когда со всем этим будет покончено, знаете что я сделаю? Наточу веточку омелы, отправлюсь к этому дереву и проткну ему веточкой глаз. А теперь — будьте добры, мою палку.

— Зачем она вам нужна?

— Так, сувенир. На память обо всей этой жалкой кутерьме, — сказал мистер Мирр. — Не беспокойтесь, это не омела. — Он сверкнул улыбкой. — Она символизирует собой копье, а в этом убогом мире

символ и *есть* — настоящая вещь.

Шум, уже некоторое время доносившийся снаружи, стал громче.

— А вы-то, собственно, на чьей стороне? — спросила она.

— Дались вам эти стороны! — Он пожал плечами. — Но раз уж вы спросили — я на той, которая одержит победу. Всегда.

Она кивнула, но палки из рук не выпустила.

Лора повернулась к нему спиной и стала смотреть в дверной проем. Внизу, среди камней, ползла какая-то перемигивающаяся и пульсирующая масса. Она обвилась вокруг худого, розоволикого бородача, а тот отмахивался от нее короткой пластиковой шваберкой, которой он и ему подобные проходятся по стеклам машин, остановившихся у светофора, выклянчивая деньги. Раздался крик, и оба скрылись из виду.

— Ладно. Отдам я вам вашу палку, — сказала она.

Голос мистера Мирра раздался прямо у нее за спиной.

— Славная девочка, — сказал он бодрым тоном, который резанул ее слух, потому что был, с одной стороны, слишком покровительственным, а с другой — очень мужским. Прямо-таки до мурашек.

Она стояла и ждала в дверном проеме, пока не услышала его дыхание у самого уха. Нужно было подождать, пока он подойдет поближе. Совсем близко. Уж такие-то вещи она была способна просчитать.

…Полет не просто захватывал дух: он был — как удар током.

Сквозь грозу они неслись как молния, зигзагом, перескакивая от облака к облаку; они мчались как рык грома, как сокрушительный натиск урагана. Это был невероятный, искрометный полет. Страха не было: только мощь бури, неостановимая и всепоглощающая, и — радость.

Тень поглубже зарыл пальцы в перья гром-птицы, чувствуя покалывание пробегавших по коже разрядов статического электричества. Голубые искры пламени вились вокруг его рук как маленькие змеи. В лицо хлестал дождь.

— Вот это да! — заорал он, перекрывая рев бури.

И гром-птица, словно поняв его слова, начал подниматься еще выше, и каждый взмах крыльев был — удар грома, а потом он развернулся и нырнул, камнем упал вниз, сквозь темные тучи.

— Во сне я видел, как охочусь на тебя! — крикнул Тень, и слова его тут же унесло ветром. — Во

сне я должен был достать и принести назад твое перо.

Да. Это слово электрическим разрядом хрустнуло на какой-то внутренней радиоволне. *Они охотились на нас из-за наших перьев, чтобы доказать, что они мужчины; и еще они охотились на нас, чтобы из наших голов выламывать камни, чтобы принести наши жизни в подарок своим мертвым.*

И перед внутренним взором Тени открылась картина: гром-птица — наверное, самка, подумал Тень, потому что перья у нее были коричневые, а не черные, — лежит на склоне горы, ее убили буквально только что. Рядом с ней женщина. И эта женщина большим куском кремня разбивает птице голову. Потом начинает рыться в кровавом месиве из мозга и осколков кости, пока не находит камушек, прозрачный и гладкий, похожий на гранат, но только рыжевато-коричневый, со сверкающими в глубине переливчатыми огоньками. *Орлиный камень*, думает про себя Тень. Женщина собирается отнести камень своему маленькому сыну, который умер три ночи тому назад, и положить этот камень ему на холодную грудь. К следующему восходу солнца мальчик будет снова жив и будет смеяться, а камень станет

серым и тусклым. Мертвым — как эта птица, у которой она его украла.

— Я понял! — крикнул он птице.

Гром-птица запрокинула голову назад и закричал, и этот крик был — гром.

Мир под ними скользнул и унесся прочь, как странный сон.

Лора покрепче перехватила палку и стала ждать, чтобы человек, который представился ей как мистер Мирр, подошел еще ближе. Она стояла к нему спиной и смотрела на грозу, на темно-зеленые холмы внизу, в долине.

В этом убогом мире, пронеслось у нее в голове, *символ и есть настоящая вещь. Да будет так.*

Она почувствовала, как его ладонь мягко легла ей на правое плечо.

Вот и славно, подумала она. *Он не хочет меня пугать. Он боится, что если я зашвырну палку, она скатится вниз по склону горы, и он уже никогда ее не найдет.*

Она подалась назад, совсем чуть-чуть, так, чтобы спина ее коснулась его груди. Его левая рука скользнула ей под локоть. Жест был мягкий, почти интимный. Ладонь была раскрыта, и теперь эта ладонь оказалась у нее прямо перед глазами. Она стиснула обеими руками палку, выдохнула и

сконцентрировалась.

— Пожалуйста. Отдай мою палку, — шепнул он ей на ухо.

— Да, конечно, — ответила Лора. — Она твоя, — и, не имея ни малейшего представления, значат хоть что-нибудь ее слова или нет, добавила: — Я посвящаю эту смерть Тени, — и ударила комлем палки себе в грудь, прямо под самую грудину, и почувствовала, как палка извивается у нее в руках, превращаясь в копье.

Граница между обычной кожной чувствительностью и болью стерлась с той поры, как она умерла. Она почувствовала, как наконечник копья пробил ей грудь, почувствовала, как он прошел сквозь спину. Потом какое-то препятствие, на долю секунды, — она надавила еще — и копье вонзилось в мистера Мирра. Она почувствовала холодной кожей шеи его резкий выдох, а потом раздался крик, крик удивления и боли, крик человека, насаженного на копье.

Слов, которые он говорил, она не поняла, потому что не знала языка, на котором они были сказаны. Она снова налегла обеими руками на древко копья, стараясь как можно глубже погрузить его — сквозь собственное тело — в его тело.

Его горячая кровь обдала ей спину, и это она

тоже почувствовала.

— Сука! — выкрикнул он, уже по-английски. — Сука ебаная!

В голосе у него звучала влажная, хлюпающая нота. Должно быть, наконечник разрезал ему легкое, подумала она. Мистер Мирр начал двигаться, вернее — пытался двигаться, и каждое его движение заставляло двигаться и ее: они были соединены общей осью, насажены на нее, как две рыбы на один гарпун. В руке у него откуда ни возьмись появился нож, и он время от времени ударял ее этим ножом, отчаянно и сильно, попадая то в бок, то в груди, не видя, куда именно приходятся его удары.

Ей было наплевать. Что трупу пара ножевых ранений?

Она со всей силы навесила ему по запястью кулаком, и нож отлетел и звякнул о пол пещеры. И она оттолкнула его в сторону, ногой.

Тогда он начал плакать и выть. Она чувствовала, как он шарит у нее по спине, пытаясь найти точку опоры, как катятся по ее шее его горячие слезы. Его кровь давно уже пропитала ее одежду на спине и потоками стекала вниз.

— Ужасно неприличное, должно быть, зрелище, — сказала она тусклым, мертвым шепотом,

не без толики черного юмора.

Потом она почувствовала, как его повело в сторону, и ее тоже повело в сторону, вслед за ним, а затем она поскользнулась в крови — там была только его кровь, — которой на полу пещеры натекла уже целая лужа, и оба упали.

Гром-птица приземлилась на парковочной площадке Рок-сити. Ливень стоял стеной. Поле обзора у Тени сократилось буквально до дюжины футов. Он выпустил из рук перья гром-птицы и наполовину сполз, наполовину соскользнул на мокрый асфальт.

Сверкнула молния, и птицы рядом не стало.

Тень поднялся на ноги.

Парковка была заполнена всего на четверть. Он пошел к выходу. По дороге ему попался коричневый «Форд-Эксплорер», притулившийся к каменной стене. В самой машине было что-то до боли знакомое, он с любопытством ее оглядел и заметил на переднем сиденье человека, который, похоже, спал, упав грудью на руль.

Тень открыл водительскую дверцу.

В последний раз он видел мистера Градда возле мотеля, в самом центре Америки. Выражение лица у него было удивленное. И шею ему сломали мастерски. Тень дотронулся до лица. Еще

теплый.

В салоне машины стоял едва уловимый запах: на грани неразличимого, будто человек, от которого так пахло, уехал несколько лет тому назад, а комнату с тех пор не проветривали. Но Тень этот запах узнал. Он захлопнул дверцу «Форда» и пошел через парковку.

На ходу он почувствовал в боку боль, резкий, острый приступ боли, который длился секунду, не более, а потом прошел.

Билетов никто ему продавать не хотел. Он прошел сквозь здание магазина и углубился в парк Рок-сити.

Гремел гром, сотрясая ветви деревьев и гулко отдаваясь в скалах, и ливень лил с отчаянной холодной свирепостью. День едва начал клониться к вечеру, но было темно как ночью.

От тучи к туче змеей пробежала молния, и Тень подумал: интересно, это гром-птица возвращается на свои поднебесные утесы, или это разряд атмосферного электричества. А может быть, в каком-то смысле, на каком-то уровне два эти представления вовсе не противоречат друг другу.

Ну, конечно же, они и есть — одно и то же. В этом-то, собственно, все дело.

Неподалеку раздался крик: мужской голос. Знакомый. Единственное слово, которое удалось разобрать — или ему только показалось, что он сумел разобрать именно это слово — было: «*…Одину!*»

Тень бегом пробежал через Двор Знамен Семи Штатов, где пол был выложен цветными камнями с изображениями флагов, по которым теперь ручьем текла вода, и на одном из которых Тень поскользнулся. Гора была сплошь окутана густой пеленой облаков, и сквозь полную тьму и бушующую над двором бурю Тень при всем желании не смог бы разглядеть ни единого из семи.

А внутри было тихо. Такое впечатление, что там вообще не осталось ни единой живой души.

Он подал голос, и ему показалось, что кто-то откликнулся. И он пошел в ту сторону, откуда до него как будто донесся отклик.

Никого. И ничего. Одна только цепочка с табличкой, а на табличке надпись о том, что часть экспозиции для посетителей закрыта.

Тень перешагнул через цепочку.

Огляделся, пристально всматриваясь в темноту.

По коже у него пробежали мурашки.

Голос у него за спиной, из самой тьмы, сказал

отчетливо и тихо:

— Ты еще ни разу меня не разочаровал.

Тень не стал оборачиваться.

— Бред, — сказал он. — Зато я только и делал, что разочаровывал сам себя. Каждый раз.

— Ничего подобного, — сказал голос. — Ты сделал все, для чего был предназначен, и даже более того. Ты привлек к себе всеобщее внимание, и никто даже и не думал смотреть на ту руку, в которой в действительности была монета. Это как раз и называется — отвлекать внимание. И еще, когда приносишь в жертву собственного сына, высвобождается такая мощь — ее вполне достаточно, и даже более чем достаточно, для того, чтобы наше шоу не сошло со сцены. Честно говоря, я горжусь тобой.

— Нечестная была игра, — сказал Тень. — С самого начала. Ничего взаправдашнего. Только-то и нужно было, что придумать подходящее обоснование для массового убийства.

— Золотые слова, — сказал из темноты голос Среды. — Именно что нечестная. Но другой игры в этом городе не было.

— Мне нужна Лора, — сказал Тень. — И мне нужен Локи. Где они?

Повисло молчание. На него пахнуло порывом

ветра пополам с водяной пылью. Где-то рядом прогремел гром.

Он пошел дальше.

Локи Кознодей сидел на полу, прислонясь спиной к металлической решетке. За решеткой пьяненькие пикси возились со своим самогонным аппаратом. Он был весь укрыт одеялом, снаружи остались только лицо и руки, длинные и белые. Рядом на стуле лежал электрический фонарик. Батарейка у фонарика, похоже, была на последнем издыхании, и свет шел тусклый и желтый.

Локи был бледен, и вообще вид у него был не слишком здоровый.

Вот только глаза. В глазах по-прежнему горело пламя, и эти глаза следили за Тенью, пока тот шел через пещеру.

Не доходя до Локи нескольких шагов, Тень остановился.

— Ты опоздал, — сказал ему Локи. Голос был клокочущий и хриплый. — Я уже бросил копье. Я посвятил эту битву. И она уже началась.

— Да иди ты, — сказал Тень.

— Вот тебе и иди ты, — ответил Локи. — И что ты теперь ни делай, все без разницы.

Тень остановился и задумался. А потом сказал:

— Копье бросают, чтобы положить начало битве. Вроде как там, в Упсале. И с этой битвы, собственно, ты и кормишься. Правильно я понимаю?

Молчание. Он слышал, как дышит Локи, хрипя и захлебываясь при каждом вдохе.

— В общем, я все просчитал, — сказал Тень. — Ну или почти все. Не вполне уверен, когда именно. Может быть, пока висел на дереве. А может, раньше. А началось все с той подсказки, которую Среда дал мне на Рождество.

Локи просто лежал и смотрел на него, не говоря ни слова.

— Это же просто разводка на двоих, — сказал Тень. — Вроде как в той истории про епископа с бриллиантовым колье и полицейского, который приходит, чтобы его арестовать. Или про того парня со скрипкой и другого, что хочет эту скрипку купить. Два человека, и всем вокруг кажется, что они противники, а на самом деле они разыгрывают одну и ту же партию.

Локи прошептал:

— Ты не просчитал. Ты просчитался.

— Да брось ты! Мне, кстати, понравился номер, который ты разыграл в мотеле. Неплохо придумано. Тебе же нужно было при всем присутствовать,

чтобы убедиться, что все идет по плану. Я видел тебя. И даже понял, кто ты такой. Но только мне и в голову не могло прийти, что ты и есть этот их всемогущий мистер Мирр.

Тень повысил голос:

— Эй, ты там, выходи! — сказал он, обращаясь к темноте. — Где бы ты ни был. Покажись!

В проем залетел очередной порыв ветра, обдав их водяной взвесью. Тень передернуло дрожью.

— Мне надоело, что меня в этой компании продолжают держать за пацана сопливого, — сказал Тень. — Просто покажись, и все дела. Дай хоть взглянуть на тебя.

Темнота в дальнем конце пещеры видоизменилась. Где-то она просто шевельнулась, где-то сгустилась и обрела форму.

— Ты слишком много знаешь, мальчик мой, — сказал хрипловатый голос Среды.

— Так значит, они тебя все-таки не убили!

— Они убили меня, — сказал Среда из темноты. — Иначе бы и номер не прошел, если бы не убили. — Голос у него был довольно слабый. Не то чтобы совсем уж тихий, но была в нем какая-то такая нота, которая живо напомнила Тени о старом радиоприемнике, недостаточно хорошо настроенном на нужную волну.

— Если бы я не умер взаправду, мы бы их всех сюда ни в жисть не затащили, — сказал Среда. — Кали, и Морриган, и ебнутых этих албанцев — ну что я говорю, ты и сам всех видел. Только моя смерть и могла собрать их вместе. Я был агнцем, жертвенным ягненком.

— Нет, — сказал Тень, — ты был Иудиным козлом.[135]

Черный призрак в темноте заклубился и передернулся рябью.

— Ничего подобного. В этом случае я предал бы старых богов ради новых. А мы разыграли совсем иную партию.

— Ничего подобного, — эхом прошептал Локи.

— Да понял я, понял, — сказал Тень. — Каждый из вас ничуть не предавал ту сторону, на которой играл. Вы оба заранее предали обе стороны.

— Ну, где-то, наверное, так, — сказал Среда. Судя по голосу, он был собой вполне доволен.

— А нужна вам была только резня. Кровавое жертвоприношение. И чтобы под нож пошел не кто-нибудь, а боги.

Ветер делался все сильнее; его вой за входом в пещеру превратился в душераздирающий визг,

---

[135] notes: 135

Иудин козел — специально обученный козел на бойне, который ведет своих собратьев на убой, сам при этом оставаясь в живых.

будто некое огромное существо корчилось там от боли.

— А какого ж хрена нет-то? Я попал в эту проклятую землю как кур в ощип и застрял здесь на двенадцать веков. Кровь у меня стала жидкой. Я голоден.

— А питаешься ты смертью, — сказал Тень.

Ему показалось, что вот теперь он уже начинает различать Среду во мгле. Всего-навсего темная фигура, из темноты же и вылепленная, и различить ее как следует Тень мог только периферическим зрением, когда отводил глаза и принимался смотреть на что-то другое.

— Я питаюсь смертью, которая посвящена мне, — сказал Среда.

— Вроде моей смерти, там, на дереве, — сказал Тень.

— Ну, — ответил Среда, — это было особое лакомство.

— А ты, — Тень перевел взгляд на Локи, — ты что, тоже кормишься смертью?

Локи устало покачал головой.

— Ну нет, конечно же, — сказал Тень. — *Твоя* пища — хаос.

Локи улыбнулся при этих его словах, короткой болезненной улыбкой, и в глазах у него, под блед-

ными веками, заплясали оранжевые огоньки, похожие на быстро прогорающие кружевные нити.

— Без тебя у нас бы ничего не вышло, — сказал Среда, которого Тень видел краем глаза. — Я стольких женщин отымел…

— Тебе нужен был сын, — подытожил Тень.

И призрачный голос Среды ответил ему:

— Мне нужен был *ты*, мой мальчик. Да-да. Единственный мой и ненаглядный. Я знал, что зачал тебя, но мать твоя уехала из этой страны. У нас столько времени ушло на то, чтобы тебя отыскать. А когда мы тебя все-таки отыскали, выяснилось, что ты в тюрьме. И нам пришлось подбирать к тебе ключики, прикидывать, от чего ты на самом деле начнешь двигать руками и ногами. И какие для этого нужно нажимать кнопки. И кто ты вообще такой. — Вид у лежащего на полу Локи на долю секунды стал самодовольным до крайности. — А дома тебя, как выяснилось, ждала любимая жена. Это было очень некстати, но, впрочем, вполне поправимо.

— Она все равно для тебя не годилась, — прошептал Локи. — Без нее тебе гораздо лучше.

— Если бы все могло быть как-то иначе, — сказал Среда, и на этот раз Тень понял, что он имел

в виду.

— И вот если бы еще она — сделала такую божескую милость — и осталась мертвой, — прохрипел Локи. — Лесс и Камен — были хорошие ребята. А тебе — все равно дали бы — возможность сбежать — когда поезд проходил бы через Дакоту…

— Где она? — спросил Тень.

Локи вытянул бледную руку и указал в дальний конец пещеры.

— Вон туда она пошла, — сказал он, и тут же, безо всякой на то видимой причины, клюнул головой вперед, и тело его безжизненно распростерлось на полу пещеры.

Тень увидел то, что скрывало от него одеяло: лужу крови, дыру в спине Локи и почерневший от крови бежевый плащ.

— Что случилось? — спросил он.

Локи ничего ему на это не ответил.

И Тени показалось, что он уже вообще никогда никому не ответит ни на один вопрос.

— Женушка твоя с ним случилась, — сказал приглушенный голос Среды. Видно его теперь было хуже, будто он снова начал растворяться в своей эфирной сущности. — Но эта битва вернет его к жизни. Как и меня она тоже вернет — на-

всегда. Сейчас я призрак, а он — труп, но очень скоро настанет миг нашей победы. Игра с самого начала была с подвохом.

— На игре с подвохом, — напомнил ему Тень, — и попасться легче легкого.

Ответа не последовало. И ничто больше не двигалось в пещерной темноте.

Тень сказал:

— До свидания, — а потом добавил, — отец.

Но к этому моменту в пещере никого уже не было. Совсем никого.

Тень вышел обратно во Двор Знамен Семи Штатов, но и там было пусто, и слышно не было ничего, кроме хлопанья флагов по ветру. Мимо Тысячетонной Качающейся Скалы не валили валом люди с мечами наизготовку, и защитников Подвесного Моста тоже не было видно. Он был один-одинешенек.

Смотреть здесь было не на что. Все покинули Сторожевую гору. Это было самое пустое поле боя на свете.

Нет. Не пустое. Не совсем.

Это же Рок-сити. Место, которому поклонялись и которое почитали на протяжении тысяч лет: даже и сегодня от миллионов туристов, что бродят по здешним паркам и, раскачиваясь из стороны в

сторону, проходят по Подвесному Мосту, эффект, по сути такой же, как от миллиона молитвенных барабанов, вечно вращаемых водой. Реальность здесь была тонка и просвечивала. И Тени было известно место, в котором будет проходить битва.

С этими мыслями он двинулся вперед. Он вспомнил чувство, которое охватило его тогда, на карусели, и попытался испытать его снова…

Он вспомнил, как вертелся на «Виннебаго», как оказался в конечном счете перпендикулярно ко *всему на свете*. Он попытался ухватить и это ощущение…

И тут, легко и просто, у него получилось.

Он будто бы прошел через мембрану, словно вынырнул из глубокой плотной воды — и взлетел. Сделав один только шаг, он переместился с туристической тропки на склоне горы в…

Во что-то реальное. Он оказался за сценой.

Он по-прежнему был на вершине горы: по крайней мере, пейзаж остался на месте. Но только она теперь стала чем-то большим, чем просто вершина горы. Она стала квинтэссенцией пейзажа, его сердцем, сущностью. По сравнению с ней та Сторожевая гора, на которой он только что был, казалась рисунком на театральном заднике, жалкой поделкой из папье-маше, какими украшают

телевизионные студии, — не самой горой, а всего лишь репрезентацией настоящей горы.

А эта была — настоящая.

Скалистые утесы образовывали нечто вроде естественного амфитеатра. Каменистые тропинки, которые змеились по этому амфитеатру во всех направлениях, складывались в невероятные фигуры, вроде фигур Эшера, и шли вдоль стен, по стенам и сквозь стены.

И — небо…

Небо здесь было темное. Освещалось оно, подсвечивая и весь ниже лежащий мир, яркой мерцающей зеленовато-белой вспышкой, более яркой, чем солнце, которая, бешено ветвясь, вилась, как молния, из одного конца неба в другой — как белый шрам на темной поверхности неба.

Собственно, это и была молния, дошло вдруг до Тени. Молния, которая застыла в одном-единственном моменте времени, растянувшемся на веки вечные. Свет, который она давала, был резким и безжалостным: он вымывал из лиц любые другие цвета, кроме белого, а глазницы превращал в темные впадины.

Это и был момент бури.

Момент, когда сдвигается парадигма, — и это он тоже почувствовал. Старый мир, мир безбрежных

просторов, нескончаемых ресурсов и столь же бескрайнего будущего, столкнулся с чем-то иным — с разветвленной энергетической сетью, сетью уникальных точек зрения, водоворотов силы.

А люди верят, подумал Тень. Вот для чего здесь нужны люди. Они верят. А потом они перестают принимать на себя ответственность за то, во что верят; они не утрачивают способности воображать, представлять себе самые разные вещи, но только перестают доверять плодам собственного воображения. Люди населяют эту тьму призраками, богами, электронами, сказками. Люди воображают, и люди верят: и только из-за этой веры, мощной и твердой как камень, все на свете обретает плоть и кровь.

Вершина горы представляла собой арену: это он понял сразу. И по обе стороны арены собрались и изготовились к битве враждующие армии.

Они были слишком велики. Здесь, за сценой, вообще все на свете выглядело гипертрофированно большим.

В этом месте собрались старые боги: боги с кожей коричневой, как у старых грибов, розовой, как мясо цыпленка, и желтой, как осенние листья. Были среди них совершенно безумные, были и вполне вменяемые. Тень узнал старых

богов. Он уже был знаком либо с ними самими, либо с другими, похожими на них. Здесь были ифриты и пикси, великаны и карлики. Он увидел женщину, с которой виделся в темной спальне на Род-Айленде, увидел шевелящиеся на змеиный манер зеленые завитки ее волос. Он увидел Маму-джи, которая была на карусели: на руках у нее была кровь, а на губах — улыбка. Он знал их всех до единого.

Новых он тоже узнал, сразу.

Вот персонаж, который когда-то был железнодорожным бароном, в допотопном костюме, с цепочкой от часов через весь живот, от одного жилетного кармашка к другому. У него был вид человека, который знавал в своей жизни гораздо лучшие времена. Морщины у него на лбу ходили ходуном.

Вот огромные серые боги аэропланов, держатели акций давней мечты человечества о летательных аппаратах тяжелее воздуха, во всех ее вариациях.

Вот боги автомобилей: могучие ребята с серьезными лицами, с потеками крови на черных перчатках и хромированных зубах: получатели ежедневных человеческих жертвоприношений, масштабы которых не снились даже ацтекам. Но

и у них вид был не слишком уверенный в себе. Мир меняется каждую минуту.

Вот те, чьи лица — размытые фосфорические пятна: они тихо светились, будто жить могли только при своем же освещении.

Тени стало жалко их всех.

В этих, новых богах, не было излишней самонадеянности, не было в них и особой агрессии. И Тень это видел. А страх в них тоже был.

Они боялись, что если вдруг утратят возможность идти в ногу с изменяющимся в движении миром, который они ежечасно переделывают, перекраивают, перестраивают и переоформляют в соответствии с логикой собственного воображения, их тут же отправят на свалку.

Каждая из сторон встретила другую со всей подобающей доблестью. Для каждой из сторон на противоположной были бесы, монстры, демоны, проклятые изначально.

Тень понял, что первая схватка уже состоялась. На камнях была кровь.

Теперь они перестраивались и готовились к настоящей битве: к войне взаправду. Что ж, значит, либо сейчас, любо никогда, решил он. Если он прямо сейчас не перехватит инициативу, потом будет поздно.

В Америке все, что происходит, продолжается во веки вечные, услышал он голос, и голос этот пришел откуда-то из глубин его же собственного сознания. *1950-е длились тысячу лет. Времени у тебя навалом, столько, сколько тебе потребуется.*

Походкой, которая была отчасти небрежной, а отчасти — продуманно — нетвердой, Тень вышел на самую середину арены.

Он чувствовал, что все глаза сейчас смотрят только на него: глаза и те штуки, которые на самом деле не были глазами. Его передернуло дрожью.

Бизоний голос в глубине сознания сказал: *Хороший выход, так держать.*

Тень подумал: *Ну еще бы, мать твою. Я между прочим только сегодня утром воскрес из мертвых. После этого все остальное мне — как два пальца об асфальт.*

— Вот что я хочу вам сказать, — заговорил Тень, глядя прямо перед собой, обычным, безо всякой помпы голосом. — Никакая это не война. И в качестве войны никогда и не планировалась. И если вам кажется, что это война, значит, вы себя обманываете.

Он услышал поднявшийся с обеих сторон ро-

пот. Значит, сразу впечатления ему ни на кого произвести не удалось.

— Мы сражаемся за то, чтобы остаться в живых, — промычал минотавр с одной стороны арены.

— Мы деремся за право на существование, — выкрикнул рот, прорезавшийся вдруг в колонне фосфорического дыма, с другой ее стороны.

— Это не самая правильная страна для богов, — сказал Тень. В качестве вводной фразы, этой, конечно, было не равняться с *Друзья, римляне, соотечественники*,[136] ну да ладно, сойдет. — Наверное, каждый из вас это уже понял, всяк на свой лад. До старых богов здесь никому нет дела. Новых придумывают так же быстро, как потом забывают про них ради какой-нибудь новой большой идеи. Так что тебя либо игнорируют с самого начала, либо ты живешь и боишься, что завтра можешь выйти в тираж, — или же рано или поздно устаешь жить в полной зависимости от переменчивых и прихотливых человеческих

[136] notes: 136

Начальная строка монолога Марка Антония в шекспировской пьесе «Юлий Цезарь». Ироническая подоплека ситуации состоит в том, что Тень припоминает именно эту речь, произнесенную на похоронах Цезаря перед толпой, которую Антоний при помощи изысканных риторических и ораторских приемов пытается настроить против Брута и других заговорщиков, утверждая при этом, что он, в отличие от Брута, не оратор и не мастер говорить речи.

настроений.

Ропот стал тише. Ему удалось сказать хоть что-то, с чем они были согласны. Теперь, когда они были готовы его слушать, можно было начинать рассказывать им всю эту историю.

— Жил-был бог, который прибыл сюда из дальних стран, и чья власть, чье влияние постепенно сходили на нет по мере того, как увядала людская вера в него. Это был бог, который черпал свою силу из жертвоприношений, из чьей-то смерти, а в особенности — из войны. Смерть тех, что пали на войне, посвящалась ему — и целые поля сражений давали ему когда-то, в прежних местах обитания, силу и средства для поддержания жизни.

Теперь он состарился. И на жизнь себе зарабатывал чистой воды мошенничеством, в паре с другим богом из своего же, старого пантеона, богом хаоса и обмана. С ним вместе они обманывали тех, кто велся на их обман. С ним вдвоем они отнимали у людей то, что люди порой зарабатывали за всю свою жизнь.

И вот где-то по ходу дела — может быть, лет пятьдесят тому назад, а может, и все сто — они задумали большую аферу, которая позволила бы им создать почти неисчерпаемый запас силы,

за счет которого оба смогли бы продержаться еще очень и очень долго. Нечто такое, отчего они смогли бы стать куда сильнее, чем когда бы то ни было за всю свою жизнь. В конце концов, что может дать большее количество энергии, чем поле боя, усеянное трупами богов? И игра, которую они затеяли, называлась «А теперь давайте-ка, ребята, подеремся промеж собой».

Понимаете?

Битва, ради которой вы все здесь собрались, не предназначена для того, чтобы кто-то из вас в ней проиграл или выиграл. Ни победители, ни проигравшие никого не интересуют. Их не интересуют. Важно только то, что некоторые из вас умрут, и чем больше, тем лучше. Каждый, кто падет в этой битве, придаст ему силы. Каждый, кто падет на этом поле боя, пойдет ему на корм. Это вы понимаете?

Могучий гулкий рев, похожий на рев внезапно вспыхнувшего пламени, пронесся над ареной. Тень перевел взгляд на то место, откуда исходил звук. Огромных размеров человек с кожей цвета выдержанного красного дерева, полуобнаженный, в цилиндре и со щегольски торчавшей изо рта сигарой, заговорил голосом глубоким, как могила. Барон Суббота сказал:

— Ну, положим. А как насчет Одина? Он *умер*. Во время мирных переговоров. Эти сраные ублюдки его убили. Он умер. Я *знаю*, что такое смерть. Никто и никогда не сможет обмануть меня там, где дело касается смерти.

Кто-то выкрикнул:

— А ты вообще — кто такой?

— Я — его сын. Я был его сыном.

Один из новых богов — Тень подумал, что тот почти наверняка связан с наркотиками, судя по тому, как он улыбался и переливался всеми цветами радуги, тоже подал голос:

— Но мистер Мирр сказал…

— *Не было* никакого мистер Мирра. И никогда не существовало. Это был всего-навсего очередной ублюдок, из вашей же братии, который пытался поживиться за счет созданного его же руками хаоса.

Они ему поверили: он видел это по обиде, которая зажглась у них в глазах.

Тень покачал головой.

— Знаете, что я вам скажу, — сказал он. — По мне так лучше быть человеком, чем богом. Нам не требуется, чтобы хоть кто-то в нас верил. Мы и так живем себе — и умираем. По крайней мере, на это мы способны.

И воцарилась тишина, на всей этой огромной площадке.

А затем, с оглушительным треском, та молния, что застыла посреди этого темного неба, ударила в вершину горы, и арена погрузилась во тьму.

Они светились в темноте, многие из тех, кто собрался здесь драться.

Может быть, сейчас они начнут спорить со мной, подумал Тень. Или нападут и попытаются меня убить. Он ждал от них хоть какого-то ответа.

И вдруг до него дошло, что огоньки разбредаются. Боги начали покидать это место, и сначала то были единицы, потом десятки, а потом уже и сотни.

Паук размером с ротвейлера тяжелой трусцой подбежал к нему на семи ногах: собранные в созвездие на голове глаза горели тихим ровным светом.

Тень поудобнее распределил вес с ноги на ногу и изготовился к драке, хотя к горлу тут же подкатила непонятная и неприятная истома.

Но когда паук подошел поближе и заговорил, голос у него оказался голосом мистера Нанси:

— Неплохой ты выдал номер. Я горжусь тобой. Хорошее представление ты нам устроил, молодой

человек.

— Спасибо, — поблагодарил его Тень.

— Надо бы переправить тебя обратно. Если пробудешь в этом месте слишком долго, мозги можешь вывихнуть, — и он положил густо поросшую коричневыми волосками паучью лапу Тени на плечо…

…и откашлялся мистер Нанси уже во Дворе Знамен Семи Штатов. Его правая рука лежала на плече у Тени. Дождь перестал. Левая рука мистера Нанси плетью висела вдоль туловища, с ней явно было что-то не так. Тень спросил, не опасно ли это.

— Да я крепок, как старые гвозди, — ответил мистер Нанси. — И даже еще того крепче.

Впрочем, голос у него был не слишком бодрый. Голос был как у старого человека, который изо всех своих сил старается вытерпеть боль.

Их были здесь десятки: они стояли и сидели, кто на скамейках, а кто и прямо на земле. Некоторые, судя по всему, были ранены, причем весьма серьезно.

Тень услышал в небе тарахтящий звук, быстро приближавшийся с юга. Он посмотрел на мистера Нанси:

— Вертолеты?

Мистер Нанси кивнул.

— Ты на этот счет не беспокойся. Уже смысла никакого нет беспокоиться. Они просто уберут тут все, что не относится к экспозиции, и свалят отсюда.

— А, понял.

Тень подумал: кое-что из того, что никак не относится к экспозиции, мне бы хорошо повидать еще до того, как начнется зачистка. Он позаимствовал фонарик у какого-то седовласого господина, который был похож на вышедшего в отставку телеведущего, и отправился на поиски.

Лору он нашел лежащей на полу в боковом гроте, рядом с диорамой, где гномы, только что расставшиеся с Белоснежкой, бойко шагали на свою горняцкую работу. Пол под ней был мокрым от крови. Она лежала на боку, в той же позе, в которой, судя по всему, Локи оставил ее, когда ему, наконец, удалось извлечь копье из них обоих.

Одну руку Лора прижала к груди. Вид у нее был уязвимый и хрупкий. И еще она была совсем мертвая, но, с другой стороны, как раз к этому Тень уже начал привыкать.

Тень присел на корточки, положил руку ей на лицо и позвал по имени. Она открыла глаза, подняла голову и повернула ее, медленно-медленно,

пока не встретилась с ним глазами.

— Привет, бобик, — сказала она. Голос был еле слышный.

— Здравствуй, Лора. Что здесь было?

— Ничего особенного, — сказала она. — Так, фигня всякая. Они победили?

— Они еще не успели сцепиться всерьез. Я остановил битву.

— Умница ты у меня, бобик, — сказала она. — Этот человек, мистер Мирр, он сказал, что собирается проткнуть тебе палкой глаз. Он мне совсем не понравился.

— Он мертв. Ты убила его, хорошая моя.

Она кивнула. А потом сказала:

— А вот это хорошо.

Она закрыла глаза. Тень отыскал на ощупь ее ледяную руку и сжал в своей. Через некоторое время глаза у нее снова открылись.

— А ты придумал, как вернуть меня из мертвецов к нормальной жизни? — спросила она.

— Вроде да, — сказал он. — По крайней мере, один такой способ я знаю.

— И это тоже хорошо, — проговорила она и сжала его пальцы своими, холодными как лед. А потом продолжила: — А если наоборот? Такое ты тоже знаешь как сделать?

— Наоборот?

— Да, — прошептала она. — Мне кажется, теперь я и это уже заслужила.

— Я не хочу этого делать.

Она ничего не сказала. Она просто лежала и ждала.

Тень сказал:

— Ладно.

А потом вынул свою руку из ее руки, и дотронулся до ее шеи.

Она сказала:

— Вот и ты, мой муж, — и произнесла она эти слова с гордостью.

— Я люблю тебя, хорошая моя, — сказал Тень.

— Я люблю тебя, бобик, — прошептала она.

Он подцепил пальцами золотую цепочку, что висела у нее на шее, ухватился покрепче и дернул, и цепочка порвалась. И тогда он зажал между большим и указательным пальцами золотую монету, подул на нее и раскрыл ладонь.

Монета исчезла.

Глаза у нее по-прежнему были открыты, но уже не двигались.

Он наклонился и поцеловал ее, осторожно и нежно, в холодную щеку, и она не ответила ему. Он и не ждал, что она ответит. И тогда он встал

и вышел из пещеры, чтобы посмотреть, как наступает ночь.

Небо расчистилось. Воздух был свежим и терпким, и пах весной. Завтра наверняка будет просто сказочный день, подумал он.

Часть 4
Эпилог
О чем молчат мертвые
Глава девятнадцатая

Самый лучший способ описать историю — это рассказать ее еще раз. Понимаете? Описать историю так, чтобы ты сам ее понял или чтобы поняли другие, можно только пересказав ее заново. Пусть это греза, но только так можно восстановить равновесие. Чем подробнее карта, тем больше она похожа на реальную местность. А самая подробная из всех возможных карт — это и есть сама местность, и в этом отношении она предельно точна и абсолютно бессмысленна.

История — это карта, которая и есть сама местность.

И забывать об этом не следует ни в коем случае.

Из записных книжек мистера Ибиса

В автобусе-«Фольксвагене» их было двое, и

ехали они на юг, во Флориду, по шоссе I-75. За рулем они были с самого утра; вернее, за рулем был Тень, а мистер Нанси сидел рядом и время от времени, со страдальческим выражением лица, предлагал поменяться местами. На что Тень неизменно отвечал отказом.

— Послушай, а ты — счастлив? — неожиданно поинтересовался мистер Нанси. Он внимательно разглядывал Тень уже несколько часов кряду. Когда бы Тень ни повернул голову направо, он всякий раз натыкался на взгляд его коричневых, как самородная глина, глаз.

— Не так чтобы очень, — ответил Тень. — Ну так ведь я же еще и не помер.

— В смысле?

— «Никого не называй счастливым, пока он не умер». Геродот.

Мистер Нанси вздернул седые брови и сказал:

— А *я* вот еще не помер, и *именно потому*, что я еще не помер, я счастлив, как устрица.

— Это Геродот так сказал. Он вовсе не имел в виду, что мертвые счастливее живых, — пояснил Тень. — Он имел в виду, что оценивать, как у того или иного человека сложилась жизнь, можно только после того, как она дошла до точки, и можно подводить итоги.

— Я бы и тогда не стал подводить итоги, — сказал мистер Нанси. — Что же касается счастья, то разные бывают виды счастливых людей, точно так же, как и мертвые люди — очень даже разных бывают видов. Ну, а у меня принцип — проще некуда: ни от чего не отказывайся, что предлагает тебе жизнь.

Тень решил сменить тему.

— А как насчет вертолетов, там, на горе? — спросил он. — Ну, тех, которые должны были забрать мертвых и раненых.

— А что с ними не так?

— Кто их туда направил? И откуда они прилетели?

— Выкинь ты это из головы, и все дела. Они вроде как валькирии — или грифы. Появляются просто потому, что должны появиться.

— Ну, вам виднее.

— О мертвых и раненых позаботятся, не беспокойся. Если тебя интересует мое мнение, то сдается мне, что в ближайший месяц или около того старику Шакелю без работы сидеть не придется. А скажи-ка ты мне вот что еще, Теньчик.

— Ну?

— Тебя это все хоть чему-нибудь научило?

Тень пожал плечами.

— Не знаю. Большую часть из того, что понял, вися на дереве, я успел забыть, — сказал он. — Главное, с людьми интересными познакомился. Хотя, с другой стороны, я теперь уже ни в чем не могу быть до конца уверен. Это вроде как те сны, после которых просыпаешься другим человеком. Помнишь их потом всю жизнь и знаешь, что они про что-то такое, про самое главное и глубокое, что в тебе есть, и ты вроде бы что-то понял, но стоит попытаться вспомнить детали, как они от тебя ускользают, и ничего ты с этим не поделаешь.

— Н-да, — кивнул мистер Нанси. А потом ворчливо добавил: — А ты и впрямь не такой уж дебил, каким кажешься.

— Может, оно и так, — сказал Тень. — Но честно говоря, мне бы хотелось, чтобы все то, что случилось со мной после выхода из тюрьмы, не просачивалось просто так сквозь пальцы. Мне многое было дано с тех пор, и многое из этого я уже успел потерять.

— А может, сберег-то ты на самом деле куда больше, чем тебе кажется? — спросил мистер Нанси.

— Нет, — ответил Тень.

Они пересекли границу Флориды, и Тень в первый раз в жизни увидел настоящую пальму.

Интересно, подумал он, ее тут нарочно посадили, чтобы каждый, кто едет мимо, понимал, что он уже во Флориде?

Мистер Нанси начал похрапывать, и Тень посмотрел на него. Голова у старика по-прежнему была совершенно седая, да и дышал он как-то нехорошо, хрипло. Наверное, уже не в первый раз отметил про себя Тень, во время боя ему что-нибудь там повредили, в легких. Впрочем, от какой бы то ни было медицинской помощи Нанси отказался наотрез.

Флорида тянулась за окном машины много дольше, чем ожидал от нее Тень, и к тому времени, как он приткнулся возле маленького, стоявшего на самой окраине Форт-Пирса одноэтажного домика с наглухо закрытыми ставнями окна, было уже совсем поздно. Нанси, который последние пять миль пути исполнял роль штурмана, предложил ему остаться переночевать.

— Да я и в мотеле могу комнату снять, — пожал плечами Тень. — Какие проблемы?

— *Можешь*, конечно, и я на тебя останусь в обиде. Ну, то есть виду я, конечно, не подам. Но злобу затаю, — сказал мистер Нанси. — Так что давайка лучше оставайся, я тебе на кушетке постелю.

Мистер Нанси отвалил штормовые ставни и

раскрыл окна. В доме пахло плесенью и сыростью, и был еще вдобавок к этим двум какой-то смутный сладковатый запах, будто здесь водились призраки давным-давно почивших печений.

Тень сперва согласился, весьма неохотно, переночевать у мистера Нанси, а потом — с еще большей неохотой — составить ему компанию и отправиться в бар в конце улицы, дабы пропустить там на сон грядущий по стаканчику, пока дом проветривается.

— Ты с Чернобогом-то виделся? — спросил мистер Нанси, когда они вышли в душную флоридскую ночь. Мимо то и дело с гудением проносились здоровенные летающие тараканы, а под ногами кишмя кишели еще какие-то членистоногие, пощелкивавшие на ходу твари. Мистер Нанси раскурил сигарку и тут же зашелся в отчаянном приступе кашля. Сигарки он, впрочем, так и не бросил.

— Когда я вышел из пещеры, его там уже не было.

— Домой, наверное, умчался. Там теперь будет тебя ждать, вероятнее всего.

— Ну да.

До конца улицы они дошли молча. Бар по виду был так себе, но по крайней мере он был открыт.

— По первому пиву проставляюсь я, — сказал мистер Нанси.

— Мы только по одному и собирались выпить, не больше, вы не забыли? — поинтересовался Тень.

— Ну что ты за человек такой? — вскинулся мистер Нанси. — Вечно придирки какие-то мелочные…

Мистер Нанси заплатил за первые два стакана пива, потом Тень заплатил еще за два. Потом он с ужасом наблюдал за тем, как мистер Нанси уламывает бармена запустить караоке, после чего — уже с чувством неловкого изумления — за тем, как старик, добравшись через пень-колоду до последней строчки «Что нового, киска?», перешел к весьма мелодичному и довольно уверенному исполнению «Как ты сегодня хороша».[137] Голос у него оказался очень даже ничего, с последними нотами песни та немногочисленная публика,

---

[137] notes: 137

Вкусы у мистера Нанси вполне соответствуют его общей манере. «What's new pussycat?» — хит в исполнении Тома Джонса (одноименный фильм по сценарию Вуди Аллена, 1965), действительно весьма непростой для непрофессионального певца. «The way you look tonight» — песня из фильма «Свинг-тайм» (1936), популярной музыкальной комедии с участием Фреда Астера и Джинджер Робертс. Для фильма песню записал «Счастливчик» Джон Гарнетт. С тех пор ее исполняли Фрэнк Синатра, Рэй Квин, Тони Беннетт, Элла Фицджеральд, Род Стюарт — ну и мистер Нанси, конечно.

которая была в баре, начала мистеру Нанси аплодировать и выкрикивать что-то не слишком членораздельное, но явно одобрительное.

К тому времени как он вернулся к стойке, возле которой стоял Тень, вид у него стал куда свежее прежнего. Ни тебе красных глаз, ни серовато-бледной кожи.

— Ну, теперь твоя очередь, — сказал он Тени.

— Исключено, — отрезал Тень.

Но мистер Нанси уже заказал им еще по стакану пива и протягивал Тени залапанную распечатку с репертуаром загруженных в аппарат песен.

— Просто выбери ту песню, в которой знаешь слова, и все дела.

— Не смешно, — сказал Тень.

Мир уже потихоньку тронулся у него перед глазами в кругосветное плавание, и сил на то, чтобы спорить с мистером Нанси, не было решительно никаких, и вот уже мистер Нанси поставил на аппарате «Не дай понять меня не так»,[138] и вытолкнул его — в буквальном смысле слова — на крохотную самопальную эстраду в дальнем углу барной залы.

---

[138] notes: 138

Песню «Don't let me be misunderstood» впервые в 1964 году исполнила Нина Симон. Наибольшую популярность получила роковая версия, исполненная в следующем году группой «Энималс».

Тень взял в руки микрофон так, будто боялся, что эта штука того и гляди оживет, а потом пошла музыка, и он через силу просипел первое слово: «Бейби…» Никто из сидевших в баре людей ничем в него не запустил. Да и слово раскатилось по языку как-то само собой. «Теперь ты понимаешь меня?» Голос у него был хрипловатый, но мелодичный, да и сама по себе эта хрипотца к песне подходила. «Порой мне кажется, что я сошел с ума. Но ты ведь знаешь сама, такое с каждым бывает…»

И он все пел и пел, даже и тогда, когда они шли домой, сквозь звенящий, плотный воздух флоридской летней ночи, двое мужчин, молодой и старый, и оба нетвердо держались на ногах, и оба были совершенно счастливы.

— «Пусть я не ангел, но я и не дурак, — пел он, обращаясь к паукам и крабам, к тараканам, ящерицам и прочей ночной твари. — Мой бог, не дай понять меня не так!»

Мистер Нанси довел его до кушетки. Кушетка оказалась Тени явно не по росту, и он решил, что будет спать на полу, но к тому времени, как решение спать на полу окончательно оформилось у него в голове, он уже спал мертвым сном, полулежа-полусидя на том крохотном диванчике.

Поначалу ему ничего не снилось. Он просто провалился в теплую и уютную темноту. А потом в темноте возник огонь костра, и он пошел на свет.

— Неплохо у тебя получилось, — шепотом, не открывая рта, сказал человек-бизон.

— Я даже не знаю, что я такого сделал, — сказал Тень.

— Ты установил мир, — ответил человек-бизон. — Ты взял наши слова и сделал их своими словами. Им все это время было невдомек: то, что они вообще *были* здесь, на этой земле — и люди, которые их почитали, были здесь — это все только потому, что нас это устраивало. Но мы ведь можем и передумать. И очень может быть, что в конце концов мы передумаем.

— А ты тоже бог? — спросил Тень.

Человек-бизон покачал головой. На секунду Тени даже показалось, что его вопрос рассмешил это существо.

— Я — земля, — сказал человек-бизон.

А потом в этом сне было что-то еще, чего Тень не запомнил.

Проснулся он от какого-то шкворчащего звука. Голова разламывалась, в глазах пульсировала

боль.

Мистер Нанси уже приготовил завтрак: на столе возвышалась стопка блинчиков, рядом потрескивал только что снятый со сковороды бекон, залитый великолепными яйцами, и пахло кофе. Старик был бодр и свеж как огурчик.

— Голова у меня болит, — сказал Тень.

— Хороший завтрак — и ты встанешь из-за стола другим человеком.

— Я бы предпочел остаться тем же самым человеком, вот только голову бы другую приставить, — пожаловался Тень.

— Ешь, — сказал мистер Нанси.

Тень стал есть.

— Ну, а теперь как ты себя чувствуешь?

— Чувствую, что голова болит по-прежнему. Вот только теперь у меня еще желудок полный, и такое впечатление, что ему это очень не нравится.

— Пойдем со мной.

Рядом с диваном, на котором, укрытый африканским одеялом, Тень провел ночь, стоял сундук темного дерева, очень похожий на пиратский, только несколько меньших размеров. Мистер Нанси открыл висячий замок и отвалил крышку. В сундуке было полным-полно каких-то коробочек.

— Тут есть одно древнее африканское лекарство, чисто растительное, — сказал он. — Из коры полярной ивы, ну и прочие всякие дела.

— Типа аспирина, что ли?

— Ну да, — кивнул мистер Нанси. — Точь-в-точь, ничуть не хуже.

Порывшись в коробочках, он извлек из-под них огромную темную склянку непатентованного аспирина, вытряхнул на ладонь пару белых таблеток и протянул их Тени:

— На, держи.

— Славный сундучок, — сказал Тень. Он сунул в рот горькие таблетки и запил их стаканом воды.

— Мне их сын присылает, — сказал мистер Нанси. — Вообще, он славный парнишка. Жаль, мы с ним редко видимся.

— А я по Среде скучаю, — признался Тень. — Несмотря на все, что он натворил. Все жду, что он вот-вот откуда-нибудь явится. А голову поднимешь — и нет никого.

Он все смотрел и смотрел на пиратский сундук, пытаясь вспомнить, о чем эта вещь ему напоминает.

Ты многие вещи забудешь. Многие потеряешь. Но этого не теряй. Кто ему это говорил?

— Скучаешь по нему? После всего того, что он с

тобой сделал? И с нами всеми тоже?

— Да, — ответил Тень. — Скучаю. Как вы думаете, он вернется?

— У меня такое чувство, — сказал мистер Нанси, — что всякий раз, когда два человека сговорятся между собой продать третьему двадцатидолларовую скрипку за десять тысяч долларов, он в каком-то смысле будет рядом.

— Да, но…

— А теперь пойдем-ка обратно на кухню, — сказал мистер Нанси, и лицо у него будто закаменело. — А то мои сковородки самостоятельно мыться не обучены.

Мистер Нанси мыл тарелки и сковороды, Тень вытирал посуду и расставлял ее по местам. Головная боль понемногу начала отпускать. Потом они вернулись в гостиную.

Тень снова уставился на сундук, отчаянно пытаясь вспомнить, о чем тот ему напоминает.

— А если я вообще больше не встречусь с Чернобогом, — спросил он, — что тогда?

— Встретишься, — ровным тоном ответил мистер Нанси. — Может быть, он тебя отыщет. А может, сделает так, что ты сам к нему придешь. Но так или иначе вы все равно с ним встретитесь.

Тень кивнул. Кусочки головоломки начали

вдруг складываться во что-то более или менее цельное. Он видел сон, пока висел на дереве.

— Послушайте, — сказал он. — А есть такой бог, у которого голова слоновья?

— Ганеша? Он — индуистский бог. Устраняет препятствия, делает дорогу легче. Кстати, и готовит неплохо.

Тень поднял голову.

— *Она в хоботе*,[139] — сказал он. — Я знал, что это важно, только не знал, почему. Я думал, может, он ствол дерева имеет в виду. Но он же совершенно не об этом говорил, правда?

Мистер Нанси насупился:

— Ты меня совсем не слушаешь.

— Она в сундуке, она в багажнике, — сказал он и понял, что докопался наконец до истины. Он еще не совсем понимал, почему все сложилось именно так, как сложилось. Но в том, что сложилось правильно, был уверен.

Тень встал с дивана.

— Мне пора, — сказал он. — Извините, если что не так.

Мистер Нанси поднял бровь.

— А почему такая спешка?

---

[139] notes: 139

Непереводимая игра слов. По-английски trunk — и хобот, и сундук, и ствол дерева, и автомобильный багажник, и человеческое тело.

— Потому, — коротко ответил Тень, — что лед тает.

Глава двадцатая

пришла
весна
и
козло —
ногий
шароЧеловек насвистывает
просто
и
пе
чаль

э. э. каммингс

На взятой напрокат машине Тень выехал из леса примерно в половине девятого утра, скатился под горку, стараясь не превышать скорость в сорок пять миль в час, и въехал в городок под названием Лейксайд через три недели после того, как оставил его, как ему тогда казалось, на веки вечные.

Он проехал через город, удивляясь, сколь

немногое здесь изменилось за прошедшие недели, за которые сам он успел прожить целую жизнь, — и припарковался примерно на середине подъездной дорожки, ведущей к озеру. А потом выбрался из машины.

На льду больше не было видно ни рыбацких времянок, ни внедорожников, ни рыбаков, привычно склонившихся над лункой с удочкой в одной руке и банкой пива — в другой. Озеро было темным: ослепительно-белый слой снега исчез, и вода подо льдом была черной, а сам лед — столь прозрачным, что подледная тьма проступала наружу. Под низким серым небом озеро казалось пустым и неприветливым.

Почти пустым.

Одна машина на льду все-таки осталась, неподалеку от моста, так, чтобы каждый, кто едет по городу или через город, не мог ее не заметить. Цвет у нее был грязновато-зеленый: типичная старая ржавая тачка, из тех, какие просто забывают на автостоянках. Движка в ней не было. Представительным символом неизбывного человеческого желания биться об заклад эта доходяга стояла и ждала, когда лед станет слишком тонким, слишком рыхлым и слишком хрупким для того, чтобы она могла благополучно кануть в

вечность.

Поперек короткого съезда к озеру была натянута цепь с табличкой, а на табличке — предупреждение об опасности. ЛЕД ТОНКИЙ, гласила основная надпись. Ниже шли нарисованные от руки пиктограммы с зачеркнутыми: человечком, машиной и снегоходом. НА МАШИНАХ И СНЕГОХОДАХ НЕ ВЫЕЗЖАТЬ, ПЕШКОМ НЕ ВЫХОДИТЬ. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ.

Не обращая на предупреждение никакого внимания, Тень стал спускаться с берега. Склон был скользкий: снег уже успел растаять, превратив землю в грязь, и бурая прошлогодняя трава достаточного сцепления с почвой не давала. Он наполовину сбежал, наполовину съехал с горки к самой кромке воды, осторожно вышел на коротенький деревянный причал, а уже с него спустился на лед.

Слой воды, образовавшийся на поверхности озера из талого снега и талого льда, был глубже, чем то казалось сверху, а лед под ним был куда более гладким и скользким, чем каток, так что Тени пришлось изо всех сил держать равновесие, расплескивая воду, которая тут же залилась ему в ботинки. Ледяная вода. Кожа немеет сразу, едва вступит с ней в контакт. Идя по тонкому льду, он

чувствовал себя так, будто это происходило не с ним, а сам он смотрел на все со стороны, из кинозала — но в кинотеатре шла картина, главную роль в которой играл он сам, и фильм, судя по всему, был детективный.

Он шел к драндулету, с тоской отдавая себе полный отчет в том, что лед для подобного рода прогулок и впрямь слишком тонкий, а вода под ним такая холодная, какой только может быть жидкая пресная вода. Но он все шел и шел, оскальзываясь и с трудом восстанавливая равновесие. Несколько раз даже упал.

Он шел мимо разбросанных по льду бутылок и банок из-под пива, шел мимо лунок, вырубленных во льду, видимо, уже перед самой оттепелью, потому что они так и не замерзли, и в каждой чернела вода.

Драндулет стоял от берега гораздо дальше, чем то казалось сверху. Тень услышал громкий треск откуда-то с южной стороны озера, словно переломили палку, и тут же — густой басовый вибрирующий звук — словно на блесну взяла рыба размером с озеро, и катушка тоже размером с озеро, и леска натянулась. По всей своей огромной поверхности лед застонал и затрещал, как старая несмазанная дверь. Тень продолжал идти,

изо всех сил пытаясь держать равновесие.

Это же просто самоубийство, прошептал у него внутри голос, и голос был здравый. *Может — ну его на фиг, а?*

— Нет, — сказал он, вслух. — Я должен *все выяснить*.

И двинулся дальше.

Он почти добрался до драндулета, но уже не доходя до этой старой ржавой машины понял, что не ошибся. Вокруг нее в воздухе висело зловоние: разом и запах, тонкий, отталкивающий — и неприятный вкус где-то в задней части нёба. Он обошел машину по кругу, глядя сквозь стекла внутрь. Нечистые подранные сиденья. И — пусто. Попробовал открыть дверцы. Заперто. Потом багажник. Тоже заперт.

И что бы ему не захватить с собой монтировку.

Он сжал кулак, так, что натянулась перчатка, досчитал до трех, а потом со всей силы ударил в боковое стекло у водительского сиденья.

Руку он расшиб, а со стеклом не произошло ничего, ровным счетом ничего.

Можно, конечно, разбежаться и ударить в стекло ногой, уж этого оно точно не выдержит: да, если, конечно, он не поскользнется и не растянется на мокром льду. К тому же резких движений

лучше вообще не делать: машина держится на льду на честном слове, и силу нужно прикладывать с головой, чтобы не отправиться под лед вместе с ней.

Он еще раз внимательно осмотрел машину. А потом потянулся к антенне — которая когда-то была выдвижной, но, видимо, лет десять тому назад застряла в выдвинутом положении — и, покрутив ее немного, отломил у основания. Он взял антенну за кончик — когда-то здесь был навинчен утяжелитель, но это было слишком давно. Пальцы у него были сильные, и он без особого труда загнул вполне подходящий для дела крючок.

Потом отжал резиновую окантовку окна и вогнал антенну глубоко в дверцу, нащупывая механизм замка. Он долго прощупывал внутренности дверцы, шуровал антенной то дальше, то ближе, пока крючок наконец не зацепился: и тогда он потянул на себя.

И почувствовал, как крючок соскальзывает с опоры.

Он вздохнул. Начал нащупывать замок медленнее и аккуратнее, чем в первый раз. Каждый раз, перенося вес с ноги на ногу, он чувствовал, как лед под подошвами предательски потрескивает.

Тихо-тихо… так…

Есть, зацепил. Он потянул антенну вверх, и запорный механизм передней дверцы отщелкнулся. Тень, не снимая перчатки, взялся за ручку, нажал на кнопку и дернул на себя. Дверь не открывалась.

Она просто застыла, сказал он сам себе. *Примерзла. Только и всего.*

Он потянул сильнее, скользя ногами, и дверь драндулета вдруг распахнулась сама собой, веером разбросав вокруг кусочки намерзшего льда.

Вонь внутри машины была еще сильнее, чем снаружи: запах гнилой и нездоровый. К горлу подкатила тошнота.

Он покопался под приборной панелью, нащупал черную рукоять, при помощи которой открывался багажник, и дернул что есть силы.

Сзади, со стороны багажника, донесся глухой металлический щелчок.

Тень вышел обратно на лед, то и дело поскальзываясь и разбрызгивая вокруг себя воду, и, придерживаясь рукой за машину, обошел ее кругом.

Она в багажнике, повторил он про себя.

Багажник открылся всего на дюйм. Он ухватился поудобнее и рванул крышку вверх, на

полную.

Запах был, конечно, жуткий, но могло быть еще хуже: дно багажника было примерно на дюйм заполнено успевшим подтаять льдом. В багажнике лежала девочка. В алом тренировочном костюме, сильно перепачканном, волосы длинные, пепельно-серые, рот закрыт, так что скобок на зубах не видно, но Тень уже знал, что они на месте. Холод сохранил ее тело, как смог: с тем же успехом она могла лежать в морозильной камере.

Глаза у нее были широко раскрыты и, судя по всему, умирая, она плакала: замерзшие на щеках слезы до сих пор не растаяли.

— И ты была здесь все это время, — сказал Тень трупу Элисон МакГоверн. — И каждый, кто проезжал по этому мосту, не мог тебя не заметить. И каждый, кто ехал на машине по городу. И любители подледного лова ходили мимо тебя каждый день. И никто ничего не знал.

А потом он понял, какую глупость только что сморозил.

Потому что кто-то об этом знал. Тот, кто положил ее в этот багажник.

Он перегнулся через край багажника, чтобы проверить, сможет ли вынуть ее оттуда. А перегнувшись, налег на заднюю часть машины всем

своим весом. Скорее всего, именно это обстоятельство оказалось решающим.

В тот же самый момент лед под передними колесами машины просел — может быть, в ответ на его движение, а может быть, и сам по себе. Передняя часть машины ушла на несколько футов под лед, в черную озерную воду. Вода начала заливаться внутрь через открытую дверцу. Вода залила ему ноги выше щиколоток, хотя тот кусок льдины, на котором он стоял, по-прежнему казался более или менее надежным. Он лихорадочно огляделся, прикидывая, как теперь отсюда выбираться, — а потом думать было уже поздно, льдина треснула и резко накренилась, бросив его вперед, на машину и на мертвую девочку в багажнике; и машина ушла под лед багажником вперед, в ледяную воду озера, и утащила с собой его. Было ровно десять минут десятого, утром, двадцать третьего марта.

Перед тем как уйти под воду, он успел набрать полную грудь воздуха и закрыть глаза, но холод ударил его в грудь, будто с разбегу об стену, и вышиб из него воздух.

И он пошел вниз, в сумеречные ледяные глубины, увлекаемый автомобилем.

Он успел уйти довольно глубоко в холод и тьму,

и вниз его тянула мигом намокшая одежда, туфли и перчатки, и куртка тут же облепила и сковала его, мигом став тяжелее и объемнее, чем можно было себе представить.

Тень все падал вниз. Он попытался оторваться от машины, но она по-прежнему увлекала его за собой, а потом он услышал звук удара — не ушами, а сразу всем телом, и левая его лодыжка выгнулась, ступня развернулась боком и оказалась зажата под тяжестью колеса. И тут его охватила паника.

Он открыл глаза.

Он знал, что тьма здесь стоит кромешная: умом он понимал, что здесь слишком темно, чтобы он мог видеть вообще хоть что-нибудь, но тем не менее видел — и видел все. Он видел бледное лицо Элисон МакГоверн, глядящее на него из открытого багажника. Он видел другие, стоявшие вокруг машины — драндулеты прошлых лет, обросшие ржавчиной силуэты, наполовину ушедшие в придонный ил. *Интересно, а что они раньше вытаскивали на лед,* подумал Тень. *До того, как появились автомобили?*

И в каждом, теперь он это знал наверняка, было по мертвому ребенку. Их тут были десятки… и каждый простоял на льду, на глазах у всего света,

зиму напролет. И каждый нырнул в ледяные воды озера, как только зима закончилась.

Здесь они все и прятались: Лемми Хаутала и Джесси Ловат, Сэнди Ольсен и Джо Минг, Сара Линдквист, и прочие, прочие, прочие. Здесь, внизу, где всегда темно и холодно…

Он попытался вытянуть ногу, но она застряла намертво. Давление в легких между тем становилось невыносимым. И еще — резкая, жуткая боль в ушах. Он медленно выдохнул, и воздух пузырьками пошел от его лица вверх.

Времени мало, подумал он. *Скоро мне нужно будет глотнуть воздуха. А то задохнусь.*

Он нагнулся, ухватился обеими руками за бампер драндулета и рванул что было силы. И ничего.

Всего-навсего пустой остов от машины, сказал он себе. *Мотор из него вынули. А это в машине — самое тяжелое. Ты сможешь. Просто надо подналечь как следует.*

Он подналег.

Катастрофически медленно, по крохотной доле дюйма за раз, машина начала скользить по илу вперед, и вот Тень уже выдернул ногу, и оттолкнулся от дна, и попытался зашвырнуть себя как можно выше, прочь из ледяной воды озера. И

— даже не сдвинулся с места. *Куртка*, подумал он. *Это куртка. То ли где-то застряла, то ли зацепилась за что-то.* Он засучил рукава и начал онемевшими пальцами возиться с замерзшим замком молнии. А потом просто рванул ткань, и почувствовал, как она подалась по обе стороны от застежки. В лихорадочной спешке он высвободился из объятий чугунно-тяжелой намокшей ткани, оттолкнулся и пошел вверх, подальше от этой машины.

Ощущение страшной этой спешки было, но он уже не чувствовал ни где здесь верх, ни где низ, он задыхался, и боль разрывала ему грудь, и он понимал, что это край, все, с него хватит, больше он не вынесет, нужно просто глотнуть, вдохнуть как можно больше этой холодной воды и умереть. И тут он ударился головой обо что-то твердое.

Лед. Он ударился об лед, которым, как крышкой, было накрыто озеро. Он начал молотить по льду кулаками, но в руках у него не осталось силы, и не за что было зацепиться, негде найти точку опоры. И мир растворился в ледяной черноте озерной воды. И не осталось ничего, кроме холода.

Бред какой, подумал он. А потом подумал еще, вспомнив старый фильм с участием Тони Кертиса, который видел еще ребенком, *нужно*

перевернуться на спину, толкнуть лед вверх и прижаться к нему лицом, и тогда образуется пузырь воздуха, который я смогу вдохнуть, где-то здесь подо льдом наверняка должен быть воздух, но он просто бесцельно барахтался подо льдом, и замерзал все больше и больше, и вот уже практически не в силах был пошевелить ни единым мускулом, даже если бы от этого зависела его жизнь, — а она, кстати, именно от этого и зависела.

А потом холод как-то разом отступил и стал вполне сносным. И даже — теплым. И он подумал — *я умираю*. И на сей раз на него нахлынул приступ ярости, глухой и темный, и он собрал в кулак всю боль, всю ярость, все отчаяние, и рванулся, сам не понимая, куда, замолотил по льду руками, и заставил двигаться мышцы, которые уже решили, что не станут больше двигаться никогда.

Он вытянул руку вперед и почувствовал, как она засеклась за край льда и выскочила наружу, на воздух. Он попытался уцепиться хоть за что-нибудь, и тут почувствовал, как чья-то рука ухватила его за запястье и потянула вверх.

Он ударился головой об лед, он проехал лицом по шершавой нижней поверхности льда, а потом голова его оказалась вдруг на воздухе, и он почув-

ствовал, как его тело поднимается вверх через полынью, и какое-то время он не был способен ни на что другое, кроме как дышать, и черная озерная вода текла у него из носа и рта, и он щурил глаза, которые не видели ничего, кроме ослепительно яркого света и каких-то темных пятен, а кто-то все продолжал и продолжал его тянуть, и только теперь, уже вытащив его из воды, принялся говорить что-то насчет того, что ты же, мол, замерз до смерти, и — давай, мужик, *давай, толкайся*, и Тень принялся ворочаться и дергаться всем телом, как выползающий на берег морж, дрожа, откашливаясь и отфыркиваясь.

Он хватал ртом воздух, он вытянулся на потрескивающем тонком льду, и, даже понимая, что оставаться здесь нельзя, что и этот лед долго его не выдержит, ничего не мог с собой поделать. Мысли всплывали тяжело и вязко, будто сквозь густой сироп.

— Все в порядке, не надо мне больше помогать, — попытался выговорить он. — Со мной все в порядке.

Слова сбились в один неразличимый ком, и все в этом мире начало останавливаться и застывать.

Ему и нужно-то было совсем немного: чуть-

чуть передохнуть, совсем чуть-чуть, а потом он встанет и пойдет сам, своими ногами. Понятно же, что он не собирается залеживаться здесь на веки вечные.

Рывок: в лицо ему плеснули водой. Кто-то поднял ему голову. Тень почувствовал, как его волоком тащат по льду, на спине, и хотел было возмутиться, объяснить, что ему нужно просто отдохнуть — ну, может, вздремнуть немного, неужели это трудно понять? — и он скоро придет в себя. Если его просто оставят в покое.

Он искренне верил в то, что не спит, но вот уже он видит себя стоящим посреди бескрайней равнины, а перед ним — мужчина с головой и плечами бизона, женщина с головой чудовищно большого кондора, а между ними Виски Джек, который смотрит на него печально и качает головой.

А потом Виски Джек развернулся и пошел от Тени прочь. И человек-бизон пошел за ним следом, и женщина-гром-птица, но только она, сделав всего несколько шагов, вдруг подпрыгнула в воздух и пошла вверх по широкой плавной дуге.

Тень почувствовал, что только что лишился чего-то очень важного. Ему захотелось окликнуть их, попросить, чтобы они не бросали его вот

так, не оставляли одного, но все вокруг начало сыпаться и утрачивать всякую форму и всякий смысл: они ушли, равнина погрузилась во мрак, и ничего не осталось.

Боль была ужасная: такое впечатление, будто каждая клеточка тела, каждое нервное окончание понемногу оттаивали и, просыпаясь, заявляли о своем присутствии жжением и болезненным спазмом.

На затылке у него лежала чья-то рука и держала его за волосы, другая рука была у него под грудью. Он открыл глаза, ожидая увидеть белые стены какой-нибудь больничной палаты.

Он был босой. На ногах — джинсы. Выше пояса — голый. В воздухе стоял пар. На стене, которая оказалась у него перед глазами, висело небольшое зеркало, а под ним — раковина и синяя зубная щетка в стакане со следами засохшей зубной пасты.

Информация перерабатывалась еле-еле, по биту в секунду.

Пальцы у него горели. На руках. Впрочем, и на ногах тоже.

Он начал тихонько поскуливать от боли.

— Тихо, тихо, Майк. Все в порядке, — сказал знакомый голос.

— Что? — спросил он. Или, скорее, попытался спросить. — Где я?

Голос у него был какой-то придушенный и звучал странно.

Он лежал в ванне. Вода была горячая. То есть ему показалось, что она горячая, хотя в действительности она могла быть какая угодно. И доходила она ему до самого горла.

— Самая большая глупость, которую можно сделать, если человек замерз и умирает, — положить его к огню. Вторая по очередности — это завернуть его в одеяла: в особенности если на нем холодная и мокрая одежда. Одеяла заизолируют его полностью и не позволят согреться. Третья — но это уже мое личное мнение — это выкачать из него всю кровь, согреть и закачать обратно. Хотя медики сейчас именно такую процедуру и предпочитают. Сложно и дорого. И просто глупо.

Голос шел откуда-то сверху и сзади.

— Ну, а самая быстрая и эффективная вещь, которую можно в подобной ситуации предпринять, известна морякам уже не одну сотню лет — и они пользуются ею, когда поднимают на борт тонущего в холодном море человека. Нужно положить его в горячую воду. Не *слишком* горячую. Просто горячую. А ты, кстати — просто к сведе-

нию, чтобы ты знал — был уже практически на том свете, когда я тебя вытащил. А теперь как ты себя чувствуешь, Гудини?

— Болит, — сказал Тень. — Все тело болит. Вы мне жизнь спасли.

— Ну, если на то пошло, трудно спорить против очевидного. Ты, кстати, голову сможешь сам держать?

— Попробую.

— Тогда я сейчас тебя отпущу. Ну, а если начнешь уходить под воду, выдерну снова.

Рука, которая держала его за волосы, ослабила хватку.

Почувствовав, что начал сползать вниз, он раздвинул руки в стороны, прижал их к стенкам ванны и положил затылок на бортик. Ванная комната была маленькая, сама ванна — металлическая, с проржавевшей и поцарапанной эмалью.

Потом в поле его зрения попал сам старик. Вид у него был озабоченный.

— Ну что, получше стало? — спросил Хинцельманн. — Расслабься и просто полежи так немного. У меня здесь тепло и уютно. А как будешь готов — скажешь. Есть у меня один халат, который даже на тебя налезет, а джинсы твои я тем време-

нем положу в сушилку, ко всякой прочей твоей одежке. Как тебе такие перспективы, Майк?

— Меня по-другому зовут, на самом деле.

— Ну, это тебе, конечно, виднее. — Сморщенное, как у гоблина, старческое лицо сложилось в недовольную гримаску.

Чувство времени у Тени исчезло: в ванне он лежал до тех пор, пока не прошло жжение по всему телу, и пока он не смог сгибать и разгибать пальцы на руках и ногах, не испытывая при этом слишком сильной боли. Хинцельманн помог ему выбраться из ванны и слил теплую воду. Тень сел на белый эмалированный край, и они — вдвоем — принялись стягивать с него джинсы.

Потом он — в самом деле без особого труда — втиснулся в тесный махровый халат, после чего с помощью старика перебрался в жилую часть квартиры и рухнул на древний диван. Чувствовал он себя изможденным и вялым: он устал смертельно, но по крайней мере остался в живых. В камине горели настоящие дрова, полуполешки. Со стен с немым удивлением взирали на него с полдюжины пыльных оленьих голов, которые делили все свободное пространство с несколькими крупными, покрытыми лаком рыбинами.

Хинцельманн удалился с джинсами Тени, и

Тень услышал, как в соседней комнате на секунду перестала тарахтеть сушилка, а потом заработала снова. Старик вернулся с кружкой, от кружки шел пар.

— Это кофе, — сказал он, — неплохое стимулирующее средство. И еще я туда плеснул немного шнапса. Совсем чуть-чуть. Раньше мы всегда так делали. А нынешние доктора против.

Тень обхватил кружку обеими руками. На ней сбоку была картинка — комар — и к нему надпись: СДАВАЙТЕ КРОВЬ — ПРИЕЗЖАЙТЕ В ВИСКОНСИН!

— Спасибо, — сказал он.

— Ну, а для чего же еще нужны друзья, — отозвался Хинцельманн. — Может, когда-нибудь и ты меня спасешь. И вообще, хватит на эту тему.

Тень глотнул кофе.

— Я думал, что все, умер уже.

— В рубашке ты родился, вот что я тебе скажу. Я на мосту стоял — потому что прикинул, что с большой долей вероятности главный день в году настанет именно сегодня. Когда доживаешь до моих лет, такого рода вещи начинаешь чувствовать. Ну вот, значит, я там и стоял, со старыми своими часиками в руке, а тут смотрю — ты на лед спускаешься. Я заорал, как мог громко, но голову

даю на отсечение, что ты меня не услышал. Потом я увидел, как машина ушла под лед, и ты с ней вместе, ну, думаю, крышка парню, но на лед тем не менее спустился. Страшно было, жуть — аж мурашки по коже. Ты под водой проторчал минуты две, не меньше. А потом гляжу — в том самом месте, где машина нырнула, рука твоя торчит из воды, — я как будто привидение увидел, честное слово… — Он немного помолчал. — Нам обоим с тобой крупно повезло, что пока я тебя тащил из воды, а потом до берега, лед не проломился.

Тень кивнул.

— Спасибо вам огромное, — сказал он Хинцельманну, и гоблинское сморщенное лицо старика просияло.

Тень услышал, как где-то в дальней части дома вроде как закрылась дверь. Он глотнул еще кофе.

Теперь, когда способность здраво рассуждать начала понемногу к нему возвращаться, он начал задавать себе вопросы.

Например: каким образом этот крохотный старичок, росту в котором было вполовину меньше, чем в Тени, а весу — так наверное, раза в три, умудрился доволочь его бесчувственное тело по льду через все озеро сначала до берега, а потом еще и поднять по склону и загрузить в машину.

И как Хинцельманну удалось втащить его в дом, поднять и уложить в ванну.

Хинцельманн встал, подошел к камину, взял щипцами из поленницы тоненькое полешко и аккуратно положил его в самый огонь.

— А вы не хотите узнать, зачем я вообще вышел на лед?

Хинцельманн пожал плечами.

— Это не мое дело.

— Вот чего я все никак не могу взять в толк… — сказал Тень, а потом немного помедлил, собираясь с мыслями. — Я никак не могу понять, зачем вы вообще кинулись меня спасать.

— Ну, — ответил Хинцельманн, — просто меня в свое время так воспитали: если видишь, что человек попал в беду…

— Да нет, — перебил его Тень. — Я не об этом. Я о том, что всех этих детей убили вы. Убивали их каждую зиму. И я — единственный человек, который вас вычислил. Вы же не могли не заметить, как я открываю багажник. Почему вы просто не дали мне утонуть — и все дела?

Хинцельманн склонил голову на бок. Потом задумчиво почесал нос, покачиваясь взад-вперед на носках туфель.

— Ну, — сказал он наконец, — вопрос-то, конеч-

но, интересный. Скорее всего, просто потому, что у меня кое перед кем есть должок. А я свои долги привык выплачивать до последнего пенни.

— Перед Средой?

— Ну да, так его вроде кличут.

— Поэтому он меня и спрятал в Лейксайде, ведь так? Были основания надеяться, что именно здесь меня никто никогда не найдет.

Хинцельманн ничего ему на это не ответил. Он снял со стены тяжелую чугунную кочергу и начал разгребать ею угли: дым пополам с ярко-оранжевыми искрами клубом взвился вверх.

— Живу я здесь, — сказал он. — И это *очень хороший* город.

Тень допил кофе и поставил кружку на пол. И даже это усилие далось ему с колоссальным трудом.

— А с каких пор вы тут живете?

— Достаточно давно.

— И озеро — тоже ваших рук дело?

Хинцельманн удивленно поднял на него глаза.

— Ну да, — сказал он. — Озеро тоже моих рук дело. Когда я сюда приехал, они уже были уверены, что у них есть озеро, хотя я не видел ничего, кроме родника, мельничной запруды и вытекающего из-под нее ручейка.

Он немного помолчал.

— Вот я и прикинул, что в стране этой нашему брату приходится ой как туго. Она нас просто заживо заедает. А мне не нравится, когда меня едят заживо. Вот я и заключил с этим городом сделку. Я подарил им озеро, подарил процветание…

— И должны они вам за это были всего ничего: по ребенку каждую зиму.

— Хорошие были детишки, — медленно покачал своей старческой головой Хинцельманн. — Все детишки были просто замечательные. Я только тех выбирал, которые мне самому нравились. Кроме разве что Чарли Неллигана. Дурное в нем было семя, бурьян, сорняк. Когда он у меня был, в двадцать четвертом? Или двадцать пятом? Ну, да. Такая вот у нас получилась сделка.

— А жители этого города, — спросил Тень. — Мейбл. Маргарет. Чэд Маллиган. Они об этой сделке *знают*?

Хинцельманн промолчал. Он вынул кочергу из огня: дюймов на шесть от кончика она раскалилась докрасна. Тень понимал, что даже за рукоятку эту кочергу нормальному человеку держать невозможно, она слишком горячая — однако Хинцельманна, судя по всему, это ничуть не беспокоило, и он опять начал шевелить ею угли.

Потом сунул ее поглубже, в самый жар, и оставил лежать. И сказал:

— Они понимают, что живут в прекрасном месте. Притом, что все прочие города и городишки в нашем округе, да что там, во всей этой части штата, давно уже превратились бог весть во что. И об этом они тоже знают.

— И это тоже ваших рук дело?

— Об этом городе, — сказал Хинцельманн, — я забочусь. Здесь ничего не происходит такого, чего бы я не хотел. Это ты понимаешь? Никто сюда не приедет, если я не захочу, чтобы он приехал. Именно поэтому твой отец тебя сюда и прислал. Ему совсем не хотелось, чтобы ты околачивался по разным городам и весям и привлекал к себе лишнее внимание. Вот и все.

— И вы его предали.

— Никого я не предавал. Он был жулик, чего не отнять, того не отнять. Но я свои долги всегда плачу до последнего пенни.

— Я вам не верю, — сказал Тень.

Вид у Хинцельманна сделался обиженный. Он ухватился одной рукой за пучок седых волос над ухом.

— Я держу свое слово.

— Нет. Не держите. Лора сюда приходила. И

сказала, что ее тянуло сюда, а что именно — она не знает. А как насчет забавного совпадения: Сэм Черная Ворона и Одри Бертон приезжают в город в один и тот же вечер? Сдается мне, что в простые совпадения не стоит больше верить. Сэм Черная Ворона и Одри Бертон. Два человека, которые знали, кто я такой на самом деле, и еще — что меня разыскивают. У меня складывается впечатление, что вы просто подстраховались: если не сработает одна, в запасе есть другая. А если бы не сработали обе, кто еще собирался в Лейксайд, а, Хинцельманн? Мой бывший тюремный охранник воспылал вдруг страстью к подледному лову? Или — Лорина матушка? — Тень поймал себя на том, что разозлился уже всерьез. — Я был не нужен вам в этом вашем городе. Вот только Среде вам об этом говорить не хотелось.

В отблесках пламени от очага Хинцельманн походил скорее на горгулью, чем на живого человека.

— Это хороший город, — сказал он. Обычная улыбка пропала с его лица, и без нее вид у него сделался совсем как у восковой фигуры. Или у мертвого. — А ты привлекал к себе слишком много внимания. И для города это было нехорошо.

— Надо было вам оставить меня лежать там, на

льду, — сказал Тень. — А еще лучше — подо льдом, в озере. Я открыл багажник вашего весеннего драндулета. Сейчас Элисон по-прежнему там, и она примерзла ко дну. Но лед растает, и рано или поздно она всплывет на поверхность. После чего народу непременно захочется спуститься на дно и посмотреть, что там. И там они обнаружат много интересного. Всю вашу коллекцию мертвых детей. И сдается мне, что некоторые из этих тел должны были довольно хорошо сохраниться.

Хинцельманн нагнулся и вынул из огня кочергу. Он уже перестал притворяться, будто ворошит ею угли: теперь он держал ее так, как держат меч или дубинку, слегка покачивая в воздухе раскаленным добела кончиком. От кочерги пахло паленым металлом. И Тень вдруг остро почувствовал, что он почти голый, что сил у него практически не осталось, руки и ноги еле двигаются, и защищаться в таком состоянии он не способен.

— Ну что, теперь вы хотите меня убить? — спросил Тень. — Валяйте. Вперед. Я в любом случае уже покойник. Я знаю, что этот город принадлежит вам — это ваш собственный маленький мирок. Но если у вас сложилось впечатление, что никто меня разыскивать не станет, значит,

вы совсем оторвались от реальности. Все кончено, Хинцельманн. Так или иначе, ваша песенка спета.

Хинцельманн выпрямился во весь рост, оттолкнувшись от пола кочергой, словно тростью. Пока он поднимался, ковер в том месте, где в него уткнулся кончик кочерги, обуглился и начал дымить. Хинцельманн посмотрел на Тень, и в светло-голубых его глазах стояли слезы.

— Я люблю этот город, — сказал он. — Мне так нравилось все это время быть чудаковатым местным старичком, который рассказывает байки, ездит на Тесси и ловит на озере свою рыбку. Помнишь, что я тебе говорил? После дня, проведенного на рыбалке, домой ты возвращаешься не с рыбой. Ты возвращаешься с покоем на душе.

Он вытянул руку с кочергой в направлении Тени — и тот даже на расстоянии почувствовал, какой от нее идет жар.

— Я мог бы убить тебя, — сказал Хинцельманн. — И все было бы шито-крыто. Мне уже приходилось делать такое раньше. Ты не первый, кто меня вычислил. Папаша Чэда Маллигана первым до всего додумался. С ним у меня все вышло тихо и гладко, и с тобой может выйти точно так же.

— Очень может быть, — сказал Тень. — Но вот насколько этой тиши и глади хватит, а, Хинцельманн? На год еще? На десять лет? Есть теперь такая штука как компьютеры, Хинцельманн. Их не обманешь. Они вычисляют структуры. Каждый год в городе пропадает по ребенку. И очень скоро тут появятся чужие люди и начнут совать свой нос во все и вся. Точно так же, как за мной приехали. А скажите-ка мне лучше вот что — сколько вам *лет*?

Он зацепил пальцами диванную подушку и приготовился: ею можно прикрыть голову, от первого удара его это наверняка спасет.

Лицо у Хинцельманна было совершенно бесстрастным.

— Мне жертвовали детей задолго до того, как в Черный лес[140] пришли римляне, — сказал он. — И богом я был задолго до того, как стал кобольдом.

— Так, может, настало время перебираться в другие края? — сказал Тень и подумал про себя: интересно, а кто такие кобольды.

Хинцельманн пристально посмотрел на него.

---

[140] notes: 140

Имеется в виду, естественно, Шварцвальд — древний лесной район, протянувшийся по высокому правому берегу Рейна на юго-западе нынешней земли Баден-Вюртемберг.

А потом перехватил кочергу и сунул ее кончик обратно в горящие угли.

— Все не так просто, Тень. С чего ты взял, что я могу покинуть этот город, когда мне вздумается? Я — неотъемлемая часть этого города. И ты хочешь заставить меня уйти отсюда? Ты готов меня убить? Чтобы я смог спокойно уйти?

Тень посмотрел на пол. На ковре, в том месте, где его коснулась кочерга, по-прежнему мерцали искры и крохотные угольки. Хинцельманн проследил за направлением его взгляда и наскоро затоптал тихо рдеющие искры, растерев их ногой. В память Тени непрошенными гостями заглянули дети, много, больше сотни, и стали смотреть на него, все сразу, белесыми, как кость, глазами, и волосы, похожие на водоросли, медленно шевелились у них на головах. И в глазах у них он прочитал — упрек.

Он знал, что предает их. Но другого выхода придумать был не в состоянии.

Тень сказал:

— Я не могу вас убить. Вы спасли мне жизнь.

И покачал головой. Он чувствовал себя сейчас полным дерьмом во всех смыслах этого слова, которые только можно придумать. Он больше не был героем, и никаким детективом здесь больше

тоже не пахло — нет, он всего-навсего очередная продажная тварь, жалкая и ничтожная, которая грозит пальчиком куда-то в темноту, прежде чем повернуться к этой темноте спиной.

— Хочешь, открою тебе одну тайну? — спросил Хинцельманн.

— Конечно, — автоматически ответил Тень. На душе у него лежал большой холодный камень. Со всеми этими тайнами давно пора заканчивать.

— Тогда смотри.

Там, где только что стоял Хинцельманн, Тень увидел маленького мальчика, лет пяти, не больше. Длинные темно-каштановые волосы. И — совершенно голый, если не считать потертого кожаного ремешка на шее. Он был пробит насквозь двумя клинками — один пронзил ему грудь, другой вошел в плечо, над ключицей, а кончиком вышел из-под последнего ребра. Из ран безостановочно текла кровь и сбегала по телу мальчика на пол, мигом образовав у него под ногами темно-красную лужу. Клинки выглядели древними неимоверно.

Мальчик смотрел на Тень глазами, в которых, кроме боли, не было вообще ничего.

И Тень подумал про себя: *ну конечно же*. Этот способ наделить племя собственным богом ни-

чуть не лучше и не хуже других. Ему уже ничего не нужно было рассказывать. Он и так все знал.

Берем ребенка и воспитываем его в полной темноте, так, чтобы за всю свою жизнь он никого не видел, ни до кого не дотрагивался, и год за годом кормим его только самой лучшей пищей, которую другие дети в деревне видят разве что по праздникам, а потом, пять зим спустя, когда наступает самая длинная ночь, выводим перепуганного мальчика из хижины на площадь, вокруг которой горят костры, и протыкаем его лезвием стальным и лезвием бронзовым. Потом коптим его маленькое тело на тихом жару, на древесном угле, пока оно не высохнет надлежащим образом, заворачиваем в меха и носим с собой со стоянки на стоянку, в самой гуще великого Черного леса, принося ему в жертву животных и детей и превратив его в символ счастья для всего племени. А когда со временем мумия рассыплется на части, мы соберем хрупкие кости в ларец, и ларцу этому станем поклоняться; пока однажды эти кости не окажутся рассыпаны по земле и забыты, а племена, которые почитали бога-ребенка, не канут в вечность; а сам этот бог-ребенок, символ счастья своей деревни, останется в памяти людской разве что в качестве периферийной какой-нибудь

фигуры, вроде призрака или домового: в качестве кобольда.

Интересно, подумал Тень, кто же из тех, кто приехал в северную часть Висконсина лет сто пятьдесят тому назад — какой-нибудь лесоруб или картограф, — пересек Атлантический океан с Хинцельманном в голове.

Но тут окровавленный мальчик исчез, а вместе с ним и лужа крови, и остался только тщедушный старичок с седым пухом вместо волос и гоблинской улыбочкой, и рукава свитера у него были все еще мокрыми — ведь он вытаскивал Тень из воды, а потом устраивал его в ванне.

— Хинцельманн! — голос раздался со стороны входной двери.

Хинцельманн обернулся. Вместе с ним обернулся и Тень.

— Я зашел тебе сказать, — сказал Чэд Маллиган, и голос у него был какой-то странный, надтреснутый, — что драндулет ушел под воду. Я ехал мимо и увидел, что на льду его больше нет, а поскольку ехал я все равно в эту сторону, то и подумал — дай зайду и скажу тебе, на случай, если ты не в курсе.

В руке у него был пистолет. Стволом в пол.

— Привет, Чэд, — сказал Тень.

— Здорово, приятель, — ответил Чэд Маллиган. — А мне прислали извещение о том, что ты скончался в камере предварительного заключения. От сердечного приступа.

— Кто бы мог подумать? — сказал Тень. — Такое впечатление, что те места, где я скончался, скоро можно будет считать десятками.

— Он ворвался ко мне в дом, Чэд, — сказал Хинцельманн. — Он угрожал мне.

— Да нет, — сказал Чэд Маллиган. — Никто тебе не угрожал. Я стоял под дверью последние минут десять, Хинцельманн. И слышал все, что ты тут говорил. Насчет моего старика. И насчет озера. — Он сделал шаг вперед, но руки с пистолетом не поднял. — Господи ты боже мой, Хинцельманн! По городу ведь проехать невозможно, чтобы не увидеть этого поганого озера. Оно же тут центр всего на свете. И что ты теперь прикажешь мне делать?!

— Арестуй его! Он сказал, что собирается меня убить! — запричитал Хинцельманн — несчастный напуганный старик в пыльной перетопленной квартире. — Чэд, как я рад, что ты появился! Как ты вовремя!

— Да нет, — сказал Чэд Маллиган. — Радоваться тебе тут совершенно нечему.

Хинцельманн вздохнул. Потом нагнулся, словно через силу, и вытянул из огня кочергу. Кончик ее горел ярким оранжевым светом.

— Положи эту штуку, Хинцельманн. Просто положи ее обратно, очень медленно, потом подними руки вверх, так, чтобы я их видел, повернись и встань лицом к стенке.

На лице у старика застыло выражение неподдельного ужаса, и Тень, пожалуй, даже проникся бы к нему состраданием, вот только слезы, примерзшие к щекам мертвой Элисон МакГоверн, никак не шли у него из головы. Хинцельманн не двинулся с места. И кочергу обратно в камин он класть не стал. И к стенке не повернулся. Тень уже совсем было собрался дотянуться до него и попытаться отобрать кочергу, как тот вдруг метнул свой раскаленный дротик в Маллигана.

Метнул он его неловко и несильно, будто просто потому, что должен был метнуть, — и еще не успев закончить бросок, уже рванулся к задней двери.

Кочерга едва задела левую руку Маллигана.

Звук выстрела в замкнутом и довольно тесном пространстве стариковской квартиры был просто оглушительным.

Один выстрел, прямо в голову, насмерть.

Маллиган сказал:

— Ты бы лучше в свое переоделся. — Голос у него был тусклый и как будто неживой.

Тень кивнул. Он вышел в соседнюю комнату, открыл дверцу сушилки и вытащил свои вещи. Джинсы были еще влажные, но он все равно их надел. К тому времени, как он вернулся в комнату, полностью одетым — если не считать куртки, которая осталась где-то на дне озера, в стылом тамошнем иле, и туфель, которых он не нашел, — Маллиган уже успел вынуть из камина несколько тлеющих поленьев.

Маллиган сказал:

— Дурные настают времена, если полицейскому приходится устраивать поджог, чтобы замести следы им же совершенного убийства.

Потом поднял голову и посмотрел на Тень.

— Ты бы обулся, что ли, — сказал он.

— Я не знаю, куда он засунул мои башмаки, — сказал Тень.

— Твою мать, — сказал Чэд. А потом добавил: — Ты уж извини меня, Хинцельманн. — После чего поднял старика за шиворот и ремень, качнул и опустил головой прямо в горящий камин. Седые волосы затрещали и вспыхнули, и комната быстро начала заполняться запахом горелой

человеческой плоти.

— Не было тут никакого убийства, — сказал Тень. — Это была чистой воды самозащита.

— Я знаю, что это было такое, — не допускающим возражений тоном сказал Маллиган. Он уже переключился на разбросанные по комнате тлеющие поленья. Пододвинув одно из них ногой вплотную к дивану, он взял со стола старую газету, местную «Лейксайд ньюс», разодрал на отдельные страницы, смял и бросил на полено. Газета мигом обуглилась и занялась ярким пламенем.

— Валим отсюда! — сказал Чэд Маллиган.

Пока они шли через дом, он на ходу открывал окна, а потом выпустил собачку замка на наружной двери и захлопнул ее за собой.

Тень, как был, босиком, прошлепал за ним к патрульной машине. Маллиган открыл для него пассажирскую дверцу, Тень залез внутрь и вытер ноги о резиновый коврик. Потом надел носки, которые почти успели высохнуть.

— Сейчас купим тебе какую-нибудь обувку у «Хеннинга», — сказал Чэд Маллиган.

— И много ты слышал, пока стоял под дверью? — спросил Тень.

— Вполне достаточно, — ответил Маллиган. А

потом добавил: — И половины бы хватило.

До «Хеннинга» они доехали в полном молчании. Припарковав машину, начальник местной полиции спросил:

— Нога какого размера?

Тень ответил.

Маллиган ушел в магазин. Вернулся он с парой толстых шерстяных носков и парой кожаных сапог.

— Не осталось у них больше ничего на твой размер, — сказал он. — Если, конечно, тебе не нравится ходить в резиновых сапогах. Я подумал — вряд ли.

Тень натянул носки и сапоги. Как раз по ноге.

— Спасибо, — сказал он.

— Ты на машине? — спросил Маллиган.

— Оставил ее на подъездной дорожке к озеру. Возле моста.

Маллиган завел машину и вырулил с парковки при «Хеннинге».

— А что там у тебя с Одри? — спросил Тень.

— Через день после того, как тебя увезли, она сказала, что я ей нравлюсь, но только как друг, а больше между нами ничего и быть не может, потому что мы все-таки родственники, и все такое. И уехала обратно в Игл-Пойнт. Разбила мое и без

того, блин, штопаное сердце.

— Оно и понятно, — кивнул Тень. — Ты пойми, тут на самом деле ничего личного. Просто Хинцельманну она здесь была уже без надобности.

Обратно они ехали мимо дома Хинцельманна. Из трубы столбом валил густой белый дым.

— Она и в город-то приехала только потому, что он этого хотел. А ему она была нужна, чтобы избавиться от меня. Я привлекал слишком много внимания, и ему это не нравилось.

— Я думал, что я ей нравлюсь.

Он остановился рядом с машиной, которую Тень взял напрокат.

— И что теперь будешь делать? — спросил его Тень.

— Не знаю, — ответил Маллиган. Загнанное выражение, которое не покидало его лица с того момента, как Тень увидел его в доме у Хинцельманна, слегка смягчилось и стало более человеческим. Но и озабоченности прибавилось. — По моим соображениям, путей у меня несколько. Либо я, — он соорудил из двух пальцев подобие пистолетного ствола, сунул их себе в рот и тут же вынул, — пущу себе в башку пулю. Либо подожду еще пару дней, пока лед не сойдет, привяжу к ногам бетонную чушку и сигану с моста.

Есть еще, конечно, таблетки. Говно, одним словом. Надо будет, наверное, отъехать куда-нибудь подальше, в лес. И там уже наглотаться. Не хочу вешать весь этот гемор на кого-то из своих ребят. Пусть окружные парятся, правильно?

Тень вздохнул и покачал головой.

— Ты не убивал Хинцельманна, Чэд. Он умер уже очень давно, и очень далеко отсюда.

— Спасибо за то, что ты мне все это говоришь, Майк. Но я его убил. Я застрелил человека как нечего делать, а потом замел за собой следы. И если ты спросишь меня, зачем, за каким хреном я это сделал, боюсь, на этот вопрос я тебе ответить не смогу.

Тень положил руку на локоть Маллигану.

— Хинцельманн был хозяином этого города, — сказал он. — Не думаю, что в сложившейся ситуации у тебя был выбор — что делать и чего не делать. Наверняка он сам привел тебя к своей двери. Он хотел, чтобы ты все это услышал. Он тебя запрограммировал. Должно быть, другого способа уйти отсюда у него не было.

Выражение лица у Маллигана ничуть не изменилось. Тень понял, что из всего, что он тут сейчас наговорил, полицейский не слышал практически ни единого слова. Он убил Хинцельманна, устро-

ил ему погребальный костер, а теперь, выполняя последнюю волю покойного, пойдет и покончит с собой.

Тень закрыл глаза, пытаясь припомнить, где у него в голове расположено то самое место, в которое он попал, когда Среда попросил его вызвать снег: то самое место, откуда можно было переместиться в чужое сознание, — а тем временем изобразил на лице улыбку и сказал:

— Ладно, Чэд. Брось ты все это.

В голове у этого человека клубилась туча, темная и недобрая, и Тень почти воочию эту тьму увидел, а увидев, сконцентрировался на ней и представил, что она пропадает, рассеивается, как утренняя дымка под солнцем.

— Чэд! — Он уже чуть ли не орал на полицейского, пытаясь пробиться сквозь это облако. — Этот город скоро станет совсем другим, ты это понимаешь? Он перестанет быть единственным хорошим городом в депрессивном регионе. И будет куда больше похож на все остальные города в этой части страны, чем сейчас. И проблем прибавится, Чэд. Люди начнут терять работу. И голову тоже начнут терять. И причинять друг другу боль. И прочее дерьмо в том же роде. Им очень пригодится хороший и опытный началь-

ник полиции. Ты нужен этому городу, Чэд!

А потом он сказал:

— А еще ты нужен Маргарет.

Что-то изменилось внутри грозового облака, которое клубилось в голове у Маллигана, и Тень эту перемену почувствовал. И он начал *давить*, вызвав в памяти образ Маргарет Ольсен, ее умелые смуглые руки, ее темные глаза, ее длинные-предлинные черные волосы. Он представил себе, как она улыбается, слегка склонив голову набок, когда что-то ее забавляет.

— Она ждет тебя, Чэд, — сказал Тень и, еще не успев договорить фразу до конца, понял, что это правда.

— Марджи? — переспросил Чэд Маллиган.

И в этот момент Тень — хотя он ни за что на свете не смог бы объяснить, как именно он это сделал, а уж тем более не смог бы этого повторить, — забрался в голову к Чэду Маллигану, легко и просто, и вычистил оттуда все события прошедшего дня так же аккуратно и ловко, как ворон выклевывает глаза сбитой автомобилем зверушке.

Морщины на лбу у Чэда разгладились, и он пару раз сморгнул, сонно и непонимающе.

— Езжай-ка ты прямиком к Маргарет, — сказал

Тень. — Рад был повидаться с тобой, Чэд. Береги себя.

— Постараюсь, — зевнул в ответ Чэд Маллиган.

В полицейской рации захрустело какое-то сообщение, и Чэд потянулся за ней. Тень открыл дверцу, выбрался из машины и пошел к своей, взятой напрокат.

Он поднял голову, увидел серую и плоскую поверхность озера, лежащего в самой середине города, и подумал о детях, которые лежат на дне, под слоем ледяной воды, и ждут.

Скоро Элисон выплывет на поверхность, совсем скоро…

Проезжая в очередной раз мимо дома Хинцельманна, он увидел, что из дома теперь вовсю пышет пламя. Где-то завыла пожарная сирена.

Он поехал на юг, по направлению к 51-й магистрали. У него назначена еще одна встреча, на сей раз последняя. Впрочем, перед этим, подумал он, нужно заехать в Мэдисон, сказать последнее прости.

Больше всего на свете Саманта Черная Ворона любила закрывать по вечерам «Кофе-хауз». Успокаивало ее это на все сто процентов: такое впечатление, будто возвращаешь в мир порядок. Обычно она заправляла в проигрыватель диск

«Индиго герлз»,[141] и финальную часть своей рутинной ежевечерней работы делала так, как ей хотелось, и в том темпе, в каком ей это было удобно. Первым делом нужно было вычистить и вытереть кофейную машину-эспрессо. Потом пройтись еще раз по всему помещению и сделать так, чтобы все чашки и блюдца добрались в конце концов до кухни, а газеты, которые под конец рабочего дня непременно оказывались разбросаны по всему «Кофе-хаузу», сложены аккуратной стопочкой у входной двери, откуда их завтра заберут и отправят на переработку.

«Кофе-хауз» она обожала: эту длинную зигзагообразную вереницу маленьких уютных комнатушек, уставленных креслами, диванами и невысокими столиками — на улице, где главную скрипку играли букинистические магазинчики.

Она затянула пленкой оставшиеся нераспроданными куски чизкейка и отправила их на ночь в холодильник, потом взяла тряпку и смахнула крошки. Ей нравилось быть одной.

Тихий стук в окно отвлек ее от этой несложной и необременительной работы — и вернул к реальности. Сэм подошла к двери, открыла

---

[141] notes: 141

Американский женский фолк-роковый дуэт (Эми Рей и Эмили Салиерс) с выраженными феминистскими и лесбийскими взглядами.

задвижку и впустила женщину приблизительно одних с ней лет, с выкрашенными в ярко-красный цвет и заплетенными в косички волосами. Звали женщину Натали.

— Привет, — сказала Натали, приподнялась на цыпочках и поцеловала Сэм, так что поцелуй пришелся между щекой и уголком рта. Одним таким поцелуем многое можно сказать другому человеку. — Ты тут закончила?

— Ну почти.

— Хочешь, в кино сходим?

— Конечно хочу. С удовольствием. Мне тут дел осталось буквально на пять минут. А ты сядь пока, «Онион»[142] почитай, ладно?

— Да я номер за эту неделю уже читала. — Она села в кресло возле самой двери и стала рыться в кипе приготовленных к отправке в макулатуру газет — покуда не нашла что-то и впрямь ее заинтересовавшее, и села читать, а Сэм тем временем собрала оставшиеся в кассе деньги, пересчитала, упаковала и положила в сейф.

Они спали вместе уже целую неделю, и Сэм все-

---

[142] notes: 142

«Онион» — американский юмористический таблоид, публикующий новостные и аналитические материалы, касающиеся как реальных, так и выдуманных событий, лиц и проблем — не делая между таковыми никакой разницы.

рьез начала прикидывать, не та ли это настоящая любовь, которой она ждала всю свою жизнь. Она, как могла, внушала себе, что ощущение счастья, которое возникает у нее всякий раз, как она видит Натали, обусловлено феромонами и всякой другой гормональной фигней, которая действует ей на мозг, и, очень может статься, именно в этом все дело и было; однако единственное, что она знала сейчас наверняка, это то, что стоит ей только увидеть Натали, как улыбка сама появляется у нее на лице, и что когда они вместе, на душе у нее легко и спокойно.

— Тут в газете, — сказала Натали, — очередная статья все на ту же тему. «Америку ждут перемены?»

— Ну и как — ждут?

— Ничего определенного на сей счет они не говорят. Говорят, что очень может быть, но вот какие именно, когда именно и по каким причинам — этого они не знают. А может быть, и вовсе ничего не изменится.

Сэм изобразила голливудскую улыбку.

— Ну, — сказала она, — в любом случае никто из читателей не останется разочарован, верно?

— Ну наверное. — Натали наморщила лоб и вернулась к чтению.

Сэм сполоснула губку для мытья посуды, отжала ее и сунула на место.

— У меня такое впечатление, что какие-то вещи вдруг взяли и сами собой встали на место — несмотря на правительство и прочую пакость. Может, просто весна пришла немного раньше, чем ожидалось. Зима что-то была слишком долгая, и я рада, что она наконец кончилась.

— Я тоже, — Натали помолчала немного. — Тут пишут, что сразу очень большому числу людей начали сниться странные сны. А у меня вообще никогда никаких странных снов не было. Все исключительно в пределах нормы.

Сэм огляделась, чтобы проверить, не упустила ли чего-нибудь. Ничего она не упустила. У нее хорошая работа, и делает она ее хорошо. Она сняла фартук и повесила его на место, на кухню. Потом вернулась и начала тушить в комнатах свет.

— А мне вот за последнее время несколько раз снились очень странные сны, — сказала она. — Настолько странные, что я даже специальный дневник завела. Просыпаюсь и тут же записываю. Вот только потом, когда я перечитываю, смысла не остается никакого.

Она надела куртку и безразмерные вязаные перчатки.

— Я когда-то немного занималась толкованием снов, — сказала Натали. Она когда-то понемногу занималась всем на свете, от культуризма и каких-то мутных боевых искусств до фэн-шуй и джаз-балета. — Расскажи! А я тебе растолкую, что это значит.

— Ну ладно. — Сэм открыла входную дверь и выключила последнюю лампочку. Пропустив Натали вперед, она вышла на улицу и тщательно заперла за собой дверь «Кофе-хауза». — Время от времени мне снятся люди, которые упали с неба. А иногда я как будто под землей, и разговариваю с женщиной, у которой бизонья голова. А еще иногда мне снится тот парень, которого я месяц тому назад поцеловала в баре.

Натали хмыкнула.

— Такое впечатление, что у тебя есть о чем мне рассказать, — или я ошибаюсь?

— Наверное. Но это совсем не то, о чем ты подумала. Это был поцелуй из разряда «отвалите-все-на-свете».

— Так ты хотела, чтобы он от тебя отвалил?

— Нет, я хотела, чтобы как раз от него все на свете отвалили. Жалко, тебя тогда там не было.

Каблуки Натали выстукивали рядом по тротуару. У Сэм подошвы были мягкие, и ступала она

почти неслышно.

— Кстати, это на его машине я до сих пор езжу, — сказала Сэм.

— Ты про эту пурпурную штуковину, на которой вернулась от сестры?

— Ну да.

— А что с ним такое случилось? Что, машина ему теперь не нужна?

— Не знаю. Может, он в тюрьме. А может быть, и вовсе нет его уже.

— Умер, что ли?

— Похоже на то, — Сэм замешкалась. — Еще несколько недель тому назад я была уверена, что в живых его нет. Шестое чувство. Ну или что-то вроде этого. В общем, уверенность была полная. А потом мне вдруг стало казаться, что, может быть, он живой. Не знаю. Такое впечатление, что с шестым чувством у меня не как со всеми остальными пятью.

— И сколько еще ты сможешь кататься на этой тачке?

— Пока кто-нибудь не объявится и не потребует вернуть ее прежнему владельцу. У меня такое чувство, будто он ее мне завещал.

Натали подняла голову, посмотрела на Сэм, а потом посмотрела еще раз, пристально. И ска-

зала:

— А *это* у тебя еще откуда?

— Что?

— Цветы. Которые у тебя *в руках*, Сэм. Откуда они взялись? Когда мы выходили из «Кофе-хауза» — разве ты была с цветами? Я бы наверняка обратила внимание.

Сэм опустила глаза. И улыбнулась:

— Так мило с твоей стороны! Наверное, мне следовало что-то сказать, когда ты мне их дарила, да? — сказала она. — Замечательные цветы. Огромное тебе спасибо. Но — может, красные к случаю подошли бы немного больше?

В руках у нее был букет из шести белых роз со стеблями, обернутыми в бумагу.

— Я тебе их не дарила, — поджав губы, отрезала Натали.

И до самого входа в кинотеатр ни одна из них больше не проронила ни слова.

Вернувшись в тот вечер домой, Сэм поставила розы в самодельную вазу. Позже она отлила их в бронзе, а историю о том, как они сами собой оказались у нее в руках, не рассказывала больше никому, хотя нет, один раз все-таки рассказала — Кэролайн, той женщине, которая была у нее после Натали, как-то раз, ночью, когда обе напи-

лись до чертиков, и Кэролайн согласилась с Сэм, что это очень, очень странная и непонятная история: но в глубине души не поверила ни единому слову, так что даже и с этой точки зрения тайна осталась тайной.

Тень припарковался у таксофона. Он позвонил в справочную, и ему дали номер телефона.

По телефону ответили, что дома ее пока нет. Скорее всего, она все еще в «Кофе-хаузе».

По дороге к «Кофе-хаузу» он остановился, чтобы купить цветов.

Потом отыскал «Кофе-хауз», перешел на другую сторону улицы и встал в глубокой дверной нише, у входа в букинистический магазинчик, и стал наблюдать и ждать.

Заведение закрылось в восемь, а в десять минут девятого Тень увидел, как Сэм Черная Ворона выходит из «Кофе-хауза» с еще одной девушкой, поменьше нее ростом, с заплетенными в косички волосами странного ярко-красного оттенка. Они держались за руки, так крепко, словно одного лишь ощущения руки в руке было достаточно для того, чтобы все в мире встало на свои места, и говорили друг с другом — вернее, говорила по большей части Сэм, а подруга слушала. Тени стало интересно, о чем речь. Она все говорила и

говорила, и на лице у нее была улыбка.

Девушки перешли через дорогу — и оказались как раз там, где стоял Тень. Та, что с косичками, прошествовала буквально в полуметре от него: протяни он руку, и вполне мог бы до нее дотронуться. Но его они так и не заметили.

Глядя, как они уходят, он почувствовал где-то внутри не то дрожь, не то тихий звук, будто тронули мимоходом тонкую струну.

Поцелуй был отличный, подумал Тень, что надо был поцелуй, но Сэм никогда не смотрела на него так, как смотрит сейчас на эту девочку с косичками, — и никогда не будет смотреть.

— Да и какого, собственно, черта. У нас всегда будет Перу,[143] — сказал он шепотом, себе под нос, пока Сэм уходила от него все дальше и дальше. — И Эль-Пасо. Уж это от нас наверняка никуда не денется.

А потом он сорвался с места, догнал их и сунул в руки Сэм цветы. И тут же развернулся и пошел быстрым шагом обратно, чтобы Сэм не смогла ему их вернуть.

Он поднялся на холм, где стояла машина, и, следуя дорожным указателям, нашел дорогу на

---

[143] notes: 143

Перефразированная реплика Рика из фильма «Касабланка». В оригинале: «У нас всегда будет Париж».

Чикаго. Ехал он на самом минимуме дозволенного скоростного режима. Ну, или даже чуть медленнее.

Ему оставалось сделать одно-единственное дело.

И торопиться было совершено некуда.

На ночь он остановился в Мотеле-6. Проснувшись на следующее утро, он обнаружил, что его одежда пахнет озерной тиной. Как бы то ни было, другой у него не было, и он все равно ее надел. Да в общем-то, недолго она ему еще прослужит.

Тень расплатился по счету. Потом доехал до знакомого здания из коричневого кирпича. Нашел он его безо всякого труда. На вид оно показалось ему несколько меньше, чем в прошлый раз.

По ступенькам он поднимался размеренно и неторопливо — без лишней спешки, чтобы не показалось, будто он спешит навстречу смерти, но и не слишком медленно, чтобы не сложилось впечатления, будто он ее боится. На лестнице кто-то явно успел прибраться: черных мусорных пакетов нигде не было видно. И пахло здесь теперь не овощной гнилью, а побелкой и хлоркой.

Выкрашенная красной краской дверь на самом верху лестницы была распахнута настежь: в воздухе висел запах вчерашней пищи. Тень

помешкал немного и нажал кнопку звонка.

— Иду! — раздался женский голос, и буквально тут же из кухни выскочила, вытирая руки о фартук, Зоря Утренняя, крохотного росточка женщина с кипельно-белыми волосами. И вид у нее стал какой-то совсем другой, подумал Тень. Счастливый у нее вид. Щеки у нее были нарумянены, а в старушечьих глазах плясали веселые чертики. Как только она его увидела, рот у нее превратился в подобие буквы «О», а потом она выкрикнула в голос:

— Тень! Ты к нам вернулся?! — и бросилась к нему, раскинув руки в стороны.

Он наклонился, обнял ее и поцеловал в щеку.

— Я так тебе рада! — сказала она. — Но теперь давай-ка ты лучше уходи отсюда.

Тень сделал шаг вперед и вошел в квартиру. Все двери (кроме, понятное дело, той, что вела в комнату Зори Полуночной) тоже стояли раскрытыми, как и окна — все, которые он смог увидеть с порога. По коридору тянуло легким сквознячком.

— У вас тут, похоже, большая весенняя уборка, — сказал он Зоре Утренней.

— Гостя ждем, — ответила она. — А теперь давай, уходи, не задерживайся. Хотя кофе глотнуть успеешь. Хочешь кофе?

— Я приехал повидаться с Чернобогом, — сказал Тень. — Время пришло.

Зоря Утренняя отчаянно затрясла головой.

— Нет-нет-нет! — затараторила она. — Незачем тебе с ним встречаться! Выкинь ты из головы всю эту дурь!

— Дурь, конечно, — кивнул Тень. — Но знаете, единственная вещь, которую я твердо усвоил, общаясь с богами, так это, что если ты дал слово, то и держи его до конца. Они привыкли нарушать все правила, которые только можно нарушить. А мы так не можем. Даже если бы я просто взял и ушел сейчас отсюда, ноги сами бы принесли меня обратно, рано или поздно.

Она надула губы, помолчала немного, а потом сказала:

— И то верно. Но только сегодня все равно тебе тут делать нечего. Приходи завтра. Его уже не будет.

— Кто там? — раздался из глубины коридора женский голос. — Зоря Утренняя, с кем ты там разговариваешь? Ты же знаешь, я не справлюсь одна с этой периной, одной мне ее не перевернуть.

Тень прошел чуть дальше по коридору и сказал:

— Доброе утро, Зоря Вечерняя. Может, я смогу

вам помочь?

Женщина в ближней комнате вскрикнула от удивления и выпустила из рук угол перины.

Пыль там лежала сплошным слоем, на всех поверхностях, на которых только может лежать пыль, на деревянных и стеклянных, — а еще клубилась в воздухе, танцуя в лучах солнечного света, которые заливали спальню через раскрытое окно, то и дело меняя направление по воле налетающих сквознячков или просто оттого, что лениво шелохнулся край пожелтевшей кружевной занавески.

Комнату эту он помнил прекрасно. В ту самую, давным-давно минувшую ночь, хозяева уложили здесь спать Среду. Комната Белобога.

Зоря Вечерняя смерила его не слишком уверенным взглядом.

— Да вот перина эта, — сказала она, — надо бы ее перевернуть.

— Да раз плюнуть! — сказал Тень. Он нагнулся, подхватил перину, поднял ее легко, как перышко, и перевернул. Кровать была старинная, цельнодеревянная, и весу в набитой птичьим пером перине было едва ли не как во взрослом человеке. Когда она, с глухим звуком, легла на место, в воздух поднялась и закружилась вихрем очередная

туча пыли.

— Ты зачем к нам приехал? — спросила Зоря Вечерняя. Интонация у нее была не так чтобы очень гостеприимная.

— Я приехал, — ответил Тень, — потому что как-то раз, в декабре, один молодой человек сел играть в шашки со старым богом, и проиграл партию.

Седые свои старушечьи волосы Зоря Вечерняя собрала вверх и завязала на макушке в тугую шишечку. Она подобрала губы.

— Приходи завтра, — сказала Зоря Вечерняя.

— Не могу, — ответил он просто и без затей.

— Ну что ж, это твои похороны, тебе и день выбирать. Тогда проходи, садись. Зоря Утренняя принесет тебе кофе. Чернобог скоро вернется.

Тень прошел по коридору в гостиную. В гостиной, насколько он помнил, не изменилось ровным счетом ничего — вот разве что и здесь окно раскрыли настежь. На подлокотнике дивана спал серый кот. Услышав шаги, он приоткрыл один глаз, посмотрел на Тень, не впечатлился, и снова погрузился в сон.

Именно здесь он играл с Чернобогом в шашки; именно здесь он поставил на кон собственную жизнь, чтобы затащить старика против его воли

в последнюю, роковую аферу Среды. Через открытое окно в комнату ворвался свежий ветер, мигом вытеснив затхлый воздух прочь.

Вошла Зоря Утренняя с красным деревянным подносом. На подносе стояла маленькая эмалированная чашечка с кофе и рядом с ней — блюдце, полное крохотных песочных печений с шоколадной крошкой. Она поставила поднос на столик перед Тенью.

— А я еще раз виделся с Зорей Полуночной, — сказал он. — Она приходила ко мне в загробном мире, и дала мне луну, чтобы я видел, куда идти. И что-то такое забрала у меня взамен. Только я не помню, что именно.

— Ты ей нравишься, — ответила Зоря Утренняя. — А сны видеть — это по ее части. И еще она всех нас защищает. Она такая смелая.

— А где Чернобог?

— Он уверяет, что ото всех этих весенних уборок у него на душе неспокойно. Ну, и выходит на улицу — купить газету, почитать в парке. Сигареты тоже покупает. Может быть, сегодня он и не вернется. Тебе вовсе не обязательно его здесь дожидаться. Шел бы ты восвояси, а? Приходи лучше завтра.

— Я подожду, — сказал Тень.

Никакого волшебства, которое заставляло бы его сидеть здесь и ждать, не было, и он прекрасно отдавал себе в этом отчет. Он *сам* этого хотел. Произойти осталось всего одному-единственному событию, и если событие это и впрямь должно было стать *последним*, ну что ж, значит, и встретит он его по собственной воле. И тогда уже не останется больше никаких обязательств, никаких тайн, никаких призраков.

Он сидел и потягивал горячий кофе, такой же крепкий и сладкий, как в прошлый раз.

Из коридора донесся басовитый мужской голос: он выпрямил спину и с удовольствием отметил про себя, что рука у него не дрожит. Дверь открылась.

— Тень?

— Привет, — ответил Тень. Подниматься с дивана он не стал.

Чернобог вошел в комнату. В руке у него была свернутая в трубку газета, «Чикаго Сантаймс»,[144] которую он тут же бросил на кофейный столик. Он окинул Тень взглядом, а потом неуверенно протянул ему руку. Они обменялись рукопожатием.

---

[144] notes: 144

Читает Чернобог, естественно, старейшую в Чикаго газету, которая начала выходить (правда, под другим названием) еще в 1844 году.

— Ну вот, я и приехал, — сказал Тень. — У нас с вами был уговор. Вы свою часть выполнили. Теперь дело за мной.

Чернобог кивнул. Потом наморщил лоб. Подсвеченные ярким солнечным лучом, его седые волосы и усы казались чуть ли не золотыми.

— Ну… — нахмурился он. — Ну, видишь ли… — и тут его прорвало. — Наверное, лучше будет, если сегодня ты просто уйдешь отсюда, и все. Время ты выбрал не самое подходящее.

— Если вам нужно подготовиться, — ответил Тень, — мне спешить некуда. Я в полном вашем распоряжении.

Чернобог вздохнул.

— Дурак ты, парень, и больше никто! Ты хоть в этом-то отдаешь себе отчет?

— Да вроде как.

— Дурак ты и есть! Но там, на горе, ты все сделал правильно. Очень хорошо сделал.

— Я сделал то, что должен был сделать.

— Наверное, так оно и есть.

Чернобог подошел к старому деревянному шкафу, нагнулся и вытащил из-под него чемоданчик-«дипломат». Отжал замки. Обе собачки щелкнули и отскочили, с густым, солидным щелчком. Он открыл крышку. Вынул молот и,

примериваясь, подбросил его в руках. Молот был похож на уменьшенную в размерах кузнечную кувалду; на деревянной рукояти — довольно подозрительные на вид коричневые пятна.

Потом он поднялся на ноги и сказал:

— Я многим тебе обязан. Гораздо большим, чем ты можешь себе представить. Из-за тебя все вокруг начало меняться. Настала весна. Настоящая весна.

— Я в курсе того, что именно сделал, — сказал Тень. — Да и не так чтобы у меня был какой-то особый выбор.

Чернобог кивнул. В глазах у него появилось какое-то новое выражение, которого Тени прежде видеть не доводилось.

— Я тебе когда-нибудь рассказывал о моем брате?

— О Белобоге? — Тень отошел в дальний угол усыпанного табачным пеплом ковра и встал на колени. — Вы говорили, что не виделись с ним уже очень давно.

— Вот именно, — сказал старик и поднял молот. — Зима выдалась очень долгой, мальчик мой. Долгая-предолгая зима. Но теперь она подошла наконец к концу.

Он медленно покачал головой, будто вспомнил

о чем-то. А потом сказал:

— Закрой глаза.

Тень закрыл глаза, поднял голову и стал ждать.

Молот был холодным, холодным как лед, и на самую середину его лба он опустился нежно, как поцелуй.

— *Чпок!* Готово, — сказал Чернобог. — Дело сделано.

Когда Тень снова открыл глаза, на лице у старика играла улыбка: спокойная, умиротворенная улыбка, как солнышко просияло ясным летним утром. Подобной улыбки за Чернобогом Тень тоже прежде не замечал. Старик вернулся к чемоданчику, уложил в него молот, закрыл крышку и засунул чемоданчик обратно под шкаф.

— Чернобог? — вопросительно произнес Тень. И следом: — А вы действительно — Чернобог?

— Так точно. На сегодняшний день, — ответил старик. — А вот завтра на этом самом месте будет Белобог. Но сегодня — да, сегодня я Чернобог.

— Тогда почему… Почему вы не убили меня? Вы же вполне могли это сделать.

Старик вынул из кармана пачку сигарет без фильтра и выбил одну. Потом взял с каминной полки большой спичечный коробок и прикурил.

Вид у него сделался очень задумчивый.

— Потому что, — медленно проговорил он после долгой паузы, — есть такая вещь, как кровь. Но есть и другая, и называется она благодарность. А зима на сей раз выдалась долгой, очень долгой.

Тень поднялся на ноги. На коленях его джинсов остались серые пятна от пыли и пепла, и он смахнул пыль рукой.

— Спасибо, — сказал он.

— Да, в общем, не за что, — ответил старик. — Когда тебе в следующий раз придет охота поиграть в шашки, ты знаешь, где меня найти. Только *на этот раз* я буду играть белыми.

— Спасибо. Может быть, именно так я и сделаю, — сказал Тень. — Хотя навряд ли это случится в близком будущем.

Он заглянул старику в глаза и попытался вспомнить, какого цвета они были раньше — точно такого же, васильково-голубого? Они еще раз обменялись рукопожатием, и ни один из них не стал с другим прощаться.

На выходе из квартиры Тень поцеловал в щеку Зорю Утреннюю, а Зоре Вечерней поцеловал руку — и, перепрыгивая через ступеньку, помчался вниз по лестнице.

Постскриптум

Рейкьявик, столица Исландии — город довольно странный, даже для тех, кому на своем веку довелось повидать не один странный город. Это город вулканический — тепло, которое он потребляет, поднимается вверх из самых земных глубин.

Здесь тоже бывают туристы, но гораздо меньше, чем можно было бы себе представить — даже в начале июля. Солнце сияло в небе — как сияло уже не первую неделю подряд, прячась за горизонт разве что на пару часов после полуночи. Примерно с двух до трех часов ночи на время воцарялись серовато-сизые сумерки, после чего день начинался снова.

Могучего телосложения турист прошел в то утро пешком большую часть Рейкьявика, слушая, как люди вокруг говорят на языке, который за последнюю тысячу лет почти совсем не изменился. Местные жители читали древние саги практически так же свободно, как утренние газеты. Это чувство вписанности в историю, царящее на острове, несколько пугало его, но в то же время внушало надежду — самым невероятным

и обезоруживающим образом. Он очень устал: непрерывно царящий на улицах города дневной свет делал желание выспаться как следует практически невыполнимым, всю ночь напролет (ничуть не похожую на ночь) он просидел в гостиничном номере, попеременно читая путеводитель и «Холодный дом», роман, который пару недель тому назад купил в одном из аэропортов: где именно, он уже не помнил. Иногда он просто откладывал книги в сторону и смотрел в окно.

В конце концов часы на стене — в полном согласии с солнцем — показали, что настало утро.

Он купил в одном из многочисленных кондитерских магазинчиков плитку шоколада и пошел по улице, и город время от времени напоминал ему о вулканическом происхождении Исландии: сворачивая в очередной раз за угол, он на долю секунды ловил в воздухе привкус серы, который неизменно напоминал ему отнюдь не о сумеречном царстве Аида, но о тухлых яйцах.

Многие из тех женщин, что попадались ему по дороге, были очень красивы: стройные, с очень светлой кожей. Тот самый тип женщин, который нравился Среде. Интересно, подумал Тень, что он нашел в моей матери. Она, конечно, была красавица, но ни одному из перечисленных критериев

не соответствовала.

Хорошеньким женщинам Тень улыбался, потому что они лишний раз давали ему почувствовать себя мужчиной, и чувство было приятным; всем прочим женщинам он улыбался тоже, просто потому, что времени у него было навалом, а настроение — славное.

В какой-то момент — он не мог с точностью вспомнить, в какой именно — у него возникло ощущение, что за ним наблюдают. Он просто ходил себе по Рейкьявику, а потом появилось такое чувство, что кто-то за ним следит. Он начал время от времени оборачиваться, пытаясь вычислить этого человека, или останавливался у какой-нибудь витрины и рассматривал в ней отражение улицы у себя за спиной, и всякий раз результат был нулевым: ничем не примечательные люди, и никто из них, судя по внешним признакам, на хвосте у него не висел.

Он зашел в маленький ресторанчик, съел порцию копченого буревестника под морошкой, а потом — арктическую форель с разварным картофелем, и запил все это кока-колой, которая на вкус показалась ему куда более сладкой, чем та, что продается в Штатах.

Официант, который принес ему счет, спросил:

— Простите, а вы, случайно, не американец?

— Американец.

— Тогда поздравляю вас с четвертым июля, — сказал официант, и явно остался весьма доволен собой.

До Тени только после этого дошло, что — да, действительно, сегодня четвертое. День независимости. Сама по себе мысль о независимости вызвала у него приятное ощущение. Он оставил на столике деньги за обед и чаевые, и вышел. С Атлантики дул довольно свежий ветерок, и Тень застегнул куртку.

Он сел на поросшем травой склоне холма и стал смотреть на город — и ему пришла мысль, что рано или поздно ему придется вернуться домой. А потому, рано или поздно, домом этим нужно обзавестись. Потом он начал думать: интересно, место, в котором ты живешь относительно продолжительное время, со временем начинает само собой восприниматься как дом, или дом — это что-то такое, что в конечном счете обретаешь, если достаточно долго движешься вперед, и ждешь, и хочешь его найти.

На склоне холма появился старик в темно-сером, явно видавшем виды, обтрепанном понизу плаще, в широкополой синей шляпе с чаячьим

пером, которое торчало из-за ленточки на тулье под залихватским углом, — и направился в его сторону. Похож на старого хиппи, подумал Тень. Или на давным-давно вышедшего в отставку наемного стрелка из вестерна. Росту старик был просто огромного.

Он подошел поближе к Тени, сел на корточки и кивнул, коротко. По краю нижней челюсти у него кустилась щетинистая борода, на вид совершенно пиратская — и черная повязка на глазу. Сейчас начнет сигареты стрелять, подумал Тень.

— *Hvernig gengur? Manst þú eftir mér?* — спросил старик.

— Извините, — ответил Тень, — но я не говорю по-исландски.

А потом выговорил кое-как фразу, которую запомнил, продираясь среди белой здешней ночи через разговорник:

— *Ég tala bara ensku. Я говорю только по-английски.* — И добавил: — Американец.

Старик медленно кивнул и сказал:

— Мой народ плавал отсюда в Америку, много веков назад. Они туда сплавали, а потом вернулись обратно в Исландию. И сказали, что людям там хорошо, а вот богам — плохо. И что без богов своих им там было… одиноко.

По-английски он говорил довольно бегло, вот только паузы между словами расставлял не в тех местах, да и вообще интонация была непривычная. Тень поднял глаза: при ближайшем рассмотрении человек этот выглядел настолько древним, что, казалось, люди вообще не имеют права доживать до такого возраста. Кожа его была сплошь подернута сетью крохотных морщинок — как микроскопические трещинки на поверхности гранита.

Старик сказал:

— А ведь мы с тобой знакомы, мальчик мой.

— Разве?

— Мы с тобой одними тропами хаживали. Я тоже когда-то висел на дереве девять дней и ночей, потому что принес себя в жертву себе же. Я — повелитель асов. Я — бог виселиц.

— Ты — Один, — сказал Тень.

Старик раздумчиво кивнул, будто взвешивая про себя это имя.

— Меня по-разному называют, но, впрочем, да, я Один, сын Бора, — сказал он.

— Я видел, как ты умер, — сказал Тень. — И бдение по телу твоему тоже держал я. Ты многих, очень многих пытался убить — ради силы и власти. Ты хотел их всех принести себе в жертву.

Таковы они — твои дела.

— Я этого не делал.

— Среда это делал. А он — это ты.

— Он мною был, это правда. Но я — не он. — Старик почесал пальцем крыло носа. Чаячье перышко на шляпе запрыгало, как поплавок. — А возвращаться собираешься? — спросил бог виселиц. — В Америку?

— Да вроде как особо и незачем мне туда возвращаться, — сказал Тень и, еще не успев договорить этой фразы до конца, понял, что лукавит.

— Кое-что там тебя дожидается, — сказал старик. — Но, впрочем, как вернешься — так и вернешься, никуда оно от тебя не денется.

Мимо, по неровной ломаной траектории, пролетела белая бабочка. Тень ничего ему не ответил. Он был сыт богами и всем, что с ними связано, по гроб жизни. Да что там, на несколько жизней, наверное, хватило бы. Надо садиться на ближайший автобус до аэропорта, решил он, и менять билет. Сесть на самолет и мотануть куда-нибудь, где еще не был. Нельзя подолгу оставаться на одном месте.

— Слушай, — сказал Тень. — А у меня ведь для тебя кое-что есть.

Рука его скользнула в карман, и нужный пред-

мет сам собой угнездился между пальцами.

— Протяни руку, — продолжил он.

Один посмотрел на него, внимательно и настороженно. Потом пожал плечами и вытянул перед собой правую руку, ладонью вниз. Тень взял его за руку и — перевернул ее, ладонью вверх.

Потом поочередно продемонстрировал старику собственные руки, дабы тот убедился, что в них ничего нет. А затем, легким и быстрым движением, оставил в сморщенной ладони старика стеклянный глаз, и убрал руку.

— Как ты это сделал?

— Обычное волшебство, — без тени улыбки на лице сказал Тень.

Старик осклабился, потом захохотал и хлопнул в ладоши. Он внимательно осмотрел глаз, держа его между указательным и большим пальцами, кивнул, так, словно знал во всех подробностях, что именно попало к нему в руки, а потом переправил в кожаный кисет, что висел у него на поясе.

— *Takk kærlega*. У меня он будет в безопасности.

— Вот и ладно, — кивнул в ответ Тень.

Он встал и отряхнул с джинсов прилипшие к ним травинки.

— Еще, — сказал властелин Асгарда, нетерпеливо мотнув головой, и голос у него вдруг стал басовитым и требовательным. — Давай еще.

— Вот народ! — сказал Тень. — Дашь палец, руку откусят! Ну, ладно, гляди. Этому меня научил один парень, который в живых уже не числится.

Он вытянул руку в сторону и вверх и вынул из воздуха золотую монету. Обычную золотую монету. С ее помощью нельзя было воскрешать мертвых и исцелять больных, но она была — настоящая золотая монета.

— Ну, вот и все, — сказал он, зажав ее между большим и указательным пальцами и показав старику. — Тут и сказке конец. И — щелкнул по монете ногтем большого пальца, закрутив ее и подбросив в воздух. Она завертелась золотым шариком в самой верхней точке дуги, переливаясь и поблескивая в ярком солнечном свете, и зависла в ясном летнем небе, так, словно и вовсе не собиралась опускаться вниз. А может, и впрямь она никуда никогда не опустится. Тень ждать не стал. Он развернулся и пошел прочь, не останавливаясь и не оборачиваясь.

Благодарности

Книга эта получилась длинной, а путешествие — долгим; многим людям я обязан, и много за что.

Миссис Хоули предоставила мне свой дом во Флориде, в котором я мог жить и писать, и единственное, что я должен был делать взамен — отпугивать от него стервятников. Она же пустила меня, уже на финальной стадии работы над романом, в свой ирландский дом, и предупредила на всякий случай, чтобы я не пугал призраков. Ей и мистеру Хоули я выражаю признательность за проявленные по отношению ко мне доброту и щедрость. Джонатан и Джейн тоже ссудили мне и дом, и гамак в придачу, а от меня взамен требовалось разве что извлекать время от времени из бассейна очередную угодившую туда флоридскую зверушку. Им всем я благодарен самым искренним образом.

Дэн Джонсон, доктор медицинских наук, по мере надобности снабжал меня соответствующей информацией и вылавливал в тексте случайно забредшие туда безо всяких сознательных намерений с моей стороны англицизмы (этим,

впрочем, с готовностью занимались и все остальные), отвечал на самые нелепые вопросы, а как-то раз в июле даже прокатил меня над Северным Висконсином на крохотном самолетике. Моя помощница, Лоррейн Гарланд, личность почти легендарная, вдобавок к тому, что взвалила на себя — по доверенности — всю мою внешнюю жизнь, принялась с удивительным пылом знакомить меня с жизнью и нравами обитателей маленьких американских городков; я до сих пор не вполне понимаю, как ей удавалось все это совмещать. (Она выступает в составе группы под названием «Флэш Герлз»; купите при случае их новый альбом под названием «Играй, что ни утро, отчаянная королева» — она будет счастлива.) Терри Пратчетт в поезде, по дороге в Готенберг, помог мне распутать казавшийся безнадежным сюжетный узел. Эрик Эдельман отвечал на мои вопросы из дипломатической жизни. Анна Саншайн Айсон нарыла для меня целую кипу материала по лагерям для интернированных на Западном побережье, в которых во время войны держали японцев, и всей этой кипе придется дожидаться следующей книги, поскольку в эту она никак не помещалась. Лучшую разговорную партию в эпилоге мне подарил

Джин Вулф, за что ему огромное спасибо. Сержант Кэти Эртц любезно отвечала даже на самые каверзные вопросы относительно полицейской процедуры задержания правонарушителей, а помощник шерифа Маршал Малтауф прокатил меня на служебной машине. Пит Кларк тактично и с чувством юмора подчинился необходимости ответить на ряд неудобнейших личных вопросов. Дейл Робинсон по отношению к этой книге выступал в роли штатного гидролога. Во всем, что касалось человеческой психики, языковых тонкостей и рыбалки, я полностью полагался на комментарии доктора Джима Миллара — как и на комментарии Маргарет Родас — в вопросах лингвистических. Джейми Ян Свисс был в ответе за то, чтобы волшебство с монетами выглядело и впрямь волшебно. А все ошибки, которые вы найдете в этой книге, отнести нужно, естественно, не на их счет, а на мой.

Многие люди читали рукопись и делились со мной ценными замечаниями, что-то поправляли, хвалили и снабжали информацией. Особую благодарность я хочу выразить Колину Гринленду и Сюзане Кларк, Джону Клуту и Сэмюелу Р. Делани. Я бы хотел также поблагодарить Сова Возвращается (у этого человека и впрямь самое крутое имя

на всей земле), Иселин Рёсьё Эвенсен, Питера Страуба, Джонатана Кэрролла, Келли Бикмен, Дайану Граф, Лени Хенри, Пита Аткинса, Эмми Хорстинг, Криса Ивена, Теллер, Келли Линк, Барб Джилли, Уилла Шеттерли, Конни Заступил, Ранца Хозли, Дайану Шутц, Стива Бруста, Келли Сью де Конник, Роз Кэвени, Йэна МакДауэлла, Карен Бергер, Уэнди Джафет, Терье Нордберга, Гвенду Бонд, Терезу Литтлтон, Лу Аронику, Хая Бейндера, Марка Асквита, Алана Мура (которой, среди прочего, одолжил мне «книгу Литвиноффа») и чудака Джона Сандерса. Спасибо также Ребекке Уилсон; особая благодарность — Стейси Уэйсс, за ее тонкую интуицию. Прочитав самый первый, сырой набросок книги, Дайана Уинн Джонс предупредила меня о том, что это в итоге выйдет за книга, а также о том, чем я рискую, ежели все-таки решусь ее опубликовать, — и на данный момент все ее предсказания с точностью сбываются.

Мне бы очень хотелось, чтобы профессор Фрэнк МакКоннелл по-прежнему был с нами. Мне кажется, ему бы эта книга понравилась.

Закончив работу над общим планом книги, я понял, что другие авторы уже писали книги на те же самые темы задолго до того, как за них взялся

я сам: в особенности это касается моего любимого незаслуженно забытого писателя, Джеймса Бренч Кэбелла; покойного Роджера Желязны; и, естественно, неподражаемого Харлана Эллисона, чей сборник «Истории птицы смерти» запал мне в душу в том возрасте, когда одна-единственная книга еще способна перевернуть всю твою жизнь.

Я никогда не видел особого смысла оставлять грядущим поколениям сведения о том, какую музыку ты слушал, пока писал книгу, а я, пока работал над этой книгой, всякой музыки наслушался от души. Однако без «Кафе Греза» Грега Брауна и без «69 песен о любви» «Магнитных полей» книга получилась бы совсем другой, так что спасибо Грегу и Стивену. И еще я считаю прямым своим долгом сообщить вам, что ту музыку, которая звучит в Доме-на-Скале, можно приобрести в магнитофонной записи и на CD, включая звуковые дорожки музыкальной машины «Микадо» и Величайшей в Мире Карусели. Это не похоже ни на что из того, что вам приходилось слышать прежде, хотя наверняка далеко не самое лучшее из того, что вы слышали. Обращайтесь по адресу: The House on the Rock, Spring Green, WI 53588, USA, или звоните по номеру (608) 935–3639.

Мои агенты — Меррили Хейфиц из «Райтерз Хауз», Джон Левин и Эрин Кали Ла-Шапель из Си-эй-эй — были незаменимы в качестве звукоусилителей и столпов мудрости.

Многие из тех, кому я обещал те или иные вещи сразу после того, как закончу работу над книгой, проявили чудеса терпения. Я бы хотел поблагодарить всю эту славную братию из «Уорнер бразерс пикчерз» (в особенности Кевина МакКормика и Лоренцо ди Бонавентура), из «Вилледж Роудшоу», из «Санбоу» и «Мирамакс»; а также Шелли Бонд, которой много с чем пришлось за это время мириться.

Есть два человека, без которых обойтись было бы никак невозможно: Дженнифер Херши из «Харпер-Коллинз» в США и Дуг Янг из «Ходдер Хедлайн» в Соединенном Королевстве. Мне вообще всегда везло с редакторами, а эти двое — самые лучшие из всех редакторов, которых я знаю. Не говоря уже о том, что оба они — люди удивительно терпеливые и безропотные, каковая особенность поднималась порой до высот откровенно стоических, особенно в те времена, когда самые, самые-самые, и самые-самые-самые крайние сроки окончания работы вились вокруг нас, как осенние листья, взметенные порывом ветра.

Под самый конец, в «Хедлайн», явился Боб Масси и окинул текст книги орлиным редакторским взором. Келли Нотарас изящно и с должной настойчивостью провела сей корабль сквозь все типографские рифы.

И наконец, я хочу поблагодарить мою семью, Мэри, Майка, Холли и Мэдди, которые были терпеливее всех прочих вместе взятых, которые любили меня и мирились с тем, что во время работы над книгой мне приходилось надолго уезжать: и просто для того, чтобы писать, и для того, чтобы найти и понять настоящую Америку — которая, как выяснилось, когда в конце концов я ее все-таки нашел и понял, в Америке была от века веков.

Нил Гейман
Подле Кинселлы, графство Корк
15 января 2001 года

Король горной долины

The Monarch of the Glen
Перевод. А. Комаринец
2007

Она сама – словно дом, населенный призраками. Она сама не властна над собой; иногда ее предки являются и выглядывают из ее глаз, как из окон, и это выглядит очень пугающе.

Анджела Картер, «Хозяйка дома любви»

Глава первая

— Если хотите знать мое мнение, — сказал Тени худощавый пожилой человек, — вы в своем роде монстр. Я прав?

Если не считать барменши, кроме них в баре при гостинице в городке на северном побережье Шотландии никого не было. Тень сидел себе за столиком, тянул светлое пиво, когда к нему пересел этот человечек. Лето подходило к концу, и Тени казалось, что все кругом холодное, маленькое и сырое. На столе перед ним лежала книга «Приятные прогулки по окрестностям», и он изучал маршрут, которым собирался пойти завтра: к береговым скалам и дальше к мысу Гнева.

Он закрыл книгу.

— Я американец, — ответил он, — если вы это имели в виду.

Склонив голову набок, человечек театрально подмигнул. У него были отливающие сталью седые волосы, серое лицо и серый дождевик, и выглядел он как провинциальный юрист.

— Это как посмотреть, — сказал он. — Возможно, как раз об этом я и говорил.

За свое недолгое пребывание в этих краях Тень

лишь едва-едва научился понимать местный выговор: сплошь гортанная картавость с вкраплениями раскатистого «р» да еще странные слова, но с серым незнакомцем проблем не возникало. Все в речи человечка было маленьким и живым, каждое слово произносилось так четко и правильно, что Тени казалось, будто это он сам говорит с полным ртом овсянки.

Отпив из своей рюмки, человечек продолжал:

— Так, значит, американец. Чрезмерная сексуальность, чрезмерная зарплата и к нам — через океан, да? На вышках работаете?

— Прошу прощения?

— Нефтяник? С буровых платформ на шельфе. К нам сюда время от времени эти парни заваливают.

— Нет. Я не с буровых.

Достав из кармана трубку и маленький перочинный ножик, человечек начал счищать со стенок чашечки окалину. Потом, постучав, вытряс черные крошки в пепельницу.

— В Техасе, знаете ли, есть нефть, — сказал он, помолчав, точно поверял великую тайну. — Это в Америке.

— Да, — согласился Тень.

Он подумал было, не сказать ли что-нибудь про

Техас, например, что Техас, кажется, действительно находится в Техасе, но решил, что тогда придется объяснять, в чем соль шутки, а потому промолчал.

Тень почти два года старался держаться подальше от Америки. И когда рухнули небоскребы, его там не было. Иногда он говорил себе, что возвращаться ему незачем, и, случалось, почти готов был в это поверить. В Шотландию он приехал два дня назад, высадился в Турсо с парома, пришедшего с Оркнейских островов, и в этот городок добрался автобусом.

А человечек все не унимался:

— В Абердин приезжал один техасский нефтяник. Познакомился в пабе с одним стариком, совсем как мы с вами. Так вот они разговорились, а техасец и скажи: «У себя дома я встаю утром, сажусь в машину (уж извините, акцент я передавать не стану), поворачиваю ключ в замке зажигания, вдавливаю педаль акселератора...» — вы ее называете...

— Педаль газа, — покорно подсказал Тень.

— Вот именно. «Давлю после завтрака на газ и даже до обеда не успеваю доехать до конца моего участка». А хитрый старый шотландец только кивает и говорит: «Угу-угу, и у меня когда-то была

такая машина».

Человечек пронзительно рассмеялся, показывая, что шутке конец. Тень улыбнулся и кивнул, показывая, мол, понял, что это шутка.

— Что пьете? Светлое. Дженни-солнышко, повтори нам. Мне «Лагавулин»[145]. — Человечек набил в трубку табак, который достал из кисета. — Вам известно, что Шотландия больше Америки?

Когда Тень вечером сюда спустился, в баре при гостинице не было ни души. Только худая барменша, которая, куря, читала газету. Он пришел сюда посидеть у камина, поскольку номер ему дали промозглый, а металлические батареи на стене были еще холоднее, чем воздух в комнате. Он не рассчитывал на компанию.

— Нет, — отозвался он, всегда готовый разыграть простака. — Не знал. С чего вы взяли?

— Все дело в дробности, — объяснил человечек. — Чем меньшие величины вы рассматриваете, тем больше видите. Если знать, какой дорогой ехать, Америку можно пересечь за тот же срок, что и Шотландию. Непонятно? Ну, возьмем карту, на ней побережье кажется единой плотной

---

[145] notes: 145
Сорт виски

линией. Но когда идете по нему пешком, оно изрезанное и извилистое. Все. Об этом целая передача была по телевизору. Удивительные вещи.

— О'кей, — отозвался Тень.

Вспыхнул огонек зажигалки, и человечек стал тянуть и пыхтеть, тянуть и пыхтеть, пока не удостоверился, что раскурил трубку как надо, а тогда убрал зажигалку, кисет и ножик назад в карман пальто.

— Это все не к тому, — сказал человечек. — Полагаю, вы останетесь здесь на уик-энд?

— Да, — сказал Тень. — Вы... вы служащий гостиницы?

— Нет-нет. По правде говоря, когда вы приехали, я стоял в холле. Услышал, как вы разговариваете с Гордоном за стойкой.

Тень кивнул. Ему казалось, что, когда он заполнял регистрационную карточку, в холле гостиницы не было ни души, но вполне возможно, человечек просто проходил мимо. И тем не менее... было в этом разговоре что-то неверное. Во всем происходящем было что-то не так.

Барменша Дженни поставила на стойку их кружки.

— Пять двадцать, — сказала она и, развернув газету, снова в нее углубилась.

Сходив к стойке, человечек заплатил и вернулся с кружками.

— Вы к нам надолго? — спросил он.

Тень пожал плечами:

— Хотел поглядеть, каково тут. Побродить по побережью. Посмотреть достопримечательности. Может, на неделю. Может, на месяц.

Дженни отложила газету.

— Это глухая дыра в чертовой заднице, — весело сказала она. — Вам следовало бы подыскать себе место поинтереснее.

— Вот тут ты ошибаешься, — возразил человечек. — Это глухая дыра посреди задницы только тогда, когда смотришь не с той стороны. Видите вон ту карту, приятель? — Он указал на засиженную мухами карту Северной Шотландии, висящую на стене против стойки. — Знаете, что с ней не так?

— Нет.

— Она вверх ногами! — победно возвестил человечек. — Север наверху. Карта должна говорить людям, где мир кончается. Дальше ходу нет. Там край света. Но понимаешь, раньше все было не так. Раньше это был не север Шотландии. Это была самая южная оконечность мира викингов. Знаешь, как называется предпоследнее графство

Шотландии к северу?

Тень поглядел на карту, но она была слишком далеко, подписей не разобрать.

— Сатерленд! — осклабился человечек. — Южный край. Не для всех, разумеется, но для викингов уж точно.

К ним подошла барменша Дженни.

— Я отлучусь ненадолго, — сказала она. — Если до моего возвращения вам что-нибудь понадобится, спросите портье.

Подложив в камин полено, она вышла в холл.

— Вы историк? — спросил Тень.

— Вот насмешили! — хохотнул человечек. — Возможно, вы и монстр, но весельчак. Надо отдать вам должное.

— Я не монстр.

— Ну да, ну да, именно так и говорят все монстры, — отозвался человечек. — Раньше в Сент-Эндрюсе у меня была специализированная клиника. А теперь так, общая практика. Ну, в общем и целом, тоже была. Я почти отошел от дел. Хожу пару дней на неделе в местную больницу, только чтобы скальпель в руке не дрожал.

— Почему вы все время называете меня монстром? — спросил Тень.

— Потому что я сам отчасти монстр, — сказал

человечек, поднимая стакан виски с видом человека, приводящего неопровержимый аргумент. — Свояк свояка и так далее... Все мы монстры, разве не так? Прекрасные монстры, плетущиеся по болотам неразумия... — Он остановился отхлебнуть виски, потом сказал: — Скажите, такой здоровяк, как вы... Вы никогда вышибалой не были? «Извини приятель, боюсь, сегодня тебе сюда нельзя, закрытое мероприятие, поэтому сматывай удочки и вали» и так далее?

— Нет, — покачал головой Тень.

— Но чем-то подобным наверняка занимались?

— Да, — согласился Тень, который когда-то работал телохранителем у старого бога, но это было в другой стране.

— И вы... э... простите, что спрашиваю, не поймите меня неправильно... Вам нужны деньги?

— Всем нужны деньги. Но у меня все в порядке. — Это было далеко не так, но истина заключалась в том, что когда Тень нуждался в деньгах, мир как будто из кожи вон лез, чтобы его ими обеспечить.

— А вам не хотелось бы заработать немного на карманные расходы? Побыть вышибалой? Дело плевое.

— На дискотеке?

— Не совсем. На частной вечеринке. Одна компания снимает большой старый дом в наших местах, в конце лета они со всего света сюда приезжают. Но, скажем, в прошлом году, веселье было в самом разгаре, шампанское под открытым небом лилось рекой, а потом возникли проблемы. Серьезные проблемы. Такие кому угодно уик-энд испортят.

— С местными жителями?

— Не совсем.

— Проблемы политические? — спросил Тень. Ему не хотелось впутываться в местную политику.

— Ни в коей мере. Так, щенки. Волосатики и прочие идиоты. И вообще в этом году они скорее всего не вернутся. Вероятно, уже свалили еще в какую-нибудь глушь и там устраивают демонстрации против международного капитализма. Но для перестраховки ребята из большого дома попросили меня поискать кого-нибудь, кто мог бы нагнать на них страху. Вы малый крупный, им именно такой нужен.

— Сколько? — спросил Тень.

— Если придется драться, сумеете за себя постоять? — ответил вопросом на вопрос человечек.

Тень промолчал. Серый человечек смерил его взглядом, потом снова улыбнулся, показывая желтые прокуренные зубы.

— Полторы тысячи фунтов всего за уик-энд. Это хорошие деньги. К тому же наличными. И перед налоговой инспекцией отчитываться незачем.

— В ближайший уик-энд? — спросил Тень.

— Начиная с утра пятницы. Дом большой. По сути, достроенный и перестроенный замок. К западу от мыса Гнева.

— Надо подумать, — сказал Тень.

— Если согласитесь, — продолжал серый человечек, — у вас будет фантастический уик-энд в историческом поместье, и могу гарантировать, что вы познакомитесь со всякими интересными людьми. Чего еще желать в отпуске, да еще денег заработаете. Жаль, что сам я уже немолод. И э... если уж на то пошло, ростом не вышел.

— Ладно, — сказал Тень, и как только произнес эти слова, спросил себя, не пожалеет ли.

— Молодчина. Я еще с вами свяжусь, расскажу, как и что.

Серый человечек встал и, проходя мимо, мягко хлопнул Тень по плечу. А потом ушел, оставив его в баре одного.

Глава вторая

Тень странствовал почти полтора года. С рюкзаком за плечами он пересек Европу и добрался до северной Африки. Он собирал оливки и ходил на лов сардин, крутил баранку грузовика и продавал вино у обочины шоссе. Наконец, несколько месяцев назад он вернулся автостопом в Норвегию, в Осло, где родился тридцатью пятью годами ранее.

Он сам толком не понимал, чего, собственно, ищет. Знал только, что еще не нашел, хотя бывали минуты — на горном склоне, на утесах или у водопада, — у него возникало пронзительное ощущение, что то неведомое искомое совсем рядом: за выступом гранитной скалы или в ближайшем сосновом лесу. И все же возвращение на родину оставило по себе глубокую неудовлетворенность, и когда в Бергене его спросили, не хочет ли он восполнить недостающую половину экипажа моторной яхты, направлявшейся в Канны на встречу со своим владельцем, он согласился.

Из Бергена они пошли под парусом на Шетландские острова, оттуда — на Оркнейские, где провели ночь в пансионе с завтраком в Сторм-

нессе. Утром при выходе из гавани окончательно и бесповоротно отказали двигатели, и судно пришлось на буксире оттащить назад к причалам.

Бьёрн — капитан и вторая половина экипажа — остался на яхте объясняться со страховщиками и отвечать на гневные звонки владельца. Тень не видел причин оставаться и потому сел на паром до городка Турсо на северном побережье Шотландии.

Ему не сиделось на месте. По ночам ему снились трассы, то, как он въезжает на сияющую неоном окраину города, где люди говорят по-английски. Иногда этот город находился на Среднем Западе, иногда во Флориде, иногда на Восточном побережье, иногда на Западном.

Сойдя с парома, он купил путеводитель живописных прогулок, обзавелся расписанием автобусов и отправился куда глаза глядят.

Вернулась барменша Дженни и начала протирать все поверхности тряпкой. Завязанные в узел волосы у нее были такие светлые, что казались почти белыми.

— И как в ваших краях развлекаются? — спросил Тень.

— Пьют. Ждут смерти; — мрачно откликнулась она. — Или едут на юг. На том, по сути, варианты

исчерпываются.

— Вы уверены?

— Ну, сами подумайте. У нас тут нет ничего, кроме овец и холмов. Живем мы, разумеется, за счет туристов, но вас на самом деле слишком мало. Грустно, правда?

Тень пожал плечами.

— Вы из Нью-Йорка? — спросила она.

— Из Чикаго. Но сюда я приехал из Норвегии.

— Вы говорите по-норвежски?

— Немного.

— Тогда вам стоит кое с кем познакомиться, — вдруг сказала она, потом поглядела на часы. — Кое с кем, кто тоже приехал сюда из Норвегии, но это было давным-давно. Пойдемте.

Убрав тряпку, она щелкнула выключателем за стойкой и направилась к двери.

— Пойдемте, — повторила она.

— А вы можете вот так уйти? — спросил Тень.

— Я могу делать все, что захочу, — отозвалась она. — Это ведь свободная страна, так?

— Наверное, да.

Она заперла дверь бара латунным ключом. Они вышли в холл.

— Подождите здесь, — сказала она и исчезла за дверью с табличкой «Частное помещение», отку-

да появилась через несколько минут в длинном коричневом пальто. — Ну вот, я готова. Идите за мной.

На улице было темно и ветрено.

— Так у вас это поселок или маленький городок? — спросил Тень.

— Это, мать его, кладбище. Нам туда. Идемте.

Они шли по узкой дороге. Луна светила огромная и желтовато-бурая. Тень расслышал шум моря, хотя самого его еще не видел.

— Вас зовут Дженни? — спросил он.

— Верно. А вас?

— Тень.

— Это ваше настоящее имя?

— Так меня называют.

— Тогда пойдемте, Тень.

На вершине холма они остановились. Поселок остался далеко внизу, но перед ними стоял серый каменный дом. Свет внутри не горел. Открыв калитку. Дженни повела Тень по тропинке к входной двери. Он задел росший рядом с тропинкой небольшой куст, и воздух наполнился сладким ароматом лаванды.

— Чей это дом? — спросил Тень. — Выглядит пустым.

— Не волнуйтесь, — сказала Дженни. — Через

минуту хозяйка будет дома.

Она толкнула незапертую дверь, и они вошли внутрь. Дженни нажала клавишу выключателя у двери. Большую часть первого этажа занимала кухня, одновременно служившая гостиной. Вдоль одной стены шла крохотная лесенка, уводившая, как предположил Тень, в спальню на чердаке. На сосновой стойке стоял CD-проигрыватель.

— Это ваш дом, — констатировал Тень.

— Дом, милый дом, — согласилась она. — Хотите кофе? Или чего-нибудь выпить?

— Ни того, ни другого, — отозвался Тень, спрашивая себя, что, собственно, Дженни нужно. Она едва на него смотрела, даже не улыбнулась ни разу.

— Я правильно все расслышала? Доктор Гаскелл просил вас помочь приглядеть за вечеринкой на уик-энд?

— Наверное.

— И что вы намерены делать завтра и в пятницу?

— Гулять, — ответил Тень. — У меня есть путеводитель. Там обещают несколько красивых пеших маршрутов.

— Кое-какие из них красивые. Кое-какие опасные. Кое-где даже летом можно найти в тени

оставшийся с зимы снег. В тени многое что способно протянуть очень и очень долго.

— Я буду осторожен, — пообещал Тень.

— Вот и викинги так говорили, — с улыбкой отозвалась Дженни. Сняв пальто, она бросила его на ярко-пурпурный диван. — Возможно, на утесах мы встретимся. Я люблю гулять. — Она вытянула шпильку из узла волос у себя на затылке, и по плечам рассыпались светлые-пресветлые локоны. Они были длиннее, чем поначалу решил Тень.

— Вы одна тут живете?

Достав из лежащей на стойке пачки сигарету, она прикурила от спички.

— А вам какое дело? — спросила она. — Вы ведь на ночь не останетесь, так?

Тень покачал головой.

— Гостиница у подножия холма, — сказала она. — Пропустить невозможно. Спасибо, что проводили меня до дома.

Пожелав ей доброй ночи. Тень вышел в лавандовую ночь. Постоял немного, озадаченно глядя на луну над морем. Потом спустился с холма и вышел к гостинице. Дженни была права: пропустить невозможно. Он поднялся по лестнице, отпер дверь своего номера ключом на короткой и толстой палочке-бирке и вошел в комнату. Там

было гораздо холоднее, чем в коридоре.

Сняв ботинки, он, не зажигая света, растянулся на кровати.

Глава третья

Корабль был из ногтей мертвецов и ни шатко ни валко плыл сквозь туман, то задирая нос, то скатываясь с гребней бурных волн.

На палубе маячили тени, мужчины ростом с холмы или дома, и, приблизившись. Тень смог различить их лица: гордые воины, все как один сильные и крепкие духом. И качка им как будто была нипочем, каждый, застыв в ожидании, точно прирос к палубе.

Сделав шаг вперед, один поймал руку Тени в собственную гигантскую лапищу. Тень ступил на серую палубу.

— Добро пожаловать к проклятым, — низким скрипучим голосом сказал тот, кто сжимал руку Тени.

— Привет тебе! — отозвались остальные на палубе. — Привет тебе, солнценосный! Привет тебе, Бальдр!

В свидетельстве о рождении Тени значилось Бальдур Лун, но он покачал головой.

— Это не я, — сказал он им. — Я не тот, кого вы ждете.

— Мы тут умираем, — не отпуская его руки,

сказал человек со скрипучим голосом.

Холодно было в этом туманном месте между миром живых и миром потусторонним. Соленая пыль разбивалась о нос корабля, и Тень промок до нитки.

— Верни нас назад, — сказал державший его руку. — Верни нас домой или дай нам уйти.

— Я не знаю как, — ответил Тень.

И тогда мужчины на палубе принялись причитать и выть. Одни ударяли древками копий в палубу, другие били короткими мечами по медным накладкам на кожаных щитах, создавая ритмичный грохот в аккомпанемент крикам, которые из воплей горя превратились в улюлюканье берсерков...

В небе раннего утра кричала чайка. Ночью ветер распахнул окно и теперь стучал рамой о стену. Тень лежал на нерасстеленной кровати в узком номере отеля. Кожа у него была влажной — возможно, от пота.

Начинался еще один холодный день конца лета.

В отеле ему упаковали в контейнер несколько сандвичей с курицей, яйцо вкрутую, пакетик чипсов с сыром и луком и яблоко. Протягивая ему контейнер, портье Гордон спросил, когда

его ждать назад, и объяснил, что если он опоздает больше чем на пару часов, они вызовут спасателей, а еще попросил у Тени номер его мобильного.

Мобильного телефона у Тени не было.

Он отправился по маршруту, ведущему к побережью. Пейзаж завораживал дикой, безлюдной красой, звеневшей и отдававшейся эхом в пустотах в душе Тени. Он представлял себе Шотландию мягким краем — сплошь поросшие вереском пологие холмы, но здесь, на Северном побережье, все, даже серые облака, бегущие по бледно-голубому небу, казалось угловатым и острым.

Он шел по проложенному в книжке маршруту — через поросшие кустарником луга, мимо сараев, вверх-вниз по каменистым холмам.

Временами он воображал, что стоит неподвижно, а мир движется под ним, что он просто перебирает землю ногами.

Маршрут оказался утомительнее, чем он ожидал. Он планировал поесть в час, но к полудню ноги у него устали, и вообще захотелось отдохнуть. Он дошел по тропинке до склона холма, где за выступающим валуном можно было удобно укрыться от ветра, и присел на корточки съесть свой ленч. Далеко впереди было видно море...

нет. Атлантический океан.

Он думал, что здесь один.

— Отдадите мне свое яблоко? — спросил женский голос.

Это была Дженни, барменша из гостиницы. Ее слишком светлые волосы разметал по плечам ветер.

— Здравствуйте, Дженни, — сказал Тень, отдавая ей яблоко.

Достав из кармана коричневого пальто складной нож, она села рядом с ним.

— Спасибо.

— Вы говорите совсем без акцента, — сказал Тень. — Наверное, вы приехали из Норвегии совсем маленькой. Я хочу сказать, на мой взгляд, вы говорите совсем как местные.

— Разве я сказала, что приехала из Норвегии?

— Разве нет?

Наколов кусочек яблока, она манерно ела его с ножа, касаясь только зубами.

— Это было очень давно. — Она глянула на него искоса.

— По семейным обстоятельствам?

Она повела плечами, словно хотела ими пожать, как будто тот ответ, какой могла бы ему дать, считала ниже своего достоинства.

— Вам тут нравится?

Посмотрев на него в упор, она покачала головой.

— Я чувствую себя как «хульдр».

Это слово он слышал раньше. В Норвегии.

— Это ведь какая-то разновидность троллей, да?

— Нет, это создания гор. Они похожи на троллей, но приходят из леса. И они очень красивы. Как я. — Произнося эти слова, она усмехнулась, будто знала, что слишком худая, слишком бледная и мрачная, чтобы считаться красивой. — Они влюбляются в фермеров.

— Почему?

— Откуда мне, черт побери, знать! — отрезала она. — Просто влюбляются. Иногда фермер догадывается, что разговаривает с хульдр, потому что сзади у нее свисает коровий хвост или, еще хуже, сзади у нее вообще ничего нет, она просто полая и пустая, как раковина. Тогда фермер читает молитву или убегает к своей мамочке и своей ферме. Но иногда фермеры не убегают. Иногда какой-нибудь смельчак бросает нож ей через плечо или просто улыбается и берет хульдр в жены. Тогда у нее отпадает хвост. Но она все равно гораздо сильнее обычной женщины. И она

все равно томится по своему дому в горах и лесах. Она никогда не будет по-настоящему счастлива. Она никогда не станет человеком.

— И что с ней происходит потом? — спросил Тень. — Она стареет и умирает со своим фермером?

От яблока осталась лишь сердцевинка. Ловким движением Дженни швырнула ее. Описав высокую дугу, сердцевинка полетела к подножию холма.

— Когда ее муж умирает... Наверное, она возвращается в свои леса и холмы. — Она смотрела перед собой на склон. — Есть история про то, как один фермер взял в жены хульдр, но дурно с ней обращался. Кричал на нее, не помогал по хозяйству и в поле, возвращался домой из селения пьяный и злой. Иногда он ее бил. Так вот. Однажды она готовила завтрак, а он пришел и начал на нее кричать, мол, еда ему не готова, мол, она ничегошеньки не умеет, мол, он вообще не знает, зачем на ней женился. Какое-то время она его слушала, а потом, не произнося ни слова, подошла к очагу и взяла кочергу. Тяжелую чугунную кочергу. Взяла и без малейшего усилия согнула в кольцо. Один в один ее обручальное, только больше. Не хмыкнула, не вспотела, просто

согнула, как ты бы согнул тростинку. Увидев это, ее фермер побелел как полотно и ничего больше не сказал про свой завтрак. Он видел, что она сделала с кочергой, и понял, что в любой момент за прошедшие пять лет она могла бы сделать то же самое и с ним. И до дня своей смерти он больше и пальцем ее не тронул, ни разу сурового слова не сказал. А теперь объясните мне, мистер Все-зовут-меня-Тень: если она могла это сделать, то почему позволяла ему себя бить? Зачем ей вообще сдался такой человек? Ну, как это объяснить?

— Может быть, — сказал Тень, — может быть, она была одинока?

Она вытерла нож о джинсы.

— Доктор Гаскелл все твердил, что вы монстр, — сказала она. — Это правда?

— Не думаю, — ответил Тень.

— А жаль, — сказала она. — С монстрами всегда знаешь, как обстоят дела, верно?

— Вы знаете?

— Абсолютно. Под конец дня попадешь на обед. Только не ты будешь обедать, а тобой пообедают. Кстати об обеде, я вам кое-что покажу. — Встав, она повела его верх по склону. — Видите? Вон там? На дальнем склоне холма, где он обрывается в горную долинку, если присмотритесь, можно

разглядеть дом, где вы будете работать в этот уик-энд. Видите? Вон там.

— Нет.

— Глядите внимательнее. Я укажу. Смотрите вдоль моего пальца.

Дженни стала совсем рядом, вытянула руку и показала на склон дальней гряды. Он увидел, как лучи солнца отразились от чего-то, что, наверное, было озером — это «лох», поправил он самого себя, в конце концов он же в Шотландии, — а над ним темнели на склоне серые камни. Сперва Тень принял их за выступ породы, но они были слишком правильными, несомненно, какое-то строение.

— И это замок?

— Я бы так его не назвала. Просто большой дом в долине.

— Вы на тамошних вечеринках бывали?

— Местных они не приглашают. А меня и подавно. Но вам все равно не надо туда ехать. Вам следовало бы отказаться.

— Они хорошо платят, — объяснил Тень.

Тут она впервые его коснулась: положила белый-пребелый палец на тыльную сторону его темной ладони.

— А какое дело монстру до хороших денег?

— спросила она и улыбнулась. Тень, чертыхнувшись, подумал: «А ведь она, черт побери, действительно красивая». Но тут она убрала руку и отступила на шаг. — М-да. Вам, наверное, нужно продолжать прогулку? У вас не так много времени осталось, скоро придется поворачивать назад. Когда начинает смеркаться, в конце лета темнеет быстро.

Дженни осталась посмотреть, как он забрасывает на плечи рюкзак и спускается с холма. У подножия он обернулся и посмотрел вверх. Она все еще глядела ему вслед. Тень помахал, и Дженни помахала ему в ответ.

Когда он оглянулся в следующий раз, на холме уже никого не было.

Через узкий проливчик он перебрался паромом на мыс и стал подниматься к маяку. А обратно вниз поехал на маршрутном автобусе.

В гостиницу он вернулся в восемь вечера, усталый, но довольный. Незадолго до сумерек пошел дождь, но он успел укрыться в покосившемся, заброшенном домишке и, пока по крыше барабанили капли, читал газету пятилетней давности. Через полчаса дождь перестал, но Тень порадовался, что надел крепкие ботинки, так как тропинку развезло.

Он умирал от голода и спустился в ресторан. Там было пусто.

— Эй? — окликнул Тень.

— Угу. — В дверь между рестораном и кухней выглянула пожилая женщина.

— Обед еще подаете?

— Угу. — Она смерила его неодобрительным взглядом от заляпанных глиной ботинок до встрепанных волос. — Вы у нас остановились?

— Да. В одиннадцатом номере.

— Ну... вам, наверное, захочется переодеться к обеду, — сказала она. — Так добрее по отношению к другим обедающим.

— Значит, подаете.

— Угу.

Поднявшись к себе в номер, он бросил на кровать рюкзак и стащил ботинки. Надел кроссовки, провел расческой по волосом и спустился снова.

В столовой уже не было пусто. За столиком в углу сидели двое, притом настолько отличные друг от друга, насколько вообще могут отличаться два человека. Слева горбилась по-птичьи над столом невысокая женщина лет шестидесяти. Напротив нее сидел молодой человек — крупный, неловкий и совершенно лысый. Тень решил, что это мать и сын.

Он сел за стол в середине.

Появилась с подносом пожилая официантка и поставила перед парой по тарелке супа. Молодой человек начал на суп дуть, чтобы остудить, а мать сильно постучала по его руке ложкой.

— Прекрати, — сказала она и начала ложкой отправлять себе в рот суп, с шумом его всасывая.

Лысый молодой человек грустно оглядел зал ресторана. Встретившись с ним взглядом. Тень кивнул. Молодой человек вздохнул и вернулся к своему дымящемуся супу.

Тень без энтузиазма проглядел меню. Он уже готов был сделать заказ, но официантка снова исчезла.

Краем глаза Тень уловил мазок серого — в дверь ресторана заглянул доктор Гаскелл. Вошел и направился прямо к столику Тени.

— Вы не против, если я к вам присоединюсь?

— Отнюдь. Прошу вас. Садитесь.

Доктор Гаскелл сел напротив Тени.

— Хорошо провели день?

— Очень хорошо. Много ходил.

— Лучший способ нагулять аппетит. Итак. Завтра с самого утра за вами пришлют машину. Захватите свой багаж. Вас отвезут в дом. Введут вас в курс дела.

— А деньги? — спросил Тень.

— Это они тоже уладят. Половину до, половину после. Еще что-нибудь хотите узнать?

От двери на кухню за ними наблюдала официантка, но как будто и не собиралась подойти.

— Ага. Что нужно сделать, чтобы получить в этих местах чего-нибудь поесть?

— Чего вы хотите? Я бы рекомендовал бараньи отбивные. Мясо местное.

— Звучит неплохо.

— Прошу прощения, Мора, — громко позвал Гаскелл. — Извини, что тебя беспокою, но можно нам обоим бараньи отбивные?

Поджав губы, официантка вернулась на кухню.

— Спасибо, — сказал Тень.

— Не за что. Еще чем-нибудь могу вам помочь?

— Да. Люди, которые приедут на вечеринку. Почему они не привозят профессиональных телохранителей? Зачем нанимать меня?

— Собственная охрана у них тоже будет, нисколько в этом не сомневаюсь. Своих людей они, разумеется, привезут. Но всегда хорошо иметь под рукой кого-нибудь из местных.

— Даже если этот местный — иностранный турист?

— Вот именно.

Мора принесла две тарелки супа и поставила их перед Тенью и доктором.

— Входят в обед, — мрачно сказала она.

Суп был слишком горячий и на вкус слегка отдавал томатной пастой и уксусом. Тень был настолько голоден, что съел почти всю тарелку, прежде чем сообразил, что суп ему не нравится.

— Вы говорили, что я монстр, — сказал Тень стально-серому человечку.

— Правда?

— Да.

— Ну, в наших краях полно монстров. — Он едва заметно кивнул на пару в углу. Взяв салфетку, маленькая женщина обмакнула ее в стакан с водой и энергично стирала пятнышки алого с губ и подбородка своего сына. Вид у него был смущенный. — Мы живем тихо, в глуши. В сводки новостей попадаем только в том случае, когда какой-нибудь скалолаз пропадает или еще лучше умирают голодной смертью туристы. Большой мир обычно вообще забывает о нашем существовании.

Появились бараньи отбивные — с гарниром из переваренного картофеля, недоваренной моркови и чего-то бурого и мокрого; последнее, как предположил Тень, возможно, в прошлой жизни

было шпинатом. Тень начал резать отбивную ножом. Доктор взял свою руками и с удовольствием принялся кусать и жевать.

— Вы сидели?

— Сидел?

— В тюрьме. Вы были в тюрьме. — Прозвучало это как утверждение, а не вопрос.

— Да.

— Значит, умеете драться. Способны, если придется, кому-нибудь наподдать.

— Если вам требуется кому-то наподдать, — сказал Тень, — я, вероятно, не тот, кто вам нужен.

Человечек усмехнулся, раздвинув серые губы в жире от отбивной.

— Уверен, что тот самый. Я просто спросил. Нельзя обижаться на человека только за то, что он спросил. Не будем об этом. Вот он — точно монстр, — продолжил человечек, указывая недоеденной отбивной в угол зала. Лысый молодой человек ел ложкой какой-то белый пудинг. — И его мамаша тоже.

— По мне, так на монстров не похожи, — возразил Тень.

— Боюсь, это не совсем удачная шутка. Местное чувство юмора. О моем следует предупреждать на въезде в городок. Кстати о монстрах. Прости-

те старика. Не верьте ни единому моему слову. — Сверкнув желтыми от табака зубами, доктор Гаскелл вытер рот и руки салфеткой. — Мора! Нам понадобится счет. Я плачу за обед молодого человека.

— Сейчас, доктор Гаскелл.

— Не забудьте, — сказал доктор Тени, — завтра утром в холле гостиницы в четверть девятого. Не позже. Они люди занятые. Если вас не будет на месте, они просто уедут, а вы упустите полторы тысячи фунтов за каких-то два дня работы, И премию, если они останутся довольны.

Послеобеденный кофе Тень решил выпить в баре. В конце концов, там был камин. Он надеялся, что тепло прогонит пробравший его до костей холод. За стойкой возился Гордон-портье.

— У Дженни сегодня выходной? — спросил Тень.

— Что? Нет, она просто подменяла. Она так иногда делает, когда народу слишком много.

— Вы не против, если я подброшу в камин еще полено?

— Не стесняйтесь.

«Если шотландцы так обращаются со своим летом, — подумал Тень, вспомнив афоризм Оскара Уайльда, — они вообще никакого не заслужи-

вают».

Вошел лысый молодой человек, нервно кивнул Тени. Тень кивнул в ответ. Насколько он мог разобрать, у него вообще никаких волос не было: ни бровей, ни ресниц. От этого молодой человек походил на младенца, был каким-то незаконченным. Тень спросил себя, не заболевание ли это или, быть может, побочный эффект химиотерапии. Пахло от него сыростью.

— Я слышал, что он говорил, — заикаясь, произнес лысый молодой человек. — Он назвал меня монстром. И мою маму тоже. У меня уши хоть куда. Я мало что упускаю.

Уши у него действительно были хоть куда: прозрачно розовые и торчащие по бокам головы, как плавники какой-то огромной рыбы.

— У вас прекрасные уши, — сказал Тень.

— Дразнитесь? — Голос у лысого сделался обиженный, а вид — такой, будто он вот-вот полезет драться. Он был лишь на дюйм ниже Тени, а Тень был человеком крупным.

— Если мои слова означают то, что я думаю, то не дразнюсь, даже в мыслях не имел.

Лысый кивнул:

— Это хорошо. — Он сглотнул и помялся. Тень спросил себя, не следует ли ему сказать что-ни-

будь примирительное, но лысый продолжил: — Я тут не виноват. Это все шум. Я хочу сказать, сюда же приезжают, чтобы спастись от шума. И людей. И вообще там на склоне слишком много людей. Почему бы вам всем не убраться восвояси и не перестать так ужасно шуметь?

В дверях появилась его мать. Нервно улыбнувшись Тени, она поспешила к сыну и потянула его за рукав.

— Ладно, ладно, — сказала она. — Не расстраивайся так по пустякам. Все в порядке. — Она бросила на Тень птичий, успокаивающий взгляд. — Извините. Уверена, он это не всерьез.

К подошве ее туфли прилип кусок туалетной бумаги, а она этого еще не заметила.

— Все нормально, — сказал Тень. — Знакомиться с новыми людьми всегда полезно.

Она кивнула.

— Тогда ладно, — сказала она.

Ее сын вздохнул с явным облегчением. «А ведь он ее боится», — подумал Тень.

— Пойдем, лапочка. — Старая дама потянула сына за рукав. Он покорно поплелся за ней к двери. А там упрямо остановился и обернулся.

— Вы им скажите, — велел лысый молодой человек, — пусть так больше не шумят.

— Я им передам, — пообещал Тень.

— Я ведь все слышу.

— Не беспокойтесь, обязательно передам.

— Он на самом деле хороший мальчик, — сказала мать лысого молодого человека и, все еще держа его за рукав, увела в холл. Кусок туалетной бумаги так и волочился за ней по полу.

Тень вышел за ними в холл.

— Прошу прощения.

Мать и сын разом обернулись.

— У вас что-то к туфле прилипло, — сказал Тень.

Она опустила глаза. Потом другой туфлей наступила на бумагу и высвободилась, после чего, одобрительно кивнув Тени, наконец удалилась.

Тень подошел к стойке портье.

— У вас есть подробная карта этих мест, Гордон?

— Военно-геодезического управления подойдет? Принесу вам ее в гостиную.

Вернувшись в бар, Тень допил кофе. Гордон принес ему карту. Тень был поражен обилием деталей: на ней как будто была помечена каждая овечья тропа. Он рассмотрел карту внимательно, прослеживая свой сегодняшний путь. Нашел холм, на котором остановился и съел свой ленч.

Провел пальцем к юго-западу.

— В ваших местах никаких замков нет?

— Боюсь, нет. Кажется, есть один к востоку. На стойке лежит справочник по замкам Шотландии, могу дать вам его посмотреть...

— Нет-нет, не надо. А как насчет больших усадеб в этих местах? Таких, какие можно было бы назвать замком? Или крупных поместий?

— Ну, есть отель «Мыс Гнева», вот тут. — Он указал на карте. — Но местность в тех местах довольно пустынная. Формально, с точки зрения заселенности, как они там ее еще называют, плотности населения, там просто пустыня. Боюсь, даже никаких колоритных развалин нет. И без машины туда не добраться.

Поблагодарив. Тень попросил разбудить его пораньше. Он пожалел, что не смог найти на карте дом, который видел с холма, но, быть может, он не туда смотрел. Такое с ним уже случалось.

Пара в соседнем номере ссорилась или занималась любовью. Тень не мог разобрать, что именно они делали, но всякий раз, как он начинал засыпать, повышенные голоса или крики вырывали его из дремы.

Позднее он даже не был уверен, действительно ли это случилось, действительно ли она к нему

приходила, или это был первый из снов за ту ночь, но незадолго до полуночи (судя по часам на прикроватном радио) в дверь его номера постучали. Он встал.

— Кто там? — позвал он.

— Дженни.

Открыв дверь, он поморщился на свет из коридора. Кутаясь в коричневое пальто, она смотрела на него неуверенно и нервно.

— Да?

— Завтра вы поедете в тот дом, — сказала она.

— Да.

— Я подумала, надо попрощаться. На случай, если у меня не будет шанса снова с вами увидеться. Если вы не вернетесь в гостиницу. А просто уедете куда-нибудь. И я больше никогда вас не увижу.

— Тогда до свидания, — сказал Тень.

Она оглядела его с ног до головы, осмотрела футболку и длинные трусы, в которых он спал, голые ноги, потом ее взгляд вернулся к его лицу. Вид у нее был встревоженный.

— Вы знаете, где я живу, — наконец сказала она. — Если понадобится, позовите.

Подняв руку, она мягко коснулась его губ указательным пальцем. Палец у нее был очень

холодный. Потом отступила на шаг в коридор и так и осталась стоять лицом к нему, не делая никаких попыток уйти.

Закрыв дверь номера, Тень услышал удаляющиеся по коридору шаги. Он снова лег.

А вот дальнейшее точно было сном. Ему снилась его собственная жизнь, перепутанная и искаженная. Вот он сидит в тюрьме, учится фокусам с монетками и убеждает себя, что любовь к жене поможет ему преодолеть все что угодно. А то вдруг — Лора мертва, он на свободе и работает телохранителем у старого мошенника, который велел Тени называть себя Средой. А потом его сон заполнился богами: старыми, забытыми богами, нелюбимыми и брошенными богами, и богами новыми, мимолетными испуганными созданиями, одураченными и растерянными. Это было переплетение неправдоподобностей, «колыбель для кошки», которая превратилась в сеть, которая превратилась в спутанный клубок размером с весь мир...

Во сне он умер на дереве.

Во сне он восстал из мертвых.

А после была лишь тьма.

Глава четвертая

В семь зашелся визгом телефон у кровати. Тень принял душ, побрился, оделся и уложил свой мир в рюкзак. Потом спустился в ресторан на завтрак из пересоленной овсянки, вялого бекона и маслянистой яичницы. А вот кофе был на удивление хорош.

Без десяти восемь он уже ждал в холле.

В четырнадцать минут девятого вошел мужчина в дубленке. Он сосал самокрутку. Мужчина бодро протянул руку.

— Вы, должно быть, мистер Лун, — сказал он. — Моя фамилия Смит. Я вас подброшу в большой дом. — Рукопожатие у него было твердое. — А вы ведь здоровяк, да?

Непроизнесенным осталось: «Но я мог бы вас завалить», но Тень все равно его расслышал.

— Так мне говорят, — отозвался он. — Вы не шотландец.

— Только не я, приятель. Просто приехал на недельку проследить, чтобы все шло как по маслу. Я — лондонец до мозга костей. — Вспышка белых зубов на жестком, как лезвие топора, лице. Тень решил, что ему, наверное, за сорок. — Пой-

демте в машину. В курс дела введу вас по дороге. Это ваши вещи?

Тень вынес свой рюкзак к машине, запачканному глиной «лендроверу», мотор которого работал. Забросив рюкзак на заднее сиденье. Тень сел вперед. Затянувшись в последний раз самокруткой, превратившейся теперь в желтовато-белый окурок, Смит выбросил ее в окно со стороны водителя на дорогу.

Они выехали из поселка.

— Так как же произносится ваше имя? — спросил Смит. — Бальдр, Бальдур или как-то еще?

— Тень, — ответил Тень. — Меня называют Тень.

— Хорошо.

С минуту они ехали молча.

— Значить, Тень, говорите? — сказал Смит и повторил: — Тень. Не знаю, как много старый Гаскелл рассказал вам про предстоящую вечеринку.

— Кое-что.

— Ладно, вот что самое важное вам следует знать. Что бы там ни случилось, обо всем молчок. Ясно? Что бы вы ни увидели, это люди просто немного веселятся. Никому ни о чем ни слова, даже если вы узнаете кого-нибудь, если понимаете о чем я.

— У меня плохая память на лица, — сказал Тень.

— Вот молодчина. Мы тут только для того, чтобы гарантировать, что все отлично проведут время и никто не будет им докучать. На этот уик-энд они приедут издалека.

— Понятно, — сказал Тень.

Они подъехали к парому на мыс. Припарковав «лендровер» у обочины. Смит забрал их багаж и запер машину. На другой стороне переправы их ждал точно такой же заляпанный глиной «лендровер». Открыв дверцы, Смит забросил сумки назад и выехал на проселок.

Они свернули еще до маяка и некоторое время молча ехали по проселку, который быстро превращался в овечью тропу. Несколько раз Тени приходилось вылезать и открывать ворота. Переждав, когда «лендровер» проедет, он закрывал их и снова садился в машину.

Над полями кружили вороны, те же огромные черные птицы провожали Тень безжалостными взглядами с низких каменных стен.

— Значит, были в кутузке? — спросил вдруг Смит.

— Прошу прощения?

— В тюрьме. В каталажке. Полно слов на раз-

ные буквы, обозначающих плохую кормежку, никакой ночной жизни, неадекватные средства гигиены и ограниченные возможности перемещения.

— Ага.

— Не слишком-то вы разговорчивы, да?

— Я думал, это достоинство.

— Намек понял. Просто хотел поболтать. Тишина действует мне на нервы. Вам тут нравится?

— Наверное. Я здесь всего несколько дней.

— А у меня мурашки по коже, черт побери. Какая глушь! Я в Сибири знаю места гораздо уютнее. Уже были в Лондоне? Нет? Когда приедете на юг, я вам все покажу. Отличные пабы. Настоящая еда. И всякая туристическая ерунда, которую вы, американцы, любите. Но уличное движение — сущий ад. Здесь хотя бы можно спокойно вести машину. Никаких тебе гребаных светофоров. В начале Риджент-стрит есть один светофор, на котором, клянусь, пять минут можно простоять на красном, а зеленый зажигается секунд на десять. Две машины максимум проскакивают. Ну что за идиотизм! И нам говорят, такова цена, которую мы платим за прогресс. Ну разве так правильно?

— Наверное, — пожал плечами Тень. — Пожалуй.

Они теперь ехали по бездорожью, тряслись и подпрыгивали по поросшей кустарником ложбинке меж двух крутых склонов.

— Гости на этой вечеринке, — сказал Тень, — они на внедорожниках приедут?

— Не-а. Для них у нас вертолеты. Прибудут сегодня к обеду. Вертушкой сюда, вертушкой в понедельник утром обратно.

— Как на острове.

— Если бы! Не пришлось бы иметь дело со свихнувшимися местными. Никто не жалуется, что на соседнем острове шумят.

— А на ваших вечеринках много шумят?

— Это не моя вечеринка, приятель. Я только администратор. Слежу, чтобы все было тип-топ. Но — да. Насколько я понимаю, когда они разойдутся, то еще как шумят.

Травянистая ложбинка превратилась в овечью тропу, овечья тропа сменилась асфальтовой дорогой, которая карабкалась на склон под углом почти в сорок пять градусов. Потом внезапный поворот — и вот они уже подъезжают к дому, который Тень узнал сразу. Дженни ему его вчера показала за ленчем.

Дом был старым. Это было видно с первого взгляда. Одни части казались старше других. В

правом крыле здания одна стена была сложена из серых валунов, тяжелых и замшелых. Эта стена вдавалась в другую, сложенную из бурых кирпичей. Всю постройку и оба крыла покрывала крыша с темно-серой черепицей. Дом выходил на гравиевую дорогу и небольшое озерцо у подножия холма. Тень выбрался из «лендровера». Поглядел на дом и почувствовал себя малой букашкой. Ему казалось, будто он вернулся домой, и ощущение было не из приятных. На гравиевой площадке перед домом было припарковано еще несколько внедорожников.

— Ключи от машин висят в буфетной, на случай если вам потребуется взять одну, — сказал Смит. — Я вам покажу, когда будем проходить.

Пройдя в высокие деревянные ворота, они оказались в центральном внутреннем дворе, лишь отчасти вымощенном. В центре журчал небольшой фонтан, вокруг — пятачок неухоженной, клокастой змеящейся травы, зажатой серыми плитами.

— Вот тут будет праздник в субботу вечером, — сказал Смит. — Я покажу, где вы будете стоять.

Через неприметную дверь они прошли в меньшее крыло, миновали комнату, где по стенам висели на крючках ключи, каждый со своей

бумажной биркой, и еще одну — с пустыми полками. Прошли тусклый пыльный коридор, поднялись по лестнице. На лестнице не было ковровой дорожки, вообще ничего, кроме побелки на стенах. («Так вот, это помещения для слуг, сечете? На них денег никогда не тратят»). Было зябко, но Тень уже начинал привыкать, что внутри здания холоднее, чем снаружи. Он спросил себя, как же строители добиваются такого эффекта и не секрет ли это английской архитектуры.

Смит привел Тень на самый верх и показал ему темную комнату, в которой стояли антикварный платяной шкаф, узкая чугунная кровать (Тень с первого взгляда понял, что она ему слишком коротка) и старинный рукомойник. Небольшое оконце выходило во внутренний двор.

— Уборная в конце коридора, — сказал Смит. — Ванные комнаты для слуг этажом ниже. Их две: одна — для мужчин, одна — для женщин, никаких душевых. Количество горячей воды, боюсь, в этом крыле дома строго ограничено. Ваша форменная одежда — в платяном шкафу. Померьте ее сейчас, чтобы проверить, не жмет ли что, потом снимите до вечера, когда станут прибывать госта. Стиральных машин здесь мало, одежду надо чистить щеткой. С тем же успехом мы могли быть

на Марсе. Если я вам понадоблюсь, я в кухне. Внизу не так холодно, если «Ага» работает. Вниз по лестнице до конца и налево, потом направо. Если заблудитесь, покричите. В другое крыло не ходите, разве что вас туда пошлют.

Он оставил Тень одного.

Тень примерил черный смокинг, белую рубашку, черный галстук. На дне платяного шкафа стояли начищенные до блеска черные туфли. Все сидело отлично, будто было сшито специально на него, даже новые туфли не жали. Он убрал все назад в шкаф.

Спустившись по лестнице, он нашел Смита на площадке, где тот яростно тыкал в кнопки маленького серебристого мобильного телефона.

— Нет приема, черт побери! Эта дрянь зазвонила, а когда я теперь пытаюсь прозвониться назад, не дает сигнала. Тут у них просто каменный век, будь он неладен. Как ваш костюм? Все в порядке?

— В полном.

— Молодчина. Никогда не трать пяти слов, если можешь обойтись двумя, а? Я мертвецов знавал, которые были более разговорчивы.

— Правда?

— Не-а. Фигура речи. Пошли. Как насчет лен-

ча?

— Конечно. Спасибо.

— Ладно. Двигайте за мной. Тут у них черт ногу сломит, но вы быстро разберетесь.

Ели они в огромной пустой кухне: поглощали полупрозрачную оранжевую копченую лососину на белом хлебе с хрустящей корочкой и кусочки острого сыра с жестяных эмалированных тарелок, запивая все крепким сладким чаем из больших кружек. «Агой», как выяснил Тень, оказался большой металлический ящик, отчасти печка, отчасти нагреватель воды. Открыв одну из многочисленных дверец в боку, Смит забросил внутрь несколько больших совков угля.

— А где остальная еда? И повара и официанты? — спросил Тень. — Не может же нас быть только двое.

— Хорошо подмечено. Все привезут из Эдинбурга. Сработает как часы. Кормежка и обслуга будут здесь к трем и начнут распаковываться. Гостей привезут в шесть. Фуршет назначен на восемь. Поболтают, поедят, посмеются. Ничего, что потребовало бы больших усилий. Завтра с семи до полудня завтрак. После полудня гости будут гулять, смотреть живописные виды и все такое. Во дворе сложат костры. Потом вечером костры

зажгут, все устроят себе бурную ночку под открытым небом, будем надеяться, без вмешательства соседей. Утром в воскресенье ходим на цыпочках из уважения ко всеобщему похмелью, в воскресенье после полудня приземлятся вертолеты, и мы помашем всем ручкой. Вы заберете свой конверт с деньгами, и я отвезу вас назад в гостиницу, или, если вам тут наскучило, можете поехать со мной на юг. Как вам это нравится?

— Тип-топ, — отозвался Тень. — А кто может объявиться в субботу вечером?

— Просто брюзги. Местные, со скуки решившие испортить всем настроение.

— Какие местные? — спросил Тень. — Тут на несколько миль, кроме овец, никого.

— Местные. Они тут повсюду, — сказал Смит. — Вы их просто не видите. Прячутся, как Соуни Бин и его семейка.

— Кажется, я о нем слышал, — протянул Тень. — Имя знакомое...

— Это реальное историческое лицо. — Шумно отхлебнув чаю, Смит откинулся на спинку стула. — Дело было лет шестьсот назад. После того, как викинги свалили назад в Скандинавию или переженились и приняли христианство, пока не превратились в еще одну горстку шотландцев, но

до того, как умерла королева Елизавета, и Яков спустился с гор, чтобы править обеими странами. Где-то в этом промежутке. — Он сделал еще глоток. — Так вот. В Шотландии то и дело исчезали путники. Ничего необычного в этом не было. Я хочу сказать, в те времена если ты отправлялся в дальний путь, то не всегда возвращался домой. Иногда проходили месяцы, прежде чем все понимали, что ты уже не вернешься, а тогда винили волков или непогоду и решали путешествовать группами и только летом.

Но как-то один путник отстал от своих, большинство уехали далеко по долине, и вот когда они выехали на гребень холма, с деревьев на них попадали, повылезали, точно из-под земли, дети. Целая свора детей, вооруженных кинжалами и ножами, костяными дубинами и крепкими палками. Они набросились на путешественников, стащили их с лошадей и прикончили. Всех, кроме нашего старикашки, который отстал от остальных и потому спасся. Он был единственным, но ведь достаточно и одного, правда? Старикашка добрался до ближайшего городка и там поднял большой шум, а городские власти собрали отряд горожан, позвали солдат и вернулись в холмы с собаками.

Убежище они искали много дней и уже готовы были сдаться, когда у входа в одну пещеру на морском берегу собаки вдруг залаяли. Тогда они спустились вниз.

Оказалось, что под землей целые катакомбы, и в самой большой и глубокой пещере они нашли старого Соуни Бина и его выводок, а еще свисающие с крюков туши, закопченные или зажаренные. Ноги, руки, бедра, кисти и ступни мужчин, женщин и детей были развешены рядами, как вяленая свинина. Были еще разрубленные тела, залитые известью, на манер солонины. Груды золотых и серебряных монет, горы часов, колец, мечей, пистолей и одежды, невообразимые богатства — они ведь ни пенни не потратили. Сидели себе в своих пещерах, ели, размножались и ненавидели.

Он жил там много лет. Старый Соуни создал свое крохотное королевство, которое состояло из него самого и его жены, его детей и его внуков, а кое-кто из внуков были заодно и его детьми. Сплошь инцест в этой банде.

— Это взаправду произошло?

— Так мне говорили. Есть записи процесса. Все семейство отвезли в Лит, чтобы там судить. Суд принял любопытное решение; в силу своих

поступков Соуни не может считаться человеком. Поэтому его приговорили как зверя. Его не повесили и не отрубили ему голову. Просто разожгли костер и бросили в него Бина с женой, чтобы они сгорели дотла.

— А что сталось с его семьей?

— Не помню. Возможно, детишек сожгли, а может, и нет. Скорее всего сожгли. В здешних краях от монстров избавляются без лишних слов и раз и навсегда.

Помыв в раковине тарелки и кружки, Смит поставил их на решетку сушиться. Потом они вышли во внутренний двор, где Смит ловко свернул самокрутку. Лизнув бумажку, он пригладил ее пальцем и прикурил полученный цилиндрик от «зиппо».

— Давайте посмотрим. Что вам нужно знать на сегодня? Ну, основа проста: говорите, когда к вам обратятся... впрочем, с этим у вас, похоже, проблем не будет.

Тень промолчал.

— Ладно, поехали дальше. Если один из гостей у вас что-нибудь попросит, сделайте все возможное, чтобы это обеспечить. Если возникнут сомнения, обратитесь ко мне, но сделайте, как вас попросили, если это не отрывает вас от основных

обязанностей или не нарушает первого правила.

— А именно?

— Не. Трахать. Дамочек навеселе. Обязательно найдется какая-нибудь юная леди, которая после бутылки вина пойдет искать на свою голову приключений. А если такое случится, будете изображать «Санди пипл».

— Не понимаю, о чем вы.

— «Наш репортер с извинениями удалился». Понятно? Можно смотреть, но не трогать. Усекли?

— Усек.

— Умница.

Тень поймал себя на том, что Смит начинает ему нравиться, Он сказал себе, что проникаться симпатией к этому человеку неразумно. Ему и раньше случалось встречать таких, как Смит: людей без совести, без морали, без сердца, и они, как правило, были столь же опасными, сколь и располагающими к себе.

В три часа действительно прибыл обслуживающий персонал, доставленный вертолетом, который больше напоминал транспортно-десантный, чем прогулочный. Ящики с вином и коробки с провизией, плетеные корзины с крышками и контейнеры новоприбывшие распаковали с поразительной расторопностью. Еще были коробки,

доверху наполненные льняными салфетками и скатертями. Еще были повара и бармены, официантки и горничные.

Но первыми с вертолета сошли охранники: крупные, плотные парни с наушниками и, как Тень без сомнения определил, выпирающими из-под курток кобурами. Один за другим они отрапортовали Смиту, который отправил их инспектировать дом и окрестности.

Тень по возможности помогал: таскал из вертолета на кухню ящики с овощами. Он мог унести вдвое больше кого-либо другого. В следующий же раз, когда он проходил мимо освободившегося Смита, он остановился и спросил:

— Если у вас столько ребят в секьюрити, зачем тут я?

Смит приветливо улыбнулся:

— Послушай, сынок. Сюда приедут люди, которые стоят столько, сколько нам с вами и во сне не приснится. Им нужно твердо знать, что о них заботятся. Случаются похищения. У важных людей есть враги. Много что может произойти. Только вот эти ребята ничему такому случиться не позволят. Но заставлять их разбираться с местными ворчунами, все равно что ставить противопехотные мины в саду, лишь бы избавиться

от случайных любопытных. Ясно?

— Ясно, — отозвался Тень.

Вернувшись к вертолету, он поставил на землю коробку, помеченную МОЛОДЫЕ БАКЛАЖАНЫ и полную блестящих черных плодов, сверху водрузил ящик с капустой и понес все это на кухню, уже совершенно уверенный, что ему лгут. Ответ Смита был вполне логичным. Даже убедительным. Просто это была неправда. Ему нет никаких причин тут находиться, а если есть какая-нибудь, то совсем не та, которую ему назвали.

Он пережевывал это и обмозговывай, пытаясь сообразить, зачем его привезли в этот дом, и надеялся, что по его лицу ничего не видно. Тень привык все держать в себе. Так безопаснее.

Глава пятая

Ранним вечером, когда небо порозовело, прилетели еще вертолеты, из которых выбрались с два десятка стильно и дорого одетых людей. Некоторые улыбались и смеялись. Большинству было тридцать — сорок лет. Тень никого не узнал.

Смит небрежно, но плавно переходил от гостя к гостю, уверенно приветствуя прибывающих.

— Добрый вечер, пройдете вот сюда и повернете направо, в главном зале подождите. Там отличный огонь в камине. Кто-нибудь за вами придет и отведет вас в вашу комнату. Ваш багаж уже будет ждать там. Если нет, позвоните мне, но он там будет. Желаю здравствовать, ваша светлость, выглядите вы — загляденье. Прислать кого-нибудь поднести вам сумочку? Ждете хозяина? Как и все мы, как и все мы.

Тень завороженно смотрел, как Смит обходится с каждым гостем, как в его манере смешиваются фамильярность и уважительность, дружелюбие и особый шарм кокни: менялись интонации, тембр, даже согласные и гласные звуки произносились так или иначе — в зависимости от того, к кому он обращался.

Очень хорошенькая женщина с коротко стриженными темными волосами улыбнулась Тени, когда он вносил в дом ее сумки.

— Дамочка навеселе, — пробормотал, проходя мимо, Смит. — Руки прочь.

Последним появился дородный мужчина, которому, на взгляд Тени, было едва за шестьдесят. Опираясь на дешевую деревянную трость, он подошел к Смиту и что-то сказал ему вполголоса. Смит ответил в той же манере.

«Тут всем заправляет он», — подумал Тень. Это чувствовалось в осанке, в жестах. Смит уже больше не улыбался, больше не улещивал. Он докладывал: тихо и деловито сообщал старику все, что ему следует знать.

Смит поманил пальцем Тень, который тут же подошел к говорящим.

— Тень, — сказал Смит. — Это мистер Элис.

Мистер Элис пожал темную смуглую руку Тени своей пухлой и розовой.

— Приятно познакомиться, — сказал Тень.

— Ну, — снизошел мистер Элис, — продолжайте.

Смит кивнул Тени, мол, он может идти.

— Если вы не против, — сказал ему Тень, — мне бы хотелось оглядеться, пока еще не совсем стем-

нело. Прикинуть, откуда могут прийти местные.

— Слишком далеко не уходите, — сказал Смит, поднял чемоданчик мистера Элиса и повел его в дом.

Тень обошел дом по периметру. Его подставляют. Он не знал зачем или почему, но был твердо уверен, что сделал правильный вывод. Слишком многое не сходится. Зачем нанимать в охранники бродягу, если привозишь собственных профессиональных телохранителей? В этом смысла не больше, чем в том, что Смит представил его мистеру Элису — и это после того, как два десятка гостей обращались с Тенью скорее как с декоративным украшением, чем как с человеком.

Перед домом тянулась низкая каменная стена. За домом поднимался холм размером с небольшую гору — он полого спускался к озеру. Чуть в стороне шла дорога, по которой его привезли сегодня утром. Пройдя к дальнему углу строения, Тень нашел садик пряных трав, окруженный высокой стеной, за которой расстилалась пустошь. Спустившись в садик, он подошел внимательнее осмотреть сцену.

— Рекогносцировка? — спросил один из охранников в черном смокинге.

Тень не заметил, как он подошел, а значит, надо

думать, он в своем деле дока. Как и большинство обслуживающего персонала, телохранитель говорил с шотландским акцентом.

— Просто осматриваюсь.

— Хотите местность изучить? Очень мудро. За эту сторону дома не беспокойтесь. В сотне ярдов отсюда есть речушка, впадающая в лох, а за ней — обрыв, пара сотен футов мокрых камней. Ногу некуда поставить.

— Вот как. А местные, те, кто может сорвать праздник, откуда они приходят?

— Мне-то откуда знать?

— Я, пожалуй, схожу вон туда, взгляну, как там и что, — сказал Тень. — Посмотрю, не пойму ли, каковы подходы.

— Я бы этого не делал, — сказал телохранитель. — На вашем месте бы не делал. Камни действительно опасны. Заглядитесь на что-нибудь — достаточно поскользнуться: полетите с камнями прямо в лох. Если пойдете туда, даже тела вашего, возможно, не найдут.

— Понимаю, — сказал Тень, который действительно понял.

Он пошел дальше в обход дома. Теперь, когда он их выискивал, он по пути заметил еще пятерых телохранителей и был уверен, что есть те,

которых он пропустил.

Через французские окна в главном крыле дома он увидел огромную, обшитую деревянными панелями столовую, где за накрытым столом болтали и смеялись гости.

Тень вернулся в крыло для слуг. После каждой перемены блюд тарелки составляли на буфет, и обслуга угощалась вовсю, наваливая себе деликатесы. Сидя за деревянным кухонным столом, Смит уминал бифштекс с кровью, заедая его крабовым салатом.

— Вон там икра, — сказал он Тени. — «Золотой Осетр», высшего качества. В старые времена распорядители приберегали такое для себя. Впрочем, я не любитель этого лакомства, так что угощайтесь.

Тень из вежливости положил на край тарелки немного икры. Потом прибавил к ней крохотные яйца-пашот, несколько ложек пасты, немного куриного филе под сладким соусом. Сев рядом со Смитом, он принялся за еду.

— Не понимаю, откуда могут приходить местные, — сказал он. — Ваши люди блокировали подъезд. Любому, кто захочет сюда добраться, придется переплыть озеро.

— Значит, полазили вокруг?

— Да.

— Встретили кого-нибудь из моих ребят?

— Да.

— И что скажете?

— Мне бы не хотелось с ними связываться.

Смит ухмыльнулся;

— Такому здоровяку, как вы? Вы сумеете за себя постоять.

— Они убийцы, — просто ответил Тень.

— Только когда требуется, — отозвался Смит, вдруг перестав улыбаться. — Почему бы вам не подняться к себе наверх? Когда вы мне понадобитесь, я вам покричу.

— Конечно, — сказал Тень. — А если я вам не понадоблюсь, это будет очень тихий уик-энд.

Смит посмотрел на него в упор:

— Вы свои деньги отработаете.

По черной лестнице Тень поднялся в длинный коридор на самом верху и толкнул дверь в свою комнату. Снизу доносился шум вечеринки, он выглянул в небольшое оконце. Французские окна в главном крыле были распахнуты, и гости в перчатках и шубах, с бокалами вина в руках высыпали во внутренний двор. До него долетали обрывки перескакивающих с предмета на предмет разговоров — звуки слышались отчетливо, но

слова и их смысл терялись. Временами из общего шелеста вырывалась отдельная фраза.

— А я ему говорю, таких судей, как вы, я не покупаю, а продаю...

Тень услышал женский голос:

— Это монстр, милочка. Совершеннейший монстр. Но что тут поделаешь?

А другая женщина говорила:

— Если бы я то же могла сказать о моем друге!

На это последовал взрыв смеха.

У него было два варианта. Он может остаться или попытаться уйти.

— Я остаюсь, — сказал он вслух.

Глава шестая

Это была ночь опасных снов.

В своем первом сне Тень снова был в Америке, стоял под уличным фонарем. Поднявшись на несколько ступенек, он толкнул стеклянную дверь и вошел в закусочную, похожую на вагон-ресторан в каком-нибудь поезде. Он слышал, как поет старик — поет низким скрипучим голосом на мотив «Мой милый за океаном»:

Мой дед продает резинки матросам.

Проткнет булавкой – а сам ни при чем.

А бабка – та вытравит плод без вопросов...

Боже, деньжонки текут ручьем!»

Тень прошел вдоль вагона-ресторана. За столиком в конце сидел седой старик с бутылкой пива в руке и распевал: «Боже, деньжонки текут ручьем!» Когда он завидел Тень, его лицо расплылось в широкой обезьяньей улыбке.

— Садись, садись, — ткнул он бутылкой в сиденье напротив.

Тень сел напротив старика, которого знал под

именем Среда.

— Ну и в чем беда? — спросил Среда, вот уже два года как мертвый или, во всяком случае, настолько мертвый, насколько бывают подобные ему существа. — Я бы предложил тебе пива, но обслуживание здесь ни к черту.

Тень сказал, что все в порядке. Он не хочет пива.

— Ну? — Среда поскреб в бороде.

— Я в старинном доме в Шотландии с кучей чертовски богатых людей, и они что-то затевают. Мне грозит беда, но я не знаю, в чем она заключается. Но, думаю, дело серьезное.

Среда отхлебнул из бутылки.

— Богатенькие не такие, как мы, мой мальчик, — помолчав, возвестил он.

— И что же это значит?

— Ну, для начала большинство из них скорее всего смертные. Тут тебе волноваться не о чем.

— Не морочь мне этим голову.

— Но ты-то не смертен, — продолжал Среда. — Ты, Тень, умер на дереве. Ты умер и вернулся.

— И что с того? Я даже не помню, как мне это удалось. Если меня убьют на сей раз, я так и останусь мертвым.

Среда прикончил свое пиво. Потом помахал бу-

тылкой, будто управлял невидимым оркестром, и пропел следующий куплет:

Мой братец-монашек спасает шлюшек.

Содержит Святой Магдалины приют.

За грош он вам сдаст блудницу из лучших –

Боже, деньжонки так и текут!

— Помощи от тебя никакой, — сказал Тень. Вагон ресторан превратился вдруг в обычный купейный, грохочущий через снежную ночь.

Поставив пустую бутылку на стол. Среда пригвоздил Тень взглядом своего настоящего, не стеклянного глаза.

— Все дело в повторяемости, в ритуале, — сказал он. — Если они считают тебя героем, то ошибаются. Когда ты умрешь, Беовульфом, Персеем или Рамой тебе уже не стать. Правила совершенно другие. Шахматы, а не шашки. Го, а не шахматы. Понимаешь?

— Ни черта, — разочарованно ответил Тень.

Люди в коридоре большого дома пьяно шумят, шикают друг на друга, пока спотыкаясь и хихикая, нащупывают дорогу в потемках.

Тень спросил себя, слуги ли это или забредшие сюда в поисках приключений гости. Но сны завладели им снова...

Он вновь стоял в обветшавшем домишке, где позавчера укрывался от дождя. На полу — тело мальчика не старше пяти лет. Голое, лежит навзничь, руки-ноги раскинуты. Вспышка ослепительного света. Кто-то прошел мимо Тени, будто его и вовсе тут не было, и переложил руки мальчика. Снова вспышка.

Тень догадался, что мужчина делает фотографии. Это был доктор Гаскелл, серый человечек из бара при гостинице.

Достав из кармана белый бумажный пакет, Гаскелл выловил из него что-то и положил себе в рот.

— Леденцовая смесь, — сказал он ребенку на каменном полу. — Ням-ням. Твои любимые.

Улыбнувшись, он присел на корточки и сделал еще один снимок мертвого мальчика.

Тень протиснулся через каменную стену домика, ветром просочился в щели между камнями. Он полетел к берегу. На камнях разбивались волны, и Тень заскользил над водой, над серыми морями, вверх-вниз по волнам к кораблю из ногтей мертвецов.

Корабль был далеко в открытом море, а Тень несся над водой, будто тень тучи.

Корабль был огромным. Как это он раньше не понял, какая перед ним громадина? Протянулась могучая лапища, схватила его руку и вытащила из моря на палубу.

— Верни нас домой, — сказал гулкий, как прибой, голос, настойчивый и яростный. — Верни нас домой или дай нам уйти. — С заросшего бородой лица на него смотрел единственный свирепый глаз.

— Я вас тут не держу.

На палубе корабля стояли великаны, высоченные мужчины, сотканные из теней и замерзшей водяной пыли, порождения пены и снов.

Один, ростом выше других, рыжебородый, сделал шаг вперед.

— Мы не можем пристать к берегу, — прогрохотал он. — Мы не можем уплыть.

— Отправляйтесь домой, — сказал Тень.

— С нашим народом мы приплыли в эти южные земли, — сказал одноглазый. — Но он нас оставил. Они захотели себе других, более тихих, ручных богов, и в сердцах своих от нас отказались.

— Отправляйтесь домой, — повторил Тень.

— Слишком много воды утекло, — сказал рыже-

бородый. Тень узнал его по молоту. — Слишком много крови пролито. Ты нашей крови, Бальдр. Освободи нас.

Тень хотел ему сказать, что он не их, что он вообще ничей, но тонкое одеяло соскользнуло с кровати, его ноги торчали за ее край, а чердачную комнату залил лунный свет.

В большом доме теперь царила тишина. Среди холмов кто-то взвыл, Тень поежился.

Он лежал на слишком короткой для него кровати и воображал себе время, которое собирается озерцами и лужицами, спрашивая себя, нет ли такого места, где время висит, как густой туман, где оно громоздится и удерживается... Города, думал он, наверное, полны временем: все места, где собираются люди, куда они приходят и приносят с собой свое время.

Но будь оно так, размышлял Тень, то должны быть и другие края, где люди редки, где земля ждет, горькая, как гранит, а тысяча лет для холмов — что мгновение ока, бег облаков, колыхание волн и ничего больше. В тех местах, где время редко, как сито, как люди...

— Они тебя убьют, — прошептала барменша Дженни. Тень теперь сидел подле нее на склоне холма в лунном свете.

— Зачем им меня убивать? — спросил он. — Я же никто.

— Они всегда так поступают с монстрами, — объяснила она. — Они должны так делать. Они всегда это делали.

Он протянул руку, чтобы коснуться ее щеки, но она отвернулась. Сзади Дженни была пустой и полой. Она опять повернулась к нему лицом.

— Уходи оттуда, — прошептала она.

— Ты можешь ко мне прийти, — возразил он.

— Не могу, — сказала она. — На моем пути препятствия. Путь туда труден, и его охраняют. Но ты можешь позвать. Если ты позовешь, я приду.

Тут наступил рассвет, а вместе с ним из болота у подножия холма выбрался рой карликов. Дженни махнула на них хвостом, но без толку. Они накинулись на Тень, как пчелиный рой, пока он не начал вдыхать карликов, пока его нос и рот не заполнились крошечными ползучими, жалящими существами, и он не начал задыхаться в темноте...

Он рывком втянул себя в кровать, в свое тело и свою жизнь, в мир бодрствующих. Сердце колотилось у него в груди, он хватал ртом воздух.

Глава седьмая

На завтрак были копченая сельдь, помидоры с гриля, яичница, тосты, коротенькие и толстые сардельки и куски чего-то круглого, темного и плоского, чего Тень не опознал.

— Что это? — спросил он.

— Кровяная колбаса, — отозвался сидящий рядом с ним мужчина. Это был один из охранников, который за едой читал вчерашнюю «Сан». — Из крови и пряных трав. — Наложив вилкой на тост яичницу, он откусил кусок. — Не знаю. Так мне, во всяком случае, сказали. Говорят, никогда нельзя смотреть, как готовят колбасу и пишут законы? Что-то в таком духе.

Тень съел все, но кровяную колбасу оставил на тарелке.

На столе стоял кофейник с настоящим, заваренным кофе, и он выпил большую кружку горячего напитка без молока и сахара, надеясь, что это поможет ему проснуться и прочистит мозги.

Вошел Смит.

— А вот и наша тень, — пошутил он. — Можно вас на пять минут?

— Вы же платите, — сказал Тень.

Они вышли в коридор.

— Это мистер Элис, — объяснил Смит. — Хочет вас на два слова.

Оставив позади известковую побелку крыла для слуг, они вышли в обшитые мореным дубом залы старого дома. По гигантской деревянной лестнице поднялись в просторную библиотеку. Там никого не было.

— Он будет через минуту — пообещал Смит. — Пойду скажу ему, что вы ждете.

Книги в библиотеке были укрыты от мышей, пыли и людей за запертыми стеклянными дверями с проволочной сеткой. На стене висела картина с изображением оленя, и Тень подошел, чтобы рассмотреть его поближе. Олень смотрел надменно и гордо, будто чувствовал свое превосходство, в долине у него за спиной клубился туман.

— «Повелитель долины», — сказал мистер Элис, который вошел медленно, опираясь на трость. — Наиболее часто копируемая картина викторианских времен. Это не оригинал, но все равно работа Лэндсира, он написал ее в конце восьмидесятых, воспроизвел собственную картину. Я к ней очень привязан, хотя знаю, что не следует. Это тот самый Лэндсир, который изготовил львов

для Трафальгарской площади.

Он подошел к эркеру. Тень сделал несколько шагов следом. Во внутреннем дворе внизу слуги расставляли столы и стулья. У пруда в середине еще несколько человек — гости, насколько мог видеть Тень, — складывали бревна и сучья для костров.

— Почему они не пошлют сложить костры слуг? — спросил Тень.

— А почему слуги должны получать удовольствие? — вопросом на вопрос ответил мистер Элис. — Это все равно что отправить слугу после обеда пострелять фазанов. Когда сам притаскиваешь сучья и складываешь их на нужное место в определенном порядке, в костре есть нечто особенное. Так, во всяком случае, мне говорили. Сам я такого не делал. — Он отвернулся от окна. — Садитесь. У меня шея затекает на вас смотреть.

Тень сел.

— Я много о вас слышал, — продолжал мистер Элис. — Уже давно хотел с вами познакомиться. Говорят, вы смышленый молодой человек, да еще с большим будущим. Вот что про вас говорят.

— Значит, вы не просто туриста наняли, чтобы он не подпускал к вашей вечеринке соседей?

— И да, и нет. У нас, сами понимаете, было

несколько других кандидатов. Просто вы нам больше всего подходите. А когда я догадался, кто вы... Ну, вы просто дар богов, так ведь?

— Не знаю. Действительно дар?

— Несомненно. Понимаете, эти вечеринки устраивают уже очень давно. Почти тысячу лет без перерыва. Ни одного года не пропустили. И каждый год устраивается поединок между их человеком и нашим человеком. И наш человек побеждает. В этом году наш человек — вы.

— Кто... — начал Тень. — Кто такие «они»? И кто такие «вы»?

— Я ваш хозяин, — сказал мистер Элис. — Полагаю... — На мгновение замолчав, он постучал тростью в деревянный пол. — «Они» — те, кто проиграл, впрочем, это было давным-давно. Но мы победили. Мы были рыцарями, а они — драконами, мы — убийцами великанов, а они — ограми. Мы были людьми, а они монстрами. И мы победили! Теперь они знают свое место. Сегодняшний бой — для того, чтобы не дать им забыть. Сегодня вечером вы будете сражаться за человечество. Нельзя дать им одержать верх. Даже в малости. Мы против них.

— Доктор Гаскелл назвал меня монстром, — сказал Тень.

— Доктор Гаскелл? — переспросил мистер Элис. — Это ваш друг?

— Нет, — ответил Тень. — Он работает на вас. Или на людей, которые работают на вас. Кажется, он убивает детей и делает фотографии трупов.

Мистер Элис уронил свою трость и неловко за ней наклонился.

— Я вас, Тень, монстром не считаю, — сказал он наконец. — Я считаю вас героем.

«Нет, — подумал Тень. — Вы считаете меня монстром. Но вы думаете, что я ваш монстр».

— Так вот, — продолжал мистер Элис, — сегодня вечером вы себя покажете и, уверен, хорошо покажете, а тогда можете назвать свою цену. Вы никогда не задумывались, почему некоторые люди становятся кинозвездами, знаменитостями или миллиардерами? Готов поспорить, что задумывались. «У него же нет таланта? Что такого есть у него, чего нет у меня?» Что ж, иногда ответ очень прост: на его стороне такой человек, как я.

— Вы бог? — спросил Тень.

Тут мистер Элис раскатисто, от души рассмеялся:

— Отличная шутка, мистер Лун. Вовсе нет. Я просто малый из Стритхэма, который пробил себе дорогу в жизни.

— И с кем же я буду бороться? — поинтересовался Тень.

— Сегодня вечером вы с ним встретитесь, — сказал мистер Элис. — А пока нужно кое-что достать с чердака. Почему бы вам не пособить нашему Смити? Для такого здоровяка, как вы, — раз плюнуть.

Аудиенция закончилась, и, словно по сигналу, вошел Смит.

— Я как раз говорил, — сказал мистер Элис, — что наш друг поможет тебе спустить кое-что с чердака.

— Отлично, — отозвался Смит. — Пошли, Тень. Проложим себе путь наверх.

И они пошли наверх: по темной неосвещенной деревянной лестнице, к запертой на висячий замок двери, которую Смит открыл. Пыльный деревянный чердак был доверху заставлен чем-то, напоминающим...

— Барабаны? — удивился Тень.

— Барабаны, — подтвердил Смит. Они были изготовлены из дерева и звериных шкур. И все разного размера. — Ладно. Давай стащим их вниз.

И они потащили. Смит сносил по одному за раз, держа барабан так, словно он был большой

ценностью. Тень носил по два.

— А что, собственно, сегодня произойдет? — спросил Тень на их третий, а может, четвертый заход.

— Ну, — протянул Смит. Они поставили барабаны у подножия лестницы в большом зале. У очага негромко беседовали несколько человек. Когда они вернулись на лестницу и были уже вне пределов слышимости гостей, Смит сказал: — Мистер Элис под вечер нас оставит. А я еще немного тут покручусь, но потом тоже уеду.

— Мистер Элис уезжает? Разве он не примет участия в вечеринке?

Вид у Смита сделался оскорбленный.

— Он же хозяин. Но. — Тут он остановился. Тень все понял: такие, как Смит, своих нанимателей не обсуждают. Они снесли вниз остальные барабаны, а после вернулись за тяжелыми кожаными мешками.

— Что в них? — спросил Тень.

— Палочки, — ответил Смит и, помолчав, добавил: — Они — древних родов. Я про тех, что внизу. Очень старые деньги. Они знают, кто босс, но это еще не делает его одним из них, Понимаете? Они — единственные, кто будет присутствовать на сегодняшнем празднике. Мистера Элиса они бы

там видеть не хотели. Понимаете?

Тень действительно понял и пожалел, что Смит вообще согласился говорить про мистера Элиса. Он почему-то сомневался, что Смит хоть словом обмолвился бы тому, кто, на его взгляд, проживет достаточно долго, чтобы это слово повторить.

Но сказал Тень только:

— Тяжелые у вас барабанные палочки.

Глава восьмая

С наступлением сумерек черный частный вертолетик унес мистера Элиса. «Лендроверы» увезли обслуживающий персонал. На последнем уехал Смит. В большом доме остались только Тень и гости с их дорогими стильными нарядами, с их улыбками. Они разглядывали Тень, как пойманного льва, которого привезли для их увеселения, но с ним разговаривали. Темноволосая женщина, которая по приезде улыбнулась Тени, принесла ему поесть: стейк, едва прожаренный. Она принесла ему тарелку, но никаких приборов, точно считала, что есть он будет руками и зубами, а поскольку он был голоден, то так и сделал.

— Я не ваш герой, — сказал он им, но они отказывались встречаться с ним взглядом. Никто с ним не разговаривал, во всяком случае, напрямую. Он чувствовал себя зверем.

А потом сумерки сгустились. Тень вывели во внутренний двор к пыльному фонтану, под дулом пистолета сняли с него одежду, и женщины намазали его тело густым желтым жиром, который втерли.

На траву перед ним положили нож. Движение

пистолетом — и Тень поднял оружие. Рукоять была из какого-то темного металла, шероховатая и удобная в руке. Клинок выглядел острым.

Потом они распахнули двойные двери из внутреннего двора в большой дом, и двое мужчин зажгли высокие костры. Затанцевало и затрещало пламя.

Остальные открыли кожаные мешки, и каждый из гостей взял по резной черной палочке, больше похожей на тяжелую узловатую дубинку. Тени невольно вспомнились дети Соуни Бина, вылезающие из-под земли с дубинами из берцовых костей.

Расположившись вдоль края внутреннего двора, гости принялись ударять палочками в барабаны. Начали они медленно и тихо, двор сотрясла низкая, пульсирующая вибрация, похожая на биение сердце. Потом они стали выбивать и выстукивать странный ритм, стаккато, которое колебалось и кружило, все громче и громче, пока не заполнило разум и мир Тени. Ему казалось, что само пламя вспыхивает мигает в такт барабанам.

А затем за стенами дома поднялся вой.

В этом вое было страдание, и, перекрывая барабанный бой, он пронесся над холмами, — вопль

боли, утраты и ненависти.

Фигура, которая, спотыкаясь, прошла через ворота во двор, сжимала себе голову, закрывая уши руками, словно чтобы остановить оглушительные звуки. Вот она вышла на свет костров.

Она была огромной, много выше Тени, и нагой. На ней не было ни волоска, и с нее капала вода.

Опустив руки, существо оглянулось по сторонам, его лицо исказила безумная гримаса.

— Прекратите! — возопило оно. — Прекратите шуметь.

А люди в стильной загородной одежде все выбивали и выбивали ритм, все быстрее, все сильнее, так что шум затопил Тени голову и грудь.

Монстр вышел на середину двора и глянул на Тень.

— Ты, — сказало существо. — Я же тебя просил. Я же говорил тебе про шум. — И оно завыло — низким горловым воем вызова и ненависти.

Существо подобралось ближе к Тени, потом увидело нож и замерло.

— Сражайся! — крикнуло оно. — Сразись честно! Не хладным железом! Сразись со мной!

— Я не хочу с тобой сражаться, — отозвался Тень и, уронив в траву нож, медленно поднял пустые руки.

— Слишком поздно, — сказало лысое существо, которое не было молодым человеком. — Для этого уже слишком поздно.

И бросилось на Тень.

Впоследствии, думая про тот поединок. Тень вспоминал его лишь отрывками. Помнил, как рухнул наземь и как перекатился. Помнил глухой барабанный бой и выражение на лицах барабанщиков, голодными глазами следивших за двумя фигурами в огненном свете.

Они сжимали, дубасили и молотили друг друга. По лицу ломавшего Тень монстра бежали соленые слезы. Тени подумалось, что он и его противник стоят друг друга. Монстр ударил Тень локтем в лицо, и Тень почувствовал на языке вкус крови. А еще ощутил, как в нем самом поднимается гнев — алая волна ненависти. Выбросив вперед ногу, он поддел монстра под колено, и, когда монстр отшатнулся, кулак Тени ударил ему в живот, отчего он вскрикнул и взревел с болью и гневом.

Взгляд на гостей: на лицах барабанщиков Тень увидел жажду крови.

Поднялся ветер, холодный ветер, морской ветер, и Тени показалось, что в небе над ним зависли великанские тени, огромные фигуры,

которые он видел на корабле из ногтей мертвецов, и сейчас они смотрели на него с высоты, будто именно этот поединок и удерживал их на корабле, не давая высадиться на берег, не давая уплыть.

Этот бой — древний, подумал Тень, древнее, чем кажется мистеру Элису, и продолжал думать об этом, даже когда когти твари располосовали ему спину. Это бой человека с монстром, старый, как само время: это Тезей сражается с Минотавром, это Беовульф силится одолеть Гренделя, это тот герой, что извечно стоит между светом и тьмой и устало стирает со своего меча кровь чего-то нечеловеческого.

Горели костры, пульсировали и гремели барабаны, точно биение тысяч сердец,

Когда монстр напал снова, Тень поскользнулся на мокрой траве и упал навзничь. Пальцы твари охватили его шею и начали сжимать: Тень почувствовал, как все тускнеет, становится все более далеким. Сомкнув пальцы на кустике травы, он глубже вонзил их в землю, потянул, захватывая пригоршню травы и липкой земли, и с силой вдавил холодную грязь в лицо монстра, на мгновение его ослепив. Он перекатился. Теперь уже он сидел верхом на монстре. С силой ударил его

коленом в пах, и монстр свернулся клубком, завыл и заплакал.

Осознав, что барабанный бой прекратился. Тень поднял глаза.

Гости отложили барабанные палочки.

Они приближались к нему, сжимая круг. Теперь мужчины и женщины поднимали свои палочки, как дубины. Но смотрели они не на Тень: они не отрывали глаз от монстра на земле и, занеся свои резные орудия, надвинулись на него в свете костров.

— Хватит! — вырвалось у Тени.

Первый удар резной барабанной палочкой пришелся по голове существа. Монстр взвыл и извернулся, поднимая руку, чтобы отвести следующий удар.

Тень бросился вперед, заслоняя его своим телом. Темноволосая женщина, когда-то ему улыбавшаяся, теперь бесстрастно обрушила палочку-дубину ему на плечо. Еще одна дубина, на сей раз в руках старика, ударила его по ноге, отчего онемела голень. Третий удар пришелся ему в бок.

«Они убьют нас обоих, — подумал Тень. — Сначала его, потом меня. Вот, что они сделают. Вот что они всегда делают. — А потом ему в голову

пришла новая мысль: — Она сказала, что придет. Если я ее позову».

— Дженни? — прошептал он.

Ответа не было. Все происходило так медленно. Опускалась еще одна дубина, на сей раз целясь ему в кисть. Тень неловко выкатился из-под удара, успел увидеть, как тяжелая дубина ударяет в траву.

— Дженни, — сказал он, стараясь как можно отчетливее представить себе ее слишком светлые волосы, ее худое лицо, ее улыбку. — Я призываю тебя. Приди. Прошу.

Порыв холодного ветра.

Темноволосая женщина высоко занесла дубинку и быстро, с силой обрушила ее, метя Тени в лицо.

Удар не достиг цели. Хрупкая ручка перехватила дубину, точно веточку.

Светлые волосы развевались вокруг ее головы на холодном ветру. Тень не мог бы сказать, во что она одета.

Дженни поглядела на него. И Тени показалось, что в ее глазах он прочел разочарование.

Один мужчина изготовился ударить ее по затылку. И снова дубина ее не коснулась. Она повернулась...

Скрежещущий звук, будто нечто себя разрывает.

А потом взорвались костры. Вот на что это походило. Пылающие поленья и сучья разлетелись по всему двору, их занесло даже в дом. И люди кричали на суровом ветру.

Тень нетвердо поднялся на ноги.

Окровавленный и скрюченный монстр лежал на земле. Тень не знал, жив он или нет. Подхватив тело, он взвалил его себе на плечо и, спотыкаясь, побрел со двора.

Едва переставляя ноги, он вышел на посыпанную гравием стоянку, и тут же у него за спиной захлопнулись тяжелые деревянные ворота. Никто больше не выйдет. Тень стал спускаться по склону — шаг за шагом — к узкому шотландскому озерцу, лоху.

Дойдя до кромки воды, он остановился и, рухнув на колени, насколько мог мягко опустил лысого человека на траву.

Услышав за спиной грохот, он оглянулся на вершину холма.

Дом горел.

— Как он? — спросил женский голос.

Тень повернулся. Она стояла по колено в воде. Мать монстра шла к берегу.

— Не знаю, — честно ответил Тень. — Он ранен.

— Вы оба ранены, — сказала она. — Вы сами весь в крови и синяках.

— Да, — согласился Тень.

— И все же он не мертв. Неплохо для разнообразия.

Выйдя на берег, она села, положив себе на колени голову сына. Достав из сумочки пачку носовых платков, вытащила один, плюнула на него и начала яростно скрести лицо сына, стирая кровь.

Пламя над домом на холме теперь уже ревело. Тень даже не представлял себе, что от горящего здания может быть столько шума.

Старая дама подняла глаза к небу. Издала горловой, похожий на смешок звук, потом покачала головой.

— Знаете, — сказала она, — а ведь вы их впустили. Они так долго были заперты за гранью этого мира, а вы их впустили.

— Это хорошо? — спросил Тень.

— Не знаю, голубчик, — сказала старая дама и снова покачала головой. Она тихонько напевала сыну, словно он был еще маленьким мальчиком, и, послюнив носовой платок, промокала ему раны.

Тень стоял голый у кромки воды, но жар от горящего здания обдавал спину теплом. Он смотрел, как пламя отражается в стеклянной поверхности лоха.

Всходила желтая луна.

Синяки и раны начинали болеть. Завтра боль будет еще сильнее.

За спиной — шаги по траве. Он поднял глаза.

— Привет, Смити, — сказал Тень.

Смит поглядел на троих у воды.

— Тень, — сказал он, покачав головой. — Тень. Тень, Тень, Тень, Тень. Исход должен был быть совсем иным.

— Извините, — отозвался Тень.

— Это доставит столько хлопот мистеру Элису, — сказал Смит. — Те люди были его гости.

— Это были звери, — возразил Тень.

— Может, и так, — сказал Смит, — но это были богатые и влиятельные звери. А теперь придется позаботиться о вдовах и сиротах и еще бог знает о чем. Мистер Элис будет недоволен. — Он произнес это как судья, выносящий приговор.

— Вы ему угрожаете? — поинтересовалась старая дама.

— Я не угрожаю, — бесстрастно ответил Смит.

Она улыбнулась;

— А вот я угрожаю. Если вы или жирный сукин сын, на которого вы работаете, причините хотя бы какой-то малейший вред этому молодому человеку, вам же будет хуже. — Тут она улыбнулась, показав острые зубы, и Тень почувствовал, как волосы у него на затылке встают дыбом. — Есть вещи пострашнее смерти, — сказала она. — И мне известны почти все. Я немолода и слов даром не теряю. Поэтому на вашем месте, — усмехнулась она, — хорошенько бы присматривала за этим мальчиком.

Одной рукой, точно тряпичную куклу она подхватила тело сына, другой крепче прижала к боку сумочку. Потом кивнула Тени и ушла в темно-стеклянную воду. Вскоре она и ее сын уже скрылись под поверхностью озерца.

— Вот черт, — пробормотал Смит.

Тень не сказал ничего.

Смит порылся по карманам. Отыскав кисет с табаком, он свернул себе самокрутку. Прикурил.

— Вот так-то, — сказал он.

— Вот так-то? — переспросил Тень.

— Надо вас, пожалуй, помыть и найти вам какую-нибудь одежду. Иначе до смерти простудитесь. Вы же слышали, что она сказала.

Глава девятая

В тот же вечер в гостинице Тень уже ждал лучший номер. Меньше чем через час после возвращения Тени Гордон-портье принес ему новый рюкзак, коробку с новой одеждой, даже новые ботинки. Вопросов он никаких не задал.

Поверх одежды лежал пухлый конверт.

Тень его разорвал. В конверте оказались его паспорт (слегка обгоревший), его бумажник и деньги: несколько перетянутых красными резинками пачек новых пятидесятифунтовых банкнот.

«Деньжонки текут ручьем!» — без удовольствия подумал Тень и попытался — без особого успеха — вспомнить, где слышал эту песню.

Он долго лежал в ванне, отмачивая синяки.

Потом спал.

Утром он оделся и по ведущей от порога гостиницы дороге поднялся на холм. Он был уверен, что на вершине есть каменный дом с лавандой в саду полосатая обеденная стойка из сосны и пурпурный диван, но сколько он ни искал, никакого жилья на холме не было, даже признаков того, что здесь хоть когда-то было что-то, помимо

травы и тернового куста.

Он позвал ее по имени, но никто ему не ответил, только налетел с моря ветер и принес с собой первое обещание зимы.

И все же, когда он вернулся к себе в номер, она ждала его. В своем коричневом пальто она сидела на кровати, пристально рассматривая ногти. Когда он отпер дверь и вошел, она не подняла головы.

— Привет, Дженни, — сказал он.

— Привет, — отозвалась она. Ее голос прозвучал очень тихо.

— Спасибо, — сказал Тень. — Ты спасла мне жизнь.

— Ты позвал, — тускло ответила она. — Я пришла.

— Что-то не так?

Тут она на него поглядела.

— Я могла бы быть твоей. — В глазах у нее стояли слезы. — Я думала, что ты полюбишь меня. Может быть. Когда-нибудь.

— Что ж. Быть может, мы могли бы узнать. Завтра мы могли бы пойти вместе вдоль берега. Только, боюсь, недалеко. Физически я не в лучшей форме.

Она покачала головой.

Самое странное, подумалось Тени, что она уже больше не походила на человека: она выглядела как то, чем и являлась — как дикое существо, создание леса. На кровати, под ее пальто, дернулся и затих хвост. Она была очень красива, и он поймал себя на том, что очень, очень ее хочет.

— Беда хульдр, — сказала Дженни, — пусть даже забравшейся далеко-далеко от своего дома, в том, что если не хочешь быть одинокой, то должна любить мужчину.

— Так люби меня. Останься со мной, — сказал Тень и добавил: — Пожалуйста.

— Но ведь ты, — с печальной окончательностью возразила она, — не человек.

Она встала.

— Однако, — сказала она, — все меняется. Теперь я, возможно, смогу вернуться домой. Проведя здесь тысячу лет, я даже не знаю, помню ли я норвежский язык.

Взяв его большую руку в маленькие свои, способные гнуть стальные прутья, способные раздавить в песок камни, она нежно сжала его пальцы. А после ушла.

Тень остался в гостинице еще на день, а потом сел на автобус до Турсо, а оттуда на поезд до Ивернесса.

В поезде он заснул, но ему ничего не приснилось.

Когда он проснулся, на банкетке рядом с ним сидел мужчина. Мужчина с лицом жестким, как лезвие топора, читал книгу в бумажной обложке. Увидев, что Тень проснулся, он ее закрыл. Тень глянул на обложку: «Трудность бытия» Жана Кокто.

— Хорошая книга? — спросил Тень.

— Ничего, нормальная, — ответил Смит. — Тут сплошь эссе. Предполагается, что они очень личные, но создается такое впечатление, что всякий раз, когда он невинно поднимает глаза и говорит: «Это все я», перед тобой какой-то двойной блеф. Но «Belle et la Bete»[146] мне понравился. Когда я его смотрел, мне казалось, я к нему ближе, чем когда читаю его откровения,

— Тут все на обложке, — сказал Тень.

— Вы о чем?

— Трудность быть Жаном Кокто.

Смит почесал нос.

— Вот, прочтите. — Он протянул Тени газету «Скотсмен»[147]. — На девятой странице.

---

[146] notes: 146
«Красавица и чудовище»

[147] notes: 147
«Шотландец»

Внизу девятой страницы была небольшая заметка: отошедший от дел врач покончил жизнь самоубийством, Тело Гаскелла нашли в его машине, припаркованной на стоянке для пикников у прибрежного шоссе. Он проглотил тот еще коктейль из обезболивающих, залив его почти полной бутылкой «Лагавулина».

— Мистер Элис не переносит, когда ему лгут, — сказал Смит. — Особенно наемные работники.

— Про пожар там что-нибудь есть? — спросил Тень.

— Какой пожар?

— И то верно.

— Но я нисколько бы не удивился, узнав, что в ближайшие несколько месяцев сильных мира сего станут вдруг преследовать всякие несчастья. Автокатастрофы. Аварии поездов. Может быть, даже самолет упадет. Убитые горем вдовы, сироты и возлюбленные. Очень грустно.

Тень кивнул.

— Знаете, — продолжал Смит, — мистер Элис очень беспокоится о вашем здоровье. Он волнуется. Я тоже волнуюсь.

— Вот как? — переспросил Тень.

— На все сто. Я хочу сказать, вдруг с вами что-то случится, пока вы в нашей стране? Может, через

дорогу не в том месте перейдете. Пачку денег покажете не в том пабе. Мало ли что? Проблема в том, что, если вы пострадаете, то — как там ее зовут? — мамаша Гренделя может неверно это понять,

— Ну и?..

— И мы считаем, что вам лучше уехать из Англии. Так ведь для всех будет безопаснее, правда?

Некоторое время Тень молчал. Поезд начал замедлять ход.

— Ладно, — сказал Тень наконец.

— Это моя станция, — сказал Смит. — Я тут выхожу. Мы закажем вам билет — разумеется, первым классом, Куда бы вы ни направились. Билет в один конец. Только скажите, куда хотите поехать.

Поезд остановился. Не станция даже, маленький полустанок, как будто посреди нигде. У перрона, на жиденьком солнышке был припаркован большой черный автомобиль. Стекла в окнах были затемненные, и Тень не смог разглядеть, кто в нем.

Опустив окно купе, мистер Смит открыл снаружи дверь вагона и ступил на платформу. Потом повернулся, чтобы через открытое окно погля-

деть на Тень.

— И?..

— Думаю, — сказал Тень, — я несколько недель погуляю по Англии, посмотрю местность. Вам придется просто молиться, чтобы, переходя улицу, я смотрел по сторонам.

— А потом?

И тут Тень понял. Возможно, он с самого начала это знал.

— В Чикаго, — сказал он Смиту, когда поезд дернулся и начал отъезжать от станции. Произнося эти два слова, Тень почувствовал себя старше. Но нельзя же откладывать это вечно.

А потом добавил так тихо, что слышать мог только он один:

— Наверное, я возвращаюсь домой.

Вскоре пошел дождь: огромные капли разбивались о стекла, по окнам хлестали серые струи, отчего весь мир расплывался пятнами серого и зеленого. В пути на юг Тень сопровождали утробные раскаты грома. Ворчала гроза, выл ветер, молнии отбрасывали на небо гигантские тени, и в их обществе Тень понемногу начал чувствовать себя не таким одиноким.

Сыновья Ананси

Посвящение

Сами знаете, как это бывает. Выбираете книгу, открываете на странице с посвящением и обнаруживаете, что снова автор посвятил свое детище кому-то еще, а не вам.

Но не на сей раз.

Потому что мы еще не знакомы, или знакомы лишь шапочно, или просто без ума друг от друга, или слишком давно не виделись, или состоим в отдаленном родстве, или никогда не встретимся, но тем не менее надеюсь, всегда будем думать друг о друге с нежностью…

Эта книга для вас.

Сами знаете, с чем, и скорее всего знаете, за что.

ПРИМЕЧАНИЕ. Автору хотелось бы воспользоваться возможностью снять шляпу перед тенями Зоры Нил Херстон, Торна Смита, П.Г. Вудхауза и Фредерика «Текса» Эйвери.

Глава первая, в которой рассказывается об именах и делах семейных

Как и почти все на свете, эта история началась с песни.

В конце концов, в начале ведь были слова, а что они без мелодии? Вот как был создан мир, как разделили пустоту, как появились на свет страны и звезды, сны и малые боги и звери.

Их спели.

Великие чудища были выпеты после того, как Великий Певец покончил с планетами и холмами, деревьями и океанами, и зверьми поменьше. Отвесные скалы на краю мироздания были выпеты, а за ними — охотничьи угодья, а после — тьма.

Песни никуда не исчезают. Они прочнее времени. Подходящая песня способна выставить на посмешище императора и свергнуть династию. Песня может протянуть еще долго после того, как превратились в прах и сны события и люди, про которых в ней говорилось. Такова сила песен.

Песнями можно сделать многое. Они не только

творят миры или изменяют бытие. Отец Толстого Чарли Нанси, например, просто использовал их, чтобы провести — как он ожидал и надеялся — чудесный вечерок с друзьями.

Пока не явился отец Толстого Чарли, бармен считал, что затея с караоке обернется полнейшим провалом, но потом в зал скользящей походкой вошел старичок, протанцевал мимо стола нескольких свежеобгорелых блондинок с улыбками туристок, которые сидели возле маленькой импровизированной сцены в углу. Здороваясь с ними, он приподнял шляпу (да, да, на нем и впрямь была шляпа, новенькая зеленая шляпа с широкими полями, а еще лимонно-желтые перчатки), а после присел за их столик.

— Хороший вечер, дамы? — спросил он.

Они же только захихикали и ответили, мол, да, они развлекаются, спасибо, и вообще они тут в отпуске. А он им:

— Сейчас станет еще веселее, помяните мое слово.

Он казался старше их, много, много старше, но был само обаяние: человек ушедшей эпохи, когда обходительные манеры еще чего-то стоили. Бармен расслабился. Когда в баре такой человек, вечер удастся.

Потом пели под караоке. Танцевали. Старик тоже поднимался петь на импровизированную сцену. И не один раз, а дважды. У него был хороший голос, прекрасная улыбка и ноги, которые так и мелькали, когда он танцевал. Выйдя в первый раз, он спел «Что нового, киска?». А когда вышел во второй, то испоганил жизнь Толстому Чарли.

Толстый Чарли был толстым всего лет пять: с почти десяти — когда его мать объявила на весь свет, что с одним и только одним она покончила раз и навсегда (и если у означенного негодяя есть возражения, то он сами знаете куда может их засунуть), а именно с семейной жизнью с престарелым козлом, за которого ей не посчастливилось выйти замуж, и что утром она уезжает далеко-далеко и лучше бы ему не пытаться ее разыскивать — до четырнадцати, когда Толстый Чарли чуть подрос и стал понемногу заниматься спортом. Он не был толстым. Правду сказать, он даже пухлым не был, просто чуть рыхлым и бесформенным. Но прозвище «Толстый» прилипло, как жвачка к подошве кроссовки. Он представлялся как Чарльз или (когда ему было двадцать с небольшим) Чаз, или письменно Ч.Нанси, но без толку: кличка выползала словно из ниоткуда, проникала в

новую часть его жизни, как тараканы из-за холодильника в новенькую кухню, и хочешь не хочешь (а Чарли не хотел) он опять становился Толстым Чарли.

А виной тому (вопреки всей логике, Чарли был в этом уверен) отец, ведь когда он давал кому-то или чему-то прозвище, оно приставало намертво.

Жил один пес, через дорогу от дома во Флориде, где прошло детство Толстого Чарли. Это был каштановый боксер, с длинными ногами, остроконечными ушами и с мордой такой, будто щенком налетел с разбегу на стену. Голову он держал высоко, обрезок хвоста — пистолетом. С первого взгляда видна, перед вами аристократ среди собак. Его возили на выставки. У него были розетки «Лучший в породе» и «Лучший в классе» и даже одна «Лучший на выставке». Этот пес носил гордое имя Кэмпбеллс Макинрори Арбутнот Седьмой, а владельцы, когда решались на фамильярность, звали его Кэмп. Так продолжалось до того дня, когда отец Толстого Чарли, попивая пиво в облупившемся кресле-качалке на крыльце, заметил, как пес лениво бегает по соседскому двору на цепи, которая смещалась по веревке от пальмы до заборного столба.

— Вот так Гуфи! — воскликнул отец Толстого Чарли. — Надо же, какой дурашливый пес! Вылитый дружок Дональда Дакка из мультика. Эй, Гуфи!

И реальность «Лучшего на выставке» пса внезапно сдвинулась и вывихнулась. Толстый Чарли словно бы взглянул на него отцовскими глазами, и черт бы его побрал, если перед ним не самый дурашливый на свете, разгуфийный пес. Почти плюшевый.

Прошла неделя, и прозвище распространилось по всей улице. Владельцы Кэмпбеллса Макинрори Арбутнота Седьмого с ним боролись, но с тем же успехом могли бы встать на пути урагана. Совершенно незнакомые люди гладили некогда гордого боксера по голове и говорили: «Привет, Гуфи. Как дела, дружок?» Вскоре владельцы перестали записывать пса на выставки. Просто духу не хватало. «Как он похож на собачку из мультика», — говорили судьи.

Да уж, отец Толстого Чарли давал такие прозвища, что они прилипали намертво.

И это в нем было еще далеко не самое худшее.

За годы детства у Толстого Чарли набрался целый ряд кандидатов на роль «самого худшего»: оценивающий взгляд и не менее предприимчи-

вые пальцы (здесь речь обычно шла о молодых дамах со всей округи, которые жаловались маме Толстого Чарли, и тогда бывали ссоры), тонкие черные сигариллы, которые он называл черуттами и запах которых льнул ко всему, чего бы он ни касался, его пристрастие к странно шаркающей чечетке, модной (как подозревал Чарли) с полчаса в Гарлеме середины двадцатых; его полнейшее и неукротимое невежество относительно всего, что творится в современном мире, в сочетании с твердой убежденностью, что сериалы — это получасовые «окна» в перипетии жизней реальных людей. На взгляд Чарли, каждую мелочь в отдельности еще нельзя было квалифицировать как «худшее», но все вносили свой вклад в общую картину.

Наихудшим же в нем было самое простое: Чарли постоянно его стеснялся. Разумеется, все стесняются своих родителей. А как же иначе? В природе родителей стеснять детей самим фактом своего существования, так же как в природе детей сжиматься от конфуза и стыда, если родители хотя бы заговаривают с ними на улице.

И, конечно же, отец Чарли возвел это в искусство и упивался им, как наслаждался розыгрышами всех мастей, от простых (Толстый Чарли

никогда не забудет, как увидел однажды утром в зеркале американский флаг, нарисованный зубной пастой у себя на физиономии) до невообразимо сложных.

— Например? — спросила однажды вечером невеста Толстого Чарли Рози.

Толстый Чарли, обычно избегавший разговоров о своем отце, как раз пытался (довольно сбивчиво) объяснить, почему приглашать его отца на их будущую свадьбу чудовищно плохая идея. Они сидели в небольшом кафе в Южном Лондоне. Толстый Чарли давно уже пришел к выводу, что четыре тысячи миль плюс Атлантический океан — самое подходящее расстояние между ним и его родителем.

— Ну… — протянул Толстый Чарли.

И в памяти у него возникла череда унижений, от каждого из которых даже сейчас невольно поджимались пальцы на ногах. Он выбрал только одну историю.

— Понимаешь, когда я в десять лет перешел в другую школу, отец без устали твердил, как в детстве всегда ждал Дня Президента, потому что есть такой закон, по которому дети, приходящие на занятия в костюме любимого президента, получают большой мешок конфет.

— Какой забавный закон! — улыбнулась Рози. — Жаль, у нас в Англии ничего такого нет.

Рози никогда не уезжала из Соединенного Королевства — если не считать каникул, когда она ездила в дешевый молодежный тур на какой-то остров, расположенный (она почти не сомневалась) в Средиземном море. Пусть она не слишком хорошо разбиралась в географии, у нее были теплые карие глаза и доброе сердце.

— Это не забавный закон, — буркнул Толстый Чарли. — Такого закона вообще не существует. Он его придумал. В большинстве штатов занятия в День Президента вообще отменены, а где нет, нет и традиции ходить в школу в костюме любимого президента. И никакой принятый конгрессом закон не предписывает дарить детям мешок конфет, и твою популярность в последующие годы, до самого конца школы не определяет исключительно то, в какого президента ты вырядишься. Середнячки будто бы одеваются в кого попроще, в линкольнов и вашингтонов или джефферсонов, но те, кому суждено стать популярным, вот эти приходят как Джон Квинси Адамс, или Уоррен Гамалиель Хардинг, или еще кто-нибудь в том же духе. И нельзя загодя обсуждать свой костюм, поскольку это приносит неудачу. Или, точнее, не

приносит, но он так сказал.

— И мальчики, и девочки одеваются в президентов?

— А? Да, и мальчики, и девочки. Поэтому я целую неделю перед Днем Президента провел, читая все, что есть о президентах во «Всемирном альманахе», стараясь выбрать самого подходящего.

— И ты не заподозрил, что он тебя дурачит? Толстый Чарли покачал головой.

— Стоит папочке за тебя взяться, такое даже в голову не придет. Он лучший лжец на свете. Такая сила убеждения!

Рози отпила глоток шардоне.

— Ив кого ты нарядился?

— В Тафта. В двадцать седьмого президента. На мне был коричневый костюм, который отец где-то выкопал, штанины пришлось закатать, а спереди затолкать подушку. Еще у меня были нарисованные усы. Отец сам в тот день повел меня в школу. Я пришел такой гордый. Остальные ребята только улюлюкали и показывали на меня пальцами, и в какой-то момент я просто заперся в уборной для мальчиков и заплакал. Пойти домой переодеться мне не позволили. Пришлось весь день так проходить. Это был сущий ад.

— Надо было что-нибудь придумать, — откликнулась Рози. — Мол, после уроков ты идешь на маскарад или еще что-нибудь. Или просто сказать правду.

— Ну да, — многозначительно и мрачно протянул Толстый Чарли, вспоминая.

— И что сказал твой папа, когда ты вернулся домой?

— Ах он? Он пополам согнулся от смеха. Давился и хихикал. А потом сказал, что, наверное, от маскарада на День Президента уже отказались. А еще, мол, хватит дуться, пора идти на пляж искать русалок.

— Искать… русалок?

— Мы спускались на пляж и ходили вдоль кромки воды, и он вел себя так, что любого бы вогнал в краску: то начинал вдруг, петь или выделывал шаркая какие-нибудь коленца, то просто заговаривал с людьми. С совершенно незнакомыми людьми, с первыми встречными! Мне было так неловко… Вот только он говорил, что в Атлантическом океане живут русалки, и если я буду смотреть внимательно, то углом глаза обязательно какую-нибудь увижу. «Вот там! — восклицал он. — Видел? Рыжая красавица с зеленым хвостом». А я все смотрел и смотрел,

но ничего не видел.

Он покачал головой. Потом взял из мисочки на столе горстку орехов ассорти и стал забрасывать по одному в рот, с силой раздавливая зубами, будто каждый был унижением двадцатилетней давности, которое ни за что не стереть.

— Брось, — весело сказала Рози. — Судя по всему, он занятный тип. Обязательно надо будет позвать его на свадьбу. Он станет душой праздника.

А вот это, объяснил Толстый Чарли, едва не подавившись бразильским орехом, последнее, чего бы ему хотелось, — чтобы объявился его отец и стал душой праздника. Он не сомневается, больше, чем отца, ему не придется стесняться никого на всем белом свете. И добавил, что был бы совершенно счастлив еще сто лет не видеть старого козла и что самое лучшее, что сделала его мать, это ушла от него и переехала жить к тете Альме в Англию. Свое утверждение он подкрепил, категорически заявив, что будь он проклят, дважды проклят и, вполне возможно, даже трижды проклят, если пригласит отца. На деле, завершил Толстый Чарли, самое лучшее в браке то, что можно не приглашать отца на свадьбу.

Тут Толстый Чарли увидел выражение лица

Рози и стальной блеск в обычно ласковых глазах и поспешил исправиться, объяснив, что имел в виду второе самое лучшее, но было уже слишком поздно.

— Привыкай к мысли, — посоветовала Рози. — В конце концов свадьба — самое лучшее время залечивать старые раны. Это твой шанс показать ему, что не держишь на него зла.

— Но я же держу! — возразил Толстый Чарли. — Еще как держу!

— У тебя есть его адрес? — спросила Рози. — Или номер телефона? Тебе, наверное, следует ему позвонить. Когда женится единственный сын, письмо выглядит как-то безлично… Ведь ты его единственный сын, верно? Электронная почта у него есть?

— Да. Я его единственный сын. И я понятия не имею, есть ли у него электронная почта. Скорее всего нет.

«Письмо — это хорошо, — подумал Толстый Чарли. — Как минимум его могут потерять на почте».

— Так у тебя есть адрес или номер телефона?

— У меня нет, — честно ответил Толстый Чарли. Может, отец переехал? Мог же он перебраться из Флориды куда-нибудь, где нет ни телефонов,

ни адресов?

— А у кого есть? — проницательно спросила Рози.

— У миссис Хигглер, — сказал Толстый Чарли и совсем пал духом.

— И кто такая миссис Хигглер? — ласково улыбнулась Рози.

— Друг семьи. Когда я был маленьким, она жила по соседству.

Он разговаривал с миссис Хигглер несколько лет назад, когда умирала мама. По просьбе матери он позвонил миссис Хигглер, чтобы она передала отцу Толстого Чарли, что дело плохо, и попросила, чтобы он с ней связался. Несколько дней спустя на автоответчике Толстого Чарли появилось сообщение, оставленное, пока он был на работе. Голос был, безусловно, отцовский, хотя и довольно старческий и чуточку пьяный. Отец сказал, что время неподходящее и что дела удерживают его в Америке. А после добавил, что, несмотря ни на что, мать Толстого Чарли чертовски хорошая женщина. Несколько дней спустя в палату доставил и вазу с полевыми цветами. Прочитав приложенную карточку, мать Толстого Чарли фыркнула.

— Он думает, что я так сразу размякну? — во-

просила она в пространство. — Придется ему крепко подумать. Уж ты мне поверь.

Но вазу велела поставить на почетное место у кровати и с тех пор несколько раз спрашивала Толстого Чарли, не слышал ли он что-нибудь? Не собирается ли отец навестить ее перед концом?

Толстый Чарли отвечал, что ничего не знает. Понемногу он начал ненавидеть и ее вопросы, и свои ответы, и выражение на ее лице, когда он снова и снова повторял, мол, нет, отец не приедет.

Самым худшим днем, по мнению Чарли, был тот, когда низенький мрачный врач отвел его в сторону и сказал, что осталось недолго, что его мать быстро уходит и их задача облегчить ей последние дни.

Кивнув, Толстый Чарли отправился к матери. Держа его за руку, она как раз спрашивала, не забыл ли он оплатить ее счета за газ, когда в коридоре начался какой-то переполох: грохот и шум, топот и бряцанье, барабанный бой и литавры, короче, все те звуки, какие обычно не услышишь в больнице, где таблички на лестницах требуют соблюдать тишину, а ледяные взгляды медсестер и санитарок вынуждают к повиновению.

Шум становился все громче.

В какой-то момент Толстый Чарли решил, что это террористы. А вот его мать слабо улыбнулась какофонии.

— Желтая птица, — прошептала она.

— Что? — переспросил Толстый Чарли, испугавшись, что она теряет рассудок.

— «Желтая птица», — повторила она громче и тверже. — Они играют «Желтую птицу».

Подойдя к двери, Толстый Чарли выглянул наружу.

По больничному коридору, не обращая внимания на протесты сестер, ошеломленные взгляды пациентов в пижамах и их родных, шел очень маленький новоорлеанский джаз-банд. Тут были саксофонист и трубач. Тут был огромный детина, тащивший контрабас, туг был человечек с большим барабаном, в который он бил. И во главе этой оравы, в щегольском клетчатом костюме, фетровой шляпе и лимонно-желтых перчатках вышагивал отец Толстого Чарли. Ни на каком инструменте он не играл, но отплясывал степ по затертому больничному линолеуму, приподнимал шляпу перед каждой нянечкой и сестрой, пожимал руки всем, кто оказывался достаточно близко, чтобы заговорить и пожаловаться.

Прикусив губу, Толстый Чарли взмолился всем

силам небесным, кто мог бы его услышать, чтобы земля разверзлась и поглотила его, а если нет, то пусть с ним случится быстрый, милосердный и бесконечно фатальный сердечный приступ. Не повезло. Он остался в живых, начищенная медь неуклонно приближалась, отец танцевал, пожимал руки и улыбался.

«Если есть на свете справедливость, — подумал Толстый Чарли, — отец пройдет дальше по коридору. Мимо нас. Прямо в урологическое отделение». Но на свете нет справедливости, и у двери в онкологическую палату отец остановился.

— Толстый Чарли, — сказал он так громко, что все в отделении, на этаже, в целой больнице поняли, что Толстый Чарли знает этого человека. — Посторонись, Толстый Чарли. Твой отец пришел.

Толстый Чарли посторонился. Возглавляемый отцом джаз-банд змеей потянулся к кровати матери. Когда он приблизился, она подняла глаза и улыбнулась.

— «Желтая птица», — слабо сказала она. — Моя любимая песня.

— Что бы я был за человек, если бы забыл? — спросил отец Толстого Чарли.

Мать медленно качнула головой и, протянув

руку, сжала его пальцы в лимонно-желтой перчатке.

— Прошу прощения, эти люди с вами? — вмешалась невысокая блондинка с планшеткой.

— Нет, — ответил Толстый Чарли, щеки у него пылали. — Честное слово. Нет.

— Но это же ваша мать, верно? — Женщина смерила его взглядом василиска. — Будьте добры, сделайте так, чтобы они немедленно освободили палату, и, пожалуйста, без дальнейшего нарушения покоя.

Толстый Чарли сбивчиво забормотал.

— Что вы сказали?

— Я сказал, я почти уверен, что ничего не могу поделать, — внятно произнес Толстый Чарли.

Он утешал себя, что хуже уже не будет, но тут отец забрал у барабанщика пластиковый пакет и начал доставать из него банки с элем и раздавать их… музыкантам, нянечкам и пациентам. А после он закурил черутту.

— Прошу прощения, — сказала женщина с планшеткой, а увидев дым, стартовала через комнату, нацелясь на отца Толстого Чарли как боеголовка «земля-земля» с часиками на цепочке.

Толстый Чарли воспользовался шансом улизнуть. Это казалось самым мудрым.

Вечером он сидел и ждал, когда раздастся телефонный звонок или стук в дверь. Точно так же осужденный стоит на коленях под гильотиной и ждет, когда почувствует холодок от лезвия на шее. Но ничего не происходило. Всю ночь он почти не смыкал глаз и наутро проскользнул в больницу, готовясь к худшему.

Такой счастливой и здоровой мать выглядела впервые за многие месяцы.

— Он уехал, — объяснила она Толстому Чарли. — Не смог остаться. Должна сказать, Чарли, мне очень жаль, что ты ушел. Мы устроили вечеринку. Мы на славу повеселились.

Толстый Чарли не мог вообразить себе ничего хуже, чем вечеринка в палате для больных раком, вечеринка, которую устроил его отец со своим джаз-бандом, но промолчал.

— Он не плохой человек, — сказала мама Толстого Чарли, озорно блеснув глазами. Потом нахмурилась. — Нет, это не совсем верно. Он совершенно точно не хороший человек. Но вчера вечером он принес мне уйму пользы.

Тут она улыбнулась настоящей радостной улыбкой и на мгновение снова стала молодой.

В дверях стояла вчерашняя блондинка с планшеткой, которая теперь поманила Толстого

Чарли пальцем. Ползя со скоростью улитки через палату, он начал шепотом извиняться, еще будучи вне пределов слышимости. Но, подойдя поближе, сообразил, что вид у блондинки вовсе не как у василиска с желудочной коликой. Теперь она выглядела шаловливым котенком.

— Ваш отец, — начала она.

— Извините, пожалуйста, — выпалил Толстый Чарли, как делал это в детстве всякий раз при упоминании отца.

— Нет, нет, — откликнулась бывшая василиск. — Не за что извиняться. Мне просто интересно… Ваш отец… На случай, если нам понадобится с ним связаться… В карте нет ни телефона, ни адреса. Мне следовало бы спросить вчера, но совершенно вылетело из головы.

— Сомневаюсь, что у него есть телефон, — сказал Толстый Чарли. — Чтобы его найти, лучше всего слетать во Флориду и проехать по шоссе A1. Это прибрежное шоссе, которое идет вдоль всего полуострова. После полудня вы, возможно, застанете его за рыбалкой с моста. Вечером он будет в баре.

— Такой обаятельный мужчина, — мечтательно протянула она. — Чем он занимается?

— Я же вам сказал. Он называет это чудом хлеба

насущного.

Блондинка посмотрела на него недоуменно, и Толстый Чарли почувствовал себя глупо. Когда эти слова произносил отец его, собеседники смеялись.

— Э-э-э… Как в Библии. Чудо хлебов и рыб. Папа обычно говорил, что просто рыбачит, и истинное чудо, что ему удается добывать себе на хлеб. Шутка, понимаете?

Ответом ему стал затуманенный взгляд.

— Да, — протянула блондинка. — У него такие смешные шутки. — Потом она щелкнула языком и снова стала сама деловитость. — Итак, вы нужны мне здесь в половине шестого.

— Зачем?

— Забрать вашу мать. И ее вещи. Разве доктор Джонсон не сказал вам, что ее выписывают?

— Вы отправляете ее домой?

— Да, мистер Нанси.

— А как же… а как же рак?

— Кажется, была ложная тревога.

Толстый Чарли не мог понять, как это могла быть ложная тревога. На прошлой неделе врачи собирались послать его мать в хоспис. Врач произносил такие фразы, как «недели, не месяцы» и «их задача облегчить ей неизбежный конец».

Тем не менее он вернулся в половине шестого и забрал мать, которая как будто ничуть не удивилась, узнав, что больше не умирает. По дороге домой она сказала, что спустит сбережения на путешествия по миру.

— Врачи говорили, мне осталось три месяца. И точно помню, как, слушая их, я думала, что если когда-нибудь встану с больничной койки, то поеду в Париж и в Рим, и еще куда-нибудь. Вернусь на Барбадос и на Сан Андреас. Возможно, съезжу в Африку. И в Китай. Я люблю китайскую кухню.

Толстый Чарли не понимал, что происходит, но во всем винил своего отца.

Отвезя мать с увесистым чемоданом в аэропорт Хитроу, он помахал ей на прощание в зале международных перелетов. Проходя через контроль, она лучилась улыбками, сжимая в руке паспорт и билеты, и выглядела такой молодой, какой Чарли не помнил ее уже многие годы. Она посылала ему открытки из Парижа и Рима, из Афин и Лаоса или из Кейптауна. В открытке из Нанкина писала, что ей совсем не понравилось то, что тут, в Китае, выдают за китайскую кухню, и она ждет не дождется, когда вернется в Лондон поесть настоящих китайских блюд.

Умерла она во сне, и случилось это в отеле

города Уильямстаун на карибском острове Сан Андреас.

На похоронах в «Крематории Южного Лондона» Толстый Чарли ожидал встретить отца: может, старик устроит грандиозное выступление во главе джаз-банда или по проходу за ним потянется труппа клоунов вперемежку с шимпанзе на трехколесных велосипедах и с сигарами в зубах. Но отца Толстого Чарли тут не было, только подруги и дальние родственницы матери — по большей части крупные женщины в черных шляпах, которые сморкались, прижимали носовые платки к глазам и качали головами.

А когда зазвучат последний псалом, когда была нажата кнопка и мама покатилась по линии конвейера к своему воздаянию после смерти, Толстый Чарли заметил мужчину одних с ним лет, который стоял у задней стены часовни. Совершенно точно не отец. Но кто-то, кого он не знал, даже не заметил бы среди теней, если бы не выискивал глазами отца… И вот пожалуйста, незнакомец в элегантном черном костюме, взгляд опущен, руки сложены.

Толстый Чарли на один лишний момент задержался на нем взглядом, и, подняв голову, незнакомец сверкнул ему безрадостной улыбкой

— на лицах чужих людей такого обычного не увидишь, и все равно Чарли не мог сообразить, кто это. Он отвернулся к алтарю. Там пели «Спускайся вниз, сладкая колесница» (Толстый Чарли был почти уверен, что мать никогда не любила этот псалом), и преподобный Райт пригласил всех к двоюродной бабушке Толстого Чарли Альме немного перекусить. В доме двоюродной бабушки Альмы собрались сплошь знакомые лица.

За годы, прошедшие со смерти матери, он иногда вспоминал про незнакомца. Интересно, кто это был? Зачем приходил в часовню? Временами Толстому Чарли казалось, будто он ему только привиделся…

— Значит, так, — сказала, допив шардоне, Рози, — ты позвонишь своей миссис Хигглер и дашь ей номер моего сотового. Расскажешь ей про свадьбу и когда она будет… Да, кстати. Как по-твоему, следует ее пригласить?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Толстый Чарли. — Только сомневаюсь, что она приедет. Она старый друг семьи, отца знает с незапамятных времен.

— Прозондируй почву. Узнай, не надо ли ей послать приглашение.

Рози была хорошим человеком. В ней было по-

немногу от Франциска Ассизского, Робина Гуда, Будды и волшебницы Глинды Доброй из «Страны Оз», она решила, что примирение любимого с отцом придаст их свадьбе дополнительный смысл. Это уже была не простая свадьба, а практически священная миссия мира, и Толстый Чарли достаточно давно знал Рози, чтобы никогда не вставать между своей невестой и ее потребностью Творить Добро.

— Завтра позвоню миссис Хигглер, — смирился он.

— О! Придумала! — Рози трогательно сморщила носик. — Позвони-ка ты ей сегодня. В Америке ведь еще не так поздно.

Толстый Чарли кивнул. Они вышли из кафе: Рози легкой походкой, Чарли — как приговоренный к виселице. Он уговаривал себя не глупить: может же миссис Хигглер в конце концов переехать или отключить телефон. Все возможно. Все что угодно возможно.

Они пошли к Толстому Чарли, поднялись на второй этаж скромного домика в Максвелл-гарденс рядом с Брикстон-роуд.

— Сколько сейчас во Флориде? — спросила Рози.

— Почти вечер.

— Отлично. Звони же.

— Давай подождем? Что, если она вышла?

— А может, лучше сейчас, пока она не села обедать?

Толстый Чарли отыскал старую бумажную записную книжку и на букву «Х» — обрывок конверта, где почерком матери был записан номер телефона, а под ним — «Каллианна Хигглер».

Телефон звонил и звонил.

— Ее нет дома, — объяснил он Рози, но в этот момент на том конце подняли трубку и женский голос произнес:

— Да? Кто это?

— М-м-м. Это миссис Хигглер?

— Кто это? — повторила миссис Хигглер. — Если вы из треклятого сетевого маркетинга, то немедленно вычеркните меня из списка, не то я подам на вас в суд. Я свои права знаю.

— Нет. Это я. Чарльз Нанси. Я раньше жил по соседству.

— Толстый Чарли? Вот так сюрприз. Я целое утро искала твой телефон. Весь дом вверх дном перевернула и, как по-твоему, нашла? Если хочешь знать, наверное, записала его в какую-нибудь старую книгу расходов. Честное слово, дом вверх дном перевернула. Поэтому сказала себе: Калли-

анна, сейчас самое время просто помолиться и уповать, что Господь тебя услышит и наставит, и потому стала на колени, а они у меня сейчас уже не те, и руки сложила, но все равно твоего номера не нашла, что в какой-то мере даже неплохо, особенно потому, что я не из денег сделана и не могу себе позволить звонить за границу даже по такому случаю, хотя я собиралась тебе позвонить, не волнуйся, учитывая, что случилось…

Тут она остановилась, то ли чтобы перевести дух, то ли чтобы отпить из гигантской кружки обжигающе горячего кофе, которую всегда держала в левой руке, и в мгновение тишины Толстый Чарли поспешил вставить:

— Я хотел пригласить папу на свадьбу. Я женюсь.

На том конце провода воцарилось молчание.

— Но свадьба будет не раньше конца года…

Все равно тишина.

— Ее зовут Рози, — стараясь разрядить напряжение, добавил он.

Толстый Чарли уже начал задумываться, а не оборвалась ли связь: разговоры с миссис Хигглер обычно бывали одно-сторонними, часто она даже произносила реплики за собеседника, а тут дала целых три фразы сказать, не прерывая. Он решил

попробовать четвертую:

— И вы тоже приезжайте, если хотите.

— Господи, господи, господи! — забормотала миссис Хигглер. — Никто тебе не сказал?

— Что?

Тогда она ему объяснила пространно и в подробностях, а он только стоял и ни слова не мог выдавить, а когда она закончила, сказал только:

— Спасибо, миссис Хигглер, — и записал что-то на клочке бумаги. А потом снова: — Спасибо. Нет, честное слово, спасибо, — и положил трубку.

— Ну? — спросила Рози. — Получил его номер?

— Папа на свадьбу не приедет. — А потом: — Мне нужно поехать во Флориду.

Голос у него был пустой и бесчувственный. С тем же успехом он мог бы сказать: «Нужно заказать новую чековую книжку».

— Когда?

— Завтра.

— Зачем?

— На похороны. Моего папы. Он умер.

— Ох! Мне очень жаль. Мне так жаль!

Она обняла его покрепче, а он только стоял как манекен из витрины.

— Как это… как он… он был болен?

Толстый Чарли покачал головой.

— Не хочу об этом говорить.

И Рози обняла его еще крепче, потом сочувственно кивнула и отпустила. Она решила, что он слишком горюет, чтобы говорить о своих чувствах.

Но нет. Совсем нет. Он слишком стеснялся случившегося.

Есть, наверное, сотни респектабельных способов умереть. Например, прыгнуть в реку с моста, чтобы спасти маленького ребенка. Или пасть под градом пуль, единолично штурмуя бандитское гнездо. Совершенно респектабельные способы умереть.

Правду сказать, существуют и не слишком респектабельные способы умереть. Даже эти не так плохи. Спонтанное самовозгорание, например: щекотливо, с точки зрения медицины, и маловероятно, с точки зрения науки, но люди тем не менее упорно самовозгораются, оставляя по себе лишь обугленную руку с зажатой в пальцах недокуренной сигаретой. Толстый Чарли читал про такое в одном журнале и ничего не имел бы против, если бы отца постиг такой конец. Или даже если бы у него случился инфаркт, пока он догонял воров, укравших у него деньги на пиво.

Но нет, отец Толстого Чарли умер не так.

Он рано пришел в бар, начал вечер, спев под караоке «Что нового, киска?». И (по словам миссис Хигглер, которая сама там не присутствовала) исполнил эту песню так, что Тома Джонса эксальтированные дамочки забросали бы нижним бельем, а он только получил дармовое пиво от нескольких блондинок-туристок, которые считали его самым большим очаровашкой, какого только встречали.

— Это они во всем виноваты, — горько сказала по телефону миссис Хигглер. — Это они его подстрекали!

Эти женщины, затянувшие себя в узкие топы на резинке, эти женщины с красноватым загаром от слишком раннего солнца годились ему в дочери.

И потому очень скоро он оказался у них за столиком, курил свои черутты и прозрачно намекал, что во время войны служил в разведке (хотя осторожничал и не говорил, во время какой именно войны) и еще что знает десяток способов голыми руками запросто убить человека. А потом решил покружить по танцполу самую грудастую и блондинистую туристку, пока одна из ее товарок распевала со сцены «Чужие в ночи» Фрэнка Синатры. Он как будто развлекался вовсю, хотя туристка была на голову его выше, так что он

поблескивал ухмылкой на уровне ее бюста.

Покончив с танцем, он объявил, что сейчас опять его очередь. А поскольку он как никто другой был уверен в своей гетеросексуальности, то спел «Я есть, что я есть» всему залу, но особенно самой блондинистой туристке за столиком под сценой. Он выложился вовсю. И как раз собирался объяснить всем вокруг, что, на его взгляд, жизнь ломаного гроша бы не стоила, если бы он не мог сообщить всем и каждому, что собой представляет, когда вдруг скорчил странную гримасу, прижал одну руку к груди, а другую вытянул и повалился (настолько медленно и элегантно, насколько может повалиться мужчина) с импровизированной сцены и на ту самую блондинистую туристку, а с нее на пол.

— Ему всегда хотелось так уйти, — вздохнула миссис Хигглер.

А потом она сказала Толстому Чарли, как последним жестом его отец схватил и дернул вниз что-то, оказавшееся топом без бретелек блондинистой туристки, поэтому сначала все решили, что это он сладострастно нырнул со сцены с единственной целью обнаружить красную от загара грудь. Ведь что же получилось? Вот вам, пожалуйста, она вопит, ее грудь выставлена на

всеобщее обозрение, а на сцене играет «Я есть то, что я есть», только никто под музыку не поет.

Когда зеваки сообразили, что на самом деле произошло, повисло двухминутное молчание, а после отца Толстого Чарли вынесли из бара и положили в машину «скорой помощи» — блондинистая туристка тем временем устраивала истерику в дамской комнате.

Именно голая грудь не шла у Толстого Чарли из головы. В мыслях соски обвиняюще следовали за ним по комнате, как взгляд Джоконды с картины. Ему все время хотелось извиниться перед посетителями бара, которых он в глаза не видел. А от сознания того, что отец счел бы это уморительным, становилось только хуже. Когда тебе стыдно за то, при чем ты даже не присутствовал, тебе становится еще хуже: воображение постоянно приукрашивает события, раз за разом возвращается к ним, снова и снова ворошит их и изучает со всех сторон. Ну с вами, возможно, дело обстоит иначе, а у Толстого Чарли было как раз такое воображение.

От стеснения у Толстого Чарли, как правило, начинали ныть зубы и желудок куда-то проваливался. Если на телеэкране случалось что-то, хотя бы предвещавшее неловкую ситуацию, Толстый

Чарли вскакивал и выключал телевизор. Если это было невозможно (скажем, в комнате он был не один), то он под каким-нибудь предлогом выходил и пережидал, пока неловкая ситуация не разрешится.

Толстый Чарли жил в Южном Лондоне. В возрасте десяти лет он приехал сюда с американским акцентом, за который его безжалостно дразнили, от которого он по мере сил старался избавиться и наконец искоренил все до единой мягкие согласные и раскатистые «р», научившись правильно и к месту употреблять чисто английские междометия. Когда к шестнадцати ему удалось окончательно расстаться с акцентом, его школьные друзья только-только обнаружили, что им необходимо говорить так, будто они из Бруклина. Вскоре все, кроме Чарли, говорили как люди, которые хотят говорить так, как говорил Толстый Чарли, когда только-только приехал в Англию, — вот только он ни за что не произнес бы на публике таких слов, не то мама тут же дала бы ему подзатыльник.

Все дело в тоне.

Когда стеснение от того, как отец окончил свои дни, начало понемногу спадать, Толстый Чарли поймал себя на мысли, что ощущает лишь сосу-

щую пустоту.

— У меня нет семьи, — почти раздраженно сказал он Рози.

— У тебя есть я.

Это вызывало у Толстого Чарли улыбку.

— И моя мама, — добавила Рози, отчего его улыбка разом увяла. Рози поцеловала его в щеку.

— Может, останешься на ночь? — предложил он. — Утешишь меня и так далее.

— Могла бы, — согласилась она. — Но не останусь.

Рози не собиралась спать с Толстым Чарли, пока они не поженятся. Она сказала, что такое решение приняла, когда ей было пятнадцать; нет, конечно, Толстого Чарли она тогда не знала, но решения надо выполнять. Поэтому она его обняла — крепко и надолго. И сказала:

— Хотя бы теперь тебе нужно помириться с отцом, ты же сам знаешь.

И поехала домой.

А он провел беспокойную ночь — то дремал, то просыпался и мучил себя разными вопросами, потом снова проваливался в сон.

Проснулся он на рассвете. Когда люди придут на работу, он свяжется со своим турагентом и спросит про скидки для скорбящих во Флориду,

потом позвонит в «Агентство Грэхема Хорикса» и скажет, что в связи с кончиной родственника берет несколько отгулов и, да, он знает, что это из его отпуска по болезни или из настоящего отпуска. Но пока он был счастлив, что в мире так тихо.

Пройдя по коридору в крошечную пустую комнатенку на задах дома, он посмотрел в сад. Утренний хор уже начался, с ветки на ветку перелетали черные дрозды и воробьи, а на ближайшем дереве сидел одинокий скворец с крапчатой грудкой. Толстый Чарли подумал, что мир, в котором по утрам поют птицы, это нормальный мир, разумный мир, мир, жить в котором приятно.

Позже, когда птицы станут смертельной угрозой, Толстый Чарли еще будет вспоминать то утро как нечто доброе и милое, но и как момент, когда все началось. Мгновение до безумия, до страха.

Глава вторая, в которой рассказывается о том, что иногда случается после похорон

Отдуваясь и щурясь на флоридское солнце, Толстый Чарли пробирался по Мемориальным Садам Успокоения. По пиджаку расползались от подмышек темные пятна, со лба катил пот.

Мемориальные Сады Успокоения действительно напоминали сад, но очень странный: все цветы здесь были искусственными и росли из металлических ваз, в свою очередь, поднимавшихся из вкопанных в землю стальных плит. Толстый Чарли прочел на бегу надпись на одной из них: «БЕСПЛАТНЫЙ похоронный участок для ветеранов, уволенных в запас с почестями!» Он миновал Младенцекрай, где среди искусственных цветов на флоридском газоне торчали разноцветные игрушки-вертушки и сидели отсыревшие голубые и розовые плюшевые мишки. В синее небо бессмысленно смотрел плесневеющий Винни-Пух.

Впереди уже показалась группка людей в трауре, и Толстый Чарли чуть изменил направление, отыскав нужную тропинку, чтобы поскорее до

нее добраться. Вокруг могилы стояли человек тридцать, может, чуть больше. Женщины были в темных платьях и больших черных шляпах с отделкой из черных же кружев — точь-в-точь инопланетные цветы. На от мужчинах — костюмы без пятен пота. Серьезно глядели дети. Толстый Чарли перешел с бега на уважительный шаг, все еще стараясь спешить, но при этом чтобы никто не заметил, что он торопится, и, подойдя к скорбящим, попытался осторожно, не привлекая к себе излишнего внимания пробраться в первые ряды. Учитывая, что к тому времени он пыхтел как кит, который только что вскарабкался на два пролета лестницы, что пот с него лил ручьями и что, протискиваясь, он многим отдавил ноги, его попытка провалилась.

Не только провалилась, но и вызывала свирепые взгляды, которые он постарался проигнорировать. Все пели песню, которую Толстый Чарли не знал. Он кивал головой в такт музыке и пытался шевелить губами, делая вид, что поет по-настоящему, но вполголоса, а может, произносит молитву, а может, у него просто тик. Пением он воспользовался, чтобы заглянуть в могилу, и с удовлетворением увидел, что гроб закрыт.

Гроб был великолепный: из материала, похоже-

го с виду на закаленную сталь и цвета вороненого пистолета. Буде при славном воскрешении, архангел Гавриил затрубит в трубу и мертвые восстанут из могил, подумал Чарли, папочка застрянет у себя в гробу, начнет тщетно биться о крышку, жалея, что его не похоронили с ломом, а еще лучше с ацетиленовой горелкой.

Наконец смолкла последняя мелодичная и протяжная «аллилуйя». В последовавшей за ней тишине Чарли услышал, как кто-то кричит в другом конце кладбища, рядом с воротами, через которые он вошел.

— А теперь кто-нибудь скажет несколько слов в память о дорогом усопшем? — предложил священник.

По лицам тех, кто стоял у самой могилы, очевидно, читалось, что многим есть что сказать. Но Чарли знал: сейчас или никогда. «Тебе нужно помириться с отцом, ты же сам знаешь». Да, верно.

Сделав глубокий вдох, он шагнул вперед и оказался у самого края могилы, где начал:

— М-м… Прошу прощения. Ладно. Думаю, мне нужно кое-что сказать.

Отдаленные крики становились все громче. Кое-кто из пришедших на похороны стал оглядываться, чтобы понять, откуда они раздаются.

Остальные в упор смотрели на Толстого Чарли.

— Мы с отцом никогда не были близки, — начал Толстый Чарли. — Наверное, мы просто не умели. Я на двадцать лет ушел из его жизни, а он — из моей. Нам многое трудно было простить друг другу, но однажды настает день, когда ты оглядываешься вокруг и видишь, что семьи у тебя не осталось. — Он отер ладонью лоб. — Кажется, за всю жизнь я ни разу не говорил «Я люблю тебя, папа». Вы… Вы все, вероятно, знали его лучше меня. Кое-кто из вас, возможно, его любил. Вы были частью его жизни, а я нет. Поэтому мне не стыдно, что кто-либо из вас это услышит. Услышит, как я говорю впервые по меньшей мере за двадцать лет… — Он поглядел вниз, на непроницаемую крышку гроба. — Я люблю тебя, — сказал он. — И я никогда тебя не забуду.

Крики стали еще громче, и в последовавшей за речью Толстого Чарли тишине все разобрали слова, которые кто-то орал с другого конца кладбища:

— Толстый Чарли! Прекрати докучать этим людям и тащи сюда свою задницу! Сейчас же!

Толстый Чарли уставился в море незнакомых лиц, на которых увидел смесь возмущения, недоумения и гнева. Уши у него пылали. Он понял…

— Э-э-э… извините… Ошибся похоронами, — выдавил он.

— Это моя бабушка, — гордо сказал маленький мальчик с огромными ушами и еще большей улыбкой.

Бормоча бессвязные извинения, Толстый Чарли попятился через небольшую толпу. Где же конец света, когда он так нужен? Он понимал, что отец тут не виноват, но знал, что он живот надорвал бы от смеха.

На тропинке, уперев руки в боки, стояла крупная седая женщина с грозовым лицом. Толстый Чарли пошел к ней словно по минному полю, словно ему снова девять лет и он напроказил.

— Ты что, не слышал, как я ору? — вопросила она. — Прошел мимо меня. Оскандалился! Вон туда! — указала она. — Ты пропустил службу и все остальное. Но побросать землю лопатой тебе еще оставили.

За последние два десятилетия миссис Хигглер почти не изменилась, лишь стала чуть толще и чуть больше седины появилось в волосах. Плотно сжав губы, она повела Толстого Чарли по многочисленным дорожкам Садов, а он тем временем думал о том, что произвел не самое лучшее впечатление. И теперь оставалось только позорно

плестись следом. На колышек стального забора в конце Садов Успокоения взбежала ящерка и застыла на самом острие, пробуя язычком душный воздух Флориды. Солнце скрылось за облаком, но стало как будто еще жарче. Ящерица раздула шею ярко-оранжевым шаром.

Журавли на длинных ногах, которых Чарли поначалу принял за садовые украшения, подняли головы, когда они проходили мимо. Один резко дернул шеей, а после поднял клюв, в котором болталась большая лягушка. Чередой глотательных движений он пытался затолкать ее себе в горло, а она упиралась задними лапами и била воздух передними.

— Пойдем, — сказала миссис Хигглер. — Не трать времени попусту. И так скверно, что ты пропустил похороны собственного отца.

Толстый Чарли подавил желание сказать, что за один день он уже преодолел четыре тысячи километров по воздуху, взял напрокат машину и проделал весь путь из Орландо, что съехал с автобана не в том месте, и вообще кто это придумал загнать кладбище за супермаркет на самой окраине города? Они все шли и шли вдоль большого бетонного здания, от которого пахло формальдегидом, пока не достигли открытой

могилы в самом дальнем закутке кладбища. За ней не было ничего, кроме высокого забора, дальше — лишь буйство деревьев, пальм и зелени. В могиле лежал скромный деревянный гроб. На нем уже скопилось несколько горок земли. Рядом с могилой — гора глины и лопата.

Подняв лопату, миссис Хигглер протянула ее Толстому Чарли.

— Неплохая получилась служба, — сказала она. — Явились кое-какие собутыльники твоего отца и все дамы с нашей улицы. Даже когда он переехал в другой квартал, мы не теряли связи. Ему бы служба понравилась. Конечно, еще больше ему бы понравилось, если бы ты тоже присутствовал. — Она покачала головой. — Копай давай. И если у тебя есть что сказать на прощание, можешь говорить, пока закапываешь.

— Я думал, мне полагается бросить всего одну-две лопаты, — сказал он. — Показать, что я готов.

— Я дала тридцать долларов могильщику, чтобы ушел, — объяснила миссис Хигглер. — Сказала, сын усопшего прилетит с другого конца света и захочет сделать папе все как надо. Сделать как надо, а не просто «показать, что готов».

— Ладно, — сказал Толстый Чарли. — Ясно. Усек.

Сняв пиджак, он повесил его на забор. Распустил галстук, стащил его через голову и затолкал в карман пиджака. А потом начал кидать лопатой в открытую могилу глину и черную землю, а кругом дрожал от жара густой, как похлебка, воздух Флориды.

Некоторое время спустя заморосило, только дождь все не мог решить, пойти ему или нет. Когда едешь под таким в машине, никак не можешь понять, включать ли дворники. А когда под таким работаешь лопатой, то просто еще больше потеешь, сыреешь и тебе становится еще больше не по себе. Чарли все копал, миссис Хигглер стояла, скрестив руки на колоссальной груди, а почти дождь туманом обволакивал ее черное платье и соломенную шляпу с одинокой шелковой розой.

Земля и глина раскисли и превратились в грязь. Стали еще более тяжелыми.

Прошла, казалось бы, целая жизнь (и притом не слишком приятная), но, наконец, Толстый Чарли прихлопал лопатой последнюю горсть земли.

Миссис Хигглер подала ему пиджак, который сняла с забора.

— Ты промок до нитки, вспотел и перепачкался, но, кажется, повзрослел. Добро пожаловать домой, Толстый Чарли, — сказала она, улыбнулась

и прижала к необъятной груди.

— Я не плачу, — ответил Толстый Чарли.

— Ну же, ну, — сказала миссис Хигглер.

— Это дождь у меня на лице, — объяснил Толстый Чарли.

Миссис Хигглер молчала. Просто обнимала его и раскачивалась из стороны в сторону, и некоторое время спустя Толстый Чарли сказал:

— Все в порядке. Мне уже лучше.

— Еда у меня в доме, — сказала миссис Хигглер. — Давай тебя накормим.

На стоянке он вытер грязь с ботинок, потом сел в свою серую арендованную машину и последовал за седаном (ужасного брюквенного цвета) миссис Хигглер по улицам, которых двадцать лет назад вообще не существовало. Миссис Хигглер водила как человек, который только что обнаружил, что где-то впереди его ждет вожделенная огромная кружка свежесваренного кофе, поэтому Чарли изо всех сил старался не отставать, несся от светофора к светофору и при этом пытался сообразить, где, собственно, находится.

А потом они свернули на какую-то улицу, и со все растущим дурным предчувствием Чарли понял, что узнает ее. На этой улице он жил ребенком. Даже дома выглядели более-менее

знакомыми, хотя у многих перед палисадниками выросли внушительные заборы из стальной сетки.

Перед домом миссис Хигглер уже стояло несколько машин. Толстый Чарли пристроился за престарелым «фордом». Подойдя к входной двери, миссис Хигглер открыла ее ключом.

Чарли оглядел свой грязный, пропотевший костюм.

— Не могу же я войти в таком виде.

— Я видела и похуже, — сказала миссис Хигглер. Потом потянула носом воздух. — Вот что я тебе скажу: отправляйся прямиком в ванную, там можешь помыть лицо и руки, привести себя в порядок, а когда будешь готов, приходи к нам на кухню.

Толстый Чарли послушно направился в ванную. Там от всего пахло жасмином. Сняв грязную рубашку, он намылил лицо и руки жасминовым мылом над крохотной раковиной. Намочив махровую варежку, вытер себе грудь и как мог отскоблил комья грязи с брюк. Потом посмотрел на рубашку, которую утром надел белой и которая теперь стала редкого оттенка бурой глины, и решил от нее отказаться. В дорожной сумке у него есть свежие, но сумка на заднем сиденье ма-

шины. Лучше просто выскользнуть через черный ход, надеть чистую рубашку и тогда можно будет предстать перед собравшимися на поминки.

Отперев дверь ванной, он ее толкнул.

В коридоре стояли, уставившись на него во все глаза, четыре старушки.

— Что это ты задумал? — спросила миссис Хигглер.

— Сменить рубашку, — отчеканил Толстый Чарли. — В машине рубашка. Да. Скоро вернусь.

Задрав подбородок, он решительно зашагал по коридору к входной двери.

— На каком это языке он говорит? — громко спросила у него за спиной миниатюрная миссис Дунвидди.

— Не каждый день такое увидишь, — сказала миссис Бустамонте, — хотя на Берегу Сокровищ во Флориде что ни день видишь десятки полуголых мужчин и не обязательно в грязных брюках от делового костюма.

Сменив возле машины рубашку, Толстый Чарли вернулся в дом. Старушки на кухне деловито складывали в пластиковые контейнеры остатки, судя по всему, обильного угощения.

Миссис Хигглер была старше миссис Бустамонте, и обе — старше миссис Ноулс, но моложе

миссис Дунвидди. Миссис Дунвидди была старой и выглядела на свои годы. Наверное, существовали геологические эпохи и помладше миссис Дунвидди.

Мальчиком Толстый Чарли воображал себе, как в Экваториальной Африке миссис Дунвидди неодобрительно щурится сквозь толстые линзы очков на едва научившихся ходить гоминидов. «Держись подальше от моего сада, — говорит она едва эволюционировавшему и сильно нервничающему австралопитеку, — не то получишь основательный нагоняй, уж ты мне поверь». От миссис Дунвидди пахло фиалковой водой, за которой чудился запах очень и очень старой женщины. Эта крошечная старушка умела укротить взглядом грозу, и Толстый Чарли, который два десятилетия назад забрался к ней в сад за потерявшимся теннисным мячиком и разбивший украшение ее газона, все еще до смерти ее боялся.

В настоящий момент миссис Дунвидди руками ела куски козлятины в карри из миски.

— Жалко выбрасывать, — объяснила она и положила обсосанные косточки на фарфоровое блюдце.

— Пора тебе поесть, да, Толстый Чарли? — спро-

сила миссис Ноулс.

— Я не голоден. Честное слово.

Четыре пары глаз укоризненно уставились на него поверх четырех пар очков.

— Нет смысла морить себя голодом от горя, — сказала, облизывая пальцы, миссис Дунвидди и выловила еще кусок жирной коричневой козлятины.

— Я не голоден. Просто не голоден. Вот и все.

— Тоска съест тебя изнутри, останутся только кожа да кости, — с мрачным наслаждением сказала миссис Ноулс.

— Сомневаюсь.

— Я тебе много вкусненького припасла. Вон на том столе тарелка стоит, — сказала миссис Хигглер. — Пойди поешь. И больше ни слова. Всего осталось вдоволь, так что не беспокойся.

Толстый Чарли сел, куда сказано, и через минуту перед ним оказалась тарелка, доверху заполненная тушеным горошком и рисом, сладким картофельным пудингом, вяленой свининой, козлятиной и курицей в карри, жареными бананами и маринованной говядиной. Толстый Чарли уже почувствовал приближение изжоги, а ведь еще и куска не проглотил.

— Где все остальные? — спросил он.

— Собутыльники твоего папы пошли пить. Они собираются устроить большую рыбалку с моста в его память. — Миссис Хигглер вылила остатки кофе из своей ведерной походной кружки в раковину, чтобы заменить его дымящейся жидкостью из недавно выкапавшей свое кофеварки.

Дочиста облизав пальцы розовым язычком, миссис Дунвидди прошаркала к столу, где над нетронутой тарелкой сидел Толстый Чарли. Маленьким мальчиком Толстый Чарли искренне верил, что миссис Дунвидди ведьма. И не симпатичная, а такая, которую приходится посадить в печку, чтобы сбежать. Сегодня он увидел ее впервые за двадцать лет и тем не менее с трудом подавил отчаянное желание с визгом забиться под стол.

— Я видела уйму смертей, — сказала миссис Дунвидди. — За мои-то годы. Поживи с мое, своими глазами увидишь. Все однажды умрут, только дайте время. — Она помолчала. — Однако… Никогда бы не подумала, что такое случится с твоим папой. — Она покачала головой.

— Каким он был? — спросил Толстый Чарли. — Когда был молодым?

Миссис Дунвидди поглядела на него через толстые, очень толстые линзы и, поджав губы,

покачала головой.

— Меня тогда еще не было, — сказала она. — Ешь свою говядину.

Вздохнув, Толстый Чарли взялся за еду.

Сгущались сумерки, все разошлись.

— Где ты собираешься ночевать? — спросила миссис Хигглер.

— Сниму комнату в мотеле, наверное.

— Когда у тебя есть отличная спальня здесь? И отличный дом в квартале отсюда? Ты его еще даже не видел. Думаю, твой отец хотел бы, чтобы ты там остановился.

— Я бы предпочел мотель. Мне не по себе при мысли о том, чтобы спать в отцовском доме.

— Ну, не я деньги на ветер выбрасываю, — пожала плечами миссис Хигглер. — Тебе ведь еще надо решить, что с ним делать. И с его вещами.

— Мне все равно, — ответил Толстый Чарли. — Устроим распродажу. Выставим их на аукцион в Интернет. Свезем на свалку.

— Это что еще за глупости? — вскинулась старуха.

Порывшись в ящиках буфета, она достала ключ от входной двери с большой бумажной биркой.

— Перед переездом он оставил мне запасной ключ, — сказала она. — На случай, если свой поте-

ряет, или запрется изнутри, или еще что-нибудь. Он говаривал, что голову потерял бы, не будь она прикреплена к шее. Продавая свой прошлый дом, он сказал: «Не волнуйся, Каллианна, далеко я не уеду». И ведь в том доме он жил, сколько я себя помню, а потом вдруг решил, что он для него слишком велик и что нужно переезжать.

Не переставая говорить, она вывела Толстого Чарли к брюквенному седану, на котором они проехали несколько улиц, пока не добрались до одноэтажного деревянного домика.

Миссис Хигглер отперла дверь, и они вошли.

Пахло знакомым: смутно сладким, будто, когда кухней пользовались в последний раз, здесь пекли шоколадное печенье, но было это давным-давно. Еще тут было слишком жарко. Миссис Хигглер толкнула дверь в маленькую гостиную и включила встроенный в окно кондиционер. Кондиционер загремел и затрясся, и стал гонять теплый воздух, запахло мокрой псиной.

Вокруг дивана, который Толстый Чарли помнил с детства, горами лежали книги, на столике стояли фотографии в рамках. На одной, черно-белой, — мама Толстого Чарли, когда была молодой: черные блестящие волосы уложены в высокую прическу, Платье с блестками. Рядом фотография

самого Толстого Чарли в возрасте пяти-шести лет возле зеркальной двери: на первый взгляд казалось, с фотографии смотрят два маленьких серьезных мальчика.

Толстый Чарли взял наугад книгу из стопки — это оказалась монография По итальянской архитектуре.

— Он увлекался итальянской архитектурой?

— Да. Страстно.

— Я не знал.

Пожав плечами, миссис Хигглер отпила кофе. Открыв обложку, Толстый Чарли увидел имя отца, аккуратно выведенное на первой странице. И закрыл книгу.

— Я его по-настоящему и не знал.

— Его не так легко было понять, — сказала миссис Хигглер. — Я была знакома с ним… сколько? Почти шестьдесят лет? И я его не знала.

— Вы, наверное, познакомились, когда он был мальчиком.

Миссис Хигглер помедлила, как будто что-то вспоминала, потом очень тихо произнесла:

— Я познакомилась с ним, когда была девочкой. Толстый Чарли счел, что пора сменить тему, поэтому указал на фотографию матери:

— У него тут мамина фотография.

Старуха с шумом отхлебнула кофе.

— Снимал на лодке, — сказала она. — Еще до твоего рождения. Были такие яхты, на которых можно пообедать, а потом тебя увозили мили на три, за пределы территориальных вод, и там по-крупному играли на деньги. Потом возвращались. Не знаю, ходят ли еще такие. Твоя мать говорила, что тогда она впервые попробовала стейк.

Толстый Чарли постарался представить себе, какими были родители до его рождения.

— Он всегда был представительным мужчиной, — задумчиво продолжала миссис Хигглер, точно прочла его мысли. — До самого конца. У него была такая улыбка, от которой девушке хотелось расправить плечи. И он всегда отлично одевался. Все дамы его любили.

Ответ Толстый Чарли знал еще до того, как задал вопрос:

— И вы?..

— Разве респектабельной вдове задают такие вопросы? — Она отпила кофе. Толстый Чарли ждал ответа. — Однажды я его поцеловала. Давно, давным-давно, до того, как он встретил твою мать. Он хорошо, так хорошо умел целоваться. Я надеялась, что он позвонит, снова поведет меня

на танцы, а он пропал. Отсутствовал… сколько? Год? Два? А к тому времени, когда вернулся, я уже была замужем за мистером Хигглером, а он привез твою мать. Встретил ее на островах.

— Вы расстроились?

— Я была замужней женщиной. — Еще глоток кофе. — И к тому же его невозможно было ненавидеть. Даже по-настоящему на него сердиться. И то, как он на нее смотрел… Проклятие, если бы он хоть когда-нибудь посмотрел так на меня, я умерла бы счастливой. Знаешь, это ведь я была замужней подругой невесты на свадьбе твоей матери.

— Я не знал…

Теперь кондиционер начал с ревом выплевывать холодный воздух. Но от него все равно пахло мокрой псиной.

— Как по-вашему, они были счастливы? — спросил Толстый Чарли.

— Вначале. — Она подняла огромную кружку-термос, как будто собралась отпить еще, но передумала. — Вначале. Но даже она не смогла надолго удержать его при себе. У него было столько дел. Твой отец был очень занятым человеком.

Толстый Чарли попытался определить, шутит миссис Хигглер или нет, но так и не смог. Однако

она не улыбнулась.

— Столько дел? Каких, например? Рыбачить с моста? Играть в домино на веранде? Ждать неизбежного изобретения караоке? Он не был занятым человеком. Сомневаюсь, что за все то время, что я его знал, он хотя бы день работал.

— Тебе не следует говорить так про отца.

— Но это же правда! Он был никчемным. Скверным мужем и скверным отцом.

— И что с того! — с нажимом сказала миссис Хигглер. — Его нельзя судить по тем же меркам, что и обычного человека. Надо помнить, Толстый Чарли, твой отец был богом.

— Богом среди людей?

— Нет. Просто богом. — Она произнесла это совершенно буднично и так нормально, как если сказала бы: «у него был диабет» или просто «он был негром».

Толстому Чарли хотелось обратить все в шутку, но в глазах у миссис Хигглер он увидел нечто такое, что все остроты вылетели у него из головы. Поэтому он только негромко сказал:

— Он не был богом. Боги особенные. Мифические. Они творят чудеса и так далее.

— Верно, — согласилась миссис Хигглер. — Пока он был жив, мы бы тебе не сказали, но теперь,

когда его нет, вреда от этого не будет.

— Он не был богом. Он был моим папой.

— Можно быть и тем, и другим, — пожала плечами старуха. — Такое случается.

Словно споришь с сумасшедшей, подумал про себя Чарли, а потом сообразил, что надо бы просто заткнуться, но его язык продолжал молоть сам по себе. Как раз сейчас он выдал:

— Да ладно вам! Ведь будь мой отец богом, у него были бы божественные силы.

— И были. Правда, он редко ими пользовался. Но он был старым. А как еще, по-твоему, ему удавалось не работать? Всякий раз, когда требовались деньги, он играл в лотерею или ехал в Холлендейл и там ставил на лошадиных или на собачьих бегах. Никогда не выигрывал помногу, чтобы не привлекать внимания. Ровно столько, чтобы перебиться.

Толстый Чарли никогда в жизни ничего не выигрывал. Вообще ничего. В различных офисных тотализаторах можно было смело рассчитывать, что его лошадь вообще не выйдет на старт или что его команду отправят в какой-нибудь доселе неслыханный дивизион на задворках цивилизованного спорта. Неудачи оставляли о себе неприятный осадок.

— Если мой отец был богом, а должен сказать, что я ни в коей мере с этим не согласен, то почему я не бог? Вы ведь пытаетесь сказать, что я сын бога, да?

— По всей очевидности.

— Тогда почему у меня не получается выигрывать на скачках или творить чудеса?

Она шмыгнула носом.

— Все хорошее досталось твоему брату.

Тут Толстый Чарли поймал себя на том, что улыбается. И вздохнул с облегчением. Значит, она все-таки шутит.

— Ага. Только ведь у меня нет брата, миссис Хигглер.

— Конечно, есть. Вон там вы с ним вместе сфотографированы.

Хотя он прекрасно знал, что увидит, Толстый Чарли все же перевел взгляд на фотографию. Старуха определенно помешалась. Стопроцентно.

— Миссис Хигглер, — как можно мягче сказал он, — это я… Просто я ребенком. На фотографии я стою возле зеркальной двери. Это я и мое отражение.

— Да, но еще это твой брат.

— У меня никогда не было брата.

— Конечно, был. И я по нему не скучаю. Из вас

двоих ты всегда был хорошим. А от него, пока он жил здесь, были одни только беды. — И прежде чем Толстый Чарли успел хоть что-нибудь вставить, старуха добавила: — Он уехал, когда ты был совсем маленьким.

Толстый Чарли подался вперед и своей лапищей накрыл костлявую ручку миссис Хигглер, ту, в которой не было кружки с кофе.

— Это не так, — сказал он.

— Луэлла Дунвидди заставила его уехать, — не унималась старуха. — Он ее боялся. Но все равно возвращался время от времени. Умел очаровывать, когда хотел. — Она допила кофе.

— Мне всегда хотелось иметь брата, — потерянно протянул Толстый Чарли.

Миссис Хигглер встала.

— Этот дом сам себя не уберет, — сказала она. — У меня в багажнике есть мусорные мешки. Нам, пожалуй, понадобится уйма мусорных мешков.

— Да, — согласился Толстый Чарли.

Ночь он провел в мотеле. Утром они встретились в доме его отца и стали собирать хлам в большие черные мусорные мешки. Вскоре в коридоре выстроились пакеты с вещами, которые предстояло отдать на благотворительность. А еще появилась коробка с мелочами, которые Толстый

Чарли хотел оставить на память, в основном фотографии детских лет и до его рождения.

Тут был старый ларь, похожий на пиратский сундук для сокровищ, набитый документами и старыми бумагами. Устроившись рядом с ним на полу, Толстый Чарли взялся их разбирать. Из спальни с очередным набитым поеденной молью одеждой мешком вышла миссис Хигглер.

— Этот сундук твой брат ему подарил, — ни с того ни сего сказала она.

Так она впервые коснулась своих вчерашних фантазий.

— Жаль, что у меня не было брата, — отозвался Толстый Чарли и сам не понял, что сказал, пока не услышал:

— Я же говорила. У тебя есть брат.

— Ну и где мне искать этого мифического брата?

Позднее он не раз будет спрашивать себя, что толкнуло его на этот вопрос. Потакал ли он помешавшейся женщине? Подтрунивал ли над ней? Или просто надо было как-то заполнить повисшую паузу?

Пожевав нижнюю губу, старуха кивнула.

— Да. Тебе нужно знать. Это твое наследие. Твоя кровь. Подойди поближе.

Она поманила его узловатым пальцем.

Толстый Чарли нагнулся. Губы старухи коснулись его уха, когда она прошептала:

— …нужда в нем… попроси…

— Что?

— Я сказала, — обычным голосом произнесла она, — что если у тебя возникнет нужда в нем, просто попроси паука. И он мигом прибежит.

— Попросить паука?

— А я что сказала? Ты что, думаешь, я для моциона разговариваю? Упражняю легкие? Никогда не слышал про то, как говорят с пчелами? Когда я была девочкой на Сан Андреасе, до того, как мои родные переехали сюда, пчелам рассказывали все хорошие новости. Так это и происходит. Скажи пауку. Я так посылала сообщения твоему отцу, когда он исчезал.

— Ну ладно…

— И не говори таким тоном «ну ладно».

— Каким?

— Точно я выжила из ума. Ты думаешь, я не знаю, что к чему?

— М-м-м. Уверен, что знаете. Честное слово.

Но миссис Хигглер не смягчилась. Даже отходить не начала. Взяв со стола кружку, она с обиженным видом прижала ее к груди. Вот те-

перь Толстый Чарли своего добился, и миссис Хигглер твердо вознамерилась ему это показать.

— Я ничего такого делать не обязана, сам знаешь, — сказала она. — И помогать тебе тоже. Я делаю это только ради твоего отца, потому что он был особенный, и ради матери, потому что она была хорошей женщиной. Я тебе серьезные вещи говорю, важные вещи. Тебе бы следовало меня послушать. Тебе бы следовало мне поверить.

— Я вам верю, — насколько мог убедительно сказал Толстый Чарли.

— А теперь ты только потакаешь старухе.

— Нет, — солгал он. — Честно-пречестно.

В его словах звенела искренность. Его занесло за тысячу миль от дома, в дом покойного отца, к сумасшедшей старухе на грани апоплексического удара. Он признал бы, что луна — это необычный тропический плод, лишь бы ее успокоить.

Миссис Хигглер шмыгнула носом.

— Беда с вами, молодежью, — сказала она. — Вы думаете, будто все знаете, а сами только вчера на свет родились. Да я за свою жизнь забыла больше, чем ты когда-либо знал. Ты ничегошеньки не знаешь о своем отце, ты ничегошеньки не знаешь о своей семье. Я сказала, что твой отец бог, а ты даже не спросил, какой именно.

Толстый Чарли порылся в памяти, стараясь вспомнить имена каких-нибудь богов.

— Зевс? — рискнул он.

Миссис Хигглер издала странный придушенный звук, точно чайник, подавляющий в себе желание закипеть. И Толстому Чарли осталось только признать свое поражение.

— Купидон?

Она издала новый звук, который начался как возмущенный треск, а закончился хихиканьем.

— Так и представляю себе, как твой папочка разгуливает в пушистых памперсах с огромным луком и стрелой.

Она опять захихикала и едва не поперхнулась кофе.

— В стародавние времена, когда он был богом, его звали Ананси.

Вы скорее всего знаете кое-какие сказки про Ананси. Наверное, нет на свете людей, которые не знали бы каких-нибудь историй про Ананси.

Когда мир был молод и все истории рассказывались впервые, Ананси был пауком. Он попадал в разные переплеты и всегда из них выпутывался. Знаете сказку о Смоляном Чучелке, которую обычно рассказывают про Братца Кролика? Изначально это была история про Ананси. Кое-кто

считает его кроликом. Но они ошибаются. Он не был кроликом. Он был пауком.

Истории про Ананси живут с тех пор, как люди рассказывают друг другу сказки. В далекой Африке, где все начиналось, когда люди еще не рисовали на скалах пещерных львов и медведей, уже тогда они рассказывали истории — про обезьян и львов и про бизонов. Людей всегда тянуло к великим историям, уводящим в мечту. Так они наделяли свой мир смыслом. Все, кто бегает, ползает, летает и качается на ветках, оказались в этих сказках, и различные племена почитали различных существ.

Уже тогда Лев был царем зверей, а Газель — самой быстроногой, Обезьяна — самой глупой, Тигр — самым ужасным, но людям хотелось слушать истории не про них. Им хотелось веселья и смеха.

Ананси дал имя историям. Всякая сказка, всякая песня — про него. В незапамятные времена все они принадлежали Тигру (так люди островов называли любых крупных хищных кошек), и эти сказки были мрачными и злыми, полными боли и неизменно плохо кончались. Но так было давным-давно. Сегодня все истории принадлежат Ананси.

А поскольку мы только что были на похоронах, давайте я расскажу вам историю про Ананси и про то, как умерла его бабушка. (Ну да, она была очень, очень старой женщиной и почила во сне. Такое случается.) Она умерла вдали от дома, поэтому Ананси прошел через весь остров с тележкой, поднял тело бабушки, посадил его в тележку и покатил домой. Он собирался похоронить ее под большим баньяновым деревом за своей хижиной.

Так вот, проходит он через город, а ведь тележку пришлось толкать все утро, и думает: «Мне нужно выпить виски». Идет он в лавку, так как в этом городке есть лавка и там продается все, что только душа пожелает, но у лавочника очень скверный характер. Так вот, Ананси заходит и заказывает стакан виски. Потом еще стакан, и еще и думает: «Сыграю-ка я шутку с этим малым». «Эй, — говорит он лавочнику, — пойди отнеси виски моей бабушке, она спит в тележке на дворе. Возможно, тебе придется ее разбудить, ведь она спит крепко». Лавочник идет на двор, подходит с бутылкой к тележке и говорит старушке: «Эй, вот твой виски», — но старушка ничего ему не отвечает. А лавочник сердится все больше и больше, ведь у него такой скверный характер. Он говорит:

«Вставай, старуха, просыпайся и пей свой виски!» Но старушка все не отвечает. И вдруг делает то, что делают иногда мертвецы на жаре: громко пускает ветер. А лавочник, осерчав на старушку, которая пустила на него ветер, ее ударил, потом другой раз и третий, да так, что она выпала из тележки на землю.

Тут Ананси выбегает из лавки и начинает вопить, и плакать, и голосить: «Ах моя бабушка! Она мертва! Посмотри, что ты наделал! Убийца! Злодей!» Тогда лавочник просит Ананси: «Только не говори никому», — и дает Ананси пять бутылок виски, и кошель золота, и мешок бананов, ананасов и манго, лишь бы он поскорее убрался со своей бабушкой и тележкой. (Понимаете, он-то думает, что убил бабушку Ананси.)

Так вот, Ананси катит тележку домой и закапывает бабушку под большим баньяновым деревом.

На следующий день идет мимо дома Ананси Тигр и чует запах готовящейся еды. Поэтому он входит туда незваный и видит, как Ананси пирует, а у Ананси нет выбора, только пригласить Тигра разделить с ним трапезу.

«Братец Ананси, — говорит Тигр, — говори, где ты взял эту прекрасную еду, и не лги мне. И где ты

взял эти бутылки с виски и кошель с золотыми монетами? Если солжешь, я вырву тебе горло!»

А Ананси отвечает: «Я не могу лгать тебе, Братец Тигр. Все это добро я получил за то, что повез мою мертвую бабушку в город. И лавочник дал мне все это добро за то, что я привез ему мою мертвую бабушку».

Но у Тигра нет ни живой, ни мертвой бабушки, зато у его жены есть мать, поэтому он идет домой и вызывает к себе на двор мать жены, говоря: «Выходи, бабушка, так как нам надо поговорить». И она выходит, оглядывается подозрительно по сторонам и спрашивает: «В чем дело?» Ну, Тигр ее убивает, хотя его жена ее любит, и кладет ее тело в тележку.

Потом привозит тележку в городок, а на тележке его мертвая теща. «Кому тут мертвое тело? — кричит он. — Кому нужна мертвая бабушка?» Но все только потешаются над ним, смеются и издеваются, а поняв, что он говорит серьезно и никуда не уйдет, начинают забрасывать его гнилыми плодами, так что ему приходится убегать, поджав хвост.

Так Ананси не в первый раз выставил Тигра дураком, и не в последний. Жена Тигра не дает ему забыть, что он убил ее мать. Бывают дни,

когда Тигр думает, что лучше бы ему вообще не родиться на свет.

Вот вам типичная история про Ананси.

Конечно, ведь любые истории принадлежат Ананси.

В стародавние времена все звери хотели, чтобы сказки называли в их честь. Это было в те дни, когда песни, которыми творился мир, еще пелись, в те дни, когда еще выпевали небо, и радугу, и океан, в те дни, когда звери были людьми, а не только животными. И паучок Ананси одурачивал всех, особенно Тигра, потому что хотел, чтобы все истории назвали его именем.

Сказки — как пауки: у них длинные ноги. Сказки — как паутина, в которой запутывается человек, но которая так красива, когда рассматриваешь, как изящно сплетаются ниточки над листком, как драгоценными каплями блестит на них утренняя роса.

В чем дело? Хотите знать, выглядел ли Ананси как паук? Конечно, выглядел — кроме тех случаев, когда выглядел как человек.

Нет, он никогда не менял облик. Все дело в том, как рассказывать историю. Ни в чем больше.

Глава третья, в которой происходит воссоединение семьи

Толстый Чарли улетел домой в Англию, во всяком случае, к тому дому, какой у него вообще имелся. Когда с чемоданчиком и большой, оклеенной скотчем картонной коробкой он прошел через таможню, то увидел в зале ожидания Рози. Она крепко его обняла.

— Как прошло?

Он пожал плечами:

— Могло быть и хуже.

— Теперь тебе незачем волноваться, что он приедет на свадьбу и поставит тебя в неловкое положение.

— Это точно.

— Мама говорит, в знак уважения нам следует отложить свадьбу на несколько месяцев.

— Твоя мама просто хочет, чтобы мы отложили свадьбу, и точка.

— Ерунда. Она считает тебя завидной партией.

— Твоя мать не назвала бы «завидной партией» Брэда Питта, Билла Гейтса и принца Уильяма в

одном лице. На свете нет человека, достойного стать ее зятем.

— Ты ей нравишься, — как послушная дочь и без тени убежденности сказала Рози.

Ни для кого не секрет, что Толстый Чарли не нравился ее маме. Мама Рози казалась клубком нервов, натянутых из-за невесть откуда взявшихся предрассудков, фобий и враждебности. Она жила в великолепной квартире на Уимпол-стрит, где в гигантском холодильнике прозябали лишь бутылки с витаминизированной водой и ржаные хлебцы. В вазах на антикварных сервантах возлежали восковые фрукты, с которых дважды в неделю сметали пыль.

При первом своем посещении этой квартиры Толстый Чарли один такой надкусил. Он крайне нервничал и, не зная, чем занять руки, взял яблоко (крайне реалистичное, надо сказать) и его надкусил. Рози, гримасничая, подавала ему отчаянные знаки. Выплюнув в руку кусок воска, Толстый Чарли подумал, не сделать ли вид, что он любит восковые фрукты, или, может, лучше изобразить, что с самого начала знал, что оно искусственное, и лишь хотел рассмешить. Однако мать Рози подняла бровь, забрала у него остатки яблока и отрывисто объяснила, сколько

стоят сейчас настоящие восковые фрукты, если вообще удается их найти, а после бросила объедки в корзинку для мусора. Остаток визита он просидел на краешке дивана, вкус во рту у него был такой, словно он съел свечку, а мать Рози не спускала с него глаз, дабы он не посмел отведать еще какой-нибудь из ее драгоценных плодов или попытаться обглодать ножку чиппендейловского стула.

На сервантах в квартире матери Рози стояли большие цветные фотографии в серебряных рамках: Рози ребенком, родители Рози. Толстый Чарли внимательно их изучил, стараясь отыскать разгадку великой тайны, которой являлась сама Рози. Ее отец, который умер, когда Рози не исполнилось и пятнадцати, был огромным толстяком. Начинал он как повар, потом выбился в шеф-повара и, наконец, открыл собственный ресторан. Фотографии запечатлели его элегантным, одетым с иголочки, точно перед каждым снимком над ним потрудился целый отдел дорогого мужского магазина, он был круглым и улыбчивым и локоть держал согнутым, чтобы мать Рози могла положить на сгиб руку.

— Он изумительно готовил, — сказала Рози.

На фотографиях мать Рози была соблазнитель-

ной и улыбчивой. Теперь, двенадцать лет спустя, она походила на исхудавшую до скелета актрису Эрту Китт, и Толстый Чарли ни разу не видел на ее лице улыбки.

— Твоя мама что, вообще никогда не готовит? — спросил после того первого визита Толстый Чарли.

— Не знаю. Никогда такого не видела.

— Чем же она питается? Не может же она жить на хлебцах и воде.

— Наверное, заказывает что-нибудь на дом.

Толстый Чарли решил, что уж скорее мама Рози вылетает по ночам летучей мышью, чтобы сосать кровь у спящих младенцев. Однажды он изложил эту теорию Рози, но она не увидела в ней ничего смешного.

Мать Рози сказала дочери: мол, уверена, Чарли женится на ней ради денег.

— Каких денег? — спросила Рози.

Мать обвела рукой квартиру, охватив этим жестом восковые фрукты, антикварную мебель и картины на стенах, и поджала губы.

— Но это же все твое! — пылко возразила Рози.

Она ведь жила на зарплату, работая в одном лондонском благотворительном обществе. А зарплата у нее была маленькая, поэтому Рози то и

дело залезала в деньги, которые отец оставил ей по завещанию. Так удавалось оплачивать скромную квартирку, которую Рози делила с чередой австралиек и новозеландок, и на подержанный «фольксваген-гольф».

По дороге к дому Толстого Чарли Рози решила, что надо сменить тему.

— У меня отключили воду. Во всем здании.

— Это почему?

— Из-за миссис Клингер этажом ниже. Она заявила, мол, что-то подтекает.

— Скорее всего сама миссис Клингер.

— Чарли!!! А потому, ну… Можно мне сегодня принять ванну у тебя?

— Тебе потереть спинку?

— Чарли!!!

— Ладно, ладно. Нет проблем.

Не отводя глаз от багажника идущей впереди машины, Рози вдруг сняла руку с рычага передач и сжала лапищу Толстого Чарли.

— Мы и так скоро поженимся, — улыбнулась она.

— Знаю, — отозвался Толстый Чарли.

— И тогда у нас на все будет уйма времени, верно?

— Уйма, — согласился Толстый Чарли.

— Знаешь, что сказала однажды мама? — спросила Рози.

— М-м-м. Снявши волосы, по голове не плачут?

— Вовсе нет. Она сказала, что если бы в первый год своего брака семейная пара клала по монетке в банку всякий раз, когда занимается любовью, и вынимала по монетке всякий раз, когда занимается любовью в последующие годы, то банка никогда не опустела бы.

— Иными словами…

— Интересно, правда? Приеду в восемь с моим резиновым утенком. Как у тебя с полотенцами?

— Э-э-э…

— Понятно, привезу свои.

Толстый Чарли сомневался, что наступит конец света, если случайная монетка упадет в банку до того, как они свяжут себя узами и разрежут пирог, но у Рози было собственное мнение на этот счет, и делу конец. Банка оставалась совершенно пустой.

Есть один минус в раннем возвращении домой после краткой отлучки: если прибываешь утром, не знаешь, чем занять остаток дня.

Толстый Чарли был из тех, кто предпочитает работать. Лежание на диване под «Обратный отсчет» по телевизору неизменно напоминало

ему о тех периодах, когда он вливался в братство безработных. Вот и сейчас он решил, что самым разумным будет вернуться на работу на день раньше. В олдвичском офисе «Агентства Грэхема Хорикса» на пятом и самом верхнем этаже он снова почувствует себя в центре событий. Будут интересные разговоры с коллегами в комнате отдыха. Все прелести жизни развернутся перед ним, величественные в своем многообразии, неумолимые и упорные в своей деловитости. Ему будут рады.

— Тебя же ждали только завтра, — неласково сказала секретарша Энни, увидев на пороге Толстого Чарли. — Я всем объясняла, что до завтра тебя не будет. Тебе столько звонили. — Похоже, ее это совсем не радовало.

— Не смог удержаться.

— То-то и видно, — фыркнула она. — Свяжись с Мэв Ливингстон. Она каждый день звонит.

— Я думал, ею занимается сам Грэхем Хорикс.

— Ну, кажется, он передал ее тебе. Подожди минутку. — И она снова отвлеклась на телефонный звонок.

Грэхема Хорикса всегда называли по имени и фамилии. Никаких мистеров Хориксов. Никакого дружеского Грэхем. Это было его агентство, оно

представляло знаменитостей и брало свой процент за честь, какую оказывало, их представляя.

Толстый Чарли прошел в свой кабинет, крошечную комнатенку, которую делил с несколькими каталожными шкафами. На экране его компьютера красовалась желтая самоклеющаяся бумажка с «Зайдите ко мне. Г.Х.», поэтому он отправился по коридору к громадному кабинету Грэхема Хорикса. Дверь была закрыта. Толстый Чарли постучал, а потом, неуверенный, раздалось из-за нее что-нибудь или нет, толкнул дверь и просунул в щель голову.

В комнате было пусто. Там вообще никого не было.

— Э-э-э… привет, — позвал вполголоса Толстый Чарли.

Ответа не последовало. Однако в кабинете царил беспорядок: книжный шкаф был отодвинут от стены под странным углом, и из-за него доносились какие-то удары — словно бы молотком.

Как можно тише прикрыв дверь, Толстый Чарли вернулся за свой стол.

Зазвонил телефон. Он поднял трубку.

— Грэхем Хорикс на проводе. Зайдите ко мне.

На сей раз Грэхем Хорикс сидел за письменным столом, а шкаф был прижат к стене. Сесть

Толстому Чарли не предложили. Грэхем Хорикс был средних лет человеком с очень светлыми редеющими волосами. Если бы при виде Грэхема Хорикса вам на ум пришел хорек-альбинос в дорогом костюме, вы были бы недалеки от истины.

— Вернулись, как вижу, — сказал Грэхем Хорикс. — М-да.

— Да, — согласился Толстый Чарли, а потом, поскольку Грэхем Хорикс как будто не спешил обрадоваться его раннему возвращению, добавил: — Извините.

Грэхем Хорикс поджал губы, вперился в какую-то бумагу у себя на столе, снова поднял глаза.

— Мне дали понять, что до завтрашнего дня вы не вернетесь. Рановато явились, а?

— Мы… я хотел сказать, я… уже утром прилетел. Из Флориды. И решил прийти. Уйма дел. Покажу, что готов работать. Если вы не против.

— Абсо-ненно, — отозвался Грэхем Хорикс. От этого слова (лобового столкновения «абсолютно» и «несомненно») на руках у Толстого Чарли всегда выступали мурашки. — Это же ваши похороны.

— На самом деле моего отца.

Дернулась хоречья шея.

— И все равно вы использовали один из дней на больничные.

— Верно.

— Мэв Ливингстон. Обеспокоенная вдова Морриса. Нуждается в утешении. Красивые слова и златые горы. Рим не за один день строился. Процесс улаживания дел Морриса Ливингстона и передачи ей средств идет своим чередом. Звонит мне чуть ли не каждый день и плачется в жилетку. С сего дня передаю это задание вам.

— Ладно, — откликнулся Толстый Чарли. — Итак, э-э-э… Кто рано встает, тому Бог подает.

— Что ни день, то шиллинг, — погрозил пальцем Грэхем Хорикс.

— Ни отдыху ни сроку? — предложил Толстый Чарли.

— Приналечь, — согласился Грэхем Хорикс. — Приятно было поболтать. Но у нас обоих полно работы.

Было что-то в обществе Грэхема Хорикса, заставлявшее Толстого Чарли: а) говорить штампами и б) мечтать о черных вертолетах «сикорски», которые сперва открыли бы огонь, а потом сбросили бы ведра пылающего напалма на офисы «Агентства Грэхема Хорикса». В этих снах наяву Толстый Чарли в офисе отсутствовал. Он сидел на террасе маленького кафе в другом конце Олдрича, попивал кофе с пенкой и временами кричал «ура»

особо меткому попаданию ведра с напалмом.

А потому предположив, что нынешняя работа Толстому Чарли не нравилась, вы не ошиблись бы. Толстый Чарли умел обращаться с цифрами, что давало ему работу, но слишком стеснялся указывать, чем именно он занимается и как много на самом деле делает. Повсюду вокруг Толстого Чарли другие неостановимо поднимались на положенные им уровни некомпетентности, а он оставался на ступени испытательного срока, помогая вертеться колесикам до того дня, когда снова вступал в ряды безработных и опять начинал смотреть дневные программы по телевизору. Периоды безделья не затягивались надолго, но за последние десять лет случались слишком часто, и потому Толстый Чарли ни на одной работе не чувствовал себя комфортно. Однако он не воспринимал это как личное оскорбление.

Он позвонил Мэв Ливингстон, вдове Морриса Ливингстона, в прошлом самого известного йоркширского комика в Англии и давнего клиента «Агентства Грэхема Хорикса».

— Алло, — сказал он. — Это Чарльз Нанси из бухгалтерии «Агентства Грэхема Хорикса».

— О! — разочарованно выдохнул женский голос на том конце провода. — Я думала, Грэхем сам

мне позвонит.

— Он немного занят. Поэтому он э-э-э… перепоручил это мне, — объяснил Толстый Чарли. — Итак. Могу я чем-то помочь?

— Даже не знаю. Я… хотела бы знать… ну, управляющий банком хотел бы знать… когда поступят оставшиеся средства из имущества Морриса… в прошлый раз Грэхем Хорикс мне объяснил… ну, мне кажется, это было в прошлый раз… когда мы разговаривали… что они вложены… я хочу сказать, я понимаю, на это требуется время… он сказал, что иначе я могу потерять крупную сумму…

— Скажу вам одно, он над этим работает. Но такие операции действительно требуют времени.

— Да, наверное, да. Я позвонила на Би-би-си, и там сказали, что со смерти Морриса уже было сделано несколько выплат. Вы знаете, что программу «Моррис Ливингстон, полагаю?» целиком выпустили на DVD? И к Рождеству будут готовы обе серии «Короткая спина и бока».

— Впервые слышу, — признался Толстый Чарли. — Но, уверен, Грэхем Хорикс знает. В своем деле он дока.

— Мне пришлось купить себе DVD-проигрыватель, — тоскливо сказала Мэв. — Но благодаря

ему все вернулось. Запах грима, рев Би-би-си-клуба. Честное слово, я даже затосковала по софитам. Знаете, как я познакомилась с Моррисом? Я была танцовщицей. У меня была собственная карьера.

Пообещав передать Грэхему Хориксу, что управляющий в ее банке немного обеспокоен, Толстый Чарли положил трубку, недоумевая, как можно тосковать по свету софитов. В самых страшных ночных кошмарах Толстого Чарли софит светил на него с темного неба, а сам он стоял на широкой сцене, куда его выпихнули невидимые руки, чтобы заставить петь. И как бы далеко и быстро он ни убегал, как бы старательно ни прятался, неведомые злоумышленники все равно его находили и притаскивали на сцену, а снизу на него смотрели десятки выжидательных лиц. Он всегда просыпался до того, как открывал рот, — весь в поту, дрожа, и сердце выстукивало в груди канонаду.

Потянулся рабочий день. Толстый Чарли работал в агентстве уже два года. Дольше кого-либо, кроме самого Грэхема Хорикса, потому что текучка кадров в агентстве была довольно высокой. И все равно ему никто не обрадовался.

Иногда Толстый Чарли сидел за своим столом, смотрел в окно, в которое стучал безутешный

серый дождь, и воображал себе, что прохлаждается на каком-нибудь тропическом пляже, где с невероятно синего моря волны набегают на невероятно желтый песок. Толстый Чарли спрашивал себя, а не мечтают ли эти воображаемые люди, глядя на белые бурунчики, слушая пение тропических птиц в пальмах, оказаться в Англии под серењким дождем, в кабинетике размером со шкаф на пятом этаже конторского здания, на безопасном расстоянии от тупизны золотого песка и адской скуки дня настолько совершенного, что даже пенисто-кремовый напиток с лишней дозой рома и красным бумажным зонтиком никак ее не разгоняет. Это немного утешало.

По дороге домой он остановился у кафе и купил бутылку немецкого белого вина, а в крохотном супермаркете по соседству — свечу с запахом пачули и пиццу в пиццерии за углом.

В половине восьмого позвонила с занятия йогой Рози и сказала, что немного опоздает, потом в восемь из машины — сказать, что застряла в пробке, и в четверть десятого, что она всего в квартале. К тому времени, когда она приехала, Толстый Чарли выпил большую часть вина и съел почти всю пиццу, кроме одинокого треугольничка.

Позднее он спрашивал себя, не вино ли развя-

зало ему язык.

Рози прибыла в двадцать минут десятого с полотенцами и полной сумкой шампуней, разного мыла и большой банкой похожего на майонез средства для волос. От стакана вина она деловито, но весело отказалась и от пиццы тоже, объяснив, что поела в пробке, мол, заказала еду в машину. Поэтому Толстому Чарли оставалось только сидеть на кухне, допивая белое вино и таская сыр и пеперони с холодной пиццы, пока Рози пошла наполнять ванну, откуда вдруг пронзительно и громко заорала.

Толстый Чарли оказался в ванной еще до того, как замер первый крик, когда Рози набирала воздух для второго. Он был уверен, что она истекает кровью. К немалому его удивлению и облегчению, крови не было и в помине. Стоя в голубых трусиках и лифчике, Рози указывала в ванну, где в самом центре сидел большой бурый садовый паук.

— Извини! — заголосила она. — Он застал меня врасплох.

— Они такое умеют, — сказал Толстый Чарли. — Сейчас я его смою.

— Не смей! — решительно возразила Рози. — Это живое существо! Вынеси его на улицу.

— Ладно.

— Я подожду на кухне. Позовешь меня, когда все будет кончено.

Если ты выпил целую бутылку белого вина, уговорить довольно капризного садового паука перебраться в прозрачный пластиковый стаканчик при помощи всего лишь старой поздравительной открытки превращается в подвиг твердой руки и острого глаза. Совершению такого подвига никак не способствует присутствие полураздетой невесты на грани истерики, которая, невзирая на свое обещание подождать на кухне, заглядывает тебе через плечо и помогает советами.

Но вопреки ее помощи он довольно скоро загнал паука в стаканчик, который плотно прикрыл сверху открыткой от однокашника, говорившей: «ТЕБЕ СТОЛЬКО ЛЕТ, НА СКОЛЬКО ТЫ СЕБЯ ЧУВСТВУЕШЬ» (а внутри шло юмористическое дополнение: «ПОЭТОМУ ПЕРЕСТАНЬ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СЕКС-МАШИНОЙ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ»).

Спустившись, со стаканчиком вниз, он вынес паука за порог — в крохотный палисадник, в котором имелись изгородь, чтобы за нее блевать, и несколько больших каменных плит с прорастающей в щелях травой. Толстый Чарли убрал

открытку, в желтом свете фонаря паук казался черным. Толстому Чарли показалось, что насекомое его изучает.

— Извини, дружище, — сказал он пауку и, поскольку в желудке у него плескалось белое вино, произнес эти слова вслух.

Положив открытку и стаканчик на плиты, он опрокинул стаканчик на бок и стал ждать, чтобы паук убежал. Но тот остался сидеть неподвижно на морде мультяшного медведя с поздравительной открытки. Человек и паук задумчиво рассматривали друг на друга.

Тут Толстому Чарли вспомнилось кое-что, сказанное миссис Хигглер, и слова сорвались у него с языка прежде, чем он успел его прикусить. То ли черт его дернул, то ли алкоголь подтолкнул.

— Если увидишь моего брата, — сказал Толстый Чарли пауку, — передай, пусть зайдет поздороваться.

Паук посидел еще немного, потом задумчиво поднял одну лапу, побежал наконец к изгороди и исчез в траве.

Приняв ванну, Рози звонко чмокнула Толстого Чарли в щеку и поехала домой.

А Толстый Чарли включил телевизор, но поймал себя на том, что клюет носом, поэтому,

выключив аппарат, отправился в кровать, где ему приснился сон такой странный и яркий, что он будет помнить его до конца своих дней.

Если знаешь, что очутился в совершенно незнакомом месте, можно не сомневаться — это сон. В реальной жизни Толстый Чарли никогда не бывал в Калифорнии. Никогда не бывал в Беверли-Хиллз. Однако достаточно часто видел это место в кино и по телевизору, чтобы испытать сладкую дрожь узнавания.

Шла вечеринка. Внизу поблескивали и перемигивались огни Лос-Анджелеса.

Люди на вечеринке как будто делились на тех, кто расхаживал с серебряными подносами, заставленными великолепными закусками на тостах, и тех, кто брал с подносов снедь или от нее отказывался. Те, кого кормили, расхаживали по выложенному плитами дворику и комнатам огромного дома, сплетничали и улыбались, уверенные в собственной значимости в мире Голливуда, будто были придворными в Древней Японии. И в точности как при дворе Древней Японии каждый был уверен, что, поднимись он на ступеньку выше, несомненно, сможет чувствовать себя в безопасности. Тут были актеры, которые хотели быть звездами; звезды, которые

хотели быть независимыми продюсерами; независимые продюсеры, тоскующие по надежности, какую дает постоянный контракт со студией; режиссеры, которые хотели быть звездами; боссы студий, которые хотели быть боссами других, более преуспевающих студий; юристы студий, которым хотелось нравиться самим по себе, а если уж не выйдет, то просто нравиться.

В том сне Толстый Чарли видел себя одновременно изнутри и снаружи, однако был каким-то другим человеком. Обычно ему снилось, что он сдавал экзамен по двойной бухгалтерии, к которому забыл подготовиться, и к тому же, когда выходил к доске, обнаруживал, что, одеваясь утром, забыл про все, что полагается иметь на себе ниже пояса. Иными словами, ему снился Толстый Чарли, только еще более нелепый и неловкий. Но не сейчас.

В этом сне Толстый Чарли был крутым и не только. Он был мастак, он был дока, он был единственным на этой вечеринке человеком, не попадавшим ни в одну из категорий, ведь у него не было серебряного подноса и явился он без приглашения. И веселился он на славу, что вызывало несказанное изумление у спящего Толстого Чарли, который даже представить себе

не мог ситуацию более неловкую, чем явиться без приглашения.

Всем, кто с ним заговаривал, он рассказывал разное о том, кто он и почему сюда пришел. Уже через полчаса большинство гостей были уверены, что он представитель иностранной инвестиционной компании, которая собирается перекупить какую-то студию, а еще через полчаса собравшиеся утвердились во мнении, что он положил глаз на «Парамаунт пикчерз».

Смеялся он хрипловато и заразительно, и уж точно развлекался больше всех остальных. Он научил бармена готовить коктейль под названием «Двойной намек» — с научной точки зрения, совершенно безалкогольный, хотя и на основе шампанского. Туда пошла толика того, толика сего, пока жидкость не приобрела ярко-пурпурный цвет, а затем он стал раздавать напиток гостям, навязывая его с радостью и жаром, пока даже те, кто попивал газированную воду так опасливо, словно она вот-вот взорвется, не начали с удовольствием заливать в себя один бокал за другим.

А потом — по логике сна — он повел всех к бассейну и предложил научить фокусу с хождением по воде. Все дело в уверенности, объяснил

он, в том, чтобы знать, как это делается. И гости решили, что это поистине отличный трюк, что в глубине души они всегда знали, как это делается, просто забыли, а вот сейчас новый друг напомнит, в чем соль.

«Снимите обувь», — сказал он, и они сняли: «серджио розессы», «кристиан лубутены» и «рене каовилльясы» выстроились бок о бок с «найками» и «док-мартенсами» и безымянными черными туфлями охранников. И новый друг повел гостей и хозяев в танце «конга» вокруг плавательного бассейна, а после за его край. Вода была прохладной на ощупь и подрагивала под ногами, как упругое желе. Некоторые женщины и несколько мужчин зашатались, а пара охранников помоложе запрыгали вверх-вниз, как дети в надувном замке. Далеко внизу огни Лос-Анджелеса сияли сквозь смог, точно далекие галактики.

Вскоре гости заняли каждый дюйм бассейна: стояли, танцевали, дурачились или подпрыгивали на воде. Столпотворение было такое, что мастак и дока, которым был во сне Толстый Чарли, поднялся на бетонный парапет и взял с серебряного подноса фалафель-сашими.

На плечо ему приземлился упавший с листа жасмина паучок. Пробежав по руке, он устроился

на ладони, где его приветствовало радостное «Ух ты!».

Повисла тишина, будто не-Чарли слушал, что говорил паучок, что мог слышать лишь он один, а потом сказал:

— Ищите и обрящете. Ну не в точку ли?

И осторожно ссадил паучка на листок жасмина.

В это самое мгновение все стоявшие босиком на поверхности плавательного бассейна вдруг вспомнили, что вода не твердая, а жидкая, и что именно поэтому по ней нельзя ходить, не говоря уже о том, чтобы танцевать или прыгать, иными словами, что это невозможно.

И хотя эти люди были воротилами и винтиками «машины грез», они вдруг забарахтались в глубокой воде — мокрые и перепуганные.

Тем временем отличный малый, мастак и дока, иными словами, не-Чарли, небрежно пересек бассейн, шагая по головам и рукам, но ни разу не потеряв равновесия. А после, когда добрался до дальнего края, где терраса обрывалась отвесным склоном, он подпрыгнул и нырнул в огни лос-анджелесской ночи, которая мерцала и которая поглотила его, как океан.

Гости же выбирались из бассейна, рассержен-

ные, расстроенные, ошарашенные, мокрые, а в ряде случаев и нахлебавшиеся воды…

В Южном Лондоне было раннее утро. В окно сочился голубовато-серый рассвет.

Даже проснувшись, Толстый Чарли не мог стряхнуть остатки странного наваждения, а потому встал и подошел к окну. Шторы были раздвинуты. Занималась заря, огромный апельсин утреннего солнца поднимался в обрамлении подкрашенных алым облаков. При виде такого неба даже самый прозаичный зануда вдруг открывает погребенную в недрах души потребность рисовать маслом.

Толстый Чарли смотрел на восход. «Утром солнце красное, — подумал он. — Ночь будет ненастная… или несчастная?»

Какой странный сон! Вечеринка в Голливуде… Секрет хождения по воде… И человек, который был и не был им одновременно…

Внезапно Толстый Чарли сообразил, что знает этого человека, что уже где-то с ним встречался, а теперь попытки вспомнить будут донимать его весь день, как волоконце между зубов или точная разница между словами «сладострастный» и «сластолюбивый», — до ночи покоя не видать. Он смотрел в окно.

Чуть меньше шести утра. Мир тих. В конце переулка ранний собаковладелец уговаривал погадить шпица. Лениво тащился к домам и назад к своему красному фургончику почтальон. Затем на тротуаре под домом Толстого Чарли вдруг что-то шевельнулось. Толстый Чарли опустил взгляд. У живой изгороди стоял мужчина. И увидев, что Толстый Чарли в пижаме смотрит на него, он улыбнулся и помахал. Мгновенное узнавание потрясло Толстого Чарли до глубины души: ему были знакомы и улыбка, и манера махать, хотя он не мог бы сказать, откуда или почему. Обрывки сна еще вертелись у него в голове, от этого Толстому Чарли стало не по себе, а весь мир показался нереальным. Он потер глаза, и человек у изгороди исчез. Толстый Чарли понадеялся, что он ушел, растворился в клочьях утреннего тумана, забрав с собой беспокойство и безумие, которые принес.

Тут снизу позвонили.

Просунув руки в рукава халата, Толстый Чарли спустился.

Раньше он никогда не набрасывал цепочку прежде, чем открыть дверь, но сейчас сделал это, а дверь оттянул на себя лишь на шесть дюймов.

— Доброе утро, — настороженно сказал он.

Просочившаяся в щелку улыбка осветила бы небольшую деревушку.

— Ты позвал, и я явился, — сказал незнакомец. — Ну, Толстый Чарли, разве ты не собираешься открыть мне дверь?

— Кто вы?

Уже произнося эти слова, он понял, где видел этого мужчину: в маленькой часовенке при крематории на похоронах матери. Тогда он в последний раз видел эту улыбку. И ответ угадал еще до того, как его услышал.

— Я твой брат.

Толстый Чарли закрыл дверь. Снял цепочку и дверь распахнул. Незнакомец все еще стоял на пороге. Интересно, как здороваться с предположительно воображаемым братом, в существование которого ты раньше вообще не верил?

Так они и стояли, один по одну сторону порога, другой — по другую, пока брат не сказал:

— Можешь звать меня Паук. Кстати, ты пригласишь меня войти?

— Да. Приглашу. Конечно, приглашу. Пожалуйста. Входи.

Толстый Чарли первым стал подниматься по лестнице.

Невозможное случается. Когда такое проис-

ходит, большинство людей справляются как могут. Сегодня, как и в любой другой день, приблизительно пять тысяч человек на планете столкнутся с событием, вероятность которого одна на миллион, и никто не откажется верить своим глазам и ушам. Большинство (каждый на своем языке) скажут что-нибудь вроде «Странная штука жизнь, верно?» — и займутся своими делами. Толстый Чарли пытался отыскать логичное, разумное, здравое объяснение происходящему, а еще силился свыкнуться с мыслью, что брат, о котором он не подозревал, поднимается за ним двумя ступеньками ниже. Войдя в кухню, они остановились.

— Хочешь чашку чая?

— Кофе есть?

— Боюсь, только растворимый.

— Сойдет.

Толстый Чарли повернулся к чайнику.

— Значит, приехал издалека? — спросил он.

— Из Лос-Анджелеса.

— Как долетел?

Брат присел за кухонный стол. Пожал плечами. Такое движение может означать все что угодно.

— М-м-м… Ты надолго в Лондон?

— Пока не задумывался.

Незнакомец — Паук — оглядел кухню Толстого Чарли так, словно никогда не бывал на самой обычной кухне.

— Какой любишь кофе?

— Черный как ночь, сладкий как грех.

Толстый Чарли поставил перед ним кружку и передал сахарницу.

— Накладывай.

Паук ложку за ложкой клал в чашку сахар, а Толстый Чарли только смотрел во все глаза.

Между ними действительно было семейное сходство. С этим не поспоришь, хотя одно это не объясняло острого ощущения знакомости, которое накатило на Толстого Чарли при виде Паука. Паук выглядел таким, каким Толстый Чарли видел себя в мечтах, а не стеснительным, слегка разочаровывающим малым, какого он с монотонной регулярностью встречал по утрам в зеркале. Паук был жилистее, выше, элегантнее. Черная с красным кожаная куртка и черные кожаные штаны в обтяжку сидели на нем как вторая кожа. Толстый Чарли постарался вспомнить, такая ли одежда была на крутом малом из его сна. Паук словно бы подавлял все вокруг: всего лишь сидя по другую сторону стола от него, Толстый Чарли чувствовал себя неловким, дурно сложенным и

глуповатым. Дело было не в одежде, а в сознании, что сам он в таких вещах выглядел бы жалким клоуном. Дело было не в том, как Паук улыбался (небрежно, радостно), а в холодной, непреложной уверенности самого Толстого Чарли, что даже практикуйся он перед зеркалом до конца времен, ему все равно не выдавить улыбку и вполовину столь обаятельную — чуть нахальную, чуть галантную.

— Ты приезжал на мамину кремацию, — сказал Толстый Чарли.

— Я собирался подойти к тебе после службы, — отозвался Паук, — но решил, что это не самая удачная мысль.

— Жаль. — Тут Толстому Чарли кое-что пришло в голову. — Я думал, ты и на папины похороны придешь.

— Что? — переспросил Паук.

— На папины похороны. Во Флориде. Пару дней назад.

Паук тряхнул головой.

— Он не мертв! Уверен, я бы знал, если бы он умер.

— Он мертв. Я его похоронил. Ну, во всяком случае, засыпал могилу. Спроси миссис Хигглер, если хочешь.

— Как он умер?

— Сердечный приступ.

— Это ничего не значит. Это только говорит, что он умер.

— Ну да. Умер.

Паук перестал улыбаться. Теперь он смотрел в свой кофе, будто надеялся там найти ответ.

— Надо бы самому посмотреть, — пробормотал он. — Нет, я тебе, конечно, верю. Но когда речь идет о твоем старике… Даже если твой старик одновременно мой старик.

Он скривился. Толстый Чарли прекрасно знал, что значит эта гримаса. Она достаточно часто возникала на его собственном лице, когда заговаривали о его отце.

— Она живет все там же? В доме по соседству с тем, где мы выросли?

— Миссис Хигглер? Да, там же.

— Ты, случаем, ничего оттуда не привез? Открытку? Может, фотографию?

— Целую коробку.

Большую картонную коробку Толстый Чарли еще не открывал. Она так и осталась забытая в коридоре. Принеся ее в кухню, он поставил ее на стол. Потом кухонным ножом разрезал скотч, которым она была оклеена. Запустив тонкие

пальцы в коробку, Паук перелистнул фотографии точно игральные карты, пока не нашел одну двадцатилетней давности, на которой их мать и миссис Хигглер сидели на крыльце у последней.

— И крыльцо еще на месте?

Толстый Чарли напряг память.

— Кажется, да.

Позднее он так и не мог сообразить, увеличилась ли фотография или Паук уменьшился. Он мог бы поклясться, что ничего такого на самом деле не произошло, тем не менее бесспорным было одно: Паук ушел в фотографию, которая замерцала, пошла рябью и его поглотила.

Толстый Чарли потер глаза. Шесть утра, он в кухне один. На столе картонная коробка с бумагами и фотографиями, рядом — пустая кружка. Кружку Толстый Чарли поставил в раковину. Потом прошел по коридору в спальню, рухнул в кровать и проспал, пока будильник не зазвонил в четверть восьмого.

Глава четвертая, которая завершается вечером с вином, женщинами и песнями

Толстый Чарли проснулся.

Мысли у него путались: вспоминался то сон, в котором он встретился с братцем-шоуменом, то тот, в котором к нему явился президент Тафт заодно со всеми персонажами из «Тома и Джерри». Приняв душ, Толстый Чарли пошел на работу.

И весь рабочий день что-то свербило у него в голове, но он никак не мог понять что. А потому у него все валилось из рук: он клал вещи не туда и то и дело что-нибудь забывал. В какой-то момент даже запел, сидя за столом, но не от счастья, а потому что забыл, что так не положено. Поймал он себя на этом только, когда сам Грэхем Хорикс просунул голову в его шкаф-кабинет, чтобы его одернуть.

— Никаких радио, плейеров или прочей аудиоаппаратуры в офисе, — с видом злобного хорька сказал Грэхем Хорикс. — Такое разгильдяйство в рабочем помещении недопустимо.

— Это не радио, — признался Толстый Чарли,

уши у него пылали.

— Нет? Тогда что, скажите на милость?

— Я.

— Вы?

— Да. Я пел. Извините, пожалуйста…

— Готов был поклясться, что это радио. Надо же так ошибиться! Господи всемогущий! Ну, с такими поразительными способностями, с такими талантами вам следовало бы оставить нас ради сцены… Так сказать, услаждать слух больших аудиторий, возможно, даже в летнем театре на пирсе, а не занимать стол в офисе, где простые смертные пытаются работать. А? Мы здесь способствуем творческим карьерам.

— Нет, — пробормотал Толстый Чарли. — Я не хочу от вас уходить. Просто не подумал.

— Тогда вам нужно научиться воздерживаться от пения… За исключением ванны, душа или, быть может, трибун, когда болеете за любимую футбольную команду. Кстати, я болею за «Хрустальный дворец». Не то скоро поймете, что вам пора искать другое место.

Толстый Чарли улыбнулся, но тут же понял, что ему не до улыбок, и сделал серьезное лицо, но Грэхем Хорикс уже ушел, поэтому Толстый Чарли только выругался себе под нос, сложил на столе

руки и ткнулся в них головой.

— Это вы пели? — спросила новенькая из отдела по связям с клиентами-артистами. Толстому Чарли никогда не удавалось запомнить имен сотрудниц: только выучишь, они уже уходят.

— Боюсь, что так.

— Что вы пели? Хорошо звучало.

Толстый Чарли сообразил, что не знает, и только пожал плечами:

— Не знаю. Я не слушал.

Девушка рассмеялась, но тихонько, чтобы не привлечь внимания начальства.

— Он прав. Вам бы записываться, а не здесь прозябать.

На это Толстый Чарли не нашелся, что ответить. Зардевшись, он начат вычеркивать цифры, делать пометки, собирать самоклеющиеся бумажки с записками и клеить их на экран, пока не удостоверился, что девушка ушла.

Позвонила Мэв Ливингстон: не будет ли Толстый Чарли так добр попросить Грэхема Хорикса связаться с управляющим в ее банке. Он пообещал сделать все, что сможет. В ответ миссис Ливингстон с нажимом посоветовала ему постараться.

В четыре позвонила на мобильный Рози, чтобы

сказать, мол, воду в ее квартире снова включили и что (отличная новость!) мама решила проявить интерес к будущей свадьбе и просила заехать к ней обсудить приготовления.

— Если она возьмет на себя праздничный обед, то мы сэкономим на еде целое состояние.

— Нехорошо так говорить. Позвоню вечером сказать, как все прошло.

Сказав, что любит ее, Толстый Чарли отключился. И, почувствовав спиной чей-то взгляд, повернулся.

— Кто звонит по личным делам в рабочее время, пожнет бурю. Знаете, кто это сказал?

— Вы?

— Воистину, — согласился Грэхем Хорикс. — Воистину я. И никогда не произносилось более праведных слов. Считайте это официальным предупреждением.

Тут он улыбнулся самодовольной ухмылочкой, от которой в голову Толстого Чарли невольно полезли праздные мысли: а что будет, если погрузить кулак в пухленький живот Грэхема Хорикса. К сожалению, такая попытка скорее всего похожа на игру в орлянку между увольнением и судебным иском о нападении. И все-таки как приятно было бы…

По природе своей Толстый Чарли чурался насилия, но можно же помечтать. Мечтал он обычно о чем-нибудь небольшом и комфортном. Достаточно денег, чтобы есть в хороших ресторанах, когда пожелает. Работу, на которой никто бы не шпынял его и не понукал. Петь без стеснения — где-нибудь, где его никто не услышит.

Но сегодня мысли бежали вскачь… Хорошо бы уметь летать… И чтобы пули отскакивали от его могучей груди, когда, спикировав с неба, он спасет Рози от банды похитивших ее мерзавцев и негодяев. Она крепко его обнимет, а потом они полетят на закат… в Замок Отважного Героя, где благодарность захлестнет ее настолько, что она с энтузиазмом забудет про решение дожидаться свадьбы и тут же начнет проверять, как быстро они сумеют заполнить банку…

Сны наяву помогали снять стресс от пребывания в «Агентстве Грэхема Хорикса», от повторений звонящим, что их чеки ушли по почте, от выколачивания денег, которые причитаются агентству и его клиентам.

В шесть Толстый Чарли выключил компьютер и, подозрительно глянув на лифт, спустился по лестнице. Дождя не было. Над головой кружили и чирикали скворцы — предвечерний хор горо-

да. Все прохожие на тротуаре куда-то спешили — большинство, как и Толстый Чарли, к станции метро линии Кингсвей-Холборн. Люди шли, втянув головы в плечи, и вид у них был такой, словно им не терпится попасть домой.

Только один никуда не торопился. Он стоял лицом к Толстому Чарли и спешащим по домам людям, и полы его кожаной куртки хлопали на ветру. Он не улыбался.

Толстый Чарли увидел его еще от угла. По мере того как расстояние между ними сокращалось, окружающее утрачивало реальность. День растворялся, и Толстый Чарли понял, что провел его, стараясь вспомнить…

— Привет, Паук, — сказал он, когда подошел поближе.

Вид у Паука был такой, будто в душе у него бушевала буря. Или будто он вот-вот расплачется. Откуда было знать Толстому Чарли? В лице, в осанке Паука отражалось столько эмоций, что люди пристыженно отводили глаза.

— Я туда съездил. — Слова прозвучали тускло. — Повидался с миссис Хигглер. Она отвела меня на могилу. Мой отец умер, а я не знал…

— Он был и моим отцом, Паук.

Как же он мог забыть про Паука, как мог отмах-

нуться от него, словно от сна?!

— Верно.

Предвечернее небо расчертили скворцы, одни кружили, другие летали зигзагами между крыш.

Паук вдруг рывком расправил плечи, словно бы принял какое-то решение.

— Ты прав, так прав, — сказал он. — Мы совершим это вместе.

— Вот именно, — согласился Толстый Чарли, а потом спросил: — Что совершим?

Но Паук уже подозвал такси.

— Мы — мужчины в большой беде, — возвестил Паук всему миру. — Нашего отца больше нет с нами. Сердца тяжелы у нас в груди. Горе опустилось на нас страшным бременем. — Тьма — наша участь, а неудача — единственный спутник.

— Ладно, ладно, джентльмены, — весело отозвался таксист. — Куда вас везти?

— Туда, где можно найти три лекарства от горя, — велел Паук.

— Может, купим курицу в карри? — предложил Толстый Чарли.

— Есть три и только три вещи, способные усмирить боль, какую испытываешь при мысли о смерти, — сказал Паук. — Это вино, женщины и песни.

— Курица в карри тоже неплохо, — заметил Толстый Чарли, но никто его не слушал.

— В каком-то особом порядке? — поинтересовался таксист.

— Сначала вино, — объявил Паук. — Озера, и реки, и безбрежные океаны вина.

— Поехали.

Такси тронулось с места.

— У меня на душе кошки скребут, — любезно внес свою лепту Толстый Чарли.

Паук кивнул.

— Скверно на душе. Да. Нам обоим скверно. Сегодня мы поделимся друг с другом бедой и прогоним ее. Мы будем горевать. Мы до осадка изопьем смертности. Разделенная боль, брат мой, не увеличивается вдвое, но уменьшается вполовину. Не разломить колчан стрел, но одну…

— И не спрашивай, по ком звонит колокол, — произнес нараспев таксист. — Он звонит по тебе.

— Ух ты! — вырвалось у Паука. — Крутой у тебя коан!

— Спасибо, — скромно ответил водитель.

— Верно, все мы смертны. А вы, похоже, философ. Меня зовут Паук. А это мой брат, Толстый Чарли.

— Чарльз, — сказал Толстый Чарли.

— Стив. Стив Берридж.

— Мистер Берридж, — сказал Паук, — не хотелось бы вам стать нашим личным водителем на сегодняшний вечер?

На это Стив Берридж объяснил, что у него как раз заканчивается смена и что он погонит такси на стоянку, а после его ждет обед с миссис Берридж и множеством маленьких Берриджей.

— Слышал? — обратился Паук к Толстому Чарли. — Семейный человек. А вот у нас с братом никого больше нет. И ведь мы только сегодня познакомились.

— Похоже, та еще история, — отозвался таксист. — Давняя семейная ссора?

— Отнюдь. Он просто не знал, что у него есть брат, — сказал Паук.

— А ты знал? — поинтересовался Толстый Чарли. — Про меня?

— Возможно. Но все так легко забывается.

Таксист притормозил.

— Куда мы приехали? — спросил Толстый Чарли.

Далеко они не уехали. Кажется, всего до Флит-стрит.

— Там, куда вы просили отвезти, — объяснил таксист. — За вином.

Выбравшись из машины, Паук уставился на грязные дубовые доски и запыленное окно древнего кафе.

— Великолепно, — сказал он наконец. — Заплати, брат.

Толстый Чарли заплатил за проезд и они вошли внутрь: спустились по темной деревянной лестнице в подвал, где румяные барристеры пили бок о бок с мертвенно-бледными биржевыми брокерами и управляющими трастовыми фондами. Пол был посыпан опилками, список вин неразборчиво нацарапан мелом на грифельной доске за стойкой.

— Что пьешь? — спросил Паук.

— Просто бокал красного, пожалуйста, — сказал Толстый Чарли.

Паук поглядел на него торжественно.

— Мы последние в роду Ананси. Такие, как мы, не оплакивают кончину отца за столовым красным.

— Э-э-э… верно. Тогда я выпью то же, что и ты.

Паук направился к стойке, прорезая толпу, словно ее тут и не было вовсе. Через несколько минут он вернулся с двумя бокалами, штопором и исключительно пыльной бутылкой. Легкость, с которой он ее открыл, произвела большое впе-

чатление на Толстого Чарли, который вечно вылавливал из Своего бокала куски пробки. Вино из бутылки полилось такое темное, что казалось почти черным. Налив до краев два бокала, Паук поставил один перед Толстым Чарли.

— Тост, — объявил он. — В память о нашем отце.

— О папе, — сказал Толстый Чарли, стукнул бокалом о бокал брата, чудом не пролив ни капли, и попробовал вино. На вкус оно было странно горьким, травянистым и солоноватым. — Что это?

— Похоронное вино. Такое пьют по умершим богам. Его уже давно не делают. Его настаивали на горьком алоэ и розмарине и на слезах девственниц, у которых сердце разбито.

— И продают в забегаловке на Флит-стрит? — Толстый Чарли взял со стола бутылку, но этикетка поблекла и запылилась настолько, что стала совсем неразборчивой. — Никогда о таком не слышал.

— В таких старинных местечках встречается приличное вино, если знаешь, о чем попросить, — объяснил Паук. — А может, я просто решил, что оно здесь есть.

Толстый Чарли отпил еще. Вино было крепким и терпким.

— Такое вино не пьют по глотку, — продолжал Паук. — Это траурное вино. Его проглатывают залпом. Вот так. — Он сделал огромный глоток, потом скорчил гримасу. — И на вкус так лучше.

Помедлив, Толстый Чарли отпил побольше. Ему показалось, он чувствует на языке вкус алоэ и розмарина. Интересно, может, соль здесь и правда от слез?

— Розмарин кладут на долгую память, — сказал, доливая вино, Паук.

Толстый Чарли начал было объяснять, что сегодня ему пить не следует, что завтра ему на работу, но Паук его оборвал:

— Твоя очередь произносить тост.

— Э-э-э… верно, — сказал Толстый Чарли. — За маму.

Они выпили за маму. Толстый Чарли обнаружил, что горькое вино начинает ему нравиться. Глаза у него защипало, все существо пронзило ощущение глубокой, болезненной утраты. Он скучал по матери. Он скучал по своему детству. Он даже скучал по отцу. Паук по другую сторону стола тряхнул головой, по щеке у него скатилась слеза и с плеском упала в бокал. Потянувшись за бутылкой, он налил им обоим еще.

Толстый Чарли выпил.

Печаль бежала по его венам, наполняя душу, само его существо болью утраты, которая поднималась, как приливная волна.

Теперь и по его лицу бежали слезы и плескались в стакан. Он порылся по карманам в поисках бумажного носового платка. Паук разлил остатки вина.

— Тут правда продают такое вино?

— У владельца была бутылка, о которой он даже не подозревал. Надо было только напомнить.

Толстый Чарли высморкался.

— Я даже не знал, что у меня есть брат.

— А я знал, — отозвался Паук. — Все собирался тебя найти, но то и дело что-нибудь отвлекало. Сам знаешь, как это бывает.

— Да нет. Вообще-то не знаю.

— Всякие дела.

— Какие дела?

— Всякие. Возникали. Ведь дела затем и существуют. Чтобы возникать. Не могу же я уследить за всем и вся?!

— Какие, например?

Паук выпил еще.

— Ну как хочешь, сам напросился. В прошлый раз, когда я решил, что надо бы тебя повидать, я — как бы это сказать? — стал планировать все за-

ранее. Хотел, чтобы все прошло лучше не бывает. Надо было выбрать одежду, потом придумать, что скажу при встрече. Сам понимаешь, встреча двух братьев — эпический сюжет, верно? И решил, что лучше всего к такому торжественному случаю подходят стихи. Но какие именно? Отбарабанить рэп? Продекламировать гекзаметр? Не мог же я приветствовать тебя лимериком, верно? Нет, тут требуется что-то глубокое, мощное, эпическое. А потом меня осенило. Возникла первая строчка. Просто потрясающая. Слушай: «Кровь родную кровь зовет, как сирена в ночи». Чувствуешь, сколько она передает? Я сразу понял, что смогу вложить в мои стихи все: про то, как люди умирают в переулках, Про пот и кошмары, про мощь несломленного духа. Туда целый мир бы поместился. А потом мне пришла в голову вторая строка, и все полетело в тартарары: ничего, кроме «Там-тампти-тампти-там, замолчи» не получалось.

Толстый Чарли моргнул.

— Кто такой Там-тампти-тампти-там?

— Никто. Просто звуки, чтобы показать, где положено быть словам. Дальше этого у меня не пошло, а ведь не мог же я явиться к тебе только с первой строчкой из эпической поэмы и какими-

то там тампти, правда? Это было бы неуважением к тебе.

— Ну…

— Вот именно. Поэтому я поехал на неделю на Гавайи. Как я и сказал, дело возникло.

Толстый Чарли отпил еще вина. Оно нравилось ему все больше и больше. Иногда крепость и пряный вкус подходят для сильных чувств, и сейчас был как раз такой случай.

— Но не обязательно же второй строчке поэмы быть такой… — сказал он.

Паук положил узкую руку на лапищу Толстого Чарли.

— Хватит обо мне, — сказал он. — Как ты жил?

— Да и рассказывать-то нечего.

И Толстый Чарли рассказал брату про, свою жизнь. Про Рози и ее маму, про Грэхема Хорикса и его агентство, а брат все кивал. «Если облечь жизнь в слова, то и не жизнь это вовсе», — подумал Толстый Чарли.

— С другой стороны, — философски заключил он, — мы ведь каждый день читаем про людей в светской хронике и в газетных сплетнях, твердящих о том, какая тусклая, пустая и бессмысленная у них жизнь.

Он опрокинул бутылку над стаканом, надеясь

выцедить хотя бы глоток вина, но выкатилась только одна капля. Бутылка была пуста. Она протянула дольше, чем имела на то право, но теперь ничего не осталось.

Паук встал.

— Видел я этих людей, о которых пишут в глянцевых журналах, — сказал он. — Пил с ними виски и чай. Собственными глазами видел их никчемные жизни. Я наблюдал за ними из теней, когда они считали, что, кроме них, в комнате никого нет. И скажу тебе одно: боюсь, ни один из них даже под дулом пистолета с тобой, брат мой, не поменяется. Пошли.

— Да? Куда мы идем?

— Идем. Мы завершили первую часть нашей тройной миссии. Вино выпито. Осталось еще две.

— Э-э-э…

Толстый Чарли поплелся за Пауком на улицу, надеясь, что ночная прохлада прочистит ему мозги. Не прочистила. Толстому Чарли казалось, что голова у него вот-вот уплыла бы, не будь она так крепко приделана к шее.

— Теперь женщины, — сказал Паук. — А напоследок песни.

Наверное, следует упомянуть, что в мире Тол-

стого Чарли женщины не появлялись просто так. Нужно было, чтобы тебя представили. Потом нужно набраться храбрости заговорить. А когда наберешься, найти тему, о чем говорить, а после (когда достигнешь таких высот) ждут новые вершины. Нужно рискнуть спросить, есть ли у нее планы на субботний вечер, а когда спросишь — всегда оказывалось, что ей нужно мыть голову, записать упущенное в дневнике, вычесать спаниеля или просто ждать у телефона звонка кого-то другого.

Но Паук жил в ином мире.

Они направились к Вест-энду и остановились у переполненного паба. Народу там было столько, что часть перебралась с выпивкой на тротуар. И Паук вдруг бросил «привет» девушке по имени Сильвия, чей день рождения (как выяснилось) праздновали. Именинница была польщена, услышав, что Паук пообещал в честь такого случая угостить выпивкой ее с друзьями. Потом стал рассказывать анекдоты («…«нескафе»? Да это же лучшая банка для окурков!») и сам над ними хохотал — радостным раскатистым смехом. Он с ходу запомнил, как кого зовут. Он заговаривал с людьми и слушал, что ему рассказывают в ответ. Когда Паук объявил, что пора поискать другой

паб, вся вечеринка решила (все до одной женщины), что пойдет с ним…

К третьему пабу Паук походил на рок-певца после концерта: девушки на нем просто висли. Ластились. Несколько наполовину в шутку, наполовину всерьез поцеловали. Толстый Чарли глядел на происходящее с неподдельным ужасом.

— Ты его телохранитель? — спросила одна.

— Что?

— Его телохранитель? Да?

— Нет, — ответил Толстый Чарли. — Я его брат.

— Ух ты! Даже не знала, что у него есть брат. Он потрясающий, правда?

— Правда, правда, — согласилась другая, которая некоторое время прижималась к Пауку, пока ее не оттеснили другие тела с теми же намерениями. Толстого Чарли она только сейчас заметила. — Ты его менеджер?

— Нет. Он его брат, — сказала первая и многозначительно добавила: — Он как раз мне это объяснял.

Вторая пропустила ее слова мимо ушей.

— Ты тоже из Штатов? У тебя такой странный акцент.

— Когда я был маленьким, мы жили во Флориде.

Мой папа — американец, а мама… ну, родилась она на Сан Андреасе, но выросла в…

Никто его не слушал.

Когда они двинулись дальше, запоздалые гуляки с дня рождения потянулись следом. Женщины обступили Паука, спрашивая, куда идут теперь, предлагали рестораны и ночные клубы, но Паук только улыбался и шел себе вперед.

Толстый Чарли тащился сзади, чувствуя себя как никогда чужим.

Спотыкаясь, вся компания брела через мир желтых фонарей и разноцветных неоновых вывесок. Паук обнимал нескольких женщин разом. На ходу он целовал их без разбора — как человек, надкусывающий сперва один, потом другой летний плод. Никто как будто не обижался.

«Это не нормально, — думал Толстый Чарли. — Ни в коем случае не нормально». Он даже не пытался нагнать, просто старался не отставать.

И все еще чувствовал на языке горькое вино.

Тут он сообразил, что одна из девушек идет с ним рядом. Она была невысокой, худенькой, с хорошим лукавым личиком — точь-в-точь проказливый эльф — и сейчас тянула его за рукав.

— Что мы собираемся делать? — спросила она. — Куда идем?

— Мы оплакиваем моего отца, — ответил Толстый Чарли. — Кажется.

— Это что, реалити-шоу?

— Надеюсь, что нет.

Паук тем временем остановился и повернулся. Глаза у него блеснули так, что Толстому Чарли стало не по себе.

— Пришли, — объявил Паук. — Мы у цели. Он бы этого хотел.

На листке ярко-оранжевой бумаги на дверях паба было написано от руки: «Сегодня. Наверху. КАРАОКЕ».

— Песни, — сказал Паук и добавил: — Шоу начинается.

— Нет! — вырвалось у Толстого Чарли, и он застыл как вкопанный.

— Ему бы понравилось, — улыбнулся Паук.

— Я не хочу петь. Только не на людях. К тому же я пьян. И вообще это не самая удачная мысль.

— Это отличная мысль, — с чарующей улыбкой возразил Паук. «Включенная» в нужный момент, такая улыбка способна развязать священную войну. Однако Толстого Чарли она не убедила.

— Послушай, — начал он, стараясь подавить панику, — у каждого из нас есть что-то, чего он просто не делает. Верно? Кое-кто не летает. Кое-

кто не занимается сексом на публике. Кое-кто не растворяется в дым. Я ничего такого не делаю. И, главное, не пою.

— Даже ради папы?

— Особенно ради папы. Он уже в могиле и больше меня опозорить не сможет. Во всяком случае, больше, чем уже опозорил.

— Прошу прощения, — сказала одна из молодых женщин. — Прошу прощения, но мы идем? Потому что мне холодно, а Сильвии нужно по маленькому.

— Идем, — решил Паук и улыбнулся ей.

Толстый Чарли хотел запротестовать, настоять на своем, но его уже затянули внутрь — он сам себя ненавидел. На лестнице он нагнал Паука.

— Я войду, — сказан он. — Но петь не буду.

— Ты уже вошел.

— Знаю. Но петь не буду.

— Нет смысла говорить, что не войдешь, когда уже вошел.

— Я не умею петь.

— Хочешь сказать, что я унаследовал и музыкальные таланты тоже?

— Я хочу сказать, что, если открою рот, чтобы петь на людях, меня стошнит.

Паук ободряюще сжал ему локоть.

— Бери пример с меня.

Именинница и две ее подруги неуверенно поднялись на небольшую сцену и прохихикали через «Танцующую королеву». Толстый Чарли пил джин с тоником (кто-то сунул ему в руку стакан) и морщился на каждой ноте, где они фальшивили, на каждой перемене тональности, которой не случалось. Остальные гости с дня рождения зааплодировали.

Их место заняла другая девушка — та самая, которая спрашивала Толстого Чарли, куда они идут. Зазвучали вступительные аккорды «Поддержи меня», и она запела — если только понимать это выражение в самом приблизительном и широком смысле: она не попадала ни в одну ноту, вступала слишком рано или слишком поздно, да и вообще неправильно читала слова. Толстому Чарли стало ее жаль.

Спустившись со сцены, она направилась к стойке. Толстый Чарли уже собрался сказать что-нибудь сочувственное, но она просто светилась от радости.

— Так здорово! — выдохнула она. — Просто изумительно.

Толстый Чарли принес ей выпивку, большой стакан «отвертки».

— Я так повеселилась! — продолжала она. — А ты попробуешь? Давай же! Ты просто должен это сделать! Готова поспорить, хуже меня тебе не спеть.

Толстый Чарли пожал плечами, надеясь так показать, что в нем скрываются еще не разведанные глубины «хужести».

А вот Паук на маленькую сцену поднялся с таким видом, словно за ним следовал луч прожектора.

— Спорим, что он замечательно споет? — сказала девушка с «отверткой». — Кто-то, кажется, говорил, что ты его брат?

— Нет, — нелюбезно буркнул Толстый Чарли. — Это я сказал, что он мой брат.

Паук запел «Под променадом на пляже».

Ничего бы не случилось, если бы Толстому Чарли меньше нравилась эта песня. Когда ему было тринадцать, он считал ее лучшей на свете. (К тому времени, когда он стал пресытившимся и уставшим от мира четырнадцатилеткой, его любимой стала «Нет женщины, нет слез» Боба Марли.) А теперь Паук пел его песню и делал это хорошо. Он попадал в тон и пел так, словно слова шли у него из сердца. Люди вокруг забыли про выпивку, замолчали — только смотрели на него

и слушали.

Когда Паук допел, раздались крики «браво». Будь на присутствующих шляпы, они, несомненно, подбросили бы их в воздух.

— М-да, понятно, почему тебе не хочется петь после него, — сказала Толстому Чарли девушка с «отверткой». — С таким не потягаешься, верно?

— Ну… — протянул Толстый Чарли.

— Я хочу сказать, сразу видно, кому в вашей семье достались все таланты, — улыбнулась она.

Говоря это, она склонила голову набок и вздернула подбородок. Именно вздернутый подбородок его доконал. Направляясь к сцене, Толстый Чарли ставил одну ногу впереди другой — впечатляющий подвиг физической ловкости. Пот с него катился градом.

Следующие несколько минут прошли как в тумане. Он поговорил с ди-джеем, выбрал себе из списка песню «Незабываемая», выждал, казалось, целую вечность и получил микрофон.

Во рту у него пересохло. Сердце в груди трепыхалось.

На экране возникло первое слово: «Незабываемая…»

Видите ли, в чем дело: в действительности Толстый Чарли умел петь. У его голоса был и

диапазон, и глубина, и экспрессия. Когда он пел, все его тело превращалось в инструмент.

Зазвучала музыка.

Мысленно Толстый Чарли уже открыл рот, чтобы пропеть «Незабываемая…». Потом он споет «Вот какая ты…» и будет петь в честь покойного отца, в честь брата и ночи.

Вот только он не мог. На него же смотрели. В помещении над пабом было меньше двух десятков человек. Большинство женщины. Перед аудиторией Толстый Чарли даже рта не мог открыть.

Он слышал музыку, но просто стоял. Ему было очень холодно. Ноги словно бы терялись в дальнем далеке.

Толстый Чарли заставил себя разжать челюсти.

— Думаю, — перекрывая музыку, очень внятно сказал он в микрофон и услышал, как слова эхом отдались от стен, — думаю, меня сейчас стошнит.

Уход со сцены вышел не слишком элегантным.

А после все несколько затуманилось.

Есть на свете мифические места. Каждое из них существует на свой собственный лад. Одни наложены поверх мира, другие прячутся под ним, словно нижний слой краски на картине.

А еще есть горы. Это каменистые пространства, которые нужно пройти, прежде чем выйти к горам на краю света, а в этих горах есть глубокие пещеры, которые были обитаемы задолго до того, как разжег костер первый человек.

Они и по сей день обитаемы.

Глава пятая, в которой речь идет об утренней расплате

Толстому Чарли хотелось пить…

Толстому Чарли хотелось пить, и голова у него болела, во рту было гадостно, глаза — слишком маленькие для головы. Все зубы зудели, желудок жгло огнем, а спина болела такой болью, которая начинается от коленей и доходит до лба, мозги у него как будто изъяли и заменили ватными тампонами, иголками и булавками, вот почему тяжело было даже попытаться думать, а глаза стали слишком круглыми и за ночь выкатились, а потом их прибили назад кровельными гвоздями…

К тому же любые звуки громче трения друг о друга молекул в броуновском движении — выше его болевого порога. А еще ему хотелось умереть.

Толстый Чарли открыл глаза. Большая ошибка: ведь так он впустил внутрь дневной свет, а от него стало больно. С другой стороны, теперь стало ясно, где он (в собственной кровати, в своей спальне) и (поскольку прямо перед ним стоял бу-

дильник) что времени половина двенадцатого.

А самое ужасное (думал он по одному слову зараз) — у него такое похмелье, каким ветхозаветный бог поражал мадианитян, и при следующей же встрече с Грэхемом Хориксом, без сомнения, он услышит, что уволен. Интересно, не удастся ли разыграть по телефону нечеловеческие муки? Тут Толстый Чарли сообразил, что большим подвигом была бы попытка изобразить хоть что-то другое.

Он не помнил, как вчера ночью попал домой.

Наверное, надо позвонить в офис. Как только сумеет вспомнить номер телефона. Тогда он извинится… какая-нибудь чудовищная двадцатичетырехчасовая простуда… дескать, лежит пластом и ничего поделать не может…

— Знаешь, — сказал кто-то рядом с ним в кровати, — кажется, бутылка воды с твоей стороны. Не можешь передать?

Толстому Чарли хотелось объяснить, что никакой бутылки с его стороны кровати нет и что вообще ближайшая вода в раковине ванной, и если он промыл стакан для полоскания зубов… а потом сообразил, что смотрит на одну из нескольких бутылок, стоящих у него на тумбочке. Протянув руку, он почувствовал, как показавшиеся чужи-

ми пальцы сомкнулись на горлышке, а после с усилием, которое обычно приберегают для того, чтобы втянуться на последние несколько футов по отвесной скале, перекатился в кровати.

Это была девушка с «отверткой». К тому же голая. Во всяком случае, те части, которые ему были видны.

Забрав у него бутылку, она натянула себе на грудь простыню.

— Спасибо. Он просил тебе передать, когда проснешься, чтобы ты из-за работы не беспокоился. Не нужно звонить и говорить, что заболел. Он просил передать, что уже обо всем позаботился.

Толстого Чарли это не успокоило. Его заботы и тревоги отнюдь не улеглись. Впрочем, учитывая его нынешнее состояние, в голове у пе го хватало места лишь для одной мысли, и сейчас он беспокоился, успеет ли вовремя добраться до туалета.

— Тебе нужно побольше пить, — сказала «Отвертка». — Восстановить водный баланс.

Толстый Чарли успел в ванную. Затем (раз он уже был на месте) постоял под душем, пока стены не перестали покачиваться, а после почистил зубы, не сблевав.

Когда он вернулся в спальню, «Отвертки» там уже не было, что принесло большое облегчение

Толстому Чарли, который начал надеяться, а вдруг она алкогольная галлюцинация, как розовые слоны или кошмарная мысль, что вчера вечером он поднимался на сцену, чтобы петь.

Халата он не нашел, поэтому надел тренировочный костюм — лишь бы почувствовать себя достаточно одетым для визита на кухню в дальнем конце коридора.

Зазвонил мобильный телефон, и он стал ощупывать куртку, которая лежала на полу у кровати, пока не нашел аппарат и щелчком не отбросил крышку. Потом он, насколько возможно маскируя голос, в него хмыкнул — на случай, если это кто-нибудь из «Агентства Грэхема Хорикса» пытается определить его местонахождение.

— Это я, — произнес голос Паука. — Все в норме.

— Ты сказал, что я умер?

— Еще лучше. Я сказал, что я это ты.

— Но… — Толстый Чарли постарался собраться с мыслями. — Но ты же не я!

— Ха, я-то это знаю! Я им так сказал.

— Ты даже не похож на меня.

— Не создавай лишних проблем. Все под контролем. Ох! Пора бежать. Большой босс хочет меня видеть.

— Грэхем Хорикс? Послушай, Паук…

Но Паук уже отключился, экранчик мобильного погас.

В дверь вошел халат Толстого Чарли. В халате была девушка, и на ней он смотрелся гораздо лучше, чем на самом Толстом Чарли. В руках она несла поднос со стаканом воды, в которой шипел «алка-зельтцер», и кружкой с еще чем-то.

— Выпей и то и другое, — велела она. — Сначала из кружки. Залпом.

— Что в ней?

— Яичный желток, острый вустерский соус, табаско, соль, чуточка водки и так далее. Исцелит или прикончит. Давай! — сказала она не допускавшим возражений тоном. — Пей!

Толстый Чарли влил в себя жидкость.

— О Господи! — выдохнул он.

— Ага, — согласилась девушка. — Но ты все еще жив.

В этом он был не уверен, но все равно выпил «алка-зельтцер». Тут ему кое-что пришло в голову.

— М-м-м… — сказал Толстый Чарли. — Э-э-э… Послушай. Вчера ночью. Мы. Э-э-э…

«Отвертка» недоуменно расширила глаза.

— Мы — что?

— Ну, мы… Сама знаешь. Делали?

— Ты хочешь сказать, что не помнишь? — Ее лицо упало. — Ты сказал, такого у тебя никогда не было, словно ты раньше никогда не занимался любовью с женщиной. Ты был на одну треть — бог, на одну треть — животное и еще на одну — неостановимая секс-машина.

Толстый Чарли не знал, куда девать глаза. «Отвертка» захихикала.

— Шучу. Я помогла твоему брату доставить тебя домой, мы тебя почистили, а после сам знаешь…

— Нет, — отозвался он. — Не знаю.

— Ты был в отключке, а кровать у тебя большая. Не знаю, где спал твой брат. У него, наверное, здоровье, как у быка. Встал с рассветом ясный, как солнышко.

— Он пошел на работу, — пробормотал Толстый Чарли, — Выдал себя за меня.

— А они не заметят разницы? Я хочу сказать, на близнецов вы не похожи.

— По всей видимости, пока не заметили.

Он покачал головой, потом посмотрел на девушку, которая показала ему маленький, исключительно розовый язычок.

— Как тебя зовут?

— Ты что, забыл? Я-то твое имя помню. Ты Тол-

стый Чарли.

— Чарльз, — сказал он. — Просто Чарльз сойдет.

— Я Дейзи. — Она протянула руку. — Приятно познакомиться.

Они серьезно пожали друг другу руки.

— Мне чуть лучше, — неожиданно заключил Толстый Чарли.

— Как я и сказала, прикончит или исцелит.

А в «Агентстве Грэхема Хорикса» Паук великолепно проводил время. Он никогда не работал в офисах. Он вообще никогда не работал. Все было новым, все было чудесным и странным — начиная с крохотного лифта, который рывками поднял его на пятый этаж в «муравейник» «Агентства Грэхема Хорикса». Он с изумлением постоял у стеклянной витрины с пыльными грамотами в прихожей. Он побродил по офисам, а когда его спрашивали, кто он такой, отвечал «Толстый Чарли Нанси» и произносил эти слова «божественным» голосом — тогда все, что он говорил, становилось правдой.

Он нашел комнату отдыха и приготовил себе несколько чашек чая. Потом отнес их на стол Толстого Чарли и расставил в художественном беспорядке. Потом решил поиграть с компью-

терной сетью. Сеть спросила у него пароль. «Я Толстый Чарли Нанси», — сказал он компьютеру, но все равно оставались места, куда его не пускали, поэтому он сказал: «Я Грэхем Хорикс», — и директории раскрылись перед ним как лепестки цветка.

Он покопался в компьютере, открывал то один, то другой файл, пока ему не наскучило. Разобрался с входящими документами и папками. Разобрался с незаконченными делами. Тут ему пришло в голову, что Толстый Чарли, наверное, уже проснулся, поэтому он позвонил ему домой успокоить. Он как раз счел, что неплохо потрудился за одно утро, когда в дверь просунул голову Грэхем Хорикс, который, проведя пальцем по губам, как у хорька, поманил его к себе.

— Пора бежать, — сказал Паук брату. — Большой босс хочет со мной поговорить.

Он разорвал связь.

— Опять личные разговоры в рабочее время, Нанси? — сказал Грэхем Хорикс.

— Абсо-хрен-лютно, — согласился Паук.

— Это меня вы назвали «большим боссом»? — поинтересовался Грэхем Хорикс, когда, пройдя по коридору, они переступили порог его офиса.

— Так вы и есть самый большой, — ответил

Паук. — И самый боссовый.

Грэхем Хорикс поглядел на него озадаченно: он подозревал, что над ним смеются, но не знал наверняка, и это сбивало его с толку.

— Присаживайтесь, хе-хе, присаживайтесь.

Паук присел.

В обычае Грэхема Хорикса было поддерживать постоянную текучку кадров в своем агентстве. Одни сотрудники приходили и уходили. Другие приходили и задерживались ровно до того момента, когда их работа вот-вот начнет давать хоть какие-нибудь права на защиту рабочего места. Толстый Чарли протянул дольше всех: год и одиннадцать месяцев. Еще месяц, и он получит право на выплаты по сокращению штатов или же арбитражные суды станут частью его жизни.

Была одна речь, которую Грэхем Хорикс всегда произносил перед тем, как кого-то уволить. Он очень ею гордился.

— В жизни каждого из нас, — начал он, — иногда случаются дожди. Но среди туч всегда светит лучик надежды.

— Нет худа без добра, — любезно вставил Паук.

— Э-э-э… Да. Воистину. Э-э-э… И когда мы идем сей юдолью слез, нам нужно думать, что…

— Первая рана всегда больнее.

— Что? А… — Грэхем Хорикс порылся в памяти, что же там дальше. — Счастье, — провозгласил он, — подобно бабочке.

— Или синей птице, — согласился Паук.

— Воистину. Позволите закончить?

— Конечно. Не стесняйтесь, — весело предложил Паук.

— Душевное счастье каждого сотрудника «Агентства Грэхема Хорикса» для меня не менее важно, чем мое собственное.

— Вы даже себе представить не можете, — вставил Паук, — как этим меня порадовали.

— Да, — сказал Грэхем Хорикс.

— Что ж, наверное, мне лучше вернуться к работе, — отозвался Паук. — Но речь мне понравилась. Когда в следующий раз захотите поделиться своими мыслями, только позовите. Вы знаете, где меня искать.

— Счастье… — повторил Грэхем Хорикс, чей голос прозвучал несколько сдавленно. — И вот о чем я подумал, Нанси… Чарльз… Вы у нас счастливы? Разве вы не согласитесь, что, возможно, были бы счастливее где-то еще?

— А я об этом не думал, — улыбнулся Паук. — Знаете, о чем я думал?

Грэхем Хорикс промолчал. Так увольнение еще

никогда не проходило. Обычно на этой стадии сотрудники бледнели, наступал шок. Иногда они плакали. Грэхем Хорикс ничего не имел против слез.

— А думал я, — продолжал Паук, — интересно, зачем вам счета на Каймановых островах? Знаете, такое впечатление, как будто деньги, которые должны попасть на счета наших клиентов, иногда уходят на Каймановы острова. Странная организация финансов, правда? Ведь деньги-то на этих счетах оседают. Я впервые такое вижу и надеюсь, что вы сможете мне все растолковать.

Грэхем Хорикс побелел как полотно, точнее, стал того цвета, какой в каталогах красок фигурирует под названием «Пергамент» или «Магнолия».

— Как вы получили доступ к этим счетам? — выдавил он.

— Компьютеры. Вы тоже от них на стенку лезете, да? Как вы тогда лечитесь?

Глава агентства на несколько долгих минут задумался. Ему нравилось считать, что состояние его финансов до крайности запутано, и если когда-нибудь отдел по борьбе с мошенничеством учует какие-нибудь махинации, полиции будет крайне трудно объяснить судье, в чем, собствен-

но, они заключались.

— В оффшорных счетах нет ничего противозаконного, — насколько мог небрежно, бросил он.

— Противозаконного? — переспросил Паук. — Надеюсь, что нет. Ведь если бы я увидел что-то противозаконное, мне пришлось бы сообщить в соответствующие инстанции.

Грэхем Хорикс взял со стола ручку, снова положил.

— Э-э-э… — протянул он, — так приятно было поболтать, побеседовать, провести время и вообще пообщаться с вами, Чарльз, но, полагаю, у нас обоих есть работа. Время не ждет. Оттягивать да откладывать — только время воровать.

— Жизнь — это рок-н-ролл, — предложил Паук, — но я балдею от радио.

— Как скажете.

Толстый Чарли начинал понемногу чувствовать себя человеком. Ничего уже не болело, тошнота не подкатывала медленными волнами к горлу. И хотя он еще не был уверен, что мир — приятное и радостное место, но все-таки вышел из девятого круга похмельного ада, а это само по себе было не-неплохо

Дейзи захватила ванную, теперь оттуда доносился звук бегущей воды, за которым последовал

довольный плеск. Он постучал в дверь.

— Я тут, — сказала Дейзи. — Лежу в ванне.

— Знаю. То есть не знал, но подумал, что ты скорее всего там.

— И?

— Просто интересно, — сказал он через дверь. — Интересно, почему ты с нами поехала? Вчера вечером?

— Ну, у тебя был потрепанный вид, а твоему брату как будто нужна была помощь. Сегодня утром у меня выходной, поэтому вуаля.

— Вуаля, — повторил Толстый Чарли.

Все просто: с одной стороны, она его пожалела, с другой, ей действительно понравился Паук. Да. Брат у него всего один день, и уже ясно: от отношений с новым родственником сюрпризов ждать нечего. Паук здесь крутой, а он лишний.

— У тебя красивый голос, — сказала Дейзи.

— Что?

— Пока мы ехали домой на такси, ты пел «Незабываемую». Красиво вышло.

Каким-то образом ему удалось вытеснить воспоминания о караоке, загнать их в дальний уголок, где он прятал все неприятное. А теперь они вернулись, и Толстый Чарли ужасно об этом пожалел.

— Просто замечательно вышло, — продолжала она. — Споешь мне еще потом?

Толстый Чарли стал отчаянно подыскивать отговорки, но его спас звонок во входную дверь.

— Кто-то пришел, — с облегчением сказал он.

Спустившись, он отпер дверь, и мир разом снова почернел: мама Рози наградила его таким взглядом, от которого свернулось бы молоко. Но промолчала. В руках у нее был огромный белый конверт.

— Здравствуйте… — пробормотал Толстый Чарли. — Миссис Ной. Рад вас видеть. Э-э-э…

Потянув воздух носом, она подняла конверт повыше — точно щитом прикрылась.

— Ах вот как, — сказала она. — Вы дома. Так-так. Пригласите меня войти?

«Вот именно, — подумал Толстый Чарли. — Таких всегда нужно приглашать. Только скажи «нет», и она уйдет».

— Разумеется, миссис Ной. Входите, пожалуйста, — а сам подумал: «Вот как вампиры добиваются своего». — Хотите чашечку чая?

— Не думайте, что сможете меня одурачить, — сказала она. — Потому что вам это не удастся.

— Э-э-э… Верно.

Потом было тяжкое восхождение вверх по

узенькой лестнице на кухню. Оглядевшись по сторонам, мать Рози сморщила нос, давая понять, что кухня не отвечает ее стандартам гигиены, ведь здесь присутствует съестное.

— Кофе? Воды? — «Только не произноси этих слов!» — Восковое яблоко? — «Вот черт!»

— Насколько я поняла со слов Рози, ваш отец недавно умер.

— Да.

— Когда скончался отец Рози, в журнале «Повара и искусство гастрономии» напечатали четырехстраничный некролог. Написали, что он один своими трудами принес в эту страну карибскую кухню-фьюжн.

— О, — выдавил Толстый Чарли.

— И он позаботился обо мне. Он застраховал свою жизнь, и у него был пай в двух процветающих ресторанах. Я очень состоятельная женщина. Когда я умру, все отойдет Рози.

— Когда мы поженимся, — сказал Толстый Чарли, — я буду о ней заботиться. Не беспокойтесь.

— Не стану утверждать, что вы женитесь на Рози из-за моих денег, — сказала мать Рози, но ее тон ясно давал понять, что именно это она имеет в виду.

Головная боль начала возвращаться.

— Я чем-то могу быть вам полезен, миссис Ной?

— Я поговорила с Рози, и мы решили, что мне пора помочь вам с приготовлениями к свадьбе, — чопорно сказала она. — Мне нужен список ваших друзей и родственников. Тех, кого вы рассчитывали пригласить. Имена, адреса проживания и электронной почты, а также номера телефонов. Я составила для вас формуляр, который следует заполнить. Я решила, что сэкономлю на почтовых марках, если сама опущу конверт в ваш почтовый ящик, поскольку все равно собиралась проезжать через Максвелл-гарденс. Я не ожидала застать вас дома. — Она протянула ему большой белый конверт. — В общей сложности на свадьбе будет девяносто человек, вам полагается восемь родственников и шесть близких друзей. Ваши личные друзья и четверо родственников составят стол «Ж». Остальные ваши родственники сядут за стол «В». Место вашего отца было бы с нами за главным столом, но, учитывая, что он скончался, мы отдали его тетушке Винифред. Вы уже решили относительно шафера?

Толстый Чарли покачал головой.

— Когда решите, позаботьтесь, чтобы в его речи не было непристойностей. Я не хочу услышать

от вашего шафера ничего, чего не услышала бы в церкви. Вам понятно?

Толстый Чарли задумался, а что, собственно, обычно слышит в церкви мама Рози. Вероятно, только крики в свой адрес «Изыди, адское отродье!», за которыми следуют охи «Оно живое?» и нервные вопросы, не забыли ли принести осиновые келья и молотки.

— Думаю, — сказал Толстый Чарли, — у меня больше десяти родственников. Я хочу сказать, кузены и кузины, двоюродные тети и так далее.

— Вы, по всей видимости, не сознаете, — сказала мама Рози, — что свадьба стоит денег. Я отвела по сто семьдесят пять фунтов на столы с «А» по «Г». «А», разумеется, главный. За эти столы сядут ближайшие родственники Рози и мой женский клуб. По сто двадцать пять фунтов отведено на столы с «Д» по «Е», за которые, сами понимаете, сядут не столь близкие знакомые, дети и так далее.

— Вы сказали, мои друзья будут за столом «Ж», — сказал Толстый Чарли.

— Это еще одним уровнем ниже. Туда не будут подавать закуску из авокадо с креветками или бисквиты с шерри.

— Когда мы с Рози обсуждали обед, то собира-

лись взять общей темой кухню Вест-Индии.

Мама Рози раздула ноздри.

— Временами девочка сама не знает, чего хочет. Но теперь мы с ней обо всем договорились.

— Послушайте, — сказал Толстый Чарли, — думаю, мне нужно поговорить с Рози, а потом я вам позвоню.

— Просто заполните формуляры, — велела мама Рози и подозрительно поинтересовалась: — Почему вы не на работе?

— Я… Я там не… То есть у меня сегодня выходной. Я не пойду. Туда не пойду.

— Надеюсь, вы сообщили об этом Рози. Она мне сказала, что собирается пойти на ленч с вами. И из-за вас я теперь останусь одна.

Толстый Чарли переварил полученную информацию.

— Ага. Спасибо, что заглянули, миссис Ной. Я поговорю с Рози, и…

В кухню вошла Дейзи. Одета она была в льнущий к сырому телу халат Толстого Чарли, на голову наверчено полотенце.

— У тебя ведь есть апельсиновый сок, правда? — спросила она. — Знаю, я его видела, когда заглядывала в холодильник. Как твоя голова? Лучше?

Открыв холодильник, она налила себе сок в высокий стакан.

Мама Рози кашлянула. По звуку не походило на откашливание, скорее уж на гремящую под волной гальку.

— Привет, — сказала Дейзи. — Меня зовут Дейзи.

Температура в кухне начала стремительно падать.

— Вот как? — спросила мать Рози. С последнего «к» свисали сосульки.

— Интересно, как бы называли апельсины, — сказал в повисшей тишине Толстый Чарли, — не будь они апельсинового цвета. Если бы они были никому не известным голубым фруктом, стали бы их называть голубинами? И мы пили бы тогда голубиновый сок?

— Что? — переспросила мама Рози.

— Ну и ахинея, ей-богу! — улыбнулась Дейзи. — Ладно. Пойду поищу свою одежду. Приятно было познакомиться.

Она вышла. Толстый Чарли не смел даже дышать.

— Кто. Это. Был? — с каменным спокойствием чеканя слова, спросила мать Рози.

— Моя сес… кузина. Кузина, — пробормотал

Толстый Чарли. — Я привык называть ее сестрой. Мы вместе выросли. Она просто решила переночевать у меня. Она у нас сорвиголова. Ну… Да… Увидите ее на свадьбе.

— Помещу ее за стол «Ж», — сказала мама Рози. — Там ей будет удобнее. — Сказано это было таким тоном, каким нормальные люди говорят: «Хотите умереть быстро или дать Монго сперва с вами поиграть?»

— Ага, ладно. Приятно было повидаться. М-да… у вас, наверное, уйма дел, а мне надо собираться на работу.

— Я думала, у вас выходной.

— Утро. У меня свободное утро. А оно почти кончилось. И мне нужно ехать на работу, поэтому до свидания.

Прижав к себе сумочку, мама Рози встала. Толстый Чарли поплелся за ней в коридор.

— Спасибо, что заглянули.

Она моргнула — точь-в-точь змея перед броском.

— До свидания, Дейзи, — окликнула она. — Увидимся на свадьбе.

Натягивая через голову футболку, в коридор высунулась Дейзи в трусиках и лифчике.

— Берегите себя, — сказала она и исчезла в

спальне Толстого Чарли.

За все то время, пока Толстый Чарли провожал ее до двери, мама Рози больше не произнесла ни слова. Когда, переступив порог, она обернулась, он увидел в ее лице нечто ужасное, и его желудок стянуло узлом еще большим, чем раньше. И было это то, что мама Рози делала губами. Углы ее рта вздернула вверх жуткая гримаса — эдакий череп с сухими губами.

Закрыв за ней дверь, он стоял, дрожа, в прихожей. А после, как человек, отправляющийся на электрический стул, поплелся наверх.

— Кто это был? — спросила почти одетая Дейзи.

— Мать моей невесты.

— Сущая мегера, верно?

На Дейзи была та же одежда, что и вчера.

— Неужели ты так пойдешь на работу?

— Господи упаси! Нет, сначала поеду домой переоденусь. И вообще на работе я выгляжу иначе. Вызови мне такси, ладно?

— Тебе куда?

— В Хендон.

Он позвонил в местную службу заказа такси. Потом рухнул на стул в коридоре, проигрывая различные сценарии будущего — все малопри-

влекательные.

И вдруг заметил, что кто-то стоит рядом.

— У меня есть витамин В, — сказала Дейзи. — Или попытайся пососать ложку меда. Мне никогда не помогало, но моя соседка клянется и божится, что это снимает ей похмелье.

— Не в том дело, — ответил Толстый Чарли. — Я сказал ей, что ты моя кузина. Чтобы она не подумала, что ты моя… что мы… ну, понимаешь… чужая девушка в моей квартире…

— Кузина, да? Ладно, не волнуйся. Она скорее всего про меня забудет, а если нет, то скажешь, что мне по какой-то причине пришлось срочно уехать за границу. Ты никогда больше меня не увидишь.

— Правда? Обещаешь?

— Поменьше радости в голосе, пожалуйста.

С улицы просигналил автомобиль.

— Мое такси. Встань и попрощайся.

Толстый Чарли встал.

— Не волнуйся, — сказала Дейзи и обняла его на прощание.

— Кажется, моя жизнь кончена.

— Нет, не кончена.

— Я обречен.

— Спасибо, — сказала она, а потом вдруг встала

на цыпочки и поцеловала его — поцелуем более долгим и крепким, чем полагается по условиям столь недавнего знакомства. Затем, бросив ему улыбку, она сбежала по ступенькам и была такова.

— Ничего такого не было, — сказал закрывшейся двери Толстый Чарли. — На самом деле такое просто невозможно.

Он еще чувствовал вкус ее апельсиновый сок и малина. Это был настоящий поцелуй. Серьезный поцелуй. В нем было «ух ты», какого он никогда в жизни не испытывал. Даже с…

— Рози, — выдохнул он и поспешно набрал ее номер.

— Вы позвонили Рози, — произнес голос его невесты. — Я занята или снова потеряла мобильник. А с вами говорит автоответчик. Перезвоните мне домой или оставьте свое сообщение…

Толстый Чарли прервал связь. Потом надел поверх тренировочного костюма пальто и, чуть поморщившись на безжалостный дневной свет, вышел на улицу.

Рози беспокоилась, что само по себе ее тревожило. А виной (хотела она себе в этом признаться или нет) этому и многому другому в мире Рози была ее мама.

Мир, в котором маме ненавистна сама мысль о том, что дочь выйдет замуж за Толстого Чарли Нанси, казался понятным и привычным. Сопротивление мамы свадьбе она приняла за знамение: мол, это правильный поступок, даже если сама она не до конца в себе уверена.

Конечно, она любила Толстого Чарли. Он был солидным, надежным, благоразумным…

Мамин поворот на сто восемьдесят градусов встревожил Рози, а внезапный энтузиазм в подготовке к свадьбе глубоко обеспокоил.

Вчера вечером она позвонила Толстому Чарли поговорить о маминых планах, но он не брал трубку ни по домашнему, ни по мобильному телефону. Рози предположила, что он, наверное, рано лег спать.

Вот почему ради разговора с ним она отказалась от ленча.

«Агентство Грэхема Хорикса» занимало верхний этаж серого викторианского здания в Олдвиче и подниматься туда надо было на десять пролетов лестницы. Конечно, здесь имелся лифт, встроенный сто лет назад театральным агентом Рупертом «Бинки» Баттервортом. Это был исключительно маленький, медленный и тряский лифт, а странности в его конструкции

и функционировании становились понятны лишь тому, кто был посвящен в тайны агентства. Бинки Баттерворт обладал размерами, телосложением упитанного бегемота и способностью втискиваться в самые тесные места, а лифт был сконструирован так, чтобы в него могли поместиться только сам Бинки Баттерворт и еще какой-нибудь, гораздо более стройный человек, — хористка, например, или хорист, Бинки не привередничал. Для счастья Бинки нужно было лишь, чтобы кто-нибудь, жаждущий ангажемента, втиснулся вместе с ним в лифт и поднялся — медленно, трясясь и подергиваясь — на пять этажей. Очень часто случалось, что по прибытии на место Бинки так одолевали тяготы путешествия, что ему требовалось прилечь, оставив хористку (или хориста) обивать каблуки в приемной, тревожась, не были ли покраснение лица и неконтролируемая одышка, напавшие на Бинки на последнем «перегоне», симптомами раннеэдвардианской эмболии.

Кто хотя бы раз поднимался на лифте с Бинки Баттервортом, после всегда пользовался лестницей.

Грэхем Хорикс, более двадцати лет назад купивший остатки агентства Баттерворта у внучки

Бинки, оставил лифт как историческую достопримечательность.

Сложив гремящую внутреннюю решетку, Рози открыла внешнюю дверь и сказала секретарю в приемной, что ей нужен Чарльз Нанси, потом села под фотографиями Грэхема Хорикса с людьми, которых он представлял. Из них знакомыми ей показались только комик Моррис Ливингстон, несколько когда-то знаменитых мальчишеских групп и кучка звезд спорта, которые под старость стали «личностями» — из тех, кто по мере сил получает удовольствие от жизни, пока не представится шанс получить новую печень.

В приемную вошел мужчина. Он не слишком походил на Толстого Чарли: был смуглее и улыбался так, словно все кругом его забавляло — бесконечно, опасно забавляло.

— Я Толстый Чарли Нанси, — сказал он.

Подойдя к Толстому Чарли Нанси, Рози чмокнула его в щеку.

— Мы знакомы? — спросил он, к удивлению Рози, но тут же поправился: — Конечно, конечно, ты моя невеста. И с каждым днем становишься все красивее.

Тут он наклонился ее поцеловать. Их губы едва соприкоснулись, но сердце у Рози забилось, как

у Бинки Баттерворта после особенно тряского подъема с прижатой к нему хористкой.

— Ленч, — пискнула Рози. — Я проходила мимо… Подумала… Мы можем поговорить.

— Ах да, — согласился мужчина, которого Рози считала теперь Толстым Чарли. — Ленч.

Он преспокойно обнял ее за талию.

— Куда хочешь пойти?

— Ох! — выдохнула она. — Ну… Куда скажешь.

«Все дело в его запахе, — подумала Рози. — И почему я раньше не замечала, как приятно от него пахнет?»

— Найдем что-нибудь, — снизошел он. — Спустимся по лестнице?

— Если ты не против, — сказала она, — я бы предпочла лифт.

Она с грохотом закрыла складную дверь, и они медленно и рывками стали спускаться вниз, прижатые друг к другу.

Рози даже вспомнить не могла, когда была так счастлива.

Когда они вышли на улицу, телефон Рози звякнул, давая понять, что она пропустила звонок. Ну и бог с ним…

Они вошли в первый же встретившийся ресторан. Еще месяц назад тут был модный суши-бар:

сплошь хром и абстрактные картинки, через весь зал шла лента конвейера с кусочками сырой рыбы, цена на которую зависела от цвета тарелки. Японское заведение прогорело, и тут же (как это бывает с лондонскими заведениями) его заменил венгерский ресторанчик, оставивший ленту конвейера как высокотехнологичное дополнение к миру национальной кухни, а потому через зал торжественно плыли миски с быстро остывающим гуляшом, клецками со сладким перцем и блюдечки со сметаной.

Рози решила, что и эти блюда не приживутся.

— Где ты был вчера вечером? — спросила она.

— Гулял, — уклончиво ответил он. — С братом.

— Ты же был единственным ребенком в семье.

— Оказывается, нет. Оказывается, я лишь половинка сервиза.

— Правда? Опять папино наследство?

— Милая, — сказал тот, кого она считала Толстым Чарли, — ты и десятой части не знаешь.

— Надеюсь, он придет на свадьбу?

— Ни за что на свете не пропустит! — Он сжал ее руку, и она едва не уронила ложку с гуляшом. — У тебя есть планы на сегодня?

— Как будто нет. В конторе сейчас затишье. Нужно сделать несколько звонков, ну, помнишь,

наша кампания по сбору средств? Но они могут подождать. А что… Ты… Э-э-э… А в чем дело?

— День такой красивый. Пойдем погуляем?

— Замечательно, — откликнулась Рози.

Они медленно двинулись по набережной Принца Альберта, оттуда вышли на северный берег Темзы. Они держались за руки и болтали ни о чем.

— А как же твоя работа? — спросила вдруг Рози, когда они остановились купить мороженое.

— Ах это, — отозвался он. — Там, наверное, никто даже не заметит, что меня нет.

Толстый Чарли взбежал по лестнице в «Агентство Грэхема Хорикса». Он всегда поднимался по лестнице. Во-первых, полезно для здоровья, а во-вторых, не надо волноваться, что тебя притиснет к кому-нибудь, и этот человек будет так близко, что уже не сможешь делать вид, будто его там нет.

В приемную он влетел, слегка запыхавшись.

— Рози заходила, Энни?

— Ты ее по дороге потерял? — спросила секретарь.

Он прошел к себе в кабинет. На столе было непривычно чисто. Гора неотвеченных писем исчезла. На экране компьютера висела самокле-

ющаяся бумажка: «Зайдите ко мне. Г.Х.».

Он постучался в кабинет Грэхема Хорикса. На сей раз голос произнес:

— Да?

— Это я, — сказал он.

— Входите, — отозвался Грэхем Хорикс. — Входите, мастер Нанси. Тащите себе кресло. Я много думал над нашим утренним разговором. И сдается мне, я сильно вас недооценивал. Вы работаете здесь… сколько уже?

— Почти два года.

— Вы работали долго и упорно. А теперь еще прискорбная кончина вашего отца…

— На самом деле я его едва знал.

— Ага. Так держать, Нанси. Учитывая нынешнее затишье, как насчет пары недель отпуска? Нужно ли говорить, что он будет полностью оплачен.

— Полностью оплачен? — переспросил Толстый Чарли.

— Полностью оплачен? Ага, понял, о чем вы. Деньги на расходы. Уверен, немного на карманные расходы вам не помешало бы, а?

Толстый Чарли силился сообразить, в какой вселенной очутился.

— Вы меня увольняете?

Тут Грэхем Хорикс рассмеялся — как хорек, у которого в горле застряла острая косточка.

— Абсо-ненно нет. Даже напротив. Теперь, я полагаю, мы прекрасно понимаем друг друга. Ваше будущее упрочено. Как каменный дом. Разумеется, пока вы остаетесь образцом осмотрительности и такта, каким были до сих пор.

— Как каменный дом? — недоуменно переспросил Толстый Чарли.

— Как за каменной стеной.

— Просто я где-то читал, что большинство несчастных случаев происходит дома.

— Тогда, считаю, вам крайне важно как можно скорее вернуться домой. — Он протянул Толстому Чарли прямоугольный листок. — Вот, скоромная благодарность за два года безупречных трудов на благо «Агентства Грэхема Хорикса». — И, не удержавшись, добавил: — Не тратьте все сразу. — Ведь он всегда так говорил, давая кому-то деньги.

Толстый Чарли опустил взгляд на бумажку. Это был чек.

— Две тысячи. Ух ты! То есть нет, конечно, не буду.

Грэхем Хорикс улыбнулся. Если его улыбка и светилась победой, то Толстый Чарли был слишком озадачен и потрясен, чтобы ее заметить.

— Идите с миром, — сказал Грэхем Хорикс.

Толстый Чарли отправился к себе в кабинет. Минуту спустя Грэхем Хорикс небрежно, как паук из паутины, выглянул за дверь.

— Да, кстати. Из чистого любопытства. Если, пока вы отдыхаете и наслаждаетесь радостями жизни — что я вам настоятельно рекомендую… о чем я? Ах да, если мне понадобится войти в ваши файлы, не скажете ли свой пароль?

— Я думал, с вашим паролем вы можете войти куда угодно в системе, — сказал Толстый Чарли.

— Конечно, конечно, — беспечно согласился Грэхем Хорикс. — Просто на всякий случай. Сами знаете, как бывает с компьютерами.

— «Русалка», — сказал Толстый Чарли. — «Р-У-С-А-Л-К-А».

— Замечательно. — Грэхем Хорикс не потер руки, но вполне мог это сделать. — Замечательно.

Толстый Чарли вышел на улицу с чеком на две тысячи фунтов в кармане, удивляясь, как за два года не сумел разобраться в Грэхеме Хориксе, не понял, какой он чудесный человек.

Зайдя в ближайший банк, он отправил сумму с чека на свой счет. А потом пошел по набережной Принца Альберта, чтобы подышать воздухом и подумать.

Он стал на две тысячи фунтов богаче. Утренняя головная боль развеялась. Он чувствовал себя солидным и процветающим. Интересно, может, удастся уговорить Рози поехать в короткий отпуск? Конечно, с бухты-барахты, но все-таки…

И тут он увидел Паука и Рози, которые шли рука об руку по другую сторону улицы. Рози доедала мороженое. Потом она остановилась, бросила остатки в мусорную урну, притянула к себе Паука и перепачканными в мороженом губами поцеловала с энтузиазмом и пылом.

Толстый Чарли почувствовал, как головная боль возвращается. И что теперь? Толстый Чарли не знал. Его словно бы разбил паралич.

Он смотрел, как они целуются: ведь придется же им рано или поздно оторваться, чтобы глотнуть воздуха! Но они все не отрывались, поэтому, чувствуя себя бесконечно несчастным, он развернулся и побрел куда глаза глядят, пока не вышел к метро.

И поехал домой.

К тому времени когда он доехал, мир уже катился в тартарары, поэтому, решив, что ничего уже не исправить, Толстый Чарли забрался в кровать, от которой смутно пахло Дейзи, и закрыл глаза.

— *Ну?* — спросил отец. — *Вы с Пауком пола-*

дили?

— *Во-первых, это сон,* — резонно объяснил ему Толстый Чарли. — *А во-вторых, я не хочу об этом разговаривать.*

— *Дети, дети,* — покачал головой отец. — *Послушай. Я скажу тебе кое-что важное.*

— *Что?*

Но отец не ответил. Что-то в волнах привлекло его взгляд, и, нагнувшись, он его поднял. Вяло заизвивались пять остроконечных лучей.

— *Морская звезда,* — задумчиво протянул отец. — *Если разрезать ее пополам, она вырастет в две новые.*

— *Я думал, ты хочешь сказать мне что-то важное.*

Отец схватился за грудь, упал на песок и застыл. Из песка вылезли червяки и в мгновение ока сожрали отца, не оставив ничего, кроме костей.

— *Папа?*

Толстый Чарли проснулся у себя в спальне, щеки у него были мокрыми от слез. Потом он перестал плакать. Не из-за чего расстраиваться. Его отец не умер, это был просто дурной сон.

Завтра он пригласит Рози к себе. Они съедят стейк. Он сам его пожарит. И все будет хорошо.

Толстый Чарли встал и оделся.

Двадцать минут спустя, когда, сидя за кухонным столом, он ел из пластикового стакана китайскую лапшу, ему пришло в голову, что случившееся на пляже, конечно, было сном, но отец все-таки мертв.

Под вечер Рози заехала к маме на Уимпоул-стрит.

— Я сегодня видела твоего жениха, — сказала миссис Ной.

На самом деле ее звали Ютерия. Но за тридцать лет никто не называл ее так в лицо, кроме покойного мужа. Вот только после его смерти имя атрофировалось и маловероятно, что до конца ее дней оно когда-нибудь прозвучит.

— И я, — ответила Рози. — Господи, как же я его люблю!

— Да, конечно. Ты же выходишь за него замуж, верно?

— Ну да! То есть я всегда знала, что его люблю, но сегодня поняла, насколько сильно. Все в нем люблю.

— Ты его спрашивала, где он был вчера?

— Он все объяснил. Он ходил в кафе с братом.

— Не знала, что у него есть брат.

— Он раньше о нем не говорил. Они не слишком близки.

Мать Рози щелкнула языком.

— Воссоединение большой семьи. Он и про кузину рассказывал?

— Про кузину?

— Или, может, сестру. Он не был точно уверен. Хорошенькая, на помоечный манер. Смахивает на китаянку. У нее на лице написано: от такой хорошего не жди. Если, конечно, хочешь знать мое мнение. Но у них вся семья такая.

— Мама! Ты же не встречалась с его семьей.

— Я видела ее. Она была у него на кухне сегодня утром, ходила по квартире почти голая. Никакого стыда нет. Бесстыжая. Если, конечно, она его кузина.

— Толстый Чарли не стал бы лгать.

— Он ведь мужчина, правда?

— Мама!

— И вообще, почему он сегодня не был на работе?

— Был. Я к нему заходила. Мы вместе съели ленч.

Открыв пудреницу, мама Рози порассматривала помаду у себя на губах, потом стерла кончиком пальца красное пятнышко с зуба.

— Чего еще ты ему наговорила, мама?

— Мы просто поболтали о приготовлениях к

празднику, о том, как мне бы не хотелось, чтобы его шафер отпускал сомнительные шуточки на свадьбе. Вид у него был такой, точно он с похмелья. Помнишь, как я тебя предупреждала? Не выходи за пьяницу.

— Когда я его видела, он выглядел отлично, — чопорно возразила Рози, но уже минуту спустя не выдержала: — Ах мама, у меня был такой прекрасный день! Мы гуляли и разговаривали… И у него такие мягкие руки! Ах, я говорила, как чудесно от него пахнет?!

— Уж скорее он у тебя с душком. Знаешь что, в следующий раз, когда его увидишь, спроси про эту его кузину. Я не говорю, что она его кузина, и обратного тоже не утверждаю. Просто хочу сказать, что если она его кузина, то в семье у него сплошь гулящие и стриптизерки, а с таким человеком встречаться не следует.

Теперь, когда мама снова стала нападать на Толстого Чарли, у Рози отлегло от сердца.

— Ничего больше не хочу слышать, мама.

— Ладно. Молчу. В конце концов, не я же выхожу за него замуж. Не я выбрасываю псу под хвост свою жизнь. И не я стану плакать в подушку, когда он будет вечерами выпивать со всякими девицами. И не я буду ждать день за днем, ночь

за пустой ночью, когда он выйдет из тюрьмы.

— Мама! — Рози постаралась, чтобы восклицание вышло возмущенное, но сама мысль о том, что Толстый Чарли может попасть в тюрьму, была такой смешной, такой нелепой, что она с трудом подавила смешок.

В кармане у Рози защебетал сотовый. Нажав кнопку, она сказала «Да» и «С радостью. Это будет чудесно». Потом убрала телефон.

— Это был он! — воскликнула она. — Приглашает меня сегодня к себе. Будет для меня готовить. Правда, мило? — И добавила: — Да уж, тюрьма!

— Я мать, — сказала ее мама в лишенной пищи квартире, где даже не смела садиться пыль, — и знаю то, что знаю.

У себя в кабинете Грэхем Хорикс смотрел в экран компьютера, а за окном день сменялся сумерками. Он открывал документ за документом, сводку за сводкой. Кое-какие исправлял. Но большинство удалял.

Сегодня вечером ему полагалось поехать в Бирмингем, где один его клиент, бывший футболист, должен был открывать ночной клуб. Грэхем Хорикс позвонил с извинениями: жаль, очень жаль, но неотложные дела, в поте лица и все такое…

Вскоре за окном совсем стемнело. В холодном

голубоватом свечении от компьютерного экрана Грэхем Хорикс изменял, переписывал и удалял.

Вот вам еще одна история, какую рассказывают про Ананси.

Когда-то давным-давно жена Ананси посадила поле гороха. Горох вырос такой хороший, такой круглый, такой зеленый — лучше не бывает. При одном виде стручков слюнки текли.

Как только Ананси увидел созревшее поле, то сразу захотел гороха. И не часть, нет, все поле, ведь у Ананси был неуемный аппетит. Он ни с кем не хотел делиться горохом. Он хотел заполучить все себе.

Поэтому Ананси лег в кровать и стал стонать — громко-громко и долго-долго, — и жена с сыновьями прибежали со всех ног.

— Умираю, — заскулил Ананси слабо-слабо и жалобно-прежалобно, — моя жизнь кончена.

И его жена с сыновьями заплакали горючими слезами. А Ананси слабо-слабо и жалобно-прежалобно говорит:

— Я при смерти, поэтому обещайте мне две вещи.

— Все что угодно, — говорят жена с сыновьями.

— Во-первых, обещайте похоронить меня под

большим хлебным деревом.

— Под тем хлебным деревом, которое растет возле горохового поля? — спрашивает жена.

— Конечно, под этим, — говорит Ананси и слезно добавляет: — И обещайте мне еще кое-что. Обещайте, что в память обо мне разожжете небольшой костер в ногах моей могилы. И, дабы показать, что вы обо мне не забываете, никогда не давайте ему погаснуть.

— Обещаем! Обещаем! — восклицают, рыдая, жена Ананси с сыновьями.

— И на этом костре — в знак вашей любви и уважения — пусть будет котелок с соленой водой, чтобы напоминал вам о жарких соленых слезах, которые вы пролили, когда я лежал при смерти.

— Обещаем! Обещаем! — плачут они, и Ананси закрывает глаза и больше не дышит.

Отнесли Ананси к большому хлебному дереву, что росло возле горохового поля, и закопали на шесть футов, в ногах могилы развели маленький костер, а рядом поставили котелок с соленой водой.

Ананси ждет целый день, а когда наступает ночь, вылезает из могилы, идет на гороховое поле и срывает там самые толстые, самые сладкие, самые спелые стручки. Он их собирает и варит в

котелке, и наедается так, что живот у него становится круглым и натянутым, как барабан.

Потом, перед рассветом он забирается назад под землю и засыпает. Он спит, когда приходит жена с сыновьями и видит, что горох исчез, он спит, когда они видят, что котелок пуст, и наполняют его снова, он спит, пока они горюют.

Каждую ночь Ананси выходит из могилы, танцует и радуется своей хитрости, и каждую ночь наполняет котелок и живот горохом и ест до отвала.

Проходят дни, семья Ананси все худеет и худеет, ведь все, что поспело, собирает по ночам Ананси, и есть им нечего.

Жена Ананси смотрит в пустые тарелки и говорит сыновьям:

— Что бы сделал ваш отец?

А сыновья все думают и думают и вспоминают каждую историю, какую рассказывал им Ананси. Потом они идут к большим ямам, где варят смолу, покупают на шесть пенни смолы, много смолы, целых четыре больших ведра. И несут их на гороховое поле. А там делают человека из смолы: смоляное лицо, смоляные глаза, смоляные руки, смоляные пальцы и смоляное туловище. Отличный вышел человек, черный и гордый, как

сам Ананси.

В ту ночь старый Ананси, толстый, каким за всю жизнь не бывал, выбирается из-под земли, упитанный и счастливый, с животом, натянутым, как барабан, и идет на гороховое поле.

— Кто ты? — спрашивает он смоляного человека.

Но смоляной человек молчок.

— Это мое место, — говорит ему Ананси. — Это мое гороховое поле. Тебе лучше уйти подобру-поздорову.

Смоляной человек не отвечает ни слова и не шевелится.

— Я самый сильный, самый могучий, самый великий, лучше меня нет, не было и не будет, — говорит ему Ананси. — Я отважнее Льва, быстрее Гепарда, сильнее Слона, ужаснее Тигра.

Он раздувается от гордости и мощи и забывает, что он всего лишь маленький паучок.

— Трепещи, — говорит он. — Трепещи и беги.

Смоляной человек не трепещет и не бежит. Правду сказать, он просто стоит на месте.

Поэтому Ананси ударяет его кулаком. И кулак Ананси прилипает намертво.

— Отпусти мою руку, — говорит Ананси смоляному человеку. — Отпусти мою руку, не то я дам

тебе затрещину.

Но тот не говорит ни слова, не шевелит и пальцем, и Ананси дает ему пощечину.

— Ладно, — говорит Ананси, — шутки в сторону. Если хочешь, можешь держать обе мои руки, но у меня есть еще четыре и две ноги, и всех тебе не удержать. Поэтому лучше отпусти меня, и я тебя пощажу.

А смоляной человек не отпускает руки Ананси и не говорит ни слова, поэтому Ананси ударяет его всеми своими руками, а после пинает ногами.

— Ладно, — говорит Ананси, — отпусти меня, не то я тебя укушу.

Смоляной человек залепляет его рот, затыкает нос, замазывает все лицо.

Так жена Ананси с сыновьями и нашли его на следующее утро, когда пришли на гороховое поле к старому хлебному дереву: он намертво прилип к смоляному человеку, мертвее не бывает.

Увидев его таким, они нисколечки не удивились.

В те дни обычным делом было застать Ананси таким.

Глава шестая,
в которой Толстому Чарли не удается попасть домой даже на такси

Дейзи проснулась от звонка будильника и, как котенок, потянулась в кровати. Из-за стены доносился шум душа — значит, соседка уже встала. Надев розовый махровый халатик, она вышла в коридор.

— Хочешь овсянку? — крикнула она через дверь ванны.

— Не особенно. Но если приготовишь, съем.

— Умеешь ты дать ближним почувствовать себя нужными, — сказала Дейзи и поставила в крохотной кухоньке кастрюльку на плиту.

Потом вернулась в свою комнату, надела рабочую одежду и посмотрела на себя в зеркало. Скорчила рожицу. Затянула волосы в тугой узел на затылке.

Ее соседка, худышка из Престона по имени Кэрол, высунула голову из ванной.

— Ванная твоя. Какие новости от овсянки?

— Вероятно, надо помешать.

— Ну, где была прошлой ночью? Сказала,

пойдешь отмечать день рождения Сильвии и, насколько я знаю, не вернулась.

— Любопытство сгубило кошку.

Дейзи пошла на кухню и помешала овсянку, потом, добавив щепотку соли, помешала еще. Положив по паре половников в миски, она поставила их на столик.

— Кэрол? Овсянка стынет!

Явилась полуодетая Кэрол: села и уставилась на овсянку.

— Разве это настоящий завтрак, а? Если хочешь знать, настоящий завтрак — это яичница, сардельки, кровяная колбаса и помидоры с гриля.

— Вот и приготовь, — отозвалась Дейзи. — А я поем.

Кэрол высыпала в кашу чайную ложку сахара. Посмотрела задумчиво и бухнула еще одну.

— Не выйдет. Ты только говоришь, что съешь. А сама заведешь старую песню про холестерин и про то, как жареное вредно для почек.

Она попробовала овсянку с таким видом, будто каша вот-вот ее укусит. Дейзи поставила перед ней чашку чая.

— Вечно ты со своими почками. А это идея! Ты почки ешь, Дейзи?

— Как-то пробовала. С тем же успехом можно

пожарить полфунта печенки, а потом на нее помочиться.

Кэрол шмыгнула носом:

— Ну, не к столу же!

— Ешь свою овсянку.

Очистив тарелки, они запили кашу чаем, сложили все в посудомоечную машину, но, поскольку в ней еще было место, включать не стали. Потом поехали на работу. Кэрол — теперь уже в форме — села за руль.

На работе Дейзи отправилась к своему столу — в большой комнате, заставленной пустыми столами.

Стоило ей сесть, зазвонил телефон.

— Дейзи? Вы опоздали.

Она поглядела на часы.

— Нет, не опоздала, сэр. Итак, могу я быть вам полезна сегодня утром?

— Более чем, более чем. Можете позвонить человеку по фамилии Хорикс. Он приятель суперинтенданта. Тоже болеет за «Хрустальный дворец». Уже дважды присылал мне сегодня письма по электронной почте. Хотелось бы знать, кто научил суперинтенданта пользоваться электронной почтой?

Записав номер, Дейзи набрала его, а после са-

мым деловым тоном сказала:

— Детектив Дей. Чем могу помочь?

— Ага, — отозвался мужской голос, — как я говорил вчера вечером суперинтенданту, кстати сказать, славный малый, старый друг… Хороший человек. Он посоветовал обратиться в ваш отдел. Мне хотелось бы заявить… Ну, я не уверен, что действительно было совершено преступление. Наверное, найдется вполне разумное объяснение. Есть кое-какие неувязки и, ну, если быть совершенно откровенным, я отправил бухгалтера на пару недель в отпуск, пока пытаюсь свыкнуться с мыслью, что он, возможно, замешан в кое-каких… м-м-м… в общем, у нас тут финансовые неувязки.

— Может быть, перейдем к конкретным фактам? — предложила Дейзи. — Ваше полное имя? И имя бухгалтера?

— Меня зовут Грэхем Хорикс, — сказали на другом конце трубки. — Из «Агентства Грэхема Хорикса». Мой бухгалтер некто по фамилии Нанси. Чарльз Нанси.

Дейзи записала оба имени. Никакой звоночек не зазвенел.

Толстый Чарли планировал выяснить отношения с Пауком, как только брат явится домой. Мысленно он раз за разом прокручивал разго-

вор по душам, перерастающий в перепалку или даже ссору, и всякий раз побеждал — честно и безоговорочно.

Однако тем вечером Паук домой не вернулся, и Толстый Чарли наконец заснул перед телевизором, вполглаза глядя игровое шоу со смехом за кадром для сексуально озабоченных и страдающих бессонницей — кажется, оно называлось «Покажи-ка попку!».

Проснулся он на диване от того, что Паук раздвинул занавески.

— Отличный денек, — сказал брат.

— Ты! — выдохнул Толстый Чарли. — Ты целовался с Рози! Не пытайся этого отрицать!

— Пришлось, — пожал плечами Паук.

— Что значит пришлось? Какая в том была необходимость?

— Она приняла меня за тебя.

— Ты-то знал, что ты это не я. Тебе не следовало ее целовать.

— Но если бы я отказался, она бы решила, что это ты не хочешь ее целовать.

— Но это был не я.

— А ей-то откуда знать? Я просто пытался оказать услугу.

— Хороша услуга! — сказал с дивана Толстый

Чарли. — Услугу ты окажешь, если не будешь целовать мою невесту. Мог бы сказать, у тебя зуб болит.

— Пришлось бы солгать, — благородно возразил Паук.

— Но ты и так уже лгал! Выдавал себя за меня!

— Выходит, я приумножил бы ложь, — объяснил Паук. — Да и вообще я поступил так только потому, что ты был не в состоянии пойти на работу. Нет, — продолжал он, — дальше я лгать не мог. Я бы ужасно себя чувствовал.

— Нет, это я ужасно себя чувствовал. Я же смотрел, как ты с ней целуешься!

— Но она-то думала, что целует тебя.

— Перестань это повторять!

— На твоем месте, я был бы польщен. Хочешь ленч?

— Конечно, я не хочу ленч! Который час?

— Время ленча, — сказал Паук. — И ты опять опоздал на работу. Хорошо, что не пришлось снова тебя подменять, если я такое слышу вместо «спасибо».

— Все в порядке, — сказал Толстый Чарли. — Мне дали две недели отпуска. И премию.

Паук поднял брови.

— Послушай, — сказал Толстый Чарли, решив,

что пора перейти ко второму раунду ссоры, — я вовсе не пытаюсь от тебя избавиться и все такое, но все-таки спрошу. Когда ты собираешься уезжать?

— Ну, — протянул Паук, — когда я только приехал, то планировал задержаться на день. Может, на два. Достаточно, чтобы познакомиться с младшим братишкой, а после двинуть дальше. Я занятой человек.

— Значит, ты сегодня уезжаешь.

— Это вчерашний план, — возразил Паук. — Но ведь теперь я с тобой познакомился. Просто поверить не могу, что мы почти всю жизнь провели друг без друга, братишка.

— А я могу.

— Кровь — не водица, — назидательно продолжал Паук. — Она покрепче будет.

— Вода не крепкая, — возразил Толстый Чарли.

— Значит, крепче водки. Или кислоты. Или… или… аммиака. Послушай, я о том, что знакомство с тобой… ну, большая честь. Мы никогда не были частью жизни друг друга, но то — вчера. Давай начнем сегодня с чистого листа. Повернемся к прошлому спиной и выкуем новые узы… узы братства!

— Ты просто за Рози ухлестнуть хочешь, —

буркнул Толстый Чарли.

— В точку, — согласился Паук. — И что ты намереваешься делать?

— С чем? Она же моя невеста!

— Не бери в голову. Она принимает меня за тебя.

— Сколько можно твердить одно и то же?!

Жестом святого Паук развел руками, а потом испортил все впечатление, облизнувшись.

— И что ты собираешься делать теперь? — поинтересовался Толстый Чарли. — Жениться на ней, выдав себя за меня?

— Жениться? — Паук на секунду задумался. — Какая. Кошмарная. Мысль.

— А вот я жду этого дня.

— Пауки не женятся. Я не из тех, кто женится.

— То есть моя Рози недостаточно для тебя хороша, ты это хочешь сказать?

Паук не ответил — просто вышел из комнаты.

Толстый Чарли решил, что набрал хотя бы несколько очков во втором раунде. Встав с дивана, он собрал пластиковые контейнеры, в которых вчера вечером ароматно пахли китайская лапша с курицей и свиные тефтели с хрустящей корочкой, и бросил в мусорное ведро. В спальне он собирался снять одежду, в которой

спал, и надеть чистую, но обнаружил, что забыл про стирку и чистых вещей у него нет, поэтому, основательно отряхнувшись (и сбросив несколько заблудших лапшин), остался во вчерашнем.

Потом отправился на кухню.

Сидя за кухонным столом, Паук уплетал прожаренный стейк таких размеров, что его с легкостью хватило бы на двоих.

— Где ты его взял? — спросил Толстый Чарли, хотя в общем и целом знал ответ.

— Я же спрашивал, хочешь ли ты ленч, — мягко отозвался Паук.

— Где ты взял стейк?

— В холодильнике.

— Этот стейк! — объявил Толстый Чарли, грозя пальцем, как прокурор во время заключительного слова обвинения. — Этот стейк я купил для сегодняшнего обеда. Для нашего с Рози обеда! Для обеда, который я собирался ей приготовить! А ты сидишь тут, как… как человек со стейком… и его ешь… и…

— Нет проблем, — ответил Паук.

— Что значит нет проблем?

— Я уже позвонил утром Рози и сегодня поведу ее обедать в ресторан. Поэтому стейк тебе не понадобится.

Толстый Чарли открыл рот. Потом снова его закрыл.

— Я хочу, чтобы ты убрался, — сказал он.

— Как там сказал Браунинг? Человек должен тянуться за чем-то… ах да, за тем, чего не может достать, иначе зачем небеса? — весело сказал Паук, пережевывая хорошо прожаренный стейк Толстого Чарли.

— Что это значит, черт побери?

— Это значит, что я никуда не денусь. Мне тут нравится. — Отпилив еще кусок, он сунул его в рот.

— Вон! — приказал Толстый Чарли.

Но тут зазвонил телефон. Со вздохом Толстый Чарли вышел в коридор взять трубку.

— Что?!

— А, Чарльз. Рад вас слышать. Знаю, вы наслаждаетесь заслуженным отдыхом, но, как по-вашему, смогли бы вы заглянуть завтра утром на полчасика? Скажем, около десяти?

— Да. Конечно, — сказал Толстый Чарли. — Без проблем.

— Рад, нет, просто счастлив это слышать. Мне нужна ваша подпись на кое-каких документах. До встречи.

— Кто это был? — спросил Паук. Он опустошил

тарелку и теперь промокал губы бумажным полотенцем.

— Грэхем Хорикс. Хочет, чтобы я завтра заскочил.

— Сволочь твой Грэхем Хорикс, — сказал Паук.

— Ну и? Ты тоже сволочь.

— Но по-другому. Он паскудная сволочь. Поискал бы ты другую работу.

— Я люблю мою работу!

И произнося эти слова, Толстый Чарли верил им всем сердцем. Ему удалось напрочь забыть, насколько ему не нравится и работа, и «Агентство», и постоянное подслушивание под дверьми, благодаря которому Грэхем Хорикс вечно выскакивал как чертик из табакерки.

Паук встал.

— Вкусный был стейк, — сказал он. — Вещи я отнес в твою свободную комнату.

— Ты что сделал?

Толстый Чарли поспешил в конец коридора, где располагалось помещение, благодаря которому его квартира формально считалась трехкомнатной. В ней обитали несколько ящиков книг, коробка с древней железной дорогой «Скейлектрис», ведро с игрушечными машинками (у большинства потерялись шины) и прочие

обноски Чарлинового детства. Она вполне сошла бы как спальня для глиняного садового гнома или для очень маленького карлика, но для всех прочих представлялась скорее шкафом с окном.

Или раньше представлялась, но не сейчас. То время прошло.

Потянув на себя дверь, Толстый Чарли, моргая, застыл на пороге.

Комната действительно тут была, спору нет, но — громадная. Величественная. И в дальней ее стене было окно — гигантское, во всю стену окно, выходящее на водопад. За водопадом низко над горизонтом висело, заливая все золотым светом, тропическое солнце. Еще тут был камин, такой большой, что в нем поместилась бы пара бычьих туш, но сейчас здесь потрескивали и плевались искрами три горящих полена. В одном углу висел гамак, а рядом стояли белоснежный диван и двуспальная кровать. Возле камина красовался предмет, который Чарли видел только в журналах, а потому предположил, что это, наверное, и есть джакузи. На полу лежал ковер из шкур зебры, а на стене висела медвежья шкура, а еще тут было какое-то крутое аудиооборудование, состоявшее из черного куба полированного пластика, которому полагается махнуть, чтобы он

включился. На стене за ним красовался плоский телеэкран размером с комнату, которой полагалось тут быть. А еще…

— Что ты сделал? — спросил Толстый Чарли. Внутрь он не вошел.

— Так, изменил кое-что по мелочам, — ответил у него из-за спины Паук. — Учитывая, что я останусь тут на пару дней, я решал перетащить пожитки.

— Перетащить пожитки? «Перетащить пожитки» — это пара сумок с постельным бельем, пара игр для приставки и горшок с фикусом. А это… а это… — Он не смог подобрать слов.

Протиснувшись мимо, Паук похлопал Чарли по плечу.

— Если я тебе понадоблюсь, — сказал он, — я у себя в комнате. — И закрыл за собой дверь.

Толстый Чарли подергал ручку. Дверь оказалась заперта. По пути в гостиную он прихватил с собой телефон из коридора и набрал номер миссис Хигглер.

— Кто, черт побери, звонит в такую рань? — спросила старуха.

— Это я. Толстый Чарли. Извините.

— Ну? Чего звонишь?

— Попросить совета. Понимаете, приехал мой

брат.

— Твой брат?

— Паук. Вы мне про него рассказывали. Вы объяснили, что если я захочу его увидеть, поговорить с паучком. И я поговорил, теперь он здесь.

— Что ж, — уклончиво сказала старуха, — это хорошо.

— Наоборот.

— Почему наоборот? Он ведь член семьи, так?

— Послушайте, я не могу сейчас в это вдаваться. Я просто хочу, чтобы он уехал.

— Ты пытался попросить по-хорошему?

— Это мы только что прошли. Он сказал, что никуда не уедет. Устроил что-то вроде центра развлечений и отдыха из «Кубла Хана»[148] в моем чулане, а ведь у нас, в Англии, нужно разрешение муниципального совета, если захочешь хотя бы вставить двойные рамы. Но у него там какой-то водопад. То есть не в комнате, а за окном. И он нацелился на мою невесту.

— Откуда ты знаешь?

— Он так сказал.

— Без кофе у меня голова не работает, — пробормотала миссис Хигглер.

---

[148] notes: 148

«Кубла Хан, или Видение во сне» — поэма Самюэля Кольриджа

— Мне только нужно знать, как заставить его уехать.

— Не знаю, — ответила миссис Хигглер. — Надо поговорить с миссис Дунвидди. — И повесила трубку.

Толстый Чарли вернулся в дальний конец коридора и постучал в дверь.

— Что еще?

— Хочу поговорить.

Послышался щелчок, и дверь распахнулась. Толстый Чарли вошел. Голый Паук нежился в горячей ванне и прихлебывал что-то цвета электричества из высокого запотевшего бокала. Окно во все стену было открыто, и рев водопада оттенял медленный, тягучий джаз, который лился из спрятанных где-то в комнате динамиков.

— Послушай, — сказал Толстый Чарли, — ты должен понять, это мой дом.

Паук моргнул.

— Это?! Это твой дом?

— Ну, не совсем. Но суть та же. Я хочу сказать, это моя свободная комната, и ты тут гость. Э-э-э…

Отпив глоток «электричества», Паук соскользнул поглубже в горячую ванну с пузырьками.

— Говорят, что гости — как рыба. И то и другое через три дня воняет.

— Верно сказано.

— Но так тяжело, — продолжал Паук, — так тяжело, когда целую жизнь не видел собственного брата. Так тяжело, если он даже не знал о твоем существовании. Но куда тяжелее, когда наконец встречаешься с ним и узнаешь, что для него ты не лучше дохлой рыбы.

— Но…

Паук довольно потянулся в ванне.

— Знаешь что? Я не могу тут долго оставаться. Остынь. Ты оглянуться не успеешь, как я уеду. И уж я-то никогда не стану думать о тебе, как о дохлой рыбе. Я как никто понимаю: ситуация для нас обоих нелегкая. Поэтому давай не будем больше об этом. Почему бы тебе не пойти, не съесть ленч? Потом в кино? Ключ от входной двери оставишь на столике…

Надев пальто, Толстый Чарли вышел из дома. Ключ он оставил возле раковины. Свежий воздух бодрил, хотя день был серенький и с неба сыпалась морось. Толстый Чарли купил себе газету, потом в киоске большой пакет чипсов и немолодую уже колбасу-сервелат — на ленч. Дождик унялся, поэтому он сел на скамейку возле кладбища и, читая газету, стал есть колбасу с чипсами.

Ему очень хотелось в кино.

Он забрел в «Одеон» и купил билет на ближайший сеанс. Показывали какой-то боевик, который уже начался, когда он вошел. На экране громыхнул взрыв. Замечательно.

На середине фильма Толстому Чарли пришло в голову, что он что-то забыл. Что-то скреблось у него в голове — словно чесотка за глазами — и мешало сосредоточиться на сюжете.

Фильм закончился, и Толстый Чарли сообразил, что хотя получил удовольствие, совершенно забыл, в чем там было дело. Поэтому он купил большой пакет попкорна и сел смотреть его снова. Во второй раз фильм понравился ему еще больше.

И в третий.

После он подумал, что, наверное, пора возвращаться домой, но на ночном сеансе предлагали два фильма разом: «Синий бархат» Дэвида Линча и «Правдивые истории» Дэвида Бирна, а ведь он ни того ни другого не видел, поэтому остался на оба, хотя теперь ему уже по-настоящему хотелось есть. В результате он так и не понял, про что, собственно, был «Синий бархат» и зачем кому-то отрезали ухо, и задался вопросом, а не позволят ли ему остаться и посмотреть еще. Но ему очень терпеливо и многократно объяснили,

что кинотеатр закрывается на ночь, и поинтересовались, неужели у него нет дома и не пора ли ему в постель?

Разумеется, у него был дом и, конечно, ему пора в постель, хотя на какое-то время этот факт вылетел у него из головы. Поэтому он пошел назад на Максвелл-гарденс, а придя, немного удивился, увидев, что у него в спальне горит свет.

Когда он подошел к дому, занавески был задернуты, но за ними двигались два силуэта. Ему показалось, он узнал оба.

Они придвинулись, слились в единую тень.

Из горла Толстого Чарли вырвался низкий ужасный вой.

В доме миссис Дунвидди повсюду стояли пластмассовые зверушки. Частички пыли тут двигались медленно, точно привыкли к солнечным лучам более неспешной эпохи и не могли толочься в современном мельтешащем свете. Диван скрывался под прозрачным чехлом, а стулья, когда на них садились, скрипели.

В доме миссис Дунвидди была плотная туалетная бумага с запахом сосновых иголок. Миссис Дунвидди свято верила в экономию, но плотная туалетная бумага с запахом сосновых иголок была последним, на чем она экономить не согла-

шалась. Такую туалетную бумагу все еще можно было найти, если искать достаточно долго и заплатить побольше.

В доме миссис Дунвидди пахло фиалковой туалетной водой, ведь это был старый дом. Люди обычно забывают, что дети тех, кто заселил Флориду, уже были стариками, когда угрюмые пуритане в 1620 году высадились в Плимуте. Нет, этот дом, конечно, не помнил первых поселенцев: его построили в двадцатых годах как экспонат или образец, призванный показать воображаемые коттеджи, какие прочие покупатели не смогут построить на наводненных аллигаторами болотах, которые им как раз продают. Дом миссис Дунвидди устоял в ураганах, не потеряв ни одной черепицы.

Когда в дверь позвонили, миссис Дунвидди начиняла небольшую индейку. С досадой пробормотав «Фу ты!», она помыла руки и пошла по коридору к входной двери — подслеповато щурясь на мир через очки с толстыми стеклами и ведя левой рукой по обоям.

На дюйм приоткрыв дверь, она выглянула наружу.

— Это я, Луэлла. — Голос принадлежал Каллианне Хигглер.

— Входи.

Миссис Хигглер последовала за миссис Дунвидди на кухню. Сполоснув руки, миссис Дунвидди снова стала брать горстями начинку из размоченных кукурузных лепешек и запихивать клейкие комья в индейку.

— Ждешь гостей?

Миссис Дунвидди уклончиво шмыгнула носом.

— Всегда полезно быть во всеоружии, — сказала она. — А теперь, пожалуй, расскажи, в чем дело.

— Звонил мальчишка Нанси. Толстый Чарли.

— Что с ним?

— Ну, когда он был тут на прошлой неделе, я рассказала ему про брата.

Миссис Дунвидди вытащила руку из индейки.

— Это еще не конец света.

— Я рассказала, как он может связаться с братом.

— А. — Миссис Дунвидди умела выразить неодобрение всего одним звуком. — И?

— Паук объявился в Англии. Мальчик совершенно растерян.

Взяв большую горсть размоченных лепешек, миссис Дунвидди с такой силой загнала ее в индейку, что у той выступили бы слезы на глазах — если бы, конечно, у нее были глаза.

— Не может его выгнать?

— Никак.

За толстыми линзами блеснули проницательные глазки. Потом миссис Дунвидди сказала:

— Однажды я это сделала. Но больше не смогу. Придется искать другой способ.

— Знаю. Но должны же мы что-то сделать.

Миссис Дунвидди вздохнула.

— Верно говорят, проживи достаточно долго, увидишь, как все возвращается на круги своя.

— А другого способа нет?

Миссис Дунвидди закончила начинять индейку и шпажкой заколола кусочек кожи в гузке. Потом обернула птицу фольгой.

— Поставлю-ка я ее в духовку завтра утром. После полудня будет готова, затем — в разогретую духовку на пару часов. К обеду будет в самый раз.

— Ты кого-то ждешь к обеду? — поинтересовалась миссис Хигглер.

— Тебя, — ответила миссис Дунвидди, — Зору Бустамонте, Беллу Ноулс. И Толстого Чарли Нанси. К тому времени, когда мальчик будет здесь, он большой аппетит нагуляет.

— Он приезжает? — удивилась миссис Хигглер.

— Ты что, меня не слушала, девочка? — Только

миссис Дунвидди могла называть миссис Хигглер девочкой и не выглядеть при этом глупо. — А теперь помоги поставить индейку в холодильник.

Не покривив душой, можно сказать, что тот вечер был самым лучшим в жизни Рози: восхитительным, волшебным, просто великолепным. Она не смогла бы перестать улыбаться, даже если бы захотела. Обед в ресторане был чудесным, а после Толстый Чарли повел ее танцевать. Это был настоящий танцзал с небольшим оркестром, и по паркету здесь скользили пары в одежде пастельных цветов. Ей казалось, они с женихом перенеслись во времени, очутились в иной, неспешной и прекрасной эпохе. С пяти лет Рози наслаждалась каждым уроком танцев, вот только танцевать ей было не с кем.

— Я и не знала, что ты умеешь танцевать, — сказала она Толстому Чарли.

— Ты многого обо мне не знаешь, — ответил он.

И от этого она почувствовала себя счастливой. Скоро они поженятся. Она чего-то про него не знает? Прекрасно. У нее целая жизнь впереди, чтобы выяснить все. И будет это только хорошее.

Она замечала, как встречные женщины (и другие мужчины) смотрят на Толстого Чарли, и была

счастлива, что это она идет с ним под руку.

Они шли через Лейчестер-сквер, и над головой у них загорались звезды, весело перемигивались, невзирая на жесткое свечение фонарей.

На краткое мгновение она задумалась, а почему раньше с Толстым Чарли было иначе. Иногда в глубине души Рози подозревала, что встречается с Толстым Чарли только потому, что он не нравится маме: что, когда он предложил ей руку и сердце, она сказала «да» только потому, что мама хотела, чтобы она сказала «нет»…

Однажды Толстый Чарли водил ее в Вест-энд. Они ходили в театр. Толстый Чарли хотел устроить ей сюрприз надень рождения, но с билетами вышла путаница, и они оказались на вчерашнем спектакле. Администрация театра проявила понимание и крайнюю любезность и сумела найти для Толстого Чарли место за колонной в партере, а для Рози — на балконе, позади отчаянно хихикавших кумушек из Норвича. Особого сюрприза не получилось, во всяком случае, не в том смысле, в каком хотелось бы.

Но этот вечер… этот был просто волшебным. Рози не так много выпадало чудесных мгновений в жизни, а теперь в копилку прибавилось еще одно.

Ей нравилось, как она себя чувствует, когда он рядом.

А когда, закончив танцевать, они, опьяненные ритмичными движениями и шампанским, выбежали в ночь, Толстый Чарли (и почему она называет его Толстым Чарли? — он же нисколечки не толстый) обнял ее за плечи и сказал:

— А теперь ты поедешь ко мне.

И голос у него был такой настоятельный и низкий, что у нее завибрировало в животе. И она промолчала — и про то, что завтра нужно на работу, и про то, что на это хватит времени, когда они будут женаты. Вообще ничего не говорила, а только думала, как ей хочется, чтобы этот вечер никогда не кончался, и как ей очень, очень, очень хочется — да нет, просто необходимо — поцеловать этого мужчину и обнять его.

И вспомнив, что надо что-то сказать, она сказала «да».

В такси по дороге к его квартире она держала его за руку, а другую положила ему на плечо, всматриваясь в лицо, то освещаемое фарами встречных машин и фонарями, то погружающееся во тьму.

— У тебя ухо проколото, — сказала она вдруг. — Почему я никогда раньше не замечала, что у тебя

ухо проколото?

— Эй, — отозвался голос, низкий, как рокот барабана, — как по-твоему, что я должен чувствовать, если ты даже такого никогда не замечала? А ведь мы вместе уже… сколько?

— Полтора года, — сказала Рози.

— Полтора года, — согласился ее жених.

Она придвинулась ближе, вдохнула его запах.

— От тебя приятно пахнет, — сказала она. — У тебя новый одеколон?

— Нет, это просто я.

— Стоило бы разливать по бутылкам.

Пока он открывал входную дверь, она расплатилась с таксистом. По лестнице они поднимались обнявшись, а наверху он почему-то вдруг направился в дальний конец коридора к пустой задней комнате.

— Спальня вон там, дурачок. Куда ты собрался?

— Никуда. Я знаю, где спальня.

Они пошли в спальню Толстого Чарли. Рози задернула занавески, а потом повернулась к нему и почувствовала себя счастливой.

— Ну, — сказала она, помолчав, — ты не попытаешься меня поцеловать?

— Наверное, попытаюсь, — ответил он и попытался.

Время расплавилось, растянулось и выгнулось. Их поцелуй длился минуту, а может, и час, а может, и целую жизнь. А потом…

— Что это было?

— Я ничего не слышал.

— Так кричит кто-то, кому больно.

— Может, потерявшаяся собака?

— А может, кошки дерутся? Говорят, иногда они кричат совсем как люди.

Склонив голову набок, Рози настороженно вслушивалась.

— Прекратилось, — сказала она наконец. — И знаешь, что самое странное?

— Угу, — протянул он. Его губы скользили по ее шее. — Конечно, скажи мне, что самое странное. Но я его прогнал. Оно нам больше не помешает.

— Самое странное, — сказала Рози, — что голос был похож на твой.

Толстый Чарли бродил по улицам, пытаясь проветрить мозги. Самым разумным казалось барабанить в собственную дверь, пока Паук не спустится и его не впустит, а потом сказать, что он думает о нем с Рози. Это было очевидным. Совершенно, бесконечно очевидным.

Нужно только вернуться домой, объяснить все Рози и пристыдить Паука и заставить его убрать-

ся. Только и всего. Неужели это так сложно?

Но, по всей видимости, это было сложнее, чем казалось на первый взгляд. Он не совсем понимал, почему ноги несут его прочь от собственного дома. А теперь окончательно запутался и никак не мог взять в толк, как найти дорогу назад. Улицы, которые он знал или думал, что знает, теперь сами собой менялись: то перед ним оказывался тупик, то глухие закоулки. Он-то думал, что вдоль и поперек изучил собственные окрестности, а сейчас как будто потерялся в лабиринте ночных лондонских улочек.

В просветы между домами он иногда видел магистральные улицы. Там светились фары, вспыхивали вывески закусочных и магазинов. Толстый Чарли знал, что, как только выберется туда, сумеет добраться домой, но всякий раз, приближаясь к огням, почему-то оказывался в незнакомом месте.

У Толстого Чарли начали ныть ноги. В животе отчаянно бурчало. Он злился и, пока шел, сердился все больше и больше.

От гнева в голове у него прояснилось. Паутина, затянувшая мысли, начала распутываться, а паутина улиц, по которым он брел, — упрощаться. Повернув за угол, он оказался на магистральной

улице, рядом с круглосуточными «Жареными крылышками Нью-Джерси». Заказав семейную порцию курицы-гриль, он сел и расправился с ней сам, без помощи какой-либо семьи. Покончив с едой, он подошел к краю тротуара и дождался, когда вдалеке покажется приветливый оранжевый огонек «СВОБОДНО» над крышей большого черного такси. Толстый Чарли отчаянно замахал, и, поравнявшись с ним, машина остановилась. Опустилось стекло.

— Куда ехать?

— Максвелл-гарденс.

— Издеваетесь? — спросил таксист. — Это же за углом.

— Отвезете меня туда? Дам пятерку на чай. Честное слово.

Таксист громко выпустил воздух через стиснутые зубы: такой шум издает автомеханик, перед тем как спросить, не питаете ли вы каких-то нежных чувств к сдохшему мотору.

— Дело ваше, — сказал он. — Запрыгивайте.

Толстый Чарли запрыгнул. Таксист тронулся с места, переждал, пока сменится свет на светофоре, и свернул за угол.

— Так куда, вы сказали? — спросил он.

— Максвелл-гарденс, — повторил Толстый Чар-

ли. — Номер тридцать четыре. Сразу за баром.

На нем была вчерашняя одежда, о чем он очень жалел. Мама всегда говорила ему надевать чистое белье на случай, если его собьет машина, и чистить зубы на случай, если его труп придется опознавать по зубам.

— Да знаю я, где это, — буркнул таксист. — Сразу перед Парк-кресчент.

— Верно, — кивнул Толстый Чарли, который как раз начал клевать носом на заднем сиденье.

— Наверное, я не туда свернул, — сказал таксист. Прозвучало это раздраженно. — Я выключу счетчик, ладно? Пусть будет пятерка.

— Конечно, — согласился Толстый Чарли, устроился поудобнее на заднем сиденье и заснул.

А такси все бороздило ночь, пытаясь попасть «всего лишь за угол».

Детектив-констебль Дей, уже год как отправленная на работу в отдел финансовых мошенничеств, прибыла в офис «Агентства Грэхема Хорикса» ровно в половине десятого. В приемной ее ждал Грэхем Хорикс собственной персоной и лично проводил в свой кабинет.

— Кофе? Чай?

— Нет, спасибо.

Достав блокнот, она села и выжидательно по-

смотрела на Грэхема Хорикса.

— Не могу не подчеркнуть, да-да, подчеркнуть, такт в нашем расследовании превыше всего. Непременно превыше всего, непременно. В конце концов, у «Агентства Грэхема Хорикса» — репутация, да… репутация безукоризненной честности. В «Агентстве Грэхема Хорикса» деньги клиента — как за семью печатями, да что там — святы. И должен сказать, когда у меня зародилось подозрение насчет Чарльза Нанси, я отмел его как недостойное порядочного человека и отличного работника. Если бы вы спросили меня неделю назад, что я думаю о Чарльзе Нанси, я бы сказал, он истинная соль земли.

— Нисколько не сомневаюсь. Так когда вы заподозрили, что с ваших счетов уходят деньги клиентов?

— Трудно сказать. Не хотелось бы клеветать… бросать первый камень, так сказать… Не судите, да не судимы будете, сами понимаете.

«По телевизору, — думала Дейзи, — в таких случаях обычно говорят: просто изложите факты». Ей так хотелось повторить то же, но она воздержалась.

И Грэхем Хорикс ей совсем не нравился.

— Я распечатал все данные относительно

необычных финансовых проводок, — сказал он. — И как видите, все они — с компьютера Нанси. Я снова должен подчеркнуть, что такт здесь превыше всего. Среди клиентов «Агентства Грэхема Хорикса» много видных лиц, общественных деятелей, если понимаете, о чем я… И, как я сказал вашему начальству, я счел бы за личную услугу, если бы это дело уладили как можно тише. Наш девиз здесь — «такт». Если, быть может, удастся уговорить нашего мастера Нанси вернуть добытые нечестным путем прибыли, я буду вполне удовлетворен и оставлю все как есть. У меня нет никакого желания судиться.

— Я сделаю, что смогу, но собранную информацию мы передаем заместителю прокурора.

Интересно, а какие на самом деле у этого Хорикса связи? Протекция у суперинтенданта?

— Так что вызвало ваши подозрения?

— Ах да. Честно и откровенно? Кое-какие странности в поведении. Собака, которая среди ночи не залаяла. Да, да, в тихом омуте черти водятся, но мы, сыщики, всегда придаем значение мелочам, правда, детектив Дей?

— Итак, предоставьте мне распечатки вкупе с прочей документацией, выписками с банковских счетов и так далее. Вероятно, нам придется

забрать его компьютер, чтобы просмотреть жесткий диск.

— Абсо-ненно. — На столе у него зазвонил телефон, и… — Прошу меня извинить! — Грэхем Хорикс взял трубку. — Здесь? Господи боже! Тогда скажите, пусть подождет меня в приемной. Сейчас я к нему выйду. — Он положил трубку. — Вот это, — сказал он Дейзи, — у вас, в полиции, кажется, называется непредвиденный оборот.

Она подняла бровь.

— Вышеупомянутый Чарльз Нанси собственной персоной. Интересно, зачем он явился? Пригласить его сюда? Если понадобится, можете использовать мой кабинет как помещение для допроса. Уверен, у меня даже есть диктофон, который я мог бы вам одолжить.

— Нет необходимости. Первым делом мне нужно проработать документы.

— Есть, мэм. Как глупо с моей стороны! Хотите… м-м-м… хотите на него взглянуть?

— Сомневаюсь, что от этого будет толк, — сказала Дейзи.

— О, я не стану говорить, что вы расследуете его операции, — заверил ее Грэхем Хорикс. — Иначе не успеем мы собрать первые улики, как он уже сбежит на Коста-дель-Соль, или «Коста-дель-Пре-

ступик», как его называют на Би-би-си — ха-ха! Откровенно говоря, я горжусь, что весьма, да, весьма сочувствую сотрудникам правопорядка, они сталкиваются с такими проблемами!

Дейзи поймала себя на мысли, что тот, кто украл деньги у такого хорька, не может быть совсем уж пропащим человеком, — а ведь офицеру полиции так думать не полагается.

— Я вас провожу, — предложил Глава агентства.

В приемной сидел мужчина. Вид у него был такой, будто он спал в одежде. А еще он был небрит и глядел немного растерянно. Тронув Дейзи за локоть, Грэхем Хорикс кивнул на него, а вслух сказал:

— Господи милосердный, Чарльз, только посмотрите на себя. У вас ужасный вид.

Толстый Чарли уставился на него мутным взглядом.

— Не смог попасть вчера домой. Какая-то путаница с такси.

— Познакомьтесь, Чарльз, — продолжал Грэхем Хорикс, — это детектив Дей из лондонской полиции. Она здесь по мелкому, рутинному делу.

Тут Толстый Чарли сообразил, что они в приемной не одни. Постаравшись сосредоточиться, он

увидел униформу. Потом лицо.

— Э-э-э… — вырывалось у него.

— Доброе утро. — Слова произнесли губы, а в голове у Дейзи вертелось: «Вот черт, вот черт, вот черт, вот черт».

— Приятно познакомиться, — сказал Толстый Чарли и недоуменно сделал то, чего никогда не делал раньше: вообразил себе офицера полиции при исполнении без формы, полуголой и обнаружил, что воображение подбросило ему довольно точный образ молодой дамы, с которой он проснулся в одной постели на утро после «панихиды» по отцу. В консервативной одежде она казалась старше, суровее и много более грозной — впрочем, ей же положено по званию.

Как у всех разумных существ, у Толстого Чарли был порог способности удивляться. Уже несколько дней стрелка отклонялась в «красное», иногда зашкаливала, а теперь прибор окончательно вышел из строя. Начиная с этого мгновения, ничто — решил он — не может его удивить. Больше идиотских несуразностей уже случиться не может. Приехали.

Но, разумеется, он ошибался.

Поглядев в спину уходящей Дейзи, Толстый Чарли поплелся вслед за Грэхемом Хориксом в

кабинет босса.

А Грэхем Хорикс плотно прикрыл за ними дверь. Потом примостился на краешке своего стола и улыбнулся как хорек, только что сообразивший, что его заперли на ночь в курятнике.

— Будем откровенны, — сказал он, — карты на стол. Хватит ходить вокруг да около, — и пояснил: — Давайте называть вещи своими именами.

— Ладно, — согласился Толстый Чарли. — Давайте. Вы сказали, мне нужно что-то подписать?

— Нет, это уже отменяется. Лучше обсудим кое-что, на что вы мне указали несколько дней назад. Вы обратили мое внимание на ряд крайне странных операций, которые имели место в последнее время.

— Вот как?

— В эту игру, Чарльз, в эту игру могут играть двое. Разумеется, первым моим побуждением было расследовать ваши заявления. Отсюда визит детектива Дей сегодня утром. И подозреваю, то, что мы обнаружили, вас совсем не удивит.

— Не удивит?

— Нисколько. Как вы указали, у нас налицо явные финансовые отклонения, Чарльз. Но, увы, прихотливый перст подозрения безошибочно указывает только в одну сторону.

— В одну сторону?

— В одну.

Толстый Чарли окончательно стал в тупик.

— Куда?

Грэхем Хорикс постарался сделать озабоченное лицо или хотя бы вид, что пытается выглядеть озабоченным, но получилось у него выражение, которое у младенцев всегда указывает, что им надо хорошенько срыгнуть.

— На вас, Чарльз. Полиция подозревает вас.

— Да, — согласился Толстый Чарли. — Конечно, подозревает. Такой уж тогда выдался день.

И пошел домой.

Паук открыл входную дверь. Некоторое время назад начался дождь, на пороге, помятый и мокрый, стоял Толстый Чарли.

— Ага, — сказал он. — Теперь мне можно домой, да?

— Не мне тебя останавливать, — отозвался Паук. — В конце концов, это ведь твой дом. Где ты был всю ночь?

— Ты прекрасно знаешь, где я был. Я никак не мог попасть сюда. Уж не знаю, какой магией ты на меня воздействовал.

— Это была не магия, а чудо, — оскорбленно возразил Паук.

Пройдя мимо него, Толстый Чарли затопал вверх по лестнице. В ванной комнате он заткнул ванну и пустил воду. Потом высунулся в коридор.

— Мне плевать, как это называется. Ты проделал это в моем доме и вчера вечером помешал мне вернуться.

Он снял вчерашнюю одежду, потом снова высунулся за дверь.

— А на работе мои дела расследует полиция. Ты говорил Грэхему Хориксу про какие-то финансовые несоответствия?

— Конечно, говорил, — ответил Паук.

— Ха! Ну так теперь он подозревает меня. Считает, что это я.

— Ах это? Сомневаюсь.

— Много ты знаешь, — сказал Толстый Чарли. — Я с ним разговаривал. В агентство уже приходила полиция. А потом еще есть Рози. Нам с тобой нужно очень серьезно поговорить по поводу Рози, когда выйду из ванной. Всю вчерашнюю ночь я бродил по улицам. Поспать удалось только на заднем сиденье такси, а к тому времени, когда я проснулся, было пять утра, и мой таксист поворачивал на Трейвис-Бикл. И разговаривал сам с собой. Я сказал ему, мол, может, перестать

искать Максвелл-гарденс, по всей видимости, в такие ночи Максвелл-гарденс вообще не существует. Со временем он согласился, и мы поехали завтракать в забегаловку таксистов. Яичница, бобы, сардельки, тосты и чай, в котором ложка стоит. Когда он рассказал своим ребятам, что провел ночь в поисках Максвелл-гарденс, такое началось, что я подумал, вот-вот прольется кровь. Но нет. А в какой-то момент показалось…

Толстый Чарли остановился набрать в грудь воздуха. Вид у Паука был виноватый.

— После, — с нажимом сказал Толстый Чарли, — после того, как я приму ванну. — И захлопнул дверь.

Он залез в ванну.

Всхлипнул.

Вылез из нее.

Выключил воду.

Обвязавшись полотенцем, открыл дверь ванной.

— Нет горячей воды, — чересчур спокойно сказал он. — Есть какие-нибудь соображения, почему у нас нет горячей воды?

Паук все еще стоял посреди коридора — он так и не двинулся с места.

— Моя джакузи. Извини.

— Ну, по крайней мере Рози не… Я хочу сказать, ей не пришлось…

Тут он заметил выражение на лице Паука.

— Убирайся, — сказал Толстый Чарли. — Убирайся из моей жизни. Убирайся из жизни Рози. Вон.

— Мне тут нравится, — возразил Паук.

— Ты разрушил мне жизнь, черт побери.

— Извини, бывает.

Пройдя в конец коридора, Паук толкнул дверь в заднюю комнату. На мгновение коридор залил тропический солнечный свет, потом дверь закрылась.

Толстый Чарли помыл голову холодной водой. Почистил зубы. Порылся в корзине для грязного белья, пока не выудил джинсы и футболку, которые (благодаря тому, что оказались на дне) снова стали практически чистыми. Надел поверх футболки пурпурный свитер с медвежонком, который когда-то ему подарила мама, но который он никогда не носил, хотя так и не смог пересилить себя и отдать его в Красный Крест.

Затем пошел в конец коридора.

Через дверь доносились «бум-чагга-бум» бас-гитары и барабанов.

Толстый Чарли подергал ручку. Дверь не под-

далась.

— Если ты не откроешь дверь, — сказал он, — я ее выломаю.

Дверь открылась без предупреждения, и Толстый Чарли едва не упал через порог в пустой чулан, окно которого выходило на зады другого дома, и виден из него был только бьющий по стеклу дождь.

Тем не менее где-то за стеной слишком громко играл магнитофон: сам чулан вибрировал от далекого «бум-чагга-бума».

— Ладно, — светским тоном сказал Толстый Чарли, — ты же понимаешь, что это означает. Война!

Это был традиционный боевой клич кролика, которого загнали в угол. Есть страны, где считают, что Ананси был кроликом-трикстером. Конечно, тамошние жители ошибаются — он был пауком. Можно подумать, этих двух тварей трудно перепутать, однако такое случается чаще, чем вы думаете.

Толстый Чарли вернулся в свою спальню, где достал из прикроватной тумбочки паспорт. Бумажник он нашел там же, где его оставил, — в ванной.

Выйдя под дождь на улицу, он подозвал такси.

— Куда?

— В Хитроу, — сказал Толстый Чарли.

— Без проблем, — отозвался таксист. — Какой терминал?

— Понятия не имею, — сказал Толстый Чарли, понимая, что на самом деле должен знать. Ведь прошло-то всего несколько дней. — Откуда улетают во Флориду.

Грэхем Хорикс начал планировать свой уход со сцены заранее, еще когда премьер-министром был Джон Мейджор. В конце концов, ничто хорошее не длится вечно. Даже если ваша курица обыкновенно несет золотые яйца, она рано или поздно (как вас с радостью заверил бы сам Грэхем Хорикс) все равно попадет на сковородку. И хотя планы у него были продуманы загодя (никогда не знаешь, когда пора сию минуту бросить все и уехать), и он вполне сознавал, что неприятности копятся, как темные тучи на горизонте, ему хотелось оттянуть отъезд до того момента, когда уже нельзя будет дольше откладывать.

И самое важное — не просто покинуть «Агентство Грэхема Хорикса», а исчезнуть, испариться, пропасть бесследно. В потайном сейфе его офиса (в глухом чулане, которым он исключительно гордился), на полке, которую повесил он сам и

которую пришлось прилаживать заново, когда она упала, лежало кожаное портмоне, а в нем два паспорта: один на имя Бейзила Финнегана, другой — на имя Роджера Бронстейна. Оба родились лет пятьдесят назад, приблизительно в одно время с Грэхемом Хориксом. Еще в портмоне были два бумажника, каждый с собственным набором кредитных карточек и удостоверениями личности с фотографиями на каждого из владельцев паспортов. Каждый из них имел право совершать финансовые операции с переводными счетами на Каймановых островах, деньги с которых переводились на другие счета — в Швейцарии и в Лихтенштейне, а еще на островах Британской Виргинии.

Грэхем Хорикс намеревался исчезнуть раз и навсегда в свой пятидесятый день рождения, чуть больше чем через год, и теперь мрачно размышлял над проблемой Толстого Чарли.

Он вовсе не ожидал, что Толстого Чарли арестуют или посадят в тюрьму, хотя ничего не имел против любого из сценариев, какой бы ни воплотился. Он хотел только, чтобы его запугали, перестали верить его словам, заставили сбежать.

Грэхем Хорикс получал неподдельное удовольствие, выдаивая клиентов своего агентства, и

хорошо умел это делать.

Клиентуру он всегда подбирал с дальним расчетом, но приятным сюрпризом оказалось, что знаменитости и артисты, которых он представлял, очень плохо разбирались в денежных вопросах и испытывали лишь облегчение, найдя кого-то, кто представлял бы их и управлял их финансами, беря на себя все заботы. А если иногда банковские балансы, выписки или чеки запаздывали, или не соответствовали ожиданиям клиентов, или если с их счетов напрямую изымались суммы на неизвестные нужды… Что поделаешь: в «Агентстве Грэхема Хорикса» большая текучка кадров, особенно в отделе бухгалтерии, и нет ничего, что нельзя было бы списать на некомпетентность уволенного сотрудника или — в редких случаях — исправить ящиком шампанского и чеком на крупную сумму в извинение.

Не в том дело, что люди любили Грэхема Хорикса или доверяли ему. Даже самые лояльные клиенты считали его пронырой. Но они считали его своим пронырой и в этом горько ошибались.

Грэхем Хорикс был свой собственный проныра.

На столе у него зазвонил телефон, и Грэхем Хорикс снял трубку.

— Да?

— Мистер Хорикс, у меня на проводе Мэв Ливингстон. Знаю, вы велели соединять ее с Толстым Чарли, но он в отпуске, и я не знаю, что говорить. Сказать, что вас нет на месте?

Грэхем Хорикс задумался. До того, как его унес из жизни сердечный приступ, Моррис Ливингстон был когда-то самым популярным йоркширским комиком в стране, звездой таких телесериалов, как «Покороче сзади и по бокам» и собственной воскресной программы-варьете «Моррис Ливингстон, полагаю?». В восьмидесятых он даже попал «в десятку лучших» с скабрезно-комическими куплетами «Глядится неплохо, но скорей убирай!». Дружелюбный и легкий в общении, он не только оставил свои финансовые дела в руках «Агентства Грэхема Хорикса», но, по предложению Грэхема Хорикса, назначил главу агентства опекуном всего своего имущества.

Преступно было бы не поддаться такому искушению.

И была еще Мэв Ливингстон. Честно будет сказать, что, сама о том не подозревая, Мэв Ливингстон много лет фигурировала на главных и звездных ролях в самых сокровенных и личных фантазиях Грэхема Хорикса.

— Соедините, пожалуйста, — сказал он секретарше и минуту спустя заботливо заворковал: — Какая радость тебя слышать, Мэв. Как поживаешь?

— Не знаю.

До знакомства с будущим мужем Мэв Ливингстон была танцовщицей, а после всегда возвышалась над комиком-коротышкой. Они обожали друг друга.

— Почему бы тебе не поплакаться в жилетку дядюшки Грэхему?

— Несколько дней назад я говорила с Чарльзом. Мне интересно… Ну, управляющий в моем банке хотел бы знать… Средства от имущества Морриса… Нам сказали, мы уже должны были что-то получить.

— Мэв, — сказал Грэхем Хорикс, как ему казалось, томно-бархатным голосом, от которого (по его мнению) женщины должны были просто таять, — проблема не в том, Мэв, что денег нет. Все дело лишь в ликвидности. Как я тебе говорил, Мэв, Моррис под конец жизни сделал несколько опрометчивых инвестиций. И хотя по моему совету были сделаны и кое-какие перспективные вложения, этим последним нужно дать время созреть. Если мы извлечем деньги сейчас, то

почти все потеряем. Но бояться не надо, не надо. Для хорошего клиента все что угодно. Я выпишу тебе чек с собственного банковского счета, лишь бы ты была платежеспособна и ни в чем себе не отказывала. Сколько просит твой управляющий?

— Он грозится, что начнет возвращать чеки ввиду отсутствия средств на счету. А на Би-би-си мне сказали, что уже переслали плату за переиздание старых программ на DVD. Эти-то деньги не вложены, верно?

— Так сказали на Би-би-си? На самом деле это мы с них деньги требуем. Но не стану возлагать всю вину на такую большую корпорацию. Наша бухгалтер беременна, поэтому у нас тут все кувырком. И Чарльз Нанси, с которым ты разговаривала, сам не свой, понимаешь, у него отец умер, и он много времени провел за границей…

— Когда мы разговаривали в последний раз, — напомнила она, — у тебя монтировали новый сервер.

— Ах, конечно, конечно. Но только, умоляю, не давай мне говорить о бухгалтерских программах, а то я до завтра не закончу. Как там говорится? Ошибаться в природе человеческой, но чтобы поистине навести тень на плетень, э-э-э… нужен компьютер. Что-то в таком духе. Я со всем разбе-

русь вручную, если потребуется, по старинке, и твои деньги к тебе в конечном итоге придут. Ведь этого бы Моррис хотел.

— Управляющий в банке говорит, мне понадобится десять тысяч немедленно, только чтобы остановить возвращение чеков.

— И десять тысяч будут твои. Прямо сейчас, пока мы разговариваем, я выписываю чек. — Он нарисовал кружок в блокноте перед собой, вверху линия загнулась, так что получилось что-то вроде яблока.

— Большое спасибо, — сказала Мэв Ливингстон, и Грэхем Хорикс самодовольно улыбнулся. — Надеюсь, я не слишком тебе надоедаю?

— Нисколько, — заверил ее Грэхем Хорикс. — Ни в коей мере.

И положил трубку. Забавно, подумал он, что на сцене Моррис Ливингстон всегда изображал практичного йоркширца, гордящегося тем, что знает, где его денежки — все до последнего пенни.

Недурная пожива, решил затем Грэхем Хорикс и добавил к яблоку два глаза и пару ушей. Теперь оно почти походило на кошку. Очень скоро настанет время сменить жизнь, занятую выдаиванием привередливых знаменитостей, на

жизнь, полную солнца, бассейнов, плотных обедов, хорошего вина и, если возможно, орального секса в огромных количествах. Грэхем Хорикс был убежден, что самое лучшее в жизни то, что все можно купить.

Пририсовав кошке пасть, он заполнил ее острыми зубами, так что зверь стал немного похож на пуму, и рисуя, напевал дребезжащим тенорком:

Когда я был молод, мой отец говорил:

«На улице солнце, так пойди поиграй».

Теперь я стал старше, и дамы твердят:

«Глядится неплохо, но скорей убирай...»

Моррис Ливингстон оплатил пентхаус Грэхема Хорикса на Капокабана и пристройку плавательного бассейна к вилле на острове Сан Андреас, и не надо думать, что Грэхем Хорикс не питал благодарности.

«Глядится неплохо, но скорей убирай...»

Пауку было не по себе.

Что-то происходило. Какое-то странное ощущение, как туман, расползалось на все и вся и отравляло ему жизнь. Он не мог определить, в чем дело, и это ему не нравилось.

Но вот чего-чего, а вины он за собой определенно не чувствовал. Такие вещи были ему просто неведомы. Он чувствовал себя великолепно. Он чувствовал себя круто. А вины не испытывал. Он не чувствовал бы себя виноватым, даже если бы его поймали на ограблении банка.

Однако повсюду вокруг витали миазмы дискомфорта, какого-то стеснения.

До сего момента Паук считал, что боги другие: у них нет совести, да и зачем она им? Отношение бога к миру, даже тому, по которому он ходит, было — в эмоциональном плане — сродни тому, что чувствует человек, играющий в компьютерную игру, но при этом представляющий себе общий ее замысел и вооруженный полным набором кодов, чтобы обходить препятствия.

Паук не давал себе скучать. Вот главное занятие его жизни. Главное — развлекаться, а все остальное не важно. Он не распознал бы чувство вины, даже если бы ему выдали иллюстрированное пособие, где все составные части снабжены ясными подписями. Не в том дело, что он был безответственным, — просто, когда этим чувством наделяли, он прохлаждался где-то в другом месте. Но что-то изменилось, то ли в нем самом, то ли в окружающем мире, и это не давало ему покоя.

Он налил себе выпить. Он повел рукой и музыка стала громче. Он сменил запись Майлса Дейвиса на запись Джеймса Брауна. Не помогло.

Он лежал в гамаке под тропическим солнышком, слушал музыку, упивался тем, как невероятно круто быть Пауком… И впервые в жизни этого показалось мало.

Выбравшись из гамака, он подошел к двери.

— Толстый Чарли?

Никакого ответа. Квартира казалась пустой. За окном был серый день, шел дождь. Пауку дождь нравился. Представлялся таким уместным.

Пронзительно и сладко зазвонил телефон.

Паук снял трубку.

— Это ты? — спросила Рози.

— Привет, Рози.

— Прошлой ночью, — начала она и замолчала, а потом: — Тебе было так же чудесно, как и мне?

— Не знаю, — ответил Паук. — Для меня было очень чудесно. Поэтому я хотел сказать… Наверное, да.

— М-м-м… — протянула она.

Они помолчали.

— Чарли?

— Угу?

— Мне даже нравится ничего не говорить, про-

сто знать, что ты на том конце линии.

— И мне, — сказал Паук.

Они еще немного понаслаждались молчанием, порастягивали ощущение.

— Хочешь ко мне сегодня приехать? — спросила Рози. — Мои соседки в Кейрнгормсе.

— Эти слова, — сказал Паук, — тянут на самую прекрасную фразу в английском языке. «Мои соседки в Кейрнгормсе». Истинная поэзия.

Она захихикала.

— Олух. И… Захвати зубную щетку.

— А… О! Идет.

После нескольких минут «положи трубку» и «нет, ты первый положи», которыми гордилась бы парочка одурманенных гормонами пятнадцатилеток, трубки наконец были положены.

Паук улыбнулся, как святой. Мир, в котором есть Рози, самый лучший, какой может только существовать. Туман поднялся, все вокруг залило солнце.

Пауку даже не пришло в голову задуматься, куда подевался Толстый Чарли. Да и зачем ему беспокоиться из-за таких мелочей? Соседки Рози в Кейрнгормсе, и сегодня вечером… Ба, сегодня вечером он захватит зубную щетку.

Тело Толстого Чарли сидело в самолете рейсом

во Флориду, было сдавлено посередине ряда из пяти кресел и крепко спало. Это было хорошо: туалеты в хвосте сломались, как только самолет поднялся в воздух, и хотя стюардессы повесили на двери таблички «Не работает», это нисколько не умерило запаха, который начал понемногу распространяться по заднему салону, точно химический туман. Плакали младенцы, ворчали взрослые и хныкали дети. Часть пассажиров, направлявшихся в Диснейленд, сочли, что их отпуск начался, как только они сели в кресла, поэтому завели песни. Они спели все известные песни из диснеевских мультиков — и из «Белоснежки», и из «Русалочки», и из «Маугли», и даже, решив, что такая тоже сойдет, из «Принцессы Минамоки».

Стоило самолету взлететь, как выяснилось, что из-за путаницы с питанием на борт не взяли упаковок с ленчем. Имелись только упаковки завтраков, то есть индивидуальные контейнеры с овсянкой и бананы для всех пассажиров, которым придется есть пластмассовыми ножами и вилками, потому что ложек, к сожалению, нет. Последнее было, пожалуй, даже неплохо, потому что и молоко к овсянке тоже отсутствовало.

Это был адский перелет, а Толстый Чарли про-

спал все «веселье».

Во сне Толстый Чарли оказался в огромном зале, и одет он был в парадный костюм. Он стоял на высоком помосте, по одну его сторону была Рози в белом подвенечном платье, по другую — ее мама, тоже (что пугало) в подвенечном платье, хотя ее было покрыто пылью и паутиной. Вдалеке на горизонте (а точнее, в дальнем конце зала) люди стреляли и махали белыми флагами.

— Это просто гости со стола «Ж», — сказала мама Рози. — Не обращай на них внимания.

Толстый Чарли повернулся к Рози, она же с нежной улыбкой облизнулась.

— Торт, — сказала Рози в его сне.

Это послужило сигналом оркестру. Новоорлеанский джаз-банд заиграл похоронный марш.

Помощником шеф-повара оказалась вчерашняя полицейская. С пояса у нее свисали наручники.

— А теперь, — сказала Толстому Чарли Рози, — разрежь торт.

Гости за столом «Б», которые были вовсе не люди, а мультяшные мыши, крысы и животные со скотного двора (но в человеческий рост и навеселе), запели песни из диснеевских мультиков. Толстый Чарли знал, что они хотят, чтобы он пел вместе с ними. Даже во сне он почувствовал,

как его охватывает паника от одной только мысли, что ему придется петь на публике, почувствовал, как руки и ноги у него немеют, как покалывает губы.

— Не могу я с вами петь, — сказал он, отчаянно подыскивая отговорку. — Мне нужно разрезать торт.

При этих словах весь зал умолк. Ив тишине шеф-повар вкатил небольшую тележку. Лицо у повара было как у Грэхема Хорикса, а на тележке красовался экстравагантный свадебный торт: вычурный, многоэтажный шедевр кондитерского искусства. На самом верхнем уровне опасно балансировали крохотные жених с невестой — точь-в-точь два человечка, пытающихся устоять на верхушке покрытого глазурью «Крайслер билдинг».

Сунув руку под стол, мама Рози достала длинный нож с деревянной ручкой — почти мачете, клинок у него был ржавым. Она подала его Рози, которая взяла правую руку Толстого Чарли и положила ее поверх своей левой, и вместе они вдавили ржавый нож в толстую белую глазурь на самом верхнем этаже торта — между женихом и невестой. Поначалу торт сопротивлялся клинку, и Толстый Чарли нажал сильнее, надавил изо

всех сил. Он почувствовал, как торт начинает поддаваться. Еще чуть-чуть.

Нож прошел через верхний уровень свадебного торта. Соскользнул вниз и разрезал торт, прошел через все слои и уровни — и торт раскрылся…

Во сне Толстый Чарли подумал было, что торт начинен бусинами из черного стекла или полированного гагата, а потом, когда они посыпались из-под бисквита, сообразил, что у бусин есть ножки… что у каждой бусины есть восемь проворных ножек… и из торта эти бусины хлынули черной волной. Пауки заполонили собой белую скатерть, пауки закрыли маму Рози и саму Рози, превратив их белые платья в траурные, а потом, будто повинуясь могучему и злобному разуму, сотнями потекли к Толстому Чарли. Он повернулся, чтобы бежать, но его ноги застряли в какой-то резиновой липучке, и он рухнул на пол.

Тогда пауки набросились на него, их ножки зашелестели по его голой коже, он попытался встать, но кишащая волна накрыла его с головой.

Толстый Чарли открыл рот, чтобы закричать, и он тут же заполнился пауками. Они забежали ему в глазницы, и все погрузилось во тьму…

Открыв глаза, Толстый Чарли не увидел ничего, кроме черноты, и закричал… и кричал, и

кричал. Потом сообразил, что просто погасили свет и шторки на окнах опущены, потому что остальные пассажиры смотрят кино.

Это был поистине адский перелет. Толстый Чарли только внес свою лепту, чуть больше его испортив.

Встав, он попытался выйти в проход, спотыкаясь при этом о чужие ноги, а потом, когда почти туда добрался, выпрямился и ударился головой о полку для вещей, отчего ее дверцы открылись и на голову ему рухнула чья-то ручная кладь.

Те, кто сидел поближе и видел, засмеялись. Это была отличная клоунада и она всех бесконечно порадовала.

Глава седьмая, в которой Толстый Чарли заходит очень далеко

Сотрудница паспортного контроля прищурилась на американский паспорт Толстого Чарли так, словно была разочарована, что он не какой-то там иностранный подданный, которого она могла бы просто не пустить в страну, но потом со вздохом махнула проходить.

Он спрашивал себя, что будет делать, когда минует таможню. Наверное, возьмет напрокат машину. И поест… Сойдя с эскалатора, он прошел через заграждение безопасности» главный торговый вестибюль аэропорта Орландо и нисколько не удивился (как сделал бы это еще неделю назад), заметив миссис Хигглер, которая, сжимая в руке огромную кружку кофе, ощупывала взглядом лица новоприбывших. Они увидели друг друга практически одновременно, и она направилась в его сторону.

— Голоден? — спросила она.

Толстый Чарли кивнул.

— Надеюсь, ты любишь индейку.

Толстый Чарли спрашивал себя, не на этом ли брюквенного цвета седане ездила миссис Хигглер, когда он был ребенком. Наверное, да. Логично предположить, что когда-то автомобиль был новым. В конце концов, все когда-то было новым. Но сейчас он превратился в дряхлую развалину: обивка из кожзаменителя потрескалась и осыпалась, пластик под дерево на приборной доске и бардачке казался пыльным.

Между передними сиденьями лежал коричневый бумажный пакет для покупок.

В древней машине миссис Хигглер не было подставки под чашку, и свою гигантскую кружку миссис Хигглер держала, зажав между коленями. Судя по всему, машину изготовили до наступления эры кондиционеров, поэтому ехали они опустив окна. Толстый Чарли ничего не имел против. После холодной сырости в Англии флоридская жара казалась отдохновением. Миссис Хигглер направлялась на юг, к платному шоссе. По дороге она болтала: о последнем урагане и о том, как она возила своего племянника Бенджамина в аквапарк в Орландо и в Диснейленд, и о том, что туристические курорты уже не те, о строительных кодексах, цене на бензин, и что именно она сказала врачу, когда тот посоветовал ей сде-

лать операцию на бедре, и почему туристы вечно кормят аллигаторов, и почему новоприбывшие строят дома на пляжах, а потом удивляются, что у них нет или пляжа, или дома, или как смеют аллигаторы жрать их собак. Толстый Чарли слушал вполуха, с него все скатывалось как с гуся вода. В конце концов это только слова.

Притормозив, миссис Хигглер взяла билет для платной трассы. И замолчала. Казалось, задумалась.

— Так, значит, ты познакомился с братом, — не спросила, а скорее констатировала она.

— Могли бы меня предупредить, — проворчал Толстый Чарли.

— Я предупреждала, что он бог.

— Но ничего не говорили о том, какая он заноза в заднице.

Миссис Хигглер только сморщила нос и отпила большой глоток кофе из кружки.

— Нельзя где-нибудь остановиться и перекусить? — спросил Толстый Чарли. — В самолете давали только овсянку и бананы. Никаких ложек. И молоко кончилось еще до того, как дошли до моего ряда. Перед нами извинились и в возмещение раздали всем талоны на еду.

Старуха покачала головой.

— За талон я мог бы получить в аэропорту гамбургер.

— Я же сказала. Луэлла Дунвидди приготовила тебе индейку. Как по-твоему, каково ей будет, если мы приедем, а ты уже наелся в «Макдоналдсе» и у тебя нет аппетита? А?

— Но я умираю с голоду! А нам еще два часа ехать.

— Нет, — твердо ответила она. — Когда я за рулем, то нет.

И вдавила педаль газа. Время от времени, пока брюквенный седан громыхал по платному шоссе, Толстый Чарли крепко зажмуривался и одновременно с силой нажимал левой ногой на воображаемые тормоза. К концу пути он взмок от усилий.

Гораздо скорее, чем через два часа, они съехали с платного шоссе на местное, которое привело их в город. Они проехали книжный магазинчик «Варне энд Ноубл» и канцелярский магазин «Офис Депот». Они проехали мимо коттеджей, обошедшихся своим новым владельцам в семизначные суммы, домов за собственными охраняемыми воротами. Они проехали по старым жилым улочкам, за которыми, насколько хватало детских воспоминаний Толстого Чарли,

раньше ухаживали много лучше, чем сейчас. Они проехали мимо индонезийской закусочной с ямайским флагом в витрине и доской, где от руки прославлялись бычьи хвосты, фирменное блюдо из риса, домашний лимонад и курица в карри. У Толстого Чарли текли слюни, в животе урчало.

Рывки и тряска. Дома становились все старше, а окрестности — очень и очень знакомыми.

Пластмассовые розовые фламинго еще стояли в театральных позах посреди садика миссис Дунвидди, хотя за годы почти добела выгорели на солнце. Был здесь и зеркальный шар, и когда Толстый Чарли его заметил, то на мгновение испугался так, как никогда ничего не боялся.

— Очень худо тебе с Пауком? — спросила миссис Хигглер, когда они подходили к двери дома миссис Дунвидди.

— Скажем так, — отозвался Толстый Чарли, — я думаю, он спит с моей невестой. А это больше, чем доставалось мне.

— А-а, — протянула миссис Хигглер и, щелкнув языком, позвонила в дверь.

На «Макбета» немного похоже, подумал час спустя Толстый Чарли. И в самом деле, если бы ведьмы в «Макбете» были четырьмя милыми старушками и если бы вместо того, чтобы поме-

шивать содержимое котла и распевать жуткие заклинания, они обрадовались бы Макбету, усадили бы его за стол, накормили индейкой, горохом и рисом (не говоря уже про пудинг из бататов и пряную капусту) в фарфоровых мисочках на клеенчатой скатерти в красно-белую клетку и не подстегивали его брать добавки и еще добавки, а потом, когда Макбет заявил бы, что нет, он сейчас лопнет, и поклялся, что больше ни крошки не съест, не поставили бы перед ним свой фирменный рисовый пудинг и большой кусок знаменитого ананасового пирога миссис Бустамонте, — все было бы в точности как в «Макбете».

— Итак, — сказала миссис Дунвидди, смахивая с уголка губ крошку ананасового пирога, — насколько я понимаю, тебя навестил твой брат.

— Да. Я поговорил с паучком. Наверное, я сам виноват. Я ведь не ожидал ничего дурного!

Ответом ему был хор «ахов», «охов» и «фу ты», с которыми миссис Хигглер, миссис Дунвидди, миссис Бустамонте и миссис Ноулс цокали языками и качали головами.

— Он вечно повторял, что ты у него глупый, — сказала миссис Ноулс. — Я про твоего отца говорю. Но я никогда ему не верила.

— Откуда же мне было знать? — запротестовал Толстый Чарли. — Родители ведь мне никогда не говорили: «Кстати, сынок, у тебя есть брат, про которого ты ничего не знаешь. Пусти его в свою жизнь, и он натравит на тебя полицию, будет спать с твоей невестой и не только поселится у тебя, но и целый дом притащит в твою запасную комнату. Он промоет тебе мозги и заставит ходить в кино и целую ночь провести, пытаясь попасть домой, и...»

Он остановился — как-то странно они на него смотрели.

Собравшиеся вокруг стола старушки по очереди вздохнули. Вздох начался с миссис Хигглер, от нее перешел к миссис Ноулс и миссис Бустамонте и, наконец, к миссис Дунвидди. Это внушало беспокойство, Толстому Чарли даже стало жутковато, но тут миссис Бустамонте рыгнула и тем испортила все впечатление.

— И чего ты хочешь? — спросила миссис Дунвидди. — Скажи, чего ты хочешь?

Сидя в маленькой гостиной миссис Дунвидди, Толстый Чарли задумался, чего же, собственно, хочет. День за окном бледнел, переходя в ласковые сумерки.

— Он испоганил мне жизнь, — сказал Толстый

Чарли. — Я хочу, чтобы вы его забрали. Чтобы он просто исчез. Вы это умеете.

Три женщины помладше промолчали. Просто посмотрели на миссис Дунвидди.

— Мы не можем заставить его исчезнуть, — сказала миссис Дунвидди. — Мы уже… — Тут она осеклась и сказана: — Ну, понимаешь, сами мы уже сделали все что могли.

К чести Толстого Чарли надо сказать, что, как бы в глубине души ему этого ни хотелось, он не разразился слезами, и не возопил, и не опал, как неудавшееся суфле. Он только кивнул.

— Что ж, — сказал он. — Извините, что потревожил. И спасибо за обед.

— Мы не в силах заставить его уйти, — сказала миссис Дунвидди, и ее карие глаза за толстыми, почти как галька, стеклами очков стали вдруг почти черными. — Но можем послать тебя к тому, кто сумеет.

Во Флориде был ранний вечер, а значит, в Лондоне — глубокая ночь. В просторной кровати Рози, где Чарли никогда не бывал, Паук поежился.

Рози прижалась к нему всем телом, крепко-крепко.

— Ты в порядке, Чарльз? — спросила она.

Она кожей чувствовала, как по рукам и плечам

у него бегут мурашки.

— Все нормально, — сказал Паук. — Просто жутковато вдруг стало.

— Кто-то прошелся по твоей могиле, — пошутила Рози.

Тогда он притянул ее к себе еще ближе и поцеловал.

А Дейзи в ярко-зеленой ночной рубашке и в пушистых розовых-прерозовых тапочках сидела в маленькой гостиной свой квартирки в Хендоне. Всматриваясь в экран компьютера, она то и дело качала головой и равномерно щелкала мышью.

— Тебе еще долго? — спросила Кэрол. — У нас ведь есть целый компьютерный отдел, которому полагается этим заниматься, знаешь ли. А не тебе.

Дейзи издала неопределенный звук, не означающий ни «да», ни «нет». Такой звук издают, говоря, мол, я знаю, что кто-то что-то сказал, и если я его издам, может, они уйдут.

Кэрол уже слышала его раньше.

— Ой, — сказала она. — Большая попка. Тебе еще долго? Я хочу сделать еще запись в «ЖЖ»[149].

Дейзи фразы отметила. Но дошли только два

---

[149] notes: 149
«Живой журнал» — общедоступный интернет-дневник

слова:

— Ты хочешь сказать, что у меня большой зад?

— Нет, я говорю, что уже поздно и что я хочу сделать новую запись в «ЖЖ». Опишу, как он лапает супермодель в туалете одного лондонского бара.

— Ладно, — вздохнула Дейзи. — Просто что-то тут дурно пахнет, вот и все.

— Что дурно пахнет?

— Присвоение денег. Ладно, выхожу. Иди в свою помойку. Знаешь, а ведь у тебя могут быть неприятности, ты же выдаешь себя за члена королевской семьи.

— Отвяжись.

Кэрол писала «Живой журнал» от имени одного молодого члена британской королевской семьи, выдавая себя за отбившегося от рук сорвиголову. В прессе уже спорили, реальный это дневник или подделка, причем многие указывали, что такие подробности, которые приводит Кэрол, могут знать только настоящие члены британской королевской семьи или те, кто читает сплетни в желтых журналах.

Отойдя от компьютера, Дейзи все еще размышляла о положении дел в «Агентстве Грэхема Хорикса».

А его владелец крепко спал в спальне своего

большого, но без показной роскоши дома в Перли. Будь на свете справедливость, он стонал бы и обливался потом во сне, терзаемый кошмарами, и фурии совести жалили бы его скорпионьими хвостами. И потому мне больно признавать, что Грэхем Хорикс спал как хорошо покормленный и пахнущий молоком младенец, и ничегошеньки ему не снилось.

Где-то в доме Грэхема Хорикса напольные часы вежливо пробили двенадцать раз. В Лондоне была полночь. Во Флориде — семь вечера.

И тот и другой — час ведьм.

Миссис Дунвидди сложила и убрала красно-белую клеенчатую скатерть.

— Черные свечи у кого?

— У меня, — ответила миссис Ноулс.

У ее ног стояла пластиковая сумка из магазина и, покопавшись в ней, она извлекла четыре свечи — по большей части черные. Одна была высокой и ничем не украшенной, остальные три — в форме мультяшных черно-желтых пингвинов, вместо хохолка в голове у каждого торчало по фитилю.

— Других не было, — извиняясь, сказала она. — И вообще пришлось обойти три магазина, чтобы найти хотя бы эти.

Миссис Дунвидди промолчала, только качнула головой. Свечи она поставила по углам стола, причем единственную непингвиновую — против своего места. Каждая свечка оказалась на пластмассовой тарелке для пикника. Достав большую коробку кошерной соли, миссис Дунвидди горкой высыпала кристаллы на стол. Потом, придирчиво оглядев, поводила и в ней иссохшим пальцем, пока не получились кучки и завитки.

Миссис Ноулс принесла с кухни большую стеклянную миску, которую поставила в центре стола. Отвернув крышку с бутылки шерри, она плеснула в миску солидную порцию.

— А теперь, — сказала миссис Дунвидди, — давай дурман вонючий, пырей ползучий, амарант хвостатый. Да, и еще цареградский стручок.

Миссис Бустамонте снова порылась в сумке и достала стеклянный пузырек.

— Это смесь кулинарных трав, — сказала она. — Я решила, что подойдет.

— Смесь трав! — фыркнула миссис Дунвидди. — Смесь трав!

— А какая разница? — спросила миссис Бустамонте. — Я всегда ею пользуюсь, когда в рецепте говорится базилик то, орегано сё. Столько хлопот и мороки! И вообще, на мой взгляд, в магазинах

продают сплошные смеси.

— Высыпай, — вздохнула миссис Дунвидди.

Половину смеси трав из склянки высыпали в шерри. На поверхности закружились сухие листья и палочки.

— Теперь четыре земли, — велела миссис Дунвидди. — Надеюсь, — продолжала она, тщательно отмеряя слова, — никто не собирается сказать, что не смог найти четыре земли, и теперь придется обойтись камешком, сушеной медузой, магнитом на холодильник и куском мыла.

— Земля у меня, — сказала миссис Хигглер и, предъявив коричневый бумажный пакет, достала из него четыре застегивающихся полиэтиленовых мешочка, в которых лежал какой-то песок или высушенная глина, но все разных цветов. Их содержимое она высыпана по углам стола.

— Хорошо, что хоть кто-то слушает, что ему говорят, — проворчала миссис Дунвидди.

Миссис Ноулс зажгла свечи, заметив походя, как легко зажигаются пингвины, какие они миленькие и смешные.

Миссис Бустамонте разлила остатки шерри в четыре рюмки.

— А мне не достанется? — спросил Толстый Чарли, хотя на самом деле шерри ему не хотелось.

Он вообще его не любил.

— Нет, — твердо ответила миссис Дунвидди, — не достанется. Тебе надо быть начеку.

Она достала из сумочки позолоченную коробочку для таблеток.

Миссис Хигглер погасила свет, и все пятеро сели за стол, над которым плясало пламя свечей.

— И что теперь? — спросил Толстый Чарли. — Возьмемся за руки и будем взывать к живым и вызывать духи умерших?

— Нет, — прошептала миссис Дунвидди. — И придержи язык.

— Извините, — сказал Толстый Чарли и тут же об этом пожалел.

— Слушай, — сказала миссис Дунвидди, — ты отправишься туда, где тебе, вероятно, помогут. И все равно не отдавай ничего своего и ничего не обещай. Ты меня понял? Если ты кому-то что-то дашь, то позаботься получить взамен нечто равноценное. Понятно?

Толстый Чарли едва не сказал «да», но вовремя осекся и только кивнул.

— Хорошо.

И миссис Дунвидди начала напевать что-то без мелодии и слов, ее старческий голос дрожал и спотыкался.

К ней присоединилась — несколько мелодичнее — миссис Ноулс, голос у нее был выше и сильнее.

Подключилась миссис Хигглер, но она не гудела и не шипела. Она жужжала, как муха на стекле, издавая языком вибрирующий звук, такой невероятный и странный, точно во рту у нее был рой рассерженных пчел, которые бьются о зубы, стараясь вырваться на свободу.

Толстый Чарли подумал, не присоединиться ли ему тоже, но понятия не имел, что ему делать, поэтому сосредоточился на том, чтобы сидеть тихо и не потерять голову от странного шума.

Миссис Хигглер бросила в миску с шерри и смесью трав щепотку красной земли. Миссис Бустамонте — щепотку желтой. Миссис Ноулс — щепотку бурой, а миссис Дунвидди мучительно медленно подалась вперед и уронила комок черной грязи.

Миссис Дунвидди отпила шерри, потом нашарила что-то артритными пальцами в коробочке для таблеток и бросила на пламя свечи. На мгновение в комнате запахло лимонами, а потом — просто чем-то жженым.

Миссис Ноулс начала выстукивать ритм на столе, но гудеть не перестала. Свечи замигали, и

по стенам затанцевали гигантские тени. Миссис Хигглер тоже забарабанила пальцами по столу, но выстукивала другой ритм — быстрее, решительнее, и два стука слились в третий.

В мозгу Толстого Чарли все шумы — гудение и шипение, перестук и жужжание — стали сливаться в единый звук. Голова у него закружилась. Все как будто утратило реальность, расплылось. В издаваемом женщинами шуме он слышал звуки дикого леса, потрескивание гигантских костров. Пальцы у него словно бы вытянулись как резиновые, а ноги оказались где-то далеко-далеко.

Ему казалось, он парит над комнатой, над всем миром, а под ним вокруг стола сидели пятеро. Одна из женщин бросила что-то в миску посреди стола, и в ней полыхнуло так ярко, что Толстый Чарли на мгновение ослеп. Он зажмурился и тут же понял, что от этого толку ни на грош: даже с закрытыми глазами все казалось слишком ярким.

Защищаясь от яркого дневного света, он потер глаза.

Огляделся по сторонам.

Прямо перед ним — точь-в-точь небоскреб — вздымалась скала. Нет, отвесный склон горы. И в двух шагах сбоку уходил вниз такой же отвесный обрыв. Подойдя к краю, он осторожно глянул

вниз. И, увидев что-то белое, решил, что это овцы, но, присмотревшись внимательнее, сообразил, что перед ним облака — большие пушистые облака очень далеко внизу. А дальше, под облаками — пустота: он видел голубое небо, и казалось, если смотреть еще дальше, то увидишь черноту космоса, а за ней — лишь холодное мерцание звезд.

Толстый Чарли попятился от обрыва.

Потом повернулся и пошел назад к горам, которые поднимались все вверх и вверх, так высоко, что он не видел вершин, так высоко, что он решил, что если они когда-нибудь упадут, то непременно ему на голову и погребут навеки. Он заставил себя опустить взгляд, смотреть на склон, а потому заметил в нем отверстия: они тянулись вдоль уступа между обрывом и склоном и выглядели как зевы естественных пещер.

Уступ, на котором стоял сейчас Толстый Чарли, был шириной не больше десятка метров. Да и не уступ вовсе, а петляющая между валунами песчаная дорога, где временами виднелись кусты и лишь изредка деревья. Дорога как будто огибала горы, а после терялась в туманной дымке на горизонте.

«Кто-то за мной наблюдает», — сообразил вдруг Толстый Чарли и окликнул:

— Эй? Здравствуйте. — Он запрокинул голову. — Эй, есть тут кто-нибудь?

Кожа у мужчины, который вышел из ближайшей пещеры, была много темнее, чем у Толстого Чарли, даже темнее, чем у Паука, но длинные волосы были рыжеватыми и ложились на плечи как грива. Вокруг бедер у него была повязана потрепанная желтая львиная шкура, сзади свисал львиный хвост, и вот этот хвост вдруг смахнул с плеча муху.

Желтые глаза мужчины моргнули.

— Кто ты? — прорычал он. — И по чьему разрешению ходишь по этой земле?

— Я Толстый Чарли Нанси, — сказал Толстый Чарли. — Моим отцом был Паук Ананси.

Массивная голова медленно склонилась.

— И зачем ты пришел сюда, сын компэ Ананси?

Оглядевшись по сторонам, Толстый Чарли решил, что они под скалой одни, но у него возникло такое ощущение, будто на них смотрят десятки глаз, будто навострились десятки ушей, но десятки голосов молчат. Толстый Чарли ответил громко, чтобы услышали все, кто желает услышать:

— Из-за моего брата. Он отравляет мне жизнь.

Я не властен заставить его уйти.

— Так ты ищешь нашей помощи? — спросил Лев.

— Да.

— А твой брат? Он, как и ты, крови Ананси?

— Он не как я. Совсем не такой, — сказал Толстый Чарли. — Он скорее твоего народа.

Мазок жидкого золота: одним прыжком человек-лев лениво и легко, как перышко, прыгнул от входа в пещеру, в мгновение ока перемахнув серые валуны и пару ярдов песка. Теперь он вдруг очутился рядом с Толстым Чарли. Львиный хвост раздраженно хлестал по земле.

Сложив на груди руки, мужчина глянул на Толстого Чарли сверху вниз и сказал:

— Почему ты сам не уладишь свое дело?

У Толстого Чарли пересохло во рту. Горло как будто закупорило пылью. Стоявший рядом с ним был ростом выше любого человека, и пахло от него совсем не по-человечьи. Кончики кошачьих клыков придавили нижнюю губу.

— Не могу, — пискнул Толстый Чарли.

Из следующей пещеры высунулся гигант. Кожа у него была коричневато-серой и морщинистой, а ноги — как складчатые колонны.

— Если вы с братом поссорились, — сказал

он, — попросите отца вас рассудить. Покоритесь воле главы семьи. Таков закон.

Он снова скрылся в пещере и издал горловой звук, такой громкий и трубный, что даже Толстый Чарли сообразил, что слышал Слона.

Толстый Чарли сглотнул.

— Мой отец мертв.

И голос у него был теперь снова чистым, много чище и громче, чем он ожидал. Его слова эхом отдались от отвесной скалы, раскатились по сотням пещер, по сотням каменных уступов. «Мертв, мертв, мертв, мертв», — повторяло эхо.

— Поэтому я пришел сюда.

— Я не питал любви к Пауку Ананси, — сказал Лев. — Однажды, давным-давно, он привязал меня к бревну и велел ослу тащить меня в пыли к трону Мау, создателю всех вещей. — От этого воспоминания Лев зарычал, и Толстому Чарли очень захотелось оказаться на другом краю света.

— Иди дальше, — сказал Лев. — Если повезет, то найдешь кого-то, кто тебе поможет. Но я этого делать не стану.

Слон сказал из темноты пещеры:

— И я тоже. Твой отец обманул меня и наелся моего живота. Он сказал, что сделает для меня сандалии, и смеялся, набивая себе желудок. У

меня долгая память.

Толстый Чарли пошел дальше.

У входа в следующую пещеру стоял человек в щегольском зеленом с переливом костюме и элегантной шляпе с лентой из змеиной кожи. И ботинки, и ремень у него тоже были из кожи змеи.

— Иди дальше, сын Ананси, — сказал Змей, и во рту у него что-то сухо затрещало, точно гремучка забила хвостом. — От вашей проклятой семейки одни неприятности. Я в ваши проблемы вмешиваться не стану.

Женщина у входа в следующую пещеру была очень красивой, но глаза у нее были как две капли нефти, и вибриссы на фоне кожи казались снежно-белыми. А еще у нее было два ряда грудей.

— Я знала твоего отца, — сказала она. — Давно это было. Мр-р-р.

Она встряхнулась от одного только воспоминания, и Толстому Чарли вдруг показалось, что он прочел очень личное письмо. Она послала Толстому Чарли воздушный поцелуй, но, когда он попытался подойти ближе, качнула головой. Он пошел дальше.

Впереди из земли торчало искривленное мертвое дерево — точь-в-точь абстрактная скульптура

из старых костей. Тени стали уже удлинятся, ведь солнце медленно опускалось в бесконечное небо, туда, где скалы вдавались в конец света. Солнечный диск казался чудовищным оранжево-золотым шаром, и мелкие облачка под ним были окрашены золотом и пурпуром.

«Ассирийцы напали, как волк на отару, — подумалось Толстому Чарли. — Их когорты сверкали подобно пожару». Строчки Байрона всплыли из какого-то позабытого урока литературы. Он попытался вспомнить, что такое «когорты», и не сумел. Вероятно, какие-то повозки.

Совсем рядом с ним что-то шевельнулось, и тут он сообразил: то, что он принял за валун под деревом, на самом деле человек — с песочными волосами и темными полосами на спине. Волосы у него были очень длинными и очень черными, а когда он улыбался, то показывал клыки, как у очень большой кошки. В скользнувшей по губам улыбке не было ни тепла, ни веселья, ни дружбы.

— Я Тигр, — сказал он. — Твой отец сотни раз меня обижал и оскорблял тысячью разных способов. У Тигра долгая память.

— Мне очень жаль, — отозвался Толстый Чарли.

— Я прогуляюсь с тобой, — продолжал Тигр. — Немного. Ты сказал, Ананси мертв?

— Да.

— Так, так, так. Он столько раз меня дурачил. Когда-то все принадлежало мне: сказки, песни, звезды — все. А он меня обокрал. Может, теперь, когда он мертв, люди наконец перестанут рассказывать его проклятые истории. Перестанут смеяться надо мной.

— Конечно, перестанут, — заверил Толстый Чарли. — Я вообще никогда над тобой не смеялся.

Сверкнули глаза цвета отполированного изумруда.

— Кровь есть кровь, — сказал он. — Потомки Ананси — это и есть сам Ананси.

— Я не мой отец, — возразил Толстый Чарли.

Тигр оскалился. Зубы у него были очень острые.

— Нельзя расхаживать, заставляя людей смеяться над тем и сем, — объяснил Тигр. — Мы ведь в серьезном мире живем, тут зубоскалить не над чем. Никогда не надо смеяться. Детей нужно учить бояться, учить их дрожать. Учить их быть жестокими. Учить их быть опасностью в темноте. Прятаться в тени, а после напрыгивать, бросаться

или вылетать — и обязательно убивать. Знаешь, в чем истинный смысл жизни?

— М-м-м… — протянул Толстый Чарли. — Любить друг друга?

— Смысл жизни — в жаркой крови твоей жертвы у тебя на языке, в его плоти, распадающейся под твоими зубами, в трупе врага, брошенном на солнце стервятникам. Вот что такое жизнь. Я Тигр. Я сильнее, чем когда-либо был Ананси, больше, опаснее, могущественнее, страшнее, мудрее…

Толстому Чарли совсем не хотелось разговаривать с Тигром. И не потому, что Тигр был не в своем уме, нет, дело было в том, что он так серьезно отстаивал свои взгляды, а эти последние оказались далеко не самыми приятными. А еще Тигр напоминал Толстому Чарли кого-то, и хотя Толстый Чарли не мог определить, кого именно, но точно знал; что этот кто-то ему не нравится.

— Ты поможешь мне избавиться от брата?

Тигр закашлялся, будто в горле у него застряло даже не перо, а целая птица.

— Хочешь, принесу тебе воды? — спросил Толстый Чарли.

Тигр поглядел на него с подозрением.

— В прошлый раз, когда Ананси предложил

мне воду, я в конечном итоге попытался съесть луну из озера и чуть не утонул.

— Я просто хотел помочь.

— Вот и он так сказал. — Придвинувшись к Толстому Чарли, Тигр посмотрел ему в глаза. С такого близкого расстояния он и вовсе не походил на человека: нос слишком плоский, глаза расположены иначе, и пахнет от него, как из клетки в зоопарке. И слова его обернулись раскатистым рыком: — Вот чем ты мне поможешь, сын Ананси. И ты, и твой брат. Держитесь от меня подальше. Понятно? Если хочешь сохранить мясо на своих костях.

Тут он облизнулся, и язык у него был красным, как свежая кровь, и длиннее, чем полагается иметь человеку.

Толстый Чарли попятился, уверенный, что если повернется, если побежит, то почувствует, как кожу у него на загривке разрывают тигриные клыки. Шедшее рядом с ним существо лишилось теперь последней толики человеческого, и размерами оно было с настоящего тигра. В нем воплотилась каждая хищная кошка, которая вдруг вознамерилась полакомиться человечиной, каждый тигр, который ломал позвонки человеку, как домашняя кошка — мыши. И потому, пятясь,

Толстый Чарли не сводил глаз с Тигра, и вскоре хищник мягко вернулся под свое мертвое дерево, растянулся на камнях и растворился в пятнистых тенях, где его присутствие выдавали лишь фонтанчики пыли, взбиваемой раздраженными ударами хвоста.

— Не бойся его, — сказала от входа в ближайшую пещеру женщина. — Иди сюда.

Толстый Чарли не смог решить, красавица она или ужасная уродина, но осторожно приблизился.

— Тигр разыгрывает могучего храбреца, но боится собственной тени. А еще больше — тени твоего папы. В его челюстях нет силы.

В ее лице было что-то собачье. Нет, не собачье, а…

— А вот я, — продолжала она, когда он подошел совсем близко, — могу зубами раздавить кость. Там самое вкусное прячется. Там — самое сладкое, что есть в теле, но никто, кроме меня, этого не знает.

— Я ищу кого-нибудь, кто помог бы мне избавиться от брата.

Запрокинув голову, женщина расхохоталась — диким лающим смехом, громким, долгим и безумным, и Толстый Чарли ее узнал.

— Никто здесь тебе не поможет, — сказала она. — Каждый тут пострадал, когда пытался тягаться с твоим отцом. Тигр ненавидит тебя и твою семью больше всего на свете, но и он даже пальцем не шевельнет, пока твой отец где-то ходит по миру. Послушай: иди по этой тропе. Я тебе добрый совет даю, ведь за глазом у меня пророческий камень. Поэтому поверь мне на слово, помощь ты найдешь, лишь когда отыщешь пустую пещеру. Войди в нее. Поговори с тем, кто ждет там. Понял меня?

— Кажется, да.

Она рассмеялась — нехороший вышел у нее смех.

— Не хочешь сперва задержаться у меня? Я многому тебя научу. Знаешь ведь, что говорят? На свете нет никого злее и гаже Гиены.

Толстый Чарли покачал головой и даже не остановился, а пошел дальше мимо пещер, тянувшихся вдоль скалы на краю света. Проходя мимо каждого черного отверстия, он в него заглядывал. Там были люди всех форм и размеров — крошечные и высоченные, мужчины и женщины. И когда он проходил, когда они выступали на свет из тени, он видел мохнатые бока или чешую, рога или когти.

Одних он пугал, и они отступали в темноту своего убежища. Другие, напротив, подбирались ближе, рассматривали его хищно или с любопытством.

Что-то обрушилось с каменного уступа над одной пещерой и приземлилось рядом с Толстым Чарли.

— Привет, — с одышкой проговорило оно.

— Привет, — отозвался Толстый Чарли.

Новенький оказался волосатым и легковозбудимым. И с руками и ногами у него было что-то не так. Толстый Чарли постарался понять, в чем дело. Конечно, остальные люди-звери были зверьми и людьми одновременно, но здесь две половинки «без швов» или отличительных черт сливались в единое целое. Если у предыдущих существ животная и человеческая составляющие чередовались, как полосы на зебре, создавая нечто иное, то этот казался одновременно и человеком, и почти человеком, и от такой несуразности у Толстого Чарли зудели зубы. А потом он вдруг понял.

— Обезьяна, — сказал он. — Ты Обезьяна.

— Персик есть? — спросил Обезьяна. — Манго есть? А инжир?

— Извини, ничего нет.

— Дай мне что-нибудь поесть, и я стану твоим другом, — предложил Обезьяна.

Миссис Дунвидди о таком предупреждала. «Ничего не отдавай, — подумал Чарли. — Ничего не обещай».

— Боюсь, я тебе ничего не дам.

— Ты кто? — спросил Обезьяна. — Ты что? Ты какой-то половинчатый. Ты оттуда или отсюда?

— Моим отцом был Ананси, — сказал Толстый Чарли. — Я ищу кого-нибудь, кто помог бы мне разобраться с братом, заставить его уйти.

— Ананси может разозлиться, — сказал Обезьяна. — А это очень скверно. Если разозлишь Ананси, ни в одну сказку больше не попадешь.

— Ананси мертв.

— Мертв там, — сказал Обезьяна. — Возможно. Но здесь? Это совсем другая история.

— Ты хочешь сказать, он где-то здесь?

Толстый Чарли беспокойно оглядел склон горы: от самой мысли, что в одной из этих пещер сидит где-нибудь, покачиваясь в скрипящем кресле-качалке, отец — сидит, сдвинув на затылок фетровую шляпу, потягивает бурый эль из банки и прикрывает зевок рукой в лимонно-желтой перчатке, — становилось не по себе.

— Кто? Что?

— По-твоему, он здесь?

— Кто?

— Мой отец.

— Твой отец?

— Да, Ананси.

Обезьяна в ужасе запрыгнул на валун и распластался по камню, его взгляд заметался из стороны в сторону, точно он высматривал готовый вот-вот налететь смерч.

— Ананси? Он здесь?

— Я об этом и спрашивал, — возразил Толстый Чарли.

Схватившись ногой за какой-то выступ, Обезьяна внезапно перевернулся и свесился вниз головой, так что его физиономия уставилась вверх ногами в лицо Толстого Чарли.

— Я иногда возвращаюсь в большой мир, — сказал он. — Там говорят: «Обезьяна, Обезьяна, приди, мудрый Обезьяна. Приходи, мы припасли для тебя персики. И орехи. И личинки. И инжир».

— Мой отец здесь? — терпеливо спросил Толстый Чарли.

— У него нет пещеры, — отозвался Обезьяна. — Будь у него пещера, я бы знал. Наверное, знал бы. Может, у него была пещера, а я забыл. Если дашь

персик, мне будет легче вспомнить.

— У меня с собой ничего нет, — сказал Толстый Чарли.

— Никаких персиков?

— Совсем ничего.

Качнувшись, Обезьяна вновь оказался на валуне и одним прыжком исчез, а Толстый Чарли пошел дальше по каменистой тропе. Солнце спустилось, висело теперь почти вровень с тропой и горело темно-оранжевым. Утомленные лучи забирались в пещеры, показывая, что каждая из них обитаема. В этой — с серой шкурой и смотрит близоруко, наверное, Носорог. А в этой — цвета гнилого бревна на мелководье, с черными, как стекло, глазами Крокодил.

За спиной у него что-то загремело, задребезжали посыпавшиеся камешки, и Толстый Чарли обернулся. Касаясь костяшками пальцев тропы, за ним стоял Обезьяна.

— У меня, честное слово, нет фруктов, — сказал Толстый Чарли. — Иначе я тебе дал бы.

— Мне тебя жалко, — откликнулся Обезьяна. — Шел бы ты домой. Это очень, очень, очень, очень дурная мысль. Да?

— Нет, — сказал Толстый Чарли.

— Ага, — забормотал Обезьяна. — Ну и ладно,

ладно, ладно, ладно, ладно.

Он на мгновение застыл, а потом вдруг внезапным рывком пронесся мимо Толстого Чарли и остановился возле пещеры в некотором отдалении.

— Сюда не ходи, — крикнул он, указывая на вход. — Плохое место.

— Чем? — спросил Толстый Чарли. — Кто там?

— Никого! — победно ответил Обезьяна. — А значит, не он тебе нужен, верно?

— Да, — согласился Толстый Чарли. — Верно.

Обезьяна подпрыгивал и верещал, но Толстый Чарли решительно прошел мимо него и стал карабкаться по камням, пока не добрался до входа в пустую пещеру. Отсюда казалось, что солнце окрасило скалы на краю света алым, почти как свежая кровь.

Толстый Чарли устал, очень устал. Бредя по тропе вдоль гор в начале света (это всего лишь горы на краю света, если подходишь с другой стороны), он чувствовал нереальность происходящего, да и самому себе казался бестелесным. Эти горы и их пещеры — из того же материала, из какого были сотворены самые старые сказки. А ведь они возникли задолго до появления людей — с чего вы взяли, что люди первыми начали

рассказывать сказки? И когда он ступил с тропы в пещеру, Толстому Чарли почудилось, будто он попал в чью-то чужую реальность. Пещера была глубокой, а ее пол — в белых пятнах от птичьих погадок. Еще на полу были перья, и тут и там, как растрепанная метелка для пыли, темнел высохший трупик птицы.

А в глубине пещеры ничего, кроме черноты.

— Эй? — окликнул Толстый Чарли.

— Эй, эй, эй, эй, эй… — откликнулось изнутри эхо.

Он пошел вперед. Темнота была такой плотной, что ее, казалось, можно потрогать руками, будто глаза ему завязали тонкой черной тканью. Вытянув руки по сторонам, он двигался медленно, останавливаясь после каждого шага.

Что-то шевельнулось впереди.

— Привет!

Его глаза понемногу привыкли к темноте, и теперь он смог кое-что различить. «Нет, ничего особенного, просто перья и тряпье». Еще шаг, и ветер всколыхнул перья, захлопал тряпьем на полу пещеры.

Что-то затрепыхалось вокруг него, пронеслось сквозь него, разгоняя воздух хлопаньем голубиных крыльев.

Заклубившаяся пыль запорошила Толстому Чарли глаза и ноздри. Он прищурился на холодный ветер и попятился, когда впереди поднялся смерч пыли, тряпок и перьев. Потом ветер стих, а на месте кружившихся перьев оказалась человеческая фигура, которая подняла руку и поманила Толстого Чарли к себе.

Он отступил бы, но она вдруг сделала шаг и взяла его за рукав. Ее прикосновение было сухим и легким, и она потянула его к себе…

Толстый Чарли невольно двинулся вперед, еще глубже в чрево пещеры…

…и оказался на голой равнине цвета меди, под небом оттенка скисшего молока.

У разных существ разное зрение. Глаза человека (в отличие, скажем, от глаз кошки или осьминога) пригодны для того, чтобы видеть лишь одну реальность зараз. Глазами Толстый Чарли видел одно, а разумом — другое, а в пропасти между первым и вторым притаилось безумие. Он почувствовал, как в нем волной поднимается дикая паника, и, сделав глубокий вдох, задержал дыхание, слушая, как отчаянно бьется о грудную клетку сердце. И заставил себя верить глазам, а не разуму.

И потому он знал, что перед ним птица. Птица

с безумными глазами и встрепанным оперением. Птица больше любого орла, выше любого страуса. С кривым острым клювом-крюком, как у хищника. С перьями цвета сланца и нефтяным отливом, в котором темной радугой переливаются зелень и пурпур. В глубине души он это знал. А глазами видел женщину с волосами цвета воронова крыла, женщину, которая стоит там, где полагается быть метафоре — Птице всех птиц. Не молодая и не старая, и лицо у нее было словно высечено из обсидиана в те времена, когда сам мир был сон.

Она наблюдала за ним и не шевелилась. В небе цвета скисшего молока клубились тучи.

— Меня зовут Чарли, — начал Толстый Чарли. — Чарльз Нанси. Большинство знакомых… ну, почти все зовут меня Толстым Чарли. И ты можешь. Если хочешь.

Никакого ответа.

— Моим отцом был Ананси.

Ничего. Ни взмаха ресниц, ни вздоха.

— Я хочу, чтобы ты помогла мне заставить моего брата уйти.

При этих словах она склонила голову набок — сделала достаточно, чтобы показать, что слушает, достаточно, чтобы показать, что жива.

— Сам я не могу. Ему досталась вся магия и так

далее. Я просто поговорил с паучком, и ни с того ни с сего объявился мой брат. А теперь я не могу от него избавиться.

Когда женщина наконец заговорила, голос у нее оказался хриплый и низкий, как крик вороны:

— И чего ты хочешь от меня?

— Как насчет помощи? — предложил он.

Она как будто задумалась.

Позже Толстый Чарли старался и не мог вспомнить, что же на ней было надето. Иногда ему казалось, что это была накидка из перьев, а иногда — какие-то лохмотья или, может, поношенный плащ — такой, в котором она была, когда он позднее встретил ее в парке и когда все стало оборачиваться скверно. Но в одном он не сомневался, во что-то она была одета. Будь она голой, он бы запомнил, правда?

— Помощи? — эхом откликнулась она.

— Избавиться от него.

Женщина кивнула.

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе избавиться от крови линии Ананси.

— Я просто хочу, чтобы он убрался и оставил меня в покое. Я не хочу причинять ему боль или еще что.

— Отдай мне кровь и род Ананси, пусть он будет

в моей власти.

Толстый Чарли стоял на бескрайней медной равнине, которая (и откуда он это знал?) находилась в пещере в горах на краю света, а те, в свою очередь, в пропахшей фиалковой водой гостиной миссис Дунвидди, и пытался понять, чего же она хочет.

— Я не могу ничего отдать. И обещать тоже не могу.

— Ты хочешь, чтобы он исчез. Мое время дорого стоит. — Сложив руки на груди, она уставилась на него безумным взглядом. — Я не боюсь Ананси.

Ему вспомнился голос миссис Дунвидди.

— М-м-м… — неуверенно протянул Толстый Чарли. — Мне нельзя давать обещаний. И взамен я должен попросить что-то равноценное. То есть мы должны поменяться.

Вид у Женщины-Птицы стал недовольный, но она кивнула.

— Тогда взамен я дам тебе кое-что равноценное. Мое слово. — Своей рукой она накрыла его ладонь, словно вкладывала в нее что-то, потом сжала, замыкая его пальцы в кулак. — А теперь произнеси вслух.

— Я даю тебе кровь Ананси, — сказал Толстый Чарли.

— Хорошо, — произнес бестелесный голос, ведь женщина исчезла, в буквальном смысле распалась на части.

Там, где она стояла, вдруг взмыла ввысь, точно потревоженная выстрелом, птичья стая и разлетелась во все стороны. Небо заполнилось птицами — их тут было больше, чем Толстый Чарли мог себе вообразить. Бурые и черные птицы кружили, клубились облаком черного дыма, большим, чем способно вместить человеческое сознание.

— Теперь ты заставишь его уйти? — выкрикнул Толстый Чарли в небо цвета скисшего молока.

Птицы скользили на фоне туч, и каждая вдруг изменила свой полет, так что с неба на Чарли внезапно уставилось гигантское лицо.

Губы размером с небоскреб складывали в небе в слова: гомоном и писком, когтями и клювами неведомое существо произнесло его имя.

Потом лицо распалось в безумный хаос, а составлявшие его птицы устремились прямо к нему. Стараясь защититься от них, Толстый Чарли закрыл голову руками.

Внезапно щеку ему обожгло острой болью. На мгновение он решил, что какая-то птица оцарапала его клювом или вырвала кусок кожи когтями.

А потом открыл глаза и понял, где очутился.

— Хватит меня бить! — сказал он. — Все в порядке. Не надо меня бить!

Пингвины на столе почти догорели: головы и плечи у них исчезли, и огоньки теперь плясали в бесформенных черно-белых шариках животов, а лапы, точно в лед, вмерзли в черноватый воск. Три старухи смотрели на него во все глаза.

Внезапно миссис Ноулс плеснула ему в лицо стакан воды.

— И в этом тоже нет необходимости, — сказал Толстый Чарли. — Я ведь здесь, так?

В комнату вошла миссис Дунвидди. В руке она победно сжимала стеклянный пузырек.

— Нашатырь! — возвестила она. — Я же знала, что он у меня где-то есть. Купила еще в шестьдесят седьмом или шестьдесят восьмом. Посмотрим, есть ли от него еще толк. — Вглядевшись в Толстого Чарли, она нахмурилась. — Ах, он очнулся? Кто его разбудил?

— Он перестал дышать, — сказала миссис Бустамонте. — Поэтому я хлопнула его по щеке.

— А я плеснула ему в лицо воды, — сказала миссис Ноулс, — это помогло ему окончательно прийти в себя.

— Не нужен мне нашатырь, — вмешался

Толстый Чарли. — Я и так мокрый, мне и так больно.

Но старческие пальцы миссис Дунвидди уже открутили крышку с пузырька, который она быстро сунула ему под нос. Отдергивая голову, Толстый Чарли все равно вдохнул нашатырный спирт. На глаза ему навернулись слезы, ощущение было такое, будто кто-то съездил ему по носу. С подбородка у него капала вода.

— Ну вот, — сказала миссис Дунвидди, — теперь тебе лучше?

— Который час? — спросил Толстый Чарли.

— Почти пять утра, — ответила, отпив из своей гигантской кружки кофе, миссис Хигглер. — Мы уже забеспокоились. Расскажи лучше, что с тобой было.

Толстый Чарли порылся в памяти. Нет, происшедшее не растворилось, как случается со снами, но ему казалось, что события последних нескольких часов переживал какой-то другой человек, и теперь надо связаться с этим другим с помощью доселе неопробованных методов телепатии. В голове у него все смешалось, многоцветное волшебство иного мира растворялось в буровато-серой реальности.

— Там были пещеры. Я просил о помощи. В

пещерах жило много зверей. Никто не хотел помочь. Все боялись моего папы. Потом одна согласилась.

— Одна? — переспросила миссис Бустамонте.

— Одни там были мужчинами, а другие женщинами, — объяснил Толстый Чарли. — Эта была женщиной.

— Ты знаешь, что она такое? Крокодил? Гиена? Мышь?

Он пожал плечами.

— Я, наверное, вспомнил бы, если бы меня не начали бить и поливать водой. И совать мне под нос всякую гадость. От такого все мысли из головы улетучиваются.

— Ты не забыл, что я тебе говорила? — спросила миссис Дунвидди. — Ничего не отдавать? Только меняться?

— Да, — со смутной гордостью ответил он. — Да. Там был Обезьяна, он хотел фруктов, но я сказал «нет». Послушайте дайте мне выпить чего-нибудь покрепче.

Миссис Бустамонте взяла со стола стакан с чем-то.

— Мы так и подумали, что тебе понадобится выпить. Поэтому процедили шерри. Там может оказаться немного кулинарной смеси, но для

здоровья не опасно.

Только тут Толстый Чарли заметил, что руки у него сжаты в кулаки. Он раскрыл правый, чтобы взять у старушки стакан. Потом вдруг остановился и уставился на свою ладонь.

— В чем дело? — спросила миссис Дунвидди. — Что там?

На ладони Толстого Чарли лежало черное, смятое и влажное от пота перо. И тогда он вспомнил. Все вспомнил.

— Это была Женщина-Птица, — сказал он.

Рассвет окрашивал небо серым, когда Толстый Чарли садился на переднее сиденье седана миссис Хигглер.

— Хочешь спать? — спросила она.

— Не очень. Как-то странно себя чувствую.

— Куда тебя отвезти? Ко мне? В дом отца? В мотель?

— Не знаю.

Она завела мотор и рывком тронулась от обочины.

— Куда мы едем?

Миссис Хигглер не ответила, только с шумом отхлебнула из своей мегакружки. Но, помолчав несколько минут, все-таки снизошла:

— Может, то, что мы сегодня сделали, к луч-

шему, а может, и нет. Иногда семейные дела лучше улаживать внутри семьи. Взять хотя бы вас с братом… Вы слишком уж похожи. Поэтому, наверное, ссоритесь.

— Надо думать, в ваших краях употребляют слово «похожи» в каком-то особом смысле, подразумевая на самом деле «как небо и земля».

— Не строй тут из себя англичанина. Я знаю, что говорю. Вы с ним одного поля ягоды. Помню, твой отец говорил: «Каллианна, мои мальчишки глупее…» — впрочем, неважно, что именно он сказал. Смысл в том, что сказано было про вас обоих. — Туг ей в голову пришла какая-то мысль. — Ха! Когда ты отправился туда, где живут старые боги, ты отца там видел?

— Кажется, нет. Я бы запомнил.

Она кивнула, и остаток пути они ехали молча. Наконец она припарковала машину, и они вышли.

Флоридский рассвет разливался прохладой. Сады Успокоения словно бы сошли с киноэкрана: по земле стелился туман, смягчавший все очертания. Миссис Хигглер толкнула маленькую калитку, и они вошли на кладбище.

Закрывая свежую землю на могиле отца Толстого Чарли, кто-то уложил газон, и в изголовье

красовалась металлическая табличка, к которой была приварена кованая ваза. Сейчас в ней покачивалась одинокая желтая роза.

— Господи, сжалься над грешником в этой могиле, — с чувством сказала миссис Хигглер. — Аминь, аминь, аминь. Аминь!

Оглянувшись по сторонам, Толстый Чарли заметил, что у них есть зрители: два красноголовых журавля, которых он видел, когда приезжал сюда в прошлый раз, покачивая головами, важно зашагали в их сторону, точно два аристократа, явившихся посетить заключенных.

— Кыш! — шикнула на них миссис Хигглер.

Птицы воззрились на нее без удивления, но не улетели. Одна резко опустила голову, а когда подняла, в клюве у нее билась ящерица. Глоток, встряска, и ящерица превратилась в горбик на шее у журавля.

Занялся рассветный хор: иволги и пересмешники радовались началу дня в дебрях за Садами Успокоения.

— Хорошо будет вернуться домой, — сказал Толстый Чарли. — Если повезет, Птица заставит его убраться до моего возвращения. Тогда все наладится. Я помирюсь с Рози.

В нем нарастал теплый оптимизм. День обещал

стать хорошим.

В старых сказках Ананси живет в точности, как мы с вами, — в доме. Разумеется, он — жадный, сластолюбивый, хитрый и ужасный лжец. А еще он — добросердечный, удачливый и временами даже честный. Иногда он хороший, иногда дурной. Но одного в нем нет — злобы. Обычно слушатели на стороне Ананси. Это потому, что ему принадлежат все сказки. Их дал ему Мау на заре времен, отобрав у Тигра, и теперь Паук сплетает из них прекрасную паутину.

В сказках Ананси, конечно же, паук, но еще и человек. Не так трудно удержать в голове и то и другое разом. На это способен даже ребенок.

Сказки про Ананси рассказывают бабушки и тетушки на Западном побережье Африки и по всем островам Карибского бассейна, да что там, по всему свету. Его сказки нашли себе дорогу в детские книжки, и там большой улыбчивый Ананси играет веселые шутки со всеми-, кто попадается ему на пути. Беда в том, что бабушки, тетушки и авторы детских книжек кое-что опускают. Ведь есть сказки, которые совсем не подходят детям. Вот сказка, какую не найдешь в книжке для маленьких. Я называю ее.

Ананси и птица

Ананси не любил Птицу, потому что, когда Птице хотелось есть, она ела всякую всячину, в том числе пауков, к тому же Птица всегда была голодна.

Когда-то они были друзьями, но дружбе пришел конец.

Однажды, гуляя, Ананси увидел дыру в земле, и это натолкнуло его на каверзную мысль. Раскопав яму пошире, он положил на дно ветки, поджег их, потом опустил туда большой котел с водой и набросал в него кореньев и трав. А после стал бегать вокруг котла. Бегать и пританцовывать, бегать и Петь, и кричать:

— Как мне хорошо! Мне так хорошо!!! О-ля-ля, все мои боли прошли, никогда в распроклятой жизни мне не было так хорошо!!!

Птица услышала шум и спустилась с небес посмотреть, из-за чего такой гам.

— Чего ты распелся? Почему ты ведешь себя как помешанный, Ананси?

А Ананси поет:

— У меня болела шея, а теперь прошла. У меня были рези в желудке, а теперь их нет. У меня скрипели суставы, а теперь я гибок, как молодая

пальма. Я гладкий, как Змей наутро после того, как сбросил старую кожу. Я счастливее всех и теперь стану совершенным, потому что знаю секрет, а никто больше его не знает.

— Какой секрет? — спрашивает Птица.

— Мой секрет, — говорит Ананси. — Любой отдаст мне то, что любит больше всего, отдаст мне самое, что у него есть, дорогое, лишь бы узнать мой секрет. Ура! Ура! Мне так хорошо!

Птица подлетает поближе, склоняет голову набок. Потом спрашивает:

— Можно мне узнать твой секрет?

Ананси смотрит на нее подозрительно и встает так, чтобы закрыть собой котел, который весело булькает в яме.

— Нет, пожалуй, — говорит он. — В конце концов, возможно, ничего не получится. Не забивай себе голову.

— Ну же, Ананси, — говорит Птица. — Знаю, мы не всегда были друзьями. Но послушай, поделись со мной своим секретом, и обещаю, больше ни одна птица не съест ни одного паука. Мы будем друзьями до конца времен.

Ананси скребет подбородок и качает головой.

— Это очень большой секрет, — говорит он, — ведь он делает людей снова молодыми, подвиж-

ными, а еще сластолюбивыми и избавляет от всяческой боли.

Тогда Птица охорашивается и говорит:

— Ах Ананси, ты же знаешь, что я всегда считала тебя очень представительным мужчиной. Почему бы нам не прилечь у дороги, и уверена, я заставлю тебя забыть про то, как ты не хотел рассказывать мне свой секрет.

Тогда они ложатся у обочины дороги и начинают ласкаться, смеяться и дурачиться, и когда Ананси получает свое, Птица говорит:

— И в чем же твой секрет, Ананси?

— Ну, я никому не собирался его рассказывать, но тебе — ладно, так и быть. Вон в той яме — травяная ванна. Смотри, я бросаю в нее вот эти коренья и вот эти травы. Любой, кто там полежит, будет жить вечно и никогда больше не испытает боли. Я немного в ней помок и теперь резв, как козлик. Но сомневаюсь, что позволю кому-то еще залезть в мою ванну.

А Птица бросает один только взгляд на бурлящую воду и одним прыжком соскальзывает в котел.

— Тут ужасно жарко, Ананси, — говорит она.

— И должно быть жарко, чтобы травы сделали свое доброе дело, — отвечает Ананси.

Потом берет крышку и накрывает ею котел. Крышка тяжелая, к тому же поверх нее Ананси кладет большой камень, чтобы еще больше ее придавить.

«Вам! Бим! Бом!» — бьется из котла Птица.

— Если я выпущу тебя сейчас, — кричит Ананси, — пропадет целебное действие ванны. Просто расслабься и почувствуй, как становишься все здоровее.

Но Птица то ли его не расслышала, то ли ему не поверила, потому что еще некоторое время стучала и толкала крышку. А потом все стихло.

Тем вечером Ананси и его семья вдоволь наелись вкуснейшего супа, в котором плавала вареная Птица. И еще много дней они не голодали.

С тех пор птицы едят пауков, когда видят, и птицы и пауки никогда не станут друзьями.

В другой версии сказки Ананси тоже уговорили залезть в котел. Все сказки — про Ананси, но он не всегда выходит победителем.

Глава восьмая, в которой полный кофейник оказывается как нельзя кстати

Если неведомые силы замышляли что-то против Паука, сам Паук про это ничего не знал. Напротив, он радовался жизни в шкуре Толстого Чарли. Он так развлекался в обличье Толстого Чарли, что даже спрашивал себя, и как раньше до такого не додумался. А ведь это гораздо веселее, чем бочка мартышек[150].

Больше всего в «бытности Толстым Чарли» Пауку нравилась Рози.

До сих пор Паук считал женщин более-менее взаимозаменяемыми. Им не называют настоящего имени и не дают адреса, во всяком случае, того места, где собираются задержаться больше недели, ну разве что телефон одноразового мобильного. Женщины были забавой, украшением

---

[150] notes: 150

Несколько лет назад Паука очень разочаровала бочка мартышек. Ничего интересного с бочкой не происходило, оттуда только доносились всякие любопытные звуки, а когда они прекратились и мартышки уже совсем ничего не делали — разве что на каком-то молекулярном органическом уровне, — пришлось избавляться от них глухой ночью. — *Прим. авт.*

и потрясающим аксессуаром, но там, откуда они берутся, всегда есть еще. Они — как миски с гуляшом на лейте конвейера: покончив с одной, просто выбираешь следующую и ложкой накладываешь сметану.

Но Рози…

Рози отличалась от всех.

Он не мог бы сказать, чем и как. Раз за разом пытался определить, почему она такая особенная, но тщетно. Когда она была рядом, он чувствовал себя иначе, словно видя себя ее глазами, становился гораздо лучшим человеком.

Пауку нравилось знать, что Рози известно, где его найти: от этого становилось спокойно на душе. Он упивался ее податливыми округлостями, тем, что миру она желала только добра, и тем, как она улыбалась. Все в Рози было замечательным, но, как начал он понемногу узнавать, оставалась одна загвоздка: ее мама. В тот самый вечер, когда за четыре тысячи миль от Лондона Толстый Чарли мучился из-за путаницы с билетами, Паук сидел в квартире мамы Рози и узнавал ее хозяйку с плохой стороны.

Он привык, что может чуточку подтолкнуть реальность: нужно просто показать ей, кто тут главный. Обычно хватало самой малости. Но он

никогда не сталкивался с человеком, который так прочно укоренился бы в собственной реальности, как мама Рози.

— Кто это? — подозрительно спросила она, как только Рози с женихом переступили порог.

— Я Толстый Чарли Нанси, — сказал Паук.

— Почему он так говорит? — удивилась мама Рози. — Кто это?

— Я Толстый Чарли Нанси, ваш будущий зять, и я вам очень нравлюсь, — с полнейшей убежденностью повторил Паук.

Чуть заколебавшись, мама Рози моргнула и уставилась на него во все глаза.

— Вы, возможно, Толстый Чарли, — неуверенно сказала она. — Но вы мне не нравитесь.

— А должен бы, — улыбнулся Паук. — Я просто создан, чтобы нравиться. Мало на свете найдется людей, которые нравились бы так, как я. Правду сказать, я бесконечно всем нравлюсь. Люди сходятся на собрания, лишь бы пообсуждать, как я им нравлюсь. У меня есть несколько наград и медаль одной маленькой страны в Южной Америке, что воздает должное тому, насколько я всем нравлюсь, и моей головокружительной чудесности. Конечно, у меня их с собой нет. Все медали я держу в ящике для носков.

Мама Рози потянула носом воздух. Она не понимала, что происходит, но что бы оно ни было, ей это не нравилось. До сих пор она считала, что раскусила Толстого Чарли. Наедине с собой она признавалась, что вначале она не совсем верно себя повела: вполне возможно, Рози не привязалась бы так к нему, если бы после первой же встречи она не выразила бы свое мнение столь громогласно. «Он неудачник, — сказала тогда мама Рози. — Уж я-то страх чую, как акула кровь через весь залив». Но ей не удалось уговорить Рози его бросить, и теперь она изменила стратегию, перехватив контроль за подготовкой к свадьбе, чтобы как можно больше испортить Толстому Чарли жизнь, и с мрачным удовлетворением размышляла о статистике разводов по всей стране.

Теперь же творилось что-то странное, и маме Рози это не нравилось. Толстый Чарли перестал быть ранимым увальнем. Увидев вместо него новое, во всех смыслах зубастое существо, мама Рози растерялась.

А вот Пауку пришлось потрудиться.

Большинство других людей ничего вокруг себя не замечают. Но мама Рози — не большинство. Она все замечала. Сейчас она мелкими глотками пила горячую воду из фарфоровой чашечки и

знала, что минуту назад проиграла стычку — хотя и не могла бы сказать, как так получилось или из-за чего произошло столкновение. Поэтому следующую свою атаку она перенесла на уровень выше.

— Чарльз, дорогой, расскажите про свою кузину Дейзи. Меня беспокоит, что ваша родня так мало представлена в списке гостей. Хотите отвести ей большую роль на свадебном обеде?

— О ком это вы?

— О Дейзи, — ласково сказала мама Рози. — О молодой женщине, которую я видела у вас позавчера и которая полуголой расхаживала по квартире. Если, конечно, это ваша кузина…

— Мама! Если Чарли говорит, что это его кузина…

— Пусть сам расскажет, Рози. — Мама отпила еще глоток горячей воды.

— Да. Ладно. Дейзи.

Паук порылся в памяти, выискивая ту ночь с вином, женщинами и песнями: самую хорошенькую и забавную девушку он привез с собой домой (убедив сперва, что это ее идея), а потом она помогла втащить полубессознательную тушу Толстого Чарли вверх по лестнице. Уже побалованный в ходе вечера вниманием нескольких

других красоток, он привез домой забавную крошку на десерт, но, уложив Толстого Чарли в кровать, решил, что уже наелся. Ах эта…

— Милая, маленькая кузина Дейзи, — без малейшей заминки сказал он. — Уверен, она была бы счастлива принять участие в торжествах, если, конечно, у нее будет такая возможность. Увы, она работает курьером. Вечно путешествует. Сегодня здесь, а завтра доставляет конфиденциальные документы в Мурманск.

— У вас нет ее адреса? Или номера телефона?

— Мы вместе можем ее поискать, — согласился Паук. — Прочешем весь земной шар. Она же носится по свету.

— Тогда, — сказала мама Рози (с таким видом Александр Македонский, наверное, приказывал разграбить деревушку в Персии), — в следующий раз, когда она будет дома, обязательно пригласите ее к нам. Мне она показалась просто очаровательной, и уверена, Рози будет счастлива с ней познакомиться.

— Конечно, — улыбнулся Паук. — Обязательно. Всенепременно.

У любого человека, какой ходил по земле в прошлом или будет ходить в грядущем, есть песня. Нет, поймите правильно, никто ее не написал. У

нее собственная мелодия и собственные слова. Очень мало кому удается ее спеть. Большинство из нас боятся, что не воздадут ей должного голосом или что слова у нее слишком глупые, слишком честные или слишком странные. Поэтому люди свои песни живут.

Возьмем, к примеру, Дейзи. Свою песню она подспудно слышала большую часть своей жизни, и у этой песни был бодрящий маршевый ритм, и слова о защите слабых, и припев, который начинался «Бойтесь, злодеи!». Дурацкая песня, правда? Глупо петь ее вслух. Но иногда она напевала ее себе под нос — в ванной или сквозь мыльные пузыри.

Вот и все, что вам нужно знать о Дейзи. Остальное — детали.

Отец Дейзи родился в Гонконге. Мама приехала из Эфиопии, где ее семья (богатые экспортеры ковров) владела домом в Аддис-Абебе, а еще виллой и земельной собственностью под Незретом. Родители Дейзи познакомились в Кембридже, куда папа приехал изучать компьютерные технологии еще до того, как это стали считать разумной карьерой, и где мама буквально впитывала молекулярную химию и международное право. Они были очень похожи: равно любили науку, были робкими от

природы и легко конфузились. Оба тосковали по дому, но по очень разным вещам. А еще оба играли в шахматы и встретились однажды в среду вечером в шахматном клубе. Как новичков, их посадили играть друг с другом, и в первой же партии мама Дейзи без труда обыграла папу.

Папа Дейзи был так этим уязвлен, что робко попросил о матче-реванше в следующую среду и делал это в каждую следующую среду (за исключением каникул и государственных праздников) на протяжении еще двух лет.

По мере того как улучшалось их умение общаться с людьми и ее разговорный английский, улучшались и их отношения. Они бок о бок стояли, держась за руки, в живой человеческой цепи и протестовали против появления больших транспортеров, груженных боеголовками. Вместе (хотя и с много большей компанией единомышленников) они поехали в Барселону, чтобы протестовать против «потопа международного капитализма» и решительно «поднять свои голоса против гегемонии корпораций». Именно там они испытали на себе действие распыляемого властями слезоточивого газа, и мистер Дей растянул запястье, когда его излишне бесцеремонно оттолкнула с дороги барселонская полиция.

А потом в начале их третьего курса наступила среда, когда папа Дейзи побил маму Дейзи в шахматы. Он был так счастлив, так преисполнен воодушевления и сознания победы, что, расхрабрившись от своего подвига, предложил ей руку и сердце. А мама Дейзи, которая в глубине души боялась, что как только он выиграет, то потеряет к ней интерес, сказала: «Да, конечно».

Они обосновались в Англии и остались более-менее верны науке. У них родилась дочка, которую они назвали Дейзи, потому что купили себе тандем, двухколесный велосипед для двоих; став взрослой, Дейзи хохотала до упаду, узнав, что они действительно на нем катались. Они переезжали из университета в университет по Великобритании: папа преподавал кибернетику, а мама писала книги про гегемонию международных корпораций (которые никто не хотел читать) и книги про шахматы, их стратегию и историю (которые хотели читать все) и потому в удачный год зарабатывала больше мужа, который никогда не получал много. С возрастом их политическая активность пошла на убыль, и к середине жизни они превратились в счастливую пару, которую не интересует ничего помимо их самих, шахмат и Дейзи, а еще реконструкции и отладки забытых

операционных систем.

Ни один из них не понимал Дейзи. Нисколечки.

Они винили себя в том, что не подавили в корне ее увлечение полицией, когда оно только-только начало проявляться — приблизительно тогда же, когда она научилась говорить. Дейзи тыкала пальцем в патрульные машины с тем же воодушевлением, с каким другие девочки показывали на пони. Ее седьмой день рождения пришлось отпраздновать маскарадом, чтобы она могла надеть костюм младшего офицера полиции, и в коробке с фотографиями на чердаке у родителей еще хранились фотографии, на которых ее лицо светилось бесконечной радостью семилетнего ребенка при виде торта — семь свечек вокруг синей мигалки.

Дейзи выросла в прилежную, веселую и смышленую девушку, которая осчастливила родителей, поступив в Лондонский университет, чтобы изучать там право и вычислительную технику. Отец мечтал, чтобы она читала лекции по праву, мать питала надежду, что ее дочь станет королевским адвокатом, а после, может, даже судьей и употребит закон на то, чтобы давить гегемонию корпораций, где бы и как бы она ни проявилась. А

потом Дейзи все испортила, сдав вступительные экзамены и пойдя на работу в полицию. Полиция встретила ее с распростертыми объятиями: с одной стороны, имелось распоряжение принимать как можно больше узких специалистов (лучше женщин), с другой стороны, число компьютерных преступлений и мошенничеств росло день ото дня. Дейзи там очень была нужна. Откровенно говоря, там нужен был целый отряд Дейзи.

Теперь, четыре года спустя, можно честно признаться, что карьера в полиции не оправдала надежд Дейзи. Да, разумеется, родители не уставали предостерегать, что полиция — это расистское и сексистское учреждение, которое раздавит ее индивидуальность, превратив в нечто бездушное и ординарное, так же верно превратит ее в часть «столовской культуры», как растворимый кофе, но дело было не в этом. Нет, больше всего ее раздражала необходимость заставлять остальных полицейских понять, что она тоже полицейский. Она пришла к выводу, что для большинства копов работа полицейского — это то, что делаешь, дабы защитить среднего англичанина от страшных хулиганов из неблагополучных семей, которые хотят взломать бензоколонку или стырить сотовый телефон. С точки зрения Дейзи, речь шла

совсем о другом. Дейзи знала, что пятнадцатилетний парнишка, сидя у себя в комнате где-нибудь в Германии, способен запустить вирус, который отключит электричество в больнице и вреда принесет больше любой бомбы. Дейзи держалась мнения, что по-настоящему плохие парни знают, как работают FTP-серверы, разбираются в шифровании данных и пользуются одноразовыми сотовыми. И сомневалась, что хорошие парни все это умеют.

Отпив глоток кофе из пластмассовой чашки, Дейзи поморщилась: пока она листала страницы электронных документов, кофе остыл.

Она просеяла всю информацию, которую дал ей Грэхем Хорикс. Спору нет, это — тот самый случай, когда с первого взгляда видно, что дело нечисто: взять хотя бы чек на две тысячи фунтов, который Чарльз Нанси, по всей видимости, выписал самому себе на прошлой неделе.

Вот только… Вот только что-то не складывалось.

Пройдя в конец коридора, она постучала в дверь кабинета суперинтенданта.

— Войдите!

На протяжении тридцати лет суперинтендант Камбервелл курил за рабочим столом трубку, а

потом в здании ввели запрет на курение. Теперь он обходился куском пластилина, который скатывал в шарик и раздавливал, мял и ковырял пальцем. С трубкой в зубах он был мирным и добродушным и, по мнению подчиненных, истинная соль земли. С куском пластилина в руках он был неизменно раздражительным и вспыльчивым. В удачный день дотягивал даже до обидчивости.

— Да?

— Я по делу «Агентства Грэхема Хорикса».

— М-м-м?

— У меня неспокойно на душе.

— Неспокойно на душе? При чем, скажите на милость, тут душа?

— Думаю, мне следует самоустраниться от расследования.

На суперинтенданта это впечатления не произвело, он только посмотрел на нее свирепо. Предоставленные сами себе пальцы лепили из голубого пластилина пеньковую трубку.

— Причина?

— Я встречалась раньше с подозреваемым.

— И? Провели с ним отпуск? Крестили его детей? Что?

— Нет. Я встречалась с ним лишь однажды. Ночевала у него.

— Хотите сказать, вы с ним побаловались? — Глубокий вздох, в котором в равных долях смешались усталость от мира, раздражение и тоска по унции «Старого Холборна».

— Нет, сэр. Ничего подобного. Я просто у него переночевала.

— И это все, что вас связывает?

— Да, сэр.

Он смял пластилиновую трубку в бесформенный ком.

— Вы сознаете, что попусту тратите мое время?

— Да, сэр. Извините, сэр.

— Делайте свою работу. А меня оставьте в покое.

На пятый этаж Мэв Ливингстон поднималась одна, и медленная тряска в лифте дала ей достаточно времени отрепетировать, что она скажет Грэхему Хориксу, когда наконец до него доберется.

Локтем она прижимала к боку тонкий кожаный портфель, некогда принадлежавший Моррису: на удивление мужской предмет. Одета она была в белую блузку, джинсовую юбку и в серое пальто поверх них. Встречавшие Мэв Ливингстон видели длинноногую красавицу с исключительно белой кожей, и волосы у нее остались (лишь

с минимальной помощью химии) такими же золотистыми, какими были, когда Моррис Ливингстон женился на ней двадцать лет назад.

Мэв очень любила Морриса. Когда он умер, она не стерла его номер из памяти сотового телефона, даже когда аппарат сняли с обслуживания. Еще у нее в сотовом была фотография Морриса, которую как-то сделал ее племянник, и она не могла заставить себя с ней расстаться. Сейчас ей очень хотелось позвонить Моррису и попросить у него совета.

Внизу она назвала свое имя в домофон, и, пожужжав, устройство впустило ее в холл, а, когда она поднялась наверх, в приемной ее ждал сам Грэхем Хорикс.

— Как наши дела, дорогая? Как поживаем?

— Нам нужно поговорить с глазу на глаз, Грэхем, — сказала Мэв. — Сейчас же.

Грэхем Хорикс кривенько улыбнулся. Странно, но большинство его потаенных фантазий начинались с того, что Мэв произносила как раз такую фразу, а после переходила к «Ты мне нужен, Грэхем, сейчас же», или «Ах, Грэхем, я была такой нехорошей девочкой, меня нужно немедленно наказать», или в редких случаях: «Ах, Грэхем, одной женщине тебя не вынести,

поэтому позволь познакомить тебя с моей голой близняшкой Мэв II».

Они прошли в его кабинет.

К некоторому разочарованию Грэхема Хорикса, Мэв ничего не сказала о том, что он нужен ей здесь и сейчас. Даже не сняла пальто. Только открыла портфель и достала оттуда стопку документов, которые положила на стол.

— По предложению управляющего в моем банке я передала банковские балансы и выписки со счетов за последние десять лет независимому аудитору. Еще за то время, когда был жив Моррис. Можешь просмотреть его отчет, если хочешь. Цифры не совпадают. Ни одна. Я подумала, наверное, стоит сначала поговорить с тобой и лишь затем обратиться в полицию. Я сочла, что в память о Моррисе должна это для тебя сделать.

— Верно, — согласился Грэхем Хорикс, вкрадчивый, как змей, подбирающийся к гнезду. — Ах как верно.

— И?

Мэв Ливингстон подняла великолепной формы брови. В лице ее не читалось ничего хорошего. Мэв Ливингстон из его фантазий нравилась Грэхему Хориксу гораздо больше.

— Боюсь, к нам в «Агентство Грэхема Хорикса»

ненадолго затесался негодяй, Мэв. На прошлой неделе я сам вызвал полицию, когда сообразил, что что-то неладно. Длинная рука закона уже ведет следствие. Учитывая, что среди наших клиентов много знаменитостей и видных лиц — ты, разумеется, в их числе, Мэв, — полиция держит рот на замке, и кто станет их в этом винить?

Лицо Мэв Ливингстон ничуть не смягчилось, и, несколько обескураженный, Грэхем Хорикс попробовал зайти с другой стороны:

— Полиция очень надеется вернуть если не все деньги, то большую их часть.

Мэв кивнула, и Грэхем Хорикс расслабился, но только чуть-чуть.

— Можно спросить, как звали негодяя?

— Чарльз Нанси. Должен сказать, я доверял ему безоговорочно. Для меня это был истинный шок.

— А-а… Он казался таким милым.

— Внешность бывает обманчива, — напомнил Грэхем Хорикс.

Тут она улыбнулась — и очень ласковой, нежной улыбкой.

— Не выйдет, Грэхем. Подлог тянется уже целую вечность и начался задолго до появления здесь Чарльза Нанси. Возможно, задолго до появления меня самой. Моррис абсолютно тебе доверял, а

ты его обкрадывал. И с твоих слов получается, что ты пытаешься подставить одного из своих сотрудников… или переложить вину на кого-то из сообщников… Так вот, не выйдет.

— Да, не выйдет, — покаянно согласился Грэхем Хорикс. — Извини.

Она взяла со стола документы.

— Так, из чистого интереса, сколько, по-твоему, ты выдоил из нас с Моррисом за эти годы? Я бы сказала, около трех миллионов.

— Э-э-э… — Теперь он совсем не улыбался. Сумма была гораздо большей, но все-таки. — Вроде того.

Они смотрели друг на друга, и Грэхем Хорикс отчаянно прокручивал в уме ситуацию. Ему нужно выиграть время. Вот что ему нужно.

— Что, если… — начал он. — Что, если я все верну? Полностью, наличными, прямо сейчас. С процентами. Скажем, пятьдесят процентов от названной суммы.

— Ты предлагаешь мне четыре с половиной миллиона фунтов? Наличными?

Грэхем Хорикс улыбнулся — в точности так, как улыбнулась бы кобра перед броском.

— Абсо-ненно. Если пойдешь в полицию, я буду все отрицать и найму лучших адвокатов. В худ-

шем случае после крайне длительного процесса, на котором мне придется всеми доступными способами чернить доброе имя Морриса, меня приговорят к десяти — двенадцати годам тюрьмы. Максимум. Если буду хорошо себя вести, возможно, даже выйду через пять лет, а ты уж поверь, я стану образцовым заключенным. Учитывая, как у нас переполнены тюрьмы, большую часть срока я отсижу в тюрьме нестрогого режима или меня будут даже отпускать на день. Тут особых проблем не возникнет. А вот для тебя оборотная изнанка в том, что денег ты не получишь ни фартинга. Альтернатива: помалкивать, получить все деньги, какие тебе нужны, и даже больше и дать мне немного времени, чтобы… поступить порядочно. Если понимаешь, о чем я.

Мэв задумалась.

— Очень бы хотелось, чтобы ты сгнил в тюрьме, — сказала она, но потом со вздохом кивнула. — Ладно. Я возьму деньги. И никогда больше не буду иметь с тобой дела. Все последующие чеки с ройялти пойдут прямо ко мне.

— Абсо-ненно. Сейф вон там, — указал он.

У дальней стены стоял книжный-шкаф, на полках которого выстроились одинаковые, как близнецы, переплетенные в кожу собрания со-

чинения Диккенса, Теккерея, Тролопа и Остен — непрочитанные, еще даже не разрезанные. Грэхем Хорикс тронул один томик, и книжный шкаф отъехал в сторону, открывая дверь, выкрашенную под цвет стены.

Мэв задумалась, есть ли на двери цифровой код, но нет, имелась лишь замочная скважина, в которую Грэхем Хорикс вставил большой латунный ключ. Дверь распахнулась. Сунув руку внутрь, Грэхем Хорикс щелкнул выключателем. За дверью оказалась узкая комната, по стенам которой тянулись неумело прибитые полки. В дальнем конце стоял небольшой несгораемый шкаф.

— Можешь взять наличными, или драгоценностями, или и тем и другим, — напрямик сказал он. — Я бы посоветовал последнее. У меня тут есть кое-какое недурное антикварное золото. Очень удобно в перевозке.

Открыв несколько стальных шкатулок, он поднес содержимое к свету. Заблестели, замерцали, запереливались кольца, цепочки и медальоны.

Мэв невольно открыла рот от удивления.

— Сама посмотри, — предложил Грэхем Хорикс, и она протиснулась мимо него: это была истинная сокровищница.

Потянув за золотую цепочку, Мэв подняла

повыше медальон, чтобы восхищенно его рассмотреть.

— Какая красота, — сказала она. — Он, наверное, стоит…

И осеклась. В выпуклом медальоне отразилось какое-то движение у нее за спиной, и она повернулась, а потому удар молотком пришелся ей не по затылку, как рассчитывал Грэхем Хорикс, а лишь вскользь по скуле.

— Ах ты сволочь! — крикнула Мэв и пнула нападавшего.

У Мэв Ливингстон были отличные ноги и удар, достойный полузащитника, вот только места в чулане для замаха не хватило.

Носок туфли Мэв ударил врага в голень, а сама она потянулась за молотком. Грэхем Хорикс врезал снова, на сей раз удар попал в цель, и Мэв пошатнулась. Взгляд у нее затуманился. Грэхем Хорикс ударил еще, прямо по макушке, и бил снова и снова, пока она не рухнула на пол.

Грэхем Хорикс очень жалел, что у него нет пистолета. Черного такого, практичного пистолета. С глушителем, как в кино. Честно говоря, ему никогда не приходило в голову, что придется убивать кого-то в собственном кабинете, иначе он получше бы подготовился. Возможно даже,

запасся бы ядом. Какое недомыслие! Обошлось бы без такой ерунды.

На головку молотка налипли кровь и золотистые волосы. С отвращением положив инструмент на полку, он переступил через лежащую на полу женщину и собрал стальные шкатулки с драгоценностями. Содержимое он вывернул на письменный стол, а пустые шкатулки унес назад в сейф, откуда забрал «дипломат» со стопками стодолларовых купюр и банкнот по пятьсот евро и черный бархатный мешочек, до половины наполненный неграненными алмазами. Из несгораемого шкафа он достал несколько папок. И последним по очереди — но не последним (как он не преминул был указать) по значимости — принес из потайной комнаты кожаное портмоне с двумя бумажниками и паспортами.

Закрыв ногой тяжелую дверь, он запер ее и вернул на место книжный шкаф.

Постоял, отдуваясь и переводя дух.

В общем и целом, решил он, есть чем гордиться. Отличная работа, Грэхем. Молодец. Проблема улажена, и как! Он импровизировал с тем, что имелось под рукой, и выиграл: блефовал, рисковал и проявлял творческую смекалку, был готов, как сказал один поэт, все поставить на

кон. Он игрок. Однажды, сидя в каком-нибудь тропическом раю, он напишет мемуары, и люди узнают, как он одолел опасную психопатку. Хотя, подумал он, гораздо лучше было бы, если бы она действительно угрожала ему револьвером.

А ведь у нее, пожалуй, был револьвер. Нет, точно! Он же видел, как она за ним потянулась! Ему еще крайне повезло, что под руку подвернулся молоток, что в страшный момент на полке в потайной комнате оказался набор инструментов, иначе он не смог бы защищаться так быстро и так умело.

Только тут ему пришло в голову запереть дверь в кабинет.

И только сейчас он заметил, что на рубашке, и на руках, и на подметке левого ботинка у него кровь. Сняв рубашку, он вытер обувь, а рубашку бросил в мусорную корзину позади стола. А потом сам себя удивил, когда поднес руку к губам и слизал — как кошка — каплю крови красным языком.

И зевнул.

Собрав со стола документы Мэв, он скормил их бумагорезательной машине. В портфеле у нее оказались копии, поэтому он отправил их туда же. И повторно затолкал в машину обрезки.

В углу кабинета у него стоял платяной шкаф, где висели запасной костюм и чистые рубашки, а на полках лежали носки, белье и так далее. В конце концов, никогда не знаешь, куда придется отправиться по окончании рабочего дня. Будь готов ко всему.

Он тщательно оделся.

Еще в шкафу стоял чемодан на колесиках, из тех, какие можно положить на верхнюю полку в поезде, и, перемещаясь по комнате, он сложил туда нужные вещи.

Затем позвонил в приемную.

— Энни, — сказал он, — сбегайте мне за сандвичем, ладно? Нет, не из «Прэ». Может, лучше сходить в новую закусочную на Брюэр-стрит? Я как раз заканчиваю с миссис Ливингстон. Скорее всего я поведу ее на ленч в ресторан, но может, и нет, поэтому лучше подготовиться заранее.

Еще несколько минутой провел за компьютером, прогоняя программу очистки диска, которая записывает поверх всех твоих данных нули и единички, а после растирает в крошку, прежде чем отправить на дно Темзы в бетонных ботинках. Затем, катя за собой чемодан, он вышел из кабинета.

Пройдя по коридору, заглянул в один из офи-

сов.

— Я ненадолго отлучусь, — сказал он. — Если меня станут спрашивать, буду в три.

Энни (так кстати!) в приемной отсутствовала. Прекрасно, теперь все решат, что он сам проводил Мэв Ливингстон, а что до него самого, то пусть сотрудники считают, что он с минуты на минуту вернется. К тому времени, когда его хватятся, он будет уже далеко.

Грэхем Хорикс спустился на лифте, думая по дороге: «Рано все случилось, слишком рано». Пятьдесят ему исполнится лишь через год. Но механизм ухода со сцены уже запущен. Значит, случившееся сегодня придется рассматривать как выходное пособие служащему, от которого хотят избавиться, или лучше как спасательный парашют.

А после, катя за собой чемодан, он вышел за дверь на утреннее олдвичское солнышко и навсегда покинул «Агентство Грэхема Хорикса».

Паук мирно выспался в собственной гигантской кровати, на своем месте в крохотной задней комнате Толстого Чарли. Впрочем, он уже начал смутно задумываться, не навсегда ли пропал Толстый Чарли, и решил разобраться с этим в следующий же раз, когда будет нечем заняться,

если, конечно, не подвернется ничего поинтереснее или память не подведет.

Он поздно встал и теперь направлялся на встречу с Рози, чтобы повести ее на ленч. Он зайдет за ней домой, и они найдут какое-нибудь симпатичное местечко. Стоял прекрасный день ранней осени, и своим счастьем Паук заражал все вокруг. Ведь Паук был практически богом. А когда ты бог, твои эмоции распространяются на всех — остальные их просто перенимают. Мир людей, кто оказывался рядом с Пауком в тот день, когда он был так счастлив, становился чуть ярче. Если он что-нибудь напевал, окружающие тоже начинали напевать в унисон — как в мюзикле. И, конечно, если он зевал, то зевала и сотня людей вокруг, а когда он чувствовал себя несчастным, его обида расползалась как речной туман и действительность становилась унылой для всех, кто попадал в эту пелену. Нет, Паук ничего не делал, он просто *был.*

В настоящий момент только одно умеряло его счастье: он решил рассказать Рози правду.

Паук не слишком хорошо это умел. Правду он считал по сути податливой и ранимой, скорее делом мнения, чем фактом. А когда приходилось, Паук свое мнение выражал весьма убедительно.

То, что он выдает себя за другого, его не смущало. Ему нравилось выдавать себя за другого, поскольку укладывалось в его планы, которые были довольно просты и которые до сего момента сводились к следующему: а) развлекаться и б) сбежать прежде, чем наскучит. В глубине души он знал, что сейчас самое время уйти со сцены. Мир — все равно что торт: слюнявчик надет, и под рукой полно лимонада, а еще всевозможные столовые приборы, чтобы полакомиться сладким.

Вот только…

Вот только ему не хотелось уходить.

Что-то внутри подталкивало его передумать — и от этого Пауку становилось не по себе. Обычно он вообще ни о чем не думал. Если живешь бездумно, все кажется чудесным, и до сих пор инстинкт вкупе с прихотями и чудовищным везением отлично ему служили. Но даже на чуде далеко не уедешь. Паук шел по улице, и встречные ему улыбались.

Он договорился с Рози, что зайдет за ней, и потому приятно удивился, увидев, что она ждет его на углу. Испытав укол чего-то (ему и в голову бы не пришло называть это совестью), он помахал.

— Рози? Эй!

Повернувшись, она пошла к нему навстречу, и

Паук невольно расплылся в улыбке. Все как-нибудь образуется. Все уладится. Все будет хорошо.

— Ты выглядишь на миллион долларов, — сказал он. — А может, на два. Чего бы тебе хотелось?

Рози улыбнулась и пожала плечами.

Они как раз проходили мимо греческого ресторанчика.

— Как тебе греческая кухня?

Невеста Толстого Чарли кивнула.

Спустившись на несколько ступенек, они вошли в зал ресторанчика. Внутри было темно и пусто, заведение только что открылось, и владелец отвел их в укромный уголок подальше от входа.

Они сели друг против друга за столик, которого едва-едва хватало для двоих.

— Я кое-что хотел тебе сказать, — начал Паук.

Рози молчала.

— Ничего дурного, — продолжал он. — Но и хорошего тоже ничего. Ну… Тебе нужно кое-что знать.

Владелец спросил, готовы ли они сделать заказ.

— Кофе, — сказал Паук, и Рози в знак согласия кивнула. — Два кофе. И не могли бы вы оставить нас на пять минут? Нам нужно серьезно пого-

ворить.

Владелец удалился.

Рози поглядела на Паука вопросительно.

— Ладно. — Он сделал глубокий вдох. — О'кей. Просто дай мне сказать, потому что это трудно, и не знаю, смогу ли я… ладно. О'кей. Послушай, я не Толстый Чарли. Знаю, ты думаешь, что я это он, но нет. Я — его брат, Паук. Тебе кажется, что я это он, так как мы… вроде как… похожи.

Она молчала.

— Ну, не слишком похожи. Но… Знаешь, мне тоже непросто. Л-ладно. Я не могу перестать думать о тебе. То есть я знаю, что ты помолвлена с моим братом, но… вроде как… хочу спросить, не хочешь ли ты бросить его и… встречаться со мной?

Прибыл полный кофейник на серебряном подносе. И две чашечки.

— Греческий кофе, — возвестил принесший его владелец ресторанчика.

— Да. Спасибо. Но я же просил на пару минут…

— Очень горячий, — сказал владелец. — Очень горячий кофе. Крепкий. Греческий. Не турецкий.

— Отлично. Послушайте, если вы не против… пять минут. Пожалуйста.

Пожав плечами, владелец ушел.

— Ты, наверное, меня ненавидишь. На твоем

месте я, наверное, испытывал бы то же самое. Но я не о том. Больше всего на свете мне хотелось бы…

Но она только смотрела на него без всякого выражения, и он сказал:

— Пожалуйста. Скажи что-нибудь. Что угодно.

Ее губы шевельнулись, точно она подбирала нужные слова.

Паук ждал.

Рот Рози открылся.

Сперва Паук решил, что она съела инжир или шоколадку, ведь между зубов у нее темнело что-то коричневое и никак не похожее на язык. Это «нечто» дернуло головой, блеснуло газами: маленькие, темные глазки-бусины уставились прямо на Паука. Рози невероятно широко разинула рот, и из него вырвались птицы.

— Рози? — неуверенно сказал Паук.

Внезапно зальчик ресторана заполнился клювами и перьями, хвостами и когтями. Одна за другой птицы вылетали из горла Рози, и каждую сопровождало покашливание, словно бы девушка задыхалась, извергая на Паука пернатый поток.

Защищая глаза, он вскинул руку, и вдруг стало больно запястью. Он отмахнулся, но еще что-то

метнулось к его лицу, метя в глаза. Паук отдернул голову, и клюв только оцарапал ему щеку.

Мгновение кошмарной ясности: через стол от него по-прежнему сидела женщина, но как же он мог принять ее за Рози? Для начала она была старше, и иссиня-черные волосы тут и там подернулись серебром. Кожа у нее была не белой, как у Рози, а угольно-черной. Одета она была в потрепанное пальто охрового цвета. И вдруг она улыбнулась и еще раз широко открыла рот, а в нем показались острые клювы и безумные глаза морских чаек…

Паук не стал думать. Он действовал. Схватив одной рукой кофейник, другой он сорвал с него крышку, а потом дернул им в сторону сидящей через стол женщины. Выплеснулось его содержимое — обжигающе горячий черный кофе.

Женщина зашипела от боли.

Птицы били крыльями в зальчике подвального ресторана, но теперь стул по ту сторону стола опустел, и пернатые беспорядочно заметались, натыкаясь на стены.

— Сэр? — спросил владелец. — Вы не ранены? Прошу прощения. Наверное, они залетели с улицы.

— Все в порядке, — отозвался Паук.

— У вас на лице кровь, — сказал владелец.

И протянул Пауку льняную салфетку, которую тот прижал к щеке. Царапина саднила.

Паук предложил помочь выгнать птиц. Он открыл дверь на улицу, но в ресторанчике птиц не было, как не было их тут, когда он сюда вошел.

— Вот, — сказал он, доставая пятифунтовую банкноту. — За кофе. Мне нужно идти.

Владелец благодарно кивнул.

— Оставьте салфетку себе.

Уже собираясь переступить порог, Паук вдруг остановился.

— Когда я пришел, — спросил он, — со мной была женщина?

Владелец посмотрел на него озадаченно, вероятно, даже испуганно — Паук не мог бы сказать наверняка.

— Не помню, — словно бы в забытьи ответил владелец. — Женщину я бы запомнил. Но если бы вы были один, я не посадил бы вас в нише. Не знаю, просто не знаю.

Паук вышел на улицу. День был по-прежнему ясен, но ласковое солнышко уже не утешало. Он огляделся по сторонам. Увидел голубя, который, лениво переминаясь с лапы на лапу, клевал брошенное кем-то мороженое, воробья, вопроси-

тельно поглядевшего на него с карниза. И высоко над головой — мазок белого в солнечном свете: расправив крылья, в вышине кружила чайка.

Глава девятая, в которой Толстый Чарли идет открывать дверь, а Паук знакомится со стаей фламинго

Привычное невезение стало вдруг изменять Толстому Чарли. Он прямо нутром это чувствовал. Взять, например, обратный перелет в Лондон. Билеты на рейс, которым он возвращался домой, продали дважды, и поэтому его посадили в первый класс. На полпути через Атлантику стюардесса пришла сообщить, что он выиграл призовую коробку шоколадных конфет, и подарила ему ее. Положив коробку на полку для ручной клади, он заказал «драмбуйе» на льду.

Он приедет домой. Он уладит все с Грэхемом Хориксом, ведь было только одно, в чем Толстый Чарли не сомневался: в честности собственных бухгалтерских расчетов. Он помирится с Рози. Все будет замечательно.

Интересно, когда он вернется домой, Паука там уже не будет? Или ему все-таки выпадет удовольствие лично спустить его с лестницы? На последнее он даже надеялся. Толстому Чарли

хотелось увидеть, как его брат извиняется, возможно, даже пресмыкается.

Прикрыв глаза, он стал придумывать, что скажет…

— Убирайся! — гремел Толстый Чарли. — И забери с собой свои солнце, джакузи и спальню!

— Прошу прощения?

Над ним склонилась обеспокоенная стюардесса.

— Так… э-э-э… — пробормотал Толстый Чарли. — Разговариваю сам с собой.

Но ни смущение, ни краска на щеках не смогли теперь испортить ему настроение: он даже не захотел, чтобы самолет упал в океан и тем положил конец его позору. Жизнь определенно налаживалась.

Вскрыв набор предметов первой необходимости, он надел повязку на глаза и как можно дальше откинулся на сиденье. Он стал думать о Рози, которая почему-то постоянно превращалась в кого-то постройнее и пониже ростом и гораздо менее одетую. Толстый Чарли виновато призвал воображение к порядку и велел нарисовать девушку в одежде, а тогда, к ужасу и стыду своим, обнаружил, что на ней полицейская форма. Чувствовал он себя ужасно виноватым, но

почему-то без особой искренности. Постыдился бы. Следовало бы…

Поерзав на сиденье, Толстый Чарли издал одинокий удовлетворенный всхрап…

Он все еще пребывал в отличном настроении, когда самолет приземлился в Хитроу. Сев на экспресс-поезд до Паддингтона, он с удовольствием отметил, что за его короткую отлучку из Англии решило выйти солнце. «Все до последней мелочи, — сказал он самому себе, — будет хорошо».

Единственная странная нотка, бросившая тень неприятностей на утро, вкралась на полпути до вокзала. Толстый Чарли как раз смотрел в окно, жалея, что не купил в аэропорту газету. За окном тянулся зеленый лужок («Может, это футбольное поле при какой-нибудь школе?» — спросил себя Толстый Чарли), когда небо вдруг на мгновение потемнело и с шипением тормозов поезд остановился по сигналу семафора.

Это Толстого Чарли не встревожило. Осенью в Англии солнце, по определению, появляется лишь изредка, зато сейчас не было ни обложных туч, ни дождя. Только вот у рощицы берез на краю поля стояла одинокая фигура.

Сначала Толстый Чарли принял ее за пугало.

Глупо, конечно. Откуда тут взяться пугалу? Да,

разумеется, посреди поля пугалу самое место, но не футбольного же! И, уж конечно, не под березами. И вообще, если это было пугало, то свою работу оно делало из рук вон плохо.

Ведь кругом же летала стая ворон. Больших черных ворон.

А потом пугало шевельнулось.

Оно было слишком далеко, чтобы разглядеть хорошенько, — просто фигура в потрепанном буром дождевике. Тем не менее Толстый Чарли узнал ее и сразу понял, что будь она ближе, то увидел бы высеченное из обсидиана лицо, иссиня-черные волосы и глаза, в которых притаилось безумие.

Тут поезд дернулся и покатился вперед, и через несколько секунд женщина в буром дождевике скрылась из виду.

Толстому Чарли стало не по себе. Он ведь почти убедил себя, что случившееся (нет, на самом деле ничего там не случилось, кажемость сплошная!) в гостиной миссис Дунвидди было какой-то галлюцинацией, сюрреалистическим сном, возможно, отчасти верным, но не более того. И никого он на самом деле не встречал, а видел лишь набор образов, символов высшей реальности. Ну сами посудите, не мог же он отправиться в реальное

место и заключить там реальную сделку, правда?

Просто подсознание через сон подбросило ему горстку метафор, только и всего.

Он не стал спрашивать себя, откуда у него взялась уверенность, что скоро жизнь начнет налаживаться. Есть реальность и *РЕАЛЬНОСТЬ,* и одни вещи реальнее других.

Все быстрее и быстрее поезд, стуча колесами, нес его в Лондон.

Возвращаясь из греческого ресторанчика, Паук почти подошел к дому, когда кто-то тронул его за плечо.

— Чарльз? — спросила Рози.

Паук подпрыгнул или, во всяком случае, дернулся и испуганно охнул.

— Чарльз? С тобой все в порядке? Что у тебя со щекой?

Он уставился во все глаза на невесту Толстого Чарли и, помолчав, спросил:

— Ты это ты?

— Что?

— Ты Рози?

— Что за вопрос? Конечно, я Рози. Ты поранил щеку?

Паук плотнее прижал к щеке салфетку.

— Порезался.

— Дай посмотрю.

Она отвела его руку от щеки. Салфетка была испачкана алым, словно в нее впиталась кровь, а вот на щеке — ни царапины и кожа чистая.

— Тут ничего нет.

— А-а…

— Чарльз? С тобой все в порядке?

— Да, — сказал он. — Все. Нет, пожалуй, не в порядке. Кажется, нам лучше вернуться ко мне домой. Думаю, там мне будет безопаснее.

— Мы собирались куда-нибудь на ленч, — сказала Рози тоном человека, который беспокоится, что поймет, что на самом деле тут происходит, только если откуда-нибудь выпрыгнет телеведущий и покажет, где спрятаны скрытые камеры.

— Да. Знаю. Но, кажется, меня только что пытались убить, И она выдавала себя за тебя.

— Никто не пытается тебя убить, — сказала Рози, попытавшись (безуспешно) произнести эту фразу так, будто не старается подладиться под душевнобольного.

— Даже если никто не пытается меня убить, можно нам обойтись без ленча и пойти ко мне? У меня дома есть еда.

— Конечно.

Паук развернулся и зашагал к дому, а Рози пошла за ним следом, недоумевая: и когда Толстый Чарли успел так похудеть? Ему идет, решила она. Очень идет. На Максвелл-гарденс они свернули молча.

— Посмотри-ка, — сказал вдруг Паук.

— Что?

Он показал ей льняную салфетку. Свежее кровавое пятно исчезло, ткань теперь была совершенно белой.

— Это фокус?

— Если да, то не мой, — пробормотал Толстый Чарли. — Ради разнообразия.

Салфетку он бросил в урну. В этот момент перед домом Толстого Чарли остановилось такси и оттуда помятый и щурящийся на солнце вылез Толстый Чарли с белым пластиковым пакетом в руке.

Рози посмотрела на Толстого Чарли. Рози посмотрела на Паука. Потом снова на Толстого Чарли, который, открыв пакет, достал огроменную коробку шоколадных конфет.

— Это тебе, — сказал он.

— Спасибо.

Рози автоматически взяла конфеты. Перед ней было двое мужчин, которые и выглядели, и гово-

рили совершенно по-разному, а она тем не менее не могла определить, который из них ее жених.

— Я схожу с ума, верно? — сдавленно спросила она.

Так было много проще. Теперь она поняла, в чем дело.

Более худой из двух Толстых Чарли, тот, у которого была серьга в ухе, обнял ее за плечи.

— Тебе нужно домой, — сказал он. — Тебе нужно поспать. А когда проснешься, забудешь про все случившееся.

«Да, — подумала она. — Насколько все становится проще, когда у тебя есть план». Домой она возвращалась бодрым шагом, прижимая к груди коробку шоколадных конфет.

— Что ты сделал? — спросил Толстый Чарли. — Она словно бы отключилась.

Паук пожал плечами.

— Не хотел ее расстраивать.

— Почему ты не сказал ей правду?

— Подумал, что сейчас это было бы не совсем уместно.

— Как будто ты знаешь, что уместно, а что нет!

Паук положил ладонь на дверь, и она распахнулась.

— У меня ключи, знаешь ли, есть. Это же мой

дом. Они вошли в коридор, поднялись по лестнице.

— Где ты был? — спросил Паук.

— Нигде. Гулял, — сказал Толстый Чарли, запираясь, словно подросток.

— Сегодня в ресторане на меня напали птицы. Знаешь что-нибудь про это? Ведь знаешь, да?

— Пожалуй, нет. Может быть. Тебе все равно пора уезжать.

— Не начинай, — огрызнулся Паук.

— Я? Я не начинай? Думаю, я был образцом сдержанности. Ты заявился в мою жизнь. Ты разозлил моего начальника и натравил на меня полицию. Ты целовал мою девушку. Ты испоганил мне жизнь.

— Погоди, — прервал его Паук. — На мой взгляд, с последним ты и сам прекрасно справлялся.

Сжав кулак, Толстый Чарли замахнулся и ударил Паука в челюсть — как это делают в кино. Скорее от удивления, чем от боли или силы удара, Паук отпрянул, поднес руку к губам, потом посмотрел на испачкавшую пальцы кровь.

— Ты меня ударил.

— И еще раз ударю, — сказал Толстый Чарли, совсем не уверенный, что сумеет. Очень болели костяшки пальцев.

— Да? — переспросил Паук и бросился на Толстого Чарли.

Прижав к стене, он принялся молотить его кулаками, а Толстый Чарли, обхватив Паука поперек талии, рухнул на пол, потянув и его за собой.

Они катались по коридору, дубася и пиная друг друга. Толстый Чарли почти ожидал какой-нибудь магической атаки или что Паук окажется сверхъестественно сильным, но они как будто были на равных. Оба дрались бессистемно, как мальчишки — как братья, и пока они дрались, Толстому Чарли показалось, что он вспомнил, как они делали это когда-то — давным-давно. Паук был умнее и хитрее, но если Толстый Чарли сумеет оказаться наверху и обезвредит руки Паука…

Схватив Паука за правую руку, Толстый Чарли вывернул ее ему за спину, потом сел брату на грудь и навалился всем весом.

— Сдаешься? — спросил он.

— Нет.

Паук елозил и извивался, но Толстый Чарли сидел крепко.

— Обещай мне кое-что, — сказал Толстый Чарли. — Обещай, что уберешься из моей жизни и навсегда оставишь нас с Рози в покое.

На это Паук сердито выгнулся и сбросил Толсто-

го Чарли, который приземлился на пятую точку, а затем распластался на кухонном линолеуме.

— Ну вот, — сказал Паук. — Я же тебе говорил.

Кто-то барабанил в дверь. Это был повелительный стук, какой обычно говорит, что кому-то настоятельно нужно войти и что отказа он не потерпит. Толстый Чарли свирепо глянул на Паука, тот недоуменно нахмурился, и оба медленно поднялись на ноги.

— Мне открыть? — спросил Паук.

— Нет, — отрезал Толстый Чарли. — Это мой дом, черт побери. И большое спасибо, я сам пойду открою свою треклятую дверь.

— Как хочешь.

Толстый Чарли осторожно спустился, но на последней ступеньке обернулся.

— Когда я с этим покончу, — сказал он, — придет твой черед. Собирай вещи. Тебе одна дорога — за порог.

Заправив в штаны рубашку, смахнув с них соринки и вообще пытаясь выглядеть так, будто не дрался на полу, он подошел к двери. Открыл.

На пороге стояли два дюжих полицейских в форме и одна маленькая полицейская — экзотической внешности и в строгом штатском костюме.

— Чарльз Нанси? — спросила Дейзи и посмотрела на него без всякого выражения, словно они незнакомы.

— Хр-м… — выдавил Толстый Чарли.

— Вы арестованы. У вас есть право…

Толстый Чарли повернулся к лестнице.

— Сволочь! — крикнул он. — Сволочь, сволочь, сволочь, сволочная сволочь, СВОЛОЧЬ!!!

Дейзи похлопала его по руке.

— По-хорошему пойдете? — негромко спросила она. — Потому что в противном случае мы можем повести вас насильно. Но я бы не рекомендовала. Мои спутники делают это с излишним энтузиазмом.

— По-хорошему пойду, — сказал Толстый Чарли.

— Хорошо, — ответила Дейзи, вывела Толстого Чарли на улицу, усадила в черный полицейский фургон и заперла дверцу снаружи.

Полицейские обыскали квартиру. В комнатах наверху их встретило единственное живое существо — маленький черный паучок. В конце коридора имелся чуланчик с окном, а в нем несколько коробок с книгами и ведро с игрушечными машинками. Заглянув в чулан, копы не нашли ровным счетом ничего интересного.

Паук лежал на диване у себя в спальне и дулся. К себе он ушел, когда Толстый Чарли спустился открывать дверь. Ему нужно было посидеть одному. Он терпеть не мог разговоров начистоту. Обычно он сматывал удочки еще до них или в самый момент, и теперь Паук знал, что пора исчезнуть, но ему все равно не хотелось.

Он сомневался, а правильно ли поступил, отправив Рози домой.

Нет, ему хотелось (а Паук всегда руководствовался тем, что ему «хочется», а не «должен» или «следует») поговорить с Рози, объяснить, что она нужна ему, *ему*, Пауку. Что он не Толстый Чарли. Что он совсем другой. Тут бы проблем не возникло и труда тоже бы не составило. Хватило бы слов с достаточной убежденностью в голосе: «На самом деле я Паук, брат Толстого Чарли, и тебя это совершенно устраивает. Нисколько не волнует», и вселенная чуть-чуть подтолкнула бы Рози, и она бы со всем согласилась — в точности как час назад безропотно пошла домой. Она была бы не против, совсем не против.

Вот только он знал, что в глубине души она была бы очень против.

Люди не любят, когда боги ими играют. На первый взгляд им все нравится, но в глубине души

они чувствуют, что их дергают за ниточки, и обижаются. *ОНИ ЗНАЮТ.* Паук мог бы велеть ей стать счастливой, и она стала бы счастливой, но с тем же успехом он мог бы нарисовать улыбку у нее на лице — вот только в глубине души она бы не поверила, что улыбка ее собственная. На короткий срок (а до сих пор Паук мыслил лишь с точки зрения кратких сроков) — подумаешь, какая важность, но в перспективе ведет к проблемам. А ему не нужна была терзаемая бессильной яростью фурия, которая в душе его ненавидит, а с виду — совершенно нормальная, всем довольная, улыбчивая кукла. Ему нужна Рози.

А если ее «подтолкнуть», это уже будет не Рози, верно?

Уставившись невидящим взглядом на роскошный водопад и тропическое небо за окном, Паук спрашивал себя, когда к нему постучится Толстый Чарли. Что-то случилось сегодня утром в греческом ресторанчике, и чутье подсказывало, что брат знает об этом больше, чем говорит.

Некоторое время спустя ему наскучило ждать, и он лениво вернулся в квартиру Толстого Чарли. Там царил полный хаос, словно бы ее перевернула вверх дном группа профессионалов. Паук решил, что Толстый Чарли, по всей вероятности,

сам разгромил свою квартиру, лишь бы показать, как он расстроен, что Паук одолел его в драке.

Он выглянул в окно. Возле дома стояла патрульная машина, а рядом черный полицейский фургон. Не успел он отойти от окна, как они уехали.

Паук приготовил себе тост, намазал его маслом и съел. Потом прошелся по комнатам, проверяя, задернуты ли повсюду занавески.

Внизу позвонили. Задернув последнюю гардину, Паук спустился вниз.

На пороге стояла Рози. Она все еще казалась ошеломленной. Паук лишь молча уставился на нее.

— Ну? Ты пригласишь меня войти?

— Конечно. Входи, пожалуйста.

Рози направилась вверх по лестнице.

— Что тут стряслось? Землетрясение?

— Да. Кажется.

— Почему ты сидишь в потемках? — Она направилась к окну.

— Не надо!!! Пусть будут задернуты!

— Чего ты боишься? — спросила Рози.

Паук глянул на окно.

— Птиц, — ответил он, помолчав.

— Но птицы наши друзья, — возразила Рози то-

ном, каким обращаются к маленькому ребенку.

— Птицы, — возразил Паук, — это последние из динозавров. Крошечные скоростные хищники на крыльях. Пожирают беззащитных букашек, а еще орехи и рыбу… и… и… других птиц. Ранние пташки ловят червячков, которые только-только вылезли. Ты когда-нибудь видела, как питаются куры? Да, конечно, выглядят они безобидными, но знаешь, какие они злобные?

— Вчера в новостях рассказывали, как птица спасла человеку жизнь.

— Это ничего не меняет…

— Рассказывали про ворона. Или про ворону. В общем, про какую-то большую черную птицу. Один человек лежал на газоне за своим домом в Калифорнии и читал журнал и вдруг услышал, как кто-то каркает и каркает, а это его внимание пытался привлечь ворон. Человек встал и пошел к дереву, где сидел ворон, а за деревом прятался кугуар и хотел на него броситься. Поэтому человек убежал в дом. Если бы ворон его не предупредил, он стал бы кормежкой для кугуара.

— Почему-то я сомневаюсь, что вороны всегда так себя ведут. Но спас ли какой-то там ворон кому-то жизнь или нет, это ничего не меняет. Птицы за мной охотятся.

— Ага, ага, — сказала Рози, пытаясь делать вид, что не подлаживается под помешанного. — Птицы за тобой охотятся.

— Да.

— И охотятся они за тобой, потому что…

— Э-э-э…

— Должна же быть какая-то причина. Не можешь же ты утверждать, что великое множество птиц ни с того ни с сего, без всякой причины решило считать тебя огромным червяком?

— По моему, ты мне не веришь, — с чувством сказал Паук.

— Ты всегда был очень честным, Чарли. То есть я всегда тебе доверяла. Когда ты мне что-то говоришь, я изо всех сил стараюсь тебе поверить. Очень стараюсь. К тому же я тебя люблю. Поэтому предоставь мне решать, верю я тебе или нет.

Паук задумался, потом взял ее за руку и нежно сжал пальцы.

— Наверное, мне нужно кое-что тебе показать.

Он повел ее в коридор и уже через десяток шагов они остановились перед дверью в чулан Толстого Чарли.

— Там есть кое-что. Боюсь, оно объяснит лучше, чем смог бы я сам.

— Ты супермен и хранишь там свой костюм? —

улыбнулась Рози.

— Нет.

— Что-то извращенное? Ты надеваешь комбинацию, красишься и зовешь себя именем Дора?

— Нет.

— Это, случаем, не… Не модель железной дороги?

Паук толкнул дверь в чулан Толстого Чарли и одновременно открыл магическую дверь в собственную спальню. В огромном окне возник водопад: с неимоверной высоты сверкающая вода с грохотом обрушивалась в озерцо среди джунглей. Небо за стеклом было синее сапфира.

У Рози вырвалось сдавленное «ох!».

Повернувшись на каблуках, она вышла в коридор, оттуда на кухню, где, отдернув занавеску, выглянула в окно на серое лондонское небо, непривлекательное и так похожее на вчерашнее тесто. Потом вернулась.

— Не понимаю, — неуверенно сказала она. — Что происходит, Чарли?

— Я не Чарли, — сказал Паук. — Посмотри на меня. По-настоящему посмотри на меня. Я даже не похож на него.

Она больше не делала вид, будто подстраивается. Глаза у нее расширились, вид стал

испуганный.

— Я его брат, — продолжал Паук. — Я все испортил. Все. Наверное, мне лучше оставить вас в покое и убраться.

— Но где Толстый… Где Чарли?

— Не знаю. Мы подрались. Он пошел открывать дверь — в нее кто-то постучал. Я пошел к себе, а он так и не вернулся.

— Не вернулся? И ты даже не попытался выяснить, что с ним случилось?

— Э-э-э… Кажется, его увезла полиция, — сказал Паук. — Э-э-э… просто предположение. Доказательств у меня никаких нет.

— Как тебя зовут? — решительно спросила Рози.

— Паук.

— Паук, — повторила Рози.

За окном, над водяной пылью от водопада кружила стая розовых фламинго, в слепящих солнечных лучах их крылья расплывались в бело-розовые пятна. Они парили величественно им не было числа, и Рози они показались самыми прекрасными созданиями на свете. Она перевела взгляд на Паука и, смотря на него, спросила себя, как вообще могла поверить, что это Толстый Чарли. Если Толстый Чарли был покладисто-доб-

родушным, неловким и открытым, этот человек больше напоминал согнутый железный прут, который вот-вот сломается.

— На самом деле ты не он, да?

— Я же тебе сказал.

— Да… Сказал. И с кем я… И с кем я спала?

— Со мной.

— Так я и думала.

И дала ему пощечину — изо всех сил. Паук почувствовал, что губа у него снова закровоточила.

— Наверное, я это заслужил, — сказал он.

— Еще как. — Рози помолчала. — Толстый Чарли про это знал? Про тебя? Что ты со мной встречаешься?

— Ну… да… Но он…

— Вы оба ненормальные! — вырвалось у Рози. — Ненормальные, больные, злые люди. Надеюсь, вы будете гореть в аду.

Бросив последний недоуменный взгляд на огромную спальню, на прекрасные джунгли, огромный водопад и стаю фламинго за окном, она вышла в коридор.

Паук соскользнул по стене на пол, с губы у него стекала тоненькая струйка крови. Чувствовал он себя последним идиотом. Внизу с грохотом захлопнулась входная дверь. Подойдя к джакузи,

он обмакнул в горячую воду край махрового полотенца, потом выжал и приложил к губе.

— Только этого мне не хватало. Зачем мне такая морока? — вопросил в пустоту Паук. Он произнес эти слова вслух: гораздо легче лгать себе, когда произносишь ложь вслух. — Неделю назад никто из вас, люди, был мне не нужен, и сейчас вы не нужны. Мне плевать. С меня хватит.

Фламинго ударились в оконное стекло как розовые оперенные пушечные ядра, оно разбилось, и по всей комнате полетели осколки, которые засели в стенах, в полу, в матрасе на кровати. Спальня заполнилась мельтешением розовых тел, хаосом огромных розовых крыльев и изогнутых черных клювов. От грохота водопада закладывало уши.

Паук прижался к стене. Путь к двери ему закрывали фламинго, которых, наверное, было сотни, если не тысячи: птицы высотой пять футов, сплошь ноги и крылья. Поднявшись, он сделал несколько шагов через стаю рассерженных розовых птиц, каждая из которых злобно глядела на него безумными глазками. А ведь издали они казались такими красивыми. Одна щелкнула клювом, пытаясь цапнуть Паука за руку. До крови не оцарапала, но все равно больно.

Спальня у Паука была просторная, но быстро

превращалась в аэродром, на который совершают аварийную посадку сотни рушащихся с неба птиц. А над водопадом образовалось темное облако: судя по всему, приближалась еще одна стая.

Они клевали и драли Паука клювами, били огромными крыльями, но он знал, что истинная беда не в этом. Истинная беда в том, что, когда птицы набросятся разом, он просто задохнется под пушистой периной из перьев. Не слишком достойная смерть — быть раздавленным птицами, к тому Же не очень умными.

«Думай, — велел он себе. — Фламинго все равно что куры. И мозги у них куриные. Ты же Паук».

«И что с того? — раздраженно ответил ему внутренний голос. — Скажи что-нибудь новенькое».

Фламинго, приземлившиеся на пол, надвигались. Фламинго под потолком готовились спикировать. Не успел он натянуть на голову куртку, как они обрушились на него — словно кто-то стрелял по нему из пушки курами. Пошатнувшись, он рухнул на половицы. «Ну обмани же их, тупица».

С трудом поднявшись на ноги, он продрался сквозь море крыльев и клювов, пока не оказался возле окна, теперь оскалившегося кинжалами разбитого стекла.

— Глупые птицы, — весело сказал он и вылез на подоконник.

Фламинго не отличаются ни острым умом, ни умением решать проблемы. Если перед вороной положить кусок проволоки и бутылку с чем-нибудь съедобным, она скорее всего попытается сделать из проволоки инструмент, чтобы извлечь лакомство. А вот фламинго попытается сожрать проволоку, если она похожа на рыбешку или, возможно, даже если не похожа — на случай, если это какая-то новая разновидность рыбешки. И потому, даже если глупых птиц возмутило, с чего это застывший на карнизе человек стал вдруг дымным и бестелесным, фламинго не сумели понять, в чем тут дело. А лишь уставились на него безумными розовыми глазами кроликов-убийц и бросились в атаку.

Человек ласточкой упал с окна, прямо в туманную завесу водопада, и стая взлетела следом, а учитывая, что фламинго, чтобы подняться в воздух, нужен разбег, многие камнем рухнули вниз.

Вскоре в спальне остались лишь раненые или мертвые птицы: те, что разбили своими телами окно, те, что налетели на стены, те, что были раздавлены весом собратьев. Один еще живой фламинго смотрел, как дверь словно сама собой

открылась и снова захлопнулась, но поскольку был птицей, не придал этому особого значения.

Стоя в коридоре квартиры Толстого Чарли, Паук старался перевести дух. Он сосредоточился на том, чтобы его спальня перестала существовать — а ведь обидно, так обидно: особенно ему было жалко проигрывателя и колонок, которыми он ужасно гордился. Да и вообще, где теперь держать вещи?

Впрочем, вещи можно раздобыть новые.

Если ты Паук, достаточно только попросить.

Мама Рози была не из тех, кто склонен злорадствовать, поэтому, когда Рози разразилась слезами на чиппендейловском диване, она воздержалась от улюлюканья, пения или небольшого победного танца. Впрочем, внимательный наблюдатель заметил бы в ее глазах радостный блеск.

Дав Рози большой стакан витаминизированной воды с кубиком льда, она выслушала слезливый рассказ дочери об обманах и разбитом сердце. К концу победный блеск в глазах сменился растерянностью, голова у нее шла кругом.

— Значит, Толстый Чарли на самом деле был не Толстым Чарли? — спросила мама Рози.

— Нет. Ну да. Толстый Чарли это Толстый Чар-

ли, но всю прошлую неделю я встречалась с его братом.

— Они близнецы?

— Нет. Кажется, они даже не похожи. Не знаю. Я совсем запуталась.

— Так с которым ты порвала?

Рози высморкалась.

— Я порвала с Пауком. Это брат Толстого Чарли.

— Но ты же не была с ним помолвлена.

— Нет, но думала, что была. Я думала, это Толстый Чарли.

— Значит, ты порвала и с Толстым Чарли тоже?

— Вроде того. Только я ему об этом еще не сказала.

— А он знал… про историю с братом? Может, это какой-то извращенный заговор? Может, над моей бедной девочкой просто посмеялись?

— Нет. Сомневаюсь. Но это не важно. Я не могу за него выйти.

— Не можешь, — согласилась мама. — Совершенно точно не можешь. Никак не можешь. — А про себя сплясала победную джигу и запустила большой, но со вкусом задуманный фейерверк. — Мы найдем тебе хорошего молодого человека.

Не волнуйся. А Толстый Чарли тот еще фрукт. Никогда не знаешь, что вот-вот выкинет. Я это сразу поняла, как его увидела. Съел мое восковое яблоко. Так и знала, что от него ничего хорошего не жди. Где он сейчас?

— Точно не знаю. Паук сказал, его, возможно, забрали в полицию.

— Ха! — Фейерверк в голове ее мамы достиг размаха новогоднего в Диснейленде, и для верности она мысленно принесла в жертву дюжину безупречно белых быков, а вслух сказала лишь: — Скорее всего сидит в тюрьме, если хочешь знать мое мнение. Самое для него место. Я всегда говорила, этот молодой человек плохо кончит.

Тут Рози снова заплакала, даже еще сильнее. Достав новую горсть бумажных носовых платков, она протяжно и трубно высморкалась.

Храбро сглотнула. И еще поплакала.

Мама похлопала ее по руке — настолько утешительно, насколько умела.

— Конечно, ты не можешь выйти за него замуж. Нельзя выйти замуж за преступника. Но если он в тюрьме, то помолвку легко разорвать. — При этом в уголках ее губ появилась призрачная улыбка. — Я могла бы уладить это за тебя. Или сходить в день посещений и сказать, что он паршивый

мошенник и ты никогда больше не хочешь его видеть. — И с готовностью добавила: — Можно получить также ордер, чтобы он не смел к тебе приближаться больше чем на двадцать ярдов.

— Я не… не… п-потому не могу выйти замуж за Толстого Чарли, — пробормотала Рози.

— Не потому? — спросила мама, поднимая одну отлично нарисованную бровь.

— Нет. Я не могу выйти за Толстого Чарли, потому что не люблю его.

— Конечно, не любишь. Я всегда знала. Это было пустое увлечение, но теперь ты увидела истинную…

— Я влюблена в Паука, — продолжала Рози, словно мама вообще ничего не говорила. — В его брата.

Возникшее на мамином лице выражение напоминало рой ос, слетевшихся к пикнику.

— Нет, нет, — успокоила ее Рози. — За него я тоже не могу выйти. Я сказала ему, что не хочу его видеть.

Мама Рози поджала губы.

— Не стану делать вид, будто понимаю, что у тебя на уме, но не буду говорить, что это дурные вести.

Шестерни у нее в голове повернулись, колеси-

ки и зубчики сцепились на новый и интересный лад, механизм замкнулся заново, пружины опять сжались.

— Знаешь, что было бы сейчас для тебя лучше всего? Ты не думала о небольшом отпуске? Я с радостью его оплачу. В конце концов, я столько сэкономлю на твоей свадьбе…

Возможно, последняя фраза была не совсем к месту, потому что Рози снова зарыдала в бумажный носовой платок, но мама продолжила:

— Как бы то ни было, все за мой счет. Знаю, у тебя еще остались неиспользованные дни отпуска. И ты говорила, что на работе сейчас затишье. В такое время девушке нужно уехать подальше и просто расслабиться.

Рози спросила себя, может, все эти годы она недооценивала маму? Шмыгнув носом и сглотнув, она сказала:

— Было бы неплохо.

— Тогда решено, — сказала мама. — Я поеду с тобой, буду заботиться о моей девочке.

А мысленно — под грандиозный финал фейерверка — добавила: «И присмотрю, чтобы моя девочка знакомилась только с подходящими мужчинами».

— Куда мы поедем? — спросила Рози.

— Мы поедем, — ответила ее мама, — в круиз.

Наручников на Толстого Чарли не надели. Это было хорошо. Все остальное — хуже некуда, но хотя бы без наручников обошлось. Жизнь сбивала с толку, расплывалась в какое-то странное пятно, но детали проступали чересчур уж четко: сержант на посту, почесав нос, сказал: «Шестая камера свободна». Грохот захлопнувшейся зеленой двери, запах камер, слабая вонь, которой он никогда не ощущал раньше, но которая сразу показалась омерзительно знакомой, — всепроникающая спертая смесь вчерашней блевоты, дезинфектанта и дыма, затхлых одеял и неспущенных унитазов, а еще отчаяния. Это был запах самого дна, и именно тут, кажется, очутился Толстый Чарли.

— Когда понадобится спустить воду, — сказал провожавший его по коридору охранник, — нажмете на кнопку в своей камере. Кто-нибудь из нас рано или поздно зайдет, чтобы дернуть за цепочку. Так мы не позволяем спускать в канализацию улики.

— Улики чего?

— Сам знаешь, солнышко.

Толстый Чарли вздохнул. Он сам спускал отходы своего тела с тех пор, как начал гордиться

таким поступком, и утрата этого, более чем утрата свободы, показала ему, как все переменилось.

— Ты ведь в первый раз здесь? — спросил охранник.

— Прошу прощения?

— Наркотики?

— Нет, спасибо, — вежливо ответил Толстый Чарли.

— Ты у нас за наркотики?

— Сам не знаю, за что. Я невиновен.

— Белый воротничок, а? — Охранник покачал головой. — Скажу тебе кое-что, что синие воротники и так знают. Чем больше ты облегчишь жизнь нам, тем больше мы облегчим ее тебе. Все вы, белые воротнички, одинаковы. Вечно талдычите про свои права. Сами себе все усложняете.

Он открыл дверь камеры номер шесть.

— Дом, милый дом, — сказал он.

Вонь оказалась намного сильнее внутри комнатушки, выкрашенной какой-то неровной, сопротивляющейся граффити краской, и стояли тут только кровать, похожая на полку почти у самого пола, и унитаз без крышки в уголке.

На кровать Толстый Чарли положил одеяло, которое ему выдали.

— Вот и ладушки, — сказал охранник. — Обжи-

вайся. Если станет скучно, не затыкай одеялом унитаз.

— Зачем мне это делать?

— Сам часто удивляюсь, — отозвался охранник. — И впрямь, зачем? Разгоняет монотонность, наверное. Откуда мне знать? Как законопослушный гражданин, который ждет заслуженной пенсии от полиции, я сам никогда не проводил времени в камере.

— Знаете, и я тоже, — сказал Толстый Чарли.

— Это хорошо.

— Извините, — сказал Толстый Чарли. — Не дадите мне что-нибудь почитать?

— Это что, по-вашему? Похоже на библиотеку?

— Нет.

— Когда я еще был зеленым копом, один тип попросил у меня книгу. Я пошел и принес ту, которую читал сам. Дж. Т.Эдсона, кажется, или, может, Луиса Л'Амура. А он взял и заткнул ею унитаз, вот как! Больше меня на мякине не проведешь.

На этом он ушел, заперев за собой дверь, и Толстый Чарли остался один.

Самое странное, думал обычно не склонный к самокопанию Грэхем Хорикс, — то, насколько нормально, бодро и в общем и целом хорошо он себя чувствует.

Капитан попросил пристегнуть ремни безопасности, а еще сказал, что скоро они приземлятся на Сан Андреасе. Сан Андреас — это такой крохотный островок в Карибском заливе, который, объявив в 1962 году о своей независимости, решил отпраздновать освобождение от колониального режима, учредив среди прочего собственные судебные органы и провозгласив поразивший пять континентов разрыв всех договоров об экстрадиции с остальным миром.

Самолет приземлился. Катя за собой чемодан на колесах, Грэхем Хорикс двинулся по залитому солнцем асфальту посадочной полосы, потом, за стеклянной дверью достал соответствующий паспорт (на имя Бейзила Финнегана), получил на него штамп, забрал с вертушки остальной багаж и, миновав совершенно пустой зал таможенного досмотра, оказался в крошечном аэропорту, откуда ступил под знойное солнце Кариб. Одет он был в футболку, сандалии и шорты — истинный англичанин в отпуске за границей.

У дверей аэропорта его ждал садовник, и, сев на заднее сиденье черного «мерседеса», Грэхем Хорикс приказал:

— Домой, пожалуйста.

По дороге из Уильямстауна в свои владения на

скалах он с удовлетворенной, собственнической улыбкой осматривал из окна остров.

Ему пришло в голову, что перед отъездом из Англии он оставил умирать женщину в стенном шкафу. Интересно, жива ли она еще? Пожалуй, нет. Его нисколько не беспокоило, что он совершил убийство. Напротив, он испытывал безграничное удовлетворение, словно наконец воплотил свое самое заветное желание. Интересно, удастся ли это повторить?

Интересно, скоро ли это случится?

Глава десятая, в которой Толстый Чарли отправляется повидать мир, а Мэв Ливингстон крайне недовольна

Толстый Чарли сидел на одеяле поверх железной кровати и ждал, когда что-нибудь произойдет. Ничего не происходило. Крайне медленно протянулись, казалось, несколько месяцев. Он старался заснуть, но не мог вспомнить, как это делается.

Он забарабанил в дверь.

Кто-то рявкнул: «Тихо!» — но Толстый Чарли не сумел определить, был ли этот кто-то одним из надзирателей или заключенных.

Он вышагивал по периметру камеры в общем и целом два или три года — по самым скромным подсчетам. Потом сел и поддался бесконечности. Дневной свет за куском толстого стекла вверху стены, которое играло роль окна, был по всей очевидности тем самым, какой был виден, когда сегодня утром за Толстым Чарли заперли дверь.

Толстый Чарли попытался вспомнить, как полагается коротать время в тюрьме, но на ум шли

только записи в тайных дневниках и как прятать разные мелочи между ягодицами. Писать ему было не на чем, к тому же он считал, что неплохо прожил свою жизнь, раз ему нечего прятать между ягодицами.

Ничего не происходило. И продолжало не происходить. Эдакий сериал… «Снова Ничего». «Возвращение Ничего». «Сын Ничего». «Ничего выходит на охоту». «Ничего, Эбботи Костелло[151] встречают волка-оборотня»…

Когда в двери заскрежетал ключ, Толстый Чарли едва не закричал «ура».

— Так. Прогулка по двору. Можешь выкурить сигарету, если очень хочется.

— Я не курю.

— Молодец. Дурная привычка.

Двором для прогулок оказался четырехугольник, вокруг которого и был построен сам полицейский участок, иными словами, со всех сторон он был окружен глухими стенами, а сверху затянут проволочной сеткой, и, наматывая по нему круги, Толстый Чарли определенно решил, что сидеть под арестом ему решительно не нравится. Толстый Чарли вообще не любил полицию, но до

---

[151] notes: 151

Эббот и Костелло — дуэт знаменитых американских комиков 1940–1950-х гг.

сих пор умудрялся цепляться за исконную веру в естественный порядок вещей, убежденность в том, что какая-то высшая сила (викторианцы назвали бы ее Провидением) заботится о том, чтобы виновные были наказаны, а невиновные получили свободу. После недавних событий эта вера рухнула, сменившись подозрением, что остаток жизни он проведет, клянясь и божась в своей невиновности различным неумолимым судьям и мучителям, многие из которых будут похожи на Дейзи, и что, по всей вероятности, проснется в шестой камере завтра утром и обнаружит, что превратился в огромного таракана. Его явно перенесли в какой-то зловредный мир, где людей превращают в тараканов…

Что-то упало с вышины на проволочную сетку. Толстый Чарли поднял голову. Сверху вниз на него с надменным безразличием смотрел черный дрозд. Зашумели крылья, и к дрозду присоединилось несколько воробьев и еще птица, которую Толстый Чарли счел скворцом.

Птицы пялились на Толстого Чарли, Толстый Чарли пялился на птиц.

Прилетели новые.

Толстый Чарли не мог бы определить, когда увеличение числа птиц на сетке перешло из

категории любопытных диковин в разряд прямой угрозы. Наверное, когда оно перевалило за первую сотню. И все потому, что они не чирикали, не каркали, не издавали трелей и не пели. Просто приземлялись на сетку и смотрели на него.

— Улетайте, — сказал Толстый Чарли и чуть громче добавил: — Кыш! Кыш!

Птицы как одна остались сидеть на месте. Только заговорили. И все произносили его имя.

Подбежав к двери в углу, Толстый Чарли в нее забарабанил.

— Прошу прощения, — несколько раз вежливо повторил он, а потом стал кричать: — Караул!

Щелчок. Дверь открылась, и представитель сил правопорядка ее величества с набрякшими веками сказал:

— Есть причина шуметь? Лучше бы ей быть веской.

Толстый Чарли ткнул пальцем вверх. Он ничего не сказал. Нужды не было. Губы у надзирателя странно обмякли, челюсть обвисла, словно рот уже никогда не закроется. Мама Толстого Чарли непременно посоветовала бы его закрыть, иначе залетит что-нибудь.

Сетка провисла под весом тысяч птиц. Глаза пернатых смотрели вниз не мигая.

— Иисус на велике, — пробормотал полицейский и без единого слова повел Толстого Чарли назад в блок камер.

Мэв Ливингстон мучилась. Она лежала, растянувшись на полу. Когда она очнулась, лицо и волосы у нее были теплыми и влажными, потом она заснула, а когда пришла в себя снова, они были липкими и холодными. Она засыпала и просыпалась и снова засыпала, просыпалась настолько, чтобы почувствовать боль в затылке, а потом — так как спать было легче и потому что во сне ничего не болело — снова позволяла забытью накрыть себя уютным одеялом.

Во сне она бродила по телестудии и искала Морриса. Временами ей удавалось мельком увидеть его на каком-нибудь мониторе. И вид у него всегда был озабоченный. Она пыталась найти выход, но всякий раз оказывалась на съемочной площадке.

— Мне холодно, — подумала она и поняла, что в очередной раз очнулась.

Однако боль стихла. В общем и целом, решила Мэв, она чувствует себя сравнительно неплохо.

Ее что-то расстраивало. Только вот что? Наверное, во сне привиделось что-то дурное.

Где бы она ни находилась, тут было темно.

Кажется, какой-то чулан. Мэв вытянула по сторонам руки, чтобы не наткнуться на что-нибудь в темноте. Сделав, зажмурясь, несколько нервных шагов, она открыла глаза. Ага, вот это помещение ей уже знакомо. Офисное здание. Кабинет. Кабинет Грэхема Хорикса.

Тут она вспомнила. Да, конечно, она еще не пришла в себя: как человек, которого разбудили слишком быстро… Мысли путаются, в голове вата, вот выпьет сейчас утреннюю чашку кофе, и все наладится… Но тут ей вспомнилось все: вероломство Грэхема Хорикса, его предательство, его преступления, его…

«Почему, — подумала она, — он на меня напал? Он меня ударил? — А потом: — Полиция! Надо позвонить в полицию!» Она протянула руку к столу и попыталась взять трубку, но та была или очень тяжелой, или скользкой, или и то и другое разом, и ей никак не удавалось ее схватить. И пальцы плохо слушались.

«Я слабее, чем думала, — решила Мэв. — Пожалуй, попрошу, чтобы сразу прислали и „скорую“».

В кармане юбки у нее был серебряный телефончик, при звонке игравший мелодию «Зеленые рукава». С огромным облегчением Мэв обнаружи-

ла, что телефончик на месте и взять его она может без всяких проблем. Она набрала номер службы спасения. И, ожидая ответа, задумалась, а почему до сих пор говорят набирать, когда циферблаты на телефонах канули в Лету, ведь давно уже появились телефоны с кнопками и раздражающе гадкими звонками. В юности у нее был приятель, который умел изображать (и постоянно это делал) звонок первых радиотелефонов. Оглядываясь назад, Мэв решила, что это было единственным его стоящим достижением. Интересно, что с ним сталось? Интересно, как живет человек, только и умеющий, что имитировать звонок радиотелефона, в мире, где телефонные звонки сами умеют имитировать все что угодно…

— Просим прощения за задержку при соединении, — произнес механический голос. — Пожалуйста, не кладите трубку.

Мэв чувствовала странное спокойствие, словно больше с ней уже ничего не может случиться.

— Алло? — раздался в трубке мужской голос — очень, очень деловитый.

— Мне нужна полиция, — сказала Мэв.

— Полиция вам не нужна, — отозвался голос. — Все преступления разберет соответствующая и неизбежная инстанция.

— Знаете, я, наверное, ошиблась номером.

— Сходным образом, — продолжал мужской голос, — все номера в конечном итоге верные. Они — просто наборы цифр и потому не могут быть верными или неверными.

— Хорошо вам говорить, — не выдержала Мэв. — Но мне очень нужно дозвониться в полицию. А еще мне, наверное, нужна «скорая помощь». И, по всей видимости, я не туда попала.

Она оборвала звонок. Может, «999» с сотового не набирается? Вызвав на экран телефонную книгу, она набрала номер сестры. Телефон разок звякнул, и знакомый голос произнес:

— Позвольте прояснить. Я не говорю, что вы намеренно ошиблись номером. Полагаю, числа, из которых состоят все номера, по природе своей верны. За исключением числа «пи», разумеется. За число «пи» я не поручусь. От одних мыслей о нем голова раскалывается, оно все крутится и крутится в мозгу, и крутится, и крутится…

Нажав красную кнопку, Мэв отключилась и набрала номер управляющего в своем банке. Ответивший голос произнес:

— И вот, пожалуйста, я болтаю об истинности чисел, а вы, без сомнения, думаете, всему свое

время и место…

Щелк. Номер лучшей подруги.

— …тогда как в настоящий момент нам бы следовало обсудить, как с вами в конечном итоге поступить. Боюсь, сегодня у нас движение особенно напряженное, поэтому если вы не против немного подождать там, где находитесь, вас заберут…

Голос был успокаивающий и ободряющий, как у пастора на радио, который рассказывает, о чем думал сегодня утром перед службой.

Если бы не снизошедшая на Мэв безмятежность, бывшая танцовщица впала в панику. А так просто задумалась. Очевидно, надо предположить, что ее телефон — как это называется — «взломали»? Поэтому придется просто выйти на улицу, найти постового констебля и официально подать заявление. Когда Мэв нажала кнопку вызова лифта, ничего не произошло, поэтому она спустилась по лестнице, думая, что полицейского, наверное, на месте не окажется, их никогда нет под рукой, когда они нужны, вечно раскатывают в своих машинах, которые так и проносятся мимо. На взгляд Мэв, полиции следовало бы ходить парами, сообщать гражданам, который час, или ждать у водосточных люков,

когда в них попытаются спуститься бандиты с мешками награбленного через плечо…

В вестибюле полицейских оказалось даже двое — мужчина и женщина. Несмотря на штатское платье, с первого взгляда видно, кто они, таких ни с кем не перепутаешь. Мужчина был крепким и краснолицым, женщина — худенькой, смуглой и, в иных обстоятельствах, показалась бы исключительно хорошенькой.

— Нам известно, что она входила сюда, — говорила женщина. — Секретарша в приемной помнит, как она пришла незадолго до перерыва на ленч. Но когда она вернулась, обоих уже не было.

— По-твоему, они сбежали, чтобы остаток жизни провести вместе? — спросил здоровяк.

— Прошу прощения, — вежливо сказала Мэв Ливингстон.

— Вероятно. Должно же быть какое-то простое объяснение. Исчезновение Грэхема Хорикса. Исчезновение Мэв Ливингстон. Хотя бы Нанси у нас под арестом.

— Никуда мы не убегали, — решительно сказала Мэв, но ее слова оставили без внимания.

Полицейские вошли в лифт и захлопнули за собой дверь. Мэв осталось только смотреть, как

они рывками поднимаются к потолку.

Сотовый все еще был у нее в руке и сейчас вдруг завибрировал, а потом начал играть «Зеленые рукава». На экране возникла фотография Моррис. Мэв нервно нажала кнопку «прием».

— Да?

— Привет, солнышко. Как делишки?

— Спасибо, прекрасно. — А потом: — Моррис? — А потом: — Нет, не прекрасно. На самом деле ужасно.

— Эх, — вздохнул Моррис. — Так я и думал. Впрочем, теперь уже ничего не поделаешь. Время двигаться дальше.

— Моррис? Откуда ты звонишь?

— Трудно объяснить, — ответил он. — Если уж на то пошло, я вообще не звоню. Просто очень хотел тебе помочь.

— Наш Грэхем Хорикс оказался негодяем.

— Да, солнышко, — сказал Моррис. — Но пришло время забыть и отпустить. Повернуться спиной.

— Он ударил меня по затылку, — пожаловалась мужу Мэв. — И он крал наши деньги.

— Это лишь материальное, золотко, — утешил ее Моррис. — Теперь ты по ту сторону…

— Моррис, — твердо сказала Мэв, — этот гадкий

червяк пытался убить твою жену. Тебе бы следовало проявить побольше беспокойства.

— Не надо так, золотко. Я просто пытаюсь объяснить…

— Должна тебе сказать, Моррис, что если ты займешь такую позицию, мне придется самой со всем разобраться. Уж я-то не собираюсь такое забывать. Тебе хорошо говорить, ты мертв. Тебе о таком волноваться не приходится.

— Ты тоже мертва, золотко.

— А это тут при чем? — взвилась было она, но осеклась: — Я что? — А после, прежде чем он успел вставить хотя бы слово: — Я же сказала, что он пытался меня убить. Я не говорила, что он преуспел.

— Э-э-э… — Покойный Моррис Ливингстон терялся в словах. — Мэв, дорогая, я знаю, это может оказаться для тебя потрясением, но правда в том…

Телефон издал «пи-ип», и на экране появился значок пустой батарейки.

— Боюсь, я тебя не понимаю, Моррис, — сказала Мэв. — Кажется, у меня телефон разрядился.

— У тебя нет батарейки, — сказал он. — У тебя нет телефона. Это иллюзия. Я все пытаюсь тебе сказать, что ты теперь за гранью — опять из го-

ловы вылетело… Ах нет, нам не полагается это называть… в общем, становишься… о черт… как бабочки и червячки… Ну, сама понимаешь…

— Гусеницы, — сказала Мэв. — Думаю, ты имел в виду гусениц и бабочек.

— Э-э-э… вроде того, — сказал в телефоне голос Морриса. — Гусеницы. Их я и имел в виду. Так во что превращаются червячки?

— Ни во что они не превращаются, Моррис, — несколько раздраженно ответила Мэв. — Они просто червяки.

Серебряный телефончик слабо икнул, высветил значок пустой батарейки и выключился.

Закрыв его, Мэв убрала аппарат в карман, потом подошла к ближайшей стене и ради эксперимента надавила на нее пальцем. На ощупь стена была липкой и похожей на желе. Она надавила чуть сильнее, и вся рука целиком ушла в стену. А потом прошла насквозь.

— Ну вот, — сказана она вслух.

И — не впервые в жизни — пожалела, что не послушалась Морриса, которому (надо признать) сейчас известно о смерти и ее правилах гораздо больше нее. «Ладно, — подумала она. — Быть мертвой немногим отличается от всего остального на свете: учишься и импровизируешь на

ходу».

Выйдя через главную дверь, она очутилась по ту сторону стены — в вестибюле. Попробовала еще раз — с тем же результатом. Тогда она вошла в бюро путешествий на первом этаже и попыталась выбраться наружу через западную стену. Через стену-то она прошла, но все равно оказалась в главном вестибюле, только попала в него с восточной стороны. «Словно ты в телевизоре и пытаешься выбраться через экран», — решила Мэв. С точки зрения топографии, теперь ее вселенная, похоже, ограничена дурацким офисным зданием.

Она поднялась наверх посмотреть, что делают полицейские. Они как раз рассматривали стол и беспорядок, который оставил, собирая вещи, Грэхем Хорикс.

— Знаете, — любезно сказала Мэв. — А ведь я в чулане за книжным шкафом. Честное слово, я там.

Полицейские ее проигнорировали… Присев на корточки, женщина порылась в мусорной корзине.

— Есть! — победно сказала она и вытащила белую мужскую рубашку, забрызганную высохшей кровью. Рубашку она положила в полиэтилено-

вый пакет. Здоровяк достал сотовый.

— Присылайте судмедэкспертов.

Теперь камеру номер шесть Толстый Чарли считал не узилищем, а убежищем. Во-первых, камеры находились глубоко в недрах здания, далеко от мест обитания даже самых предприимчивых из мира пернатых. Во-вторых, брата нигде поблизости нет. Его уже радовало, что в камере номер шесть вообще ничего не происходит. «Ничего» было бесконечно предпочтительнее ужасов и неприятностей, какие то и дело на него сыпались. Даже мир, населенный исключительно замками, тараканами и людьми по имени К., казался гораздо привлекательнее того, где злобные птицы хором каркали его имя.

Дверь открылась.

— Разве вас не учили, что надо стучать? — спросил Толстый Чарли.

— Нет, — сказал надзиратель. — На самом деле у нас не стучат. Ваш адвокат наконец пришел.

— Мистер Мерримен? — спросил Толстый Чарли, но осекся.

Леонард Мерримен был округлым джентльменом в узеньких золотых очках, и мужчина позади надзирателя никак на него не походил.

— Все в порядке, — сказал мужчина, который

не был его адвокатом. — Можете нас оставить.

— Нажмите кнопку звонка, когда закончите, — сказал надзиратель и запер за собой дверь.

Паук взял Толстого Чарли за руку.

— Я тебя отсюда вытаскиваю.

— Но я не хочу, чтобы меня вытаскивали! Я ничего не сделал.

— Отличная причина выбираться.

— Но если я выберусь, то выйдет, что я сбежал, а значит, виноват. Я же стану беглым заключенным!

— Ты не заключенный, — весело возразил Паук. — Тебе еще не предъявили никаких обвинений. Ты просто помогаешь им в расследовании. Да, кстати, есть хочешь?

— Немного.

— Чего бы тебе хотелось? Чай? Кофе? Горячий шоколад? При упоминании о горячем шоколаде у Толстого Чарли потекли слюнки.

— Ужасно хочется, — признался он.

— Значит, горячий шоколад.

Схватив Толстого Чарли за руку, Паук велел:

— Закрой глаза.

Толстый Чарли послушался, хотя и сомневался, что от этого станет лучше. Мир растянулся и сжался, и Толстый Чарли подумал, что его сейчас

стошнит. Потом в голове у него все улеглось, по щеке его погладил теплый ветер.

Он открыл глаза.

Они стояли под открытым небом, на большой ярмарочной площади, в стране, которая никак не походила на Англию.

— Где мы?

— Кажется, это называется Скопье. Городок у границы Италии или еще где-то. Я уже давно сюда приезжаю. Тут готовят потрясающий горячий шоколад. Лучшего я не пробовал.

Они сели за маленький деревянный столик, выкрашенный в огненно-красный цвет. Подошел официант и сказал что-то на языке, который Толстому Чарли показался совсем не итальянским.

— Дос шоколадос, приятель, — сказал Паук.

Официант кивнул и удалился.

— Ну вот, — сказал Толстый Чарли, — сейчас ты втянул меня в еще большие неприятности. Теперь меня объявят в международный розыск или еще что. Про меня станут писать в газетах.

— И что они тебе сделают? — улыбнулся Паук. — Посадят в тюрьму?

— Хватит.

Появился горячий шоколад, и официант разлил его в крошечные чашечки. Температурой он

напоминал раскаленную лаву, а консистенцией — что-то среднее между шоколадным супом и шоколадным кремом, но пах восхитительно.

— Послушай, — начал Паук, — ну и напортачили мы с воссоединением семьи, правда?

— Мы напортачили? — переспросил с нажимом на первом слове Толстый Чарли. — Это не я украл мою невесту. Это не я устроил так, чтобы меня уволили. Это не я устроил так, чтобы меня арестовали…

— Нет, — согласился Паук. — Но это ты вовлек в наше дело птиц, да?

Толстый Чарли рискнул сделать крошечный глоток из своей чашки.

— Ух! Кажется, я только что обжегся. — Он посмотрел на брата и увидел у него на лице собственное выражение: тревогу, усталость, испуг. — Да, это я вовлек в наше дело птиц. И что теперь?

— Кстати, здесь готовят довольно вкусную лапшу с мясной подливой.

— Ты уверен, что мы в Италии?

— Не совсем.

— Можно задать тебе вопрос?

Паук кивнул.

Толстый Чарли постарался подобрать слова:

— Та история с птицами. Когда они объявляются стаями и делают вид, будто сбежали из фильма Альфреда Хичкока. Как по-твоему, такое возможно только в Англии?

— А что?

— Потому что, кажется, голуби нас заметили.

Голуби были заняты совсем не тем, что полагается делать голубям. Они не клевали корки от сандвичей и не дергали вверх-вниз головами, выискивая оброненную туристами еду. Они стояли совершенно неподвижно и смотрели. Вдруг захлопали крылья, и к ним присоединилась еще сотня птиц, большая их часть приземлилась на статую толстяка в огромной шляпе, которая стояла в центре площади. Толстый Чарли поглядел на голубей, голуби глядели на него.

— И что нас ждет в худшем случае? — вполголоса спросил он. — Они нас обкакают?

— Не знаю. Но боюсь, они способны на много большее. Допивай свой шоколад.

— Но он же горячий!

— Тогда нам понадобится пара бутылок воды, верно? Гарсон?

Негромкий шорох крыльев, перебранка подлетевших пернатых, и за всем этим — негромкое гульканье, точно кто-то шушукается.

Официант принес им воду, и Паук, на котором, как заметил Толстый Чарли, вдруг снова появилась черная с красным кожаная куртка, распихал бутылки по карманам.

— Это же всего лишь голуби, — сказал Толстый Чарли, но, уже произнося эти слова, понял, что они не соответствуют действительности. Это были не просто голуби. Это была армия. Статуя толстяка почти скрылась из виду под серыми и бурыми перьями.

— Кажется, до того, как птицы решили стакнуться против нас, они мне больше нравились.

— И они здесь повсюду, — добавил Паук, потом схватил Толстого Чарли за руку. — Закрой глаза.

Птицы как одна поднялись в воздух. Толстый Чарли зажмурился.

Голуби набросились, как волк на отару…

Тишина, давление… И Толстый Чарли подумал: «Я в печке». Открыв глаза, он сообразил, что нисколечко не ошибся: истинная печь с красными барханами, которые, уменьшаясь, уходили вдаль, чтобы слиться с жемчужным небом на горизонте.

— Пустыня, — объяснил Паук. — Я подумал, это недурная мысль. Зона, свободная от птиц. Место, где можно спокойно поговорить. — Он протянул

Толстому Чарли бутылку с водой.

— Спасибо.

— Итак. Не хочешь рассказать, откуда берутся птицы?

— Есть одно место. Я туда ходил. Там была уйма человеко-зверей. Они все… м-м-м… Они знали папу. Там была птица, ну одновременно и женщина, и птица.

Паук наградил его нехорошим взглядом.

— «Есть такое место»? А подоходчивее нельзя?

— Склон горы, а в нем пещеры. А еще там был обрыв, где скалы уходят в пустоту. Словно бы конец света.

— Начало света, — поправил Паук. — Я слышал про пещеры. Одна знакомая девчонка про них рассказывала. Но сам там никогда не бывал. Так, значит, ты познакомился с Женщиной-Птицей и…

— Она пообещала, что заставит тебя уйти. И… э-э-э… Ну… я принял ее предложение.

— А вот это, — сказал Паук с улыбкой кинозвезды, — было чертовски глупо.

— Я не просил ее причинять тебе вред.

— А как по-твоему, что она собиралась сделать, чтобы от меня избавиться? Написать мне увещевательное письмо?

— Не знаю. Я не подумал. Был слишком расстроен.

— Замечательно. Ну, если выйдет по ее, ты будешь расстроен, а я мертв. Мог бы просто попросить меня уйти, знаешь ли.

— Я и просил!

— Э-э-э… И что я сказал?

— Что тебе нравится у меня дома и что ты никуда не уйдешь.

Паук отпил воды.

— А ей? Что в точности ты ей сказал?

Толстый Чарли постарался вспомнить. А ведь если подумать, сказал он довольно странную вещь.

— Только, что дам ей кровь Ананси, — неохотно признался он.

— Что?

— Она об этом меня попросила.

Не веря своим ушам, Паук уставился на него во все глаза.

— Но это же не только я. Это же мы оба!

Внезапно у Толстого Чарли пересохло во рту. Он понадеялся, что причиной тому был воздух пустыни, и отпил воды из бутылки.

— Подожди-ка. Почему мы в пустыне?

— Никаких птиц. Помнишь?

— Тогда что это? — спросил Толстый Чарли и указал на небо.

Сперва они казались крошечными, потом стало ясно, что они просто очень высоко: они кружили и ложились на крыло.

— Стервятники, — объяснил Паук. — Они на живое не нападают.

— Ага, — согласился Толстый Чарли. — А голуби боятся людей.

Точки закружили ниже; спускаясь, птицы словно бы увеличивались в размерах.

— Намек понял, — сказал Паук, а потом: — Вот черт! Они были не одни. Кто-то наблюдал за ними с дальнего бархана.

— Кыш! — крикнул Толстый Чарли. Его голос поглотил песок. — Я беру свои слова назад! Сделка отменяется! Оставь нас в покое!

На жарком ветру затрепыхались полы плаща, и бархан опустел.

— Она ушла, — с облегчением сказал Толстый Чарли. — Кто бы мог подумать, что все будет так просто.

Паук тронул его за плечо и указал вправо. Теперь женщина в буром плаще стояла на соседней песчаной гряде, так близко, что видны были черные стеклянистые глаза.

Стервятники превратились в растрепанные черные тени над головой и вскоре приземлились на песок: их голые розовато-лиловые шеи (лишенные перьев потому, что так много проще совать голову в гниющий труп) вытянулись, подслеповатые глазки уставились на братьев, словно птицы раздумывали, подождать ли, пока они умрут, или сделать что-нибудь, дабы ускорить этот процесс.

— О чем еще шла речь при сделке? — спросил Паук.

— А?..

— Еще что-нибудь было? Она дала тебе что-нибудь, чтобы ее скрепить? Иногда в подобных случаях бывает обмен.

Стервятники понемногу подбирались ближе, смыкали ряды, сужали круг. В небе появились новые черные мазки, которые росли, зигзагом приближаясь к братьям. Пальцы Паука сжались на запястье Толстого Чарли.

— Закрой глаза.

Холод ударил Толстого Чарли как прямой хук в живот. Он сделал глубокий вдох и почувствовал, что ему заморозило легкие. Он кашлял и кашлял, а кругом диким зверем завывал ветер.

Он открыл глаза.

— Можно спросить, где мы теперь?

— В Антарктиде, — ответил Паук и доверху застегнул кожаную куртку, хотя холод ему как будто не слишком мешал. — Боюсь, тут прохладно.

— А середины у тебя не бывает? Из пустыни прямо к торосам?

— Зато здесь нет птиц, — объяснил Паук.

— Не проще было бы перенестись в какое-нибудь здание и посидеть в четырех стенах, где уютно и птиц нет? Могли бы пообедать.

— Ну да. Теперь ты жалуешься, что щеки покусывает?

— Тут не только щеки покусывает. Тут холодина страшная. Да и вообще, смотри!!!

Толстый Чарли указал на небо. В холодной вышине неподвижно висела бледная закорючка, похожая на миниатюрную букву «ш».

— Альбатрос, — сказал он.

— Фрегат, — возразил Паук.

— Что?

— Это не альбатрос, а фрегат. Он, наверное, вообще нас не заметил.

— Он-то, возможно, нет, — признал Толстый Чарли. — А вон те?

Повернувшись, Паук увидел еще кое-что, что кричало явно не как «фрегат». Возможно, пинг-

винов, которые, переваливаясь, падая на брюхо и скользя по льду, надвигались на братьев, было меньше миллиона, но впечатление создавалось именно такое. Как правило, смертельный страх при виде пингвинов испытывают лишь мелкие рыбешки, но если этих симпатяг достаточно много…

Толстый Чарли без спроса взял Паука за руку и закрыл глаза.

А когда открыл их, кругом было теплее, хотя он так и не понял, где очутился. Все было цвета ночи.

— Я ослеп?

— Мы в заброшенной угольной шахте, — сказал Паук. — Пару лет назад я видел ее фотографию в каком-то журнале. Если только не существует безглазых зябликов, которые эволюционировали, чтобы пользоваться темнотой и питаться углем, нам, пожалуй, ничего не грозит.

— Шутишь, да? Насчет безглазых зябликов?

— Более-менее.

Толстый Чарли вздохнул, и этот вздох эхом прокатился по подземной пещере.

— Знаешь, — сказал он, — если бы ты просто исчез из моей жизни, если бы ты уехал из моего дома, когда я тебя попросил, мы не попали бы в

такой переплет.

— Помощи от тебя ни на грош.

— А я и не собирался тебе помогать. Один бог знает, как я буду объясняться с Рози.

Паук кашлянул.

— Думаю, об этом тебе волноваться нечего.

— Потому что?..

— Она с нами порвала.

Повисло долгое молчание. Потом Толстый Чарли сказал:

— Конечно, порвала.

— Я тут немного напортил. — Пауку явно было не по себе.

— А что, если я ей все объясню? То есть скажу, что я это не ты, что ты выдавал себя за меня…

— Уже сказал. Вот тут она и решила, что никого из нас больше не хочет видеть.

— И меня тоже?

— Боюсь, и тебя тоже. Тишина.

— Послушай, — произнес из темноты голос Паука. — На самом деле я вовсе не собирался… Ну, когда я появился у тебя на пороге, я хотел лишь поздороваться. А не… э-э-э… Я действительно все испоганил, да?

— Ты пытаешься извиниться?

Тишина, потом:

— Да. Наверное.

Снова тишина.

— Хорошо, извини, что я попросил Женщину-Птицу от тебя избавиться.

Не видя Паука, произнести это почему-то было легче.

— Ага. Спасибо. Хотелось бы только знать, как от нее самой теперь избавиться.

— Перо! — воскликнул вдруг Толстый Чарли.

— О чем это ты?

— Ты спрашивал, дала ли она мне что-нибудь, чтобы скрепить сделку. Дала. Она дала мне перо.

— Где оно?

Толстый Чарли постарался вспомнить.

— Точно не знаю. Оно было у меня, когда я очнулся в гостиной миссис Дунвидди. А в самолете уже нет. Наверное, оно все еще у миссис Дунвидди.

Молчание, ставшее ответом на эти слова, было долгим и мрачным. Толстый Чарли даже забеспокоился, что Паук сбежал и бросил его в темноте под миром. Наконец он не выдержал:

— Ты еще здесь?

— Здесь.

— Рад слышать. Если бы ты меня тут бросил, не знаю, как бы я выбрался.

— Не искушай меня.

Снова молчание.

— В какой мы стране? — спросил Толстый Чарли.

— В Польше, кажется. Я же говорил, что видел лишь фотографию. Только на ней были лампы.

— Тебе нужно увидеть фотографию места, чтобы в него попасть?

— Мне нужно знать, где оно.

Просто поразительно, думал Толстый Чарли, как тихо в этой шахте. У нее совершенно особенная тишина. Он задумался о тех отрезках вечности, когда отсутствуют звуки. Интересно, отличается ли тишина могилы от, скажем, молчания космоса?

— Я помню миссис Дунвидди, — сказал вдруг Паук. — Щуплая старушонка. Толстые линзы. Полагаю, нам придется поехать во Флориду и забрать у нее перо. А потом отдадим его Птице. Она отзовет своих кошмарных тварей.

Толстый Чарли допил воду из бутылки, которую они прихватили с собой из кафе на маленькой площади, расположенной где-то в не-Италии. Закрутив на место крышку, он поставил пустую бутылку куда-то в темноту, спросив себя, можно ли считать, что он мусорит, если этого никто не

видит?

— Тогда возьми меня за руку и пойдем к миссис Дунвидди.

Паук издал какой-то странный звук. В нем не было ни бравады, ни храбрости, напротив, он казался обеспокоенным и тревожным. Толстый Чарли вообразил себе, как Паук в темноте сдувается, словно лягушка-бык или старый воздушный шарик. За все время их недолгого знакомства Толстому Чарли очень хотелось посмотреть, как с Паука собьют спесь, как он хнычет, точно перепуганный шестилетний мальчишка.

— Подожди-ка. Ты боишься миссис Дунвидди?

— Я… я и близко не могу к ней подойти.

— Если тебя это хоть сколько-нибудь утешит, ребенком я тоже ее боялся, а потом столкнулся с ней после похорон и увидел, что она совсем не страшная. Нисколечки не страшная. Она просто старушка. — Тут в памяти у него снова всплыли черные свечи и брошенные в миску травы. — Ну, может, чуток жутковатая. Но ты же взрослый. Сам увидишь, все будет в порядке.

— Она заставила меня уйти, — сказал Паук. — А я не хотел. Но я разбил шар у нее в саду. Большой стеклянный шар, как гигантская елочная игрушка.

— И я тоже. Как же она сердилась!

— Знаю. — Голос из темноты звучал растерянно и встревоженно. — Это случилось одновременно. Так все началось.

— Ладно. Послушай, это еще не конец света. Ты перенесешь меня во Флориду, а я поеду и заберу у миссис Дунвидди перо. Я ее не боюсь. А ты можешь держаться подальше.

— Не могу. Я не могу появиться там же, где она.

— И что ты хочешь этим сказать? Что на тебя наложен ордер, который запрещает тебе к ней приближаться?

— Более-менее. Да… Я скучаю по Рози. И мне очень жаль. Ну… сам знаешь.

Толстый Чарли подумал о Рози. Удивительно, и почему ему так трудно вспомнить ее лицо? Он подумал, каково это, не иметь тещей маму Рози, о двух силуэтах за шторой его спальни.

— Не убивайся так. Нет, конечно, если хочешь, можешь убиваться, потому что вел ты себя как последний негодяй. Но, может, все к лучшему.

Приблизительно в том месте, где у Толстого Чарли находилось сердце, что-то екнуло, но он знал, что говорит правду. В темноте правду говорить легче.

— Ты хоть понимаешь, что все это бессмысли-

ца? — спросил Паук.

— Все?

— Нет. Только одно. Я не понимаю, почему Птица решила вмешаться? Где тут логика?

— Папа ее рассердил…

— Папа всех рассердил. Но с ней что-то не так. Если бы она хотела нас убить, то давно бы попыталась.

— Я отдал ей нашу кровь.

— Ты уже говорил. Нет, происходит что-то еще, и я не знаю что.

Молчание. Подумав, Паук сказал:

— Возьми меня за руку.

— Глаза нужно закрывать?

— Почему бы и нет?

— Куда мы направляемся? На Луну?

— Я перенесу тебя в безопасное место, — пообещал Паук.

— Отлично, — согласился Толстый Чарли. — Безопасное место — это по мне. Где оно?

А потом, даже не открывая глаз, Толстый Чарли понял. Ему подсказала вонь: запах немытых тел, неспущенных унитазов, дезинфектанта, старых одеял и апатии.

— Готов поспорить, в пятизвездочном отеле мне было бы так же безопасно, — сказал он вслух,

но в камере не было никого, кто бы его услышал. Он сел на кровать-полку в камере номер шесть и завернулся в тонкое одеяло. Он как будто просидел здесь целую вечность.

Полчаса спустя за ним пришли и отвели в комнату для допросов.

— Привет, — с улыбкой сказала Дейзи, — хочешь чашку чая?

— Зачем трудиться? — отозвался Толстый Чарли. — Я такое видел по телику. Я знаю, что будет дальше. Игра в «хорошего полицейского — плохого полицейского». Ты предложишь мне чашку чая и печенье с апельсиновым джемом, потом явится злобный гад, которому неймется нажать на курок, начнет на меня орать, выльет чай и станет есть мои печенья. Затем ты его остановишь, помешаешь наброситься на меня с кулаками и заставишь вернуть чай и печенья, а я из благодарности расскажу все, что ты хочешь знать.

— Эту стадию можем пропустить, — предложила Дейзи, — и сразу перейти к рассказу обо всем, что мы хотим знать. И вообще у нас нет печений с апельсиновым джемом.

— Я рассказал тебе все, что знаю, — сказал Толстый Чарли. — Все. Мистер Хорикс дал мне чек на две тысячи фунтов и предложил взять пару

недель отпуска. Похвалил меня, что я обратил его внимание на нестыковки в бухгалтерских операциях. Потом спросил, какой у меня пароль, и помахал на прощание. Конец истории.

— И ты по-прежнему утверждаешь, что тебе ничего не известно об исчезновении Мэв Ливингстон?

— Думаю, я с ней вообще не встречался. Может, однажды она заходила в офис. Несколько раз мы разговаривали по телефону. Она хотела поговорить с Грэхемом Хориксом. А мне всякий раз приходилось объяснять, что чек отправлен по почте.

— Он был отправлен?

— Не знаю. Я думал, что был. Послушай, не можешь же ты считать, что я как-то связан с ее исчезновением?

— А я так и не считаю, — весело сказала она.

— Ведь, честное слово, я не знаю, что могло… Что ты сказала?

— Я не считаю, что ты имеешь какое-то отношение к исчезновению Мэв Ливингстон. А еще я сомневаюсь, что ты имеешь какое-то отношение к финансовым махинациям, имевшим место в «Агентстве Грэхема Хорикса», хотя кто-то приложил немало трудов, чтобы бросить на тебя

подозрение. Но вполне очевидно, что странные операции и постоянный увод денег начались еще до твоего поступления в агентство. Ты работал там только два года.

— Около того.

Тут Толстый Чарли сообразил, что сидит открыв рог, и поспешно его закрыл.

— Послушай, — сказала Дейзи, — я знаю, что в книгах и в кино копы, как правило, идиоты, особенно если это детективные романы, в которых с преступностью борется пенсионер или разудалый частный сыщик. И мне правда очень жаль, что у нас нет печений с джемом. Но не все мы круглые дураки.

— А я такого не говорил.

— Нет, — согласилась она, — но думал. Ты свободен. С извинениями, если хочешь.

— Где она… э-э-э… исчезла? — спросил Толстый Чарли.

— Миссис Ливингстон? Ну, в последний раз ее видели входящей вместе с Грэхемом Хориксом в его кабинет. Я про чашку чая серьезно говорила. Хочешь?

— Да. Очень. Э-э-э… Думаю, ваши ребята уже проверили потайную комнатку в его кабинете? Ту, которая за книжным шкафом.

К чести Дейзи надо сказать, она отреагировала совершенно спокойно.

— Кажется, нет.

— Сомневаюсь, что сотрудникам полагается о ней знать, — сказал Толстый Чарли. — Но однажды я вошел к мистеру Хориксу, и книжный шкаф был отодвинут, а мой начальник возился с чем-то внутри. Я снова поскорее ушел, — добавил он. — Ты не подумай, я за ним не шпионил.

— Печенья с джемом купим по дороге, — решила Дейзи.

Толстый Чарли сомневался, что ему нравится свобода. Слишком уж много открытого пространства.

— С тобой все в порядке? — спросила Дейзи.

— Нормально.

— Ты как будто нервничаешь.

— Наверное. Думаю, тебе это покажется глупым, но я… кажется, у меня проблема с птицами.

— Что? Фобия?

— Вроде того.

— Для иррационального страха перед птицами есть устоявшийся термин.

— Да? И как же называют иррациональный страх перед птицами? — спросил Чарли, надкусывая печенье.

Молчание.

— Ну, во всяком случае, в моей машине птиц нет, — сказала наконец Дейзи.

Она оставила машину на запрещенном для парковки месте перед зданием «Агентства Грэхема Хорикса», и они вместе вошли внутрь.

Рози лежала в солнечных лучах возле бассейна на кормовой палубе корейского лайнера[152], закрыв лицо и голову журналом «Космополитэн», и пыталась вспомнить, почему решила, что провести отпуск с мамой — удачная идея.

На лайнере не было ни одной английской газеты, и Рози по ним не скучала. Зато ей не хватало всего остального. Для нее круиз превращался в плавучее чистилище, выносимое лишь оттого, что раз в пару дней корабль приставал к какому-нибудь острову. Пассажиры сходили на берег и шли за покупками, или кататься на водных лыжах, или отправлялись с пьяной экскурсией на якобы пиратских флотах. А вот Рози гуляла и разговаривала с людьми.

---

[152] notes: 152

До того, как эпидемия гастритного гриппа прогремела во всех газетах, лайнер назывался «Пальма Палермо». Дешевую попытку переименовать лайнер, сохранив те же инициалы, предпринял Глава совета директоров компании, который знал английский не так хорошо, как ему казалось, и в результате корабль плавал под гордым именем «Приступ Писка» — *Прим. авт.*

Она видела людей, которых мучает боль, людей, которые голодны или несчастны, и хотела им помочь. На взгляд Рози, все можно исправить. Нужно лишь, чтобы кто-то за это взялся.

Мэв Ливингстон всякого ожидала от смерти, но уж никак не раздражения. Тем не менее она была раздражена. Ей надоело, что сквозь нее проходят, надоело, что на нее не обращают внимания, и больше всего надоело то, что она не в силах покинуть офисное здание в Олдвиче.

— Послушайте, если я призрак и мне обязательно где-то обретаться, то почему не Сомерсет-хаус через дорогу? Красивый дом, отличный вид на Темзу, кое-какие внушительные архитектурные детали. К тому же очень и очень недурной ресторан. Даже если мне больше не надо есть, приятно было бы посмотреть, как обедают другие.

Секретарша Энни, в чьи обязанности с момента исчезновения Грэхема Хорикса входило скучливым голосом отвечать на телефонные звонки и говорить «Не знаю» на любой вопрос, какой ей задавали, и которая, когда не выполняла эту тяжелую работу, звонила подругам и возбужденным шепотом обсуждала с ними переполох в агентстве, промолчала, как, впрочем, не отвечала на все остальные реплики Мэв.

Рутину нарушило появление Толстого Чарли в обществе полицейской.

Мэв всегда нравился Толстый Чарли, даже если его задачей было заверять ее, что чек скоро доставят по почте, но теперь она видела то, чего не могла видеть раньше, а именно что вокруг него кружили (хотя сейчас и держались поодаль) тени: грядет беда. Он выглядел как человек, который отчего-то убегает, и это Мэв обеспокоило.

Последовав за ними в кабинет Грэхема Хорикса, она, к огромному своему облегчению и радости, увидела, что Толстый Чарли направился прямиком к книжному шкафу у дальней стены.

— Ну и где потайная панель? — спросила Дейзи.

— Там была не панель. Там была дверь. За вот этим шкафом. Ну, не знаю… может, он отодвигается каким-то устройством.

Дейзи задумчиво оглядела полки.

— Грэхем Хорикс написал автобиографию? — спросила она.

— Впервые слышу.

Дейзи нажала на переплетенную в кожу книгу «Моя жизнь», автор — Грэхем Хорикс. Раздался щелчок, и книжный шкаф отодвинулся, открывая спрятанную запертую дверь.

— Без слесаря не обойтись, — решила Дейзи и официальным тоном добавила: — И думаю, в вашем присутствии больше нет необходимости, мистер Нанси.

— Ладно, — согласился Толстый Чарли. — М-м-м, — протянул он. — Было… м-м-м… интересно. — А потом вдруг сказан: — Полагаю, тебе не захочется… пообедать… со мной… когда-нибудь?

— «Дим-Сум», — отозвалась Дейзи. — Ленч в воскресенье. Каждый платит за себя. Нужно быть в половине двенадцатого, к открытию, иначе до конца света будем стоять в очереди. — Нацарапав адрес ресторана, она протянула листок Толстому Чарли. — Берегись птиц по дороге домой.

— Обязательно, — пообещал он. — До воскресенья.

Развернув черный набор инструментов, полицейский слесарь извлек несколько длинных и тонких кусочков металла.

— Ну что же это такое, честное слово? — обиженно вопросил он. — Неужели они никогда не научатся? А ведь хорошие замки не так дороги. Только посмотрите на эту дверь. Отличная работа. Надежная. Потребовалось бы полдня, чтобы вскрыть газовой горелкой. Такую поставить дорого стоит. А потом они берут и все портят, вставляя

замок, который открыл бы и пятилетка чайной ложкой… Пожалуйста… Проще пареной репы.

Он потянул дверь на себя. Она отворилась, и перед ними предстало…

— Господи боже, — ахнула Мэв Ливингстон. — Это не я!

Она думала, что будет испытывать больше теплых чувств к собственному телу, но нет: труп скорее напомнил ей сбитое животное на обочине.

Вскоре комнатка заполнилась людьми. Мэв, которая никогда не любила полицейские сериалы по телевизору, быстро заскучала и заинтересовалась происходящим, лишь когда почувствовала, что ее саму непреодолимо потянуло вниз и во входную дверь — ее бренные останки как раз выносили в неприметном и непрозрачном синем пластиковом мешке.

— Вот так-то лучше, — сказала она. Воля!

Во всяком случае, свобода от офисов в Олдвиче.

По всей видимости, подумала Мэв, есть какие-то правила. Не может не быть. Просто она не знает, в чем они заключаются.

Мэв поймала себя на мысли, что жалеет, что не была религиозной при жизни — как-то не удавалось. Девочкой она не могла вообразить

себе Господа, который настолько ненавидит всех и каждого, что приговорил людей к вечным мукам в аду, в основном за то, что они недостаточно в него верили. А когда она выросла, ее детские сомнения превратились в непоколебимую уверенность, что существует только Жизнь от рождения до могилы, а все остальное — фантазии и домыслы. Это была хорошая философия, которая помогала ей справляться с повседневными делами и напастями, но сейчас подверглась суровому испытанию.

Честно говоря, она сомневалась, что, даже посещай она всю жизнь нужную церковь, это хоть сколько-то подготовило ее к происходящему. Мэв быстро пришла к выводу, что в хорошо организованном мире смерть должна быть чем-то сродни люкс-отпуску, где «все включено», когда в начале тебе дают папку с билетами, дисконтными ваучерами, расписаниями и несколькими номерами телефонов, по которым можно позвонить, если попадешь в неприятности.

Она не шла. Она не летела. Она двигалась как ветер, как холодный осенний ветер, от которого люди ежились и который шевелил опавшую листву на тротуарах, когда она проносилась мимо.

Первой ее целью было то самое место, куда она всегда возвращалась сразу по прибытии в Лондон: универмаг «Селфриджес» на Оксфорд-стрит. Когда-то в перерывах между танцевальным ангажементами Мэв работала в отделе косметики «Селфриджес» и взяла себе за правило ходить туда всякий раз, когда выпадет случай. И все лишь бы купить дорогую косметику — это она твердо пообещала себе в стародавние времена.

В отделе косметики она обреталась, пока ей не надоело осматривать витрины и вызывать озноб у дамочек, а потом отправилась осматривать мебель. Да, конечно, новый обеденный стол ей уже не купить… Но ведь она только посмотрит, какой в том вред?

После она поплыла через отдел электроники для дома, мимо колонок и телеэкранов всех размеров. По некоторым показывали новости. Звук во всех телевизорах был отключен, но каждый экран заполняла фотография Грэхема Хорикса. Неприязнь поднялась в ней жгучей волной, как раскаленная лава. Картинка изменилась, и теперь она увидела саму себя: снимок, на котором она стоит рядом с Моррисом. Она узнала скетч «Дайте мне пятерку, и я расцелую вас до смерти» из программы «Моррис Ливингстон, полагаю?».

Жаль, что нельзя перезарядить батарейку в телефоне. Ладно, пусть у единственного, кого она способна найти, докучный пасторский голос, она даже с ним бы поговорила. Но больше всего ей хотелось просто посмотреть на Морриса. Он бы знал, что делать. «На сей раз, — решила она, — я бы дала ему закончить. На сей раз я бы послушалась».

— Мэв?

Лицо Морриса смотрело на нее с экранов сотен телевизоров. На мгновение она было решила, что ей почудилось или что его показывают в новостях, но муж поглядел на нее озабоченно и снова повторил ее имя. Тогда она поняла, что это действительно он.

— Моррис?..

Он улыбнулся своей знаменитой улыбкой, и все лица на экране сосредоточились на Мэв.

— Здравствуй, золотко. Я уже начал беспокоиться, куда ты запропастилась. Тебе пора перейти черту.

— Перейти черту?

— На ту сторону. Покинуть юдоль слез. Или, может, приподнять завесу. Вот… — Он протянул сотню рук с сотни экранов.

Мэв поняла, что ей нужно только взять его руку,

но сама удивилась, услышав собственный голос:

— Нет, Моррис. Не думаю.

Сотня одинаковых лиц недоуменно нахмурилась.

— Мэв, дорогая. Тебе нужно забыть про материальный мир.

— Но это же очевидно, милый. Я забуду. Обещаю. Как только буду готова.

— Ты мертва, Мэв. Разве можно быть еще больше готовой?

Она вздохнула.

— Мне еще нужно кое-что здесь уладить.

— Что, например?

Мэв выпрямилась во весь рост.

— Я собиралась найти эту гадину, Грэхема Хорикса, и… Ну что там делают призраки? Буду, скажем, его преследовать или еще что.

— Ты хочешь преследовать Грэхема Хорикса? — с некоторым недоверием переспросил Моррис. — За что же?

— И вообще я здесь еще не закончила! — Поджав губы, Мэв решительно вздернула подбородок.

Муж Мэв Ливингстон глядел на нее с сотни экранов разом и молчал. И со смесью восхищения и раздражения качал головой. Он женился на ней за независимость и твердый характер, любил ее

за это, но жалел, что не в силах — хотя бы один этот раз — в чем-то ее убедить.

— Что ж, я никуда не денусь, малышка, — сказал он наконец. — Дай нам знать, когда будешь готова.

И на том он начал тускнеть.

— У тебя есть какие-нибудь соображения, как мне его найти? Моррис?

Но картинка сменилась, лицо мужа исчезло, и теперь по телевизорам показывали погоду.

Толстый Чарли встретился с Дейзи в «Дим-Сум», тускло освещенном ресторанчике крошечного лондонского чайна-тауна.

— Хорошо выглядишь, — сказал он.

— Спасибо. Но чувствую себя скверно. Меня сняли с дела Грэхема Хорикса. Теперь это развернутое расследование убийства. Надо думать, мне еще повезло, что я так долго им занималась.

— Но если бы ты им не занималась, — попытался он ее ободрить, — упустила бы возможность меня арестовать.

— И это тоже. — У нее хватило такта сделать удрученное лицо.

— Есть зацепки?

— Даже если были бы, я все равно не могла бы тебе рассказать. — К их столу подвезли малень-

кую тележку, и Дейзи выбрала с нее несколько блюд. — Есть теория, что он бросился с Ла-Манш с парома. Последнее, что он купил по своей кредитной карточке, был билет в Дьепп.

— По-твоему, это вероятно?

Подхватив палочками с тарелки клецку, она забросила ее в рот.

— Нет. Я бы сказала, он сбежал куда-то, с кем у нас нет договора об экстрадиции. Скорее всего в Бразилию. Убийство Мэв Ливингстон, возможно, было экспромтом, но все остальное слишком уж тщательно продумано. У него была разработанная система. Деньги отправлялись на счета клиентов. Грэхем снимал свои пятнадцать процентов плюс посылал от имени клиентов распоряжения, чтобы еще больше забирали с оставшейся суммы. Уйма чеков из-за границы вообще не попала на счета клиентов. Просто удивительно, как ему так долго все сходило с рук.

Толстый Чарли жевал рисовую тефтелю с какой-то начинкой.

— Кажется, ты знаешь, где он.

Дейзи застыла с клецкой во рту.

— Ты как-то странно сказала про Бразилию. Будто уверена, что его там нет.

— Это полицейское расследование. И, боюсь,

мне придется воздержаться от комментариев. Как поживает твой брат?

— Не знаю. Кажется, уехал. Когда я вернулся домой, его комнаты не было на месте.

— Его комнаты?

— Его вещей. Он забрал свои вещи. И с тех пор от него ни слуху ни духу. — Толстый Чарли отпил жасминового чая. — Надеюсь, с ним все в порядке.

— А что такого с ним может случиться?

— Ну, у него та же фобия, что и у меня.

— Ах да, из-за птиц. Ну да, ну да. — Дейзи сочувственно кивнула. — А как невеста и будущая теща?

— М-м-м… Не сказал бы, что эти определения в настоящий момент подходят.

— А-а…

— Они уехали.

— Из-за твоего ареста?

— Насколько мне известно, нет.

Она поглядела на него как сочувствующий, но проказливый эльф.

— Мне очень жаль.

— В настоящее время у меня нет работы, нет девушки и — благодаря твоим в основном усилиям — соседи уверены, что я наемный убийца мафии.

Кое-кто стал переходить через улицу, лишь бы со мной не встречаться. С другой стороны, малый, в чьем киоске я покупаю газеты, хочет, чтобы я проучил парня, который обрюхатил его дочку.

— И что ты ему сказал?

— Правду. Но, кажется, он мне не поверил. Подарил мне пакет чипсов с луком и сыром и пачку мятных лепешек и сказал, что, когда я сделаю работу, получу еще.

— Пройдет.

Толстый Чарли вздохнул.

— Чертовски неловко.

— Но все-таки не конец света.

Счет они поделили пополам, и со сдачей официант дал им два счастливых печеньица.

— Что в твоем? — поинтересовался Толстый Чарли.

— «Упорство себя оправдает», — прочла Дейзи. — А у тебя?

— То же самое, — сказал он. — Старое доброе упорство. — Смяв свое «счастье» в горошину, он уронил ее в карман и проводил Дейзи до метро на Лейчестер-сквер.

— Похоже, у тебя сегодня счастливый день, — заметила Дейзи.

— То есть?

— Кругом ни одной птицы.

Стоило ей это произнести, и Толстый Чарли сообразил, что она права. Не было ни голубей, ни скворцов. Даже воробьев не было.

— Но ведь на Лейчестер-сквер всегда полно птиц!

— Не сегодня, — улыбнулась Дейзи. — Может, они заняты в другом месте?

Они остановились у входа в метро, и на краткое, глупое мгновение Толстый Чарли решил, что она вот-вот поцелует его на прощание. Но нет. Дейзи просто улыбнулась и сказала «Удачи», а он несмело помахал, сделал эдакое робкое движение рукой, которое можно принять за махание, а можно — за непроизвольный жест. Но она уже сбежала по ступенькам и скрылась из виду.

Толстый Чарли двинулся через Лейчестер-сквер, направляясь к Пиккадилли-серкус.

Достав из кармана полоску бумаги из счастливого печенья, он ее развернул. «Встречаемся под Эросом», — говорилось там, а ниже рисунок наспех: закорючка в виде звездочки, которую при некотором усилии можно было принять за паучка.

На ходу Толстый Чарли обшаривал взглядом небо и окрестные здания, но не видел никаких

пернатых, что само по себе было странно, ведь в Лондоне птицы повсюду.

Сидя под статуей, Паук читал «Ньюс-уорлд». Услышав шаги Чарли, он поднял глаза.

— На самом деле это не Эрос, знаешь ли, — сказал Толстый Чарли. — Это статуя Христианского Милосердия.

— Тогда почему она голая и держит в руках лук и стрелы? Такое христианским милосердием не назовешь.

— Я только пересказываю, что читал, — пожал плечами Толстый Чарли. — Где ты был? Я за тебя волновался.

— Со мной все в порядке. Просто держался подальше от птиц, пытаясь разобраться что к чему.

— Ты заметил, что сегодня никаких птиц не видно? — спросил Толстый Чарли.

— Заметил. Не знаю, что и думать. А я крепко думал. Знаешь, что-то в этой истории дурно пахнет.

— Для начала все, — сказал Толстый Чарли.

— Нет. Я не то хотел сказать. Есть что-то неправильное в том, что Птица пытается нам навредить.

— Ага. Неправильно. И очень, очень нехорошо. Сам ей скажешь или лучше я?

— Неправильно, да не так. Неправильно, как… Ну сам посуди. Ведь если забыть о Хичкоке, птицы не самое удачное оружие. Они, конечно, крылатая смерть для насекомых, но плохо экипированы, чтобы атаковать людей. Птицы же за миллионы лет привыкли, что люди скорее всего первыми их съедят. Они ведь инстинктивно держатся от нас подальше.

— Не все, — сказал Толстый Чарли. — Со стервятниками не так. И с воронами. Но эти появляются только на поле битвы, когда сражение уже закончено. И ждут, когда раненые умрут.

— Что ты сказал?

— Я сказал, за исключением стервятников и воронов. Я не говорил про…

— Нет. — Паук сосредоточенно размышлял. — Упустил. Ты навел меня на какую-то мысль, и я почти догадался. Слушай, ты уже разыскал миссис Дунвидди?

— Я позвонил миссис Хигглер, но никто не взял трубку.

— Так поезжай и поговори с ними.

— Легко тебе говорить, а вот я без гроша. На мели. Я не могу летать взад-вперед через Атлантику. У меня больше нет работы. Я…

Запустив руку в карман черной с красным

куртки, Паук вытащил бумажник, а оттуда растрепанную пачку многоцветных банкнот разных стран. Пачку он сунул в руки Толстому Чарли.

— Вот. Этого должно хватить на билет туда и обратно. Только добудь перо.

— Послушай, — сказал вдруг Толстый Чарли. — А тебе не приходило в голову, что папа, возможно, все-таки жив?

— Что?

— Ну, я просто подумал… Может, он опять сыграл с нами злую шутку. Ведь это вполне в его духе, а?

— Не знаю, — протянул Паук. — Возможно.

— А вот я почти уверен. Знаю, что я сделаю прежде всего. Съезжу к нему на могилу и…

Но больше он ничего не успел сказать, потому что тут появились пернатые. Это были городские птицы: воробьи и скворцы, голуби и вороны. Их было тысячи и тысячи, и летели они, меняясь местами, точно сплетали огромный ковер. Было такое впечатление, словно с Риджент-стрит на Толстого Чарли и Паука надвигается огромная стена. Оперенная стена, похожая на фасад небоскреба, совершенно плоская, совершенно невозможная и беспрестанно мельтешащая. Толстый Чарли ее видел, но она не укладывалась у

него в голове, ускользала, извивалась, истончалась… Он смотрел во все глаза и пытался найти хоть какой-то смысл в происходящем.

Паук дернул его за рукав.

— Беги! — крикнул он.

— И ты тоже!

— Ей не ты нужен! — крикнул Паук и, усмехнувшись, добавил: — Пока.

Такая улыбка способна уговорить танки оставить поле боя или бронетранспортеры прыгнуть с обрыва, не говоря уже о сотнях людей, которые делали то, что им совсем не хочется. А Толстому Чарли очень хотелось убежать.

— Добудь перо! Разыщи отца, если думаешь, что он еще жив. А сейчас беги!

Толстый Чарли побежал.

Стена забурлила и превратилась в водоворот из птиц, направлявшихся к статуе Эроса и человеку под ней. Толстый Чарли забежал в дверной проем и оттуда смотрел, как основание темного смерча врезалось в Паука. Ему показалось, что за оглушительным биением крыльев он слышит крик брата. А может, и правда слышал.

Птицы вдруг рассеялись, улица опустела. Ветер легонько гнал по серому тротуару несколько перьев.

Толстому Чарли стало нехорошо. Если кто-то из прохожих и заметил, что сейчас случилось, то никто не среагировал. Но почему-то он был уверен, что никто, кроме него, ничего не видел.

Под статуей, совсем рядом с тем местом, где читал на скамейке газету его брат, стояла женщина. Ее растрепанный бурый плащ хлопал на ветру. Превозмогая себя, Толстый Чарли направился к ней.

— Послушай. Когда я просил заставить его исчезнуть, я хотел лишь, чтобы он ушел из моей жизни. Я не просил делать того, что ты с ним сделала — уж не знаю, что это было.

Она смотрела на него в упор и молчала. В ее глазах горело безумие хищной птицы, свирепость, которая была поистине ужасающей. Толстый Чарли постарался не выдать страха.

Женщина-Птица молчала и смотрела перед собой очень долго, но наконец сказала:

— Не волнуйся, придет и твой черед, сын компэ Ананси. Время настанет.

— Зачем он тебе?

— Мне он не нужен, — сказала Птица. — С чего бы он мне понадобился? У меня был долг перед кое-кем. А теперь я доставлю его, и мой долг будет уплачен.

Затрепыхались на ветру газеты. Оглянувшись, Толстый Чарли понял, что, кроме него, под статуей никого нет.

Глава одиннадцатая, в которой Рози учится говорить «нет» незнакомым, а Толстый Чарли обзаводится зеленым лимоном

Толстый Чарли смотрел на могилу отца.

— Ты тут? — спросил он вслух. — Если да, выходи. Мне нужно с тобой поговорить.

Подойдя к кованой вазе (на сей раз без цветка) в изголовье, он пригляделся внимательнее. Толстый Чарли сам точно не знал, чего ждал (наверное, что рука высунется из земли и схватит его за штанину), — но напрасно.

А ведь он был так уверен!

Толстый Чарли пошел к выходу из Садов Успокоения, чувствуя себя так же глупо, как игрок на телевикторине, который только что поставил миллион долларов на то, что река Миссисипи длиннее Амазонки. Следовало бы знать. Отец мертв, мертвее не бывает. Выходит, он потратил деньги Паука на погоню за химерой. Дойдя до вертушек Младенцекрая, он сел и заплакал, а плесневеющие игрушки казались еще более печальными и заброшенными, чем он помнил.

Она ждала его на парковке, прислонясь к своей машине, и курила. Ей было явно не по себе.

— Здравствуйте, миссис Бустамонте, — сказал Толстый Чарли.

В последний раз затянувшись докуренной почти до фильтра сигаретой, миссис Бустамонте бросила окурок на асфальт, где растерла его туфлей без каблука. Одета она была во все черное.

— Здравствуй, Чарльз.

— Если я кого-то и ожидал тут встретить, то миссис Хигглер. Или миссис Дунвидди.

— Каллианны нет. Миссис Дунвидди послала меня. Она хочет с тобой повидаться.

«Это как мафия, — подумал Толстый Чарли. — Старушечья мафия».

— Она собирается сделать предложение, от которого я не смогу отказаться?

— Сомневаюсь. Ей не слишком хорошо.

— О!

Сев во взятую напрокат машину, он последовал за «кэмри» миссис Бустамонте по Флоридскому шоссе. Он был так уверен насчет отца! Уверен, что найдет его живым. Уверен, что отец поможет…

Они припарковались у дома миссис Дунвидди. Толстый Чарли поглядел на газон, на поблекших пластмассовых фламинго и красный зеркальный

шар, покоящийся на небольшой подставке-колонне — точь-в-точь огромная елочная игрушка. Подойдя к шару, тому самому, который разбил ребенком, он заглянул в него. В ответ на него уставилось собственное перекошенное изображение.

— Для чего ей шар?

— Ни для чего. Просто нравится.

Запах фиалок в доме был тяжелым и давящим. Тетя Альма хранила у себя в сумочке упаковку карамелек с отдушкой из пармских фиалок, и даже будучи упитанным сладкоежкой, Толстый Чарли соглашался есть их лишь тогда, когда все остальное кончалось. В доме пахло так, как были на вкус те карамельки. Толстый Чарли уже двадцать лет не вспоминал про пармские фиалки. Неужели такие карамельки еще производят? Да и вообще кому взбрело в голову их готовить?

— Ее комната в конце коридора, — сказала миссис Бустамонте, остановилась и ткнула пальцем в полумрак.

Толстый Чарли покорно поплелся куда сказано и переступил порог спальни миссис Дунвидди.

Кровать была небольшая, но миссис Дунвидди все равно казалась в ней кукольной. На носу у нее были очки, а на голове (тут Толстый Чарли сообразил, что впервые в жизни видит подобный

головной убор) — ночной чепец: желтоватое сооружение, похожее на грелку для заварочного чайничка и отделанное кружевом. Она полусидела, опираясь на огромную гору подушек, рот у нее был приоткрыт, и, войдя. Толстый Чарли услышал мирный храп.

Он кашлянул.

Миссис Дунвидди вздернула голову, открыла глаза и уставилась на гостя. Потом ткнула пальцем в тумбочку у кровати, и, увидев на ней стакан с водой, Толстый Чарли поспешно его подал. Старуха взяла его обеими руками, точь-в-точь белка орех, и отпила большой глоток прежде, чем отдать обратно.

— Все время сохнет во рту, — сказала она. — Знаешь, сколько мне лет?

— Э-э-э… Нет. — Толстый Чарли решил, что правильного ответа тут быть не может.

— Сто четыре.

— Поразительно! Вы так хорошо сохранились. Я хочу сказать, это просто чудесно…

— Заткнись, Толстый Чарли.

— Извините.

— И не говори «извините» таким тоном, точно пес, которого отчитывают за то, что он наследил на полу в кухне. Держи голову выше. Смотри

миру в глаза. Понимаешь?

— Да. Извините. Я хотел сказать просто «да». Она вздохнула.

— Меня хотят забрать в больницу. Я сказала санитарам: когда доживешь до ста четырех, то заработал право умереть в собственной постели. Я тут детей зачинала, я тут детей рожала, и будь я проклята, если умру в другом месте. И вот еще что…

Она замолкла, закрыла глаза и сделала медленный глубокий вдох. Только Толстый Чарли решил, что она заснула, как ее глаза вдруг снова открылись.

— Если тебя, Толстый Чарли, спросят, хочешь ли ты дожить до ста четырех лет, скажи «нет». Все болит. Все. У меня болит в тех местах, которые наука даже еще не открыла.

— Буду иметь в виду.

— Не умничай.

Толстый Чарли поглядел на крошечную старушку в просторной белой кровати.

— Мне извиниться?

Миссис Дунвидди виновато отвела глаза.

— Я дурно с тобой обошлась, — сказала она. — Давным-давно я дурно с тобой обошлась.

— Знаю, — сказал Толстый Чарли.

Возможно, миссис Дунвидди была при смерти, но это не помешало ей бросить на Чарли такой взгляд, от которого дети младше пяти лет плача бегут к мамочке.

— Что ты хочешь сказать этим «знаю»?

— Я догадался, — ответил Толстый Чарли. — Вероятно, не обо всем, но кое о чем. Я не глупый.

Холодно оглядев его с головы до ног через толстые стекла, старуха сказала:

— Нет. Не глупый. Это точно. — И протянула костлявую руку. — Верни-ка мне стакан. — Она отпила еще, как кошка макая в воду пурпурный язычок. — Так-то лучше. Хорошо, что ты сегодня здесь. Завтра дом будет полон горюющих внуков и правнуков, и все будут пытаться отправить меня умирать в больницу, подлащиваться ко мне, чтобы я им всякое завещала. Они еще узнают! Я собственных детей переживу. Всех до единого.

— Вы собираетесь поговорить о том, как дурно со мной поступили?

— Не следовало тебе разбивать мой зеркальный шар.

— Конечно, не следовало.

Тут он вспомнил. Так вспоминаешь что-то из детства, и возвращается отчасти воспоминание, отчасти воспоминание воспоминания.

Как побежал за теннисным мячиком на двор миссис Дунвидди, а там — для пробы — взял ее зеркальный шар, чтобы полюбоваться своим отражением (огромным и перекошенным), а потом почувствовал, как украшение падает на каменную дорожку, и смотрел, как оно разбивается тысячью брызг. Вспомнил, как его схватили за ухо узловатые сильные пальцы и потащили со двора в дом…

— Вы отослали Паука, — сказал он. — Ведь так?

Ее челюсти щелкнули, как у механического бульдога. Она кивнула.

— Я наложила изгоняющее заклятие, — сказала она. — Но что-то пошло наперекосяк. В те времена все немного владели магией. У нас не было всяких там DVD, сотовых и микроволновок, но, однако, мы много чего знали. Я просто хотела тебя проучить. И чтобы преподать урок, вытащила из тебя Паука.

Слова-то Толстый Чарли расслышал, но они не имели решительно никакого смысла.

— Вытащили его?

— Оторвала от тебя. Все выходки и трюки. Всю шаловливость. Всю проказливость. Все дурное. — Она вздохнула. — Это было ошибкой. Никто мне не сказал, что если творишь волшебство рядом с

такими, как отпрыски твоего папы, любое заклятие усиливается. Все становится больше. — Еще глоток воды. — Твоя мать никогда в это не верила. В глубине души не верила. Но вот Паук… Он много хуже тебя. Твой отец держал рот на замке, пока я не заставила Паука уйти. Но и тогда сказал лишь, что если ты не сможешь все исправить, значит, ты не его сын.

Толстому Чарли хотелось запротестовать, возразить, что это все чушь, что Паук не часть его, так же как он, Толстый Чарли, — не часть моря или темноты. Но он только спросил:

— Где перо?

— О каком пере ты говоришь?

— Когда я вернулся оттуда, куда вы меня послали… Из места со скалами и пещерами… У меня в руке было перо. Что вы с ним сделали?

— Не помню, — сказала она. — Я старая женщина. Мне сто четыре года.

— Где оно? — повторил Толстый Чарли.

— Я забыла.

— Пожалуйста, скажите.

— У меня его нет.

— А у кого оно?

— У Каллианны.

— У миссис Хигглер?

Старуха доверительно наклонилась ближе.

— Остальные две — просто девчонки. Слишком взбалмошны.

— Перед вылетом я позвонил миссис Хигглер. Я заезжал к ней перед тем, как поехать на кладбище. Миссис Бустамонте сказала, ее нет.

Миссис Дунвидди мягко покачивалась из стороны в сторону, словно убаюкивала сама себя.

— Мне уже недолго осталось. После того как ты уехал в прошлый раз, я перестала есть твердую пищу. Да, да, перестала. Только пью. Кое-какие женщины твердят, что любили твоего отца, но я знала его задолго до них. Тогда я еще была красивой, и он водил меня на танцы. Он подхватывал меня и кружил, кружил… Он уже тогда был старым, но умел сделать так, чтобы девушка почувствовала себя особенной. Ты не чувствуешь… — Остановившись, она сделала еще глоток. Рука старухи затряслась, и Толстый Чарли едва успел подхватить стакан. — Сто четыре, — продолжила миссис Дунвидди. — И ни дня не лежала праздно в постели, разве что после родов. А теперь мне конец.

— Уверен, вы доживете до ста пяти, — неловко сказал Толстый Чарли.

— Не говори так! — вскинулась старуха. Вид

у нее стал встревоженный. — Не говори!!! Ваша семья и так уже наделала бед. Хватит подталкивать события!

— Я не такой, как папа, — напомнил Толстый Чарли. — Я не волшебный. Вы же сами отдали магию Пауку.

Но она как будто не слушала.

— Когда мы ходили на танцы, это было перед Второй мировой, твой папа шептался с главой джаз-банда, а потом его много раз звали петь на сцену с солистом. И все в зале смеялись и хлопали. Так он подталкивал события. Он пел.

— Где миссис Хигглер?

— Ушла на покой.

— Ее дом пуст. Ее машины нет на месте.

— Ушла на покой.

— Она что… на кладбище?!

Старуха на белых простынях, задыхаясь, хватала ртом воздух. Казалось, она потеряла дар речи и способна только пошевелить рукой.

— Позвать кого-нибудь на помощь? — спросил Толстый Чарли.

Миссис Дунвидди кивнула, но продолжала хватать воздух и задыхаться, поэтому он пошел искать миссис Бустамонте. Та сидела на кухне и смотрела «Опру» по крохотному телевизору на

кухонной стойке.

— Она просит вас, — неуверенно сказал Толстый Чарли.

Миссис Бустамонте вышла, потом, вернулась с пустым кувшином.

— Чем ты ее до такого довел?

— У нее что, приступ или еще что-то? Миссис Бустамонте поглядела странно.

— Нет, Чарльз. Она над тобой смеялась. Сказала, от тебя ей сразу полегчало.

— О! Она сказала, что миссис Хигглер ушла на покой. Я подумал, может, у нее в голове мутится, может, миссис Хигглер на кладбище. Об этом и спросил.

Тут миссис Бустамонте улыбнулась.

— На Сан Андреасе. Каллианна уехала на Сан Андреас.

Она налила в кувшин воды из-под крана.

— Когда все началось, — сказал Толстый Чарли, — я думал, это я против Паука, а вы четыре — на моей стороне. А теперь Паука похитили, а вы четыре сговорились против меня.

Закрутив кран, старуха угрюмо уставилась на Толстого Чарли.

— Я уже никому теперь не верю, — продолжал он. — Миссис Дунвидди скорее всего разыгрывает

умирающую. Наверное, стоит мне уехать, она выпрыгнет из кровати и будет танцевать чарльстон по всей спальне.

— Она не ест. Говорит, от еды у нее нутро болит. Только пьет.

— Где именно она на Сан Андреасе? — спросил Толстый Чарли.

— Просто уезжай, — ответила миссис Бустамонте. — Здесь твоя семья уже достаточно причинила вреда.

Толстый Чарли хотел было что-то сказать, но передумал и ушел без единого слова.

А миссис Бустамонте отнесла кувшин с водой миссис Дунвидди, которая мирно лежала в кровати.

— Сын Ананси нас ненавидит, — сказала миссис Бустамонте. — Что такого ты ему наговорила?

Но миссис Дунвидди не ответила. Миссис Бустамонте прислушалась и, удостоверившись, что старшая подруга дышит ровно, сняла с нее очки с толстыми стеклами, положила их возле кровати и натянула простыню, чтобы укрыть ей плечи.

А после села и стала ждать конца.

Отъезжая от дома миссис Дунвидди, Толстый Чарли сам не знал, куда именно направляется.

Он в третий раз за две недели перелетел Атлантический океан, и данные Пауком деньги были уже на исходе. Он как раз миновал несколько тесно жавшихся друг к другу ямайских ресторанчиков, когда заметил в витрине плакатик: «СКИДКИ НА ОСТРОВА». Припарковав машину, он вошел внутрь.

— «Турагентство А» выполнит все ваши пожелания, — сказал ему туроператор извиняющимся тоном, которым врачи обычно объясняют пациенту, что означенную конечность придется ампутировать.

— Э-э-э… да… Спасибо. Э-э-э… Как дешевле всего добраться до Сан Андреаса?

— Вы собираетесь в отпуск?

— Не совсем. Просто хочу съездить на день. Может, на два.

— Когда хотите уехать?

— Сегодня после полудня.

— Шутите?

— Нисколько.

Траурное рассматривание компьютерного экрана. Щелчки клавиатуры.

— Кажется, я не могу предложить вам ничего дешевле тысячи двухсот долларов.

— Ох! — Толстый Чарли обмяк на стуле.

Снова щелчки, на сей раз мышью. Мужчина шмыгнул носом.

— Нет. Тут что-то не так. Тут явно что-то не так. — А потом: — Подождите минутку. — Телефонный звонок. — Этот тариф еще действителен? — Нацарапав в блокноте какие-то цифры, туроператор поднял взгляд на Толстого Чарли. — Если поедете на неделю и остановитесь в отеле «Дельфин», я мог бы устроить вам неделю отпуска за пятьсот долларов, питание в отеле включено. Перелет вам будет стоить только пошлину в аэропорту.

Толстый Чарли моргнул.

— Есть какой-то подвох?

— Это акция по развитию туризма на острове. Как-то связано с фестивалем музыки. Сомневаюсь, что он еще идет. Но сами знаете, как говорят… Что оплатил, то и получай. Захотите питаться в другом месте, придется раскошелиться.

Толстый Чарли положил на стол пять мятых стодолларовых купюр.

Дейзи начинала понимать копов, которых обычно видишь только по телевизору: крутые, закаленные и стопроцентно готовые пойти против системы. Такие копы интересуются, считаешь ли ты себя везунчиком или хочешь ли ты устроить

им праздник, и в особенности такие, которые говорят: «Я слишком стар для этого дерьма». Дейзи было двадцать шесть, и ей хотелось сказать окружающим, что она слишком стара для этого дерьма. Она вполне сознавала, как нелепо это звучит, — спасибо, что подсказали.

В данный момент она стояла в кабинете суперинтенданта Камбервелла и говорила:

— Да, сэр. На Сан Андреасе.

— Ездил туда в отпуск пару лет назад. С бывшей миссис Камбервелл. Очень приятное место. Ромовый торт.

— Очень похоже, сэр. На пленке из Гатвика заснят определенно он. Путешествовал под фамилией Бронстейн. Роджер Бронстейн вылетел в Майами, где пересел на самолет до Сан Андреаса.

— Вы уверены, что это он?

— Совершенно.

— М-да, выходит, что мы в полной заднице, верно? — отозвался Камбервелл. — Ведь у нас с ними нет договора об экстрадиции.

— Но должно же быть *что-то,* что мы могли бы сделать.

— Ну… Можем заморозить его оставшиеся счета и наложить арест на его имущество. Разумеется, так мы и поступим, хотя пользы от этого как от

козла молока, потому что у него уйма наличности в таких местах, до которых мы не можем дотянуться, даже отследить не сумеем.

— Но он же совершил у-бий-ство, — последнее слово Дейзи размеренно произнесла по слогам.

Суперинтендант поднял на нее взгляд, словно не был уверен, что именно перед собой видит.

— У нас тут не игра в салочки на детской площадке. Если они будут держаться правил, он окажется у нас. Ели он вернется, мы его арестуем. — Он сплющил пластилинового человечка в пластилиновый ком и начал разминать в плоскую лепешку большим и указательным пальцами. — В старые времена, — продолжал он, — преступники могли потребовать убежища в церкви. Пока ты оставался там, закон не смел тебя тронуть. Даже если ты убил человека. Разумеется, это ограничивало свободу передвижений. М-да.

Камбервелл поглядел на Дейзи так, будто ожидал, что после такой тирады она уйдет. А она сказала:

— Он убил Мэв Ливингстон. Он годами обворовывал своих клиентов.

— И?..

— Нам следует отдать его под суд.

— Пусть это не мешает вам спать.

«Я слишком стара для этого дерьма», — подумала Дейзи. Рот она держала на замке, но в голове все крутились и крутились эти слова.

— Пусть это не мешает вам спать, — повторил он, потом сложил пластилиновую лепешку в кубик и безжалостно раздавил пальцами. — Сам я сплю как младенец. Представьте себе, что вы просто патрульная, а Грэхем Хорикс — просто машина, припарковавшаяся на двойной желтой полосе, но отъехавшая до того, как вы сумели выписать штраф. Да?

— Конечно, — сказала Дейзи. — Разумеется. Прошу прощения.

— Будет вам, — улыбнулся суперинтендант.

Она вернулась за свой стол, вошла во внутренний сайт управления полиции и несколько часов изучала варианты дальнейших действий. А потом поехала домой. Кэрол сидела перед телевизором и, поедая разогретое в микроволновке куриное жаркое, смотрела сериал «Улица Коронации».

— Мне нужно отдохнуть, — сказала Дейзи. — Я еду в отпуск.

— Свой отпуск ты уже отгуляла, — логично возразила Кэрол.

— Какая жалость, — отозвалась Дейзи. — Я

слишком стара для этого дерьма.

— Ух ты! И куда ты поедешь?

— Ловить одного негодяя, — ответила Дейзи.

Самолет «Кариб-эйр» Толстому Чарли понравился. Да, конечно, международная авиакомпания, но по ощущению — как местный автобус. Стюардесса назвала его «милый» и предложила садиться, куда понравится.

Он растянулся поперек трех кресел и заснул.

Во сне Толстый Чарли шел под небом цвета меди, и мир был молчалив и тих. Он направлялся к птице размерами больше города, чьи глаза пылали огнем, а клюв был разинут, и Толстый Чарли вошел в этот клюв и двинулся в самую глотку.

Потом — как это случается во снах — он очутился вдруг в комнате, стены которой были покрыты мягкими перьями, из-за которых смотрели круглые, как у совы, но немигающие глаза.

Посреди комнаты, раскинув руки и ноги, лежал Паук. Приглядевшись, Толстый Чарли понял, что брат не праздно развалился, а распят, связан цепями из мелких косточек (такие можно увидеть в куриной шее). Цепи тянулись из углов комнаты и опутывали его, точно нити паутины муху.

— *А, это ты,* — сказал Паук.

— *Я,* — ответил во сне Толстый Чарли.

Костяные цепи врезались глубоко в кожу Паука, и Толстый Чарли увидел, как брат поморщился от боли.

— *М-да,* — сказал Толстый Чарли. — *Но могло быть и хуже.*

— *Кажется, это еще не все,* — отозвался брат. — *Думаю, у нее на меня другие планы. На нас обоих. Просто я не знаю, какие.*

— *Они всего лишь птицы,* — сказал Толстый Чарли. — *Так ли уж много от них вреда?*

— *Про Прометея когда-нибудь слышал?*

— *Э-э-э…*

— *Был такой малый, отдал людям огонь. В наказание боги приковали его к скале. Каждый день прилетал орел и клевал ему печень.*

— *И печень никогда не кончалась?*

— *Каждый день отрастала новая: с богами такое бывает.*

Они помолчали.

— *Я как-нибудь все улажу,* — пообещал Толстый Чарли. — *Исправлю.*

— *Так же, как ты наладил собственную жизнь, что ли?* — невесело усмехнулся Паук.

— *Извини.*

— *Нет, это ты меня извини,* — вздохнул Па-

ук. — *У тебя есть какой-нибудь план?*

— *План?*

— *Надо понимать, нет. Просто сделай, что нужно. Вытащи меня отсюда.*

— *Ты в аду?*

— *Не знаю, где я. Если это ад, то птичий. Ты должен меня отсюда вытащить.*

— *Как?*

— *Ты же папин сын, верно? Ты мой брат. Придумай что-нибудь. Просто вытащи меня отсюда.*

Толстый Чарли проснулся в ознобе. Стюардесса принесла ему кофе, и он с благодарностью его выпил. Теперь он окончательно пришел в себя, и ему совсем не хотелось даже закрывать глаза, поэтому он стал читать брошюру «Кариб-эйр», из которой узнал про Сан Андреас много полезного.

Он узнал, что Сан Андреас не самый маленький из островов Карибского моря, но, составляя списки, о нем, как правило, забывают. На рубеже XVI века испанцы открыли этот необитаемый островок вулканического происхождения, где вволю плодились животные, не говоря уже о всевозможных растениях. Согласно поговорке, что ни ткни в землю Сан Андреаса, все вырастет.

Островок переходил из рук в руки: то им владели испанцы, то англичане, потом голландцы

и снова англичане. После обретения в 1962 году независимости он недолгое время принадлежал майору Ф.Э.Гаррету, который сместил правительство, разорвал дипломатические отношения со всеми странами, кроме Албании и Конго, и правил железной рукой до своей смерти в результате неудачного падения с кровати несколько лет спустя. Он упал так серьезно, что сломал десяток костей, — и это несмотря на присутствие в комнате целого взвода солдат, которые засвидетельствовали, что пытались, но не смогли остановить падение майора Гаррета. Невзирая на все их старания, он умер еще до того, как его доставили в единственную на острове больницу. С тех пор островом правило дружелюбное и выборное местное правительство, которое все любили.

На островке есть целые мили песчаных пляжей и совсем крошечный тропический лесок в центре. Тут растут банановые пальмы и сахарный тростник, есть банковская система, поощряющая капиталовложения извне, и нет договоров об экстрадиции ни с одной страной, кроме, быть может, Албании и Конго.

Известен Сан Андреас главным образом своей кухней: местные жители утверждают, что начали мариновать курицу еще до ямайцев, готовить

козлятину в карри до тринидадцев и жарить летучих рыб задолго до уроженцев Байи.

Здесь есть два города: Уильямстаун на восточном побережье и Ньюкастл — на северном. На уличных рынках можно купить все, что растет на острове, и то же самое, но за двойную цену, — в нескольких универмагах. Когда-нибудь на Сан Андреасе построят настоящий международный аэропорт.

На пользу ли порт с глубоководной акваторией Уильямстауну или нет, дело мнения. Бесспорно то, что благодаря ему на остров заходят международные лайнеры, однако переполненные туристами плавучие мирки существенно влияют на экономику и природу Сан Андреаса, как, впрочем, и многих других островов Карибского моря. В разгар сезона в бухте Уильямстауна стоит до полудюжины лайнеров, и тысячи отдыхающих ждут не дождутся возможности сойти на берег, размять ноги и купить что-нибудь. Жители Сан Андреаса ворчат, но встречают гостей с распростертыми объятиями, продают то и се, кормят до отвала и провожают назад на корабли…

Самолетик «Кариб-эйр» приземлился с толчком, от которого Толстый Чарли уронил брошюру. Наклонившись, он ее поднял и убрал в карман

на кресле впереди, а после сошел по трапу на посадочную полосу. День клонился к вечеру.

Толстый Чарли взял такси до своего отеля и по дороге узнал целый ряд фактов, не упомянутых в брошюре «Кариб-эйр». Например, что музыка (настоящая, правильная музыка) бывает только в стиле кантри и вестернов. На Сан Андреасе даже растаманы это знают. Джонни Кэш? Да он просто бог. Вилли Нельсон? Полубог.

Он узнал, что нет ни одной причины уезжать с Сан Андреаса. Водитель сам не видел на то решительно никаких оснований, а ведь серьезно над этим размышлял. На острове есть гора, пещера и тропический лес. Отели? Здесь их двадцать. Рестораны? Несколько десятков. Здесь есть большой город, три городка и горстка поселков. Еда? Тут растет что угодно. Апельсины. Бананы. Мускатный орех. Даже, по словам таксиста, лимоны.

— Неужели? — воскликнул на это Толстый Чарли — в основном для поддержания разговора.

Но водитель воспринял это как попытку усомниться в его честности, а потому резко ударил по тормозам, от чего машину занесло в сторону, выскочил на обочину, перегнулся через забор и вернулся, сорвав что-то с дерева.

— Вот смотрите! — сказал он. — Никто не ска-

жет вам, что я лжец. Что это, по-вашему?

— Лимон? — спросил Толстый Чарли.

— Вот именно.

Такси снова выехало на дорогу. Водитель стал рассказывать Толстому Чарли про то, какой замечательный отель «Дельфин». У Толстого Чарли есть семья на острове? Он тут кого-нибудь знает?

— На самом деле я ищу одного человека, — ответил Толстый Чарли. — Женщину.

Таксист решил, что это великолепная мысль, потому что для поиска женщины нет лучшего места, чем Сан Андреас. Это потому, пояснил он, что здешние женщины пофигуристее ямайских и не разобьют тебе сердце, как тринидадки. К тому же они красивее доминиканок, а стряпухи — такие, что на целом свете не сыщешь. Если Толстый Чарли ищет женщину, он приехал как раз куда надо.

— Я ищу не просто женщину, а конкретную женщину, — сказал Толстый Чарли.

На что водитель ответил, что ему повезло, так как он, водитель, гордится тем, что знает на острове всех и вся. Так бывает, если с рождения жил на одном месте. Он готов поспорить, что Толстый Чарли не знает в лицо всех жителей Англии, и Толстый Чарли признал, что это действительно

так.

— Она друг семьи, — сказал Толстый Чарли. — Ее фамилия Хигглер. Каллианна Хигглер. Вы о ней слышали?

Таксист ненадолго затих и словно бы задумался. Потом сказал, что нет, никогда про такую не слышал. Такси подъехало к отелю «Дельфин», и Толстый Чарли расплатился.

Молодая женщина за стойкой портье попросила у него паспорт и номер заказа. Доставая бумажник, Толстый Чарли положил лимон на стойку.

— У вас есть багаж?

— Нет, — ответил, извиняясь, Толстый Чарли.

— Никакого?

— Никакого. Только вот этот лимон.

Он заполнил несколько бланков, и, отдавая ключ, девушка объяснила, как пройти в номер.

Толстый Чарли как раз нежился в ванне, когда в дверь постучали. Обвязавшись полотенцем, он подошел к двери. На пороге стоял коридорный.

— Вы забыли свой лимон, — сказал он и протянул фрукт Толстому Чарли.

— Спасибо, — поблагодарил Толстый Чарли и вернулся в ванну с пузырьками. После он лег в кровать, и ему стали сниться беспокойные,

неприятные сны.

В своем большом доме на скалах Грэхем Хорикс тоже видел престранные сны, мрачные и нежеланные, хотя и не слишком неприятные. Просыпаясь, он плохо их помнил, но наутро открывал глаза со смутным впечатлением, что ночь провел, охотясь на мелких зверушек в высокой траве, ломал им шеи ударом лапы, разрывал зубами тушки.

Во сне его зубы превращались в орудие убийства.

Просыпался он встревоженный, и день становился уже не тот.

Каждое утро начинался новый день, и всего через неделю после окончания своей прежней жизни Грэхем Хорикс уже испытывал раздражение и тоску изгнанника. Верно, у него есть бассейн, кокосовые пальмы и грейпфрутовые деревья, забитый бутылками винный подвал и пустой ледник для мяса. У него есть спутниковое телевидение, большая коллекция DVD-дисков, не говоря уже о коллекции развешанных повсюду картин. У него есть кухарка, которая приходит каждый день и готовит ему еду, экономка и садовник — семейная пара, — которые приходят на пару часов в день. Еда была выше всяких похвал,

климат (если любишь теплые солнечные дни) великолепный, и ничто не радовало Грэхема Хорикса так, как, на его взгляд, полагалось бы.

Он не брился с отъезда из Англии, что пока подарило ему не бороду, а лишь редкую щетину — кумушки про такую говорят, что она придает мужчине сомнительный вид. Вокруг глаз у него залегли такие круги, что он походил на панду, а мешки под ними были такими темными, что казались синяками.

Грэхем Хорикс по часу в день плавал в бассейне, но в остальном избегал солнца: он не для того скопил себе неправедным трудом нажитое состояние, чтобы лишиться его из-за рака кожи. Или вообще из-за чего-либо.

Он слишком много думал о Лондоне. Там в каждом его любимом ресторане имелся метрдотель, называвший его по имени и заботившийся о том, чтобы его все устраивало. В Лондоне были люди, ему обязанные, и потому у него никогда не возникало трудностей с билетами на премьеру, да и вообще в Лондоне были театры, куда можно пойти на премьеру. Он всегда считал, что из него получится превосходный изгнанник, а теперь заподозрил, что ошибался.

Ища, на кого бы переложить вину, он пришел

к неизбежному выводу, что во всех его бедах повинна Мэв Ливингстон. Она пыталась его ограбить. Это же кокетка, ведьма, развратница! Она получила по заслугам. И еще слишком легко отделалась. Если бы пришлось давать интервью по телевидению… Грэхем Хорикс прямо-таки слышал оскорбленное достоинство в собственном голосе, объяснявшем, что лишь защищал свои собственность и честь от опасной сумасшедшей. Честно говоря, он только чудом выбрался из кабинета живым…

И ему нравилось, ох как нравилось быть Грэхемом Хориксом. Сейчас, как и всегда на Сан Андреасе, он был Бейзилом Финнеганом, и это его раздражало. Бейзилство далось ему нелегко: настоящий Бейзил умер во младенчестве, причем дата его рождения была близка к хориксовой. Одно поддельное свидетельство о рождении и письмо от вымышленного священника — и у Грэхема Хорикса оказались паспорт и новая личность. Существование последней он всячески поддерживал: у Бейзила была солидная кредитная история, Бейзил много путешествовал, Бейзил владел роскошной виллой на Сан Андреасе, ни разу в глаза этого дома не видев. Но, на взгляд Грэхема Хорикса, раньше Бейзил работал

на него, а теперь слуга стал хозяином: Бейзил Финнеган съел его заживо.

— Если я тут останусь, — сказал самому себе Грэхем Хорикс, — то сойду с ума.

— Кажется, ты имел в виду, что если останешься в четырех стенах, ты сойдешь с ума, — разумно возразил внутренний голос. — Тебе бы следовало пойти пройтись. Гулять полезно.

Грэхем Хорикс не ходил гулять, за него это делали другие. Но, подумал он, возможно, гулять любит Бейзил Финнеган. Надев широкополую шляпу, он сменил сандалии на летние туфли. Потом положил в карман сотовый и, велев садовнику приехать за ним, когда он позвонит, вышел из дома на скатах, направляясь в ближайший городок.

Наш мир очень маленький. Не надо долго жить на свете, чтобы это понять. Есть одна теория, согласно которой на Земле лишь пятьсот настоящих людей (так сказать, актерский состав; остальные, по той же теории, просто статисты), и более того, все они знакомы между собой. Последнее верно — во всяком случае, настолько, насколько это имеет значение. В реальности мир состоит из тысяч и тысяч групп по пятьсот человек, в каждой из которых актеры натыкают-

ся друг на друга, стараются друг друга избегать и обнаруживают друг друга в какой-нибудь богом забытой ванкуверской чайной. Есть в этом процессе какая-то неизбежность. Это даже не случайность, просто так функционирует Вселенная, которой совершенно безразличны предпочтения отдельных лиц или понятия о приличиях.

Вот как случилось, что по дороге в Уильямстаун Грэхем Хорикс зашел в маленькое кафе, чтобы заказать безалкогольный коктейль и посидеть где-нибудь, пока будет звонить садовнику с распоряжением приехать за ним.

Заказав фанту с лимонным соком, он сел за столик. В кафе было практически пусто, только две женщины — одна молодая, другая постарше — сидели в дальнем углу, пили кофе и подписывали открытки.

Грэхем Хорикс лениво глядел в окно на пляж. «Рай, чистый рай», — думал он. Наверное, по статусу как изгнанника, так и человека состоятельного ему следовало бы заняться местной политикой, например, стать меценатом. Он уже сделал несколько солидных пожертвований местной полиции, и, вероятно, будет даже необходимо позаботиться, чтобы…

Радостно возбужденный, но нерешительный

голос у него за спиной произнес:

— Мистер Хорикс?

Сердце у него екнуло.

За его столик села одна из женщин, та, что помоложе, и наградила самой теплой улыбкой.

— Забавно тут с вами встретиться, — сказала она. — Вы тоже в отпуске?

— Вроде того. — Он понятия не имел, кто к нему привязался.

— Вы ведь помните меня, верно? Рози Ной. Я встречалась с Толстым… с Чарли Нанси. Помните?

— Здравствуйте, Рози. Конечно, я вас помню.

— Я здесь в круизе, с мамой. Она все еще пишет открытки домой.

Грэхем Хорикс оглянулся через плечо на дальний угол маленького кафе, откуда на него уставилась сестра южноамериканской мумии в цветастом платье.

— Честно говоря, — продолжала Рози, — я не из тех, кто ездит в круизы. Десять дней переезжать от острова к острову! Так приятно встретить знакомое лицо, правда?

— Абсо-ненно, — согласился Грэхем Хорикс. — Следует ли понимать, что вы и наш Чарльз уже больше не… э-э-э… вместе?

— Да, наверное. Я хочу сказать, уже нет.

Грэхем Хорикс для вида сочувственно улыбнулся. Прихватив свою фанту, он вместе с Рози отправился к столику в углу. Мама Рози источала недоброжелательность так же, как старый железный радиатор на всю комнату холод, зато Грэхем Хорикс был само очарование, сама любезность и во всем с ней соглашался. Действительно ужасно, что только себе позволяют нынешние турагентства! Просто омерзительно, какую небрежность допускает администрация лайнера! Поразительно, как на этих островах нечем заняться! И возмутительно, с чем — во всех отношениях — приходится мириться пассажирам! Десять дней без фаянсовой ванны, лишь с крохотным душем! Позор!

Мама Рози рассказала о нескольких весьма впечатляющих распрях, которые она успела затеять (и непрестанно подпитывать) с некими американцами, чье главное преступление, насколько понял Грэхем Хорикс, заключалось в том, что они слишком много накладывали на тарелки у шведского стола и загорали в том месте у кормового бассейна, которое мама Рози с первого же дня считала бесспорно своим.

Грэхем Хорикс кивал и издавал сочувственные

ахи и охи, цокал языком и поддакивал, а на него все капала серная кислота, пока мама Рози не согласилась забыть о своей неприязни к незнакомым людям и к тем, кто так или иначе связан с Толстым Чарли, и все говорила, и говорила, и говорила… Грэхем Хорикс слушал вполуха. Грэхем Хорикс размышлял. «Весьма прискорбно было бы, — думал он, — если бы кто-нибудь вернулся в Лондон и сообщил властям, что встретил Грэхема Хорикса на Сан Андреасе». Что его рано или поздно заметят — неизбежно, однако эту неизбежность нужно постараться отдалить.

— Позвольте, — сказал он вслух, — предложить решение хотя бы одной вашей проблемы. В нескольких шагах отсюда находится мой летний домик. Хочется думать, довольно приятный. И если у меня чего-то в избытке, так это ванных комнат. Не хотите ли побаловать себя ванной?

— Нет, спасибо, — сказала Рози.

Разумеется, если бы она согласилась, то мама неминуемо указала бы на то, что им нужно вернуться в Уильямстаун, откуда катер заберет их на корабль, и одернула бы ее за то, что она принимает подобные приглашения от посторонних. Но Рози отказалась.

— Как мило с вашей стороны! — показала мама

Рози в улыбке зубы. — С огромным удовольствием.

Вскоре подъехал на черном «мерседесе» садовник, и Грэхем Хорикс открыл дверцу перед Рози и ее мамой. Он заверил обеих, что абсо-ненно доставит их в гавань задолго до отхода последнего катера на лайнер.

— Куда едем, мистер Финнеган? — спросил садовник.

— Домой.

— Мистер Финнеган? — подняла брови Рози.

— Одно из имен в семье, — ответил Грэхем Хорикс, уверенный, что так оно и есть. Во всяком случае, в чьей-нибудь семье.

Захлопнув заднюю дверцу, он сел впереди.

Мэв Ливингстон потерялась. Все началось так хорошо… Она захотела попасть домой, в Понтерфракт, и пожалуйста — мерцание, ужасный порыв ветра, и потоком эктоплазмы она перенеслась к себе. В последний раз пройдясь по комнатам, она вышла под осеннее небо. Ей захотелось повидать сестру в Райе, и только она успела об этом подумать, как очутилась в садике, где ее сестра как раз выгуливала спаниеля.

Все казалось таким простым.

В какой-то момент она решила, что пора по-

смотреть на Грэхема Хорикса, и тут-то все и запуталось. На мгновение она оказалась в кабинете в Олдвиче, потом в пустом доме в Пурли, где была однажды на обеде, который Грэхем Хорикс устроил для небольшой компании лет десять назад, а потом…

Потом она потерялась. И куда бы ни попыталась попасть, становилось только хуже.

Она понятия не имела, куда ее занесло, хотя, по всей видимости, это был какой-то сад.

Краткий ливень промочил насквозь листву и траву, но ее не тронул. Теперь от земли валил пар, и потому она поняла, что это не Англия. Сгущались сумерки.

Сев на мокрую траву, она от расстройства шмыгнула носом.

«Хватит, — строго велела она сама себе. — Мэв Ливингстон, возьми себя в руки!»

Но шмыганье переросло в плачь.

— Хотите носовой платок? — спросил чей-то голос.

Мэв подняла глаза. Перед ней стоял пожилой джентльмен с тоненькими, словно нарисованными карандашом усиками, в зеленой шляпе и предлагал ей носовой платок.

Она кивнула.

— Хотя, наверное, он мне без надобности. Я все равно не смогу к нему прикоснуться.

Сочувственно улыбнувшись, он подал платок. Как это ни удивительно, платок не провалился у нее между пальцев, поэтому она высморкалась и промокнула глаза.

— Бывает, — сказал джентльмен и смерил ее с ног до головы оценивающим взглядом. — Вы что? «Каспер»?

— Нет, — ответила она. — Кажется, нет… А что такое «каспер»?

— Ну, помните призрака из мультфильма? Так вот, вы призрак?..

Тоненькими усиками он напомнил ей Кэба Коллоу или, может. Дана Амеша, короче говоря, тех звезд, которые, даже постарев, не теряют обаяния. Кто бы ни был этот человек, он все еще звезда.

— А… Да, наверное. Я одна из них. Э-э-э… А вы?

— Более-менее. В общем и целом я мертв.

— О! А вы не рассердитесь, если я спрошу, где мы?

— Во Флориде. На кладбище. Хорошо, что вы меня застали. Я как раз собирался на прогулку. Хотите присоединиться?

— Разве вам не положено лежать в могиле? — нерешительно спросила Мэв.

— Наскучило, и я решил, что не помешает размяться, Может, чуток порыбачить.

Помешкав, Мэв кивнула. Неплохо, когда есть с кем поговорить.

— Хотите послушать сказку? — спросил старик.

— Не особенно, — призналась она.

Протянув руку, он помог ей подняться, и они вышли из Садов Успокоения.

— Приятная откровенность. Тогда буду краток. Не стану слишком заводиться. Знаете, я ведь умею рассказывать истории, которых хватает на месяцы. Все дело в деталях: что-то вставляешь в историю, что-то опускаешь. То есть если выбросить погоду и во что люди одеты, с тем же успехом можно перемахнуть через половину. Однажды я рассказывал сказку…

— Послушайте, — прервала его Мэв, — если собираетесь рассказать сказку, просто расскажите и все, ладно?

Идти по обочине в сгущающихся сумерках — мало радости. Мэв то и дело напоминала себе, что никакая машина ее не собьет, но ей все равно было не по себе.

Мягко и нараспев старик начал:

— Так вот о Тигре. Вам нужно понять, что это

не просто полосатая кошка из Индии. Это имя, которым люди наделили вообще всех больших кошек: пум, и рысей, и ягуаров, дав общем всех. Вам ясно?

— Разумеется.

— Хорошо. Итак… Давным-давно все сказки были про Тигра. Все истории принадлежали Тигру и все песни тоже. Я бы сказал, все анекдоты были про него, но во времена Тигра анекдотов не рассказывали. Главное в Тигровых историях — насколько крепкие у тебя зубы, как ты охотишься и как ты убиваешь. В Тигровых историях нет ни доброты, ни проказ, ни мира.

Мэв попыталась представить себе, какие сказки могла бы рассказывать большая хищная кошка.

— Значит, там было сплошное насилие?

— Иногда. Но большей частью они были просто неприятными. Когда все сказки и все песни принадлежали Тигру, дурное для всех было время. Люди перенимают дух сказок и песен, которые их окружают, особенно если своих собственных у них нет. И во времена Тигра все сказки были мрачными. Они начинались слезами и заканчивались кровью, но других люди не знали. Потом появился Ананси. Надо думать, вам все известно про Ананси…

— Кажется, нет, — призналась Мэв.

— Ну, начни я говорить о том, каким умным и красивым, каким обаятельным и коварным был Ананси, я мог бы начать сегодня и не закончить до четверга на будущей неделе, — завелся старик.

— Тогда не начинайте, — посоветовала Мэв. — Я поверю вам на слово. И что сделал этот Ананси?

— Ну, Ананси выиграл все сказки… Выиграл? Нет, он их заслужил! Он отобрал их у Тигра и сделал так, чтобы Тигр не мог больше попасть в реальный мир. Во всяком случае, во плоти. И сказки, которые люди стали рассказывать, превратились в истории Ананси. И было это?.. Кажется, лет десять — пятнадцать тысяч назад. Так вот, в принадлежащих Ананси сказках есть и хитринка, и шалости, и мудрость. И люди по всему миру перестали думать лишь о том, как бы стать охотником и не превратиться в добычу. Выход из положения они начали искать при помощи ума, а не силы — впрочем, иногда попадали в еще худший переплет. Им по-прежнему нужно было наполнять чем-то животы, но теперь они старались сообразить, как бы сделать это, не работая: вот тогда-то люди и начали работать головой! Кое-кто считает, что первым орудием человека было оружие, но только переворачивают все с

ног на голову. Всякий раз впереди дубины шел костыль. Ведь теперь люди стали рассказывать Анансины сказки, а потому думали о том, как добиться поцелуя или получить что-то задаром, будучи умнее или забавнее. Вот когда они начали творить мир.

— Но это же просто фольклор, — сказала она. — А его придумывали те, кто изучает, как появляются сказки.

— И что это меняет? — спросил пожилой джентльмен. — Предположим, Ананси просто герой сказки, придуманный в Африке на заре времен каким-то мальчишкой, вокруг ноги которого вьются мухи, который тычет концом костыля в землю и придумывает дурацкие истории про человека из смолы. Разве это что-то меняет? Люди реагируют на сказки, пересказывают их. И так сказки распространяются и, пока их рассказывают, меняют рассказчика. Ведь теперь те, кто думал лишь о том, как бы убежать от льва и держаться подальше от реки, чтобы крокодилы не получили дармовой обед, начинают мечтать о другом, новом месте. Мир, возможно, остался прежним, но обои-то изменились, верно? У людей по-прежнему все та же история, та, с которой они родились, живут всю жизнь, а потом умирают,

но теперь она значит кое-что иное, не то что раньше.

— Вы хотите сказать, что до появления историй Ананси мир был диким и варварским?

— В общем и целом.

Мэв понадобилось некоторое время, чтобы это переварить.

— Что ж, — весело сказала она наконец, — хорошо, что сказки теперь принадлежат Ананси.

Старик кивнул.

— Но разве Тигр не хочет их вернуть? — спросила вдруг Мэв.

— Вот уже десять тысяч лет как хочет.

— Но ведь он их не получит, правда?

— Ананси мертв, — сказал старик. — А «каспер» мало что может сделать.

— Учитывая, что я сама «каспер», слышать такие слова обидно.

— «Касперы» ведь не способны касаться предметов, или забыли?

Мэв задумалась.

— Так что же я могу потрогать? — спросила она.

На красивом старом лице мелькнуло выражение одновременно лукавое и распутное.

— Меня, например.

— Должна вам сказать, — с притворным возмущением объявила она, — что я замужняя женщина.

Его улыбка стала только шире. Это была ласковая и мягкая улыбка, столь же опасная, сколь и согревающая сердце.

— С точки зрения морали, в брачном обете есть оговорка: «пока смерть не разлучит нас».

На Мэв это не произвело впечатления.

— Дело в том, что вы нематериальная девушка. Вы способны касаться нематериального. Меня, например. Если хотите, пойдем танцевать. Тут есть одно местечко, сразу за углом. В том танцзале едва ли обратят внимание на пару «касперов».

Мэв поразмыслила. Она так давно не танцевала.

— А вы хороший танцор? — спросила она.

— Никто не жаловался, — улыбнулся пожилой джентльмен.

— Я хочу найти мужчину, живого мужчину по имени Грэхем Хорикс. Вы мне поможете?

— Бесспорно, я поведу вас в верном направлении. Так вы танцуете?

Уголки губ Мэв тронула улыбка.

— А вы приглашаете?

Костяные цепи, удерживавшие Паука на полу,

спали. Обжигающая и постоянная, как при воспалившейся надкостнице, боль, которая заполняла все его существо, начала отступать.

Поднявшись, Паук нерешительно сделал шаг вперед.

В небе перед ним появилась прореха, и он направился к ней.

Впереди он видел островок, а в центре его — гору. Он видел чистейшее голубое небо, качающиеся на ветру пальмы и белую чайку в вышине. Но прямо у него на глазах этот чудесный мир стал вдруг удаляться. Словно бы он смотрел на него в обратный конец телескопа. Мир съеживался и ускользал, и чем быстрее Паук бежал к нему, тем дальше он становился.

Вот он уже превратился в сверкающий камешек в луже воды, а после исчез совсем.

Паук же очутился в пещере. Все контуры казались четкими, много резче и четче, чем в любом другом месте, куда его раньше забрасывала судьба или прихоть. Это место было не от мира сего.

Она стояла на пороге пещеры, загораживая ему выход и путь к свободе. Он ее знал. Это была та самая женщина, которая сидела напротив него в подвальном греческом ресторанчике Южного Лондона, и изо рта у нее вылетали птицы.

— Знаешь, — начал Паук, — должен сказать, у тебя престранные представления о гостеприимстве. Если бы ты попала в мой мир, я бы приготовил тебе обед, открыл бутылочку вина, поставил бы музыку для расслабления и устроил бы тебе такой вечер, которого ты до конца жизни не забыла бы.

Ее лицо осталось бесстрастным — тем более что было высечено из черного камня. Ветер трепал полы старого бурого плаща. Тут она заговорила, и ее голос оказался высоким и одиноким, точно крик далекой чайки:

— Я забрала тебя. Теперь ты позовешь его.

— Позову его? Кого?

— Ты станешь блеять, — пообещала она. — Ты станешь скулить. Твой страх привлечет его.

— Пауки не блеют, — ответил он, сам не будучи уверен, что это правда.

Блестящие и черные, как осколки обсидиана, глаза смотрели на него не отрываясь. Они походили на черные дыры, не выдающие ничего, даже тени информации.

— Если ты убьешь меня, — сказал Паук, — я тебя прокляну. То есть на тебя перейдет мое проклятие.

А сам задумался, может, его и в самом деле кто-

то проклял? Интересно, передается ли проклятие как зараза? Скорее всего да, а если нет, то, уж конечно, его можно разыграть.

— Я тебя убивать не стану. Нет, я оставлю это другому.

Она подняла руку, и вдруг оказалось, что на месте пальцев у нее когти хищной птицы, и этими когтями она провела ему по лицу, по груди. Разрывая кожу, острия проникли в плоть.

Боли Паук не почувствовал, хотя и знал, что она вскоре придет.

Алые капли выступили у него на груди, закапали со скулы и подбородка. Глаза щипало. Собственная кровь попала ему на губы. Он чувствовал ее вкус, ее металлический запах.

— Теперь, — произнесла она криком далеких птиц, — начнется твоя смерть.

— Мы разумные существа, — возразил Паук. — Позволь предложить тебе более разумный сценарий, от которого мы оба получим немалую выгоду. — Эти слова он произнес с обаятельной улыбкой. Произнес с убеждением.

— Ты слишком много говоришь. — Она покачала головой. — Хватит болтовни.

А потом запустила коготь ему в рот и резким движением вырвала язык.

— Ну вот, — сказала она, а потом как будто сжалилась, потому что коснулась почти нежно лица Паука, и добавила: — Спи.

Он уснул.

Приняв ванну, мама Рози появилась посвежевшая, оживленная и определенно сияющая.

— Перед тем как отвезти вас в Уильямстаун, можно наскоро показать вам дом? — спросил Грэхем Хорикс.

— Нам нужно возвращаться на корабль, но все равно спасибо, — ответила Рози, которая так и не смогла убедить себя, что ей так уж сильно хотелось принять ванну в доме Грэхема Хорикса.

А мама глянула на часы.

— У нас есть ровно полтора часа, — сказала она. — До гавани не больше пятнадцати минут. Будь любезнее с хозяином, Рози. Мы с радостью посмотрим ваш дом, мистер Хорикс.

Поэтому Грэхем Хорикс показал им гостиную, кабинет, библиотеку, комнату с широкоэкранным телевизором, столовую, кухню и бассейн. Затем открыл дверку в кухне, за которой мог бы скрываться чулан, но за которой оказалась лестница вниз, и проводил своих гостий по деревянным ступенькам в выложенный камнем винный погреб. Он показал им стойки с бутыл-

ками, большую часть которых приобрел вместе с домом. Он провел их в дальний конец винного погреба, в голую комнатку, где в стародавние времена, когда еще не придумали холодильники, держали мясо. В леднике всегда было прохладно, с потолка свисали тяжелые цепи, а пустые крюки в стенах показывали, где некогда хранились туши. Грэхем Хорикс вежливо придерживал дверь, пока обе женщины не зашли внутрь.

— Ох, — сказал он вдруг, — только сейчас сообразил. Выключатель-то в винном погребе. Минутку.

На этом он захлопнул дверь и заложил засовы. Потом не спеша выбрал со стойки запыленную бутылку «шабли премьер крю» 1995 года.

Бодрым шагом Грэхем Хорикс поднялся наверх и дал знать троим слугам, что отправляет их в недельный отпуск.

Когда он поднимался в свой кабинет, у него возникло странное ощущение, будто что-то беззвучно ступает за ним следом на мягких лапах, но когда он обернулся, то ничего не увидел. Странно, но от этого ощущения ему стало уютнее. Он нашел штопор, открыл бутылку и налил себе бокал бледно-золотистого вина. Отпил глоток и, хотя раньше никогда не любил красные вина,

поймал себя на том, что ему хочется чего-нибудь потемнее и побогаче букетом. «Оно должно быть… — подумал Грэхем Хорикс. — Оно должно быть цвета крови».

Допивая второй бокал «шабли», он сообразил, что в своих злоключениях винит не того человека. Теперь он понял: Мэв Ливингстон — всего лишь жертва обмана. Нет, винить — бесспорно и несомненно — следовало Толстого Чарли. Если бы не его любопытство, не его преступное вторжение в компьютерную систему агентства, он, Грэхем Хорикс, сейчас не торчал бы на Сан Андреасе, не мучился бы в изгнании, как Наполеон на восхитительном, солнечном острове Эльба. Он не оказался бы в прискорбно затруднительном положении, когда в леднике для мяса у него заперты две женщины. «Будь здесь Толстый Чарли, — подумал он, — я бы горло ему зубами вырвал». Эта мысль потрясла его, но и возбудила. Да, с Грэхемом Хориксом шутки плохи.

Наступил вечер. Грэхем Хорикс стоял у окна, глядя, как «Приступ Писка» скользит к выходу из гавани, минует его дом на скале и уходит в закат. Интересно, когда на борту заметят, что двух пассажирок не хватает? Он даже помахал вслед лайнеру.

Глава двенадцатая, в которой Толстый Чарли кое-что делает впервые

Как и во всяком отеле, в «Дельфине» имелся консьерж. Это был молодой человек в очках, который сейчас читал роман в бумажном перелете с розой и пистолетом на обложке.

— Я ищу одного человека, — обратился к нему Толстый Чарли. — Здесь, на острове.

— Кого?

— Женщину по имени Каллианна Хигглер. Приехала из Флориды. Она давний друг моей семьи.

Молодой человек задумчиво закрыл книгу, потом, прищурившись, посмотрел на Толстого Чарли. Когда такое проделывают в романах, герой неизменно становится опасным и настороженным, но в реальности вид у молодого человека стал такой, словно он борется со сном.

— Это вы мужчина с лимоном? — спросил он.

— Что?

— Вы человек с лимоном?

— Да, наверное, я.

— Покажите-ка его, а?

— Мой лимон?

Молодой человек серьезно кивнул.

— Не могу. Он остался в номере.

— Но ведь вы и есть человек с лимоном?

— Вы в состоянии помочь мне найти миссис Хигглер? На острове вообще Хигглеры есть? У вас есть телефонная книга, которую я мог бы посмотреть? Я надеялся найти телефонную книгу в номере.

— Имя довольно распространенное, знаете ли, — сказал молодой человек. — Телефонная книга вам не поможет.

— И насколько же оно распространенное?

— Ну, — протянул молодой человек. — Например, я Бенджамин Хигглер. Вон ту девушку за стойкой портье зовут Эмерила Хигглер.

— А… Да. Уйма Хигглеров на острове. Понимаю.

— Она приехала на Музыкальный фестиваль?

— Что?

— Он уже неделю идет.

Консьерж протянул Толстому Чарли буклет, сообщавший, что на Музыкальном фестивале в Сан Андреасе даст сольный концерт Вилли Нельсон (отменено).

— Почему он отменил концерт?

— По той же причине, что и Гарт Брукс. Никто не поставил их в известность.

— Сомневаюсь, что она приехала на фестиваль. Но мне очень нужно ее разыскать. У нее есть кое-что, что мне жизненно необходимо. Послушайте, что бы вы сделали на моем месте?

Открыв ящик стола, Бенджамин Хигглер достал карту острова.

— Вы вот здесь, чуть к югу от Уильямстауна… — начал он, ткнув шариковой ручкой в карту.

От этой точки он начал рисовать план кампании Толстого Чарли: разделил остров на сегменты, которые под силу объехать за день на велосипеде, и крестиком пометил каждое питейное заведение и кафе. Каждую достопримечательность для туристов он обвел кружком.

Потом выдал Толстому Чарли напрокат велосипед.

И Толстый Чарли покатил на юг.

На острове имелись средства передачи информации, которых не ожидал увидеть Толстый Чарли, почему-то считавший кокосовые пальмы и сотовые телефоны взаимоисключающими. С кем бы он ни разговаривал: со стариками, игравшими в тени в дартс, с женщинами, у которых груди были как дыни, ягодицы как кресла и смех

как у пересмешников, с серьезной молодой дамой в туристическом бюро, с бородатым растаманом в вязаной шапочке цветов ямайского флага и некоем предмете одежды, напоминавшем шерстяную мини-юбку, — все одинаково реагировали.

— Это вы человек с лимоном?

— Пожалуй, что так.

— Покажите нам его.

— Он остался в отеле. Послушайте, я пытаюсь найти Каллианну Хигглер. Ей около шестидесяти. Американка. Вечно ходит с большой кружкой кофе.

— Никогда о такой не слышал.

Передвигаясь по острову, Толстый Чарли вскоре обнаружил, что пешеходов и велосипедистов здесь подстерегают неожиданные опасности. Основным транспортным средством тут служили микроавтобусы: нелицензированные, небезопасные и вечно переполненные, эти машинки носились по острову, гудя клаксонами и визжа тормозами, поворачивая за угол на двух колесах и полагаясь на вес пассажиров, дескать, он не даст им перевернуться. В первое же утро Толстый Чарли десяток раз рисковал попасть под один из них, и спасал его лишь бой барабанов и рокот бас-гитар из магнитол в каждом из микроавтобусов.

Вибрации барабанов и гитарных переборов он чувствовал желудком, и у него было достаточно времени, чтобы свернуть на обочину.

Да, конечно, толку от людей, с кем бы он ни заговаривал, было никакого, зато все относились к нему безусловно дружелюбно. В своей экспедиции на юг Толстый Чарли несколько раз останавливался налить питьевой воды в бутылку — и в кафе, и в частных домах. Все встречные были очень ему рады, даже если и не могли ничего сказать про миссис Хигглер. В отель «Дельфин» он вернулся к обеду.

На следующий день он поехал на север и через несколько часов, по пути в Уильямстаун остановился на вершине скалы, спешился и подвел велосипед к воротам роскошной виллы, стоявшей в стороне от прочих домов и выходившей окнами на залив. Он нажал кнопку интеркома и поздоровался, но никто не ответил. Толстый Чарли уже подумал, может, хозяев нет дома, но тут в верхнем окне шевельнулась гардина. К тому же на подъездной дорожке стояла большая черная машина.

Он снова нажал кнопку.

— Добрый день, — повторил он. — Просто хотел спросить, нельзя ли набрать у вас воды?

Ответа не последовало. Может, ему только показалось, что у окна кто-то стоит, ведь на острове ему то и дело что-то мнится? Например, сейчас ему казалось, что за ним кто-то следит, не из дома, а из кустов у обочины.

— Извините, что потревожил, — сказал он в динамик.

А после снова сел на велосипед и поехал дальше, ведь по пути в Уильямстаун наверняка встретится одно-два кафе или, может, другой дом, подружелюбнее.

От виллы на скалах шоссе шло под уклон, и Толстый Чарли как раз мирно катил, высматривая нужную вывеску, когда за спиной у него возникла черная машина и, прибавив скорость, понеслась прямо на него. Толстый Чарли слишком поздно сообразил, что водитель, наверное, его не заметил. Раздался скрежет, руль чиркнул по крылу машины, и Толстый Чарли с велосипедом кубарем покатился с крутого склона за обочиной. Черная машина не остановилась.

Падение Толстого Чарли задержал валун, и, ударившись коленкой, он сумел наконец подняться.

— Легко отделался, — пробормотал он вслух.

А так только руль у велосипеда искривился. Толстый Чарли втащил своего «железного ко-

ня» на шоссе, где низкие гитарные переборы предупредили о приближении микроавтобуса. Толстый Чарли отчаянно замахал, и микроавтобус остановился.

— Можно забросить велосипед в багажник?

— Нет места, — сказал водитель, но достал из-под сиденья несколько крепежных ремней, которыми привязал велосипед на крышу. Потом усмехнулся: — Вы, наверное, тот англичанин с лимоном?

— У меня нет его с собой. Я оставил его в отеле.

Толстый Чарли втиснулся в микроавтобус, где ухающие басы сложились — как это ни невероятно — в «Дым на воде» «Дип перпл». Толстый Чарли пристроился на сиденье рядом с женщиной, державшей на коленях курицу. Две белые девушки у него за спиной болтали о вечеринках, на которых были вчера вечером, и о недостатках того или иного временного бойфренда, коллекцию которых они собрали за время каникул.

Глянув случайно в окно, Толстый Чарли заметил черный «мерседес», возвращавшийся той же дорогой. На крыле у него была длинная царапина. Почувствовав себя виноватым, Толстый Чарли понадеялся, что руль не слишком повредил краску. Окна в машине были настолько затемнены,

что машина, казалось, ехала без водителя…

Одна из белых девушек тронула Толстого Чарли за плечо и спросила, не знает ли он, есть ли сегодня вечером на острове хорошие вечеринки, и, услышав в ответ «нет», начала рассказывать, как позапрошлой ночью была в пещере, которую хозяин оснастил плавательным бассейном, музыкальным центром и прочими причиндалами веселой жизни. В результате Толстый Чарли совершенно упустил из виду, что черный «мерседес» пристроился в хвост микроавтобусу, проследовал за ним по всему маршруту через Уильямстаун и назад и исчез только тогда, когда Толстый Чарли снял свой велосипед с крыши («В следующий раз прихватите с собой лимон, — напутствовал его водитель) и отнес его в вестибюль гостиницы.

Лишь тогда машина вернулась к дому на скале.

Осмотрев велосипед, консьерж Бенджамин сказал, мол, незачем волноваться, его починят, и завтра он будет как новенький.

Толстый Чарли поднялся в свой номер цвета подводного царства, где на комоде красовался — точно статуя маленького зеленого Будды — лимон.

— Помощи от тебя никакой, — сказал он лимону.

А вот это было нечестно. Это же был всего лишь лимон, и ничего особенного в нем не было. Он делал, что мог.

Истории — как паутины. Они связаны друг с другом нитями сюжетов, и каждую ты прослеживаешь до центра, потому что именно там — конец. Каждый человек — ниточка в истории.

Взять, скажем, Дейзи.

Дейзи не продержалась бы так долго в полиции, не будь у нее здравой практической жилки — как правило, остальные ее только и видели. Дейзи Дей уважала Закон. Она уважала правила. Она сознавала, что большинство этих правил совершенно произвольны: постановления, где можно парковаться, а где нет, например, или часы, в которые позволено работать магазинам, — но даже эти правила были в целом полезны, так как сохраняли общество, поддерживали его на плаву.

А вот сейчас ее соседка Кэрол считала, что она сошла с ума.

— Ты не можешь просто уехать, заявив, что собираешься в отпуск. Так не делается. Это не телешоу про копов, знаешь ли. Нельзя просто носиться по свету, охотясь на преступников.

— А я и не собираюсь, — возразила Дейзи. — Просто еду в отпуск.

Она сказала это так убедительно, что Разумная Полицейская на задворках ее сознания потрясенно замолкла, а потом принялась объяснять, как и чем именно она нарушает правила. Первой в перечне шла отлучка без разрешения, а это, бормотала Разумная Полицейская, равнозначно дезертирству…

И продолжала свой перечень проступков и укоров всю дорогу до аэропорта и весь перелет через Атлантический океан. А еще твердила, что даже если Дейзи удастся избежать нестираемой черной пометки в личном деле (не говоря уже о том, что ее вообще могут вышвырнуть из полиции), даже если она сумеет найти Грэхема Хорикса, то все равно ничего не сможет сделать. Полиция ее величества весьма неодобрительно смотрит на попытки похищения преступников на территории других государств, а ведь сомнительно, что удастся уговорить Грэхема Хорикса добром вернуться в Соединенное королевство.

Только когда Дейзи сошла с маленького самолетика, который привез ее на Сан Андреас с Ямайки, только когда в лицо ей ударил ветер острова — пахнущий землей и пряностями, влаж-

ный, почти сладкий ветер Сан Андреаса, только тогда Разумная Полицейская умолкла, перестав талдычить про чистейшее безумие, в которое она пустилась. И все равно так вышло только потому, что Разумную Полицейскую заглушил другой голос, который распевал: «Бойтесь, злодеи! Бойтесь! Спасайтесь! Бойтесь, злодеи!», и Дейзи зашагала в такт его песне. Грэхем Хорикс убил женщину в темном чулане за своим кабинетом, и ему это сошло с рук. Ба, да он сделал это практически под носом у самой Дейзи!

Сердито тряхнув головой, она забрала дорожную сумку, сообщила сотруднику паспортного контроля, что приехала в отпуск, и направилась к стоянке такси.

— В отель, пожалуйста, — сказала она водителю. — Не слишком дорогой, но и не в клоповник.

— Я знаю как раз то, что тебе нужно, золотко, — отозвался таксист. — Запрыгивай.

Открыв глаза, Паук обнаружил, что растянулся лицом вниз на песке, точнее — его так растянули. Руки были привязаны к большому вкопанному в землю шесту. Ногами он пошевелить не мог, как не мог и вывернуть шею, чтобы посмотреть, что там у него за спиной, но готов был поспорить, что ноги у него тоже стянуты веревками. Когда он за-

елозил, чтобы приподняться с земли и заглянуть назад, заныли раны.

Он открыл рот, и в пыль, размочив ее, стекла лужица темной крови.

Услышав какой-то звук, он насколько возможно вывернул голову. Сверху вниз на него с любопытством смотрела белокожая женщина.

— С вами все в порядке? Глупый вопрос. Посмотрите только, в каком вы виде! Вы, наверное, тоже «каспер». Я правильно поняла?

Паук задумался. Почему-то он сомневался, что он «каспер», а потому мотнул головой.

— Если вы «каспер», вам совершенно нечего стыдиться. Совершенно очевидно, что сама я «каспер». Раньше я такого выражения не слышала, но по дороге сюда познакомилась с очаровательным пожилым джентльменом, который мне все объяснил. Дайте-ка посмотрю, не могу ли я вам помочь.

Присев рядом с ним на корточки, она попыталась развязать веревки.

Ее рука прошла прямо сквозь него. Паук почувствовал, как ее пальцы завитками тумана погладили его кожу.

— Боюсь, я не могу вас коснуться, — сказала она. — Впрочем, это не так плохо: значит, вы еще

живы. Поэтому смотрите веселей.

Паук понадеялся, что странный призрак поскорее уберется. Ему и без этой болтовни трудно было собраться с мыслями.

— Как бы то ни было, стоило мне во всем разобраться, как я приняла твердое решение остаться на Земле, пока не отомщу моему убийце. Я объяснила это Моррису, это мой муж, он был на телеэкране в универмаге «Селфриджес», и он сказал, что, на его взгляд, я совершенно не понимаю, что значит оставить позади мирское. Но говорю вам, если кто-то думает, что я подставлю вторую щеку, его ждет ох какое разочарование. Да и вообще был уже ряд прецедентов. И уверена, представься мне случай, я еще как сыграю Банко. Что? Не понимаете? Я про ту сцену у Шекспира, где Макбет видит на пиру призрака. Вы говорить-то умеете?

Паук покачал головой, и собравшаяся в бровях кровь закапала ему в глаза. Глаза сразу защипало. Интересно, сколько времени понадобится, чтобы отрос новый язык? Прометею удавалось отращивать новую печень ежедневно, а Паук был уверен, что с печенкой мороки гораздо больше, чем с языком. Печень отвечает за химические реакции, там есть билирубин, мочевина, энзимы

и все такое. Там расщепляется алкоголь, а это само по себе — серьезная работа. А язык только говорит. Ну, конечно, еще и лижет…

— Я не могу тут вечно с вами болтать, — сказала вдруг светловолосая галлюцинация. — Думаю, мне предстоит еще долгий путь.

Она пошла прочь и на ходу тускнела. Паук поглядел, как она ускользает из одной реальности в другую — в точности как выцветает на солнце фотография. Он попытался позвать ее назад, но из горла вырвался лишь невнятный шум. Безъязыкий.

Где-то вдалеке раздался птичий крик.

Ему снова вспомнилась рассказанная Рози история о том, как ворон спас человека от кугуара. История царапалась и шебуршала у него в голове — ощущение похуже, чем от ран на лице и груди. «Надо сосредоточиться». Человек лежит на земле, читает или загорает. На дереве каркает ворон. В кустах прячется большая хищная кошка…

И вдруг составляющие истории сместились, и он все понял. Ничего, по сути, не изменилось. Все дело в том, как посмотреть.

Что, думал Паук, если птица кричала не для того, чтобы предупредить человека о хищнике? Что, если она кричала, дабы сказать кугуару, что

на земле лежит человек — дремлет, умирает или уже мертв. Тогда хищнику останется лишь прикончить человека. А ворон сможет полакомиться остатками…

Паук открыл рот, чтобы застонать, но оттуда потекла кровь и собралась густой лужицей на песке.

Реальность истончилась. Время в неведомом месте шло.

Безъязыкий, разъяренный, Паук поднял голову и извернулся посмотреть на призрачных птиц, с криками носящихся в вышине.

Интересно, куда его занесло? Это не вселенная Птицы с небом цвета меди или скисшего молока и не ее пещера, но это и не мир, который он раньше считал реальным. Однако это место гораздо ближе к реальному миру, настолько близко, что он почти чувствует его вкус или почувствовал бы, если бы ему не мешала железистая резь крови, настолько близко, что, не будь он привязан к шесту, мог бы его коснуться.

Не будь он твердо уверен в своей вменяемости, уверен до такой степени, которая обычно встречается только у тех, кто беспрекословно считает себя Юлием Цезарем, посланным спасти мир от адских полчищ, то решил, что сходит с ума.

Сперва он видел светловолосую женщину, утверждавшую, что она «каспер», теперь слышит голоса. По крайней мере один. Голос Рози.

— Не знаю, — говорил этот голос. — Я думала, это будет отпуск, я думала, что отдохну и развеюсь, но понимаешь, эти дети, у которых нет ничего… При виде их просто сердце разрывается. Им нужно так много…

А потом, пока Паук пытался определить, что же это все значит, она сказала:

— Интересно, сколько еще она собирается мокнуть в ванной? Хорошо еще, что тут много горячей воды.

Паук спросил себя, имеют ли слова Рози какое-то значение и не они ли ключ, который поможет выбраться ему из беды? Но тут же отмел эту мысль. Однако стал вслушиваться… Может, ветер принесет из того мира и другие слова. Если не считать волн, бившихся о камни где-то далеко внизу позади него, царила полная тишина. Но особая тишина. Как заметил однажды Толстый Чарли, есть множество разновидностей тишины. У могил одна тишина, у космоса — другая, у горных вершин — третья. Есть тишина охоты. Это тишина выслеживания. В такой тишине нечто мягко ступает на когтистых лапах, а под пуши-

стой шкурой перекатываются стальные мускулы. Нечто цвета теней в высокой траве. Нечто, готовое позаботиться, чтобы ты не услышал ничего, что оно не пожелало бы выдать. Как раз такая тишина колыхалась сейчас вокруг, надвигалась медленно и неизбежно и с каждым шагом становилась все ближе.

Когда Паук услышал эту тишину, волосы у него на загривке стали дыбом. Сплюнув кровь в пыль возле лица, он стал ждать.

А в доме на скалах Грэхем Хорикс мерил шагами комнаты. Он ходил из спальни в кабинет, оттуда вниз по лестнице на кухню, потом снова наверх в библиотеку, а оттуда — назад в спальню. Он злился на себя самого: как же он попал впросак, если счел встречу с Рози случайной? Эта мысль пришла ему в голову, когда загудел домофон, и, глянув на экран системы охраны, он увидел глупую физиономию Толстого Чарли. Ошибки быть не могло: это заговор.

Он прибег к методу тигра: сел в машину, уверенный, что без труда раздавит докучного негодяя. Если когда-нибудь обнаружат побитое о камни тело, то спишут на микроавтобус. К несчастью, он не учел, что Толстый Чарли едет так близко к обрыву. Грэхем Хорикс испугался поближе

подвести машину к краю и теперь горько об этом сожалел. Нет, Толстый Чарли специально послал к нему женщин, которые сейчас сидят в леднике, они — его шпионки. Они обманом проникли в его дом. Счастье еще, что он сумел разгадать их планы. Он с самого начала знал, что что-то с ними неладно.

Вспомнив про женщин, он сообразил, что забыл их покормить. Надо дать им что-нибудь поесть. И ведро. Через два часа сидения взаперти им, уж конечно, нужно ведро. Пусть никто не говорит, что он бесчувственная скотина.

На прошлой неделе он купил в Уильямстауне пистолет. Достать такое на Сан Андреасе довольно просто — такой уж это был остров. Но большинство местных просто не давали себе труда обзаводиться оружием — такой уж это был остров. Достав из прикроватной тумбочки в спальне пистолет, он спустился на кухню. Вынул из-под раковины пластмассовое ведро, бросил в него несколько помидоров, сырой батат, недоеденный кусок чеддера и пакет апельсинового сока. Затем (поздравив себя за заботу и предусмотрительность) прихватил рулон туалетной бумаги.

Потом спустился в винный погреб. И там, и в

леднике царила мертвая тишина.

— У меня пистолет, — громко сказал он. — И я не побоюсь им воспользоваться. Сейчас я открою дверь. Пожалуйста, отойдите к дальней стене, повернитесь и положите на нее руки. Я принес еду. Повинуйтесь, и обе выйдете отсюда целыми и невредимыми. Повинуйтесь, и никто не пострадает. А это значит, — продолжил он, радуясь, что может пустить в ход весь арсенал клише, которые до сих пор были непозволительны, — никаких выходок.

Он включил в леднике свет, потом отодвинул засовы. Стены ледника были отчасти из камня, отчасти из кирпича. С крюков в потолке свисали ржавые цепи.

Обе женщины стояли у дальней стены. Рози буравила взглядом камень. Ее мама, вывернув шею, смотрела через плечо прямо на него — словно попавшая в ловушку крыса, разъяренная и исполненная ненависти.

Грэхем Хорикс опустил ведро, но не пистолет.

— Отличная жратва, — сказал он. — И ведро — лучше поздно, чем никогда. Вижу, вы ходили в угол. Кстати, я принес туалетную бумагу. Не говорите, что я для вас ничего не делал.

— Вы ведь собираетесь нас убить, верно? —

спросила Рози.

— Не зли его, дурочка, — выплюнула, ее мама и, выдавив подобие улыбки, добавила: — Мы благодарны за еду.

— Конечно, я не собираюсь вас убивать, — сказал Грэхем Хорикс и, только услышав эти слова из собственных уст, признался самому себе: ну разумеется, их придется убить. Какие у него еще есть варианты? — Вы не говорили, что сюда вас послал Толстый Чарли.

— Мы приплыли на лайнере, у нас круиз, — сказала Рози. — Сегодня вечером нам полагается есть жареную рыбу на Барбадосе. А Толстый Чарли в Англии. Сомневаюсь, что он даже знает, куда мы поехали. Я ничего ему не говорила.

— Врите, сколько хотите, — ответил Грэхем Хорикс. — Пистолет-то у меня.

Захлопнув за собой дверь, он снова заложил засовы и услышал, как мама Рози говорит:

— А зверь? Почему ты не спросила его про зверя?

— Потому что ты его придумала, мама. Сколько раз можно тебе повторять? Нет тут никакого зверя. Да и вообще он не в своем уме. Он бы скорее всего с тобой согласился. Он сам, наверное, разговаривает с невидимыми тиграми.

Уязвленный такими словами, Грэхем Хорикс погасил им свет и, прихватив с собой бутылку красного вина, отправился наверх, с грохотом хлопнув за собой дверью в винный погреб.

В темноте под домом Рози разломила кусок сыра на четыре части и съела одну как можно медленнее.

— Что такое он говорил про Толстого Чарли? — спросила она маму, когда сыр растворился у нее во рту.

— Опять твой проклятый Толстый Чарли! Знать ничего про него не хочу! — отозвалась ее мама. — Это из-за него мы тут оказались.

— Нет, мы оказались тут, потому что Хорикс совершенно сумасшедший. Псих с пистолетом. И Толстый Чарли здесь ни при чем.

Она постаралась не думать про Толстого Чарли, потому что мысли о нем неизбежно влекли за собой мысли о Пауке…

— Он вернулся, — сказала тем временем ее мама. — Зверь вернулся. Я его слышала. Я чувствую его запах.

— Да, мама, — устало согласилась Рози.

Она сидела на бетонном полу и думала про Паука. Ей его не хватало. И вдруг решила: когда Грэхем Хорикс образумится и их отпустит, она

постарается его разыскать. Выяснит, возможно ли еще начать сначала. Она понимала, что это пустые мечты, зато они хоть немного поддерживали и утешали.

Интересно, убьет ли их завтра Грэхем Хорикс?

А на расстоянии огонька свечи от них на Паука охотился хищный зверь.

День перевалил за середину, и солнце висело низко.

Паук толкал взад-вперед что-то губами и носом. Пока это «нечто» не смочили его кровь и слюна, тут была только сухая земля. Теперь она превратилась в грязный шарик, в плотный ком красноватой глины. Он толкал и перекатывал его, чтобы сделать более-менее округлым. Потом подбросил, подсунув под него нос и дернув головой. Ничего не произошло, как не происходило сколько уже раз? Двадцать? Сто? Он не считал. Просто продолжал в том же духе. Он еще больше вжался лицом в землю, засунул нос под шарик из глины, дернул головой вперед и вверх…

Ничего не произошло. И не произойдет.

Нужно найти другой способ.

Подавшись вперед, он обхватил шарик губами. Насколько мог глубоко, вдохнул через нос. Потом выпустил воздух ртом. Шарик вылетел у него изо

рта, как пробка из бутылки шампанского, и приземлился на расстоянии восемнадцати дюймов.

Теперь Паук вывернул правую кисть. Руки у него были связаны в запястьях, веревка крепко притягивала их в сторону шеста. Он отвел кисть, вывернул. Пальцы потянулись к кому окровавленной земли, но коснулись его лишь кончики пальцев.

Так близко…

Паук снова сделал глубокий вдох, но глотнул пыли и закашлялся. Переведя дух, он попробовал, снова. Начал дуть в сторону шарика, изо всех сил выталкивая из легких воздух.

Глиняный шарик откатился — не более чем на дюйм, но и этого хватило. Осталось вытянуть пальцы…

И вот шарик у него. Он начал сжимать глину между средним и большим пальцами, потом повернул и повторил снова. И так восемь раз.

Затем опять повторил весь процесс, на сей раз сдавливая чуть сильнее и немного скручивая. Один из получившихся отростков отломился и упал в пыль, но остальные удержались. Теперь в руках у него оказался маленький шарик с семью лучами — так ребенок слепил бы из пластилина солнышко.

Паук осмотрел его с гордостью: в таких обстоятельствах любой гордился бы своим творением, как счастливый мальчишка, принесший домой из школы вылепленную фигурку.

А вот со словом придется помучиться. Изготовить паука или что-то, похожее на него, из крови, слюны и песка нетрудно. Боги, даже мелкие боги проказ вроде Паука, такое умеют. Но последний этап Творения окажется самым тяжелым. Чтобы дать чему-то жизнь, нужно слово. Нужно назвать свое творение.

Он открыл рот.

— Фрфрурррруррр, — произнес он безъязыко.

Ничего не случилось.

Он постарался снова.

— Ффрруррруррр!

Ком у него на ладони так и остался мертвой глиной.

Паук упал лицом в пыль. Он так измучен. От малейшего движения вскрывались раны на лице и груди. Из них сочилась кровь, они саднили и — что еще хуже — чесались. «Думай! — велел он самому себе. — Должен же быть какой-то способ…»

Как говорить без языка?..

На губах у него еще сохранился слой глины. Он

втянул его в себя, попытался, как смог, смочить, не облизывая.

Потом сделал глубокий вдох и выпустил воздух через сложенные в трубочку губы, произнося с такой уверенностью, что даже вселенная не осмелилась бы ему противоречить. Он давал имя существу у себя в руке и одновременно произносил свое собственное, которое, насколько он знал, было лучшей магией из всех:

— Фшпаффууфкфф.

И вдруг у него на ладони, там, где лежал кровавый комок, оказался жирный паук цвета красной глины с семью длинными хилыми ногами.

«Помоги мне, — подумал Паук. — Приведи помощь».

Паучок только смотрел на него поблескивающими на солнце глазками. Потом скатился с его ладони на землю и на неверных ногах, ковыляя и подпрыгивая, двинулся в траву. Паук следил за ним, пока он не скрылся из виду, потом опустил лицо в пыль и закрыл глаза.

Тут ветер переменился и принес аммиачный запах самца большой кошки. Хищник пометил свою территорию…

Паук услышал победное карканье птиц в вышине…

У Толстого Чарли урчало в животе. Будь у него лишние деньги, он пошел бы обедать в другое место, лишь бы убраться подальше из отеля, но учитывая, что теперь он практически на мели, а обеды включены в стоимость номера, то, как только большая стрелка часов подползла к семи, он спустился в ресторан.

У метрдотеля была роскошная улыбка. И эта метрдотель сообщила, что ресторан откроется через несколько минут: нужно дать оркестру время настроить инструменты. Потом она внимательно всмотрелась ему в лицо — Толстый Чарли уже научился узнавать этот взгляд.

— Вы?.. — начала она.

— Да, — ответил Толстый Чарли. — Он даже у меня с собой. — Он вынул из кармана и показал ей зеленый лимон.

— Очень симпатично, — отозвалась она. — У вас несомненно лимон. Но я собиралась спросить, хотите ли вы меню a la carte или предпочли бы фуршет?

— Фуршет, — сказал Толстый Чарли. Фуршет ведь бесплатный.

Он стоял в фойе перед рестораном, держа в руке зеленый лимон.

— Подождите минутку, — сказала метрдотель.

Из коридора позади Толстого Чарли вышла невысокая худенькая девушка и, улыбнувшись метрдотелю, спросила:

— Ресторан уже открыт? Умираю с голоду.

Тут раздались финальные «ур-ух-рур» бас-гитары и «блим» электрического пианино. Опустив инструменты, музыканты помахали из-за стеклянной двери метрдотелю.

— Открыт, — сказала она. — Входите.

Худенькая женщина воззрилась на Толстого Чарли с настороженным удивлением.

— Здравствуй, Толстый Чарли, — сказала она. — Зачем тебе лимон?

— Долгая история.

— У нас весь обед впереди, — откликнулась Дейзи. — Может, расскажешь?

Рози спрашивала себя, бывает ли безумие заразным. В кромешной тьме под домом на скалах она почувствовала, как мимо нее прошло что-то мохнатое. Что-то гибкое. Что-то огромное. И это что-то негромко зарычало, кружа вокруг нее и мамы.

— Ты слышала? — спросила она.

— Конечно, слышала, дурочка, — ответила мама. — Апельсинового сока не осталось?

Нащупав пакет с соком, Рози протянула его

маме. Раздались хлюпающие и глотающие звуки, потом мама произнесла:

— Зверь скорее всего нас не тронет. А вот его он точно убьет.

— Ты про Грэхема Хорикса? Да, скорее всего убьет.

— Он дурной человек. Что-то оседлало его как лошадь, но из него выйдет дурная лошадь, и человек он дурной.

Потянувшись, Рози взяла костлявую мамину руку в свою, но промолчала. Говорить-то было нечего.

— Знаешь, — сказала мама, помолчав, — я очень тобой горжусь. Ты была хорошей дочерью.

— О! — Мысль о том, что она маму не разочаровывала на каждом шагу, была совершенно новой, и Рози не знала как к ней относиться.

— Может, тебе стоило выйти замуж за Толстого Чарли, — продолжала мама. — Тогда мы бы тут не отказались.

— Нет, — возразила Рози. — Мне ни за что не стоило выходить за Толстого Чарли. Я его не люблю. Тут ты была совершенно права.

Где-то наверху хлопнула дверь.

— Он ушел, — сказала Рози. — Скорей. Пока его нет, давай рыть туннель.

Сначала она зашлась смехом, потом расплакалась.

Толстый Чарли силился понять, откуда на Сан Андреасе взялась Дейзи. А Дейзи прилагала такие же усилия, чтобы понять, как здесь очутился Толстый Чарли. И обоим не слишком удавалось. На небольшой сцене в конце зала певица в красном облегающем платье пела «Мне от тебя никуда не деться» (и делала это слишком хорошо для пятничной программы в заштатном ресторанчике).

— Значит, ты ищешь старушку, которая жила по соседству, когда ты был маленьким мальчиком, потому что она, вероятно, поможет отыскать твоего брата?

— Мне дали перо. Если оно еще у нее, вдруг мне удастся обменять его на брата? Попытка не пытка.

Дейзи задумчиво моргнула и поковыряла салат — слова Толстого Чарли ее явно не убедили.

— Ну а ты приехала на Сан Андреас в уверенности, что именно сюда сбежал Грэхем Хорикс после того, как убил Мэв Ливингстон. Но ты же здесь не как полицейская. Ты просто прилетела на свой страх и риск, в расчете на то, что он здесь. Но даже если ты его найдешь, ты ведь все равно ничего не сможешь сделать.

Дейзи смахнула с угла губ помидорное семечко, вид у нее стал явно смущенный.

— Да, я здесь не как полицейская, а как туристка.

— Но ты ведь только что бросила работу и прилетела сюда за ним! За это тебя могут выгнать с работы, или в тюрьму посадить, или еще что.

— Значит, мне на руку, что у Сан Андреаса ни с кем нет договоров об экстрадиции, верно? — сухо откликнулась она.

— О Господи, — пробормотал себе под нос Толстый Чарли.

Причиной этого «О Господи» стало то, что певица спустилась со сцены и с радиомикрофоном в руке стала обходить зал. В данный момент она спрашивала двух немецких туристов, откуда они родом.

— Но зачем ему приезжать сюда? — спросил Толстый Чарли.

— Конфиденциальность банковских счетов. Дешевая земля. Никаких договоров об экстрадиции. А может, он просто любит цитрусовые.

— Я два года до смерти его боялся, — признался Толстый Чарли. — Схожу-ка я еще за салатом из рыбы с зеленью. Тебе что-нибудь принести?

— Уже наелась, — ответила Дейзи. — Надо для

десерта место оставить.

Толстый Чарли двинулся к фуршетному столу, избрав окольный путь, лишь бы не попасться на глаза певице. Певица была очень красивой, а блестки на ее красном платье отражали свет и перемигивались. Она была много лучше оркестра. Толстому Чарли очень бы хотелось, чтобы она вернулась на сцену (ему понравилось, как она исполнила «День и ночь» и особенно задушевную «Ложку сахара») и перестала разговаривать с обедающими. Или по крайней мере с теми, кто сидит в его части зала.

Он положил в тарелку еще всякой снеди, которая понравилась ему в первый раз. Из катания по острову на велосипеде, решил он, следует как минимум одно: развивается зверский аппетит.

Когда он вернулся к столу, возле Дейзи сидел Грэхем Хорикс с рыжеватой порослью на подбородке и улыбался от уха до уха.

— А, Толстый Чарли, — неприятно хохотнул Грэхем Хорикс. — Поразительно, верно? Приезжаю поговорить с вами с глазу на глаз, и кого нахожу в качестве бонуса? Восхитительную полицейскую. Прошу, садитесь и не пытайтесь устроить сцену.

Толстый Чарли застыл как восковая кукла.

— Садитесь, — повторил Грэхем Хорикс. — У

меня в руке пистолет, а дуло прижато к животу мисс Дейзи.

Дейзи, в чьи глазах читалась мольба, кивнула, подтверждая его слова. Ее ладони были плотно прижаты к скатерти. Толстый Чарли сел.

— Пожалуйста, так, чтобы я мог видеть ваши руки. Прижмите их к столу, как она.

Толстый Чарли повиновался.

— Я всегда знал, что вы полицейский под прикрытием, Нанси, — объявил Грэхем Хорикс. — Провокатор, а? Устраиваетесь ко мне на работу, подставляете меня, обворовываете вчистую.

— Я никогда… — начал было Толстый Чарли, но, поймав взгляд Грэхема Хорикса, осекся.

— Вы считали, что умнее всех, — продолжал Грэхем Хорикс. — Думали, что я попадусь на удочку? Поэтому подослали мне тех двух, да? Ту парочку в доме? Вы думали, я поверю, что они действительно приехали в круиз? Еще не родился тот, кто меня облапошит. Кому еще вы рассказали? Кто еще знает?

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите, мистер Хорикс, — сказала Дейзи.

Певица заканчивала «Однажды»: голос у нее был богатый и блюзовый и вился вокруг слушателей как бархатный шарф.

Однажды
Ты по мне затоскуешь, мой милый,
Однажды
Тебе будет так одиноко.
Однажды
Ты затоскуешь по моим рукам,
По моим поцелуям…
Однажды…

— Вы сейчас заплатите по счету, — сказал Грэхем Хорикс, — а потом я провожу вас и вашу даму к машине. Затем мы поедем ко мне. Надо поговорить по душам. Малейшая глупость, и я пристрелю вас обоих. Capiche?[153]

Толстый Чарли усек. А еще сообразил, кто сидел за рулем того черного «мерседеса» и что сегодня сам он был на волосок от смерти. Он начал понимать, насколько же сбрендил Грэхем Хорикс и как мало у них с Дейзи шансов выбраться из этой передряги живыми.

Певица закончила. По всему ресторану раздались аплодисменты. Толстый Чарли держал руки на столе. Он смотрел мимо Грэхема Хорикса на певицу и правым глазом, которого Грэхем Хорикс

---

[153] notes: 153
Поняли? *(ит.)*

видеть не мог, ей подмигивал. Ей уже давно надоело, что с ней избегают встречаться взглядом, а потому подмигивание Толстого Чарли пришлось как нельзя кстати.

— Вполне очевидно, мистер Хорикс, — говорила тем временем Дейзи, — что я приехала сюда из-за вас, но Чарли просто…

Тут она умолкла, и на лице у нее возникла гримаска в точности такая, какую корчишь, когда дуло пистолета еще глубже утыкается тебе в живот.

— Слушайте меня, — сказал Грэхем Хорикс. — Ради собравшихся здесь ни в чем не повинных людей давайте вести себя как добрые друзья. Я сейчас уберу пистолет в карман, но целиться он все равно будет в вас. Мы встанем. Выйдем к моей машине. И я…

Он осекся. Завлекательно улыбаясь, к их столу приближалась женщина в красном с блестками платье с микрофоном в руке. И направлялась она прямо к Толстому Чарли, а в микрофон говорила:

— Как вас зовут, милый?

Микрофон она поднесла к лицу Толстого Чарли.

— Чарли Нанси, — ответил Толстый Чарли. Горло у него перехватило, голос дрогнул.

— Откуда вы, Чарли?

— Из Англии. И мои друзья тоже. Мы все из Англии.

Время остановилось. Так бывает, когда прыгаешь со скалы в океан. И выход только один. Сделав глубокий вдох, он произнес, что нужно:

— В настоящий момент я без работы, — начал он. — Но на самом деле я певец. Пою, понимаете ли. В точности как вы.

— Как я? И что же вы поете?

Толстый Чарли сглотнул.

— А что у вас есть?

— Как по-вашему, — обратилась она к паре за столом Толстого Чарли, — удастся уговорить его спеть для нас? — Она указала микрофоном на сцену.

— Э-э-э… Сомневаюсь. Нет. Абсо-ненно, исключается, — подал голос Грэхем Хорикс.

Дейзи, не отнимая рук от стола, пожала плечами.

Певица в красном платье повернулась к залу.

— Что скажем?

По остальным столам пробежал шорох вежливых хлопков и более пылкие аплодисменты официантов и барменов.

— Спой нам что-нибудь! — крикнул бармен.

Наклонившись к Толстому Чарли, певица прикрыла рукой микрофон:

— Пусть будет что-то, что ребята знают.

— «Под променадом на пляже» они знают? — спросил Толстый Чарли.

На это певица кивнула, объявила песню и протянула ему микрофон.

Оркестр заиграл, а певица повела Толстого Чарли на небольшую сцену, сердце у него в груди бешено билось.

Толстый Чарли запел, а зал стал слушать.

Он хотел лишь выиграть немного времени, но, поднявшись на сцену, почувствовал себя как дома. Никто ничем в него не бросал. И в голове — совсем не вата, а полно места для мыслей. Он отчетливо сознавал присутствие всех до единого людей в зале: и постояльцев отеля, и обслуги, и выпивох у барной стойки. Он видел все: как бармен отмеривает алкоголь в коктейль, как старушка в дальнем конце комнаты наливает в большую пластмассовую кружку кофе. Он попрежнему был сердит и напуган, но весь свой страх и весь свой гнев вылил в песню, а потом превратил ее в рассказ о любви и лени. И пока пел, думал.

«Что сделал бы сейчас Паук? — думал Толстый

Чарли. — Как поступил бы папа?»

— Под променадом… — пел он, — мы займемся любовью.

Певица в красном платье улыбалась и щелкала пальцами, а потом даже стала покачиваться в такт музыке. Наклонившись к микрофону у электрического пианино, она начала подпевать.

«Я и впрямь пою перед аудиторией! — удивился Толстый Чарли. — Ну надо же!»

Он не спускал глаз с Грэхема Хорикса.

Вступая с последним припевом, он поднял руки над головой и стал хлопать, и вскоре вместе с ним захлопал весь зал: обедающие и официанты, гости и повара, все, за исключением Грэхема Хорикса, чьи руки все так же прятались под скатертью, и Дейзи, чьи руки все так же вжимались в стол. Дейзи смотрела на него так, словно он не просто свихнулся, но еще и выбрал крайне неподходящее время для своей мании.

Аудитория хлопала, Толстый Чарли улыбался и пел и, пока пел, вдруг без тени сомнения понял, что все будет хорошо. Все для всех уладится: и для него с Пауком, и для Дейзи, и для Рози, где бы она ни была. Он знал, что сейчас сделает: совершит глупый и невероятный, идиотский поступок, но это сработает. И когда замерли последние ноты

песни, произнес:

— За столом, где я обедал, сидит одна прекрасная девушка. Ее зовут Дейзи Дей. Она тоже из Англии. Помашешь присутствующим, Дейзи?

Дейзи поглядела на него с отвращением, но все-таки подняла руку от стола и помахала.

— Я кое-что хотел сказать Дейзи. Она не знает, что именно это будет. — «Если это не сработает, — прошептал внутренний голосок на задворках его сознания, — она умрет. Это-то ты понимаешь?» — Но будем надеяться, она скажет «да». Дейзи? Ты выйдешь за меня замуж?

Воцарилась мертвая тишина. Толстый Чарли во все глаза смотрел на Дейзи, усилием воли заставляя ее понять, заставляя подыграть ему.

Дейзи кивнула.

Обедающие зааплодировали. Вот это шоу! К столу слетелись певица, метрдотель и несколько официанток, подняли Дейзи на ноги и потащили на середину танцпола. Они подвели ее к Толстому Чарли, и, когда оркестр заиграл «Просто позвонил сказать, что я тебя люблю», он ее обнял.

— У вас есть кольцо?

Толстый Чарли опустил руку в карман.

— Вот, — сказал он Дейзи. — Это тебе.

Потом обнял и поцеловал. Если кто-то и будет

убит, подумал он, то сейчас самое время. Быстро, слишком быстро поцелуй закончился, и все вокруг стали жать ему руку, хлопать по плечу и обнимать (один человек, заявивший, что приехал на Музыкальный фестиваль, даже всучил ему визитную карточку). И Дейзи оглушенно стояла с очень странным выражением на лице, сжимая подаренный им зеленый лимон. А когда он оглянулся на стол, за которым они сидели, Грэхема Хорикса там уже не было.

Глава тринадцатая, которая кое для кого плохо кончается

Теперь птицы разошлись не на шутку: кричали, каркали и верещали в кронах деревьев. «Идет», — подумал Паук и про себя выругался. Он вымотался, сил больше нет. У него ничего не осталось. Ничего, кроме усталости, ничего, кроме изнеможения.

Он думал о том, каково это — лежать на земле и чувствовать, как тебя пожирают. С какой стороны ни посмотреть, паршивая смерть. Сомнительно, что он вообще сумеет отрастить себе не то что печень, а хотя бы язык, да и вообще тот, кто охотится за ним, ни первой, ни вторым не ограничится.

Паук принялся раскачивать столб. Сосчитав до трех, он что есть мочи дернул разом на себя обе руки, чтобы они натянули веревки и потащили бы за собой столб, потом еще раз сосчитал и попробовал снова.

С тем же успехом он мог бы пытаться перетащить через шоссе гору. Раз, два, три… рывок! Раз, два, три… рывок! Раз, два, три… рывок!

Интересно, скоро ли появится зверь?

Раз, два, три… рывок! Раз, два, три… рывок!

Где-то кто-то пел — Паук ясно слышал песню про любовь и лень. И слушая ее, вдруг улыбнулся и поймал себя на мысли, что жалеет, что у него больше нет языка: он показал бы его Тигру, когда тот наконец соизволит явиться. Эта мысль придала ему сил.

Раз, два, три… рывок!

И шест поддался и шевельнулся у него под руками.

Еще рывок, и он вышел из земли — так же легко, как выходил меч из камня.

Подтянув к себе веревки, он схватил его за конец. Шест был футов трех высотой. Один его конец был заострен — чтобы легче вбить в землю. Онемевшими пальцами Паук стащил с рук петли, которые теперь бесполезно повисли у него на запястьях. Он взвесил шест в правой руке. Подойдет. И вдруг понял, что за ним наблюдают. Наблюдают уже давно, как кошка за мышкиной норкой.

Зверь явился в тишине или почти полной тишине, подобрался, как тень облака. Паук успел разглядеть лишь нетерпеливо бьющий по бокам хвост. В противном случае его можно было

принять за статую или за гору песка, которую причудливая игра теней превратила вдруг в чудовищную кошку, ведь шкура у него была цвета песка, а немигающие глаза — зелени моря посреди зимы. И у него была широкая, жестокая морда пантеры. На островах всех крупных кошек называют Тигр. А сейчас перед Пауком стояло воплощение всех крупных кошек, только крупнее, злее и опаснее.

Колени Паука все еще были спутаны, и он едва мог передвигаться. Кисти рук и ступни словно бы покалывало тысячью иголок. Он стал прыгать с ноги на ногу и попытался изобразить, будто делает это намеренно, будто это какой-то устрашающий танец, а не потому, что больно стоять.

Ему хотелось присесть и развязать веревку на коленях, но он не решался отвести глаз от зверя.

Шест был тяжелым и толстым, но слишком коротким, чтобы послужить копьем, слишком большим и неудобным, чтобы бросать как дротик. Паук держал его за заостренный конец и сейчас намеренно отвел взгляд, посмотрел на море, старательно не глядя на то место, где застыл хищник, и полагаясь на периферийное зрение.

Что она сказала? «Ты станешь блеять. Ты станешь скулить. Твой страх привлечет его».

Паук заскулил. Потом заблеял, как подраненный козлик, откормленный, потерявшийся и одинокий козлик.

Мазок песчаного, доля секунды, за которую и не распознать даже несущихся на него зубов и когтей. Паук замахнулся шестом, как бейсбольной битой, замахнулся изо всех сил и почувствовал, как с удовлетворительным, влажным стуком его оружие соприкоснулось с носом хищника.

Тигр застыл, уставился на него так, словно не верил собственным глазам, а после издал горловой звук, вопросительный рык, и ушел на негнущихся ногах туда, откуда явился, ушел в кусты с таким видом, точно его ждут на заранее условленной встрече, от которой — жаль, но никак не отвертеться.

Паук посмотрел ему вслед.

Потом сел и распутал веревки на ногах.

И нетвердым шагом отправился по краю скалы. Тропинка вилась, уходя вниз под слабым уклоном, вскоре ее пересек ручей, падавший с обрыва мерцающим на солнце водопадиком. Опустившись на колени, Паук сложил руки лодочкой и стал пить прозрачную холодную воду.

Потом начал собирать камни. Хорошие, надежные камни размером с кулак. Их он складывал в

кучку, как снежки.

— Ты почти ничего не ела, — сказала Рози.

— Лучше ты поешь. Тебе нужно сохранять силы, — ответила мама. — Я съела немного сыру. Этого хватит.

В леднике для мяса было холодно и темно. И не той темнотой, к которой могут привыкнуть глаза. Света не было вообще никакого. Рози обошла ледник по периметру, ведя пальцами по побелке, по влажной скале, по осыпающемуся кирпичу: искала хоть что-нибудь полезное и не нашла ничего.

— Раньше ты ела, — сказала Рози. — Когда папа был жив.

— Твой отец тоже ел, — возразила мама. — И посмотри, к чему это привело? К инфаркту в пятьдесят один год. Что это за мир?

— Но он же любил еду.

— Он все любил, — горько отозвалась мама. — Любил еду, любил людей, любил свою дочь. Любил готовить. Любил меня. И что ему это дало? Только раннюю смерть. Нельзя постоянно любить все подряд. Я же тебе говорила.

— Да, — согласилась Рози. — Наверное, говорила.

Она пошла на звук маминого голоса, держа руку

перед собой, чтобы не наткнуться лбом на какую-нибудь висящую посреди ледника ржавую цепь. Найдя костлявое плечо матери, она обняла ее.

— Я не боюсь, — сказала в темноте Рози.

— Тогда ты сошла с ума.

Отпустив мать, Рози снова вышла на середину помещения. Раздался внезапный треск. С потолка посыпались пыль и рассохшаяся штукатурка.

— Рози? Что ты делаешь?

— Раскачиваю цепь.

— Будь осторожна. Если крепеж не выдержит, ты и ахнуть не успеешь, как окажешься на полу с проломленной головой.

Не услышав ответа дочери, миссис Ной сказала:

— Я же говорила, ты сошла с ума.

— Нет, — возразила Рози. — Не сошла. Просто перестала бояться.

Где-то в доме наверху хлопнула дверь.

— Синяя Борода вернулся, — сказала мама Рози.

— Знаю. Я слышала, — ответила Рози. — И все равно не боюсь.

Люди все хлопали Толстого Чарли по спине и покупали ему коктейли с зонтиками. В дополнение к тому пришлось взять пять визиток у людей

из мира музыки, продюсеров и агентов, приехавших на остров ради фестиваля.

Все в зале ему улыбались. Он обнимал Дейзи за плечи и чувствовал, как ее бьет дрожь. Привстав на цыпочки и поднеся губы к самому уху Чарли, она прошептала:

— Ты совершенно сумасшедший. Тебе это говорили?

— Но ведь сработало.

Она только поглядела на него.

— Ты полон сюрпризов.

— Пошли, — ответил он. — Мы еще не закончили. — И направился к метрдотелю. — Прощу прощения… Тут была одна женщина. Когда я пел, она вошла, налила себе кофе из кофейника вон там, у бара. Куда она делась?

Метрдотель недоуменно пожала плечами.

— Не знаю…

— Нет, знаете, — не отступал Толстый Чарли.

Он чувствовал себя на коне. Он знал, что очень скоро вновь станет самим собой, но сейчас ему все по плечу: он ведь спел перед аудиторией, и ему это понравилось. Он рискнул, чтобы спасти жизнь Дейзи и свою собственную, и у него получились и песня, и спасение. Все дело в песне: пока он пел, ему все стало совершенно ясно. И до

сих пор было ясно. Он направился по коридору, и Дейзи с метрдотелем потянулись следом.

— Как вас зовут? — спросил он метрдотеля.

— Кларисса.

— Очень приятно, Кларисса. Как ваша фамилия?

— Наверное, нам нужно вызвать полицию, Чарли, — вмешалась Дейзи.

— Через минуту. Кларисса. А как дальше?

— Хигглер.

— И кем вы приходитесь Бенджамину? Консьержу?

— Он мой брат.

— И кем именно вы приходитесь миссис Хигглер? Каллианне Хигглер?

— Они мои племянники, Толстый Чарли, — сказала из вестибюля миссис Хигглер. — И вообще, думаю, сейчас лучше послушаться твоей невесты и поговорить с полицией. Как по-твоему?

Паук сидел, прислонясь спиной к скале у ручья, перед ним высилась горка камней для метания, а из высокой травы впереди широким шагом вышел человек. Он был голым, если не считать широкого куска песочного цвета меха вокруг пояса, сзади на этом «ремне» покачивался хвост. На шее у человека болталось ожерелье из зубов,

острых и белых, а за плечом висел мешок. Он небрежно приблизился к Пауку, словно просто вышел на утреннюю прогулку для моциона и встреча с Пауком оказалась для него приятным сюрпризом. Взяв из горки камень размером с грейпфрут, Паук взвесил его в руке.

— Привет, сын Ананси, — сказал незнакомец. — Я проходил мимо и увидел тебя и подумал, а вдруг могу чем-то помочь. — Нос у него был словно бы чуть свернут на сторону, вокруг расплывался синяк.

Паук только качнул головой. Ему так не хватало языка.

— Увидев, как ты тут сидишь, я подумал: бедный дитя Ананси, он, наверное, голоден. — Незнакомец широко, слишком широко улыбнулся. — Вот. У меня достаточно еды, чтобы с тобой поделиться.

Сбросив на землю мешок, он запустил правую руку внутрь и достал свежеубитого ягненка с черным хвостом. Поднял повыше за шею. Голова ягненка свесилась на сторону.

— Мы с твоим отцом много раз пировали вместе. Неужели есть причина, почему мы с тобой должны поступать иначе? Ты можешь развести огонь, а я освежую ягненка и приготовлю вертел,

чтобы его пожарить. Я прямо-таки чувствую вкус жареной ягнятины!

Пауку так хотелось есть, что кружилась голова. Будь у него язык, он, возможно, согласился бы, уверенный, что болтовней найдет выход из самого неприятного положения. Но языка у него не было. Левой рукой он подобрал второй камень.

— Так давай попируем и станем друзьями. Пусть не будет больше размолвок, — сказал незнакомец.

«А Стервятник и Ворон очистят мои кости», — подумал Паук.

Незнакомец сделал еще шаг к Пауку, который решил, что сейчас самое время бросить первый камень. Паук всегда гордился отменным глазомером и прекрасным броском, и камень ударил в точности туда, куда он рассчитывал, — в правую руку незнакомца. Незнакомец выронил мешок. Следующий попал в висок — Паук метил ровно между широко поставленных глаз, но незнакомец пытался увернуться.

Тогда незнакомец побежал со всех ног, и хвост у него за спиной был прям как палка. На бегу незваный гость выглядел то человеком, то зверем.

Когда он скрылся из виду, Паук встал и прошел несколько шагов забрать ягненка с черным

хвостом. Когда он достиг тушки, ягненок шевельнулся, и на мгновение Пауку показалось, что он еще жив, а потом он увидел, что по шкуре ползают черви. От туши несло, и трупная вонь помогла Пауку хотя бы ненадолго забыть про голод.

Держа на вытянутой руке, он отнес трупик к обрыву и выбросил в море. Потом вымыл руки в ручье.

Он не знал, сколько часов провел в этом месте. Время здесь растянулось и искривилось. На горизонте садилось солнце.

«Когда оно уйдет под воду, но до восхода луны… — подумал Паук. — Вот когда зверь вернется».

Неумолимо веселый офицер полиции Сан Андреаса сидел в дирекции отеля и слушал, как Дейзи и Толстый Чарли наперебой рассказывают о случившемся в Англии, а потом в ресторане, и делал это с безмятежной, равнодушной улыбкой на широком лице. Иногда он поднимал палец и чесал себе ус.

Они рассказали полицейскому, что скрывающийся от правосудия преступник по имени Грэхем Хорикс подсел к ним, когда они обедали в ресторане, и грозил Дейзи пистолетом. Которого, как им пришлось признать, никто, кроме Дейзи,

не видел. Толстый Чарли рассказал про инцидент с черным «мерседесом» и велосипедом, и нет, он на самом деле не видел, кто был за рулем. Но знает, откуда взялась машина. И сообщил полицейскому про дом на скалах.

Полицейский задумчиво погладил черные с проседью усы.

— Действительно, там есть такой дом, как вы описали. Однако он принадлежит не вашему Хориксу. Вы описываете дом Бейзила Финнегана, весьма респектабельного джентльмена. Уже много лет мистер Финнеган питает здоровый интерес к поддержанию закона и порядка на нашем острове. Он давал деньги на школы, но еще, что гораздо важнее, пожертвовал солидную сумму на строительство нового полицейского участка.

— Он пистолет мне к животу приставил! — вспыхнула Дейзи. — Он говорил, что, если мы не пойдем с ним, откроет стрельбу.

— Если это был мистер Финнеган, дамочка, — возразил полицейский, — уверен, всему найдется очень простое объяснение. — Открыв портфель, он достал стопку бумаг. — Вот что я вам скажу. Поразмыслите о случившемся. Поспите. Если наутро вы будете убеждены, что дело не в винных парах, то просто заполните эти бланки и завезите

все три экземпляра в участок. Поезжайте в новый полицейский участок, позади главной площади. Все знают, где он.

Пожав обоим руки, он удалился восвояси.

— Надо было тебе сказать, что ты тоже полицейская, — задумчиво произнес Толстый Чарли. — Тогда, возможно, он отнесся бы к нам серьезнее.

— Сомневаюсь, что от этого был бы толк, — отозвалась Дейзи. — Тот, кто называет женщину «дамочка», автоматически исключает ее из числа тех, кого стоит слушать.

Они вышли в вестибюль отеля.

— Куда она подевалась? — вскинулся Толстый Чарли.

— Тетушка Каллианна? — переспросил Бенджамин. — Ждет вас в конференц-зале.

— Ну вот, — сказала Рози. — Я же знала, что сумею, надо только раскачать.

— Он тебя убьет.

— Он в любом случае нас убьет.

— Не сработает.

— Мам! У тебя есть идея получше?

— Он тебя заметит.

— Перестань видеть все в черном свете, мама. Если у тебя есть какие-то дельные соображения,

пожалуйста, выскажи. А если нет, то побереги силы. Ладно?

Молчание. Потом:

— Могу показать ему попку.

— Что?

— Что слышала.

— Э-э-э… Вместо чего?

— В дополнение.

Молчание. Потом Рози сказала:

— Ну, во всяком случае, не помешает.

— Привет, миссис Хигглер, — сказал Толстый Чарли. — Я хочу получить назад перо.

— С чего ты взял, что твое перо у меня? — вопросила она, сложив руки на огромной груди.

— Мне сказала миссис Дунвидди.

Это как будто миссис Хигглер удивило — впервые.

— Луэлла сказала тебе, что перо у меня?

— Вот именно.

— Я взяла его на хранение. — Миссис Хигглер махнула на Дейзи кружкой кофе. — Не думаешь же ты, что я стану говорить при ней. Я ее не знаю.

— Это Дейзи. Ей вы можете сказать все, что сказали бы мне.

— Она твоя невеста, — проворчала миссис Хиг-

глер. — Я слышала.

Толстый Чарли почувствовал, как заливается краской.

— Она не моя… На самом деле мы не… Мне нужно было как-то освободить ее от человека, который угрожал ей пистолетом. Это показалось самым простым выходом.

Миссис Хигглер посмотрела на него внимательно, глаза за толстыми стеклами очков как будто блеснули.

— Я это поняла. Во время песни. Перед аудиторией. — Она покачала головой, как это делают старики, размышляя о неразумии молодых. Потом открыла сумочку, достала из нее конверт и протянула Толстому Чарли. — Я обещала Луэлле сохранить его.

Толстый Чарли вынул из конверта перо, основательно измятое в ту ночь, когда он, сам о том не зная, изо всех сил сжимал его во время сеанса.

— Ладно, — сказал он. — Перо. Замечательно. А что теперь? — Он повернулся к миссис Хигглер. — Что мне теперь с ним делать?

— Ты не знаешь?

Когда Толстый Чарли был маленьким, мама советовала ему считать до десяти и лишь потом выходить из себя. Вот и сейчас он неспешно со-

считал про себя до десяти и лишь потом вышел из себя.

— Разумеется, я не знаю, что с ним делать, глупая вы старуха! За последние две недели меня арестовали, я потерял невесту и работу, видел, как моего воображаемого брата поглотила на Пикадилли-серкус стена птиц. Я носился взад-вперед через Атлантический океан, как какой-нибудь сбрендивший шарик в пинг-понге, а сегодня вышел перед большим количеством людей и спел, потому что мой бывший босс-психопат прижал дуло пистолета к животу девушки, с которой я обедал. Я всего лишь пытаюсь разобраться в том хаосе, в который превратилась моя жизнь с тех пор, как вы — вы, а не кто-нибудь другой! — посоветовали мне поговорить с братом. Поэтому нет. Я не знаю, что мне делать с этим чертовым пером. Сжечь его? Порубить и съесть? Построить вокруг него гнездо? Выпрыгнуть в окно, держа перед собой?

Миссис Хигглер посмотрела на него как угрюмый ребенок.

— Следовало спросить у Луэллы Дунвидди.

— Сомневаюсь, что это возможно. Когда я к ней заезжал, вид у нее был неважнецкий. К тому же у нас мало времени.

— Отлично, — вмешалась Дейзи. — Перо у тебя. А теперь можно нам поговорить о Грэхеме Хориксе?

— Это не просто перо. Это перо, которое я получил в обмен на брата.

— Так обменяй назад и давай займемся делом. Не можем же мы так все оставить.

— Это не так просто, — возразил Толстый Чарли, но вдруг умолк: подумал о словах, которые сам только что произнес, и о ее ответе. И с восхищением посмотрел на Дейзи. — Господи, какая же ты умная! — вырвалось у него.

— Стараюсь. А что я такого сказала?

Четырех старушек под рукой не было, но имелись миссис Хигглер, Бенджамин и Дейзи. Обед почти закончился, поэтому метрдотель Кларисса с удовольствием к ним присоединилась. У них не было земли четырех разных цветов, но был белый песок с пляжа при отеле и черная земля с клумбы перед входом, красная глина из проулка за зданием и цветной песок в пробирках из сувенирной лавки. Свечи, которые они позаимствовали со столиков возле бассейна, были маленькими и белыми, а не высокими и черными. Миссис Хигглер заверила, что все нужные травы растут на острове, но Толстый Чарли попросил Клариссу

принести с кухни букет ароматических трав для бульона.

— Думаю, самое главное тут — вера в себя, — объяснил он. — Детали — вещь второстепенная. Важна атмосфера магии.

В данном случае атмосферу магии вовсе не помогал сгустить ни Бенджамин Хигглер, который то и дело оглядывал стол и разражался хихиканьем, ни Дейзи, которая постоянно напоминала, что весь ритуал несусветная чушь.

Миссис Хигглер бросила ароматический букет в миску с оставшимся после обеда белым вином. Потом начала гудеть и жужжать. Подстегивая остальных, она подняла руки, и вскоре они стали ей вторить — в целом звучание напоминало рой пьяных пчел. Толстый Чарли ждал, когда что-нибудь произойдет.

Ничего не происходило.

— Толстый Чарли, — подала вдруг голос миссис Хигглер. — Ты тоже гуди.

Толстый Чарли сглотнул. Бояться тут нечего, сказал он самому себе. Он же пел перед полным залом, он же прилюдно предложил руку и сердце женщине, которую едва знает. После такого гудеть — проще простого.

Он уловил ноту, которую издавала миссис Хиг-

глер, и дал ей вибрировать у себя в горле…

Сжал покрепче перо. Сосредоточился и загудел.

Бенджамин перестал хихикать. Его глаза расширились, на лице отразился испуг, и Толстый Чарли уже собрался перестать гудеть, чтобы выяснить, что его так встревожило, но жужжание было теперь внутри него, и свечи замигали…

— Посмотрите на него! — воскликнул Бенджамин, — Он… … Толстый Чарли спросил бы, что же с ним не так, но было уже слишком поздно.

Туманная завеса разомкнулась.

Толстый Чарли шел по мосту, по длинному белому пешеходному мосту над бескрайней серой водой. Чуть впереди, посреди моста на деревянном складном стульчике сидел мужчина. И удил рыбу. Глаза и лоб ему прикрывала зеленая фетровая шляпа. Он словно бы дремал и, когда Толстый Чарли приблизился, даже не шевельнулся.

Тем не менее Толстый Чарли его узнал и положил руку ему на плечо.

— Я так и знал, что ты все подделал. Никогда не верил, что ты по-настоящему мертв.

Человек на стульчике не двинулся с места, но улыбнулся.

— Много ты знаешь о смерти, — сказал Анан-

си. — Я мертв, мертвее не бывает. — Он с удовольствием потянулся, вытащил из-за уха тонкую черутту и прикурил от спички. — Ух. Я мертв. И на какой-то срок, пожалуй, таким и останусь. Если время от времени не умирать, люди начинают принимать тебя как должное.

— Но… — возразил Толстый Чарли.

Призывая к молчанию, Ананси приложил палец к губам, потом подобрал удочку и, крутя ручку, начал втягивать леску. Толстому Чарли он указал на сачок. Толстый Чарли за ним нагнулся и подставил отцу, который опустил в него бьющуюся серебристую рыбину. Ананси извлек из пасти рыбы крючок, потом бросил рыбину в белое пластмассовое ведро.

— Ну вот, — сказал он. — Обед на сегодня есть.

Тут до Толстого Чарли дошло, что, когда он сел за стол с Хигглерами, был поздний вечер, а здесь — где бы он ни очутился — солнце стояло низко, но еще не зашло.

Сложив стульчик, отец отдал его Толстому Чарли вместе с ведром. Они пошли по мосту.

— Знаешь, — сказал мистер Нанси. — Я всегда думал, что если ты когда-нибудь придешь со мной поговорить, я столько всякого тебе расскажу. Но ты и сам по себе неплохо справляешься. Так что

тебя сюда привело?

— Не знаю. Я пытаюсь разыскать Женщину-Птицу. Хочу отдать ей назад перо.

— Не следовало тебе связываться с такими людьми, — беспечно ответил отец. — От таких добра не жди. А она та еще птица. Сплошные обиды. Но она трусиха.

— Это из-за Паука… — начал Толстый Чарли.

— Сам виноват, — прервал ее отец. — Позволил старой перечнице отослать куда-то половину себя.

— Я был всего лишь ребенком. Ты-то почему ничего не сделал?

Ананси удочкой сдвинул шляпу на затылок.

— Старуха Дунвидди не смогла бы сделать с тобой ничего, чего бы ты сам ей не позволил, — сказал он. — Ты ведь мой сын.

Толстый Чарли это обдумал, потом спросил:

— Но почему ты мне ничего не сказал?

— Ты и так неплохо справлялся. До всего доходил своим умом. С песнями же ты разобрался, верно?

Толстый Чарли почувствовал себя еще более неуклюжим, еще более толстым и еще большим разочарованием для отца, чем когда-либо, но не ответил просто «нет», а только сказал:

— А ты как думаешь?

— Думаю, ты на верном пути. Самое главное в песнях — то, что они совсем как истории: ни черта не стоят, если их никто не слушает.

Впереди показался конец моста. Хотя никто ему этого не объяснял, Толстый Чарли почему-то понял, что это их последний шанс поговорить. Ему так многое нужно узнать, ему так многое хочется узнать.

— Пап… — начал он. — Когда я был ребенком… Почему ты меня унижал?

Лоб старика сошелся морщинами.

— Унижал? Да я тебя любил!

— Ты отправил меня в школу в костюме президента Тафта. Это ты называешь любовью?

Раздался пронзительный взрыв чего-то, что можно было принять за старческий смех, потом Ананси затянулся черуттой. Дым вылетел у него изо рта как призрачная рамка для реплики в комиксе.

— А что мне твоя мать за это устроила! — хохотнул он и, помолчав, добавил: — У нас не так много времени, Чарли. Неужели ты хочешь провести его, ссорясь?

Толстый Чарли покачал головой.

— Наверное, нет.

Мост уже почти кончился.

— Послушай, — сказал отец, — когда увидишь брата… Хочу, чтобы ты кое-что ему от меня передал.

— Что?

Подняв руку, отец наклонил к себе голову Толстого Чарли и мягко поцеловал в лоб.

— Вот это.

Толстый Чарли выпрямился. Отец смотрел на него со странным выражением, которое на лице любого другого Толстый Чарли счел бы гордостью.

— Покажи мне перо, — велел Ананси.

Толстый Чарли опустил руку в карман. Перо выглядело еще более мятым и растрепанным, чем раньше. Неодобрительно цокнув языком, отец посмотрел его на свет.

— Красивое, — сказал он. — Нельзя его было так обмусоливать. Она испорченное не возьмет.

Мистер Нанси провел рукой по перу, и оно снова расправилось. Но пожилой джентльмен снова нахмурился.

— Зачем стараться? Ты же только снова его испортишь.

Дыхнув на ногти, он потер их, полируя о куртку. Потом словно бы принял какое-то решение. Снял

шляпу и заткнул перо за ленту на тулье.

— Вот, щегольская шляпа тебе не повредит. — Он надел шляпу на голову Толстого Чарли. — Тебе идет.

— Я не ношу шляп, папа, — вздохнул Толстый Чарли. — Она выглядит глупо, и я в ней выгляжу полным идиотом. Почему ты всегда стараешься вогнать меня в краску?

В сгущающихся сумерках старик посмотрел на сына.

— Думаешь, я стал бы тебе лгать? Чтобы носить шляпу, сынок, нужно настроение, нужен подход, ни больше ни меньше. А в тебе это есть. Думаешь, я бы сказал, что тебе идет, если она была бы тебе не к лицу? Ты сама элегантность. Не веришь?

— Не особенно.

— Взгляни, — сказал отец и указал за перила моста.

Вода под ними блестела неподвижная и гладкая как зеркало, и человек в новой зеленой шляпе, посмотревший оттуда на Толстого Чарли, действительно был сама элегантность.

Он поднял глаза, чтобы признаться отцу, что ошибался, но старик уже исчез.

Толстый Чарли шагнул с моста в сумерки.

— Так. Я хочу знать, куда он подевался? Куда

пропал? Что вы с ним сделали?

— Я-то ничего не делала, — вздохнула миссис Хигглер. — Господи, дитя! В прошлый раз все было иначе.

— Его словно бы лазерным лучом вернули на корабль-матку, — сказал Бенджамин. — Круто. Спецэффекты реальности.

— Сейчас же верните его назад! — яростно выпалила Дейзи. — Немедленно!

— Я даже не знаю, где он, — ответила миссис Хигглер. — И не я его туда послала. А он сам отправился.

— И вообще, — вмешалась Кларисса, — что, если он отправился делать что нужно, а мы заставим его вернуться? Можем все испортить.

— Вот именно, — поддакнул Бенджамин. — Все равно что вытащить разведывательную экспедицию в момент высадки на чужую планету.

Подумав, Дейзи раздраженно признала, что это звучит разумно — как минимум настолько разумно, насколько вообще что-то за последние несколько дней казалось логичным или здравым.

— Если мы закончили, — сказала Кларисса, — мне, наверное, надо возвращаться в ресторан. Присмотреть, чтобы все как следует прибрали.

— У нас тут вроде все, — согласилась, отхлебнув кофе, миссис Хигглер.

— Прошу прошения. — Дейзи с силой хлопнула ладонью по столу. — У нас тут убийца ходит на свободе! А теперь еще и Толстого Чарли унесло на «корабль-манку».

— На корабль-матку, — поправил ее Бенджамин.

Миссис Хигглер моргнула.

— Действительно, нам следует что-то предпринять. Что ты предлагаешь?

— Не знаю, — призналась Дейзи. — Убивать время, наверное.

Взяв «Уильямстаунский курьер», который читала миссис Хигглер, она начала перелистывать страницы.

Заметка о пропавших туристках, женщинах, которые не вернулись на свой лайнер, нашлась на третьей странице. «Поэтому подослали мне тех двух, да? Ту парочку в доме? — произнес у нее в голове голос Грэхема Хорикса. — Вы думали, я поверю, что они действительно поехали в круиз?»

В конце концов Дейзи была полицейской, а это ничем не вытравить.

— Найдите мне телефон, — велела она.

— Кому ты собираешься звонить?

— Думаю, начнем с министра по туризму и шефа полиции, а там посмотрим.

Алое солнце, сжимаясь, уходило за горизонт. На острове, в том месте, где существует четкая линия между днем и ночью, Паук смотрел, как море поглощает красный апельсин солнца. Не будь он Пауком, то отчаялся бы. У него ведь были только камни и шест.

Он жалел, что нет костра, и спрашивал себя, поможет ли ему луна. Когда она взойдет, у него, вероятно, будет шанс.

Солнце село, пропал последний мазок красного на темной воде. Наступила ночь.

— Сын Ананси, — сказал голос из темноты. — Скоро, очень скоро я буду кормиться. Ты не узнаешь, что я здесь, пока не почувствуешь мое дыхание у себя на загривке. Я стоял над тобой, когда тебя привязали для меня к шесту, и прямо тогда мог перекусить тебе шею, но передумал. Убить тебя спящего не доставило бы мне удовольствия. Я хочу, чтобы ты чувствовал свою смерть. Я хочу, чтобы ты знал, почему я лишил тебя жизни.

Паук бросил камень туда, откуда, как ему казалось, исходил голос, — судя по звуку, он безобидно упал в кусты.

— У тебя есть пальцы, — продолжал голос, — но у меня есть когти, много острее ножей. У тебя — две ноги, а у меня — четыре, которые никогда не устают, и бежать я могу в десять раз быстрее, чем ты станешь улепетывать. Ты способен жевать мясо, если его размягчить и лишить вкуса на огне, ведь у тебя мелкие обезьяньи зубки, которые годятся только на то, чтобы жевать мягкие фрукты и ползучих зверьков. А мои клыки кромсают и рвут живую плоть, отдирают ее с костей, и я могу глотать ее, пока соки жизни еще бьют фонтаном в небо.

Тут Паук издал звук, какой можно издать и не имея языка, одними губами. Это было «хм» пренебрежения. «Возможно, ты и впрямь таков, как утверждаешь, Тигр, — говорило это «хм», — но что с того? Все сущие истории принадлежат Ананси. А о тебе в них ничего не рассказывается».

Из темноты раздался рев. Рев ярости и обманутых ожиданий.

Паук начал напевать без слов мелодию «Рэгги про тигра»: это была очень старая песня, которой хорошо дразнить диких зверей. «Держите того тигра. Где этот тигр?» — пелось в ней.

Когда из темноты снова раздался голос, он прозвучал ближе:

— Твоя женщина у меня, сын Ананси. Когда я покончу с тобой, я разорву ее на куски. Мясо у нее будет послаще твоего.

Паук издал переходящий в смешок «хм», так люди хмыкают, когда знают, что им лгут.

— Ее зовут Рози.

Из горла Паука вырвался невольный стон. В темноте кто-то рассмеялся.

— А что до глаз, — сказал голос. — Твои глаза видят только очевидное, при ярком свете, если тебе повезет. А у моего народа — глаза такие, что видят, как встают дыбом волоски у тебя на руках, когда я с тобой разговариваю, видят ужас у тебя на лице — и все это под покровом ночи. Бойся меня, сын Ананси, и если у тебя есть прощальная молитва, произнеси ее сейчас.

Молитв у Паука не было, зато имелись камни, и он умел их бросать. Может, ему повезет и камень нанесет хоть какой-то урон в темноте. Паук знал, что такое было бы чудом, но ведь он всю жизнь полагался на чудеса.

Он потянулся за вторым камнем.

Что-то скользнуло по тыльной стороне его ладони.

«Привет,» — произнес у него в голове голос глиняного паучка.

«Привет, — подумал Паук. — *Слушай, я немного занят. Стараюсь, чтобы меня не съели, поэтому не обижайся, но не путайся какое-то время под ногами…»*

«Но я же их привел! — подумал в ответ паучок. — *Как ты и просил.»*

«Как я и просил?»

«Ты сказал, чтобы я шел за помощью. Я привел их с собой. Они побежали по моей паутинке. В этой вселенной нет пауков, поэтому я пошел в другую и там сплел паутину, а после протащил ниточку сюда, и так несколько раз. Я привел воинов. Я привел храбрых.»

— Ну, что задумался? — спросил из темноты голос хищника, и прозвучало в нем извращенное веселье. — В чем дело? Язык проглотил?

Одинокий паук молчал. Пауки хранят тишину и предпочитают молчание. Даже те, кто умеет издавать звуки, обычно держатся как можно тише и выжидают. Пауки вообще по большей части выжидают.

Ночь понемногу наполнялась тихими шорохами.

Паук мысленно послал благодарность и отцовскую гордость семиногому паучку, которого сотворил из песка и собственных слюны и крови,

а паучок взбежал с ладони ему на плечо.

Даже не видя их, Паук знал, что они здесь: огромные пауки и маленькие пауки, ядовитые пауки и кусачие пауки, гигантские мохнатые пауки и изящные хитиновые. Их глаза вбирали любой свет, какой могли найти, но «видели» они ногами, ощупью создавая себе виртуальный образ мира вокруг.

И это была армия.

— Когда ты умрешь, сын Ананси, — снова заговорил из темноты Тигр, — когда род твой вымрет, все истории будут моими. И люди опять станут рассказывать Тигриные сказки. Станут собираться у костров и прославлять мои коварство и силу, мои жестокость и буйство. Каждая история будет моей. Каждая песня будет моей. И мир снова станет прежним. Безжалостным местом. Темным местом.

А Паук слушал шорохи своей армии.

Он не зря сидел на краю обрыва. Да, отступать ему некуда, но и Тигр не может наброситься, может только подкрасться.

И Паук рассмеялся.

— Чего ты хохочешь, сын Ананси? Лишился рассудка?

Но Паук только рассмеялся веселее и громче.

Тут из темноты раздался вой: Тигр познакомился с армией Паука.

Яд пауков встречается многих разновидностей. Часто проходит много времени, прежде чем проявятся все последствия укуса. Биологов давно ставит в тупик вопрос, откуда берутся такие пауки, от чьего яда кожа на укушенном месте вдруг начинает гнить и отмирать иногда год спустя после укуса. А ответ на вопрос, зачем пауки кусаются, прост. Потому что пауков это забавляет, потому что им хочется, чтобы укушенный никогда про них не забывал.

Черная вдова укусила Тигра за разбитый нос, тарантул ужалил в ухо. Уже несколько мгновений спустя все чувствительные места Тигра начало жечь, они распухли и стали чесаться. Тигр не мог понять, что происходит, только ощущал жжение и боль. И внезапный страх.

А Паук смеялся все веселее и громче, вслушиваясь в шум, который издавал огромный хищник, продираясь через кусты и ревя от боли и ужаса.

Потом он сел и стал ждать. Бесспорно, Тигр вернется. Ничто еще не завершилось.

Чуть ниже по склону холма возникло холодное зеленоватое свечение. Оно то вспыхивало, то гасло, мерцало, как огни крохотного города.

Потом мигание переросло в свет сотен тысяч светлячков. И в центре этого светового облака проступила силуэтом темная фигура. Как будто человек. Он неспешно, но неуклонно поднимался по склону.

Подняв камень, Паук призвал свои паучьи отряды к новой атаке. Но помедлил. Было что-то знакомое в окруженном светлячками силуэте. На голове у новоприбывшего красовалась зеленая фетровая шляпа с широкими полями.

Грэхем Хорикс прикончил полбутылки рома, который нашел на кухне. Ром он открыл, так как не испытывал ни малейшего желания спускаться в винный погреб и так как решил, что им напьется гораздо скорее, чем вином. К несчастью, этого не произошло. Ром не принес вообще никакой отрады, не говоря уже о том, что не притупил чувства, как на то надеялся Грэхем Хорикс. Он бродил по дому с бутылкой в одной руке и стаканом с жидкостью в другой, иногда отхлебывал из первой, иногда из второго. Проходя мимо зеркала, он увидел свое отражение: жалкий, встрепанный и потный.

— Приободрись, — сказал он вслух. — Наверное, обойдется. И в дурном можно найти хорошее. Дурное семя всегда даст всходы.

Ром почти закончился.

Он вернулся на кухню. Открыл несколько дверец, пошарил в шкафах, пока на одной полке за банками не нашел бутылку хереса. Грэхем Хорикс благодарно прижал ее к груди, словно это был очень маленький старый друг, недавно вернувшийся после многих лет, проведенных на море.

Отвернув пробку, он понюхал содержимое. Это было сладкое вино для готовки, но он выпил его как лимонад.

Разыскивая на кухне алкоголь, Грэхем Хорикс подмечал и другие вещи. Например, тут имелись ножи. Некоторые очень острые. В нижнем ящике была даже маленькая пила из нержавеющей стали. Грэхем Хорикс одобрил такую предусмотрительность: очень простое решение проблемы в подвале.

— Habeas corpus[154], — сказал он вслух. — Или habeas delicti[155]. В общем, то ли одно, то ли другое. Нет тела, нет и преступления. Ergo. Quod erat demonstrandum[156].

---

[154] notes: 154
Распоряжение о предоставлении арестованного в суд *(лат., юр.)*

[155] notes: 155
под грузом доказательств *(иск. лат.)*

[156] notes: 156
Следовательно. Что и требовалось доказать *(лат.)*

Достав из кармана куртки пистолет, он положил его на кухонный стол. Вокруг расположил — как спицы колеса вокруг ступицы — кожи.

— Ну, не будем откладывать в долгий ящик, — сказал он тоном, который приберегал для ничего не смыслящих в финансах мальчиковых групп, когда уговаривал их подписать с ним контракт и обрести славу, но не заработанные деньги.

Три кухонных ножа он заткнул себе за пояс, пилу положил в карман куртки и с пистолетом в руке стал спускаться по лестнице в подвал. Там зажег свет, моргая, посмотрел на винные бутылки (каждая лежит на боку в отведенной ей ячейке, каждая покрыта тонким слоем пыли) и через несколько шагов оказался перед железной дверью в ледник.

— Так, — крикнул он. — Думаю, вы будете рады услышать, что я не собираюсь причинять вам вред. Сейчас я вас обеих выпущу. Ошибочка вышла, но сейчас все уладилось. Я на вас зла не держу. Нет смысла рыдать над пролитым молоком. Встаньте у дальней стены. Примите ту же позу, что и в прошлый раз. И без глупостей.

Отодвигая засовы, он подумал, как хорошо, что для людей с пистолетами придумали сколько клише. От этого Грэхем Хорикс чувствовал свою

сопричастность великому братству: бок о бок с ним стояли Богарт и Кэгни, и все те, кто орет друг на друга в сериале «Копы».

Включив свет, он потянул на себя дверь. У дальней стены спиной к нему стояла мама Рози. Когда он переступил порог, она задрала юбку и повиляла перед ним на удивление костлявым загорелым задом.

У Грэхема Хорикса отвисла челюсть. В этот момент Рози с силой ударила ему по запястью куском ржавой цепи, выбив из руки пистолет, который отлетел к стене.

С пылом и меткостью женщины много моложе ее лет мама Рози ударила Грэхема Хорикса носком туфли в пах, а когда он, согнувшись пополам, схватился за ушибленное место и стал издавать звуки такой высоты, какую слышат только собаки и летучие мыши, Рози с мамой выбежали из ледника. Навалившись на дверь, они закрыли ее, и Рози задвинула один засов. Они обнялись.

Они все еще были в винном погребе, когда вдруг все лампы погасли.

— Просто пробки выбило, — сказала, успокаивая маму, Рози. Сама она в этом сомневалась, но иного объяснения не видела.

— Надо запереть дверь на оба засова, — сказала

ее мама и вдруг охнула, ударившись о что-то мизинцем на ноге, и выругалась.

— Это надо было делать при свете. Но, с другой стороны, — продолжала Рози, — он тоже в темноте ничего не видит. Держи меня за руку. Кажется, лестница вон там.

Когда погас свет, Грэхем Хорикс стоял на четвереньках на бетонном полу ледника. Что-то горячее стекало у него по ноге. На неприятное краткое мгновение он решил, что обмочился, а потом сообразил, что один из ножей, которые он заткнул себе за пояс, глубоко вонзился ему в бедро.

Решив не шевелиться, он опустился на пол. Как же разумно он поступил, так напившись: практически анестезия. А потом подумал, что надо бы поспать.

Но в леднике он был не один. Там бродило что-то еще. Точнее, не что-то, а кто-то, и двигался он на четырех лапах.

— Вставай, — зарычал кто-то.

— Не могу. Я ранен. Хочу в кровать.

— Ах ты, жалкая мелкая тварь. Ты разрушаешь все, к чему бы ни прикоснулся. Вставай сейчас же!

— Рад бы, но не могу, — разумным тоном пья-

ного возразил Грэхем Хорикс. — Просто полежу немного на полу. Да и вообще она наложила на дверь засов. Я слышал.

Тут он услышал слабое царапанье по ту сторону двери, словно засов медленно отодвигался.

— Дверь открыта. Слушай меня. Если ты останешься здесь, то умрешь. — Нетерпеливый шорох, взмах хвостом, приглушенный горловой рев. — Дай мне твою руку, поклянись в верности. Пригласи меня в себя.

— Не поним…

— Дай мне руку, иначе истечешь кровью.

В темном леднике для мяса Грэхем Хорикс протянул руку. Кто-то — что-то — взял ее, утешительно сжал.

— Ну, ты готов пригласить меня?

Тут на Грэхема Хорикса на мгновение снизошла холодная и трезвая ясность. Он уже зашел слишком далеко. Что бы он ни сделал, хуже теперь не будет.

— Абсо-ненно, — прошептал Грэхем Хорикс.

И стоило ему произнести эти слова, как он начал меняться. Мгновенная вспышка, в свете которой ему показалось, будто рядом с ним стоит что-то — крупнее человека и с острыми, очень острыми зубами. А потом оно исчезло, и Грэхем

Хорикс почувствовал себя великолепно. Кровь из раны в ноге унялась, сама рана закрылась.

Он прекрасно видел в темноте. Вытащив из-за пояса ножи, он бросил их на пол. Снял ботинки. У стены лежал пистолет, но он к нему не притронулся. Орудия — для обезьян, ворон и слабаков. А он не обезьяна.

Грэхем Хорикс — охотник!

Поднявшись на четвереньки, он, мягко переступая руками и ногами, вышел в винный погреб.

Вот они, женщины. Нашли лестницу наверх и ощупью поднимаются по ступенькам, держась за руки в темноте.

Одна — старая и жилистая. Другая — молодая и мягонькая.

Слюна собралась в пасти того, кто лишь отчасти был Грэхемом Хориксом.

Сдвинув на затылок зеленую фетровую шляпу отца, Толстый Чарли ступил с моста и пошел в темноту. Он шел по каменистому пляжу, оскальзываясь на камнях, шлепая по лужам. А потом наступил на плоский валун, который внезапно зашевелился. Едва не потеряв равновесие, Толстый Чарли отпрыгнул.

А плоский валун поднялся в воздух и стал вдруг расти. Сперва Толстый Чарли решил, что неве-

домое нечто будет размерами со слона, но оно никак не останавливалось.

«Свет!» — подумал Толстый Чарли и пропел это слово. И все светлячки в тех краях слетелись к нему, заливая окрестности холодно-зеленым мерцающим сиянием, и в их свете он разобрал два глаза больше обеденных блюд, которые смотрели на него с надменной физиономии рептилии.

Толстый Чарли уставился в ответ.

— Добрый вечер, — весело сказал он.

Голос у существа оказался вкрадчивым и гладким, как взбитое масло.

— Привет, — протянуло существо. — Динь-дон. Ты удивительно похож на обед.

— Я Чарли Нанси, — сказал Чарли Нанси. — А ты кто?

— Дракон, — ответил дракон. — И сожру тебя, человечек в шляпе, без остатка, но медленно.

Чарли моргнул. «Что бы сделал отец? — спросил себя он. — Что бы сделал Паук?» Откуда ему знать? «Давай же. В конце концов, Паук часть тебя. Все, что может он, сумеешь и ты».

— Э-э-э… Тебе наскучило со мной разговаривать, и ты дашь мне беспрепятственно пройти, — сказал он дракону со всей убежденностью, на какую только был способен.

— Ухты! Хорошая попытка. Но, боюсь, не дам, — с энтузиазмом отозвался Дракон. — На самом деле я тебя съем.

— Ты, случаем, лимонов не боишься? — спросил Толстый Чарли и только потом вспомнил, что подарил лимон Дейзи.

Магическое существо презрительно рассмеялось.

— Я, — сказало оно, — ничего не боюсь.

— Ничегошеньки?

— Ничегошеньки.

— Ты боишься исключительно ничегошеньки? — спросил Толстый Чарли.

— В полнейшем ужасе, — признался Дракон.

— Знаешь, у меня карманы полны ничегошеньки. Хочешь покажу?

— Нет, — встревоженно отозвался Дракон. — Пожалуй, не хочу.

Захлопали огромные, как паруса, крылья, и Толстый Чарли остался на пляже один.

— Слишком уж просто, — сказал он вслух и пошел дальше. На ходу он придумывал себе песню, под которую хорошо было бы шагать. Чарли всегда хотелось сочинять песни, но он никогда этого не делал, в основном из убеждения, что, если когда-нибудь напишет песню, его попросят

ее спеть, а для него уж лучше смерть на виселице. Теперь ему было все равно, и он пел свою песню светлячкам, которые следовали за ним вверх по склону. Это была песня о том, как он повстречает Птицу и найдет брата. Хотелось бы надеяться, что светлячкам песня понравилась, ведь их свет мерцал и пульсировал в такт мелодии.

Женщина-Птица ждала его на вершине холма.

Сняв шляпу, Чарли вынул из-за ленты перо.

— Вот. Думаю, это твое.

Она не шевельнулась, не попыталась его взять назад.

— Наша сделка отменяется, — сказал Толстый Чарли. — Я принес тебе перо. Мне нужен мой брат. Ты его забрала. Кровь Ананси не принадлежала мне, я не вправе был ее отдавать.

— А если у меня больше нет твоего брата?

В неверном мерцании светлячков трудно было сказать наверняка, но Чарли показалось, что ее губы даже не шевельнулись. Зато слова закружились вокруг него криками козодоев и уханьем сов.

— Мне нужен мой брат, — повторил он. — Я хочу, чтобы он вернулся целым и невредимым. Сейчас же. Или то, что было между тобой и моим отцом в прошлые годы, окажется лишь прелюди-

ей. Сама знаешь, увертюрой.

Чарли никогда никому раньше не грозил. Он понятия не имел, как будет исполнять свои угрозы, но не сомневался, что не тратит слов даром.

— Он был у меня, — произнесла она раскатами крика далекой выпи. — Но я оставила его, безъязыкого, в мире Тигра. Я не смогла причинить вред роду твоего отца. А вот Тигр сможет, если наберется смелости.

Все притихло. Лягушки и ночные птицы умолкли. Женщина-Птица смотрела на него бесстрастно, ее лицо почти терялось в тени, рука опустилась в карман плаща.

— Дай мне перо, — сказала она.

Чарли положил перо на ее раскрытую ладонь.

И сразу почувствовал себя много легче, словно расстался с чем-то большим, нежели просто старое перышко…

А потом она вложила что-то ему в руку. Что-то холодное и влажное. На ощупь оно было как ком плоти, и Чарли лишь большим усилием воли подавил в себе желание отшвырнуть его прочь.

— Верни его брату, — сказала она голосом ночи. — Теперь между нами нет ссоры.

— Как мне попасть в мир Тигра?

— А как ты попал сюда? — спросила она, почти

насмехаясь.

Тьма стала совершенной, и Чарли остался на холме один.

Разжав пальцы, он посмотрел на ком мяса у себя на ладони — вялый, остроконечный. Он походил на язык, и Чарли знал, кому он принадлежит.

Сдвинув широкополую шляпу на затылок, он подумал. «Пораскинь мозгами, а еще лучше надень „думательный колпак“». А на смену этой мысли тут же пришла вторая: ничего смешного тут нет. Зеленая фетровая шляпа — вовсе не «думательный колпак», но ведь такую шляпу носит тот, кто умеет не только мыслить, но и принимать решения.

Все миры он представил себе паутиной: нити вспыхнули у него в голове, соединяя со всеми, кого он знал. Нить, связывавшая его с Пауком, горела ярко, светилась холодным огнем, как гнилушка или звезда.

Когда-то Паук был частью его. Уцепившись за эту мысль, он дал паутине заполнить себя. В руке у него язык брата, который до недавнего времени был частью Паука и сейчас преданно желал снова с ним воссоединиться. Живое не забывает.

Мерцая, светилась вокруг него паутина. Нужно лишь пойти по одной из нитей… Он решительно

шагнул, и, сгрудившись ближе, светлячки последовали за ним.

— Эй, — позвал он. — Это я.

Паук издал слабый, жуткий звук.

В мерцании светлячков вид у него был ужасный: загнанный, больной, на лице и на груди — незажившие шрамы.

— Кажется, это твое, — сказал Чарли.

С утрированным жестом благодарности взяв у брата язык, Паук положил его себе в рот, подтолкнул и придавил. Чарли смотрел и ждал. Вскоре Паук как будто удовлетворился: для пробы подвигал челюстью, надавил языком на одну щеку, потом на другую, словно собирался бриться, открыл рот и поводил языком из стороны в сторону.

Наконец закрыл рот и голосом, еще чуть срывающимся, сказал:

— Отличая шляпа.

Рози первой добралась до верхушки лестницы и изо всех сил навалилась на дверь винного погреба. Дверь распахнулась, и Рози едва не упала в кухню. Подождав, когда мама переступит порог, она закрыла дверь и наложила на нее засов.

«Раз, два, три, четыре, пять, — подумала она, — вышел зайчик погулять…»

— Звони в полицию, — велела мама.

— Где телефон?

— Оттуда мне знать, где телефон? Хорикс все еще там, внизу!

— Ладно, — сказала Рози, недоумевая, что лучше: вызвать полицию или просто поскорее выбраться из дома, но еще до того, как она приняла решение, стало слишком поздно.

От внезапного грохота у нее заложило уши, и дверь в подвал разлетелась в щепы.

Он реальный. Она знала, что он настоящий. Он стоит прямо перед ней! Но это же невозможно… Тень огромной кошки, мохнатой, гигантской. Однако странно: там, где тени касался лунный свет, она казалась еще гуще. Глаз Рози не видела, но знала, что зверь смотрит на нее и что он голоден. И он собирается ее убить. Вот тут все и кончится.

— Ему нужна ты, Рози, — сказала мама.

— Знаю.

Рози схватила первый же большой предмет, который попался ей под руку (кубическую деревянную подставку для ножей), и изо всех сил бросила его в тень. А потом, не дожидаясь, чтобы узнать, попала ли она в цель, со всех ног бросилась вон из кухни в вестибюль. Она же знает, где входная дверь…

Что-то темное, что-то четвероногое двигалось много быстрее: перемахнув через нее, оно почти беззвучно приземлилось перед дверью.

Рози попятилась к стене. Во рту у нее пересохло.

Зверь загораживал от них выход и сейчас, мягко ступая, надвигался на Рози — будто владел всем временем в мире.

Тут из кухни выбежала мама Рози, пронеслась мимо нее — размахивая руками, засеменила в залитом лунном свете коридоре к огромной тени. Исхудалыми кулачками она ударила тварь под дых. Повисла пауза, будто сам мир затаил дыхание, а потом зверь повернулся к ней. Мгновенное, расплывающееся движение, и мама Рози оказалась на полу, а тень затрясла ее, как собака — тряпичную куклу.

Во входную дверь позвонили.

Рози хотела позвать на помощь, но вдруг поймала себя на том, что кричит — громко и настойчиво. Неожиданно наткнувшись на паука в ванной, Рози была в состоянии орать как актриса из фильма ужасов средней руки, которая в парке столкнулась с человеком в резиновой маске. Сейчас она заперта в темном доме вместе с тенью-тигром и потенциальным убийцей-маньяком, и

один из них (или возможно оба) как раз напал на ее маму. В голове у нее промелькнуло несколько возможных вариантов (пистолет: пистолет остался в подвале, нужно за ним спуститься; дверь: можно попытаться пробраться между мамой и тенью и ее отпереть), но легкие и рот только издавали крик — словно по собственной воле.

Что-то забилось о входную дверь. «Ее пытаются выломать, — сообразила Рози. — Но через дверь им сюда не попасть. Слишком массивная».

Мама лежала на полу в пятне лунного света, а над ней сидела тень. Вот тень запрокинула голову и взревела — глубоким, дребезжащим ревом страха, вызова и одержимости.

«У меня галлюцинации, — с безумной ясностью подумала Рози. — Я два дня провела запертая в подвале, и теперь у меня галлюцинации. Никакого тигра тут нет».

И она была совершенно уверена, что никакая бледная женщина не стоит в лунном свете. А ведь Рози своими глазами видела, как она пришла из коридора. Не было тут никакой женщины с золотистыми волосами, длинными-предлинными ногами и узкими бедрами танцовщицы. Подойдя к тени тигра, женщина остановилась и произнесла:

— Здравствуй, Грэхем.

Зверь-тень поднял массивную голову и зарычал.

— Думал спрятаться от меня за глупым маскарадом? Прикинуться животным? — возмутилась женщина. Вид у нее был недовольный.

Рози сообразила, что сквозь плечи и грудь женщины ей видно окно, и попятилась, пока не вдавилась спиной в стену.

Зверь снова заворчал, на сей раз чуть неувереннее, а женщина сказала:

— Я в призраков не верю, Грэхем. Всю жизнь, всю мою жизнь я провела, не веря в призраков. А потом познакомилась с тобой. Ты загубил карьеру Морриса. Ты нас обкрадывал. Ты меня убил. И как будто этого мало, ты заставил меня поверить в призраков.

Теперь тень большой кошки заскулила и стала отступать в коридор.

— Не думай, будто сможешь просто так от меня отделаться, ничтожный ты человечишка. Можешь сколько угодно делать вид, что ты тиф. Ты не тигр. Ты крыса. Нет, это оскорбление благородному и многочисленному семейству вредителей. Ты даже не крыса. Ты *ХОРЕК*.

Тут Рози бросилась бежать со всех ног. Она про-

бежала мимо зверя-тени, мимо мамы на полу. Она пробежала сквозь бледную женщину (ощущение было такое, словно она прошла сквозь туман). Достигнув входной двери, она стала нашаривать замки и запоры.

А в голове у Рози — или в неком ином мире — спорили двое. Один говорил:

— Не обращай на нее внимания, идиот. Она не может к тебе прикоснуться. Это же просто «каспер». Она даже не совсем реальна. Хватай девушку. Останови девушку.

А кто-то другой отвечал:

— Ты, конечно, здраво говоришь. Но я не уверен, что ты учел все обстоятельства, vis-d-vis, ну, такт, э-э-э… лучшая часть доблести, если понимаешь, о чем я…

— Я тут главный. А ты должен повиноваться.

— Но…

— Хотелось бы знать одно, — сказала вдруг бледная женщина. — Насколько ты в данный момент призрачный? Честно говоря, живых я коснуться не могу. И вещей в реальном мире тоже. Но вот призраков еще как!

Тут призрачная женщина замахнулась и изо всех сил попыталась ударить зверя в морду. Зашипев, хищник-тень отступил, и носок туфли не

задел его на каких-то полдюйма.

Следующий удар ногой пришелся в цель, и зверь взвыл. Еще один — в то место, где полагалось быть большому носу тени-кошки, — и хищник издал такой же звук, как домашняя кошка, когда ее намыливают шампунем: одинокий вопль ужаса и возмущения, поражения и позора.

Коридор заполнился смехом, победным и радостным смехом мертвой женщины.

— Хорек, — повторила она. — Грэхем Хорек.

Холодный ветер пронесся по дому.

Рози отодвинула последний засов и повернула ключ в замке. Входная дверь распахнулась. В лицо ей ударили слепящие лучи фонарей. Люди. Машины. Женский голос произнес:

— Это одна из пропавших туристок. — А еще: — О боже!

Рози повернулась.

В свете фонаря ей была видна мама, скорчившаяся на плитках пола, а рядом, без ботинок, без сознания, но, без сомнения, в человеческом облике — Грэхем Хорикс. Повсюду вокруг них — брызги красной жидкости, точно алой краски, и в первое мгновение Рози даже не смогла понять, что это.

К ней обращалась какая-то женщина, которая

говорила:

— Вы Рози Ной, да? Меня зовут Дейзи Дей. Давайте поищем, где бы вам сесть. Вам ведь хотелось бы сесть?

Кто-то, наверное, нашел щиток, потому что мгновение спустя по всему дому зажегся свет.

Над телами склонился крупный мужчина в форме полицейского.

— Это, без сомнения, мистер Финнеган, — сказал он, поднимая глаза. — Он не дышит.

— Да, — сказала Рози. — Мне бы очень хотелось сесть, пожалуйста.

Свесив ноги вниз, Чарли сидел рядом с Пауком на обрыве скалы под луной.

— Знаешь, — сказал он, — когда-то ты был частью меня, Когда мы были детьми.

Паук склонил голову набок.

— Правда?

— Думаю, да.

— Что ж, это кое-что объясняет. — Он протянул руку: семиногий паучок сидел у него на кончиках пальцев и лапой пробовал воздух. — И что теперь? Перенесешь меня назад или как?

Лоб Чарли сошелся морщинами.

— Кажется, ты вырос лучшим, чем был бы, оставаясь частью меня. И гораздо больше пове-

селился.

— Рози… — сказал вдруг Паук. — Тигр знает про Рози. Нужно что-то делать.

— Конечно, нужно, — согласился Чарли.

«Это как бухгалтерия, — подумал он. — Заносишь цифры в одну графу, вычитаешь их из другой, и если все сделал правильно, в конечном итоге сумма внизу страницы сойдется». Он взял брата за руку.

Встав, они сделали шаг с обрыва…

…все стало исключительно ярким…

Меж мирами завывает холодный ветер.

— Ты не магическая часть меня, знаешь ли, — сказал Чарли.

— Нет?

Паук сделал еще шаг. Звезды падали теперь десятками, расчерчивая светом ночное небо. Кто-то где-то сладко играл на флейте.

Еще шаг, и вдалеке завыли сирены.

— Нет, — кивнул Чарли. — Не магическая. Наверное, это миссис Дунвидди так считала. Она нас разделила, но так и не поняла, что делает. Мы — как две половинки морской звезды. Ты вырос в отдельную личность. И я, — уже произнося эти слова, он понял, насколько они истинны, — тоже.

Рассвет. Они стоят на скале у обрыва. Вверх по склону поднимается, мигая огнями, машина «скорой помощи», за ней спешит другая. Они остановились на обочине у кучки патрульных машин полиции.

Дейзи как будто отдает распоряжения, что кому делать.

— Здесь нам, кажется, делать нечего, — сказал Чарли. — Во всяком случае, сейчас. Пойдем.

Последний светлячок от него улетел и, моргнув, лег спать. На задних сиденьях первого утреннего микроавтобуса они поехали в Уильямстаун.

Мэв Ливингстон сидела в библиотеке на втором этаже дома Грэхема Хорикса, в окружении картин, книг и DVD-дисков хозяина, и смотрела в окно. Внизу санитары из единственной больницы острова грузили Рози и ее маму в одну машину «скорой помощи», Грэхема Хорикса — в другую.

По зрелом размышлении, решила Мэв, она получила удовольствие оттого, что врезала пару раз ногой по носу твари, в которую превратился Грэхем Хорикс. С тех пор как ее убили, этот поступок принес ей наибольшее удовлетворение. Хотя, если быть честной, танец с мистером Нанси почти наступал ему на пятки. Он оказался на редкость проворным и легким на ногу.

А еще она так устала…

— Мэв?

— Моррис?

Она оглядела комнату, но в библиотеке было пусто.

— Не хотелось бы тебе мешать, если ты еще занята, душенька.

— Очень мило с твоей стороны, но, думаю, я уже закончила.

Стены библиотеки начали расплываться, терять плотность и цвет. Вот уже проступил мир за этими стенами, и в его свете она увидела ждущую ее невысокую фигуру в элегантном костюме.

Ее пальцы легли в его руку.

— Куда мы пойдем, Моррис? — спросила она.

И он объяснил.

— О! Что ж, неплохо, ради разнообразия, — сказала она. — Мне всегда туда хотелось.

И рука об руку они пошли.

Глава четырнадцатая, в которой все нити находят логичное завершение

Чарли проснулся от стука в дверь и, не понимая со сна, где находится, огляделся по сторонам. Номер отеля. И в голове у него, как мотыльки вокруг голой лампочки, теснились невероятные события прошедших дней. Пока он пытался в них разобраться, ноги сами спустились с кровати и понесли его к двери. Он поморгал на схему, сообщающую, куда идти в случае пожара, пытаясь вспомнить, что же произошло прошлой ночью. Потом отпер дверь и потянул ее на себя.

На пороге стояла Дейзи.

— Ты спал прямо в шляпе? — спросила она.

Подняв руку, Чарли пощупал голову. Там определенно была шляпа.

— Да, — признался он. — Наверное, в ней.

— Господи! — вырвалось у Дейзи. — Хотя бы ботинки сумел снять. А ты знаешь, что пропустил все веселье вчера ночью?

— Пропустил?

— Почисти зубы, — желая помочь, предложила

она. — И смени рубашку. Да, пропустил. Пока ты был…

Тут она замялась. По правде говоря, казалось совершенно невероятным, что он исчез посреди сеанса. Такого просто не бывает. Во всяком случае, в реальном мире.

— Пока тебя не было, я заставила шефа полиции поехать в дом Грэхема Хорикса. Пропавшие туристки были у него.

— Туристки…

— Ну, помнишь, что он говорил за обедом? Про то, что мы подослали к нему двух, которые сейчас в его доме. Это были твоя невеста и ее мать. Он держал их в подвале.

— С ними все в порядке?

— Они обе в больнице.

— А…

— С твоей невестой, думаю, все будет хорошо, но ее мама в тяжелом состоянии.

— Да перестань ее так называть! Она не моя невеста. Она же разорвала помолвку!

— Верно. Но ведь ты этого не делал, так?

— Она меня не любит, — сказал Чарли. — Она влюблена в моего брата. А он в нее. А сейчас я почищу зубы, сменю рубашку и предпочел бы сделать это один.

— И душ принять тоже не мешало бы, — сказала она. — А то от тебя пахнет сигарой.

— Семейное наследство, — объяснил он, а после пошел в ванную и запер за собой дверь.

До больницы была всего минута пешком. В приемной они застали Паука, который сидел, держа растрепанный «Энтертейнмент уикли» с таким видом, будто действительно его читал.

Чарли тронул его за плечо, и Паук даже подпрыгнул, потом настороженно поднял глаза и, увидев брата, расслабился, но ненамного.

— Мне велели ждать здесь, — сказал он. — Потому что я не родственник и вообще никто.

— Тогда почему ты просто не сказал им, что ты и есть родственник? — в полном недоумении спросил он. — Или хотя бы врач?

Паук поглядел на него ошарашенно, ему явно было не по себе.

— Ну, такое нетрудно провернуть, если тебе все равно. Если не важно, что я сделаю или не сделаю, войти внутрь легко. Но сейчас мне не все равно и ужасно страшно… кому-то помешать или сделать что-то не так… Я хочу сказать… Что, если я попытаюсь, а мне откажут, а тогда… Что ты улыбаешься?

— Да так, — сказал Чарли. — Знакомо звучит.

Давай же. Пойдем поищем Рози. — Знаешь, — обратился он к Дейзи, когда они пошли по выбранному наугад коридору, — есть два способа ходить по больнице. Или ты выглядишь так, будто тебе тут самое место… Вот видишь, Паук, белый халат на крючке; как раз твоего размера, надевай!.. Или нужно выглядеть настолько не на месте, чтобы никому в голову не пришло жаловаться на твое присутствие. И сестры, и санитары тогда предоставят разбираться кому-то другому. — Он начал напевать себе под нос.

— Что это за песня? — спросила Дейзи.

— Она называется «Желтая птица», — ответил Паук.

Чарли сдвинул на затылок фетровую шляпу, и они вошли в палату Рози.

Сидя в кровати, Рози читала журнал, и вид у нее был обеспокоенный. Увидев новоприбывшую троицу, она встревожилась еще больше. Посмотрела сперва на Паука, потом на Чарли, потом снова перевела взгляд на Паука.

— Вы оба очень далеко от дома забрались, — сказала она.

— Нас всех далеко занесло, — ответил Чарли. — Ну, с Пауком ты уже знакома. Это Дейзи. Она из полиции.

— В этом я уже не уверена, — ответила Дейзи. — Скорее всего я попала не в один, а в несколько переплетов.

— Это тебя я видела вчера ночью? Ты заставила полицию острова приехать в тот дом? — Рози осеклась. — О Грэхеме Хориксе что-нибудь слышно?

— Он в реанимации, как и твоя мама.

— Ну, если она придет в себя раньше него, — сказала Рози, — то боюсь, прикончит его своими руками. — И добавила жалобно: — Мне ничего не говорят о состоянии мамы. Только твердят, что оно очень серьезное и что скажут, как только будут знать что-то определенное. — Она посмотрела на Чарли ясным взглядом. — Она не такая плохая, как ты думаешь, честное слово. Надо только узнать ее получше. У нас была уйма времени поговорить, пока мы сидели запертые в темноте. Правда, она не такая плохая. Тут она высморкалась и продолжала:

— Кажется, они сомневаются, что она выкарабкается. Напрямую мне не сказали, но вроде как дали понять без слов. Странно. Я-то думала, она переживет что угодно.

— И я, — согласился Чарли. — Я считал, что даже если случится ядерная война, на Земле

останутся только радиоактивные тараканы и твоя мама.

Дейзи наступила ему на ногу.

— Врачи уже установили, что причинило ей такой вред?

— Я им говорила. Там, в доме, был какой-то зверь. Может, всего лишь Грэхем Хорикс. То есть отчасти он был самим собой, отчасти кем-то другим. Она отвлекла его от меня, и он схватил ее…

Рози, как могла, объяснила все утром полиции острова, но о светловолосой женщине-призраке предпочла умолчать. Иногда разум под давлением сдает, и Рози решила, что лучше людям не знать, что и с ней вышло то же самое.

Рози умолкла. Она смотрела на Паука так, словно только что вспомнила, кто он.

— Я все еще тебя ненавижу, понимаешь?

Паук промолчал, но на лице у него возникло жалкое выражение, и он перестал походить на врача: теперь он был похож на человека, который позаимствовал чей-то висящий за дверью белый халат и беспокоится, как бы его не раскусили. А в тон Рози вкрались мечтательные нотки.

— Вот только… — начала она и, помолчав, продолжила: — Вот только когда я была в темноте, мне казалось, что ты мне помогаешь. Не

подпускаешь ко мне зверя. Что у тебя с лицом? Сплошные царапины.

— Зверь, — объяснил Паук.

— Знаешь, — сказала Рози, — теперь, когда вы стоите бок о бок, видно, что вы совсем не похожи.

— Я из нас красивый, — сказал Чарли, и Дейзи во второй раз наступила ему на ногу.

— Ей-богу! — пробормотала она и чуть громче добавила: — Чарли? Нам нужно кое о чем поговорить. Давай выйдем. Сейчас же.

Они вышли в коридор, оставив Паука в палате.

— В чем дело? — спросил Чарли.

— В чем дело что? — откликнулась Дейзи.

— О чем нам нужно поговорить?

— Ни о чем.

— Тогда что мы тут делаем? Ты же ее слышала. Она его ненавидит. Нельзя было оставлять их наедине. Она, наверное, сейчас убивает его голыми руками.

Дейзи поглядела на него с таким выражением, с каким Иисус посмотрел на человека, который объяснил ему, что у него скорее всего аллергия на хлебы и рыб, поэтому не мог бы Он сварганить салат с курицей: в ее взгляде мешались жалость и почти бесконечное сострадание.

Приложив палец к губам, она потянула его к двери. Он заглянул в палату: не похоже, чтобы Рози убивала Паука. Скорее уж напротив.

— О! — сказал Чарли.

Они целовались. Если назвать это так, вам простится, если вы решите, что это был обычный поцелуй: сплошь губы и кожа, ну, может, немного соприкосновения языками. Но вы не заметили, как он улыбается, как светятся у него глаза. А после, когда поцелуй закончился, он выпрямился, как человек, который только что открыл для себя искусство стояния на ногах и овладел им лучше, чем кто-либо сумеет за грядущие столетия.

Чарли снова оглянулся на коридор и обнаружил, что Дейзи беседует с несколькими врачами и полицейским, с которым познакомилась вчера вечером.

— Что ж, мы всегда считали его дурным человеком, — говорил Дейзи офицер полиции. — Откровенно говоря, такое поведение встречается лишь у иностранцев. Местные до такого просто не опускаются.

— Ну разумеется, — согласилась Дейзи.

— Очень. Очень благодарен, — продолжал он, хлопая Дейзи по плечу с таким видом, что она даже заскрипела зубами. — Эта дамочка спасла

женщине жизнь, — сказал он Чарли, хлопнув вдобавок по плечу и его тоже, а после удалился с врачами по коридору.

— Что тут стряслось?

— Грэхем Хорикс умер, — объяснила она. — Более или менее. И для мамы Рози как будто надежд уже нет. Так, во всяком случае, врачи говорят.

— Понимаю, — сказал Чарли и задумался. А когда кончил думать, принял решение: — Ты не против, если я чуток поболтаю с братом? Кажется, нам с ним надо поговорить.

— Я все равно собиралась возвращаться в отель. Проверю свою почту. Потом скорее всего придется много извиняться по телефону. Надо же выяснить, есть ли у меня еще карьера.

— Но ведь ты же героиня, так?

— Сомневаюсь, что мне платят именно за это, — не без тщеславия отозвалась она. — Приходи ко мне в отель, когда закончишь.

Паук и Чарли шли по залитой утренним солнцем главной улице Уильямстауна.

— Знаешь, а у тебя по-настоящему крутая шляпа, — сказал Паук.

— Ты правда так думаешь?

— Ага. Дашь померить?

Чарли снял и протянул Пауку зеленую фет-

ровую шляпу. Надев ее, Паук поглядел на свое отражение в витрине, но поморщился и отдал шляпу Чарли.

— М-да, — разочарованно протянул он. — Но на тебе смотрится.

Чарли сдвинул шляпу на макушку. Некоторые шляпы можно носить, только если готов щегольнуть, залихватски сдвигать их и идти пружинистой походкой, словно тебе всего один шаг до танца. Такие шляпы требуют многого, и Чарли был готов рискнуть.

— Мама Рози умирает, — сказал он вдруг. — А ведь она мне очень и очень не нравилась.

— Я не знаю ее так хорошо, как ты. Ну, уверен, что со временем тоже научусь ее очень, очень не любить.

— Надо попытаться спасти ей жизнь, верно? — сказал Чарли, но сделал это без особого энтузиазма, как человек указывающий, что пора посетить дантиста.

— Сомневаюсь, что мы на такое способны.

— Папа сделал что-то подобное для мамы. Сделал так, чтобы она ненадолго поправилась.

— Но то он. А я не знаю как.

— Есть одно место на краю света, — сказал Чарли. — Со многими пещерами.

— Это начало света, а не его край. И что с того?

— Может, просто отправимся туда? Без всяких там глупостей со свечками и травами?

Некоторое время Паук молчал, потом кивнул:

— Попробуем.

Они разом повернулись и направились в ту сторону, которой обычно не существует, и ушли с главной улицы Уильямстауна.

Солнце вставало, а Чарли с Пауком шли по заваленному черепами пляжу. Это были не настоящие человеческие черепа, но пляж они устилали как желтая галька. Чарли по возможности избегал на них наступать, а Паук, давя ногами, шел напролом. В конце пляжа они повернули налево («налево» относительно абсолютно всего на свете), и перед ними встали горы в начале мира, а вниз обрывались скалы.

Чарли вспомнил, как был тут в прошлый раз. Казалось, с тех пор промелькнула тысяча лет.

— Где все? — вслух спросил он, и скалы отразили его голос и отбросили назад эхом. — Эй? Привет! — громко позвал он.

И они возникли. Все возникли и все наблюдали. Все до единого. Сейчас они казались более величественными и дикими, больше животными, меньше людьми. Чарли сообразил, что в про-

шлый раз воспринял их как людей потому, что ожидал встретить людей. Но это были не люди. На скалах над ними с Пауком расположились Лев и Слон, Крокодил и Питон, Кролик и Скорпион, и все остальные. Их были сотни и сотни, и смотрели они неулыбчивыми глазами: знакомые Чарли животные и те, которых ни один живой человек не сможет распознать. Все животные, когда-либо встречавшиеся в историях, легендах и сказках. Все животные, которых люди видели во сне, о которых мечтали, которым поклонялись.

Чарли увидел их всех.

«Одно дело, — подумал он, — *петь, спасая свою шкуру в зале, полном обедающих. Броситься в омут головой, когда дуло пистолета приставлено к животу девушки, которую ты…*

Которую ты…

О!

Об этом, — решил Чарли, — *будем волноваться потом».*

В настоящий момент ему хотелось лишь одного: или подышать в коричневый бумажный пакет, как в самолете при посадке, или попросту раствориться в воздухе.

— Их тут, наверное, сотни, — с благоговением выдохнул Паук.

В вышине захлопали крылья, и из их биения на ближайшем валуне сложилась Женщина-Птица. Сунув руки в карманы плаща, она молча уставилась на них.

— Что бы ты ни задумал, — сказал Паук, — лучше поторапливайся. Они не станут ждать вечно.

— Ладно. — Во рту у Чарли пересохло. — Итак… э-э-э…

— Что, собственно, будем делать? — спросил Паук.

— Петь, — просто ответил Чарли. — Ведь так мы подталкиваем события, верно? Я догадался. Просто выпеваем события, вдвоем.

— Не понял… Что же нам петь?

— *ПЕСНЮ,* — сказал Чарли. — Поешь песню и этим исправляешь мир. — В его голос вкралось отчаяние. — *ПРИ ПОМОЩИ ПЕСНИ.*

Глаза у Паука стали как лужи после дождя, и в них Чарли увидел то, чего никогда не видел раньше: привязанность, быть может, и растерянность, но более всего просьбу о прощении.

— Я все равно не понимаю, о чем ты.

Из-за валуна за ними наблюдал Лев. С ветки высокого дерева — Обезьяна. А Тигр…

Чарли увидел Тигра. Он шел неуверенно, осторожно переставляя лапы. Морда у него распухла

и покрылась синяками, но глаза злобно поблескивали, и вообще вид был такой, словно он готов в любую минуту сравнять счет.

Чарли открыл рот, но оттуда вышло только сиплое кваканье, словно он недавно проглотил особо нервную лягушку.

— Не выйдет, — шепнул он Пауку. — И вообще глупая была мысль, да?

— Ага.

— Как по-твоему, а нельзя просто сбежать?

Нервный взгляд Чарли пробежал по склону горы и пещерам, по лицам сотен магических существ, появившихся на заре времени. Среди них был один, которого Чарли в прошлый раз не видел: невысокий человечек в лимонно-желтых перчатках и с тонкими, словно нарисованными карандашом усиками, вот только никакая фетровая шляпа не прикрывала редеющих волос.

Поймав взгляд Чарли, старик ему подмигнул. Набрав в грудь воздуху, Чарли начал петь.

— Я Чарли, — пел он. — Я сын Ананси. Слушайте мою песню. Историю моей жизни слушайте.

Он пел им про мальчика, который родился полубогом и которого разделила на две половины сварливая старуха. Он пел о своем отце. Он пел о своей матери. Он пел об именах и словах, об этих

«кубиках», из которых строится реальный мир, о песнях, способных творить миры, об извечных истинах, скрытых за привычным порядком вещей. Он пел о должном завершении своей истории и справедливом возмездии для тех, кто причинил вред ему и его близким.

Чарли выпевал целый мир.

Это была хорошая песня, и принадлежала она ему. Иногда в ней были слова, иногда — только шумы и звуки.

И пока он пел, все слушавшие его существа начали понемногу хлопать в ладоши, притоптывать ногами и подпевать, Чарли чувствовал, что через него льется Великая Песня, которая обвила и охватила собравшихся. Он пел о птицах, о магии, какую ощущаешь, когда, задрав голову, наблюдаешь их радостный полет, об отблеске света на оперении поутру.

Магические существа теперь танцевали — и у каждого был свой танец. Женщина-Птица танцевала круженьем стаи, расправляла хвостовые перья, вздергивала вверх клювы.

Лишь одно существо на склоне горы не желало танцевать.

Тигр бил хвостом. Он не хлопал в ладоши, и не танцевал, и не пел. По его лицу расползлись

бафовые синяки и следы от укусов. Неспешно крадучись, он спустился со скалы, пока не оказался совсем близко к Чарли.

— Песни не твои, — прорычал он.

А Чарли поглядел на него и стал петь про Тигра и Грэхема Хорикса, и про всех тех, кто мучает невинных. Не переставая петь, он повернулся и увидел, что Паук смотрит на него с восхищением. Тигр рассерженно взревел, но Чарли подхватил этот рев и вплел его в Песню. Потом взревел сам, в точности как это сделал Тигр. Вот только начался этот рев как тигриный, а после Чарли его изменил, превратив в дурашливый (как у диснеевского пса Гуфи), и все существа, которые смотрели на них со скалы, рассмеялись. Просто ничего не могли с собой поделать. Чарли снова издал дурашливый уморительный рев. Как любая пародия, как любая карикатура, он превращал предмет насмешки в нечто бесконечно нелепое. Отныне всякий, кто услышит рев Тигра, тут же вспомнит рев Чарли. «Какой дурашливый рев!» — станут говорить люди и боги.

Тигр повернулся к Чарли спиной и большими прыжками бросился прочь, и на бегу рычал и ревел, от чего толпа лишь смеялась еще сильнее. Бесконечно разъяренный, Тиф скрылся в своей

пещере.

Паук поднял руки и резко их опустил.

Послышался раскатистый грохот, и вход в пещеру Тифа завалило камнями. Паук с довольным видом осмотрел проделанную работу, а Чарли продолжал петь.

Он пел песню Рози Ной и песню ее мамы. Он пел долгую жизнь миссис Ной и все счастье, какого она заслуживает.

Чарли пел о своей жизни, о жизни своих родных и друзей, и эти песни сплетались в паутину, в которую попала муха.

Мелодией и припевами он завернул муху в кокон, сделал так, что ей уже ни за что не улететь, и залатал паутину новыми нитями.

И вот песня приблизилась к естественному концу.

К немалому своему удивлению, Чарли сообразил, что получил огромное удовольствие, и в то же мгновение понял, чем будет заниматься до конца своих дней. Он будет петь людям. Нет, не великие магические песни, которые творят миры и переиначивают мироздание. Это будут лишь маленькие песни, которые, пусть хотя бы на миг, сделают людей счастливыми, заставят их двигаться в такт и ненадолго забыть свои

заботы. А еще он знал, что страх останется с ним всегда, что страх сцены никуда не денется. Но Чарли понимал, что это — как прыгнуть в плавательный бассейн: неприятный холодок в первые несколько секунд, а после боязнь пройдет и все будет хорошо.

Разумеется, не *так* хорошо, как *СЕЙЧАС.* Так хорошо, как сейчас, никогда не будет. Но на его долю все равно хватит.

И вот он закончил. Чарли опустил голову, дав замереть последним нотам. Существа на горе перестали притоптывать, перестали хлопать в ладоши, перестали танцевать. Сняв зеленую фетровую шляпу отца, Чарли обмахнул лицо.

— Поразительно, — вполголоса пробормотал Паук.

— Ты бы тоже так смог.

— Сомневаюсь. Ну и каков конец сказки? Я почувствовал, как ты что-то сделал, но не мог бы сказать, что именно это было.

— Я все исправил, — ответил Чарли. — Для нас. Кажется. Я не совсем уверен…

И действительно не был уверен. Теперь, когда песня закончилась, ее магия быстро тускнела, как сон поутру. Он указал на заваленную пещеру.

— Это ты сделал?

— Ага, — отозвался Паук. — Решил, это самое малое, что я могу. Но рано или поздно Тигр прокопает себе дорогу наружу. Если честно, то даже жаль, что я не сделал чего похуже, чем просто захлопнуть за ним дверь.

— Не беспокойся, — ответил Чарли. — Я сделал. Кое-что гораздо хуже.

Он смотрел, как звери расходятся. Отца нигде не было видно, но это его не удивило.

— Пошли, — сказал он. — Надо возвращаться.

Паук отправился к Рози в часы посещений. Под мышкой он нес самую большую коробку шоколадных конфет, какая только нашлась в магазинчике при больнице.

— Это тебе, — сказал он, переступив порог.

— Спасибо. Да, знаешь, врачи сказали, что мама все-таки выкарабкается. Кажется, она открыла глаза и попросила овсянки. Врач сказал, это чудо.

— Разумеется! Твоя мать попросила еды. По-моему, это настоящее чудо.

Рози сердито шлепнула его по руке, но ее пальцы остались лежать у него на локте.

— Знаешь, — сказала она, помолчав, — ты, наверное, сочтешь меня дурочкой. Но там, в темноте, мне казалось, ты мне помогаешь. Я чув-

ствовала, как ты не даешь подобраться ко мне зверю. Если бы ты не сделал того, что сделал, он бы убил нас.

— Э-э-э… Может, я и помог…

— Правда?

— Не знаю. Я тоже попал в беду и думал о тебе.

— В большую беду?

— В ужасную.

— Налей мне воды, ладно?

Он послушался.

— Чем ты на самом деле занимаешься, Паук?

— Занимаюсь?

— Какая у тебя работа?

— Любая, какая придет в голову.

— А я, наверное, останусь тут ненадолго. Медсестры говорят, на острове не хватает учителей. Мне бы хотелось видеть, что от моих усилий что-то меняется.

— Возможно, даже повеселишься.

— Если бы я осталась, что бы ты сделал?

— О! Ну, если бы ты осталась, уверен, я бы нашел, чем заняться.

Их пальцы переплелись. Крепко. Как морской узел.

— Как по-твоему, у нас получится? — спросила она.

— Думаю, да, — серьезно ответил Паук. — А если ты мне наскучишь, я просто уеду и займусь чем-нибудь еще. Поэтому не волнуйся.

— Ах это! — отмахнулась Рози. — И не подумаю волноваться.

Она действительно не волновалась. Под мягкостью в ее голосе притаилась сталь. Не нужно гадать, от кого она ее унаследовала.

Дейзи нежилась в шезлонге на пляже. Сперва Чарли подумал, что она дремлет на солнышке, но когда на нее легла тень, она сказала:

— Привет, Чарли. — Но глаза не открыла.

— Как ты узнала, что это я?

— От твоей шляпы пахнет сигарами. Ты скоро от нее избавишься?

— Нет, — отозвался он. — Я же тебе говорил. Это семейное наследство. Я планирую носить ее до самой смерти, а после завещать детям. Ну… Тебя оставили в полиции?

— Более-менее, — ответила Дейзи. — Мой начальник сказал, что в Лондоне приняли решение, дескать, у меня нервное истощение из-за переработок, поэтому меня отправляют в отпуск по болезни до тех пор, пока я не сочту, что оправилась и готова вернуться.

— Э-э-э… И когда это случится?

— Не знаю. Передай мне масло для загара.

— Через минуту. — В кармане у него была коробочка. Достав, он положил ее на подлокотник шезлонга. — Э-э-э… знаешь, — сказал он, — все жуткие слова, от которых так конфузишься, я уже сказал, когда ты была под дулом пистолета. — Он открыл коробочку. — Но это тебе. От меня. Понимаешь, Рози мне его вернула. Но если оно тебе не понравится, можем обменять. Выбрать какое-нибудь другое. Скорее всего это даже не подойдет. Но оно твое. Если ты его примешь… и… м-м-м… меня.

Взяв коробочку, она вынула обручальное кольцо.

— Гм. Ладно, — сказала она. — Если, конечно, это не какая-нибудь хитрость, чтобы выманить у меня лимон.

Тигр беспокойно метался из стороны в сторону и раздраженно хлестал себя хвостом по бокам, расхаживая взад-вперед перед выходом из пещеры. Глаза его горели как изумрудные факелы в темноте.

— Целый мир и все в нем когда-то принадлежало мне, — бормотал Тигр. — Звезды и луна, сказки и солнце. Все было моим.

— Сдается, мой священный долг, — произнес

голосок из глубины пещеры, — указать, что ты повторяешься.

Застыв на месте, Тигр беззвучно повернулся и стал красться в глубь пещеры, двигаясь плавно, точно меховой ковер на гидравлических амортизаторах. У обглоданной туши быка он остановился и тихонько, вкрадчиво сказал:

— Прошу прощения?

Внутри туши что-то завозилось. Из грудной клетки высунулся кончик носа.

— Собственно говоря, — ответил голосок, — я, так сказать, с тобой соглашался. Ничего другого я и не делал.

Белые лапки оттянули тонкую полоску засохшего мяса между двух ребер, открывая маленького зверька цвета грязного снега. Это мог быть мангуст-альбинос или изворотливый хорек в зимней шкурке. Глаза у существа были, как у крысы или стервятника.

— Я уже наизусть знаю. Целый мир и все в нем когда-то принадлежало мне, — заверещал он. — Звезды и луна, сказки и солнце. Все было моим. — Он ненадолго замолчал, а потом добавил: — И снова бы стало моим.

Тигр злобно на него уставился. Потом, без всякого предупреждения опустилась могучая лапа,

разметав тушу на вонючие куски и придавив зверька к полу. Зверек завозился и заизвивался, но не сумел вывернуться.

— Ты жив… — прорычал Тигр, опустив морду, так что его гигантский нос почти касался крохотного носика зверька. — Ты жив лишь по моей милости. Понятно? Потому что в следующий раз, когда ты выведешь меня из себя, я откушу тебе голову.

— М-м-мф, — издал хорькоподобный зверек.

— Тебе ведь не понравится, если я откушу тебе голову, да?

— Ой! — выдавил зверек.

Глаза у него были бледно-голубые, как две льдинки, и блестели, пока зверек беспокойно елозил под гигантской лапой.

— Обещаешь быть паинькой? Обещаешь сидеть тихо?

— Крайне, — исключительно вежливо сказало грязно-белое существо, а после извернулось и запустило острые зубки в лапу Тигра.

Взревев от боли, Тигр махнул лапой, от чего зверек отлетел в сторону. Ударившись о потолок, он отпрыгнул на уступ, откуда грязно-белым мазком метнулся в самый конец пещеры, где потолок был таким низким, что почти смыкался с полом:

такие места — отличное укрытие для маленьких зверьков, здесь большой зверь его не достанет.

Тигр подобрался так близко, насколько позволял ему рост.

— Думаешь, я не умею ждать? — спросил он. — Рано или поздно тебе придется выйти. Я-то никуда не денусь.

Тигр лег, закрыл глаза, и вскоре пещеру огласил вполне убедительный храп.

Приблизительно через полчаса этого храпа белый зверек выполз из-под камней и, перебегая из тени в тень, направился к большой кости, на которой еще осталась уйма вкусного мяса — если, конечно, вам не мешает запашок тухлятины, а зверьку он не мешал. Однако, чтобы добраться до кости, нужно было пройти мимо Тигра. Выждав еще несколько минут, зверек рискнул сделать пару шажков.

И когда он проходил мимо спящего Тигра, взметнулась передняя лапа, и на хвост зверька упал, пригвоздив его к полу, острый коготь. Вторая лапа легла твари на загривок. Огромная кошка открыла глаза.

— Откровенно говоря, нам, по всей видимости, никуда друг от друга не деться, — тяжело роняя слова, произнес Тигр. — Я прошу лишь

приложить усилия. Мы оба должны постараться. Сомневаюсь, что мы когда-нибудь станем друзьями, но, возможно, научимся терпеть друг друга.

— Намек понял, — пискнул хорек. — Как говорится, против рожна не попрешь.

— Вот тебе и пример того, о чем я говорил. Тебе нужно научиться держать рот на замке.

— Нет худа без добра, — сказал зверек.

— Теперь ты снова выводишь меня из себя, — рявкнул Тигр. — Я же пытаюсь объяснить. Не зли меня, и я не откушу тебе голову.

— Ты все талдычишь: откушу тебе голову, откушу тебе голову. Когда ты употребляешь это выражение, его, наверное, следует понимать как «оторву голову»? То есть это метафора, подразумевающая, что ты станешь кричать на меня, возможно, даже сердито?

— Я откушу тебе голову. Раздавлю зубами. Прожую. Проглочу, — сказал Тигр. — Ни один из нас не может выйти отсюда, пока сын Ананси про нас не забудет. А поскольку тебя посадило сюда это отродье, то если я убью тебя утром, к вечеру ты скорее всего снова оживешь под каким-нибудь камнем в дальнем углу этой треклятой пещеры. Поэтому не зли меня.

— Да, конечно, — пискнул белый зверек. — Лад-

но. Что ни день…

— Если ты сейчас скажешь «то доллар», — взревел Тиф, — я выйду из себя, и последствия будут серьезные. Поэтому. Не говори. Ничего. Понятно?

В пещере на краю света ненадолго воцарилась тишина, которую наконец прервал вкрадчивый голосок:

— Абсо-ненно.

Он начал было говорить «о-у-у-у-ой!», но шум внезапно оборвался.

Не стало слышно ничего, кроме треска перемалываемых зубами костей.

Одного не пишут в книжках про гробы (ведь тем, кто их покупает, так гробы не продашь): на самом деле они довольно удобные.

Мистер Нанси своим был чрезвычайно доволен. Теперь, когда все веселье закончилось, он вернулся в свой гроб и уютно там задремал. Время от времени он просыпался, вспоминал, где находится, а после переворачивался на другой бок и засыпал снова.

Могила, как уже не раз говорилось, отличное место, а еще уединенное, и в ней великолепно отдыхается. Шесть футов под землей — лучше не бывает. Еще лет двадцать, решил мистер Нанси, а тогда подумаем о том, не пора ли вставать. Когда

начались похороны, он приоткрыл один глаз. Из могилы ему прекрасно было слышно… И Каллианну Хигглер, и ту дамочку Бустамонте, и третью, худышку, не говоря уже о большой орде внуков, правнуков и праправнуков — все они пели, и завывали, и выплакивали глаза по покойной миссис Дунвидди.

Мистер Нанси подумал было, не высунуть ли через дерн руку, чтобы схватить за коленку Каллианну Хигглер. Ему хотелось проделать нечто подобное с тех самых пор, как лет тридцать назад он посмотрел фильм «Кэрри». А теперь, когда представился случай, он поймал себя на том, что вполне способен устоять перед искушением. Честно говоря, ему просто было лениво. Она только завопит, у нее случится инфаркт, она помрет, а тогда проклятые Сады Успокоения станут еще более людными, чем сейчас.

Да и вообще, к чему трудиться? У него есть дела поважнее: надо лежать и видеть сны. «Через двадцать лет, — подумал он. — Может, через двадцать пять». К тому времени у него, наверное, уже появятся взрослые внуки. Всегда интересно посмотреть, какими вырастают твои внуки.

Он слушал, как у него над головой все завывает и завывает Каллианна Хигглер. А потом она вдруг

перестала рыдать и объявила:

— Тем не менее она прожила хорошую жизнь, к тому же долгую. Когда она ушла от нас, ей ведь было сто три года.

— Сто четыре! — произнес раздраженный голос из-под земли рядом с мистером Нанси.

Протянув нематериальную руку, мистер Нанси резко постучал по боку новенького гроба рядом со своим.

— Тихо, женщина! — рявкнул он. — Кое-кто тут пытается поспать!

Рози ясно дала понять Пауку, что ему полагается подыскать себе постоянную работу, такую, на которую нужно вставать утром и куда-то идти.

Поэтому однажды утром, за день до того, как Рози выписали из больницы, Паук встал рано и отправился в городскую библиотеку. Там он вошел в библиотечный компьютер, заскочил в Интернет и — очень тщательно — опустошил оставшиеся счета Грэхема Хорикса, которые полиция нескольких континентов еще не сумела найти. Он устроил так, чтобы в Аргентине продали племенной конный завод. Потом купил маленькую, уже существующую компанию, подарил ей все деньги и подал заявление о присвоении ей статуса благотворительного фонда.

Затем послал по электронной почте письмо от имени Роджера Бронштейна, в котором нанял адвоката управлять делами фонда и предложил, что адвокату, возможно, следует найти мисс Рози Ной, еще недавно проживающую в Лондоне, а в настоящее время отдыхающую на Сан Андреасе, и нанять ее Творить Добро с большой буквы.

Рози наняли. Первым делом она бросилась искать помещение для офиса.

Вслед за этим Паук четыре дня напролет провел, обходя пешком пляж (по ночам он спал прямо на песке), который тянулся вокруг почти всего острова, и в каждом встречном кафе и ресторане пробовал еду, пока не добрался до «Рыбной хижины Доусона». Там он попробовал жареную летучую рыбу, вареные зеленые смоквы, цыпленка с гриля и кокосовый пирог, а после прорвался на кухню, отыскал шеф-повара, бывшего также владельцем заведения, и предложил ему солидный куш за партнерство и уроки кулинарного мастерства.

Теперь «Рыбная хижина Доусона» — ресторан, а сам мистер Доусон ушел на покой. Иногда Паука можно встретить в зале, иногда на кухне за плитой: сходите, поищите и обязательно найдете. Кормят там — как нигде на острове. Он стал тол-

ще, чем был, хотя и не настолько, каким будет, если не перестанет пробовать все, что готовит.

Впрочем, Рози не против. Она немного преподает, чуть-чуть помогает людям и Творит много Добра, а если ей иногда не хватает Лондона, то она этого не показывает. А бот ее мама скучает по Лондону постоянно и громогласно, но любое предложение вернуться туда воспринимает как попытку разлучить ее с пока не родившимися (и если уж на то пошло, даже не зачатыми) внуками.

Ничто не принесло бы автору большего удовольствия, чем возможность сказать, что, побывав у порога смерти и вернувшись в мир живых, мама Рози стала новым человеком, благодушной женщиной, у которой для каждого найдется доброе слово, и что ее аппетит к еде способен сравниться лишь с ее аппетитом к жизни и ко всем радостям, которые она способна предложить. Увы, приверженность к истине требует предельной честности, а истина заключается в том, что из больницы мама Рози вышла в точности такой, какой была: такой же подозрительной и придирчивой, как и раньше, хотя она и стала гораздо слабее и старалась спать при свете.

Она объявила, что продаст квартиру в Лондоне

и переберется туда, куда бы ни отправились Паук и Рози, — лишь бы быть поближе к внукам. Но по мере того как шло время, она все чаще отпускала ехидные замечания о количестве и подвижности сперматозоидов Паука, регулярности и позициях в сексуальной жизни своей дочери и зятя и сравнительной дешевизне и простоте искусственного оплодотворения. И вскоре Паук стал всерьез подумывать о том, чтобы вообще не ложиться с Рози в кровать, лишь бы позлить ее маму. Такие мысли он питал ровно двенадцать секунд однажды после полудня, пока мама Рози показывала им ксерокопию статьи из журнала, в которой говорилось, что после секса женщине следует полчаса стоять на голове. А когда тем же вечером он упомянул про статью Рози, та рассмеялась и сказала, что ни ради кого не собирается вставать на голову, а маме в их спальню хода нет и не будет.

Теперь у миссис Ной квартира в Уильямстауне, неподалеку от дома Рози и Паука, и дважды в неделю одна из многочисленных племянниц Каллианны Хигглер заглядывает к ней, пылесосит, обмахивает метелкой стеклянные фрукты (восковые расплавились на островной жаре), готовит кое-какую еду и ставит ее в холодильник,

и иногда мама Рози ее ест, а иногда нет.

Чарли стал певцом. Мягкости в нем сильно поубавилось. Теперь это худощавый мужчина, и фетровую шляпу он носит беспрестанно — как отличительный знак. Фетровых шляп у него много и притом разных цветов, но любимая — зеленая.

У Чарли есть сын. Его зовут Маркус. Ему четыре с половиной года, и он отличается глубочайшей серьезностью, доступной лишь очень маленьким детям и горным гориллам.

Никто больше не зовет Чарли Толстым Чарли, и, честно говоря, иногда ему этого не хватает.

Было раннее летнее утро, уже рассвело. Из соседней комнаты доносился какой-то шум. Оставив Дейзи спать, Чарли потихоньку выбрался из кровати, схватил футболку и шорты, натянул их и, выйдя в гостиную, увидел, как его голый сын катает по полу деревянный поезд. Чарли помог ему одеться, нахлобучил на голову шляпу, и они спустились на пляж.

— Пап? — сказал маленький мальчик.

Губы у него были сурово сжаты, он, казалось, о чем-то размышлял.

— Что, Маркус?

— Кто был самым коротеньким президентом?

— Ты про рост?

— Нет. По… по дням. Кто был самым коротеньким?

— Гаррисон. Он подцепил пневмонию на церемонии вступления в должность и умер. Пробыл президентом сорок с чем-то дней и большую их часть умирал в собственном кабинете.

— О! А кто тогда был самым длинным?

— Франклин Делано Рузвельт. Отбыл три полных срока. И умер на посту во время четвертого. Тут мы снимем сандалии.

Положив сандалии на большой камень, они босиком пошли к набегающим волнам, и их пальцы глубоко вдавливались во влажный песок.

— Откуда ты столько знаешь про президентов?

— Потому что, когда я был ребенком, мой папа считал, мне будет полезно побольше про них узнать.

— А…

Они вошли в воду и добрались до валуна, который был виден, только когда вода стояла низко. Когда вода поднялась им по колено, Чарли подхватил мальчика и посадил его себе на закорки.

— Пап?

— Что, Маркус?

— П'туня говорит, ты знаменитый.

— И кто же эта Петуния?

— Девочка в детском саду. Она сказала, у ее мамы есть все твои диски. Она сказала, что любит, когда ты поешь.

— А…

— Так ты знаменитый?

— Не совсем. Ну, может, чуть-чуть. — Он ссадил Маркуса на валун и сам вскарабкался рядом. — Ладно. Готов спеть?

— Да.

— Что ты хочешь спеть?

— Мою любимую.

— Не знаю, понравится ли она ей.

— Понравится. — Маркус обладал непоколебимостью стен или даже гор.

— Ладно. Раз, два, три…

И они вместе спели «Желтую птицу», которая на этой неделе была у Маркуса любимой, а потом «Праздник зомби», которая была второй любимой, и «Она придет из-за горы», которая была третьей любимой. Глаза у Маркуса были получше, чем у Чарли, поэтому он заметил ее, когда они заканчивали «Она придет из-за горы», и замахал.

— Вон она, папа!

— Ты уверен?

В утренней дымке море и небо сливались в жемчужную белизну, и Чарли прищурился на

горизонт.

— Ничего не вижу.

— Она нырнула. Скоро появится.

В воде плеснуло, и она всплыла прямо под ними. Потянулась рука, хлопнул хвостовой плавник, блеснула чешуя. И вот она уже сидит на валуне рядом с ними, а серебристый хвост полощется в Атлантическом океане, подбрасывая капельки на чешую. У нее были длинные огненно-рыжие волосы.

Тогда они запели все вместе: мужчина, мальчик и Русалка. Они пели «Леди и бродяга» и «Желтую подводную лодку», а потом Маркус научил Русалку словам из заглавной песенки к «Флинтстоунам».

— Он напоминает мне тебя, — сказала Чарли Русалка. — Когда ты был маленьким.

— Ты меня тогда знала?

Она улыбнулась.

— Вы с отцом тоже приходили на пляж. Твой отец… красивый был мужчина. — Она вздохнула. Русалки умеют вздыхать лучше всех на свете. — Вам пора возвращаться. Скоро прилив.

Перебросив за спину длинные волосы, она ласточкой нырнула в воду. Перекувырнулась, всплыла и, приложив пальцы к губам, послала

Маркусу воздушный поцелуй и лишь потом скрылась в глубине.

Снова посадив сына на закорки, Чарли прошел по глубокой воде к пляжу, где мальчик соскользнул на песок. Сняв зеленую фетровую шляпу, Чарли надел ее на сына. Она была ему слишком велика, но он все равно разулыбался.

— Эй, — улыбнулся Чарли. — Хочешь кое-что покажу?

— Давай, но только поскорей. Я хочу завтракать. Оладьи хочу. Нет, овсяные хлопья. Нет, оладьи.

— Смотри.

Шаркая босыми ногами по песку, Толстый Чарли начал танцевать песчаный танец.

— Я тоже так могу.

— Правда?

— Вот увидишь, папа. И действительно мог.

Отец и сын вместе протанцевали всю дорогу до дома и пели песню без слов, которую придумывали на ходу, но которая еще покачивалась в воздухе даже после того, как они пошли в дом завтракать.